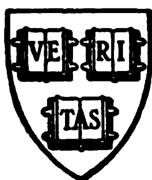

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 2.—Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го.

Въ составъ послѣдующихъ номеровъ, кромѣ продолженія начатыхъ статей, войдутъ уже имѣющіяся въ редакціи произведенія: **С. В. Ладова**, «Прекраса» (Ольга), истор. ром. изъ жизни сѣверныхъ славянъ X в.

Юлія Ардыи: Супружества Генриха VIII.

Ш....ва: Престолъ и Монастырь, историческ. повѣсть конца XVII в.

Д. Л. Мордовцева: 40-ые года въ истор. русск. народа.

Д. Павлова: Основныя эпохи въ исторіи Англіи.

П. П. Оглоблина: Описаніе путеш. Арсенія, архіепископа Элассонскаго по Россіи въ 1588.

П. А. Соколовскаго: Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ введеніемъ крѣпостнаго права.

П. Н. Петрова: Незнаешь—гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, историч. повѣсть.

В. И. Аскаріуса: Терентій гость, древне-новгородская былина.

Кюне: Виртенбергъ и Римъ монастырская хроника временъ реформаціи.

Изъ истор. матеріаловъ, доставленные **П. В. Калачевымъ**, статьи о народныхъ празнествахъ и театрѣ въ царствованіе Анны Іоановны и затѣмъ произведенія **Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. В. Калачева, Я. О. Галаванцкаго, Ю. Е. Афонасьева** и **Г. П. Данилевскаго**, по полученіи ихъ.

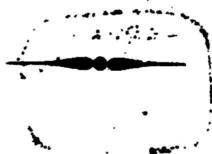
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 2.—Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Января 1878 г

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЮРЬМА

временъ Людвига XIV.

(Les Archives de la Bastille documents inédits, recueillis et publiés par M. François Ravaisson, Paris 1866—1873, 6 vol in 8°).

Монографіи касающіяся Бастиліи, а также тѣ свѣдѣнія о ней, которыя мы находимъ въ сочиненіяхъ Сисмонди, Мишлэ и Анри Мартена, далеко не раскрываютъ всей истины по той простой причинѣ, что документы проливающіе на нее полный свѣтъ до сего времени еще не были опубликованы. Старая монархія прежде всего искала безмолвія и мрака, полагая свою силу въ государственной тайнѣ и часто, карая преступниковъ, сама подобно имъ избѣгала дневнаго свѣта. Когда дѣло касалось какого либо важнаго лица или политическаго заточника, замѣшаннаго во внутреннія смуты, или дипломатическія продѣлки, Бастилія превращалась въ настоящую могилу. Ея губернаторы назначались изъ людей испытанной вѣрности и скромности; они относились прямо къ королю и вся ихъ переписка, всѣ административныя бумаги и акты, касающіеся заключенныхъ въ темницу, замыкались, также какъ и сами виновники, въ камерахъ съ толстыми стѣнами и массивными дверьми за тройными замками. Эти мрачныя бумаго-хранилища оставались

вплоть до 1789 г. закутанными въ каменные и желѣзные саваны и ничья другая рука, кромѣ губернаторовъ Бастиліи, не стряхала съ нихъ пыли. Но 10 Августа 1789 г. подъемный мостъ опустился передъ революціей и вооруженная чернь завладѣла старинной крѣпостью. Разжигаясь тѣми дикими инстинктами разрушенія, которые всегда безчестили во Франціи междоусобныя войны и народныя побѣды, она сокрушила всё и вызвала на божій свѣтъ эти стародавніе архивы, разбросавъ ихъ цѣлыми грудами во внутреннихъ дворахъ Бастиліи. Здѣсь кучами тлѣли они подъ дождемъ и вѣтромъ, запятнанныя виномъ волонтеровъ и расхищаемыя любителями коллекцій до тѣхъ поръ, пока городская дума не распорядилась перенесеніемъ ихъ въ С. Жерменское аббатство S. Germain-des-Prés. Тогда же было постановлено предать ихъ тисненію и приступить къ тщательному разбору этихъ бумагъ—обширный трудъ, которому, однакоже, не суждено было состояться вслѣдствіе разныхъ политическихъ причинъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, эти архивы перевезены были въ зданіе арсенала, гдѣ они оставались въ безпорядкѣ въ темномъ помѣщеніи верхняго этажа, куда съ трудомъ можно было проникнуть отъ тѣсноты и множества нагроможденныхъ бумагъ. Здѣсь то они были отрыты въ 1840 г. г. Франсуа Равессономъ, поступившимъ около этого времени на службу въ Парижскую библіотеку.

Съ тѣхъ поръ г. Равессонъ всѣ свои знанія, все свободное время употребилъ на приведеніе въ порядокъ и прочтеніе этихъ разрозненныхъ листовъ, которые должны были пролить такой яркій свѣтъ на событія отъ 1659—1789 г. Сверхъ того ему удалось отыскать бумаги парижской полиціи со времени Кольбера до 1774 г. и эти то драгоцѣнные матеріалы, дополненные выписками изъ архивовъ Англіи и Италіи, вошли въ составъ шести томовъ его изданія. Надо отдать справедливость трудолюбію составителя; не многія изъ выходящихъ въ послѣднее время книгъ появлялись въ свѣтъ въ такой

тщательной и ученой обработкѣ. Каждый отдѣльный томъ снабженъ введеніемъ, въ которомъ съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла резюмированы наиболѣе крупные факты изъ документовъ опубликованныхъ въ этомъ изданіи. Такимъ образомъ всѣ частные случаи подводятся подъ одинъ общій обзоръ нравовъ и учрежденій тогдашняго времени, а такъ какъ все приводимое въ книгѣ опирается на достовѣрные современные документы, то каждое введеніе составляетъ страницу правдивой, документальной исторіи. Въ этомъ заключается лучшая похвала издателю, потому что между современными, даже наиболѣе авторитетными историками, весьма многіе замѣняютъ своими личными впечатлѣніями дѣйствительныя событія прошедшаго.

I.

Первый камень при возведеніи Бастиліи былъ положенъ въ 1369 г. *Гуюмъ Обріо* (Hugues Aubriot) градоначальникомъ Парижа и интендантомъ финансомъ. Постройка крѣпости имѣла двоякую цѣль: оборону столицы въ концѣ улицы S. Antoine и обузданіе мятежныхъ наклонностей парижанъ въ случаѣ, еслибы возстаніе въ родѣ происходившаго въ 1357 г. снова угрожало королю. По странному закону возмездія, первой жертвой Бастиліи оказалось то самое лицо, по распоряженію котораго она была построена. Герцогъ Немурскій томился въ ней цѣлыхъ 13 лѣтъ, въ одной изъ тѣхъ желѣзныхъ клѣтокъ, которыя Людовигъ XI называлъ ses fillettes. За нимъ слѣдовали Жакъ Арманьякъ, Шабо, Пойэ. Во время Лиги весь парламентъ, въ полномъ своемъ составѣ, былъ заключенъ въ Бастилію. Въ ней былъ обезглавленъ, по приказанію Генриха IV — Биронъ (2 іюля 1602 г.), но она только при Людовикѣ XIII получила то спеціальное назначеніе, по остроумному замѣчанію кардинала Реца, которое осталось за нею впослѣдствіи.

Въ ту пору, когда Ришильё былъ назначенъ мини-

стромъ, государственный порядокъ шатался и результаты, добытые царствованіемъ Генриха IV, легко могли обратиться въ ничто. Кардиналъ отлично сознавалъ всю опасность положенія, но, вмѣсто того, чтобы, для возстановленія порядка, употребить въ дѣло правосудіе, онъ прибѣгнулъ къ террору, слѣдуя, въ этомъ случаѣ, тому руководящему принципу французской исторіи, который путемъ анархіи всегда приводилъ къ деспотизму. Онъ не столько управлялъ, сколько «поражалъ и громилъ» и, провозгласивъ себя по собственному усмотрѣнія исполнителемъ высшихъ соображеній государственной необходимости, (raison d'état), обратилъ эшафотъ и тюрьму въ главныя орудія своей администраціи. Не смотря на королевскіе ордонансы, «чтобы всякій былъ судимъ себѣ равными», онъ учреждалъ особыя коммиссіи съ назначенными отъ него членами, которыя совершали судъ и расправу какъ революціонные трибуналы, или превотальные суды, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ. Когда онъ не предавалъ казни, онъ отсылалъ въ тюрьму и съ 1624 по 1640 годъ Бастилія была, что называется, набита биткомъ арестованными всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній. Людовикъ XIV, по вступленіи на престолъ, примѣнилъ во всей строгости къ дѣламъ управленія тотъ принципъ, который онъ самъ формулировалъ въ своихъ «мемуарахъ»: а именно: «согласно волѣ Божіей, всякій, кто родился подданнымъ, обязанъ повиноваться безпрекословно». Бастилія не мало содѣйствовало убѣжденію всѣхъ и каждаго въ непреложности этого принципа.

Съ 1660 г. ворота крѣпости ежедневно растворяются для принятія новыхъ гостей. Впрочемъ, не надо думать, что всѣ они были невинными жертвами, потому что Фронда, по увѣренію г. Равессона, глубоко растлила нравы, какъ частные такъ и общественные. Страсть къ игрѣ, жажда пріобрѣтенія богатствъ какими бы то ни было средствами, безпрестанные поединки, неуваженіе къ человѣческой жизни, законамъ семейнымъ и государственнымъ — все это указывало на признаки серь-

ознаго общественнаго недуга и сильный упадокъ нравовъ. Людовикъ XIV энергически противодѣйствовалъ такимъ стремленіямъ и нельзя не отдать должной справедливости его стараніямъ въ этомъ случаѣ, но его также нельзя не упрекнуть, какъ и Ришелье, за то, что онъ законность приносилъ въ жертву произволу, замѣняя право своимъ личнымъ, неограниченнымъ произволомъ. Онъ считалъ себя полнымъ властелиномъ совѣсти, имущества и свободы своихъ подданныхъ, основываясь на томъ убѣжденіи — какъ онъ говоритъ это самъ — «что нація во Франціи сама по себѣ не выдѣляется, а заключается всецѣло въ особѣ государя.» Этотъ царственный пантеизмъ, воплощающій въ одномъ лицѣ цѣлую націю, привелъ его окончательно къ попранію самыхъ простыхъ и очевидныхъ понятій о справедливости. Людовикъ XIV уничтожилъ всѣ гарантіи личности и издалъ точно, также какъ впослѣдствіи «Комитетъ народной безопасности», законы противъ людей подозрительныхъ и опасныхъ для правительства.

По старому феодальному обычаю, никто не могъ быть лишенъ суда себѣ равныхъ. Эта юридическая аксіома, окончательно принятая революціей и включенная въ гражданскій кодексъ, подтверждалась въсамыхъ ясныхъи точныхъ выраженіяхъ всѣми ордонансами королей третьей династіи. Но Капетинги, признавая это начало вполнѣ, тѣмъ не менѣе позволяли себѣ безцеремонно нарушать его; и въ промежутокъ времени отъ Филлипа Красиваго до Людовика XVI мы встрѣчаемъ возлѣ старостъ (baillages) сенешальствъ, (sénechaussées) и парламентовъ юстицію гораздо выше ихъ стоящую и несравненно болѣе сильную—юстицію безотвѣтственную, безъапелляціонную, отдающую отчетъ единому Богу въ своихъ рѣшеніяхъ и возможныхъ промахахъ. И чѣмъ болѣе мы приближаемся къ новѣйшей эпохѣ, тѣмъ болѣе она возвышается, какъ громадная привиллегія, господствующая надъ всѣми прочими правами и привиллегіями. Она надъ ними господствуетъ и ихъ уничтожаетъ; когда она надъ кѣмъ ни-

будь простираетъ свою грозную руку, все передъ ней преклоняется и даже сами легисты преклоняясь передъ ней повторяютъ древнюю формулу: «laissez passer la justice du roi». При послѣднихъ Бурбонахъ эта юстиція замѣнила, по благоусмотрѣнію королей, формы процедуры легальной, такъ называемыми *lettres de cachet*.

Когда король хотѣлъ кого либо привлечь къ суду или наказать, онъ отдавалъ приказаніе изготовить бумагу слѣдующаго содержанія: «повелѣвается такого-то арестовать и заключить въ Бастилію. По волѣ его величества, губернаторъ крѣпости имѣетъ содержать его впредь до новаго распоряженія». Подпись короля константировалась однимъ изъ министровъ. Если арестъ касался значительнаго лица, то королевскій приказъ предъявлялся ему черезъ мушкетеровъ, которые въ этомъ случаѣ доставляли повѣстку точно также какъ Тиверіевы рабы роковой *laqueum* жертвамъ Сеяна. Напротивъ, когда дѣло шло о какомъ-либо ничтожномъ обывателѣ, арестъ предоставлялся городовымъ сержантамъ, которымъ предписывалось въ такомъ случаѣ дѣйствовать сколь возможно поспѣшнѣе, избѣгая огласки. Они, обыкновенно, отлагали поимку до наступленія ночи и прикасались къ осужденному своимъ бѣлымъ жезломъ. Послѣ этого осужденный становился собственностью короля; и ожидавшая его карета быстро уносила къ мѣсту назначенія. Въ случаѣ сопротивленія—случаи эти, впрочемъ, бывали весьма рѣдки, такъ какъ арестъ отъ имени короля наводилъ паническій страхъ—являлся на помощь отрядъ вооруженныхъ стрѣлковъ. Когда карета въѣзжала въ первую ограду крѣпости, часовой окликалъ ее вопросомъ: «кто идетъ?», на который тотчасъ слѣдовалъ отвѣтъ: «по приказанію короля». Тогда являлся для осмотра одинъ изъ нижнихъ чиновъ и ударялъ въ колоколъ, чтобы дать знать тюремному начальству о вновь прибывшемъ. Два чиновника Бастиліи встрѣчали его при выходѣ изъ кареты и отводили къ губернатору, который росписывался въ исправномъ доставленіи осужденнаго и назначалъ камеру для

его заключенія. Лицъ высшаго сословія помѣщали во внутреннихъ зданіяхъ, а простолюдиновъ отводили въ башни.

Заключенные раздѣлялись на два разряда: одни задержанные изъ предосторожности, въ видахъ исправленія, не подлежали ни слѣдствію, ни суду и только для безопасности находились въ заточеніи. Другіе, признанные виновными въ тяжкихъ преступленіяхъ и проступкахъ, могли, по усмотрѣнію короля, оставаться на неопредѣленное время въ тюрьмѣ, безъ всякаго приговора, и, или быть преданы суду парламента, или особо учрежденной надъ ними коммиссіи, которая съ этой цѣлію собиралась въ зданіи Арсенала и приступала къ разслѣдованію. Въ случаѣ признанія виновности подсудимыхъ, они содержались подъ стражей уже не отъ имени короля, но отъ имени коммиссіи и процедура надъ ними шла обыкновеннымъ порядкомъ. Какъ бы ни были многочисленныя преступленія, совершенныя виновнымъ, въ приговорѣ упоминалось только объ одномъ, потому, будто бы, что разглашать о всѣхъ мнѣніяхъ преступниковъ опасно для общества, для чести семейства и государства. Эта система подавала поводъ къ страннымъ недоразумѣніямъ, и часто заставляла жаловаться на несправедливое, или слишкомъ строгое наказаніе тѣхъ преступниковъ, примѣръ которыхъ возбуждалъ опасенія.

Когда произнесенная сентенція вела за собой смертную казнь, или другія тяжкія наказанія, то подсудимый подвергался пыткѣ, которая совершалась въ Бастиліи посредствомъ воды, или ножныхъ колодокъ (brodequins). Въ послѣднемъ случаѣ его сажали на стулъ съ руками, связанными позади спинки и вытянутыми внизъ ногами, которыя стискивали четыре доски, привязанныя крѣпкими веревками; затѣмъ, въ промежутки ногъ вколачивали молотомъ деревянныя клинья—четыре при обыкновенномъ и восемь—при чрезвычайномъ допросѣ. Во время пытки водою, виновнаго клали горизонтально на подмосткахъ, прикрѣпивъ его руки и ноги къ желѣзнымъ кольцамъ,

вколоченнымъ въ стѣну; при этомъ палачъ влагалъ ему въ ротъ роговую воронку, въ которую вливалъ, съ нѣкоторыми разстановками, шесть пинтъ воды при ординарномъ и восемь при экстраординарномъ допросѣ. Вода, расширяя внутренніе органы, причиняла невыносимую боль и этотъ родъ пытки едва ли не былъ самымъ жестокимъ. Врачъ и хирургъ находились подлѣ истязуемаго для помощи, въ случаѣ, еслибы чрезмѣрныя муки угрожали опасностью смерти. Окончивъ свое дѣло, палачъ клалъ страдальца на матрацъ, расположенный передъ сильнымъ огнемъ, и, когда тотъ приходилъ въ себя, ему давали подписывать вопросные пункты, предложенные въ промежутки истязаній. По увѣренію г. Равессона, одинъ видъ этихъ исторгнутыхъ насиліемъ подписей, которыя едва возможно разобрать уже приводитъ въ невольное содраганіе.

Вслѣдъ за допросомъ слѣдовала казнь, которая производилась посредствомъ висѣлицы, топора или костра, состоящаго изъ 200 или 300 полѣнъ, намазанныхъ дегтемъ; осужденнаго на смерть ставили на возвышенномъ мѣстѣ, привязавъ къ столбу желѣзнымъ ошейникомъ, однакожъ его не сожигали, если президентъ суда отмѣчалъ на сентенціи retentum, т. е. приказъ предать смерти прежде зажиганія костра. Впрочемъ надо замѣтить, что это снисхожденіе in extremis не нравилось толпѣ, которой довольно рѣдко приходилось видѣть, какъ людей сожигаютъ *живьемъ* и въ такомъ случаѣ палачъ, чтобы не возбудить негодованія публики, обыкновенно задушалъ несчастнаго, показывая видъ, что онъ поправляетъ полѣнья или хочетъ еще крѣпче привязать его къ столбу. Подобныя экзекуціи нравились какъ нельзя болѣе жителямъ Парижа и къ нимъ одинаково устремлялись какъ простые буржуа, такъ и люди принадлежавшіе къ высшему дворянству, и даже самыя элегантныя дамы — лучшаго тона. Эшафотъ вступилъ въ конкуренцію съ театрами, такъ, что въ тѣ дни, когда происходила казнь, актеры отнюдь не ставили новыхъ піесъ.

Какія бы ни были причины ареста, узникамъ предстояло довольно комфортабельное житье въ Бастиліи, пока они находились тамъ по распоряженію короля, но мѣры строгости наступали для нихъ съ той поры, какъ ихъ дѣло поступало на разбирательство въ судъ арсенала; тогда они поступали въ разрядъ обыкновенныхъ арестантовъ и подлежали общей тюремной дисциплинѣ. Помимо того съ ними обходились какъ съ людьми, которыхъ, посредствомъ хорошаго обращенія, хотятъ заставить позабыть объ утраченной свободѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ государственныхъ преступниковъ остальнымъ дозволялось принимать у себя гостей; они собирались въ извѣстные часы для игры въ кегли, на билліардѣ и пользовались—что называлось тогда—вольностями Бастиліи. Ихъ пища была изобильна, даже изыскана: имъ подавали нѣсколько блюдъ, роскошный дессертъ и ежедневно по 3 бутылки вина, въ томъ числѣ бутылку шампанскаго. Люди болѣе расчетливые даже дѣлали себѣ запасы, такъ что нѣкоторые камеры наполнялись всевозможными припасами, какъ лучшія кладовыя, а въ день Св. Людовика все населеніе крѣпости предавалось кутежу и веселостямъ. Даже пили за здоровье короля изъ благодарности за то, что онъ снабжалъ обѣдомъ и виномъ и снабжалъ такъ щедро, что нѣкоторые изъ заключенныхъ вступили въ сдѣлку съ губернаторомъ и просили его уменьшить ежедневныя порціи, дѣля между собой излишекъ между королевскимъ положеніемъ и настоящей стоимостью провизіи. Эти экономіи часто приводили къ блестящимъ результатамъ и многіе изъ содержимыхъ выходили изъ Бастиліи гораздо богаче нежели какъ они поступали въ нее; другіе въ минуты освобожденія оттуда просили какъ милости, чтобы продлили срокъ ихъ заточенія, именно съ той цѣлью, чтобы накопить поболѣе. Слѣдовательно, содержаніе въ Бастильскомъ режимѣ было гораздо мягче и гуманнѣе нежели обыкновенно думаютъ, но благосостояніе матеріальное все таки не мѣшаетъ быть

крайне непривлекательной той системѣ, которая давала возможность однимъ почеркомъ пера осудить человѣка на вѣчное заточеніе.

Въ началѣ своего царствованіе Людвигъ XIV былъ очень остороженъ въ раздачѣ lettres de cachet и не иначе подписывалъ ихъ, какъ послѣ внимательнаго разсмотрѣнія дѣла. Тогда аресты по большей части оправдывались важными причинами и особенно недостаточностію учрежденій для обезпеченія общественнаго спокойствія. Полиція исполняла свои обязанности съ крайнею небрежностію; ординарные суды не рѣшались употреблять мѣры надлежащей строгости противъ людей пользовавшихся извѣстнымъ почетомъ, а провинціальное дворянство открыто и съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялось органамъ власти. Къ тому же дѣйствіе юстиціи стѣснялось множествомъ учрежденныхъ трибуналовъ и столкновеніями между ними по вопросамъ подсудности, безпрестанно происходившихъ между вѣдомствами (juridiction) муниципальнымъ, помѣщичьимъ (seigneuriale), духовнымъ, между парламентами, выборными общинами le cours des aides, les grueries, мраморными столами, адмиралтействами и французской городовой стражей (maréchaussée). Въ виду этого хаоса и безсилія законовъ, самъ король принималъ на себя обязанность противодѣйствовать злу, *для чего* и учреждалъ экстраординарные суды подъ именемъ *grands jours*, или приступалъ къ заключенію въ тюрьму силою своего полновластія. Повсемѣстная анархія отчасти оправдывала мѣры произвола, хотя трудно было положить предѣлъ между обычаемъ и злоупотребленіемъ. Сначала Людовикъ XIV только преслѣдовалъ дуэлистовъ, мошенниковъ и отравителей, но впослѣдствіи, когда онъ состарился и впалъ въ ханжество, онъ сдѣлался боязливѣе и подозрительнѣе. Тѣсно связанный съ преданіями католицизма, онъ видѣлъ въ Нантскомъ эдиктѣ не болѣе какъ слабодушную уступку, исторгнутую политической необходимостью у главы Бурбонскаго дома, пятно наложенное на его родъ, а въ Янсенизмѣ —

секту враждебную Богу и государству. Чтобы привести въ согласіе интересы церкви и государства, онъ предоставилъ lettres de cachet въ распоряженіе двойнаго деспотизма. Въ концѣ его царствованія Бастилія наполнилась протестантами, янсинистами и писателями. Регентъ положилъ конецъ этимъ преслѣдованіямъ, но онѣ возобновились снова при условіяхъ еще болѣе плачевныхъ. Поклонникъ г-нъ Помпадуръ и Дю-Барри находилъ, что неограниченная власть слишкомъ тяжела для его слабыхъ рукъ и потому охотно предоставилъ ея страшныя прерогативы окружавшей его челяди (creatures)—министрамъ, фаворитамъ, любовницамъ и ихъ наперстникамъ и любимцамъ своихъ приближенныхъ. Легко подвижное и растлѣнное общество Версаля пріобрѣтало себѣ бланковыя подписи королевскихъ lettres de cachet, которые продавались за 25 луидоровъ, и такимъ образомъ они находились въ распоряженіи перваго покупателя, который легко могъ употреблять ихъ для удовлетворенія своей личной мести и никто изъ жителей государства не могъ ручаться за безопасность завтрашняго дня, потому что никто не былъ столько великъ, чтобы устоять противъ злобы министра, и столько малъ, чтобы не удостоиться гнѣва простаго сельскаго писца фермы (un commis des fermes).

Таковы главные факты, состоящіе въ связи съ общей исторіей Бастиліи. Теперь мы заглянемъ въ ея отдѣльныя камеры и казаматы и послѣдуемъ за подсудимыми въ «chambre ardente», куда они являлись чтобы предстать передъ лицемъ своихъ судей.

II.

Что поражаетъ всего болѣе, когда читаешь списки лицъ заключенныхъ въ Бастилію и приказы касательно ихъ арестованія и судебной процедуры надъ ними, это то, что и правительство и подданные были одинаково чужды всякаго уваженія къ законамъ. Дворяне

безпрестанно нарушають эдиктъ касательно поединковъ; такъ напр. карета маркиза Виллекье неосторожно задѣваетъ на улицѣ Vieilles Haudriettes карету герцога Эльбефа; ихъ прислуга вступаетъ въ схватку, а вслѣдъ за тѣмъ и сами господа принимаютъ въ ней участіе посреди людей, проходящихъ по улицѣ. Вилекье сажаютъ въ Бастилію, но маршалы Франціи, которымъ поручено вѣдать дѣла этого рода, рѣшаютъ, что тутъ не было дуэли, а была только простая встрѣча (une simple rencontre) и виновнаго тотчасъ освобождаютъ изъ крѣпости. Дворяне продолжаютъ драться между собой, а королевскіе эдикты все примѣняются въ томъ снисходительномъ смыслѣ, какъ сказано выше. Ренэ де л'Опиталь (René de l'Hospital) маркизъ де Шоази дѣлаетъ обиды и притѣсненія своимъ вассаламъ (manans) за что приходскій священникъ и обличаетъ его во время церковной проповѣди. Маркизъ сопровождаемый двумя пажами скрывается въ засадѣ близь того мѣста, гдѣ долженъ проходить священникъ и, когда наконецъ, тотъ проходитъ мимо засады вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ, Ренэ убиваетъ послѣдняго и наноситъ сильную рану священнику, который, падая на землю, поручаетъ свою душу Богу. «Такъ вотъ я покончу съ тобой!» восклицаетъ маркизъ и при этомъ раздробляетъ ему челюсть прикладомъ мушкета: за тѣмъ маркизъ вонзаетъ ему свою шпагу въ бокъ и топчетъ несчастнаго конемъ, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно мертвъ. Духовенство вступается за жертву и требуетъ, чтобы произведено было слѣдствіе по этому дѣлу. Убійцу вызываютъ въ парламентъ, но онъ принадлежалъ къ именитому семейству и, благодаря стараніямъ этого послѣдняго подвести его подъ державную руку короля, его, наконецъ, перевозятъ въ Бастилію. Ренэ вступаетъ въ нее 30 іюня 1659 г. и уже спустя нѣсколько дней освобождается, снабженный вполнѣ легальнымъ увольненіемъ отъ имени государя. Тоже самое было и съ шевалье Грансэ (Grancey). Этотъ послѣдній, разсчитывая что д-ца Нонанъ (M-lle Nonnant) партія во всѣхъ

отношеніяхъ для него выгодная, вздумалъ насильно увезти ее вмѣстѣ съ ея матерью, для бракосочетанія, въ Нормандію, въ замокъ своего отца. Семейство похищенной дѣвушки принесло жалобу; гвардейскій отрядъ былъ тотчасъ же посланъ, чтобы возвратить обѣихъ женщинъ, но маркизъ рѣшительно отказался ихъ выдать, а для того чтобы не показаться ослушникомъ, добровольно отправился въ Бастилію. Это заявленіе покорности, благодаря значенію семейства виновнаго, было награждено королевской грамотой съ выраженіемъ королевскаго благоволенія.

Вмѣстѣ съ дворянствомъ являются на сцену нѣсколько служебныхъ лицъ: ординарныхъ судей, президентовъ королевскихъ трибуналовъ; ихъ сажаютъ въ старую крѣпость за ослушаніе королевскимъ указамъ, иногда даже за участіе въ народныхъ возмущеніяхъ, какъ напр. президента парламента въ Э (Aix) во время умерщвленія генералъ-адвоката де-Шастѐль. При всемъ полновластіи Людовика XIV, ему оказывали весьма слабое повиновеніе въ провинціяхъ. Власть его едва ощущалась на самыхъ окраинахъ государства и тѣмъ болѣе ослабѣвала, чѣмъ далѣе отдалялась отъ Парижа, но въ самомъ Парижѣ для нее не было ни контроля, ни предѣловъ: все покорялось ей и она нигдѣ не встрѣчала ни протеста, ни сопротивленія и этимъ объясняется, почему въ первую половину царствованія Людовика XIV весьма не много оказалось людей заключенныхъ въ Бастилію по дѣламъ политическимъ. Въ числѣ арестованныхъ мы встрѣчаемъ офицеровъ не хотѣвшихъ возвратиться въ свои полки, умалишенныхъ какъ напр. д-ца Велизи, которая покушалась на жизнь президента Мэма (Mesmes), котораго она считала за дурнаго судью, дерзкихъ поэтовъ, газетчиковъ, выдерживаемыхъ въ крѣпости по два, по три мѣсяца за распространеніе фальшивыхъ извѣстій безъ злаго умысла, но для того, чтобы найти средства къ существованію, парламентскихъ служителей, которые выставляли резолюціи несогласныя съ

постановленіями королевскаго совѣта. Это почти спокойный періодъ царствованія Людовика XIV — время преслѣдованій еще впереди; правда, арестуютъ отъ времени до времени нѣкоторыхъ янсенистскихъ писателей, но ихъ не долго держутъ въ заперти, а довольствуются увѣщаніемъ быть впередъ осторожнѣе и единственное сколько нибудь важное дѣло въ отношеніи религіозномъ это процессъ иллюмината Симона Мореня (Simon Morin) (отъ 1663—1678 г.).

4-го марта 1662 г. въ тюремную запись внесены Морень съ его женою, а вскорѣ потомъ Морень сынъ, Рандомъ и Томэ, священники, и Пуату, школьный учитель. Въ чемъ же состояло ихъ преступленіе? Демаре-де-Сен-Сорленъ, поэтъ и членъ французской академіи, обвинялъ ихъ въ составленіи заговора—съ цѣлью низпроверженія религіи. Сорленъ говорилъ въ своемъ доносѣ, обращенномъ къ разнымъ епископамъ и къ патеру Аннату, духовнику Людвига XIV, что онъ случайно встрѣтилъ нѣкую дѣвицу Малербъ, которая называла себя ворожеей и хвалилась своимъ брачнымъ союзомъ съ діаволомъ. Подобно фландрскимъ бѣсноватымъ, которыхъ фантастическая легенда разсказана Белезомъ (Belaise) въ его нелѣпомъ сочиненіи, дѣвица Малербъ увѣряла, что она де присутствовала на шабашѣ; она садилась будто бы за проклятую трапезу, пожирала аспидовъ, василисковъ и змѣй и, по волѣ божіей, разсталась съ діаволомъ, чтобы вступить въ заговоръ Симона Мореня,—мессіи новаго откровенія. По увѣренію послѣдняго, Христосъ воскресъ въ немъ, чтобы разрушить великій Вавилонъ, т. е. римскую церковь, и ниспровергнуть папу, который есть—ни что иное—какъ звѣрь Апокалипсиса. Равнымъ образомъ Пресвятая Дѣва Марія воскресла въ женѣ Мореня, почему онъ никогда не проходилъ мимо нее безъ знаковъ обожанія. Въ 1647 г. Морень издалъ подъ заглавіемъ: Pensées, книгу, въ которой онъ училъ, что величайшіе грѣхи не лишаютъ благодати, что Св. Павелъ уступалъ искушеніямъ плоти, что позволительно вкушать пищу до пріобщенія св.

тайнъ. Эти нелѣпыя бредни были пущены въ ходъ. Демаре предлагалъ поставить на ноги 144.000 армію, чтобы уничтожить секту, грозившую, по словамъ его, гибелью всей Франціи въ самомъ непродолжительномъ времени, и парламентъ, убѣжденный, что онъ спасаетъ религію и государство, потребовалъ къ суду Морена, его сына, его жену, школьнаго учителя и двухъ священниковъ, т. е. весь персоналъ, составлявшій секту. Въ архивахъ уцѣлѣли допросные пункты этого процесса. Одно изъ главныхъ обвиненій противъ Морена составляли слова, находившіеся въ его «Pensées» а именно: «Dieu n'etait pas une hostie molle». Сердце невольно сжимается, когда подумаешь, что спустя 20 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Methode» вышеприведенной фразы и нѣсколькихъ другихъ нелѣпостей было достаточно для того, чтобы заставить умереть въ страшныхъ мукахъ несчастнаго, который былъ виновенъ развѣ только въ томъ, что не находился въ здравомъ умѣ. Людовикъ XIV, который выказалъ столько снисхожденія къ маркизу де-л'Опиталь, допустилъ жестокую казнь сумазброда, и этотъ актъ неумолимой строгости былъ для диссидентовъ въ религіи сигналомъ тѣхъ гоненій, которыя ожидали ихъ въ скоромъ времени.

На каждой страницѣ тюремныхъ документовъ мы встрѣчаемъ интересныя обличенія нравовъ, администраціи и юстиціи во Франціи, а также и того, какъ понимали Людовикъ XIV-го и его министры гарантіи личности. Интендантъ королевскихъ зданій Варенъ желаетъ, чтобы сынъ его вступилъ въ священство; сынъ сопротивляется волѣ отца, и его посылаютъ въ Бастилію готовиться къ своему будущему служенію. Торговецъ пряностями, Нисеронъ, беретъ смѣлость протестовать противъ монополистской торговли китовымъ жиромъ, находящейся въ рукахъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ особъ, и его отсылаютъ въ Бастилію. Депутаты добрыхъ городовъ (des bonnes villes) подносятъ, на колѣнахъ, свои жалобы королю, ссылаясь на льготы, конфирмуемыя съ каж-

дымъ новымъ царствованіемъ; они ссылаются на свою любовь и преданность къ престолу. Король благосклонно ихъ выслушиваетъ, приказываетъ верховному совѣту разсмотрѣть ихъ прошенія и удовлетворить ихъ, въ случаѣ если они окажутся справедливыми, а между тѣмъ все таки заключаетъ депутатовъ въ Бастилію и это потому, что хочетъ, прежде всего, поддержать принципъ авторитета, такъ какъ онъ только за интендандами признаетъ право представлять ему свои замѣчанія, когда онъ того пожелаетъ. Даже дипломатическіе агенты иностранныхъ державъ были также мало ограждены отъ опасности lettres de cachet, какъ и природные французы. Г. Алиберъ (le sicur Alibert) пріѣзжаетъ во Францію для переговоровъ о бракѣ дочери герцога Орлеанскаго съ герцогомъ Савойскимъ. Людовикъ XIV находитъ, что онъ слишкомъ спѣшитъ этимъ дѣломъ, и, чтобы дать ему время хорошенько поразмыслить объ этомъ, запираетъ его въ крѣпость. Голландецъ Абрамъ Викфоръ, резидентъ курфирста Бранденбургскаго, намекаетъ въ своей перепискѣ на любовь короля къ Маріи Манчини, и король поражаетъ его своимъ lettre de cachet въ то самое время, когда Викфоръ собирался отправить свою корреспонденцію за границу.

Іезуиты, умѣвшіе, эксплуатировать какъ нельзя болѣе произвольную власть Людовика XIV, не довольствовались тѣмъ, что заключали Янсенистовъ въ казематы старой крѣпости, но посылали туда даже ихъ учениковъ. Въ 1674 г. они поставили на сцену въ своей Клермонтской Коллегіи латинскую трагедію, которой сюжетомъ былъ Св. Іаковъ, и гдѣ во многихъ мѣстахъ, восхваляли короля превыше небесъ. Людовикъ XIV явился на представленіе и съ удовольствіемъ вдыхалъ тотъ ѳиміамъ, который братія воскуряла въ честь ему. Патеръ-ректоръ, благоговѣйно провожавшій короля до самаго выхода, слышалъ—какъ одинъ вельможа разсыпался въ похвалахъ трагедіи и какъ Людовикъ XIV ему на это отвѣчалъ: «что же, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,

потому-что это моя коллегія». Ночью кто-то стеръ надпись, красовавшуюся надъ дверьми главнаго входа: «Collegium claremontanum Societatis Iesu», замѣнивъ ее слѣдующею: «Collegium Ludovici Magni». Въ тотъ же самый вечеръ, одинъ изъ воспитанниковъ вывѣсилъ на стѣнѣ слѣдующее двустишіе:

Abstulit hinc Jesum, posuitque insignia regis
Impia gens: alium non colit illa deum.

Школьникъ написавшій такіе ѣдкіе стихи, могъ, со временемъ, сдѣлаться опаснымъ врагомъ и потому Іезуиты сочли полезнымъ заручиться lettre de cachet; автора стиховъ заключили въ Бастилію и оттуда перемѣстили на островъ Св. Маргариты, гдѣ онъ и оставался въ заключеніи впродолженіи 30 лѣтъ. И вотъ почему Клермонтская Коллегія присвоила себѣ названіе Louis le Grand.

Когда проступокъ состоялъ въ нарушеніи общественнаго права и не касался ни религіи, ни королевскаго величества, тюремное заключеніе ограничивалось нѣсколькими недѣлями, или нѣсколькими мѣсяцами; напротивъ, когда тутъ былъ заинтересованъ католицизмъ или правительственный авторитетъ, то, въ такомъ случаѣ, Людовикъ XIV не давалъ ни малѣйшей пощады; въ такомъ случаѣ секвестрація была безусловна и безгранична, и самое вліяніе семействъ и всемогущихъ фаворитовъ не могло уже умилостивить короля. Доказательствомъ служитъ знаменитый процессъ суперинтенданта Фукэ (Fouquet). Онъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ «Желѣзная Маска», не возбудивъ въ сердцѣ короля ни малѣйшаго чувства состраданія и жалости, не смотря на всѣ старанія его семейства смягчить постигшее его наказаніе.

Такъ какъ катастрофа, постигшая Фукэ слишкомъ хорошо извѣстна въ своихъ подробностяхъ, то намъ остается здѣсь только рѣшить вопросъ: нарушилъ ли Людовикъ XIV правила справедливости, заключивъ Фукэ

въ Бастилію и предоставивъ процессъ надъ нимъ суду арсенала? — Былъ ли суперинтендантъ въ самомъ дѣлѣ виновенъ, или нѣтъ въ воровствѣ и взяточничествѣ? — Если мы обратимся къ современнымъ свидѣтельствамъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. г. Моттевиль и Бюсси, высказываются противъ него, тогда какъ другіе — Пеллисонъ Корнель, Лафонтэнъ отстаиваютъ его невинность. Но даже и въ настоящее время, многіе добросовѣстные и серьезные писатели видятъ въ немъ жертву мести короля, за то, что Фукэ хотѣлъ искусить вѣрность Лавальеръ, предлагая ей 120,000 экю, — ненависти Кольбера, который не благоволилъ къ нему за то, что состоялъ нѣкогда подъ его начальствомъ въ скромной должности commis, — и властолюбія Пюссора, который желалъ поступить на его мѣсто. Архивъ Бастиліи предлагая намъ всѣ матеріалы, касающіеся процесса Фукэ, и даетъ возможность правдивой оцѣнки этого дѣла, которое заключается въ слѣдующемъ.

По положенію Генриха IV, каждой категоріи расходовъ были присвоены спеціальные фонды; но вопреки этому постановленію, Фукэ производилъ безпрестанные переводы капиталовъ — съ цѣлію запутать отчетность; онъ кромѣ того уничтожалъ всѣ тѣ бумаги, которыя могли его компромитировать. Онъ выдавалъ государственнымъ кредиторамъ des mandats à vue — билеты по предъявленіи, по которымъ вмѣсто того, чтобы выплачивать стоимость наличными деньгами, выдавали кредитивы на генеральныхъ фермеровъ или на неисправныхъ плательщиковъ повинностей. Эти билеты часто возвращались протестованными, и тогда ихъ замѣняли новыми, впрочемъ нисколько не лучшими билетами, а такъ какъ предъявители не получали по нимъ уплаты, то они продавали свои права за цѣну самую ничтожную. Фукэ пріобрѣталъ ихъ за безцѣнокъ, вносилъ ихъ въ казну и получалъ слѣдующую за нихъ уплату сполна. Сверхъ того, возобновленіе государственныхъ откуповъ доставляло ему огромныя, беззаконные барыши въ видѣ мил-

ліоновъ, поступавшихъ изъ рукъ въ руки, или въ видѣ процентныхъ контрактовъ, просрочку за которыя взимали подставныя лица. Фукэ безпрестанно вымогалъ громадныя суммы денегъ съ тѣхъ, кто покупалъ почетныя служебныя должности по части судебной и финансовой, грозя при этомъ, что онъ уменьшитъ ихъ содержаніе, или откроетъ, въ ущербъ имъ, новыя мѣста, что, разумѣется, причинило бы имъ убытки. Когда истощалась казна и правительство было вынуждено прибѣгать къ займамъ, онъ открывалъ подписку на нихъ въ своихъ собственныхъ бюро, гдѣ накоплялись фонды, вмѣсто того, чтобы поступать въ государственную кассу. Такимъ образомъ, будучи въ одно время кассиромъ, распорядителемъ и плательщикомъ, онъ похищалъ на расходахъ, также какъ и на займѣ. Наконецъ, въ довершеніе злоупотребленій, онъ монополизировалъ въ свою пользу въ городѣ Руанѣ—торговлю воскомъ и сахаромъ, а въ портовыхъ городахъ Ламанша—торговлю рыбьимъ жиромъ, мѣра, которая привела въ раззоренье французскихъ промышленниковъ, обогативъ голландцевъ. Его агенты и повѣренные, бывшіе его соумышленниками, находили въ его примѣрѣ гарантію безнаказанности и въ свою очередь, предавались такому же хищничеству. Такимъ образомъ, половина государственнаго бюджета перешла въ руки хищниковъ, и Франція была обкрадываема тѣми лицами, которыя были обязаны блюсти ея благосостояніе.

Людовикъ XIV принялъ самыя строгія мѣры, чтобы дознать истину, и судъ арсенала исполнилъ въ точности свое назначеніе, не смотря на то, что мнѣніе общественное ему не сочувствовало. Литераторы приняли сторону Фукэ оттого, что онъ всегда щедро имъ покровительствовалъ и даже многимъ изъ нихъ выдавалъ пенсіи. Также и большинство чиновнаго персонала высказалось въ пользу обвиняемаго, уступая духу партіи, такъ какъ Фукэ самъ былъ нѣкогда генералъ-прокуроромъ. Не взирая на то, что происки и интриги усугублялись съ каждымъ днемъ, судъ шелъ своимъ порядкомъ. Наконецъ,

послѣ четырехъ-лѣтнихъ дебатовъ, въ 1664 г. состоялось рѣшеніе: 13 голосовъ вотировали за смерть и 22 за изгнаніе подсудимаго; но Людовикъ XIV въ тотъ же день перемѣнилъ изгнаніе на вѣчное заточеніе. Вслѣдствіе этого Фукэ былъ перемѣщенъ въ замокъ Пиньероль, крѣпость въ Сардинскихъ владѣніяхъ, присоединенныхъ къ Франціи въ 1630 г. и остававшійся за ней до 1680 г. Фукэ умеръ въ этомъ заточеніи въ 1680 г. Судъ арсенала въ этомъ случаѣ не остановился передъ 30 лѣтней давностью, т. е. до 1630 г. Нельзя не удивляться той распущенности, до которой дошла французская администрація во время регентства Анны Австрійской. Оказалось, что, впродолженіи 6 лѣтъ, у казны было похищено до 380 милл., изъ коихъ не болѣе 25 милл. были возвращены ей обратно.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что Людовикъ XIV исполнилъ долгъ главы государства, преслѣдуя Фукэ и всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ расхищали достояніе государства. Но, по несчастью, Людовикъ XIV даже въ самое правое дѣло вносилъ произволъ: Вмѣсто того, чтобы поручить веденіе дѣла парламенту, которому оно принадлежало по праву, онъ возложилъ его на лицъ призванныхъ со всѣхъ концовъ Франціи и назначенныхъ самимъ королемъ, именно потому, что онъ питалъ враждебное расположеніе къ подсудимому; тутъ было очевидное нарушеніе правосудія и оно-то запятнало приговоръ, такъ что безпристрастная исторія, строго осуждая суперинтендантa, не вполнѣ оправдываетъ и короля.

Подобный примѣръ непреклонной строгости, казалось, долженъ былъ положить конецъ злоупотребленіямъ, а между тѣмъ мы видимъ, что даже при Кольберѣ Бастилія наполняется чиновниками фиска. La cour des aides и счетная палата, всегда вѣрныя правиламъ добросовѣстности и чести, энергично неослабно преслѣдовали ихъ, но привычка взяточничества коренилась такъ глубоко въ обществѣ, что весьма трудно было уничто-

жить злоупотребленія. Издержки королевскаго дома, военные расходы, неправильное раскладки расходовъ вслѣдствіе сословныхъ привиллегій, провинцій, городовъ и частныхъ лицъ, часто вызывали финансовыя затрудненія и они еще болѣе усиливались отъ казнокрадства и всякихъ подлоговъ. Роковой вопросъ: «необходимо нужны деньги» представлялся ежеминутно, и, для пріобрѣтенія денегъ, правительство, смотря по обстоятельствамъ, прибѣгало къ мѣрамъ еще болѣе страннымъ, нежели учрежденіе контроля надъ париками и надзора за сплавленнымъ лѣсомъ. Вотъ тому примѣры, взятыя изъ исторіи Бастиліи.

Въ средніе вѣка, какъ извѣстно, господствовало мнѣніе, что, посредствомъ изученія физическихъ свойствъ матеріи можно превращать въ золото или серебро—желѣзо, свинецъ, мѣдь и даже самыя негодныя вещества. Начиная съ IV вѣка, адепты этого ученія стали жечь свои горнила и впродолженіи 1500 лѣтъ усердно работали надъ этимъ преобразованіемъ веществъ, безпрестанно терпя неудачи, но все таки не теряя вѣры въ свое пресловутое открытіе, потому что люди всегда крѣче вѣруютъ въ ложь нежели въ истину. Въ средніе вѣка на нихъ воздвигали гоненія, какъ на чародѣевъ и лжемонетчиковъ; въ XVI стол. короли приглашали ихъ ко двору для восполненія опустѣвшихъ казнохранилищъ. Карлъ IX заплатилъ 120.000 ливр. нѣкоему Жану-де-Галану—Jean de Galans, sieur de Pezerolles, заставивъ его работать при себѣ въ лабораторіи Лувра, но вмѣсто того, чтобы добыть золото, Пезероль обратился въ бѣгство, унося съ собой все полученное имъ отъ щедрости короля. Послѣ этого правительство обращаясь къ алхимикамъ, стало, изъ предосторожности, запирать ихъ на замокъ. Людвигъ XIV, во дни невзгодъ, столь частыхъ впродолженіи его царствованія, прибѣгалъ неоднократно къ этому дешевому средству чеканить монету. Онъ посылалъ алхимиковъ въ Бастилію изучать тамъ формулы *«Псалтири»* *«Гермофила»*, *Книги Сепьта* и

Химическаго Апокалипсиса, представляя въ ихъ распоряженіе сѣру, олово, антимоній и вообще всѣ матеріалы, нужные для великаго производства. Золото, однакожъ, все таки не добывалось, и полиція, всегда недовѣрчивая въ подобныхъ случаяхъ, пришла къ тому убѣжденію, что *суфлеры* (souffleurs), какъ назывались эти люди въ XVII вѣкѣ, были по большей части, плуты, прикрывающіеся маской учености. Когда приступили къ осмотру ихъ мастерскихъ, то нашли въ нихъ, вмѣсто сокровищъ, всевозможные яды, и эти то обыски навели на слѣдъ тѣхъ злодѣевъ, которые приводили въ ужасъ всю Францію своими отравленіями.

III.

Вѣкъ Людвига XIV точно также отличавшійся великими преступленіями, какъ и громкой славой, представлялъ, во многихъ отношеніяхъ, поразительное сходство съ римскимъ обществомъ временъ паденія имперіи. Математики—Тацитъ даетъ это названіе колдунамъ—чародѣи, ворожеи, отвсюду стекались въ городъ цезарей, какъ ручьи Рима въ клоаки Тарквиніевъ. Нѣчто подобное происходило и въ Парижѣ временъ великаго короля. Локуста воскресаетъ въ образѣ Бренвилье, Ванонса, Ланюссе, хирурга Далма, Глазера, аптекаря Фукэ, каноника Дюлона, (Dulong) Сентъ Кроа, Лавуазенъ. Страсть отравленій обхватываетъ всю Францію, подобно эпидеміи.

Въ отдаленныхъ кварталахъ города, близь городскаго вала, въ самомъ концѣ предмѣстій, стояли небольшіе отдѣльные домики, населенные женщинами, которыхъ ремесло состояло въ предсказаніи будущаго. Къ нимъ обращались во множествѣ знатныя барыни и простыя горожанки—вечеромъ или рано по утру. Посѣтительницы надѣвали маски, или скрывали лицо подъ кружевами головныхъ уборовъ. Тѣхъ, которыя приходили съ жалобой на ревниваго или сердитаго мужа, ворожея отсылала

къ Св. Жервэ или Антонію Падуанскому, которымъ предоставлена власть дѣлать людей снисходительными и благодушными. За первое посѣщеніе ворожея не требовала никакой платы и деньги получаемыя отъ приходящихъ раздавала будтобы бѣднымъ и тѣмъ добрымъ женщинамъ, которыя отправлялись на богомолье къ вышеупомянутымъ святымъ. Однакожъ, семейныя отношенія, нисколько не улучшались. За тѣмъ, новые визиты и утѣшенія, съ новымъ обращеніемъ къ угодникамъ, но на этотъ разъ уже съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ взялъ къ себѣ неисправимаго супруга.—Когда же этотъ послѣдній продолжалъ жить, и здравствовать по прежнему, то ворожея бралась ускорить время вдовства и ядъ дѣлалъ свое дѣло. Мужья сдѣлались первыми жертвами этихъ гнусныхъ продѣлокъ и скоро безнравственные инстинкты глубоко развращеннаго общества разыгрались на просторѣ. Нетерпѣливые наслѣдники имѣній, люди благоразумные желавшіе отдѣлаться отъ недруга, или отъ соперника, не рискуя шансами поединка, честолюбцы домогавшіеся мѣста,—выпрашивали у г-жи Бренвилье и ея соумышленницъ порошковъ и напитковъ для удовлетворенія своей алчности или мести, а такъ какъ отравленіе приносило значительные доходы далеко превышавшіе жалованье членовъ парламента, то этимъ промысломъ занимались въ крупныхъ размѣрахъ множество негодяевъ, находившихъ обширную практику во всѣхъ классахъ общества. Вскорѣ имена ихъ сдѣлались извѣстны во всей Европѣ; они высылали свои продукты въ Италію, Англію, Германію и, подобно знаменитымъ врачамъ, отправлялись на консультаціи заграницу.

Искуство заставить человѣка исчезнуть съ лица земли, медленно, но вѣрно и незамѣтно, было доведено до высшаго совершенства. То намазывали сорочку составомъ изъ арсеника и эта одежда распространяла по всему тѣлу жестокое воспаленіе, которое еще болѣе усиливаясь посредствомъ приготовляемаго такимъ способомъ бѣлья, причиняло неминуемую смерть; то давали пить, по неболь-

шимъ дозамъ, въ извѣстные промежутки времени, растворъ мышьяка примѣшиваемый къ разнымъ яствамъ, питіямъ и слабительнымъ или такъ называемыя цѣлебныя крупинки (grains de santé) величиной съ булавочную головку, которыя разрушали организмъ, не оставляя, однакажъ, никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Только богатые люди могли пользоваться этими келейными средствами уничтоженія людей, потому что при каждомъ пріемѣ такъ называемой poudre de sucession, дѣлались новыя приношенія. Но преступники, имѣли дѣло не съ одними только аристократами; они сокращали свою таксу для мелкихъ буржуа и низводили смерть до уровня всѣхъ кармановъ. Люди недостаточные довольствовались, послѣ предварительной консультаціи, небольшой дозой крѣпкой водки, которую они за 1 су пріобрѣтали въ любой аптекѣ.

Къ этимъ отравленіямъ примѣшивались самые грубыя суевѣрія, пріемы самые непозволительные и неблагопристойные, ибо тутъ имѣли мѣсто всякія волхвованія, заклинанія и талисманы. У игроковъ благословлялись карты; женщины носили при себѣ такъ называемую main de gloire т. е. руку отъ висѣльника высушенную въ печи или на солнцѣ. Скупцы охотно открывали свои кошельки, чтобы получить отъ знахарей, такъ называемую la pistole volante, т. е. монету, которая будучи вынута изъ кармана, опять возвращалась въ него, пролетая пространство на подобіе птицы. Чертовщина прельщала воображеніе и, какъ во времена Сальвіана, дьяволъ встрѣчался повсемѣстно ubique daemon.—Искатели золота, желая добыть деньги зарытыя въ землю во времена Фронды, приходили ночью на тѣ мѣста гдѣ, по ихъ мнѣнію, скрывались сокровища; ихъ сопровождалъ священникъ въ полномъ облаченіи; онъ становился посреди черныхъ зажженныхъ свѣчъ и держа молитвенникъ въ рукѣ, заклиналъ діавола, чтобъ онъ предсталъ передъ нимъ и открылъ тайны сокровенныя въ землѣ. Но дьяволъ не являлся. Тогда недостойный служитель алтаря, требовавшій чтобы его

услуги оплачивались на вѣсъ золота, предлагалъ средства болѣе дѣйствительныя. Въ какой-либо отдаленной комнатѣ, на полъ, клали беременную женщину развратнаго поведенія посреди тѣхъ же зажженныхъ свѣчъ и когда она разрѣшалась отъ бремени, новорожденнаго посвящали черту. Затѣмъ священникъ убивалъ младенца и кровь этой жертвы служила для новыхъ волхвованій. Остатки трупа обыкновенно бросали въ печь.

Это фактъ засвидѣтельствованный Г. де Ла Рени. (de La Reynie). «Преступленія такого рода, говоритъ онъ, кажутся столь изумительными и небывалыми, что къ нимъ едва-ли можно отнестись съ должнымъ вниманіемъ. Однакожъ о нихъ свидѣтельствуютъ сами участники въ преступленіяхъ и эти злодѣи разсказываютъ о нихъ столько подробностей и околичностей, что сомнѣваться невозможно.» По всѣмъ вѣроятіямъ, такимъ образомъ погибъ одинъ изъ дѣтей Филястра; аббатъ Гибуръ сознался что онъ зарѣзалъ пятерыхъ младенцевъ; д-ца Воазенъ показала при допросѣ, что при ней принесли въ жертву двухъ дѣтей, давая при этомъ разумѣть что ихъ погибло гораздо болѣе въ домѣ ея матери; также и другіе обвиненныя лица разсказывали много странныхъ и мудреныхъ вещей. При этомъ случаѣ, кстати напомнить о великихъ безпорядкахъ бывшихъ въ Парижѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда совершались избіенія, о коихъ свидѣтельствовали Гибуръ и Вуазенъ; они обнаруживались сходбищами на улицахъ и волненіемъ въ разныхъ частяхъ города, вслѣдствіе пронесшагося темнаго слуха, что похищаютъ и потомъ избиваютъ дѣтей.

Самое пылкое воображеніе отказывается вѣрить подобнымъ ужасамъ, а между тѣмъ они подтверждаются свидѣтельствами самыми положительными—признаніями самихъ виновныхъ прежде чѣмъ они были подвергнуты пыткѣ, показаніями духовныхъ отцевъ, подтверждавшихъ

*) См. Мемуаръ составленный для Короля Г. де Ла Рени. Архивъ Бастиліи т. V стр. 432 и 433.

преступленія, не называя виновныхъ, наконецъ, удостовѣреніями должностныхъ лицъ, и присягою свидѣтелей. И эти злодѣянія не суть исключенія, они не суть дѣянія кровожаднаго безумія такихъ преступниковъ, которые появляются отъ времени до времени какъ феномены нравственной испорченности; нѣтъ, они повторяются съ ужасающимъ постоянствомъ и входятъ въ привычки вѣка. Это воззрѣніе подтверждается г. Ла Рени, однимъ изъ даровитыхъ и наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей стараго режима.

Изъ числа 147 преступниковъ заключенныхъ въ Бастиліи и Венсенской тюрьмѣ — говоритъ онъ — нѣтъ ни одного, на котораго не падали бы тяжкія обвиненія. Человѣческая жизнь обратилась положительно въ предметъ торговли, она сдѣлалась почти единственнымъ средствомъ для выхода изъ семейныхъ затрудненій. Тутъ невольно представляется вопросъ: «не будетъ ли противно славѣ Божіей, интересамъ короля и всего государства, а слѣдовательно и самой истинѣ разглашать въ публикѣ подобные факты и столь гнусныя преступленія?».— Эти недоумѣнія становятся понятны для тѣхъ, кто прослѣдитъ подробности ужасающаго сцѣпленія злодѣйствъ обличенныхъ точнѣйшими дознаніями.

Отравители долго оставались ненаказанными, потому что наука, по своему несовершенству, еще не была въ состояніи открывать матеріальные слѣды яда и что многія лица были сильно заинтересованы въ томъ, чтобы отклонить преслѣдованія. Къ тому же публика слишкомъ мало принимала участія въ жертвахъ преступленій; она скорѣе трунила надъ мужьями, которые отправлялись на тотъ свѣтъ вслѣдствіе пріема grains de santé, надъ людьми богатыми, которыхъ poudre de succession отрывалъ отъ ихъ сокровищъ. Г-жа Дрё, жена весьма уважаемаго члена парламента, пыталась нѣсколько разъ разорвать брачные узы мѣшавшіе ей предаваться ея галантерейнымъ наклонностямъ и предлагала 2000 экю и бриллiантовый перстень за смерть своего мужа; она же покушалась отравить цвѣтами невѣсту

одного изъ своихъ любовниковъ. Это всѣмъ было извѣстно, ее даже заключили въ Бастилію, но тѣмъ не менѣе, она была принята въ лучшемъ обществѣ. Г. де-Куланжъ сочинялъ эпиграммы на г. Дрё переданныя намъ госпожею Севинье, которая, какъ извѣстно, была живымъ и устроумнымъ эхомъ злобы дня того времени. Но издѣваясь надъ другими, всѣ трусили за самихъ себя и всякій, начиная съ короля до послѣдняго подданнаго окружалъ себя всевозможными мѣрами осторожности. Золотые, серебряные и оловянные стаканы, изъ которыхъ обыкновенно пили до тѣхъ поръ, были замѣнены стеклянными, такъ какъ металическая посуда легко передавала напиткамъ свойства ядовитыя. Тѣ, кто обѣдалъ въ городѣ, даже въ кругу близкихъ знакомыхъ и друзей, приносили съ собой свои куверты; бѣлье отдавали чистить только людямъ благонадежнымъ и извѣстнымъ да и то не иначе какъ на глазахъ у хозяйки дома; получаемыя письма окуривали, какъ во время чумы и дамы не принимали букетовъ, потому что и самые цвѣты сдѣлались предметомъ подозрительнымъ. Привыкнувъ часто видѣть, какъ умирали, внезапно словно пораженные громомъ, мужчины въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и женщины блиставшія красотой и молодостью, всѣ, наконецъ, пришли въ тому убѣжденію что всѣ знатныя особи умираютъ отъ яда: Кольберъ, Лувуа, канцлеръ д'Алигръ, герц. Савойскій, архіеп. Перефиксъ, президентъ Ламуаньонъ, Фонтанжъ, принцесса Генріетта. Вездѣ искали виновныхъ и терялись въ напрасныхъ догадкахъ. Даже самъ Расинъ не избѣгнулъ нареканія въ отравленіи д-цы Дюпаркъ, блестящей актрисы изъ труппы Мольера. По свидѣтельству Лавоазень, во время допроса, слухи объ этомъ происшествіи надѣлали столько шума въ Парижѣ, что Лувуа письменно извѣщалъ начальника полиціи о томъ, что король ожидаетъ только его донесенія, чтобы приказать арестовать знаменитаго драматурга.

Съ 1670 по 1680 г. печальныя катастрофы такъ быстро слѣдовали одна за другой, что Людвигъ XIV,

который, до тѣхъ поръ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о происходившемъ и не воображалъ что въ его царствованіе могли совершаться подобные ужасы, счелъ нужнымъ употребить свою власть. Сначала онъ не подозрѣвалъ всей глубинѣ зла и тѣхъ постыдныхъ обличеній, которыя должны были пасть на членовъ знатнѣйшихъ фамилій, на высшую администрацію и на лица приближенныя ко двору. Правда, король былъ склоненъ къ деспотизму, самовластію, столько же по своему личному характеру, сколько по убѣжденіямъ религіознымъ, но по справедливому замѣчанію Равессона, онъ гнушался преступленіемъ и, какъ частный человѣкъ, былъ несравненно лучше нежели значительная часть его подданныхъ. Послѣ многихъ совѣщаній съ своими министрами, онъ приказалъ Ла Рени приступить къ самому дѣятельному розыску, не щадя никого. Всѣ парижскіе полицейскіе чины были тотчасъ же поставлены на ноги, аресты умножились въ громадной пропорціи и жители столицы пришли въ истинное изумленіе, когда узнали что Парижъ вмѣщаетъ въ себѣ такое множество такихъ тяжкихъ преступниковъ.

Судилище учрежденное Людвигомъ XIV (chambre ardente) приступило къ слѣдствію съ необыкновенной энергіей и согласно съ данной ему инструкціей, начало производить свои розыски начиная съ простыхъ угольщиковъ, слѣсарей и вообще мелкой парижской буржуазіи, до лицъ приближенныхъ къ королю. И тутъ зловѣщій свѣтъ внезапно пролился на это общество по видимому столько благоустроенное, спокойное и религіозное. И вотъ, что писалъ Рени, приведенный въ ужасъ своими открытіями, къ Лувуа отъ 23 января 1681 г.

«Множество преступленій упоминаемыхъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ невольно смущаетъ умъ, и хотя въ нихъ сознаются сами виновники, хотя многія подобныя преступленія уже были обнаружены и получили заслуженное наказаніе, тѣмъ не менѣе, эта обширная тор-

говля ядами и отравленіями, все таки кажется невѣроятною и трудно объясняемою».

Эти обличенные преступники были Бренвилье, Ванексъ и другіе менѣе извѣстные злодѣи, но сколько еще имъ подобныхъ ожидаю заслуженнаго возмездія. Преемницей Бренвилье была Лавоазенъ: находясь въ менѣе выгодныхъ общественныхъ условіяхъ она предлагала свои услуги какъ аристократіи, такъ и мелкому мѣщанству. Жена одного мясника изъ faubourg S-t Antoine, получивъ побои отъ своего мужа, обращается къ ней за совѣтомъ и Лавуазенъ снабжаетъ ее нѣсколькими порошками. Жена столяра на улицѣ Charonne проситъ ея содѣйствія и получаетъ хорошо завернутый пакетъ, а вскорѣ потомъ умираетъ ея мужъ. Одна мать поручаетъ ей дать ядъ своему сыну, который, въ свою очередь, изъявляетъ желаніе отравить мать. Лавуазенъ устроиваетъ нѣчто въ родѣ аукціона, беретъ ту сторону отъ которой ожидаетъ бо́льшей платы и подноситъ матери смертоносное питье. Впрочемъ отравленіе не составляло ея исключительной спеціальности; она также занималась выкидышами и съ этой цѣлью вступила въ сообщество съ повивальной бабкой, по имени Леперъ, которая, какъ значится въ процессѣ, имѣла вѣрнѣйшія секретныя средства, и могла по ея собственному выраженію «возстановлять честь тѣхъ женщинъ, которыя лишились ея». Она приготовила многихъ ученицъ въ числѣ которыхъ была и ея собственная дочь. Эта шайка существовала въ 1672 г. когда одна изъ участницъ ея нанесла смертельную рану дѣвицѣ Герши (M-lle de Guerchy) фрейлинѣ вдовствующей королевы — которую ея любовникъ Витри рѣшился застрѣлить изъ пистолета, чтобы положить конецъ ея страданіямъ. Полагаютъ, что Леперъ и ея соучастницы были виною не менѣе 10.000 выкидышей и что Лавуазенъ сожгла не менѣе 2.500 зародышей для приготовленія изъ тѣла ихъ разныхъ волшебныхъ снадобій. Она успѣла пріобрѣсти 100.000 экю и уже собиралась выѣхать изъ Франціи и переселиться

подъ другимъ именемъ гдѣ либо въ безопасное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлали отравительницы и ворожеи нажившія себѣ состояніе, если долго онѣ не удалялись въ монастырь; но полиція предувѣдомленная заблаговременно о ея намѣреніи, не допустила ее до выѣзда и 22 февраля 1680 г. Лавуазенъ была сожжена на Гревской площади. Еще наканунѣ казни она ужинала съ наилучшимъ аппетитомъ и распѣвала въ насмѣшку церковные гимны, что и заставило мадамъ Севинье сказать, что она, самымъ любезнымъ образомъ предала свою душу дьяволу.

Около 12 священниковъ и въ томъ числѣ одинъ Янсенистъ, были замѣшаны въ преступленіяхъ, которыя подлежали суду, «Огненной Палаты» (chambre ardente). Изъ нихъ наиболѣе неистовый и преступный близко знакомый со всѣми злодѣями, отравитель-артистъ — по словамъ Ла-Рени былъ нѣкій аббатъ Гибуръ (Guibourg) выдававшій себя за сына Монморанси. По всему вѣроятію, никто другой какъ онъ, пустилъ въ ходъ «бѣсовскія обѣдни» о которыхъ упоминается такъ часто въ дѣлахъ «Архивовъ» Бастиліи. Хотѣла-ли женщина внушить любовь, удержать за собой любовника, или отдѣлаться отъ своего мужа, она заказывала обѣдню въ какомъ-либо замкѣ, если это было въ деревнѣ, или у какой-либо ворожеи если это было въ Парижѣ, не рѣдко даже въ какомъ-либо подземельѣ, или заброшенной лачужкѣ. Въ иныхъ случаяхъ, священникъ совершавшій эти святотатственные обряды иногда держался служебника, какъ напр. аббатъ Даро вреста зародышей, освящая ящерицъ вообще всякихъ гадовъ, мертвыя кости истолченныя въ порошокъ, и обрывки веревокъ, на которыхъ вѣшали преступниковъ — все это составляло матеріалъ для приготовленія талисмановъ или волшебныхъ напитковъ, къ которымъ примѣшивали Св. Дары. Нерѣдко колдованія сопровождались обрядами самыми возмутительными и непристойными. Дочь пресловутой Лавуазенъ въ своихъ показаніяхъ при допросѣ о подробностяхъ богослуженія о. Гибура

въ домѣ ея матери. разсказываетъ слѣдующее: «алтарь устроивался на стульяхъ съ матрацами; женщину на тѣлѣ которой должна была совершиться мисса сажали голою съ ногами опущенными внизъ и головой опрокинутой назадъ; ей клали на животъ бѣлье или салфетку а сверху ея клали крестъ и зажигали свѣчи». Ла-Рени, въ своихъ донесеніяхъ сообщаетъ еще болѣе подробныя свѣдѣнія о другихъ миссахъ Гибура и его сообщниковъ, которые эксплуатировали легкомысліе и порочныя наклонности парижскаго общества, называя женщинъ добровольно соглашавшихся на эти омерзительныя продѣлки. Между ними находились, къ сожалѣнію и стыду имена историческія говоритъ одинъ французскій рецензентъ Архивовъ Бостиліи. Желающихъ ближе ознакомиться съ этими темными дѣлами блестящаго вѣка великаго короля мы отсылаемъ къ самимъ матеріаламъ изданнымъ г. Равесономъ.

Въ розыскахъ и допросахъ, встрѣчаются по временамъ, такія подробности, которыя заставляютъ подозрѣвать что неоднократно составлялись заговоры съ цѣлью посягательства на жизнь Людвига XIV; но судъ, не смотря на всевозможныя старанія, никогда не былъ въ состояніи собрать достаточно свѣдѣній для удостовѣренія факта, или, быть можетъ, умышленно прекращалъ дальнѣйшія преслѣдованія, когда видѣлъ, что въ дѣлѣ замѣшаны лица занимавшія высокое положеніе въ государствѣ. Достовѣрно то, что весьма близкія отношенія завязались между отравительницами и нѣкоторыми придворными дамами, что дѣвицы Фонтанжъ и Лавальеръ только случайно ускользнули отъ злобы ихъ соперницъ и что Марія Манчини (графиня де-Суассонъ) положительно была уличена въ томъ, что прибѣгала къ помощи Лавуазень при содѣйствіи г-жи Аллюи, которая нѣкогда способствовавъ ея любовной связи съ королемъ, теперь хотѣла помочь ей въ отмщеніи. 23 января 1680 года графиня де-Суассонъ была арестована вмѣстѣ съ г-жею Аллюи, но Людвигъ XIV не рѣшился предать въ руки

правосудія женщину, которую онъ такъ нѣжно любилъ. Онъ пріостановилъ состоявшійся приговоръ и поручилъ герцогу Бульонскому извѣстить о немъ подсудимыхъ, которыя въ ту же самую ночь спаслись бѣгствомъ изъ Парижа. Мать графа Соассонскаго, г-жа де-Кариньянъ (m-me de Carignan), которая всегда презирала свою невѣстку за ея легкое поведеніе и даже подозрѣвала въ отравленіи сына, хотѣла, по крайней мѣрѣ, спасти честь своей фамиліи. Она отправилась въ Версаль, просить милости у короля, который отвѣчалъ ей съ выраженіемъ глубокаго прискорбія «я хочу, чтобы графиня была спасена, но можетъ быть, я отдамъ въ этомъ отчетъ Богу и моимъ подданнымъ». Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1681 г. «Огненная Палата» произнесла безчисленные приговоры: «она начинаетъ пылать сильнѣе чѣмъ когда нибудь, писалъ своему правительству нѣкто находившійся на службѣ при англійскомъ посланникѣ. Въ самомъ дѣлѣ на канунѣ была повѣшена дѣвица Шанфренъ, любовница аббата Гибура, и сожженъ на Гревской площади, извѣстный отравитель Дешо, который искалъ кліентовъ по всему Парижу, не пренебрегая платою въ какія нибудь 30 су за отправленіе человѣка на тотъ свѣтъ. Спустя нѣсколько дней была обезглавлена г-жа Карада, жена лѣснаго смотрителя, а надъ г-жей Лескалонье было заочно совершенъ обрядъ казни сожженіемъ ея изображенія. Аресты усиливались съ каждымъ днемъ, розыски наводили наслѣды новыхъ преступленій и все предвѣщало что не одна знатная особа будетъ скомпрометирована. Изъ числа лицъ, которыя могли подлежать карѣ законовъ, многія имѣли поддержку въ высшихъ классахъ общества и даже въ самой Палатѣ находили друзей или родственниковъ. Аббатъ Гибуръ и другіе аббаты такъ далеко простерли злодѣйство, что судьи не рѣшились безчестить, нѣкоторыя почтенныя семейства, близкія ихъ сердцу и пользовавшіяся до тѣхъ поръ всеобщимъ уваженіемъ, члены которыхъ были замѣшаны въ этихъ позорныхъ дѣлахъ. Къ

тому же они не хотѣли дать оружіе въ руки противникамъ католицизма, предавая палачу всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу священниковъ. Людвигъ XIV, съ своей стороны, уступая чувству патріотическаго цѣломудрія не желалъ уронить Францію въ глазахъ Европы, раскрывая предъ ней тѣ язвы, которыя она носила внутри себя. Вѣроятно, онъ также имѣлъ причину опасаться, что изъ числа любимыхъ имъ женщинъ, не одна гр. Соасонъ участвовала въ этихъ беззаконіяхъ. Оттого-то приговоры суда поразили только злодѣевъ привиллегированныхъ, — составителей ядовъ, спеціалистовъ отравленія и тайно былъ отданъ приказъ прекратить дальнѣйшія преслѣдованія. Устрашенные совершившимися карами тѣ которыхъ пощадила палата, чувствуя свою виновность, удалились за границу, чтобъ скрыть свой стыдъ и свое раскаяніе или старались заставить позабыть о себѣ, заключившись въ глубокое уединеніе. Общественное мнѣніе такъ долго отличавшееся крайней снисходительностію, высказалось съ неумолимой строгостью, когда рука палача коснулась нѣсколькихъ крупныхъ преступниковъ а такъ какъ все скоро измѣняется во Франціи,—отравленіе стало внушать омерзеніе, съ тѣхъ поръ, какъ оно вышло изъ моды. Что касается колдуновъ, заклинателей, ворожей, то они не теряли своего значенія во время регентства и при Людвигѣ XV и даже, можно сказать, не утратили его до сихъ поръ, потому что всѣ нелѣпости тайныхъ наукъ и въ наше время еще находятъ горячихъ адептовъ. Правда, діаволъ уже не имѣетъ прежняго обаянія и для вызыванія его уже не зажигаютъ черныхъ свѣчей аббата Гибура, но возвратившись въ первобытный мракъ, онъ намъ оставилъ кровавыхъ вороновъ (le corbeau sanglant) симпатическихъ жуковъ (escargots) картогадателей, некромантовъ, толкующихъ духовъ, ясновидящихъ сомнамбуловъ, г-жу Ленорманъ и Аллана Кардека, Алексиса и д-цу Пижеръ, медіумовъ, спиритовъ, вертящіеся и говорящіе столы. Оттого-то, прежде чѣмъ гордиться нашей цивилизаціей, намъ не мѣшало бы вспомнить что если въ XVII в.

были отравители и сказался упадокъ нравовъ, такъ ярко изображаемый разсмотрѣнными нами матеріалами, то XIX столѣтія ознаменовало себя комуной и сопровождавшими ея ужасами.

Вотъ уже два вѣка отдѣляютъ насъ отъ «Огненной Палаты» и мы точно также какъ и г. Рени, задаемся вопросомъ: возможно-ли, чтобы столь ужасающія преступленія совершались въ эпоху, которую привыкли считать за самую блестящую въ исторіи? Но если мы захотимъ вникнуть поглубже въ самую сущность вещей, то скоро увидимъ, что это общество, имѣвшее, извнѣ, столь правильный видъ, скрывало подъ своей блестящей наружностью, много немощей и нравственнаго зла. — И это зло вело свое начало съ весьма давнихъ временъ: Франція наслѣдовала отъ XVI-го столѣтія нелѣпую вѣру въ тайныя науки, а отъ Фронды — неуваженіе къ законамъ, страсть къ поединкамъ, и любовь къ интригамъ. Искреннее, дѣятельное благочестіе уступило мѣто узкой, лицемѣрной набожности, которую Лабрюйэръ обличилъ въ «Онуфріѣ» а Мольеръ—въ «Тартюфѣ». Многіе молились только устами, но теплота вѣры скрывалась только въ немногихъ избранныхъ сердцахъ. При всемъ томъ, во всѣхъ классахъ общества выдѣлялись избранныя натуры, люди доблести и непреклонной честности, соединенной съ строгостью нравовъ и изяществомъ въ обращеніи. Эта такъ сказать аристократія доблести несомнѣнно существовало во Франціи того времени, она давала арміи храбрыхъ воиновъ, парламенту и другимъ государственнымъ учрежденіямъ — дѣятелей добросовѣстныхъ, независимыхъ и свыкшихся съ упорнымъ трудомъ, а церкви — людей глубоко проникнутыхъ своимъ призваніемъ. Мы, до сихъ поръ составляли себѣ понятіе о XVII в. только по этой аристократіи чести и интеллигенціи и, ослѣпленные ея обаяніемъ, не смотрѣли вокругъ нея и подъ нею, а между тѣмъ бы слѣдовало, по примѣру «Палаты» произвести обыски какъ въ обширныхъ

аппартаментахъ Версали, такъ и на улицахъ Парижа. Лабрюйэръ, въ одной главѣ своего извѣстнаго сочиненія—«О придворной жизни» и Сен. Симонъ, въ своихъ «Мемуарахъ» взяли на себя трудъ познакомить насъ изъ какихъ элементовъ состояла эта надмѣнная и вмѣстѣ раболѣпная масса людей, которая только и заботилась о томъ, какъ бы увеличить свое состояніе посредствомъ ласкательства и низостей, и если мы прослѣдимъ ея безконечно запутанныя интриги, ея честолюбивыя никого не щадящія соперничества, то легко поймемъ, какъ личности болѣе смѣлыя и испорченныя изъ этой среды старались выдвигаться впередъ посредствомъ яда.

Женщины предающіяся преступному руководительству ворожей — дочери и родственницы тѣхъ, которыхъ безстыдное и часто продажное кокетство заклеймилъ Бюсси-Рабютенъ въ своемъ «Pays de braquerie». Вельможи покупающіе на вѣсъ золота знаменитые пакетики Лавуазенъ—это бретёры временъ Фронды, находящіе что эти пакетики несравненно благонадежнѣе ихъ шпаги, это старые волокиты или юноши рожденные посреди шума оружія и которыхъ военное ремесло довело до непозволительной грубости. Населеніе Парижа, взятое въ массѣ, заключало въ себѣ множество элементовъ пригодныхъ для преступленій; въ низшихъ слояхъ, оно было глубоко невѣжественно и алчно. Находясь въ нуждѣ, оно увлекалось, обольщалось роскошью и, какъ видно изъ инвентаря недвижимыхъ имуществъ составленнаго Ламарромъ, стремилось, во что бы то ни стало, къ обогащенію и безбоязненно пріобрѣтало смертоносныя напитки, разсчитывая на безнаказанность, на слабость и безсиліе полиціи. Множество печальныхъ выводовъ представляются сами собой, вытекая изъ приведенныхъ фактовъ: Понятно, что правительство Людвига XIV, имѣя въ виду несостоятельность и медленность обыкновенныхъ судовъ, принуждено было обратить Бастилію въ исправительный домъ, мѣсто предварительнаго заключенія, равно какъ и въ государственную крѣпость. Правда что во мно-

гихъ случаяхъ правительство употребляло произволъ ничѣмъ не извинительный, который, впослѣдствіи, возбудилъ сильное негодованіе и былъ одною изъ главныхъ причинъ французскій революціи. Все это не подлежитъ сомнѣнію, но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что содержимые въ Бастиліи, какія бы ни были причины ихъ ареста, никогда не испытывали въ крѣпости Сент.-Антуанскаго предмѣстья, того жестокаго съ ними обращенія, которымъ запятнало себя послѣдовавшая революціонная эпоха, обратившая терроръ въ орудіе борьбы противъ королевской власти. Гравюры того времени представляющія заточниковъ Бастиліи въ цѣпяхъ не что иное, какъ плодъ фантазіи партій враждебныхъ правительству.

жаютъ, что это она сама задумала такое дѣло, и во всякомъ случаѣ рады этому.

Дѣйствительно, всѣ замѣтили ухаживанія принца Петра.

Маркизъ де-ла—Шетарди многозначительно шепнулъ Нолькену.

— Посмотрите, кажется принцесса Елисавета насъ съ вами ужь находитъ слишкомъ старыми людьми—она отдаетъ предпочтеніе этому юношѣ.

— Нѣтъ, она слишкомъ умна для этого, отвѣтилъ Нолькенъ. Она очень умна, и гораздо хитрѣе, чѣмъ я думалъ сначала!

Безсмысленный вечерь Бирона совершенно разстроился.

Самъ онъ не выходилъ больше изъ кабинета, да и герцегиня курляндская громко сказала, что у нея очень болитъ голова сегодня.

Черезъ полчаса всѣ гости уже разъѣхались съ темнымъ сознаніемъ какой то приближающейся катастрофы. Кто былъ повнимательнѣе и ясно видѣлъ, тѣ думали:

«Ну если онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, если его поступками начинаетъ руководить одно какое то безуміе, значитъ скоро конецъ ему!» И всѣ радовались этому скорому концу и только разсчитывали теперь свои собственные шансы.

Мало по малу Лѣтній дворецъ погрузился въ тишину. По опустѣвшимъ темнымъ заламъ бродила только какая то тѣнь. Эта тѣнь была «дѣвка—дура арапка», которой не спалось.

Она переходила изъ комнаты въ комнату, останавливалась передъ зеркалами, всматривалась въ свое черное, едва освѣщенное луннымъ свѣтомъ лицо, дѣлала себѣ самой ужасныя гримасы и по временамъ хохотала. И ей что то не по себѣ было весь этотъ вечеръ,—можетъ быть и она предчувствовала близкую бурю.

XI.

На слѣдующее утро Анна Леопольдовна проснулась довольно рано и даже рѣшилась одѣться. Она съ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца ждала Миниха.

Чѣмъ больше думала она о своемъ положеніи, тѣмъ оно представлялось ей безнадежнѣе и, кажется, не будь съ ней Юліаны, всегда умѣвшей во время поддержать ее, она дошла бы до отчаянія.

Принцъ, не спавшій всю ночь и не имѣвшій никакой поддержки, уже давно дошелъ до отчаянія.

Онъ рано утромъ хотѣлъ было съѣздить къ Остерману, посовѣтоваться съ нимъ, даже велѣлъ заложить себѣ экипажъ, но сейчасъ же и раздумалъ. Ему страшно было теперь выѣхать изъ дворца—все казалось: вотъ, вотъ возьмутъ да и арестуютъ, и при всемъ народѣ!

Онъ направился было въ комнаты жены, потолковать съ нею, но она его не впустила. Тогда онъ снова вернулся въ свой кабинетъ, заперся, сталъ думать, думать—и мысли приходили ему все такія страшныя, такія печальныя, что наконецъ онъ не выдержалъ и всплакнулъ.

Онъ ужь не думалъ о сверженіи Бирона, не желалъ для себя ничего, ему хотѣлось только какъ бы нибудь вырваться отсюда, уѣхать обратно къ себѣ домой и вздохнуть на свободѣ.

И еслибъ ему сказали теперь, что его ожидаетъ только одно изгнаніе, онъ бы положительно обрадовался. «Но нѣтъ! нѣтъ! не выпуститъ онъ меня!» отчаянно думалъ бѣдный принцъ. «Что-жъ онъ выдумаетъ? что онъ съ нами сдѣлаетъ?...»

А въ это время у подъѣзда Зимняго дворца остановилась карета фельдмаршала. За этой каретой была и другая: въ ней сидѣло нѣсколько человѣкъ кадетъ.

Минихъ и кадеты были немедленно допущены къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Минихъ представилъ кадетъ принцессѣ.

— Вы хотѣли выбрать себѣ пажей, ваше высочество, сказалъ онъ, такъ вотъ—соблаговолите взглянуть на этихъ юношей, можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ и удостоится чести служить вамъ.

Принцесса подняла свои глаза на мальчиковъ.

Всѣ они были какъ на подборъ—красивые, прекрасно сложенные, съ живыми глазами и здоровымъ румянцемъ на щекахъ.

Анна Леопольдовна на мгновеніе задумалась.

«Но развѣ не насмѣшка это?—ей приводятъ выбирать пажей; а завтра, быть можетъ, ее самое съ позоромъ выгонятъ изъ дворца этого.»

И вдругъ болѣе чѣмъ когда либо ей показалась страшною мысль удалиться отсюда, отъ всего блеска, который ее окружаетъ.

Вдругъ ей, постоянно убѣгавшей блеска и общества, страстно захотѣлось видѣть себя на первомъ мѣстѣ, окруженною блестящей свитой. Вѣдь она-же имѣетъ на это право!

Все такъ и должно быть! Неужели нѣтъ никакой возможности уничтожить ея злодѣевъ? Вчера Минихъ говорилъ съ такимъ участіемъ и прямо выразилъ, что можетъ онъ помочь ей. А вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, поможетъ! Что-то онъ будетъ ей говорить? Чѣмъ кончится это лихорадочно ожидаемое ею свиданіе? Вотъ онъ теперь воспользовался предлогомъ представленія этихъ кадетъ, чтобъ быть у ней, чтобъ говорить съ ней! О! дай Богъ, чтобъ все хорошо кончилось! Нужно спасти себя, нужно непремѣнно, тѣмъ болѣе нужно, что сегодня еще утромъ Юліана Менгденъ принесла ей извѣстіе о томъ, что письмо ея къ Линару вручено надежному человѣку и навѣрное въ скоромъ времени будетъ доставлено по назначенію. Линаръ пріѣдетъ! Новая жизнь начнется... Да!.. она начнется—она должна начаться!...

И, за нѣсколько минутъ совсѣмъ убитая и растерянная, Анна Леопольдовна вдругъ вся, съ молодымъ поры-

вомъ отдалась надеждѣ. Она еще разъ и ужь ясными, живыми глазами взглянула на кадетъ.

— Кого-же мнѣ выбрать? я не знаю! любезно улыбнулась она, обращаясь къ Миниху. Такія милыя дѣти— мнѣ ихъ всѣхъ хотѣлось бы при себѣ оставить. Но ихъ много, нельзя. Право они всѣ мнѣ нравятся. По моему нѣтъ между ними худшихъ и лучшихъ, такъ что остается кинуть жребій.

— Юліана! крикнула она въ сосѣднюю комнату.

Юліана сейчасъ же явилась.

— Принеси пожалуйста платокъ, моя милая, сказала ей принцесса,—да нарѣжь семь бумажекъ. На четырехъ изъ нихъ напиши: «пажъ», а три оставь пустыми.

Юліана вышла исполнить приказаніе принцессы.

Анна Леопольдовна любезно обратилась къ кадетамъ, стала ихъ разспрашивать о томъ, кто они? откуда? сколько имъ лѣтъ?

Кадеты, вытянувшись въ струнку, почтительно отвѣчали. Каждый изъ нихъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что вдругъ онъ вынетъ пустую бумажку—каждому такъ хотѣлось быть пажомъ у этой милой, молодой принцессы.

Но вотъ и бумажки готовы. Онѣ скручены въ трубочки, положены въ платокъ, перемѣшаны.

Принцесса взяла своей маленькой, бѣлой рукой платокъ за четыре уголка, встряхнула его и приказала кадетамъ подходить одному за другимъ.

Подошелъ первый кадетъ, вынулъ бумажку, дрожащими руками развернулъ ее. Она была пустая.

Неудержимыя слезы показались на глазахъ бѣднаго мальчика.

Принцесса ласково потрепала его по плечу и сказала:

— Очень жалѣю, мой милый, но такова судьба! Больше четырехъ пажей мнѣ теперь выбрать невозможно. Еслибъ могла, конечно всѣхъ васъ при себѣ бы оставила.

Мальчикъ, едва удерживая рыданія, отошелъ въ сторону. За нимъ еще болѣе трепетно подошелъ другой.

Этотъ вынулъ бумажку со словомъ «пажъ» и весь расцвѣлъ.

Принцесса протянула ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

Затѣмъ сразу вышли двѣ пустыхъ бумажки; остальныя ужь брать не приходилось.

Анна Леопольдовна всѣмъ протягивала свою руку; новые пажи ее цѣловали.

— Фельдмаршалъ, — обратилась она къ Миниху, — будьте такъ добры, распорядитесь, чтобъ этихъ милыхъ дѣтей хорошенько угостили, прежде чѣмъ они отправятся обратно. А сами ко мнѣ вернитесь.

Минихъ увелъ мальчиковъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Теперь, ваше высочество, прямо началъ онъ, — мы можемъ безъ помѣхи поговорить съ вами и я очень радъ, что вы однѣ. Я хорошо понимаю ваше положеніе. Я вижу, какъ вы страдаете и нахожу, что теперь именно пришло время приступить къ чему нибудь рѣшительному

Надежда, мелькнувшая было передъ Анной Леопольдовной, снова исчезла.

«Приступить къ чему нибудь рѣшительному! что это значитъ?» подумала она.

— То есть — на что же мнѣ нужно рѣшиться, графъ? вопросительно взглянула она на Миниха, — рѣшаться не на что! Мы до такой степени окружены шпіонами — каждый шагъ нашъ извѣстенъ! Всѣ намъ преданные люди уже схвачены!...

Минихъ улыбнулся.

— Это показываетъ только, что нужно дѣйствовать осторожно, а не такъ какъ до сихъ поръ дѣйствовалъ принцъ. Да! нужно дѣйствовать осторожно и рѣшительно!

Анна Леопольдовна вся вздрогнула. Ей ужь представилось, что Минихъ вовлекъ ее въ новый заговоръ, что этотъ заговоръ, конечно, сейчасъ же открытъ Бирономъ.

Ей мерещилась ужь даже не просто ссылка, а пытки и Богъ знаетъ что!

— Нѣтъ, нѣтъ, графъ! торопливо перебила она,— я не хочу ничего. Я ни о чемъ не мечтаю. Я знаю, регентъ желаетъ насъ уничтожить, удалить отсюда, ну что-жь! я согласна. Я уѣду, я отъ всего откажусь... Но мнѣ только одно нужно,—чтобъ меня не разлучали съ сыномъ, чтобъ мнѣ позволили увезти его съ собой. Больше мнѣ, право, ничего не нужно!...

Минихъ продолжалъ чуть замѣтно улыбаться.

— Графъ, вы имѣете вліяніе на регента, ради Бога уговорите его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ взять съ собою сына...

— Не стану я его уговаривать, принцесса, отвѣчалъ Минихъ. — И я вовсе не затѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобъ слышать отъ васъ такія слова. Какъ! вы хотите всѣмъ пожертвовать? Хотите пожертвовать собою и даже вашимъ сыномъ, императоромъ? Богъ съ вами, принцесса, развѣ это возможно? Нѣтъ! передъ вами открывается самая лучшая будущность! Я явился къ вамъ для того, чтобъ сказать вамъ, что пришло время дѣйствовать и что я готовъ служить вамъ всѣми моими силами. Вы говорите, что Биронъ хочетъ васъ уничтожить! можетъ быть это и правда! даже больше—я долженъ вамъ прямо сказать, что это правда! Я знаю, что онъ очень желаетъ вашего удаленія, ну такъ и съ нимъ нечего церемониться! Мы его уничтожимъ прежде чѣмъ онъ успѣетъ оглянуться; скажите мнѣ только слово, разрѣшите дѣйствовать—и, я надѣюсь, все будетъ хорошо кончено!

Принцесса, услышавъ эти слова, до такой степени испугалась, какъ будто бы Минихъ объявилъ ей о томъ, что вотъ сейчасъ должны явиться и схватить ее, и запереть въ крѣпость. Она была въ эти послѣдніе дни такъ напугана Бирономъ, она такъ привыкла вѣрить въ его всемогущество. Она не могла представить себѣ, что этотъ человѣкъ можетъ быть уничтоженъ — и кѣмъ же?—ею!

Еще вотъ сейчасъ она себѣ повторяла, что нужно освободиться, она мечтала о новой жизни,—и вотъ когда ей предлагаютъ эту жизнь, она вся трясется отъ страха.

Потомъ еще одна страшная мысль приходитъ ей въ голову: — а ну какъ Минихъ только играетъ роль преданнаго ей человѣка! Ну какъ онъ просто на просто подосланъ самимъ Бирономъ и теперь вотъ пойдетъ и донесетъ ему, что она задумываетъ новый заговоръ, что она желаетъ его свергнуть.

— Нѣтъ! нѣтъ, графъ! отчаянно повторяла она, я ни о чемъ не думаю, я ничего не желаю замышлять, я просто страдаю отъ оскорбленій, которыя меня заставляютъ выносить. Я просто хочу уйти отъ этой невыносимой жизни, вздохнуть спокойно. Мнѣ ничего не нужно, только бы мнѣ оставили сына и позволили съ нимъ уѣхать куда нибудь подальше.

Минихъ пожалъ плечами.

— Вы не можете желать только этого! Вы не имѣете наконецъ права передъ всей Россіей! Отъ Бирона страдаете не вы однѣ—всѣ отъ него страдаютъ:—нужно же съ этимъ покончить! нужно отъ него избавиться!

— Я не знаю, прошептала принцесса,—регентъ насъ ненавидитъ, но можетъ быть онъ незамѣнимый человѣкъ для государства! И должно быть — такъ! и вы же сами такъ еще недавно это думали. Вѣдь вы же, графъ, и способствовали его утвержденію регентомъ.

Лицо Миниха оживилось.

Онъ наконецъ понялъ въ чемъ дѣло.

— А! вы не вѣрите моей искренности, ваше высочество! вы меня сейчасъ упрекнули въ томъ, что я способствовалъ утвержденію Бирона регентомъ — да, я этому способствовалъ! Я не скрываюсь, да и нельзя мнѣ скрываться, но не стану я скрывать и причину, заставившую меня это сдѣлать. Если я старался о регенствѣ Бирона, то только для того, чтобы побудить покойную императрицу назначить себѣ преемника. Иначе же, повѣрьте, преемникъ престола не былъ бы назна-

ченъ. Биронъ не допустилъ бы этого, Императрица умерла бы безъ завѣщанія—и представьте себѣ въ какое ужасное положеніе была бы поставлена Россія! были бы страшныя бѣды! да и вы страдали бы не меньше, а навѣрное больше чѣмъ теперь, и не было бы исхода изъ этого положенія...

Анна Леопольдовна внимательно слушала.

Минихъ говорилъ все съ возрастающимъ жаромъ и наконецъ добился того, что совершенно убѣдилъ ее. Она повѣрила его искренности.

— Я вѣрю вамъ, вѣрю, графъ, сказала она, протягивая ему руку. И, надѣюсь, вы мнѣ простите мое сомнѣніе. Войдите и въ мое положеніе—вѣдь просто не знаешь кому вѣрить, кого бояться. Со всѣхъ сторонъ враги, недоброжелатели! Но теперь я вамъ вѣрю и знаю, что только на одного васъ я и могу положиться. Вы только одинъ и въ состояніи спасти меня! Но я не могу, я не смѣю требовать отъ васъ этого спасенія—спасая меня, вы слишкомъ многимъ сами рискуете. Мнѣ за васъ страшно!

— За меня не бойтесь, возразилъ Минихъ,—я знаю что дѣлаю. Я пріѣхалъ только за вашимъ согласіемъ и если вы мнѣ его даете, то я прошу васъ успокоиться. Мнѣ нужно только нѣсколько часовъ все получше обдумать. Я надѣюсь одержать новую побѣду—и на этотъ разъ безъ всякой крови! Только прошу я васъ—не говорите ничего принцу. Я очень радъ, что не засталъ его здѣсь—принцъ слишкомъ неостороженъ и я боюсь, что онъ, пожалуй, замѣшаетъ въ это дѣло Остермана. А теперь вся остермановская хитрость намъ ничего не поможетъ—только повредитъ. Онъ будетъ медлить, онъ будетъ раздумывать, тогда какъ медлить и раздумывать невозможно. Да и наконецъ... наконецъ я за Остермана не отвѣчаю и я сомнѣваюсь даже, чтобъ этотъ человѣкъ былъ искренно расположенъ къ вамъ, принцесса! Если его руками будетъ сверженъ Биронъ, то правителемъ окажется

принцъ, а я, говоря откровенно, желаю одного — я желаю сдѣлать васъ правительницей, принцесса!..

Снова свѣтлая надежда охватила Анну Леопольдовну. Она восторженно глядѣла на Миниха. Этотъ рѣшительный, самоувѣренный человѣкъ теперь казался ей дѣйствительно всемогущимъ.

Онъ такъ говорилъ, что, слушая его, нельзя было ему не вѣрить. Онъ очевидно знаетъ, что дѣлаетъ и все, что говоритъ онъ про Остермана, про принца, совершенно справедливо. Еслибъ точно былъ уничтоженъ Биронъ и правителемъ объявленъ принцъ Антонъ, то принцессѣ тоже хорошаго ожидать нечего — въ послѣднее время ея отношенія къ мужу совершенно испортились. Нѣтъ! ужь если будетъ такое счастье, что избавятся они отъ лютаго своего врага, то нужно о себѣ думать и себѣ все устроить!

— Благодарю васъ! со слезами на глазахъ прошептала Анна Леопольдовна, крѣпко сжимая руку Миниха, — благодарю васъ! Я ни слова не скажу мужу. Я полагаюсь только на васъ одного. Но Боже мой! если вамъ предстоитъ опасность, если вы не совсѣмъ увѣрены въ успѣхѣ — оставьте это дѣло!

— Завтра утромъ я скажу вамъ мое послѣднее рѣшеніе, отвѣчалъ Минихъ вставая. А теперь — до свиданья, принцесса, прошу васъ успокойтесь и ободритесь — только съ бодрымъ духомъ и можно что нибудь сдѣлать, а страхъ только погубитъ!

Минихъ вышелъ и вслѣдъ за нимъ появилась Юліана Менгденъ. Она все время стояла тутъ, въ двухъ шагахъ, за портьерой и слышала весь разговоръ. И Анна Леопольдовна знала, что она его слышитъ, и ничего противъ этого не имѣла — все равно она не могла бы скрываться отъ Юліаны.

Она бросилась на шею своему другу и зарыдала. Это былъ даже какой то истерическій припадокъ, такъ что Юліана долго не могла ее успокоить. Но вотъ наконецъ слезы остановились. Принцесса откинулась головою на

спинку кресла и обратилась къ Юліанѣ, не выпуская руки ея.

— Ну скажи мнѣ, что ты объ этомъ думаешь? Должна ли я на него положиться? Сдѣлаетъ ли онъ то, что обѣщаетъ.

— Я думаю, сказала Юліана, что если на кого нибудь полагаться, то именно на него. И у меня еще сегодня съ утра какое-то хорошее предчувствіе—я увѣрена, что все устроится самымъ лучшимъ образомъ.

— Да? ты увѣрена? у тебя предчувствіе? радовалась принцесса.

И это хорошее предчувствіе Юліаны ее ободряло даже гораздо больше, чѣмъ всѣ слова Миниха.

Онѣ стали разсуждать о томъ: что̀ будетъ когда онѣ свергнутъ Бирона и когда пріѣдетъ Линаръ.

Но долго говорить о Линарѣ имъ не удалось—принцъ Антонъ не вынесъ наконецъ своего одиночества и почти вбѣжалъ въ комнату. Онъ очень изумился заставъ жену и Юліану съ радостными, оживленными лицами: онѣ очевидно даже только что смѣялись.

— Есть время смѣяться и радоваться! мрачно сказалъ принцъ, — тутъ вотъ того и жди насъ всѣхъ арестуютъ, а вы смѣетесь!

— Конечно вы дѣлаете все возможное для того, чтобъ насъ арестовали, замѣтила ему принцесса, — но Богъ дастъ и не арестуютъ. Да и еслибъ даже арестовали, такъ неужели такъ же трусить, какъ вы трусите. Знаете ли, что я еще никогда въ жизни не встрѣчала такого труса!

Лицо принца вспыхнуло, но онъ тщетно искалъ словъ, чтобы отвѣтить на эту обиду. Онъ самъ въ послѣднее время сознавалъ себя ужаснымъ трусомъ. Онъ только недружелюбно взглянулъ на жену и опять вышелъ изъ комнаты.

Вослѣдъ ему раздался смѣхъ Анны Леопольдовны.

— Видишь, сказала она обращаясь къ Юліанѣ, и я умѣю кое что устроивать, когда надо. Ты то пока еще

думала, какъ намъ отъ него отдѣлаться, а я сказала одно слово и онъ выбѣжалъ какъ ужаленный. Ну, теперь не вернется, мы можемъ говорить безъ помѣхи.

И онѣ снова начали передавать другъ другу всѣ свои планы и надежды, и снова имя Линара постоянно повторялось въ ихъ рѣчи.

XII.

На безоблачномъ, блѣдно-голубомъ, съ легкимъ розоватымъ оттѣнкомъ, небѣ, въ слабомъ морозномъ туманѣ вышло солнце и оживились петербургскія улицы. Недавно выпавшій снѣгъ, скрѣпленный первымъ морозомъ, ярко блестѣлъ и переливался радужными цвѣтами. Въ почти безвѣтрянномъ воздухѣ прямыми бѣлыми столбами поднимался дымъ изъ трубъ. Петербургскій людъ весело привѣтствовалъ ясный зимній денекъ и какъ то оживленнѣе спѣшилъ по улицамъ.

И никто не зналъ и не догадывался, что этотъ ясный денекъ задался не даромъ, что онъ готовитъ большое событіе. Не догадывались объ этомъ даже и тѣ, кто давно ужь ожидалъ этого событія....

Регентъ Россійской имперіи, герцогъ курляндскій, Биронъ, вышелъ въ дорогой собольей шубѣ на крыльцо Лѣтняго дворца, вдохнулъ полной грудью свѣжій, чистый воздухъ и весело огляделся.

Передъ нимъ, въ почтительной неподвижности, стоялъ караулъ гвардейскій; его окружала многочисленная свита, ловящая каждое его слово, каждое движеніе. Прямо въ его глаза заглядывало зимнее солнце и смѣялось, и искрилось.

Герцогъ обернулся.

За нимъ стоялъ принцъ Антонъ брауншвейгскій.

Еслибъ принцъ Антонъ зналъ, о чемъ въ эту минуту идетъ разговоръ между его женою и фельдмаршаломъ Минихомъ въ Зимнемъ дворцѣ, онъ не отвѣтилъ бы

конечно такой почтительной улыбкой на взглядъ регента. Но онъ ничего не зналъ—принцесса ничего ему не сказала и только какъ то странно улыбнулась, когда онъ объявилъ ей, что отправляется къ регенту и намѣренъ всячески постараться сойтись съ нимъ снова.

— Не уѣзжайте, принцъ, зайдемте въ манежъ, я вамъ покажу моего новаго жеребца — удивительное животное! сказалъ довольно любезно Биронъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ принцъ Антонъ. — Вы знаете, что лошади, особенно такія лошади, какихъ вы умѣете выбирать себѣ, — это моя слабость.

Бѣдный принцъ ужь окончательно начиналъ льстить регенту. Онъ зналъ, что только этимъ способомъ и можно смирить его.

И дѣйствительно Биронъ еще любезнѣе улыбнулся.

— Да, лошади... лошади, проговорилъ онъ, это благородная слабость.

И онъ, весело жмурясь отъ яркаго солнца, поспѣшилъ въ манежъ, взявъ подъ руку принца Антона.

Вся свита почтительно за ними послѣдовала.

Знаменитый жеребецъ былъ выведенъ и подробно осмотрѣнъ.

Регентъ снялъ съ себя шубу, привычнымъ легкимъ движеніемъ вскочилъ на нервно дрожащаго коня и проѣхался по манежу.

На него дѣйствительно можно было полюбоваться въ эти минуты — такъ онъ держался на лошади. Всѣ присутствовавшіе усиленно громко восхищались и конемъ и наѣздникомъ.

Биронъ начиналъ увлекаться своей любимой забавой. Онъ пускалъ лошадь галопомъ и вдругъ осаживалъ ее на всемъ скаку, заставлялъ ее ходить мѣрнымъ шагомъ, описывалъ по манежу удивительные круги, граціозно выдѣлывалъ цифры и буквы, какъ конькобѣжецъ на льду. Его глаза разгорѣлись, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ, онъ радостно кивалъ головою на шумныя

фразы восхищенія, раздававшіяся послѣ каждаго удачнаго его фокуса. Ему было хорошо, весело, привольно.

Но вдругъ глаза его потухли, со щекъ исчезъ румянецъ, — чтожъ такое случилось? Или конь неловко оступился? или въ великолѣпномъ конѣ этомъ герцогъ вдругъ замѣтилъ какой нибудь недостатокъ? Нѣтъ! конь держалъ себя безукоризненно и чистота его породы была внѣ всякаго сомнѣнія. Что жъ? или между окружающими, между этими восхищающимися зрителями герцогъ замѣтилъ какое-нибудь подозрительное лицо? уловилъ чей нибудь недружелюбный взглядъ? чье нибудь непочтительное слово? Нѣтъ! зрители всѣ до одного были прекрасными актерами, всѣ до одного изображали собою воплощеніе восторга и благоговѣнія.

Просто какая-то неясная мысль мелькнула въ головѣ регента и даже не мысль, а что то совсѣмъ неуловимое, какое-то странное, непонятное ощущеніе. Это ощущеніе въ послѣдніе дни все чаще и чаще начинало преслѣдовать Бирона. Оно являлось внезапно, среди самыхъ веселыхъ мыслей и мигомъ разгоняло эти мысли, мигомъ наполняло всю душу какимъ-то мучительнымъ страхомъ ожиданія чего-то ужаснаго и неминуемаго.

Биронъ остановилъ коня и спрыгнулъ на землю.

Его встрѣтили самыя вычурныя фразы похвалъ и удивленія, но онъ ужь слушалъ ихъ разсѣянно и долго не могъ придти въ себя, долго не могъ избавиться отъ непонятнаго мучительнаго чувства.

Вотъ ужь раздраженіе послышалось въ его голосѣ: онъ всегда кончалъ раздраженіемъ въ подобныя минуты.

Принцъ Антонъ видя, что регентъ снова въ дурномъ настроеніи духа, поспѣшилъ откланяться и уѣхалъ къ себѣ, боясь какой нибудь новой непріятной сцены.

Изъ манежа Биронъ отправился прямо во дворецъ и не выходилъ до обѣда.

Къ обѣду пріѣхали между прочими: Левенвольде и фельдмаршалъ Минихъ.

Минихъ, по своему обычаю, былъ любезенъ и веселъ,

съ чувствомъ цѣловалъ руки у герцогины курляндской и говорилъ комплименты ея дочери Гедвигѣ.

Къ регенту онъ относился также съ необыкновенной почтительностью и, глядя на него, каждый, конечно, призналъ бы въ немъ самаго преданнаго, неизмѣннаго друга этого семейства. А между тѣмъ ловкій и смѣлый планъ ужь окончательно созрѣлъ въ головѣ фельдмаршала.

Улыбаясь и любезничая, и почтительно дружескимъ тономъ бесѣдуя съ Бирономъ, онъ зналъ, что пройдетъ еще нѣсколько часовъ и этотъ самый Биронъ будетъ въ рукахъ его. Онъ еще утромъ окончательно приготовилъ принцессу Анну Леопольдовну—прямо объявилъ ей, что въ нынѣшнюю ночь намѣренъ схватить Бирона.

Сначала принцесса начала, какъ и вчера, отказываться, говорила, что не можетъ допустить, чтобъ Минихъ ради нея жертвовалъ своей жизнью и всѣмъ своимъ семействомъ. Совѣтовала ему, покрайней мѣрѣ, хоть сговориться съ другими, съ Левенвольдомъ напримѣръ.

Но Минихъ отвѣчалъ ей, что она обѣщала положиться на него одного, что онъ никого не хочетъ вовлекать въ опасность и намѣренъ самъ, одинъ, сдѣлать все дѣло.

Аннѣ Леопольдовнѣ ужь нечего было возражать ему и она со слезами на глазахъ стала восхищаться его великодушіемъ и смѣлостью.

— Ну хорошо, сказала она на прощанье, — только ради Бога дѣлайте поскорѣй! Еслибъ вы знали, какъ я волнуюсь!..

— Медлить не буду, отвѣчалъ Минихъ, да и нельзя мнѣ медлить.—Мой преображенскій полкъ завтра смѣнится по карауламъ, тогда будетъ труднѣе.

И вотъ онъ отправился обѣдать къ Бирону и теперь чувствовалъ даже какое то раздражающее наслажденіе въ томъ, что вотъ онъ сидитъ посреди ихъ, со своей завѣтной тайной, которую не открылъ никому, даже родному сыну, что они всѣ смотрятъ на него, какъ на своего человѣка...

«Еслибъ онъ зналъ, думалъ Минихъ, поглядывая на регента,—еслибъ онъ зналъ, что у меня въ мысляхъ и что должно совершиться сегодня, онъ немедленно бы велѣлъ схватить меня и я бы тогда не вырвался изъ когтей его. Но онъ не знаетъ и не узнаетъ!»

И фельдмаршалъ наслаждался все больше и больше.

Обѣдъ шелъ довольно вяло. Хозяинъ былъ все еще сумраченъ, а хозяйка и никогда не отличалась разговорчивостью и любезностью. Бесѣду поддерживалъ опять таки только Минихъ, постоянно шутившій съ Гедвигой.

Но вотъ одна фраза нежданно поразила Миниха и заставила его вздрогнуть.

Левенвольде вдругъ, ни съ того ни съ сего, обратился къ нему и сказалъ:

— А что, графъ, я давно хотѣлъ спросить васъ, во время вашихъ походовъ вы никогда ничего не предпринимали важнаго ночью?

«Что это такое? быстро мелькнуло въ головѣ Миниха. Что это значитъ? Неужли онъ знаетъ что нибудь? Неужли подозрѣваетъ? Откуда же?.. Сегодня утромъ принцесса совѣтовала мнѣ обратиться къ нему, а теперь вотъ онъ задаетъ мнѣ такой вопросъ... Можетъ быть она съ нимъ видѣлась! можетъ быть, что нибудь ему сказала! Но въ такомъ случаѣ вѣдь это ужасно! Вѣдь онъ все можетъ испортить!»

А между тѣмъ нужно было отвѣтить, нужно было совладѣть съ собой и успокоиться, иначе Биронъ замѣтитъ. Весь успѣхъ дѣла виситъ на волоскѣ.

Какое нибудь неосторожное движеніе, ничтожное слово—и все пропало!

Но Минихъ умѣлъ владѣть собой. Черезъ секунду его волненія какъ не бывало. Онъ спокойно взглянулъ на Левенвольде и отвѣчалъ.

— Не помню, чтобъ я когда нибудь предпринималъ что либо чрезвычайное ночью, но мое правило пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ.

Левенвольде замолчалъ и разговоръ на томъ кончился.

А мрачное настроеніе Бирона все продолжалось. Онъ всталъ изъ за стола разсѣянный и молчаливый. Онъ нѣсколько разъ не отвѣтилъ на обращенные къ нему вопросы, очевидно совсѣмъ ихъ не слышалъ.

Это замѣтили всѣ, даже его жена.

— Что съ вами? обратилась она къ нему.

— Ничего! мнѣ что то не по себѣ, разсѣянно отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣдь, нужно посовѣтоваться съ докторомъ, замѣтилъ Минихъ.

— Нѣтъ, не нужно—я не боленъ, можетъ быть усталъ сегодня въ манежѣ—много ѣздилъ!

И съ этими словами Биронъ направился въ свои покои.

Но онъ еще обернулся на порогѣ и сказалъ Миниху:

— Пріѣзжайте, графъ, вечеромъ,—много дѣлъ скопляется, поговорить нужно.

Минихъ сказалъ, что пріѣдетъ, а самъ подумалъ, что въ такомъ случаѣ исполненіе его плана запоздаетъ часа на два.

«Но больше чѣмъ на два часа ты отъ меня не ускользнешь», закончилъ онъ свою мысль.

Скоро во дворцѣ стало темно: всѣ разъѣхались.

Биронъ не выходилъ изъ кабинета. Онъ то принимался читать лежащія на его письменномъ столѣ бумаги, то бросалъ ихъ и нервно ходилъ по комнатѣ. Тоска давила его все больше и больше и наконецъ дошла до того, что онъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ и не зналъ отчего такъ несчастливъ, не зналъ, что такое творится съ нимъ. Что это—болѣзнь приближается страшная, или бѣда подходитъ?

Но онъ не въ силахъ былъ рѣшать эти вопросы, онъ просто, наконецъ, переставалъ думать. Мысли путались, находило полузабытье какое то странное.

И въ этомъ полузабытьи онъ встрѣтилъ вернувшагося по его зову Миниха. Онъ пробовалъ говорить съ

нимъ о дѣлахъ; но фельдмаршалъ съ изумленіемъ замѣчалъ въ немъ необыкновенную разсѣянность.

Часовъ около одинадцати они простились.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Миниха Бирону подали какой то пакетъ съ надписью понѣмецки. Онъ развернулъ его и прочелъ.

Это было письмо отъ Липмана, банкира—еврея, который когда то ссужалъ Бирона деньгами и которому въ послѣдніе годы герцогъ курляндскій сильно протежировалъ.

Липманъ извѣщалъ его свѣтлость, что затѣвается нѣчто недоброе, что герцогу необходимо принять мѣры. Просилъ его назначить ему аудіенцію, говорилъ, что онъ явится съ другимъ своимъ товарищемъ, Биленбахомъ, и на словахъ они передадутъ все, что знаютъ...

Биронъ прочелъ это письмо и даже его не понялъ. Перечелъ еще разъ.

«Что такое? подумалъ онъ. Нужно послать за ними сейчасъ-же! Нужно узнать!»

Вотъ ужь рука его протянулась къ колокольчику— но онъ не позвонилъ. Письмо упало на коверъ. Герцогъ опустилъ голову на руки и забылся.

А въ это время Минихъ, вернувшись къ себѣ, велѣлъ позвать своего перваго адъютанта, подполковника Манштейна.

Манштейнъ засталъ фельдмаршала въ туфляхъ и халатѣ, совсѣмъ готовымъ идти въ спальню.

— Что прикажете, ваше сіятельство? спросилъ онъ.

— А вотъ что, мой милый, отвѣтилъ Минихъ—никуда не уѣзжайте, останьтесь эту ночь у меня—вы мнѣ понадобитесь очень рано. Я велю вамъ приготовить постель, ложитесь сейчасъ и постарайтесь скорѣй заснуть, я васъ разбужу, когда надо будетъ.

Манштейнъ изумлено взглянулъ на фельдмаршала, но тотъ такъ ничего и не пояснилъ ему и пошелъ въ спальню....

Минихъ снялъ съ себя халатъ и туфли, легъ на постель, прикрылся одѣяломъ и сталъ думать.

Ему казалось, что онъ лежитъ въ походной палаткѣ, что черезъ нѣсколько часовъ ему предстоитъ генеральное сраженіе, что передъ нимъ непріятельская армія, которую побѣдить нужно.

И дѣйствительно, онъ готовился къ генеральному сраженію, но ему предстояла битва не похожая на тѣ, въ которыхъ онъ одерживалъ свои блестящія побѣды, ему предстояла битва одинъ на одинъ съ могущественнымъ непріятелемъ, битва не при громѣ пушекъ, а въ глубокой тишинѣ морозной зимней ночи. И отъ этой битвы зависѣла не только судьба его, но даже судьба цѣлаго русскаго государства.

Но вотъ мысли начинаютъ путаться, беретъ дремота, глаза сами собою смыкаются.

Минихъ вскочилъ съ постели, снова надѣлъ халатъ и туфли и началъ ходить по комнатѣ.

«Нѣтъ, этакъ заснешь!» думалъ онъ. Взглянулъ на часы: ужь скоро два часа. Онъ снова снялъ халатъ и началъ одѣваться. Вотъ онъ ужь готовъ. Вотъ онъ кликнулъ своего камердинера, велѣлъ поскорѣе заложить карету—да тихо, не будить никого! и чтобъ кучеръ дожидался во дворѣ.

Камердинеръ вышелъ, а Минихъ отправился будить Манштейна.

Манштейнъ сладко спалъ, забывши все любопытство, возбужденное въ немъ непонятнымъ поступкомъ фельдмаршала. Но вотъ онъ проснулся, протеръ глаза и увидѣлъ передъ собою Миниха въ полной парадной, преображенской формѣ.

— Одѣвайтесь скорѣе, сказалъ Минихъ, намъ пора ѣхать.

— Куда ѣхать? робко спросилъ Манштейнъ.

— Въ Зимній дворецъ—а оттуда въ Лѣтній.

Глаза Манштейна широко раскрылись: онъ начиналъ понимать въ чемъ дѣло.

— Я думаю, что могу на васъ положиться? проговорилъ фельдмаршалъ, протягивая ему руку. Вѣдь вы готовы идти со мною?

— Еще-бы! съ нервной дрожью сказалъ Манштейнъ, куда угодно! на какія угодно опасности.

— Вы понимаете въ чемъ дѣло?

— Понимаю, ваше сіятельство! Вы можете на меня положиться.

— Благодарю васъ. Впрочемъ я и такъ былъ въ васъ увѣренъ...

Черезъ нѣсколько минутъ съ задняго двора дома Миниха выѣхала карета и быстро помчалась по направленію къ Зимнему дворцу.

На петербургскихъ улицахъ стояла глубокая тишина: все спало мертвымъ сномъ, только кое гдѣ за воротами лаяли собаки, только покачиваясь со стороны на сторону, разводя руками и о чемъ то разсуждая сама съ собою, черезъ улицу плелась жалкая, отрепанная фигура пьянаго мастероваго.

Быстро мчавшаяся карета чуть было не наѣхала на эту фигуру. Пьяный мастеровой однако во время отшатнулся, повалился на снѣгъ и долго безсмысленно глядѣлъ на удаляющуюся карету. Онъ не понималъ, что это такое промчалось, да и гдѣ же ему было понять?—еслибъ не только пьяный мастеровой, но и весь Петербургъ проснулся и увидѣлъ эту карету, то и тогда бы никто не понялъ, какъ много она значитъ.

Эта карета приснилась только метавшемуся въ тревожномъ снѣ регенту Россійской Имперіи, да и то приснилась въ видѣ чего то огромнаго, безформеннаго, ужаснаго, несущагося на него съ сверхъестественной силой и готоваго раздавить его.

XIII

Карета объѣхала Зимній дворецъ кругомъ и остановилась у задняго подъѣзда. Здѣсь все было пусто; только сторожъ дремалъ закутавшись въ тулупъ. Онъ даже не слыхалъ, какъ подъѣхала карета и не окликнулъ входившихъ на крыльцо Миниха и Манштейна.

Они поднялись по темной лѣстницѣ, отворили какую то дверь.

— Кто тамъ? услышали они изъ сосѣдней комнаты, но ничего не отвѣчали! Вотъ къ нимъ вышла заспанная служанка и, увидя ихъ, вскрикнула.

— Не кричи! не кричи! сказалъ Минихъ,—ничего не случилось! Поди поскорѣй и разбуди фрейлину, госпожу Менгденъ.

— Да какъ же вы прошли? Вѣдь здѣсь... здѣсь гардеробная принцессы! шептала изумленная и испуганная служанка.

— Поди и разбуди госпожу Менгденъ! строго повторилъ Минихъ.

И служанка удалилась, не смѣя ослушаться генерала.

Юліана не заставила себя долго ждать.

Она появилась въ пеньюарѣ, не причесанная, но съ блестящими, вовсе не заспанными глазами.

Она очевидно еще не ложилась и дожидалась.

— Ну что? что? обратилась она къ Миниху. Вѣдь ничего дурнаго? Нѣтъ?

— Ничего дурнаго. Нужно разбудить принцессу—мнѣ необходимо увидѣться съ нею, я буду дожидаться здѣсь...

— Хорошо, сейчасъ!

И Юліана быстро скрылась.

Не прошло и пяти минутъ, какъ она вернулась снова и пригласила Миниха слѣдовать за нею.

Манштейнъ остался въ гардеробной.

Минихъ прошелъ двѣ комнаты и увидѣлъ передъ собою принцессу.

Маленькая лампочка тускло освѣщала большую комнату; но все же и въ этомъ полумракѣ можно было замѣтить, какъ блѣдна и какъ трепещетъ Анна Леопольдовна.

— Неужли вы рѣшились? Неужли сейчасъ все должно быть? дрожащимъ голосомъ спросила она, подавая руку Миниху.

— Да, сейчасъ, сейчасъ, или никогда! твердо проговорилъ онъ. Теперь отступать невозможно. Вы должны рѣшиться, перестать колебаться, перестать бояться—все благополучно кончится, даю вамъ въ этомъ слово.

— Я рѣшилась, прошептала принцесса, — чего же вы отъ меня требуете?

— Нужно объявить офицерамъ и солдатамъ, а затѣмъ необходимо, чтобы вы ѣхали со мною въ Лѣтній дворецъ. Моя карета здѣсь дожидается.

— Мнѣ... съ вами ѣхать? въ ужасѣ всплеснула руками Анна Леопольдовна.—Нѣтъ, графъ, ни за что! Дѣлайте что хотите, но я... я не поѣду!—это свыше силъ моихъ!

Краска раздраженія вспыхнула на щекахъ Миниха, но онъ удержался.

— Ну хорошо! пожалуй! и безъ этого обойтись можно. Только здѣсь, то, передъ офицерами, вы должны выказать твердость; обѣщаетесь ли вы мнѣ въ этомъ?

— Да, обѣщаюсь! сказала Анна Леопольдовна, прислонившись къ спинкѣ высокаго кресла. Ея ноги дрожали.

Минихъ вышелъ къ Манштейну и приказалъ ему позвать къ принцессѣ, этимъ же заднимъ ходомъ, всѣхъ караульныхъ офицеровъ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ снова вернулся къ Аннѣ Леопольдовнѣ и всячески старался ободрить ее.

Когда офицеры, изумленные и еще не понимающіе въ чемъ дѣло, показались на порогѣ комнаты, принцесса ужь совершенно владѣла собой.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и граціозно поклонилась вошедшимъ.

— Я призвала васъ, господа, обратилась она къ нимъ дрогнувшимъ, но громкимъ голосомъ,—чтобы просить вашей помощи. Вы знаете мое расположеніе ко всѣмъ вамъ, ко всему войску. Я кажется никогда не подавала вамъ повода быть недовольными мною?

— Конечно, ваше высочество, разомъ сказали офицеры—и ради васъ мы всегда готовы жертвовать нашей жизнью.

— Благодарю васъ! продолжала принцесса. Ну такъ вотъ видите, я и рѣшаюсь требовать отъ васъ жертвы! Съ самой минуты кончины императрицы я не знаю покоя. Меня, моего мужа и моего сына—императора преслѣдуетъ регентъ. Онъ хочетъ удалить насъ изъ Россіи. Онъ хочетъ совершенно завладѣть всѣмъ. Онъ осыпаетъ насъ обидами и оскорбленіями, онъ обращается со мною не какъ съ матерью императора. Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно даже сносить всѣ эти обиды. Я долго терпѣла, но наконецъ рѣшилась его арестовать и поручила это дѣло фельдмаршалу Миниху. Надѣюсь, зная вашу храбрость и вѣрность мнѣ, что вы будете повиноваться своему генералу и помогать ему исполнить мое порученіе!

Офицеры выслушали эти слова съ очевидною радостью.

— Матушка! ваше высочество! Давно мы всѣ этого желаемъ! и вы несказанно обрадовали насъ вашими словами. Исполнимъ вашу волю, хотя бы пришлось положить жизнь свою!

— Благодарю васъ! прошептала растроганная принцесса и протянула къ нимъ руки.

Они кинулись цѣловать эти протянутыя руки, а Анна Леопольдовна каждаго изъ нихъ перецѣловала въ лобъ. Но тутъ твердость ей измѣнила. Она безсознательно опустилась въ кресло и едва слышно сказала Миниху:

— Ступайте! да хранитъ васъ Богъ!

Минихъ подалъ знакъ офицерамъ и они всѣ вышли.

Сошедши съ фельдмаршаломъ внизъ, офицеры тотчасъ же кинулись къ караульнымъ солдатамъ, поставили ихъ подъ ружье.

Вотъ передъ солдатами показался Минихъ, и прежде чѣмъ они его узнали въ ночномъ сумракѣ, онъ заговорилъ имъ:

— Ребята! сказалъ онъ, нужно спасать Императора и его родителей отъ человѣка, присвоившаго себѣ власть и творящаго всякія беззаконія: готовы вы идти за мною?

— Рады стараться! хоть въ огонь пойдемъ за тобою! весело крикнули солдаты, наконецъ дождавшіеся минуты, которой они давно и страстно ожидали. Тогда Минихъ началъ распоряжаться.

Онъ оставилъ сорокъ человѣкъ здѣсь, при знамени, а съ восьмьюдесятью, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и Манштейна, отправился къ Лѣтнему дворцу.

Тихо, по пустой, темной улицѣ подвигалось это шествіе.

Вотъ и Лѣтній дворецъ; передъ входомъ караулы.

Минихъ остановился со своимъ отрядомъ и послалъ Манштейна объявить дворцовымъ карауламъ о намѣреніи Анны Леопольдовны.

Всѣ чутко прислушивались и приглядывались. Ничего не слышно, только замѣтно движеніе въ караулѣ.

Вотъ Манштейнъ бѣгомъ возвращается и объявляетъ, что тамъ съ радостью его выслушали и даже предложили свою помощь при арестованіи герцога.

— Ну такъ возьмите съ собой одного офицера и двадцать солдатъ, обратился Минихъ къ Манштейну,—и ступайте, арестуйте Бирона, а если онъ станетъ сопротивляться, такъ и убейте его. Мы будемъ васъ ждать.

Манштейнъ съ двадцатью солдатами направился ко дворцу; наружный караулъ сейчасъ-же пропустилъ его. Уже входя на крыльцо, онъ велѣлъ солдатамъ слѣдовать за собою издали, и какъ можно тише. А самъ пошелъ дальше.

Вотъ онъ одинъ—караульные во внутреннихъ комнатахъ ничего не знаютъ: пропустятъ-ли они его? — Можетъ быть задержатъ? Можетъ быть вмѣсто благополучнаго и блестящаго исполненія этого неожиданнаго, смѣ-

лаго плана, Манштейну предстоитъ арестъ и затѣмъ казнь? Но смѣлый подполковникъ быстро отогналъ отъ себя эти мысли и твердою поступью пошелъ дальше.

Караулы всюду пропускали — они знали, что это старшій адъютантъ фельдмаршала и конечно думали, что онъ явился къ регенту съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ.

Манштейнъ прошелъ цѣлую анфиладу комнатъ и остановился. Онъ не зналъ, куда ему идти дальше: не зналъ, гдѣ спальня регента. Спросить у лакеевъ? нельзя — поднимется шумъ!

И вотъ онъ рѣшился идти все впередъ и впередъ,— авось выйдетъ именно туда, куда ему нужно.

Онъ прошелъ еще двѣ комнаты и очутился передъ запертыми на ключь дверьми.

Онъ сильно рванулъ двери и онѣ отворились, потому что не были приперты задвижками внизу и вверху.

Манштейнъ вошелъ въ большую комнату. Въ углу, на высокой мраморной подставкѣ, горѣла лампа, заслоненная рѣзнымъ абажуромъ.

Прямо передъ собою, въ глубинѣ комнаты, Манштейнъ замѣтилъ огромную, роскошную кровать подъ балдахиномъ.

Онъ на цыпочкахъ подошелъ по мягкому ковру къ кровати, откинулъ штофную занавѣску и разглядѣлъ Бирона и его жену. Оба они спали крѣпкимъ сномъ.

Биронъ, почти всю эту ночь метавшійся и ежеминутно вскакивавшій съ постели, наконецъ утомился и заснулъ. И ужь ничего ему не грезилось. Его не возмущали больше страшныя сновидѣнія, призраки. Онъ дышалъ мѣрно. Лицо его было спокойно.

Манштейнъ стоялъ у кровати съ той стороны, гдѣ лежала герцогиня.

— Проснитесь! громко сказалъ онъ.

Но они не просыпались.

Тогда онъ наклонился еще ближе къ кровати и сказалъ еще громче: «проснитесь!»

Биронъ и его жена разомъ открыли глаза, испуганно взглянули на Манштейна и приподнялись съ подушекъ.

— Что это? Что? съ ужасомъ выговорилъ регентъ.

Герцогиня взвизгнула и закрылась одѣяломъ.

— Арестую васъ именемъ его императорскаго величества! громко произнесъ Манштейнъ, обнажая шпагу.

— Караулъ! отчаяннымъ голосомъ крикнулъ Биронъ.

— Караулъ! взвигнула подъ одѣяломъ герцогиня.

И при этомъ Биронъ вскочилъ и Манштейну показалось, что онъ хотѣлъ спрятаться отъ него подъ кровать.

— Караулъ! продолжалъ кричать Биронъ.

— Молчите! грозно выговорилъ Манштейнъ, быстро обѣжалъ кругомъ кровати и старался схватить регента.

Но тотъ началъ обороняться и кричалъ еще громче.

— Молчите! васъ все равно никто не услышитъ. Я привелъ съ собой много солдатъ и если вы будете сопротивляться, то я убью васъ.

Биронъ вздрогнулъ.

Манштейнъ схватилъ его и крѣпко держалъ до тѣхъ поръ, пока не явились солдаты.

Вотъ вся ужь комната наполнена народомъ.

Герцогиня все лежитъ закутанная одѣяломъ и визжитъ.

Манштейнъ передалъ Бирона солдатамъ. Но когда они подошли, чтобъ взять его, онъ вдругъ собралъ всѣ свои силы, сжалъ кулаки и сталъ отмахиваться на право и на лѣво. Солдаты кинулись и долго не могли совладѣть съ нимъ.

Завязалась отчаянная борьба. Вотъ ужь рубашка регента разорвана, вотъ ужь его колотятъ по чему попало сильныя мозолистыя руки. Онъ все еще отмахивается; но наконецъ силъ больше нѣтъ. Его повалили на коверъ, засунули носовой платокъ въ ротъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, закутали въ одѣяло и вынесли изъ спальни.

Несчастный Биронъ былъ въ какомъ-то забытьи, не

шевелился и со стороны можно было подумать, что это несутъ безжизненное тѣло.

Въ первую секунду, когда голосъ Манштейна разбудилъ его, онъ подумалъ, что случилось что нибудь очень важное и что Манштейнъ прибѣжалъ предупредить его. Ему и въ голову не могла придти мысль относительно фельдмаршала Миниха; онъ даже сразу не повѣрилъ ушамъ своимъ, когда услыхалъ слова Манштейна: «арестую васъ».

Но Манштейнъ повторилъ эту ужасную фразу.

«Что-жъ это такое? неужли дѣйствительно это арестъ и паденіе? неужли его могутъ арестовать... здѣсь, въ его Лѣтнемъ дворцѣ? въ его спальнѣ? Здѣсь по крайней мѣрѣ онъ считалъ себя въ безопасности—вѣдь кругомъ народъ, бездна прислуги, караулы! значитъ что-жъ?.. значитъ всѣ въ заговорѣ... всѣ?! Но это вѣдь не можетъ быть! Этотъ негодный Манштейнъ прокрался какъ воръ... стóитъ только крикнуть и вотъ сбѣгутся люди, и схватятъ этого Манштейна, и весь этотъ низкій заговоръ рушится! И онъ еще разъ посмѣется надъ своими врагами, да такъ посмѣется, что потомъ ни у кого ужь не поднимутся руки на него, никто не рѣшится выдумывать заговоровъ».

И онъ отчаяннымъ голосомъ закричалъ: «караулъ».

Но вотъ Манштейнъ его схватываетъ. Манштейнъ говоритъ, что сейчасъ явятся солдаты.

«Караулъ! караулъ!» повторяетъ Биронъ, а между тѣмъ никто не является ему на помощь.

Вотъ и солдаты! Его хватаютъ. Мысли его остановились; онъ совершенно машинально отбивался отъ солдатъ. Но его схватили, связали и вотъ онъ ужь ни о чемъ не думаетъ. Онъ все забылъ. Ни страха, ни ужаса, ни отчаянія, ни злобы нѣтъ въ немъ. Онъ только чувствуетъ, какъ мало по малу начинаетъ разбаливаться его тѣло, какъ крѣпко скручены руки, какъ неловко солдаты несутъ его. Ему трудно дышать; у него болятъ челюсти; у него противно во рту отъ всунутаго платка.

И онъ старается дѣлать языкомъ и зубами осторожныя движенія, чтобъ какъ-нибудь освободиться отъ этого платка. Но нѣтъ, видно ничего не подѣлаешь!

И вотъ онъ начинаетъ сердиться на то, что никакъ не можетъ помочь себѣ. Онъ сердится на этотъ несносный платокъ и снова повторяетъ свои усилія, и снова придумываетъ всякія хитрости, какъ бы какимъ-нибудь образомъ освободиться отъ платка. И всѣ его мысли и всѣ его чувства поглощены этой работой.

И ему ужь начинаетъ казаться, что и дѣло-то все въ одномъ только этомъ платкѣ. Что стоитъ отъ него освободиться и тогда все кончено, тогда не останется ничего больше страшнаго и дурнаго. Потомъ онъ вдругъ начинаетъ думать о томъ: — чтожъ дальше будетъ? Но онъ не думаетъ о своей будущности, а думаетъ только о томъ, что будетъ черезъ минуту, черезъ пять минутъ, черезъ часъ.—Куда его повезутъ и какъ повезутъ? Неужли въ одѣялѣ? вѣдь холодно, морозъ, да и неприлично. «Нѣтъ! что-нибудь да сдѣлаютъ, непремѣнно сдѣлаютъ!» успокоительно заканчиваетъ онъ и только ждетъ съ любопытствомъ.

Онъ ужь о платкѣ позабылъ, какъ - то привыкъ къ этому непріятному ощущенію во рту...

Бирона снесли внизъ, въ караульную. Сняли съ него одѣяло и закутали солдатской шинелью.

«А! солдатская шинель, подумалъ онъ. Какъ-же это я не догадался? конечно въ солдатскую шинель должны закутать—во что-жъ больше? такъ будетъ теплѣе! только вотъ какъ ноги?»

Но о ногахъ регента никто не подумалъ: онъ такъ и остался босикомъ. Солдаты вынесли его на улицу — тутъ дожидалась подъѣхавшая карета Миниха—его посадили въ карету. Съ нимъ сѣлъ офицеръ.

— Куда? спросилъ кучеръ.

— Въ Зимній дворецъ! отвѣчалъ офицеръ, захлопывая дверцу.

Карета уѣхала и даже пьяный мастеровой не встрѣтился ей на дорогѣ.

Никто не зналъ и не подозрѣвалъ въ какомъ странномъ, маскарадномъ костюмѣ проѣхался этой морозной ночью регентъ россійской имперіи. Только солдаты, стоявшіе группами около Лѣтняго дворца, тихомолкомъ послали ему свои неособенно любезныя привѣтствія...

Герцогиня курляндская, закрывшись съ головой въ одѣяло, продолжала визжать все время, пока происходила борьба въ спальнѣ. Она перепугалась до того, что почти обезумѣла. Она слышала бряцанье оружія, слышала крики своего мужа, понимала, что его хватаютъ, разслышала, или вѣрнѣе, почувствовала, какъ онъ упалъ, какъ замолкъ, но она не рѣшилась выглянуть изъ подъ своего одѣяла.

«Онъ молчитъ, не кричитъ больше — что-жъ это? должно быть его убили?» И вотъ она сама перестала визжать и лежала неподвижно, ожидая, что вотъ, вотъ сейчасъ и ее убьютъ. Но можетъ быть ее не замѣтятъ! нужно лежать тише!—и она совсѣмъ притаила дыханіе.

«Вотъ уходятъ изъ комнаты! вотъ все тихо» Она выглянула: «никого нѣтъ!» На полу у постели оторванный кусокъ рубашки герцога:—чтожъ это такое?»

И сама себя не помня, съ выкатившимися страшно глазами, она кинулась изъ спальни, бѣжала по комнатамъ въ одной рубашкѣ и босикомъ выбѣжала изъ дворца.

Вотъ солдаты, толпа... но она ихъ не боится — она ничего не помнитъ; она забыла, въ какомъ она видѣ, не чувствуетъ холода.

Вотъ подъѣзжаетъ карета, въ карету сажаютъ кого-то. Она угадала, что это мужъ ея и она бѣжитъ, бѣжитъ по двору, по снѣгу босыми ногами за ворота. Хочетъ кинуться къ каретѣ. Но какой-то солдатъ бросается и схватываетъ ее.

Она опять кричитъ и отбивается. Она вцѣпилась зубами въ руку солдата, но солдатъ ни на что не обращаетъ вниманія и тащитъ ее.

— Что прикажете съ нею дѣлать? спрашиваетъ онъ, подтаскивая герцогиню къ Манштейну.

— Отвести во дворецъ, отвѣчаетъ Манштейнъ и спѣшитъ скорѣй къ Миниху за приказаніями.

Герцогиня продолжаетъ кричать и кусаться.

— Отвести во дворецъ! ворчитъ солдатъ, — легко сказать — да какъ это я сдѣлаю? И въ какой дворецъ? Назадъ что ли, али туда — въ Зимній?.. Карета-то вонъ, вишь, уѣхала, а другую гдѣ теперь взять? Что-жъ, это значитъ, на своей спинѣ везти? Ишь, злющая, какъ вцѣпилась! зубы-то! зубы-то... вонъ до крови прохватила. Э, да гдѣ-жъ съ ней тутъ возиться!..

И солдатъ, не долго думая, отшвырнулъ ее отъ себя и быстро скрылся.

Несчастная герцогиня упала на кучу снѣга. Она ужь перестала кричать. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и наконецъ потеряла сознаніе. И долго такъ лежала она, раздѣтая, на снѣгу, пока наконецъ одинъ изъ офицеровъ не подошелъ къ ней. Онъ ужаснулся, увидя ее въ такомъ положеніи, и крикнулъ солдатамъ.

Солдаты сошлись и окружили ее. Она не шевелится. Что-жъ, сейчасъ, пожалуй, станутъ издѣваться надъ нею? да и какъ не издѣваться! теперь она безсильна. Еще нѣсколько часовъ тому назадъ она мнила себя чуть что не императрицей; она протягивала свои руки для поцѣлуевъ сановникамъ и принцамъ; она была олицетвореніемъ человѣческой гордости и тщеславія. По одному ея слову всѣхъ этихъ солдатъ и этого офицера разстрѣляли-бы. Но теперь она безсильна! Она лежитъ обнаженная на снѣгу и только слабая дрожь, по временамъ пробѣгающая по ея членамъ, показываетъ, что она еще не умерла, еще дышетъ.

Ее всѣ ненавидѣли, всѣ, кто зналъ и кто даже не зналъ ее. Никто не говорилъ о ней ни одного добраго слова — такъ какъ-же теперь не издѣваться надъ ней! Но между тѣмъ ни офицеръ, ни солдаты не стали издѣваться.

— Ахъ, Боже мой! смущеннымъ голосомъ проговорилъ офицеръ, — посмотрите, ради Бога, жива-ли она? Вѣдь какъ, бѣдная, выбѣжала! — въ одной рубашкѣ! Этакъ схватитъ смертельную болѣзнь!

— Да! ночка-то морозная и замерзнуть недолго! говоритъ одинъ солдатъ.

— Такъ возьмите ее скорѣй, разотрите, одѣньте, снесите во дворецъ. Да бережнѣе поднимайте? скорѣй, давайте шинели! закутайте, нельзя же такъ! вѣдь въ самомъ дѣлѣ замерзнетъ!

Солдаты бережно подняли герцогиню, скинули съ себя шинели, закутали ее и понесли обратно во дворецъ растирать и одѣвать. И никто не встрѣтилъ ихъ въ пустыхъ комнатахъ. Фрейлины и камеристки герцогини, вся многочисленная прислуга, всѣ, даже «дуры» и карлицы, попрятались, кто куда могъ и не подавали никакихъ признаковъ жизни.

XIV.

— Юліана, куда-жъ ты ушла? вернись! останься со мною! не отходи отъ меня! повторяла Анна Леопольдовна, слѣдуя за Менгденъ, которая вышла было, чтобъ причесаться и одѣться.

Юліана вернулась. Принцесса взяла ее за руку и крѣпко держала, не выпускала.

— Боже мой! что-то тамъ такое? Посмотри на часы! шептала она. Какъ долго идетъ время! Что тамъ дѣлается?

Юліана взглянула на часы—еще рано! Всего пятый часъ въ началѣ.

— Успокойся ради Бога! сказала она принцессѣ,— развѣ въ одинъ часъ можно повернуть все это дѣло? Теперь того и жди вернется фельдмаршалъ и ужь конечно, навѣрное все благополучно—иначе онъ далъ бы знать.

— Ахъ нѣтъ! боюсь, Юля, боюсь ужасно! Вѣдь Биронъ всегда былъ подозрительнымъ человѣкомъ, а ужь теперь, съ этими заговорами, конечно принялъ всѣ мѣры. Схватили нашего фельдмаршала, адъютанта его и всѣхъ солдатъ перехватали... чтожъ теперь будетъ?

И принцесса заплакала.

Менгденъ не знала что и дѣлать съ нею.

Она стала всячески ее успокоивать, но ничто не помогало.

Принцесса выпустила руку своего друга, бросилась на коверъ, закрыла лицо руками и стала молиться, но и молитва не успокоивала. Каждая минута казалась ей чуть-ли не часомъ.

Но, наконецъ, вотъ въ сосѣдней комнатѣ какое-то движеніе.

— Что это? Что? Юля, поди посмотри!

Юліана выбѣжала изъ комнаты и черезъ нѣсколько секундъ вернулась съ радостнымъ лицомъ.

— Все слава Богу благополучно! почти закричала она: — регентъ здѣсь!.. схваченъ... Минихъ идетъ съ докладомъ... и ужь не оттуда, не черезъ гардеробную, а параднымъ ходомъ.

Анна Леопольдовна схватилась за сердце, такъ оно вдругъ шибко забилось.

Неужли такое счастье? или можетъ быть Юліана обманываетъ?! Но нѣтъ, вотъ и самъ фельдмаршалъ. На его сухомъ, красивомъ лицѣ изображается торжество. Онъ улыбаясь подходитъ къ принцессѣ. Она протягиваетъ ему руку, она его обнимаетъ и плачетъ.

— Поздравляю, ваше высочество, — все благополучно!

— Другъ мой! голубчикъ! Я ужь и не знаю, какъ благодарить васъ, всхлипываетъ Анна Леопольдовна на плечѣ Миниха. Какъ же это? чтожъ было? скорѣй... скорѣй разсказывайте!

И Минихъ подробно передалъ ей о случившемся.

— Такъ онъ здѣсь? здѣсь въ караульнѣ? вдругъ забывая всѣ свои волненія и слезы, радостно всплеснула

руками Анна Леопольдовна и даже подпрыгнула какъ ребенокъ. Здѣсь? и не вырвется?

— Гдѣ ужь теперь вырваться! улыбнулся Минихъ.

— Но постойте! погодите,—вдругъ опять тревожная мысль промелькнула въ головѣ принцессы,—вѣдь солдатъ мало, вдругъ его вырвутъ его приверженцы?

— Какіе же приверженцы? отвѣтилъ фельдмаршалъ. Мало что-то онъ нажилъ себѣ приверженцевъ! Къ тому-же я обо всемъ подумалъ. Всѣ, кого можно опасаться, теперь навѣрно тоже ужь арестованы. Я послалъ Манштейна къ Густаву Бирону, а другого своего адъютанта, Кёнигфельса, къ Бестужеву. Не бойтесь, никто отъ насъ теперь не уйдетъ.

Анна Леопольдовна окончательно успокоилась и съ несвойственной ей живостью отдалась порыву вдругъ нахлынувшаго на нее счастья.

Она то пожимала руки Миниху, то бросалась на шею Юліанѣ.

— Боже мой! Чѣмъ мнѣ заплатить вамъ за это? Какъ мнѣ отблагодарить васъ?

— Теперь объ этомъ нечего думать, спокойно проговорилъ фельдмаршалъ. Теперь нужно заботиться только объ одномъ—получше, покрѣпче вамъ-то устроиться. Да еще нужно скорѣй объявить принцу, а то онъ до сихъ поръ, кажется, ничего и не знаетъ.

— Ахъ, объ немъ-то я совсѣмъ и позабыла! самымъ наивнымъ тономъ сказала принцесса. Да, конечно, нужно объявить ему. Поди Юліана, заставь его подняться, приведи сюда.

Минихъ на мгновеніе задумался.

— Такъ вотъ что, принцесса, наконецъ сказалъ онъ,—вы подождите здѣсь принца. Объявите ему сами—объявите, что по всеобщему желанію вы будете правительницей; а я сойду опять внизъ. Я не думаю, чтобы принцъ сталъ съ вами очень спорить... но если понадоблюсь вамъ, то вернусь.

— Нѣтъ, оставайтесь, оставайтесь, торопливо пере-

бина Анна Леопольдовна, — лучше вы ему скажите—вы лучше скажете.

— Нѣтъ, мнѣ неловко, рѣшительно возразилъ Минихъ, я выйду.

И, не слушая возраженій принцесси, онъ быстро скрылся изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ показался принцъ Антонъ.

— Что такое? Что случилось? Зачѣмъ вы меня подняли? обратился онъ къ женѣ, изумленно посматривая на ея сіяющее, счастливое лицо своими заспанными, нѣсколько опухшими глазами.

— Что случилось? а вотъ что! — вы себѣ спали, а между тѣмъ фельдмаршалъ графъ Минихъ арестовалъ Бирона. Биронъ теперь внизу...

— Не можетъ быть! даже попятился отъ изумленія и сталъ протирать себѣ глаза принцъ Антонъ. Не можетъ быть! что это за шутки неумѣстныя!

— Не шутки, а правда. Проснитесь! сказала принцесса.

Принцъ Антонъ наконецъ понялъ, что его не обманываютъ, понялъ, что случилось то, о чемъ онъ не смѣлъ и грезить еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Онъ хотѣлъ кинуться внизъ въ караульню, чтобъ собственными глазами увидѣть сверженнаго регента, но жена его остановила.

— Зачѣмъ вы пойдете? Куда? Останьтесь лучше здѣсь—потолкуемте хорошенько.

Онъ покорно остановился и задумался.

— Чтожъ? Какъ же теперь? Ктожъ теперь? Ктожъ теперь всѣмъ управлять будетъ? И какимъ это образомъ такое дѣло сдѣлано безъ моего участія? Какимъ образомъ мнѣ даже никто и не заикнулся объ этомъ? Чтожъ я то такое тутъ? начиналъ онъ разгорячаться, развѣ я не отецъ императора?!

— Конечно отецъ, отвѣчала принцесса, но вѣдь и я тоже мать его и родная внучка царя Ивана Алексѣе-

вича. Мои права были поруганы Бирономъ и вотъ я приказала арестовать его. За меня войско, за меня весь народъ русскій! съ сегодняшняго дня я правительница Россіи до совершеннолѣтія моего сына.

Принцъ Антонъ окончательно ужь проснулся.

— А, такъ вотъ какъ! вы безъ меня обошлись! можетъ быть и меня прикажете арестовать, ваше высочество?

— Перестаньте говорить вздоръ, очень серьезно замѣтила Анна Леопольдовна. Я намѣрена предоставить вамъ всевозможный почетъ, однимъ словомъ сдѣлать все вамъ угодное, только надѣюсь, что вы не станете со мною бороться. Не доставало еще, чтобъ между нами начались ссоры! Успокойтесь лучше! Предоставьте мнѣ быть правительницею, а себѣ возмите самую спокойную жизнь, какую можно только представить — вамъ будетъ такъ гораздо лучше!

Принцъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, но въ тоже время всѣ мученія, которыя долженъ онъ былъ пережить до этого утра, совершенно его разстроили и сломили всю его небольшую энергію.

«Что-жъ, подумалъ онъ, дѣло ужь сдѣлано, да можетъ такъ и лучше — меньше отвѣтственности, меньше опасности. Пускай ихъ управляются какъ знаютъ».

Онъ снова взглянулъ на жену свою, подошелъ къ ней и протянулъ руку.

— Въ такомъ случаѣ позвольте васъ поздравить, ваше высочество! шутливымъ тономъ съ улыбкой сказалъ онъ, цѣлуя руки Анны Леопольдовны. Препоручаю себя вашимъ милостямъ.

Она прикоснулась губами къ его лбу и шепнула.

— Да вотъ такъ-то лучше!

Она принялась ему разсказывать всѣ подробности этой ночи.

Юліана вышла объявить Миниху, что все сошло благополучно.

И фельдмаршалъ сейчасъ же явился, разсыпался въ

любезностяхъ передъ принцемъ, былъ до такой степени почтителенъ и любезенъ, что бѣдный принцъ Антонъ окончательно примирился со своимъ второстепеннымъ положеніемъ и отъ всего сердца благодарилъ Миниха.

И долго они сидѣли и толковали.

Вотъ ужь свѣтать начинаетъ, пора за работу—впереди еще много дѣла.

— Съ чего мы теперь начнемъ? спросила принцесса.—Да, конечно! сейчасъ же вспомнила она,—прежде всего нужно послать за Остерманомъ.

— Онъ боленъ, проговорилъ Минихъ.

— Что-жъ такое что боленъ? онъ всегда боленъ, но теперь нужно, чтобъ онъ немедленно сюда явился. Развѣ безъ него обойтись можно? Онъ сейчасъ все устроитъ. Онъ сейчасъ увидитъ, гдѣ есть опасность, которую мы въ нашей радости можемъ не замѣтить. Конечно скорѣй... скорѣй за Остерманомъ!

— Пожалуй! проговорилъ Минихъ. Онъ сейчасъ-же сошелъ внизъ и послалъ сказать Остерману, что принцесса проситъ его немедленно явиться къ ней въ Зимній дворецъ....

XV.

Графъ Андрей Иванычъ Остерманъ съ самого чрезвычайнаго засѣданія, созваннаго Бирономъ — того засѣданія, гдѣ такъ смутили и распекли бѣднаго принца брауншвейгскаго—не выходилъ изъ своей комнаты. Онъ ужь тогда, вернувшись домой, сказалъ женѣ, что теперь ему придется быть долго больнымъ, потому что въ воздухѣ носится что-то неладное. — Регентъ торжествуетъ, брауншвейгскіе унижены — но это еще ровно ничего не значитъ.

И вотъ Андрей Иванычъ, сидя запершись въ четырехъ стѣнахъ, пустилъ въ ходъ всѣ свои таинственныя

средства для того, чтобъ хорошенько понять положеніе дѣла и узнать, что теперь ему предпринять слѣдуетъ.

По вечерамъ черезъ кухню въ его кабинетъ прокрадывались какія то фигуры, то будто мужикъ, то будто баба. Но этотъ русскій мужикъ говорилъ съ нимъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ; у бабы появлялся совершенно мужской голосъ.

Андрей Иванычъ внимательно выслушивалъ своихъ тайныхъ посѣтителей и мало по малу начиналъ понимать въ чемъ дѣло. Онъ зналъ, что торжество Бирона минутно, что народъ и войско его ненавидятъ, понималъ, что скоро нужно его будетъ уничтожить. Кто-жъ его уничтожитъ? Конечно онъ, Андрей Иванычъ, и, конечно, такъ, что самъ будто въ сторонѣ останется. Ему ужъ не въ первый разъ рѣшать судьбу Россіи: много лѣтъ, съ самой смерти Петра Великаго, онъ привыкъ все дѣлать по своему, никому о томъ не говоря, ни съ кѣмъ не совѣтуясь.

И вотъ онъ въ эти послѣдніе дни рѣшалъ новую задачу. Онъ зналъ, что можно дѣйствовать и въ пользу брауншвейгскихъ, и въ пользу цесаревны Елисаветы,—и аккуратно, во всѣхъ подробностяхъ, высчитывалъ выгоды того и другаго рѣшенія.

Онъ весь былъ погруженъ въ эту работу, никого не принималъ. Жена его всѣмъ сказывала, что Андрею Иванычу совсѣмъ теперь худо, что даже и ее къ себѣ не впускаетъ.

Теперь Андрей Иванычъ мирно спалъ. Онъ всегда засыпалъ только подъ утро, такъ какъ съ вечера и большую часть ночи его мучила несносная подагра.

Но вотъ онъ сквозь чуткій сонъ слышитъ, какъ скрипнула дверь его спальни; онъ открылъ глаза — передъ нимъ жена.

— Матушка, что это ты? недовольнымъ голосомъ заворчалъ онъ, — уснуть мнѣ нынче не даешь? Сама спозаранку встала — выспалась, а вѣдь я только что задремалъ. Чего дверьми-то хлопаешь?

— Не хлопала бы безъ дѣла, отвѣтила графиня. Вставай, Андрей Иванычъ—гонецъ изъ Зимняго—принцесса зоветъ тебя какъ можно скорѣе по очень важному дѣлу.

Андрей Иванычъ поднялъ голову съ подушекъ.

— Ни за что не поѣду, матушка, ни за что! Богъ съ тобой! и будить меня не слѣдовало изъ за этого. Сама знаешь — не поѣду. Какъ можно теперь ѣхать? Какъ можно во что нибудь вмѣшиваться? Нѣтъ, нѣтъ, поди сама выйди къ гонцу, скажи что такъ я боленъ, шевельнутся не могу, не только что ѣхать... Пусть извинятъ... не могу! не могу!

Графиня вышла передать гонцу этотъ отвѣтъ, а Андрей Иванычъ задумался.

Это что еще такое? что тамъ у нихъ? набрали видно кой кого, опять заговоръ дѣлаютъ—ну такъ не мое это дѣло! Я чужихъ глупостей не участникъ! Какъ нужно будетъ, самъ съѣзжу, а теперь ни!.. теперь я боленъ.

И онъ повернулся къ стѣнкѣ и снова задремалъ.

Но хорошенько выспаться не удалось ему въ это утро. Не прошло еще и часу—опять входитъ графиня и говоритъ, что снова присланъ изъ Зимняго, да ужь не гонецъ простой, а генералъ Стрѣшневъ, ея братъ двоюродный.

— Что такое? ну позови его сюда.

Вотъ вошелъ Стрѣшневъ.

Андрей Иванычъ со стономъ протянулъ ему руку.

— Батюшка, Андрей Иванычъ, заговорилъ Стрѣшневъ,—вставай, одѣвайся, ѣдемъ во дворецъ!

— Ахъ! куда мнѣ! вѣдь ужь сказалъ, что боленъ, не могу!

— Все это очень хорошо, перебилъ его, улыбаясь, Стрѣшневъ, но самъ знаешь, что есть такія обстоятельства, которыя заставляютъ даже всякую болѣзнь перемочь. Одѣвайся.

— Не могу! не могу! повторялъ Остерманъ.

— Анъ можешь! анъ поднимешься! продолжалъ улы-

баться Стрѣшневъ, хочешь объ закладъ биться, что встанешь? скажу одно слово такое и встанешь.

— Да что такое? Что ты? ужь оживленнѣе спросилъ Остерманъ. Какое такое слово?

— А вотъ какое: въ караульнѣ Зимняго дворца сидитъ одинъ человѣкъ, и видѣлъ я того человѣка своими глазами, и человѣкъ тотъ Биронъ. Регентъ сидитъ въ караульнѣ — слышишь?

— Что ты! вскочилъ съ кровати Остерманъ, даже совсѣмъ позабывъ про свои больныя ноги. Что ты? неужь-то?

— Братецъ, пойдемъ, зайди ко мнѣ на минуточку, пока онъ будетъ одѣваться, обратилась графиня къ Стрѣшневу и увела его изъ спальни мужа. Она знала, что теперь нужно оставить Андрея Иваныча одного, нужно дать ему хорошенько подумать, не мѣшать.

А Андрей Иванычъ сидѣлъ на кровати.

Никогда еще въ жизни никакое извѣстіе такъ не поражало его какъ то, какое привезъ сейчасъ Стрѣшневъ.

Что-жъ это такое? Онъ дни цѣлые и ночи почти на пролетъ все обдумывалъ, все рѣшалъ, а тутъ хвать, безъ него сдѣлали! его не спросились—да и сдѣлали то удачно! Что-жъ это такое?

Горькое, обидное чувство шевельнулось въ Остерманѣ.

«Старъ что-ли я становлюсь? съ ужасомъ подумалъ онъ,—другимъ уступаю дорогу. Стрѣшневъ сказалъ, что это все Минихъ! А вотъ Миниха-то я и проглядѣлъ, за нимъ-то и не слѣдилъ! Эхъ я, старый дуракъ! даже съ какимъ - то наслажденіемъ выбранилъ себя Андрей Иванычъ. Ну что-жъ теперь... теперь не вернешь! Теперь нужно въ поясъ кланяться господину Миниху. Да, нужно туда поѣхать, нужно осмотрѣться. Да оно и ничего пожалуй — иной разъ бываетъ удобнѣе загребать жаръ чужими руками—своихъ не обожжешь—а жару загрести надо!»

И съ этой успокоительной мыслью, представившей

ему обширное поле для новой дѣятельности, Андрей Иванычъ сталъ поспѣшно одѣваться.

Два лакея снесли его въ придворную карету, въ которой пріѣхалъ Стрѣшневъ. Лакеи внесли его и въ покои принцессы Анны Леопольдовны.

Она сама подставила ему кресло, а онъ съ жаромъ цѣловалъ ея руку и разсыпался въ поздравленіяхъ. Поздравлялъ онъ также и фельдмаршала Миниха, восхищался его смѣлостью и мужествомъ, и всѣми силами старался казаться самымъ довольнымъ человѣкомъ, осчастливленнымъ этимъ событіемъ. Одно только его раздражало: глядя на Миниха онъ понималъ, что тотъ только дѣлаетъ видъ, что принимаетъ за чистую монету его любезности, а въ глубинѣ души своей жестоко теперь смѣется надъ нимъ и дразнитъ его.

«Ничего, торжествуй себѣ! торжествуй! успокоивая себя, думалъ Остерманъ, еще посмотримъ, чѣмъ все кончится? долго ли ты продержишься? Можетъ быть ты захочешь теперь совсѣмъ отъ меня отдѣлаться? да нѣтъ! я хоть и промахнулся, а все еще живъ и голова моя со мною...»

Анна Леопольдовна обратилась къ Андрею Иванычу за совѣтомъ: что имъ теперь дѣлать?

Онъ началъ говорить, началъ высказывать свои предположенія, но каждый разъ обращался къ Миниху и спрашивалъ его, согласенъ ли онъ съ нимъ?

Минихъ утвердительно кивалъ головою, а самъ думалъ: «вертись, Андрей Иванычь, вертись! а все же вотъ мы и безъ тебя обошлись. Не у одного тебя голова на плечахъ, нашлись и другіе...»

Вернувшись домой, Остерманъ снова легъ въ постель и весь тотъ день былъ ужасно не въ духѣ. Теперь ему даже было больно не за себя.—Онъ зналъ, что себѣ то онъ еще все устроитъ. Даже его оскорбленное самолюбіе смирилось передъ мыслью, что Анна Леопольдовна будетъ признавать своимъ благодѣтелемъ не его, а Миниха. Онъ зналъ, что, можетъ быть, съумѣетъ еще совсѣмъ

измѣнить мысли принцессы относительно благодѣтельнаго фельдмаршала. Его раздражало и мучило то, что того и жди теперь померкнетъ совсѣмъ ореолъ, окружавшій его въ глазахъ всей Европы, до сихъ поръ думавшей, что ни одно великое событіе, ни одинъ переворотъ въ Россіи не можетъ устроиться помимо его, Остермана.

И въ Европѣ дѣйствительно такъ думали, а въ первые дни по сверженіи Бирона даже и весь Петербургъ считалъ Остермана хоть тайнымъ, но дѣйствительнымъ виновникомъ гибели регента. Маркизъ де-ла-Шетарди писалъ своему королю:

«Болѣзнь графа Остермана сильно, если не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда. Вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана».

Но скоро Андрей Иванычъ себя успокоилъ. Онъ весь отдался злобѣ дня, устроиванью своихъ дѣлъ, приготовленію отвѣтнаго удара Миниху. Одинъ только разъ еще его уязвленное самолюбіе сильно заныло. Это было тогда, когда онъ получилъ изъ Константинополя отъ Румянцева такое посланіе:

«Что касается до той, съ Богомъ начатой премѣны, не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возымѣли и яко едиными усты Богу моленіе принесли съ прославленіемъ имени вашего сіятельства, яко перваго сына отечества россійской имперіи, вѣдая, что все то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено».

Андрей Иванычъ порывисто скомкалъ это письмо, а когда его жена полюбопытствовала узнать, что пишетъ Румянцевъ, то онъ совсѣмъ не могъ сдержать себя и закричалъ на нее, чтобъ она не смѣла трогать и убиралась.

А онъ со своей графиней жилъ душа въ душу и даже

въ самыя свои трудныя минуты относился къ ней съ нѣжностью, и не иначе называлъ ее какъ «mein Herzchen».

XVI.

Разставаясь съ фельдмаршаломъ, Анна Леопольдовна сказала ему, чтобъ онъ немедленно занялся спискомъ наградъ. Она была такъ взволнована всѣми событіями этой ночи, что сама отказалась распредѣлять награды и вполнѣ полагалась на фельдмаршала.

— Только, пожалуйста, чтобъ всѣ были довольны,— прибавила она,—я хочу, чтобъ первый день нашего торжества былъ радостнымъ днемъ и для всѣхъ, кто не врагъ нашъ.

Минихъ, вернувшись домой, призвалъ своего сына и барона Менгдена—предсѣдателя коммерцъ-коллегіи.

— Приготовь бумагу, я буду тебѣ диктовать, сказалъ онъ сыну.

И затѣмъ было приступлено къ составленію списка.

— Пиши, сказалъ Минихъ, во первыхъ о томъ, что принцесса Анна Леопольдовна провозглашается правительницей вмѣсто Бирона и возлагаетъ на себя андреевскій орденъ, а меня жалуетъ въ генералиссимусы.

— Батюшка, замѣтилъ Миниху его сынъ, о тебѣ я писать не стану.

— Это еще что такое? даже вскочилъ фельдмаршалъ со своего кресла.

— А то, что званіе генералиссимуса навѣрное пожелаетъ принцъ Антонъ и, конечно, тебѣ не слѣдуетъ начинать непріятными отношеніями съ принцемъ.

Минихъ задумался на минуту и сообразилъ, что онъ дѣйствительно хватилъ черезъ край и что сынъ совершенно правъ.

— Да, спасибо, что остановилъ. Ты правду говоришь—но что жъ мнѣ-то?

— А тебѣ самое лучшее просить званія перваго министра.

— Хорошо, помирюсь и на этомъ! Но вѣдь и тутъ есть возраженіе: намъ не слѣдуетъ обижать Остермана, а Остерманъ навѣрное обидится—онъ не захочетъ терпѣть надъ собою перваго министра.

— Такъ нужно повысить и Остермана, замѣтилъ Менгденъ.

— Но какъ-же? какъ? задумался Минихъ.

И вотъ онъ вспомнилъ, что Остерманъ давно ужь нанамекалъ о своемъ желаніи быть великимъ адмираломъ:

— Да, да! оживленно обратился Минихъ къ сыну, сдѣлаемъ Остермана великимъ адмираломъ. Званіе это почетное, но для меня не опасное—стѣснять меня не будетъ!

— Кто знаетъ, будетъ-ли доволенъ Остерманъ этимъ назначеніемъ, сказалъ Минихъ-сынъ, прерывая свою работу,—я такъ думаю, что ему больше захочется быть великимъ канцлеромъ.

— Мало-ли что захочется! быстро отвѣчалъ фельдмаршалъ, мало ли что захочется! Конечно, мы должны постараться предоставить ему очень почетное званіе, должны избѣжать вражды съ нимъ, но слишкомъ далеко пускать его все же не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ забывать, что сегодняшняя ночь не его рукъ дѣло, а моихъ. Такъ неужели-же мнѣ не воспользоваться этимъ. Пустить Остермана въ великіе канцлеры, да это совсѣмъ связать себѣ руки, отказаться отъ дѣлъ иностранныхъ, а я вовсе не намѣренъ отказываться отъ нихъ. Нѣтъ! по моему великимъ канцлеромъ нужно назначить князя Черкасскаго.

— Князя Черкасскаго! изумленно отозвался Менгденъ,—да вѣдь его отношенія къ Бирону всѣмъ, кажется, намъ извѣстны и по этимъ отношеніямъ его наказать слѣдуетъ, сослать, а не награждать такимъ образомъ.

— Ну, съ этимъ то я не согласенъ! сказалъ Минихъ. Мало-ли кто былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бирономъ, потому что не быть съ нимъ въ хорошихъ

отношеніяхъ—значило губить себя. Нѣтъ, я стою на Черкасскомъ—онъ такой человѣкъ, который никому не будетъ мѣшать, онъ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Дальнѣйшая работа совершалась безъ перерыва, и скоро списокъ наградъ былъ готовъ.

Съ этимъ спискомъ сынъ Миниха отправился къ принцессѣ. Самъ же фельдмаршалъ поручилъ ему сказать, что будетъ во дворцѣ часа черезъ два, такъ какъ совсѣмъ выбился изъ силъ и долженъ вздремнуть немного.

Онъ дѣйствительно было заснулъ, но тотчасъ же и опять проснулся въ волненіи.

«Нѣтъ! теперь не до сна! мнѣ нужно быть тамъ—нельзя терять ни минуты. Нельзя допускать, чтобъ кто нибудь воспользовался чѣмъ либо безъ моей воли, чтобъ кто нибудь перебилъ, или ослабилъ мое вліяніе на принцессу.»

И онъ вмѣсто сна только освѣжилъ свою уставшую голову холодной водой, выпилъ рюмку вина и поѣхалъ вслѣдъ за сыномъ.

Было уже около полудня. На улицахъ много народу. Сразу замѣтно необычное движеніе — вѣсть о ночномъ событіи ужь облетѣла городъ. Шли толки, разспросы; многіе не вѣрили. Толпы народа стягивались къ дворцамъ, но ихъ разгоняли, объявляя имъ, что нечего глазѣть, что нѣтъ никакого парада, ни торжества.

Многіе послушно удалялись и шептали другъ другу:

— И то уйдемъ-ка по добру по здорову! мало-ли что болтаютъ! Можетъ и точно ничего нѣтъ, можетъ сидитъ онъ тамъ себѣ спокойно и въ усъ не дуетъ! такъ вѣдь какъ бы намъ застѣнка не понюхать.

Но находились и такіе, что удалиться не были въ силахъ—неудержимое любопытство, сознаніе чего-то важнаго, совершившагося тянуло ихъ ко дворцамъ.

Они пристально всматривались въ каждую проѣзжающую карету. Скоро каретъ стало показываться довольно много и все по направленію къ Зимнему дворцу.

— Ну, какъ же ничего нѣтъ—конечно есть, толковали люди,—кабы ничего не было такъ къ Лѣтнему, а не къ Зимнему дворцу ѣхали-бы.

Вотъ въ одной изъ каретъ народъ замѣтилъ цесаревну Елисавету.

Вотъ она выглянула въ открытое окошко кареты; прекрасное, только немного какъ будто-бы блѣдное сегодня, лицо ея было спокойно.

Встрѣчные люди снимали шапки и она съ доброй улыбкой кивала всѣмъ головою.

Ея появленіе произвело не мало толковъ. Были люди, которые, глядя на нее, говорили и думали:

«Эхъ, матушка царевна, чай вѣдь ты думала, что скоро къ тебѣ всѣ поѣдутъ на поклонъ, а сама на поклонъ опять ѣдешь!»

Но такихъ людей было очень мало. Многіе, напротивъ, открыто выражали свою глубокую жалость къ положенію цесаревны.

«Не ей бы ѣхать, говорили они, — а къ ней бы спѣшить всѣмъ, поздравлять ее со вступленіемъ на престолъ родительскій, цѣловать ея золотую, царскую ручку!»

Но она была спокойна.

Своей легкой, граціозной поступью вышла она изъ кареты у Зимняго дворца и прошла въ покои Анны Леопольдовны.

У принцессы было уже много народу—всѣ, кого она считала изъ своихъ: Минихи, Менгдены, Остерманъ, Левенвольде.

Были здѣсь и адъютанты фельдмаршала, Манштейнъ и Кенигфельсъ, оба дѣятельные участники ночнаго предпріятія.

Всѣ чувствовали себя очень хорошо. Всѣ были бодры, довольны; велись оживленные разговоры на нѣмецкомъ языкѣ.

Цесаревна на мгновеніе остановилась и невольно вздрогнула. Ни одного близкаго, ни одного дружескаго лица не видѣла она среди этого счастливаго общества.

Все это были люди совершенно чуждые ей по всему; былъ тутъ и личный врагъ ея: старый хитрый Остерманъ, котораго когда-то, въ первые дни своей юности она считала своимъ другомъ и который всю жизнь только и дѣлалъ, что вредилъ ей, отстранялъ ее.

Но цесаревна сейчасъ же сдержала волненіе и снова вызвала на лицо свое любезную улыбку.

Она подошла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, поклонилась ей и даже совершенно свободно, ни на секунду не измѣнившись въ лицѣ, поцѣловала у нея руку, какъ у правительницы.

— Отъ всего сердца радуюсь этому событію, сказала она и прибавила вполголоса:—но только, сестрица, оно не было для меня новостью—въ послѣдній разъ вечеромъ у Бирона я слышала нѣсколько фразъ изъ вашего разговора съ фельдмаршаломъ.

Минихъ стоялъ за стуломъ Анны Леопольдовны. Онъ слышалъ, что говорила цесаревна и невольно взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

И у него, и у Анны Леопольдовны разомъ мелькнула мысль, что если она слышала этотъ разговоръ — а что она слышала, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, иначе откуда же бы она о немъ узнала — то, вѣдь, она очень легко могла бы погубить ихъ. Она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бирономъ, она могла тутъ же, сейчасъ разсказать ему объ этомъ разговорѣ и весь планъ Миниха былъ бы разрушенъ. Но она никому ничего не сказала, она молчала и своимъ молчаніемъ помогла имъ.

Ни Минихъ, ни Анна Леопольдовна не могли считать ее искренно расположенною къ новой правительницѣ, слѣдовательно ея поступками руководилъ разсчетъ. Но какой бы ни былъ этотъ разсчетъ, она все же оказала услугу — а сама теперь для нихъ совершенно безвредна.

Анна Леопольдовна крѣпко сжала руку Елисаветы и взглянула на нее ласково.

Цесаревна сказала еще нѣсколько любезныхъ, приличныхъ случаю, фразъ и отошла къ принцу Антону. Она сдѣлала свое дѣло.

Послѣ того, что она объявила, авось посовѣстятся тѣснить ее, авось дадутъ ей спокойно прожить хоть первое время и безъ помѣхи приготовить все, что нужно.

А вѣдь ей теперь это самое важное! Пусть же смотрятъ на нее съ пренебреженіемъ, пусть она всѣмъ здѣсь чужая, ненужная—вѣдь и ей здѣсь всѣ тоже чужды и не нужны, и никогда не понадобятся.

Вотъ она сѣла поодаль и наблюдала, какъ всѣ счасливы и довольны, какъ во всѣхъ говоритъ честолюбіе, какіе всѣ строятъ планы.

На нее никто не глядитъ, никто не считаетъ необходимымъ даже обратиться къ ней съ самой пустой любезной фразой — ничего, пусть! Тяжелая жизнь, многія несносныя обиды, многія униженія могли бы ожесточить сердце Елисаветы. Глядя на нее теперь, можно было бы, пожалуй, подумать, что много злаго чувства кипитъ у ней, что съ полной ненавистью глядитъ она на Анну Леопольдовну, на Миниха, Остермана и всѣхъ этихъ Манштейновъ, что она мечтаетъ о мести, строитъ жестокіе планы—но ничего этого въ ней не было!

Конечно, она знала, что если удастся ей добиться своего законнаго наслѣдія, она удалитъ отъ себя всѣхъ враговъ своихъ, но мучить и пытать ихъ не станетъ—ненависти ни къ кому нѣту въ ней. Ей только обидно и больно смотрѣть на двухъ главныхъ враговъ ея: на Остермана и Миниха и больно ей только потому, что она дочь Петра, который былъ ихъ благодѣтелемъ и котораго они отблагодарили тѣмъ, что пренебрегли его родною, любимой дочерью. Но даже и эти горькія ощущенія скоро исчезли и цесаревна отдалась своему живому характеру: вдругъ всѣ присутствующіе начали казаться ей комичными. Она подмѣчала всѣ ихъ смѣшныя стороны, она думала о томъ, какъ, вернувшись къ себѣ, бу-

деть объясниться съ Маврой Шепелевой, разсказывая ей обо всемъ, что видѣла здѣсь и слышала.

А между тѣмъ передъ нею совершалось дѣло первой важности: распредѣлялись награды.

Списокъ Миниха былъ немедленно утвержденъ принцессой. Пожалованные подходили и цѣловали руку Анны Леопольдовны.

Затѣмъ началось совѣщаніе о томъ, что дѣлать съ Бирономъ и его семействомъ.

— Вѣдь онъ все еще здѣсь, внизу, сказалъ Минихъ, а семейство его въ Лѣтнемъ подъ карауломъ. Я полагалъ бы, что самое лучшее немедленно перевезти ихъ всѣхъ въ Александроневскій монастырь, а потомъ отправить въ Шлюссельбургъ.

Принцесса согласилась съ этимъ.

Говорили о томъ, что нужно будетъ потребовать отъ Бирона всевозможныя разъясненія, нужно будетъ нарядить слѣдствіе и т. д.

Затѣмъ Минихъ объявилъ, что всѣ близкіе къ Бирону люди тоже ужъ схвачены: Бестужевъ-Рюминъ, братья Бирона, Карлъ и Густавъ, и генералъ Бисмаркъ.

— А что жена Бестужева? спросила Анна Леопольдовна.

— О Бестужевыхъ пускай вамъ доложатъ мои адъютанты, отвѣчалъ Минихъ. Я посылалъ ихъ, по желанію вашего высочества, и господинъ Манштейнъ вотъ только что вернулся.

— Госпожа Бестужева, сказалъ Кенигфельсъ, была въ ужасномъ отчаяніи, когда я къ ней пріѣхалъ. Я спросилъ ее, хочетъ ли она слѣдовать за своимъ мужемъ, она отвѣчала, что хочетъ, но такъ плачетъ, въ такомъ отчаяніи... Я всячески уговаривалъ ее, увѣрялъ, что ничего дурнаго не будетъ ея мужу.

— Ну это хорошо! тамъ выяснится, будетъ ли ему дурно, или нѣтъ, замѣтилъ Минихъ. А самъ Бестужевъ какъ? обратился онъ къ Манштейну.

— Я сказалъ ему, отвѣтилъ Манштейнъ, что ея вы-

сочество приказала послать его въ ссылку недалеко. Онъ сталъ просить меня, нельзя ли ему видѣться съ вашимъ сіятельствомъ, но я сказалъ, что никакъ это невозможно, потому что вы очень заняты. Тогда онъ даже заплакалъ. «Попросите, говоритъ, фельдмаршала, чтобъ онъ меня не оставилъ, а помнилъ то, что и самъ онъ состоитъ въ дирекціи Божіей, какъ самъ видитъ это изъ моей судьбы: вчера я былъ кабинетнымъ министромъ, а теперь арестантъ!»...

— Конечно, ужасно, когда происходятъ такія перемѣны съ людьми, замѣтила Анна Леопольдовна,—но вѣдь кто жъ виноватъ? Нельзя же намъ награждать враговъ нашихъ, избавлять ихъ отъ должнаго наказанія! Только во всякомъ случаѣ, господа, обратилась она ко всѣмъ присутствующимъ,—я не намѣрена начинать жестокостями. Я хочу, чтобъ дѣло Бирона и его сторонниковъ разбиралось безъ всякаго пристрастія и имъ была бы оказана возможная милость,—и я надѣюсь, что вы въ этомъ согласны со мною?

— Да, слишкомъ много было жестокостей, слишкомъ много казней и пытовъ, нужно чтобъ Россія отдохнула отъ всего этого!—совершенно невольно, и не обдумывая, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова, проговорила цесаревна Елисавета.

— Конечно да! я съ вами совершенно согласна, сестрица, горячо отвѣтила ей Анна Леопольдовна.

Наконецъ всѣ начали расходиться.

У каждаго было много дѣла, нужно было созывать синодъ, министерство, генералитетъ.

На слѣдующее утро городу было объявлено о совершившемся. Всюду читался манифестъ, подписанный синодомъ, министерствомъ и генералитетомъ.

Въ манифестѣ отъ имени императора Іоанна III объявлялось, что «хотя по предписанію императрицы Анны регентомъ былъ назначенъ герцогъ Курляндскій, но ему велѣно было свое регентство вести по государственнымъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ преданіямъ и уста-

вамъ и особливо велѣно, не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи нашемъ попеченіе имѣть, но и къ родителямъ нашимъ и ко всей императорской фамиліи почтеніе оказывать. Но вмѣсто должнаго того исполненія, онъ дерзнулъ не токмо многіе, противные государственнымъ правамъ, поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ великое непочтеніе и презрѣніе публично оказывать и притомъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ, и такія дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которыми не токмо любезнѣйшіе родители наши, но и мы сами и покой и благополучіе Имперіи нашей въ опасное состояніе приведено быть могло бы и потому принужденными себя нашли, по усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, духовнаго и мірскаго чина, онаго герцога отъ регентства отрѣшить и по тому же прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ оное правительство поручить нашей государынѣ матери».

Никто не противорѣчилъ. Всѣ, начиная отъ высшихъ сановниковъ и кончая простыми петербургскими жителями, приняли важную новость довольно равнодушно. Покуда еще не знали въ чемъ дѣло — любопытствовали, толковали, а узнали — и затихли. И это должно было казаться очень многозначительнымъ наблюдающимъ людямъ.

Биронъ снискалъ себѣ всеобщую ненависть; его регенство началось пытками, при немъ народъ могъ ожидать всевозможныхъ безчинствъ и жестокостей. И вотъ этотъ Биронъ сверженъ — Россія отдается въ руки матери императора, правнукѣ царя Алексѣя Михайловича. Многіе въ гвардіи довольны, да и въ народѣ по временамъ тоже слышно, что кому же и управлять страною, какъ не родителямъ императора, а изъ родителей должна, конечно, быть правительницею мать, происходящая отъ царскаго, русскаго корня, а не отецъ—принцъ иноземный.

А между тѣмъ, не смотря на всѣ эти разсужденія, все же не замѣтно особенной радости, торжества и

веселья. Событіе признано молчаливо, значитъ есть-же какая нибудь важная причина, есть что нибудь, что мѣшаетъ русскимъ людямъ успокоиться. И всѣ это понимаютъ! и всѣ это чувствуютъ, только многіе еще не могутъ дать себѣ яснаго отчета — отчего все это происходитъ? Но пройдетъ не много времени—и этотъ отчетъ будетъ данъ, и окажется, что мудрые дѣлатели переворотовъ все же были близоруки и не понимали страны, которою хотѣли распоряжаться по своему, и окажется, что лучше всѣхъ ихъ поняла народныя чувства и народныя желанія забытая, унижаемая красавица, легкомысленная насмѣшница—какою многіе ее считали. Она поняла народъ русскій, его чувства, надежды и мечтанія, поняла потому, что сама составляла одно цѣлое съ этимъ народомъ. Она знала, что народъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока власть не перейдетъ въ Петрово потомство, пока не совершится законная справедливость, по которой созданное человѣкомъ должно принадлежать этому человѣку и его прямымъ наслѣдникамъ.

И вотъ забытая и униженная красавица, въ то время какъ друзья ея охали и ахали, толковали о томъ, что пропущено самое подходящее время, что совершена важная ошибка, только посмѣивалась надъ своими друзьями и была спокойна, была увѣрена въ своей силѣ больше чѣмъ когда либо.

«Эхъ, фельдмаршалъ, думала она, встрѣчаясь съ Минихомъ, какъ вы теперь важны и счастливы! только берегитесь—какъ бы васъ въ Бироны не записали!»

Но фельдмаршалъ ничего не боялся. Его честолюбіе било радостную тревогу. Онъ чувствовалъ себя у пристани. Надъ нимъ ужь начиналъ совершаться какой то общій законъ, по которому человѣкъ, чувствующій себя на высотѣ успѣха, становится самъ себѣ врагомъ и дѣлаетъ губительные промахи.

Минихъ дѣйствительно началъ свое торжество съ большой неловкости.

Императорскій указъ, появившійся вслѣдъ за манифестомъ, начинался такимъ образомъ:

«Всемилостивѣйше пожаловали мы любезнѣйшему нашему государю родителю быть генералиссимусомъ и хотя генералъ фельдмаршалъ графъ фонъ - Минихъ за его къ Россійской имперіи оказанныя знатныя службы, и что нынѣ онъ ужъ первый въ Россійской имперіи командующій генералъ фельдмаршалъ и въ коллегіи военной президентъ къ пожалованію-бъ сего знатнаго чина надежду имѣть могъ, токмо во всенижайшемъ къ вышеупомянутому его высочеству почтеніи отъ сего чина отрекается».

Этотъ указъ былъ сочиненъ самимъ Минихомъ и никто не могъ внушить ему, что подобное объясненіе своихъ правъ на званіе генералиссимуса и очень безтактно и очень обидно для принца Антона.

Принцъ Антонъ не только что обидѣлся, но положительно возненавидѣлъ Миниха. Онъ поклялся доказать ему, что не смотря на то, что его и отстранили, и считаютъ такимъ безсильнымъ, и обижаютъ даже въ указахъ, а онъ все же сдѣлаетъ свое дѣло: — Минихъ не долго будетъ торжествовать. Принцъ Антонъ зналъ, что ему одному будетъ трудно этого достигнуть, но у него оказывался сильный помощникъ, тоже оскорбленный Минихомъ, графъ Андрей Иванычъ Остерманъ.

Съ нимъ-то принцъ Антонъ и началъ горячую дружбу.

XVII.

Тишина глубокая вокругъ Александро-Невской лавры. Ночь темная—зги не видно, только вѣтеръ порывистый свищетъ да валятся снѣжные хлопья. Ворота на запорѣ; населеніе монастырское спитъ сномъ глубокимъ. Но вотъ раздался странный звукъ: какое то бряцаніе, лязгъ оружія. Вотъ слышны слова военной команды: смѣняются караульные солдаты.

Караулъ этотъ приставленъ стеречь регента и его

семейство. Рѣшено, что узники здѣсь переночуютъ, а утромъ будутъ отправлены дальше.

Въ двухъ маленькихъ кельяхъ помѣщаются Бироны Герцога привезли сюда въ сумерки изъ караульни Зимняго дворца и онъ ужь засталъ здѣсь и жену и дѣтей.

Тяжелое это было свиданіе! Герцогиня курляндская, и отъ природы то не красивая, теперь показалась Бирону просто страшною. Непричесанная, ненарумяненная и ненабѣленная, одѣтая во что попало, она почти неподвижно лежала на простой деревянной, монастырской кровати и по временамъ сильно вздрагивала. Только отъ природы необыкновенно крѣпкое здоровье ея помогло ей вынести то, что съ ней случилось. Она со стонами разсказала мужу о томъ, какъ лежала безъ памяти, совсѣмъ раздѣтая, на снѣгу и какъ потомъ ее растирали и одѣвали солдаты.

— Теперь я вся какъ изломанная, жаловалась она,— рукой, ногой шевельнуть не могу.

Но онъ почти не слушалъ. Ему самому было очень плохо—все тѣло его было избито въ борьбѣ съ солдатами; на рукахъ и на груди было нѣсколько ссадинъ и подтековъ. На его ногахъ были надѣты простыя солдатскія валенки, на плечахъ—таже толстая шинель. Ему было холодно, голова горѣла, во рту пересохло.

Едва волоча за собою избитыя, распухшія ноги, онъ отошелъ отъ жены и прошелъ въ сосѣднюю маленькую коморку, гдѣ, при тускломъ свѣтѣ ночника, увидѣлъ дѣтей своихъ.

Оба сына, Петръ и Карлъ, даже не встали ему на встрѣчу.

Младшій — Карлъ лежалъ уткнувшись въ подушку, онъ можетъ быть и не слыхалъ, какъ вошелъ отецъ. Но принцъ Петръ не спитъ, глядитъ во всѣ глаза, а къ отцу не подходитъ. Одна только нелюбимая дочь Гедвига съ покраснѣвшимъ и распухшимъ отъ слезъ лицемъ поднялась изъ темнаго уголка и бросилась отцу на шею. Но онъ не отвѣтилъ ей на эту ласку—онъ все

еще не могъ придти въ себя, все еще не оправился отъ постигшаго его удара, еще не могъ ни думать, ни чувствовать; жилъ и шевелился машинально.

— Ахъ, Боже мой, что на васъ надѣто! шепнула сквозь слезы Гедвига. Но я о васъ подумала, вотъ вашъ халатъ любимый, я его захватила и привезла съ собой.

Она кинулась въ свой уголокъ и вернулась съ халатомъ.

-- Спасибо! равнодушнымъ голосомъ проговорилъ Биронъ, сбросилъ съ себя солдатскую шинель, надѣлъ халатъ.

— Спасибо! еще разъ повторилъ онъ, закутываясь въ свой мягкій мѣховой халатъ. И вдругъ, какъ будто чувство проснулось въ немъ, онъ протянулъ руки дочери, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ея горячій лобъ.

Она громко зарыдала.

— Господи, что-же съ нами будетъ? сквозь рыданія шептала она,—что съ нами сдѣлаютъ?

— Да, спрашивай его! спрашивай! обратился къ ней старшій братъ, онъ долженъ знать это!

Проговоривъ эти слова, принцъ Петръ замолчалъ и отвернулся всторону.

И такъ ужъ блѣдное лицо Бирона поблѣднѣло еще больше. Въ тонѣ сыновнихъ словъ онъ услышалъ и упрекъ себѣ, и обиду, и дерзость и презрѣніе.

— Негодяй! отчаяннымъ голосомъ крикнулъ Биронъ и кинулся къ сыну.

Вся кровь ударила ему въ голову, кулаки судорожно сжимались. Еще нѣсколько секундъ—и онъ жестоко избилъ бы сына, но силы ему измѣнили: во всѣхъ членахъ поднялась страшная боль, слабость подкосила ноги, онъ пошатнулся и упалъ на полъ.

Гедвига кинулась къ нему, старалась поднять его, но напрасно. Онъ снова какъ будто забылся и нѣсколько минутъ просидѣлъ на холодномъ полу. Потомъ медленно, со стономъ, приподнялся на ноги и вышелъ изъ коморки.

Онъ присѣлъ на кровати жены своей. Она дремала.

Голова Бирона опустилась на грудь и вдругъ въ комнатѣ раздались рыданія. Онъ рыдалъ, рыдалъ, не имѣя возможности удержаться, и сквозь рыданія слышалъ, какъ сынъ что-то громко и рѣзко говоритъ съ сестрою.

Гедвига старалась усовѣстить брата.

— Теперь-то что-жъ ужь упрекать его! говорила она,—развѣ ему легко? его пожалѣть надо!

— Кого жалѣть? за что жалѣть? раздражительно твердилъ Петръ. По чьей же милости, какъ не по его мы теперь въ этой норѣ проклятой? Мнѣ холодно! Я голоденъ! Меня вонъ завтра, можетъ быть, казнить будутъ—и кто-же виноватъ въ этомъ?

Повторилась вѣчная исторія: сынъ, привыкшій какъ должное принимать всѣ выгоды блестящаго отцовскаго положенія, возмущался необходимостью раздѣлять съ этимъ отцомъ его несчастія.

Гедвига замолчала, опять забилась въ свой темный уголъ и начала думать. Она давно привыкла думать въ тихомолку.

Не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, она даже и сегодня оказалась благоразумнѣе и братьевъ и матери.

Когда ее утромъ разбудили и сказали ей въ чемъ дѣло, она, конечно, не могла удержаться отъ слезъ и ужаса, но очень скоро совладѣла съ собою и рѣшилась дѣйствовать.

Въ послѣднее время она очень много наблюдала, хоть и ни съ кѣмъ не дѣлилась своими мыслями.

Когда ея мать и отецъ и всѣ домашніе торжествовали и были увѣрены, что впереди только одно счастье, что ничего дурнаго съ ними случиться не можетъ, Гедвига предчувствовала что-то неладное. Въ толпѣ своихъ поклонниковъ, въ толпѣ царедворцевъ, окружавшихъ отца и ловящихъ каждый его взглядъ, каждое его слово, она подмѣчала притворство и обманъ. Незамѣтно для другихъ она слѣдила за этими лицами и видѣла, какъ измѣняется ихъ выраженіе, только что герцогъ отъ нихъ отвернется.

Съ каждымъ днемъ ей все яснѣе и яснѣе становилось, что отца ея никто не любитъ, и что всѣ будутъ очень рады если съ нимъ случится несчастье. А если никто не любитъ, такъ значитъ никто не поддержитъ, никто не поможетъ, значитъ и будетъ это несчастье! Но, конечно, она не могла ожидать, что всѣ ея дурныя предчувствія сбудутся такъ скоро и такъ ужасно.

Гедвига много училась и много знала. Знала она, между прочимъ, и исторію, слышала она также разсказы о паденіи Меншиковыхъ, Долгорукихъ, знала, какая судьба постигла эти несчастныя семейства.

«Вотъ значитъ теперь и съ нами тоже будетъ, съ ужасомъ подумала она, сошлютъ насъ куда нибудь далеко; и это неизбѣжно! и надѣяться намъ не на что! Значитъ нужно примириться съ этой ужасной мыслью, значитъ нужно ко всему приготовиться. Вотъ сейчасъ, того и жди, насъ увезутъ отсюда!»

При этой мысли Гедвига вдругъ отерла слезы и бросилась въ свои комнаты.

Нѣсколько минутъ простояла она въ раздумьи, соображая, какія вещи ей всего нужнѣе и что она можетъ взять съ собою.

Твердой рукой отперла она ящики, вынула нѣкоторыя драгоцѣнности и спрятала ихъ на себѣ такъ, что найти ихъ можно было только совсѣмъ раздѣвъ ее. Потомъ она связала небольшой узелъ: всѣ самыя необходимыя вещи для туалета; положила въ тотъ же узелъ и нѣсколько любимыхъ своихъ книгъ.

Съ этимъ узелкомъ прибѣжала она въ комнату, гдѣ лежала ея мать; собственными руками, не допуская никого къ матери, она одѣла ее потеплѣе, и когда та нѣсколько пришла въ себя, стала спрашивать, что она хочетъ, чтобъ было взято съ собою?

Но герцогиня не могла ничего говорить, не могла ни о чемъ думать и Гедвига опять таки сама разсудила, что нужнѣе и приготовила другой узелъ. Вспомнила она даже и объ отцѣ: не забыла его мѣховаго халата.

И вотъ она теперь прилегла въ темномъ уголку монастырской кельи. Она устала, голодна, весь день ничего не ѣла, но она не думаетъ объ этомъ. Кому-же какъ не ей плакать теперь, ломать руки, рыдать и приходить въ отчаяніе — но она ничего этого не дѣлаетъ. Она думаетъ, она хочетъ разглядѣть то, что теперь передъ ними, новую жизнь, къ которой должна готовиться.

Изъ того, что она знаетъ о всякихъ мѣстахъ заточенія, ей представляется что то ужасное, представляется вѣчная зима, безлюдье, тишина пустынная, маленькая избушка, скука невыносимая! Но что-жъ такое: всюду живутъ люди и не умираютъ. Была сегодня одна минута, когда ей умереть захотѣлось—но нѣтъ, умирать не слѣдуетъ! и ей теперь умирать не хочется. Переживаютъ люди цѣлые годы заточенія и ссылки, и опять возвращаются въ свѣтъ, и опять блестятъ въ немъ, и опять имъ улыбается счастье...

А передъ нею такая вѣдь долгая жизнь, что и конца она не видитъ этой жизни—ей только четырнадцать лѣтъ!

Она знаетъ, что она умна, что она умѣетъ всѣмъ нравиться, такъ мало ли что еще сдѣлать можно! Мало ли что будетъ! Къ чему отчаяваться? Лучше быть спокойной.

И она почти спокойна. Какъ тихо! братья заснули, но вдругъ въ сосѣдней келейкѣ раздается стонъ. Это мать простонала. Вотъ отецъ закашлялся и опять все тихо. Отецъ! Мать!..

Гедвига невольно вздрогнула, представивъ себѣ сцену, какъ ея гордая мать лежала въ одной рубашкѣ на снѣгу и солдаты ее поднимали, какъ ея отца, передъ которымъ трепетали сановники и принцы, простые солдаты били. Что они, эти отецъ и мать, должны были вынести?

Но Гедвига не долго останавливалась на этихъ мысляхъ, она не любила своихъ родителей. Если она и кинулась на шею отцу, если она и останавливала брата, то изъ одного только сознанія, что такъ необходимо, а не отъ искреннягo чувства. Она хорошо пом-

нила, что ни одной свѣтлой минуты не подарили ей родители. Мать думала только о себѣ одной, никогда не ласкала ее — отецъ даже часто бидъ, называлъ въ глаза уродомъ, смѣялся надъ ея маленькимъ горбомъ, котораго никто и не видѣлъ, о которомъ никто даже и не зналъ, какъ она думала.

Да, она никогда не любила отца съ матерью; гораздо больше ихъ любила она покойную императрицу, Анну Ивановну. Та ее ласкала часто, называла своей милой дѣвочкой, дѣлала ей, чуть не каждый день, прекрасные подарки.

И вотъ представилась Гедвигѣ покойная императрица и тутъ она не удержалась и горько заплакала.

— Ахъ! зачѣмъ она умерла? зачѣмъ умерла? почти громко проговорила Гедвига, — вѣдь могла бы еще жить, вѣдь она была вовсе не такъ стара. Вотъ онъ теперь мучается, погибаетъ, подумала она про отца, и вѣдь да... вѣдь вотъ правда, одинъ онъ всему причиной, можетъ быть даже причиной и смерти доброй императрицы! Онъ зналъ, что она очень больна, и что ее непремѣнно лечить нужно, и скрывалъ ото всѣхъ ея болѣзнь, и разувѣрялъ ее самое — и вотъ теперь наказанъ за все это!

Но усталость сдѣлала свое дѣло: мысли Гедвиги стали обрываться и путаться. Она засыпала, и въ дремотѣ ей мерещился веселый, роскошный балъ. Сама она одѣта въ драгоцѣнное платье, покрытое брилліантами, кругомъ всѣ улыбаются ей, почтительно склоняются передъ нею, важныя лица подходятъ къ ней и говорятъ ей комплименты....

И опять она просыпалась и думала: неужели все это прошло навсегда? неужели, оно никогда не вернется? Нѣтъ! не можетъ того быть, вернется, непремѣнно вернется, должно вернуться!...

Биронъ тоже не спалъ. Напротивъ, тяжелое, странное оцѣпененіе, въ которомъ онъ находился весь этотъ день, теперь вдругъ прошло, онъ все сообразилъ и понялъ.

Первое отчаяніе, охватившее его, выразилось слезами и рыданьемъ. Но даже и въ своемъ теперешнемъ положеніи онъ не могъ долго отдаться серьезному чувству, онъ вдругъ, можетъ быть въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ, оказался самимъ собою: все, явившееся въ его характерѣ вслѣдствіе необыкновеннаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ, исчезло. Онъ ужь не былъ высокомѣрный, гордый герцогъ курляндскій, онъ снова превратился въ митавскаго конюха. Онъ не возмущался даже и не считалъ себя униженнымъ тѣмъ, что съ нимъ такъ поступали, что на немъ синяки и ссадины отъ солдатской потасовки. Смириться духомъ и понять, что надъ нимъ совершается вполнѣ заслуженная кара-онъ тоже, конечно, не могъ; онъ думалъ только о томъ:— чтожъ теперь ему дѣлать? и какъ вывернуться?

Соображая и обдумывая, онъ пришелъ къ успокоительному убѣжденію, что врядъ ли его казнить будутъ, что навѣрно ограничатся только ссылкой. Онъ хорошо зналъ характеръ Анны Леопольдовны, зналъ, что, въ сущности, она добра, что ей дѣлается дурно при одной мысли о крови.

«Конечно, они начнутъ слѣдствіе, думалъ Биронъ, и вотъ тутъ то нужно хорошенько дѣйствовать мнѣ. О! я еще не дамъ вамъ торжествовать надо мною! я еще многое выведу на чистую воду! я еще удружу кой кому, а главное тебѣ удружу, проклятий Минихъ! Ты увидишь, что даже свергнутый и заточенный я еще могу бороться съ тобою!»

И Биронъ сталъ обдумывать подробно всѣ свои будущія показанія, всѣ обвиненія, которыя онъ будетъ взводить на многихъ. Онъ зналъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій будутъ очень вѣски и доказательны, и въ мысляхъ о томъ, какъ еще много можетъ онъ зла сдѣлать, онъ находилъ наслажденіе.

Съ этими мыслями онъ и заснулъ подъ утро.

Но долго спать ему не привелось — скоро явились офицеры и сказали, чтобъ узники сейчасъ же собирались, что ихъ велѣно везти въ Шлюссельбургъ.

Герцогиня стала стонать; Гедвига помогала ей одѣться потеплѣе, и въ то же время заботилась о своихъ узелкахъ.

Принцъ Петръ, еще вчера наслѣдникъ Курляндіи и предполагаемый женихъ цесаревны Елисаветы, мрачно, озлобленно и высокомѣрно глядѣлъ на всѣхъ и ни одного слова не сказалъ въ утѣшеніе матери. Младшій его братъ, Карлъ—любимецъ покойной императрицы—бывшій съ восьмилѣтняго возраста кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Андрея, усыпаннаго бриліантами, теперь оказался просто испуганнымъ, плачущимъ ребенкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Биронъ былъ готовъ. Герцогъ такъ и остался въ своемъ халатѣ, а сверхъ халата на него надѣли его роскошный плащъ, подбитый горностаемъ, въ которомъ онъ обыкновенно разъѣзжалъ по городу. Но онъ даже не замѣтилъ, что на него надѣли, не замѣтилъ, что этотъ плащъ былъ новой надъ нимъ насмѣшкой.

Подъ конвоемъ вывели арестантовъ изъ монастыря и усадили въ карету. На широкія козлы, вмѣстѣ съ кучеромъ, сѣли два офицера и оба держали въ рукахъ заряженные револьверы. Грузная карета медленно покатилась по улицамъ. Народъ собирался ей на встрѣчу, бѣжалъ за нею. Сквозь широкія окна кареты такъ и бросался въ глаза яркій, знакомый всему Петербургу, плащъ Бирона.

Герцогъ нахлобучивалъ на глаза мѣховую шапку, чтобъ только его не видѣли, и чтобъ самому никого не видѣть. Народъ кричалъ:

— Покажись! покажись-ка! какъ твое здоровье, государь Биронъ? скатертью тебѣ дорога! Покажись, покажись на прощанье! дай на себя еще разокъ полюбоваться!

Судорожно тряслись поблѣднѣвшія губы Бирона, все лицо его кривилось, глаза наливались кровью, онъ сжималъ кулаки и въ безсильной ярости шепталъ: «проклятые!»

Многіе изъ толпы, выходившей на встрѣчу Бирону, помнили еще другой день и другую карету, въ которой также закутавшись и нахлобучивъ шапку, сидѣлъ другой изгнанникъ—всемогущій князь Меншиковъ.

Тогда тоже и Александру Данилычу кричали: «покажись-ка!» Но все же далеко не всѣ, вышедшіе глядѣть на печальный меншиковскій поѣздъ, посылали вслѣдъ павшему вельможѣ проклятія. Тогда были люди, рѣшавшіеся и пожалѣть его. Эти люди сознавали, что онъ виноватъ, что онъ подѣломъ наказанъ, но все же они знали и о его заслугахъ; все же они знали, что это наказанъ большой русскій человѣкъ, много дѣлавшій для земли своей и только попутанный бѣсомъ.

Теперь же, глядя на яркій плащъ Бирона, никто не находилъ въ себѣ жалости къ регенту. Всѣ знали, что никакихъ заслугъ никогда и не было за этимъ иноземцемъ, что онъ появился какъ червь негодный, который портитъ хлѣба роскошные, что онъ умѣлъ только пожирать все, попадавщееся ему подъ руку! И вотъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, провожали его насмѣшками и радовались его униженію.

Проѣхала карета—народъ сталъ расходиться, толкуя о совершившемся событіи.

— Ну, скрутили злодѣя, теперь, авось, и вздохнемъ свободнѣе! слышались голоса.

— Ахъ! да вздохнемъ ли? отвѣчали другіе. Одинъ что-ли врагъ былъ у насъ—Биронъ? имъ однимъ развѣ все зло держалось? Много еще разныхъ Бироновъ осталось—что то будетъ? Это они теперь только другъ съ дружкой грызутся! Эхъ, кабы наша царевна Елисавѣтъ Петровна.., она бы всѣхъ этихъ червей негодныхъ изъ русской земли съ корнемъ вывела!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

почему же отправилъ сборщиковъ (Бориса, Семенова сына и другихъ «борцей») въ Торжекъ для сбора дани. Но или требуемая дань превышала определенную норму, или требовалась преждевременно, или при сборѣ борцами допускались насилія,—на последнее обстоятельство встрѣчается прямое указаніе въ лѣтописи: «и начаша сильно дѣяти» [1],—или по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, только новоторжцы или, вѣрнѣе сказать, новоторжскіе бояре жаловались своему городу Новгороду и тотъ, пославъ къ нимъ бояръ Матвѣя Варфоломеевича, Терентія Даниловича съ братомъ, Варфоломея, посадника сына Остафьина и Өедора Аврамова съ вооруженнымъ отрядомъ, въ тоже время, или еще прежде, отправилъ въ Москву посла Кузму Твердиславля съ жалобою на насилія и съ напоминаніемъ о своей вольности. Между тѣмъ бояре новгородскіе въ Торжкѣ поступили слишкомъ круто, схватили намѣстниковъ великаго князя Михаила Давыдовича и Ивана Рыбкина сына, заковали ихъ и стали укрѣплять городъ. Въ такомъ напряженномъ положеніи прошелъ мѣсяцъ, обѣщанная вспомогательная рать изъ Новгорода не подходила, а опасность со стороны великаго князя московскаго все болѣе и болѣе приближалась. Отъ боязни неминуемой и тяжкой отвѣтственности народъ торжковскій или чернь собралась на вѣчѣ, вооружилась, прогнала новгородцевъ, силою освободила намѣстниковъ и сборщиковъ московскихъ, возстала на бояръ, какъ на виновниковъ крамолы противъ Москвы, и разграбила ихъ дома. Бояре бѣжали въ Новгородъ, но одинъ изъ нихъ, Семенъ Внучекъ, былъ убитъ.

Въ то же время великій князь, въ сопровожденіи брата своего Ивана, князя Константина суздальскаго, князя Константина ростовскаго, князя Василія ярославскаго и другихъ князей, а также митрополита Өеогноста и съ великою ратью всей низовской земли, двинулся къ Торжку. Новгородцы, узнавъ о походѣ князя, хотя и приготовились къ оборонѣ, но предварительно попытались уладить дѣло мирнымъ путемъ. Они поспѣшили отправить къ нему послами владыку Василія

[1]) П. С. Р. Л. III. 80.

и Авраама Тысячкаго съ мирными предложеніями. Заключенъ былъ договоръ по старымъ грамотамъ, но съ условіемъ уплаты новгородцами *чернаго бора* со всѣхъ волостей и кромѣ того еще 1000 руб. съ Торжка [1]). Татищевъ (IV. 147) говоритъ еще объ одномъ весьма унизительномъ для новгородцевъ требованіи великаго князя: «аще хощутъ милости и мира отъ меня, сказалъ будто бы великій князь, да пріидутъ предъ мя посадники и тысячкій боси, просятъ при всѣхъ князѣхъ на колѣнахъ». Нельзя безусловно отвергать существованія со стороны великаго князя подобнаго требованія. Князь не могъ не быть крайнѣ раздраженнымъ противъ своевольныхъ и дерзкихъ поступковъ новгородцевъ, заковавшихъ его намѣстниковъ и при всякомъ удобномъ случаѣ грабившихъ его людей. Еще въ то время, когда онъ находился въ ордѣ, новгородскіе молодцы напали и разграбили Устюжну [2]), затѣмъ опустошили Бѣлозерскъ, купленный Калитою и потому бывшій собственностью московскаго князя. Поэтому понятно желаніе Симеона Гордаго укротить необузданность вольнаго города, смирить его самонадѣянную кичливость, а гордый, самовластный характеръ Симеона могъ дѣйствительно создать подобное оскорбительное условіе.

Было ли это условіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ извѣстно, что крамолы новгородцами въ княженіе Симеона Гордаго больше не повторялись; напротивъ того извѣстно, что въ 1347 году, слѣдовательно черезъ 6 лѣтъ, великій князь по приглашенію архіепископа новгородскаго, пріѣзжавшаго за этимъ въ Москву, самъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ тамъ честимъ и пробылъ недѣли три [3]). Впрочемъ, со стороны Новгорода и не могло быть серьезнаго противодѣйствія Москвѣ вслѣдствіе его внутренняго состоянія. Новгородъ, по своеобразности мѣстныхъ условій, не подвергался непосредственному вліянію новыхъ порядковъ на сѣверовостокѣ, а жилъ все еще прежнею жизнью славянскихъ волостей и выносилъ всю не-

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 173.
[2]) Новгор. Л. 6849 г.
[3]) Новгор. Л. 6854 г.

редину внутреннихъ отношеній. Князь, въ лицѣ намѣстника своего, пользовался тамъ судебною властью, административною и правомъ предводительствовать войскомъ, но при совмѣстномъ существованіи вѣча, какъ главнаго правительственнаго органа. Одни и тѣже причины производятъ одни и тѣже явленія. Какъ было въ прежнихъ, старыхъ городахъ, такъ и теперь въ Новгородѣ внутреннія смятенія возрывали общественный организмъ. Вѣче постоянно раздиралось партіями, посадники назначались и смѣнялись вооружённой силой, при кровопролитныхъ схваткахъ между концами города, или между одной половиной города и другой.

Въ 1341 году умеръ ханъ кипчакской орды, извѣстный Узбекъ, игравшій такую рѣшительную роль въ борьбѣ Москвы съ Тверью и бывшій однимъ изъ главныхъ, хотя и невольныхъ пособниковъ усиленія московскаго княжества. Умершій, исповѣдуя мухамеданство, отличался весьма широкою вѣротерпимостью. Онъ покровительствовалъ русскому духовенству, давалъ ему льготныя грамоты, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ сношенія съ Папой Бенедиктомъ XII и нисколько не препятствовалъ ему распространять католичество въ земляхъ, прилегающихъ къ черному морю. Послѣ Узбека осталось трое сыновей: Тинибекъ, Чанибекъ и Хадырбекъ, изъ которыхъ на ханскій престолъ вошелъ старшій, Тинибекъ. Впрочемъ, этотъ ханъ царствовалъ недолго, такъ какъ въ 1342 году вошелъ на престолъ второй сынъ Чанибекъ, умертвившій обоихъ братьевъ, какъ старшаго, такъ и младшаго [1]).

По установленному порядку, каждая смѣна хановъ вызывала новое утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, а слѣдовательно и новую поѣздку въ орду съ обычными подарками и издержками. Такъ и теперь. На поклонъ къ новому хану въ орду отправлялись великій князь Симеонъ, князья суздальскій, ростовскій, ярославскій и митрополитъ Θеогностъ [2]). Скоро всѣ они возвратились съ новымъ утвержденіемъ, за исключеніемъ митрополита Θеогноста, задержаннаго въ ордѣ денежнымъ вопро-

1) Карамз. примѣч. 334 къ IV т.

2) Никон. Лѣт. III. 178—179.

сомъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, которыхъ при ханскомъ дворѣ, вѣроятно, проживало не мало, донесли хану о богатствѣ русскаго митрополита, о множествѣ у него золота и серебра. Наученный ими, корыстолюбивый ханъ потребовалъ отъ Ѳеогноста платежа ежегодной дани, но платить дань Ѳеогностъ, не смотря на угрозы и стѣсненія, рѣшительно отказался, ссылаясь на данные прежними ханами льготные ярлыки. Впрочемъ дѣло уладилось посуломъ со стороны Ѳеогноста заплатить единовременно 600 руб., и затѣмъ были подтверждены всѣ прежніе льготные ярлыки, какъ это видно изъ ярлыка жены хана Тайдулы [1]).

Добрыя отношенія Московскаго князя къ ордѣ продолжались во все время княженія Симеона. Четыре раза онъ былъ въ ордѣ и каждый разъ возвращался отъ туда обласканный милостью ханской. Отъ этого при Симеонѣ въ Московскомъ княжествѣ не было, какъ и при покойномъ его отцѣ, ни одного баскака, ни одного разорительнаго ханскаго посольства, ни одного опустошительнаго набѣга, за исключеніемъ только единичнаго случая въ 1347 г., когда ордынскій князь Темиръ подступалъ къ Алексину и опустошилъ его окрестности. Послѣдствія подобной политики, какъ и въ предшествующее время, оказывались чрезвычайно важными. Благосостояніе увеличилось, народъ отдохнулъ и окрѣпъ, а территорія Московскаго княжества быстро наполнялась все болѣе и болѣе прибывающими поселеніями изъ другихъ княжествъ. И наконецъ кромѣ этого невольнаго благотворнаго вліянія, ордынскіе ханы оказывали болѣе дѣйствительную услугу, принимая сторону Москвы въ столкновеніяхъ ея съ Литвою.

Не то было въ другихъ сосѣднихъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Усобицы продолжались попрежнему; княжескіе столы захватывались то подъ предлогомъ правъ родовыхъ, то по праву силы, то по праву ханскаго ярлыка.

Въ Рязанскомъ княжествѣ распри происходили между домами князя Коротопола и князя пронскаго. Еще во время княженія Калиты Іоаннъ Коротополъ, встрѣтивъ родственника

---

[1]) С. Г. Г. и Д. II ст. II.

своего, ѣхавшаго въ орду, князя Александра пронскаго, ограбилъ его на дорогѣ и убилъ. Но сынъ убитаго князь Ярославъ преслѣдовалъ цѣль отца и успѣлъ ее достигнуть. Въ 1342 году онъ воротился изъ орды съ ханскимъ войскомъ, посломъ Киндакомъ и съ ярлыкомъ хана Чанибека на великое княженіе рязанское. Коротополъ заперся въ Переяславлѣ рязанскомъ, гдѣ цѣлый день отбивался отъ осаждающей рати Киндяка и Ярослава, но видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ночью неизвѣстно куда бѣжалъ [1]). Затѣмъ въ лѣтописи встрѣчается только извѣстіе объ убіеніи Коротопола подъ 1343 годомъ, но кѣмъ и по какому случаю неизвѣстно. Ярославъ Александровичъ сдѣлался великимъ княземъ рязанскимъ, выбравъ стольнымъ городомъ Ростиславль (на берегу Оки). Каждая смѣна князей, въ особенности при участіи ордынцевъ, приносила съ собой страшныя бѣдствія. Съ одной стороны восторжествовавшій князь старался вымѣстить свои убытки и потери на боярахъ и приверженцахъ своего предшественника, тѣснилъ ихъ, разорялъ ихъ села, а съ другой ордынскіе послы пользовались случаемъ обогатиться полономъ и грабежемъ. Такъ и при настоящемъ случаѣ по сказанію лѣтописи „Киндякъ вошедъ въ городъ, многихъ христіанъ полонилъ, а иныхъ избилъ“ [2]). Къ довершенію несчастія, княженіе князей пронскихъ продолжалось весьма недолго: Ярослава не болѣе 3-хъ, а брата его, Василія Александровича, не болѣе 6 лѣтъ. Въ 1350 году занялъ рязанскій столъ сынъ Коротопола, извѣстный въ нашей исторіи Олегъ Іоанновичъ, вѣроятно съ своей стороны давшій почувствовать свое неудовольствіе сторонникамъ пронскихъ. Такое нестроеніе рязанскаго княжества не могло не отзываться для Москвы самыми благопріятными послѣдствіями. Люди трудолюбивые спѣшили выселяться въ спокойную сосѣднюю волость и тѣмъ, естественно, увеличивали доходность московскаго княжескаго хозяйства.

Не менѣе нестроенія и усобицы волновали и тверское княжество. Казненному въ ордѣ Александру Михайловичу

[1]) Никол. Лѣтоп. III. 178.
[2]) Троиц. 6850 г.

наслѣдовалъ, при содѣйствіи покойнаго Калиты, братъ его Константинъ. Обязанный княженіемъ Москвѣ и сознавая въ тоже время безсиліе и истощеніе своей волости, Константинъ Михайловичъ не думалъ о соперничествѣ съ Москвою во все время своего княженія. Раздоры начались внутри княжескаго семейства, между нимъ и Анастасьею, вдовою казненнаго Александра и сыномъ ея, Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Что было именно причиною неудовольствій— неизвѣстно; лѣтописи, не передавая объ этомъ никакихъ свѣденій, говорятъ только, что въ 1346 г. князь Константинъ утѣснялъ и захватывалъ бояръ и слугъ Анастасіи и Всеволода [3]). Эти стѣсненія вынудили Всеволода Александровича ѣхать съ жалобою сначала къ зятю своему, князю московскому, Симеону, а потомъ въ орду. Вслѣдъ за племянникомъ уѣхалъ въ орду и дядя Константинъ, но вскорѣ по прибытіи туда умеръ. Всеволодъ Александровичъ добылъ себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе и уже съ ханскимъ посломъ возвращался домой, когда на обратномъ пути, въ городѣ Бездежѣ, встрѣтился съ дядей Василіемъ Михайловичемъ, княземъ кашинскимъ. Услыхавъ о смерти брата Константина, Василій Михайловичъ собралъ дань съ волости отсутствующаго племянника Всеволода и съ ней отправился въ орду. При встрѣчѣ племянникъ съ помощью ханскаго посла ограбилъ дядю, отчего послѣдній, зная безплодность поѣздки въ орду безъ денегъ, принужденъ былъ воротиться, а Всеволодъ Александровичъ сѣлъ на тверской столъ. Но въ Твери въ это время еще крѣпко держались старыя понятія о старшинствѣ родства и права дяди находили у тверичей дѣятельное содѣйствіе. Началась ссора и съ ней неизбѣжное людское стѣсненіе со стороны обоихъ князей, дяди и племянника, и „многіе люди тверскіе, по словамъ лѣтописи, отъ такого нестроенія разошлись". Наконецъ уже въ 1349 году епископу Өеодору удалось примирить враговъ - родичей. Всеволодъ Александровичъ уступилъ великокняжескій Тверской столъ дядѣ Василію Михайловичу и удовольствовался холмскимъ удѣломъ „и укрѣпишась межи собою

[3]) Никон. Л. III. 184.

крестнымъ цѣлованіемъ и Василій нача жити съ братаничемъ своимъ тихо и смирно и *пойдоша людіе* отвсюду въ землю тверскую и умножишась". Тишина продолжалась, впрочемъ, не долго. Въ 1352 году, по полученіи отъ ордынскаго посла Ахмата ханскаго ярлыка, князь Василій Михайловичъ вспомнилъ прежнее нелюбье съ племянникомъ и сталъ снова тѣснить бояръ и слугъ холмскихъ.

Эти тверскія нестроенія, какъ и рязанскія, служили къ возвышенію Москвы. Имя московскаго князя стояло высоко, его искали, его покровительствомъ дорожили и его вліяніе въ дѣлахъ тверскаго княжества признавалось неоспоримымъ. Есть положительное свидѣтельство, указывающее на верховенство москвы и низведеніе Твери со ступени великаго княжества на удѣльное. Герберштейнъ говоритъ: былъ споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, то послѣдній требовалъ отъ него годовой дани. Вельможи, подкупаемые богатыми подарками Симеона, вступились за него и сдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани. Это вліяніе Москвы ясно выражалось, между прочимъ, и въ желаніи породниться съ московскимъ домомъ: сестра Всеволода была замужемъ за княземъ Симеономъ, а дочь Симеона за Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ тверскаго князя Василія Михайловича.

После соединенія южныхъ и западныхъ русскихъ княжествъ подъ верховенствомъ великаго литовско-русскаго княжества, Литва стала на юго-западѣ въ такое же положеніе, какое занимала Москва на сѣверо-востокѣ. Оба эти центра политическихъ тѣлъ стремились къ одинаковой цѣли расширенія своихъ предѣловъ и присоединенія къ себѣ сосѣднихъ болѣе мелкихъ волостей. Такое стремленіе должно было неминуемо повести къ столкновенію ихъ между собою, къ борьбѣ за существованіе. Положеніе Москвы находилось въ болѣе выгодныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Она находилась въ средѣ единоплеменнаго населенія и не выносила ударовъ сильнаго и дѣятельнаго сосѣда. Напротивъ того Литва, кромѣ московскаго княжества, имѣла другого врага, съ которымъ должна была

постоянно бороться, врага неутомимаго, всегда готоваго къ бою — въ нѣмецкомъ орденѣ рыцарей.

Въ княженіе Симеона литовскія отношенія къ Москвѣ хотя не выражались въ открытыхъ непріязненныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе носили на себѣ своеобразныя характеристическія черты. Въ октябрѣ 1341 г. литовская рать съ княземъ витебскимъ Ольгердомъ сдѣлала набѣгъ на можайскую волость, осаждала самый городъ, но, не взявъ его, воротилась, опустошивъ окрестности [1]). Что было причиной отступленія литовцевъ, въ лѣтописяхъ невыясняется, но вѣроятно смерть Гедимина вызвала Ольгерда къ семейнымъ дѣламъ. По раздѣлу Гедимина изъ литовскихъ областей принадлежали: старшему Евнутію Вильна съ достоинствомъ великаго князя, второму Ольгерду Кревъ и Витебскъ, Монтвиду Керновъ и Слонимъ, Нариманту Пинскъ, Кейстутію Троки, Коріяду Новогрудокъ и Любарту—Волынь [2]). Изъ нихъ выдѣлялись: Кейстутій необыкновенной отвагой и Ольгердъ въ особенности обширнымъ умомъ, счастливыми способностями, удивительною въ то время трезвостью, образованностью, властолюбіемъ и хитростію. Недовольные своими удѣлами Ольгердъ и Кейстутій соединенными силами рѣшились выгнать братьевъ и завладѣть всѣмъ наслѣдствомъ отца. Въ 1345 году Евнутій бѣжалъ изъ Вильны сначала въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву къ великому князю Симеону, а Наримантъ къ хану татарскому. Симеонъ ласково принялъ бѣглеца, расчитывая видѣть въ немъ вліятельное орудіе въ отношеніяхъ съ Литвой, тѣмъ болѣе, что Евнутій и его литовская дружина вскорѣ приняла христіанскую вѣру, при чемъ Евнутій названъ былъ Іоанномъ [3]).

Принимая молодаго литвина и оказывая ему радушное гостепріимство, Симеонъ Іоанновичъ однакожъ не высказалъ намѣренія поддержать права изгнанника военной силой. Съ другой стороны и Ольгердъ не объявилъ войны московскому князю. Въ это время дѣла его съ нѣмецкимъ орденомъ требовали

---

[1]) Никол. Лѣт. III. 174.

[2]) Длуг. Hist. Pol. кн. X. ст. 60.

[3]) Троиц. 6853 г.

напряженія всей его энергіи. До вступленія его на литовскій столъ борьба его съ нѣмецкимъ орденомъ имѣла характеръ взаимныхъ пограничныхъ набѣговъ, въ которыхъ, обыкновенно, ограничивались только опустошеніемъ непріятельскихъ земель. Но прибытіе въ 1336 году на помощь ордену маркграфа бранденбургскаго, графа геннебергскаго и графа немурскаго съ значительными силами дало возможность предпринять уже болѣе рѣшительныя дѣйствія противъ язычниковъ. Какимъ характеромъ отличались войны рыцарей съ литвинами, можно видѣть изъ описанія осады одного небольшаго острожка.

Союзное рыцарское войско вторгнулось въ Литву и осадило острожекъ Пунэ, въ которомъ въ то время находилось неболѣе четырехъ тысячъ литовцевъ. Рыцари окружили острожекъ, устроили стѣнобитныя машины и повели подкопы. Осажденные мужественно оборонялись, дѣлали частыя вылазки, но вскорѣ должны были убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія: одна часть стѣнъ сильно раскачалась таранами, а другая часть грозила паденіемъ отъ подкоповъ, сами же осажденные были почти всѣ покрыты ранами. Въ такомъ отчаянномъ положеніи литвины рѣшились погибнуть: сначала перебили своихъ женъ и дѣтей, сожгли трупы ихъ на кострѣ, а потомъ стали убивать другъ друга. Въ этой кровавой бойнѣ въ особенности отличались начальникъ острожка, Маргеръ, и какая-то старуха, обезглавившая топоромъ сто воиновъ и потомъ убившая себя. Оставшаяся горсть воиновъ съ Маргеромъ впереди бросилась навстрѣчу входившему непріятелю и погибла отъ его руки за исключеніемъ Маргера, который бросился въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена, убилъ ее, а потомъ убилъ и себя. Съ 1345 года, съ избраніемъ въ магистры ордена Генриха фонъ-Арфберга, война съ Литвою приняла еще бо́льшіе размѣры. Новый магистръ опустошилъ литовскія владѣнія до самыхъ Трокъ и, встрѣтивъ войско Ольгерда, разбилъ его на голову. Ольгердъ не былъ лицомъ способнымъ потеряться въ опасности: онъ набралъ новое войско и съ нимъ вторгнулся въ предѣлы орденскихъ владѣній, страшно опустошая и раззоряя. Но къ несчастью войско литовское уже на обратномъ пути съ громадной добычей было

снова настигнуто магистромъ и послѣ упорной и кровопролитной сѣчи снова разбито [1]).

Тѣснимый орденомъ, Ольгердъ не только не могъ дѣйствовать противъ Москвы, но долженъ былъ искать себѣ сильнаго союзника. На помощь русскихъ княжествъ сѣверовосточной Руси, гдѣ самовластно руководилъ Симеонъ Іоанновичъ, онъ конечно не могъ разсчитывать, а въ союзникѣ предстояла крайняя необходимость. Въ такомъ положеніи онъ обратился къ ордынскому хану. Этотъ поступокъ Ольгерда обнаруживаетъ его основательный политическій тактъ. Онъ зналъ, что орда по отдаленности и положенію своему не могла быть опасною для Литвы, а между тѣмъ, заручившись ея помощью, онъ пріобрѣталъ сильное оружіе не только противъ нѣмцевъ, но столько же, если не болѣе, противъ Москвы. Въ такихъ расчетахъ Ольгердъ въ 1348 г. послалъ къ хану Чанибеку брата своего Коріяда съ просьбою отправить къ нему на помощь сильную рать. Вѣроятно желаніе Ольгерда и исполнилось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ бдительнаго противника въ московскомъ князѣ. Безъ всякаго сомнѣнія Симеонъ имѣлъ дѣятельныхъ и неусыпныхъ наблюдателей при дворѣ своего шурина, доносившихъ ему о всѣхъ дѣйствіяхъ Ольгерда. Предувѣдомленный вовремя о посылкѣ Коріяда, московскій князь поспѣшилъ отправить къ Чанибеку своихъ пословъ Ѳедора Глѣбовича, Аминя и Ѳедора Шубачеева съ жалобой на Ольгерда за опустошеніе русскихъ княжествъ—*ордынскихъ улусовъ*, и съ предвареніемъ о тайныхъ политическихъ замыслахъ литовскаго князя противъ даже самой орды. Чанибекъ, постоянно видѣвшій въ дѣйствіяхъ московскихъ князей добрую услужливость, послушался сдѣланныхъ предостереженій и не только отказалъ въ просьбѣ Ольгерду, но даже самихъ пословъ литовскихъ выдалъ головою Симеону, отправивъ съ царевичемъ Тотуемъ въ Москву самого Коріяда, пословъ и всю ихъ литовскую дружину [2]).

Такимъ образомъ попытка Ольгерда найдти себѣ поддержку

---

[1]) Карамз. прим. 341 къ IV.

[2]) Никон. лѣт. III. 187. Троиц. 6856 и 6857 г.

въ ордѣ, совершенно не удалась, благодаря бдительности московскаго князя; а между тѣмъ внѣшнія отношенія Литвы становились все болѣе и болѣе стѣснительными. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ столкновеній съ нѣмецкимъ орденомъ, къ этому времени относятся непріязненныя отношенія съ Польшей. Вслѣдствіе мирнаго договора съ Казиміромъ, королемъ польскимъ, вся юго-западная Волынь находилась во владѣніи братьевъ Ольгерда — Любарта и Кейстутія, но въ 1349 году польскій король въ прямое нарушеніе заключеннаго условія Волынь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, оставивъ Любарту только Луцкъ, а прочимъ князьямъ только временное управленіе [1]). Къ этимъ политическимъ раздорамъ присоединился и религіозный вопросъ. Всѣ жители Волыни исповѣдывали православную вѣру, начавшую распространяться около этого времени и въ сѣверныхъ областяхъ, собственно литовскихъ, — правительство же короля Казиміра, подъ вліяніемъ Римскаго двора и убѣжденій папы Климента VI, всѣми средствами старалось стѣснить православіе и, наоборотъ, пропагандировать католицизмъ „и много зла христіаномъ створиша, а церкви святыя претвориша въ латинское богомерское служеніе“ [2]).

При такомъ положеніи естественной опорой представлялась православная Москва. И дѣйствительно, вмѣсто непріятныхъ отношеній, чего можно было бы ожидать по случаю вмѣшательства Симеона Іоанновича у Чанибека, Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ великому князю московскому посольство съ дружескими изъявленіями и предложеніями за своего брата Коріада и его дружину богатыхъ даровъ «и многое серебро отложилъ» [3]). Симеонъ Іоанновичъ дары принялъ, Коріада и его дружину отпустилъ съ изъявленіями и съ своей стороны дружескаго расположенія. Вскорѣ эти мирныя отношенія скрѣпились брачными союзами. Черезъ годъ литовскіе князья Ольгердъ и Любартъ, овдовѣвшіе въ одинъ годъ, просили у Си-

[1]) Наруш. Hist. narod. Polsk. VI 218. Длугош. Hist. Pol. IX. 1088.
[2]) Новгор. лѣт. 6857.
[3]) Никон. лѣт. III 187.

меона Іоанновича въ супружество его родственницъ, сначала Любарту племянницу (сестричну), дочь князя Константина ростовскаго, а потомъ Олегердъ свояченицу (свѣсть) княжну Ульяну тверскую, дочь Александра Михайловича. Согласившись на первый бракъ, великій князь затруднялся было разрѣшеніемъ второго, имѣя въ виду близость родства, а потому и спрашивалъ согласія митрополита Өеогноста. Соображая пользу, какую могла принести княжна Ульяна относительно утвержденія православія въ странѣ еще наполненной язычниками, митрополитъ не затруднился дать свое разрѣшеніе [1]). Наконецъ и проживающій въ Москвѣ Евнутій по крещеніи Іоаннъ возвратился въ Литву съ полученіемъ въ свое владѣніе города въ минской области.

Вѣроятно установившіяся мирныя отношенія не соблюдались строго съ обѣихъ сторонъ. Въ лѣтописи подъ 1352 годомъ встрѣчается извѣстіе о томъ, что великій князь ходилъ къ Смоленску съ великой ратью, съ братьей и со всѣми князьями, но подойдя къ Вышгороду (на рѣкѣ Протвѣ выше Боровска), встрѣтилъ пословъ отъ литовскаго князя Ольгерда со многими дарами и съ предложеніями мира. Великій князь *не оставя Ольгердова слова*, заключилъ миръ, а самъ пошелъ дальше къ Угрѣ, куда пріѣхали къ нему смоленскіе послы. Простоявъ на Угрѣ съ недѣлю и заключивъ миръ со Смоленскомъ, Симеонъ Іоанновичъ воротился въ Москву [2]). Что именно было причиной похода, лѣтопись не объясняетъ, но по совмѣстности совершенія мира съ Смоленскомъ и Литвой можно заключить о какомъ нибудь нарушеніи договора со стороны Смоленска, подъ вліяніемъ Литвы, или въ качествѣ союзника Литвы.

Изъ обзора московско-литовскихъ отношеній видимъ совершенно различный характеръ этихъ отношеній съ той и другой стороны. Насколько литовскіе князья держались политики завоевательной, старались оружіемъ расширять предѣлы своихъ владѣній, настолько въ дѣйствіяхъ московскихъ князей Калиты, и Гордаго, высказывалась простая оборонитель-

---

[1]) Ник. лѣт. III. 192. Троиц. с. 84.
[2]) П. С. Р. Л. IV. 60. Ник. лѣт. III. 195.

ной системѣ, сдержанность, предоставлявшая жизненнымъ условіямъ дѣйствовать самимъ за себя, безъ напраснаго пролитія крови. И дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока литовскіе князья язычники расходились въ религіозныхъ вѣрованіяхъ съ подданными христіанами, литовская власть не страшна была Москвѣ. Народъ единился съ Москвой, мѣстопребываніемъ религіознаго главы, и для поддержанія этого единенія было достаточно одних только духовныхъ мѣръ. Какое вліяніе оказывала религія на отношенія Литвы, ясно видно изъ положительнаго указанія лѣтописи: Псковитяне приглашали Ольгерда быть ихъ княземъ, но съ условіемъ принятія имъ христіанской вѣры. Ольгердъ не согласился и Псковъ не могъ слиться съ Литвой. Ольгердъ при всемъ своемъ обширномъ умѣ не понялъ великаго значенія христіанства, не только не покровительствовалъ христіанамъ, какъ покойный его отецъ, напротивъ того, онъ выказывался часто суровымъ гонителемъ ихъ, чѣмъ и пользовалась московская церковь. Для примѣра беремъ слѣдующій случай.

Изъ числа приближенныхъ Ольгерда двое, Нежила и Кругледъ (Іоаннъ и Антоній), тайно исповѣдывали христіанскую вѣру. Литовскій князь долго не зналъ этого обстоятельства, но наконецъ замѣтивъ ихъ постоянное уклоненіе отъ исполненія языческихъ обрядовъ, спросилъ о причинѣ. Молодые люди объявили себя христіанами и, не смотря на настойчивыя требованія Ольгерда, не соглашались на отреченіе. Сначала ихъ заключили въ темницу, потомъ били и мучили и наконецъ повѣсили. Такимъ же истязаніямъ и такой же казни подвергнулся и третій христіанинъ Евстафій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ совершенія казни, московскій митрополитъ Алексѣй причислилъ этихъ трехъ мучениковъ къ числу святыхъ и установилъ совершать ихъ память 14 Апрѣля, не обративъ вниманія на непродолжительность времени отъ совершенія событія и не снесясь въ такомъ важномъ обстоятельствѣ съ патріархомъ Цареградскимъ. Въ такомъ поспѣшномъ дѣйствіи митрополита нельзя не видѣть, кромѣ религіозной ревности, и политической стороны: поддержанія тѣс-

наго единенія съ Москвою и твердаго противодѣйствія литовской княжеской власти.

Смоленскій походъ Симеона, какъ и такой же походъ Калиты, точно также оказался послѣднимъ актомъ дѣятельности князя по отношенію къ внѣшнимъ событіямъ княжества. Великій князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый умеръ 26 Апрѣля 1353 года.

ГЛАВА VII.

Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія.

Въ послѣдніе годы княженія Симеона почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ свирѣпствовала страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Болѣзнь начиналась появленіемъ железъ въ сгибахъ членовъ, на мягкихъ мѣстахъ, потомъ человѣкъ начиналъ харкать кровью и черезъ два или три дня умиралъ. Моровое повѣтріе началось на востокѣ въ ордѣ, въ Орначѣ (при устьи Дона), въ Сараѣ и въ Бездежѣ, распространилось по сосѣднимъ областямъ и произвело страшное опустошеніе у Бесерменъ (Хивинцевъ), Татаръ, Орменъ (Армянъ), у Обезы (Абазинцевъ), Жидовъ и у Фрязъ (генуэзцевъ и венеціанцевъ). Занесенная въ западную Европу торговыми кораблями, язва обошла Англію, гдѣ въ одномъ Лондонѣ умерло до 50 тысячъ жителей, Францію, Италію и Германію, оставляя позади себя вмѣсто многолюдныхъ городовъ почти пустыни. Изъ Швеціи болѣзнь пошла въ Псковъ и Новгородъ. Въ Псковѣ появился моръ весною 1352 г., по свидѣтельству лѣтописца [1]) на цвѣтной недѣлѣ, и продолжался все лѣто до самой осени, „уже предъ зимою преста". О количествѣ умершихъ конечно въ тѣ времена никакихъ свѣдѣній не могло быть, но что опустошеніе было страшное, это можно видѣть изъ описанія лѣтописца: „Попове не можаху проводити по единому изъ дворовъ, но веляху ко-

---

[1]) Псков. Лѣт. 6860 г.

куждо своя мертвыя на церковныи двори приводити и войнъ единъ проводъ отпѣваху... тако полагаху по трое или по пяти головъ во единъ гробъ". [1])

По уменьшеніи смертности въ Псковѣ, зараза развилась въ Новгородѣ, гдѣ съ 15 Августа въ продолженіи всей зимы до Пасхи унесла множество жертвъ. Одновременно съ Новгородомъ язва свирѣпствовала и въ южныхъ русскихъ предѣлахъ кіевской и черниговской областяхъ. Лѣтописи разсказываютъ о смертности въ смоленской и суздальской областяхъ, говорятъ о неимовѣрной смертности въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ, но нѣтъ положительнаго упоминанія о смертности въ Москвѣ, хотя дѣйствія ея тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. 11-го Марта 1353 г. умеръ въ Москвѣ митрополитъ Ѳеогность, за нимъ черезъ нѣсколько дней умерли сыновья великаго князя Іоаннъ и Симеонъ, самъ великій князь умеръ 26 Апрѣля (тридцати шести лѣтъ отъ роду), а черезъ шесть недѣль младшій братъ великаго князя, Андрей. [2])

Смерть митрополита Ѳеогноста не была чувствительной потерей для русской церкви. Чуждый по рожденію и воспитанію (грекъ), онъ вполнѣ слѣдовалъ въ политическихъ движеніяхъ тому направленію, которое далъ московской церкви его знаменитый предшественникъ: вездѣ и во всемъ оказывался вѣрнымъ сотрудникомъ и исполнителемъ намѣреній московскихъ князей, сначала отца, Калиты, а потомъ сына, Симеона. Слабый здоровьемъ и не совсѣмъ знакомый съ русскимъ языкомъ (сохранились его офиціальныя письма, подписанныя имъ по гречески [3]), онъ внутреннее управленіе дѣлами церкви совершенно ввѣрялъ достойному представителю русскаго духовенства, прославленному угоднику Алексѣю, дѣятельность котораго, какъ преемника митрополита, имѣла неоспоримо громадное вліяніе и на церковныя и на княжескія отношенія того времени. Какимъ вліяніемъ обладалъ Святитель Алексѣй можно видѣть изъ того, что Симеонъ

---

[1]) Карамз. прим. 357 къ VI т.
[2]) Никон. Лѣт. III. 201.
[3]) Карамз. прим. 362 къ IV т.

Іоанновичъ въ завѣщаніи своемъ поручаетъ братьямъ слушаться совѣтовъ Алексѣя, хотя тотъ въ то время не былъ еще митрополитомъ московскимъ.

Митрополитъ Алексѣй, старшій сынъ черниговскаго боярина Ѳедора Бяконта, родоначальника дворянскаго рода Плещеевыхъ, родился въ Москвѣ около 1293 года и при крещеніи названъ Елевѳеріемъ. [1]) Съ юныхъ лѣтъ въ мальчикѣ замѣтна была наклонность къ созерцательной жизни; онъ былъ молчаливъ, задумчивъ, постоянно удалялся отъ дѣтскихъ игръ и охотнѣе читалъ, какъ только выучился грамотѣ, священныя книги. Это чтеніе развило въ немъ религіозное стремленіе и возбудило желаніе посвятить себя служенію Богу поступленіемъ въ монашеское званіе. Двадцати лѣтъ онъ вошелъ въ московскій богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ имя Алексѣя. Строгая монашеская жизнь еще болѣе утвердила въ немъ высокія христіанскія истины. Двадцать лѣтъ онъ пробылъ въ богоявленскомъ монастырѣ и въ это время изучилъ греческій языкъ настолько, что могъ сличать славянскій переводъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ и дѣлать значительныя исправленія, которыя впослѣдствіи послужили очень важнымъ пособіемъ при позднѣйшемъ исправленіи славянской библіи. Въ чудовомъ монастырѣ хранится и въ настоящее время Евангеліе, исправленное имъ, которое въ дни посвященные его памяти выносится во время литургіи.

Высокія достоинства инока Алексѣя, а главное знаніе имъ греческаго языка, не могли не обратить на себя вниманіе митрополита Ѳеогноста, родомъ грека. Оцѣнивъ достоинства Алексѣя, митрополитъ поручилъ ему управленіе церковными судами, имѣвшими тогда еще болѣе широкую юрисдикцію. Исправленіе этой обязанности заставило Алексѣя узнать во всей подробности истинное состояніе русской церкви. Затѣмъ пребываніе въ богоявленскомъ монастырѣ имѣло еще другое, не менѣе важное значеніе, оно познакомило его съ другимъ знаменитымъ дѣятелемъ русской церкви—Сергіемъ Радонеж-

---

[1]) Степен. кн. I. 444.

скимъ, котораго старшій братъ Стефанъ былъ настоятелемъ монастыря. Единство духа и стремленій сблизило Алексѣя и Сергія и ихъ дружба продолжалась во всю ихъ жизнь.

Митрополитъ Өеогностъ желалъ имѣть Алексѣя своимъ преемникомъ. Съ этою цѣлью сначала онъ посвятилъ его въ 1352 въ епископы владимірской эпархія, а потомъ, вслѣдъ затѣмъ, съ послами Артеміемъ Воробьинымъ и Михаиломъ грекомъ отправилъ въ Константинополь къ патріарху письмо съ просьбою не назначать въ русскіе митрополиты никого кромѣ Алексѣя. Съ этою же просьбою отправились послы Дементій Давидовичъ и Юрій Воробьинъ отъ великаго князя къ императору Іоанну Кантакузину. Согласно этихъ просьбъ патріархъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя, а между тѣмъ въ это время умерли Өеогностъ и великій князь московскій. [1])

Послѣдующая дѣятельность Алексѣя въ достоинствѣ московскаго митрополита, дѣятельность, полная пастырскихъ и политическихъ заботъ, принадлежитъ уже къ послѣдующему княженію, ко второй половинѣ XIV столѣтія. Сущность ученія и направленія достойнаго Іерарха ясно выражаются въ его пастырскихъ окружныхъ посланіяхъ и наставленіяхъ. Такъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, онъ, напоминая притчу Спасителя о сѣятелѣ, увѣщеваетъ быть землею доброю для принятія истиннаго слова Божія, Евангелія, и для принесенія плода духовнаго въ тридцать, шестьдесятъ и во сто кратъ. Далѣе въ посланіи своемъ онъ говоритъ; вспоминаю вамъ, дѣти, слова Спасителя ученикамъ своимъ: заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга: посему узнаютъ, что вы ученики мои, если сохраните между собою любовь. Когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь и т. д.

Сотоварищъ Святителя Алексѣя, знаменитый основатель Троицко-Сергіевской Лавры, преподобный Сергій (по свѣтскому имени Варөоломей) [2]) родился въ 1314 году въ Ростовѣ отъ родителей боярскаго рода, хотя и недостаточныхъ. Рано, съ семи лѣтъ, ребенка начали учить грамотѣ, но первые опыты

[1]) Новгор. Лѣт. 6860 г.

[2]) Никон. Лѣт. IV 203.

не обнаружили блестящихъ способностей ученика, но зато доказали его прилежаніе и врожденную стойкость. Съ продолженіемъ ученія въ ребенкѣ начали развиваться способности и наклонность къ чтенію единственно бывшихъ въ то время книгъ священнаго писанія; это чтеніе повліяло на его впечатлительный умъ, совершенно отвлекло отъ свойственныхъ возрасту дѣтскихъ игръ и развило до крайней степени созерцательное настроеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Вареоломея должно было по домашнимъ обстоятельствамъ переселиться въ Радонежъ, поселеніе близъ Москвы, въ удѣлѣ брата Симеона, Андрея Іоанновича, гдѣ и разъединилось; старшіе братья поженились, а Вареоломей пожелалъ поступить въ монашество. Однако, желаніе его тогда не исполнилось по несогласію родителей и только со смертью послѣднихъ юноша вполнѣ отдался своему влеченію, отказался отъ наслѣдства въ пользу младшаго брата и ушелъ для житья въ пустынныя мѣстности. Тамъ присоединился къ нему старшій братъ Стефанъ, инокъ изъ Хотькова монастыря, куда поступилъ послѣ смерти жены. Вмѣстѣ оба брата поселились среди густаго лѣса въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радонежа, сначала изготовили себѣ шалашъ изъ хвороста и листьевъ, потомъ поставили келью и, наконецъ, срубили маленькую деревянную церковь во имя Св. Троицы. Изъ этого-то скуднаго, скрытаго отъ міра жилья образовалась наша знаменитая Лавра.

Вскорѣ послѣ освященія церкви Стефанъ ушелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Богоявленскій монастырь. Съ уходомъ брата еще труднѣе стало жить оставшемуся одинокому отшельнику, которому тогда пошелъ 24-й годъ, слѣдовательно та пора, когда полное развитіе физическихъ силъ неодолимо увлекаетъ къ удовольствіямъ жизни. Но молодой отшельникъ поборолъ чувственныя страсти, и, получивъ постриженіе съ именемъ Сергія, продолжалъ неутомимо нести тяжкіе труды. Слухъ о святой жизни отшельника не могъ не распространиться по окрестности; къ нему стали приходить за благословеніемъ, совѣтомъ и наставленіемъ. Стали приходить и люди, пожелавшіе раздѣлить съ нимъ опасности отшельнической жизни и въ самомъ непродолжительномъ вре-

мени собралось около него до двѣнадцати братій. Потребовалась организація новаго братства и назначеніе игумена или настоятеля. По общему выбору и по распоряженію мѣстнаго епископа Сергій посвященъ былъ игуменомъ новаго духовнаго общества.

Между тѣмъ слава о Радонежскомъ подвижникѣ распространялась все болѣе и болѣе; къ нему прибѣгали издалека, со всѣхъ сторонъ люди всѣхъ состояній: княжескаго, боярскаго и чернаго рода; даже духовные предпочитали жизнь полную лишеній и опасности около него своей обезпеченной и болѣе спокойной. Такъ архимандритъ Симеонъ, оставивъ свой монастырь въ Смоленскѣ, перешелъ къ Сергію, какъ простой послушникъ. Константинопольскій Патріархъ прислалъ ему крестъ, парамандъ и схиму. Но при всей своей духовной, созерцательной жизни и при всемъ отреченіи отъ міра Сергій не чуждался общественныхъ дѣлъ, бывалъ совѣтникомъ князя въ политическихъ вопросахъ, иногда принималъ на себя исполненіе порученій князя, иногда своимъ посредничествомъ предупреждалъ и умиротворялъ княжескія столкновенія. Хотя политическое участіе болѣе проявилось въ княженія брата и племянника Симеона, но тѣмъ не менѣе его значеніе обнаруживалось и при самомъ Симеонѣ. Московское духовенство стояло во главѣ Руси и не столько своимъ внѣшнимъ положеніемъ, сколько своимъ нравственнымъ, духовнымъ вліяніемъ. Примѣръ и ученія такихъ Святителей, каковы были митрополитъ Петръ, митрополитъ Алексѣй и Сергій Радонежскій воспитали послѣдующій рядъ выдающихся лицъ каковы были: Кириллъ Бѣлозерскій (1337 — 1427), Стефанъ просвѣтитель Перми (1340 — 139), Іона Новгородскій и друг. Есть даже извѣстіе, что изъ сыновей Симеона Гордаго, одинъ будто, оставшійся въ живыхъ, отказался отъ міра и сдѣлался юродивымъ подъ именемъ Михаила Клоискаго.

Отношенія митрополита къ великому князю и при Симеонѣ Гордомъ оставались тѣми же, какъ и при Калитѣ. Духовенство дѣятельно поддерживало авторитетъ князя и не протестовало даже и тогда, когда въ дѣйствіяхъ московскаго князя проявлялось прямое нарушеніе правилъ каноническихъ,

какъ это видимъ напримѣръ въ дѣлѣ супружества Симеона Гордаго. Извѣстно, что Симеонъ былъ женатъ три раза: въ первый разъ, еще при жизни отца, на сестрѣ Ольгерда, Анастасіи, умершей вскорѣ послѣ смерти Калиты въ Черницахъ и схимѣ (положена въ Кремлевской церкви Преображенія), во второй разъ, въ 1345 году, на дочери какого-то смоленскаго князя Ѳедора Святославича, Евпраксіи, а въ третій въ 1347 году, послѣ развода съ Евпраксіей, на Тверской княжнѣ Марьѣ, дочери Александра Михайловича. Строго говоря, третій бракъ не могъ бы быть совершенъ, такъ какъ разводъ второго брака состоялся неправильно. Что супружество съ Евпраксіей совершилось по желанію Симеона, въ этомъ не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, какъ по несуществованію принудительныхъ причинъ, по крайней мѣрѣ со стороны Симеона, такъ и по расположенію, которое оказывалъ московскій князь отцу Евпраксіи, перезвавъ его къ себѣ и отдавъ ему вотчину *Волокъ совсѣмъ*. Причину развода источники объясняютъ различно; по однимъ объясняется испорченностью княгини на свадьбѣ: ляжетъ съ великимъ княземъ и она ему покажется мертвецъ, по другимъ же нерожденіемъ дѣтей [1]). Какъ бы то нибыло, но великій князь отослалъ жену свою обратно къ отцу и велѣлъ отдать ее замужъ—вслѣдствіе чего князь Ѳедоръ и выдалъ ее за Ѳедора за краснаго, за большаго Фоминскаго, отъ котораго она имѣла 4-хъ сыновей. Сравнивъ оба извѣстія нетрудно видѣть причину развода въ тайной склонности княгини къ другому и можетъ быть къ этому же большому Фоминскому. Но если причина развода казалась основательною самимъ супругамъ, то тѣмъ не менѣе она не была законной и самъ лѣтописецъ, говоря о третьемъ супружествѣ, прибавляетъ, что князь «преступи законъ Божій». Однако, не смотря на это нарушеніе закона Божія, со стороны духовенства не встрѣтилось никакого явнаго протеста.

Симеонъ Іоанновичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ четверо Василій, Константинъ, Михаилъ и Даніилъ умерли задолго до смерти отца, а двое Симеонъ и Іоаннъ въ Мартѣ

---

1) Никон. Лѣт. III. 181. Рус. Врем. I. 173.

1353 года на одной недѣлѣ съ митрополитомъ Өеогностомъ и мѣсяцемъ ранѣе отца [1]). Слѣдовательно, въ моментъ смерти Гордаго, въ живыхъ изъ многочисленнаго княжескаго семейства остались только вдова и двое братьевъ Іоаннъ и Андрей, изъ которыхъ послѣдній тоже вскорѣ умеръ.

Умирая 36 лѣтъ въ схимѣ подъ именемъ Созонта, великій князь оставилъ духовное завѣщаніе [2]), въ которомъ высказаны распоряженія точно такія же, какъ и въ завѣщаніи Калиты, съ тою разницею, что въ духовной Симеона выражено болѣе нѣжной заботливости о любимой молодой женѣ. Всѣ завѣщательныя распоряженія Симеона, какъ и отца его, имѣютъ характеръ распоряженій собственника, распоряженій вотчинныхъ. Послѣ обычнаго религіознаго обращенія и заявленія о своей правоспособности (цѣлымъ умомъ) завѣщаніе говоритъ: даю рядъ своей княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью. А по Бозѣ приказываю своей братьѣ, князю Ивану и князю Андрею свою княгиню и своего... и свои бояре; положилъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, тако имени блюсти *по нашему докончанью, како тогды мы цѣловали крестъ* у отця гроба». Затѣмъ, исчисляя города, волости и села, какъ предоставленные ему покойнымъ отцемъ, такъ и купленные имъ самимъ, а также и движимое имущество, великій князь отказалъ женѣ своей: «то есмь все далъ своей княгинѣ». Далѣе встрѣчается весьма знаменательное выраженіе, указывающее на существованіе различія между великимъ княженіемъ и московскимъ: „а что буди судимъ когда великомъ княженьѣ *и вотчинѣ своей на Москвѣ*"... Наконецъ, послѣ распоряженія объ отпускѣ на свободу людей дѣловыхъ, прикупленныхъ, тіуновъ, посельскихъ, ключниковъ и старостъ въ заключеніи завѣщанія говорится: «а все есмь ее положилъ на Бозѣ, и на своей братьѣ на князѣ на Иванѣ и на князѣ на Андреѣ. А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ; тако же и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте лю-

[1]) Никон. Лѣт. III. 201.
[2]) С. Г. Г. и Д. I. я 24.

дей не слушали, и хто имѣть васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». Въ концѣ же духовной высказывается цѣль его составленія и мѣра огражденія: «А пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша,* и свѣча бы не угасла. А хто сію грамоту иметь рушити судить ему Богъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ». [1])

Очевидно всѣ распоряженія имѣютъ характеръ распоряженій вотчинныхъ, распоряженій собственника, хозяина, но не государя. Прочитавъ его со вниманіемъ, можно было бы предположить, или что было другое завѣщаніе, касающееся если не собственно великаго княжества, то княжества московскаго, или что престолонаслѣдіе было обставлено правилами, потребовавшими, по твердости своей, новыхъ подтвержденій. Но ни того, ни другаго не было. Единственное указаніе на опредѣленіе княжескихъ отношеній заключается въ ссылкѣ на докончанье (договоръ 1341 года) или, лучше сказать, на завѣщаніе Іоанна Калиты, такъ какъ докончанье служитъ только исполненіемъ того завѣщанія. А между тѣмъ въ завѣщаніи Калиты высказано было только: «приказываю дѣтямъ своимъ вотчину Москву,» точно также, какъ и нынѣ всякій добрый отецъ семейства приказываетъ одну часть имѣнія, болѣе цѣнную, въ общее владѣніе дѣтямъ, а другую часть назначаетъ въ раздѣлъ. Что же касается до условій въ докончаньи имѣть младшимъ братьямъ врагами и друзьями тѣхъ, которые друзья или враги старшему брату и выступать въ походъ по распоряженію старшаго брата, то и въ этихъ статьяхъ, при разсмотрѣніи ихъ съ предшествующими и послѣдующими мѣстами договора, нельзя не видѣть условій членовъ дружнаго, крѣпко любящаго другъ друга семейства, именно такого семейства, какимъ съумѣлъ воспитать умный Калита. Доказательствомъ этой мысли служитъ заботливость братьевъ о томъ, чтобъ не держать другъ на друга никакого нелюбья и въ отсутствіи всякихъ мѣръ, которыя служили бы

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I. ст. 37.

къ огражденію установленныхъ условій, что было-бы совершенно необходимо при политическомъ характерѣ условій.

Княженіе Симеона Іоанновича, продолжавшееся около 12 лѣтъ, составляетъ продолженіе во всѣхъ отношеніяхъ княженія отца его. Таже не любовь къ ратнымъ дѣламъ и ко всякаго рода рискованнымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тоже стремленіе къ увеличенію своихъ доходовъ, къ пріобрѣтенію покупками и вообще всякими способами селъ и волостей, даже въ другихъ княжествахъ и тоже унизительное заискиваніе въ ордынцахъ. Симеонъ, какъ уже было сказано, нѣсколько разъ былъ въ ордѣ и каждый разъ, по выраженію лѣтописцевъ, возвращался отъ хана съ великой честью. При немъ, точно также какъ и при Калитѣ, московскій народъ не зналъ ордынскихъ посланцевъ (хотя въ 1347 году и находился въ Москвѣ татарскій посолъ Кога, но въ лѣтописяхъ не упоминается о сдѣланныхъ имъ насиліяхъ) и, слѣдовательно, могъ безбоязненно отдаваться производительному труду. Промышленность развилась, а ея развитіе обусловило развитіе торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней по прежнимъ путямъ на западѣ черезъ Новгородъ, на югѣ съ греками и на югѣ-востокѣ съ ордынцами. Какъ дѣятельны были торговыя сношенія, можно видѣть уже и изъ того, что братское докончанье и завѣщаніе Симеона написаны на *бумагѣ*, бывшей въ то время большой рѣдкостью даже на западѣ.

При Симеонѣ встрѣчаются въ Москвѣ и собственные, доморощенные художники. Въ 1344 году [1]) расписаны были двѣ каменныя церкви св. Богородицы и св. Михаила: въ первой работали греки, письцы митрополита Ѳеогноста, а во второй русскіе писцы князя Великаго Симеона Ивановича «въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальницы иконописьцемъ: Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ». Въ слѣдующемъ 1345 г. расписывалась церковь св. Спаса казною и велѣніемъ великой княгини Анастасьи мастеромъ, старѣйшиной иконописьцевъ, Гейтаномъ, о которомъ въ Никоновской лѣтописи говорится: начальницы были русскіи родомъ, а греческіи уче-

---

[1]) Троиц. лѣт. 6852.

вицы Гелианъ и Семенъ и Иванъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ 1346 г. упоминается о знаменитомъ литейщикѣ Борисѣ, слившемъ три большіе колокола и два малыхъ. Объ этомъ Борисѣ упоминаетъ и Новгородская лѣтопись подъ 1342 годомъ: Владыка Василій повелѣ сліяти колоколъ великъ къ св. Софіи и приведе мастеры съ Москвы человѣка добра, именемъ Бориса.

Гордый умеръ рано, 36 лѣтъ, слѣдовательно, до наступленія еще того возраста, когда страсти уступаютъ мѣсто холодному разуму, но не смотря на такія лѣта, во всѣхъ дѣйствіяхъ его видны холодная расчетливость и осторожность. Почему именно ему дано было названіе Гордаго, — по неимѣнію положительнаго факта, свидѣтельствующаго объ его надмѣнности, кромѣ извѣстія Татищева объ оскорбительномъ его обращеніи съ Новгородцами,—опредѣлить трудно. Вѣроятно, сознавая свою силу, онъ въ сношеніяхъ съ князьями поступалъ самостоятельно и требовалъ безусловнаго повиновенія. Въ отношеніяхъ же братскихъ онъ постоянно выказывалъ сердечную привязанность. Наконецъ, изъ его характеристики необходимо упомянуть еще объ одной чертѣ, которой лѣтописцы придавали особенную важность—это трезвость, не употребленіе никакого вина, въ чемъ лѣтописцы находили начало мудрости.

Говоря о характеристикѣ, кстати вспомнить мнѣніе о московскихъ князьяхъ нашего заслуженнаго ученаго, С. М. Соловьева. „Всѣ они (московскіе князья) похожи другъ на друга, въ ихъ *безстрастныхъ* ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, *идутъ медленно*, осторожно, но постоянно неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ". Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Нельзя назвать безстрастною личность Даніила Московскаго, энергически домогавшагося признанія за Москвою значенія великаго княжества и принимавшаго дѣятельное участіе въ борьбѣ братьевъ Андрея и Дмитрія Александровичей, еще менѣе безстрастенъ Юрій Даниловичъ, котораго все княженіе наполнено неутомимой

борьбой, веденной съ страстнымъ увлеченіемъ, нельзя точно также назвать безстрастными и нехарактеристичными лицами Іоанна Калиту и Симеона Гордаго, хотя ихъ княженія, продолжавшіяся оба совокупно только около 24 лѣтъ, не ознаменованы никакими рѣзкими чертами, несвойственными тогдашнему складу московской жизни. Да историку и не нужно крупныхъ событій для характеристики историческихъ лицъ. При внимательномъ изученіи памятниковъ въ данной эпохѣ народной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самый ничтожный фактъ, самый неясный намекъ лѣтописнаго извѣстія одѣваетъ историческую личность плотью и кровью. Нельзя согласиться также и съ заключеніемъ о медленности дѣйствій московскихъ князей. О медленности не можетъ быть и рѣчи при существованіи факта развитія Москвы изъ простаго бѣднаго населенія въ великое княжество съ преобладающимъ значеніемъ въ какіе нибудь пол-вѣка. Если же эти дѣйствія князей были осторожны, если они не сопровождались кровавыми народными жертвами, если они были результатомъ чуткаго пониманія народной жизни и ея потребностей, то тѣмъ болѣе безспорно они заслуживаютъ вниманія историка.

Не смотря на полное отсутствіе крупныхъ, внѣшнихъ явленій, первая половина XIV столѣтія представляется намъ весьма важнымъ историческимъ моментомъ. Въ сѣверо-восточной Руси въ этотъ моментъ выдвинулось княжество, ставшее въ короткое время въ главѣ Руси и выработавшее въ себѣ тѣ жизненныя силы, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ привели къ государственному строю. Съ этого момента исторія этого княжества становится исторіей Россіи. Какія же были причины такого возвышенія? Почему именно Москвѣ, а не другому какову либо княжеству выпала счастливая доля сдѣлаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ лежитъ въ содержаніи изложенныхъ событій, въ должномъ освѣщеніи каждаго изъ этихъ событій въ отдѣльности и въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, въ правдивомъ представленіи значенія ихъ и смысла, именно того значенія и смысла, какое имѣли въ себѣ лѣтописныя

извѣстія и, наконецъ, въ представленіи, по возможности, отрѣшенномъ отъ всякой предвзятой идеи.

Вопросъ о причинахъ возвышенія Москвы занималъ многихъ, изъ нашихъ историковъ: Карамзина, Полеваго, Погодина, Каченовскаго, Соловьева и друг. и каждымъ изъ нихъ сказано вѣское слово. Но отдавая должную справедливость ихъ учености и проницательности, нельзя не замѣтить то неправильности, то односторонности въ освѣщеніи ими разсматриваемаго предмета, отчего значеніе нѣкоторыхъ фактовъ или оставлено въ тѣни, или получило невѣрные размѣры. Карамзинъ приписываетъ возвышеніе Москвы ордѣ. Онъ говоритъ: „могло пройдти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя, вѣроятно, погибелью нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное: тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которыя спасены Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ“ [1]). Освѣтивъ такимъ образомъ одну сторону княжескихъ отношеній, сторону хотя и весьма важную, но далеко не единственную и особенно вліятельную, нашъ исторіографъ оставилъ въ тѣни полунеясными другія, болѣе существенныя явленія народной жизни, не обратилъ вниманія ни на значеніе служилаго сословія, ни на значеніе духовенства и, наконецъ, не придалъ даже должнаго вѣса силѣ народнаго духа.

Покойный академикъ Погодинъ объясняетъ возвышеніе Москвы счастливымъ стеченіемъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ и, наоборотъ, неблагопріятныхъ для враговъ ея. „Всѣ болѣзни, по мнѣнію Погодина, посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія“. Въ числѣ этихъ счастливыхъ обстоятельствъ полагаются и существованіе такихъ первыхъ князей, какъ Іоаннъ Калита, выбравшихъ своей резиденціей Москву, и положеніе послѣдней въ средоточіи всѣхъ важныхъ княжествъ того времени, и принятіе московскими князьями на себя обязанности сборщиковъ ханской дани, и заслуги московской

[1]) И. Г. Р. т. V. гл. IV.

аристократіи и, наконецъ, самая смерть, отстранившая поводъ къ междоусобію московскихъ князей [1]). Взглядъ покойнаго академика шире и многостороннѣе, но онъ далеко не обнимаетъ собою всей сущности вопроса. Такъ въ изложенномъ исчисленіи счастливыхъ обстоятельствъ совершенно пропущено вліяніе духовенства, тогда какъ оно, составляя самую интелигентную часть народа того времени, стояло во главѣ и не могло не имѣть вліянія на судьбу его. При томъ счастливость и несчастливость предполагаетъ понятіе случайности, а въ исторіи не можетъ быть случайныхъ обстоятельствъ; точно также странно встрѣтить въ ряду счастливыхъ обстоятельствъ самыхъ факторовъ народной жизни.

Мнѣніе профессора Каченовскаго изложено въ статьѣ ученика его Станкевича о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III [2]). По основному мнѣнію этого ученаго возвышеніе Москвы главнымъ образомъ произошло отъ географическаго ея положенія. Занимая центральное положеніе между сѣверомъ и югомъ и разъединяя силы независимыхъ княжествъ, Москва расширялась изъ центра къ окружности, постепенно присоединяя къ себѣ сосѣднія владѣнія и образуя такимъ образомъ московское государство. Затѣмъ этому основному условію содѣйствовали, какъ полагаетъ Каченовскій, и другія вліянія, къ которымъ онъ относитъ: вліяніе монголовъ, духовенства и политику первыхъ московскихъ князей. Особенное достоинство взгляда профессора Каченовскаго состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, первый у насъ обратилъ вниманіе на возможность вліянія природы, на историческую жизнь народа, но въ изслѣдованіи Станкевича замѣчается весьма важная неполнота въ игнорированіи вліянія московской аристократіи.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи до сихъ поръ служитъ вопросъ о степени вліянія ордынцевъ вообще на русскую жизнь, въ особенности на усиленіе самодержавія, а слѣдовательно и на усиленіе Москвы. По этому

---

[1]) Историко-критич. отрыв. о Москвѣ 133—159. Очерк. Рус. Шт. 26.
[2]) Учен. зап. Москов. Универ. 1834 г. 1.

поводу существуютъ два мнѣнія, діаметрально противуположныя. По мнѣнію однихъ историковъ (С. М. Соловьевъ) татары не способны были имѣть, и, дѣйствительно, не имѣли никакого вліянія на русскую государственную жизнь, подобно тому, какъ не имѣли вліянія предшественники ихъ—половцы [1]. По мнѣнію же другихъ (Н. И. Костомаровъ) [2]) вліяніе татаръ напротивъ было рѣшительное и глубокое, вложивъ въ русскую жизнь идею самодержавія, осуществленную московскою княжескою властью, прототипомъ которой послужила власть ханская. Оба мнѣнія по увлеченіямъ въ крайностямъ ошибочны. Не отрицая вліянія орды въ ослабленіи самостоятельности народа, земства, о чемъ будетъ подробно сказано ниже,—нельзя согласиться вмѣстѣ съ тѣмъ и со сторонниками ордынцевъ. Антагонизмъ русскихъ и татаръ, несогласныхъ ни характеромъ, ни вѣрой, постоянно поддерживался угнѣтательнымъ образомъ дѣйствій послѣднихъ и уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства не могъ внести въ русскую жизнь прототипа власти.

Взглядъ извѣстнаго нашего ученаго, С. М. Соловьева, относительно причинъ возвышенія московскаго княжества, отличается большею разносторонностью и ефектностью. Собственно этотъ предметъ не былъ цѣлью его спеціальнаго изслѣдованія, но онъ составлялъ необходимую часть его исторіи отношеній князей Рюрикова дома. Характеризуя бытъ русскихъ княжествъ до Андрея Боголюбскаго господствомъ родовыхъ отношеній, почтенный профессоръ открываетъ въ развитіи Москвы стремленіе выдвинуть государственныя отношенія на мѣсто ослабѣвшаго родоваго быта, поставить князей другихъ русскихъ княжествъ изъ родичей на ступень подручниковъ. Причисляясь къ городамъ новымъ, въ которыхъ, въ противуположность городамъ старымъ, явилось новое понятіе о собственности и отдѣльномъ владѣніи, Москва подобно всѣмъ другимъ новымъ городамъ стремилась увеличиться и усилиться всѣми возможными способами. Что это стремленіе у мо-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист. I. 278.

[2]) „Начало единодержавія въ др. Руси“ истор. мон. и изслѣд. т. XII.

сковскихъ князей оказалось не только болѣе плодотворнымъ и результатнымъ, но даже дѣйствительно подавляющимъ по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, этому обстоятельству, по мнѣнію ученаго профессора, способствовали многія общія и исключительныя условія, къ которымъ онъ относитъ: территоріальное положеніе Москвы, умную политику первыхъ московскихъ князей, ихъ расчетливость и хозяйскую способность, вліяніе духовенства, благопріятныя отношенія монголовъ и дѣятельность бояръ. Всѣ эти условія, въ особенности участіе бояръ обслѣдованы съ тою ясностью и логической послѣдовательностью выводовъ, которыми вообще отличаются труды этого ученаго. Но при всѣхъ этихъ капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія С. М. Соловьева имѣютъ характеръ увлеченія. Выставляя на первый планъ родовое начало и неутомимо слѣдя за нимъ въ княжескихъ отношеніяхъ, единственно доступныхъ обслѣдованію, онъ не обратилъ должнаго вниманія на внутреннюю народную жизнь и упустилъ изъ вида другія стороны общественнаго быта, между тѣмъ, какъ по нашимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ княжескія отношенія составляютъ собою отдѣльныя явленія, не составляющія типа общественнаго строя того времени. Притомъ же самая теорія городовъ старыхъ и новыхъ еще не окончательно выяснена и доказана.

Возвышеніе Москвы составляю продуктъ предшествующей исторической жизни, естественное явленіе, въ которомъ, какъ и въ каждомъ естественномъ явленіи, не могло быть ничего удивительнаго, не могло быть никакихъ случайныхъ счастливыхъ обстоятельствъ. Наши лѣтописи рисуютъ состояніе славянскихъ волостей, до вторженія татаръ, въ постоянной борьбѣ внутреннихъ элементовъ, такъ какъ отношенія этихъ элементовъ оставались неопредѣленными, безъ органическаго строя. Вѣче, изображая высшій законодательный и правительственный органъ, безпрерывно сталкивалось съ княжеской властью, которая, обладая судебною, полицейскою и военными частями, не могла не выходить изъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предѣловъ своего вѣдѣнія. Ряды, заключаемые вѣчемъ съ княжеской властью, при отсутствіи положительныхъ и обязатель-

ныхъ началъ, не могли, конечно, опредѣлить всѣхъ возможныхъ случаевъ, а потому и нерѣдко должны были представляться поводы къ неурядицѣ и борьбѣ. Такое положеніе постоянной борьбы, какъ внутри самой волости, такъ и въ столкновеніяхъ волостей и князей между собою, истощало силы обществъ и исключало всякую возможность къ прочному организованію. Доказательство этого вывода видимъ въ жизни Новгорода, сохранившаго до своего паденія, вслѣдствіе своего мѣстнаго положенія, первоначальную общественную форму. Не смотря на высокое развитіе торговыхъ оношеній и благосостоянія, онъ постоянно раздирался внутренними усобицами и не могъ выработать начала, способнаго къ дальнѣйшему прочному и живому развитію.

Татарская орда, разгромивъ славянскія волости, произвела существенное, хотя и не непосредственное вліяніе на ихъ судьбу. Многіе, какъ было сказано выше, изъ нашихъ историковъ совершенно отвергаютъ всякое вліяніе монголовъ на наши древнія общества, но такое отрицаніе слишкомъ поспѣшно. Правда, находясь сама на низкой степени цивилизаціи, орда не могла непосредственно и передать намъ начала гражданственности, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея, хотя и посредственное, было значительно. Оно проявилось, главнымъ образомъ, въ разрѣженіи въ славянскихъ волостяхъ свободнаго класса. Опустошительный грабежъ и полонъ ордынцевъ, естественно, всей своей тяжестью налегъ на свободный классъ, такъ какъ по состоятельности только этотъ классъ могъ удовлетворить ненасытной жадности къ добычѣ и такъ-какъ выкупъ могъ ожидаться только отъ полонянниковъ изъ этого класса. И полонянники, послѣ выкупа, и ограбленные принуждались прибѣгать къ займамъ и вообще къ различнаго рода обязательствамъ, чѣмъ по необходимости становились уже въ разрядъ если не совершенно безправный, то во всякомъ случаѣ въ полуправный классъ, который такимъ образомъ долженъ былъ увеличиваться и дѣйствительно увеличивался въ громадномъ размѣрѣ, какъ это извѣстно изъ нашихъ источниковъ. А такъ какъ на вѣче участвовали только полноправные классы, то съ уменьшеніемъ количества послѣднихъ,

естественно, уменьшалось значеніе вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и противодѣйствіе княжеской власти. Затѣмъ при всей справедливости мнѣнія о томъ, что татары не касались ни до дѣлъ вѣры, ни вообще до дѣлъ внутренняго распорядка въ славянскихъ волостяхъ, нельзя, однакожъ, безусловно и рѣшительно отвергать всякое вліяніе простаго примѣра. Неограниченность ханской власти, тяготѣвшей надъ Русью въ теченіи многихъ вѣковъ, не могла не принизить русскаго народа, не могла не измѣнить его прежняго взгляда на власть княжескую, какъ только на верховно-судебную, полицейскую и военную. Притомъ же, служа представителемъ хана, а потомъ и баскакомъ его, русскіе князья у себя дома невольно стали подражать и стали считать себя въ правѣ требовать такой же авторитетности, какою пользовалась власть ханская въ ордѣ. Такое требованіе еще болѣе укрѣплялось въ томъ случаѣ, когда утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ какого либо княжества происходило въ преемственномъ родѣ.

Признавая такимъ образомъ важность посредственнаго вліянія татарскаго ига на ослабленіе вѣчевыхъ собраній и на усиленіе одновременно власти князей, должно замѣтить, что это вліяніе не могло быть одинаковымъ во всѣхъ волостяхъ. На югѣ, гдѣ существовавшій порядокъ имѣлъ глубокіе корни, гдѣ народъ вслѣдствіе естественныхъ условій живѣе чувствовалъ и проявлялъ свою дѣятельность, тамъ, конечно, татарское вліяніе не въ силахъ было измѣнить кореннаго порядка, но на сѣверѣ, гдѣ населеніе холоднѣе относилось къ своимъ правамъ, гдѣ оно болѣе заботилось о потребностяхъ своего существованія, гдѣ оно вынуждалось болѣе трудиться для своего содержанія, тамъ это вліяніе, конечно, отразилось въ болѣе существенномъ размѣрѣ и, наконецъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ не возникало прежняго устройства славянскихъ обществъ, тамъ образовались другой взглядъ и другой строй.

Этотъ-то новый порядокъ и установился въ Москвѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій. Въ Москвѣ не совершилось никакой ломки. Тамъ не было и не могло быть вѣчевыхъ собраній. Вотчина боярина Кучки, послѣ казни этого боярина, сдѣла-

лась вотчиной князя и населилась людьми обязанными къ нему, во всей вѣроятности полусвободными или совершенно несвободными. На это отношеніе указываетъ особенность Іустинской лѣтописи. Въ этой лѣтописи съ 1146 года всѣ великіе князья владимірскіе и суздальскіе, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Юрьевичъ (большое гнѣздо) и даже Александръ Невскій называются московскими князьями. Такъ подъ 6679 (1171) годомъ говорится [1]: «и отселѣ впаде княженіе кіевское, а володимірское *въ Москвѣ* вознесется, оттоли бо *московскіе князи* надъ кіевскими начата владѣти». Не указывается ли здѣсь прямо на вотчинную принадлежность, какъ собственности, Москвы великимъ князьямъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время народъ называетъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ по именамъ ихъ вотчинъ: спасскій баринъ, березовскій баринъ и т. п. Вотчинныя отношенія Москвы къ князьямъ, отношенія собственности къ владѣльцамъ продолжались долго, до того времени, когда народная жизнь образовала органическое устройство государственныхъ элементовъ и опредѣлила ихъ отношенія между собою, когда сліяніе съ Москвою (при Іоаннѣ III) многихъ русскихъ княжествъ великихъ и невеликихъ вызвало необходимость въ регламентаціи частей, уже способныхъ къ самостоятельному существованію.

Такимъ образомъ основываясь на существенныхъ чертахъ народной жизни, было бы правильнѣе и основательнѣе назвать первые періоды русской исторіи вѣчевымъ — до образованія московскаго княжества и вотчиннымъ — до государствованія Іоанна III. Изложеніе образованія и постепеннаго сформированія государственныхъ элементовъ, совершившихся въ послѣдующее время, составитъ предметъ особаго изслѣдованія,— въ первой же половинѣ XIV вѣка государственныхъ элементовъ не находилось и всѣ сохранившіеся историческіе памятники не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ государственнаго начала, какъ въ древнемъ періодѣ до XIV столѣтія, гдѣ существовали первобытные славянскія общества, такъ и въ

[1]) П. С. Р. Л. II. (Ιуст.) 311.

теченіи этого полустолѣтія, гдѣ совершалось развитіе вотчинной власти князя. Изъ этого видимъ, какъ медленно выросталъ русскій государственный организмъ. Да оно и понятно. Чѣмъ сложнѣе и грандіознѣе организмъ, говорятъ натуралисты, тѣмъ медленнѣе совершается его развитіе.

Для большаго выясненія вопроса обратимся къ подробному разсмотрѣнію въ первой половинѣ XIV столѣтія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается государственное начало, къ разсмотрѣнію правительственной власти, народнаго состава и т. п.

ГЛАВА IX.

Правительственная власть.

Переходимъ къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія московскаго княжества первой половины XIV вѣка, къ разсмотрѣнію общественнаго быта по отношенію къ основнымъ, по крайней мѣрѣ, его формамъ т. е. къ тѣмъ формамъ, которыя составляютъ содержаніе такъ называемаго государственнаго и частнаго права.

Какова была сущность московской княжеской власти? Въ древній до московскій періодъ въ волостяхъ существовали двѣ правительственныя власти: вѣчевая и княжеская, обѣ неопредѣленныя, смутныя, неразграниченныя въ предѣлахъ между собою, какъ и всѣ общественныя формы того времени и славянскаго міра въ особенности. Можно предположить въ общихъ чертахъ, что содержаніе вѣчевой власти составляли вопросы, касающіяся всей волости, вопросы о войнѣ и мирѣ, насколько они не были дѣломъ личнаго интереса князя, вопросы о призывѣ и удаленіи князей и т. п. Содержаніе княжеской власти составляли судъ и расправа, наложеніе и собираніе дани, охраненіе общественнаго спокойствія и безопасности и такъ называемая власть управленія. Что власть вѣчевая существовала какъ самостоятельная сила, это положительно доказывается заключеніями ряда-договора волостей съ князьями. Если бы

рѣшенія вѣчей о призывѣ или удаленіи князей были дѣломъ мятежнаго своеволія толпы, то въ этомъ случаѣ не могло быть заключаемо ряда-договора и этотъ договоръ не могъ быть записанъ лѣтописцемъ какъ нѣчто обязательное. Точно также нельзя сопоставить самодержавную власть съ частыми и почти безслѣдными переходами князей изъ одной волости въ другую. Самодержавіе по необходимости рождаетъ такія тѣсныя отношенія, при которыхъ немыслима та легкость, съ какой князья мѣнялись волостями. Признавъ же существованіе двухъ властей, нельзя не признать въ этомъ одну изъ причинъ общественныхъ золъ и смутъ. Но эта причина, къ сожалѣнію, была не единственною.

Каждая волость имѣла свой столъ и своего князя, управлявшаго совершенно самостоятельно, по отношенію къ другимъ князьямъ и другимъ волостямъ, за исключеніемъ того обстоятельства, когда сынъ,—иногда даже малолѣтній,—получалъ часть волости отца еще при жизни послѣдняго,—въ этомъ случаѣ право управленія считалось за отцемъ и сынъ имѣлъ значеніе только намѣстника. Столы занимались, смотря по значеніямъ волостей, членами одного княжескаго дома Рюриковичей по степенямъ ихъ родства и близости къ общему родоначальнику, слѣдовательно по особому праву престолонаслѣдія, совершенно не совпадающему съ общимъ правомъ наслѣдованія, по которому имѣли участіе только прямые нисходящіе. И въ этомъ обстоятельствѣ также нельзя не видѣть доказательства несамодержавной власти князя, такъ какъ при самодержавіи, по отсутствіи въ то время государственныхъ понятій, естественно должно было развиться престолонаслѣдіе по частному праву.

Изъ всѣхъ князей выдѣлялся только одинъ съ значеніемъ великаго князя, занимавшій старѣйшій столъ первой волости (Кіевской) и имѣвшій на остальныхъ князей вліяніе отца („въ отца мѣсто") на совершеннолѣтнихъ сыновей. Другими словами, великій князь имѣлъ право убѣждать, дѣлать выговоры и даже, при явномъ правонарушеніи, силою возстановлять нарушенное. Само собою разумѣется, что впослѣдствіи, при размноженіи княжескаго дома, счетъ степеней родства

становился затруднительным и не могъ не подавать частыхъ поводовъ къ княжескимъ усобицамъ, въ чемъ и заключается главная и вліятельная причина междоусобныхъ войнъ и разъединенности волостей. Для обузданія претензій власти одного великаго князя оказывалось уже недостаточнымъ и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и потому потребовалось новое учрежденіе съѣзда князей.

Составляя собою представительство существовавшихъ тогда правительственныхъ единицъ, и эта политическая форма носила въ себѣ общій характеръ неопредѣленности, присущей каждой единицѣ. Изъ источниковъ не видно, въ какой мѣрѣ были обязательны постановленія съѣзда, какимъ порядкомъ и кѣмъ они приводились въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе предположить, что значеніе съѣзда, какъ и значеніе великаго князя, зависѣло отъ фактическихъ условій, отъ силы и вліянія постановившихъ опредѣленіе. Такимъ образомъ и эта форма не могла умиротворить русскую землю.

Такова была организація правительственной власти въ южныхъ русскихъ волостяхъ, такова же она была и въ сѣверо-восточныхъ, съ тѣми только оттѣнками, которые вытекли изъ мѣстныхъ особенностей. Выселенцы изъ старыхъ русскихъ городовъ на новую свободную землю приносили съ собой свои взгляды, убѣжденія и прежніе порядки. Образовались города съ тѣмъ же типическимъ устройствомъ, послужившимъ и съ своей стороны типомъ для своихъ пригородовъ. Такъ Суздаль послужилъ типомъ для Владиміра, который тоже сдѣлался типомъ для послѣдующихъ выселеній.

Таковъ былъ общій порядокъ, но въ образованіи Москвы легло особое обстоятельство, которое не могло не имѣть вліянія при дальнѣйшемъ ея развитіи. Отвергая всѣ позднѣйшія вымыслы лѣтописцевъ объ основаніи Москвы, нельзя отвергнуть извѣстія, что на этомъ мѣстѣ прежде существовали поселенія, на вотчинной землѣ боярина Степана Ивановича Кучки, землѣ принадлежащей ему въ собственность. Казнивъ этого боярина, великій князь суздальскій Юрій Владиміровичъ взялъ поселенія казненнаго въ свою собственность, и потомъ передалъ ихъ какъ собственность же, какъ свою вотчину, сыну

своему Андрею Боголюбскому вмѣстѣ съ рукою дочери Кучки, Улиты, и съ завѣщаніемъ населить еще болѣе новое пріобрѣтеніе. Впослѣдствіи изъ этихъ новыхъ поселеній,—вѣроятно изъ несвободнаго класса, такъ какъ князь имѣлъ право располагать только поселеніями такого рода, — образовалась Москва отъ имени рѣчки Москвы. Конечно, по выгодности мѣстоположенія и другимъ удобствамъ эти поселенія постепенно разростались прибавленіемъ новыхъ выселенцевъ изъ различныхъ городовъ, но тѣмъ не менѣе ядро, первоначальный составъ, образовали поселенцы вотчинной земли, платившихъ дани и пошлины собственнику, сначала боярину Кучкѣ, а потомъ князю. Отъ этого исключительнаго обстоятельства въ Москвѣ и не образовались вѣчевые порядки.

Въ лѣтописяхъ вовсе не упоминается о московскомъ вѣчева исключеніемъ только одного мѣста, внимательное разсмотреніе котораго ясно обнаруживаетъ употребленіе этого слова лѣтописцемъ, какъ указаніе на общее смущеніе, но ни въ какомъ случаѣ не въ смыслѣ опредѣленія дѣятельности фактора. Событіе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, относится къ концу XIV вѣка, къ тому времени, когда вѣчевой бытъ сталъ падать уже и тамъ, гдѣ онъ коренился глубоко. Въ 1382 году московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію ордынскаго хана, отступилъ изъ Москвы къ Костромѣ. Оставленные самимъ себѣ, москвичи смутились и естественно раздѣлились въ мнѣніяхъ „овіи хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывше распрѣ межи ими велицѣ и *сотвориша вѣче*, позвониша *во весь колоколы*" [1]). Этотъ разсказъ, напротивъ, еще болѣе утверждаетъ мнѣніе о несуществованіи обычнаго вѣча въ Москвѣ, такъ въ противномъ случаѣ не могло быть смущенія неожиданности, былъ бы призывъ только одного вѣчеваго колокола, а не тревожнаго звона во всѣхъ церквахъ.

Затѣмъ въ лѣтописяхъ имѣются еще два указанія на самовольныя распоряженія, какъ бы въ видѣ вѣча, но безъ употребленія этого слова, да и въ дѣйствительности не имѣющихъ

---

[1]) Воскр. 1382.

его значенія. Въ 1176 году москвичи, стоявшіе вмѣстѣ съ владимірцами за Михаила и Всеволода Юрьевичей противъ ростовцевъ и суздальцевъ, державшихъ сторону Ростиславичей, пошли было изъ Москвы во Владиміръ сопровождать Михаила, но, узнавъ надорогѣ о предстоящемъ нападеніи на нихъ Ярослава Ростиславича, тотчасъ же воротились „блюдучи домовъ своихъ [1])“. Въ этомъ оставленіи москвичами Михаила для защиты домовъ своихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть вѣчеваго распоряженія во 1 по отсутствію общности, а во 2 потому, что Москва въ то время была только простымъ поселеніемъ, но не пригородомъ, тѣмъ болѣе княжествомъ. Наконецъ послѣднее, косвенное, только кажущееся указаніе на рѣшеніе вѣча, какъ на результатъ народной воли въ Москвѣ, относится къ половинѣ XV столѣтія, къ времени плѣненія московскаго князя Василія Васильевича ордынцами; въ извѣстіи, впрочемъ, не упоминается слово вѣче. Въ 1445 году, по случаю выѣзда изъ Москвы княжескаго семейства и бояръ, въ оставленной Москвѣ естественно возникли народное волненіе и неурядица, „а граждане въ велицѣй тузѣ и волненіи бяху: могущеи бо бѣжати, оставивше градъ, бѣжать хотяху; *чернь же совокупившеся* начаша врата градская преже дѣлати“ [2]). Ясно, что это собраніе черни не вѣчевое собраніе; оно состоялось вслѣдствіе удаленія властей и вслѣдствіе неизбѣжной необходимости рѣшить вопросъ, какъ поступить въ виду приближенія ордынцевъ.

Вотъ единственныя лѣтописныя извѣстія, въ которыхъ можно было бы видѣть указанія на московское вѣче, но ближайшее разсмотрѣніе этихъ извѣстій приводитъ къ положительно противуположному результату, къ совершенному отрицанію существованія вѣча въ Москвѣ, въ противуположность общепринятому мнѣнію нашихъ историковъ. Кромѣ отсутствія лѣтописныхъ извѣстій, составляющихъ собою твердую почву, самая исторія Москвы даетъ отрицательный отвѣтъ. Москва родилась, какъ видно было изъ предшествующаго, на вотчинной землѣ

---

[1]) Ипат. 1176 г.

[2]) Воскр. 1445.

и развилась во время монгольскаго ига, въ то время, когда и въ другихъ княжествахъ разгромленный, приниженный народъ переставалъ принимать участіе въ народномъ дѣлѣ. Съ монгольскаго ига во всѣхъ княжествахъ замѣчается усиленіе княжеской власти и стремленіе ее установиться въ своихъ владѣніяхъ, закрѣпить ихъ за собою и своимъ семействомъ, расширить всѣми возможными примыслами и, наконецъ, достигнуть полной независимости, достигнуть достоинства великаго князя. Значеніе родства начинаетъ стираться и уступаетъ мѣсто фактической силѣ.

Но то, къ чему въ другихъ княжествахъ стремились борьбой, безпрерывными распрями и усобицами, Москвѣ было прирожденное, естественное положеніе, и князь московскій, когда пригородъ достигнулъ значительной степени развитія, является среди другихъ князей съ прочной обстановкой, является *хозяиномъ* своихъ вотчинъ-волостей. Въ московской исторіи не встрѣчается вовсе внутреннихъ смутъ и междоусобій, характеризующихъ исторію другихъ княжествъ. Поэтому и задача московскихъ князей—обезопасить внутренній порядокъ, личность и имущества *своихъ людей* отъ частныхъ покушеній и стараться о пріобрѣтеніи, примыслѣ. Эту задачу превосходно поняли первые московскіе князья—Даніилъ, Іоаннъ Даніиловичъ и сынъ послѣдняго—Симеонъ Іоанновичъ; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ особенности послѣднихъ, вездѣ проявляется типъ разумнаго, осторожнаго хозяина. Послѣдствіемъ такого положенія верховной московской власти только и можно объяснить совершенно частный характеръ завѣщательныхъ распоряженій московскихъ князей и ихъ договоровъ между собою, о чемъ было сказано подробнѣе выше.

Мирное состояніе московскаго княжества привлекало къ себѣ новыхъ поселенцевъ, какъ производительныхъ тружениковъ, такъ и лицъ высшаго класса и этимъ же объясняется общее тяготѣніе именно къ ней, а не къ другимъ болѣе старымъ и болѣе богатымъ городамъ—Суздалю, Ростову, Владиміру и друг. Народъ московскій казался смирнымъ, послушливымъ народомъ и въ этомъ отношеніи иногда вызывалъ насмѣшки

кичливыхъ сосѣдей. Такъ въ болѣе, даже, позднее время лѣтописецъ, говоря о войнѣ Олега рязанскаго съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ, высказываетъ: „Рязанцы сурови суще человѣцы, свирѣпіи и высокоумніи.... рѣша другъ другу: не емлемъ себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго оружія, токмо возмемъ ужища, чѣмъ бы вязать москвичей“. Однако рязанцы были разбиты москвичами.

Оканчивая разсмотрѣніе вопроса о существѣ княжеской власти въ Москвѣ, остается повторить все сказанное немногими словами: московская княжеская власть была власть вотчинная, самодержавная, неограниченная ни волей народа, ни какой либо другой волей, но не власть самодержавная въ государственномъ смыслѣ. Поэтому, имѣя въ виду съ одной стороны самодержавную власть въ Москвѣ, а съ другой проявившееся и въ другихъ княжествахъ стремленіе къ удержанію власти въ одномъ семействѣ, вѣрнѣе было бы опредѣлить этотъ моментъ (XIV вѣкъ) русской исторіи вотчиннымъ періодомъ, какъ время предшествующее—періодомъ вѣчевымъ. Сообразно образовавшемуся основному направленію, въ московскомъ княжествѣ господствуетъ особый взглядъ и на престолонаслѣдіе: на мѣстѣ права родства стояли распоряженія о передачѣ наслѣдства въ нисходящую линію, какъ переходила частная собственность къ дѣтямъ, разумѣется съ тѣмъ оттѣнкомъ, которымъ, по необходимости, обусловливалось общественное значеніе наслѣдства этого рода.

Иныя явленія происходили въ другихъ княжествахъ. По понятіямъ родства, державшимся въ другихъ княжествахъ, дяди имѣли старшинство передъ племянниками и княжескій столъ доставался послѣ умершаго брату его по старшинству, а затѣмъ уже сыновьямъ. Не приводя въ доказательство примѣровъ изъ X и XI столѣтій, которые извѣстны каждому знакомому съ русской исторіей, интереснѣе привести случаи изъ болѣе позднѣйшаго времяни, когда связь родства значительно уже ослабѣла. Въ половинѣ XII столѣтія (1141 г.) великій князь кіевскій Мстиславъ Владиміровичъ преемникомъ своимъ по великому княженію назначаетъ брата своего Ярослава, а сыновьямъ

оставилъ Переяславль [1]). Въ началѣ XIII столѣтія [2]) великій князь Владимірскій, Константинъ, назначилъ преемникомъ по великокняжескому столу брата Юрія, сыновьямъ же назначаетъ столы Ростовскій и Ярославскій. Такимъ же образомъ поступилъ и преемникъ Юрія великій князь Владимірскій, Ярославъ. Въ московскомъ же княжествѣ подобныхъ примѣровъ не встрѣчается и княжескій столъ постоянно поступаетъ въ руки старшаго сына.

Изложенные выводы очевидно доказываютъ, что въ Москвѣ впервые явилась идея *самодержавія въ видѣ вотчинной власти князя*. Но это мнѣніе не раздѣляется нашими ученными историками. Многіе изъ нихъ и до сихъ поръ видятъ въ славянскихъ волостяхъ государственное устройство, а въ княжеской власти, власть самодержавно-государственную. Одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученныхъ г. Загоскинъ въ сочиненіи своемъ „Исторія права московскаго государства“ [3]), хотя и признаетъ за древнимъ періодомъ характеръ удѣльно-вѣчевой, но въ тоже время находитъ въ немъ и начало самодержавія. Онъ говоритъ, что „идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ еще задолго до погрома татарскаго. Будучи впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, принесенными греческимъ духовенствомъ, еще въ эпоху крещенія русской земли, идея самодержавія государственной власти неоднократно проявлялась въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ. Намъ извѣстны стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго основать неограниченное единодержавіе въ землѣ Ростовско - Суздальской, желавшаго, по выраженію лѣтописца, „единъ быти властель въ русской землѣ“. Самъ учредитель царскаго достоинства въ Россіи, грозный царь Іоаннъ IV Васильевичъ, признавая себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ, ставитъ въ образецъ власти своей не власть хановъ ордынскихъ, но самодержавную власть императоровъ римскихъ и ссылается на авторитетъ библіи. И такъ *визан-*

---

[1]) Ипат. 1141 г.

[2]) Воскр. 1217 г.

[3]) Ист. Пр. Москов. Госуд. Казань. 1877 г. с. 13.

тійскія государственныя традиціи и воззрѣнія греческаго духовенства—вотъ основныя начала, заронившія въ русскую жизнь первое зерно идеи самодержавія; дѣло лишь въ томъ, что въ удѣльновѣчевомъ періодѣ не было почвы пригодной для произрастанія этого зерна, не было обстоятельствъ, способныхъ дать толчекъ дальнѣйшему развитію этой идеи и внесенію ея въ сферу государственныхъ отношеній. И такъ молодой ученый въ единственно приводимомъ имъ въ доказательство фактѣ честолюбивыхъ стремленій Андрея Боголюбскаго видитъ идею самодержавія государственной власти, не смотря даже на то, что самовластныя дѣйствія этого князя возбуждали противъ него общее неудовольствіе и послужили причиной его убіенія. Руководясь подобнымъ анализомъ, легко можно дойдти до весьма странныхъ выводовъ. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что Боголюбскій воспитывался въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ княжеская власть не встрѣчалась съ опредѣленно сложившимся характеромъ земства, и, однакожъ, при всемъ томъ и тамъ самовластныя дѣйствія его считались злоупотребленіемъ. Впрочемъ, если считать за идею самодержавія государственной власти всякое стремленіе власти усилить себя, увеличить свое вліяніе, то, конечно, такая идея прирожденна каждому обществу, гдѣ только существуетъ власть, такъ какъ каждой власти прирожденно стремленіе оградить, обезпечить себя безъ всякаго занесенія идеи новымъ внѣшнимъ факторомъ. До сихъ поръ обыкновенно понималось подъ понятіемъ идеи самодержавія государственной власти—понятіе совокупности извѣстныхъ отношеній власти къ органически устроенному обществу, а такого общества въ древнемъ періодѣ нашей исторіи не было, да и не могло быть. Далѣе авторъ, развивая мысль свою о занесеніи къ намъ идеи самодержавія византійскимъ духовенствомъ и о перенесеніи къ намъ византійскихъ традицій, приводитъ въ доказательство ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи монархической власти, о необходимости вслѣдствіе этого безусловнаго повиновенія ей: „всякая душа властемъ придержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію

противляется". Совершенно вѣрно мнѣніе о важности вліянія христіанскаго ученія на усиленіе у насъ княжеской власти, не вѣрна только постановка этого вліянія; а вслѣдствіе того не вѣрно и освѣщеніе всего взгляда. Христіанское ученіе получило значеніе тогда, когда князья получили возможность пользоваться этимъ вліяніемъ, а византійскія традиціи въ данномъ отношеніи всегда оставались для нашей исторіи не причемъ. Чтеніе духовенства оказывало значительную поддержку стремленіямъ князей, но не было основнымъ факторомъ. Религіозныя идеи въ первые вѣка могли проникать не въ массу народа, гдѣ христіанское ученіе распространялось туго и медленно, а только въ высшій классъ, а между тѣмъ этотъ-то именно классъ менѣе всѣхъ симпатизировалъ ученію о самодержавіи. И, наконецъ, надобно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ученіе духовенства проповѣдывалось и во всѣхъ другихъ княжествахъ, а между тѣмъ самодержавіе во всей полнотѣ принялось только въ одной Москвѣ.

ГЛАВА X.

Органы верховной власти.

Соотвѣтственно по своему самодержавному значенію, московская верховная власть обнимала собою всецѣло всѣ главныя органы ея правленія: законодательство, судъ и управленіе во всѣхъ существовавшихъ въ то время отношеніяхъ и во всемъ своемъ неограниченномъ объемѣ. До московскаго періода во всѣхъ южныхъ русскихъ волостяхъ власть князя ограничивалась, напр. въ законодательной отрасли, участіемъ народа; было ли это ограниченіе и въ судебномъ отношеніи и во всѣхъ ли волостяхъ, или только одной новгородской, по недостатку источниковъ опредѣлить невозможно.

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ способовъ проявленія дѣятельности княжеской власти въ отношеніи къ внутреннему общественному быту, необходимо предварительно ска-

зать о крайней скудности въ этомъ отношеніи нашихъ лѣтописныхъ извѣстій и историческихъ документовъ, относящихся къ описываемому времени. Лѣтописцы, живя въ средѣ отношеній, извѣстныхъ въ его время всѣмъ и каждому, не находили удобнымъ входить въ подробности. Кромѣ того изъ лѣтописныхъ матеріаловъ, безъ сомнѣнія, много хранится въ складахъ и архивахъ нашихъ древнихъ монастырей еще неизданными, терпѣливо еще ожидающими новыхъ трудолюбивыхъ изслѣдователей. Обнародованіе этихъ матеріаловъ въ видѣ грамотъ нашихъ князей жалованныхъ и безсудныхъ [1]), уставныхъ и судныхъ не можетъ не пролить много свѣта на эту еще темную сторону. Впрочемъ, и изъ тѣхъ грамотъ, которыя извѣстны намъ въ настоящее время, сопоставляя и сравнивая между собою извѣстія различныхъ лѣтъ, можно вывести безошибочно въ общихъ чертахъ понятіе о родѣ существовавшихъ въ то время общественныхъ отношеній.

Въ жизни простой и несложной не могло быть строгаго разграниченія различныхъ органовъ управленія и суда: одни и тѣже были правителями и судьями. Обладаніе небольшою волостью давало князю полную возможность заниматься самому и лично входить во всѣ отрасли управленія. Въ поученіи дѣтямъ Мономахъ говоритъ: „судите вдовицъ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ... не оставляйте больныхъ... въ хозяйствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ... на войнѣ будьте дѣятельны, служите примѣромъ для воеводъ... я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя, не надѣясь на посадниковъ и бирючей". Такими лицами и были московскіе князья и по благотворительности и по хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Но при всей готовности князя лично самому исполнять

---

[1]) Жалованныя или безсудныя (иначе несудимыя) грамоты давались князьями разнымъ монастырямъ и другимъ юридическимъ лицамъ на освобожденіе ихъ по вотчиннымъ дѣламъ, а иногда и губнымъ въ полномъ объемѣ или частью отъ вѣдомства княжескихъ органовъ. Должно однакожъ замѣтить, что безсудными грамотами назывались также и окончательныя судебныя рѣшенія по такому дѣлу, когда отвѣтчикъ къ суду не являлся.

обязанности добраго правителя все таки оказывалась необходимость въ лицахъ, ближе стоящихъ къ народу и замѣнявшихъ его, то по многосложности работы, то на время отсутствія, то по другимъ причинамъ. Необходимость эта увеличивалась съ расширеніемъ територіи княжества, съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ и усложненіемъ общественныхъ отношеній. Замѣняя собою власть князя, эти установленные органы имѣли тотъ же характеръ смѣшенія властей въ предѣлахъ ихъ уполномочій: посадникъ, намѣстникъ волостей — былъ судья, правитель и начальникъ войска.

Всѣ существовавшіе въ московскомъ княжествѣ органы можно раздѣлить на центральные, мѣстные и исключительные. Къ центральнымъ органамъ, имѣющимъ вліяніе на все пространство княжества, относится княжеская дума. Собственно княжеская дума при первыхъ московскихъ князьяхъ не составляла правильно организованнаго постояннаго учрежденія, по крайней мѣрѣ на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакого опредѣленнаго извѣстія. Указанія же на дѣйствительное существованіе думы встрѣчаются весьма часто и въ предшествующемъ періодѣ, „и начаста думати съ мужи своими“ [1]), и въ послѣдующія княженія. Московскій князь Симеонъ Іоанновичъ, сынъ Калиты, въ своемъ завѣщаніи говоритъ братьямъ... „и лихихъ бы людей не слушали,... слушали бы отца нашего Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Затѣмъ внукъ Калиты, князь Дмитрій Іоанновичъ, передъ своей смертью даетъ дѣтямъ послѣднее наставленіе... бояры своя любите... безъ воли ихъ ничтоже нетворите [2]). Существованіе думы можно вывести еще изъ обстоятельства частыхъ поѣздокъ въ орду князей и иногда съ ихъ сыновьями; изъ необходимости оставлять за собою людей преданныхъ, которымъ они могли бы поручать блюсти свой столъ во время отсутствія.

Каковы были условія существованія думы? Какъ учрежденіе необусловленное ни временемъ, ни постояннымъ и извѣстнымъ

---

[1]) Ипат. 1147.
[2]) Воскр. 1389.

составомъ членовъ, Дума собиралась только по призыву князя, по его усмотрѣнію на совѣтъ по какому либо вопросу, состояла изъ лицъ его довѣренныхъ, приближенныхъ единственно его волею и продолжалась столько времени, сколько назначено было княземъ. Вообще дума, при личномъ присутствіи князя, имѣла характеръ чисто совѣщательный и члены имѣли право высказать только свое личное мнѣніе, неимѣющее никакой обязательной силы. Говорить мнѣніе не согласное съ мнѣніемъ князя значило оказывать „встрѣчу" и оцѣнка такого мнѣнія совершенно зависѣла отъ характера князя. Нѣкоторые любили свободное выраженіе мнѣнія, относились къ нему разумно и безпристрастно, другіе же не терпѣли никакого возраженія. Такъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ любилъ противъ себя встрѣчи и даже жаловалъ тѣхъ, которые говорили противъ него, [1]) а сынъ его Василій Іоанновичъ, напротивъ, по каждой встрѣчѣ „опалялся". Первые московскіе князья, какъ можно судить по личному ихъ характеру, вѣроятно, относились съ полнымъ уваженіемъ къ каждому разумному выраженію мнѣнія,—такъ можно заключить изъ приведеннаго указанія Симеона Іоанновича на преданность бояръ.

Предметами совѣщаній думы обыкновенно служили вопросы, касающіеся до всего княжества, вопросы о войнѣ и мирѣ, объ отношеніяхъ князей другъ къ другу, о пріобрѣтеніяхъ или промыслахъ, покупкахъ, о доходахъ, пошлинахъ и повинностяхъ, о назначеніи размѣровъ штрафовъ и т. п. Вѣроятно обсужденію же думы передавались по приказанію князя и жалобы частныхъ лицъ на несправедливыя рѣшенія судей и стѣснительныя распоряженія служилыхъ людей. Хотя по этому предмету и не встрѣчается современныхъ извѣстій XIV вѣка, но такъ какъ подобные же вопросы подлежали совѣщаніямъ князей съ мужами и въ предшествующее и послѣдующее время, то нѣтъ основанія отвергать такое вѣдомство и въ описываемую эпоху.

Какъ выборъ предметовъ для совѣщаній думы вполнѣ зависѣлъ отъ воли князя, точно также отъ него зависѣлъ и вы-

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 127.

боръ членовъ-совѣтниковъ. Но такъ какъ въ интересѣ князя было придать рѣшеніямъ думы болѣе авторитетнаго значенія и фактической силы при исполненіи, то, естественно, выборъ его падалъ на лицъ, пользующихся большимъ авторитетомъ, владѣющихъ большею силою, слѣдовательно на бояръ. [1]) Затѣмъ въ думу назначались приближенные къ князю лица, его служилые, его окольничіе, сокольничіе и т. п. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, [2]) доказывающее положительнымъ образомъ право князя на произвольный выборъ совѣтниковъ-членовъ думы даже и въ предшествующее время „и тогда Святославъ сдумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ милостникомъ своимъ и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“. Если таково было право князя въ XII вѣкѣ, то тѣмъ болѣе должно признать его въ XIV столѣтіи при установленіи вотчиннаго взгляда на княжество за князьями московскаго дома.

Мѣстные органы управленія. Предварительно разсмотрѣнія института мѣстныхъ органовъ управленія, необходимо сказать нѣсколько словъ вообще о дѣленіи княжества на правительственныя единицы. Въ разсматриваемую эпоху въ источникахъ находится дѣленіе на 1) города съ уѣздами и 2) волости съ уѣздами. Первое подраздѣленіе составляло какой-либо городъ, какъ наибольшее населеніе, съ уѣздомъ т. е. съ тѣми селами, какія по близости своей къ городу и по общности экономическихъ условій естественно тянули къ нему и для которыхъ было особенно удобно управляться и судиться однимъ и тѣмъ же лицемъ—„московскій городскій уѣздъ“. Второе подраздѣленіе были волости, населенія пространствъ, опредѣленныхъ границами сообразно съ мѣстными условіями; самый населенный пунктъ составлялъ центръ волости, отъ котораго она получала свое отличительное названіе, а прочія села составляли уѣздъ волости („отъѣздъ, выѣздъ“). [3]) Подраздѣленія городовъ и волостей нельзя считать всегда постоянными. По усмотрѣнію князя, по требованіямъ обстоятельствъ, смотря

[1]) Названіе мужъ въ эпоху княженій первыхъ московскихъ князей въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уже болѣе не встрѣчается.

[2]) Ипат. 1180.

[3]) С. Г. Гр. и Дог. I. 23, 27, 31.

напр. по важности назначаемаго къ управленію ихъ лица, границы уѣздовъ городскихъ или границы волостей мѣнялись увеличеніемъ или уменьшеніемъ или даже соединеніемъ двухъ или болѣе. При этомъ необходимо замѣтить, что по неустановившейся опредѣленности техническаго языка иногда однимъ названіемъ выражались различныя понятія. Такъ названіе волость, кромѣ опредѣленія извѣстнаго правительственнаго округа, означало также и право, власть на какую либо извѣстную часть дохода; „а изъ городскихъ *волостей* даю княгини своей *осминичее*, а тамгою и иными волостьми подѣлятся. [1])

Кромѣ городовъ и волостей встрѣчается еще названіе „станъ". Но было ли это названіе опредѣленіемъ особаго правительственнаго округа рѣшить почти невозможно. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ можно заключить совершенную одинаковость значенія волости и стана, изъ другихъ же, наоборотъ, видно различіе, но въ чемъ оно состояло, уловить весьма трудно. [2]) Проф. Соловьевъ признаетъ станъ за подраздѣленіе волости. [3])

Наконецъ извѣстно еще одно подраздѣленіе на *погосты*, но это подраздѣленіе не имѣло правительственнаго характера. Погостомъ считалась та сельская церковь, къ которой приписаны были окружныя села для исполненія церковныхъ требъ. Такъ какъ при церквахъ происходило большее или меньшее стеченіе народа, то нельзя отвергать участія его особенно въ вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общества, но въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ на это нѣтъ никакого указанія.

Изъ мѣстныхъ общихъ органовъ управленія въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ упоминаются: намѣстники, волостели, тгуны, посельскіе и сотскіе. Городами съ ихъ уѣздами завѣ-

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. 21 и 22.

[2]) Ср. уст. и таможн. грам. бѣлозерцамъ А. А. Э. т. I. 123. С. Г. Г. и Д. I. 144. Не соотвѣтствуютъ ли названія волости и стана различнымъ правамъ поселенцевъ изъ свободнаго и несвободнаго классовъ? Признавъ это различіе, не трудно уже объяснить употребленіе въ бѣлозерскихъ грамотахъ этихъ названій то раздѣльно, то вмѣстѣ.

[3]) И. Р. т. III. с. 38 2-е изд.

дывали намѣстники, а волостями съ уѣздами—волостели. Съ XIV столѣтія первые, замѣнивъ прежнихъ посадниковъ, представляли собою власть князя въ качествѣ правителя, судьи и воинскаго начальника: [1]) „а правъ ли будетъ или виноватъ *городской человѣкъ*... и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстниковъ. [2]) Приговоръ намѣстника былъ совершенно единоличный. Если городъ по обширности своей, завѣдывался двумя или болѣе намѣстниками, то въ этомъ случаѣ не было общаго завѣдыванія, но городъ раздѣлялся на части по числу намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно и подчиненныхъ только волѣ князя. Это заключеніе можно вывести изъ того, что при общемъ завѣдываніи необходимо было бы опредѣленіе коллегіальныхъ отношеній, а въ нашихъ грамотахъ этого не только не, встрѣчается, но напротивъ, говорится о блюденіи города «съ единого». Намѣстники и волостели назначались по избранію князя изъ первостепенныхъ служилыхъ людей, бояръ, а иногда и изъ боярскихъ дѣтей; срокъ службы точно также зависѣлъ отъ воли князя. [3])

Какимъ былъ для города намѣстникъ, точно въ такомъ же отношеніи находился волостель въ своей волости, съ тѣмъ только исключеніемъ, что послѣдній никогда не предводительствовалъ войскомъ, а потому и пользовался меньшимъ значеніемъ, какъ будто второстепеннымъ. Можно даже предполагать, что иногда судебная власть волостеля ограничивалась изъятіемъ въ вѣдомство намѣстника важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ.

За службу свою намѣстники и волостели особаго жалованья отъ князя не получали, но пользовались опредѣленнымъ обязательнымъ приношеніемъ отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ или же частью доходовъ, слѣдующихъ князю—что называлось *кормленіемъ*. Хотя въ современыхъ уставныхъ грамотахъ о кормленіи и не упоминается, но сомнѣваться въ этой системѣ

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 36, 37. А. П. т. I. № 83, 87, 88, и мн. др.

[2]) А. А. Э. т. I. 136 и 139.

[3]) А. И. т. II. 10. А. Ю. 161.

Ст. 2. Русское Императорское правительство признаетъ исключительную принадлежность Портѣ крѣпости Суджакъ-Калесси [1]), обязываясь притомъ никогда не предъявлять на нее правъ, присвоивавшихся крымскими ханами.

Ст. 3. Рѣка Кубань служитъ границею; Россія отказывается отъ обладанія мѣстностями, лежащими по ту сторону этой рѣки.

Окончательно вступивъ во владѣніе полуостровомъ, Императрица занялась упроченіемъ своего господства на Черномъ морѣ и повелѣла устроить въ Крыму военный портъ, арсеналъ и крѣпость [2]).

Близъ селенія Ахтіаръ находилась мѣстность, какъ бы самою природою предназначенная для этой цѣли. По распоряженію русскаго правительства туда посланы были инженеры, подрядчики, строители — и грозная твердыня Севастополя не замедлила возникнуть, словно по мановенію волшебнаго жезла [3]).

Чтобы вполнѣ опредѣлить цѣль возведенія такихъ гигантскихъ сооруженій, Екатерина II, посѣтивъ Крымъ въ 1787 г., повелѣла на воротахъ новой крѣпости начертать надпись: «Дорога въ Константинополь» [4]).

И это нельзя было признать тогда за самонадѣянное высокомѣріе, потому что русская армія могла быть въ 24 часа доставлена въ Босфоръ; затѣмъ овладѣть Константинополемъ представлялось дѣломъ столь-же легкимъ, какъ и осуществленіе присоединенія къ Россіи Крыма.

Важное значеніе присоединенія Крыма такъ очевидно, что всякія разглагольствованія объ этомъ вполнѣ излишни. Мы воздержимся также отъ обсужденія мѣръ, принятыхъ княземъ Потемкинымъ и его преемниками, для водворенія цивилизаціи среди татаръ, которыми они вскорѣ доведены были до нище-

[1]) Крѣпость эта находится на турецкой Кубани, у черноморскаго берега, въ 66 верстахъ отъ острова Тамани.

[2]) Историческій очеркъ Крыма I. I. Е. Коу.

[3]) Историческій очеркъ Крыма, I. I. Е. Коу.

[4]) Тоже.

ты, столь несоотвѣтствовавшей благоденствію Крыма подъ управленіемъ хановъ, во время самостоятельнаго ихъ владычества [1]).

Вскорѣ послѣ знаменательнаго, описаннаго нами событія, грузинскій царь Георгій Ираклієвичъ призналъ по собственному желанію владычество Россіи и подписалъ въ этомъ смыслѣ трактатъ въ крѣпости Георгіевскѣ въ 1783 г., которымъ его преемники обязывались при вступленіи на престолъ испрашивать на то согласіе Россіи; утверждалась также свобода торговыхъ сношеній между обоими государствами [2]).

Въ слѣдующемъ году владѣтели Кахетіи и Имеретіи, признавъ надъ собою державную власть Императрицы, образовали передовую цѣпь, вполнѣ способную не допускать вторженія въ Россію турокъ и татаръ.

ГЛАВА III.

Вторая война Россіи съ Турціей.—Ясскій Трактатъ 29 Дек. 1791 г. (10 Янв. 1792 г.).

Не могло быть сомнѣнія, что Турція употребитъ всевозможныя усилія, чтобы уклониться отъ исполненія обязательствъ, принятыхъ ею единственно вслѣдствіе неумолимаго гнета обстоятельствъ.

Султана больше всего огорчала уступка Крыма, — а потому онъ нетерпѣливо ожидалъ случая сокрушить русское владычество въ Тавридѣ.

Настойчиво стремясь къ достиженію этой цѣли, онъ разослалъ многочисленныхъ агентовъ къ дворамъ европейскихъ государей для заключенія союзовъ и дѣятельно занялся переорганизаціей арміи.

Политическія отношенія Россіи къ иностраннымъ прави-

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Крымѣ заключаются въ трудѣ Анатолія Демидова: „Путешествіе по южной Россіи и Крыму."

[2]) Въ 1802 г. Грузія окончательно присоединена къ Россіи.

тельствамъ, подвергшіяся въ то время нѣкоторымъ измѣненіямъ, внушали Портѣ не малую надежду на успѣхъ.

Хотя дружба между Россіей и Австріей казалась прочно установившейся, а Франція, исключительно занятая внутренними смутами, совершенно устранилась отъ вмѣшательства въ турецкія дѣла,—зато Англія, убѣдясь, какое важное значеніе имѣетъ преобладаніе русскаго флота на Черномъ морѣ, охотно поддерживала стремленія султана отказаться отъ исполненія обязательствъ, исторгнутыхъ у него силою,—сулила ему свою помощь и снабжала деньгами для военныхъ цѣлей. Подобныя же соображенія побуждали Пруссію вовлечь Польшу и Швецію въ войну съ Россіей.

Напряженное настроеніе европейской дипломатіи ясно сказывалось; новыя усложненія, новые поводы къ неудовольствію, были еще болѣе возбуждены слѣдующимъ неожиданнымъ событіемъ:

Желая доказать, какое важное значеніе для Россіи представляетъ обладаніе Крымомъ, Императрица Екатерина II лично посѣтила Тавриду въ 1787 году. Обстоятельства, сопровождавшія это посѣщеніе, значительно усилили тревогу султана, крайне подозрительно относившагося къ русской политикѣ, сосредоточеніе же на Днѣпрѣ русскихъ войскъ, притомъ въ числѣ, далеко превышавшемъ то, которое признавалось необходимымъ для конвоированія царскаго поѣзда, внушало ему серьезныя опасенія.

Съ другой стороны, состоявшееся во время этой поѣздки свиданіе Императрицы Всероссійской съ Императоромъ Австрійскимъ, взволновало Англію и Пруссію; утверждали даже, что дружескій союзъ, заключенный между имперіями въ 1770 году, былъ обращенъ во время свиданія въ оборонительный союзъ противъ Оттоманской Порты [1]).

Тотчасъ по полученіи объ этомъ извѣщенія, султанъ повелѣлъ собрать грозную армію подъ Очаковомъ и присту-

---

[1]) Французскій посланникъ Графъ Сегюръ, сопровождавшій Императрицу въ ея путешествіи, удостовѣряетъ, что подобный союзъ никогда не былъ оффиціально заключенъ между Австріей и Россіей: *Историко-политическое обозрѣніе* Европы, соч. Сегюра.

пить къ огромнымъ вооруженіямъ на сушѣ и на морѣ. Англійскіе и прусскіе дипломатическіе агенты всячески побуждали падишаха начать военныя дѣйствія, удостовѣряя его, что и Швеція намѣрена ополчиться противъ Россіи.

Великій визирь, увлеченный ихъ обѣщаніями, и не желая, вѣроятно, упустить удобнаго случая, передалъ русскому послу въ Константинополѣ, Булгакову, ноту въ формѣ ультиматума, которою требовалъ, чтобы Россія отказалась отъ владычества надъ Грузіей, такъ какъ страна эта издавна принадлежала Турціи, державныя права которой надъ нею утверждены XIII статьей Кайнарджійскаго трактата.

Кромѣ того нота требовала выдачи Маврокордато, господаря Молдавіи, которому, по мнѣнію визиря, Россія не имѣла права оказывать гостепріимства, и возврата 39 соляныхъ мѣсторожденій близъ Кинбурна, уступленныхъ будто бы Портѣ по смыслу того же трактата 1774 года.

Вслѣдствіе же обвиненія, взведеннаго на Россію въ контрабандномъ провозѣ подъ турецкимъ флагомъ запрещенныхъ товаровъ, великій визирь заявлялъ, что впредь русскіе суда будутъ подвергаться таможенному осмотру.

Наконецъ срокъ для доставленія отвѣта на ультиматумъ назначался двухъ-недѣльный.

Никакія представленія и усилія Булгакова добиться назначенія болѣе продолжительнаго срока не увѣнчались успѣхомъ. Султанъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Императрица съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергнетъ ноту, а потому не желалъ отдалять наступленія рѣшительной минуты и тѣмъ подвергаться случайностямъ, могущихъ возникнуть непредвидѣнныхъ усложненій.

Такое положеніе дѣлъ побудило Булгакова рѣшиться на смѣлое, энергическое дѣйствіе: именемъ Императрицы онъ отвѣтилъ, что Россія не исполнитъ требованій, оскорбительныхъ для ея достоинства, направленныхъ къ явному ущербу ея подданныхъ.

Такого именно отвѣта и желала Порта; Булгаковъ былъ немедленно заключенъ въ Семибашенный замокъ и въ Авгу-

стѣ мѣсяцѣ 1787 г. послѣдовало объявленіе Турціей войны Россіи.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого, настоящій разрывъ и причины его вызывавшія были обнародованы манифестомъ русскаго правительства.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны начались военныя дѣйствія на Черномъ морѣ, подъ Очаковымъ и Кинбурномъ.

Морскія силы Россіи состояли изъ 8 кораблей, 12 фрегатовъ и нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, построенныхъ въ Севастопольскихъ и Херсонскихъ верфяхъ; сухопутныя изъ 2-хъ армій: Украинской, подъ начальствомъ князя Потемкина, и Екатеринославской, подъ предводительствомъ графа Румянцева.

Въ 1787 году происходили лишь стычки, не имѣвшія важнаго значенія.

Въ началѣ слѣдующаго года императоръ австрійскій писалъ Екатеринѣ II:

«Узнавъ, что одинъ изъ подданныхъ Вашего Величества заключенъ Портою въ Семибашенный замокъ и желая доказать Вамъ мое негодованіе по случаю такого несправедливаго поступка, Я повелѣлъ моимъ войскамъ начать военныя дѣйствія противъ мусульманъ, чтобы наказать ихъ.»

Австрійскія войска вступили въ бой въ Февралѣ мѣсяцѣ. Тогда какъ русскіе, одерживая побѣду за побѣдой, овладѣли Очаковымъ (1788), Бендерами и Аккерманомъ (1789), австрійцы постоянно терпѣли неудачи.

Торжество русскихъ армій покупалось, однако, дорогою цѣною, такъ какъ правительство вовлекалось въ значительныя денежныя затраты и не имѣло возможности направить всѣ свои боевыя силы противъ Турціи, нужно было подавлять возмущеніе въ Польшѣ и не дозволить шведамъ вторгнуться въ сѣверные предѣлы Россіи.

Есть полное основаніе полагать, что Императрица охотно согласилась бы въ то время заключить миръ на условіяхъ, которыя вознаграждали бы Россію за принесенныя ею жертвы соразмѣрно съ пріобрѣтеніями, сдѣланными ея войсками. Но

подобныя условія не входили въ разсчеты прочихъ державъ Европы, не скрывавшихъ своего неудовольствія по поводу русскихъ побѣдъ на востокѣ, — въ особенности же Пруссіи и Англіи.

Обѣ эти державы, не довольствуясь возбужденіемъ смутъ въ Польшѣ и поощреніемъ замысловъ Швеціи противъ Россіи, имѣли въ виду заставить Императрицу отказаться отъ всѣхъ завоеванныхъ мѣстностей и признать полное, ненарушимое status quo для Оттоманскихъ владѣній.

Для достиженія этой цѣли прусскій король заключилъ въ 1789 году тайный союзъ съ султаномъ, которымъ обязался весною слѣдующаго года объявить войну Австріи и Россіи и не прекращать ее до тѣхъ поръ, пока Порта не заключитъ выгоднаго для себя мира и не будетъ вполнѣ обезопасена какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Султанъ съ своей стороны гарантировалъ возвратъ Польшѣ Галиціи.

Не приступая, однако же, къ дѣйствіямъ, прусскій король пытался добиться того-же путемъ дипломатическихъ сношеній. Не желая вовсе отвергнуть предложенное посредничество, но, не довѣряя искренности таковаго, Императрица поручила графу Нессельроде, русскому послу въ Берлинѣ, передать королю ея отвѣтъ, которымъ заявляла о своемъ сердечномъ желаніи, какъ можно скорѣе прекратить бѣдствія, вызванныя несправедливою, навязанною ей Портою войною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *для доказательства ея личнаго довѣрія къ королю Прусскому*, она сообщила ему слѣдующія, по ея убѣжденію, крайне умѣренныя и вполнѣ справедливыя условія, которыя могли бы служить основою для мира въ Турціи: [1])

1. Удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное достоинству Императрицы.

2. Вознагражденіе за убытки и расходы, вызванные несправедливо объявленною войною.

3. Представленіе прочныхъ гарантій ненарушимости мира въ будущемъ.

[1]) Нота 8-го Января.

Въ силу этихъ трехъ главныхъ основъ, Императрица требовала, чтобы Порта подтвердила всѣ заключенные съ нею трактаты, начиная съ Кайнарджійскаго, и безпрекословно уступила-бы Россіи городъ Аккерманъ и мѣстности до Днѣпра.

Кромѣ того дунайскія княжества долженствовало оффиціально признать свободными, независимыми владѣніями, подъ управленіемъ государей православнаго вѣроисповѣданія. Для устраненія всякихъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ между обоими государствами, княжества обязывались-бы соблюдать относительно ихъ строжайшій нейтралитетъ.

Требованія эти не представлялись чрезмѣрными, а потому, хотя онѣ не согласовались съ желаніями берлинскаго кабинета, были переданы Портѣ. Фридрихъ II хорошо зналъ, что султанъ не изъявитъ согласія; дѣйствительно, онъ объявилъ, что не приступитъ къ переговорамъ до тѣхъ поръ, пока Крымъ будетъ оставаться во власти Россіи. Къ тому же онъ опасался, чтобы послѣдствія дарованія автономіи дунайскимъ княжествамъ не были тождественны съ результатами признанія независимости татаръ.

Не было, повидимому, надежды на скорое примиреніе воюющихъ сторонъ, но смерть императора Іосифа II неожиданно измѣнила положеніе дѣлъ. Преемникъ его, Леопольдъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отозвалъ свои войска и послалъ уполномоченныхъ на конгрессъ, собравшійся въ 1790 г. въ Рейхенбахѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Англіи, Пруссіи и Голландіи. [1])

Соединенныя силы принца Кобургскаго и генерала Суворова уже готовились къ рѣшительному нападенію на турокъ, когда посланный австрійскаго правительства передалъ волю императора принцу, который вынужденъ былъ разстаться съ русскими и заключить съ Портою перемиріе.

Предварительныя условія мира Австріи съ Турціей были быстро и безпрепятственно приведены къ окончанію въ Рейхенбахѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ подписаніе оконча-

---

[1]) Россія наотрѣзъ отказалась отъ участія въ этомъ конгрессѣ.

тельнаго мира, на основаніи status quo, состоялось лишь 4 Августа 1791 года въ Систовѣ.

Между тѣмъ Россія упорно продолжала борьбу и стяжала новые лавры: въ 1790 г. Суворовъ штурмовалъ и покорилъ крѣпости Измаилъ и Браиловъ.

Въ слѣдующемъ году ключъ къ обладанію Кубанью, крѣпость Анапа, сдалась русскимъ войскамъ.

Въ виду такихъ успѣховъ, Англія, отдѣлавшаяся отъ войны съ Испаніей, рѣшилась остановить побѣдоносное шествіе русскихъ армій. Она заявила Императрицѣ, что не допуститъ измѣненія границъ Турціи и воспротивится всякимъ новымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ Россіи.

Твердое намѣреніе Англіи, неуклонно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, подтверждалось приказаніемъ, отданнымъ ея грозному флоту, приготовиться къ выступленію въ Балтійскія воды.

Не могло быть также сомнѣнія, что Пруссія, оскорбленная неудачнымъ исходомъ своего посредничества, не замедлитъ присоединиться къ Англіи и объявитъ войну Россіи. Ея 80,000-ная армія, сосредоточенная въ Силезіи, долженствовала въ такомъ случаѣ вторгнуться въ русскіе предѣлы со стороны Ливоніи и Бѣлоруссіи.

Всѣ эти усложненія, при неимѣніи союзниковъ, несомнѣнно тревожили Екатерину II; но никакія угрозы не были властны принудить ее отказаться отъ защиты дѣла, очевидная справедливость котораго была ею безповоротно признана. Вотъ что писала она тогда Циммерману:

«Богъ видитъ, что намѣренія мои чисты, поэтому
«вѣрьте, что никакая человѣческая сила не заставитъ
«меня дѣйствовать въ ущербъ дорогихъ моему сердцу
«интересовъ моей Имперіи и моего личнаго достоинства.
«Да исполнится-же святая воля Господа!»

Для отраженія грозившей опасности, и какъ бы для подтвержденія сдѣланнаго заявленія, Императрица приступила къ громаднымъ вооруженіямъ. Не довольствуясь принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для отраженія нападеній трехъ союзныхъ державъ, она снаряжала также экспедицію въ Индію, чтобы на-

вести тѣмъ Англіи самый чувствительный ударъ: уничтожить ея торговыя сношенія съ Азіей.

Вновь вступившій въ управленіе англійскимъ кабинетомъ лордъ Гренвиль ясно предвидѣлъ, что скоро наступитъ минута совершеннаго разрыва дружескихъ сношеній съ Франціей; убѣдясь, что никакія угрозы не повліяютъ на твердую рѣшимость Императрицы, онъ перенесъ вопросъ, по примѣру Пруссіи, на примирительную почву дипломатическихъ сношеній...

Посланному въ С.-Петербургъ уполномоченному не удалось однако-же убѣдить Императрицу отказаться отъ желанія расширить свои владѣнія на счетъ Турціи.

Миссія лорда Витефорда была тоже безуспѣшна; выслушавъ представленный имъ ультиматумъ и отпуская его, она сказала:

> «Знаю, что ваше правительство порѣшило выжить «меня изъ Европы; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что оно «не воспрепятствуетъ мнѣ пріютиться въ Константи-«нополѣ.»

Такой отвѣтъ побудилъ Англію приступить къ усиленному снаряженію своего флота, которому Россія могла противуставить только 32 корабля, собранные въ Ревельскомъ портѣ подъ начальствомъ адмирала Чичагова.

Голландія, Испанія и королевство обѣихъ Сицилій тоже изъявили согласіе на союзъ съ Англіей и Пруссіей.

Россіи предстояло, такимъ образомъ, бороться съ соединенными силами почти всей Европы.

Быстрое развитіе мрачныхъ событій французской революціи во время отвратило угрожавшую опасность. Сближеніе между всѣми монархическими правительствами, не смотря ни на какія политическія соображенія и взаимныя несогласія, очевидно требовалось обстоятельствами: дѣятельное участіе Россіи въ коалиціи противъ Франціи, образовывавшейся по почину Англіи и Пруссіи, было настоятельно необходимо.

Лондонскій и берлинскій кабинеты не замедлили измѣнить свою политику и выказали полную готовность сдѣлать всякія уступки, чтобы добиться прекращенія русско-турецкой войны;

они предложили Россіи сохранить за собою крѣпость Очаковъ и всѣ мѣстности, лежащія между Бугомъ и Днѣстромъ.

Такое внезапное измѣненіе во взглядахъ союзныхъ державъ не было извѣстно въ Константинополѣ. Военныя дѣйствія продолжались и только послѣ рѣшительнаго пораженія при Мачинѣ турки убѣдились, что дальнѣйшее сопротивленіе, безполезно истощая ихъ силы, неминуемо увеличитъ размѣръ требованій, предъявляемыхъ Россіей.

Великій визирь долженъ былъ сознать, что русская Императрица, обладая непреклонною силою воли, располагаетъ громадными средствами. Онъ научился также не довѣрять обѣщаніямъ своихъ союзниковъ, помощь которыхъ еще никогда не поспѣвала во время.

Эти и многія другія соображенія побудили его подписать, 11 Августа 1791 г., въ Галацѣ, предварительныя условія мира съ Россіей.

Условія эти неизвѣстны; но все заставляетъ предполагать, что онѣ не предоставляли Россіи тѣхъ выгодъ, пріобрѣтеніе которыхъ обусловливалось нотою 8-го января. Къ тому же, самый миръ едва не былъ нарушенъ: на другой день, послѣ обмѣна актовъ между Юсуфомъ-пашею и Рѣпнинымъ, прискакалъ въ Галацъ князь Потемкинъ и, обвиняя Рѣпнина въ превышеніи данныхъ ему полномочій, объявилъ, что мирныя условія отвергаются и не имѣютъ никакой силы.

Собравъ затѣмъ конференцію въ Яссахъ, онъ намѣревался предложить турецкимъ уполномоченнымъ немыслимыя условія мира,—и Богъ вѣсть, что могло-бы отъ того произойти, если-бы смерть не положила предѣлъ гордынѣ надменнаго и безпокойнаго князя.

Графъ Безбородко, директоръ департамента иностранныхъ дѣлъ, замѣнивъ умершаго, ускорилъ окончаніемъ переговоровъ и уже 29 декабря 1791 г. былъ подписанъ въ Яссахъ мирный трактатъ, состоявшій изъ 13 статей: [1])

---

[1]) Уполномоченными Россіи были также: статскій совѣтникъ Лошкаревъ и генералы: Самойловъ и Де-Рибасъ.

Ст. 1. Миръ и продолжительная дружба утверждается между обоими государствами; полная амнистія взаимно обезпечивается ихъ подданнымъ.

Ст. 2. Всѣ предшествовавшіе сему трактаты, начиная съ кайнарджійскаго, подтверждаются, за исключеніемъ пунктовъ, опредѣленныхъ настоящимъ договоромъ.

Ст. 3. Отнынѣ Днѣстръ будетъ составлять демаркаціонную линію между имперіями. Турція владѣетъ всѣмъ правымъ, а Россія всѣмъ лѣвымъ его берегомъ.

Хотя объ Очаковѣ вовсе не упоминается въ трактатѣ, но крѣпость эта, находясь на уступленной мѣстности, перешла во владѣніе Россіи.

Ст. 4. Бессарабія, крѣпости: Бендеры, Аккерманъ, Килія и Измаилъ, а также Молдавія возвращаются Портѣ, которая относительно этой области обязывается не нарушать льготъ, дарованныхъ ей предшествовавшими договорами: равно не только не требовать съ ея жителей уплаты податей за все время продолженія войны, но и освободить ихъ отъ таковыхъ еще на два года.

Ст. 5. Для устраненія могущихъ возникать между обоими государствами столкновеній въ будущемъ, султанъ приметъ надлежащія мѣры, чтобы ахалцыхскій паша и губернаторы смежныхъ областей строго соблюдали ненарушимость русскихъ владѣній.

Ст. 6, Порта употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства устранить вторженіе въ русскіе предѣлы племенъ, населяющихъ лѣвый берегъ Кубани. Виновныхъ въ таковомъ султанъ обязывается подвергать строгому взысканію съ возвращеніемъ всего награбленнаго.

Ст. 7. Турція обязывается вознаграждать Россію за разбои и грабежи, могущія совершаться дикими племенами.

Остальными статьями опредѣлялось: освобожденіе плѣнныхъ (ст. 8); прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій (ст. 9); взаимное назначеніе пословъ (ст. 10); опредѣленіе срока взаимной передачи уступленныхъ мѣстностей (ст. 11) и, наконецъ, обсужденіе способа обмѣна ратификацій (ст. 12 и 13).

Придвинувъ свои границы къ Днѣстру, Россія значительно усиливала свое господство на Черномъ морѣ. Городъ Одесса, основанный герцогомъ Ришелье въ 1798 г., на вновь пріобрѣтенной мѣстности, быстро сдѣлался центромъ русской торговли на югѣ и окончательно утвердилъ преобладаніе тамъ русскаго флота.

Такое могущество, пріобрѣтенное притомъ въ одно царствованіе, краснорѣчиво свидѣтельствовало о необыкновенныхъ дарованіяхъ Императрицы Екатерины II и о политической умѣренности русскихъ государственныхъ дѣятелей того времени, возбудило вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ нами уже заявлено выше,—завистъ западныхъ державъ.

Успѣхи, достигнутые Россіей, были по истинѣ изумительны.

Первая война съ Турціей, завершившаяся Кайнарджійскимъ миромъ, приведя русскихъ къ Черному морю, открыла имъ свободный доступъ къ Кавказу и къ Кубани и подготовила имъ обладаніе Крымомъ, устранивъ турецкое вліяніе на татаръ.

Эти первые результаты, внушивъ страхъ туркамъ, оживили надежды христіанъ на возможность освобожденія отъ тяготѣющаго надъ ними мусульманскаго ига; они убѣдили русскихъ въ ихъ мощи и утвердили въ нихъ сознаніе величія и святости ихъ призванія...

Въ краткій промежутокъ времени, прошедшій отъ заключенія мира до возобновленія военныхъ операцій, искусными дѣйствіями дипломатіи Россія пріобрѣла земли на Кубани, островъ Тамань и Крымскій полуостровъ; торговый договоръ предоставилъ русскому купеческому флоту важныя выгоды и преимущество и свободное судоходство по Босфору и Дарданелламъ.

Не менѣе блистателенъ былъ исходъ второй войны: признаніе и упроченіе обладанія Крымомъ, распространеніе русскихъ границъ до Днѣстра и пріобрѣтеніе нѣсколькихъ крѣпостей, прочно утвердили преобладающее могущество Россіи надъ державою, дикими полчищами которой Шуазель еще такъ недавно мечталъ наводнить и подавить возникавшій на сѣверѣ Европы колоссъ!...

Царствованіе императора Александра I-го.

ГЛАВА IV.

Бухарестскій трактатъ 16/28 мая 1812 года.

Продолжительный миръ, водворившійся по заключеніи Ясскаго трактата, свидѣтельствуетъ, что Россія, пріобрѣтя Крымъ и распространивъ свои владѣнія до береговъ Днѣпра,—неуклонно стремилась къ своей завѣтной цѣли.

Иныя заботы поглощали вниманіе Европы: революціонное движеніе во Франціи было причиною повсемѣстно обнаруживавшейся тревоги.

Императрица Екатерина не принимала дѣятельнаго участія въ коалиціи, составленной Англіей въ 1792 году противъ Франціи. Послѣдніе годы ея славнаго царствованія были исключительно посвящены проведенію внутреннихъ реформъ и польскимъ дѣламъ, завершившимся лишь за годъ до ея смерти (1795) третьимъ и послѣднимъ раздѣломъ Польши.

Преемникъ великой монархини, императоръ Павелъ I-й, немедленно по вступленіи на престолъ сдѣлался душою второй коалиціи противъ Франціи. Будучи гроссмейстеромъ ордена мальтійскихъ кавалеровъ, онъ считалъ себя лично оскорбленнымъ занятіемъ французами острова Мальты и крутыми мѣрами принятыми ими противъ ордена.

Полнѣйшее согласіе поддерживалось между константинопольскимъ и с.-петербургскимъ кабинетами; оно еще болѣе упрочилось заключеніемъ, 23 декабря 1798 года, союза противъ Франціи [1]).

Въ силу этого союза, соединенныя эскадры обѣихъ договорившихся державъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Ушакова, вошли въ Средиземное море и на первыхъ же порахъ

---

[1]) Этотъ оборонительный и наступательный союзъ заключенъ былъ на восемь лѣтъ.

пріобрѣли блестящіе успѣхи: французы принуждены были очистить острова Архипелага; папѣ и королю неаполитанскому была возвращена власть,—а итальянскія республики, основанныя французами, были уничтожены.

Предположивъ образовать изъ Греко-Венеціанскихъ острововъ независимую республику, Россія и Турція заключили, 21 марта 1850 года, въ Константинополѣ конвенцію, въ силу которой острова: Кореру, Зантъ, Итака, Кефалонія и Св. Маврикія составили „Республику семи соединенныхъ островов“ [1]). Состоя подъ покровительствомъ Россіи, республика эта обязывалась признавать надъ собою верховную власть Порты и платить ей дань. (75.000 піастровъ въ треть).

Вскорѣ за тѣмъ Павелъ I-й, огорченный неудачею своихъ войскъ въ Цюрихѣ и негодуя на Англію за ея уклончивость отъ дѣятельнаго содѣйствія въ общемъ дѣлѣ,—отказался отъ участія въ коалиціи. Къ тому же царствованіе его, какъ извѣстно, было не продолжительно.

Въ 1801 году взошелъ на престолъ императоръ Александръ I-й. Отношенія Россіи и Турціи не только свидѣтельствовали объ установившемся между ними дружелюбіи, но и убѣждали, что таковое еще болѣе упрочится, такъ какъ султанъ нуждался въ поддержкѣ русскаго монарха противъ Франціи, которая среди мира неожиданно вторглась въ Египетъ.

Между тѣмъ Александръ I-й, оскорбленный рѣзкимъ отказомъ Наполеона, принять его посредничество въ переговорахъ о прекращеніи морской войны, съ 1798 года безпрерывно продолжавшейся между Франціей и Англіей, сдѣлался главою третьей коалиціи, къ участію въ которой пригласилъ и султана. Послѣдній, противъ всякаго ожиданія, отказался, ясно обнаруживъ тѣмъ свое намѣреніе, наблюсти за ходомъ борьбы и убѣдиться на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ.

[1]) По смыслу трактата, заключеннаго 5 ноября 1815 года Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей, республика семи соединенныхъ острововъ признана свободною и независимою, съ присвоеніемъ ей названія „Соединенныхъ штатовъ Іоническихъ острововъ“ и принята подъ покровительство Англіи, которая ввела тамъ свою юрисдикцію. Пространство, занимаемое штатами, доходитъ до 42 квадр. геогр. миль, при 200.000 жителей.

Отказъ султана изумилъ русскаго царя и возбудилъ въ немъ невольныя подозрѣнія.

Отношенія Наполеона къ султану не только не были дружественны, но замѣтно становились болѣе и болѣе натянутыми. Успѣхи русскихъ войскъ ободрили Порту: въ 1804 году, она рѣшительно отказалась признать Наполеона императоромъ.

Война Франціи съ Портою считалась неизбѣжною, но неудача русскихъ подъ Аустерлицемъ, 25 декабря 1805 года, дала новое направленіе измѣнчивой политикѣ турецкаго правительства.

Признавая Аустерлицкій бой полнымъ погромомъ Россіи и не считая ее уже опасною для себя, Порта, не колеблясь, поспѣшила признать Наполеона императоромъ или падишахомъ; оба правительства обмѣнялись посольствами, при чемъ, честь быть представителемъ французской имперіи въ Константинополѣ, выпала на долю генерала Себастіани.

Искустныя дѣйствія этого замѣчательнаго дипломата, вполнѣ знакомаго съ нравами и обычаями восточныхъ народовъ, незамедлили убѣдить, что главною его задачею было вовлечь Турцію въ войну съ Россіей. Убѣжденіе это пріобрѣтало тѣмъ большее вѣроятіе, что Франціи дѣйствительно нужно было разъединить силы Россіи отвлеченіемъ части ея войскъ противъ Турціи, такъ какъ императоръ Александръ І-й, отвергнувъ условія Пресбургскаго мира, продолжалъ вести войну въ качествѣ союзника Пруссіи.

Въ началѣ происки Себастіани не имѣли успѣха; затѣмъ ему удалось мало по малу побороть недовѣріе турокъ къ политикѣ Наполеона и увѣрить султана, что геніальный императоръ французовъ, располагая громадными матеріальными средствами, охотно обратитъ таковыя на пользу и славу друга своего, Селима, но лишь съ условіемъ, чтобы англійскому флоту было воспрещено плаваніе по Босфору, а съ Россіей послѣдовалъ открытый разрывъ.

Хотя исполненіе этихъ требованій несомнѣнно угрожало Турціи многими, весьма серьезными замѣшательствами,—но не легко было ей также отказать Наполеону, особенно, разсчитывая на его помощь.

Къ этому времени относятся первыя попытки султана, преобразовать свои войска на европейскій ладъ. Французскіе офицеры, приглашенные по рекомендаціи Себастіани для исполненія обязанностей инструкторовъ, весьма вяло и неохотно принимались за дѣло—и въ концѣ концевъ оказалось, что прежняя организація утратила свою силу, а новая не привилась. Къ тому же финансы Турціи находились въ самомъ жалкомъ положеніи и въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи вспыхивали мятежи.

Себастіани мастерски съумѣлъ воспользоваться возникавшими усложненіями; онъ внушилъ султану убѣжденіе, что возстаніе Сербіи—дѣло господарей дунайскихъ княжествъ, имѣвшихъ будто бы при томъ въ виду, свергнуть съ себя оттоманское владычество.

Этимъ затрогивалось больное мѣсто Порты: она легко повѣрила, что господари, дѣйствительно, заискиваютъ расположеніе Россіи и отрѣшила ихъ отъ власти, хотя не имѣла на то никакого права. По точному смыслу конвенціи 1802 года установленъ семилѣтній срокъ для управленія княжествами, избранными господарями; Турціи же предоставлено право, устранять ихъ отъ власти лишь въ томъ случаѣ, если они нанесутъ ей явное оскорбленіе, или окажутся виновными въ иныхъ, несомнѣнно важныхъ проступкахъ. Но и тогда Порта обязывалась предварительно сообщать о принимаемыхъ ею рѣшеніяхъ русскому послу и входить съ нимъ въ соглашенія по таковымъ.

Не ограничиваясь нарушеніемъ этого условія, точно опредѣленнаго конвенціей, султанъ, подстрекаемый Себастіани, взвелъ кромѣ того на Россію обвиненіе въ оказаніи поддержки сербскому возстанію и требовалъ, чтобы императоръ отказался отъ предоставленнаго русскимъ судамъ права свободнаго плаванія въ Дарданеллахъ и по Босфору.

Какъ дерзкое требованіе это, такъ и безконечныя придирки, тормозившія русскую, морскую торговлю въ турецкихъ водахъ и гаваняхъ—переполнили мѣру терпѣнія императора Александра; повелѣвъ своему послу въ Константинополѣ потребовать отъ султана категорическаго разъясненія причинъ,

побудившихъ его нарушить конвенцію 1802 года, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ приказаніе генералу Михельсону, начальствовавшему южною русскою арміею, двинуться къ Дунаю.

Ультиматумомъ, врученнымъ дивану г. Италинскимъ, императоръ требовалъ:

1. Чтобы господарямъ дунайскихъ княжествъ были безотлагательно возвращены ихъ права.

2. Чтобы всѣ права и преимущества, дарованныя дунайскимъ княжествамъ предшествовавшими трактатами, были подтверждены и впредь ненарушимо соблюдаемы.

3. Чтобы Порта окончательно отказалась отъ намѣренія закрыть для русскихъ судовъ Дарданеллы и Босфоръ и ни подъ какимъ предлогомъ не препятствовала ихъ свободному плаванію въ тѣхъ водахъ.

4. Чтобы союзъ, заключенный съ Англіей въ 1795 году, былъ возобновленъ и

5. Чтобы Али пашѣ было строго внушено, отнюдь не принимать угрожающаго положенія относительно республики семи соединенныхъ острововъ.

Энергическій тонъ русскаго ультиматума съ одной стороны и опасеніе навлечь гнѣвъ Себастіани съ другой—ставили султана въ крайне затруднительное положеніе; по восточному обычаю онъ медлилъ принятіемъ окончательнаго рѣшенія.

Однако совѣты и пышныя обѣщанія французскаго посла восторжествовали: Селимъ, соглашаясь возстановить нарушенныя права господарей, положительно отвергъ всѣ остальныя требованія русскаго императора.

Вслѣдствіе такого отказа русскія войска вступили въ дунайскія княжества 22 ноября 1806 года и заняли Бендеры, Хотинъ и Яссы.

Дипломатическія сношенія между обоими правительствами были прерваны и, если русскій посолъ, г. Италинскій, не подвергся заточенію въ Семибашенномъ замкѣ, то единственно благодаря энергическому вмѣшательству посла Англіи - сэра Чарльза Арбутнота (Arbuthnot).

Оба противника съ одинаковымъ нетерпѣніемъ рвались къ бою,—но султанъ, серьозно озабоченный возникавшими въ раз-

ныхъ частяхъ его имперіи смутами и возстаніями, еще не рѣшался открыто объявить Россіи войну. Главнѣе всего его тревожило то, что борьба съ внѣшнимъ врагомъ неизбѣжно увеличитъ шансы возставшихъ племенъ свергнуть съ себя гнетъ оттоманскаго владычества.

Симпатіи славянъ къ Россіи тоже замѣтно усиливались и внушали падишаху тѣмъ большія опасенія, что онъ не располагалъ достаточными средствами для усмиренія непокорныхъ вассаловъ. Новая организація регулярныхъ войскъ не была еще вполнѣ окончена, а своеволія и буйства янычаръ убѣждали, что они скорѣе примутъ сторону возмутившихся, чѣмъ обнажатъ противъ нихъ свои ятаганы.

Между тѣмъ русскія войска побѣдоносно подвигались впередъ и заняли Бухарестъ; Себастіани ловко воспользовался этимъ событіемъ для достиженія своей цѣли: по его настоянію $^{18}/_{30}$ декабря султанъ оффиціально объявилъ войну Россіи.

Спокойно, но зорко слѣдя за совершавшимися на его глазахъ событіями, англійскій посолъ не принималъ, повидимому, въ нихъ участія; но вслѣдъ за объявленіемъ войны, сэръ Чарльзъ Арбутнотъ представилъ султану ультиматумъ своего правительства, требовавшій немѣдленнаго удаленія изъ Константинополя французскаго посланника и разрѣшенія англійскимъ судамъ безпрепятственно входить въ Босфоръ и Дарданеллы. Въ случаѣ же отказа выражалась угроза добиться требуемаго при содѣйствіи англо-русской эскадры, стоявшей у острова Тенедоса.

Вслѣдствіе извѣщенія великаго визиря, что Порта не признаетъ возможнымъ выполнить предъявленныхъ ей требованій—Арбутнотъ выѣхалъ изъ Константинополя со всѣми пребывавшими въ турецкой столицѣ англійскими негоціантами, сообщивъ дивану, что еще въ теченіи особаго, назначаемаго срока, будетъ ожидать окончательнаго отвѣта на ультиматумъ.

Отвѣта однако же не послѣдовало; тогда англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Дукворта, вошла при попутномъ вѣтрѣ въ Дарданеллы, встрѣтивъ лишь весьма слабое, не причинившее ей вреда сопротивленіе со стороны полуобрушенныхъ фортовъ, защищавшихъ доступъ къ проливу,—уничто-

жила при Галлиполи, пытавшійся преградить ей путь, турецкій флотъ и къ вечеру, 20 февраля 1807 года, доставила жителямъ Константинополя неиспытанное еще ими до того времени пріятное очущеніе, видѣть непріятельскій флотъ на своемъ рейдѣ.

На дальнѣйшія энергическія дѣйствія Арбутнотъ однако не рѣшился; потерявъ много драгоцѣннаго времени въ безполезныхъ переговорахъ, онъ далъ тѣмъ туркамъ возможность грозно укрѣпить Дарданеллы.

Тогда положеніе сторонъ видимо измѣнилось—и англійскому адмиралу пришлось уже заботиться о томъ, какъ бы по добру, по здорову совершить обратное движеніе, притомъ съ наименьшими потерями.

Снявшись съ якорей, 3 марта 1807 года, онъ съ трудомъ добрался до Тенедоса, лишившись 600 человѣкъ экипажа, одного корвета и одного брига.

Хотя турецкій флотъ, погнавшійся за англійскою эскадрою, не настигъ ее,—но 1-го іюля въ виду острова Лемноса, онъ наткнулся на русскія суда отряда адмирала Сивявина; завязался упорный, шестичасовой бой, въ которомъ турки потерпѣли полное пораженіе. Четыре корабля были трофеями побѣдителей.

Блистательная побѣда, одержанная флотомъ, не вознаграждала однако же Россію за препятствія, задерживавшія успѣшность ея военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Признавая настоятельно необходимымъ подкрѣпить свѣжими войсками арміи, боровшіяся съ Наполеономъ,—императоръ Александръ поручилъ генералу Михельсону сообщить Портѣ, что русскія войска будутъ выведены изъ дунайскихъ княжествъ, если султанъ изъявитъ согласіе выслать изъ Константинополя французскаго посланника Себастіани и подтвердитъ силу предшествующихъ трактатовъ.

Въ виду значительнаго усиленія внутреннихъ смутъ въ турецкой имперіи, султанъ охотно согласился бы прекратить войну, даже на заявленныхъ Михельсономъ условіяхъ тѣмъ еще болѣе, что расходы по ея веденію далеко превышали предположенную норму—но и на этотъ разъ побѣда осталась

за злымъ геніемъ Турціи, пронырливымъ Себастіани, умѣвшимъ увѣрить падишаха въ твердой рѣшимости Наполеона, оказать своему восточному союзнику и другу самую дѣйствительную поддержку.

Между тѣмъ энергія турокъ не ослабѣвала; напротивъ, она проявила себя еще съ большею силою, когда вслѣдствіе гаремныхъ интригъ, разразившихся революціей, султанъ Мустафа взошелъ на престолъ своего двоюроднаго брата. Но энергія эта продолжалась недолго. Тильзитскій миръ (1807 г.), лишивъ турокъ надежды на помощь Франціи, убѣдилъ ихъ, что вести одиночную борьбу съ могучимъ противникомъ имъ уже не подъ силу.

Наполеонъ, не довольствуясь тѣмъ, что отказалъ туркамъ въ обѣщанной помощи, поспѣшилъ предложить императору Александру свое содѣйствіе къ скорѣйшему заключенію мира съ Портою, на основаніи 22 статьи трактата 1807 года, по которой: „русскія войска имѣютъ быть выведены изъ Валахіи и Молдавіи; войска же султана не займутъ этихъ областей до обмѣна мира, имѣющаго послѣдовать между Турціей и Россіей".

Принявъ на себя посредничество, Наполеонъ послалъ генерала Гильемино на театръ войны, поручивъ ему содѣйствовать заключенію перемирія и наблюсти за удаленіемъ русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ.

Историкъ Тобидо свидѣтельствуетъ, что инструкціи, данныя генералу Гильемино, вмѣняли ему въ обязанность оказывать русскимъ самое дѣйствительное содѣйствіе [1]). Къ сожалѣнію генералъ не умѣлъ, или не хотѣлъ оправдать довѣрія своего государя: безпрерывнымъ, вполнѣ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ онъ только задерживалъ успѣшный ходъ переговоровъ.

> „Слава Богу"—писалъ по заключеніи перемирія Лошкаревъ Михельсону, — „намъ удалось наконецъ покончить. Дѣло уладилось бы скорѣе и лучше, еслибы между мною и турецкими уполномоченными не было еще лица,

---

[1]) Исторія консульства и имперіи, соч. Тибодо. (Thibaudeau).

всячески старавшагося возбуждать и создавать недоразумѣнія и препятствія".

Условія перемирія, заключеннаго $^{12}/_{24}$ апрѣля 1807 года въ Слободзеѣ Лошкаревымъ съ одной, — великимъ визиремъ и Саидъ-Галибомъ съ другой стороны, клонились не въ пользу русскихъ и не соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ императора Александра.

Онѣ заключались въ слѣдующемъ:

Ст. 1. Непріязненныя дѣйствія между русскими и турецкими войсками пріостанавливаются.

Ст. 2. Для заключенія окончательнаго мира соберутся особые уполномоченные. Если же переговоры ихъ не приведутъ къ соглашенію, то перерывъ непріязненныхъ дѣйствій будетъ продолженъ до 3 апрѣля 1808 года.

Ст. 3. Турецкія и русскія войска обязаны немедленно и не позднѣе 35 дней по подписаніи сего договора очистить Молдавію и Валахію, не забирая съ собою оружія и прочаго военнаго снаряженія, находившихся тамъ до войны. Въ Измаилѣ, Браиловѣ и Журжѣ туркамъ предоставляется право оставить гарнизоны, численность которыхъ должна строго соотвѣтствовать дѣйствительной въ нихъ потребности.

Ст. 4. Россія обязывается отозвать свой флотъ отъ острова Тенедоса,—отказаться отъ своихъ завоеваній въ Архипелагѣ и возвратить Портѣ ея суда, взятыя во время войны.

Ст. 5. Между обѣими державами, заключающими настоящій договоръ, послѣдуетъ взаимный обмѣнъ плѣнниковъ.

Мы уже сказали, что условія эти не соотвѣтствовали видамъ императора Александра; онъ не только не одобрилъ ихъ, но и выразилъ полное свое неудовольствіе, немедленно повелѣвъ генералъ-аншефу Прозоровскому сообщить Портѣ другія, единственно способныя, по убѣжденію монарха, повести къ заключенію перемирія, а затѣмъ и мира: «Россія не воз-

вратитъ взятыхъ судовъ и военныя дѣйствія могутъ быть возобновлены, смотря по обстоятельствамъ, тотчасъ по истеченіи 35-тидневнаго срока» [1]).

Истинная причина, вызвавшая такое рѣшеніе, была очевидна: императоръ Александръ не терялъ надежды присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію, а потому не желалъ вывести оттуда свои войска; присутствіе ихъ въ княжествахъ могло во многомъ способствовать осуществленію любимой мечты царя, находившей также вполнѣ сочувственную поддержку въ средѣ ближайшихъ его сановниковъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, ревностный сторонникъ союза Россіи съ Франціей, не одобрявшагося общественнымъ мнѣніемъ,—считалъ присоединеніе княжествъ единственнымъ средствомъ, могущимъ оправдать его политику.

Обсуждая условія перемирія съ турками, графъ Румянцовъ сказалъ французскому послу генералу Савари:

„Только присоединеніе Молдавія и Валахія могло „хотя отчасти измѣнить предубѣжденіе общественнаго „мнѣнія противъ союза Россія съ Франціей; вы сами „лишаете насъ возможности воспользоваться этимъ предлогомъ для нашего оправданія. Придумайте, чѣмъ объяснить обществу неисполненіе его обѣщанія, въ особенности теперь, когда дружескія отношенія Россіи къ „Англіи нарушены?“ [2]).

На замѣчаніе Савари, что необходимо предварительно узнать, согласится ли Европа на присоединеніе къ Россіи княжествъ,—графъ Румянцевъ отвѣчалъ:

---

[1]) Хотя великій визирь не согласился принять этихъ условій, но военныя дѣйствія не были возобновлены. Императоръ Александръ выжидалъ послѣдствій посредничества Наполеона,—Порта же была не прочь воспользоваться перерывомъ, чтобы собраться съ новыми силами для продолженія борьбы.

[2]) Замѣтимъ, что послѣ Тильзитскаго мира дружба Англіи съ Россіей обратилась въ явную вражду. Послѣдовало сближеніе Англіи съ Турціей и 5 января 1808 года былъ заключенъ въ Константинополѣ договоръ, точно опредѣлившій взаимныя дружескія отношенія этихъ двухъ державъ.

„Европа возражать не будетъ. Къ тому же, развѣ „она не знаетъ, что находится между Франціей и Россіей?“ [1]).

Хотя русская дипломатія буквально выбивалась изъ силъ, чтобы вырвать у Наполеона согласіе на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ и убѣдить его санкціонировать таковое своимъ авторитетомъ, — но безуспѣшно. Тучи, затемнявшія горизонтъ по ту сторону Пиринеевъ, поглощали все его вниманіе, отвлекая отъ событій, не имѣвшихъ въ его глазахъ первостепенной важности. Вскорѣ геройское сопротивленіе сыновъ Иберіи его могучей волѣ, убѣдивъ императора въ необходимости личнаго присутствія на театрѣ войны, вынудило его вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры, необходимыя для того, чтобы обезпечить себя отъ опасностей, которыя могли для него возникнуть со стороны Германіи, тѣмъ болѣе, что Австрія дѣятельно и открыто дѣлала громадныя военныя приготовленія и значительно усиливала численный составъ своихъ армій.

Признавая союзъ съ Россіей лучшей гарантіей свободы своихъ дѣйствій въ Испаніи, императоръ не скупился ни на какія обѣщанія, лишь бы только заручиться дружбою русскаго царя.

Эрфуртскимъ свиданіемъ съ императоромъ всероссійскимъ и многими владѣтельными особами Германіи, послѣдовавшимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1808 года, Наполеонъ желалъ достигнуть именно этой цѣли; изъявивъ же согласіе принять въ немъ участіе, императоръ Александръ надѣялся, вопервыхъ, измѣненіемъ нѣкоторыхъ, крайне тяжелыхъ условій Тильзитскаго мира, оказать услугу другу своему, прусскому королю Фридриху-Вильгельму и, вовторыхъ, получить согласіе императора французовъ на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ.

Противъ всякаго ожиданія, Наполеонъ не высказалъ ни малѣйшаго желанія исполнить данныя имъ обѣщанія; онъ положительно не далъ согласія на какія либо уступки въ поль-

[1]) Донесеніе генерала Савари императору Наполеону.

зу короля прусскаго,—а на присоединеніе къ Россіи княжествъ хотя и согласился, но очевидно неохотно, устраняя во всякомъ случаѣ немедленное матеріальное содѣйствіе Франціи, на которое не безъ основанія разсчитывало русское правительство для вѣрнаго и скораго осуществленія своихъ предположеній.

Восьмою статьею конвенціи, заключенной между обоими императорами въ Эрфуртѣ 30 сент. (12 октяб.), было условлено, что если только одна Порта воспротивится присоединенію къ Россіи княжествъ, то вооруженное содѣйствіе Наполеона не признается необходимымъ; если же Австрія, или другая какая либо держава примутъ сторону Турціи и заключатъ съ нею союзъ противъ Россіи, то французскія войска соединятся съ русскими для совокупныхъ дѣйствій.

Конечно, не такого результата ожидалъ императоръ Александръ отъ Эрфуртскаго свиданія; однако же онъ еще надѣялся, что даже простое признаніе присоединенія Наполеономъ значительно облегчитъ успѣхъ задуманнаго предпріятія, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлъ съ чьей либо стороны серьезныхъ къ тому препятствій.

Въ силу такого убѣжденія, императоръ Александръ повелѣлъ генералъ-аншефу Прозоровскому сообщить Портѣ условія, на которыхъ онъ признавалъ заключеніе мира возможнымъ.

Условія эти слѣдующія:

Возобновленіе и подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ.

Присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Россіи.

Признаніе русскаго покровительства надъ Грузіей, Имеретіей и Мингреліей.

Провозглашеніе независимости Сербіи подъ покровительствомъ Россіи.

Наконецъ, немедленное удаленіе изъ Константинополя англійскаго посла.

Когда посланный генерала Прозоровскаго вручилъ султану эти условія, — положеніе Порты было самое плачевное, такъ

какъ ей не представлялось никакой возможности продолжать войну; поэтому великій визирь охотно согласился принять ихъ въ основу мирныхъ переговоровъ и формально обязался прислать уполномоченныхъ въ г. Яссы, гдѣ уже были собраны представители Россіи.

Въ виду уступчивости Порты и слѣдуя инструкціямъ своего правительства, австрійскій посолъ счелъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ дѣло; онъ поспѣшилъ успокоить великаго визиря и убѣдить его, что Портѣ нѣтъ никакого основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи и, что Россія вовсе не такъ страшна, потому что не можетъ располагать всѣми своими боевыми силами, имѣя на рукахъ войну съ Швеціей. По мнѣнію посла, Портѣ во всякомъ случаѣ слѣдовало выждать болѣе благопріятнаго времени для начатія переговоровъ о мирѣ съ Россіей.

Визирь до того усвоилъ себѣ эти доводы австрійскаго дипломата, что вовсе отрѣшился отъ мысли заключить миръ во чтобы то ни стало; поэтому турецкіе уполномоченные, прибывъ наконецъ въ Яссы, поспѣшили открыто заявить о несогласіи порты, когда либо вести мирные переговоры, въ основаніи которыхъ не лежалъ бы принципъ соблюденія цѣлости и неприкосновенности ея границъ.

Заявленіе это, убѣдивъ русскаго царя въ невозможности прійдти къ соглашенію относительно заключенія мира, послужило въ апрѣлѣ 1809 года поводомъ къ передачѣ генералъ—аншефу Прозоровскому высочайшаго повелѣнія о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Генералъ уничтожилъ турецкія укрѣпленія и хлѣбные магазины въ Георгіевѣ,—перешелъ съ арміей Дунай и овладѣлъ крѣпостями: Тульчей и Измаиломъ.

Въ кампанію 1810 года, ознаменованную многими кровавыми битвами, Силистрія сдалась графу Ланжерону, а генералъ Каменскій 1-й одержалъ блистательную побѣду надъ турками въ Болгаріи.

На другомъ театрѣ войны, въ Сербіи, русскіе взяли Виддинъ, Никополь и другіе укрѣпленные пункты, а въ концу

1810 года, весь правый берегъ Дуная находился въ ихъ власти.

Но если вполнѣ успѣшный ходъ военныхъ дѣйствій въ Турціи не оставлялъ желать чего либо лучшаго,—зато политическія отношенія Россіи съ Европою внушали императору Александру весьма серьезныя заботы и опасенія.

Враждебные Россіи замыслы Наполеона ни для кого не составляли тайны; отреченіе русскаго правительства отъ континентальной системы,—излюбленнаго его дѣтища,—имѣвшей въ виду нанести смертельный ударъ Англіи и много другихъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ причинъ, привели наконецъ къ такой натянутости и охлажденію сношеній С.-Петербурга съ Парижемъ, устранить которыя дипломатія оказывалась безсильною.

Предвидя роковую возможность близкаго разрыва съ Наполеономъ и справедливо негодуя на него за явную неискренность, — Императоръ Александръ горячо желалъ заключить миръ съ оттоманскою имперіей; онъ былъ увѣренъ, что недавнія, блестящіе успѣхи русскаго оружія, убѣдили наконецъ турокъ въ необходимости принести требуемыя отъ нихъ жертвы.

Увѣренность эта не остановила однако же руского монарха потребовать отъ генерала Кутузова, — принявшаго незадолго передъ тѣмъ (1811 г.) главное начальство надъ русскими войсками, дѣйствовавшими за Дунаемъ,—его откровенное мнѣніе, признаетъ ли онъ совершенно невозможнымъ вырвать у турокъ согласіе на уступку дунайскихъ княжествъ и если признаетъ, то не выгоднѣе ли будетъ заключить миръ на условіи уступки Россіи лишь части Молдавіи до рѣки Серета, которая была бы признана границею двухъ имперій? Кромѣ того, чтобы порта обязалась заплатить Россіи 20.000 піастровъ, въ видѣ вознагражденія за ея отказъ отъ притязаній на Валахію и на остальную часть Молдавіи.

Генералъ Кутузовъ отвѣтилъ, что считаетъ возможнымъ добиться уступки указанной части Молдавіи, но не надѣется, чтобы Порта была въ состояніи уплатить весьма значительное вознагражденіе, опредѣленное государемъ. Во всякомъ случаѣ,

опираясь на объявленную ему царскую волю, онъ не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы начать переговоры о мирѣ.

Случай такой не замедлилъ представиться: въ октябрѣ 1811 года, турецкая армія была совершенно окружена русскими войсками близь Рущука. Великій визирь молилъ заключить перемиріе, на что Кутузовъ согласился лишь тогда, когда Порта оффиціально обязалась принять въ основаніе переговоровъ о мирѣ условія, точно обозначенныя въ письмѣ къ нему императора Александра.

Конгрессъ собрался въ Журжѣ; судя по первымъ преніямъ можно было надѣяться, что требованія Россіи не встрѣтятъ отказа,—но издавна усвоенная Портою измѣнчивость въ политическихъ сношеніяхъ, дала переговорамъ иной оборотъ. Турецкіе делегаты внезапно заявили, что султанъ не согласенъ на уступку территоріи до рѣки Серета, а признаетъ справедливымъ опредѣлить границею между имперіями рѣку Прутъ и то съ условіемъ, чтобы крѣпости Килія и Измаилъ остались во власти Турціи.

Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ потребовалъ, чтобы турецкая армія положила оружіе и сдалась на капитуляцію [1]); мѣра эта подѣйствовала и переговоры возобновились въ Бухарестѣ.

Не смотря на безъисходное положеніе, въ которомъ находилась турецкая армія,—во все продолженіе этой войны Портѣ не представлялось болѣе благопріятнаго случая заключить хотя сколько нибудь сносный миръ, — говоритъ Кохъ [2]). Турція безспорно лишилась трехъ областей, а армія ея была уничтожена,—но Россія еще болѣе, чѣмъ она, нуждалась въ прекращеніи войны. Страшная гроза, ничего подобнаго которой не было дотолѣ занесено на скрижали исторіи, собиралась разразиться надъ русскимъ царствомъ: подготовлялось вторженіе въ его предѣлы несмѣтныхъ полчищъ могучаго врага, составленныхъ изъ «дванадесять языкъ,»—а 14 марта 1812 года, между Франціей и Австріей былъ заключенъ договоръ, кото-

---

[1]) Она капитулировала 29 ноября 1811 года.

[2]) Краткая исторія трактатовъ. Томъ 14.

рымъ, какъ бы на зло Россія, обезпечивалась цѣлость оттоманской имперіи.

Поэтому нисколько не удивительно, что обѣ стороны торопились заключить миръ. Онъ былъ подписанъ въ Бухарестѣ 16 — 28 мая 1812 года уполномоченными обѣихъ державъ: Италинскимъ, Сабанѣевымъ и Фонтономъ съ одной,—Саидъ-Али-Мехмедъ-Галибомъ Эфенди, Ибрагимомъ-Али-Эфенди и Абдулъ-Галибомъ-Эфенди съ другой стороны.

Условія мирнаго трактата заключались въ слѣдующемъ [1]):

Статьями 1, 2 и 3 возстановляютъ взаимныя дружескія отношенія между обѣими державами, даруется полная амнистія ихъ подданнымъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, и подтверждаются всѣ предшествовавшіе трактаты.

По смыслу 4-й статьи, границею между обѣими державами опредѣляется рѣка Прутъ, отъ ея истока до того мѣста, гдѣ она проникаетъ въ Молдавію.

Судоходство по Дунаю признается свободнымъ,—но острова, разбросанные по многочисленнымъ рукавамъ этой рѣки, остаются не заселенными и ни одной изъ договаривающихся сторонъ принадлежать не должны; подданнымъ же ихъ разрѣшается имѣть временное тамъ пребываніе для занятій рыбнымъ промысломъ и рубкою лѣса.

Ст. 5 обусловливаетъ возвратъ Турціи Валахіи и остающейся, за уступкой Россіи, части Молдавіи въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ будутъ находиться во время подписанія настоящаго трактата. Порта подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права и привиллегіи дарованныя княжествамъ предшествовавшими договорами и, въ особенности, 4 статьею яссскаго трактата.

Такимъ образомъ турки лишены были права требовать за понесенные ими убытки какое либо вознагражденіе съ жителей этихъ областей; послѣдніе избавлялись также и отъ уплаты дани на два года. Наконецъ, желающимъ эмигрировать предоставлялся для этого четырехъ-мѣсячный срокъ.

[1]) Дипломатическій сборникъ Гильяни т. 11 стр. 136.

Ст. 6. утверждаетъ Азіатскую границу обѣихъ державъ тѣми же линіями, какими она обозначалась до начатія войны. Россія обязалась возвратить Турціи всѣ земли и крѣпости завоеванныя ею въ Азіи.

Въ силу 7-й статьи, всѣ мусульмане и ренегаты, проживавшіе въ мѣстностяхъ уступаемыхъ Россіи, имѣютъ право, если пожелаютъ, перевезти свои семейства и имущества въ предѣлы оттоманской имперіи и вступить въ турецкое подданство. Русское правительство обязывается не только не препятствовать, но и облегчать имъ, по возможности, такое переселеніе.

Ст. 8. опредѣляетъ права и привиллегіи, дарованныя Сербіи, и гласитъ: хотя несомнѣнно, что блистательная Порта, руководимая, какъ всегда, принципами человѣколюбія, отнесется великодушно и милостиво къ сербамъ, признаваемымъ «abantiquo» подданными и данниками Турціи, — но, принимая во вниманіе ихъ дѣятельное участіе въ войнѣ, нынѣ прекращенной, признается настоятельно необходимымъ точно опредѣлить условія, могущія обезпечить Сербіи ея полную безопасность [1]. Вслѣдствіе такихъ соображеній, блистательная Порта обязывается даровать сербамъ общую, безусловную амнистію и ни подъ какимъ предлогомъ не допускать возмездія за совершенныя ими дѣйствія. Крѣпости и иные укрѣпленные пункты, возведенные на сербской землѣ во время войны, утративъ нынѣ свое значеніе, имѣютъ быть уничтожены; крѣпости же, издавна тамъ имѣвшіяся, должны быть возвращены Турціи съ ихъ артиллеріею, боевыми принадлежностями и прочими предметами военнаго снаряженія; размѣщеніе въ нихъ гарнизоновъ и численность таковыхъ предоставляется ближайшему усмотрѣнію Порты. Для огражденія же Сербіи отъ притѣсненій

---

[1]) Всѣмъ извѣстно, — говоритъ Гильяни въ своемъ дипломатическомъ сборникѣ, — что сербы не приняли наложенныхъ условій и продолжали сражаться; извѣстно также, какія жестокости совершили турки во время этой войны; она прекратилась мирнымъ трактатомъ 3—15 декабря 1815.

и произвола, блистательная Порта, побуждаемая чувствами милосердія, не преминетъ войдти съ Сербскою націею въ соглашеніе относительно опредѣленія необходимыхъ для того гарантій. Признавая автономію сербіи, Порта даруетъ ей такія же привиллегіи, какими пользуются ея подданные, населяющіе острова Архипелага и другія мѣстности; желая же доказать свое высокое милосердіе, она предоставитъ сербамъ внутреннее самоуправленіе,—опредѣлитъ размѣръ платимой дани сообразно съ дѣйствительными средствами страны, нисколько не отягощая ее и согласится принимать эту дань отъ уполномоченныхъ народомъ лицъ, а не чрезъ посредство сборщиковъ податей. Словомъ, Порта устроитъ свои отношенія съ княжествомъ на основаніи полнаго взаимнаго соглашенія съ сербской націей.

Ст. 9. устанавливаетъ, что плѣнные будутъ освобождены безъ всякаго выкупа, что христіане, добровольно принявшіе исламъ во время нахожденія ихъ во владѣніяхъ блистательной Порты, и мусульмане, тоже добровольно принявшіе христіанскую вѣру, бывъ въ плѣну у русскихъ, отнюдь не подвергнутся какимъ либо стѣсненіямъ и имъ предоставится право остаться на мѣстахъ жительства, или возвратиться на родину.

Ст. 10 опредѣляетъ, что всякія дѣла и иски подданныхъ обѣихъ державъ, начатые до войны и пріостановленные по этому случаю производствомъ, — будутъ возобновлены и окончены согласно съ законоположеніями тотчасъ по заключеніи мира.

Ст. 11. назначаетъ трехмѣсячный срокъ, со дня обмѣна ратификацій, для вывода русскихъ войскъ какъ изъ Молдавіи и Валахіи, такъ и изъ мѣстностей занятыхъ ими въ Азіи.

Ст. 12 гласитъ, что всякій разъ, когда русскій посолъ, или повѣренный въ дѣлахъ, на основаніи 7-й статьи Яссяго трактата, потребуютъ вознагражденія за убытки, причиненные русскимъ подданнымъ или купцамъ алжирскими, тунисскими или триполійскими пиратами,—или

заявятъ о какомъ либо нарушеніи существующихъ торговыхъ договоровъ,—то блистательная Порта немедленно приметъ всѣ зависящія отъ нея строгія мѣры для удовлетворенія пострадавшихъ и возстановленія точнаго смысла трактатовъ. Россія обязывается поступать точно также относительно турецкихъ подданныхъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія торговыхъ договоровъ.

Ст. 13. выражаетъ согласіе Россіи на посредничество Порты для заключенія мира съ Персіей.

Ст. 14, 15 и 16 опредѣляютъ условія прекращенія военныхъ дѣйствій и взаимнаго обмѣна ратификацій. Обмѣнъ таковыхъ со стороны Россіи послѣдовалъ въ Вильнѣ 11 іюня того же 1812 года.

Такимъ образомъ изъ обзора условій Бухарестскаго трактата, и преимущественно 4-й его статьи, усматривается, что Россія пріобрѣла почти третью часть Молдавіи, крѣпости: Хотинъ и Бендеры, всю Бессарабію съ Измаиломъ и Киліей и много городовъ, селъ и деревень. Кромѣ того, по смыслу 6-й статьи, она получила возможность, при приведеніи въ исполненіе условій трактата, удержать за собою всѣ области, находящіяся за Арпачаемъ и Аджарскими горами до Чернаго моря.

Дѣйствительно, отбросивъ Персіанъ за Араксъ еще до объявленія войны Турціи, Россія уже «de facto» владѣла Грузіей, Мингреліей и Турахчайскимъ краемъ, какъ по праву завоеванія, такъ и вслѣдствіе добровольно изъявленной этими странами покорности [1]).

Турція же, постоянно оспаривавшая у Россіи право оказывать имъ покровительство, утратила съ того времени всякое основаніе заявлять подобные протесты, такъ какъ удовольствовалась принятымъ Россіей обязательствомъ (ст. 6), немедленно по заключеніи мира возвратить ей всѣ крѣпости и стратегическіе пункты, отнятые у нея силою русскаго оружія.

---

[1]) Гуллистанскимъ миромъ, заключеннымъ Россіей съ Персіей въ 1813 оду, всѣ эти страны были окончательно присоединены къ Россіи.

ГЛАВА VI.

Восточный вопросъ. Договоръ Ункіяръ-Скелесскій $^{8}/_{20}$ іюля 1833 г. Лондонскій договоръ $^{10}/_{28}$ іюля 1840 г. Лондонскій договоръ $^{15}/_{27}$ іюля 1841 г. Балта-Лиманскій договоръ 19 апрѣля (1 мая) 1849 г.

Историографы всѣхъ временъ придавали весьма важное значеніе изученію восточнаго вопроса. Въ сочиненіяхъ, исключительно посвященныхъ этому предмету, конечно, нѣтъ недостатка; но самое обиліе матеріаловъ, относящихся къ таковому, притомъ крайне своеобразное и съ предвзятыми цѣлями, представляетъ неисчислимыя затрудненія вѣрно и точно опредѣлить истинное значеніе историческаго событія, обращающаго на себя общее вниманіе и составляющаго предметъ нескончаемыхъ, всестороннихъ обсужденій.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно и неопровержимо то, что восточный вопросъ возникъ въ отдаленныя историческія времена и знаменуетъ собою одно изъ тѣхъ міровыхъ событій, на рѣшеніе которыхъ дипломатія безсильна оказать вліяніе.

Историческія причины возбудили восточный вопросъ; историческія событія несомнѣнно и разрѣшатъ его. Важность значенія, придаваемаго общественнымъ мнѣніемъ восточному вопросу, такова, что никому даже не приходила доселѣ мысль, ограничить его тѣсными рамками дипломатическихъ сношеній, или созвать конгрессъ для его разрѣшенія.

И дѣйствительно, развѣ возможно мгновенно прекратить вѣковую борьбу романскихъ и германскихъ народовъ съ славянскими племенами, составляющую въ новѣйшія времена какъ-бы продолженіе постояннаго антагонизма, существовавшаго въ древности между римлянами и греками?

Сущность же восточнаго вопроса, въ общемъ, широкомъ его значеніи, заключается именно въ этой неустанной борьбѣ.

Съ другой стороны, при томъ въ смыслѣ одностороннемъ, болѣе соотвѣтствующемъ новѣйшимъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, безошибочно можно опредѣлить его значеніе слѣдующимъ образомъ: „восточный вопросъ съ конца XVIII столѣтія до настоящаго времени, знаменуетъ усиленіе могущества

Библіографическій указатель

текущей исторической литературы, русской и иностранной.

№ 2.

Въ предыдущей статьѣ нашего „указателя", заключавшей библіографическія свѣдѣнія по исторической литературѣ за истекшій годъ, мы сказали, что въ статьѣ этой указаны болѣе выдающіяся, по нашему мнѣнію, книги историческаго содержанія, изъ числа вышедшихъ въ прошломъ году. Весьма понятно, что при томъ объемѣ, какой въ состояніи давать „указателю" нашъ журналъ, сообщенныя нами, въ январьской его книжкѣ, библіографическія свѣдѣнія не могли быть настолько полны, какъ бы это намъ было желательно, въ особенности при необходимости не ограничиваться однимъ, неудовлетворяющимъ цѣли, перечнемъ лучшихъ новыхъ сочиненій, а, по крайней мѣрѣ, о крупнѣйшихъ изъ нихъ предлагать нашимъ читателямъ отзывы, хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ настоящее время, при незначительномъ еще накопленіи библіографическихъ данныхъ по исторической литературѣ въ недавно начавшемся году, получивъ возможность восполнить приведенныя въ первой нашей статьѣ библіогра-

фическія свѣдѣнія за минувшій годъ новыми указаніями, считаемъ своею обязанностью исполнить это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить о томъ, что̀ вышло въ свѣтъ съ новаго года лучшаго по исторіи, какъ у насъ, такъ и за-границей.

I. Перечень.

Изъ неупомянутыхъ еще нами прошлогоднихъ и вышедшихъ уже въ настоящемъ году изданій, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, предпочтительнаго вниманія нижеслѣдующія.

1) Историческіе матерьялы.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Т. 9-ый. 1668—1672. Спб. 1877. II+съ 2 по 26+494+24 стр.

Б—ъ, И. — Замѣчательные русскіе историческіе дѣятели. Чтеніе для народныхъ учителей и пособіе при урокахъ русской исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ. Спб. 1878. II+178+11 стр.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ.—О вновь найденномъ пергаминномъ спискѣ Евангелія. Спб. 1877. 16 стр. (Отпечатано только въ 60 экз.).

* **Вяземскій, П. П.**, князь.—Слово о Плъку Игоревѣ. Изслѣдованіе о варіантахъ. Спб. 1877. 265 стр.

* **Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи** 1872—1875 г. Выпускъ 6-ой. Спб. 1877. 43+164+85+152+89+III стр.

Матерьялы, историко-юридическіе, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, изданные подъ редакціей архиваріуса Сазонова. Вып. 8-й. Витебскъ. 1877.

Немировичъ-Данченко, В. И. — Страны холода. Видѣнное и слышанное: Бѣлое море.—Мурманъ и Сѣверная Норвегія.—

---

* Звѣздочкой мы будемъ отмѣчать въ „перечнѣ" тѣ книги, о которыхъ ниже даемъ отзывы.

Лапландія.—Новая земля.—Вайгачъ.—Племена глухаго угла. Съ 25 рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1877. 526+II стр.

Немировичъ-Данченко, В. И. Лапландія и лапландцы. 2-ое изд. Спб. 1877.

* **Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства** за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Т. I. Спб. 1877. X+759+2 стр. и 9 снимковъ.

* **Порфирьевъ**, И. Я. — Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событія, *по рукописямъ Соловецкой библіотеки.* (Сб. Отд. русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ. Т. XVII. 1) Спб. 1877. 11+276 стр.

* **Пупаревъ**, А.—Матерьялы для исторіи и статистики Орловской губерніи. Т. I. Орелъ. 1877. IV+120+64 стр. 1 планъ и 14 таблицъ.

Русскія достопамятности. Т. II. Изд. А. Мартынова. Москва. 1877. 18+46+46+32+40+17+56+36 стр.

Сборникъ матерьяловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Рига. 1877. 525+VIII.

Соколовъ, Ѳ. Ѳ.—Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. Спб. университета, 12 декабря 1877 года, въ столѣтнюю годовщину рожденія Императора Александра Павловича. Спб. 1877. 28 стр.

Соловьевъ, Е. Т.—Древности Казани, съ двумя археологическими картами. Казань. 1877. 78+11 стр.

Труды этнографическаго отдѣла И. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, при московскомъ университетѣ. Книга V. Вып. I. Подъ редакціей Н. А. Попова Москва. 1877.

2) Сочиненія по исторіи Россіи.

* **Великановъ**, А. С. — Зарницы Руси за скиѳскимъ горизонтомъ разысканій о ея началѣ. Одесса. 1877. Выпускъ I: 85+VII стр.

Восточный сборникъ. Т. I. Спб. 1877. III+448 стр.

Гротъ, Я., академикъ. — Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I. Со снимкомъ рукописи договора. Спб. 1877.

Лякруа.—Исторія жизни и царствованія Николая I-го, Императора Всероссійскаго. Переводъ А. Смирнова. Москва. 1877. Вып. I-ый. 189 стр.

Надхиднит, Г. П. — Память о Запорожьи и о послѣднихъ дняхъ Запорожской Сѣчи. Изданіе И. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Москва. 1877. 69 стр.

Поповъ, А. Н.—(На память отъ А. Н. Попова ✝16 Ноября 1877 г.) Отечественная война 1812 года. Отъ Малоярославца до Березины. Историческое изслѣдованіе. (Оттискъ изъ «Русской Старины» 1877 г.). Спб. 1877. 269 стр.

Сухомлиновъ, М., академикъ.—Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Спб. 1877.

Сухомлиновъ, М.—Екатерина II и Густавъ III. Спб. 1877.

Сухомлиновъ, М. — Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» кн. Дашковой. Спб. 1877.

* **Шпилевскій**, С. М.—Заботы Императора Александра I о Казани. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. Казанскаго университета, 12 декабря 1877 года, въ юбилейный день столѣтія рожденія Александра I. Казань. 1877. 48 стр.

Щебальскій, П. Русская исторія для грамотнаго народа и для начальныхъ училищъ. 3. Москва и собираніе Руси. Изданіе Варшавскаго Учебнаго Округа. Варшава. 1877. 28 стр. и 1 рисунокъ.

3) Сочиненія по исторіи другихъ народовъ (кромѣ русскаго).

Empire ottoman (l'). 1839—1877. L'Angleterre et la Russie dans la Question d'Orient. Par un ancien diplomate. Paris. 1877. 270 Pages.

Baker, James.—Turkey in Europe. London. 1877. XV+560 p.

Bertini, Prof.—Il Vaticano e lo Stato. Napoli. 1877.

Böthlingk, A., Dr.—Napoleon Bonaparte. Seine Jugend und sein Emporkommen bis zum 13 Vendemiaire. Iena. 1877. XIX+337 s.

Braun—Wiesbaden, K.—Reise Eindrücke aus dem Südosten; Ungarn, Istrier, Dolmatien etc. Stuttgart. 1878. I B: VIII + 211 s.—II B.: VIII + 246 S.

Brugsch, Dr. — History of Egypt from the earlist Period, Derived from Monuments and Inscriptions. 2 vols. London. 1877.

Вамбери, Германъ.—Очерки жизни и нравовъ Востока. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1877. II+546+II стр.

Wilkinson, I. I. Gardner.—Ancient Egyptians. New edition. London. 1877.

* **Водовозова**, Е. Н.—Жизнь европейскихъ народовъ. Спб. 1878. Т. I. Народы юга съ 26 рисунками В. М. Васнецова. 2-ое изданіе, исправл. и дополн. XXII + 552 стр. Т. II. Жители сѣвера. Съ 24 рисунками 545+XVI стр.

Hamerton, P. G.—Modern Frenchmen. Biographical Essays. London. 1877.

Godefroy, Frédéric. — La Mission de Jeanne d'Arc. Illustré d'un portrait de la pucelle, tiré d'un manuscrit du XV-me siècle, en chromolithographie et de 14 gravures. Paris. 1877.

Hoffmann, Fridolin.—Geschichte der Inquisition-Einrichtung und Thätigkeit derselben in Spanien, Portugal, Italien etc. Bonn. 1877. I B. VIII+448 S.

Hohenhausen, Fr., von. — Romantische Biografien aus der Geshichte. Leipzig. 1878. 307 S.

Hugo, V.—Histoire d'un crime. Paris. 1877.

Gilliéron, Alfred. — Grèce et Turquie. Note de Voyage. L'Epire. Janina. Ithaque. Delphes. Le Parnasse. Athènes. Grecs et turcs. Neuchatel. 1877. IV + 307 p.

Juste, Théodor. — 1757 — 1871. La Rivalité de la France et de la Prusse, d'après les nouveaux documents. Bruxelles. 1877. 166 p. Pr. 1 r. 70 c.

Yriarte, Charles. — Les Bords de l'Adriatique et le Monténégro. Venise, l'Istrie, le Quarnero, la Dalmatie, le Monténégro et la rive italienne. Paris. 1878. 639 p.

Yriarte, Charles. — Venise. Avec gravures. Paris. 1877.

Kallay, Benjamin.—Geschichte der Serben von den ältesten Zeiten bis 1815. Aus dem Ungarischen mit Zustimmung des

Verfassers in's deutsche übersetzt von Prof. I. H. Schwicker. Buda-Pest, Wien u. Leipzig. 1878. Heft 4—6: 241—480 S.

Kanitz, F. — Donau-Bulgarien und der Balkan. Historich-Geographisch-ethnographische Reise-Studien. Leipzig. 1877.

Карлей, Томасъ.—Историческіе и критическіе опыты. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1878.

Kecks, W. Dr. — Der deutsch-französische Krieg 1870—1871.

Lang, Wilh. — Peloponnesische Wanderung. Berlin. 1878. 320 S.

Ланфре, П. — Исторія Наполеона I. Переводъ М. Д. Кирѣева. Спб. 1877. 6 т.

Литль-Бой. — Живописное путешествіе по Европейской и Азіятской Турціи и южно-славянскимъ странамъ: Румыніи, (?) Сербіи, Босніи, Болгаріи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Съ подробнымъ описаніемъ нравовъ, характеровъ (?), обычаевъ, законовъ, правленія, войска, торговыхъ сношеній, духовныхъ (?) обрядовъ, характеристическихъ сценъ (?) ихъ (?) жителей. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1878. 431 стр. (Книга безъ иллюстрацій и картинокъ).

* **Лукашевичъ**, Платонъ.—Причина ненависти англичанъ къ славянскимъ народамъ. Кіевъ. 1877. 33 стр.

Mallasiss, A. V. — Correspondance de M-me de Pompadour avec son père, M. Poisson, et son beau-frère, M. de Vandières, publié pour la première fois par Mr. A. P. Mallassis. Suivie de lettres de cette dame à la comtesse de Lutzelbourg, à Paris Duvernoy, au duc d'Aiguillon etc. et acompagnée de notes et des pièces annexes. Avec 2 portraits de M-me de Pompadour. Paris. 1878.

Macaulay, lord. — Critical and Historical Essays. New edition. London. 1877.

Martin, O. — The life of Prince Consort. London. 1877.

Ménard, Réné.—La Mythologie dans l'état ancien et moderne. Paris. 1877.

* **Minghetti**, M.—Stato e Chiesa. Milano. 1878.

Morgan, Lewis, H.—Ancient Society, or Resercehs into the

Lines of Human Progress from Savagery to Civilisation. London. 1877.

* **Петковичъ**. К. — Черногорія и Черногорцы. Спб. 1877. 118 стр.

Rabbinowicz, Israel-Michel, Dr. — Essay sur le Judaïsme, son passé et son avenir. Paris. 1877. 36 p.

Ranke, Leopold, don Friedrich der Grosse. Friedrich Wilhelm der Vicrte. Zwei Biographien. Leipzig. 1878. 172 S.

Rozen, Georg.—Die Balkanhaiduken. Ein Beitrag zur innern Geschichte des Slawenthums. Leipzig. 1878. X + 338. S.

Rüffer, Ed. — Der Russisch-Türkische Krieg.

Person, Dr. — L'Islamisme. Son institution, son état présent, son avenir. Publié et annoté par A. Clerc. Interprète de l'armée d'Afrique. (le tome XV-me de la Bibliothèque orientale elsévirienne). Paris. 1877.

* **Спиклеръ**, Т., баронетъ, членъ парламента.—Восточный вопросъ прошедшаго и настоящаго. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Θ. Пуцыковича. Спб. 1878.

Stanford, E.—Carte ethnologique de la Turquie d'Europe et de la Grèce et mémoire, sur la réparation actuelle des races dons la peninsule Illyrique, avec tableaux statistiques. Publié à Londres par Edward Stanford. Traduit de l'anglais. Paris. 1877. 48. p.

Saint-Piest, de. — Mémoires sur l'ambassade de France en Turquie et sur la Commerce des Français dans le Levant. Paris. 1877.

Тепловъ, В.—Адріанополь въ 1874 году (изъ воспоминаній путешественника). Спб. 1877. 44 + 2 стр.

Franck. F.—Vie de M. Thiers. Avec portrait et authographe Paris. 1877.

Forneron, H. — Des Ducs de Guise et leur époque. Etudé historique sur le XVI-me siècle. 2 vols. Paris. 1877.

Stephens, Rev. W. R. W.—Christianity and Jslam the Bible and the Koran. London. 1877. IX + 168.

Schlüter, Ioseph, Dr.—Die französische Krieg. Heilbronn. 1878.

II. Отзывы.

1) О историческихъ матерьялахъ.

Князь Вяземскій, своимъ изслѣдованіемъ о **варіантахъ „Слова о полку Игоревѣ“**, обогатилъ литературу историческихъ матерьяловъ новыми цѣнными данными, разработанными и разъясненными имъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ. Возстановляя, по разнымъ спискамъ, настоящій текстъ этого древняго памятника, не дошедшаго до насъ въ найденномъ-было его подлинникѣ, погибшемъ, какъ извѣстно, во время московскаго пожара 1812 года, изслѣдователь сравниваетъ его съ классическимъ эпосомъ Иліады, находя въ немъ аналогическія съ послѣднимъ выраженія, а самое словоначертаніе многихъ выраженій, въ первичной, по возстановленному тексту, ихъ формѣ, даетъ ему основанія не соглашаться съ укоренившимися въ наукѣ предположеніемъ, будто бы русскіе славяне позаимствовались впервые письменами отъ болгаръ, и, напротивъ, положительно утверждать, что наши письмена имѣютъ совершенно самостоятельное происхожденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что взглядъ этотъ какъ нельзя быть болѣе вѣренъ, имѣя за собою всѣ шансы на неопровержимую доказательность, болѣе полной еще разработки которой только и остается ожидать, въ виду неоспоримой полезности для исторической науки какъ можно скорѣе покончить со всякими оскорбляющими нашу національную пытливость теоріями, выставляющими насъ заимствователями даже самаго основнаго въ нашей жизни непремѣнно у другихъ точно ужъ у насъ самихъ не хватило бы нужной для созданія его степени развитія и силы творчества.

Періодически выходящая (въ количествѣ minimum одного выпуска впродолженіи каждыхъ двухъ лѣтъ) **Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи**, въ послѣднемъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ, шестомъ своемъ выпускѣ содержитъ: статью г. Геннадія Карпова „Малороссійскіе города въ эпоху при-

соединенія Малороссіи"; челобитную старца Авраамія, извѣстнаго ревнителя раскола при великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, заключающую въ себѣ защиту раскола и нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія послужить матерьяломъ для исторіи старообрядства; письма гр. Н. П. Румянцева къ В. Н. Берху 1817 — 1822 г;, описаніе рукописей и книгъ Выголексинской раскольничьей библіотеки и, наконецъ, отрывки протоколовъ засѣданій археографической коммиссіи съ 1871 по 1875 годъ.

Сборникъ г. Порфирьева, заключающій апокрифическія ветхозавѣтныя сказанія по рукописямъ соловецкой библіотеки, достоенъ вниманія любителей нашей древней письменности, какъ изданіе, выносящее на свѣтъ, изъ мрака монастырской библіотеки, весьма замѣчательные матерьялы, ждущіе, въ числѣ многихъ другихъ, до сихъ поръ публикованныхъ преимущественно на западѣ, искуссной критической оцѣнки и всесторонней обработки со стороны безпристастныхъ историковъ христіанства и его судебъ у насъ въ особенности. Собственно, „въ рукописяхъ соловецкой библіотеки нѣтъ такихъ апокрифовъ, которые еще не были бы извѣстны до сихъ поръ; нѣтъ и слишкомъ древнихъ списковъ уже извѣстныхъ апокрифовъ, напечатанныхъ въ сборникахъ гг. Пыпина и Тихонравова. Соловецкіе списки апокрифовъ могутъ бить интересны, главнымъ образомъ, какъ болѣе или менѣе замѣчательные варіанты къ напечатаннымъ спискамъ, для объясненія въ нихъ темныхъ и исправленія ошибочныхъ мѣстъ. Но кромѣ обширныхъ и цѣнныхъ апокрифовъ, въ старыхъ рукописяхъ, какъ извѣстно, есть множество небольшихъ и часто очень краткихъ сказаній, которыя составляютъ или отрывки, сокращеніе, или передѣлку какъ этихъ, такъ и другихъ, несохранившихся до насъ въ полномъ видѣ апокрифовъ". На эти послѣднія и обратилъ особенное вниманіе составитель разсматриваемаго сборника, издавая ихъ въ свѣтъ. Въ сборникѣ, они сгруппированы въ слѣдующемъ порядкѣ: сказанія — о сотвореніи и паденіи ангеловъ, о раѣ, древѣ жизни, древѣ познанія добра и зла, о райскихъ рѣкахъ, о Адамѣ и Евѣ, о древѣ крестномъ, о Авраамѣ, о завѣтахъ двѣнадцати патріарховъ, о псалмахъ Давида и написаніи псалтыри и т. п. Непризнанныя произ-

веденія, эти не лишены значенія для нашихъ историковъ, какъ произведенія народнаго ума, пытливо доискивавшагося разрѣшенія темныхъ для него богословскихъ вопросовъ, до обсужденіе которыхъ по крайнему своему разумѣнію такіе охотники по сію пору наши старообрядцы, къ какому бы толку кто изъ нихъ ни принадлежалъ.—По словамъ лицъ, знакомыхъ непосредственно съ библіотекой соловецкаго монастыря, въ ней находится не малый запасъ матерьяловъ, относящихся и къ чисто свѣтской, такъ сказать, исторіи нашего народа. Къ сожалѣнію только, матеріалы эти, до настоящаго времени, остаются не изданными и, что всего хуже, не замѣтно даже никакого стремленія къ ихъ опубликованію.

Изданный г. Пупаревымъ, секретаремъ орловскаго статистическаго комитета, первый томъ „матерьяловъ для исторіи и статистики орловской губерніи" вноситъ новый запасъ данныхъ для будущихъ историческихъ работъ, основанныхъ на фактической, а слѣдовательно, исключительно вѣрной почвѣ, на которую вступаетъ, осторожными шагами, наша отечественная наука. Въ этомъ томѣ заключаются: описаніе г. Орла до назначенія его губернскимъ городомъ, съ планомъ принадлежавшихъ тогда къ нему слободъ, составленнымъ въ 1841 году; переписка по спору между орловскими пушкарями и мѣстнымъ купечествомъ объ орловской посадской чернослободской землѣ; описаніе г. Ельца въ началѣ нынѣшняго столѣтія; описаніе древнихъ городищъ и кургановъ въ нынѣшней орловской губерніи. Въ концѣ книги приложены: указатель статей по предметамъ, относящимся къ категоріи свѣдѣній, однородныхъ включеннымъ въ сборникъ матерьяламъ, и нѣсколько обычныхъ статистическихъ таблицъ. Изданіе, очевидно, нелишнее среди историческихъ матерьяловъ. Весьма желательно, поэтому, чтобы оно было исправно продолжаемо и благополучно окончено, что̀ случается у насъ далеко не со всѣми подобными изданіями.

Появившійся первый томъ „описанія архива морскаго министерства" началъ собою выпускъ въ свѣтъ описанія всего состава названнаго архива, для исполненія чего образована, въ концѣ 1873 года, по мысли нынѣ покойнаго генералъ-адмирала Краббе, управлявшаго въ то время морскимъ министер-

ствомъ и до сихъ поръ состоитъ при этомъ министерствѣ особая коммисія, учрежденная для разбора и описанія дѣлъ, хранящихся въ упомянутомъ архивѣ и представляющихъ собраніе самыхъ разнообразныхъ бумагъ, подшивавшихся въ свое время подъ дѣла безъ всякаго разбора, чисто механически, едва ли не по порядку лишь ихъ поступленія, но, во всякомъ случаѣ, совершенно безотносительно къ ихъ содержанію. На обязанности сказанной коммиссіи и лежитъ въ высшей степени нелегкая задача составленія и опубликованія точныхъ свѣдѣній объ этомъ хаотическомъ архивномъ собраніи, способъ выполненія которой, судя по первому, разсматриваемому нами тому, дѣлаетъ ей истинную честь. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ толковой архивной работой, не можетъ не отдать этой коммиссіи вполнѣ заслуженной ею похвалы за ея тщательное отношеніе къ порученному ей дѣлу. Въ изданный, первый томъ „описанія" вошли: перечень и описаніе тѣхъ изъ дѣлъ, хранящихся въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, которыя были начаты производствомъ до возшествія на престолъ Петра Великаго и, затѣмъ, во время его царствованія; кромѣ того: дѣла приказа большой казны, азовской приказной палаты и царскаго шатра въ Воронежѣ, содержащія документы съ 1693 по 1708 годъ; дѣла приказа воинскаго морскаго флота, съ документами съ 1654 по 1718 годъ; дѣла адмиралтейской канцеляріи съ 1697 по 1728 годъ; дѣла графа Апраксина съ 1712 по 1726 годъ. Описаніе каждаго дѣла или связки сдѣлано на столько подробно, что даетъ почти полное понятіе о заключающихся во всякомъ изъ нихъ историческихъ данныхъ. Благодаря тому, что во время, къ которому относятся разсмотрѣнныя уже коммиссіей дѣла, не наблюдалось, да и не обусловлено было закономъ, строгаго раздѣленія предметовъ вѣдомства различныхъ правительственныхъ установленій, во многихъ изъ этихъ мѣстъ нерѣдко производились дѣла, вовсе не относившіяся къ кругу ихъ непосредственной дѣятельности и, по этой причинѣ, въ дѣлахъ ихъ сохранились, между прочимъ, бумаги, касающіяся совершенно постороннихъ, прямой ихъ компетенціи, дѣлопроизводствъ. Среди бумагъ послѣдняго характера, находятся, напр., весьма интересныя „поденныя

записки" (дневникъ) посольства дворянина Лихачева во Флоренцію въ 1659 и 60 годахъ; азбуки (алфавиты) званій владѣльцевъ по разнымъ уѣздамъ, составлянныя по переписнымъ книгамъ 1678 года; разнообразныя слѣдственныя производства по уголовнымъ закононарушеніямъ; указъ объ отстройкѣ дома князя Меншикова насчетъ генерала Брюса и офицеровъ петербургскаго гарнизона, въ наказаніе ихъ за усмотрѣнное самимъ Петромъ, извѣстнымъ любителемъ тушить пожары, нерадивое отношеніе съ ихъ стороны къ тушенію пожара, отъ котораго пострадалъ этотъ домъ; указъ 1718 года объ устройствѣ бумажной мельницы и завода; переписка о издержкахъ на этотъ предметъ, о количествѣ выдѣлываемой тамъ бумаги, цѣнахъ на нее и другихъ обстоятельствахъ, касающихся бумажнаго производства на сказанной фабрикѣ; свѣдѣнія о свиданіи Петра съ королемъ польскимъ Августомъ; данныя, относящіяся до заключенія брака Петра (1712 годъ) и до сбора по этому случаю „со всякаго чина людей, *съ каждаго по силѣ своей, презентныхъ денегъ*; распоряженія о назначеніи въ Сенатъ начальствующихъ лицъ на время отъѣзда Петра (1711 г.); инструкція Сенату по этому же поводу и т. п. историческіе матерьялы, вовсе не относящіеся къ предметамъ вѣдомства тѣхъ установленій, подъ дѣлами которыхъ находятся. Ассортиментъ бумагъ, прямо относящихся къ дѣятельности установленій, завѣдывавшихъ въ то время военно-флотскимъ дѣломъ само собою, гораздо обильнѣе еще матерьялами самаго разнообразнаго характера. Приложенныя къ этому тому снимки знакомятъ съ образчиками скорописи, какою писаны нѣкоторыя бумаги изъ разсмотрѣнной серіи дѣлъ.

2) О сочиненіяхъ по исторіи Россіи.

Появившійся въ свѣтъ, первый, изданный въ Одессѣ, выпускъ сочиненія г. **Виноградова „Зарницы Руси за скиѳскимъ горизонтомъ разысканій о ея началѣ"** заключаетъ въ себѣ филологическія доказательства славянскаго и, какъ авторъ полагаетъ, даже древне - русскаго происхожденія названій днѣпровскихъ пороговъ. Судя по этому выпуску,

все сочиненіе можетъ разростись до размѣровъ обширнаго изслѣдованія. Авторъ, видимо, примыкаетъ въ немъ къ славянской школѣ историковъ, проводящихъ собственную теорію славянскаго, а не скандинавскаго происхожденія Руси. Сочувствіе этой теоріи, само по себѣ, очень похвально въ авторѣ, только едва ли ему удастся сказать еще что-нибудь капитальное, по интересующему его вопросу, послѣ того, что такъ тщательно обслѣдовано въ извѣстномъ сочиненіи „Варяги и Русь“ и въ однородномъ съ нимъ трудѣ г. Котляревскаго „Древности быта балтійскихъ славянъ“. Г. Гедеоновъ слишкомъ твердо поставилъ, наконецъ, новую теорію чисто славянскаго, именно поморскаго, происхожденія Руси, чтобы выводившая ее 120 лѣтъ изъ Скандинавіи и потерявшая теперь всякій научный кредитъ школа пережившихъ свою бренную славу норманистовъ могла еще мечтать о возвращеніи исчезнувшаго навсегда ея призрачнаго обоянія. Надо полагать, что, послѣ выхода двухъ названныхъ трудовъ, эти, несомнѣнно ученые мужи внутренно сами разубѣдились въ своей излюбленной доктринѣ и только не рѣшаются торжественно отказаться отъ нея, въ виду того, что имъ попросту больно разстаться съ своимъ поблекшимъ ученымъ престижемъ; иначе, руководимые своей ученой добросовѣстностью, не могущей во всякомъ случаѣ, отрицать того, что ясно какъ дважды два, они не должны бы болѣе задумываться, въ интересахъ одинаково дорогой норманистамъ, какъ и славянистамъ, научной истины, сложить оружіе передъ обошедшими ихъ со всѣхъ сторонъ противниками, съ г. Гедеоновымъ во главѣ и чересчуръ скромнымъ г. Котляревскимъ въ резервѣ. Пока, однако, это послѣдуетъ, нельзя не пожелать г. Виноградову успѣха въ его стремленіи ввести еще новые аргументы въ ту желѣзную цѣпь доказательствъ, которою, какъ плотнымъ осаднымъ кольцомъ, окружены уже норманисты, разбитые грозными силами славянистовъ, заранѣе увѣренныхъ и въ окончательной своей побѣдѣ, которая, вѣроятно, не заставитъ долго ждать себя.

Кратенькое сочиненіе профессора **Шпилевскаго**, о **«заботахъ Александра I-го о Казани»**, прочитанное авторомъ, въ качествѣ рѣчи, въ торжественномъ собраніи казанскаго университета,

12 декабря прошлаго года, по поводу празднованія въ этотъ день столѣтняго убилея рожденія Благословеннаго, представляетъ замѣчательный примѣръ умѣнья давать, въ немногорѣчивой формѣ, вѣсьма много цѣннаго содержанія. Читатель найдетъ здѣсь систематизированный и освѣщенный историческимъ обобщеніемъ сводъ всего того, что можно, въ данное время, сказать на тему о предметѣ, о которомъ пожелалъ высказаться почтенный авторъ. Если бы г. Шпилевскій былъ меньше извѣстенъ своей солидной эрудиціей въ отечественной и въ мѣстной, казанской, по преимуществу, старинѣ, можно бы выразиться, что онъ можетъ гордиться этимъ новымъ блестящимъ произведеніемъ, доказавшимъ еще разъ старую, какъ міръ, истину, что, именно, „дѣло мастера боится."

3) О сочиненіяхъ по исторіи другихъ народовъ (кромѣ русскаго).

„Жизнь европейскихъ народовъ" г-жи Водовозовой обстоятельно знакомитъ съ народами, населяющими Европу, со стороны ихъ этнологическихъ особенностей. Въ первомъ томѣ этого сочиненія охарактеризованъ современный бытъ жителей европейскаго юга; во второмъ—обитателей сѣверо запада. Описаніе отличается возможной, по объему труда, полнотой, толковитостью изложенія и прекраснымъ языкомъ, такъ что рѣшительно не оставляетъ желать ничего лучшаго. Польза отъ изданія этого сочиненія не только несомнѣнна, но и значительна, такъ какъ оно вполнѣ способно пролить въ нашу образованную публику тотъ свѣтъ этнографическаго знанія, котораго она лишена вслѣдствіе неудовлетворительности, до крайности, положенія географическаго образованія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, программа которыхъ отодвинула географію, а тѣмъ самымъ и этнографію, на самый послѣдній планъ.

Не можемъ не указать, какъ на выходящій изъ ряда обыкновенныхъ явленій парадоксъ, стремящійся основаться на исторической подкладкѣ, на вышедшую въ Кіевѣ брошюру г. **Лукашевича о причинѣ ненависти англичанъ къ славянскому племени.** Вотъ резюмэ ея оригинальнаго содержанія. Что такое

англичанинъ, englishman? Корень этаго слова eng-ong, что, помонгольски, означаетъ дичь, звѣря, а men-mông, по китайски, человѣкъ. Стало быть, образовавшееся изъ сочетанія этихъ двухъ корней слово выражаетъ понятіе о человѣкѣ, гоняющемся за дичью и звѣремъ, т. е. о звѣроловѣ. Изъ этаго слѣдуетъ, по мнѣнію автора, что англичане не кто другіе, какъ монголы—звѣроловы, напавшіе когда-то на мирныхъ бритовъ и частью истребившіе ихъ, частью смѣшавшіеся съ ними, путемъ послѣдовавшей, неизбѣжной помѣси побѣдителей-пришельцевъ съ порабощенными. На вопросъ, кто же были бриты, авторъ отвѣчаетъ, что они несомнѣнно были славяне. Бритами они звались потому, что имѣли обычай бриться. По его мнѣнію, славянское происхожденіе бритовъ доказывается и встрѣчающимися у римскихъ писателей, хотя и въ извращенномъ видѣ, племенными ихъ названіями, которыя объясняются авторомъ подходящими, чисто славянскими словами. Всѣ эти данныя приводятъ его къ заключенію, что англичане представляютъ несомнѣнную помѣсь съ славянами, какъ аборигенами Британіи. Такимъ ихъ происхожденіемъ, авторъ объясняетъ и сохранившуюся у нихъ монгольскую привычку кушать сырое мясо и чуть ли не людоѣдствовать, а по крайней мѣрѣ истреблять другія народности,—напр. индѣйцевъ въ Америкѣ,—равно какъ и монгольскую фонетику изъ гортаннаго языка, будто бы (не будучи специіалистами въ восточной филологіи, не беремся рѣшать этаго) принадлежащаго, по большей части составляющихъ его словъ, къ китайской семьѣ языковъ. Осѣдлыя привычки пріобрѣтены ими только отъ бритовъ-славянъ, расса которыхъ облагородила къ тому же, путемъ генераціи многочисленныхъ поколеній и ихъ низкій, въ отношеніи къ человѣческой породѣ, типъ средне-азіатскаго, полудикаго кочевника. Въ указанныхъ причинахъ усматриваются авторомъ въ заключеніе мотивы того непонятнаго съ перваго разу, слишкомъ теплаго сочувствія англичанъ къ варварамъ - туркамъ и страстной ненависти, съ другой стороны, къ угнетеннымъ славянскимъ народностямъ, родственнымъ безъ сомнѣнія (по мнѣнію автора) предкамъ древнихъ бритовъ. Приводимъ это содержаніе, какъ не встрѣ-

чающій себѣ примѣра образчикъ хлесткой софистики, которая, впрочемъ, говоря безотносительно, достойна вниманія по силѣ того впечатлѣнія, какое она способна, безспорно, произвести на умы читателей, не особенно твердыхъ въ исторіи, а „твердыхъ"-то этихъ много ли найдется среди нашей читающей публики...:

Изданное въ началѣ нынѣшняго года, въ Миланѣ, сочиненіе Мингетти (Minghetti) „Stato e Chiesa" (Государство и Церковь) замѣчательно, прежде всего тѣмъ, что вышло изъ-подъ пера не ученаго теоретика, какъ это чаще всего бываетъ въ подобныхъ настоящему случаяхъ, но чисто практическаго дѣятеля, за котораго авторъ извѣстенъ образованному міру. Руководя, въ очень недавнее время, внутренней и внѣшней политикой своего отечества, Италіи, въ качествѣ перваго ея министра, авторъ имѣлъ случай хорошо извѣдать всѣ подводные камни въ области взаимнаго соприкосновенія государства и церкви. Вотъ почему, слово такого человѣка въ особенности пріобрѣтаетъ вѣсъ въ литературѣ вопроса о возможно лучшемъ, нормальномъ, если можно такъ выразиться, устройствѣ отношеній между государствомъ и церковью и наоборотъ. Изслѣдовавъ самую природу этихъ отношеній, авторъ, исходя изъ различія цѣлей, преслѣдуемыхъ каждымъ изъ сказанныхъ двухъ общественныхъ установленій, указываетъ на справедливую необходимость предоставить тому и другому изъ нихъ вполнѣ самостоятельную сферу свободной дѣятельности, до посягательства, конечно, со стороны церкви на нарушеніе государственныхъ, собственно, интересовъ, какъ поглощающихъ собою, какъ извѣстно, всѣ остальные интересы благоустроенныхъ человѣческихъ обществъ. Такимъ образомъ, г. Мингетти остается на почвѣ взгляда, созданнаго на данный предметъ, еще знаменитымъ Кавуромъ. Затѣмъ, сочиненіе г. Мингетти достойно вниманія и вслѣдствіе выхода своего именно теперь, когда, въ виду агоніи папскихъ претензій, вниманіе всѣхъ христіанскихъ государствъ настроено по самому высокому камертону, готовому при первой неожиданной случайности, которая обнаружила бы еще живучесть стремленій Ватикана, разразиться, пожалуй, свистомъ пуль и грохотомъ пушекъ, изъ-за весьма понятнаго стремленія западно-

европейскихъ народовъ навсегда покончить счеты съ отжившей свой вѣкъ грозной политической гегемоніей римскаго первосвященника и его пресловутой куріи. Для насъ, русскихъ, трудъ г. Мингетти не представляетъ, конечно, такого живаго интереса, какой онъ имѣетъ для другихъ европейскихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ дорогъ и намъ, какъ компетентный трактатъ о весьма существенномъ, жизненномъ общественномъ вопросѣ, отъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго у себя не свободенъ ни одинъ народъ въ мірѣ, на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ.

Желающимъ получить опредѣленныя и вѣрныя свѣдѣнія о Черногоріи и ея неустрашимыхъ обитателяхъ, нельзя не посовѣтовать прочесть, съ этою цѣлью, книгу г. Петковича „Черногорія и Черногорцы“. Въ ней говорится: о пространствѣ и границахъ Черной Горы, ея раздѣленіи, характерѣ занимаемой ею мѣстности, ея водахъ, климатѣ, естественныхъ произведеніяхъ, путяхъ сообщенія, о населеніи и его занятіяхъ, состояніи промышленности и торговли, положеніи народнаго образованія; кромѣ того, разсказана вкратцѣ исторія Черногоріи, даны свѣдѣнія о ея политическомъ устройствѣ, финансахъ, войскѣ и церкви. Къ книгѣ приложено нѣсколько интересныхъ дипломатическихъ и историческихъ документовъ. Книга эта написана не съ чужаго говора и не представляетъ компиляціи, а есть плодъ непосредственныхъ, весьма добросовѣстныхъ наблюденій самаго автора.

Книга Синклера „Восточный вопросъ“, посвященная авторомъ „великому русскому народу и турецкимъ (?) христіанамъ“, по обстоятельности приведенныхъ въ ней фактическихъ данныхъ, прямотѣ отношенія къ предмету и логичности заключеній, должна быть, по праву, отнесена къ числу безусловно лучшихъ сочиненій по восточному вопросу, вполнѣ ознакомиться съ которымъ даетъ полную возможность всякому, кто не почерпнулъ опредѣленнаго понятія объ немъ изъ другихъ источниковъ. Сочиненіе это прочтутъ также не безъ интереса и знакомые съ сущностью восточнаго вопроса люди, имѣя подходящій, по настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, случай встрѣтить въ ней не одно новое мнѣніе о разсматри-

ваемомъ ею предметѣ европейскихъ знаменитостей, сужденіями которыхъ о немъ нѣтъ основаній не дорожить. Нисколько не нося характера памфлета, бьющаго на эфектъ ради современности затрогиваемаго имъ вопроса, трудъ Синклера, напротивъ, представляетъ серьезное и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное изслѣдованіе, написанное ясно, бойко и вполнѣ доступно самому обыкновенному уровню пониманія образованныхъ массъ. Изданіе его у насъ въ переводѣ является какъ нельзя болѣе кстати, въ виду кромѣшной тьмы, въ какой обрѣтается наше образованное большинство, по отношенію къ вопросу, которому посвящена эта монографія, и въ виду обусловливаемаго такимъ тяжолымъ состояніемъ, инстинктивнаго даже стремленія въ нашей публикѣ уразумѣть, наконецъ, сколько-нибудь опредѣленно: изъ-за чего же собственно Россія потеряла, въ одну настоящую войну, до 90 тысячъ своихъ лучшихъ сыновъ и, по всей вѣроятности, должна будетъ потерять ихъ еще не мало, прежде чѣмъ тотъ подборъ исторически сложившихся, политическихъ и международныхъ, обстоятельствъ, которые принято понимать, вообще, подъ «восточнымъ вопросомъ», радикально видоизмѣнится, уступивъ мѣсто лучшимъ условіямъ взаимнаго, международнаго и сосѣдненароднаго, существованія. Переводъ не дуренъ, хотя и не вполнѣ безукоризненъ.

Библіофилъ.

20-го января 1878 г.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ВЪ ЯНВАРЬСКОЙ СТАТЬѢ УКАЗАТЕЛЯ.

На стран. 3, въ строкѣ 10, снизу, *вмѣсто:* списокъ писцовыхъ книгъ, *д. б.* списокъ *съ* писцовыхъ книгъ;
» » 6 » » 3, сверху *вмѣсто:* Lettres de Chimée, Souvenir de guerre, *д. б* *Lettres de Crimée. Souvenir de la guerre;*
» » 6 » » 12, снизу, *вмѣсто:* Географическаго, *д. б. Историческаго:*
» » 9 » » 18, сверху, *вмѣсто:* не отражать подражать вліянія, *д. б. не отражать вліяніе*
» » 10 » » 14, снизу, *вм.:* дюженныхъ, *д. б. дюжинныхъ;*
» » 11 » » 12—18, сверху, *вмѣсто:* разборъ сочиненія оставляетъ, *д. б.* разборъ *сказаннаго* сочиненія оставляемъ;
» » 14 » » 22, сверху, *вм.:* о другомъ исходѣ войны, *д. б.* о другомъ исходѣ *тогдашней* войны;
» » 14 » » 29, сверху, *вмѣсто:* воинъ про которыхъ, *д. б. войскъ,* про которыя;
» » 15 » » 8, снизу, *вм.:* преимуществу, *д. б. преимуществу*

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Предпринимая изданіе съ цѣлью служить однимъ изъ органовъ для самообразованія и развитія, редакція считаетъ долгомъ высказать только то, что она употребитъ усилія, чтобы удовлетворить любознательности своихъ читателей посредствомъ разнообразія содержанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, она постарается дать такого рода матеріалъ, который одинаково бы удовлетворилъ какъ потребностямъ лицъ вполнѣ взрослыхъ, ищущихъ самообразованія и развитія, такъ и тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ дѣтскія книги не пригодны, а серьозная и научная литература не всегда доступны для пониманія. На первомъ планѣ будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій.

Программа изданія.

1) Русская жизнь и этнографическіе очерки Россіи, съ хромолитографированными рисунками всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это составитъ изящный альбомъ, въ который войдетъ отъ 20 до 30 хромолитографій.

2) Историческіе очерки Россіи, къ которымъ будетъ приложено до 100 большихъ рисунковъ.

3) Этнографическіе очерки различныхъ народовъ Земнаго Шара.

4) Повѣсти, разсказы и біографія замѣчательныхъ людей.

5) Путешествія.

6) Очерки и картины природы.

7) Естествознаніе въ монографіяхъ и разсказахъ.

8) Техника и разнаго рода производства, а также ремесла и занятія человѣка.

9) Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка.

10) Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Кромѣ того нѣсколько разъ въ годъ будетъ выходить приложеніе: „Листокъ для родителей и наставниковъ“. Этотъ листокъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) Дѣтская гигіена и вообще статьи, касающіяся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей и юношей; 2) Библіографическій листокъ съ разборомъ выходящихъ дѣтскихъ книгъ.

Каждая книжка, выходящая ежемѣсячно 1 числа, будетъ состоять изъ 10 печат. листовъ, хромолитографирован. рисунковъ и гравюръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ	въ годъ	5 р. 50 к.	съ перес. 6 р. — к.
„ 6 „	въ полгода . . .	4 р. — к.	„ „ 4 р. 50 к.
„ 1 книжку	въ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.	„ „ 1 р. 20 к.

Всякій, подписавшійся на первый мѣсяцъ, въ случаѣ желанія продолжать подписку на цѣлый годъ, доплачиваетъ только до подписной цѣны, т. е. 4 р. 50 к.; безъ пересылки или 5 р. съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Картографическомъ заведеніи Ильина, на углу Б. Мастер. и Екатерингоф. просп. домъ № 11—43

Первая книжка выйдетъ 1-го декабря 1877 года.

Редакторъ-издатель А. Ильинъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 Г. (ВТОРОЙ ГОДЪ)

„СВѢТЪ“

ОРГАНЪ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

„СВѢТЪ“ поставилъ себѣ не легкой задачей развивать въ обществѣ чувство человѣчности, общественности,—развивать знанія, проникнутыя и связанныя общими идеями—и такимъ образомъ расширять мало по малу міровоззрѣніе общества. Для выполненія своей цѣли онъ имѣетъ два средства: 1) дѣйствовать на чувства общества и развивать въ нихъ тѣ гармоническія отношенія, которыя даетъ намъ искусство: 2) дѣйствовать на умъ общества и давать этому уму матерьялъ для мысли, по возможности облегчая при этомъ его работу. Удовлетворяя этимъ двумъ сторонамъ развитія, „СВѢТЪ“ по необходимости долженъ быть научно-художественнымъ изданіемъ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: **Ѳ. М. Достоевскій, Я. П. Полонскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), О. Ф. Миллеръ, А. И. Сомовъ, Д. Л. Мордовцевъ, Д. И. Менделѣевъ. А. М. Бутлеровъ, А. Н. Бекетовъ, И. М. Сѣченовъ, Ю. Э. Янсонъ, А. И. Якобій, Н. А. Головкинскій. Н. О. Ковалевскій, Л. Е. Оболенскій, В. Д. Аленицинъ, М. Н. Богдановъ, Ф. О. Фесенко.**

Журналъ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца небольшими выпусками in 4° отъ трехъ до шести листовъ—и содержитъ: 1) произведенія беллетристическія (романы, повѣсти, сказки, разсказы и проч.), заключающія въ себѣ какую нибудь руководящую мысль. 2) Статьи по искусству, (сопровождаемыя художественными приложеніями). 3) Статьи научныя и 4) статьи критическія

Каждый выпускъ сопровождается художественными приложеніями, офортами, фототипіями, геліогравюрами и т. п.

Въ видахъ большаго распространенія журнала, назначается ему крайне умѣренная цѣна. За 12 выпусковъ въ годъ, со всѣми приложеніями

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ

безъ доставки, въ Москвѣ—четыре рубля пятьдесятъ коп.
За доставку въ Петербургѣ и Москвѣ прилагается 50 коп.
Для всѣхъ другихъ городовъ Россіи

ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Эта подписная сумма можетъ быть разсрочена или даже уменьшенная въ видахъ общедоступности изданія.

Гг. подписчики, желающіе получать приложенія несогнутыми, платятъ за нихъ особую пересылку

ОДИНЪ РУБЛЬ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ для городскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, Невскій просп., Гостинный дворъ, № 24. Н. И. Мамонтова, Невскій, № 46, а въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ. Гг. иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Университетъ, кв. 21, Профессору Николаю Петровичу Вагнеру.

Подписка на 1877 г. продолжается и гг. подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

За ТРИ РУБЛЯ безъ доставки, съ доставкою 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

2–3

ничего общаго съ литературой. Не обременяя страницъ «Кругозора» дешевыми заграничными клише, мы дали болѣе широкое развитіе тексту, доставляя такимъ образомъ обильный матеріалъ для чтенія, составленный изъ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей и статей, имѣющихъ научный или общественный интересъ; точно также, вмѣсто олеографическихъ картинъ, которыя, при выписываніи ихъ изъ-за-границы въ значительномъ количествѣ, обходятся издателямъ не дороже 30—50 коп. за экземпляръ, мы приняли на себя одинъ изъ такихъ трудовъ, которые до сихъ поръ были подъ силу лишь большимъ и дорогимъ журналамъ (какъ напр. «Всемірному Путешественнику») и дали въ премію книгу въ восемьдесятъ печатныхъ листовъ мелкаго шрифта, содержащую свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія: «Всенаучный (энциклопедическій) словарь». Всякій, сколько-нибудь знакомый съ типографскимъ дѣломъ и цѣнами набора, печати и бумаги, легко составить себѣ понятіе о стоимости каждаго экземпляра, не говоря уже о громадномъ трудѣ составленія подобнаго словаря и вознагражденіи сотрудникамъ. Нынѣ оканчивая это изданіе, составляющее двухгодичную премію «Кругозора» за 1876 и 1877 гг., редакція, съ развитіемъ ея средствъ, обѣщаетъ подписчикамъ на 1878 годъ *нѣсколько* премій, изъ которыхъ *главная* составитъ обширное сочиненіе, не уступающее въ интересѣ и полезности «Всенаучному словарю».

ПРОГРАММА: 1) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (въ приложеніи). 2) Очерки изъ исторіи словесности, обзоръ современной литературы и журналистики, библіографія. 3) Искусства, археологія, архитектура, ваяніе, живопись, музыка и театръ. 4) Историческіе очерки; бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ; записки—мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей. 5) Описаніе замѣчательныхъ мѣстностей и городовъ, путешествія, современная жизнь всѣхъ народовъ земнаго шара. 6) Изслѣдованія о происхожденіи и развитіи языковъ классическихъ и современныхъ. 7) Естествознаніе. 8) Народное здравіе. Домашняя гигіена. 9) Промышленность и торговля, технологія и механика, сельское хозяйство и охота. 10) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. 11) Судебная хроника. 12) Политическое обозрѣніе. 13) Смѣсь и разныя извѣстія. 14) Почтовый ящикъ, отвѣты редакціи. 15) Тиражъ выигрышей 1-го 2-го внутренняго займовъ. 16) Частныя объявленія. 17) Модное обозрѣніе съ рисунками и выкройками въ натуральную величину (въ приложеніи).

«КРУГОЗОРЪ» почтили своимъ участіемъ литераторы: **Д. В. Аверкіевъ, В. Г. Авсѣенко, Л. Н. Антроповъ, А. В. Березинъ, А. Гиляинъ, Ѳ. М. Достоевскій, Н. И. Зуевъ, В. В. Крестов-**

скій, Н. С. Лѣсковъ (Стебницкій), Н. Огородниковъ, А. Н. Майковъ, Н. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А. Ѳ. Писемскій, Др. Е. А. Саліасъ, Н. Н. Страховъ, И. [illegible], М. Е. Чайковскій (Садыкъ-паша) и друг. Художественный отдѣлъ «Кругозора» выполняется лучшими рисовальщиками при постоянномъ участіи граверовъ: Бруно-Брауне, Даммюллера Крыжановскаго, Куньева, Куренкова, Мая, Матюшкина, Шпиннера и др.

Каждый новый подписчикъ, когда бы ни подписался, получаетъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ перваго январскаго; но такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени, то во избѣжаніе задержки въ отправкѣ первыхъ нумеровъ, просимъ по возможности высылать требованія заблаговременно.

При подпискѣ просимъ обозначать въ адресѣ *ближайшую станцію, на которой есть почтовое отдѣленіе*, такъ какъ С.-Петербургскій почтамтъ принимаетъ на себя отвѣтственность лишь за тѣ нумера журнала, которые адресованы на станцію съ почтовымъ отдѣленіемъ.

Изъ конторы редакціи «Кругозора» можно выписывать слѣдующія ея изданія:

ВЕЛЬМОЖНЫЙ БРОДЯГА

быль-романъ *Чарльзъ-Рида*. Переводъ съ англійскаго. Цѣна брошюрованному въ изящной обложкѣ 60 коп., съ пересылкой 75 коп. (для подписчиковъ «Кругозора» и книгопродавцевъ 45 к., съ пересылкою 60 к.).

ПОПОЛАМЪ

романъ *Джемса Пэна*, цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 30 к. (для подписчиковъ «Кругозора» и книгопродавцевъ 70 коп., съ пересылкой 1 р.).

„КРУГОЗОРЪ" 1876 Г.

52 №№ 834 стр. текста и болѣе 250 изящно выполненныхъ рисунковъ лучшихъ художниковъ и граверовъ. Въ особомъ приложеніи 2 большихъ переводныхъ романа. Цѣна брошюрованному 4 руб., съ пересылкой 5 руб., въ простомъ переплетѣ 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 5 руб. 50 коп., съ пересылкой 6 руб. 50 коп.

Съ 1 Января 1878 г. можно будетъ выписывать:

„КРУГОЗОРЪ" 1877 Г.

52 №№, 834 стр. текста и болѣе 250 изящно-выполненныхъ рисунковъ. Въ особомъ приложеніи переводный романъ. Цѣна брошюрованному 4 р., съ пересылкою 5 р., въ простомъ переплетѣ 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 5 р. 50 к., съ пересылкой 6 р. 50 к.

Редакторъ-издатель В. Клюшниковъ.

2—3

Портреты въ сборникѣ «Русскіе Современные Дѣятели» представляютъ въ художественномъ отношеніи образцовую работу на стали и составляютъ такимъ образомъ ВАЖНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ. Этотъ сборникъ долженъ имѣть громадное значеніе для каждаго образованнаго человѣка, и на много превосходитъ всѣ безплатныя премія остальныхъ журналовъ.

I-й томъ сборника **«Русскіе Современные Дѣятели»** (премія на 1876 г.), вслѣдствіе прекраснаго исполненія на стали 12 портретовъ, былъ принятъ публикой весьма благосклонно и восхваленъ выдающимися критиками нашей прессы. **II-й томъ этого сборника** (премія на 1877 г.) вышелъ въ свѣтъ и разосланъ съ **№ 50.** Что касается до выбора **24** портретовъ для II-го тома сборника **Русскіе Бывшіе Дѣятели»** и III-го—**Русскіе «Современные Дѣятели»** (премія на 1878 г.), то издатель постарается удовлетворить желанію большинства своихъ подписчиковъ. (Въ отдѣльной продажѣ каждый томъ сборниковъ стоитъ: **Современные Дѣятели—4** р., въ роскошн. переплетѣ **5** р. **Бывшіе Дѣятели—2** р., въ переплетѣ **3** р.).

NB. «Илл. Газета» не разсылаетъ программъ со старыми рисунками.

Цѣна съ перес. за годъ съ брошюр. преміями **6** р.; за **6** мѣс. **3** р.; за 3 мѣс. **1** р. **50** к. Желающіе получить премію въ роскошномъ переплетѣ прилагаютъ **1** р. за томъ.

☛ По желанію допускается разсрочка. ☚

Иллюстрированный Вѣстникъ, 6-й г. (1878)

«Иллюстр. Вѣстникъ» выходитъ выпусками ежемѣсячно; въ годъ онъ содержитъ до **1200** столбцовъ текста и множество иллюстрацій. Въ немъ помѣщаются, кромѣ различныхъ статей, касающихся всѣхъ вопросовъ современной жизни, избранные романы любимѣйшихъ авторовъ нашего времени.

Цѣна на годъ съ перес. **3** р. **50** к.; на 6 мѣс. **2** р.; на 3 мѣс. **1** р. **«Илл. Газета»** съ **«Илл. Вѣстникомъ»** съ перес.—**9** р.; на 6 мѣс. **4** р. **50** к.; на 3 мѣс. **2** р. **25** к.

Иллюстрированный календарь Баумана

на 1878 г., съ 90 рисунками.

Онъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: Въ 1-мъ помѣщено все, что можно найти и въ самомъ полномъ календарѣ. Во 2-мъ: Русско-турецкая война со многими портретами и видами. Въ 3-мъ: занимательныя повѣсти, разсказы, общеполезныя знанія и проч., и проч.

Цѣна брошюр. Календаря—90 коп., съ перес. 1 р. 20 к. Въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 60 к.

Подписчики «Илл. Газеты» или «Илл. Вѣстника» получаютъ Календарь за 65 коп., съ перес. 80 к., въ роскошн. перепл. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

NB. Суммы меньше одного рубля, можно пересылать почтовыми марками.

Чтобы удовлетворить многочисленнымъ спросамъ нашихъ новыхъ подписчиковъ, мы заявляемъ, что «Илл Газета» за 1876 г. съ 50-ю безплатными приложеніями и съ преміей «Русскіе Современные Дѣятели», т. I-й, можно получать за 3 р., съ перес. за 4 р.;—за 1877 г. съ 50-ю безплатными прилож. Т. I-й «Русскіе Бывшіе Дѣятели» и Т. II-й «Русскіе Современные Дѣятели»—за 4 р., съ пер.—5 р. За роскошн. переплеты для преміи прилагается по 50 к. за каждый томъ, а съ перес. по 70 к.

«Илл. Вѣстникъ» за 1876 г. можно пріобрѣсть за 1 р. 50 к. съ перес.—2 р.; «Илл. Вѣстникъ» на 1877 г. 2 р. съ перес.—2 р. 50 к.

РОСКОШНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ для:
«Илл. Газеты», на 1877 г., 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
Приложенія «Романы и Повѣсти» 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
«Илл. Вѣстника» 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Адресовать: Алексѣю Осиповичу Бауману, Захарьевская, № 27, въ С.-Петербургѣ.

2—3

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ ЖУРНАЛА

„БИБЛІОТЕКА для ЧТЕНІЯ"

Годъ четвертый.

Программа.

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на «БИБЛІОТЕКУ ДЛЯ ЧТЕНІЯ» будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . . 8 руб.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 8 » 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ . . . . 9 руб. —

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальные. Кромѣ того для гг. служащихъ допускается разсрочка помѣсячно съ ручательствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ; Въ Москвѣ, въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ Кашкина и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные—адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ». Фурштадская ул., д. № 34.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногороднымъ исключительно въ редакцію, а городскихъ—въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

2—2

Подписка на 1878 г. на журналъ

„ГРАЖДАНИНЪ“

(52 №№ въ годъ)

и

„РУССКІЙ СБОРНИКЪ“

(2 тома въ годъ).

1. Въ 1878 году газета-журналъ «ГРАЖДАНИНЪ“ будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю по воскресеньямъ, какъ и въ 1877 году. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной уже программѣ.

2. „РУССКІЙ СБОРНИКЪ“ же *составляетъ безплатное приложеніе къ* „ГРАЖДАНИНУ“, выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ Февралѣ, а II томъ въ Октябрѣ (разсылается всѣмъ *годовымъ* подписчикамъ на „ГРАЖДАНИНЪ“ немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ—изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, *славянскихъ* и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ. Въ „СБОРНИКѢ“ будутъ (независимо отъ статей чисто литературнаго содержанія: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, драматическихъ сочиненій и стихотвореній) помѣщаться статьи: *по вопросамъ религіи и церкви, по философіи, исторіи, политики, географіи, этнографіи, юридическимъ наукамъ, политической экономіи, статистикѣ, естественнымъ наукамъ, а также жизнеописанія замѣчательныхъ людей и т. п.*

При выборѣ статей *особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на статьи знакомящія русскихъ читателей со славянскимъ міромъ.*

3. При „ГРАЖДАНИНѢ“ *ежемѣсячно* будетъ *безплатно* разсылаться всѣмъ подписчикамъ на „ГРАЖДАНИНЪ“ „*Книжный Листокъ*“ (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ поступающихъ въ продажу *при книжномъ складѣ редакціи.*

4. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложеній къ журналу, безплатно получатъ непремѣнно съ 1 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: „Тайны Современнаго Петербурга“: *Въ царствѣ Венеры* и *Развязка*.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи (*Надеждинская, 24., кв. 1*) или при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (Гостиный дворъ, № 24), а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются *исключительно* въ С.-Петербургъ: *въ редакцію журнала* „ГРАЖДАНИНЪ“.

Подписчики благоволятъ обозначать при подпискѣ тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть *почтовыя* учрежденія, такъ какъ С.-Петербургскій почтамтъ за неисправную пересылку не отвѣчаетъ, если журналъ посылается другими путями. При возобновленіи подписки слѣдуетъ присылать прежній печатный адресъ (бандероль) съ исправленіями, если они окажутся нужными или указывать хоть № бандероли.

Подписная цѣна за три изданія прежняя:

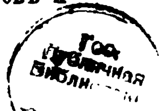
На годъ безъ доставки		7 р.
„ „ съ доставкою и пересылкой	.	8 „
„ „ съ перес. заграницу		10 „

Отдѣльно на „РУССКІЙ СБОРНИКЪ“ — подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 3 р. Адресоваться при подпискѣ на „СБОРНИКЪ“ нужно въ редакцію „ГРАЖДАНИНА“.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, и волостныхъ правленій редакція *понижаетъ* подписную цѣну съ 8 на 6 р. за всѣ изданія, но только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, *безплатно обучающіе* въ народныхъ школахъ. Для народныхъ учителей и училищъ, волостныхъ правленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ *на годъ*) *разсрочка* въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца *впередъ* по 2 руб., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи „ГРАЖДАНИНА“ открытъ *книжный складъ*, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

2—3

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи. По этому предмету учредитель археологическаго института въ Петербургѣ г. Предсѣдатель Коммисіи объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, **Н. В. Калачовъ** будетъ сообщать наиболѣе важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и о матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакціи обѣщали свое содѣйствіе: **Н. В. Калачовъ** (ближайшимъ участіемъ по историко-юридической части), **В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Вс. С. Соловьевъ, Г. П. Данилевскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Забѣлинъ, В. О. Ключевскій, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернадскій, П. В. Павловъ, П. А. Матвѣевъ, Ю. Е. Афонасьевъ, В. П. Авенаріусъ** и друг.

Для обозрѣнія же исторической литературы какъ руской, такъ и иностранной, назначенъ особый отдѣлъ въ книгѣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 3.—Мартъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

По ошибкѣ набора статьи «Россія и Турція» во 2 № Исторической Библіотеки на стр. 64 по окончаніи IV главы начата была, вмѣсто V, глава VI. Напечатавъ въ настоящемъ № стр. 63 и 64, Редакція проситъ гг. подписчиковъ страницы 63 и 64 въ февральской книжкѣ уничтожить.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Марта. 1878 г.

ТЕРЕНТІЙ ГОСТЬ.

Древне-Новгородская шуточная былина [1]).

Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты, богатъ человѣкъ!
Какъ во стольномъ Новѣ-городѣ,
Во той улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ да во Терентьевской [2]),
У тебя дворъ на цѣлой верстѣ,

---

[1]) Въ знаменитой древне-новгородской былинѣ о «Садкѣ купцѣ богатомъ гостѣ» передъ нами развёртывается яркая картина широкой торговой дѣятельности древняго Новгорода, и самый складъ этой былины, эпически-широкій, вполнѣ соотвѣтствуетъ типу героя ея—размашистой и, въ то же время, исполненной сознаніемъ собственнаго достоинства натуры. Настоящая шуточная былина изъ того же новгородскаго періода показываетъ намъ оборотную сторону медали: внутренній, семейный бытъ новгородскихъ «гостей», оказывающихся въ частной своей жизни предками, по прямой линіи, современныхъ самодуровъ—«гостинодворцевъ», изъ среды которыхъ, правда, изрѣдка хотя и выходятъ великіе въ своемъ благородномъ гнѣвѣ Львы Красновы, но большая часть которыхъ все-же, подобно «Терентію гостю», въ наиболѣе трагическихъ моментахъ, для вымещенія кровной обиды, предпочитаетъ прибѣгать вмѣсто ножа къ «дубинѣ ременчатой». Короткій, пѣвуче-игривый размѣръ былины весьма эффектно оттѣняетъ ея сатирическое содержаніе.

[2]) Что цѣлая слобода названа именемъ Терентія—указываетъ уже на его высокое общественное положеніе.

А кругомъ двора желѣзный тынъ,
На тыниночкѣ по маковкѣ,
Что на каждой по жемчужинкѣ;
Воротà — вальящатыя [1]),
Вереи — хрустальныя,
Подворотня — дорогъ рыбій зубъ [2]);
Середи двора высóкъ терёмъ:
Крыша вся — сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ — черныхъ сóболей,
Печка-то — муравленая,
Середа [3]) — кирпищатая
'Коло печки кроватка стоитъ,
Что кровать-то слоновыхъ костей,
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ жена молода,
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна.

Ее съ вечера недуги берутъ,
Ко пол'уночи немочь бьетъ,
Къ бѣлой зорькѣ лихорадка трясетъ —
А и немочь-то черная,
Лихорадка-то красная.

И возгòворитъ жена молода,
Оленушка Клементьевна:
«Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты, богатъ человѣкъ!
Ты бери-ка золоты ключи,
Отмыкай окованъ сундукъ,
Вынимай денегъ сто рублевъ,
Да поди, волхвовъ добывай,

---

1) *Вальящетый*—рѣзной.
2) *Рыбій зубъ*—моржовая кость.
3) *Середа*—полъ.

Скомороховъ поучёныихъ,
Меня молоду бы вылечить,
Меня молоду бы выпользовать».

Какъ тутъ бѣдный Терентій гость
Молодой жены слушался:
Онъ жену то во любви держалъ;
Всталъ поутру ранёхонько,
Обувался гладёхонько,
Умывался бѣлёхонько,
Надѣвалъ шубу новую,
Бралъ тогда золоты ключи,
Отмыкалъ окованъ сундукъ,
Вынималъ денегъ сто рублевъ,
И пошелъ волхвовъ добывать,
Скомороховъ поучёныихъ.

А и будетъ Терентій гость
У честна у Воздвиженья [1]),
У жива моста калинова, —
Ему встрѣчу Весёлы Молодцы [2]),
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые [3]);
Они взглянутся-улыбнуться,
А отвéрнутся — разсмѣхнутся.
Бьютъ объ ручку Терентью челомъ,
Сами молвятъ таково слово:
«Здравствуй-ка, Терентьище,
Славенъ ты, богатъ человѣкъ!
Какъ доселѣва те слыхомъ не слыхать,
Какъ доселева и видомъ не видать [4]),
А теперь ли ты, Терентьище,

---

[1]) У церкви Воздвиженія.

[2]) *Веселые Молодцы* или просто *Веселые* — обычное прозвище скомороховъ.

[3]) *Очестливые*—умѣющіе почесть, уважить.

[4]) Какъ старикъ-скопидомъ, Терентій доселѣ никуда носу не казалъ.

Ходишь-бродишь по чисту̀ полю,
Что̀ корова заблудящая,
Что̀ ворона залетящая?»

На то слово онъ не сердится,
Отвѣчаетъ имъ Терентій гость:
«Ой вы гой еси, Весёлы Молодцы,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые!
Какъ не самъ вѣдь я, Терентій, зашелъ,
И не конь-то богатаго завезъ,
Меня бѣдность-нужда завела:
У меня есть жена молода,
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна;
Ее съ вечера недуги берутъ,
Ко полу̀ночи немочь бьетъ,
Къ бѣлой зорькѣ лихорадка трясетъ —
А и немочь-то черная,
Лихорадка-то красная.
Ой же вы, Васёлы Молодцы!
Вы вѣдь, братцы, по землѣ ходоки,
Много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Скорби вы ухаживаете,
А недуги выправливаете:
Вы жену бы мнѣ вылечил̀и,
Вылечили, вы̀пользовал̀и.
Далъ бы я вамъ денегъ сто рублевъ
Безъ единыя денежки [1])».

Догадалися Весёлы Молодцы;
Они взглянутся — ул̀ыбнутся,
А отвѐрнутся — разсм̀ѣхнутся:
«Ой ты гой еси, Терентьище,
Славенъ ты, богатъ человѣкъ!

---

[1]) «Безъ единыя денежки» — т. е. всѣ сполна, *до* денежки.

Ты поди-ка во холщёвый рядъ,
Ты купи-ка тамъ холщёвый мѣхъ,
Дай недорого — три денежки,
За мочалище [1]) — полденежки:
Стало, безъ полушки грошъ;
Самъ садися въ тотъ холщёвый мѣхъ!»

Повели его, Терентьища,
Вдоль по славну Нову-городу,
Завели его въ холщёвый рядъ.
Покупалъ онъ тутъ холщёвый мѣхъ,
Далъ недорого — три денежки,
За мочалище — полденежки.
Сами шли тогда въ червлённый рядъ [2]),
Покупали тамъ червлёный вязъ,
Что дубину-то ременчатую,
Въ половину-то свинцу налиту̀:
Дали цѣлыхъ десять алтынъ.
А и взяли тутъ Терентьища,
Посадили во холщёвый мѣхъ,
Перекинули да за̀ плеча,
Понесли къ Терентьевой женѣ,
Къ молодой подъ самое окно,
И колотятся и просятся:
«Гой же ты, Терентьева жена,
Молода Оленушка!
Мы тебѣ вѣдь челобитье несемъ
Отъ твово Терентьища».

Молода жена опасливая —
Покидалася въ окошечко
Во одной бѣлой во рубашечкѣ,
Во рубашечкѣ безъ пояса:

---

[1]) Мочалище, которымъ повязать мѣшокъ.

[2]) *Черленый* рядъ — красный, съ «краснымъ», галантерейнымъ товаромъ, гдѣ, между прочимъ, продаются и трости, и палки.

«Здравствуйте, Весёлы Молодцы,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые!
А и гдѣ вы его видѣли,
Гдѣ вы, братцы, его слышали,
Мово стараго, немилаго?»

Скоморохи, Весёлы Молодцы,
Они взглянутся — улыбнутся,
А отвéрнутся — разсмѣхнутся:
«Да какъ видѣли мы, слышали
Твово стараго, немилаго
У честнà у Воздвиженья,
У живà моста калинова.
Приказалъ те старый долго жить:
Голова-то по себѣ лежитъ [1]),
Тѣло вбороны потаскиваютъ,
Кости псы поволакиваютъ.
Ужь пусти-ка насъ въ гусёлки поиграть,
Станемъ те Терентья поминать».

И возгбворитъ жена молода,
Молода Оленушка:
«Избылà-де я немилаго,
Мужа стараго, постылаго,
Нажила-де свою волюшку!
Вы подите-ка, Весёлы Молодцы,
Вы подите во высбкъ терёмъ,
Поиграйте-ка во гусельцы,
Поминайте мнѣ Терентьюшку.
Во дому бы его вѣкъ не видать!»

Скоморохи, Весёлы Молодцы,
Поскочили во высбкъ терёмъ,
Стали въ гусельцы поигрывать,

[1]) Отдѣльно отъ туловища.

Припѣвать да приговаривать:
«А и слышишь ли, холщёвый мѣхъ,
Мѣхоноша за плёчами [1])?
Про тебя не позаочъ говорятъ,
Прямо-таки въ очи бранятъ:
— Во дому бы тебя вѣкъ не видать! —
Шевелись-ка, холщёвый мѣхъ,
Мѣхоноша за плёчами,
Выставай-ка, Терентьище,
Полечить жену молоду,
Ты бери-ка червлёный вязъ,
Что дубину ременчатую!
Походи-ка, Терентьище,
По своей по свѣтёлушкѣ,
По средѣ по кирпищатой,
Къ занавѣсу ко бѣлому,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Ко перинѣ пуховой!
Полечи-ка жену молоду,
Молоду Оленушку!»

Сталъ Терентій потягиваться,
Сталъ въ мѣшкѣ поволакиваться —
Разорвалась холстинушка,
И порвàлось мочалище.
Выставалъ тутъ Терентій гость
На свои на рѣзвы̀ ноги,
Ухватилъ тотъ червлёный вязъ,
Что дубину ременчатую,
Въ половину свинцу налиту̀,
Походилъ по светёлушкѣ,
По средѣ по кирпищатой,
Къ занавѣсу ко бѣлому,
Ко кровати слоновыхъ костей,

---

[1]) За плечами у *мѣхоноши*. У скомороховъ мѣшокъ за плечами вообще вещь обыкновенная: въ него они собираютъ подачки за свое «искусство».

Ко перинѣ пуховоей,
Сталъ лечить жену молоду,
Молоду Оленушку,
Сталъ ей скорби ухаживати
И недуги выправливати.
Анъ Недугъ-то пошевеливается,
Прыгъ къ окошку и вонъ не путемъ,
Да едва головы не сломилъ,
Отъ окошка едва отползъ —
На корачкахъ ползаетъ.

И возговорятъ Весёлы Молодцы,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые:
«Ой ты гой еси, Терентьище!
Самъ ты скорби ухаживаешь,
Самъ недуги выправливаешь!»

А и отдалъ Терентій гость
Тутъ Весёлымъ ихъ сто рублевъ,
Далъ въ придачу и другіе сто
За ихъ правду великую.

В. Авенаріусъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Анна Леопольдовна была признана правительницей. За все это время въ Россіи и въ Петербургѣ не случилось никакихъ волненій. Все казалось тихо, спокойно, а между тѣмъ это спокойствіе было только кажущимся: во дворцахъ, въ семействѣ правительницы и среди высшихъ сановниковъ велись большія интриги.

Оскорбленный Минихомъ принцъ Антонъ скоро достигъ своихъ цѣлей. Онъ зналъ, что выбираетъ себѣ надежнаго помощника въ Остерманѣ.

Андрей Ивановичъ дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ работалъ за двоихъ. Ему необходимо нужно было доказать и самому себѣ и Миниху, что промахъ еще не есть признакъ слабости.

Не прошло и мѣсяца со дня сверженія Бирона, какъ Минихъ долженъ былъ почувствовать силу Остермана; а надежныхъ друзей и сторонниковъ у него не оказывалось. Онъ совершилъ переворотъ ради себя и принцессы, забылъ объ интересахъ всѣхъ остальныхъ, и слѣдовательно могъ держаться только одной принцессы. Но и относительно Анны Леопольдовны положеніе его было не особенно крѣпко. Принцесса не чувствовала къ нему никогда большой привязанности; ее съ нимъ связывала теперь только благодарность, а вѣдь извѣстно, что благодарность, для большинства людей, чувство очень тяжелое, отъ котораго всячески стараются избавиться.

Минихъ забылся; съ первой минуты своего торжества поставилъ самъ себя на первое мѣсто, считалъ себя въ правѣ всѣмъ распоряжаться, не стѣсняясь заявлялъ, что только его совѣтами, выражаемыми въ безаппеляціонной формѣ, должна руководствоваться правительница.

Она сознавала, что онъ можетъ этого требовать, что она дѣйствительно ему всѣмъ обязана, но въ то же время эти требованія ее раздражали. Къ тому же миниховскіе совѣты иногда не согласовались съ ея собственными желаніями, а она, какъ бы то ни было, считала себя теперь дѣйствительной правительницей Россіи.

«Что-жъ это такое! думала она по своему обыкновенію вслухъ передъ другомъ своимъ Юліаной,—что жъ это такое, неужели для того я избавилась отъ Бирона, чтобы попасть подъ новую опеку?»

Конечно Юліана, пріобрѣтавшая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вліянія на принцессу и всегда умѣвшая направлять ея мысли, могла бы и тутъ сослужить вѣрную службу своему родственнику Миниху, но и она этого не хотѣла, и она тоже возмущалась его опекой, и молча выслушивала жалобы своего друга, ни однимъ словомъ не заступалась за фельдмаршала. Всѣ остальные приближенные только и дѣлали, что раздражали Анну Леопольдовну: они ежеминутно толковали ей о томъ, что честолюбіе Миниха всѣмъ извѣстно, что навѣрное онъ питаетъ въ себѣ самые опасные замыслы, что это человѣкъ, который по своему характеру никогда не можетъ быть ничѣмъ доволенъ, и постоянно желаетъ большаго: «вчера онъ свергнулъ Бирона, завтра — если что нибудь ему не понравится — онъ точно также можетъ свергнуть легко и ее, принцессу. Да, Минихъ даже опаснѣе Бирона, потому что отважнѣе его, умнѣе, даровитѣе. Для того, чтобы онъ былъ доволенъ, нужно подчиняться ему во всемъ. Рядомъ съ собою онъ не потерпитъ никого, онъ никому не позволитъ себѣ заграждать дорогу»...

«Рядомъ съ собою онъ не потерпитъ никого»,—эта фраза, не разъ повторяемая, осталась въ головѣ Анны Леопольдовны, и въ этой фразѣ была вся дальнѣйшая судьба Миниха.

Дѣло въ томъ, что Линаръ былъ уже на дорогѣ къ Петербургу. Вотъ онъ пріѣхалъ и правительница встрѣтила его съ такимъ нескрываемымъ восторгомъ, что объ этомъ тотчасъ же стали говорить. Въ немъ увидѣли сразу новое восходящее свѣтило, быть можетъ новаго Бирона. И конечно прежде всѣхъ замѣтилъ это Минихъ. Онъ понялъ, что ему предстоитъ бороться съ Линаромъ, что ему необходимо побѣдить этого Линара, потому что иначе онъ заступитъ ему дорогу. Но онъ не понялъ и не сообразилъ того, что единственная возможность удержать за собою первенствующее значеніе и какое нибудь вліяніе на принцессу, это именно всѣми силами стараться не показывать нерасположенія къ новопріѣзжему, что необходимо взвѣшивать, относительно его, каждый свой шагъ и каждое слово. Минихъ неосторожно проговорился, вскользь замѣтилъ, что такая торжественная встрѣча и ласки, оказываемыя одному посланнику, могутъ, весьма основательно, обидѣть другихъ.

Эти слова были переданы Аннѣ Леопольдовнѣ, и подняли въ ея сердцѣ цѣлую бурю. Судьба Миниха была рѣшена. Бороться съ сердцемъ любящей женщины старому фельдмаршалу оказалось не по силамъ. Онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, онъ чувствовалъ себя какъ левъ, попавшійся въ крѣпкія тенета, и только метался изъ стороны въ сторону и съ каждой минутой все больше и больше сознавалъ свое безсиліе. Онъ видѣлъ, какъ каждый день возрастаетъ снова вліяніе Остермана. Онъ видѣлъ, какъ принцъ Антонъ и правительница, совершенно чуждые другъ другу, даже порвавшіе супружескія отношенія, дружелюбно сходились между собою въ одномъ—въ недоброжелательствѣ къ нему, Миниху. Чѣмъ же все это кончится?

Окончанія пришлось ждать недолго: враги Миниха

работали быстро. Принцъ Антонъ каждый вечеръ сидѣлъ у Остермана, и каждый разъ, возвращаясь отъ него, жаловался правительницѣ на то, что фельдмаршалъ съ нимъ очень дурно и недостойно обращается.

Въ концѣ января Анна Леопольдовна, отворяя свой туалетъ, нашла въ немъ письмо, написанное какъ будто заграницей. Въ письмѣ этомъ говорилось, что чрезвычайно опасно ей полагаться на одну только фамилію и, при томъ, иностранную, что въ такомъ случаѣ состояніе подданныхъ ея сына не можетъ улучшиться, хотя и нѣтъ болѣе Бирона.

Остерманъ, Головкинъ и Левенвольде пользовались каждымъ случаемъ, чтобы доводить до свѣдѣнія правительницы о дѣйствительныхъ или мнимыхъ промахахъ фельдмаршала. Наконецъ, къ довершенію всего, сосланный Биронъ прислалъ свои показанія, въ которыхъ всячески изощрялся вредить Миниху.

Анна Леопольдовна была раздражена въ высшей степени, и въ этомъ раздраженіи нанесла первый ударъ своему благодѣтелю: Минихъ получилъ указъ о томъ, что долженъ сноситься съ генералиссимусомъ обо всѣхъ дѣлахъ и писать къ нему по установленной формѣ.

Этотъ указъ засталъ фельдмаршала больнымъ и конечно не могъ способствовать его выздоровленію. Болѣзнь его усилилась, онъ лежалъ въ постели, а въ тоже время вѣчно больной и по цѣлымъ мѣсяцамъ невыходившій изъ комнаты графъ Андрей Иванычъ все чаще и чаще показывался на своихъ носилкахъ въ покояхъ правительницы.

Жалуясь на свои болѣзни и охая, прикрывая свои зоркіе глаза и все обрюзгшее, блѣдное лице зеленымъ зонтикомъ, старый оракулъ убѣдительно доказывалъ принцессѣ, что Минихъ не свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ. А кто же могъ вѣрнѣе судить объ этомъ, какъ не онъ, Остерманъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ управлявшій этими дѣлами. И вотъ все яснѣе и яснѣе, изъ словъ Андрея Иваныча, становилась для Анны Леопольдовны опасность:

несвѣдущій, высоко занесшійся фельдмаршалъ можетъ приготовить гибель Россіи.

— Что-жъ теперь дѣлать? растерянно спрашивала Анна Леопольдовна.

— Да ужъ я и незнаю, ваше высочество, отвѣчалъ Остерманъ, даже подъ зонтикомъ закрывая свои глаза, чтобы ничего небыло видно въ его мысляхъ,—ужъ и не знаю, что теперь дѣлать. Конечно я былъ бы радъ сообщать фельдмаршалу всѣ необходимыя свѣдѣнія, но вы сами изволите видѣть, что я совсѣмъ больной человѣкъ и не могу къ нему ѣздить—пришлось бы постоянно толковать не объ однихъ иностранныхъ дѣлахъ, а и о внутреннихъ. Хотя фельдмаршалъ и богато одаренъ отъ природы, но всякія познанія даются только долгими трудами, многолѣтней опытностью и практикой, а онъ, какъ извѣстно вашему высочеству, опытность и практику пріобрѣлъ только въ дѣлахъ военныхъ.

И Андрей Иванычъ начиналъ снова вздыхать и охать.

Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ былъ второй ударъ Миниху: кабинетъ-министры получили именной указъ, въ которомъ говорилось, что первому министру генералъ фельдмаршалу графу фонъ-Миниху надлежитъ вѣдать все, что касается до сухопутной полевой арміи и всѣхъ войскъ, и рапортовать объ этомъ герцогу Брауншвейгскому. Генералъ адмиралу графу Остерману вѣдать все, что подлежитъ до иностранныхъ дѣлъ и дворовъ, а также адмиралтейство и флотъ. Великому канцлеру князю Черкасскому и вице-канцлеру графу Головкину вѣдать все, касающееся до внутреннихъ дѣлъ, по сенату и синоду, и о государственныхъ по камеръ-коллегіи сборахъ, и другихъ доходахъ, о коммерціи и юстиціи.

Указъ заканчивался такими словами: «если же по какому нибудь департаменту случится такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго обсужденія, о такомъ тотчасъ учинять общій совѣтъ».

Минихъ едва могъ придти въ себя по прочтеніи этого указа: все, что онъ пріобрѣлъ для себя, все что

онъ получилъ, какъ награду за совершенный имъ переворотъ, отъ него отнималось: онъ снова превращался въ то, чѣмъ былъ при императрицѣ Аннѣ. Что-жъ теперь ему дѣлать? Протестовать, бороться? Но вѣдь противъ него всѣ, друзей нѣту, партіи составить не изъ кого; надъ нимъ всѣ смѣются, торжествуютъ. Даже принцъ Антонъ, котораго онъ считалъ за ничто, котораго отстранилъ мановеніемъ руки, какъ надоѣдливую муху, этотъ принцъ Антонъ вдругъ совершенно измѣнился, глядитъ и говоритъ такъ гордо — очевидно чувствуетъ подъ собою твердую почву, сознаетъ свою силу.

Вотъ фельдмаршалу вѣрные люди передаютъ такія слова принца Антона: «Хоть я много одолженъ Миниху въ походахъ, хотя онъ можетъ быть мнѣ полезенъ на своемъ настоящемъ мѣстѣ и недавно оказалъ услугу, но все же изъ того не слѣдуетъ, чтобъ ему быть здѣсь верховнымъ визиремъ. Если онъ будетъ на столько благоразуменъ, что безъ разсужденія согласится на требованіе, выраженное въ послѣднемъ указѣ, то я не стану вредить ему, но если онъ начнетъ слушаться только неумѣреннаго своего честолюбія и природной жестокости своего нрава, то легко можетъ своею глупостью навлечь на себя гибель».

И это все говорилъ принцъ Антонъ—тотъ самый принцъ Антонъ, который дрожалъ и плакалъ еще такъ недавно въ чрезвычайномъ засѣданіи, собранномъ Бирономъ!

Скрежеща зубами, въ безсильной ярости, Минихъ согласился на все, чего отъ него требовали. Но соглашаясь онъ все же надѣялся, что теперь его оставятъ въ покоѣ, что новыхъ уступокъ отъ него ужъ и невозможно требовать, что онъ будетъ въ состояніи хорошенько обдумать свое положеніе и найдетъ еще возможность потягаться со своими врагами и посрамить ихъ.

Однако и тутъ онъ ошибался. Принцъ Антонъ продолжалъ свои почти ежедневныя таинственныя посѣщенія Остермана и Головкина. Остерманъ и Головкинъ

продолжали настраивать Анну Леопольдовну и совершенно успѣвали въ этомъ. При докладахъ Миниха правительница стала очень странно держать себя: она дѣлала видъ, что затруднена множествомъ предметовъ, что у нея мало времени, что она не въ силахъ сама все обдумывать и рѣшать - и призывала къ себѣ на помощь принца Антона.

Минихъ раздражался все больше и больше, едва себя сдерживалъ и наконецъ рѣшился на послѣднее средство. Необходимо было, такъ или иначе, выйти изъ этого невыносимаго положенія. Онъ потребовалъ отставки, въ твердой увѣренности, что отставка эта не будетъ принята, что Анна Леопольдовна перепугается, его станутъ уговаривать, упрашивать и, наконецъ, примутъ всѣ его условія.

И дѣйствительно, въ первую минуту правительница была поражена, она все еще помнила, чѣмъ обязана фельдмаршалу, ей все еще было какъ то совѣстно окончательно оттолкнуть и унизить этого человѣка.

Минихъ сидѣлъ дома и сказывался нездоровымъ.

Анна Леопольдовна послала ему передать, что не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ, не можетъ согласиться на его отставку. Но этого заявленія ему было мало; онъ объявилъ, что если не могутъ обойтись безъ него, то онъ согласенъ продолжать свою службу, но только на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы всѣ дѣла велись такъ, какъ въ первые два мѣсяца по сверженіи Бирона.

«Что-то отвѣтятъ? согласятся ли?»

Минихъ ждетъ цѣлый день—никакого отвѣта.

Вотъ наступилъ и второй день — никто къ нему не является. Онъ разспрашиваетъ сына — сынъ отвѣчаетъ, что ему ничего неизвѣстно. А между тѣмъ принцъ Антонъ сидитъ у Остермана, къ которому пріѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ. Ихъ совѣщаніе продолжается нѣсколько часовъ, затѣмъ они ѣдутъ во дворецъ, призываютъ Левенвальде и Миниха—сына и поручаютъ имъ передать фельдмаршалу, что правительница съ сокру-

шеннымъ сердцемъ соглашается исполнить желаніе графа, соглашается на его отставку.

На слѣдующій день, съ необыкновенной поспѣшностью и предупредительностью, уже готовъ указъ генералиссимусу, въ которомъ говорится: «Всемилостивѣйше указали мы нашего перваго министра генералъ фельдмаршала графа фонъ-Миниха, что онъ самъ насъ проситъ за старостью, и что въ болѣзняхъ находится и за долговременныя намъ, и предкамъ нашимъ, и государству нашему вѣрныя и знатныя службы его, отъ военныхъ и статскихъ дѣлъ уволить».

Минихъ былъ пораженъ до такой степени, что потерялъ ужъ всякую энергію и не могъ опомниться отъ этого удара; но ему предстояло вынести еще одно послѣднее оскорбленіе.

Принцъ Антонъ торжествовалъ. Запуганный, загнанный, со всѣхъ сторонъ оскорбляемый, онъ наконецъ достигъ своей цѣли и у него явилось, вполнѣ согласное съ его характеромъ и чувствами, желаніе поломаться передъ сверженнымъ противникомъ, наглумиться надъ нимъ. Онъ велѣлъ собрать солдатъ и вдругъ на петербургскихъ улицахъ раздался барабанный бой, сбѣжался народъ и народу торжественно читался указъ объ отставкѣ Миниха.

Даже Анна Леопольдовна, вся поглощенная въ это время свиданіями съ Линаромъ и своими собственными дѣлами, возмутилась такимъ поступкомъ принца.

Она тотчасъ же послала сказать фельдмаршалу, что готова дать ему какое угодно удовлетвореніе за эту обиду.

Минихъ, раздавленный, задыхающійся отъ отчаянія, бѣшенства и оскорбленія, все же нашелъ въ себѣ силы отвѣчать съ полнымъ достоинствомъ. Онъ послалъ сказать правительницѣ, что считаетъ себя уже вполнѣ удовлетвореннымъ, получивъ такіе знаки ея милости. Вслѣдъ за этимъ къ нему отправлены были три сенатора съ извиненіями.

А между тѣмъ продолжали приходить одно за другимъ показанія Бирона, въ которыхъ онъ съ наслажденіемъ выставлялъ и доказывалъ всѣ вины фельдмаршала.

Но на слова Бирона ужъ обращали мало вниманія— все равно Минихъ теперь былъ безвреденъ.

Анна Леопольдовна успокоилась; ея совѣсть молчала — не она выказала неблагодарность человѣку, который столько для нея сдѣлалъ, она только подчинилась необходимости; не она его погубила — онъ самъ погубилъ себя. Она оправдывала себя тѣмъ, что Минихъ былъ неисправимъ въ своемъ доброжелательствѣ къ Пруссіи. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на добрыя внушенія, не исполнялъ приказаній принца, не исполнялъ даже ея приказаній, а выдавалъ свои приказы, противорѣчащіе ея волѣ. Имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ—значило рисковать всѣмъ.

Отвязавшись отъ него, она вздохнула свободнѣе—теперь ей уже не предстояло цѣлые дни выслушивать различныя жалобы и совѣты. Теперь всѣ были довольны: Остерманъ могъ снова дѣлать, что ему угодно. Принцъ Антонъ друженъ съ Остерманомъ, пусть они тамъ и ведутъ дѣла—до нея это не касается. Теперь она можетъ наконецъ всецѣло отдаться своей собственной жизни. Она исполнила всеобщее желаніе и пусть оставятъ ее въ покоѣ; если же кто нибудь вздумаетъ вмѣшиваться въ личныя дѣла ея, такъ она покажетъ еще свою силу.

II.

Весна въ полномъ разгарѣ; ладожскій ледъ прошелъ. Солнце сіяетъ все жарче и жарче и на огромныхъ черныхъ деревьяхъ дворцовыхъ садовъ распускаются почки. Нева широкая стоитъ—не шелохнется. Въ безвѣтряномъ воздухѣ только изрѣдка тонкій, бѣлый гребешокъ волны, поднятой большою рыбой, приподнимется изъ глади, разбѣжится и плеснетъ на набережную.

Анна Леопольдовна любитъ теперь выходить въ садъ и по цѣлымъ часамъ гулять тамъ, опираясь на руку Юліаны.

Кто нѣсколько мѣсяцевъ не видѣлъ принцессу, съ трудомъ ее теперь узнаетъ. Лице ея оживлено, глаза блестятъ весело, на щекахъ играетъ здоровая молодая краска. Она чувствуетъ себя счастливой и довольной; только одно обстоятельство смущаетъ эти безоблачные дни: иногда ей невозможно повеселиться такъ, какъ бы хотѣлось — доктора удерживаютъ—правительница черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова должна сдѣлаться матерью.

Но даже и объ этомъ непріятномъ ей обстоятельствѣ она часто забываетъ—широкой волною нахлынуло на нее счастье: она любитъ, она любима!

Она жадно, почти съ дѣтскимъ восторгомъ, встрѣчаетъ весну; она глядитъ на распускающуюся зелень, на яркое солнце, на синеву небесную, она слушаетъ веселое щебетанье птицъ — и все это торжество просыпающейся природы сливается съ торжествомъ ея сердца, и во всемъ видится ей милый образъ.

Иногда Остерманъ, или другіе скучные люди, толкуютъ ей о дѣлахъ, пугаютъ тѣмъ, что политическій горизонтъ начинаетъ покрываться тучами, что собирается гроза со стороны Швеціи: того и жди война — но ей нѣтъ никакого дѣла до этого. Какой вздоръ!—какія тамъ тучи! Небо безоблачно—онъ, онъ, человѣкъ, котораго она любитъ вотъ ужъ столько лѣтъ, котораго такъ безжалостно когда то у нея отняли, снова съ нею! О чемъ же думать теперь? передъ чѣмъ смущаться? Война — какой вздоръ!.. Но если и война, такъ это не ея дѣло: пусть они тамъ справляются какъ знаютъ. Пусть только оставятъ ее въ покоѣ.

Раннее утро. Анна Леопольдовна проснулась, медленно открыла глаза и взглянула прямо передъ собою.

Въ окно ея спальни такъ и врывается ослѣпительнымъ свѣтомъ это горячее майское утро.

«Душно здѣсь, душно! скорѣй воздуху, свѣту!»

Она кличетъ своихъ служанокъ; она приказываетъ растворить двери балкона, поставить на балконъ экранъ, а потомъ вынести и ее вмѣстѣ съ кроватью. Она еще не хочетъ одѣваться. Ей такъ пріятно будетъ понѣжиться часокъ, другой на воздухѣ. Балконъ выходитъ прямо на Неву.

— Юліана! Юліана! радостно говоритъ она входящему другу,—слышишь что я придумала: я хочу спать на балконѣ!

Юліана пожимаетъ плечами.

— Ну положимъ, замѣчаетъ она, у тебя могутъ быть всякіе капризы и доктора говорятъ, что въ твоемъ положеніи даже слѣдуетъ исполнять эти капризы—но вѣдь есть же всему предѣлъ! Какъ же это—спать на балконѣ! выносить кровать! вѣдь увидятъ...

— Вотъ пустяки! перебиваетъ ее принцесса. Никто не увидитъ — теперь рано... Да и наконецъ не смѣютъ смотрѣть! не смѣютъ видѣть! Неужели я не могу дѣлать что хочу? Выносите же меня скорѣй! обращается она къ служанкамъ.

И вотъ кровать вынесена, заставлена ширмами. Но если кто хочетъ наблюдать съ рѣки, тотъ конечно видитъ принцессу.

Удалились служанки, удалилась и Юліана, объявивъ, что не желаетъ вовсе быть соучастницей этой новой выдумки. Принцесса одна; теплый вѣтерокъ доноситъ къ ней то свѣжій, влажный запахъ рѣчной воды, то душистый смолистый запахъ липовыхъ и тополевыхъ почекъ. Надъ нею высоко плывутъ прозрачныя розоватыя облака и тамъ, въ сверкающей высотѣ, крошечными точками мелькаютъ птицы.

Утренній воздухъ снова навѣваетъ на нее дремоту, и она забывается, незамѣтно переходя отъ окружающаго ее яснаго утра въ міръ фантазій, и сладко ей безсознательно слѣдить за прозрачными, внезапно являющимися и замѣняющими другъ друга грёзами, и незамѣтно идетъ время. Мало по малу расплываются, будто въ той же

синевѣ небесной, которая надъ нею, ея грёзы. Она совсѣмъ засыпаетъ. Почти дѣтская, блаженная улыбка на ея губахъ, грудь мѣрно, спокойно дышетъ, а вѣтерокъ ласково скользитъ по лицу ея, шевелитъ выбившійся изъ подъ батистоваго чепчика локонъ...

Но вотъ она снова проснулась.

— Юліана!..

А Юліана ужъ здѣсь, торопитъ ее скорѣе вставать, не то право это ни на что не похоже—въ городѣ начинается движеніе, по Невѣ давно плаваютъ лодки, да и набережную нельзя же вѣдь закрыть отъ народа.

Анна Леопольдовна улыбаясь потягивается и наконецъ соглашается чтобы ее внесли снова въ комнату.

— Который часъ, Юліана? потягиваясь спросила Анна Леопольдовна.

— Да ужь скоро десять, развѣ не видишь какъ высоко солнце?

— Десять! такъ въ самомъ дѣлѣ пора вставать. Скорѣй мнѣ одѣваться!

Принцесса торопливо приподнялась съ кровати и начала свой туалетъ.

Черезъ полчаса она была готова, накинула широкую бѣлую, подбитую розовой тафтой, блузу, а голову повязала неизмѣннымъ бѣлымъ платочкомъ. Но теперь даже и въ этомъ платочкѣ замѣчалась перемѣна: онъ былъ повязанъ довольно кокетливо.

Анна Леопольдовна тутъ же, у себя въ спальнѣ, на скорую руку позавтракала и поспѣшила съ Юліаной въ садъ.

Въ огромномъ саду было совершенно пусто. Работники, разчищавшіе дорожки, издали завидѣвъ принцессу съ ея спутницей, поспѣшно скрылись.

Анна Леопольдовна, глубоко вдыхая въ себя душистый воздухъ, спѣшила въ самую глубь сада, такъ спѣшила, что Юліанѣ нѣсколько разъ приходилось ее останавливать и напоминать ей, что скорая ходьба вредна для ея здоровья.

— Можетъ быть онъ ужь былъ здѣсь и ушелъ?! вдругъ шепнула Анна Леопольдовна Юліанѣ.

— Нѣтъ, еще рано.

И онѣ шли дальше. Вотъ подошли онѣ почти къ самому забору, вотъ остановились у новой, всего съ недѣлю только назадъ продѣланной калитки.

Анна Леопольдовна прислушалась: все тихо, только на верху со всѣхъ сторонъ раздается веселое чириканье птицъ, да за калиткой слышны чьи то мѣрные шаги.

— Нѣтъ, это часовой! вслухъ подумала принцесса.

Прошло нѣсколько мгновеній, вотъ заскрипѣла калитка, и въ ней показалась стройная фигура изящно и богато одѣтаго человѣка.

Яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Анны Леопольдовны; у нея даже духъ захватило отъ радости и она остановилась не шевелясь. Только глаза сіяли и правая рука ея, нервно вздрагивая, протягивалась, еще издали, къ входившему человѣку.

— Съ добрымъ утромъ, принцесса! по нѣмецки проговорилъ онъ звучнымъ и нѣжнымъ голосомъ, цѣлуя протянутую ему руку. Здравствуйте, фрейленъ! обратился онъ затѣмъ къ Юліанѣ.

Юліана поклонилось ему улыбаясь, а Анна Леопольдовна все продолжала смотрѣть на него и не проронила еще ни звука.

Это былъ человѣкъ лѣтъ уже сорока, но очень моложавый, съ прекрасными, правильными чертами лица, съ темными ласковыми глазами и изысканными манерами, однимъ словомъ—это былъ Линаръ.

Анна Леопольдовна, не смотря на то, что невольная необходимость постоянно сталкиваться съ людьми и играть въ обществѣ большую роль должна же была наконецъ отъучить ее отъ ребяческой конфузливости, при встрѣчахъ съ Линаромъ до сихъ поръ еще терялась, какъ влюбленная шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Впрочемъ, можетъ быть, это происходило главнымъ образомъ и отъ того, что она чувствовала себя безмѣрно счастливой и

это счастье пришло для нея такъ неожиданно, что она иногда даже не могла ему вѣрить и казалось ей, что это только сонъ, что на яву, въ дѣйствительности, не можетъ быть такого счастья.

Пока она молча глядѣла на Линара и любавалась имъ, Юліана ужъ весело болтала. Она успѣла и похвалить чудесное утро, и сказать Линару, что проснулась очень рано, выпила стаканъ минеральной воды, предписанной ей докторами и совершила свою утреннюю прогулку.

— «А принцесса залѣнилась сегодня, только что изволила одѣться... Однако что-жь это я, чуть было не забыла, вѣдь мнѣ еще два стакана воды выпить нужно: пойду выпью и сейчасъ же вернусь къ вамъ».

И она быстро направилась по дорожкѣ къ маленькой бесѣдкѣ, гдѣ ставился ей каждое утро кувшинъ съ привозною минеральной водою.

Линаръ и Анна Леопольдовна остались одни.

Онъ предложилъ ей руку, она крѣпко оперлась на нее, и они тихо стали бродить по аллеѣ.

Смущеніе принцессы прошло. Она живо заговорила: ей такъ много нужно было сказать Линару.

Они толковали о послѣднихъ дворцовыхъ событіяхъ, но скоро перешли къ близкой для нихъ тэмѣ.

— Что-жь, вы обдумали то, о чемъ мы вчера говорили? спросила принцесса своего спутника, — рѣшаетесь вы навсегда остаться съ нами и быть совсѣмъ нашимъ?

— Разумѣется! поспѣшно отвѣчалъ онъ. Какъ можете вы меня спрашивать объ этомъ! Конечно теперь я не могу, я не въ силахъ васъ оставить, но въ концѣ лѣта, когда я совершенно успокоюсь на счетъ вашего здоровья, я отправлюсь въ Дрезденъ и выхлопочу себѣ у моего двора отставку. Мнѣ конечно хотѣлось бы совсѣмъ избѣжать этой поѣздки, но она необходима.

— Отчего необходима? перебила Анна Леопольдовна,

развѣ нельзя написать? Я сама напишу, я надѣюсь мнѣ не откажутъ.

— Да, конечно. Но все же такое дѣло невозможно будетъ рѣшить безъ моего присутствія. Къ тому же мнѣ необходимо тамъ, на родинѣ, покончить всѣ свои дѣла. Впрочемъ, я долго не буду въ отлучкѣ...

Анна Леопольдовна задумалась.

— Скажите, графъ, вдругъ спросила она пристально взглянувъ на него,—нравится ли вамъ Юліана?

— Что за вопросъ?—конечно нравится. Она не можетъ мнѣ не нравиться ужъ хоть бы потому, что она преданный другъ вашъ.

— Нѣтъ, но какъ вы находите ее? неправда-ли она, красивая, милая и умная дѣвушка?

— Конечно! Только я непонимаю къ чему вы меня объ этомъ спрашиваете...

— Постойте, я сейчасъ объясню вамъ. Вы согласны навсегда разстаться съ родиной, согласны сдѣлаться нашимъ, слѣдовательно нужно позаботиться о томъ, чтобъ вы здѣсь хорошо, твердо устроились. Жена ваша давно умерла — вамъ нужно вторично жениться, и я нахожу, что лучшей невѣсты для васъ и придумать нельзя, какъ Юліана...

Линаръ невольно остановился и изумленно взглянулъ на принцессу. Но она не смутилась отъ его взгляда: то, что она говорила было давно уже ею обдумано, взвѣшено и представлялось ей необходимостью.

— Вы изумляетесь? проговорила она,—вамъ не нравится моя мысль? Она и мнѣ самой можетъ быть очень не нравится, но иначе вамъ поступить невозможно. Разберите хорошенько и сами увидите, что вы непремѣнно должны быть женаты и женаты именно на Юліанѣ, на моемъ лучшемъ, дорогомъ другѣ. Вы будете моимъ оберъ-камергеромъ, тогда никто не посмѣетъ вмѣшиваться въ наши дѣла и разстраивать нашу дружбу.

Она замолчала; Линаръ тоже не говорилъ ни слова, и нѣсколько минутъ они шли молча.

Онъ обдумывалъ слова ея и видѣлъ, что она права— предложенная ею комбинація дѣйствительно единственная, которая можетъ обезпечить для нихъ въ будущемъ спокойствіе. Въ томъ кругѣ общества, въ которомъ онъ провелъ всю свою жизнь, установились свои собственные взгляды на многія вещи: то, передъ чѣмъ остановился бы въ смущеніи простой, дышащій болѣе здоровымъ воздухомъ человѣкъ, что показалось бы этому человѣку невозможнымъ, унизительнымъ, позорнымъ, казалось совершенно естественнымъ придворному и дипломату. Но все же Линаръ иногда, неожиданно для самаго себя, оказывался болѣе человѣкомъ, чѣмъ это допускалось при его общественномъ положеніи. И теперь комбинація принцессы его смутила, ему вдругъ сдѣлалось какъ то неловко.

Его смущеніе сообщилось и Аннѣ Леопольдовнѣ. Она вспыхнула, опустила глаза.

Она хорошо все обдумала, но по легкомыслію своему не отдавала себѣ хорошенько отчета въ томъ, какія нравственныя трудности ей обходить придется.

Но все же ни онъ, ни она не могли отказаться отъ этой ловкой комбинаціи, все же они продолжали понимать, что она единственная и имъ не миновать ее.

— А фрейленъ Юліана, она знаетъ? спросилъ наконецъ Линаръ.

— Да! робко прошептала принцесса.

Въ это время Юліана показась въ концѣ аллеи.

При взглядѣ на нее опустились глаза Анны Леопольдовны и Линара.

Но она спѣшила къ нимъ сіяя весельемъ. Она что то издали имъ кричала, чего они не разслышали въ своемъ волненіи.

Вотъ она подошла къ нимъ, и отъ ея проницательнаго взгляда ничто не ускользнуло. Она поняла сразу, что между ея другомъ и Линаромъ произошло нѣчто важное, она знала, что̀ именно—и не смущалась. Ей самой первой пришла мысль о комбинаціи, и она ничего дурнаго и страшнаго не находила въ ней. Она съ чистымъ

сердцемъ жертвовала собою ради спокойствія своего друга... Но все же и ей было бы неловко, еслибъ пришлось теперь говорить открыто. Все такъ будетъ! все такъ должно быть! но только нѣтъ... нѣтъ, не теперь... Неужели они заговорятъ?..

Нервная дрожь пробѣжала по ея членамъ. Однако ея опасенія были напрасны: Линаръ и принцесса ничего ей не сказали, и разговоръ свелся на предполагавшійся завтра праздникъ, на прекрасную погоду, на то, что скоро въ городѣ будетъ душно и куда бы переѣхать.

Проходя мимо новой калитки, въ которую вошелъ Линаръ, они услышали какой то шумъ, какой то громкій голосъ.

— Что-жь ты съ ума сошелъ, что-ли! Какъ-ты смѣешь меня не пропускать! раздражительно кричалъ кто-то. Что ты пьянъ что-ли? Не узнаешь меня?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высочество! какъ же я смѣю не признать васъ, раздался другой тихій и почтительный голосъ;—только по приказанію ея высочества никого, какъ есть никого, не могу пропускать въ эту калитку. Принцесса сама изволила устно отдать мнѣ это приказаніе, хоть убейте меня—не смѣю.

Послышалось нѣмецкое проклятіе и голоса стихли.

— Это принцъ, прошепталъ Линаръ.

— Такъ что-жь?! отвѣтила Анна Леопольдовна,—часовой исполняетъ мое приказаніе, и можетъ быть спокоенъ—ему ни отъ кого не достанется. Кажется я могу быть хозяйкой у себя и запереть этотъ садъ для всѣхъ.

— Но вѣдь принцъ можетъ обойти и черезъ дворецъ пройти сюда.

— Нѣтъ, не можетъ — и у дворца есть часовые. Когда я гуляю—садъ запертъ для всѣхъ. Я разрѣшила гулять въ немъ только птицамъ да и то потому, что у меня нѣтъ власти надъ ними. А изъ людей въ мой садъ допускается одна Юліана и ея женихъ, графъ Линаръ.

Линаръ и Юліана никакъ не ожидали подобнаго заключенія и оба вздрогнули. Но Анна Леопольдовна, на

которую какъ то электрически подѣйствовалъ голосъ мужа, спорившаго съ часовымъ, забыла все свое смущеніе, на нее нашло какое то странное нервное состояніе. Она протянула руки къ своимъ спутникамъ и торжественно сказала:

— Да, такъ нужно! Такъ должно быть! такъ и будетъ: вы женихъ и невѣста!

Линаръ и Юліана ничего не отвѣтили ей, не взглянули другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось странное, тяжелое молчаніе.

III.

Принцъ Антонъ, убѣдившись, что часовой ни за что не пропуститъ его въ новую калитку сада, и что изъ дальнѣйшихъ препирательствъ съ нимъ выйдетъ только одна непріятная и унизительная исторія, отправился во дворецъ и прошелъ прямо на половину Анны Леопольдовны.

— Гдѣ принцесса? спросилъ онъ первую попавшуюся фрейлину,—мнѣ нужно ее немедленно видѣть.

— Ея высочество гуляетъ въ саду, отвѣчала фрейлина.

Принцъ Антонъ направился къ дверямъ, ведущимъ въ садъ — но и тутъ два часовыхъ заградили ему дорогу.

Онъ до такой степени раздражился, что накинулся на этихъ часовыхъ съ кулаками. Но они стояли передъ нимъ скрестивъ ружья, какъ истуканы, не повертывая головы, и не мигая смотрѣли въ одну точку: если ему было угодно, онъ могъ кричать, бить ихъ—они не шевельнутся. Онъ отступилъ въ безсильной ярости.

Въ эту минуту изъ сада къ двери подошла Анна Леопольдовна въ сопровожденіи Юліаны. Часовые немедленно отдали ей честь и пропустили.

— Что жъ это наконецъ такое? началъ было принцъ Антонъ.

Жена мелькомъ взглянула на него, какъ въ пустое пространство, и прошла мимо.

Онъ бросился за нею.

Что-жъ это такое? снова повторилъ онъ еще громче и раздражительнѣе.

— Потише! спокойно перебила его принцесса.

— Да вѣдь это, наконецъ, ни на что не похоже! даже начиналъ задыхаться онъ отъ бѣшенства.—Это унизительно! вы Богъ знаетъ какіе порядки заводите. Я хочу гулять въ саду—меня не пропускаютъ, меня... Вы вонъ тамъ—Богъ знаетъ для кого и для чего калитку продѣлали и доводите меня до неслыханныхъ униженій! Передо мной часовые заграждаютъ дорогу—что̀ все это, наконецъ, значитъ? Почему я не могу гулять въ саду?

— Потому, что я не желаю, чтобъ тамъ гулялъ кто либо кромѣ меня и Юліаны, тѣмъ же спокойнымъ голосомъ прошептала принцесса.

Это раздражающее, невыносимое ея спокойствіе и презрительность доводили его до изступленія.

— Да вы, наконецъ, совершенно забываетесь! закричалъ онъ,—я не могу допустить этого!

— Это вы забываетесь! отвѣчала Анна Леопольдовна, и я прошу васъ меня оставить.

Онъ сжалъ кулаки, его зубы стучали одинъ о другой.

— Васъ оставить?.. я давно это сдѣлалъ. Мы кажется въ послѣднее время почти и не видимся — ваши двери для меня вѣчно заперты. Да вѣдь есть же предѣлъ всему, и я совѣтую вамъ образумиться и не доводить меня....

Но она не желала его дольше слушать.

— Оставьте меня въ покоѣ, проговорила она,—мнѣ некогда выслушивать ваши дерзости, я утомлена! я больна! оставьте меня!

Она прошла дальше. Но онъ удержалъ Юліану.

— Юліана, послушайте, остановитесь, заговорилъ онъ,—мнѣ нужно сказать вамъ два слова...

Юліана повиновалась. Анна Леопольдовна на мгновеніе оглянулась, но не позвала ее и скрылась за портьерой двери.

Принцъ Антонъ огляделся: они были въ пустой комнатѣ.

Онъ бросился въ кресло и знакомъ просилъ Юліану сѣсть возлѣ него.

— Что вамъ угодно, принцъ? тихимъ и какимъ то скучающимъ голосомъ спросила она.

— Да войдите же хоть вы въ мое положеніе, торопливо началъ онъ, — она живетъ вашимъ умомъ, вы имѣте надъ ней такое вліяніе—образумьте ее ради Бога, растолкуйте ей до какой степени возмутительно ея поведеніе относительно меня.

— Извините, принцъ, отвѣчала Юліана, избавьте меня отъ такихъ щекотливыхъ порученій. Я не могу, я не должна вмѣшиваться въ дѣла ваши и вашей супруги, и вы совершенно заблуждаетесь предполагая, что мое вліяніе такъ ужь велико. Есть вещи, о которыхъ я просто не смѣю говорить принцессѣ, она меня не станетъ слушать и прикажетъ мнѣ замолчать.

Принцъ Антонъ взглянулъ на Юліану. Она сидѣла передъ нимъ нарядная, красивая.

Въ послѣднее время, весь поглощенный своими дѣлами, большою интригою, которую онъ велъ, хлопотами, переговорами по поводу Миниха, наконецъ торжествомъ своимъ надъ фельдмаршаломъ, — онъ рѣдко встрѣчался съ Юліаной. Онъ забылъ о ней думать, забылъ о томъ, какое впечатлѣніе производила на него красота ея. Но вотъ теперь передъ нимъ было это живое, задорное лицо и онъ даже забылъ обо всемъ своемъ негодованіи и любовался ею.

— Я когда-то вѣрилъ вашей дружбѣ, Юліана, грустно проговорилъ онъ,—и жестоко обманулся.

— Я не знаю, принцъ, чѣмъ я подала вамъ по-

водъ быть недовольнымъ мною; я кажется всегда выражала вамъ чувства глубокаго моего почтенія и преданности...

— Оставьте эти фразы, перебилъ принцъ Антонъ,— я говорю не о чувствахъ глубокаго почтенія и преданности, а о дружбѣ вашей, на которую дѣйствительно разсчитывалъ. Мнѣ казалось, что вы мнѣ сочувствуете, что вамъ жалко меня!

— Когда вы находились въ тяжеломъ положеніи, принцъ, когда регентъ оскорблялъ васъ, я васъ жалѣла отъ всей души. Но теперь обстоятельства перемѣнились... и я, признаться, не думала, что теперь вы нуждаетесь въ жалости.

— Обстоятельства перемѣнились..., съ печальной усмѣшкой сказалъ принцъ Антонъ,—перемѣнились да не улучшились... О! какое же вы коварное существо, Юліана! какъ вы зло издѣваетесь надо мною!

— Я, принцъ? Я, издѣваюсь?... Извините меня—но я право не подала вамъ повода къ подобному предположенію.

— Ну, васъ не переговоришь! — онъ махнулъ даже рукою—вы всегда найдете, что отвѣтить. Нѣтъ; серьозно скажите мнѣ: есть ли въ васъ сердце?

Она пожала плечами.

— Пожалѣйте меня, Юліана, и помогите мнѣ.

Онъ взялъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

Она не отняла ее.

— Послушайте! заговорилъ принцъ оглядываясь, послушайте, дорогая Юліана, я давно собираюсь по душѣ побесѣдовать съ вами... не здѣсь... теперь здѣсь неудобно!... скажите мнѣ, когда вы будете свободны сегодня вечеромъ? мы можемъ встрѣтиться гдѣ нибудь, не опасаясь свидѣтелей. Пожалуйста! прошу васъ!

Юліана поднялась со своего кресла.

— Что-жь это, принцъ,—сказала она, сверкнувъ глазами, кажется вы назначаете мнѣ свиданіе? Но вы ошибаетесь, если думаете, что я соглашусь на это. Я по-

стоянно съ принцессой, у меня мало свободнаго времени, а если оно и окажется, то я обязана посвятить его жениху моему.

— Что! женихъ? вскрикнулъ изумленно принцъ.

— У васъ есть женихъ?—кто это такое?

Она секунду подумала и спокойно отвѣчала.

— Мнѣ сдѣлалъ предложенie графъ Линаръ, и я согласилась.

Сразу все стало ясно для принца Антона. Онъ думалъ, что стоитъ ему только хорошенько поухаживать за Юліаной, и она окажется къ нему очень благосклонной. Онъ разсчитывалъ, что непремѣнно въ отмщеніе женѣ приблизитъ къ себѣ Юліану и сдѣлаетъ ее своей союзницей, что съ ея помощью можно будетъ сдѣлать еще много непріятностей Аннѣ Леопольдовнѣ и Линару, и вдругъ!... вдругъ она сама, прямо, ничего не боясь и не стѣсняясь, объявляетъ ему, что Линаръ ея женихъ. Вотъ что они выдумали!.. Онъ долженъ былъ сознаться, что придумано хитро.

— А! такъ вотъ какъ! прошепталъ онъ. Я давно долженъ былъ видѣть, что вы врагъ мой. А! у васъ заговоръ противъ меня! Но погодите — вы слишкомъ ужъ плохаго мнѣнія обо мнѣ! Я еще такъ-то наступать на себя не позволю. Не торжествуйте заранѣе—есть всему мѣра! и я покажу ей—вашему другу, что до такой степени забываться невозможно! Ея титулъ правительницы не спасетъ ее.

— Если вы такъ говорите, принцъ, то я имѣю полное право не слушать словъ вашихъ и позволяю себѣ васъ оставить, проговорила Юліана и быстро вышла изъ комнаты.

Принцъ Антонъ опустился въ кресло и долго сидѣлъ не шевелясь, только его губы вздрагивали да по временамъ на лицѣ вспыхивала краска.

— Такъ вотъ они какъ! думалъ онъ, — но еще посмотримъ! Сейчасъ же нужно ѣхать къ Остерману, и, дѣлать нечего, посвятить его во все, да и во что посвя-

щать? Боже! всѣ отлично все видятъ, понимаютъ. Когда же наконецъ кончится эта пытка? Неужели всю жизнь мнѣ придется только выносить оскорбленія ото всѣхъ и отовсюду? Вотъ, думалъ отдохнуть можно — врага свергнулъ, надъ врагомъ посмѣялся... а тутъ въ семействѣ... нѣтъ, господинъ Линаръ, я отъ васъ отдѣлаюсь!

И вдругъ ему стало казаться, что отдѣлаться отъ Линара очень легко, что можно даже пустить въ ходъ вѣчное и вѣрное средство.—«Да я просто отравлю его!» едва громко не сказалъ принцъ.

И онъ не спросилъ у себя, способенъ-ли онъ на подобное дѣло? Онъ даже не замѣтилъ, какъ при одной мысли объ отравленіи онъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Онъ всталъ, прошелъ къ себѣ и приказалъ закладывать экипажъ, чтобы ѣхать къ Остерману.

IV.

Андрей Иванычъ Остерманъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Глаза его не были прикрыты теперь зеленымъ зонтикомъ; онъ откинулъ толстую шаль, которою закуталъ было себѣ ноги, что то быстро писалъ, потомъ оставлялъ работу и прохаживался по комнатѣ, опираясь на палку. Лицо его было оживлено, глаза блестѣли. Вообще въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя гораздо лучше. Дни невзгодъ прошли; его промахъ, сразу показавшійся ему непоправимымъ, ничего не принесъ кромѣ пользы. Врагъ сверженъ и положеніе Андрея Иваныча теперь такъ прочно, какъ даже еще никогда и не было: онъ одинъ царствуетъ, и даже за границей, говоря о немъ, называютъ его «настоящимъ русскимъ императоромъ». Изъ числа сановниковъ нѣтъ ни одняго, кто бы могъ съ нимъ соперничать; всѣ у него въ повиновеніи. Принцъ Антонъ слушается его, какъ ребенокъ; чтожъ касается до правительницы, то хотя она и не питаетъ

къ нему особеннаго расположенія — видя его дружбу съ мужемъ—все же не смѣетъ его ослушаться, знаетъ, что имъ однимъ держится огромная машина управленія государственнаго, въ которомъ сама она ровно ничего не понимаетъ и понимать не хочетъ.

Однако много и тревожныхъ мыслей у Андрея Иваныча. Внѣшнія дѣла далеко не блестящи—грозитъ близкая война со Швеціей, а внутри государства безпорядки, ропотъ, недовольство правительствомъ. Да, тревожное время! Андрей Иванычъ чуетъ, что пришла полоса переворотовъ, что настоящее положеніе дѣлъ долго не продержится, и онъ думаетъ, думаетъ, работаетъ неустанно, такъ работаетъ, что жена его просто иной разъ обливается слезами горячими: ей кажется, что совсѣмъ изводитъ себя другъ ея сердечный.

Андрей Иванычъ только что окончилъ составленіе важной бумаги, перечелъ, и остался доволенъ. Онъ снова приподнялся съ кресла, простоналъ немного, единственно по привычкѣ, и ужъ потянулся къ своей палкѣ, чтобы походить, да въ это время раздался стукъ въ двери. Онъ сейчасъ же оставилъ палку и снова грузно опустился въ кресло.

— Кто тамъ?

— Я, раздался голосъ графини,—принцъ пріѣхалъ.

— Хорошо.

Остерманъ поспѣшно надѣлъ зеленый зонтикъ, закуталъ ноги шалью и ожидалъ появленія принца.

Принцъ Антонъ вошелъ блѣдный, разстроенный, присѣлъ къ письменному столу Остермана и опустилъ голову на руки, съ видомъ глубочайшаго изнеможенія.

Андрей Иванычъ изъ подъ своего зеленаго зонтика пристально наблюдалъ за принцемъ. Его губы, почти незамѣтно, кривились усмѣшкой.

«Вотъ человѣкъ! думалъ онъ, даже и владѣть то этимъ человѣкомъ какъ то стыдно становится—ну, чего ему теперь?»

— Что это вы такъ печальны, принцъ? развѣ случи-

лось что нибудь нехорошее? ласковымъ и почтительнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Ахъ, графъ, я совершенно разстроенъ! я доведенъ до полнаго отчаянія, право кажется еслибъ не вы, то и не знаю, что бы я сдѣлалъ съ собою. Но мнѣ нужно окончательно и серьезно переговорить съ вами: такъ продолжаться не можетъ. Я не въ силахъ больше выносить моего положенія...

— Что же? Что такое? я васъ слушаю.

— А то, что моя супруга окончательно забырается. Вы знаете—передъ вами у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ ужъ говорилъ, что съ перваго же дня пріѣзда этого Линара она стала неузнаваема. Ну конечно и прежде нашу жизнь нельзя было назвать примѣрной: мы часто ссорились, но все же эти ссоры не заходили слишкомъ далеко. А вѣдь теперь... теперь, что жь это такое? Я получилъ окончательную отставку—я ее совсѣмъ не видаю, я не знаю—гдѣ она, что она дѣлаетъ. Она со мной не говоритъ, она запираетъ передъ моимъ носомъ двери; всюду наставила часовыхъ, не пускаетъ меня даже въ саду погулять—и вѣчно, вѣчно съ Линаромъ.

— Да—а, протянулъ Андрей Иванычъ, Линаръ и меня очень смущаетъ, я самъ ужъ давно думаю, какъ бы ему указать его настоящее мѣсто. Вѣдь я его не съ сегодняшняго дня знаю, очень хорошо помню и первое его пребываніе у насъ; это самый невыносимый, самый зазнающійся и честолюбивый человѣкъ, какого можно себѣ представить. Если мы во время его не остановимъ, то еще наплачемся.

— Все это я отлично знаю, перебилъ принцъ, но что жь дѣлать? Какъ его остановить? Вѣдь вы же всѣ выбрали ее правительницей, теперь она и дѣлаетъ, что ей угодно.

— Ну, я то положимъ не выбиралъ принцессу правительницей, заговорилъ Остерманъ,—и еслибъ вы раньше ко мнѣ обратились, то еще и неизвѣстно какъ бы повернулось дѣло ваше. Однако что жь говорить о томъ,

что прошло—теперь нужно придумать, какъ выпутаться изъ настоящаго тяжелаго положенія.

— Затѣмъ то я къ вамъ и пріѣхалъ, почти закричалъ принцъ Антонъ, сжимая кулаки и бѣшено вращая глазами при воспоминаніи о сегодняшнемъ утрѣ.—У насъ тамъ положительно цѣлый заговоръ, знаете ли до чего дошло? Линаръ—женихъ Юліаны.

— Какъ? и Андрей Иванычъ даже приподскочилъ на своемъ креслѣ.

— Да, да, женихъ! Юліана мнѣ сама объ этомъ объявила, понимаете? Ловко они придумали: принцесса не разстается съ Юліаною, Юліана не будетъ разставаться съ мужемъ — понимаете — вѣдь это новый Биронъ, несравненно еще худшій, нежели первый.

Андрей Иванычъ задумался.

— Принцъ, вдругъ произнесъ онъ, и взялъ принца Антона за руку, — нужно дѣйствовать.

— И скорѣй, скорѣй! закричалъ тотъ.

— Да, нужно спѣшить, нужно чтобъ вы наконецъ рѣшились перейти въ православіе.

— Да зачѣмъ же, Андрей Иванычъ? какъ будто безъ этого обойтись невозможно.

Остерманъ улыбнулся.

— Невозможно, вы должны имѣть крѣпкую партію, а партіи не получите до тѣхъ поръ пока не будете православнымъ. Народъ недоволенъ—я это знаю навѣрное. Положимъ намъ и удастся передѣлать дѣло и объявить васъ правителемъ, положимъ здѣсь, кругомъ васъ, во дворцѣ, это и будетъ хорошо принято, но народъ все же останется недовольнымъ. Для того чтобы всѣ оказались на вашей сторонѣ, вы должны быть русскимъ, должны быть православнымъ. Мы не остановимся на полдорогѣ, мы поведемъ дѣло дальше,—вы будете императоромъ!

Принцъ Антонъ жадно слушалъ Андрея Иваныча. Эти планы уже не въ первый разъ мелькали въ ихъ разговорахъ. Но сегодня въ первый разъ Андрей Ива-

ничъ высказался такъ прямо и рѣшительно. И въ первый разъ принцъ Антонъ серьезно и страстно остановился на мысли о возможности такого благополучія.

Въ первое время по сверженіи Бирона, въ особенности когда ему удалось уничтожить Миниха, онъ былъ совершенно доволенъ своей судьбою. Ему даже было пріятно пользоваться всевозможнымъ почетомъ и въ тоже время не имѣть никакихъ обязанностей, не имѣть никакой отвѣтственности. Но теперь его снова оскорбили, унизили — у него подъ руками такой могучій человѣкъ, какъ Остерманъ, съ его помощью дѣйствительно все сдѣлать можно. Да, онъ долженъ уничтожить враговъ своихъ, онъ покажетъ этой неблагодарной женѣ, этому презрѣнному Линару, этой коварной Юліанѣ свою силу. Отъ отчаянія и бѣшенства, еще за нѣсколько минутъ владѣвшихъ имъ, принцъ Антонъ сразу перешелъ къ полному восторгу.

Если Андрей Иванычъ такъ рѣшительно высказался, значитъ онъ считаетъ это дѣло возможнымъ, значитъ такъ оно и будетъ. Но вдругъ одна мысль пришла въ голову принца Антона, и онъ смутился.

— Но что же намъ дѣлать съ Елисаветой? сказалъ онъ Остерману: справимся мы съ женой, такъ вѣдь еще и съ этой нужно будетъ справляться. Вы говорите, народъ недоволенъ, но знаете ли что съ каждымъ днемъ этотъ народъ думаетъ о ней все больше и больше.

— Очень можетъ быть, проговорилъ Остерманъ, только сама то она много ли о себѣ думаетъ? Я, признаюсь, не считаю ее опасной вамъ соперницей. Одно время я зорко къ ней присматривался — я предполагалъ въ ней честолюбивые замыслы, но теперь она меня почти успокоила. Право мнѣ кажется, что она не тѣмъ занята.... или, можетъ быть, у васъ есть какія нибудь новыя основанія, или важныя свѣдѣнія?

— Особенно важнаго ничего нѣтъ, отвѣчалъ принцъ Антонъ, но все же я нахожу довольно много подозрительнаго въ ея поступкахъ. Люди, приставленные мною

къ этому дѣлу каждый день мнѣ доносятъ о всякомъ ея поступкѣ и всякомъ движеніи...

— Ну да, знаю, такъ что же новаго?

— А то, что она все больше и больше сближается съ гвардейцами и все чаще и чаще видится съ Шетарди. Этотъ хирургъ ея, Лестокъ, то и дѣло пробирается во французское посольство.

— Все это по моему не опасно, сказалъ Остерманъ. Я также не упускаю изъ виду цесаревну—и могу васъ успокоить.

— Если вы такъ говорите, графъ, то я спокоенъ, но вѣдь все жъ не слѣдуетъ ослаблять за ней надзора!

— О, это конечно! отвѣтилъ Остерманъ,—осторожность не мѣшаетъ ни въ какомъ случаѣ.

Принцъ Антонъ окончательно успокоился, считалъ себя уже императоромъ и даже вздумалъ было высказывать Андрею Иванычу свои предположенія относительно того, какъ онъ намѣренъ царствовать.

Остерманъ не перебивалъ его и сталъ дремать подъ его мечтанья. Наконецъ принцъ уѣхалъ.

Онъ вернулся во дворецъ съ выраженіемъ какой то торжественности во всей фигурѣ.

Ему захотѣлось теперь посмотрѣть и на жену и на Юліану. Ему сказали, что принцесса въ аппартаментахъ императора. Онъ прошелъ туда.

Іоаннъ III еще не отдавалъ приказаній часовымъ заграждать дорогу передъ его родителемъ, и часовые почтительно пропустили принца Антона.

Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, гдѣ то и дѣло мелькали женщины, приставленныя къ особѣ императора, и наконецъ очутился въ спальнѣ своего сына. Онъ увидѣлъ принцессу сидящею у роскошной колыбели. Юліана была тутъ же: она что то толковала почтительно стоявшему передъ ней доктору.

Анна Леопольдовна мелькомъ взглянула на мужа и склонилась къ колыбели.

— Что такое? спросилъ принцъ Антонъ, — развѣ онъ нездоровъ?

— Немного, ваше высочество, отвѣчалъ съ глубокимъ поклономъ докторъ. Ровно ничего опаснаго, однако все же нужно будетъ принимать прописанную мною микстуру.

Принцъ Антонъ подошелъ къ колыбели.

— Пожалуйста тише, замѣтила не глядя на него Анна Леопольдовна, — онъ спитъ, вы его разбудите.

Но онъ не обратилъ вниманія на слова ея. Онъ сдѣлалъ знакъ кормилицѣ, чтобъ она встала съ табуретки, поставленной у колыбели, и сѣлъ на эту табуретку.

Онъ осторожно приподнялъ батистовую занавѣску и взглянулъ на ребенка.

Крошечное созданіе лежало на роскошно вышитой подушкѣ.

Несмотря на тишину въ комнатѣ, принцъ Антонъ все же не могъ уловить слабаго дыханія спящаго младенца.

«Боже мой, мелькнуло у него въ головѣ, а вдругъ онъ умеръ — что жь тогда будетъ?»

Онъ наклонился къ самому лицу сына: легкое, почти неуловимое, теплое дуновеніе коснулось его щеки.

«Нѣтъ, онъ спитъ, подумалъ принцъ, но какой онъ маленькій, какія крошечныя, худенькія руки».

— Да отойдите же, вы его разбудите, шепнула Анна Леопольдовна.

Принцъ Антонъ ее не слышалъ—онъ въ первый разъ внимательно глядѣлъ на сына. Въ его сердце заронилось какое то новое, никогда еще неизвѣданное имъ чувство. Ему казалось что онъ любитъ этого ребенка; да и дѣйствительно—онъ любилъ его въ эту минуту.

Онъ осторожно приложился губами къ маленькой ручкѣ и нѣсколько минутъ не отрываясь глядѣлъ на кругленькое, обрамленное прозрачнымъ чепчикомъ личико. Это было странное личико—какъ то черезъ чуръ спокойное, даже какъ будто уставшее.

Сердце принца Антона болѣзненно сжалось. Онъ забылъ всѣ волненія этого дня, всѣ свои ощущенія и мысли, забылъ разговоръ съ Остерманомъ и обратился къ женѣ, какъ будто никакихъ недоразумѣній никогда и не было между ними.

— Послушай, Анна, сказалъ онъ, мнѣ кажется онъ нездоровъ.

— Ничего особеннаго, отвѣчала Анна Леопольдовна.

— Но отчего онъ такой блѣдный, такой маленькій?

— У него трудный ростъ, замѣтилъ докторъ, — но вѣдь это еще ровно ничего не значитъ. Конечно всячески нужно беречь его, и, главное, не возбуждать ничѣмъ его вниманія—онъ долженъ быть спокоенъ.

— Да, да, поспѣшно замѣтила Анна Леопольдовна, а вотъ вы же—она взглянула на мужа—вы же все толковали о необходимости показать его посланникамъ. Никому нельзя его показывать, да и къ тому же всѣ обратятъ вниманіе именно на то, что онъ маленькій, начнутся всякіе пересуды и соображенія. Надѣюсь, вы не станете теперь вмѣшиваться въ мое рѣшеніе никого не допускать сюда до тѣхъ поръ, покуда онъ не окрѣпнетъ?

— Дѣлайте какъ знаете, отвѣчалъ принцъ Антонъ, и со вздохомъ вышелъ изъ спальни сына. И долго еще преслѣдовало его это маленькое, блѣдное личико съ выраженіемъ такой странной, не дѣтской усталости, съ закрытыми глазами и длинными темными рѣсницами, съ крошечными, чуть чуть вздрагивающими губами. И долго онъ чувствовалъ на щекѣ своей какое то странное дуновеніе, поднявшее въ немъ невѣдомыя ему чувства любви, тоски и неясныхъ опасеній.

V.

Послѣ теплаго яснаго дня наступилъ свѣжій лунный вечеръ. Петербургскія улицы мало по малу утихали. Въ тишинѣ невозмутимой выдѣлялся на свѣтломъ весен-

немъ небѣ домъ цесаревны Елисаветы. Такъ было тихо въ немъ и вокругъ него, что казалось никто не живетъ здѣсь. Только время отъ времени можно было замѣтить, какъ какая нибудь фигура выйдя изъ за угла, откуда нибудь по сосѣдству, останавливалась неподалеку отъ этого дома, зорко посматривала на цесаревнины окна, осторожно обходила кругомъ, туда, откуда были видны ворота двора и главный подъѣздъ.

Незамѣтивши ничего особеннаго, фигура уходила мѣрными шагами. И снова становилось неподвижно и тихо кругомъ.

Но вотъ едва слышно скрипнула калитка цесаревнина двора, изъ нея вышелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, оглядѣлся во всѣ стороны—это былъ Лестокъ.

— Кажется никто не подсматриваетъ, прошепталъ онъ. Вотъ жизнь! прогуляться нельзя безъ соглядатаевъ. Иной разъ такъ бы вотъ и исколотилъ проклятаго шпіона,—вѣдь почти всѣхъ ихъ въ лицо знаю—да что толку! еще хуже будетъ, лучше ужъ молчать да дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю.

И онъ опять остановился и осмотрѣлся. «Ну, вотъ такъ и есть! со злостью подумалъ онъ, вонъ ужъ онъ и крадется. Ну да сдѣлай одолженіе—крадься! подсматривай! а вотъ все же таки не узнаешь ты, куда я иду сегодня!».

И Лестокъ быстро зашагалъ, напѣвая фальшивымъ голосомъ какую то пѣсенку, по направленію Фонтанной: Онъ видѣлъ, или вѣрнѣе чувствовалъ, что таинственная фигура слѣдитъ за нимъ по пятамъ, но не обращалъ на нее никакого вниманія.

Дойдя до Фонтанной, онъ перелѣзъ черезъ низкія деревянныя перила, окаймлявшія мѣстами рѣчку и спустился къ самой водѣ. Онъ еще издали замѣтилъ, что тутъ стоитъ лодка.

— Эй, лодочникъ! крикнулъ онъ, и въ глубинѣ лодки что то пошевелилось, откинулась какая то рогожа, и передъ Лестокомъ, на серебристомъ фонѣ почти неподвиж-

ной воды, озаренной луннымъ свѣтомъ, выросла фигура заспаннаго и еще ничего не понимающаго лодочника.

Лестокъ прыгнулъ въ лодку и крикнулъ:

— Отчаливай!

Лодочникъ очнулся, разглядѣлъ дорогую барскую одежду Лестока, и не вступая ни въ какія объясненія, поспѣшно началъ отвязывать лодку.

Черезъ минуту Лестокъ ужъ плылъ вдоль Фонтанкой, и не безъ удовольствія поглядывалъ на преслѣдовавшую его фигуру.

«Ну что, много узналъ? мысленно обращался онъ къ этой фигурѣ. Походи теперь по берегу, подожди другой лодки, врядъ ли дождешься!» И онъ плылъ дальше.

Съ полчаса продолжалась эта импровизированная прогулка по Фонтанной, наконецъ—выбравъ безопасное отъ наблюденій, какъ ему казалось, мѣсто, Лестокъ велѣлъ лодочнику остановиться, расплатился съ нимъ и вышелъ на берегъ.

Убѣдившись, что некому за нимъ теперь подглядывать, онъ прямой дорогой пошелъ по направленію къ дому маркиза де-ла-Шетарди.

Маркизъ занималъ одно изъ самыхъ роскошныхъ помѣщеній во всемъ Петербургѣ. Онъ былъ посланъ сюда для того, чтобъ способствовать всѣми мѣрами сближенію между Франціей и Россіей. Онъ долженъ былъ для этого употреблять всѣ дипломатическія средства, которыя только признаетъ необходимыми. Въ числѣ этихъ средствъ онъ считалъ между прочимъ блескъ и роскошь.

Надъ его высокомѣріемъ, тщеславіемъ и театральными посланническими пріемами подсмѣивались въ Европѣ, но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Въ Петербургъ онъ явился съ такимъ блескомъ и пышностью, какими до сихъ поръ не окружалъ себя ни одинъ посланникъ. Хотя правительство маркиза выдавало ему не болѣе пятидесяти тысячъ ливровъ въ годъ, но его сопровождала свита, состоявшая изъ двѣнадцати

кавалеровъ, одного секретаря, восьми духовныхъ лицъ, пятидесяти пажей и цѣлой толпы камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. За маркизомъ везли его гардеробъ, котораго конечно хватило бы на нѣсколькихъ владѣтельныхъ принцевъ. Платья маркиза поражали необыкновеннымъ шитьемъ; нѣкоторыя изъ нихъ осыпаны были дорогими каменьями.

Этотъ удивительный поѣздъ завершала кухня подъ наблюденіемъ шести поваровъ и главнымъ руководствомъ знаменитаго Barrido—великаго артиста кулинарнаго искуства.

Привезенныя маркизомъ вина не умѣстились въ погребахъ нанятаго имъ дома, и пришлось нанять еще погребъ по сосѣдству. Сто тысячъ бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ и, между ними, шестнадцать тысячъ восемьсотъ бутылокъ шампанскаго были предназначены для того, чтобы закрѣплять дружбу между Франціей и Россіей

По заведенному порядку Лестокъ долженъ былъ долго дожидаться въ пріемной, пока о немъ доложили маркизу. Его имя переходило отъ одного камердинера къ другому, наконецъ въ пріемную вошелъ молодой пажъ и объявилъ, что маркизъ проситъ господина Лестока къ себѣ.

Лестокъ прошелъ цѣлый рядъ роскошно убранныхъ комнатъ и наконецъ очутился въ кабинетѣ маркиза. На него пахнуло тонкими благовоніями, разлитыми по комнатѣ, на него со всѣхъ сторонъ глянуло великолѣпіе изнѣженнаго французскаго двора.

Среди всего этого великолѣпія, на встрѣчу къ нему съ мягкихъ эластичныхъ подушекъ низенькаго кресла, съ вышитымъ гербомъ, поднялась изящная фигура французскаго посланника.

— Очень, очень радъ, cher Лестокъ, что вы ко мнѣ заглянули, давно я васъ дожидался.

— Я и самъ давно собирался къ вамъ, маркизъ, отвѣчалъ Лестокъ. Да знаете, вѣдь это становится все

труднѣе и труднѣе — мы окружены и днемъ и ночью шпіонами и должны быть очень осторожны...

— Знаю! проговорилъ съ легкой гримасой маркизъ.— Но знаю также и то, что принцесса Елисавета и вы всѣ, господа, ничего не дѣлаете, не хотите ничего дѣлать для того, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія. Я наконецъ совсѣмъ потерялъ голову—ничего не понимаю. Съ какой стати принцесса медлитъ? Она ужъ пропустила прекрасный случай, а теперь, когда представляется другой — опять время проходитъ даромъ. И что-же изъ всего этого вышло? Она отклонила предложеніе Швеціи, прекратила свои сношенія съ Нолькеномъ, а это можетъ грозить очень непріятными послѣдствіями для ея плановъ. Она, въ послѣднее время, и со мною дѣлается скрытною; но вѣдь все же на моихъ глазахъ факты — и эти факты убѣждаютъ меня съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что теперь то медлить ей ужъ окончательно нечего! Право я готовъ подумать, что она навсегда отказывается занять престолъ отца своего!..

— Нѣтъ, она отъ этого не отказывается, проговорилъ Лестокъ, только хочетъ это сдѣлать такъ, чтобы имѣть возможность не бояться никакихъ случайностей, чтобы твердо держаться на этомъ престолѣ.

— Я отказываюсь понимать васъ, даже нѣсколько раздраженнымъ голосомъ сказалъ маркизъ, и началъ въ волненіи ходить по кабинету.—Я очень уважаю принцессу, я знаю ея блестящія способности, ея умъ — но, cher ami, она все же женщина, и отъ нее можетъ ускользнуть много такого, что не ускользнетъ отъ умнаго мужчины. Если она заблуждается и разсчитываетъ невѣрно, то обязанность близкихъ къ ней людей — ваша обязанность, потому что она вѣритъ вамъ и слушается вашихъ совѣтовъ — убѣдить ее, доказать ей необходимость того или другаго шага. А вы что дѣлаете? Я васъ не понимаю! Послушайте, объяснимтесь наконецъ разъ навсегда и откровенно: скажите, cher Лестокъ, другъ вы мнѣ или нѣтъ?!

— Если вы удостоиваете меня этой чести, то я другъ вашъ, съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ Лестокъ.

— Прекрасно! Теперь скажите мнѣ, согласны вы со мною... согласны вы, что теперь именно наступило самое удобное время для того, чтобы дѣйствовать. Взгляните—правительство слабо и шатко и, ко всему этому, совершенно не популярно: народъ не знаетъ правительницы, войско тоже не совсѣмъ расположено къ ней. Вѣдь тогда, послѣ сверженія Бирона, гвардейскіе полки шли ко дворцу съ полнымъ убѣжденіемъ, что будетъ провозглашена императрицей дочь Петра, и были совершенно поражены, пришли въ полное уныніе, когда имъ объявили имя Анны...

Лестокъ все это хорошо зналъ—онъ зналъ даже гораздо больше. Онъ зналъ, что въ гарнизонномъ полку, на Васильевскомъ островѣ, и въ Кронштадтѣ солдаты чуть было не взбунтовались и кричали: «развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елисаветы Петровны?» Онъ зналъ, что съ каждымъ днемъ популярность Елисаветы возрастаетъ въ войскѣ, что каждый день приноситъ новыя доказательства преданности къ ней солдатъ — что ихъ дѣло зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ работалъ неустанно надъ этимъ дѣломъ и начиналъ приходить къ убѣжденію, что можно будетъ пожалуй достигнуть всего своими собственными средствами, не прибѣгая къ иноземной помощи, за которую потребуется отплата сторицею.

Если онъ поддерживалъ сношенія съ маркизомъ, то единственно въ виду того, что ссориться съ нимъ было дѣйствительно невыгодно, что предстояла необходимость сдѣлать у него небольшой заемъ. Но пусть же этимъ займомъ, который будетъ немедленно выплаченъ по окончаніи дѣла, и ограничится все участіе Шетарди, — за маленькую услугу, за кучку червонцевъ, Елисавета, сдѣлавшись императрицей, отплатитъ французскому маркизу какимъ нибудь драгоцѣннымъ подаркомъ и своимъ ласковымъ вниманіемъ. Но ближайшаго его участія въ ея

дѣлѣ Елисавета не хочетъ, потому что не намѣрена быть потомъ неблагодарной, не желаетъ повторенія исторіи Анны Леопольдовны съ Минихомъ.

Но конечно ничего этого Лестокъ не сказалъ Шетарди. Онъ молча и почтительно его слушалъ. А маркизъ, увлекаемый своимъ краснорѣчіемъ, ярко описывалъ положеніе дѣла.

— Чего-жь вы боитесь? говорилъ маркизъ, — или можетъ быть того, что русскій народъ возненавидитъ принцессу, если она воспользуется помощью Швеціи, что онъ будетъ ее упрекать въ томъ, что она призвала врага на Россію?

— Можетъ быть отчасти и этого, проговорилъ Лестокъ.

— Но вѣдь это только призракъ, котораго стыдно вамъ пугаться. Если принцесса такъ думаетъ—прекрасно, я допускаю это и повторяю, что не смотря на всѣ ея великія достоинства, она все же женщина — но вы то? вы то, Лестокъ—вы должны быть тверже и благоразумнѣе.

— Я опять долженъ повторить вамъ, сказалъ Лестокъ, что вы приписываете мнѣ слишкомъ много вліянія на цесаревну—я просто преданный ей человѣкъ—и ничего больше. И у нея такой характеръ, что если она въ чемъ нибудь убѣждена, что нибудь рѣшила, такъ я по-крайнѣй мѣрѣ, своимъ маленькимъ вліяніемъ на нее, ничего не могу сдѣлать.

«Нѣтъ, положительно тебя подкупить нужно!» подумалъ маркизъ, взглянувши на спокойное лицо Лестока.

— Ну, съ вами не сговоришь, громко замѣтилъ онъ, дѣлайте какъ знаете! Если же ошибетесь въ чемъ нибудь, то я буду имѣть покрайней мѣрѣ то удовлетвореніе, что постоянно предупреждалъ васъ. Передайте отъ меня принцессѣ, что я умываю руки, и что во всякомъ случаѣ она всегда, когда ей угодно, можетъ на меня разсчитывать. Не нужно-ли ей чего нибудь? Не нужно-ли ей денегъ? Какъ ваши денежныя дѣла?

— Наши денежныя дѣла, отвѣтилъ улыбаясь Лестокъ,

какъ и всегда—въ плохомъ положеніи. Отказываемъ себѣ во всемъ, тратимъ какъ можно меньше и все-же, не смотря на это, изъ за денегъ принцесса должна выносить оскорбленія!

— Оскорбленія! отъ кого?

— Отъ правительницы.

— Что такое? разскажите.

— Эхъ! всего не перескажешь, отвѣчалъ Лестокъ, махнувъ рукою. Да вотъ вамъ, напримѣръ, одинъ случай: Принцесса Елисавета просила, чтобы правительство заплатило за нее тридцать двѣ тысячи долгу. На это ей возразили, что она получаетъ теперь достаточно, съ тѣхъ поръ какъ Биронъ назначилъ ей пятдесятъ тысячъ рублей въ годъ. Пришлось заявлять вторично, что и съ этими деньгами невозможно расплатиться...

— Ну и что-же? Неужели отказали?

— Нѣтъ не отказали, но сдѣлали еще хуже: заподозрили, что деньги нужны не для уплаты долга, а для какихъ нибудь тайныхъ и опасныхъ цѣлей и потребовали, чтобы принцесса представила счеты купцовъ, которымъ она должна. Ну что-жь, мы сейчасъ же представили всѣ счеты, изъ которыхъ оказались, что долгу, вмѣсто тридцати двухъ тысячъ, сорокъ три тысячи. Положимъ, что сами себя тамъ въ смѣшное положеніе поставили—пришлось платить эти сорокъ три тысячи—но можете себѣ представить, какъ принцессѣ пріятно выносить подобныя оскорбленія!

Маркизъ пожалъ плечами.

— Что-жь, она сама хочетъ того, хочетъ! И все, что вы мнѣ передаете, только доказываетъ справедливость моего мнѣнія и необходимость послѣдовать моимъ совѣтамъ. Будьте благоразумны, cher Лестокъ, переговорите хорошенько съ принцессой, а пока предложите ей мои услуги. Конечно многаго теперь въ моемъ распоряженіи нѣтъ, но вся моя наличная казна къ вашимъ услугамъ; къ тому же, если нужно, я могу достать.

— Вотъ за это цесаревна будетъ вамъ очень благодарна, маркизъ, сказалъ улыбаясь Лестокъ. И мнѣ кажется мы, въ скоромъ времени, должны будемъ воспользоваться вашей любезностью, — но только помните, въ одномъ случаѣ, если вы рѣшаетесь дать деньги вашего короля взаймы принцессѣ Елисаветѣ, а не будущей русской импрератрицѣ.

Маркизъ какъ-то запнулся на одно мгновеніе, но сейчасъ же подумалъ; — «Ну къ чему это онъ играетъ эту глупую комедію!»

— Принцессѣ ли, императрицѣ-ли — это мнѣ рѣшительно все равно, сказалъ онъ Лестоку, — я во всякомъ случаѣ почту себя счастливымъ, что деньги, которыми я могу располагать, попадутъ въ такія прекрасныя руки. Да, кстати, cher ami, я попрошу и васъ принять отъ меня небольшой подарокъ.

Лестокъ выпрямился и на его лицѣ мелькнуло выраженіе оскорбленнаго достоинства.

— Нѣтъ, маркизъ, я отъ васъ не приму никакого подарка, такъ какъ самъ не имѣю никакой возможности предложить вамъ подарокъ и не смѣю даже разсчитывать, что вы бы удостоили принять его отъ меня.

«Что-жь это такое? подумалъ маркизъ, неужели мнѣ нужно предположить безкорыстіе этого Лестока? — это совершенно невѣроятно! Нѣтъ, я что-то залѣнился въ послѣднее время — ихъ всѣхъ нужно будетъ разобрать хорошенько, чтобъ не съиграть смѣшной роли.»

Онъ протянулъ обѣ руки Лестоку и осыпалъ его такими звонками, блестящими французскими фразами, что тотъ не нашелъ никакой возможножности вставить свое слово.

Вотъ маркизъ зазвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ вошедшему слугѣ принести закуску и бутылку стараго бургонскаго.

— Посмотрите какое вино, только что получилъ на дняхъ. Токого вы у меня еще не пивали!

— Эхъ, пора бы мнѣ и возвращаться домой, замѣтилъ Лестокъ, но отъ вашихъ винъ, маркизъ, я никогда не въ силахъ отказаться.

За изысканной закуской и старымъ бургонскимъ Лестокъ съумѣлъ изгнать все смущающее изъ мыслей маркиза и убѣдилъ его въ томъ, что если Елисавета рѣшится дѣйствовать, то во всякомъ случаѣ не обойдется безъ помощи Франціи и что она пуще всего разсчитываетъ на эту помощь. Подъ конецъ онъ даже принялъ и подарокъ маркиза...

VI.

Елисавета съ нетерпѣніемъ дожидалась возвращенія Лестока.

Вернувшись отъ маркиза де-ла-Шетарди, онъ прямо пошелъ въ покои цесаревны.

Его встрѣтила Мавра Шепелева и сейчасъ же стала журить его.

— Гдѣ это вы, батюшка, запропастились? Цесаревна ждетъ васъ не дождется. Думали—къ ужину вернетесь. Идите скорѣй, вѣдь поздно, давно намъ всѣмъ спать пора. А у цесаревны къ тому же и голова нынче болитъ. Ужъ я уговаривала ее раздѣться, да нѣтъ—и слышать не хочетъ: все равно, говоритъ, не засну пока не узнаю о томъ, что тамъ было.

Лестокъ поспѣшно вошелъ къ Елисаветѣ.

— А! наконецъ-то! сказала она.

— Извините, ваше высочество, началъ было оправдываться Лестокъ, но она его перебила.

— Да ужъ что̀ тутъ! Я и безъ васъ знаю, что у маркиза ужинъ вкуснѣе моего, а о винахъ такъ и говорить нечего! Вонъ вѣдь какъ вы помолодѣли! Какой румянецъ на щекахъ!

— Да, вино хорошее, улыбаясь проговорилъ Лестокъ. Позвольте присѣсть, ваше высочество—усталъ я.

— Кто вамъ мѣшаетъ, садитесь, да разсказывайте.

Онъ сейчасъ же покойно усѣлся въ кресло, вытеръ лицо платкомъ и началъ подробно передавать цесаревнѣ свой разговоръ съ маркизомъ.

— Ну, это все старая исторія! замѣтила она.

— Позвольте — есть и новенькое. Самый интересный разговоръ у насъ былъ за бургонскимъ. Маркизъ просилъ завѣрить васъ, что всегда король французскій радъ ссудить вамъ знатную сумму, но что при этомъ необходимо, чтобъ отъ васъ дано было шведамъ письменное обязательство.

— Я знаю, что они употребляютъ всѣ силы для того, чтобы заставить меня рѣшиться на такой поступокъ, который будетъ и противъ моей совѣсти и противъ памяти отца моего. Но и вы тоже знаете, что я не соглашусь на это, хотя бы даже черезъ мое несогласіе и пропало все мое дѣло.

— Все это такъ, ваше высочество, но обдумавъ хорошенько я вижу, что теперь для насъ настало самое серьозное время, и что намъ не мѣшаетъ вслушаться въ слова маркиза.

— Да вѣдь затѣмъ же я и послала васъ къ нему. Я готова вслушиваться въ слова его — что же говоритъ онъ?

— Онъ говоритъ, что отдаленность мѣшаетъ королю французскому прямо и непосредственно дѣйствовать, и онъ поставленъ въ такое положеніе, что самъ, кромѣ денегъ, не можетъ предложить вамъ никакой помощи. Онъ можетъ только вооружить своихъ союзниковъ шведовъ, которые расположены къ вамъ...

— Знаю я это расположеніе! перебила Елисавета.

— Ну да, конечно маркизъ и не скрываетъ, что за свою услугу шведы потребуютъ вознагражденія — слѣдовательно, теперь нужно рѣшить вопросъ: какого рода вознагражденіе можно дать имъ? — Онъ проситъ ваше высочество выразить письменно всѣ ваши условія и передать это письмо ему, маркизу, — онъ дастъ вамъ клятвенное завѣреніе въ

томъ, что этотъ документъ останется вполнѣ тайнымъ и никогда не выйдетъ изъ его рукъ. Онъ только увѣдомитъ короля о его содержаніи и тогда король употребитъ всѣ свои силы и все свое вліяніе на шведовъ для того, чтобъ они начали войну, которая можетъ доставить вамъ престолъ... Потомъ онъ говорилъ о томъ, что правительница, принцъ Антонъ и Остерманъ сами чувствуютъ себя здѣсь иноземцами, что слабое и постоянно трусящее правительство не станетъ разбирать средствъ, не станетъ заботиться о пожертвованіяхъ — лишь бы только отдѣлаться отъ войны и купить миръ у Шведовъ. А Шведы конечно воспользуются этимъ случаемъ, и что же изъ этого выйдетъ? имъ будетъ сдѣлана гораздо бо̀льшая уступка, чѣмъ та, которой у васъ просятъ....

Маркизъ насъ пугаетъ и еще большими ужасами, ваше высочество, продолжалъ Лестокъ въ то время какъ Елисавета, опустивъ голову на руки и не спуская глазъ со своего хирурга, сдвинувъ темныя свои брови, вдумывалась въ каждое его слово — маркизъ насъ пугаетъ тѣмъ, что если вы не условитесь заранѣе со Шведами и на прочныхъ основаніяхъ, то они объявятъ себя за внука Петра, за вашего племянника—герцога Голштинскаго, они возведутъ его на престолъ, и тогда вы окажетесь навсегда уже удаленною отъ трона. Вотъ и все наше объясненіе, закончилъ Лестокъ, отъ себя я не прибавилъ ни слова. Все это дѣйствительно очень важно, и намъ необходимо взвѣсить каждое слово маркиза.

— Да, да, задумчиво проговорила Елисавета, я сама вижу что пора дѣйствовать рѣшительно, обойтись безъ чужой помощи невозможно. Слушайте, я сегодня все хорошо обдумала и потомъ, поджидая васъ, мы тутъ толковали съ Шуваловыми, Воронцовымъ и Разумовскимъ. Еще недавно я надѣялась, что можно будетъ всего добиться, не обращаясь за французскими деньгами и за шведскимъ войскомъ, я всѣ надежды возлагала на одну только преданность мнѣ гвардіи и народа. Но вижу теперь, что этого мало — съ этимъ можно было бы сдѣлать все, но

сдѣлать только такъ, какъ сдѣлалъ Минихъ,—а гдѣ жь у меня Минихъ? Я побойчѣе буду Анны Леопольдовны, но все же я женщина, да и вы всѣ, друзья мои, не во гнѣвъ будь вамъ сказано, не способны дать такого неожиданнаго генеральнаго сраженія, какое далъ фельдмаршалъ. Что жь, на него надѣяться?.. Вотъ онъ, обиженный, оскорбленный ими, сталъ было ко мнѣ заглядывать. Онъ можетъ быть ждалъ что я буду просить его, но нѣтъ—это опасно. Возвести меня на престолъ, онъ и возведетъ пожалуй, да потомъ что? — онъ свяжетъ мнѣ руки. Нѣтъ, мнѣ нужно быть подальше отъ всѣхъ этихъ нѣмцевъ, и я не могу ничѣмъ быть обязанной человѣку, котораго не люблю и не уважаю. Онъ издавна былъ врагомъ моимъ и видитъ во мнѣ только орудіе своихъ плановъ. Вонъ мнѣ говорили, что солдаты кричатъ, требуютъ, чтобъ ихъ вели добывать мнѣ престолъ—да вѣдь это одни только крики. Преданы, да, конечно преданы, а безъ денегъ, безъ подарковъ, сами собою, и они не тронутся—лѣнивы больно. Поневолѣ приходится прибѣгать къ чужимъ и соглашаться съ маркизомъ. Завтра же утромъ ступайте къ нему и скажите, что я готова послѣдовать его совѣтамъ, скажите, чтобъ онъ писалъ своему королю, что я совершенно полагаюсь на королевскую волю, относительно внѣшнихъ средствъ. — Пусть онъ устраиваетъ какъ знаетъ, — и попросите если возможно въ займы сто тысячъ рублей. Эта сумма необходима для того, чтобы въ рѣшительную минуту привлечь къ себѣ тѣхъ, кого нужно. Скажите ему, что я душевно тронута всѣми доказательствами его усердія, что онъ можетъ всегда расчитывать на мою горячую благодарность, но что все же большихъ уступокъ шведамъ я не могу сдѣлать—это противно моей совѣсти, да къ тому же приведетъ меня только къ справедливымъ упрекамъ со стороны моего народа.

Елисавета говорила взволнованнымъ голосомъ. На глазахъ ея блестѣли слезы.

— Но все же, ваше высочество, перебилъ ее Ле-

стовъ, намъ нужно будетъ указать—на какія уступки вы согласны.

— Какія уступки? земельныхъ—никакихъ, денегъ—сколько угодно. Я готова вдвое, втрое заплатить за всѣ ихъ издержки, только чтобъ не заставляли меня быть неблагодарной передъ моимъ народомъ и передъ памятью моего отца.

Елисавета опустилась въ кресло, на лицѣ ея выразилась усталость.

Лестокъ почтительно простился съ нею и вышелъ.

По его уходѣ цесаревна позвала Мавру Шепелеву, передала ей о предложеніяхъ маркиза и о своемъ рѣшеніи.

— Такъ, матушка, такъ, родная моя, говорила Шепелева, кивая головой въ знакъ своего полнаго одобренія,—точно, пора ужъ начинать рѣшительное, а то чтожь такъ то: все завтра да завтра! пора намъ съ тобой пожить и на своей волѣ. А теперь спать давай—поздно, наши всѣ давно завалились, чай теперь ужъ и золотые сны видятъ.

Елисавета прошла въ спальню, быстро раздѣлась, отослала служанокъ и опустилась на колѣни передъ образами, яркія ризы которыхъ, усыпанныя самоцвѣтными каменьями, блестѣли и переливались при свѣтѣ лампады, неугасимо теплившейся днемъ и ночью.

Долго и жарко молилась Елисавета, но все же не нашла полнаго успокоенія въ молитвѣ: всякія мысли, перебивая одна другую, приходили ей въ голову. Она легла въ постель, но ей не спалось... Она перебирала въ памяти всю свою жизнь за послѣднее время. Она такъ боялась рѣшиться на какой-нибудь необдуманный, опасный шагъ. Но все что она вспоминала, все, о чемъ думала, возвращало ее къ одной и той же мысли, что нужно рѣшиться, что или теперь или никогда.

Дѣйствительно, положеніе цесаревны день ото дня становилось тяжелѣе. Только и вздохнула она свободнѣе, что въ короткіе дни регентства Бирона, когда онъ ока-

зывалъ ей всякія любезности. Но вѣдь за этими любезностями скрывался дикій, смѣшной планъ выдать ее за шестнадцатилѣтняго принца курляндскаго — такъ и это спокойствіе было только кажущимся. А ужъ потомъ, по сверженіи регента, опять вернулось самое лютое время! На правительницу Елисаветѣ нечего было особенно жаловаться: съ нею бы она примирилась и справилась — та не зла да и сама по себѣ даже не особенно подозрительна, она вся ушла въ свои собственныя дѣла и чувства. Она не была рѣшительнымъ врагомъ цесаревны; первыми врагами были принцъ Антонъ съ Остерманомъ.

Она знала что со всѣхъ сторонъ окружена западнями, что ее стерегутъ какъ звѣря. Принцъ Антонъ приставилъ офицера Чичерина съ десятью гренадерами слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Онъ переодѣлъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны и поселилъ близь дома цесаревны. Потомъ къ нимъ присоединены были аудиторъ Барановскій и сержантъ Обручевъ. Она не могла шагу ступить изъ дому, чтобъ не встрѣтиться съ невыносимыми волчьими глазами.

Когда узнали что фельдмаршалъ Минихъ какъ то пріѣхалъ къ цесаревнѣ — въ конецъ перепугались; вѣрные люди донесли Елисаветѣ, что принцъ Антонъ увѣрилъ правительницу будто Минихъ и она ужъ сговорились и что бѣды слѣдуетъ ожидать съ часу на часъ. Анна Леопольдовна такъ перетрусила, что каждый вечеръ мѣняла свою спальню, боясь, что вотъ-вотъ ее схватятъ.

Но цесаревна все же не знала многихъ подробностей, которыя потомъ вышли наружу. Принцъ Антонъ, не изъ своей головы только выдумалъ всѣ эти страхи, онъ дѣйствительно былъ перепуганъ не на шутку. Ему постоянно доносили о всевозможныхъ толкахъ между солдатами и дворцовой женской прислугой. Ему разсказывали за самое вѣрное, что Минихъ былъ однажды у цесаревны и, упавши ей въ ноги, просилъ ее довѣриться ему, говорилъ, что если ея высочество ему прикажетъ, то онъ готовъ все исполнить и что будто бы на это цесаревна сказала ему:

«ты ли тотъ, который даетъ корону кому хочетъ? я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу».

Другіе варьировали этотъ отвѣтъ цесаревны такъ, что она будто бы сказала Миниху, что онъ самъ знаетъ чего ей надобно, и на что она имѣетъ право, что она очень ласково обошлась съ фельдмаршаломъ и проводила его до крыльца.

Принцъ Антонъ ни на минуту не усумнился въ вѣрности этихъ разсказовъ. Объявлялъ всѣмъ о томъ, что Минихъ ужъ предложилъ свои услуги Елисаветѣ. Конечно послѣ этого онъ почелъ себя въ правѣ увеличить число шпіоновъ, приставленныхъ къ цесаревнѣ, и далъ главному изъ нихъ, Чичерину, такую инструкцію:

«Если Минихъ поѣдетъ со двора не въ своемъ платьѣ, то поймать его и доставить во дворецъ. Если же поѣдетъ къ цесаревнѣ, то взять ужъ на возвратномъ пути отъ нее».

«Такъ чего жь еще дожидаться? думала цесаревна,— во дворецъ появишься—всѣ на тебя косятся, со всѣхъ сторонъ только недружелюбные взгляды видишь. У себя запереться—все равно за каждымъ шагомъ слѣдятъ. Гдѣ и нѣтъ ничего—такъ выдумаютъ. Принцъ Антонъ золъ, а Остерманъ и того злѣе, сплетаютъ всякія небылицы и доведутъ тами, что правительница подпишетъ имъ что угодно.

Вѣдь заставили же ее такъ неблагодарно, такъ неблагородно поступить съ Минихомъ, такъ ужъ со мной то развѣ она поцеремонится, чай она давно и забыла о томъ, что я могла выдать ее Бирону, и не выдала. Нѣтъ! Что будетъ, то будетъ, а ждать и терпѣть больше невозможно!»...

VII.

Съ этого дня возобновились постоянные и тайные переговоры Лестока съ маркизомъ де Ла-Шетарди.

Маркизъ чрезвычайно обрадовался рѣшенію Елисаветы: такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, онъ все же достигнетъ исполненія данной ему его правительствомъ инструкціи—Елисавета будетъ на престолѣ, нѣмецкое правительство и связь между этимъ правительствомъ и западной Европой рушатся. Россія снова очутится на востокѣ, вернется къ до-петровскому времени. Онъ не сомнѣвался что Елисавета—вполнѣ русская по своему характеру, ненавидящая иноземцевъ, любящая народъ свой, сейчасъ же по вступленіи на престолъ переѣдетъ въ Москву, знатные люди снова вернутся въ свои помѣстья, флотъ будетъ оставленъ на произволъ судьбы: Швеція и Франція освободятся отъ сильнаго врага. Елисавета любитъ французовъ, ненавидитъ англичанъ; при ней конечно мѣсто англійской торговли въ Россіи займетъ французская.

Каждый день посылалъ маркизъ свои депеши во Францію и Версальскій дворъ началъ содѣйствовать возбужденію войны между Швеціей и Россіей. Съ этой стороны все было хорошо, но маркизъ продолжалъ таки не понимать Елисавету. Онъ видѣлъ, что отъ него или многое скрывается, или дѣло внутри Россіи идетъ плохо. Сторонники Елисаветы не подаютъ о себѣ голоса, какъ будто бы у цесаревны и вовсе нѣтъ никакой партіи; къ тому же скоро до маркиза начали доходить слухи, что Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ знаютъ о заговорѣ и если медлятъ, то единственно для того, чтобы вѣрнѣе схватить всѣхъ заговорщиковъ.

Эти слухи были справедливы только отчасти: правительство не знало ничего вѣрнаго, но основывалось на темныхъ доносахъ. Все больше и больше начинали подозрѣвать Елисавету. Даже Остерманъ отка-

зался отъ своего взгляда на нее и посовѣтывалъ принцу Антону всякими способами привлекать на свою сторону гвардейцевъ.

Принцъ Антонъ конечно сейчасъ послѣдовалъ его совѣту. Онъ началъ съ того, что велѣлъ призвать къ себѣ однаго капитана семеновскаго полка, который не разъ выражалъ свою приверженность къ Елисаветѣ.

Капитанъ явился очень изумленный и перепуганный. Онъ засталъ принца вмѣстѣ съ генераломъ Стрѣшневымъ—зятемъ Остермана.

Принцъ Антонъ встрѣтилъ капитана такъ милостиво, что тотъ окончательно смутился и совсѣмъ ужъ не зналъ, что и думать.

— Что съ тобою? сейчасъ же спросилъ принцъ. Я узналъ, мнѣ сказали, что ты въ послѣднее время очень печаленъ, грустишь, можетъ быть ты чѣмъ нибудь недоволенъ?

Капитанъ мало по малу оправился отъ своего смущенія и страха и отвѣчалъ:

— Какъ же мнѣ не грустить, ваше высочество, положеніе мое плохое: семейство у меня велико очень, а имѣньишко маленькое, да и далеко, за Москвою, никакого дохода оттуда и получить невозможно.

— Ну это еще не Богъ знаетъ какое горе, отвѣчалъ принцъ. Я вашъ полковникъ и хочу, чтобъ вы всѣ были довольны и счастливы и чтобы вы были моими друзьями. Обращайтесь только ко мнѣ откровенно, и я всегда буду помогать вамъ.

И принцъ Антонъ подалъ капитану кошелекъ съ тремя стами червонцевъ, а самъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Изумленный и обрадованный капитанъ не зналъ какъ, ему и поступить теперь. Онъ не успѣлъ поблагодарить принца—чтожъ: остаться здѣсь дожидаться его возвращенія или уйти?

Стрѣшневъ вывелъ его изъ нерѣшимости.

— Принцъ какъ человѣкъ очень деликатный, сказалъ онъ, не любитъ, чтобъ его благодарили. Ты можешь идти

домой, да разскажи своимъ товарищамъ о поступкѣ принца: у васъ въ полку мало его знаютъ, мало цѣнятъ! Ты самъ теперь видишь, что это за золотой человѣкъ! Доброта его и любовь къ русскому войску безпредѣльны, а правительница — о ней ужъ и говорить нечего — она просто ангелъ. За то ихъ такъ и уважаютъ во всей Европѣ. Ну, посуди ты самъ: когда у насъ до сихъ поръ былъ такой съѣздъ министровъ въ Петербургѣ, всѣ европейскіе дворы на перерывъ спѣшатъ выразить свое почтеніе и преданность правительницѣ и ея супругу. Да, они не то что цесаревна Елисавета—ту европейскіе государи и знать не хотятъ, да и народъ ее не уважаетъ. Вонъ поговариваютъ, что она теперь чѣмъ то недовольна, набираетъ будто приверженцевъ,—только ничего изъ этого она не сдѣлаетъ, ничего не добьется. Только себя въ конецъ погубитъ, да погубитъ и тѣхъ приверженцевъ. Не ей бороться съ такими особами, какъ принцъ и принцесса...

Генералъ Стрѣшневъ замолчалъ въ полномъ убѣжденіи, что высказалъ все что нужно, и что слова его и поступокъ принца должны непремѣнно подѣйствовать на капитана.

Тотъ выслушалъ молча и откланялся генералу.

Вернувшись къ себѣ онъ конечно тотчасъ же все разсказалъ товарищамъ, и они много смѣялись надъ тѣмъ, какъ Стрѣшневъ взялся не за свое дѣло, вздумалъ имъ зубы заговаривать.

Этотъ разсказъ скоро дошелъ и до цесаревны, и она не мало ему смѣялась.

— Чтожъ, ничего, говорила она своимъ приближеннымъ, пускай они продолжаютъ такъ поступать—этимъ только доказываютъ, какъ меня боятся и какъ сами то слабы.

Но все же ея положеніе было далеко не блестяще: надзоръ за ея дѣйствіями былъ еще усиленъ.

Однажды Лестокъ выходя изъ дворца Елисаветы чуть было не попался въ руки шпіоновъ. За нимъ ужъ бѣ-

жали и онъ едва, едва спасся, скрывшись въ домъ одного своего знакомаго. Онъ такъ перетрусилъ, что пересталъ выходить изъ дому и объявилъ присланному къ нему секретарю шведскаго посланника Нолькена, чтобы теперь тотъ и не ждалъ его къ себѣ, потому что, какъ только онъ выйдетъ на улицу, такъ будетъ сейчасъ же арестованъ. И говоря это онъ весь такъ и трясся отъ страха, при малѣйшемъ шумѣ хватался за голову и повторялъ:

— Что жь, вѣдь я погибъ теперь, погибъ, да и всѣ мы погибли — того и жду что цесаревну отравятъ, или зарѣжутъ.

Мавра Шепелева ходила по комнатамъ, какъ потерянная и все охала. За обѣдомъ и ужиномъ она глазъ не спускала съ цесаревны, отвѣдывала прежде сама всякое кушанье. Одинъ разъ ей даже показалось что она отравлена, и хотя Лестокъ и разувѣрялъ ее, но она чуть было серьезно не разболѣлась отъ страха.

Елисавета долго крѣпилась и подшучивала надъ своими домашними, но наконецъ ихъ уныніе, ихъ ужасъ сообщались и ей, и она проводила мучительные дни и безсонныя ночи. Она не ѣздила уже въ свой Смольный домъ, не устраивала тамъ танцевъ, какъ бывало дѣлала прежде, не развлекалась прекраснымъ пѣніемъ Разумовскаго—гдѣ ужъ теперь, не до пѣсень! Никто не слыхалъ ея прежняго смѣха, не видѣлъ ея улыбки. Съ каждымъ днемъ все тише и мрачнѣе становилось во дворцѣ ея.

Былъ одинъ выходъ—согласиться на всѣ требованія шведовъ, обѣщать имъ разныя земельныя уступки — но не смотря на всю тяжесть своего положенія, не смотря на свой страхъ и дѣйствительную, можетъ быть, опасность, которая окружала ее—она ни разу не поколебалась и стояла на своемъ: «не могу идти противъ совѣсти», говорила она.

Рѣдко появлялась Елисавета во дворцѣ, только тогда, когда этого окончательно требовали приличія и когда ее звали. Тамъ съ ней обращались довольно любезно. Правительница иногда даже ласково и дружески бесѣ-

довала съ нею, даже водила ее въ спальню императора. Но она замѣчала косые взгляды, перемигиванье и перешептыванье, видѣла какъ ее боятся и какъ готовы, при какомъ нибудь новомъ доносѣ, покончить съ нею.

Одинъ изъ ея приближенныхъ, Воронцовъ—человѣкъ рѣшительный, энергичный—каждый день умолялъ ее разрѣшить ему дѣйствовать и довѣриться гвардіи. «Не нужно никакихъ шведовъ, никакихъ французовъ, не нужно денегъ—все обдѣлаемъ сами».

Но она ужасалась такой рѣшимости, она страшилась неудачи. Ей мерещились сцены пытокъ и смерти людей ей близкихъ. Она плакала, молилась, доходила до отчаянія.

Какъ то, измученная своими мыслями, она вышла изъ дому въ сопровожденіи Мавры Шепелевой и прошла въ Лѣтній садъ, по ту его сторону, которая была открыта для публики. Она медленно шла своей любимой аллеей.

Былъ ясный вечеръ; кругомъ цвѣли липы. Этотъ вечеръ, эта аллея напоминали ей многое изъ давно прошедшаго времени, изъ времени ея первой счастливой юности, когда она еще была полна радостью жизни: ни надъ чѣмъ не задумывалась, не замѣчала своего труднаго положенія, не предвидѣла никакихъ будущихъ бѣдствій,—жила настоящей минутой, думала только о забавахъ, была также радостна, также прекрасна и безмятежна, какъ эта лѣтняя природа. Много давно забытыхъ, давно погибшихъ лицъ мелькало въ ея памяти и ей казалось, что въ числѣ этихъ погибшихъ, умершихъ людей и сама она—такая огромная разница была между ею—прежнею и ею—теперешнею. Невольныя слезы полились изъ глазъ ея и она прижалась къ плечу своего вѣрнаго друга, Мавры.

Въ это время изъ за поворота дорожки показалось нѣсколько офицеровъ. Они давно ужъ поджидали и подкарауливали цесаревну. Они увидѣли ее разстроенною, плачущею—и невольно остановились, не смѣя сразу подойти къ ней.

У нихъ у всѣхъ защемило сердце, и, въ то же время, они любовались на эту чудную красавицу, которая была еще краше, еще сильнѣе влекла къ себѣ, облитая слезами, въ ореолѣ страданія.

Но они должны были говорить съ ней, иначе кто нибудь помѣшаетъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и пошелъ къ ней на встрѣчу; за нимъ, почтительно снявъ шляпы, медленно подвигались другіе.

Елисавета, увидя ихъ, посвѣшно отерла свои слезы и старалась улыбнуться.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья мои, говорила она. Погулять вышли? Да, сегодня такая славная погода, гуляйте—гуляйте!

— Нѣтъ, матушка царевна, дрогнувшимъ голосомъ началъ подходившій къ ней офицеръ, — не гулять мы вышли—тебя здѣсь поджидали. Давно намъ нужно тебя видѣть, матушка, не можемъ мы дольше терпѣть, не можемъ видѣть заплаканными твоя ясныя очи. Скажи слово — мы готовы всѣ, и только ждемъ твоихъ приказаній. Вели же намъ идти за тебя: всѣ какъ одинъ человѣкъ за тебя животъ нашъ положимъ.

— Матушка, золотая наша, красавица! восторженно прошептали остальные офицеры,—разрѣши!

Она благодарно и въ то же время испуганно взглянула на нихъ.

— Ради Бога—молчите, сказала она—за мной со всѣхъ сторонъ наблюдаютъ—васъ услышатъ. Не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, да и меня не губите — ради Бога разойдитесь скорѣй, ведите себя смирно. Время еще не пришло, а какъ придетъ, я велю вамъ сказать заранѣе...

Офицеры молча и печально склонили головы. Она прошла мимо и возвратилась домой окончательно разстроенная. А дома ее ожидали новыя извѣстія о преданности ей гвардейцевъ. Разумовскій пришелъ доложить ей, что безъ нея пробрался къ нимъ семеновскій капитанъ,

тотъ самый капитанъ, который получилъ триста червонцевъ отъ принца Антона,—и объявилъ, что цесаревна можетъ располагать его ротою и что онъ ручается за всѣхъ своихъ товарищей.

Она опять плакала, опять ломала въ отчаяніи руки и никакъ не могла рѣшиться. Она не наслѣдовала отъ отца своего его энергіи, въ ней теперь, болѣе чѣмъ когда либо, сказывалась добрая, слабая женщина. Чѣмъ больше являлось у нея сторонниковъ, готовыхъ положить за нее жизнь свою, тѣмъ больше она ужасалась, тѣмъ больше представлялось ей несчастій, которыхъ она можетъ быть причиной.

Вотъ она узнала, что Нолькенъ уѣзжаетъ въ Швецію и проситъ принять его для прощальной аудіенціи. Она приняла конечно, и онъ сталъ ее уговаривать дать ему письменное обязательство, которое необходимо ему для того, чтобы онъ могъ рѣшительно говорить въ Стокгольмѣ.

Но она не давала этого обязательства, она говорила, что не помнитъ хорошенько требованій Нолькена.

— Какже это? замѣтилъ удивленный посланникъ, — вѣдь копія, здѣсь списанная г. Лестокомъ, у васъ, а подлинникъ ея и теперь со мною. Угодно — я сейчасъ же покажу вамъ его, и мы можемъ немедленно окончить дѣло: вашему высочеству стоитъ подписать и приложить свою печать.

Но она отказалась. Она только увѣрила Нолькена въ своей благодарности Швеціи, и сказала ему, что, если произойдутъ рѣшительныя дѣйствія со стороны Швеціи, то и она немедленно начнетъ дѣйствовать рѣшительно, тогда она оставитъ предосторожности, которыя теперь необходимы. Она призналась, что гвардія за нее и, что съ этой стороны можно быть спокойнымъ.

— Я буду дѣйствовать рѣшительно — даю вамъ въ этомъ слово, но только тогда, когда увѣрюсь, что нужно ожидать непремѣннаго успѣха, когда мнѣ будетъ ясна помощь со стороны Швеціи; а теперь перестаньте

говорить объ этомъ. Я увѣряю васъ, что окружена со всѣхъ сторонъ врагами, и даже здѣсь есть люди, на которыхъ я не могу положиться. Завтра я пришлю къ вамъ Лестока.

Лестокъ дѣйствительно явился на другой день къ Нолькену, но не привезъ письменнаго обязательства, привезъ только письмо Елисаветы къ ея племяннику, принцу Голштинскому.

Нолькенъ вышелъ изъ себя.

— Чтожь это, наконецъ, такое? говорилъ онъ — я такъ на васъ надѣялся, а вы, очевидно, обманывали мое довѣріе — вы не передавали цесаревнѣ всего того, что передавать обѣщали!...

Лестокъ началъ оправдываться также, какъ онъ оправдывался и передъ Шетарди.

— Что же я могу сдѣлать, говорилъ онъ,—если цесаревна по нѣскольку дней на меня сердится каждый разъ, какъ я упомяну ей о письменномъ обязательствѣ. Къ тому же я и не могъ на этомъ настаивать ужъ потому, что васъ могли схватить не смотря на то, что вы посланникъ, а въ такомъ случаѣ письменное обязательство, найденное въ вашихъ бумагахъ, погубило бы и цесаревну и всѣхъ насъ.

Нолькенъ рѣшился на послѣднее средство — предложилъ Лестоку хорошій подарокъ.

Лестокъ почему-то вдругъ оказался менѣе щепетильнымъ—принялъ подарокъ, обѣщалъ употребить всѣ силы, чтобъ уговорить цесаревну, обѣщалъ пріѣхать еще разъ. Нолькенъ ждалъ его, ждалъ—да такъ и не дождался, и выѣхалъ изъ Петербурга безъ письменнаго обязательства.

Прошло съ мѣсяцъ; изъ Швеціи не было почти никакихъ извѣстій.

Елисавета все рѣже и рѣже выходила и выѣзжала изъ дому. Она боялась новой встрѣчи съ гвардейскими офицерами.

Принцъ Антонъ по прежнему ежедневно выслушивалъ донесенія своихъ шпіоновъ о ея времяпровожденіи,

по прежнему велъ таинственные разговоры съ Остерманомъ, и тотъ увѣрялъ его, что скоро можно будетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствiямъ. Только вотъ теперь слѣдуетъ обождать немного, чѣмъ кончится натянутое положенiе со Швецiей, да нужно еще устроить дѣла семейныя. Теперь трогать правительницу слишкомъ жестоко — она нездорова: скоро должна разрѣшиться отъ бремени. Что касается до цесаревны Елисаветы, то Остерманъ придумалъ вѣрное средство избавится отъ нее: въ Петербургъ прiѣхалъ братъ принца Антона, принцъ Людвигъ Вольфенбютельскiй....

Черезъ нѣсколько дней правительница пригласила цесаревну и предложила ей выйти замужъ за этого принца.

— Вамъ будетъ выплачиваться, сестрица, кромѣ приданнаго, назначеннаго русскимъ принцессамъ, ежегодный пенсiонъ въ пятдесятъ тысячъ рублей, вамъ будутъ даны Ливонiя, Курляндiя и Сенегалiя...

Этими заманчивыми обѣщанiями думали прельстить Елисавету, но она отвѣчала, что всѣмъ давно извѣстно ея рѣшенiе никогда не выходить замужъ, и, что она на это не можетъ согласиться.

Правительница вышла изъ себя. Отъ ласковаго тона и родственныхъ упрашиванiй она перешла чуть не къ угрозамъ.

Елисавета вернулась домой блѣдная, раздраженная, и на другой день уѣхала въ деревню, чтобъ только какъ-нибудь забыться, быть подальше отъ всѣхъ этихъ мученiй и преслѣдованiй.

Въ февральскомъ № „Исторической Библiотеки", въ концѣ первой части романа „Капитанъ Гренадерской роты" на странццѣ 189, по недосмотру переписчика вкралась слѣдующая ошибка: напечатано „заряженные револьверы", слѣдуетъ читать: „*заряженные пистолеты*".

вознагражденія невозможно, такъ какъ объ ней говорится еще въ Русской Правдѣ и затѣмъ въ позднѣйшихъ источникахъ. [1])

Наконецъ въ духовныхъ грамотахъ князей на ряду съ намѣстниками и волостелями иногда встрѣчаются *посельскіе.* За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить права и обязанности этой должности „мои намѣстники и волостели, и посельскіе, и ихъ тіуны. [2]) Сопоставленіе этихъ должностей, имѣющихъ своихъ тіуновъ, очевидно указываетъ на ихъ однородность. Вѣроятно, посельскіе были тѣже волостели, или управители, но только назначаемые въ такое княжеское поселеніе, которое по какому либо обстоятельству требовало особаго волостеля, постоянно въ немъ пребывающаго. [3])

Какъ князь въ качествѣ мѣстнаго органа управленія, намѣстники и волостели имѣли помощниковъ, извѣстныхъ подъ особымъ названіемъ *тіуновъ.* Эти чиновники, составляя нисшій классъ служилыхъ людей, опредѣлялись самими тѣми лицами, при которыхъ состояли и выбирались иногда даже изъ рабовъ. Спеціальное назначеніе тіуновъ, кажется, составляло отправленіе правосудія, такъ по крайней мѣрѣ видно изъ опредѣленій Правды XIII столѣтія. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ гражданственности, когда судъ получилъ большее значеніе и сталъ передаваться если не намѣстникамъ, то особымъ введеннымъ боярамъ, тіуны лишились судебной власти, превратились въ простыхъ приставовъ-исполнителей распоряженій судьи, или въ домашнихъ служителей, въ родѣ ключниковъ. Въ разсматриваемую же эпоху тіуны отправляли правосудіе вмѣсто намѣстниковъ и волостелей въ качествѣ власти единоличной. [4]) Число ихъ при намѣстникѣ и волостелѣ зависѣло отъ количества возникавшихъ дѣлъ, свойства ихъ и отъ пространства мѣстности: такъ были особый тіунъ *огнищный* и *конюшій*, за убійство котораго платилось 80 гривенъ и *сельскій* тіунъ, за убіеніе котораго платилось только 12 гривенъ. [5]) Срокъ службы тіуна

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I. № 33. А. А. Э. т. I. 123, 143, 144, 150.
[2]) Договор. грам. 1428 г.
[3]) А. А. Э. 1. 43 и 83.
[4]) А. Ю. № 18 и 19.
[5]) Изсл. о Рус. Прав. Калачова стр. 110.

зависѣлъ отъ воли лица опредѣлившаго его, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что увольненіе его не могло совершиться ранѣе года послѣ назначенія.

Послѣднюю степень служебной іерархіи занимали сотскіе и старосты. Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ невозможно почерпнуть точныхъ и положительныхъ опредѣленій о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Вѣроятно, это были полицейскіе служители, обязанные наблюдать за своевременнымъ и правильнымъ отбываніемъ натуральныхъ и другихъ повинностей, исполнять распоряженія намѣстниковъ и волостелей и охранять общественное спокойствіе. Неизвѣстно, было ли различіе въ обязанности этихъ должностей и, если было, то въ чемъ именно оно заключалось; судя же потому, что дѣленіе на сотни существовало въ военномъ отношеніи (тысячкій—главный начальникъ военныхъ силъ княжества) должно видѣть въ сотскомъ лицо, назначенное правительствомъ, между тѣмъ какъ староста (старѣйшина), по всей вѣроятности, было лицо, выбранное обществомъ.

Спеціальные органы управленія. Къ этимъ органамъ должно отнести: 1) изъятія изъ общаго порядка управленія и предоставленія юридическимъ и частнымъ лицамъ исключительнаго права управленія и суда и 2) управленіе и судъ въ особыхъ промышленныхъ поселеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ путей. Сюда же принадлежитъ также завѣдываніе особыми имуществами князя, какъ частнаго собственника и какъ главы княжества, что въ то время было безразлично.

Изъятій изъ общаго вѣдомства правительственныхъ органовъ опредѣленныхъ округовъ и предоставленій права управленія и суда въ нихъ въ пользу юридическихъ лицъ: монастырей, церквей, и частныхъ лицъ: княгинь, князей и друг. въ первый московскій періодъ весьма много. Это предоставленіе совершалось или духовными, или жалованными грамотами и обнимало или управленіе и судъ въ полномъ объемѣ, или съ ограниченіемъ. Послѣднихъ грамотъ т. е. съ ограниченіемъ значительно больше; обыкновенно князья оставляли за собою или право суда надъ важными уголовными преступленіями: душегубствами, разбоями, или оставляли за собою

нѣкоторыя пошлины: ямъ или дань. По преимуществу пожалованія относились до тѣхъ поземельныхъ округовъ, которые принадлежали пожалованному лицу какъ собственность, но иногда пожалованіе распространялось и на округа, принадлежащіе постороннимъ лицамъ. Когда пожалованіе было полное, право суда, управленія и собиранія пошлинъ принадлежали всецѣло лицу пожалованному, которое могло передать свое право другому лицу; при пожалованіи же ограниченномъ изъятые предметы оставались въ вѣдомствѣ общихъ правительственныхъ органовъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ. [1])

Второй разрядъ спеціальныхъ органовъ управленія завѣдывалъ тѣми поселеніями на княжескихъ земляхъ, которыя доставляли князю извѣстный доходъ, или которыя имѣли на рукахъ имущество князя. По свойству своей дѣятельности эти поселенія носили особыя названія путей: конюшеннаго, ловчаго, сокольничаго и друг., смотря по роду повинности къ князю, по содержанію его лошадей, собакъ, соколовъ и т. п. Этими поселеніями завѣдывали особые органы, подъ своими характеристическими именами: конюшаго, ловчаго, сокольничаго и проч. А такъ какъ поселеній каждаго пути, вѣроятно, было не мало, то завѣдываніе ими ввѣрялись путному боярину. [2]) Конечно, подобное дѣленіе могло возникнуть только съ упроченіемъ княжеской власти, съ развитіемъ ея хозяйственной дѣятельности, слѣдовательно никакъ не ранѣе XIV столѣтія. До этого же времени немногосложнымъ княжескимъ имуществомъ завѣдывали дворскіе, казначеи и ключники, встрѣчавшіеся и въ послѣдующее время, но уже имѣвшіе въ завѣдываніи только сбереженіе и охраненіе движимыхъ имуществъ, денежной казны, мѣховъ и т. п. [3]) Къ этому же разряду чиновниковъ должно отнести и встрѣчающееся въ источникахъ названіе дьяковъ, подъячихъ и т. п.

Такимъ образомъ организація управленія носитъ по себѣ положительный характеръ частнаго владѣнія, хозяйственнаго

[1]) А. А. Э. т. I. № 5, 7, 17, 20, 34, 44, 45, 46 и др.
[2]) А. А. Э. т. I. № 17, 34, 39. С. Г. Г. и Д. I. 23, 34, 40.
[3]) А. А. Э. т. I. № 5. А. И. 1—15.

управленія вотчиной, въ которомъ всѣ распоряженія лишены определенности и общихъ началъ. Князья руководствуются только своими соображеніями, выбираютъ правительственные органы по личному усмотрѣнію изъ лицъ даже несвободнаго состоянія, измѣняютъ предѣлы вѣдомства этихъ органовъ, то сокращая, то расширяя, смотря по условіямъ даннаго момента, не стѣсняясь никакими не только обязательными, но даже общепринятыми правилами и наконецъ передаютъ даже право на значеніе правительственныхъ органовъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

ГЛАВА XI.

Контингентъ княжества.

При совершенномъ отсутствіи государственнаго начала вообще немыслимо существованіе различныхъ состояній, имѣющихъ извѣстныя права и составляющихъ собою опредѣленный элементъ государственнаго строя. Неговоря уже о древнихъ русскихъ княжествахъ, такихъ состояній не могло быть и въ первобытномъ московскомъ княжествѣ. Существовало единственное рѣзкое раздѣленіе населенія княжества, основанное на соціальныхъ правахъ человѣка, раздѣленіе на состояніе свободное и несвободное и затѣмъ существовали различныя группы по различнымъ видамъ дѣятельности, вызывающихъ извѣстныя законодательныя опредѣленія въ видѣ особыхъ *хозяйственныхъ мѣръ*.

Несвободное состояніе, рабство существовало у всѣхъ народовъ въ первые періоды ихъ жизни, какъ безъ сомнѣнія оно существовало и у славянъ. Но у послѣднихъ при особыхъ условіяхъ развитія народной жизни, это состояніе приняло особенно значительные размѣры. Для полнаго выясненія этого печальнаго, но естественнаго явленія необходимо прослѣдить историческій ходъ отъ возникновенія его до разсматриваемой эпохи и опредѣлить причины, способствовавшія его развитію.

У славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, кореннымъ и главнымъ источникомъ рабства обыкновенно служила война: плѣнникъ становился собственностью взявшаго въ плѣнъ, его вещью, его вознагражденіемъ за лишенія, труды и опасности боевой жизни. Вѣроятно у славянъ, по ихъ небраннолюбивому характеру, рабство не имѣло суроваго характера; можетъ быть у нихъ, какъ говорятъ греческіе писатели, [1]) плѣнникъ находился въ рабствѣ только временномъ и по истеченіи нѣкотораго срока или возвращался на родину, или оставался свободнымъ, но тѣмъ не менѣе существованіе рабства въ самыя древнія времена нашей исторіи неоспоримо. Съ притокомъ воинственной варяжской дружины, искавшей главнымъ образомъ себѣ добычи, случаи плѣненія стали повторяться чаще и въ большихъ размѣрахъ. Въ мирныхъ договорахъ Олега и Игоря съ греками уже понадобились особыя условія о рабахъ, сдѣлавшихся предметомъ торговли. Затѣмъ контингентъ рабства все болѣе и болѣе увеличивался, вслѣдствіе войнъ первыхъ князей, сначала противъ сосѣдственныхъ племенъ, а потомъ между собою. Такъ Ольга по взятіи древлянскаго города Коростеня „овѣхъ избиша, а иныя воемъ своимъ преда". [2]) Такъ Ярославъ и Мстиславъ послѣ набѣга на ляшскую землю „многи ляхи приведоша и раздѣлиша". Каждая война, каждый набѣгъ доставлялъ полонъ и если сообразить количество войнъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, то неудивительно быстрое умноженіе рабовъ, неудивительны низкія цѣны на нихъ, неудивительно, что въ Новгородѣ за плѣннаго суздальца платили только двѣ ногаты. [3])

Хотя въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается условіе о размѣнѣ плѣнныхъ: „что будетъ у тебе того моего полону или у твоихъ бояръ и у дѣтей у боярскихъ и тебѣ тотъ полонъ весь отдати... а кто будетъ того полону запроданъ за рубежъ или индѣ гдѣ и тебе тотъ полонъ выкупить весь безъ хитрости и отдати мнѣ" [4]) но эти условія заключались впо-

[1]) Карамз. т. I. прим. 132.

[2]) Никон. Лѣт.

[3]) Карамз. III. прим. 7.

[4]) Догов. грам. 1433 г.

слѣдствіи, когда князья стали осѣдлыми, когда въ ихъ прямомъ интересѣ было заботиться объ цѣлости и увеличеніи населенія своего княжества.

Плѣнъ составлялъ главный источникъ рабства, но далеко не единственный. Въ Русской Правдѣ уже встрѣчаются законодательныя опредѣленія различныхъ видовъ рабства: холопство полное „обѣльное" и неполное „закупъ" и исчисляются тѣ случаи, отъ которыхъ возникало холопство. Къ поводамъ полнаго холопства принадлежали: 1) продажа свободнымъ самаго себя въ рабство и купля холопа отъ хозяина. Законъ требовалъ, чтобы въ первомъ случаѣ продажа производилась при свидѣтеляхъ, а во второмъ въ присутствіи самаго холопа, такъ какъ показанія ихъ могли быть доказательствами совершенной сдѣлки. Впослѣдствіи, въ разсматриваемую эпоху по такимъ продажамъ составлялись полныя и докладныя грамоты; 2) женитьба на рабѣ безъ ряду, т. е. безъ выговоренія условія о своей свободѣ. Это правило относилось собственно къ мужу, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно распространялось и на жену, тѣмъ болѣе, что для женщины вопросъ о самостоятельности не имѣлъ большой важности; 3) поступленіе на службу въ должность тіуна или ключника безъ ряда. Мотивы этого опредѣленія очевидны: должность ключника или тіуна требовала особенной преданности и вѣрности интересамъ хозяина, а такой преданности можно было болѣе всего ожидать отъ человѣка вполнѣ зависѣвшаго отъ воли хозяина; 4) неплатежъ долга. Впрочемъ по этому поводу Правда установляетъ различіе по причинамъ неплатежа: отъ несчастныхъ ли обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ должника произошелъ неплатежъ, или по собственной его винѣ, — въ первомъ случаѣ должника не насиловали, не подвергали продажѣ, но ждали болѣе благопріятнаго времени, во второмъ же случаѣ предоставлялось заимодавцамъ право или отсрочить уплату, или продавать должника; 5) побѣгъ лица, находившагося въ личной зависимости (закупъ, наймитъ) за долгъ или прожитки отъ своего хозяина обращалъ въ рабство „аже холопъ бижить отъ господы, то обѣль," исключая того случая, когда закупъ уходилъ явно искать денегъ для уплаты, или къ князю, или къ

судьѣ съ жалобою на обиду; 6) уплата хозяиномъ закупа за уворованное послѣднимъ, точно также приводило объльство и наконецъ; 7) наслѣдственность рабства [1]).

Всѣ эти случаи установленія холопства, исчисленные въ Русской Правдѣ не могли не довести контингентъ его до ужасающихъ размѣровъ, въ особенности при полной необезпеченности жизни свободнаго русскаго человѣка того времени, при безпрерывныхъ княжескихъ усобицахъ, и при необузданномъ стремленіи личности къ господству, къ подчиненію себѣ другихъ менѣе сильныхъ. А такъ какъ сильными людьми являлись князья и приближенные къ нимъ дружинники и бояре, то естественно было бы ожидать особеннаго развитія аристократическаго элемента. Но этого не было, и не было вслѣдствіе тѣхъ условій, въ какія поставили себя князья и дружинники. Тѣ и другіе не были совершенно осѣдлыми, не проникались мѣстными интересами, бросали свои мѣста въ княжествѣ, или уступали ихъ какъ только представлялся выгодный случай. Такимъ явленіемъ характеризуется весь нашъ историческій ходъ до XIV столѣтія. Полная неопредѣленность отношеній: демократія не могла развиться вслѣдствіе ослабленія народнаго элемента чрезмѣрнымъ развитіемъ несвободнаго класса, а аристократія вслѣдствіе своего чуждаго положенія.

Наконецъ, къ особому развитію рабства въ значительной степени служили татарскіе набѣги. Каждый набѣгъ уводилъ полонъ и, конечно, полонъ такихъ лицъ, за которыхъ можно было ожидать хорошаго выкупа, каждый набѣгъ грабилъ, лишалъ оставшихся на мѣстѣ жителей ихъ прибытковъ и достоянія, а тѣмъ самымъ заставлялъ входить въ займы, приводившіе неминуемо къ закрѣпленію въ холопство. Уводя полонъ и разрѣжая тѣмъ свободное населеніе, сами татары оказывали русской княжеской власти двойную услугу: освобождали отъ противодѣйствія и давали возможность князьямъ выкупомъ полоновъ и поселеніемъ его на своихъ земляхъ увеличивать матеріальныя средства. Этими услугами и воспользовались московскіе князья, плотно засѣвшіе на одномъ мѣстѣ и зорко

---

[1]) Изслѣдованія о Рус. Правдѣ Калачова, ст. 82, 85, 87.

слѣдившіе за всевозможными примыслами. Выкупленные изъ полона и засѣленные на княжескихъ земляхъ люди носили особое названіе ордынскихъ, о которыхъ, равно какъ и о другихъ купленныхъ людяхъ, встрѣчаются въ договорахъ князей особыя условія.

Ограниченіе случаевъ установленія рабства вовсе не входило въ разсчеты начинавшей организовываться самостоятельной княжеской власти, а потому и не могло вызывать никакихъ ограничивающихъ обязательныхъ мѣръ. Только духовная власть во имя спасительнаго христіанскаго ученія печаловалась о тяжкой холопской долѣ и старалась при всѣхъ благопріятныхъ моментахъ объ освобожденіи рабовъ на свободу. Но христіанское вліяніе проникало въ народную массу постепенно и духовенство ограничивалось только частными случаями, стараясь избѣгать выказывать какое-либо противодѣйствіе свѣтской власти. Къ этимъ-то частнымъ случаямъ относятся отпущенія на волю въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей и знатныхъ лицъ. Духовенство пользовалось податливымъ моментомъ послѣдняго страшнаго разсчета человѣка съ жизнью, но не дѣлало, да и не могло дѣлать, никакой попытки къ сокращенію поводовъ рабства. Да и это частное вліяніе духовенства обнаружилось позднѣе, въ разсматриваемую же эпоху его въ нашихъ историческихъ памятникахъ почти не видно: даже въ духовной грамотѣ такого религіознаго человѣка, каковъ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, вовсе не встрѣчается распоряженія объ отпускѣ на свободу.

Что же касается до вопроса о положеніи раба, объ юридическомъ отношеніи его къ обществу, то этотъ вопросъ положительно разрѣшается опредѣленіями Русской Правды и нѣкоторыми дошедшими до насъ грамотами.

Рабское состояніе было состояніе безправное; рабъ-холопъ, какъ вещь, могъ пріобрѣтаться и отчуждаться всѣми возможными способами наравнѣ со всякимъ имуществомъ. Онъ могъ быть уничтоженъ, убитъ безъ преслѣдованія уголовнымъ судомъ.... „а въ холопѣ и въ рабѣ нѣтуть виры, но же буде

безъ вины убіены, то за холопъ урокъ платити, или за рабу“ [1]) собственнику цѣну раба. Самъ же хозяинъ не подвергался никакому взысканію, какъ это подтверждается даже позднѣйшимъ свидѣтельствомъ (въ концѣ XIV вѣка), Двинскою грамотою Василія Димитріевича „а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, то въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не емлютъ [2]).“ Рабъ, какъ вещь, могъ быть похищенъ и украденъ „аже кто познаетъ челядинъ свой украденъ, а поиметь и то оному вести по купамъ до третьяго свода“ [3]), а самая покража навлекала взысканіе на похитителя... „а оже уведетъ чюжъ холопъ, любо рабу платити ему за обиду 12 гривенъ“ [4]). Рабъ не могъ пріобрѣтать имущества въ личную собственность. Хотя объ этомъ нѣтъ въ Русской Правдѣ точнаго опредѣленія, но оно естественно вытекаетъ изъ всѣхъ другихъ ея положеній, какъ напр.: „оже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину же и холопъ и долги господину же и товаръ“, или „аже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поимати лицемъ.“ Въ Правдѣ вообще исчисляются съ опредѣленностью только тѣ случаи, которые, или опредѣляли финансовую сторону, или могли возбуждать сомнѣніе и споры; въ вопросѣ же извѣстномъ и всѣми одинаково понимаемомъ не предстояло никакой надобности въ особомъ опредѣленіи.

Какъ существо безправное, рабъ не могъ свидѣтельствовать въ какомъ либо дѣлѣ „на послушество на холопа не вскладаютъ, но оже не будетъ свободнаго, то по нужди чи сложити на боярскаго тивуна на дворскаго, а на инѣхъ не вскладывати“ [5]). Но ни эти послѣдніе и никто вообще изъ рабовъ не могъ свидѣтельствовать противъ своего господина „тяже всѣ судятъ съ послухи свободными, будетъ послухъ холопъ, то холопу на правду не стати, но оже хочетъ истецъ“ [6]),

---

1) Рус. Правда Калачова, стр. 112.
2) А. А. Э., т. I, № 13.
3) Рус. Пр. Калач., стр. 130.
4) Ibid. стр. 119.
5) Рус. Правда Калачова, стр. 124.
6) Ibid., стр. 125.

т. е. за исключеніемъ того случая, когда самъ истецъ вызывалъ свидѣтельство холопа. Свидѣтельство на господина не принималось рѣшительно: „холопа и рабѣ на господина вѣры неяти“ [1]). Рабъ безъ своего господина не могъ быть судимъ, „а старостѣ ни холопа, ни рабѣ безъ господаря.... судьямъ не судити“ [2]), да и вообще какъ вещь, онъ не подвергался личной судебной отвѣтственности и за его дѣйствія отвѣчалъ господинъ, отъ котораго зависѣло или платить за него, или выдать виновнаго. Только за одно дѣйствіе холопъ могъ подвергнуться личной отвѣтственности, а именно: за обиду нанесенную имъ свободному человѣку „аже холопъ ударитъ свободнаго мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господина его не выдасть, то заплатити зань господину 12 гривнѣ, а затѣмъ аче кдѣ налѣзетъ его удареный своего истьча, кто же его ударилъ велики князь Ярославъ (Володимеричь) уставилъ убити нъ синове уставиша на кулы, любо бити развязавше, или взяти угвлю за соромъ“ [3]).

Даже этихъ краткихъ указаній на юридическую обстановку несвободнаго состоянія достаточно для доказательства, какъ тяжела была доля холоповъ и тѣмъ болѣе тяжела, что она была безвыходна, безъисходна, безъ воли самого хозяина. Только рабыня-наложница господина послѣ его смерти дѣлалась свободной, вмѣстѣ съ своими дѣтьми; да еще дѣлался свободнымъ наймитъ, купленный какъ холопъ [4]). Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ холопства собственно и не возникало, такъ какъ въ самой продажѣ заключался обманъ.

Названіе холопа относилось ко всякому лицу несвободнаго состоянія, былъ ли онъ земледѣлецъ „ролѣйный холопъ“, или дворской, но преимущественно этимъ названіемъ обозначались лица, находившіяся при господинѣ въ личной службѣ, хотя домашняя прислуга господина носила особое названіе челяди, челядинцевъ.

Такое печальное положеніе значительнаго по числу народ-

---

[1]) Договорн. грам. 1270 и 1307 г.

[2]) Договорн. грам. 1305 г.

[3]) Рус. Правда Калач., ст. 94.

[4]) Изслѣд. Рус. Правды Калачова, стр. 87.

наго класса не могло не отразиться въ общемъ строѣ и въ этомъ положеніи лежала одна изъ главныхъ причинъ возникновенія и упроченія вотчинной власти и тѣхъ отношеній, которыя установились между высшими и низшими общественными ступенями.

Полусвободное состояніе. Между холопомъ и свободнымъ лицемъ существовалъ особый классъ полусвободныхъ (закупы, наймиты), принявшихъ на себя извѣстныя обязательства (кабалы), съ ограниченіемъ ихъ свободы, но не превратившихся въ собственность. Къ числу такихъ лицъ принадлежали закупы и наймиты. Невозможно съ точностью сказать, существовало ли различіе между этими лицами относительно ихъ правъ и вообще юридической обстановки, но кажется, что различіе касалось только способа установленія зависимости, а не сущности самыхъ отношеній. Закупомъ называлось лицо, принявшее на себя добровольно зависимость и передавшее въ распоряженіе другаго свою дѣятельность, но не себя самаго, въ удовлетвореніе за полученное отъ хозяина одолженіе, въ чемъ бы это послѣднее ни состояло, въ денежномъ ли пособіи, въ ссудѣ ли хлѣбной и т. п. Наймитомъ же было лицо, обязавшееся представлять свою извѣстную, опредѣленную дѣятельность за извѣстное, условленное вознагражденіе. Но это различіе, такъ отчетливо понимаемое въ настоящее время, въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ XIII и XIV вѣковъ, при полномъ отсутствіи опредѣленности даже въ самыхъ существенныхъ юридическихъ отношеніяхъ, сознавалось смутно. Права и обязанности закуповъ и наймитовъ смѣшивались и подлежали однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ,—что можно вывести изъ отсутствія отдѣльныхъ опредѣленій въ Русской Правдѣ и изъ сопоставленія рядомъ этихъ названій: „продастъ ли закупа господина за обѣль то наймиту свобода" [1]).

Въ сравненіи съ холопами положеніе закуповъ и наймитовъ было несравненно лучше: нетолько жизнь, свобода, но даже личность обезпечивались. Въ приведенномъ мѣстѣ Русской Правды говорится, что за продажу его хозяиномъ за холопа,

[1]) Изсл. о Рус. Пр. Калач. ст. 89.

онъ нетолько получалъ освобожденіе отъ своего обязательства т. е. прощеніе сдѣланнаго имъ долга, но даже виновный хозяинъ платилъ ему за обиду и кромѣ того подвергался штрафу. Затѣмъ далѣе опредѣляется взисканіе за побои, сдѣланные закупу хозяиномъ безъ вины, наравнѣ какъ за побои свободному человѣку „аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть, бьетъ ли не смысля пьянъ безъ вины, то яко въ свободнемъ платежъ такоже и въ закупѣ“. Даже правомъ судебной защиты пользовался закупъ; такъ онъ могъ жаловаться на несправедливость господина князю или судьямъ и получалъ судъ (правду). Изъ этого же мѣста Русской Правды видно, что закупъ могъ отлучаться отъ своей обязанности, но только требуется, чтобъ отлучка была не тайная и по основательной причинѣ, какъ напр. за деньгами для уплаты долга или жалобы [1]). Въ отношеніи имущественномъ закупъ пользовался правомъ имѣть свою собственность, могъ располагать временемъ для своей работы и даже законодательство заботится оградить его при исполненіи принятаго обязательства отъ различныхъ начетовъ и взисканій хозяина: такъ закупъ обязывался удовлетворить хозяина за порчу бороны и плуга только въ томъ случаѣ если они портились на его работѣ, слѣдовательно какъ будто по его оплошности, точно также не обязанъ былъ удовлетворять хозяина за скотину, выведенную изъ забоя (огорожи или хлѣва) безъ его вины, но если пропажа произошла вслѣдствіе его оплошности или скотина загубилась на его работѣ, то обязанъ былъ вознаградить [2]). Закупъ могъ свидѣтельствовать въ судѣ и показанія его, какъ свободнаго человѣка, принимались за доказательства въ дѣлахъ, впрочемъ, небольшой важности „а въ малѣ тяжѣ по нужи можиши на закупа“ [3]). Слѣдовательно прибѣгали къ свидѣтельству закупа только по нуждѣ, за недостаткомъ другихъ доказательствъ и когда не было послуховъ изъ совершенно свободныхъ людей.

---

[1]) ibid. ст. 87.

[2]) ibid. ст. 88.

[3]) ibid. ст. 124.

Зависимость закупа прекращалась уплатою долга хозяину или исполненіемъ принятаго закупомъ обязательства. Хотя объ этомъ и нѣтъ прямаго опредѣленія въ тогдашнемъ современномъ законѣ, но можно вывести изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній той же Русской Правды, а еще болѣе изъ естественнаго послѣдствія по исполненіи договора. Но, вѣроятно, чаще это зависимое состояніе закупа превращалось въ полное холопство. Уплата долга, вообще нелегкая вещь, становилась почти невозможнымъ дѣломъ, при полномъ допущеніи всевозможныхъ стѣсненій со стороны хозяина. Законъ не опредѣлялъ ни условій относительно сроковъ обязательствъ, ни цѣнности труда закупа и этимъ, естественно, давалъ полную свободу частному произволу. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ простой, сѣрый народъ бѣднѣлъ все больше и больше. И наконецъ все, что оставалось у него изъ пожитковъ отъ княжескихъ усобицъ, все грабилось и поглощалось татарскими ордами.

Свободное состояніе. Въ древнемъ періодѣ нашей исторіи до Московскаго государства, какъ было уже сказано, не могло существовать правильно образованныхъ состояній, какъ элементовъ государственнаго устройства, съ опредѣленными правами и обязанностями. Только одно государство въ своей стройной жизни созидаетъ юридическихъ лицъ въ опредѣленной формѣ, живущихъ общей и отдѣльной жизнью, дѣйствующихъ какъ органы одного недѣлимаго тѣла въ районѣ, опредѣленномъ волею того же организма. Такихъ организмовъ не было у насъ до XVI вѣка. Наши княжества до XIV вѣка не были однодуховными единицами; въ нихъ жили двѣ стихіи, въ неопредѣленныхъ и нерѣдко враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ: вѣче и князь. Но и эти стихіи съ своей стороны, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не были сами по себѣ однородными. Вѣче составляло народъ не въ видѣ цѣльнаго учрежденія, а какъ простое собраніе физическихъ лицъ, не связанныхъ между собою одной общей для нихъ идеей. Точно также и княжеская власть не представляла собою суммы всѣхъ интересовъ княжества, не была фокусомъ всѣхъ его отправленій, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ оказывалась чуж-

дою, связанною съ народомъ только матеріальнымъ интересомъ. Изъ такого соотношенія основныхъ элементовъ конечно немогла развиться государственная организація, вытекающая только изъ единства духа. Государство является всегда объединеніемъ во имя одного общаго начала. У насъ до XVI вѣка ходъ событій и складъ внутренней жизни подготовилъ только развитіе княжеской власти, принявшій видъ частнаго владѣнія, вотчиннаго характера, власти собственника. Какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ вотчинное владѣніе развилось въ государственое — задача послѣдующаго развитія.

Къ положенію Московскаго княжества въ первой половинѣ XVI вѣка никакимъ образомъ не прилѣпляются наши понятія о правахъ состояній, выработанныхъ государственной жизнью, но тѣмъ не менѣе въ контингентѣ того времени существовали различныя группы населеній: смердовъ, огнищанъ, ремесленниковъ, житьихъ людей, служилыхъ и т. п. отличающихся другъ отъ друга различными видами своей дѣятельности и потому имѣющихъ нѣкоторую особую юридическую обстановку. Конечно эта обстановка по своеобразному характеру того времени преимущественно заключала въ себѣ финансовую сторону: взиманіе виръ и различныхъ податей и повинностей. За исключеніемъ же этой финансовой особенности всѣ свободные классы имѣли существенныя черты общими. Всѣ виды дѣятельности могли производиться каждымъ желающимъ обратиться къ тому или другому роду. При полномъ отсутствіи замкнутости каждый земледѣлецъ „смердъ“ могъ безпрепятственно сдѣлаться огнищаниномъ, купцомъ, житьимъ человѣкомъ или служилымъ. Равнымъ образомъ не было территоріальной замкнутости. Всѣ пользовались правомъ (за исключеніемъ, разумѣется, холоповъ) свободнаго перехода, свободнаго выбора мѣста жительства. Эта свобода соотвѣтствовала только мѣстнымъ условіямъ; города не были пунктами исключительнаго пребыванія особаго городскаго состоянія (нынѣшнихъ городскихъ обывателей), въ нихъ проживали и земледѣльцы, точно также въ сельскихъ поселеніяхъ проживали лица, занимающіяся промыслами. Самые села и города не различались между собою юридическими чертами;

тѣ и другіе отличались только количествомъ населенія и цѣлью назначенія (городъ-какъ пунктъ оборонительный).

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ группъ населенія, упоминаемыхъ въ нашихъ источникахъ, необходимо предварительно сказать, что въ большинствѣ случаевъ встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ названія до сихъ поръ нашими учеными съ точностью необъяснены и всѣ мнѣнія по этому предмету болѣе или менѣе гадательны. Со временемъ, съ умноженіемъ изданій нашихъ древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ, вѣроятно, будутъ объяснены весьма многія; теперь еще темными, представленія о нашемъ древнемъ бытѣ.

Самое низшее и вмѣстѣ съ тѣмъ коренное населеніе составляли смерды. Названіе смердъ находится въ памятникахъ до XIV столѣтія и обозначаетъ: 1) земледѣльцевъ „не годно веснѣ итти, говоритъ дружина Святослава, кони изморити, хочемъ погубить *смерди* и *роло* имъ отяти [1]),“ 2) людей по преимуществу податныхъ: „Новгородцы... взята всю дань, а на суждальскихъ смердѣхъ другую“ или „не губите своихъ смердъ и своея дани“ и наконецъ 3) людей вообще стоящихъ на нисшей ступени общественной іерархіи „нача Ярославъ вои дѣлити старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердемъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривенъ и отпусти я всѣ домовъ [2]).“ Въ Русской Правдѣ находится немного опредѣленій, относящихся къ смердамъ, а именно: о принадлежности князю наслѣдства послѣ смерти умершаго бездѣтнымъ, или оставившаго только замужнихъ дочерей [3]) и о послѣдствіяхъ личныхъ обидъ (мукъ), нанесенныхъ смердомъ смерду же или огнищанину, [4]). Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ упоминаній должно, кажется, видѣть въ смердахъ лично свободныхъ простолюдиновъ, свободныхъ работниковъ по производству ли сельскихъ полевыхъ работъ или по производству въ различныхъ мастерствахъ. Самый унизительный оттѣнокъ въ названіи

---

[1]) П. С. Р. Л. II.
[2]) Никол. с. 179.
[3]) Изсл. о Рус. Пр. Калач. с. 101.
[4]) Ibid. с. 116.

смерда не указываетъ на него, какъ на поземельнаго собственника, такъ какъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ обладаніе поземельною собственностью придавало лицу нѣкоторую самостоятельность и значеніе.

Вопросъ о смердахъ естественно приводитъ къ другому вопросу: кто же были землевладѣльцами въ древней Руси? Этотъ весьма важный вопросъ нашими изслѣдователями разрѣшается различно. Одни, признавая завоевательныя отношенія пришельцевъ варяжскихъ князей, видятъ въ послѣднихъ обладателей всѣхъ земель завоеванныхъ областей или княжествъ, а по нимъ уже и тѣхъ дружинниковъ и служителей князя, къ которымъ дошли земли по пожалованію; другіе же изслѣдователи на оборотъ, признавая въ пришельцахъ-князьяхъ только правителей и судей, оставляютъ земельное владѣніе въ рукахъ тѣхъ родовъ туземнаго племени, у котораго оно находилось до появленія князей.—Разсмотрѣвъ доводы обѣихъ сторонъ и внимательно прослѣдивъ лѣтописныя указанія, кажется, можно достигнуть истины соглашеніемъ обоихъ противуположныхъ мнѣній: земля, находившаяся въ дѣйствительномъ владѣніи туземцевъ, оставалась собственностью ихъ de jure, и de facto и послѣ установленія княжескихъ столовъ, а затѣмъ прочія земли княжества, несостоявшія въ чьемъ либо фактическомъ владѣніи, должны были считаться собственностью князя, или того лица, кому были пожалованы княземъ. При такомъ объясненіи становится понятнымъ выраженіе лѣтописца „иде Володимеръ на ятвяги и побѣди ятвяга и вая землю ихъ“, [1]) становится понятно право князя на пожалованіе своимъ дружинникамъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ становится объясненной та легкость, съ какой князья покидали свои волости, чего не могло бы быть, еслибъ князья связывались съ волостью обширными поземельными населенными владѣніями.

Въ древней Руси, въ особенности при обширности пустопорожнихъ пространствъ, не могло быть столкновеній по поземельному владѣнію и каждый свободный имѣлъ право пріобрѣтать землю, обработывать и населять ее, сообразуясь только

[1]) П. С. Р. Л. I. с. 35.

съ своими средствами. Такимъ образомъ, рядомъ съ мелкими собственниками — наслѣдниками прежнихъ родовъ, возникали новыя поселенія княжескія и боярскія изъ холоповъ, закуповъ и смердовъ, обязанныхъ обработывать землю въ пользу землевладѣльцевъ. Съ теченіемъ времени подъ совокупнымъ вліяніемъ съ одной стороны сильнаго расширенія несвободныхъ классовъ и развитія личнаго стремленія къ господству, необуздываемаго государственномъ порядкомъ, а съ другой стороны безпрерывныхъ междоусобицъ и разорательнаго татарскаго погрома, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ количество прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ постепенно изчезало и уступало мѣсто крупному землевладѣнію, оставляя по себѣ память только внѣшнимъ видомъ поселеній, состоящихъ изъ небольшихъ особыхъ деревень въ нѣсколько дворовъ. Таковъ долженъ былъ быть и такимъ дѣйствительно былъ естественный ходъ нашего землевладѣнія, хотя на это нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Явленія вседневной жизни, по естественности своей, слишкомъ незамѣтны и въ глазахъ современниковъ не заслуживали вниманія, а тѣмъ болѣе записки въ лѣтопись, предназначенной къ увѣковѣченію описаній необыкновенныхъ явлений въ природѣ или крупныхъ событій. Явленія повседневной жизни получаютъ значеніе только по общей групировкѣ своей и по истеченіи уже значительнаго времени.

Съ XIV вѣка въ нашихъ историческихъ памятникахъ названіе смерда изчезаетъ и вмѣсто его являются черные люди, численные и ордынскіе. Что черные люди и численные не значили одно и тоже, это видно изъ смысла договорныхъ грамотъ... „а черные люди къ сотникомъ... такожъ и численныхъ людей [1])". Кто же именно были черные и численные люди? По смыслу указаній договорныхъ и судныхъ грамотъ можно заключить, что подъ черными людьми подразумѣвались вообще лица податныя, тяглыя, будутъ ли они земледѣльцы, или ремесленники, жили ли они на своихъ земляхъ, или владѣльческихъ: „пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ,

[1]) Догов. грам. 1433 и 1448. С. Г. Г. и Д. I. 27 и 33.

такъ же сотскаго *и всѣхъ своихъ черныхъ людей* [1]) *Двинскые земли*" или напримѣръ „а которые слуги къ дворскому, *а черные люди* къ становщику тѣхъ въ службу не припмати". [2]) Численные же люди, вѣроятно, были люди, вошедшіе въ татарскую перепись, сборъ съ которыхъ спеціально предназначался на уплату ордынской дани, въ выходъ ордынскій. Такъ какъ каждый изъ князей обязанъ былъ вносить опредѣленный взносъ Великому князю, для доставленія въ Орду, то естественно, что эта часть долга лежала на опредѣленномъ количествѣ податныхъ численныхъ. Что подать татарская и подати мѣстныя княжескія отличались другъ отъ друга, это ясно видно изъ договорныхъ грамотъ... „*а домъ бесерменскій* и проторъ и *русскій домъ*, а то мы подняти по таможе расчету... а численныхъ людей блюсти ны съ единого, а земель ихъ не купити", [3]) или напр. [4]) „а численныхъ людей моихъ двою жеребьевъ моимъ сыномъ по частямъ". Изъ смысла приведенныхъ договоровъ видно, что въ концѣ этой эпохи у князей начала возникать мысль обезпечить свой доходъ косвеннымъ ограниченіемъ для крестьянъ права перехода съ земель одного князя на земли другаго. Но на эту мѣру нельзя смотрѣть какъ на мѣру государственную (что не могло быть по отсутствію государственныхъ элементовъ) и какъ на имѣющую серьезное значеніе во 1-хъ потому, что это условіе встрѣчается далеко не во всѣхъ княжескихъ договорахъ того времени, а во 2-хъ по полной свободѣ вообще перехода. Каждый свободный человѣкъ могъ совершенно безпрепятственно перемѣнять свое постоянное мѣстожительство, переходить не только въ предѣлахъ своего княжества, но даже и совсѣмъ переселиться въ другое. Только изъ черныхъ людей не принимались переселенцы отъ тѣхъ князей, которые заключали между собой особый договоръ, но и они могли переходить въ своемъ княжествѣ съ земель однаго владѣльца на земли другаго. До насъ дошли нѣсколько жалобъ владѣльцевъ земель на перезывъ крестьянъ

[1]) Догов. грам. 1388 г.
[2]) Суд. грам. Карам. V примѣч. 244.
[3]) Догов. грам. 1380—1389.
[4]) Духов. грам. 1389.

другими владѣльцами обѣщаніями болѣе выгодныхъ условій и льготъ.

Были ли черные люди, или численные собственниками земель? По всей вѣроятности, могли быть и дѣйствительно были ими, хотя въ большинствѣ по скудности средствъ принуждены были ограничиваться арендованіемъ. Даже въ позднѣйшее время договоромъ Дмитрія Іоанновича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ установлялось, чтобъ люди, *купившіе черные земли* обязывались или поступать въ черные люди и *тянуть съ ними*, или отступаться отъ покупки [1]) Слѣдовательно, если совершались покупки, то значитъ было и право собственности, въ противномъ случаѣ не было бы мѣста куплѣ-продажѣ, такъ какъ для пользованія достаточно было простаго зачисленія. Безъ сомнѣнія въ черные люди вошли прежніе свободные землевладѣльцы изъ неслужилаго класса, сохранивъ такимъ образомъ за собою коренной составъ населенія.

Наконецъ, въ договорахъ упоминается еще особый классъ населенія, подъ названіемъ людей *ордынскихъ*. По всей вѣроятности, это были люди, выкупленные князьями изъ татарскаго полона и поселенные на собственныхъ земляхъ князя, точно также какъ были поземельныя собственности у бояръ, служилыхъ людей и у монастырей. Что поселенія ордынскихъ людей были значительными, объ этомъ можно судить отчасти по значительности уводимаго татарами полона, а отчасти по постоянному стремленію князей, особенно московскихъ, увеличить свою собственность, примыслить, тѣмъ болѣе, что это стремленіе совершенно совпадало съ религіознымъ чувствомъ, желавшимъ освобожденія христіанъ изъ бесерменскаго полона. Очевиднымъ примѣромъ подобной дѣятельности, можетъ служить княженіе Іоанна Даниловича Калиты.

Ремесленный и торговый классъ: классъ торгующій и ремесленный не составлялъ въ древнія времена особой корпораціи, въ видѣ современнаго городскаго состоянія. Быть земледѣльцемъ или торговцемъ вполнѣ зависѣло отъ воли обывателя, не стѣсненной въ этомъ отношеніи никакими внѣш-

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. 33.

ними условіями. Какъ земледѣльцы, такъ и торговцы жили въ однихъ и тѣхъ же городахъ, не различаясь привиллегіями и льготами, за исключеніемъ, впрочемъ, иностранныхъ купцовъ, положеніе которыхъ, какъ чужеземцевъ, вызывало особенное покровительство. Затѣмъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія различныхъ видовъ промышленности классъ торгующій все болѣе и болѣе сталъ выдѣляться изъ общей массы и сосредоточиваться преимущественно въ городахъ «и сотвори ту градецъ малъ (холмъ) и князь Данило нача призывати прихожанъ нѣмцы, и русь и иная язычники и ляхи, и бѣжаху изъ татаръ *сѣдельници* и *лучинцы*, и *тулиницы* и *кузнецы* желѣзу мѣды и сребру и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ града поле» [1]).

Составляя болѣе богатую и болѣе развитую часть населенія, классъ торгующій, естественно, долженъ былъ вызывать особыя покровительственныя мѣры, которыя оказывались тѣмъ болѣе необходимыми, что торговля доставляла князьямъ весьма значительный доходъ. Такъ, въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются условія о неперизывѣ торговцевъ, объ освобожденіи ихъ отъ службы, о безопасности торговыхъ путей и о свободномъ проѣздѣ чрезъ ихъ владѣнія: „а гостя суконниковъ и городскихъ людей блюсти ны съ одинаго, а въ службу ихъ не приимати» [2]), или напр., «а вывода и рубежа межи собе не замышляти, а кто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати» [3]). Въ одной договорной грамотѣ эта заботливость выражается еще яснѣе: «а межи насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа, а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежника или выводщика по исправѣ выдати» [4]). Хотя эти грамоты и относятся къ нѣсколько позднему времени, но онѣ могутъ быть приведены по недостатку грамотъ 1-ой половины XIV вѣка, по совершенной тождественности общественныхъ явленій.

Въ нашихъ памятникахъ упоминаются слѣдующія названія

[1]) Карамз. IV примѣч. 20.

[2]) Догов. гр. 1388 г.

[3]) Догов. гр. 1368.

[4]) Догов. гр. 1451.

классовъ торговой дѣятельности: гостей, купцовъ, житыхъ людей, градскихъ и черныхъ людей. Гостями назывались иногородные торговцы бóльшей руки, ведущіе оптовые обороты съ другими владѣніями. Михаилъ говоритъ новгородцамъ: «не хочу у васъ княжить, гостя ко мнѣ не пускаите» [1]). Безопасность гостей составляла предметъ особенной заботливости князей, какъ это видно изъ постановленій взаимныхъ княжескихъ договоровъ, въ виду того, что торговля, какъ было уже сказано, кромѣ развитія общаго благосостоянія, непосредственно увеличивала княжескіе доходы въ видѣ особенной пошлины. Сюда принадлежитъ, напр., извѣстный договоръ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою въ 1229 году, исключительно относящійся до торговыхъ интересовъ: «а како будетъ нѣмецкій гость въ Смоленскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безъ всякой бороны. А какъ будетъ русскій гость въ Ригѣ и на готьскомъ берегѣ, вольно же ему продати безъ всякой бороны». Далѣе опредѣляются условія свободнаго проѣзда: «аще который нѣмчицъ хочетъ пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, князю не боронити Смолняномъ. Или который русинъ въсхочетъ съ готьскаго берега въ нѣмечкую землю въ Любокъ, нѣмцемъ не боронити пути того» [2]).

Купцами (житными людьми) назывались вообще лица, торгующія въ предѣлахъ своего княжества и раздѣлявшіяся по роду своей дѣятельности на суконниковъ, сурожанъ и т. п. Какъ купцы, такъ и вообще ремесленники (градскіе люди) и простолюдины (черные люди) раздѣлялись на сотни. Въ договорахъ весьма часто встрѣчаются условія о невыводѣ градскихъ людей, о недержаніи закладней и о непринятіи такихъ людей на службу: «а изъ бѣжицъ княже люди невыводити, ни закладчиковъ не пріимати, ни смерда не купити» [3]), или, «а что закладчиковъ въ торжку или нидѣ, или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ поидетъ въ свое сто... а смердь въ погость... отпусти ихъ проць» [4]), или напр.,

[1]) Новг. лѣт. (1017—1352).
[2]) Рус. Дост., т. 2, стр. 261.
[3]) Догов. гр. 1263 г.
[4]) Догов. гр. 1309.

«а гости и суконники, и городскихъ людей блюсти ни съ единаго, а въ службу ихъ не принимати» [1]).

Понятна заботливость князей блюсти и оберегать торговый людъ. Съ тѣхъ поръ, какъ упрочилось стремленіе князей къ осѣдлости, къ удержанію за собою своей вотчины, явилась ненасытная жажда промысла, территоріальныхъ пріобрѣтеній и умноженія доходовъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ взиманія различныхъ податей, обусловливающихся съ своей стороны благосостояніемъ жителей и развитіемъ ихъ промышленно-торговой дѣятельности. Но изъ современныхъ князей болѣе всѣхъ отличались въ этомъ отношеніи князья Московскаго дома. Если Новгородъ перевѣшивалъ Москву духомъ рискованной предпріимчивости жителей и выгодами естественнаго положенія воднаго пути съ заграницей, то тѣмъ не менѣе и Москва по центральному своему положенію и избытку естественныхъ произведеній имѣла съ своей стороны значительныя выгоды. Находясь на перепутьи съ юга на сѣверъ и владѣя теченіемъ Оки и частью теченія Волги, москвичи весьма вѣрно оцѣнивали свое положеніе и разсчетливо пользовались каждымъ благопріятнымъ случаемъ. До какой степени развились торговыя сношенія, можно видѣть изъ описанія ярмарки холопьяго городка, оставленнаго намъ москвичемъ діакономъ Тимоѳеемъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, писавшимъ въ 1699 году по древнему преданію [2]). Изъ этого описанія узнаемъ, что одного пошлиннаго серебра въ велико-княжескую казну собиралось на ярмарку до 180 пудовъ,—количество по отношенію къ XIV или XV вѣку весьма солидное.

Духовенство. Одно только духовное вѣдомство съ самаго водворенія его въ нашей древней исторіи имѣло сословную организацію, и это одиночное явленіе объясняется полнымъ заимствованіемъ. До введенія христіанства въ историческихъ источникахъ не встрѣчается никакого указанія на особенную касту жрецовъ, которой, по всей вѣроятности, и не было. Князья и родоначальники, вѣроятно, были жрецами, храните-

[1]) Догов. гр. 1388.

[2]) Карамз. IV прим. 323.

лями и учителями религіозныхъ вѣрованій. Съ принятіемъ же изъ Греціи христіанской религіи, вмѣстѣ съ ней перешла и готовая организація духовнаго состоянія греческой церкви. Вѣроятно, одновременно съ принятіемъ христіанства, у насъ образовалась митрополія въ Кіевѣ (впослѣдствіи съ 1299 г., по разгромленіи Кіева, переведенная митрополитомъ Максимомъ въ Владиміръ на Клязьмѣ) и затѣмъ въ главныхъ пунктахъ населеній—епископства: новгородское, ростовское, владимірское, бѣлгородское и черниговское; объ этихъ епископствахъ положительно упоминается еще подъ 1105 годомъ. Затѣмъ съ развитіемъ вѣроученія стали постепенно возникать и прочія эпархіи: переяславская, полоцкая, туровская, холмская, смоленская, суздальская (около 1156 г.), владимірская, основанная Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1215 г., рязанская, отдѣлившаяся отъ черниговской въ концѣ XII, или въ началѣ XIII столѣтія и т. д.

Эпархіи управлялись епископами; только нѣкоторыя по особенной значительности своей и важности архіепископами, каковы, напр., эпархія новгородская (съ 1166 г.) и ростовская. Митрополиты по желанію или съ согласія великаго князя избирались и постановлялись константинопольскимъ патріархомъ до 1449 г., т. е. до того времени, когда по случаю Феррарскаго Собора и участія на немъ московскаго митрополита Исидора, наши митрополиты стали назначаться и посвящаться дома безъ всякаго вмѣшательства Царьграда; епископы же во времена вѣчеваго устройства избирались народомъ и князьями, а посвящались митрополитомъ. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются случаи изгнанія епископовъ или народомъ, или княземъ: «того же лѣта выгнаша ростовцы и суздальцы, Леона епископа зане умножилъ баше церковь граба» (1158), или напр., «князь Всеволодъ (1185) посла къ Кіеву къ Святославу и къ митрополиту прося епископа *хотя поставити* Луку кроткаго игуменья Св. Спаса на берестовомъ. Митрополитъ же не хотяше, се бо на мзду поставилъ Николу Гречина, Всеволоду не хотящу его...» Такимъ образомъ, съ первыхъ же временъ духовенство стало въ зависимости отъ свѣтской власти и этого положенія постоянно держалось впослѣд-

ствіи. По всей вѣроятности, къ такой постановкѣ весьма много способствовала зависимость духовенства въ матеріальныхъ средствахъ.

Духовенство составляли, какъ составляютъ и нынѣ, двѣ корпораціи: черное, монашествующее духовенство и духовенство бѣлое, священство — вообще церковный причтъ.

Основаніе монастырей безошибочно можно отнести къ времени Владиміра Равноапостольнаго. Изъ жизнеописанія св. Антонія Печерскаго видно, что онъ (род. 983), возвратившись съ Афонской горы въ Кіевъ, нашелъ уже тамъ монастырь, основанный греческими иноками. Этому святителю приписываютъ основаніе въ Кіевѣ Печерскаго монастыря, которому въ 1051 году великій князь кіевскій Изяславъ пожаловалъ поземельный участокъ: «посла (Антоній) единаго отъ братьѣ ко Изяславу князю река тако: княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстьце мало; дабы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою. Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой и вда имъ гору ту» [1]. Такъ основалась наша первая русская обитель.

Точно также какъ на западѣ, наши монастыри имѣли значительное культурное значеніе; точно также, какъ на западѣ они были единственнымъ источникомъ образованія, нравственнаго направленія и проводникомъ гуманныхъ начинаній. Въ монастырскихъ стѣнахъ устраивались школы, жили люди грамотные, дѣеписатели минувшихъ и текущихъ событій, которымъ столько обязана наша отечественная исторія; тамъ существовали благотворительныя учрежденія, страннопріимные дома, богадѣльни и больницы, и къ нимъ, какъ къ центрамъ, тяготѣла вся умственная жизнь того времени. Поэтому понятна и политическая роль монастырей. Отрѣшившись отъ современныхъ эгоистическихъ и временныхъ интересовъ, они сохраняли въ себѣ болѣе широкое созерцаніе и въ нихъ никогда не умирала идея единства русской земли. Въ нихъ находились примирители и судьи княжескихъ усобицъ, безпристрастные совѣтники и въ ихъ нѣдрахъ князья искали себѣ разумныхъ

[1]) Лавр. лѣт. 6559, стр. 68.

исловъ. Приводить доказательства такого мнѣнія излишне; это значило бы перепечатывать всѣ наши лѣтописи. Служа убѣжищемъ для всякаго, кого поломали житейскія невзгоды, монастыри имѣли въ себѣ представителей всѣхъ элементовъ современнаго общества, начиная отъ княжескаго семейства до послѣдняго смерда и изъ этого единенія разнообразія естественно должны были зарождаться идеи болѣе широкаго объема. Можно безошибочно сказать, что только въ монастырскихъ стѣнахъ могли быть люди, подобные митрополитамъ Петру, Алексію, Филиппу, и только ихъ руководству обязаны Александры Невскіе, Даниилы Московскіе и т. п.

Въ число монастырскихъ братій нерѣдко поступали члены княжескихъ семействъ и значительныхъ боярскихъ родовъ, какъ напр. Судиславъ въ 1059 году, Николай Давыдовичъ, внукъ Святослава (извѣстный подъ именемъ Николая Святоши, причтенный церковью къ святымъ) и мн. друг. Нерѣдко, а съ XIII вѣка въ Московскомъ княжескомъ домѣ постоянно, князья передъ смертью принимали схиму, нерѣдко постриженіе служило единственнымъ средствомъ расторженія брачныхъ союзовъ. При такихъ постриженіяхъ и въ виду значительныхъ политическихъ услугъ, монастыри весьма часто получали богатые вклады, то денежные, то поземельными участками пустопорожними и населенными, съ болѣе, или менѣе широкими льготами въ платежѣ повинностей. Такимъ образомъ наше черное духовенство уже съ XIV столѣтія является собственникомъ многихъ богатыхъ селъ и деревень, управляемыхъ особою администраціею. Но такъ какъ всѣ значительные вклады или непосредственно истекали отъ княжеской власти, или зависѣли отъ ея согласія, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалась новая причина, почему черное духовенство не смотря на обезпеченность своего положенія не только никогда не стремилось къ полной независимости, никогда не вступало въ явную борьбу съ свѣтскою властью, но даже удалялось отъ мірскихъ столкновеній и вступалось только по вызову той же свѣтской власти. Для доказательства достаточно прослѣдить характеръ участія архіепископовъ новгородскихъ въ безпрерывныхъ спорахъ Новгорода съ Москвою, достаточно указать

на послушную готовность митрополита Өеотоста исполнить волю московскаго князя Іоанна Калиты, объ отлученіи отъ церкви псковитянъ принимавшихъ участіе въ судьбѣ князя Александра Тверскаго.

Монастыри управлялись архимандритами, или игуменами, посвящаемыми мѣстнымъ епископомъ, по избранію всей братіи изъ среды своей. Часто выборъ дѣлался по указанію предшественника архимандрита, или подъ его руководствомъ, но исполненіе совѣта не было обязательно, хотя въ дѣйствительности указаніе имѣло особенное значеніе уже по авторитетности придержащей власти. Въ виду этой-то авторитетности власти иногда, если не назначеніе новаго настоятеля, то во всякомъ случаѣ переводъ настоятеля изъ одной обители въ другую совершался по волѣ князя. Такъ Изяславъ избраннаго въ преемника къ Антонію игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря Варлаама назначилъ въ основанный имъ монастырь Св. Димитрія, а братія должна была приступить къ новому выбору.

Получая отъ княжеской власти свои матеріальныя, весьма для того времена богатыя средства, духовенство въ тоже время взаимно оказывало этой власти громадную услугу. Оно старалось развивать въ населеніи идею божественнаго происхожденія верховной власти и вслѣдствіе того необходимость безусловнаго ей повиновенія. Придавая князьямъ титулы христолюбивыхъ, благовѣрныхъ и о Св. Духѣ возлюбленныхъ, духовенство старалось представить ихъ представителями Бога. И конечно усилія эти немогли оставаться безплодными по мѣрѣ развитія христіанскаго ученія. Указанія на такое ученіе духовенства встрѣчаются еще при вѣчевомъ порядкѣ: такъ духовенство, уговаривая князя Владиміра Святаго на принятіе строгихъ мѣръ противъ разбоевъ, говоритъ ему „ты еси отъ Бога поставленъ на казнь злымъ,“ хотя въ то время опредѣленіе законодательныхъ мѣръ не зависѣло исключительно отъ князя. Послѣ же татарскаго погрома и возвышенія Москвы естественно почва для такого ученія оказывалась болѣе плодородною. Перенесеніемъ митрополіи въ Москву духовенство сдѣлало послѣднюю главою православнаго міра, а князей ея не только старшими, но и единственными властителями, предназначен-

нными Богомъ къ собиранію русской земли. Умные московскіе князья, съумѣвъ оцѣнить значеніе поддержки духовенства, постоянно ласкали его, одаряли, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не придавали ему полной независимости.

Далеко не видную роль играло бѣлое духовенство, хотя напротивъ, по безпрерывному непосредственному отношенію къ народу, оно должно было бы быть не менѣе вліятельно. Состоя изъ священно и церковнослужителей, оно находилось въ полной подчиненности, и подъ управленіемъ монашествующихъ іерарховъ и это подчиненіе сказывалось на немъ весьма неблагопріятно, какъ по замкнутости сферы своей дѣятельности, такъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Хотя въ первые вѣка по принятіи христіанской вѣры наши князья при устроеніи церквей и назначали имъ десятую часть своихъ доходовъ, каково напр. назначеніе десятины Владиміромъ и Андреемъ Юрьевичемъ „въ торгѣхъ десятіе недѣли и въ житѣхъ и въ стадѣхъ и во всемъ десятое", но во 1-хъ это пожалованіе было далеко не общимъ правиломъ и во 2-хъ оно большею частью назначалось іерархамъ чернаго духовенства. Дѣйствительность давала странное явленіе: бѣлое духовенство въ черномъ тѣлѣ и наоборотъ черное въ бѣломъ тѣлѣ. Содержаніемъ бѣлому духовенству служила руга (необязательный, впрочемъ, сборъ сельскихъ произведеній съ жителей прихода) и пользованіе незначительными землями и доходами съ нихъ. При этомъ необходимо замѣтить, что при медленномъ прониканіи христіанскихъ истинъ въ народную массу въ приходѣ количество платившихъ ругу было вѣроятно не велико. Такое невыгодное положеніе конечно не могло не отразиться на уровнѣ умственнаго образованія бѣлаго духовенства. И дѣйствительно, въ числѣ священнослужителей, исполняющихъ религіозныя требы, иногда встрѣчались лица неграмотные и далеко не отличающіяся безукоризненною нравственностью.

Изъ всего контингента княжества одно только духовенство, перешедшее къ намъ цѣликомъ изъ Греціи, составляло нѣчто органически-цѣльное, имѣющее опредѣленныя права и обязанности, однимъ словомъ, составляло то, что обыкновенно называется извѣстнымъ состояніемъ народа. Какія же были права

и обязанности духовенства? Разумѣется, главною и существенною обязанностью было распространеніе Слова Божія, утвержденіе паствы въ правилахъ христіанскаго ученія, но кромѣ этого, къ вѣдомству духовенства принадлежали нѣкоторыя самостоятельныя отрасли правительственной дѣятельности, какъ напр. отправленіе правосудія и управленіе. Изъ дѣлъ судебныхъ нѣкоторые разряды принадлежали всецѣло юрисдикціи духовенства, другіе же по отношеніямъ личнымъ. Къ первому разряду относились дѣла брачныя, разводъ, отношенія семейственныя, преступленія противъ нравственности, нарушенія правилъ церковныхъ, завѣщанія и наконецъ мѣры и вѣсы,— безъ всякаго отношенія по различію лицъ, одинаково какъ для свѣтскаго, такъ и для духовнаго званія [1]). Ко второму же разряду относились: а) разборы дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ по обвиненію лицъ духовнаго званія. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ принадлежала по степенямъ подчиненности архимандритамъ, епископамъ и наконецъ митрополиту, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе: „а тяжъ Епископлихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ Епископъ"... [2]) или „и суди судяше (Мишай) и дани и оброки пошлины емляше и нача вооружатися на священники, и на иноки и на игумени, архимандриты, епископы и осуждаше и продаяше многихъ" [3]). Затѣмъ б) разборы дѣлъ людей всѣхъ званій, жившихъ на земляхъ, принадлежащихъ духовенству. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ впрочемъ являлась не иначе, какъ вслѣдствіе пожалованія отъ князя, его порученія и потому ограничивалась пространствомъ пожалованія. Обыкновенно князья, жалуя въ собственность духовенству земли, жаловали вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ надъ тѣми людьми, которые жили на этихъ земляхъ, съ предоставленіемъ въ пользу же духовенства или всѣхъ, или нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинъ, пеней и штрафовъ: „а что учинится между спаскими людьми, бой или татьба или душегубство или самосудъ, то все судитъ игуменъ

[1]) Уставы Владиміра и Ярослава о церковн. судахъ.

[2]) Уст. гр. Смол. кн. Ростислава (1150 г. сент. 30). Дополн. къ Ак. Ист. т. 1, с. 7.

[3]) Никон. IV.

и вину емлетѣ въ домъ Св. Спаса, а нашимъ судьямъ не надобе" (Грам. про домъ Св. Спаса). Въ ярлыкѣ, данномъ ханомъ Узбекомъ Петру митрополиту (1313 г.) право суда предоставлено послѣднему безъ ограниченія „въ разбои и въ поличномъ и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ Петръ митрополитъ единъ" [1]). Иногда нѣкоторыя дѣла по важности своей (разбой, душегубство) выдѣлялись изъ юрисдикціи духовенства, иногда же не бывало никакого исключенія: „а судъ мой Великаго князя надъ владычними людьми въ душегубствѣ и въ разбои и въ татьбѣ" [2]). Приведенная грамота относится къ концу XV столѣтія и вообще можно предположить съ большою вѣроятностью, что съ этого времени Московскіе князья въ стремленіи своемъ обезпечить и увеличить свое вліяніе начали постепенно сокращать предѣлы вотчинныхъ правъ пожалованія.

Наконецъ былъ еще судъ общій „вобчій", происходившій въ тѣхъ случаяхъ, когда разборъ касался до лицъ различныхъ подсудностей, напр. одна сторона была изъ лицъ подсудныхъ духовному вѣдомству, а другая вѣдомству общей правительственной власти. Въ этихъ случаяхъ дѣло разсматривалось совокупно судьями обѣихъ сторонъ, а пеня и штрафы шли по подсудности обвиненной стороны „а межъ моихъ людей и владычнихъ людей судъ и приставъ вобчій".

Кромѣ суда духовенству принадлежало право управленія надъ людьми, жившими на ихъ земляхъ, взысканія съ нихъ различнаго рода доходовъ, наложенія повинностей и т. п. Такъ какъ въ ярлыкѣ Петру митрополиту упоминаются города, волости; ремесленники, принадлежащіе духовенству, то изъ этого можно заключить, что духовенству же могли принадлежать торговыя пошлины и налоги.

Въ разборахъ судебныхъ дѣлъ духовенство руководствовалось постановленіями Кормчей книги, заимствованной нами изъ Греціи. Извѣстенъ списокъ ея, сдѣланный въ 1280 году по распоряженію Великаго князя Дмитрія Александровича, но, вѣроятно, былъ и еще древнѣе.

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. 2, № 7, с. 8.
[2]) С. Г. Г. и Д. т. 1, № 127, с. 324.

Служилые люди. Такъ какъ политическая жизнь до разсматриваемой эпохи не могла выработать государственныхъ началъ, то, слѣдовательно, не могло организоваться отдѣльныхъ органическихъ частей, жившихъ при всей своей индивидуальности единосущно съ общимъ тѣломъ. Поэтому напрасно искали бы указаній и доказательствъ въ нашихъ лѣтописяхъ на существованіе такъ называемаго нынѣ дворянскаго состоянія, высшаго класса государственнаго контингента. Такихъ доказательствъ нѣтъ. Напротивъ того находимъ полное, неопровержимое доказательство несуществованія такого класса въ свободности перехода лица отъ одного князя къ другому безъ всякаго слѣда какого либо измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ даже никакого намека на то, чтобы лица благороднаго, высшаго класса имѣли бы какую либо солидарность съ другими подобными себѣ, чтобъ уходъ лица производилъ какое нибудь измѣненіе въ юридическихъ отношеніяхъ. Съ уходомъ или переходомъ не оказывалось пустаго мѣста въ службѣ князя, уменьшалась только часть его силы, но товарищи ушедшаго оставались непричемъ, они ничего не проигрывали и не выигрывали, за исключеніемъ личныхъ отношеній. А при полномъ отсутствіи солидарности между членами одного состоянія не мыслимо и существованіе самаго состоянія.

Но если не было состоянія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается при государственномъ устройствѣ, то тѣмъ не менѣе былъ многочисленный служительскій классъ болѣе или менѣе почетныхъ, болѣе или менѣе пользующихся вліяніемъ. Этотъ классъ составлялъ нѣсколько подраздѣленій. Предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности этихъ подраздѣленій, необходимо упомянуть объ общей чертѣ служилаго класса. Понятіе о государственной службѣ предполагаетъ обязательство отправленія извѣстныхъ дѣйствій для удовлетворенія извѣстныхъ общественныхъ потребностей и самое обязательство заключается двумя волями, обязывающейся волей частнаго лица и обязывающей волей юридическаго лица какъ представителя общественныхъ интересовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ обязывающая воля дѣйствуетъ лично отъ себя, въ виду лич-

нихъ своихъ интересовъ, въ этихъ случаяхъ дѣло касается частной службы. Поэтому съ понятіемъ государственной службы необходимо связывается понятіе о соблюденіи извѣстныхъ правилъ и условій, ограждающихъ общественное благо. Посмотримъ же какой характеръ носила служба въ нашъ древній періодъ и кто именно были служилые люди.

Основаніе служилыхъ людей составила та дружина, прибывшая съ князьями, изъ которой въ первыя времена князья выбирали извѣстныхъ имъ лицъ для завѣдыванія вмѣсто себя волостями, для сбора дани, объѣздовъ полюдья и другихъ потребностей еще простой жизни. Эти дружины не соединялись съ князьями какими либо крѣпкими узами, кромѣ установленнаго договора, опредѣлявшаго ихъ взаимные интересы: дружина получала отъ князя содержаніе и долю въ добычѣ и за то составляла собою ту силу, которою могъ располагать князь въ своихъ отношеніяхъ. Непривязанные къ князю ничѣмъ, кромѣ взаимнаго интереса, дружинники служили князю на столько, на сколько было выгодно и покидали его тотчасъ же, когда находили другую дѣятельность, болѣе выгодную. Такимъ образомъ съ самаго древнѣйшаго времени, до образованія государства, право свободнаго перехода было отличительной чертой отношеній служилыхъ людей къ своимъ князьямъ. Привязать же къ себѣ этихъ людей болѣе тѣсными отношеніями, каковы напр. отношенія поземельныя, какъ это было на западѣ, князья не имѣли возможности, не обладая и сами самодержавной властью. За неимѣніемъ другихъ прочныхъ связей, князья старались скрѣпить эти связи личнымъ добрымъ отношеніемъ къ дружинѣ, отчего и образовалось понятіе, что золотомъ и серебромъ не добудешь дружины, а съ вѣрной дружиной добудешь и то и другое; отъ этого и дружинники являлись истинными думцами князя, раздѣлявшими его судьбу. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ лучше было и его дружинѣ, бѣднѣлъ князь, бѣднѣла и умалялась его вѣрная дружина, изъ которой многіе переходили къ болѣе сильнѣйшему и болѣе богатому.

Съ погрома татарскаго и съ возвышенія Москвы эти отношенія хотя и не измѣнились, но получили иной оттѣнокъ.

Присвоивъ себѣ вотчинную власть, князья заручились возможностью прикрѣплять къ себѣ служилыхъ людей — бывшихъ дружинниковъ—болѣе вѣрными узами, жалуя имъ различныя кормленія и помѣстья. Но и при такомъ порядкѣ вещей должно было поддерживаться прежнее явленіе т. е., что чѣмъ богаче былъ самъ князь, чѣмъ болѣе онъ располагалъ средствами въ раздачѣ кормленій и помѣстій и, чѣмъ устойчивѣе были его распоряженія, чѣмъ безопаснѣе пользованіе его дарами, тѣмъ болѣе и сильнѣе оказывался приливъ къ нему и служилыхъ людей. Москва представляла собою въ этомъ отношеніи особенныя выгоды, ея князья умѣли богатѣть и примышлять, умѣли оберегать *своихъ людей* и вотъ приливъ къ ней служилаго класса становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Служилые люди съ охотою переходили въ Москву изъ другихъ княжествъ, зная, что съ этимъ переходомъ они только выигрываютъ, что они не лишатся своихъ прежнихъ прибытковъ, оставленныхъ ими въ другихъ княжествахъ, что ихъ съумѣютъ защитить, а при случаѣ и вознаградить съ избыткомъ московскіе князья и зная, наконецъ, что съ этимъ переѣздомъ они все таки продолжаютъ сохранять право свободнаго перехода для неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, увеличивая внѣшнюю силу, Московскіе князья вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавали, что этотъ свободный переходъ стѣснялъ въ тоже время развитіе княжеской власти внутри самаго княжества. Вслѣдствіе этого сознанія явилась очевидная потребность *навсегда прикрѣпить* къ себѣ служилыхъ людей и удовлетвореніемъ этой потребности задались Московскіе князья, какъ это ясно видно изъ послѣдующей исторіи Московскаго княжества.

Послѣ этихъ общихъ словъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса—изъ кого именно состоялъ служилый классъ.

Бояре, старѣйшины, княжъ и мужи. Бояре извѣстны съ глубокой древности; еще въ 767 году въ Византійскихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ названіемъ *боильдовъ*. У Славянъ это были люди, выдѣлявшіеся изъ общей массы умомъ, храбростью, пользующіеся общимъ уваженіемъ и поэтому предводительствующіе въ битвахъ и руководящіе обществен-

ними дѣлами. Послѣ образованія княжествъ бояре, не утрачивая своего значенія, вѣроятно, стали къ новой княжеской власти въ тѣ же отношенія, какія существовали у князя къ племени. Но у пришельцевъ были свои дружины, во главѣ которыхъ стояли также свои бояре, а потому и должно было образоваться два различія боярь племенныхъ или городскихъ и дружинныхъ, различія, ясно замѣчаемаго при внимательномъ чтеніи лѣтописей. Впослѣдствіи это различіе исчезаетъ естественнымъ путемъ, такъ какъ городскимъ боярамъ выгодно было поступать въ службу къ князю въ виду военныхъ добычъ, собиранія дани и полученія земель. Въ корнѣ новыхъ образовавшихся отношеній легли служебныя начала *обязательно-личныя*, служившія основаніемъ къ установленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно несвободнаго состоянія. Этими служебными обязательствами объясняются формы отношеній боярь къ князьямъ „а мнѣ, княже, холопу твоему". Доказательствомъ же того, что между боярами и князьями существовали отношенія только служебныя, обязательно-личныя можетъ служить совершенно свободный переходъ: бояринъ, оставляя службу одного князя и переходя къ другому, не переставалъ быть собственникомъ волости оставленнаго княжества; съ переходомъ не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій. Только впослѣдствіи, съ установленіемъ княжеской осѣдлости послѣ татарскаго ига, начинается и боярская осѣдлость, хотя право свободнаго перехода боярь, какъ и вообще всѣхъ лицъ свободнаго состоянія сохранялось впродолженіи всего періода догосударственной жизни нашего отечества.

Боярамъ поручалось начальствованіе дружиной, управленіе областями или особыми отраслями хозяйственнаго управленія, имѣвшихъ особое названіе *путей*, веденіе переговоровъ и заключеніе договоровъ, блюденіе столицы во время отсутствія князя, участіе въ княжескихъ совѣщаніяхъ, въ думѣ и вообще исполненіе всѣхъ *личныхъ* порученій, требующихъ опытности и извѣстной доли авторитета. Наконецъ въ заключеніе остается сказать, что бояре входили въ служебныя отношенія, кромѣ князей, и къ главѣ духовенства—митрополиту, такъ какъ въ

лѣтописяхъ часто встрѣчаются названія бояръ владычныхъ. Имѣнія бояръ подлежали опредѣленнымъ повинностямъ за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, разумѣется, которыя были освобождены по распоряженію князя.

Названія *княжья мужа и старѣйшины*, кажется, не опредѣляли особыхъ какихъ либо отношеній и употреблялись до татарскаго ига вмѣсто названій бояръ.

Воеводы, *намѣстники*, *волостели*. Названіе воеводъ встрѣчается съ древнихъ временъ и всегда для обозначенія предводителя дружины изъ бояръ. Впослѣдствіи, во время татарскаго владычества, воеводы назначались въ правители городовъ, точно также какъ и намѣстники. Какъ тѣ, такъ и другіе вѣдали гражданскую и уголовную части, но различіе между ними, кажется, заключалось въ томъ, что воеводы назначались преимущественно въ города пограничные и вообще безпокойные, гдѣ требовалась постоянная военная осторожность и готовность къ военной оборонѣ, откуда воеводы *осадные и ратные*; намѣстники же — въ прочіе города, хотя съ тѣми же правами. О правительственномъ и судебномъ значеніи воеводъ, намѣстниковъ и волостелей было сказано въ статьѣ объ органахъ управленія.

Впродолженіи переходнаго состоянія князья, конечно, не могли имѣть при себѣ многочисленнаго класса для личной службы и, вѣроятно, весь ихъ дворъ, кромѣ бояръ, ограничивался отроками и гридьями, а въ хозяйственномъ управленіи ключниками и тіунами, но когда они сдѣлались осѣдлыми, дворъ ихъ естественно долженъ былъ увеличиться съ развитіемъ политическихъ отношеній и хозяйственныхъ дѣлъ. Явились новыя должности отчасти по византійскому образцу, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной потребности. Около этого времени встрѣчаются: *окольничіе*, *стольники*, *сокольничьи*, *ловчіе* и т. п. Должность окольничаго, кажется, въ первый разъ встрѣчается въ договорной грамотѣ 1341 года Великаго князя Симеона Гордаго съ братьями; здѣсь окольничій упоминается въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся подъ грамотой. По имѣющимся свѣдѣніямъ трудно опредѣлить въ чемъ именно заключалась должность окольничаго и каковы были его обязанности: то

онъ вѣдаетъ границы и пограничный судъ—такъ какъ наказами губнымъ старостамъ запрещалось послѣднимъ входить въ пограничные суды, а отсылать ихъ къ окольничьимъ, имѣющимъ власть вести заграничную переписку, то онъ завѣдывалъ дорогами и вообще путями сообщенія, то принималъ пословъ, то завѣдывалъ судомъ и полевымъ боемъ. Всего вѣроятнѣе, окольничимъ назывался вообще человѣкъ приближенный къ князю, его довѣренный, неимѣющій опредѣленныхъ обязанностей, и завѣдывающій всѣмъ, что поручалось ему волею князя. *Стольники* завѣдывали столомъ князя. Такъ какъ въ 1392 году упоминается о посылкѣ митрополитомъ Купріяномъ стольника своего Клементія къ Новгородскому Архіепископу Іоанну, то изъ этого извѣстія можно вывести, что стольники у великихъ князей существовали еще прежде. Затѣмъ сокольничьи, ловчіе и т. п. опредѣлительно характеризуются своими названіями и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ обязанностяхъ. Наконецъ вообще должно замѣтить, что всѣ подобныя должности имѣли характеръ *лично-обязательныхъ* отношеній къ князю, неимѣющихъ никакого государственнаго значенія и зависѣли отъ произвола князя. Такъ окольничьи могли завѣдывать обязанностями стольниковъ, а послѣдніе обязанностями первыхъ.

О прочихъ княжескихъ чиновникахъ дворскомъ, казначеѣ и проч. было сказано въ органахъ управленія. Они завѣдывали имуществомъ князя и точно также имѣли къ нему личныя обязательства.

Остается упомянуть еще объ одномъ видѣ должностныхъ лицъ, о такъ называемыхъ дѣтямъ боярскихъ. Трудно сказать что нибудь положительно вѣрное относительно образованія этого класса и объ его обязанностяхъ. Самое названіе дѣтей боярскихъ встрѣчается не ранѣе XIV столѣтія и безъ опредѣленнаго значенія. Изъ сравненія различныхъ мѣстъ упоминаній о дѣтяхъ боярскихъ можно вывести предположительно, что по преимуществу обязанность ихъ состояла въ отправленіи воинской повинности, за что они получали въ помѣстье извѣстный земельный участокъ, съ котораго обязывались выставлять извѣстное число воиновъ. Хотя обязанность дѣтей боярскихъ

и касалась преимущественно воинской повинности, но тѣмъ не менѣе иногда встрѣчаются дѣти боярскія и при исполненіи порученій дипломатическихъ и хозяйственныхъ.

ГЛАВА XII.

Судъ.

По общепринятому понятію задача суда — охранять, а въ случаѣ нарушенія возстановить право, на сколько это возможно, по фактическимъ обстоятельствамъ. Соединяясь такимъ образомъ съ правомъ жизненными, неразрывными узами, судъ во всемъ существѣ своемъ раздѣляетъ его судьбу. Какъ право, расширяясь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни, восходитъ отъ частныхъ опредѣленій выдѣляющихся общественныхъ явленій къ общимъ началамъ, точно такъ и судъ отъ частнаго самоуправства (самосуда) и возмездія переходитъ постепенно черезъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій къ институту государственному, къ формѣ отправленія, правильной общественной организаціи. Этотъ постепенный переходъ, вытекающій изъ самой жизни народа, отражаетъ въ себѣ современное ему состояніе общества болѣе и вѣрнѣе всякаго другаго историческаго памятника, а потому и въ настоящемъ изслѣдованіи правильный анализъ права и суда вѣчеваго и московскаго періодовъ по логической послѣдовательности долженъ привести къ правильному взгляду на сущность общественной организаціи того времени.

У народовъ младенчествующихъ право заключается въ обычаѣ, т. е. въ томъ воззрѣніи, какое всѣми въ обществѣ одинаково понимается и сознается. Въ оформленіи обычая письменнымъ закономъ не бываетъ нужды и необходимости; все идетъ по *пошлинѣ*. На такую-то пошлину и указывали славянскія племена, призвавшія князей *судить по праву*. Только впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи жизни и при внесеніи въ внутренній бытъ новыхъ элементовъ, встрѣчается надобность

въ законодательномъ опредѣленіи вновь возникающихъ отношеній. Въ жизни славянскихъ обществъ такихъ новыхъ элементовъ было два: прибытіе варяжскихъ князей съ дружиной и принятіе христіанства и эти оба новые элементы вызвали появленіе *Русской Правды*.

Русская Правда дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой, состоящей изъ 17 статей (объ убійствѣ, о личномъ оскорбленіи свободнаго холопомъ, нѣкоторыхъ нарушеніяхъ вещныхъ правъ, о нѣкоторыхъ процессуальныхъ сторонахъ денежныхъ исковъ) и пространной. Первую обыкновенно относятъ къ эпохѣ Ярослова 1,—вторую къ временамъ послѣдующимъ. Такъ какъ Русская Правда составляетъ нашъ первый и дѣйствительно весьма замѣчательный законодательный памятникъ, то, естественно, на него преимущественно было обращено вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Много было по поводу ея высказано споровъ и болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаній, но тѣмъ не менѣе поднятые вопросы до сихъ поръ остаются не выясненными до положительной опредѣленности. Такъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросъ: была-ли Правда оффиціальнымъ законодательнымъ сборникомъ или только практическимъ руководствомъ для судей при рѣшеніи дѣлъ? Если на второе толкованіе наводятъ встрѣчающіяся въ Правдѣ нѣкоторыя объяснительныя выраженія, какъ напр. о пропавшемъ «рабѣ «а то есть не скотъ неизъ рчи невѣдѣ у кого есмь купилъ», то за то на первое толкованіе указываютъ выраженія на установленіе закона княземъ. Впрочемъ вопросъ объ оффиціальной сторонѣ этого документа не можетъ имѣть особеннаго значенія при согласіи обоихъ толкованій въ дѣйствительномъ примѣненіи положеній Правды къ возникавшимъ случаямъ, а слѣдовательно и въ дѣйствительномъ выраженіи въ ея положеніяхъ состоянія современнаго общества.

Точно также не согласны наши изслѣдователи и въ вопросѣ о томъ, на сколько Русская Правда выражаетъ собою продуктъ славянской жизни и вошли ли въ нее элементы чуждыхъ правъ германскаго и византійскаго.

Большинство нашихъ ученыхъ, соглашаясь видѣть въ Русской Правдѣ вообще произведеніе славянскаго духа и

выраженіе народнаго обычая, признають однако нѣкоторыя ея положенія заимствованными. Такъ установленіе виръ, т. е. денежныхъ взысканій съ правонарушителей или съ округовъ, гдѣ послѣдніе жительствовали, обыкновенно, признають за германское Wehrgeld — взысканіе въ пользу обиженнаго или для примиренія съ его близкими; такъ въ нашей верви видять заимствованіе отъ народовъ германскихъ ихъ учрежденія Gesammtbürgschaft заключающемся въ взаимномъ поручительствѣ семейства за безопасность и поведеніе своихъ членовъ. На это заимствованіе указываетъ еще почти дословное сходство нѣкоторыхъ статей Правды, какъ напр. статьи о ѣздѣ на чужомъ конѣ. Но такая кажущаяся наглядная убѣдительность не можетъ еще служить основаніемъ къ положительному заключенію. Весьма часто сходство обычаевъ встрѣчается у народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія, хотя невозможно предполагать какихъ либо ихъ отношеній другъ съ другомъ. Извѣстно напр. поразительное сходство обычаевъ краснокожихъ американцевъ съ такъ называемыми законами варварскими (leges barbarorum) или съ обычаями кавказскихъ горцевъ. Въ виду такихъ то фактовъ встрѣчающееся сходство положеній Русской Правды съ законами германскими и невозможно считать заимствованіями—тѣмъ болѣе, что, по выраженію нашего лѣтописца, славяне имѣли до призванія князей нетолько обычаи, но даже преданья и законы отецъ своихъ.

Затѣмъ представляется вопросъ: была ли Русская Правда закономъ князя, выраженіемъ его законодательной дѣятельности или же простымъ оформленіемъ существовавшаго обычая? Каждый народъ въ своемъ младенческомъ состояніи руководствуется обычаемъ и руководствуется имъ до тѣхъ поръ, пока новое какое-либо общественное столкновеніе не вызоветъ на вопросъ, выходящій изъ рамокъ существовавшаго обычая. Рѣшеніе этихъ-то новыхъ вопросовъ на почвѣ народнаго воззрѣнія обыкновенно служитъ, какъ уже было сказано выше, побудительной причиной къ появленію законовъ письменныхъ. Редакція нѣкоторыхъ статей пространной Русской Правды ясно обнаруживаетъ обычное ихъ происхожденіе въ общемъ совѣщаніи князя съ земствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако

встрѣчаются и статьи, указывающія на дѣятельность князя, какъ на непосредственный, единственный источникъ закона.

Въ XV статьѣ Русской Правды говорится: „а се уставилъ Володимеръ князь Всеволодовичъ (мономахъ) по Святополчѣ сзвавъ дружину свою на берестовомъ ратибора тысячького кыевьскаго и Прокопію бѣлогородьского тысячького Станислава переяславьскаго тысячького нажира Мирослава Иванка Чудиновича Ольгова мужа и *уставиши люди* до третьяго рѣза"... [1]) Далѣе, въ статьѣ о судѣ Ярославлихъ дѣтей изложено, что „по Ярославѣ же паки съвъкупивъшеся сынове его русьтіи князи, Изяславъ, Святославъ Всеволодъ и мужи ихъ късничько перенѣгъ Никифоръ Кыанинъ Чудинъ Микула и отложиша убіеніе за голову къ кунами ся выкупаши а ино все якоже Ярославъ судилъ такожде и сынове его *уставиша*". [2]) Изъ статьи же объ удареніи холопомъ свободнаго узнаемъ, что за это оскорбленіе „великій князь Ярославъ Володимеричъ *уставилъ* убити нъ, сынове *уставища* на куны". [3]) По первымъ двумъ приведеннымъ статьямъ законодательная дѣятельность князя раздѣляется между нимъ и выборными лицами, такъ какъ это видно изъ самаго выраженія *уставиша люди*, третьей же статьею законодательная мѣра приписывается личной дѣятельности князя, безъ участія другой силы. Въ какихъ же отношеніяхъ и въ какомъ размѣрѣ заключалалась эта дѣятельность?

Въ главѣ о верховной власти князя вообще уже былъ разсмотрѣвъ вопросъ о законодательной отрасли этой власти и объ отношеніяхъ ея къ народному участію. По самому безпристрастному разсмотрѣнію источниковъ оказалось, что законодательная дѣятельность далеко не всецѣло принадлежала одному князю, но напротивъ, столько же, если не болѣе, принадлежала и народному собранію. Отношенія между двумя этими факторами не были опредѣленными и весьма много зависѣли отъ личности князя, его популярности. Какимъ же

[1]) Изсл. о Рус. Пр. Калачова стр. 86.

[2]) ibid. c. 109.

[3]) ibid. c. 94.

образомъ въ статьѣ Правды объ оскорбленіяхъ холопомъ свободнаго человѣка ни слова не упоминается объ участіи народа? Чѣмъ же объясняется такое важное противорѣчивое указаніе? Для разъясненія его необходимо принять на видъ слѣдующія соображенія.

Предварительно должно замѣтить, что редакцію статей Русской Правды невозможно считать положительно вѣрной. Лѣтописцами (краткая и пространная Русская Правда находится въ различныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ церковныхъ законовъ, кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ) и переписчиками были монахи, т. е. именно тѣ люди, которые по византійскимъ традиціямъ и личнымъ отношеніямъ склонны были видѣть въ князѣ представителя полной самодержавной власти, отъ которой, по божественному происхожденію ея, исходили всѣ функціи отправленія всѣхъ общественныхъ отношеній. А вслѣдствіе такого кореннаго убѣжденія лѣтописца, или переписчика становится весьма естественнымъ указаніе его на личную дѣятельность князя „устави“, тогда какъ въ дѣйствительности это установленіе было дѣломъ общимъ, совмѣстнымъ князя, дружины и представителей народныхъ.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса, не было ли случаевъ, когда и князь могъ быть установителемъ закона? Князья призывались *судить по праву*. Вслѣдствіе этого кореннаго положенія князья и ихъ представители по уполномочію были облечены судебною властью примѣнять существовавшіе законы-обычаи къ возникавшимъ случаямъ. До тѣхъ поръ пока случаи правонарушеній ограничивались сферой обиходно существовавшаго порядка, для рѣшенія ихъ оказывалось достаточнымъ всѣмъ извѣстныхъ опредѣленій обычая, но когда въ жизни возникли новыя явленія, новыя отношенія, пришедшія извнѣ, то вслѣдствіе этого новыя правонарушенія потребовали новыхъ разрѣшеній. Къ этимъ-то новымъ возникавшимъ въ дѣйствительной жизни случаямъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія княземъ, его тіуномъ, или его бояриномъ примѣнялись новыя опредѣленія въ видѣ рѣшеній данныхъ случаевъ. И если эти рѣшенія соотвѣтствовали народ-

ному воззрѣнію, казались справедливыми, то они немедленно служили руководствомъ или примѣрами на послѣдующее время для всѣхъ подобныхъ правонарушеній.

Такимъ образомъ устанавливался новый законъ и установленіе его естественно приписывалось монахами-лѣтописцами князю, какъ главному верховному судьѣ, хотя, въ дѣйствительности, виновниками новаго закона билъ нетолько не князь и его тіунъ, но просто какой нибудь вліятельный дружинникъ или какое-нибудь значительное земское лицо. Частая же повторяемость одинаковыхъ случаевъ или особенная важность ихъ по временамъ доходила до разсмотрѣнія и обсужденія высшей законодательной власти, т. е. князя и земскихъ выборныхъ людей—тогда эти послѣднія опредѣленія принимали общеобязательную форму закона. На эти-то обстоятельства и указываютъ приведенныя статьи Русской Правды, на которыя ни въ какомъ случаѣ невозможно смотрѣть какъ на исключительный источникъ законодательной дѣятельности князя. Слѣдовательно, въ источникахъ права должно видѣть прежде и главнѣе всего обычаи, затѣмъ судебныя рѣшенія и наконецъ опредѣленія законодательной власти, составляющейся при общемъ соучастіи князя и народа. Наконецъ, къ источникамъ права должно отнести и опредѣленія византійскаго права «закона суднымъ людямъ», но эти опредѣленія имѣли силу, вѣроятно, только въ случаяхъ, подлежащихъ обсужденію духовенства. Такой порядокъ формулированія права продолжался во весь древній вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Съ татарскаго ига внутренній общественный порядокъ измѣнился на столько, насколько измѣнились фактическія отношенія элементовъ. Значительное разрѣженіе свободнаго класса не могло не ослабить значенія народнаго голоса вообще въ общественныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ законодательной его дѣятельности, на развитіе которой по отношенію народнаго участія въ нашихъ памятникахъ уже не встрѣчается дальнѣйшихъ указаній. При разгромленіи народа татарскимъ игомъ должна была бы повидимому выдвинуться законодательная дѣятельность князя, но и этого не видимъ вслѣдствіе, вѣроятно, приниженнаго положенія князей, какъ покор-

ныхъ улусниковъ ханскихъ. Дѣйствующимъ правомъ продолжала существовать Русская Правда съ дополненіями, заключающимися въ законахъ духовенства и въ договорныхъ опредѣленіяхъ князей между собою и съ иностранцами. Князья, ихъ тіуны, намѣстники и волостели судили и рѣшали дѣла по пошлинѣ, по старому обычаю, по Русской Правдѣ и по тому, какъ Богъ на душу пошлетъ. Потребности въ законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ не возникало, да и не могло возникнуть. Получивъ осѣдлость и не встрѣчая самостоятельнаго противодѣйствія со стороны народа князья начинали смотрѣть на свои волости, какъ на собственность. Въ Московскомъ же княжествѣ такой взглядъ естественно долженъ былъ сложиться вслѣдствіе своихъ поземельныхъ вотчинныхъ отношеній.

Между тѣмъ, по мѣрѣ расширенія Московскаго княжества, правильное отправленіе правосудія становилось затруднительнымъ. Отдаленнымъ поселеніямъ съ одной стороны могли быть незнакомы и чужды постановленія Русской Правды, а съ другой не могли не казаться обремѣнительными и несправедливыми денежныя взысканія за преступленія и вознагражденія за отправленіе правосудія. Кромѣ того, отдаленность отъ центра, отъ княжескаго стола давала полную возможность намѣстникамъ, волостелямъ и тіунамъ безнаказанно увеличивать тяжебные поборы и тѣмъ возбуждать безпрерывныя жалобы поселеній на стѣсненія. Для отстраненія подобныхъ злоупотребленій князья стали издавать такъ называемыя уставныя и судныя грамоты. Изъ нихъ первыя имѣли цѣлью установить, по возможности, порядокъ управленія, вторыя же предназначались преимущественно для дѣлъ судебныхъ. Въ содержаніи послѣднихъ заключаются руководящія правила намѣстникамъ и волостелямъ при разборѣ дѣлъ, излагаются нѣкоторые законы, по преимуществу охранительные, исчисляются денежныя пени и судебныя пошлины, опредѣляются доказательства, способы собиранія ихъ и наконецъ рѣшенія дѣлъ и исполненія. Такое содержаніе грамотъ ясно указываетъ на цѣль ихъ изданія: на обузданіе своеволія и злоупотребленій намѣстниковъ и для охраненія отъ нихъ мѣстныхъ жителей.

Уставныя и судныя грамоты имѣютъ вполнѣ характеръ инструкцій: онѣ не опредѣляютъ ничего новаго и въ нихъ нельзя видѣть какого либо новаго законоположенія, какъ продукта законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ. Хотя изданныя уставныя и судныя грамоты относятся къ времени послѣдующему 1-й половины XIV столѣтія, но нѣтъ никакого основанія отвергать существованія ихъ и въ это время, но только не дошедшихъ до насъ, или еше не обнародованныхъ. Вѣроятно, въ нашихъ монастырскихъ архивахъ хранится подъ спудомъ много еще драгоцѣнныхъ матеріаловъ, изданіе которыхъ прольетъ много свѣта на нашу минувшую общественную жизнь. Впрочемъ и изданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ достаточно для вѣрнаго опредѣленія общаго ихъ типа,—типа. выражающаго частную заботливость князя-собственника, частнаго владѣльца-хозяина.

По разсмотрѣніи общихъ черть существовавшаго права, остается прослѣдить тѣ формы, въ которыхъ проводились въ жизнь опредѣленія началъ права, формы примѣненія послѣднихъ къ возникавшимъ случаямъ, формы судопроизводства. Вопросъ о судопроизводствѣ, по отношенію къ настоящему изслѣдованію, не лишенъ серьезнаго значенія. Производство суда—дѣло общественное, и потому по необходимости должно носить на себѣ вѣрный отпечатокъ современнаго общественнаго склада.

Обыкновенно первобытная форма разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ граждавскихъ и обсужденіе уголовныхъ дѣлъ заключается у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, равно какъ и у славянъ, въ безапелляціонныхъ изрѣченіяхъ главъ семействъ и родоначальниковъ, изреченіяхъ, выражающихъ собою народное воззрѣніе. Затѣмъ по мѣрѣ распаденія и разрушенія родоваго начала, авторитетъ родоначальниковъ слабѣетъ и вмѣсто него естественно развивается личный произволъ въ видѣ самоуправства, самосуда. Такимъ образомъ, первыя формы судопроизводства у нашихъ предковъ славянъ состояли въ *мировомъ разборѣ* родоначальника, свято-обязательномъ для спорящихъ по живому еще сознанію единства происхожденія и солидарности членовъ. Только когда это живое сознаніе со-

лидарности изчезаетъ, въ обществѣ обнаруживается личное преслѣдованіе каждымъ своего права, какъ это и видимъ въ явленіяхъ родовой мести. Господство самоуправства и самосуда, конечно, не могло не произвесть общественнаго нестроенія и вотъ «вста родъ на родъ и быша усобица.»

Призваніе новой судебной власти въ видѣ княжеской, имѣло цѣлью вручить постороннему элементу, чуждому и потому безпристрастному къ мѣстнымъ взаимнымъ отношеніямъ, охраненіе внутренняго порядка и судебный разборъ. Эта власть, вслѣдствіе своего установившагося положенія, строго ограничивалась цѣлями призванія. Если бы княжеская власть обладала законодательной дѣятельностью, то тогда и власть судебная получила бы болѣе широкое значеніе, но, не имѣя законодательной опоры, послѣдняя должна была занять низкое положеніе. Оттого-то въ дѣятеляхъ судебнаго вѣдомства видимъ лицъ, не только не обладавшихъ общественнымъ значеніемъ, но даже изъ лицъ несвободнаго класса. Самое дѣло отправленія правосудія разсматривалось, какъ доходная статья князя. Въ качествѣ такого главнаго финансоваго характера, судъ и не могъ получить даже въ общихъ чертахъ должной организаціи, какъ судебнаго института. Не было опредѣленныхъ правъ и обязанностей судебныхъ органовъ, ни ихъ юрисдикцій.

Какъ доходная статья, какъ *кормленіе* — судъ отдавался, то учрежденіямъ (монастырямъ, церквамъ), то частнымъ лицамъ, то передача происходила въ полномъ объемѣ, то касалась только нѣсколькихъ сторонъ. Все высказанное ясно указываетъ на частный характеръ суда, несмотря даже на то, что, по основной природѣ своей, судъ — дѣло общественное. Самимъ современникамъ, судъ представлялся только частнымъ тягломъ и повинностью. «Изъ начальниковъ дружины они (князья) превратились въ вотчинниковъ, говоритъ г. Чичеринъ въ трудѣ своемъ объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), но характеръ управленія остался тотъ же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи

дохода князем и его слугами. Князь по прежнему имѣлъ право суда и дани. То было тягло, лежавшее на землѣ; всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ точно также, какъ суду и повиностямъ монастырскимъ подвергались всѣ жившіе на монастырскихъ земляхъ. Общимъ правиломъ было: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ.»

Слѣдовательно и обозрѣніе судебной стороны общественной жизни привело къ тому же убѣжденію въ совершенномъ отсутствіи государственнаго начала, какъ въ вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи, такъ и въ періодѣ московско-вотчинномъ.

заявятъ о какомъ либо нарушеніи существующихъ торговыхъ договоровъ, — то блистательная Порта немедленно приметъ всѣ зависящія отъ нея строгія мѣры для удовлетворенія пострадавшихъ и возстановленія точнаго смысла трактатовъ. Россія обязывается поступать точно также относительно турецкихъ подданныхъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія торговыхъ договоровъ.

Ст. 13. выражаетъ согласіе Россіи на посредничество Порты для заключенія мира съ Персіей.

Ст. 14, 15 и 16 опредѣляютъ условія прекращенія военныхъ дѣйствій и взаимнаго обмѣна ратификацій. Обмѣнъ таковыхъ со стороны Россіи послѣдовалъ въ Вильнѣ 11 іюня того же 1812 года.

Такимъ образомъ изъ обзора условій Бухарестскаго трактата, и преимущественно 4-й его статьи, усматривается что Россія пріобрѣла почти третью часть Молдавіи, крѣпости: Хотинъ и Бендеры, всю Бессарабію съ Измаиломъ и Киліей и много городовъ, селъ и деревень. Кромѣ того, по смыслу 6-й статьи, она получила возможность, при приведеніи въ исполненіе условій трактата, удержать за собою всѣ области, находящіяся за Арпачаемъ и Аджарскими горами до Чернаго моря.

Дѣйствительно, отбросивъ Персіанъ за Араксъ еще до объявленія войны Турціи, Россія уже «de facto» владѣла Грузіей, Мингреліей и Турахчайскимъ краемъ, какъ по праву завоеванія, такъ и вслѣдствіе добровольно изъявленной этими странами покорности [1]).

Турція же, постоянно оспаривавшая у Россіи право оказывать имъ покровительство, утратила съ того времени всякое основаніе заявлять подобные протесты, такъ какъ удовольствовалась принятымъ Россіей обязательствомъ (ст. 6), немедленно по заключеніи мира возвратить ей всѣ крѣпости и стратегическіе пункты, отнятые у нея силою русскаго оружія.

---

[1]) Гуллистанскимъ миромъ заключеннымъ Россіей съ Персіей въ 1813 году, всѣ эти страны были окончательно присоединены къ Россія.

Послѣдніе годы Александра I. Царствованіе императора Николая I.

ГЛАВА V.

Греческое возстаніе. Протоколъ ($^{4}/_{16}$ апрѣля) 1826 г. по греческимъ дѣламъ. Аккерманскій договоръ 25 сентября (7 октября) 1827 г. Адріанопольскій миръ $^{2}/_{14}$ сентября 1829 года.

Въ теченіи семнадцатилѣтняго періода времени, протекшаго отъ заключенія Бухарестскаго до подписанія Адріанопольскаго мира, Россія не сдѣлала новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Результаты ея вѣковой борьбы съ Турціей, не оставляя желать чего либо лучшаго, давали ей неоспоримое право: довольствуясь нравственно-дружественнымъ вліяніемъ на Порту, ограничиться лишь дѣйствіями, клонившимися къ утвержденію за ея единовѣрцами привиллегій, исторгнутыхъ у султана силою русскаго оружія.

И Россія неуклонно слѣдовала такой политикѣ, пока обстоятельства не вынудили ее наконецъ, мирволя туркамъ, пожертвовать преданностью народовъ, по справедливости признававшихъ ее своею естественною, высоко чтимою покровительницею.

Всѣми трактатами, заключавшимися съ 1812 по 1829 годъ, несомнѣнно имѣлось въ виду надѣлить дунайскія княжества наибольшими привиллегіями и еще добиться освобожденія Греціи изъ-подъ турецкаго владычества. Хотя нельзя не признать, что, въ послѣдніе годы своего царствованія, императоръ Александръ I, безусловно слѣдуя политикѣ князя Меттерниха, не принималъ никакого участія въ судьбѣ единовѣрцевъ своего народа, и что трактаты, о которыхъ упомянуто выше, были заключены его преемникомъ императоромъ Николаемъ I, — но для вѣрнаго уясненія обстоятельствъ, завершившихъ и успокоившихъ возникшія тогда волненія, необ-

ходимо представить бѣглый историческій обзоръ греческаго возстанія и опредѣлить долю участія, принятаго въ немъ Россіей.

Такой обзоръ настоятельно необходимъ потому еще, что до того времени ни одно народное возстаніе, гдѣ бы таковое не возникало, не возбуждало подобнаго общаго, напряженнаго вниманія и сочувствія, какъ возстаніе грековъ, громкая историческая слава которыхъ санкціонировала, такъ сказать, ихъ энергическій протестъ противъ деспотическаго ига, тяготѣвшаго надъ ними впродолженіи трехъ съ половиною вѣковъ.

Политическія волненія, по паденіи Наполеона безпрерывно возникавшія во многихъ мѣстностяхъ Европы, не могли не обнаружиться и въ Греціи, сознававшей себя достаточно сильною и способною для завоеванія себѣ независимости.

Въ Германіи, Италіи и Испаніи образовалось весьма много обществъ, имѣвшихъ цѣлью оказывать дѣятельное содѣйствіе дѣлу освобожденія грековъ. Во время Вѣнскаго конгресса одно изъ такихъ обществъ, называвшееся „Гетеріей", пріобрѣло не маловажное политическое значеніе, и въ числѣ его членовъ было много высокопоставленныхъ лицъ; между ними Каподистрія и Александръ Ипсиланти занимали видныя мѣста. Они оба состояли на русской службѣ: первый былъ министромъ, а послѣдній генераломъ.

Разсчитывая, какъ на поддержку со стороны Россіи, такъ и на слабость Оттоманской Имперіи, Ипсиланти съ горстью отважныхъ сподвижниковъ перешелъ въ 1821 году Прутъ, взялъ Яссы и издалъ прокламацію, которою торжественно объявлялъ, что Греція, вспомоществуемая Россіей, открыто возстаетъ противъ Турціи.

Вотъ что писалъ Ипсиланти императору Александру изъ Яссъ:

„Я твердо вѣрю, Государь, что вы не откажетесь „принять участіе въ судьбахъ Греціи!.. Однимъ Вашимъ „словомъ, Вы избавите её отъ чудовищнаго деспотизма, „тираннія и ужасовъ долгой отчаянной борьбы! Спасите „насъ, спасите вѣру Христову отъ преслѣдованій всякаго „рода, которымъ она подвергается; возвратите намъ

„наши храмы и алтари, озарившіе великій, Богомъ ввѣ„ренный Вамъ народъ, свѣтомъ Евангельскаго ученія! „Изгоните изъ Европы турокъ, этихъ исчадій ада, и „тогда къ громкимъ титуламъ, поднесеннымъ Вашему Ве„личеству глубокою признательностью христіанскаго мі„ра, присоединится еще новый, не менѣе славный ти„тулъ Освободителя Греціи!“

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что императоръ Александръ принималъ горячее участіе въ судьбахъ Греціи, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ одобрить смѣлаго поступка Ипсиланти, знаменовавшаго явное нарушеніе принциповъ, свято и неуклонно слѣдовать которымъ онъ обязался трактатомъ 1815 г. Императоръ не только не хотѣлъ, но по справедливости и не могъ, по смыслу вышеупомянутыхъ принциповъ, дать державамъ право упрекать его въ оказаніи поддержки и покровительства тайнымъ козиямъ противъ Турціи, клонившимся къ сокрушенію порядка вещей, съ такимъ великимъ трудомъ установившагося въ Европѣ; поэтому Ипсиланти былъ тотчасъ же исключенъ изъ русской службы. Кромѣ того, не возражая противъ вступленія въ княжества турецкихъ войскъ, посланныхъ для подавленія мятежа, императоръ поручилъ своимъ дипломатическимъ агентамъ на Востокѣ выразить Портѣ свое сожалѣніе по поводу происшедшаго событія, нисколько имъ неодобряемаго.

Турецкія войска послѣ стычки въ окрестностяхъ Драгахана незамедлили разсѣять шайку Ипсиланти, который былъ вынужденъ искать спасенія въ Австріи, но тамъ его арестовали и подвергли тюремному заключенію, длившемуся семь лѣтъ. Однакоже и турки слишкомъ поторопились торжествовать свою побѣду и считать мятежъ окончательно подавленнымъ: попытка Ипсиланти, хотя неудавшаяся, послужила сигналомъ къ общему возстанію, одновременно быстро охватившему сѣверъ и югъ Греціи.

Съ особою энергіею и силою вспыхнуло возстаніе въ Мореѣ и на островахъ Архипелага. Турки, отнюдь не ожидавшіе нападеній съ этой стороны, были всюду на голову разбиваемы, а греческій флотъ, въ соединеніи съ эскадрою Аали-

паши Египетскаго, дѣйствовалъ вполнѣ успѣшно, нанося туркамъ чувствительный вредъ. Вскорѣ вся Морея была свободна.

Ярость султана, вынужденнаго сознать свою немощность въ дѣлѣ подавленія мятежа единственно силою турецкаго оружія,—незнала границъ. Увлекаемый жаждою мщенія, онъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству: возбудивъ мусульманскій фанатизмъ, произвести избіеніе всѣхъ христіанъ, проживавшихъ въ оттоманскихъ владѣніяхъ. Страшная рѣзня послѣдовавшая въ Константинополѣ, не замедлила повториться и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи.

Тысячи христіанъ были умерщвлены самымъ гнуснымъ образомъ. Мусульмане врывались въ христіанскіе храмы даже вовремя священнодѣйствія по случаю праздника Пасхи, рѣзали и душили собравшихся въ нихъ богомольцевъ.

Чтобы вполнѣ освѣтить мрачную картину неимовѣрныхъ жестокостей, совершенныхъ тогда въ Константинополѣ, достаточно напомнить читателямъ, что маститый, всѣми уважаемый старецъ патріархъ Григорій, былъ вытащенъ изъ алтаря и въ полномъ облаченіи своего высокаго сана, повѣшенъ передъ храмомъ, въ которомъ священнодѣйствовалъ!

Факты неслыханнаго звѣрства турокъ, конечно, не были тайною для Европы. Но развѣ она могла обратить на нихъ вниманіе и подать грекамъ руку помощи именно въ то время, когда всѣ безъ исключенія державы соперничали между собою въ усиліяхъ подавить революціонныя движенія, обнаруживавшіяся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи? Князь Меттернихъ руководилъ тогда политикою Европы, подобострастно преклонявшейся предъ его высокою, непогрѣшимою мудростью. Постоянно застращивая монархическія правительства, онъ проповѣдывалъ имъ, что анархія, распространяя повсюду свое тлетворное дыханіе, угрожаетъ гибелью общественному порядку и спокойствію и что возстаніе грековъ, представляясь явнымъ посягательствомъ произвести въ Европѣ общій переворотъ, не можетъ найти себѣ оправданія, даже въ самомъ отвратительномъ деспотическомъ гнетѣ.

Хотя императоръ Александръ, какъ первенствующій членъ

Священнаго Союза и помимо вліянія князя Меттерниха не признавалъ возможнымъ оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ, но константинопольскія событія поколебали однакоже его рѣшимость слѣдовать въ восточныхъ дѣлахъ политикѣ невмѣшательства, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ поруганію вѣры Христовой и къ тяжкимъ страданіямъ исповѣдующихъ ее, тѣмъ болѣе, что русскій народъ жаждалъ мщенія, а русскія войска сгарали нетерпѣніемъ еще разъ помѣряться силами съ турками.

Мы уже сказали выше, что событія, совершавшіяся въ Европѣ, исключительно поглощали вниманіе императора Александра; добавимъ, что и положеніе, принятое остальными державами, не подавало ему надежды, чтобы объявленіе войны Турціи, хотя вполнѣ оправдываемое ея возмутительными поступками, было встрѣчено ими одобрительно.

Между тѣмъ, кромѣ поруганія вѣры Христовой, Россія имѣла не мало другихъ законныхъ причинъ начать войну съ Турціей. Достаточно указать, что Порта всячески уклонялась отъ точнаго исполненія нѣкоторыхъ статей бухарестскаго трактата и преимущественно тѣхъ, которыми ограждалось судоходство русскихъ купеческихъ кораблей по Черному морю. При всемъ томъ, императоръ Александръ, даже въ виду нарушенія и оскорбленія его державныхъ правъ и власти, побуждавшихъ къ возмездію,—еще медлилъ, надѣясь прійдти къ соглашенію путемъ дипломатическихъ переговоровъ; русскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Строгановъ, которому императоръ поручилъ потребовать отъ Порты объясненія по поводу возникшихъ недоразумѣній, былъ на первыхъ же порахъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что на поддержку пословъ другихъ державъ онъ разсчитывать не могъ: они не довѣряли ему, или вѣрнѣе, кабинету, котораго онъ былъ представителемъ,—а лордъ Страффордъ Редклифъ, ревностный поклонникъ князя Меттерниха, нисколько не стѣснялся открыто выражать ему свою ненависть.

Съ другой стороны замѣтное усиленіе греческаго возстанія давало Портѣ поводъ предполагать, что Россія втайнѣ под-

держиваетъ таковое; это еще болѣе усложняло отношенія Дивана къ русскому послу и усилило ея недовѣріе къ нему.

Испытавъ всѣ средства достигнуть своихъ цѣлей, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, и убѣдясь наконецъ, что вразумить Порту можно лишь дѣйствіями энергическими, Строгановъ вручилъ ей 6 (18) іюля ультиматумъ, которымъ обвинялъ турокъ въ нарушеніи существующихъ трактатовъ, въ ограниченіи свободы русской торговли и въ поруганіи вѣры православной, требуя также немедленнаго принятія мѣръ, способныхъ вполнѣ обезпечить на будущее время политическую и религіозную свободу греческой націи.

Порта не потрудилась даже отвѣтить на ультиматумъ графа Строганова, который вслѣдствіе этого новаго, тяжкаго оскорбленія, поспѣшилъ со всѣми чиновниками посольства, выѣхать изъ Константинополя.

Война представлялась неизбѣжною,—но князь Меттернихъ, а равно и всѣ остальные вліятельные дипломаты Европы, слишкомъ горячо желали, навязавъ Россіи свою политическую мудрость, не допустить ее до вооруженнаго столкновенія съ Турціей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что замыслы этихъ господъ встрѣчали весьма серьезное неодобреніе въ средѣ русскаго общества, настоятельно требовавшаго объявленія войны; но развѣ это могло вліять на дѣйствія императорскаго правительства? Нисколько, такъ какъ въ то время не существовало свободы печатнаго слова, а строгая цензура не допускала гласнаго обсужденія мѣръ, предложенныхъ Европейскою политикою для отвращенія грозы, уже начинавшей разражаться на востокѣ.

Изъ ближайшихъ совѣтниковъ императора Александра, только графъ Каподистрія настаивалъ на принятіи энергическихъ мѣръ, способныхъ заставить Турцію строго исполнять условія заключенныхъ съ нею трактатовъ и представить прочныя гарантіи, что политическія и гражданскія права греческой народности будутъ ненарушимо соблюдаемы; остальные же утверждали напротивъ, что такая политика, ободривъ революціонеровъ, вызоветъ съ ихъ стороны еще болѣе смѣлыя попытки осуществить ихъ завѣтныя мечты и вмѣстѣ съ тѣмъ

нарушить дружескія отношенія, установившіяся между державами со времени Вѣнскаго конгресса.

Хотя несостоятельность приведенныхъ доводовъ была очевидна, но императоръ Александръ, считавшій себя призваннымъ быть блюстителемъ общеевропейскаго мира, согласился принять ихъ въ основу своихъ дѣйствій. Послѣдствіемъ такого рѣшенія было оффиціальное заявленіе графа Нессельроде вѣнскому кабинету, что императоръ и впредь неуклонно будетъ поддерживать дружескія отношенія, столь счастливо установившіяся между державами Европы, и безъ общаго согласія своихъ союзниковъ, не приступитъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ на востокѣ.

Такимъ образомъ, исконное начало восточной политики Россіи, санкціонированное блестящими успѣхами, достигнутыми императрицею Екатериною II, состоящее въ устраненіи европейскихъ державъ отъ всякаго вмѣшательства въ ея отношенія съ Турціей, — было принесено въ жертву рыцарской идеѣ императора Александра, находившей себѣ также поддержку въ его увѣренности, что Европа, вполнѣ искренно желая освобожденія грековъ, поддержитъ ихъ справедливыя требованія, и общими усиліями поможетъ осуществленію таковыхъ.

Но не такова была цѣль, къ достиженію которой стремились великія западныя державы: признавая существованіе оттоманской имперіи главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ, онѣ выбивались изъ силъ недопустить ее до ослабленія и упадка.

Ослабленіе Порты вслѣдствіе признанія греческой независимости представлялось очевиднымъ; но, по мнѣнію державъ, это была еще не главная опасность: онѣ видѣли ее въ томъ, что замѣтно уменьшившееся въ послѣднее время вліяніе Россіи на востокѣ стало вновь значительно усиливаться. Воспрепятствовавъ же Россіи вступиться за ея единовѣрцевъ, онѣ достигали двоякой цѣли: уменьшалась матеріальная сила послѣднихъ и возбуждалось недовѣріе къ могуществу ихъ естественной покровительницы. Поэтому нисколько неудивительно, что европейская дипломатія употребила всевозможныя усилія, чтобы вмѣшаться въ русско-турецкую распрю и покончить съ

нею согласно съ своими видами, несмотря даже на то, что Императоръ Александръ съ истинно рыцарскою честностью и самоотверженнымъ забвеніемъ самыхъ дорогихъ его сердцу интересовъ, довѣрилъ разрѣшеніе таковой безпристрастному суду своихъ союзниковъ; понятно также, для чего добивались и наконецъ добились устраненія вліянія на политику Россіи такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ графы Строгановъ и Каподистрія.

Меттернихъ взялся уладить дѣло. Для совмѣстнаго обсужденія причинъ, возбудившихъ несогласіе между Россіей и Турціей, русское правительство послало по его просьбѣ въ Вѣну г. Татищева, миролюбивыя тенденціи котораго были хорошо извѣстны хитрому австрійскому дипломату; къ тому-же послѣдній не сомнѣвался, что подчинитъ Татищева своему вліянію и добьется отъ него всего, чего пожелаетъ.

Въ первомъ-же засѣданіи, послѣдовавшемъ по прибытіи Татищева въ Вѣну, онъ объявилъ, что русское правительство вовсе не желаетъ начинать войну и намѣрено вполнѣ согласовать свои дѣйствія въ восточныхъ дѣлахъ съ рѣшеніями, которыя будутъ приняты его союзниками. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ добавилъ, что Россія даже вовсе не имѣетъ въ виду домогаться политической независимости грековъ, а желаетъ только, чтобы имъ даровано было право свободнаго богослуженія по обрядамъ восточной церкви, и чтобы они были вполнѣ гарантированы отъ злоупотребленій, доселѣ безнаказанно совершавшихся турецкими властями.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Татищевъ не возвышалъ голоса, безусловно усвоивъ убѣжденія князя Меттерниха, объяснявшаго по-своему причину умѣренности требованій русскаго правительства. „Татищевъ",—говорилъ Меттернихъ одному изъ своихъ приближенныхъ,—„ни разу не возражалъ на дѣлаемыя „мною предложенія, признавая ихъ правильными, справедли„выми, имѣющими несомнѣнно важное значеніе. Онъ даже про„силъ меня изложить мои доводы письменно, считая ихъ вполнѣ неопровержимыми".

Въ виду такой обстановки каждому было ясно, что совѣщанія не приведутъ къ сколько нибудь удовлетворительнымъ

рѣшеніямъ, какъ по греческимъ дѣламъ, такъ и по справедливымъ требованіямъ Россіи.

Между тѣмъ, еслибы Татищевъ съумѣлъ во время воспользоваться очевиднымъ желаніемъ Пруссіи поддержать грековъ и не препятствовать Россіи заступиться съ оружіемъ въ рукахъ за своихъ единовѣрцевъ, — то дѣла приняли-бы совершенно иной оборотъ.

Было извѣстно даже, что графъ Бернеторфъ и русскій посолъ при берлинскомъ дворѣ графъ Каподистрія подписали протоколъ, по смыслу котораго Пруссія, убѣждаясь въ справедливости требованій, изложенныхъ въ нотѣ графа Строганова 6 (18) іюля, обязалась прекратить всякія дипломатическія сношенія съ Портою, если послѣдняя откажется войдти въ соглашеніе съ русскими уполномоченными.

Извѣстіе объ этомъ несказанно взволновало князя Меттерниха; однако апатичная бездѣятельность Татищева въ такомъ важномъ дѣлѣ дала князю возможность устранить опасность, угрожавшую разстроить мудрыя, излюбленныя имъ комбинаціи.

Въ нотѣ, отправленной княземъ въ Берлинъ, онъ горячо упрекалъ прусское правительство за его намѣренія отдѣлиться отъ политики союзныхъ державъ и сблизиться съ Россіей. Она произвела желаемое дѣйствіе: Пруссія не замедлила отказаться отъ ратификаціи протокола и безусловно подчинилась всѣмъ требованіямъ князя Меттерниха.

Хотя такимъ образомъ опасность была устранена, но все-же представлялось настоятельно необходимымъ, такъ или иначе покончить съ русско-турецкою распрею; поэтому представители державъ въ Константинополѣ получили приказаніе, коллективными представленіями заставить Порту удовлетворить Россію относительно свободы торговли и другихъ ея требованій. Очевидно-преднамѣренное умолчаніе о греческихъ дѣлахъ, было вполнѣ оцѣнено Диваномъ, безусловно изъявившемъ свое согласіе подчиниться желанію державъ.

Такой исходъ, конечно, не могъ удовлетворить Россію. Хотя императоръ Александръ былъ далекъ отъ мысли совершенно отступиться отъ грековъ, но вѣра въ искренность союзниковъ была въ немъ еще слишкомъ сильна,—а они умоляли его не

подавать повода къ обще-европейскому столкновенію. Могъ-ли отказать въ такой просьбѣ тотъ, кто твердо вѣрилъ, что ему самимъ Богомъ указана миссія быть миротворцемъ Европы?

Между тѣмъ мужество и энергія грековъ не ослабѣвали, несмотря на то, что всякая надежда на скорую помощь извнѣ была ими утрачена; битвы съ турками слѣдовали одна за другою, убѣждая тѣмъ общественное мнѣніе Европы, что достигнуть мирнаго соглашенія между греками и турками невозможно, и что первые достаточно сильны для завоеванія себѣ независимости.

Убѣжденіе это еще болѣе упрочилось вслѣдствіе неожиданнаго событія, совершившагося въ Греціи: въ концѣ 1821 года собрался въ Эпидаврѣ народный конгрессъ, учредившій независимое правительство изъ 5 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Александра Маврокордато. Правительство это ознаменовало свое вступленіе въ отправленіе обязанностей, изданіемъ 25 — 27 января слѣдующаго года постановленія о независимости Греціи, начинавшагося слѣдующими знаменательными словами:

„Не смотря на позорно-жестокое иго оттомановъ, „угрожавшее греческому народу конечною гибелью, — „онъ небомъ и землею свидѣтельствуетъ, что еще суще„ствуетъ!... Подавленный разрушительнымъ, тлетворнымъ „гнетомъ этихъ кровожадныхъ тиранновъ, нарушающихъ „трактаты, чуждыхъ чувству справедливости, жаждущихъ „лишь совершеннаго истребленія подвластныхъ имъ „жертвъ, — греческій народъ, доведенный до отчаянія, „вынужденъ былъ взяться за оружіе, чтобы отстоять „свое существованіе и уже сокрушилъ насиліе, един„ственно геройствомъ сыновъ своихъ. Передъ лицомъ „Бога и людей, черезъ законныхъ представителей со„бравшихся по волѣ народа на настоящій конгрессъ,— „Греція провозглашаетъ свою политическую свободу и „независимость!“

Военныя дѣйствія между тѣмъ не прекращались и молодому греческому гравительству угрожала страшная опасность, союзникъ его Аали-паша былъ на голову разбитъ турками:

и легко можно было ожидать, что войска его получатъ приказаніе дѣйствовать противъ грековъ. Къ счастью опасность была устранена искуснымъ и удачно исполненнымъ движеніемъ греческихъ силъ, во время успѣвшихъ занять Коринѳъ и Наполи.

Видя свои замыслы разстроенными, турки пришли въ неистовую, бѣшеную ярость; движимые жаждою мщенія, они черною тучею нахлынули на островъ Хіосъ и перерѣзали почти всѣхъ проживавшихъ тамъ христіанъ. *)

Это новое, неслыханное варварство, вызвало общее негодованіе Европы; признавая минуту удобною, греки сдѣлали еще попытку возбудить къ себѣ ея участіе. Въ Верону,—куда въ августѣ 1822 г. съѣхались всѣ коронованныя особы для обсужденія положенія дѣлъ въ Италіи,—былъ посланъ графъ Метакса, для представленія государямъ деклараціи греческаго правительства. Документъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ быть дословно приведеннымъ:

„Греція уже полтора года ведетъ ожесточенную борьбу „съ неутомимымъ врагомъ всего христіанства. Всѣ силы „исламизма накинулись на нее: мусульмане Европы, „Азіи и Африки взялись за оружіе, чтобы придать несо„крушимую мощь желѣзной рукѣ, которая, такъ давно „подавляя своею тяжестью греческій народъ, усиливается „нанести ему теперь послѣдній роковой ударъ. Въ этотъ „періодъ времени Греція, чрезъ законныхъ своихъ пред„ставителей, дважды взывала къ Европѣ, моля ее объ „оказаніи помощи, или, по крайней мѣрѣ, о соблюденіи „ею строгаго нейтралитета.“

„Имѣя въ виду, что на съѣздѣ государей, происхо„дящемъ въ настоящее время въ одной изъ мѣстностей „Итальянскаго полуострова, обсуждаются высшіе инте„ресы человѣчества: сохраненіе мира, дарованіе наро„дамъ гражданскихъ и политическихъ правъ и судо„устройства, основаннаго на справедливыхъ началахъ,—

*) Утверждаютъ, что изъ 100,000 населенія Хіоса уцѣлѣло только 900 человѣкъ.

„временное правительство Греціи признало бы себя пре-„ступнымъ, если бы не повергло на воззрѣніе монар-„ховъ истинное положеніе страны, имъ представляемой".

„Оно сочло бы себя не менѣе преступнымъ, если бы „не заявило также о правахъ и законныхъ стремленіяхъ „народа, твердо рѣшившагося или добиться справедли-„вости, отъ сильныхъ міра сего,—какъ онъ осѣненъ уже „благодатью Всемогущаго Бога,—или погибнуть до еди-„наго человѣка и умереть христіанами и людьми сво-„бодными.

„Кровь уже пролита потоками, но знамена съ изоб-„раженіемъ животворящаго креста побѣдно развѣва-„ются на стѣнахъ городовъ Пелопонеса, Аттики, Эвбеи, „Беотіи, Акарнаніи, Этоліи, въ большей части Ѳессаліи „и Эпира, на островѣ Критѣ и на островахъ Эгейскаго „моря. Таковы успѣхи достигнутые греческимъ наро-„домъ,—таково настоящее его положеніе.

„Каждый, кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе о „турецкихъ нравахъ и порядкахъ, конечно признаетъ, „что Греки зашли слишкомъ далеко и не могутъ сложить „оружія до тѣхъ поръ, пока не завоюютъ себѣ независи-„мость и не обезпечатъ таковую прочно и ненарушимо. „Только добившись этого, Греки будутъ увѣрены, что „свободѣ богослуженія, ихъ жизни, достоянію и чести „уже не угрожаетъ болѣе опасность...

„Быть можетъ, Европа, имѣя цѣлью водворить повсе-„мѣстно миръ, предположитъ распространить свою за-„ботливость и на Грецію и возбудитъ по этому поводу „переговоры съ Оттоманскою Портою; въ такомъ случаѣ „греческое временное правительство считаетъ, съ своей „стороны, долгомъ оффиціально симъ заявить, что оно „не признаетъ дѣйствительности трактата, хотя бы даже „вполнѣ выгоднаго, если его депутаты не будутъ допу-„щены на совѣщанія, и если имъ не предоставится лично „защищать народное дѣло, излагать причины, вызвавшія „возстаніе и домогаться упроченія за греческимъ наро-„домъ дорогихъ ему правъ и привиллегій.

„Чувства милосердія, человѣколюбія и справедли-„вости, которыми несомнѣнно воодушевлено высокое со-„браніе государей, внушаютъ временному греческому „правительству надежду, что его законная просьба бу-„детъ принята благосклонно. Если же, противъ всякаго „ожиданія, она будетъ отвергнута, тогда послужитъ на-„стоящая декларація протестомъ, повергаемымъ нынѣ „греческимъ народомъ къ подножію престола Божествен-„наго Судьи,—протестомъ, довѣрчиво переданнымъ хри-„стіанскимъ народомъ всей Европѣ, олицетворяющей ве-„ликую христіанскую семью!... Слабые и оставленные „всѣми, Греки возлагаютъ отнынѣ свои надежды лишь „на Бога сильнаго!... Вспомоществуемые Его всемогу-„щею десницею, они не преклонятъ главы передъ яр-„момъ тиранніи!

„Болѣе четырехъ столѣтій Греки испытывали страш-„ныя, неимовѣрныя преслѣдованія за то, что не измѣ-„няли святой своей вѣрѣ и были вѣрны Господу Все-„держителю! Теперь они клянутся защищать свои храмы, „свои домашніе очаги и гробницы своихъ праотцевъ, „пока искра жизни сохранится въ послѣднемъ изъ нихъ! „Они сочтутъ себя блаженными, если на долю ихъ вы-„падетъ, или сойдти въ могилу христіанами и людьми „свободными, или побѣдить, какъ побѣждали доселѣ, „единственно незримою помощью Господа Іисуса Христа, „Его Божественнымъ могуществомъ!...“

Посылая эту декларацію, Маврокордато надѣялся, что императоръ Александръ сочувственно отнесется къ просьбѣ грековъ и не откажетъ въ своемъ мощномъ заступничествѣ передъ сонмомъ государей за народъ, многими узами тѣсно связанный съ его собственными подданными. Но глава временнаго правительства Греціи очевидно забывалъ, что вліяніе князя Меттерниха на политику Европы было въ то время безгранично, и что честныя, откровенныя заявленія деклараціи были діаметрально противуположны смыслу созданныхъ княземъ принциповъ, усумниться въ непреложности которыхъ признавалось преступленіемъ.

Такимъ образомъ никто въ Веронѣ не подалъ голоса въ пользу праваго дѣла грековъ; графа Метаксу задержали въ Анконѣ, а значеніе греческаго возстанія было признано тождественнымъ съ значеніемъ революціонныхъ движеній въ Испаніи и Италіи. Уѣзжая, императоръ Александръ вновь подтвердилъ свою твердую рѣшимость, неуклонно слѣдовать принципамъ Священнаго Союза, т. е. энергически подавлять всякія попытки къ возстаніямъ противъ предержащей власти.

Такая вопіющая несправедливость ставила грековъ въ необходимость, продолжать безъ посторонней помощи, геройскую борьбу съ вѣковыми ихъ притѣснителями. Но, кромѣ того, средства страны замѣтно истощились; возникли еще прискорбныя несогласія между членами народнаго правительства, немало вредившія успѣху дѣла возстанія...

Тѣмъ временемъ турки, ободренные безучастнымъ отношеніемъ Европы къ судьбѣ Греціи, готовились нанести ей рѣшительный ударъ, избѣжать котораго она конечно не была-бы въ состояніи; но неожиданная, во время подоспѣвшая помощь, совершенно измѣнила положеніе дѣлъ,—воодушевила борцовъ за свободу новымъ мужествомъ и наполнила ихъ сердца радостными надеждами.

Въ половинѣ 1822 года управленіе дѣлами внѣшней политики Великобританіи перешло отъ лорда Кастельрэ (Castelreay) къ лорду Канингу. Политическія воззрѣнія этихъ двухъ государственныхъ мужей рѣзко расходились: первый, слѣпо повинуясь внушеніямъ князя Меттерниха, признавалъ грековъ бунтовщиками, возмутившимися лишь противъ монархической власти; второй, не отрицая, что существованіе Оттоманской Имперіи необходимо для сохраненія политическаго равновѣсія Европы, былъ однакоже убѣжденъ, что общечеловѣческіе интересы неминуемо должны стоять выше всякихъ политическихъ комбинацій. Притомъ, лордъ Канингъ еще смолоду высказывалъ самое горячее сочувствіе къ грекамъ; а всякія опасности, которымъ они подвергались, болѣзненно отзывались въ его благородномъ сердцѣ.

При содѣйствіи Канинга, Греціи удалось заключить въ Англіи заемъ на сумму 800.000 ф. с., а въ мартѣ 1823 г.

была оффиціально признана блокада турецкихъ портовъ, объявленная греками; этимъ Англія заявила, что считаетъ ихъ воюющею стороною.

Такая рѣзкая, совершенно неожиданная перемѣна политики Лондонскаго кабинета несказанно встревожила Порту; она судорожно напрягала свои усилія отвратить угрожавшую ей опасность.

Одною изъ такихъ мѣръ было обращеніе Порты къ могущественнѣйшему своему вассалу Мехмету-Али, пашѣ Египетскому, съ требованіемъ присылки вспомогательныхъ войскъ. Хитрый Мехмедъ-Али не замедлилъ исполнить волю султана, разсчитывая вознаградить себя впослѣдствіи усиленіемъ своего вліянія и присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыхъ земель, на которыя онъ давно, какъ говорится, «точилъ зубы».

Съ этого времени пораженія грековъ слѣдовали одно за другимъ: въ 1824 году египетскія войска овладѣли островомъ Критомъ и истребили большую часть его жителей; а вслѣдъ за тѣмъ сынъ Мехмета, Ибрагимъ, облеченный въ званіе главнокомандующаго всѣми морскими и сухопутными силами Турціи, вступилъ въ Морею, овладѣлъ портомъ Навариномъ и осадилъ крѣпость Миссолонги; Решидъ-паша вступилъ въ Акрополисъ.

Послѣ страшной рѣзни, сопровождавшей паденіе названныхъ крѣпостей, положеніе грековъ представлялось безъисходнымъ, и, казалось, уже не было надежды, чтобы они смогли продолжать борьбу: еще одно самое ничтожное усиліе со стороны турокъ—и греки погибли-бы безвозвратно...

Дипломаты ликовали, утверждая, что именно такую развязку и слѣдовало ожидать. Князь Меттернихъ проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что, поднявъ знамя бунта противъ своего законнаго государя, греки тѣмъ самымъ очевидно утратили всякое право на сочувствіе къ себѣ Европы, которое поэтому слѣдуетъ высказать султану.

Къ счастью въ ту пору на рѣчи австрійскаго канцлера уже мало кто обращалъ вниманіе въ Европѣ, а вѣра въ непреложность его политическихъ принциповъ была навсегда утрачена. Императоръ Александръ, убѣдясь въ его скрытно-

сти и уклончивомъ лицемѣріи, вынужденъ былъ сознать, что всѣ жертвы, принесенныя имъ идеѣ поддержанія въ Европѣ мира, привели единственно къ возбужденію противъ него-же недовѣрія союзниковъ. Справедливо негодуя, что его рыцарская честность была самымъ недостойнымъ образомъ эксплуатирована, онъ отшатнулся отъ прежнихъ друзей и вознамѣрился подать руку помощи своимъ единовѣрцамъ.

Однако императоръ Александръ еще медлилъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; между тѣмъ все благопріятствовало таковымъ, такъ какъ многія высокопоставленныя лица, съ Канингомъ во главѣ, употребляли всѣ средства, чтобы поддержать народъ, стяжавшій своею геройскою борьбою неоспоримое право быть свободнымъ. Притомъ, внутренніе раздоры, временно возникшіе въ Греціи были прекращены, и порядокъ установился; учредилось новое правительство на вполнѣ законныхъ началахъ: оно было провозглашено національнымъ собраніемъ въ 1824 году и имѣло президентомъ графа Каподистрія, избраннаго въ это званіе на семилѣтній періодъ времени.

Хотя грекамъ было очень отрадно знать, что они уже имѣютъ прочное правительство, — однако средства защиты роднаго ихъ края отъ того не увеличились; напротивъ, они терпѣли нужду во всемъ. Положеніе было безспорно самое критическое; поэтому, возлагая всѣ надежды на Англію, они выразили лорду Канингу желаніе отдаться подъ покровительство королевы. Премьеръ, конечно, не могъ сдѣлать такого важнаго шага безъ согласія континентальныхъ державъ и невольно затруднился отвѣтомъ; но въ то время, какъ онъ еще раздумывалъ, на что ему рѣшиться, неожиданное событіе вывело его изъ затрудненія, ускоривъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе греческой проблемы. Въ ноябрѣ 1825 года скончался императоръ Александръ I, и на Всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Николай I, твердый, рѣшительный характеръ котораго убѣждалъ, что осторожная политика его въ Бозѣ почившаго брата въ дѣлѣ многострадальныхъ единовѣрцевъ русскаго народа, не будетъ имъ усвоена. Притомъ онъ не давалъ себѣ даже труда скрывать одушевлявшія его чув-

ства: представители державъ въ Петербургѣ не замедлили передать своимъ правительствамъ, что императоръ постоянно выражаетъ твердое намѣреніе прекратить греко-турецкую распрю, и что однажды, бесѣдуя съ ними въ Зимнемъ дворцѣ, онъ сказалъ:

«Если державы не соединятся со мною, я буду дѣй-«ствовать одинъ; надѣюсь, вы хорошо знаете, что это «нисколько меня не затруднитъ».

Лордъ Канингъ тѣмъ охотнѣе поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ для его цѣлей образомъ мыслей императора, что вовсе не желалъ предоставить ему одному порѣшить съ греческимъ вопросомъ. Поэтому герцогу Веллингтону, отправлявшемуся въ Петербургъ для представленія поздравленій императору по случаю его восшествія на престолъ, поручено было вступить въ переговоры о взаимномъ соглашеніи по греко-турецкому дѣлу. Успѣхъ былъ полный, и уже 4 апрѣля 1826 года герцогомъ Веллингтономъ и графомъ Нессельроде былъ подписанъ въ С.-Петербургѣ „*Протоколъ по греческимъ дѣламъ*", на основаніи котораго предположено, если Порта изъявитъ согласіе на предлагаемое ей посредничество Англіи и Россіи, доставить Греціи слѣдующее положеніе относительно Оттоманской имперіи.

1. Греція будетъ страною, подвластною Турціи, и обязанною платить ей дань, размѣръ которой опредѣлится по общему соглашенію. Правителями ея будутъ исключительно лица, избранныя народомъ; Портѣ-же предоставится оказывать нѣкоторое вліяніе на утвержденіе ихъ.

Греки будутъ пользоваться полною свободою религіи и совѣсти, а торговля ихъ не должна подвергаться стѣсненіямъ или ограниченіямъ; въ ихъ внѣшнія сношенія не допускается чье-либо вмѣшательство.

Чтобы достигнуть полнаго разъединенія двухъ народовъ и предупредить столкновенія, неизбѣжныя послѣ долгой борьбы, греки обязываются купить у турокъ земли, которыми послѣдніе владѣли доселѣ на греческой территоріи и на островахъ.

2. Если последствія мѣръ, которыя будутъ указаны англійскому послу въ Константинополѣ, послѣдуетъ согласіе на предложенное посредничество, между турками и греками, то Е. В. Императоръ употребитъ все свое вліяніе, чтобы цѣль таковаго была достигнута. Когда и въ какомъ видѣ послѣдуетъ участіе Е. В. въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою, могущихъ быть послѣдствіемъ посредничества,—будетъ опредѣлено позднѣе, по взаимному соглашенію Лондонскаго и С.-Петербургскаго кабинетовъ.

3. Если Порта отвергнетъ посредничество, которое будетъ ей предложено Великобританіею, то независимо отъ отношеній С.-Петербургскаго и Константинопольскаго кабинетовъ, правительства Россіи и Англіи примутъ въ основаніе своихъ отдѣльныхъ или общихъ переговоровъ о примиреніи турокъ съ греками, точный смыслъ началъ, означенныхъ въ § 1 настоящаго протокола; онѣ будутъ также, пользуясь всякимъ благопріятнымъ случаемъ, вліять на обѣ стороны, въ видахъ скорѣйшаго заключенія между ними мира, на вышеупомянутыхъ основаніяхъ.

4. Правительства императорское и королевское предоставляютъ себѣ право принять впослѣдствіи надлежащія мѣры, какъ для разъясненія подробностей настоящаго соглашенія, такъ и для опредѣленія взаимныхъ границъ между Греціей и Турціей; они укажутъ также, какіе острова Архипелага останутся во власти первой.

5. Оба правительства обязываются при этомъ отнюдь не домогаться распространенія своихъ собственныхъ владѣній и пріобрѣтенія для себя особыхъ льготъ по торговлѣ или исключительнаго вліянія; всѣ подобныя выгоды, если бы пріобрѣтеніе ихъ могло представиться, должны въ одинаковой степени распространяться на всѣ вообще націи.

6. Договаривающіяся стороны, не желая устранять своихъ союзниковъ отъ участія въ окончательномъ разрѣшеніи предположеній настоящаго протокола, постано-

вили: конфиденціально сообщить его содержаніе Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому кабинетамъ и предложить имъ гарантировать совмѣстно съ Императоромъ Всероссійскимъ трактатъ, въ силу котораго примиреніе турокъ съ греками будетъ окончательно установлено, такъ какъ Англія такой гарантіи дать не можетъ.

Непосредственно по подписаніи этого документа, послы Англія и Россіи въ Константинополѣ получили приказаніе, возбудить съ Диваномъ переговоры, способные привести къ достиженію предложенныхъ цѣлей.

Представителю Россіи предложено было кромѣ того заняться разъясненіемъ и прекращеніемъ недоразумѣній, возникшихъ въ царствованіе императора Александра I по поводу Дунайскихъ княжествъ, русской торговли въ Черномъ морѣ и проч.

Хотя Порта не выказала вначалѣ готовности удовлетворить требованіямъ С.-Петербургскаго кабинета, но затѣмъ, сознавая свою слабость и внемля совѣтамъ представителей Англіи и Франціи, она уступила, и Аккерманскій договоръ 25 сент. (8 окт.) 1826 г. былъ подписанъ при полномъ согласіи сторонъ.

Заключеніемъ этого договора имѣлось въ виду подтвердить и разъяснить Бухарестскій трактатъ, вотъ что сказано о немъ въ оффиціальномъ возвѣщеніи:

„Императорское Всероссійское Правительство и Блистательная Порта, побуждаемыя искреннимъ желаніемъ прекратить возникшія между ними по заключеніи Бухарестскаго трактата недоразумѣнія и пререкательства и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить отношенія обѣихъ державъ на прочныхъ началахъ совершеннаго согласія и полнаго взаимнаго довѣрія, приступаютъ къ переговорамъ, поручивъ веденіе таковыхъ особо назначеннымъ для того уполномоченнымъ. Лицамъ этимъ будетъ вмѣнено въ обязанность достигнуть соглашенія относительно способовъ устраненія на будущее время всякихъ поводовъ къ несогласіямъ, и обезпеченія точнаго исполненія какъ Бухарестскаго, такъ и предшествовавшихъ ему трактатовъ, потому что только при такихъ условіяхъ можетъ нена-

рушимо сохраниться на вѣчныя времена миръ, столь счастливо установившійся между Россіей и Оттоманскою Портою.

Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало назначеніе обѣими державами уполномоченныхъ. Россія послала графа М. С. Воронцова и А. Рибопьера; Турція—Сеидъ-Мехмета Хади-еффенди и Сеидъ-Ибрагима Иффетъ - еффенди. Послѣ надлежащаго обмѣна полномочій, лица эти составили и подписали документъ, поверхностное изложеніе содержанія котораго представляемъ [1]):

По смыслу І-ой статьи, всѣ условія и обязательства мирнаго трактата заключеннаго въ Бухарестѣ 16 (28) мая 1812 г. безусловно подтверждаются; объясненія, изложенныя въ настоящей конвенціи, должны служить лишь для опредѣленія точнаго ихъ смысла и содѣйствовать ихъ исполненію.

Ст. II. указываетъ мѣры, которыя должны быть приняты въ отношеніи большихъ Дунайскихъ острововъ, находящихся противъ Измаила и Киліи; подтверждается обязательство исполнять и поддерживать установленныя по этому поводу Константинопольскою конференціею 21 августа 1817 года правила.

Ст. III. Порта торжественно обязывается соблюдать привиллегіи, дарованныя жителямъ Дунайскихъ княжествъ предшествовавшими трактатами и въ особенности 5-й статьей Бухарестскаго договора. Эти привиллегіи и права дополнены и точно разъяснены отдѣльнымъ постановленіемъ, у сего приложеннымъ и составляющимъ одно цѣлое съ настоящею конвенціею.

Ст. IV гласитъ, что такъ какъ Россія, по смыслу 6 статьи Бухарестскаго трактата, вслѣдъ за заключеніемъ мира вывела свои войска изъ крѣпостей, которыми завладѣла во время войны, и передала эти послѣднія обратно Портѣ, — то азіятскія границы обѣихъ державъ

---

[1]) Желающіе имѣть о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, найдутъ таковыя въ дипломатическомъ сборникѣ Ghillany (Manuel diplomatique) Т. II, стр. 143.

измѣнены не будутъ; кромѣ того въ двухлѣтній срокъ должны быть пріисканы наилучшіе способы охраненія спокойствія и безопасности подданныхъ договаривающихся державъ.

Ст. V обязываетъ Порту немедленно выполнить всѣ обязательства, принятыя ею по смыслу 8-ой ст. Бухарестскаго мира относительно Сербіи.

Поэтому Порта, совмѣстно съ депутатами сербскаго народа, приступитъ къ пріисканію наилучшихъ способовъ упроченія за нимъ дарованныхъ ему привиллегій; особымъ постановленіемъ, у сего приложеннымъ разъяснены подробности отношеній Порты къ Сербіи.

Ст. VI и VII обсуждаютъ способы вознагражденія Портою русскихъ подданныхъ за убытки, причиненные и могущіе быть причиненными имъ варварійскими пиратами.

Ст. VIII. Блистательная Порта обѣщаетъ:

1. Ни въ какомъ случаѣ не препятствовать судоходству торговаго флота подъ русскимъ флагомъ во всѣхъ безъ исключенія водахъ, принадлежащихъ Оттоманской Имперіи.

2. Такъ какъ 31 и 35 статьями торговаго договора русскимъ купеческимъ судамъ дозволено свободное плаваніе по Константинопольскому проливу, то тѣмъ изъ нихъ, которыя, бывъ нагружены хлѣбомъ или бакалеей, войдя въ каналъ, пожелаютъ перегрузить свой товаръ на другія русскія, или иностранныя суда, — никакого препятствія не дѣлать, если только хлѣбъ или бакалея эта предназначалась къ вывозу изъ владѣній Блистательной Порты.

3. Блистательная Порта приметъ предложеніе Русскаго правительства, основанное на примѣрахъ прошлаго, и разрѣшитъ свободный входъ въ Черное море судамъ тѣхъ дружественныхъ съ нею державъ, которымъ еще не было предоставлено такого права; такимъ образомъ, какъ ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, такъ и вывозъ

русскихъ произведеній уже не будутъ встрѣчать препятствій.

Ст. IX и послѣдняя опредѣляетъ, что торжественная ратификація этого договора произойдетъ въ четырехнедѣльный срокъ со дня его подписанія.

Отдѣльныя постановленія о княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Такъ какъ господари Молдавіи и Валахіи избираются изъ среды мѣстныхъ бояръ, то отнынѣ избраніе ихъ будетъ производиться съ согласія и разрѣшенія Блистательной Порты, отдѣльно въ каждомъ княжествѣ общимъ собраніемъ Дивана, какъ то усвоено древними обычаями этихъ странъ.

Срокъ управленія господарей не измѣняется; онъ будетъ по прежнему семилѣтній со дня избранія, и смѣщеніе ихъ до истеченія срока не допускается. Если же во время управленія, кто либо изъ нихъ совершитъ преступленіе, то Порта обязана сообщить о таковомъ русскому послу, пребывающему въ Константинополѣ; только въ случаѣ, когда по взаимной повѣркѣ справедливости обвиненія окажется, что господарь дѣйствительно виновенъ, можетъ послѣдовать его смѣщеніе.

Господари, управлявшіе семь лѣтъ и не подавшіе поводовъ къ справедливымъ жалобамъ, какъ со стороны императорскихъ правительствъ, такъ и ихъ согражданъ, могутъ быть назначаемы и на слѣдующее семилѣтіе, если о томъ послѣдуетъ ходатайство Дивановъ княжествъ, вызванное притомъ общимъ согласіемъ и желаніемъ гражданъ.

Отреченіе господарей отъ управленія до истеченія семилѣтняго срока по болѣзни, старости и проч. можетъ быть принято только по предварительному о томъ соглашенію обоихъ императорскихъ правительствъ.

Такъ какъ Гати-шерифомъ 1802 года уничтожены налоги и подати, взимавшіяся съ 1783 года, то господари и Диваны княжествъ опредѣлятъ и утвердятъ размѣръ

налоговъ, приходящихся на долю Валахіи, руководствуясь при томъ правилами, подробно изложенными въ Гати-шерифѣ 1802 года.

Боярамъ Молдавіи, оставившимъ родину во время послѣднихъ смутъ, разрѣшается безпрепятственно возвратиться и пользоваться тѣми же преимуществами, которыми они пользовались прежде, какъ въ отношеніи гражданскихъ, такъ и имущественныхъ ихъ правъ.

Во вниманіе къ бѣдствіямъ, постигшимъ княжества Молдавію и Валахію, Блистательная Порта освобождаетъ ихъ отъ уплаты всѣхъ налоговъ и дани втеченіи двухъ лѣтъ.

Всѣ права и привиллегіи, дарованныя княжествамъ Молдавіи и Валахіи прежними Гати - шерифами, не отмѣненныя и не измѣненныя настоящимъ постановленіемъ, подтверждаются во всей ихъ силѣ.

III. Отдѣльныя постановленія относительно Сербіи.

Пользуясь разрѣшеніемъ, даннымъ Блистательною Портою, сербскіе депутаты, собравшіеся въ Константинополѣ, представляли на ея разсмотрѣніе согласованный съ желаніями народа проэктъ мѣръ, способныхъ упрочить и утвердить безопасность и благостояніе страны,— но нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства воспрепятствовали ихъ своевременному утвержденію. Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ: предоставленіе свободы богослуженія; права избранія начальствующихъ лицъ; независимость внутренняго управленія; соединеніе отдѣльныхъ сербскихъ округовъ; совокупленіе различныхъ налоговъ въ одну общую дань; предоставленіе сербамъ управленія имѣніями, принадлежавшими мусульманамъ, со включеніемъ получаемыхъ съ нихъ доходовъ въ дань; свобода торговли; разрѣшеніе сербскимъ купцамъ разъѣзжать по оттоманскимъ владѣніямъ съ паспортами ихъ народнаго правительства; учрежденіе госпиталей, школъ и типографій; и наконецъ воспрещеніе мусульманамъ, не

принадлежащимъ къ составу гарнизоновъ крѣпостей, селиться на сербской землѣ.

Блистательная Порта, подтверждая свою твердую рѣшимость даровать сербскому народу привиллегіи, обусловливаемые 8 статьей Бухарестскаго трактата, обсудитъ нынѣ вмѣстѣ съ сербскими депутатами вышеизложенныя желанія вѣрнаго и покорнаго народа сербскаго, равно приметъ во вниманіе всякія новыя заявленія его депутатовъ, если только они не будутъ явно клониться къ ущербу остальныхъ подданныхъ Оттоманской Имперіи.

Блистательная Порта сообщитъ Россійскому Императорскому правительству о приведеніи въ исполненіе принятыхъ ею на себя по смыслу 8 ст. Бухарестскаго трактата обязательствъ, равно и копіи съ фирмана и Гатти-шерифа, которыми будутъ утверждены дарованныя ею сербамъ привиллегіи.

Желаніе Порты во что бы то ни стало избѣжать войны съ Россіей, явно выразилось въ безусловномъ ея согласіи скорѣе подписать этотъ договоръ, предоставлявшій Дунайскимъ княжествамъ и Сербіи столь важныя привиллегіи. Выказанное ею безсиліе несомнѣнно убѣждало, что она изъявитъ согласіе и на представленія державъ по Греческимъ дѣламъ.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что Аккерманскимъ договоромъ Россіи дѣлались такія значительныя уступки въ торговомъ отношеніи и по улучшенію участи ея единовѣрцевъ,— какія могли-бы быть достигнуты лишь блистательными побѣдами.

Поэтому державы, подписавшія протоколъ 4 апрѣля, были буквально поражены извѣстіемъ, что Порта на-отрѣзъ отказалась допустить ихъ содѣйствіе къ прекращенію греко-турецкой распри.

На предложенія, сдѣланныя англійскимъ и русскимъ послами, великій визирь отвѣчалъ:

„Его Величество Султанъ, признавая себя такимъ же „самодержавнымъ монархомъ, какъ и прочіе государи, „не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства „во внутреннія дѣла своей Имперіи.“

Такое неожиданное рѣшеніе было очевидно внушено Портѣ увѣренностью, что съ паденіемъ Миссолонги греческое возстаніе неминуемо будетъ вскорѣ подавлено; къ тому же въ средѣ народнаго правительства Греціи вновь стали возникать раздоры и несогласія.

Поэтому неудивительно, что, признавая весьма важнымъ недопустить оказанія грекамъ поддержки извнѣ, султанъ отвергъ всѣ представленія русскаго, англійскаго и французскаго пословъ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего рѣшенія.

Такое упорство вынудило эти три державы подписать 6 іюня *Лондонскій протоколъ*, которымъ опредѣлялось сдѣлать султану коллективное предложеніе дружескаго посредничества; если-же онъ и за тѣмъ не изъявитъ согласія войдти въ соглашеніе съ греками на основаніяхъ, изложенныхъ въ протоколѣ 4 апрѣля 1826 года, — то принудить его къ тому силою оружія.

Вслѣдъ за подписаніемъ договора, представителями трехъ названныхъ правительствъ сдѣланы были султану совмѣстныя предложенія ихъ дружескихъ услугъ; не отвергая вовсе посредничества, онъ подтвердилъ однакоже свою неизмѣнную рѣшимость, не допускать чье-либо вмѣшательство въ его домашнія дѣла.

Отвѣтъ этотъ былъ равносиленъ объявленію войны; поэтому союзный флотъ подъ начальствомъ адмираловъ Кодрингтона и Гейдена, вошелъ въ Наваринскую бухту, гдѣ находилась тогда турецко-египетская эскадра.

20 ноября 1827 года произошло знаменитое Наваринское морское сраженіе, результатомъ котораго было совершенное истребленіе турецко-египетскаго флота. Это важное событіе не имѣло однакоже тѣхъ послѣдствій, на которыя можно было разсчитывать: султанъ не только не сдѣлался уступчивымъ, но прійдя въ неописанную ярость, объявилъ, что уничтожаетъ всѣ трактаты, когда-либо заключенные съ державами побѣдительницами, выслалъ изъ Константинополя ихъ пословъ, воспретилъ свободу судоходства по Босфору и призвалъ къ оружію всѣхъ мусульманъ.

Озлобленіе султана противъ Россіи было особенно сильно;

причины же, побудившія послѣднюю объявить войну Турціи, были тоже вполнѣ основательны.

Декларація русскаго правительства отъ 14 (26) Апрѣля 1828 года взводила на Порту слѣдующія обвиненія:

1) Задержаніе судовъ, пользующихся русскимъ флагомъ, свободное плаваніе которыхъ обезпечено 11 статьей Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата и 1 и 3 статьями торговаго договора 1783 года.

2) Захватъ ихъ грузовъ, нарушающій 30 и 35 статьи того-же трактата.

3) Самовольное требованіе, чтобы капитаны русскихъ судовъ уступили свой грузъ по цѣнамъ, опредѣленнымъ турецкими властями; мѣра эта воспрещена 30 и 33 статьями торговаго и 7 статьей Аккерманскаго трактатовъ.

4) Насильственныя высылки русскихъ подданныхъ и купцовъ изъ всѣхъ мѣстностей, подвластныхъ турецкому владычеству, нарушившая 2 статью Кайнарджійскаго трактата, 1 ст. договора 1783 г. и 7-ую Аккерманскаго.

„Такія дѣйствія, — говорится въ деклараціи, составляютъ явное нарушеніе точнаго смысла трактатовъ и главнѣйшихъ условій взаимныхъ отношеній между Россіей и Турціей.

„Лишивъ такимъ образомъ русскихъ подданныхъ и русскую торговлю всѣхъ привилегій, добытыхъ цѣною крови и тяжелыхъ жертвъ, Порта обязалась немедленно уплатить третью часть ею-же самою опредѣленной цѣнности захваченнаго груза, а остальную сумму ликвидировать впослѣдствіи; но въ тоже время она передѣлывала находившіеся въ обращеніи турецкіе монетные знаки, дѣйствительную стоимость которыхъ понизила на 30 процентовъ".

Декларація эта была обнародована одновременно съ манифестомъ императора Николая I слѣдующаго содержанія:

„Бухарестскій миръ, заключенный съ Оттоманскою Портою въ 1812 г., подвергаясь втеченіи семи лѣтъ безпрерывнымъ колебаніямъ, нынѣ окончательно нарушенъ, несмотря на всѣ наши усилія поддержать и укрѣпить его. Не довольствуясь отверженіемъ основъ этого

мира, Порта вызываетъ Россію на ожесточенный бой: она поголовно вооружается, обвиняетъ Россію въ непримиримой къ себѣ враждѣ, — отказывается отъ соблюденія условій аккерманскаго договора, а слѣдовательно и всѣхъ предшествовавшихъ; она наконецъ имѣла наглость объявить, что согласилась подписать названный договоръ лишь для того, чтобы лучше скрыть свои настоящія намѣренія и выиграть время для совершенія громадныхъ приготовленій къ новой войнѣ.

„Послѣдствіемъ этого знаменательнаго признанія были: нарушеніе правъ русскаго флага,—захватъ судовъ, плававшихъ подъ этимъ флагомъ, груза, сдѣлавшагося добычею жаднаго, самовластнаго правительства;—принужденіе русскихъ подданныхъ или немедленно оставить турецкія владѣнія, или измѣнить вѣрноподданническому долгу относительно своего отечества; закрытіе Босфора, угрожающее нашимъ южнымъ областямъ неисчислимыми убытками. Кромѣ того въ переговорахъ о мирѣ, начатыхъ нами съ Персіею, обѣщавшихъ самые благопріятные результаты, послѣдовала внезапная остановка, и нынѣ положительно доказано, что въ видахъ побужденія Персіи къ продолженію войны Оттоманская Порта, обѣщавъ ей свою помощь, приступила къ вооруженію пограничныхъ пашалыковъ; подкрѣпляя такимъ образомъ свои угрозы дѣйствіями, она готовилась вторгнуться въ наши предѣлы.

„Таковъ былъ,—по словамъ императорскаго манифеста,—образъ дѣйствій Порты со времени заключенія бухарестскаго мира, имѣвшій единственною цѣлью уничтожить плоды великодушныхъ усилій Россіи, направленныхъ къ поддержанію прочнаго мира съ сосѣднею державою.

„Но есть мѣра для снисходительности: честь русскаго имени, достоинство императорскаго правительства, ненарушимость священныхъ правъ русскаго народа и его вѣковая слава,—опредѣляютъ предѣлы, переступить которые невозможно.

„Основательно обсудивъ законность нашихъ правъ, настоятельно требующихъ возстановленія,—побуждаемые притомъ справедливостью нашего дѣла, мы, призвавъ Бога на помощь, повелѣли нашимъ войскамъ выступить противъ нарушителя самыхъ священныхъ обязательствъ и законовъ международнаго права.

„Мы твердо убѣждены, что вѣрноподданные наши вознесутъ вмѣстѣ съ нами горячія моленія къ Господу силъ о дарованіи побѣды нашимъ храбрымъ войскамъ, ополчившимся на защиту нашей святой вѣры и возлюбленнаго нашего отечества!“

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого манифеста, двѣ русскія арміи выступили въ походъ; одна, подъ начальствомъ князя Витгенштейна, предназначалась для дѣйствій въ Европѣ; другая, ввѣренная графу Паскевичу, долженствовала оперировать въ малой Азіи. Перейдя 7 мая черезъ Прутъ, Витгенштейнъ послѣдовательно овладѣлъ крѣпостями: Браиловомъ, Варной и Тульчей,—но потерпѣлъ неудачи подъ стѣнами Силистріи и Шумлы. Наступленіе зимняго времени заставило его совершить обратную переправу черезъ Дунай и пріостановить военныя дѣйствія.

Тѣмъ временемъ Паскевичъ водрузилъ русское знамя на стѣнахъ Карса, Ахалцыха, Анапы и Поти.

Блестящіе успѣхи русскаго оружія не замедлили сильно встревожить западныя державы, недовѣріе которыхъ къ императору Николаю становилось очевиднымъ; но заявленія ихъ не имѣли никакого вліянія на русскаго царя, рѣшившагося нанести оттоманской имперіи рѣшительный ударъ.

Кампанія 1829 года была обильна славными военными подвигами; графъ Дибичъ, замѣнившій князя Витгенштейна въ командованіи арміей, овладѣлъ Шумлой и Силистріей. Взятіе этихъ крѣпостей, считавшихся несокрушимыми твердынями, отворило русскимъ войскамъ ворота Адріанополя, который и былъ занятъ ими 8 (20) августа 1829 г. Съ этой минуты гибель Турціи представлялась неизбѣжною: дорога въ Константинополь скатертью разстилалась предъ побѣдоносною русскою

арміею, для вступленія которой въ столицу султана, уже не предвидѣлось болѣе преградъ.

Небывалая тревога не замедлила обнаружиться въ средѣ европейскихъ дипломатовъ. Лордъ Веллингтонъ, которому даже Наваринскій погромъ былъ крайне непріятенъ, такъ какъ таковымъ значительно уменьшалась морская сила турокъ сравнительно съ русскою, открыто требовалъ принятія энергическихъ мѣръ, способныхъ остановить побѣдоносное шествіе „сѣвернаго колосса“. Подчиняясь вліянію знаменитаго герцога, правительство королевы приказало адмиралу Гордону войдти въ Босфоръ немедленно по полученіи извѣстія о движеніи русскихъ къ Константинополю.

Подобный разрывъ между двумя правительствами, еще такъ недавно изъявлявшими желаніе дѣйствовать въ полномъ соглашеніи на пользу грековъ,—несомнѣнно угрожалъ дѣлу послѣднихъ самыми гибельными послѣдствіями; поэтому исторгнутое посредничествомъ Пруссіи у султана согласіе исполнить требованія Россіи, совершенно во время отвратило грозу, собиравшуюся на политическомъ горизонтѣ Европы.

Переговоры о мирѣ открылись въ Адріанополѣ и были ведены графами: Орловымъ и Паленомъ со стороны Россія, и Садыкъ-Эффендіемъ со стороны Порты.

Уговорившись относительно представлявшаго наибольшія затрудненія вопроса объ удовлетвореніи за военныя издержки, уполномоченные подписали 2 (14) сентября 1829 г. въ Адріанополѣ мирный трактатъ слѣдующаго содержанія:

Ст. 1-я возстановляетъ на вѣчныя времена миръ и дружественныя отношенія между его величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ императоромъ и падишахомъ оттоманскимъ и ихъ наслѣдниками и между ихъ имперіями.

Ст. 2. Россія возвращаетъ Портѣ княжества Молдавію и Валахію, Краіовскій банатъ, Болгарію и Добруджу, отъ Дуная до моря; равно всѣ мѣстности Румеліи, которыя были заняты русскими войсками.

Ст. 3-я подтверждаетъ, что р. Прутъ остается границею между обѣими имперіями отъ того мѣста, гдѣ она

съ молдавскою территоріею, до сліянія ея съ Дунаемъ. Отъ этого пункта пограничная линія должна слѣдовать по теченію до рукава св. Георгія, причемъ всѣ острова, образуемые многочисленными рукавами этой рѣки, остаются во власти Россіи, правый же ея берегъ будетъ по прежнему принадлежать оттоманской Портѣ.

Россіи однакоже отнынѣ не предоставляется права возводить укрѣпленія или иныя постройки на этихъ островахъ; точно также Порта обязывается не заселять праваго берега Дуная, начиная отъ того мѣста, гдѣ рукавъ св. Георгія отдѣляется отъ рукава Сулина.

По смыслу этой статьи, купеческимъ судамъ обѣихъ державъ предоставляется свобода плаванія по Дунаю,— но русскій военный флотъ не долженъ заходить далѣе мѣста соединенія Дуная съ Прутомъ.

Ст. 4-я опредѣляетъ азіятскія границы обѣихъ державъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Принимая во вниманіе, что Грузія, Мингрелія, Гурія и многія другія кавказскія области, составляютъ съ давняго времени неотъемлемую собственность россійской имперіи, которая по туркманчайскому мирному трактату, заключенному 10 февраля 1828 года пріобрѣла кромѣ того эриванское и нахичеванское ханства,—обѣ договаривающіяся державы признали настоятельно необходимымъ установить по всей этой линіи точно опредѣленныя границы, способныя предупредить на будущее время всѣ поводы къ недоразумѣніямъ и спорамъ.

Граница эта образуется линіею, идущею отъ Чернаго моря вдоль гурійскихъ земель до предѣловъ Имеретіи, а оттуда по прямой линіи до мѣста соединенія границъ ахалцыхскаго и карскаго пашалыковъ съ границами Грузіи, оставляя такимъ образомъ въ разстояніи 2-хъ-часовой ходьбы отъ этой линіи, притомъ въ сѣверномъ направленіи, городъ и крѣпость Ахалкалаки. Всѣ земли, находящіяся къ югу и къ востоку отъ этой демаркаціонной линіи, по направленію къ карскому и трапезонтскому пашалыкамъ, остаются на вѣчныя времена подъ властью

блистательной Порты; земли-же, находящіяся въ сѣверномъ и западномъ отъ ея направленіи, т. е. приближающіяся къ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, отъ истока Кубани до порта св. Николая на Черномъ морѣ, пребудутъ навсегда достояніемъ россійской имперіи.

Такимъ образомъ въ силу этой статьи трактата, Россія пріобрѣла весь восточный берегъ Чернаго моря, съ крѣпостями: Ахалцихомъ, Ахалкалаками и другими.

Ст. 5-я подтверждаетъ права и привиллегіи, дарованныя дунайскимъ княжествамъ, подробно изложенныя въ особомъ постановленіи, приложенномъ къ настоящему трактату.

Ст. 6-я. Порта оффиціально обязывается выполнить въ кратчайшій срокъ всѣ обязательства, принятыя ею на себя по 5-й статьѣ аккерманскаго договора относительно Сербіи.

Ст. 7-я подтверждаетъ данное русскимъ подданнымъ разрѣшеніе свободно заниматься торговлею во всѣхъ безъ исключенія мѣстностяхъ оттоманской имперіи. „Русскіе подданные, ихъ суда и товары,—говорится въ этой статьѣ, — не будутъ подвергаться отнынѣ насиліямъ и стѣсненіямъ; полицейскій надзоръ и судопроизводство будутъ принадлежать неотъемлемо русскому послу и консуламъ. Оттоманскимъ властямъ не будетъ предоставлено право осматривать русскія суда, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и въ турецкихъ портахъ и гаваняхъ; всѣ товары безъ исключенія, принадлежащія русскимъ подданнымъ, по оплатѣ установленною таможенною пошлиною, могутъ быть безпрепятственно продаваемы, сложены въ магазины владѣльцевъ или ихъ агентовъ, или перегружены на суда другихъ націй, не только безъ испрошенія на то позволенія мѣстныхъ властей, но и безъ сообщенія имъ объ этомъ“, кромѣ того блистательная Порта обязывается строго наблюдать, чтобы судоходство по Черному морю отнюдь не подвергалось какому-либо стѣсненію. На основаніи такого обязательства, она признаетъ и объявляетъ судоходство по константинопольскому про-

ливу и Дарданелламъ совершенно свободнымъ и открытымъ для купеческихъ кораблей, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, нагруженныхъ или не имѣющихъ груза, направляющихся какъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, такъ и изъ этого послѣдняго обратно въ Черное".

„Порта торжественно обѣщаетъ,—говорится далѣе,—впредь никогда не останавливать или задерживать какъ нагруженныя, такъ и ненагруженныя суда, принадлежащія подданнымъ Россіи или другихъ націй, не состоящихъ въ открытой съ нею войнѣ, проходящія чрезъ Константинопольскій проливъ и Дарданеллы въ Средиземное море и на оборотъ изъ этаго послѣдняго въ Черное. Въ случаѣ же еслибы по какому либо нарушенію условій этой статьи заявленному Оттоманскому Правительству русскимъ посломъ, не послѣдовало скорое и полное удовлетвореніе, то Блистательная Порта признаетъ заранѣе за русскимъ императорскимъ правительствомъ право считать подобное бездѣйствіе несомнѣннымъ признакомъ враждебности, подвергающей Оттоманскую Имперію вполнѣ заслуженному со стороны Россіи возмездію.

Ст. 8 перечисляетъ способы вознагражденія русскихъ купцовъ за убытки, причиненныя имъ въ разныя времена, на основаніи 6 ст. Аккерманскаго договора.

Опредѣляя сумму такихъ убытковъ въ десять милліоновъ пятьсотъ тысячъ голландскихъ червонцевъ, Порта обязывается безпрекословно уплатить таковую.

Ст. 9 гласитъ, что независимо отъ уступки небольшой территоріи въ Азіи, Порта обязана заплатить Россіи въ видѣ вознагражденія за военныя издержки извѣстную сумму денегъ, размѣръ которой будетъ опредѣленъ особымъ взаимнымъ соглашеніемъ.

Ст. 10. Изъявляя свое согласіе на предложенныя Россіей, Великобританіей и Франціей по смыслу Лондонскаго трактата 6—18 Іюля 1827 года мѣры относительно Греціи, Порта обязывается назначить отъ себя делегатовъ, которые совмѣстно съ делегатами названныхъ державъ

обсудять на какихъ основаніяхъ мѣры эти могутъ быть приведены въ исполненіе.

Ст. 11 и 12 относятся къ прекращенію военныхъ дѣйствій и удаленію войскъ изъ занятыхъ ими мѣстностей.

Ст. 13 даруется общая полная амнистія подданнымъ обѣихъ державъ, принимавшихъ какое нибудь участіе въ войнѣ.

Ст. 14 опредѣляетъ условія обмѣна военноплѣнныхъ.

Ст. 15 возобновляетъ силу всѣхъ договоровъ и постановленій, заключенныхъ въ разныя времена между обѣими договаривающимися державами, за исключеніемъ впрочемъ статей отмѣненныхъ или измѣненныхъ настоящимъ трактатомъ.

Наконецъ ст. 16 устанавливаетъ шестинедѣльный срокъ для обмѣна между уполномоченными ратификацій; не возбраняется впрочемъ произвести таковой обмѣнъ и ранѣе указаннаго срока.

Особымъ договоромъ, относящимся до княжествъ Молдавіи и Валлахіи, подписаннымъ того же числа въ Адріанополѣ, Россія и Оттоманская Порта условились привести въ исполненіе всѣ мѣры, указанныя въ особомъ постановленіи, приложенномъ къ Аккерманскому трактату. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая полезнымъ придать управленію этими областями болѣе твердости и прочности, онѣ постановили: семилѣтній срокъ, назначавшійся для властвованія господарей замѣнить пожизненнымъ, предоставивъ имъ полную свободу управленія внутренними дѣлами княжествъ, совмѣстно съ областными Диванами, но подъ непремѣннымъ условіемъ соблюденія привиллегій, дарованныхъ обѣимъ областямъ прежними Гатти-Шерифами; при этомъ никакія послѣдующія повелѣнія Султана несогласныя со смысломъ таковыхъ; не должны препятствовать законнымъ дѣйствіямъ господарей.

Порта обязывается также строжайшимъ образомъ наблюдать, чтобы привиллегіи, дарованныя Молдавіи и Валахіи, ни подъ какимъ видомъ не подвергались нару-

шенію со стороны пограничныхъ турецкихъ властей; не допускать вмѣшательства таковыхъ во внутреннія дѣла этихъ областей и предупреждать вторженіе на ихъ территорію жителей праваго берега Дуная.

Прилегающіе къ лѣвому берегу Дуная острова признаются принадлежащими княжествамъ, границею между которыми должно служить русло этой рѣки, отъ мѣста, гдѣ она вступаетъ въ Оттоманскія владѣнія, до ея слiянія съ Прутомъ.

Для полнаго обезпеченія ненарушимости Молдаво-Валахской территоріи, Порта не сохранитъ за собою ни одного укрѣпленнаго пункта, на правомъ берегу Дуная и не дозволитъ мусульманскимъ своимъ подданнымъ тамъ селиться.

Турецкіе города и принадлежащія имъ земли, расположенныя на этомъ берегу, будутъ возвращены Молдавіи; а укрѣпленія, прежде тамъ находившіеся, никогда уже не будутъ возобновлены.

Правительствамъ княжествѣ дозволяется учреждать санитарные кордоны и карантины; равно содержать вооруженную стражу, численность которой опредѣляется дѣйствительною потребностью охраненія границъ.

Княжества навсегда освобождаются отъ обязанности доставлять для жителей Константинополя хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы.

Отмѣняется также: высылка рабочихъ на крѣпостныя работы и вообще всякія натуральныя повинности, прежде существовавшія. Взамѣнъ сего оба княжества обязываются уплачивать Портѣ ежегодную дань, размѣръ которой будетъ опредѣленъ общимъ соглашеніемъ.

Жителямъ княжествъ предоставляется полная свобода торговли всѣми произведеніями ихъ земли. ручной и фабричной производительности. Наконецъ они избавляются на два года отъ взноса въ Оттоманскія казначейства установленной годичной дани.

При сравненіи условій обоихъ приведенныхъ трактатовъ

оказывается, что Аккерманскимъ даровано Молдавіи и Валахіи независимое управленіе подъ главенствомъ господарей, избираемыхъ народомъ на семилѣтній періодъ времени по истеченіи котораго на переизбраніе ихъ опредѣлялось испрашивать согласіе Россіи, безъ котораго и удаленіе ихъ Портою отъ управленія также не могло имѣть мѣста. Такія же точно права были дарованы Сербіи.

Россія пріобрѣла при этомъ многія льготы для своей торговли во всѣхъ мѣстностяхъ Оттоманской Имперіи и правъ свободнаго судоходства по Черному морю. По Адріанопольскому трактату (1829 г.), подтвердившему условія всѣхъ предшествовавшихъ договоровъ, Россія оставила за собой въ Европѣ лишь острова, находящіеся въ Дунайскихъ гирлахъ, при томъ съ обязательствомъ не возводить на нихъ укрѣпленій и постоянныхъ поселеній. Она возвратила Портѣ всѣ завоеванныя ею въ Азіи мѣстности, за исключеніемъ крѣпостей, расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря, а также Анапы, Поти, Ахалцыха и Ахалкалакъ. Всѣ привиллегіи дарованныя Дунайскимъ княжествамъ Аккерманскимъ трактатомъ, подтверждены и дополнены тѣмъ, что господарей разрѣшено избирать уже на семь лѣтъ, а на всю ихъ жизнь, и что всѣ налоги и подати замѣнены одною общею данью; кромѣ того строжайше воспрещено мусульманамъ поселяться въ княжествахъ.

Разрѣшеніемъ свободнаго плаванія по Босфору и Дарданелламъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ судамъ Россія доставила неисчислимыя выгоды своей торговлѣ.

Наконецъ изъявленіемъ согласія подчиниться постановленіямъ Лондонскаго трактата, Порта признала независимость Греціи.

Хотя Каподистрія всячески старался упрочить независимость роднаго края, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную, но смуты и распри, терзавшія Грецію, ставили неопреодолимую преграду его благороднымъ условіямъ. Поэтому, не смотря даже на то, что правительство, котораго онъ былъ главою, было вновь утверждено народнымъ собраніемъ,—дни его были

сочтены, такъ какъ державы-покровительницы рѣшились утвердить въ Греціи Монархическое правленіе, съ назначеніемъ королемъ Принца одного изъ царствующихъ домовъ Европы.

Онѣ первоначально предложили корону Греціи принцу Леопольду Саксенъ—Кобургскому,—но онъ отъ нея отказался; слабое здоровье Англійскаго Короля, предвѣщавшее близкую его кончину, внушало принцу надежду быть Регентомъ Англіи до достиженія племянницею его Викторіей совершеннолѣтія.

Такимъ образомъ Каподистрія продолжалъ временно управлять страною, хотя для всѣхъ было очевидно, что ему не подъ силу сдерживать порывы безпокойнаго греческаго народа.

Онъ былъ умерщвленъ въ 1831 г.; президентство перешло къ брату его Августину, административныя способности котораго далеко не соотвѣтствовали важности, возлагавшихся на него обязанностей.

Греціи угрожала междоусобная война.

Для отвращенія этой новой опасности, Россія, Англія и Франція согласилась водворить въ Греціи прочное, твердое правительство, и 7 Мая 1832 г. заключила въ Лондонѣ трактатъ отъ себя съ одной и отъ Баваріи съ другой стороны, по которому наслѣдственный престолъ Греческаго королевства былъ предложенъ Принцу Фридриху Оттону, второму сыну короля Баварскаго Людовика.

29 Ноября того же года, Оттонъ вступилъ въ Наполи на греческую землю; ему предоставлена была возможность, заключить для Греціи внѣшній заемъ въ 60 милліоновъ франковъ, гарантированный державами покровительницами, — а отрядъ въ 3.500 человѣкъ Баварскихъ войскъ, сопровождавшій молодаго Короля въ его новое отечество, сдѣлался его гвардіей.

ГЛАВА VI.

Восточный вопросъ. Договоръ Ункіаръ-Скелесскій $^{8}/_{20}$ іюля 1833 г. Лондонскій договоръ $^{16}/_{28}$ іюля 1840 г. Лондонскій договоръ $^{13}/_{21}$ іюля 1841 г. Балта-Лиманскій договоръ 19 апрѣля (1 мая) 1849 г.

Историографы всѣхъ временъ придавали весьма важное значеніе изученію восточнаго вопроса. Въ сочиненіяхъ, исключительно посвященныхъ этому предмету, конечно, нѣтъ недостатка; но самое обиліе матеріаловъ, относящихся къ таковому, притомъ крайне своеобразное и съ предвзятыми цѣлями, представляетъ неисчислимыя затрудненія вѣрно и точно опредѣлить истинное значеніе историческаго событія, обращающаго на себя общее вниманіе и составляющаго предметъ нескончаемыхъ, всестороннихъ обсужденій.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно и неопровержимо то, что восточный вопросъ возникъ въ отдаленныя историческія времена и знаменуетъ собою одно изъ тѣхъ міровыхъ событій, на рѣшеніе которыхъ дипломатія безсильна оказать вліяніе.

Историческія причины возбудили восточный вопросъ; историческія событія несомнѣнно и разрѣшатъ его. Важность значенія, придаваемаго общественнымъ мнѣніемъ восточному вопросу, такова, что никому даже не приходила доселѣ мысль, ограничить его тѣсными рамками дипломатическихъ сношеній, или созвать конгрессъ для его разрѣшенія.

И дѣйствительно, развѣ возможно мгновенно прекратить вѣковую борьбу романскихъ и германскихъ народовъ съ славянскими племенами, составляющую въ новѣйшія времена какъ бы продолженіе постояннаго антагонизма, существовавшаго въ древности между римлянами и греками?

Сущность же восточнаго вопроса, въ общемъ, широкомъ его значеніи, заключается именно въ этой неустанной борьбѣ.

Съ другой стороны, при томъ въ смыслѣ одностороннемъ, болѣе соотвѣтствующемъ новѣйшимъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, безошибочно можно опредѣлить его значеніе слѣдующимъ образомъ: „восточный вопросъ съ конца XVIII столѣтія до настоящаго времени, знаменуетъ усиленіе могущества

Россіи съ одной и ослабленіе оттоманской имперіи съ другой стороны.»

При всемъ томъ существенное значеніе вопроса остается неизмѣннымъ, т. е. представляетъ борьбу міра католическаго, или романо-германскаго, съ міромъ православнымъ, или славянскимъ, возбужденную страхомъ, внушаемымъ государствамъ западной Европы, мыслью, что на развалинахъ оттоманской имперіи можетъ возникнуть могущественная, свободная и независимая греко-славянская держава.

Этимъ объясняются постоянныя усилія державъ не допустить раздробленія Турціи и защитить ее отъ нападеній враговъ; онѣ признали такой образъ дѣйствій наиболѣе способнымъ утвердить ихъ вліяніе надъ православными народностями и воспрепятствовать усиленію ихъ могущества на счетъ Порты.

Подобный переворотъ въ политикѣ Европы относительно державы, которую прежде она не только не включала въ свою семью, но и намѣревалась вовсе прогнать въ Азію, колыбель племени Османовъ, — произошелъ постепенно и была вызвана, во-первыхъ, очевиднымъ безсиліемъ оттоманской имперіи, не внушавшимъ уже болѣе христіанскимъ государствамъ опасеній за нарушеніе ихъ собственнаго спокойствія, а во-вторыхъ, сосѣдствомъ съ государствомъ, грозное могущество котораго, быстро возрастая, предоставляло ему возможность выполнять его историческую задачу, т. е. защищать православіе и покровительствовать братьямъ-славянамъ. Первенствующая роль, которую Россія призвана играть на востокѣ, особенно явственно опредѣлилась въ царствованіе императрицы Екатерины II; блистательныя побѣды, одержанныя ея войсками, вполнѣ доказали превосходство русскихъ силъ надъ турецкими.

Съ того времени восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ; давленіе западныхъ державъ на славянскія племена стало невольно ослабѣвать, такъ какъ эти послѣднія высказали твердую рѣшимость сбросить съ себя ярмо, хотя нравственное, но тѣмъ не менѣе тягостное.

Для достиженія этой цѣли представлялось настоятельно необходимымъ ослабить вліяніе западныхъ державъ на Тур-

цію; поэтому борьба славянскаго міра съ міромъ романо-германскимъ обратилась въ борьбу славянъ съ мусульманами. Въ началѣ она не казалась грозною, потому что Европа, невполнѣ еще отрѣшившаяся въ то время отъ своей ненависти къ мусульманамъ, признавала Россію,—поставившую себѣ задачей сокрушить могущество оттоманской имперіи, — своею вѣрною союзницею, и радовалась ея успѣхамъ. Но, не смотря однакоже на то, что борьба славянъ съ католицизмомъ, одновременно происходившая на западной границѣ Россіи, т. е. въ Польшѣ, велась замѣчательно успѣшно, — политика и побѣды русскихъ на востокѣ далеко не привели къ результатамъ, на которые многое давало право разсчитывать. При другихъ условіяхъ, пять славныхъ войнъ, веденныхъ Россіей противъ Турціи, неминуемо имѣли-бы болѣе благопріятныя для него послѣдствія.

По мнѣнію г. Данилевскаго [1], причина, по которой выгоды, пріобрѣтенныя Россіей, были ничтожны сравнительно съ принесенными ею жертвами, кроется въ томъ, что ея правительство не вполнѣ точно опредѣлило цѣли, которыя намѣревалось достигнуть на востокѣ и не усвоило себѣ началъ національно-либеральной политики; между тѣмъ,—добавляетъ тотъ-же авторъ, — благопріятное для Россіи разрѣшеніе восточнаго вопроса возможно лишь тогда, когда приведенныя выше условія будутъ положены въ основу ея дѣйствій.

Единственнымъ, неуклоннымъ стремленіемъ восточной политики Россіи было возможное облегченіе участи ея единовѣрцевъ, находящихся подъ владычествомъ Турціи. Но даже и въ этомъ случаѣ политика ея не отличалась твердостью и опредѣленностью направленія: то она домогалась права оказывать неограниченное покровительство православнымъ востока, то, безучастно относясь къ ихъ страданіямъ, вынуждала ихъ прибѣгать къ заступничеству западныхъ державъ, какъ это сдѣлали греки, призвавъ на помощь Англію. Такую политику, конечно, нельзя назвать національно-либеральною, такъ какъ Россіи слѣдовало прежде всего заботиться объ удовлетво-

[1] La Russie et l'Europe.

реніи своихъ собственныхъ, народныхъ интересовъ, а не увлекаться соображеніями второстепенной важности, какія-бы возвышенныя цѣли не имѣлись при этомъ въ виду.

Если императоръ Александръ I не слѣдовалъ внушеніямъ своего благороднаго сердца, то только потому, что признавалъ необходимымъ жертвовать интересами своего народа соблюденію интересовъ Европы, платившей ему за то полнѣйшимъ недовѣріемъ къ его политикѣ. Идеи сохраненія мира въ Европѣ и подавленія революціонныхъ стремленій, нисколько, впрочемъ, неопасныхъ для Россіи, вынудили императора Александра пренебречь симпатіями славянъ къ русскому народу, гласу котораго онъ настойчиво упорствовалъ внимать. Не смотря, однакоже, на искреннее и безкорыстное участіе, принятое Россіей во всѣхъ переговорахъ, имѣвшихъ цѣлью поддержаніе политическаго равновѣсія Европы, она никого не убѣдила въ искренности своей восточной политики. И дѣйствительно, развѣ можно было увѣровать, что Россія стремится лишь къ освобожденію восточныхъ христіянъ, когда въ ея собственныхъ нѣдрахъ поддерживалось еще постыдное рабство?

Что въ царствованіе императрицы Екатерины II Россія могла воспользоваться благопріятнымъ для нея настроеніемъ Европы, сочувствовавшей успѣхамъ русскаго оружія и ни мало не озабоченной возможными ихъ послѣдствіями,—не подлежитъ сомнѣнію. Вѣдь въ то время Европа еще живо помнила какимъ опасностямъ подвергали ее частыя вторженія мусульманъ, наводившія ужасъ на весь христіянскій міръ. Впослѣдствіи ясно обнаружившееся безсиліе Турціи, уничтожившее обаяніе ея прежняго могущества, внушило Европѣ иныя опасенія и заботы: она пришла къ убѣжденію, что должна всячески препятствовать какъ усиленію Россіи на счетъ Турціи, такъ и пріобрѣтенію ею первенствующаго вліянія на ея единовѣрцевъ. Нельзя при этомъ не сознать, что колебанія, обнаружившіяся въ восточной политикѣ Россіи, во многомъ содѣйствовали возбужденію въ Европѣ серьезныхъ сомнѣній относительно истинныхъ ея намѣреній.

Европа не замедлила приписать Россіи стремленія, кото-

рыхъ она по всей вѣроятности никогда не питала; затѣмъ, когда немощность оттоманской имперіи была окончательно признана, всякому событію, совершившемуся на востокѣ, стали придавать важное, часто вовсе незаслуженное значеніе.

Идеи нарождавшагося панславизма сдѣлались настоящимъ пугаломъ для западныхъ державъ, напрягавшихъ наперерывъ другъ передъ другомъ всевозможныя усилія заглушить ихъ въ самомъ зародышѣ.

Стремясь къ достиженію этой цѣли, онѣ настойчиво устраняли всякое покушеніе на неприкосновенность владѣній султана, способное ослабить его мощь и величіе. Дѣлаясь, такимъ образомъ, вѣрными стражами будущаго «больнаго,» державы, весьма естественно, тревожились малѣйшими успѣхами русскихъ на Босфорѣ.

Но антагонизмъ Европы съ Россіей проявился въ полной силѣ лишь послѣ Наваринской битвы, уничтожившей почти весь турецкій флотъ.

Событіе это, значительно ослабивъ турецкія силы, сравнительно съ русскими, привело позднѣе къ подписанію Портою адріанопольскаго трактата. Европа переполошилась не на шутку, а убѣжденіе, что существованіе оттоманской имперіи составляетъ главнѣйшее условіе сохраненія политическаго равновѣсія, еще прочнѣе утвердилось во всѣхъ государственныхъ дѣятеляхъ, управлявшихъ политикою Европы.

Но западныя державы очевидно заблуждались; ненарушимости оттоманской имперіи угрожала опасность вовсе не со стороны Россіи. Адріанопольскій трактатъ, неопровержимо доказавъ Портѣ, что дѣйствія русскаго правительства вполнѣ безпристрастны, а требованія его умѣренны, установилъ между обѣими державами согласіе и взаимное довѣріе, совершенно устранившія прежнюю враждебность ихъ отношеній. Порта, повидимому, поняла наконецъ,—говоритъ Неклюдовъ [1]),—«что точно соблюдая трактаты, справедливо и гуманно относясь къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, защищая ихъ храмы и прекративъ ничѣмъ не оправдываемыя преслѣдованія,—она

---

[1]) Les relations de la Russie avec la Porte.

пріобрѣтетъ въ императорѣ всероссійскомъ долѣе вѣрнаго и честнаго союзника, чѣмъ всѣ остальные государи Европы.» Убѣжденіе это раздѣлялось также мудрѣйшими совѣтниками султана Махмуда, умѣвшаго уяснить себѣ цѣли, преслѣдуемыя политикою западныхъ державъ и оцѣнить по достоинству выгоды союза Турціи съ Россіей. Поэтому, хотя сильная партія, пользовавшаяся поддержкою европейскихъ дипломатовъ, и ухищрялась не допустить Порту до сближенія съ Россіей, но опасность, неожиданно возникшая, и еще нѣкоторыя другія причины привели къ полному упроченію дружественныхъ отношеній между обѣими имперіями, выразившемуся заключеніемъ особаго договора.

На этотъ разъ опасностью угрожалъ Египетъ, энергичный и даровитый вице-король котораго, Мехметъ-Али, успѣлъ занять относительно Порты почти совершенно независимое положеніе. Имѣя превосходно организованное войско и флотъ, ни въ чемъ не уступавшій флоту сюзерена, Мехметъ-Али могъ считаться вассаломъ Порты только условно; въ дѣйствительности же онъ былъ государь весьма могущественный, обладавшій большими средствами, дававшими ему полную возможность утвердить на престолѣ Османовъ арабскую династію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мехметъ-Али преслѣдовалъ именно эту цѣль; но, прежде чѣмъ произвести такой грандіозный переворотъ въ мусульманскомъ мірѣ, онъ призналъ необходимымъ, для упроченія въ немъ своего вліянія, присоединить къ Египту Сирію. Возбудивъ по этому поводу переговоры съ Портою, онъ потребовалъ отъ султана уступки Дамасскаго пашалыка, составляющаго часть Сиріи, въ видѣ вознагражденія за помощь, оказанную имъ во время греческаго возстанія.

Султанъ отвергъ дерзкое домогательство вассала, напомнивъ ему притомъ, что въ награду за свою услугу онъ уже получилъ во владѣніе острова Критъ и Кипръ.

Тогда Мехметъ Али вознамѣрился подкрѣпить свое требованіе силою оружія.

Чтобы имѣть хотя какой-либо предлогъ для вступленія египетскихъ войскъ въ Сирію, Мехметъ потребовалъ, чтобы

управлявшій этою областью паша уплатилъ 11 милліоновъ піастровъ какого-то стариннаго долга, дѣйствительность котораго, конечно, ничѣмъ доказана быть не могла. Тотчасъ по полученіи заранѣе предвидѣннаго отказа, сынъ Мехмета-Али, Ибрагимъ, опытный и искусный военачальникъ, вступилъ въ Сирію во главѣ превосходно организованной и дисциплинированной арміи. Не встрѣтивъ серьезныхъ препятствій, онъ овладѣлъ Яффой, Іерусалимомъ, и осадилъ Сенъ-Жанъ-д'Акръ.

Хотя междоусобныя войны вассаловъ были для Порты явленіемъ совершенно обыкновеннымъ, но на этотъ разъ она инстинктивно чувствовала, что опасность угрожаетъ собственно ей; поэтому было рѣшено принять противъ Мехмета-Али самыя энергическія мѣры: онъ былъ объявленъ состоящимъ внѣ закона, и въ то же время многочисленная турецкая армія, подъ главнымъ начальствомъ Гуссейна-паши, была направлена въ Сирію.

Гуссейнъ прибылъ слишкомъ поздно; осажденная крѣпость уже сдалась Ибрагиму, который завладѣлъ всей Сиріей, а 19 іюля 1832 г. турецкія войска были на-голову разбиты египтянами при Хемсэ. Эта побѣда позволила Ибрагиму перенести военныя дѣйствія въ Малую Азію, гдѣ близъ Коніэха онъ разсѣялъ полчища великаго визиря Решида-паши, пытавшагося остановить его побѣдное шествіе. Это новое пораженіе турокъ, ознаменованное плѣненіемъ Решида-паши, открыло Ибрагиму свободный путь къ Константинополю; мѣстныя же населенія, упоенныя славою его громкихъ побѣдъ, повсемѣстно выражали готовность признать надъ собою владычество его отца, вице-короля египетскаго.

Положеніе султана было самое затруднительное; у него даже не было войска, которое онъ могъ бы противупоставить побѣдителю; а Франція и Англія, никогда не отказывавшія ему въ своей помощи, были исключительно заняты событіями, совершавшимися въ Бельгіи, и не обращали вниманія на восточныя дѣла.

Зато Россія напряженно слѣдила за ходомъ борьбы, угрожавшей существованію Порты, и уже по началу смѣлаго предпріятія Мехмета-Али предугадала всю важность послѣдствій,

могущихъ произойти отъ перемѣны царствующей въ Турціи династіи. Озабочиваясь какъ сохраненіемъ своего собственнаго спокойствія, такъ и участью своихъ единовѣрцевъ, Россія сочла себя обязанною предупредить катастрофу, способную мгновенно измѣнить ея отношенія къ Портѣ и уничтожить плоды ея вѣковыхъ усилій и тяжелыхъ жертвъ. Императоръ Николай не задумался предложить свою помощь султану, который принялъ ее лишь тогда, когда окончательно убѣдился, что на содѣйствіе другихъ державъ разсчитывать не можетъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, 1833 года, русскій флотъ появился въ Босфорѣ. Извѣстіе объ этомъ переполошило западную Европу; опасаясь главнѣе всего, чтобы преобладающее вліяніе Россіи на Турцію не утвердилось окончательно, Англія и Франція напряженно стали изыскивать средства не допустить до этого.

Обѣ эти державы упорно не хотѣли вѣрить, что побужденія Россіи въ этомъ случаѣ совершенно честны и безкорыстны, хотя всѣ ея дѣйствія несомнѣнно свидѣтельствовали о ея желаніи поддержать общеевропейскій миръ, которому угрожала опасность. Даже то, что императоръ Николай, не приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, предложилъ султану и Мехмету-Али избѣгать вооруженнаго столкновенія, не могло поколебать ихъ подозрительности.

Появленіе русскаго флота въ Босфорѣ очевидно имѣло цѣлью заставить пашу быть уступчивымъ.

Франція, въ видахъ устраненія вооруженнаго вмѣшательства Россіи, поспѣшила послать посла въ Константинополь, поручивъ ему помирить султана съ возмутившимся пашею; Англія же, не добившись отъ Мехмета ожидаемой, безусловной покорности, положительно возненавидѣла его. Посолъ королевы открыто старался возбуждать султана противъ его вассала хотя въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ Ибрагимъ наотрѣзъ отказался принять посредничество Франціи и Россіи.

Въ виду такого отказа, 5000-ный русскій отрядъ выступилъ противъ инсургентовъ; Франція, Англія и Австрія не замедлили послать свои эскадры на театръ военныхъ дѣйствій.

Мехметъ-Али уступилъ превосходству силъ, но по мир-

ному трактату, заключенному въ 1833 г. въ Китаэхѣ, обладаніе Сиріей было ему обезпечено.

Немедленно по заключеніи этого мира русскія войска оставили занятыя ими позиціи, а султанъ, желая отблагодарить Русскаго Императора за оказанную имъ помощь и упрочить свои дружественныя съ нимъ отношенія, заключалъ съ Императоромъ Николаемъ Ункіаръ-Скелесскій трактатъ, подписаніе котораго состоялось въ Константинополѣ 8 іюля 1833 г.

Шестью статьями этого трактата обѣ стороны условливались въ слѣдующемъ:

Ст. I. Вѣчный миръ, дружба и союзъ водворяются между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Императоромъ Оттомановъ, между ихъ имперіями и поданными какъ на сушѣ такъ и на морѣ.

Такъ какъ при заключеніи союза имѣлось въ виду единственно обезопасить взаимныя владѣнія отъ всякаго на нихъ посягательства, то Ихъ Императорскія Величества принимаютъ на себя обязательство откровенно совѣщаться относительно всего того, что можетъ упрочить ихъ взаимное спокойствіе и безопасность; въ случаѣ же надобности оказывать другъ другу самую дѣятельную помощь, какъ матеріяльную такъ и нравственную.

Ст. II. Мирный договоръ, подписанный въ Адріанополѣ 2 сентября 1829 г., съ заключающимися въ немъ условіями предшествовавшихъ трактатовъ, равно конвенція, подписанная въ С.-Петербургѣ 14 апрѣля 1830 г. и соглашеніе по греческимъ дѣламъ, утвержденное въ Константинополѣ 9—21 іюля 1832 г., настоящимъ договоромъ оборонительнаго союза подтверждаются во всей ихъ полнотѣ и силѣ, и будутъ считаться дословно включенными въ таковой.

Ст. III. Такъ какъ оказаніе взаимной поддержки и защиты положены въ основаніе настоящаго союзнаго договора, то Е. В. Императоръ Всероссійскій, искренно желая утвердить и упрочить независимость блистательной Порты, обѣщаетъ въ случаѣ, (чего Боже сохрани),

еслибы обстоятельства вынудили ее вновь просить содѣйствія русскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ,—выставить такое число войскъ разнаго рода оружія, какое обѣими договаривающимися сторонами будетъ признано необходимымъ.

Ст. IV Если на основаніи предъидущихъ статей одна изъ сторонъ прибѣгнетъ къ матеріальному содѣйствію своей союзницы, то только расходы по продовольствію выставленныхъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ будутъ отнесены на счетъ державы, по просьбѣ которой они призваны къ дѣйствіямъ.

Ст. V. Хотя обѣ высокія договаривающіяся стороны одушевлены вполнѣ искреннимъ желаніемъ продолжить елико возможно соблюденіе принятыхъ ими на себя, по смыслу настоящаго трактата, обязательствъ,—но такъ какъ нѣкоторыя измѣненія въ немъ могутъ въ послѣдствіи оказаться настоятельно необходимыми, то по взаимному согласію опредѣляютъ восьмилѣтній срокъ, со дня обмѣна ратифакацій, для неуклоннаго исполненія его условій. До истеченія назначаемаго срока обѣ стороны, принявъ во вниманіе общее положеніе политическихъ дѣлъ, которое будетъ существовать въ то время, войдутъ въ надлежащее соглащеніе о возобновленіи этого трактата.

Ст. VI. Ратификація настоящаго оборонительнаго союзнаго договора произойдетъ въ Константинополѣ въ двухмѣсячный срокъ; а буде возможно, то и ранѣе.

Секретная дополнительная статья.

Однимъ изъ условій I статьи настоящаго оборонительнаго союзнаго договора, заключеннаго блистательною Портою съ русскимъ Императорскимъ правительствомъ, обѣ высокія договаривавшіяся стороны обязались оказывать другъ другу самую дѣятельную помощь, какъ матеріальную, такъ и нравственную для обезпеченія безопаности ихъ владѣній.

Но такъ какъ Его Величество Императоръ Всероссійскій не желаетъ затруднять блистательную Порту

оказаніемъ Россіи матеріальной помощи, то и требовать таковой не будетъ; если же по обстоятельствамъ будетъ признано, что блистательной Портѣ слѣдуетъ оказать условленную помощь, то взамѣнъ ея, по точному смыслу взаимнодѣйствія, утвержденнаго настоящимъ договоромъ, блистательная Порта обязывается запереть Дарданельскій проливъ, т. е. ни подъ какимъ предлогомъ не допускать входъ въ него иностранныхъ военныхъ судовъ.

Эта отдѣльная секретная статья должна пользоваться такою же силою и такимъ-же значеніемъ, какія имѣла-бы, будучи дословно включена въ оборонительный союзный договоръ сего-же числа подписанный.

Ункіяръ-Скелесскій трактатъ не только въ значительной степени усилилъ опасенія западныхъ державъ, но вполнѣ убѣдилъ ихъ, что восточная политика Россіи стремится къ достиженію эгоистическихъ, честолюбивыхъ цѣлей. Въ обязательствѣ, принятомъ Портою, запереть Дарданеллы для входа военныхъ судовъ другихъ націй въ случаѣ войны ихъ съ Россіей, онѣ видѣли даже чуть ли не передачу Константинополя во власть Русскихъ, и съ той поры напрягали всевозможныя усилія, ослабивъ вліяніе С.-Петербургскаго кабинета на Порту, отвлечь султана отъ союза съ Русскимъ Императоромъ.

Началась подпольная дипломатическая борьба, во время которой пущены были въ ходъ всевозможныя хитрости и интриги, и надо сознаться, что русскіе агенты не съумѣли удержать за собою то несомнѣнно выгодное и преобладающее вліяніе, которое было усвоено за Россіей стеченіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; ихъ слабый гласъ на берегахъ Босфора былъ положительно заглушенъ гордыми, самоувѣренными рѣчами представителей иностранныхъ державъ.

Въ то время, какъ послы Англіи и Франціи помимо дипломатическихъ сношеній тщательно изучали нравы и условія внутренней жизни Оттомановъ, представители Россіи ограничивались лишь чисто оффиціальною стороною своихъ обязанностей и, развѣ еще, разбирательствомъ несогласій, возникавшихъ между ихъ соотечественниками и турками.

Иностранные дипломаты чрезвычайно ловко и умѣло вос-

пользовавшись бездѣйствіемъ своихъ русскихъ собратій, успѣли убѣдить султана, что европейскія державы могутъ оказать ему несравненно болѣе важныя услуги чѣмъ Россія, не смотря даже на выказанныя ею при заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго трактата безпристрастіе и умѣренность. Но болѣе вѣрными, хотя и не столь быстрыми, способами пріобрѣтенія неограниченнаго вліянія на востокѣ западныя державы признали какъ привлеченіе большинства Турецкой молодежи въ учебныя заведенія Европы, такъ и передачу дѣла народнаго образованія мусульманъ въ руки французскихъ и англійскихъ педагоговъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ ихъ посольствъ.

Замѣчательно, что въ виду такихъ, искусно комбинированныхъ замысловъ, Россія даже не пыталась противодѣйствовать явно враждебнымъ ей дѣйствіямъ и упорно не хотѣла сознать, что въ молодомъ поколѣніи османовъ укореняется ненависть ко всему русскому, которою западныя державы съумѣютъ воспользоваться впослѣдствіи.

Поступая такъ, С.-Петербургскій кабинетъ еще разъ пожертвовалъ своими интересами страстному желанію не подавать повода не только къ ссорѣ, но и къ подозрѣнію; но и на этотъ разъ предположенная имъ цѣль не была, да и не могла быть достигнута.

Западныя державы, поддерживаемыя общественнымъ мнѣніемъ Европы, были твердо убѣждены, что всѣ безъ исключенія дѣйствія Россіи направлены лишь къ завоеваніямъ и захватамъ, поэтому, не видя съ ея стороны явныхъ къ тому поползновеній, онѣ заподозрили ее въ подготовленіи тайныхъ козней противъ Турціи. Застращивая султана такими неосновательными предположеніями, послы ихъ добились того, что и онъ, притомъ въ виду полной бездѣятельности русскаго правительства, заподозрилъ, что оно раскаявается въ поспѣшности, съ которою заключило съ нимъ союзъ, столь непріятный для его навязчиво—услужливыхъ покровителей.

Англія торжествовала и имѣла на то неоспоримое право, такъ какъ болѣе другихъ западныхъ державъ способствовала утвержденію общаго недовѣрія къ русской политикѣ и прекращенію русскаго вліянія на востокѣ, пріобрѣтеннаго цѣною

многихъ тяжелыхъ жертвъ. Нельзя впрочемъ не согласиться, что лондонскій кабинетъ дѣйствовалъ вполнѣ раціонально: онъ исключительно имѣлъ въ виду коммерческіе интересы своего народа, которымъ угрожала серьезная опасность по случаю быстраго усиленія русской торговли въ Левантѣ и вообще на востокѣ. Тщательная отдѣлка и доброкачественность русскихъ товаровъ значительно уменьшили сбытъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, пользовавшихся до того времени въ названныхъ мѣстностяхъ безграничною монополіей.

Въ Лондонѣ издавалась даже газета „Portfolio", спеціально посвященная наблюденію за всѣми мѣропріятіями Россіи на востокѣ и констатированію ихъ. Кромѣ того газета усиленно старалась доказать, что русское правительство, стремясь къ распространенію своихъ владѣній на востокѣ, имѣетъ исключительно въ виду: не только ослабить вліяніе Англіи, но и совершенно вытѣснить ее оттуда; такимъ образомъ ничѣмъ не было пренебрежено для утвержденія въ англійскомъ обществѣ убѣжденія, что война съ Россіей необходима и неизбѣжна.

И война навѣрно бы возгорѣлась, еслибы болѣе неотложно—важные интересы не обратили на себя въ то время вниманія какъ Европы, такъ и парламентовъ, и прессы.

Со времени первыхъ столкновеній турціи съ Мехметомъ-Али, всѣ безъ исключенія событія, совершившіяся въ этой имперіи, болѣзненно отзываясь на политическихъ дѣлахъ Европы, вызвали въ ней возникновеніе вопроса несомнѣнной важности, впервые получившаго названіе «восточнаго»; вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненіе цѣлости и неприкосновенности оттоманской имперіи было признано условіемъ sine qua non соблюденія интересовъ всей вообще Европы.

Вотъ почему, не смотря на соперничество Россіи и Великобританіи, обѣ державы эти одинаково признавали необходимымъ положить предѣлъ честолюбію Мехмета-Али, замышлявшаго, повидимому, новое посягательство противъ верховной власти своего сюзерена.

Хотя приписываемыя египетскому пашѣ намѣренія еще ничѣмъ не могли быть доказаны, но англійское правительство, движимое личными эгоистическими разсчетами, всячески ста-

ралось застращать султана и втянуть его въ войну съ могущественнымъ вассаломъ, обѣщая притомъ оказать падишаху самую дѣятельную помощь.

Причина, побуждавшая Англію къ такимъ дѣйствіямъ, была очевидна: Мехметъ-Али владѣлъ главнѣйшимъ торговымъ путемъ въ Индію черезъ Суэзскій перешеекъ, и ей вовсе не было желательно, чтобы ея сношенія съ богатою колоніею находились въ большей или меньшей зависимости отъ полуварварскаго правительства.

Въ 1833 году англичанамъ удалось завладѣть городомъ Аденомъ; но важность этого захвата обусловливалась лишь присоединеніемъ еще нѣсколькихъ смежныхъ городовъ. Война султана съ Мехметомъ-Али сулила Англіи надежду пріобрѣсти въ ущербъ послѣдняго нѣкоторыя, заранѣе намѣченныя ею мѣстности,—а потому не удивительно, что дипломатическіе агенты Великобританіи въ Константинополѣ не щадили усилій поссорить султана съ его вассаломъ.

Достиженіе этой цѣли не представляло впрочемъ серьезныхъ препятствій, потому что съ самаго заключенія Китаэхскаго мира, всѣ помыслы султана стремились лишь къ тому, чтобы уничтожить дерзновеннаго египетскаго пашу; громадныя приготовленія къ войнѣ съ нимъ безостановочно производились Портою.

Подъ предлогомъ подавленія возстанія курдовъ, султанъ послалъ сильное войско въ Малую Азію, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующему таковымъ, Гафизу-пашѣ, перейдти Евфратъ и вытѣснить Ибрагима изъ Сиріи. Но Ибрагимъ ожидалъ нападенія и, 24 іюня 1839 г., при Неджибѣ, нанесъ туркамъ пораженіе, послѣдствія котораго могли даже угрожать самому существованію Оттоманской имперіи, тѣмъ болѣе что султанъ Махмудъ вскорѣ послѣ того умеръ, и на престолъ вступилъ его юный сынъ Абдулъ-Меджидъ, не обладавшій ни энергіей, ни опытностью своего родителя.

Дѣйствительно, паденіе Оттоманской имперіи представлялось если ужь не неизбѣжнымъ, то по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ; поэтому европейскія державы, побуждаемыя твердою увѣренностью, что существованіе ея необходимо для ихъ

спокойствія и безопасности, поспѣшили подать Турціи руку помощи. Россія и Англія, явно пренебрегая причинами, возбудившими ихъ недавнія взаимныя несогласія и нарушая даже условія трактата 1833 г., дружно сплотились въ виду предстоявшей опасности; открылась конференція въ Лондонѣ, къ участію въ которой приглашены были Австрія, Франція и Пруссія, не замедлившія прислать своихъ уполномоченныхъ.

Россія и Франція заявили на первыхъ же порахъ, что Сирію необходимо присоединить къ Египту и притомъ съ тѣмъ, чтобы управленіе этими странами было утверждено за семействомъ Мехметъ-Али, съ правами законнаго престолонаслѣдія; прочія же державы не изъявили на это согласія, и Россія вскорѣ убѣдилась ихъ доводами; одна только Франція, разсчитывая, что по смыслу дружественнаго своего соглашенія съ Англіей, состоявшагося въ 1830 г., послѣдняя не подпишетъ безъ нея какого-либо договора, упорно настаивала на своемъ предложеніи. Разсчеты Франціи оказались невѣрными, Англія ей измѣнила и только она одна не подписала лондонскаго трактата, носящаго громкое названіе: *„трактатъ объ умиротвореніи востока“*.

По смыслу этого трактата, четыре договаривавшіяся державы, войдя предварительно въ соглашеніе съ султаномъ относительно условій, на основаніи которыхъ онъ согласенъ заключить миръ съ Мехметомъ-Али, (условія эти спеціально выяснены въ отдѣльномъ постановленіи, приложенномъ къ лондонскому трактату), обязались общими соединенными усиліями побудить египетскаго пашу подчиниться состоявшемуся рѣшенію, которое, въ случаѣ надобности, онѣ поддержать всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Отдѣльнымъ постановленіемъ, о которомъ выше упомянуто, султанъ обязался обезпечить за Мехметомъ-Али и его потомствомъ по прямой линіи управленіе египетскимъ пашалыкомъ. Кромѣ того онъ предположилъ даровать Мехмету-Али пожизненное право, сохраняя титулъ Акрскаго паши и главноначальствующаго надъ крѣпостью Сенъ-Жанъ д'Акръ, управлять южною частью Сиріи; но это слѣдуетъ въ такомъ только случаѣ, если онъ въ теченіи десяти дней со времени объяв-

ленія ему такой милости падишаха признательно ее приметъ и въ тоже время безпрекословно удалитъ свои морскія и сухопутныя силы изъ Аравіи, съ острова Кандіи, изъ Аѳенскаго округа и остальной части Сиріи; равно возвратитъ турецкій флотъ, добровольно ему сдавшійся.

Если же противъ всякаго ожиданія, Мехметъ-Али отвергнетъ предлагаемыя ему милости, то султанъ признаетъ себя въ правѣ лишить его таковыхъ и приступить къ такимъ противъ него дѣйствіямъ, которыя согласуясь съ интересами Турецкой имперіи, будутъ указаны вѣрными союзниками Порты.

Въ день подписанія лондонскаго трактата уполномоченные четырехъ договорившихся сторонъ утвердили также своею подписью слѣдующій протоколъ. „Подтвержденное 4 ст. конвенціи 1840 г. древнее право оттоманской имперіи, воспрещать военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входъ въ Дарданеллы и Босфоръ, не должно препятствовать блистательной Портѣ, руководствуясь примѣрами прошлаго, выдавать фирманы на свободное по нимъ плаваніе военнымъ судамъ небольшой вмѣстимости, исключительно предназначеннымъ дружественными державами для почтовой службы [1]).

Франція, какъ мы уже знаемъ не подписала лондонскаго трактата 1840 г.; она не только приняла враждебное положеніе, но и открыто заявила, что не одобряетъ цѣлей преслѣдуемыхъ подписавшими его державами, діаметрально противуположными ея намѣреніямъ.

Она вовсе не имѣла въ виду воспрепятствовать войнѣ султана съ Мехметомъ-Али, но, напротивъ, страстно желала возбудить ее и питала надежду, заключивъ съ послѣднимъ

[1]) 13 іюля 1841 года протоколъ этотъ былъ включенъ въ такъ называемый Лондонскій трактатъ *«о проливахъ»*, подписанный Англіей, Россіей, Франціей, Австріей и Пруссіей съ одной стороны блистательною Портою съ другой, — въ силу котораго пять подписавшихъ его державъ, желая упрочить дружбу, установившуюся между ними и султаномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить неопровержимое доказательство уваженія ихъ къ его правамъ, рѣшили согласно съ желаніемъ Его Величества, подтвердить оффиціальнымъ документомъ свое непреложное намѣреніе уважать древнее право Оттоманской Имперіи, по которому не допускается въ мирное время входъ иностранныхъ, военныхъ судовъ въ Дарданелли и Босфоръ.

союзъ, воспользоваться его содѣйствіемъ для утвержденія своего владычества на берегахъ Средиземнаго моря.

Она очевидно помѣнялась ролями съ Англіей, находившей болѣе благоразумнымъ не обнаруживать своихъ завѣтныхъ замысловъ и протестовать противъ произвольныхъ и насильственныхъ, по ея мнѣнію, мѣръ, предложенныхъ державами для умиротворенія востока.

Рѣзкій, рѣшительный тонъ возраженій французскаго правительства, приступившаго вмѣстѣ съ тѣмъ къ громаднымъ, военнымъ снаряженіямъ, невольно заставлялъ опасаться возникновенія общеевропейской войны. Мехмедъ-Али, увѣровавъ въ обѣщанную ему Франціей помощь, смѣло пропустилъ назначенный ему лондонскимъ трактатомъ срокъ на принятіе милостей султана, санкціонированныхъ договаривавшимися державами, и ни мало не заботился о приведеніи въ исполненіе требованій, обусловливавшихъ дарованіе ему таковыхъ.

Когда-же неоднократно повторенныя попытки турецкаго правительства, склонить Мехмета къ соглашенію, оказались безуспѣшными,—соединенные флоты Австріи, Англіи и Турціи приступили къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; послѣ бомбардированія, совершенно розрушившаго Бейрутъ, городъ этотъ сдался на капитуляцію.

Въ тоже время во владѣніяхъ Мехметъ-Али вспыхнуло возстаніе, вынудившее его войска углубиться въ Сирію, гдѣ они потерпѣли полное пораженіе.

Хотя въ такомъ критическомъ положеніи помощь Франціи могла принести огромную пользу, но держава эта признала болѣе благоразумнымъ уклониться отъ вооруженнаго столкновенія съ своими союзниками; тогда убѣдясь, что разсчитывать на Францію нечего и сознавая, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, и повлечетъ лишь къ ухудшенію дѣлъ, Мехметъ-Али покорился, призывая на себя великодушіе побѣдителей.

Живѣйшимъ желаніемъ султана было немедленно лишить его власти; — но внимая совѣтамъ Англіи, подкрѣпленнымъ также прочими союзными державами, онъ измѣнилъ свое намѣреніе, согласясь признать Мехмета наслѣдственнымъ владѣтелемъ египетскаго пашалыка.

Неожиданнымъ заступничествомъ за возмутившагося пашу Англія пріобрѣла двоякую пользу: она примирилась съ Франціей, оцѣнившей ея усилія поддержать Мехмета, и пріобрѣла признательность послѣдняго, выразившуюся въ его согласіи не препятствовать правильному сообщенію Англіи съ Индіей черезъ Суэзскій перешеекъ и въ разрѣшеніи учредить тамъ постоянную почту.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ державъ, принявшихъ участіе въ восточныхъ дѣлахъ, наибольшую матеріальную выгоду извлекла для себя Англія; а ея искусныя, хотя далеко не честныя махинаціи, доставили ей то вліяніе на торговыя и политическія дѣла востока, пріобрѣсти которое она такъ горячо и настойчиво домогалась.

Результатъ непродолжительной борьбы съ Мехметомъ-Али убѣждалъ, что онъ уже на всегда утратилъ желаніе и возможность чѣмъ либо угрожать Оттоманской Имперіи; эта увѣренность служила вмѣстѣ съ тѣмъ ручательствомъ, что антагонизмъ Россіи и Англіи на востокѣ, не замедлитъ вновь возбудиться, притомъ въ явный ущербъ первой, такъ какъ всѣ шансы на успѣхъ клонились на сторону ея противницы.

Дѣйствительно юный султанъ, воспитанный чужеземными наставниками, имѣвшими на него большое вліяніе, вполнѣ вѣрилъ въ безсиліе Россіи, которая вслѣдствіе таковаго вынуждена была, по его мнѣнію, довольствоваться въ послѣднюю войну лишь оказаніемъ ему нравственной поддержки. За то Англію онъ безусловно признавалъ спасительницею и покровительницею своей Имперіи, и убѣжденіе это укрѣплялось въ немъ еще болѣе единомысліемъ окружавшей его турецкой молодежи, тоже получившей образованіе подъ наблюденіемъ заграничныхъ педагоговъ. Все это привело къ тому, что нѣкоторые сторонники союза Турціи съ Россіей, засѣдавшіе въ Государственномъ совѣтѣ, были даже удалены отъ службы противъ желанія; остальные сами разбрелись по добру по здорову по домамъ.

Положеніе русскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ было совершенно изолированное; притомъ они не обладали способностями и искуствомъ, необходимымъ для того, чтобы

успѣшно вести борьбу съ такимъ врагомъ, какъ лордъ Страффордъ Редклифъ, представитель Англійской королевы при дворѣ Его Величества султана.

Лордъ Страффордъ лично ненавидѣлъ Россію и все русское. Соединяя въ себѣ всѣ качества ловкаго дипломата и неутомимаго интригана, онъ вскорѣ сдѣлался провидѣніемъ султана и его министровъ,—подчинилъ ихъ своей деспотической власти и—да дозволено будетъ употребить простонародное выраженіе, — заставлялъ ихъ плясать подъ свою дудку.

Французскіе дипломаты равномѣрно не пропускали случая, склонять султана на сторону своего правительства; съ англійскими агентами они ладили только тогда, когда представлялась возможность вредить членамъ русскаго посольства и ставить ихъ въ безвыходное положеніе.

Борьба двухъ правительствъ, наперерывъ другъ передъ другомъ стремившихся управлять судьбами Турціи, ставя султана въ крайне неловкое и затруднительное положеніе, вынуждала его то подчиняться вліянію Франціи, то признавать авторитетъ Англіи; такая измѣнчивая, лихорадочная политика, не имѣвшая ясно опредѣленнаго направленія, неминуемо должна была привести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Гроза, разразившаяся надъ Европой въ 1848 г., поглотила все вниманіе Англіи и Франціи; онѣ отвернулись отъ Турціи, очутившейся такимъ образомъ одинокою, слабою, деморализованною, въ виду возстанія, вспыхнувшаго на берегахъ Дуная.

Быть можетъ Турція справилась бы съ инсургентами и собственными своими средствами; но пріученная съ давнихъ поръ разсчитывать въ трудныя минуты на помощь извнѣ, Порта уже не довѣряла болѣе своей боевой способности. Въ такомъ критическомъ положеніи только одна Россія, какъ и въ 1833 г., могла оказать ей скорую, энергическую помощь, хотя совершенно при иныхъ условіяхъ. Различіе было такъ очевидно, что никому даже не приходила мысль, что держава, въ отношеніяхъ которой къ Портѣ постоянно преобладало стремленіе оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ, неожиданно двинетъ противъ нихъ свои войска совмѣстно съ полчищами Османлисовъ.

Библіографическій указатель статей

въ русскихъ историческихъ повременныхъ изданіяхъ 1878 года.

Начиная обозрѣніе статей въ спеціальныхъ изданіяхъ посвященныхъ исторіи, мы находимъ необходимымъ объяснить своимъ читателямъ: съ какою цѣлью предпринимается обзоръ и чѣмъ мы будемъ руководиться, при этомъ. Цѣль нашего обзора: указаніе содержанія каждаго выпуска журнала, не въ видѣ голаго перечня статей—какъ дѣлаетъ указатель по дѣламъ печати,—но, съ названіемъ статьи посильное обозначеніе ея достоинствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все замѣчательное съ исторической точки зрѣнія, очень естественно высказывается кстати, чтобы для читающаго не пропадало ничего интереснаго. На оборотъ, не желая вводить ни кого въ заблужденіе умолчаніемъ неточностей, редакція обзора считаетъ еще болѣе для себя обязательнымъ: замѣчать все несогласное со строгостью историческою. Но, какъ въ оцѣнкѣ, такъ и въ замѣчаніи неточностей, обозрѣвателемъ руководитъ полное безпристрастіе и желаніе служить общему дѣлу: разъясненію прошлаго, въ его неприкосновенности.

Январь.

I. Русская Старина выпускомъ первой книжки открываетъ собою въ настоящемъ году поле журнальной исторической би-

бліографіи. Спеціальныхъ изданій, которыя намѣрены мы включать обязательно въ рамки мѣсячныхъ обозрѣній, собственно три: „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ да „Древняя и Новая Россія“. По порядку выхода ихъ въ свѣтъ, январьское обозрѣніе начинаемъ мы 1-ю книжкою **Русской Старины**.

Въ ней еще продолжается историко-біографическій очеркъ Карновича „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“, но мы думаемъ полный отзывъ объ этомъ трудѣ дать, когда онъ будетъ конченъ. „Пріѣздъ польскаго депутата къ Цесаревичу Константину Павловичу“, 24—25 ноября 1830 года — на нашъ взглядъ не заслуживаетъ такого значенія, которое высказалъ о немъ самъ сообщатель, но онъ, безъ сомнѣнія, интересенъ, какъ рисующій живо положеніе вещей. Мы готовы видѣть въ образѣ дѣйствій Цесаревича тонкую политику, разсчетъ которой даже не приходилъ въ голову польскому патріоту, въ своемъ сообщеніи не преминувшему хвастнуть, разумѣется, личнымъ значеніемъ и тонкостью дипломатическихъ соображеній, въ наличности не имѣвшихся. Смотря же такъ на дѣло и на повѣствованіе о свиданіи Валицкаго съ Цесаревичемъ, автору во многомъ трудно повѣрить на слово; съ чѣмъ вмѣстѣ умаляется и значеніе сообщенія, завѣдомо сочиненнаго съ цѣлью выставить, прежде всего, себя. Сообщеніе полковника Пржецлавскаго „Шамиль и его семья въ Калугѣ“, не лишено интереса, по отношенію къ такой личности какъ имамъ, но значеніе это опять принадлежитъ къ разряду частностей, рисующихъ извѣстное положеніе историческаго лица, переставшаго играть уже видную роль. Въ одномъ отношеніи статьи Пржецлавскаго теперь для насъ имѣютъ значеніе: изъ нихъ, мы логически выясняемъ роль Кази-Магома, заплатившаго Россіи за гостепріимство предательствомъ въ такое время, когда вредъ могъ быть особенно существеннымъ. Къ счастію расчеты фанатика не оправдались.

Въ высшей степени интересны **„Записки Любови Павловны Никулиной-Косицкой“**, артистки императорскихъ московскихъ театровъ, скончавшейся 39-ти лѣтъ отъ роду въ 1868 году. Записки эти, продолжаемыя въ февральской книжкѣ, вѣроятно и въ мартѣ не окончатся; такъ что разборъ ихъ мы должны

отложить до окончанія, хотя позволимъ себѣ замѣтить, что 2-я глава значительно выше первой, а весь разсказъ, дышущій искренностью, выказываетъ въ авто-біографкѣ богато надѣленную натуру, пылкія чувства и много воображенія—словомъ всѣ качества избранныхъ существъ. Совсѣмъ иного склада, продолжаемыя, но не оканчиваемыя еще „Воспоминанія о восточной войнѣ 1854—1855 г.“, доктора А. А. Генрици, спеціалиста, обстоятельно и точно трактующаго самодѣльныя солдатскія постройки (бараки и землянки), въ мѣстахъ расположенія войскъ нашихъ внѣ Севастополя, преграждавшихъ врагамъ движеніе внутрь полуострова. Эта добросовѣстная работа и въ самой исторіи кампаніи, была бы помѣщена какъ приложеніе къ тексту, трактующему неудобства, испытанныя героями въ крымскую войну. Въ такомъ же смыслѣ отнеслась бы къ труду доктора Генрици и врачебная исторія похода, почерпая несомнѣнно въ его разсказѣ, матеріалъ очень важный для оцѣнки препятствій, какія встрѣчали медики при выполненіи своихъ евангельскихъ обязанностей—помогать страждущимъ. Для большинства же читателей, подлинная заслуга спеціальнаго автора скрывается и они неохотно дочитываютъ простую исторію примиренія въ крайности, неприглядной существенности съ требованіями долга, въ человѣкѣ, сознающемъ то и другое, при доброй волѣ сдѣлать возможное. Статья М. И. Богдановича „Военная политика и военныя учрежденія, въ современномъ ихъ состояніи—еще менѣе даже имѣла бы права на помѣщеніе въ историческомъ изданіи, заключая только упоминанія историческихъ именъ, а сама не заключая ничего историческаго;—а иначе: разсужденія о системахъ набора, вооруженія, продовольствія и обученія войскъ внѣ опредѣленія времени и мѣста пришлось бы величать исторіею, вмѣсто военнаго хозяйства. Мы не позволимъ себѣ сказать того же о военно-топографической статьѣ, озаглавленной „Отъ Рущука до Константинополя, 1793 г.—Она несомнѣнно имѣетъ историческій интересъ и должна имѣть мѣсто въ изданіи подобномъ „Русской Старинѣ“, помѣщающемъ историческіе матеріалы. Путь отъ Рущука до Адріанополя, за три года до кончины Екатерины II, предстояло проѣхать русскому посольству, во главѣ котораго

находился Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, будущій князь Смоленскій и фельдмаршалъ; спустя 17 лѣтъ, сдѣлавшійся предводителемъ русскихъ войскъ противъ турокъ и доведшій ихъ до выгоднаго для насъ мира, передъ нашествіемъ Наполеона.

Маршрутъ пути отъ Рущука до Стамбула, раздѣленный на 24 перехода, передаетъ порядокъ слѣдованія, пригодный и для военныхъ операцій значительнаго корпуса. Составляло эту инструкцію—судя по указаніямъ особенностей, имѣющихъ значеніе для войскъ въ военное время,—лицо очень хорошо знающее дѣло и самую цѣль посылки войскъ;—о чемъ вѣроятно не переставала думать Екатерина II и заключивъ миръ съ Султаномъ въ 1791 году. Считая маршрутъ «отъ Рущука до Константинополя» матеріаломъ цѣннымъ, мы не можемъ его назвать живымъ и интереснымъ при чтеніи самаго историческаго документа, наровнѣ съ другими статьями. Но все же такой матеріалъ, еще разъ повторимъ, здѣсь у мѣста; тогда какъ «Десноты-Зеновичи въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ» — для кого назначалъ С. Л. Пташицкій, расчитывая на интересъ, сказать трудно. По нашему мнѣнію документы, слѣдующія за повѣствованіемъ г. Пташицкаго, вовсе не нуждались въ предисловіи подобнаго содержанія, требуя объясненій, прямо выставляющихъ ихъ подлинное значеніе для исторіи появленія перваго Лжедимитрія;—или, если угодно, для отношеній Сигизмунда къ Борису Годунову. То и другое было бы несравненно умѣстнѣе, такъ какъ и г. Пташицкій считаетъ нужнымъ цитировать трудъ Костомарова, «Смутное время,» тогда, какъ о самихъ лицахъ изъ фамиліи Зеновичей, къ которымъ адресованы документы, говорится сообщателемъ настолько мало, что изъ этихъ объясненій трудно вывести заключеніе почему король обращается? А это было бы несравненно интереснѣе, чѣмъ сказанія о фамиліи, надерганныя какъ попало и не невыдерживающія критики даже со стороны значенія прямо генеалогическаго, являясь рядомъ безсвязныхъ заявленій, безъ начала и конца. Много уже, и на много процентовъ, цѣннѣе для любознательныхъ читателей изъ русской публики «Послѣдніе дни жизни Александра I, но разсказамъ оче-

видцевъ, записанные княгинею Зинаидою Александровною Волконскою. Неточности, въ нихъ встрѣчающіяся, ничего не значатъ, передъ интересомъ выраженія впечатлѣнія современницы умной и талантливой, собиравшей извѣстія, интересуясь всѣмъ что касалось Благословеннаго монарха, оказывавшаго княгинѣ милостивое вниманіе. Окончаніе очерковъ и замѣтокъ покойнаго композитора Александра Николаевича Сѣрова даетъ его письма къ М. П. Анастасьевой съ 1853 по 1866 годъ. Въ десяти письмахъ, особенно въ послѣднемъ (11 января и 1 февраля 1866) много матеріала чисто біографическаго о Сѣровѣ и объ оцѣнкѣ его «Рогнѣды» августѣйшими особами; тогда какъ во всѣхъ прочихъ видимъ: выраженіе думъ, взглядъ на вещи и спеціальная оцѣнка чужихъ музыкальныхъ твореній, въ чемъ выказываются и знанія композитора и его способности какъ писателя—критика.

Наконецъ заключительный въ январьской книжкѣ отдѣлъ: Разсказы, замѣтки, матеріалы, не отличается особеннымъ интересомъ подбора. 1. „Сказка Ив. Юрьевича Сабурова 1526 г.“ ничего не прибавляетъ къ массѣ нашихъ историческихъ извѣстій, передавая уже напечатанное въ актахъ историческихъ. Въ объясненіи, сопровождающемъ текстъ, не высказавъ цѣли, оправдывающей вторичную перепечатку документовъ, авторъ (А. И. Савельевъ) перемѣшалъ понятія о наговорѣ съ поклоненіемъ фаллусу, у древнихъ, въ средніе вѣка и нынѣ, въ Китаѣ, будтобы. Чтобы могла значить фраза «мы приведемъ безъ перевода слово Діодора Сицилійскаго»,—печатая по латыни, съ ошибками, рѣчь, когда оригиналъ, какъ извѣстно, на греческомъ языкѣ? 2. Рескриптъ Александра I графу Н. П. Румянцеву 1 сентября 1801—теперь перепечатываемый русскою Стариною, помѣщенъ въ полномъ собраніи законовъ томъ 26 № 19997 (стр. 768). 3. Аракчеевъ и Шумскій—лучшая статья во всемъ отдѣлѣ, послѣ печатаннаго о мнимомъ сынѣ страшнаго графа, непредставляетъ много новаго, кромѣ покупки дворянства въ Слуцкѣ, на столько же несомнительнаго, какъ и право считать баловня своимъ сыномъ. Затѣмъ есть: 4 и 5,—поправки вкравшихся ошибокъ (о Панкратьевѣ и М. Ѳ. Орловѣ); 6, предложеніе сообщать свѣдѣнія о Детловѣ; 7, указаніе Русскому Вѣст-

нику (по поводу статьи въ ноябрьской книжкѣ 1877 г.) что о Янтарной комнатѣ Царскосельскаго дворца, есть извѣстіе въ Запискахъ маргрфании Байрейтской. Но мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ замѣтить что будущая маркграфиня, о Петрѣ Великомъ и объ отношеніяхъ къ нему Прусскаго короля, ея родителя, явно передаетъ чужія слова, которыя, какъ на вѣру принимать трудно; а тѣмъ болѣе рекомендовать ихъ въ качествѣ исправленія недоказаннаго промаха. 8. О Масонской ложѣ «Соединенныхъ Славянъ» замѣтка, такъ сказать, еще ставитъ на очередь вопросъ о ней, а вовсе не исчерпываетъ предмета.

9. же — «Черта изъ жизни Филарета митрополита московскаго,»—наводящая на память великаго святителя подозрѣніе въ злопамятствѣ со школьной скамьи,—для признанія ее подлинною требовала бы прежде всего названія лица, съ которымъ происходилъ подобный случай. До приведенія же въ точность событія, на вѣру непринимаемаго, мы, да и многіе другіе, можемъ только считать это анекдотомъ, незаслуживающимъ придаванія серьезнаго смысла сказанью съ вѣтра.

II. Древняя и Новая Россія (Январь 1878 г.) заключаетъ большую статью Костомарова (7 листовъ) «Самодержавный отрокъ». Эта біографія Императора Петра II ничего не прибавляетъ къ массѣ свѣдѣній о коронованномъ внукѣ Петра I, и—особенно послѣ XIX тома Русской Исторіи С. М. Соловьева, не кажется послѣднимъ словомъ науки русскаго бытописанія. Между тѣмъ тонъ разсказа, нѣсколько вызывающій, заявляетъ тенденціозность и стремленіе навязать читателямъ убѣжденіе во враждебности преобразователя къ внуку, ни чѣмъ особенно вѣскимъ не подтвержденной, и наоборотъ стараніе автора обходить факты прямо противорѣчившіе предвзятой идеѣ. Не съ иною же цѣлью опущены подробности опредѣленія въ учители къ Великому князю Петру Алексѣевичу венгерца Зейкина, при чемъ Петръ I прямо высказалъ родственное расположеніе къ внуку. Вторая статья въ книжкѣ—глава изъ, готовимаго для печати, сочиненія Стоюнина «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи, въ началѣ XIX столѣтія», — отрывокъ серьезнаго, а не просто ученаго, но даже спеціальнаго труда,

съ большими безспорно достоинствами. Въ цѣломъ безъ сомнѣнія выкажутся. онѣ еще больше, но отрывокъ, въ популярномъ изданіи, посвященномъ исторіи, едвали не долженъ терять своихъ капитальныхъ качествъ; не выигрывая и въ стилистическомъ отношеніи. Слогъ г. Стоюнина довольно живой для ученаго сочиненія, для читалей не спеціалистовъ покажется далеко не тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ,—по серьезности предмета; и оцѣнить его въ отрывкѣ довольно трудно, а усвоить взгляды автора еще труднѣе. Поэтому, судя безпристрастно, мы готовы считать помѣщеніе статьи Стоюнина подлѣ Костомарова, въ своемъ родѣ ошибкою, невыгодною для автора педагогическаго изслѣдованія. Что же касается «воспоминаній» полковника Филипова «о князѣ Паскевичѣ Эриванскомъ», то въ нихъ найдется не много для серьезнаго выясненія историческаго лица, ради и подмѣченья отличительныхъ чертъ характера его,—по самой мелочности усмотрѣнныхъ качествъ. Еще болѣе безъинтересна страница—«къ біографіи Гоголя», будто бы. Здѣсь мнимое открытіе ограничивается извѣстіемъ о принятіи на службу при Нѣжинскомъ лицеѣ двороваго повара отца будущаго автора «Мертвыхъ душъ», одновременно съ поступленіемъ самого молодаго барина въ лицей. Гдѣ тутъ черта для біографіи беллетриста,—пусть разсудятъ тѣ, кого можетъ занять это.

Чтобы быть безпристрастными въ оцѣнкѣ замѣтокъ и новостей, мы выскажемъ прежде всего нашъ взглядъ на подобную задачу въ спеціально-историческомъ сборникѣ. По нашему мнѣнію, подъ этимъ заглавіемъ искать можетъ интересующійся прошлымъ: мелкихъ фактовъ историческихъ и новыхъ открытій въ наукѣ разъясненія прошлаго. Ни тѣ не другіе, разумѣется не ожидаются въ видѣ перепечатокъ, изъ ближайшихъ явленій исторической литературы, хотя бы и изъ провинціальныхъ изданій, рѣдко попадающихъ въ столицы. Такъ смотря на дѣло, мы не можемъ усматривать въ отдѣлѣ книжекъ „Древней и Новой Россія" подъ рубрикою „Новости и Замѣтки" особеннаго интереса для большинства читателей. Самыми живыми строками въ Январьской книжкѣ Др. и Н. Рос. остаются пересказы (напечатанныхъ, во II книжкѣ 1877 г.

Чтеній въ Общ. Исторіи и древностей) воспоминаній епископа енисейскаго, Никодима. Они такъ понравились автору замѣтокъ, что онъ въ двухъ разныхъ порціяхъ преподаетъ объясненія Никодима, (въ бытность его іеромонахомъ,) съ Оберъ Прокуроромъ Синода, графомъ Н. А. Протасовымъ, по поводу сокращенія семинарскаго курса. Тогда исключить хотѣли изъ него философію, рутинно читавшуюся или по старымъ учебникамъ, или по запискамъ, скомпилированнымъ съ нѣмецкихъ сочиненій людьми, несильными въ живыхъ языкахъ. Можно судить по раздѣленію на двѣ порціи настолько маловкуснаго блюда, о бѣдности матеріала, находившагося въ рукахъ автора «Замѣтокъ и новостей». А при отсутствіи матеріала, не удивительно, что онъ пустился на фокусы въ родѣ заимствованія изъ Саратовскаго листка, пресловутаго анекдота о выданномъ мѣстными тамошними учителями уѣзднаго училища, — гдѣ не преподавались кромѣ русскаго, другіе языки—аттестата знающему ихъ, юному Г. Стеминковскому, воспитанному дома. Сами не знакомые съ чужими языками, экзаменаторы написали, что экзаменовавшійся у нихъ «знаетъ основательно по правиламъ граматическимъ нѣмецкій и французскій языки, и разумѣетъ итальянскій.» Въ этой отвагѣ заявленія невѣждъ— экзаменаторовъ и вся соль анекдота; по нашему мнѣнію не стоющаго, перепечатки въ Древней и Новой Россіи, послѣ Саратовскаго Спр. листка. Нечего удивляться послѣ такого удостоенія перепечатки, что въ ряду замѣтокъ находится новое открытіе, что въ Троицкой Лаврской Семинаріи, въ митрополитство Платона ходили въ классы наставники и учащіеся въ затрапезныхъ халатахъ. И это будто бы новая черта изъ жизни будущаго іерарха. Согласитесь, гг. любители извѣстій о русской прошлой жизни, подписывающіеся на историческіе журналы, что если замѣчать подобныя черты времени и быта, то не только 12-ти мѣсячныхъ тетрадей не хватитъ на вмѣщеніе такого матеріала, но если увеличить въ десять разъ объемъ выпуска и тогда не хватитъ мѣста на всѣ замѣчательности? Усердіе въ сборѣ ихъ у Г. Гильтебрандта доходитъ до того, что онъ включаетъ въ свою историческую хронику, даже напечатанную въ № 45 1877 года, журнала Церковный Вѣ-

ставилъ иншую «молитву турокъ, по случаю войны съ Россіею». Можетъ ли быть, что, общее у историческаго изданія съ недѣлостями, случайно проскользающими ради спѣшки, на столбцы летучей прессы?

Двѣ страницы некролога „Іосифъ Максимовичъ Бодянскій" Ды. Зиновьева, для насъ дороже иныхъ новостей и неудачныхъ выдержекъ. Въ некрологѣ Бодянскаго, составленномъ съ большимъ знаніемъ, кратко, но полно указаны ученые труды покойнаго редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей», его заслуги какъ слависта и профессора. Любопытна, безспорно, и замѣтка Ды. Завалишина объ адмиралѣ Степанѣ Петровичѣ Хрущевѣ, рисующая прекрасно характеръ и его, и знаменитаго адмирала М. П. Лазарева. О заявленіи же редакціи, для объясненія картины профессора Плѣшанова „Іоаннъ Грозный и Сильвестръ",—снимокъ съ которой, въ хромолитографіи, дается подписчикамъ, какъ премія, — сказать нечего, но ея краткости и цитированію прямо текста Карамзина.

III. Русскій Архивъ подарилъ на новый годъ читателей книжкою, мастерски подобранною и заключающею интереснѣйшія сообщенія, въ большинствѣ. Книжку эту открываютъ два письма Петра изъ Амстердама, осенью 1697 г. къ патріарху Адріану, о благополучномъ прибытіи и побѣдахъ австрійцевъ надъ турками. Ни имъ, однако, ни записочкамъ императрицы Елизаветы Петровны къ гофмаршалу Василью Ивановичу Демидову, мы не приписываемъ высокаго интереса. Даже мы не завѣряемъ и о письмахъ императрицы Екатерины II къ князю Д. М. Голицыну, чтобы они составляли лучшее въ книгѣ. Уже выше ихъ по интересу, безъ сомнѣнія, письма кн. Потемкина и донесенія о болѣзни его и кончинѣ. Характерна статья Розанова „Московскія безобразія прошлаго вѣка", но и этотъ подборъ еще не перлъ; также какъ и трудъ по архивнымъ же источникамъ, И. И. Дубасова „Къ исторіи отжившаго чиновничества". Этотъ очеркъ уже выше и содержательнѣе предъидущаго. Здѣсь тамбовскіе порядки очерчены умною выборкою документовъ изъ подлинныхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ всѣхъ характерныхъ особенностей самодурства и безправія. „Русское

наслѣдство во Франціи прошлаго вѣка",—страницы довольно блѣдные, но выборка изъ „юношескихъ воспоминаній принца Евгенія Виртембергскаго", читается съ живымъ интересомъ, еще болѣе усиливаемымъ свойствомъ разсказа о временахъ Павла I, племяннику Маріи Ѳедоровны оказывавшаго необыкновенное расположеніе. Нельзя не поблагодарить редакцію за эти „воспоминанія" о послѣднихъ дняхъ Павлова царствованія. Въ Русск. Арх. тоже есть матеріалъ и для характеристики Гоголя — его письмо къ Павлу Воиновичу Нащокину. Этотъ несомнѣнный документъ дополняетъ новою чертою, всѣмъ извѣстную любовь автора „Мертвыхъ душъ" устраивать дѣла друзей своихъ, хотя не безъ эксцентричности сближенія существъ, всего меньше казалось способныхъ выполнить, задуманную усерднымъ попечителемъ, операцію. Подобный же случай былъ и поводомъ письма къ Нащокину.

Перломъ подлиннымъ, въ Январьской книжкѣ Рус. Архива позволяемъ себѣ назвать „Автобіографическое всеподданнѣйшее прошеніе ротмистра Николая Флячко-Карпинскаго", адресованное императору Александру I, 1802 г. Мая 23. Въ этомъ документѣ раскрывается ужасное дѣло: томленіе невиннаго въ тайной экспедиціи, при Павлѣ I, за раскрытіе преступныхъ дѣяній двухъ Тамбовскихъ губернаторовъ, нашедшихъ покровительство въ лицѣ генералъ прокуроровъ, (сперва графа Самойлова, потомъ князя Куракина). Смѣлаго обличителя неправды, нашедшей защиту и въ лицѣ, присланнаго въ Тамбовъ для раскрытія преступленія, сенатора Николая Васильевича Леонтьева, не могли смутить или поколебать не только угрозы, но самое осужденіе за живо на смерть—заключеніемъ въ одномъ изъ вертеповъ тайной экспедиціи; находившейся въ завѣдываніи Александра Семеновича Макарова, (за безчеловѣчное отягченіе участи узниковъ тоже повышеннаго назначеніемъ въ сенаторы). Одинъ только генералъ прокуроръ Обольяниновъ представленъ въ правдивомъ сказаніи Флячки-Карпинскаго человѣкомъ правдивымъ, честнымъ и милостивымъ. Ему удалось освободить невиннаго изъ когтей тайной экспедиціи, а выпущенъ былъ на волю страдалецъ уже съ воцареніемъ Александра I, при которомъ всплыли наконецъ на верхъ неправедныя

дѣянія губернаторовъ Лаптева и Неклюдова и они выгнаны изъ службы; а страдалецъ Карпинскій получилъ отъ щедротъ монаршихъ пенсію по 300 р. въ годъ. Умно составленная записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи, въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія,—опять цѣнный вкладъ въ собраніе извѣстій объ отечественномъ прошломъ. Записка эта выказываетъ свѣтлый умъ Ростопчина и вѣрную оцѣнку событій и обстоятельствъ въ политическомъ мірѣ намъ выгодныхъ и не выгодныхъ. Павелъ I. утвердилъ планъ направленія политики, предложенный Ростопчинымъ, но выполненіе не имѣло мѣста за скорою кончиною монарха и удаленіемъ со сцены подателя проэкта. Любопытны и три записки, составленныя въ 1848 г. „О православіи на востокѣ“. Записки эти, сообщенныя Свербеевымъ, принадлежатъ, по всей вѣроятности, послу русскому при блистательной Портѣ въ это время. Изъ трехъ интереснѣйшихъ записокъ, въ первой съ помѣтою Пера, 13 Янв. 1848 года, изложено было тогдашнее „положеніе дѣлъ“ и проведена мысль, что востокъ не лишенъ средствъ оборонять свою духовную независимость, и что ей въ строгомъ смыслѣ не нужно пособія извнѣ. „Въ запискѣ отъ 24 Апрѣля, озаглавленной „Что дѣлать Россіи?“ указывается на средства сближенія нашихъ духовныхъ съ восточными, устранивъ препятствія, заключающіяся въ обоюдномъ незнаніи мѣстныхъ положеній и порядковъ, черезъ что и пробудится повсемѣстное участіе къ ихъ судьбѣ и благоустройству.

Съ положеніями третьей записки—«Идеалъ будущности (съ помѣтою 4 мая 1848 г.)—всего меньше теперь можно согласиться. Настолько выдвинули впередъ послѣднія событія новыя условія устройства востока; хотя основную идею трудно оспорить и нынѣ. Три послѣднія статьи «Воспоминаніе о Н. В. Путятѣ», показаніе очевидца и участника взятія Парижа Н. А. Дивова и Ѳ. В. Чижовъ (изъ рѣчи И. С. Аксакова, произнесенной 18 декабря 1877 г.)—неровнаго достоинства. Послѣдняя, какъ самое теплое и глубоко прочувствованное воспоминаніе талантливаго лектора о человѣкѣ ему близкомъ и недюжинномъ, уже по одному этому безконечно выше осталь-

ныхъ. Рѣчь Аксакова и не о Чижовѣ была бы умна и симпатична; можно судить на сколько она должна выиграть при благодарной темѣ и личномъ сочувствіи къ покойному.

Февраль.

Русская Старина. Книжка начинается 1-ою главою біографическаго очерка «Иннокентія (Борисова) архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, И. М. В—а. По началу трудно судить насколько интересно будетъ цѣлое, но въ числѣ печатныхъ (34) источниковъ, два послѣднія, какъ простые списки, могли бы и неуказываться; какъ и некрологи въ столичныхъ повременныхъ изданіяхъ, перепечатывающихъ другъ у друга; довольно бы показать то одно, изъ котораго заимствовали прочіе. Съ этой книжки опять появились «воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ», на этотъ разъ избравшей для воспоминанія своихъ, графа Ѳедора Петровича Толстаго, вице президента имп. академіи художествъ и его Записки, т. е. что-то въ родѣ вытяжки изъ вторыхъ рукъ, со всѣми неудобствами отъ обмолвокъ, запамятованій и перепутыванья. Для примѣра ошибочности такихъ мнимыхъ воспоминаній, укажемъ на называнье будто Толстымъ самимъ, Лабзина конференцъ-секретаремъ академіи художествъ, въ 1819 г.;—когда учреждены были ланкастерскія школы, и самъ графъ Толстой являлся къ Аракчееву передать ему лично заявленіе объ избраніи въ почетные члены. Недоумѣваемъ, какъ въ это время графъ Толстой, состоя при кабинетѣ Е. И. В. и при академіи художествъ, не зналъ кто въ ней вице-президентомъ и лично знакомый еще съ Лабзинымъ; въ 1822 году, высланнымъ изъ столицы въ Заволжскій край, за дерзкій отзывъ объ Аракчеевѣ. Соображая трехлѣтнія успѣхи ланкастерской школы,—начавшей дѣйствія въ 1819 г. если вѣрить пересказу,—гоненія князя А. Н. Голицына начались одновременно съ удаленіемъ Лабзина и университетскимъ процессомъ. Не знать всего этого графъ Толстой не могъ! Поэтому не знаемъ какъ и по-

нять слова въ кавычкахъ—якобы записки самаго графа,—когда въ нихъ встрѣчается фраза (стр. 286) «по моему предложенію, былъ сдѣланъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ Василій Ивановичъ Григоровичъ, на мѣсто Лабзина». Здѣсь разомъ три грубыя ошибки, немыслимыя для графа Толстаго, вице-президента. Во первыхъ, предшественникомъ его самаго былъ Лабзинъ, послѣ конференцъ-секретарства пять лѣтъ (1817—1822 г.) занимавшій эту должность. Во вторыхъ В. И. Григоровичъ занялъ мѣсто умершаго конференцъ-секретаря Александра Ивановича Ермолаева, съ которымъ служилъ вмѣстѣ графъ Ѳ. П. Толстой. Въ третьихъ предложеніе сдѣлано, черезъ посредство президента, по ходатайству ректора Мартоса у Оленина, и совѣту академіи пришлось только выслушать заявленіе совершившагося факта. Не говоря уже о томъ, что при Оленинѣ, графъ Ѳ. П. Толстой не имѣлъ значенія. Если намъ принять фразу эту за подлинную, находящуюся въ запискахъ Толстаго, то такое отношеніе къ факту всѣмъ извѣстному на столько, какъ опредѣленіе Григоровича, подрываетъ вѣру во все дальше сказанное и мы готовы скорѣе допустить здѣсь самоуправство г-жи Пассекъ, два раза повторявшей: что Лабзинъ конференцъ-секретарь; тѣмъ вызвано ею незамѣчанье тутъ ошибки. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ» какъ мы выше говорили, разбирать будетъ по окончаніи печатанья въ цѣломъ, какъ «Шамиль въ Калугѣ», «Записки Пикулиной-Косицкой» и «Александра Воиновича Попова о пребываніи въ Крымской арміи». Отрывочные разборы здѣсь скорѣе вредны были бы для дѣла, чѣмъ полезны.

Да, тѣмъ болѣе, есть въ наличности статьи капитальныя. Такъ по всей справедливости позволимъ себѣ назвать статью «Императрица Анна Іоанновна и ея современники»,—«Возраженія и примѣчанія къ письмамъ леди Рондо», написанныя въ 1776 году, лицомъ видѣвшимъ ее въ Петербургѣ и еще жившимъ въ это время. Лицо это, прежде всего, было изъ нѣмцевъ, хорошо знавшихъ Петербургъ временъ Анны. Скорѣе всего авторомъ этихъ замѣчаній, можетъ быть Герардъ Фр. Мюллеръ, историкъ; изъ Петербурга въ путешествіе въ Сибирь уѣхавшій въ 1733 г. Потому о ссорѣ посланницъ (1734 г.) онъ и выражается что тогда

„находился въ дальнемъ путешествіи». Въ пользу нашего предположенія говорятъ многое. Прежде всего поражаетъ обиліе подробностей о Сибири рѣзко выступающее въ 20-мъ письмѣ; гдѣ комментаторъ называетъ фамилію штыкъ-юнкера женившагося на шведкѣ въ плѣну у калмыцкаго владѣльца и описываетъ всѣ подробности захвата каравана калмыками, не находящіяся въ письмѣ леди Рондо. Кромѣ Мюллера,—могшаго, по дорогѣ въ Сибирь съѣхаться съ освободившемся изъ плѣна четою,—никому другому не доступны бы были приведенныя въ комментаріи выясненія. Историкъ-авторъ видѣнъ въ комментаріяхъ и по точности поправокъ хронологическихъ; чѣмъ опять отличаются собственныя творенія Мюллера, переписывавшагося живя въ Москвѣ съ германскими учеными,—даже съ Лейденомъ, гдѣ училось большинство русскихъ — и умершаго только 11 Октября 1783 года, 78 лѣтъ отъ роду. Трудно представить даже себѣ другое лицо, а тѣмъ болѣе изъ нѣмцевъ, жившее въ Петербургѣ раньше воцаренія Анны; на столько хорошо знакомое съ дворомъ и всѣми видными людьми; и еще жившее спустя почти сорокъ лѣтъ, послѣ заключенія корреспонденціи своей женою дипломата. Относительно же Мюллера всѣ сомнѣнія испарятся у любаго изслѣдователя, представившаго себѣ что онъ пережилъ только нѣсколькими днями Леди Рондо, умершую въ томъ же 1783 году, но въ концѣ сентября.

Ученая редакція „Русской старины“, мы надѣемся, на насъ не посѣтуетъ за постановку, какъ кажется надлежащимъ образомъ вопросовъ: о значеніи „поясненій и примѣчаній къ письмамъ леди Рондо“ и о подлинномъ авторѣ ихъ, котораго напрасно“ искать мы будемъ подъ буквами J. J. Подъ ними скрывается подноситель рукописи за границею, Великому князю Павлу Петровичу, во время его путешествія по Европѣ 1782 года. Что въ Павловскѣ находится подлинный экземпляръ рукописи, а не собственноручныя комментаріи писавшаго, доказывается и золотообрѣзною бумагою, и чистымъ письмомъ и оттисненіемъ гербовъ (Цесаревича русскаго) и супруги его (Виртембергскаго), вмѣстѣ посѣтившихъ Австрію, южную Германію, Францію и, въ Голландіи, Заандамскую хижину Петра I. Что Мюллеръ могъ писать конфиденціально

учоному собрату въ Европу, отвѣчая на его запросы, но не придавая своимъ отвѣтамъ характера отдѣльнаго сочиненія, доказывается незаботливостью напечатать комментарій; въ свою очередь и у получившаго ихъ лежавшіе въ бумагахъ до подошедшаго экстраординарнаго случая, каково прибытіе графа и графини Сѣверныхъ. Нѣмецкій почеркъ не указываетъ ни на что; и не даетъ ни малѣйшаго намека на вѣрную разгадку мѣста поднесенія: и въ Вѣнѣ и въ Виртембергѣ, могли представить рукопись нѣмецкую; и въ Голландіи даже. Мы знаемъ, что голландскій языкъ такъ любимый Петромъ I, былъ недоступенъ его правнуку; а бывшій въ употребленіи, наравнѣ съ нѣмецкимъ, при Русскомъ дворѣ, языкъ французскій,—у нѣмецкихъ ученыхъ XVIII вѣка былъ далеко не настолько распространеннымъ, какъ латинскій, на которомъ неудобно было подносить иностранному принцу, не окруженному ореоломъ завидной учености, и не католику. Наконецъ, есть еще одно обстоятельство, доказывающее что авторомъ комментарій къ письмамъ леди Рондо, было лицо имѣвшее въ распоряженіи архивные источники, остававшіеся тайною и долго спустя послѣ написанія этихъ объясненій. Просимъ сличить, напримѣръ, «Russische Günstlinge» 1 кн. стр. 110—112 съ объясненіемъ комментатора къ второму письму любопытной леди, гдѣ выправляются неточности ея показаній относительно фаворитки Петра I, дѣвицы Монсъ. Въ комментаріи факты разсказаны такъ, какъ впервые напечаталъ біографію Монсъ М. И. Семевскій въ статьяхъ о Монсахъ;—на основаніи документовъ государственнаго архива въ минувшемъ вѣкѣ, хранившихся еще въ Москвѣ и бывшихъ несомнѣнно въ рукахъ Мюллера, но кромѣ его, едва ли кѣмъ бы ни было смотрѣнныхъ, до Блудова, при Николаѣ I. Спрашивается, откуда: кто-другой и почерпнулъ бы эти даты? Не историкъ, умѣвшій цѣнить интересъ секретныхъ документовъ, а частное лицо не могло бы и знать о чемъ либо подобномъ. Примѣромъ можетъ служить заинтересованный всѣмъ, что касалось Петра I, нашъ Голиковъ, имѣвшій разрѣшеніе пользоваться бумагами Петровскаго времени.

Спрашиваемъ людей занимающихся русскою исторіею, есть

ли у Голикова хоть малѣйшее напоминаніе о дѣвицѣ Монсъ,— тогда какъ о камергерѣ Монсѣ, ея братѣ,—есть? Всѣ, отвѣтятъ отрицательно и согласятся съ нами, что исторія этой дамы во время писанья коментарій, могла для знакомыхъ и съ закулисными тайнами русской исторіи ограничиваться тѣмъ, что оставила леди Рондо и напечаталъ Бюшингъ;—а нисколько не далѣе. По крайней мѣрѣ объ исторіи Кейзерлинга и судьбѣ вдовы его, вступившей въ новый бракъ,—не говоритъ и Гельбигъ, выболтавшій много смутныхъ слуховъ и отъ того требующій въ наше время особенно тщательной провѣрки, прежде чѣмъ основываться на его сообщеніи. Между тѣмъ, Гельбигъ черпалъ изъ хорошихъ источниковъ, попавъ въ кружокъ аристократіи Екатерининскаго времени, гдѣ многое говорилось и мало оставалось тайнъ прошлаго, сколько-нибудь не приподнятыхъ сообщеніями очевидцевъ и участниковъ.

Назвавъ не такъ письмо графа Ѳ. П. Толстаго изъ Рима, въ бытность тамъ Императора Николая I, озаглавленное „Императоръ Николай Павловичъ и русскіе художники въ Римѣ въ 1839 году",—мы надѣемся, что свой промахъ отнесенья къ 1839 г. событія 1845 года, сама редакція оговоритъ въ слѣдующей книжкѣ. Но кромѣ неправильнаго заглавія, тутъ есть еще кое-что, подлежащее съ нашей стороны восполненію. Напримѣръ, мы несогласны чтобы письмо это послѣ напечатанья въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи И. А. Х."—журнала Совѣта ея отъ 22 января 1846 г. (Сборн. т. III. стр. 48 и слѣд.), составляло весьма интересный" матеріалъ, для исторіи самой академіи". Въ журналѣ „Совѣта", больше даже матеріала, чѣмъ въ этомъ письмѣ и сообщенія болѣе точныя, чѣмъ здѣсь.

А о портретѣ Александра I 1802 года мы замѣтимъ, что подпись подложная и онъ написанъ при Павлѣ, что доказывается костюмомъ еще Великаго князя, а не Императора.

II. Древняя и новая Россія (Февраль), во всемъ составляетъ контрастъ съ Русскою Стариною. Ошибокъ фактическихъ въ хронологіи здѣсь нѣтъ но и что-либо напоминающее открытіе и новый фактъ является развѣ въ видѣ слуха, (разумѣя замѣтку Гальтебрандта стр. 180 о находкѣ отвѣта Грознаго царя, чеху протестанту, Рокитѣ). Попытка ввести въ исто-

рическія дѣятели **Льва Александровича Нарышкина**—чѣмъ начинается эта книжка Др и Н. Рос—, г. Мордовцеву неудалась по многимъ причинамъ, а прежде всего по неувѣренности его въ возможности этого. Впрочемъ, положеніямъ и выводамъ почтеннаго автора, трудно придавать читателю серьезное значеніе, въ виду противорѣчій, пишущему вѣроятно незамѣтныхъ, а со стороны бросающихся въ глаза. Начнемъ, хотя съ опредѣленія г. Мордовцева, чтó слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ **историческая личность**. Говоря о Некрасовѣ, г. Мордовцевъ (стр. 139) дѣлаетъ опредѣленіе **историческихъ личностей**, по значенію ихъ, исходящему изъ положенія: что «историческія величины требуютъ измѣренія не личнаго ихъ объема, не площади и мѣста ими занимаемыхъ, а опредѣленія ихъ внутренней цѣнности, которая установляетъ курсъ ихъ обращенія на историческомъ рынкѣ жизни человѣчества. Эти внутреннія качества историческихъ величинъ, пріобрѣтаютъ степень исторической цѣнности **сообразно степени нравственнаго вліянія, оказаннаго ими на современниковъ и потомство**». Опредѣленіе справедливо и вѣрно по отношенію къ Некрасову, поэту народному, но Л. А. Нарышкинъ не подойдетъ подъ эту мѣрку, потому что, какъ видно по разсказу г. Мордовцева, онъ ни въ чемъ, по свойству ума и характера, «не могъ» принимать дѣятельнаго участія. Самъ жизнеописатель—приподниматель этаго лица на степень **исторической** личности, сознается что государственая дѣятельность «была не его сфера, — едва ли Екатерина и довѣрила бы «Левушкѣ» что-либо серьезное». По литературѣ онъ отличился въ журналѣ «Собесѣдникъ» неумѣньемъ выражаться по русски; такъ что княгинѣ Дашковой пришлось внушать обидчивому «что долженъ знать авторъ вступающій на литературное поприще», Что же касается заслугъ шутовскихъ, въ родѣ анекдотовъ, — напримѣръ, такихъ хоть какъ несправедливо приписываемые Балакиреву,—то мы не имѣемъ и ихъ въ распоряженіи. Неужели достаточно для включенія въ **историческія** личности, одной чести служить оригиналомъ и темою для авторства Екатерины II? — въ замѣнъ всѣхъ другихъ качествъ, служащихъ вѣрнымъ признакомъ высшей натуры, удѣла не-

многихъ избранниковъ съ исключительнымъ призваніемъ, для той либо другой сферы умственной дѣятельности. Даже и важнымъ лицомъ, въ смыслѣ случайнаго могущества, по словамъ же Мордовцева (см. стр. 116), у современниковъ Нарышкинъ не слылъ. Съ какой же благодати включать подобную, отрицательную только личность, въ положительно историческія? Имистификаціи въ трудѣ г. Мордовцева, мы подозрѣвать не можемъ, усматривая толковую выборку изъ записокъ Екатерины II, статьи Пекарскаго «матеріалы для исторической литературной дѣятельности Екатерины II, изъ статьи о Нарышкинѣ въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, «Русскаго чтенія» Глинки, какъ извѣстно источника сомнительной точности, да изъ статьи Свиньина «Литературныя забавы Екатерины Великой вѣ Эрмитажѣ». Если же авторъ-изслѣдователь, хоть и поздно, въ послѣднихъ строкахъ, спохватился что «Нарышкинъ выразилъ своею жизнію слишкомъ слабую и одностороннюю историческую функцію» то всякій другой, меньше пристрастный къ герою этому, хоть не критикъ, а даже читатель, не приметъ чего добраго и послѣднихъ двухъ словъ опредѣленія, замѣтивъ что напрасно авторъ старался доказать несуществовавшее значеніе дюжиннаго балагура.

Виною этого пародоксальность автора и въ статьѣ о Некрасовѣ постановившаго фальшивое положеніе, будто: «двигаетъ человѣчество, упорное служеніе идеѣ, доходящее до односторонности», тогда какъ намъ кажется привитіе къ чему бы нибыло односторонности портитъ дѣло, не помогая ему двигаться. Это впрочемъ можетъ быть благодарною темою для фразированья, которымъ, въ ущербъ фактическаго изложенія, обилуетъ вторая книжка Др. и Нов. Россіи, носящая прямо литературный а не историческій характеръ, и по тону и по содержанію статей. «Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ» Д. И. Иловайскаго и «на Уралѣ» (изъ путевыхъ записокъ) Н. Сорокина, — самыя живыя статьи. «Движеніе впередъ въ сектѣ скопцовъ» А. Забѣлина, намъ кажется, не смотря на бойкость изложенія, не особенно богатою фактами статьею. Сущность „движенія впередъ“ у скопцевъ собственно выразилась, по словамъ автора, освобожденіемъ женщинъ отъ опера-

ціи, да открытымъ заявленіемъ фанатиками, ихъ мнимо-божественныхъ ролей. Первое можетъ быть и единичнымъ явленіемъ, и ничего не доказывающимъ, какъ и второй, мнимый признакъ чего-то невыясненнаго достаточно. Остальное въ статьѣ—общія мѣста и положенія всѣмъ извѣстныя настолько же хорошо, какъ и исторія вредной секты членовредителей. „Россія и славяне балканскаго полуострова" П. Ровинскаго и „Старовѣръ Васильевъ" Гр. Ц. Есипова—не обладаютъ опять значительнымъ запасомъ интереса и фактической содержательности. Нѣсколько широковѣщателенъ и отзывъ г. Карновича о книгѣ Баранова «Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ хранящимся въ СПБ. Сенатскомъ Архивѣ. Т. III. (1740—1762 года). При третьемъ этомъ томѣ разбиратель считаетъ нужнымъ сказать о предшествующихъ двухъ томахъ, не достаточно выставляя, какъ намъ кажется, особенностей вновь вышедшаго тома и заслуги составителя, имѣвшаго въ виду подобную характеристику отличій его отъ первыхъ двухъ. Особенностями этими назовемъ мы—по запискѣ г. Баранова предшествующей самой Описи — вопервыхъ особенно малую часть №№ вошедшихъ въ Полн. Собр. зак. за это время (538), при количествѣ въ семь разъ большемъ не вошедшаго (3742 №№) и слѣдовательно, безъ описи остававшагося бы не извѣстнымъ; вовторыхъ— опредѣленіе подлиннаго значенія Елизаветинской Конференціи съ перечисленіемъ ея дѣйствительныхъ членовъ, и въ третьихъ— помѣщеніе, особенно необходимаго для справокъ, списка Сенаторовъ, съ учрежденія Сената, до Екатерины II (106 лицъ, по царствованіямъ), съ указаніемъ времени присутствованія. Эти три статьи должны прежде всего выдѣляться какъ свидѣтельства заслуги составителя дѣлу отечественной исторіи. Объ отдѣлѣ же «Замѣтокъ и Новостей» и здѣсь мы должны сказать тоже, что говорили о январской книжкѣ. Разница собственно въ источникѣ заимствованій, которымъ оказывается здѣсь переводъ путешествія въ Россію, при Алексѣѣ Михайловичѣ, Антіохійскаго патріарха Макарія. Богатство содержанія источника отражается разумѣется на цитатахъ; по этой причинѣ и болѣе обширныхъ и больше численностью раздѣла на порціи. Замѣтимъ также, что большая часть замѣтокъ ближе бы могла

отнестись въ отдѣлъ библіографіи, такъ какъ заключается въ извѣстіи о выходѣ книги. Можетъ быть тамъ размѣры этихъ извѣщеній измѣнились бы нѣсколько въ формѣ. Достаточно въ указаніи ознакомить съ содержаніемъ; но, меньше полезны цитаты при опущеніи неречня общаго содержанія. Замѣтимъ что новости заключаютъ извѣщенія о 15 изданіяхъ, о которыхъ но содержанію отдѣла, не прочитавъ текста, мудрено даже догадаться. Казалось бы, чего проще, это число 15 прибавить къ единственному труду г. Баранова въ отдѣлѣ Критики и Библіографіи, никого не мистифируя придуманными кличками въ родѣ «Москва въ XVII вѣкѣ», «новгородское преданіе объ Апостолѣ Андреѣ Первозванномъ» и «сочувствіе царя Алексѣя Михайловича къ турецкимъ славянамъ»—когда все это однѣ выдержки изъ того же путешествія Патріарха Макарія. Хоть мелочно опроверженіе ошибки «Новаго времени» о пріобрѣтеніи И. П. Б-кою, не рукописи XV вѣка, а книги печатной, но оно все же здѣсь умѣстно, какъ и извѣщеніе о находкѣ Отвѣта Грознаго—Рокитѣ. Все же прочее,—кромѣ еще сомнительнаго анекдота «изъ записокъ стараго егеря»,—могло попасть въ библіографію, гдѣ ему быть умѣстнѣе. Послѣдняя же статья въ выпускѣ—«Поправки Завалишина къ біографіи И. К. Кюхельбехера», напечатанной въ Р. Старинѣ 1875 г. — очень интересна.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 Г. (ВТОРОЙ ГОДЪ)

„СВѢТЪ"

ОРГАНЪ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

„СВѢТЪ" поставилъ себѣ не легкой задачей развивать въ обществѣ чувство человѣчности, общественности,—развивать знанія, проникнутыя и связанныя общими идеями—и такимъ образомъ расширять мало по малу міровоззрѣніе общества. Для выполненія своей цѣли онъ имѣетъ два средства: 1) дѣйствовать на чувства общества и развивать въ нихъ тѣ гармоническія отношенія, которыя даетъ намъ искусство: 2) дѣйствовать на умъ общества и давать этому уму матерьялъ для мысли, по возможности облегчая при этомъ его работу. Удовлетворяя этимъ двумъ сторонамъ развитія, „СВѢТЪ" по необходимости долженъ быть научно-художественнымъ изданіемъ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: **Ѳ. М. Достоевскій, Я. П Полонскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), О. Ф. Миллеръ, А. И. Сомовъ, Д. Л. Мордовцевъ, Д. И. Менделѣевъ. А. М. Бутлеровъ, А. Н. Бекетовъ, И. М. Сѣченовъ, Ю. Э. Янсонъ, А. И. Якобій, Н. А. Головкинскій. Н О. Ковалевскій, Л. Е. Оболенскій, В. Д. Аленицинъ, М. Н. Богдановъ, Ѳ. О. Фесенко.**

Журналъ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца небольшими выпусками in 4° отъ трехъ до шести листовъ—и содержитъ: 1) произведенія беллетристическія (романы, повѣсти, сказки, разсказы и проч. заключающія въ себѣ какую нибудь руководящую мысль. 2) Статьи по искусству, (сопровождаемыя художественными приложеніями). 3) Статьи научныя и 4) статьи критическія.

Каждый выпускъ сопровождается художественными приложеніями, офортами, фототипіями, гелiогравюрами и т. п.

Въ видахъ большаго распространенія журнала, назначается ему крайне умѣренная цѣна. За 12 выпусковъ въ годъ, со всѣми приложеніями

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ

безъ доставки, въ Москвѣ—четыре рубля пятьдесятъ коп.
За доставку въ Петербургѣ и Москвѣ прилагается 50 коп.
Для всѣхъ другихъ городовъ Россіи

ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Эта подписная сумма можетъ быть разсрочена или даже уменьшенная въ видахъ общедоступности изданія.

Гг. подписчики, желающіе получать приложенія несогнутыми, платятъ за нихъ особую пересылку

ОДИНЪ РУБЛЬ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ для городскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, Невскій просп., Гостинный дворъ, № 24. Н. И. Мамонтова, Невскій, № 46, а въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ. Гг. иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Уневерситетъ, кв. 21, Профессору Николаю Петровичу Вагнеру.

Подписка на 1877 г. продолжается и гг. подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

За ТРИ РУБЛЯ безъ доставки, съ доставкою 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

3 3

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Предпринимая изданіе съ цѣлью служить однимъ изъ органовъ для самообразованія и развитія, редакція считаетъ долгомъ высказать только то, что она употребитъ усилія, чтобы удовлетворить любознательности своихъ читателей посредствомъ разнообразія содержанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, она постарается дать такого рода матеріялъ, который одинаково бы удовлетворилъ какъ потребностямъ лицъ вполнѣ взрослыхъ, ищущихъ самообразованія и развитія, такъ и тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ дѣтскія книги не пригодны, а серьозная и научная литература не всегда доступны для пониманія. На первомъ планѣ будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій.

Программа изданія.

1) Русская жизнь и этнографическіе очерки Россіи, съ хромолитографированными рисунками всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это составитъ изящный альбомъ, въ который войдетъ отъ 20 до 30 хромолитографій.

2) Историческіе очерки Россіи, къ которымъ будетъ приложено до 100 большихъ рисунковъ.

3) Этнографическіе очерки различныхъ народовъ Земнаго Шара.

4) Повѣсти, разсказы и біографія замѣчательныхъ людей.

5) Путешествія.

6) Очерки и картины природы.

7) Естествознаніе въ монографіяхъ и разсказахъ.

8) Техника и разнаго рода производства, а также промыслы и занятія человѣка.

9) Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка.

10) Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Кромѣ того нѣсколько разъ въ годъ будетъ выходить приложеніе: **„Листокъ для родителей и наставниковъ“**. Этотъ листокъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) Дѣтская гигіена и вообще статьи, касающіяся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей и юношей; 2) Библіографическій листокъ съ разборомъ выходящихъ дѣтскихъ книгъ.

Каждая книжка, выходящая ежемѣсячно 1 числа, будетъ состоять изъ 10 печат. листовъ, хромолитографирован. рисунковъ и гравюръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ	5 р. 50 к.	съ перес. 6 р. — к.
„ 6 „ въ полгода . . .	4 р. — к.	„ „ 4 р. 50 к.
„ 1 книжку въ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.	„ „ 1 р. 20 к.

Всякій, подписавшійся на первый мѣсяцъ, въ случаѣ желанія продолжать подписку на цѣлый годъ, доплачиваетъ только до подписной цѣны, т. е. 4 р. 50 к.; безъ пересылки или 5 р. съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Картографическомъ заведеніи Ильина, на углу Б. Мастер. и Екатерингоф. просп. домъ № 11—43

Первая книжка выйдетъ 1 го декабря 1877 года.

Редакторъ-издатель **А. Ильинъ.**

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

ЖУРНАЛА

Годъ VI „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ Годъ VI

Иллюстрированный журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области, наукъ и искуствъ. 8) Телеграммы, 8) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ. 11) Моды съ пояснительнымъ текстомъ.

Гг. подписчики кромѣ 52 нумеровъ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) Гигіены человѣка и животныхъ, 2) Сельскаго хозяйства, 3) Домоводства, 4) Садоводства, 5) Огородничества, 6) Лѣсоводства, 7) Пчеловодства, 8) Рыболовство, 9) Овцеводства, 10) Птицеводства, и 11) Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Кромѣ того гг. подписчики на 1878 г. получатъ безплатныя премін, состоящія изъ лучшихъ, вполнѣ заключенныхъ, беллетристическихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину «Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1878 годъ примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. В. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ. (Якунинъ). С. М. Кравнвина, Н Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Н. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Донченко, Н. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года иллюстрированныя сказки Боккачіо (Декамеронъ), въ переводѣ Н. И. Шульгина, «Похвальное слово глупости» Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера, (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, «Комическій романъ» Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

	На годъ	На полгода
Цѣна безъ доставки и пересылки	6 р.	3 р. 50 к.
съ доставкою и пересылкою	7 р.	4 р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ. Троицкій пер. д. № 27.

3—3

ничего общаго съ литературой. Не обременяя страницъ «Кругозора» дешевыми заграничными клише, мы дали болѣе широкое развитіе тексту, доставляя такимъ образомъ обильный матеріалъ для чтенія, составленный изъ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей и статей, имѣющихъ научный или общественный интересъ; точно также, вмѣсто олеографическихъ картинъ, которыя, при выписываніи ихъ изъ-за границы въ значительномъ количествѣ, обходятся издателямъ не дороже 30—50 коп. за экземпляръ, мы приняли на себя одинъ изъ такихъ трудовъ, которые до сихъ поръ были подъ силу лишь большимъ и дорогимъ журналамъ (какъ напр. «Всемірному Путешественнику») и дали въ премію книгу въ восемьдесятъ печатныхъ листовъ мелкаго шрифта, содержащую свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія: «Всенаучный (энциклопедическій) словарь». Всякій, сколько-нибудь знакомый съ типографскимъ дѣломъ и цѣнами набора, печати и бумаги, легко составить себѣ понятіе о стоимости каждаго экземпляра, не говоря уже о громадномъ трудѣ составленія подобнаго словаря и вознагражденіи сотрудникамъ. Нынѣ оканчивая это изданіе, составлявшее двухгодичную премію «**Кругозора**» за 1876 и 1877 гг., редакція, съ развитіемъ ея средствъ, обѣщаетъ подписчикамъ на 1878 годъ *нѣсколько* премій, изъ которыхъ *главная* составитъ обширное сочиненіе, не уступающее въ интересѣ и полезности «Всенаучному словарю».

ПРОГРАММА: 1) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (въ приложеніи). 2) Очерки изъ исторіи словесности, обзоръ современной литературы и журналистики, библіографія. 3) Искусства, археологія, архитектура, ваяніе, живопись, музыка и театръ. 4) Историческіе очерки; бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ; записки—мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей. 5) Описаніе замѣчательныхъ мѣстностей и городовъ, путешествія, современная жизнь всѣхъ народовъ земнаго шара. 6) Изслѣдованія о происхожденіи и развитіи языковъ классическихъ и современныхъ. 7) Естествознаніе. 8) Народное здравіе. Домашняя гигіена. 9) Промышленность и торговля, технологія и механика, сельское хозяйство и охота. 10) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. 11) Судебная хроника. 12) Политическое обозрѣніе. 13) Смѣсь и разныя извѣстія. 14) Почтовый ящикъ, отвѣты редакціи. 15) Тиражъ выигрышей 1-го 2-го внутренняго займовъ. 16) Частныя объявленія. 17) Модное обозрѣніе съ рисунками и выкройками въ натуральную величину (въ приложеніи).

«КРУГОЗОРЪ» почтили своемъ участіемъ литераторы: **Д. В. Аверкіевъ, В. Г. Авсѣенко, Л. Н. Антроповъ, Л. Ѳ. Березинъ, А. Гиллинъ, Ѳ. М. Достоевскій, Н. И. Зуевъ, В. В. Крестов-**

Портреты въ сборникѣ «Русскіе Современные Дѣятели» представляютъ въ художественномъ отношеніи образцовую работу на стали и составляютъ такимъ образомъ ВАЖНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ. Этотъ сборникъ долженъ имѣть громадное значеніе для каждаго образованнаго человѣка, и на много превосходитъ всѣ безплатныя преміи остальныхъ журналовъ.

I-й томъ сборника **«Русскіе Современные Дѣятели»** (премія на 1876 г.), вслѣдствіе прекраснаго исполненія на стали **12** портретовъ, былъ принятъ публикой весьма благосклонно и восхваленъ выдающимися критиками нашей прессы. **II-й томъ этого сборника** (премія на 1877 г.) вышелъ въ свѣтъ и разосланъ съ № 50. Что касается до выбора **24** портретовъ для II-го тома сборника **Русскіе Бывшіе Дѣятели»** и **III**-го—**Русскіе «Современные Дѣятели»** (премія на 1878 г.), то издатель постарается удовлетворить желанію большинства своихъ подписчиковъ. (Въ отдѣльной продажѣ каждый томъ сборниковъ стоитъ: **Современные Дѣятели—4** р., въ роскошн. нереплетѣ **5** р. **Бывшіе Дѣятели—2** р., въ переплетѣ **3** р.).

NB. «Илл. Газета» не разсылаетъ программъ со старыми рисунками.

Цѣна съ перес. за годъ съ брошюр. преміями **6** р,; за 6 мѣс. **3** р.; за 3 мѣс. **1** р. **50** к. Желающіе получить премію въ роскошномъ нереплетѣ прилагаютъ **1** р. за томъ.

☞ По желанію допускается разсрочка. ☜

Иллюстрированный Вѣстникъ, 6-й г. (1878)

«Иллюстр. Вѣстникъ» выходитъ выпусками ежемѣсячно; въ годъ онъ содержитъ до **1200** столбцовъ текста и множество иллюстрацій. Въ немъ помѣщаются, кромѣ различныхъ статей, касающихся всѣхъ вопросовъ современной жизни, избранные романы любимѣйшихъ авторовъ нашего времени.

Цѣна на годъ съ перес. **3** р. **50** к.; на 6 мѣс. **2** р.; на 3 мѣс. **1** р. **«Илл. Газета»** съ **«Илл. Вѣстникомъ»** съ перес.—**9** р.; на 6 мѣс. **4** р. **50** к.; на 3 мѣс. **2** р. **25** к.

Подписка на 1878 г. на журналъ

„ГРАЖДАНИНЪ"

(52 №№ въ годъ)

и

„РУССКІЙ СБОРНИКЪ"

(2 тома въ годъ).

1. Въ 1878 году газета-журналъ «ГРАЖДАНИНЪ" будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю по воскресеньямъ, какъ и въ 1877 году. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной уже програмиѣ.

2. „РУССКІЙ СБОРНИКЪ" же *составляетъ безплатное приложеніе къ* „ГРАЖДАНИНУ", выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ Февралѣ, а II томъ въ Октябрѣ (разсылается всѣмъ *годовымъ* подписчикамъ на „ГРАЖДАНИНЪ" немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ—изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, *славянскихъ* и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ. Въ „СБОРНИКѢ" будутъ (независимо отъ статей чисто литературнаго содержанія: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, драматическихъ сочиненій и стихотвореній) помѣщаться статьи: *по вопросамъ религіи и церкви, по философіи, исторіи, политики, географіи, этнографіи, юридическимъ наукамъ, политической экономіи, статистикѣ, естественнымъ наукамъ, а также жизнеописанія замѣчательныхъ людей и т. п.*

При выборѣ статей *особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на статьи знакомящія русскихъ читателей со славянскимъ міромъ.*

3. При „ГРАЖДАНИНѢ" *ежемѣсячно* будетъ *безплатно* разсылаться всѣмъ подписчикамъ на „ГРАЖДАНИНЪ" „*Книжный Листокъ*" (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ поступающихъ въ продажу *при книжномъ складѣ редакціи.*

4. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложеній къ журналу, безплатно получатъ непремѣнно съ 1 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: „Тайны Современнаго Петербурга“: *Въ царствѣ Венеры и Развязка.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи (*Надеждинская, 24., кв. 1*) или при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (Гостиный дворъ, № 24), а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются *исключительно* въ С.-Петербургъ: *въ редакцію журнала* „ГРАЖДАНИНЪ“.

Подписчики благоволятъ обозначать при подпискѣ тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть *почтовыя* учрежденія, такъ какъ С.-Петербургскій почтамтъ за неисправную пересылку не отвѣчаетъ, если журналъ посылается другими путями. При возобновленіи подписки слѣдуетъ присылать прежній печатный адресъ (бандероль) съ исправленіями, если они окажутся нужными или указывать хоть № бандероли.

Подписная цѣна за три изданія прежняя:

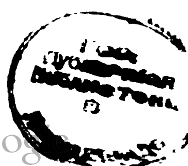
На годъ безъ доставки	7 р.
„ „ съ доставкою и пересылкой .	8 „
„ „ съ перес. заграницу	10 „

Отдѣльно на „РУССКІЙ СБОРНИКЪ“ — подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 3 р. Адресоваться при подпискѣ на „СБОРНИКЪ“ нужно въ редакцію „ГРАЖДАНИНА“.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, и волостныхъ правленій редакція *понижаетъ* подписную цѣну съ 8 на 6 р. за всѣ изданія, но только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, *безплатно обучающіе* въ народныхъ школахъ. Для народныхъ учителей и училищъ, волостныхъ правленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ *на годъ*) *разсрочка* въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца *впередъ* по 2 руб., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи „ГРАЖДАНИНА“ открытъ *книжный складъ*, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

3—3

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи. По этому предмету учредитель археологическаго института въ Петербургѣ г. Предсѣдатель Коммисіи объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, **Н. В. Калачовъ** будетъ сообщать наиболѣе важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и о матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакціи обѣщали свое содѣйствіе: **Н. В. Калачовъ** (ближайшимъ участіемъ по историко-юридической части), **В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Вс. С. Соловьевъ, Г. П. Данилевскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Забѣлинъ, В. О. Ключевскій, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернадскій, П. В. Павловъ, П. А. Матвѣевъ, Ю. Е. Афонасьевъ, В. П. Авенаріусъ** и друг.

Для обозрѣнія же исторической литературы какъ русской, такъ и иностранной, назначенъ особый отдѣлъ въ книгѣ.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова и К°**, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека“** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 4.—Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1878

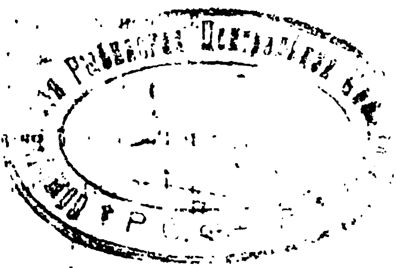
СОДЕРЖАНІЕ № 4-го.

Въ составъ послѣдующихъ номеровъ, кромѣ уже имѣющихся, въ редакціи получены слѣдующія произведенія: Очерки средневѣковой литературы. Скандинавская поэзія **Д. В. Васильева.** Реформація до Виклефа и Гусса. Изслѣдованіе **Ѳ. Деларю.** Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія **Н. И. Барсова.** Кромѣ того ожидаются повѣсти отъ **Г. П. Данилевскаго** и графа **Е. А. Саліасъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 4.—Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля. 1878 г

VIII.

Не долго пробыла цесаревна въ деревнѣ. Отдохнуть не удавалось. Тревожныя мысли не уходили — страшно было въ Петербургѣ, а тутъ пожалуй и еще страшнѣе — того и жди упущеніе въ дѣлахъ выйдетъ, того и жди нагрянетъ такая бѣда, которую можно было бы предотвратить своимъ присутствіемъ.

И цесаревна вернулась въ городъ. Изъ тишины деревенской снова окунулась въ самую глубь тревожной придворной жизни. Друзья сейчасъ же явились съ цѣлымъ коробомъ новостей, всевозможныхъ разсказовъ, сплетенъ, слуховъ — такъ, что невозможно было догадаться, чему во всемъ этомъ слѣдуетъ вѣрить, что ложь, а что правда. Несомнѣннымъ было только одно: съ каждой минутой приближающійся, окончательный разрывъ со Швеціей.

Цесаревна явилась во дворецъ. Тамъ все было тихо: всѣ шептались, старались ходить чуть слышно — Анна Леопольдовна на дняхъ разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериной.

Входя въ аппартаменты правительницы, Елисавета встрѣтилась съ Линаромъ. Онъ молча и даже какъ то свысока поклонился ей и прошелъ мимо.

«Неужли у нихъ ужъ дошло до того, что даже всѣ приличія забываются? Неужли его принимаютъ въ постелѣ?» невольно подумала она.

Она пошла дальше. Ее сейчасъ же впустили въ правительницѣ.

Анна Леопольдовна лежала повязанная своимъ неизмѣннымъ бѣлымъ платочкомъ; ея руку держала неизмѣнная Юліана.

Недалеко отъ кровати помѣщалась маленькая пышная колыбель, вокругъ которой возилось нѣсколько женщинъ.

Елисавета поздравила правительницу. Та приподнялась съ подушекъ и поцѣловалась съ нею.

— Очень рада васъ видѣть, сестрица. А то я ужъ хотѣла посылать за вами — право напрасно вы уѣхали въ деревню, мы очень веселились... вотъ только теперь скука смертельная—уложили меня и вставать не позволяютъ... А я право совсѣмъ здорова... отлично себя чувствую. Дѣвочка тоже ничего... взгляните, она не спитъ теперь.

Цесаревна подошла къ колыбели, разглядѣла крошечное созданіе, тихонько наклонилась надъ нимъ и осторожно, сдерживая дыханіе, поцѣловала маленькую ручку. Она очень любила дѣтей и видъ новорожденнаго ребенка всегда поднималъ въ ней всю ея природную нѣжность.

Она невольно замѣшкалась надъ колыбелькой и невольно вздохнула. Ей пришло на мысль: что то будетъ съ этой крошечной дѣвочкой? какая судьба ее ожидаетъ? Быть можетъ однимъ изъ первыхъ сознательныхъ чувствъ этого ребенка будетъ ненависть къ ней... Зачѣмъ все такъ тяжело, такъ дурно устроено на свѣтѣ? зачѣмъ самый справедливый поступокъ влечетъ за собою зло неповиннымъ? Зачѣмъ столько ненависти? зачѣмъ люди не знаютъ и никогда не узнаютъ другъ друга?

Цесаревна еще разъ вздохнула и вернулась къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Она замѣтила, какъ та сдѣлала какой-то условный знакъ Юліанѣ. Юліана сейчасъ же встала и вышла изъ комнаты.

Правительница заговорила любезно и ласково. Спрашивала не нужно ли что нибудь сестрицѣ и кончила тѣмъ, что снова намекнула на принца вольфенбюттельскаго.

Елисавета вспыхнула и даже отдернула свою руку, которую держала правительница.

— Я думала, ваше высочество, сказала она, что этотъ разговоръ оконченъ между нами. Неужели вы считаете меня на столько легкомысленной, чтобъ двадцать

разъ измѣнять свое рѣшеніе? Не будемте говорить объ этомъ.

— Это очень жаль, сухо отвѣтила Анна Леопольдовна. Я надѣялась, что въ деревнѣ вы обсудите всѣ выгоды нашего предложенія и его примете.

Елисавета даже ничего не возразила на это, сказала нѣсколько незначительныхъ фразъ и поспѣшила откланяться.

Только что она вышла, какъ Юліана вернулась къ своему посту.

— Ну что? спросила она.

— Отказывается. И говорить не хочетъ даже! раздраженнымъ и злымъ голосомъ прошептала Анна Леопольдовна. — Въ самомъ дѣлѣ она начинаетъ забирать себѣ много воли, думаетъ, что такъ все и можетъ дѣлать по своему. Но вѣдь если добромъ не хочетъ, такъ можно ее и принудить!

— Однако, какъ же принудить? замѣтила Юліана,— тоже раздражать очень нельзя — она не одна, за нею стоитъ довольно много народу, у нея есть заступники.

— Такъ что-жь намъ дѣлать? почти закричала Анна Леопольдовна, — неужели отказаться отъ этого плана? Вѣдь у всѣхъ были бы развязаны руки, еслибъ она согласилась выйти замужъ...

— Да конечно; но только дѣйствовать нужно не насиліемъ, лучше попросить какого нибудь ловкаго человѣка уговорить ее.

— Кого же попросить?

— Да хоть Левенвольде, отвѣтила Юліана. Кстати онъ здѣсь, пріѣхалъ освѣдомиться о твоемъ здоровьи.

— Ну и прекрасно, попроси его сюда ко мнѣ.

— Сюда? изумилась Юліана. Да вѣдь это сочтутъ совершенно неприличнымъ.

— Напротивъ, сказала Анна Леопольдовна,—напротивъ, если я принимаю одного, то могу принимать и другихъ—меньше будетъ разговоровъ.

— Пожалуй и такъ. согласилась съ нею Юліана и вышла звать Левенвольде.

Оберъ-гофмаршалъ очень изумился, что правительница принимаетъ его въ постелѣ и еще болѣе изумился, когда узналъ, чего она отъ него хочетъ. Онъ хорошо зналъ, что уговорить Елисавету, особенно ему, невозможно.

— Я не могу идти къ цесаревнѣ съ такой пропозиціею, сказалъ онъ, потому, что это будетъ совсѣмъ неприлично и она только оскорбится. Не изволите ли вы сами, ваше высочество, поговорить о томъ съ нею?

— Да я ужъ говорила,—она не слушаетъ!—откровенно и наивнымъ тономъ призналась правительница.

— Ну такъ что же я то могу? Я ужъ совсѣмъ ничего не могу!

Впрочемъ Анна Леопольдовна съ Юліаной и сами поняли, что придумали вещь неподходящую—и отпустили Левенвольде.

А цесаревна, вернувшись къ себѣ, была встрѣчена извѣстіемъ, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, узнавъ о ея пріѣздѣ, пробрались къ ней тихонько и умоляютъ ее выйти къ нимъ и ихъ выслушать.

— Безумные, что они дѣлаютъ! воскликнула цесаревна,—будто не знаютъ, что ужъ теперь во дворцѣ навѣрно извѣстно о ихъ пребываніи здѣсь, у меня.

Но все же она къ нимъ вышла.

Офицеры умоляли простить ихъ за смѣлость и объявили, что они посланы всѣми товарищами узнать, справедливъ ли тотъ слухъ будто она выходитъ замужъ за принца вольфенбюттельскаго.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! отвѣчала имъ Елисавета, и меня даже обижаетъ, что мои друзья гвардейцы могутъ вѣрить подобному слуху. Будто вы меня не знаете, — развѣ я могу рѣшиться на такое дѣло? мало ли о чемъ толкуютъ и мало ли чего желаютъ! Возвращайтесь къ себѣ какъ можно осторожнѣе, чтобъ васъ не замѣтили!... Успокойте товарищей, не тревожьтесь по пустому —

теперь самое первое дѣло, чтобъ все у васъ было спокойно, и чтобъ вы не возбуждали подозрѣній. Сказала вѣдь—придетъ время—кликну, а теперь ждите!...

Офицеры почтительно поцѣловали протянутую имъ руку и ушли успокоенные.

Отпустивъ ихъ Елисавета призвала Лестока и сказала ему, чтобъ онъ, при первой возможности, отправился къ секретарю шведскаго посольства, Лагерфлихту, и сказалъ ему отъ ея имени, что если шведы будутъ еще медлить, то дѣло можетъ повернуться въ дурную сторону, расположеніе умовъ измѣнится. Нужно спѣшить съ объявленіемъ войны, потому что правительство не щадитъ ничего: принцъ Антонъ, наущаемый Остерманомъ, разсыпаетъ направо и налѣво обѣщанія и награды для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ.

— Скажите ему, говорила Елисавета, что я ужъ кое что слышала и сообразила. Положимъ они тамъ всѣ кричатъ теперь, что нисколько не боятся шведовъ, что будутъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, но это только одни слова и крики. Если шведы явятся какъ защитники правъ потомства императора Петра, то русскіе войска не захотятъ воевать съ ними. Если Лагерфлихтъ будетъ настаивать на томъ письменномъ обязательствѣ, скажите ему, что я подпишу, если дѣла примутъ хорошій оборотъ и мнѣ нечего будетъ опасаться. Скажите, что я обѣщаюсь вознаградить Швецію за военныя издержки съ первой минуты начала дѣйствій, что я буду давать Швеціи субсидіи во все продолженіе моей жизни, предоставлю шведамъ всѣ тѣ торговыя преимущества, которыми теперь пользуются англичане, откажусь отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіей, Англіей и Австріей, не буду ни съ кѣмъ вступать въ союзъ кромѣ Швеціи и Франціи, буду содѣйствовать Швеціи всѣми мѣрами и тайно ссужать деньгами, когда будетъ нужно. Вотъ все, что я могу имъ обѣщать — кажется этого достаточно!?..

Лестокъ выслушалъ цесаревну молча и поспѣшилъ

исполнить ея приказаніе. Теперь онъ ужъ побѣдилъ свой страхъ, не дрожалъ больше отъ шума на улицѣ и даже рѣшился выходить изъ дому, видя что никто его не арестуетъ, и что они во всякомъ случаѣ сильно преувеличили опасность.

Стали проходить дни за днями. Вотъ ужъ и лѣто кончается. Цесаревна встаетъ рано, ложится поздно, весь день проводитъ въ хлопотахъ; то толкуетъ со своими приближенными, то посылаетъ Лестока къ Шетарди, то сама принимаетъ маркиза. Послѣ робости и какой то временной апатіи на нее вдругъ напала смѣлость, рѣшительность. Она всѣми силами старается не думать объ опасности, думать только о достиженіи цѣли. Со всѣхъ сторонъ вѣрные люди приносятъ добрыя вѣсти: говорятъ, что въ городѣ стоитъ ропотъ, вольныя сужденія о дѣйствіяхъ правительства.

Разумовскій, почти цѣлые дни проводя на улицѣ, заводя знакомство съ людьми различныхъ состояній, подъ вечеръ приходитъ и разсказываетъ, что никакихъ шпіоновъ не боятся въ городѣ, а прямо кричатъ, что теперь стало даже хуже, чѣмъ во время бироновщины. Тогда нужно было кланяться одному Бирону, а теперь этихъ Бироновъ стало больше дюжины—и не счесть фаворитовъ и фавориткокъ правительницы, и каждый изъ нихъ кто во что гораздъ. Про самоё Анну Леопольдовну разсказываютъ даже люди во дворецъ вхожіе, что она день ото дня становится суровѣе, скрывается, никого къ себѣ не пускаетъ. Недобрыя, незаконныя дѣла творятся! Она вонъ мужа своего не терпитъ, къ себѣ въ комнаты не пускаетъ. Да и чего путнаго ждать отъ нея—съ самаго дѣтства дикая, и мать бивала за дикость. Много разсказываютъ, о многомъ толкуютъ—всего и передать невозможно. А заговорятъ о цесаревнѣ Елисаветѣ и у всѣхъ сейчасъ улыбка на лицахъ является: «Вотъ такъ царевна! ни отъ кого она не скрывается, всѣхъ встрѣчаетъ привѣтливо. Войдешь къ ней, такъ и выйти не хочется, все бы смотрѣлъ на нее, любовался!»

Подобные разсказы, передаваемые обыкновенно вечеромъ, за ужиномъ, и ежедневно накопляющіеся, много содѣйствовали оживленію всѣхъ окружавшихъ Елисавету. Даже и Мавра Шепелева оставила свои страхи: перестала пробовать кушанья, подаваемыя цесаревнѣ. Надежды на близкій и счастливый исходъ изъ всѣхъ опасеній и несчастій росли быстро. Скоро за вечерней трапезой цесаревны ужъ стали обсуждаться такіе, напримѣръ, вопросы: «кого мы будемъ награждать и кого наказывать». У Мавры Шепелевой, Шуваловыхъ и всей компаніи заранѣе сжимались кулаки на Остермана, Миниха и другихъ старыхъ недруговъ. Только одна цесаревна качала головою, когда замѣчала, что друзья черезъ чуръ расходились.

— Не злобствуйте, говорила она. Коли Богъ мнѣ поможетъ, такъ не для того, чтобъ я творила жестокости...

Наконецъ пришла радостная вѣсть, еще болѣе поднявшая духъ елисаветинской партіи: шведы объявили войну.

Переговоры между Лестокомъ и Шетарди велись оживленнѣе и оживленнѣе.

Шетарди писалъ Версальскому двору:

«Считаютъ очень важнымъ, чтобъ герцогъ голштинскій былъ при шведской арміи, не сомнѣваясь, что русскіе солдаты положатъ передъ нимъ оружіе въ минуту сраженія: такъ сильно въ нихъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. Думаютъ, что было бы очень полезно публиковать въ газетахъ, что герцогъ голштинскій въ арміи, или по крайней мѣрѣ въ Швеціи. Желаютъ чтобы между войсками и внутри страны было распространено письмо, въ которомъ бы указывалось на опасность для религіи при иноземномъ правленіи».

Потомъ Шетарди требовалъ чтобы шведы издали прокламацію, въ которой бы объявили, что возстали для поддержки правъ потомства Петра I.

И вся эта внутренняя жизнь двора Елисаветы оста-

валась тайною для правительства. Шпіоны доносили о томъ, что Шетарди ѣздитъ къ цесаревнѣ, но большаго донести они не могли.

Правительница и Остерманъ съ принцемъ Антономъ продолжали очень подозрительно смотрѣть на Елисавету, придумывали новыя комбинаціи, чтобъ отъ нея избавиться, но покуда ничего не могли придумать. Къ тому же Остерманъ весь теперь былъ поглощенъ внутренними и внѣшними дѣлами, мыслями о томъ какъ бы самому прочнѣе утвердиться и успѣшнѣе подготовить дѣло принца Антона, которому теперь помѣшала война, объявленная Швеціей.

А правительницѣ легко было забывать о цесаревнѣ: она была опять здорова и думала только объ удовольствіяхъ и о Линарѣ.

Во дворцѣ шли праздники за праздниками и на этихъ праздникахъ Линаръ являлся звѣздой первой величины. Теперь онъ уже былъ Андреевскимъ кавалеромъ, ему дѣлался подарокъ за подаркомъ; о его предстоящемъ бракѣ съ Юліаною Менгденъ было всѣмъ объявлено.

У всѣхъ голова кружилась; всѣ запутывались въ массѣ разнородныхъ, со всѣхъ сторонъ приходящихъ, извѣстій; всѣ думали о себѣ, о собственныхъ выгодахъ,—и среди этого всеобщаго хаоса цесаревна начинала чувствовать себя болѣе безопасной и свободной. Она появлялась на всѣхъ придворныхъ балахъ и праздникахъ, и внимательный наблюдатель долженъ былъ поразиться перемѣной, происшедшей съ нею. Совсѣмъ иначе и глядѣла она, и говорила: прежней робости, осторожности и слѣда не осталось.

Но такого наблюдателя не было. Остерманъ не появлялся на празднества, волей — неволей продолжая разыгрывать роль недвижимаго больнаго, и ни разу даже не пришла ему добрая мысль въ голову хоть на носилкахъ появиться на балѣ и взглянуть на цесаревну. Еслибъ онъ взглянулъ на нее теперь, то можетъ быть увидѣлъ бы яснѣе, какъ нужно ему поступать и о чемъ

думать. Но видно и для оракула пробилъ часъ. Онъ продолжалъ работать также неустанно, какъ и прежде, голова его также трудилась надъ измышленіями всевозможныхъ хитросплетеній, но результаты этой работы были далеко не прежними.

Особенно одинъ балъ во дворцѣ оказался очень удачнымъ: только что получилось извѣстіе о томъ, что войска готовы идти на шведовъ и находятся въ самомъ лучшемъ состояніи и настроеніи духа.

Правительница появилась, сверхъ своего обыкновенія, роскошно, изысканно наряженною, протанцовала съ Линаромъ, ласково поздоровалась съ цесаревной. Елисавета была нарядна и сіяла красотою.

Она тоже танцовала съ увлеченіемъ и уже не чувствовала себя окруженною врагами. Эти враги казались ей теперь крошечными и вполнѣ безопасными, возбуждали ея природную насмѣшливость.

Вотъ она замѣтила въ числѣ гостей маркиза де-ла-Шетарди и подошла къ нему.

— Смотрите, маркизъ, сказала она, какъ всѣ радуются, какъ всѣ довольны—они такъ увѣрены въ побѣдѣ надъ шведами. А вы, раздѣляете ли вы эту общую увѣренность?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Да, сказалъ онъ, дѣйствительно теперь здѣсь много интереснаго для наблюденій. Мы съ удовольствіемъ будемъ вспоминать этотъ вечеръ.

Недалеко отъ нихъ стоялъ принцъ Вольфенбютельскій и могъ слышать ихъ разговоръ, но Елисавета ничуть этимъ не смутилась. Напротивъ, она прямо указала на него Шетарди и замѣтила:

— А этотъ мой новый женихъ какъ вамъ нравится? У меня былъ бы слишкомъ дурной вкусъ, еслибъ я согласилась на это милое предложеніе. Право, эти люди думаютъ, что у другихъ нѣтъ глазъ, когда сочиняютъ такіе прекрасные проекты—а вѣдь сами то какъ слѣпы! Правительница говорила мнѣ недавно самымъ шутливымъ

и наивнымъ тономъ, что навѣрное скоро будутъ думать, что графъ Линаръ и фрейлина Менгденъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогиней курляндскими—какъ вамъ нравится эта наивность, маркизъ?

Шетарди улыбнулся.

— Да, она шутитъ со мною и любезничаетъ, продолжала Елисавета, но между тѣмъ это не мѣшаетъ ей оскорблять меня. А господинъ Линаръ такъ ко мнѣ относится, что я скоро кажется потеряю всякое терпѣнье. Представьте, на дняхъ былъ здѣсь обѣдъ по случаю дня рожденія императора, принцъ Антонъ и этотъ вотъ не удавшійся его братецъ были посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, а меня посадилъ простой гофмаршалъ!

— Изъ всего этого я заключаю только одно, ваше высочество, проговорилъ Шетарди, что вамъ нужно торопить день торжества вашего.

— Теперь вы кажется на меня не можете пожаловаться, перебила его Елисавета, — теперь я не теряю времени. Посмотримъ, что скажутъ первыя военныя дѣйствія, а здѣшнее мое дѣло идетъ хорошо: моя партія съ каждымъ днемъ увеличивается и—знаете кого я уже могу считать въ числѣ своихъ горячихъ приверженцевъ?—всѣхъ князей Трубецкихъ и принца гессенъ-гамбургскаго,—а это чего нибудь да стоитъ! Къ тому же и въ Ливоніи, какъ мнѣ передали вѣрные люди, всѣ недовольны и Богъ дастъ наше предпріятіе окончится счастливо.

— Желаю этого отъ всей души моей, прошепталъ Шетарди, и очень радъ, что могу сегодня сообщить хорошія вѣсти во Францію.

Елисавета отошла отъ маркиза и по ея прекрасному лицу скользнула улыбка.

«А вѣдь и ты сплетонъ! подумала она,—что тебѣ ни скажи, хоть вздоръ какой угодно, все сейчасъ же и отпишешь, да и со всевозможными прибавленіями! А еще насъ, женщинъ, считаютъ сплетницами—никогда мы не съумѣемъ такъ насплетничать, какъ умѣютъ эти господа дипломаты!..»

IX.

Балъ завершенъ роскошнымъ ужиномъ. Звуки музыки стихли; приглашенные разъѣхались.

Сначала потухли огни въ большой залѣ а, затѣмъ, мало по малу, и всѣ остальныя комнаты стали погружаться въ темноту. Всюду тихо, только порою слышатся шаги дежурныхъ офицеровъ и караульныхъ.

Юліана, проводивъ Анну Леопольдовну въ спальню и нѣжно простившись съ нею, прошла въ свои комнаты.

— Мнѣ ничего не нужно, оставьте меня!—сказала она дожидавшимся ее дежурнымъ камеристкамъ, и когда онѣ вышли молча поклонившись ей, заперла двери на ключъ и нѣсколько минутъ стояла посреди комнаты.

Комната эта была обширная, роскошно убранная, ничѣмъ почти не уступавшая будуару правительницы.

Между двумя окнами, на которыхъ висѣли, спущенныя теперь, тяжелыя бархатныя занавѣски, помѣщалось большое венеціанское зеркало, въ которомъ Юліана видѣла себя во весь ростъ. Немного наискосокъ этого зеркала стоялъ туалетный столъ и на немъ были зажжены восковыя свѣчи въ канделябрахъ.

Юліана подошла къ туалету, присѣла на парчевую табуретку, разстегнула лифъ платья и задумалась.

Вся ея фигура была ярко освѣщена свѣчами.

Немного уставшее, красивое лицо отражалось въ туалетномъ зеркалѣ. Она повернула голову на лѣво и снова встрѣтилась со своимъ отраженіемъ.

Прошло еще нѣсколько мгновеній; она встала, привычнымъ, ловкимъ движеніемъ сняла съ себя платье и осталась у самаго зеркала, невольно любуясь собою. Дѣйствительно она хороша: высокая, стройная; что за чудныя плечи! что за руки! На шеѣ нѣсколько нитокъ крупныхъ жемчуговъ, перепутанныхъ съ алмазами; въ волосахъ алмазы; огромныя серьги изумрудныя.

Она стала одно за другимъ снимать эти украшенія

и класть ихъ въ довольно большую шкатулку, стоявшую на туалетѣ. Шкатулка драгоцѣнная, вывезенная изъ чужихъ краевъ и поднесенная ей недавно Линаромъ. Вся она полна драгоцѣнностей, которыя щедро надарила своему другу Анна Леопольдовна. Есть тутъ и другіе подарки, подарки людей, которымъ Юліана сослужила какую нибудь большую службу, за которыхъ заступилась передъ правительницей, которымъ устроила выгодныя дѣла, блестящія назначенія.

Знаетъ Юліана, что есть у нея и другая шкатулка, въ которой лежатъ не каменья самоцвѣтные, а то, на что можно накупить много этихъ каменьевъ. Чуть не съ каждымъ днемъ все прибываетъ и прибываетъ казна Юліаны. Это тоже и знаки дружбы правительницы и приношенія людей благодарныхъ. Вотъ и сегодня, по ея милости, выданы двѣ звѣзды орденскія, обѣщаны искателямъ три видныя, доходныя мѣста по службѣ—и за все это Юліана опять конечно получитъ благодарность. Наканунѣ она ѣздила съ правительницей осматривать домъ, который ей подаренъ для будущей ея семейной жизни. Работы въ этомъ домѣ уже приближаются къ концу. Мебель и всѣ вещи поражаютъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ: Анна Леопольдовна ничего не жалѣетъ для своего друга. Серебра такъ много, что врядъ-ли и на половину есть столько у самыхъ богатѣйшихъ русскихъ сановниковъ. Всѣ эти деньги, всѣ эти богатства, прежде принадлежали Бирону, послѣ ареста его были конфискованы правительницей и теперь находятся въ рукахъ ея. Никакъ не меньше половины она назначала ей, Юліанѣ, и Линару; изъ другой половины большая часть уже тайно выслана Анной Леопольдовной отцу ея, герцогу Мекленбургскому. Почти на двѣсти тысячъ однихъ бриліантовъ у Юліаны да и у Линара столько же. Два подарка, которыми размѣнялись женихъ съ невѣстой стоятъ пятдесятъ тысячъ...

Не одно богатство принесла Юліанѣ ея вѣрная дружба къ правительницѣ—вѣдь всѣ, всѣ знаютъ какою силою

она пользуется, знаютъ, что эта сила съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться. Нѣтъ такого желанія, такого каприза, котораго бы не могла исполнить Юліана! Блескъ, богатство, почетъ, молодость, красота — вѣдь это счастье! Отчего же вотъ она стоитъ передъ зеркаломъ, стоитъ не шевелится и уже не любуется на себя? Ея густыя рѣстницы опущены, со щекъ сбѣжала краска... въ рукѣ жемчужное ожерелье — но она забыта о немъ. И вотъ безсильно разгибаются ея пальцы и ожерелье падаетъ на коверъ и она не замѣчаетъ этого.

О чемъ она думаетъ? и отчего такъ сжаты ея красивыя, пунцовыя губы? отчего сдвинуты дугою выведенныя брови и на всемъ лицѣ печать какой то грусти, чего то тяжелаго? У нея есть все, все, о чемъ когда то снилось и грезилось честолюбивой дѣвушкѣ, все, что должно было принести съ собою вѣчную радость, веселье, счастье—всѣ мечты исполнились, а счастья нѣтъ и, напротивъ, съ каждымъ днемъ оно уходитъ дальше и дальше.

Бывало, и еще не такъ давно, она веселилась, ни о чемъ не грустила, ни о чемъ не задумывалась. Она радовалась каждой малѣйшей удачѣ, наслаждалась и хвалилась сама передъ собою своей ролью. Ей пріятно было видѣть, что каждый ея совѣтъ, данный Аннѣ Леопольдовнѣ, исполняется. Ей пріятно было убѣждаться, что она безъ всякихъ усилій со своей стороны и безъ всякихъ жертвъ можетъ устраивать дѣла, чуть ли не судьбу, многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Все это ее занимало и тѣшило—но теперь, съ нѣкотораго времени, не стало уже этой забавы. Вотъ прежде она любила и наряды и красоту свою, слѣдила за тѣмъ, какъ эта красота съ каждымъ днемъ развивается, дѣлается все пышнѣе и пышнѣе. Но теперь она только по привычкѣ смотрится въ зеркало. Право иной разъ готова даже позабыть о своей прическѣ, о туалетѣ, готова повязаться простымъ бѣлымъ платочкомъ, какъ и Анна Леопольдовна, и весь день ходить въ широкой блузѣ.

Что это за лѣто такое выдалось несчастное!..

Ужъ не отрава ли заключалась въ той привозной минеральной водѣ, которую пила она каждое утро во время прогулокъ Анны Леопольдовны и Линаря по аллеямъ запертаго ото всѣхъ лѣтняго сада?

Да, отрава была въ этой водѣ и прогулкахъ. Сначала стала одолѣвать ее скука, такъ, какая то безпричинная скука, а потомъ и тоска захватила. Чего жь ей нужно? Она не разъ сама себѣ задавала вопросъ этотъ, перебирала все и ничего не находила. Все есть—ничего не нужно, а между тѣмъ такое рѣшеніе не уничтожало тоски и скуки, а напротивъ усиливало ихъ. Можетъ быть ее смущаетъ то что весь этотъ почетъ, который окружаетъ ее, всѣ эти льстивыя фразы, которыя она выслушиваетъ,—не искренни, что у нея мало надежныхъ друзей, дѣйствительно ее любящихъ, что придетъ черный день и всѣ тѣ, которые теперь преклоняются передъ нею, отвернутся и забросаютъ ее грязью. Но нѣтъ, она объ этомъ не думаетъ. Она еще не предвидитъ себѣ чернаго дня, и до людской искренности, до людской любви ей нѣтъ никакого дѣла; сама она очень немногихъ любитъ. Несмотря на свою молодость она знаетъ цѣну людямъ, не ждетъ и не проситъ отъ нихъ многаго.

Что же, надоѣла ей дружба правительницы, ищетъ она большей свободы? тяжело ей все свое время отдавать Аннѣ Леопольдовнѣ, быть ея тѣнью? Нѣтъ, по прежнему любитъ она своего друга и конечно не можетъ ни въ чемъ упрекнуть Анну Леопольдовну. Что же это такое? страсть что ли заглянула въ ея сердце? Но кажется никто ей особенно не нравится, никогда въ ея юныхъ дѣвическихъ мечтахъ не было до сихъ поръ никакого мужскаго образа. Она выросла въ дворцовыхъ интригахъ и давно уже сказала себѣ, что всякая идеальная любовь—вздоръ и дѣтское заблужденіе. Да и кого же наконецъ полюбить ей? Некого, какъ есть некого!...

А между тѣмъ она все стоитъ передъ венеціанскимъ зеркаломъ, все ниже и ниже опускается голова ея на

высоко поднимающуюся грудь и вотъ тихія слезы капаютъ изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Боже мой, что за мученье! почти громко произноситъ она и въ отчаяніи ломаетъ руки.

Да, страсть закралась въ ея сердце, нежданно, негаданно закралась. Напрасно смѣялась она надъ любовью и считала ее вздоромъ — природа взяла свое и разомъ разлетѣлись всѣ соображенія, разсудокъ замолчалъ. Съ каждымъ днемъ все глубже проникала въ нее отрава.

Что же тутъ страннаго? Когда же и любить какъ не въ ея годы, и ей ли бояться страсти? Она такъ молода, такъ хороша, такъ всемогуща — кто ее не полюбитъ? кто не почтетъ себя счастливымъ услышать изъ устъ ея признаніе? Она невѣста, она скоро будетъ женою!—но что жь такое, ея женихъ, ея будущій мужъ не смѣетъ требовать отъ нея любви—онъ обязанъ дозволить ей любить кого угодно.

Конечно все это не такъ, какъ у добрыхъ людей дѣлается, но совѣсть не можетъ упрекать ее—на такія дѣла нѣтъ у нея совѣсти — слишкомъ много было съ дѣтства дурныхъ примѣровъ, въ слишкомъ странныхъ и развращенныхъ понятіяхъ она воспиталась. Или можетъ быть несмотря на это воспитаніе, несмотря на все, вдругъ истина озарила ее и позорной, унизительной вдругъ показалась ей ея роль, страшнымъ и грязнымъ то дѣло, на которое она рѣшилась? можетъ быть откуда то, изъ далекой глубины дѣтскихъ воспоминаній, встали другія понятія? Нѣтъ, ничего этого не случилось съ Юліаной, не пришла къ ней великая минута, когда сразу проясняются мысли, очищается сердце; не отъ угрызеній совѣсти, не отъ ужаса передъ тѣмъ путемъ, по которому идетъ, она такъ терзается. Ея страстное чувство приноситъ ей такое мученье. Она тоскуетъ, она страдаетъ потому, что судьба сыграла съ ней злую шутку, потому что любитъ то она своего жениха, своего будущаго законнаго мужа — графа Линара!...

Когда, какимъ образомъ пришло это незванное, ужасное

чувство? какъ могла она допустить его и поддаться ему? — она ничего не знаетъ.

Быть можетъ оно закралось въ нее незамѣтно—вѣдь она давно ужъ, задолго до пріѣзда Линара, обязана была часто о немъ думать, по цѣлымъ часамъ говорила о немъ съ Анной Леопольдовной, по цѣлымъ часамъ выслушивала всевозможныя похвалы ему, присутствовала при всѣхъ сокровеннѣйшихъ мечтаніяхъ о немъ влюбленной принцессы. Быть можетъ невольно послѣ этихъ разговоровъ возвращались къ нему ея мысли.

И вотъ онъ наконецъ явился. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ молодыхъ людей, которые ее окружали, и которые казались ей, гордой, самолюбивой и холодной дѣвушкѣ, такими ничтожными. Да онъ и не былъ молодымъ человѣкомъ. Онъ носилъ на себѣ отпечатокъ долгихъ лѣтъ какой то таинственной, заманчивой, исполненной всевозможныхъ приключеній жизни; его разсказы были полны совершенно новаго интереса; онъ видѣлъ многое такое, чего не знала Юліана. Незамѣтно для себя самой она съ каждымъ разомъ слушала его внимательнѣе, ей все веселѣе и веселѣе становилось въ его присутствіи, наконецъ видѣть его стало ея потребностью.

При встрѣчѣ съ нимъ ея глаза разгорались, но она не придавала этому никакого значенія, не обращала на все это ни малѣйшаго вниманія, ни разу не задумалась надъ своими новыми ощущеніями. Она все еще какъ то не отдѣляла себя отъ Анны Леопольдовны, какъ то сливалась съ нею и даже можетъ быть первые признаки своего чувства принимала за отраженіе на себѣ радости и счастія своего друга.

И долго ничего бы она не замѣтила еслибъ не суждено ей было стать къ Линару въ новыя и совершенно особенныя отношенія. Придумавъ вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной знаменитую «комбинацію» она еще ничѣмъ не смущалась, не могла подозрѣвать какую пропасть сама себѣ вырываетъ этой комбинаціей. Но вотъ Линаръ ея женихъ — они вмѣстѣ рѣшили что нужно играть комедію, что

нужно отводить глаза постороннимъ. И хоть конечно никому не могли отвести глазъ, но комедія начала разыгрываться.

Въ обществѣ Линаръ считалъ своей обязанностью держаться возлѣ Юліаны, заглядывать нежно ей въ глаза, имѣть видъ влюбленнаго. И онъ, привыкшій къ игрѣ, очень ловко исполнялъ свою роль: его глаза останавливались на ней дѣйствительно съ выраженіемъ нѣжности. Какъ увлекающійся актеръ онъ иногда даже шелъ дальше: онъ и безъ постороннихъ нерѣдко крѣпко пожималъ ея руку. Быть можетъ эта близость красивой, молодой дѣвушки и на него дѣйствовала отчасти, быть можетъ — и очень даже вѣроятно — что онъ не безъ удовольствія пожималъ ея руку и, не смотря на свои нѣжныя отношенія къ принцессѣ, вовсе былъ не прочь — разъ ужь помирившись съ мыслью о неизбѣжной женидьбѣ—имѣть женою Юліану. Но во всякомъ случаѣ онъ не думалъ что его нѣжные взгляды могутъ для нея что нибудь значить. Онъ ни разу не сказалъ себѣ что относительно ее ему нужно быть до крайности осторожнымъ—да и чего придерживаться было нужно въ такихъ неестественныхъ, въ такихъ искуственныхъ отношеніяхъ? Тутъ все съ первой минуты, выходило какъ то дико, невозможно, такъ дико и невозможно, что только эти люди, съ дѣтства душевно и умственно изолгавшіеся, могли выносить подобное положеніе.

Когда Юліана въ первый разъ сознала свое чувство и назвала его по имени, она пришла въ неописанный ужасъ. Она повторяла себѣ: «нѣтъ, это не правда! этого не можетъ быть! этого не будетъ!» Она напрягала всѣ свои силы чтобы не думать о Линарѣ, забыть его присутствіе, и никакъ не могла этого. Она пробовала его ненавидѣть, даже достигла ненависти, но ненависть не уничтожала любви, сливалась съ нею и доводила ее до отчаянія, до тоски, до изнеможенія. И эти мучительныя ощущенія возрастали съ каждымъ днемъ, и она сама себя наконецъ неузнавала. Она думала, думала какъ бы

выйти ей изъ этого ужаснаго положенія: то рѣшалась все разсказать Аннѣ Леопольдовнѣ, отказать Линару, куда нибудь скрыться, хоть на время — но сейчасъ же и понимала невозможность подобнаго рѣшенія.

Какъ отказаться отъ всего что ее окружаетъ, отъ всего этого блеска, этой силы — нѣтъ ни за что, ни за что!

Что же дѣлать? Въ ней поднималась вдругъ ненависть ко всѣмъ и ко всѣму, даже къ Аннѣ Леопольдовнѣ. Она проклинала и Линара и ее, но сейчасъ же и останавливала себя на этихъ проклятіяхъ. Чѣмъ же виновата принцесса? развѣ не она сама, Юліана, подала ей первую мысль объ этомъ бракѣ, развѣ не сама она, еще нѣсколько времени тому назадъ, не находила въ немъ ничего ужаснаго и напротивъ считала его единственнымъ исходомъ многихъ очень серьезныхъ затрудненій.

Чѣмъ же виновата Анна?! повторяла она себѣ и бросалась къ ней, и горячо ее обнимала, и чувствовала что любитъ ее по прежнему. Но вотъ входилъ Линаръ, все лицо Анны Леопольдовны разцвѣтало счастьемъ, Линаръ тоже выказывалъ всѣ признаки нѣжности, шепталъ сладкія фразы и Юліана едва могла владѣть собой. Капли холоднаго пота выступали на лбу ея, она то блѣднѣла, то краснѣла. Ненависть, любовь, ревность, мѣшали ей дышать. Ничего почти не видя передъ собою она выходила изъ комнаты, бросалась къ себѣ и долго, долго, неудержимо и безнадежно рыдала, спрятивъ лицо въ подушки.

«Онъ виноватъ, онъ, зачѣмъ онъ меня обманываетъ, зачѣмъ, когда никто не глядитъ на насъ, онъ такъ крѣпко сжимаетъ мою руку? какъ смѣетъ говорить онъ о нашей будущей жизни?!... А вдругъ онъ меня любитъ?! мелькала у ней безумная мысль, вдругъ онъ меня любитъ, вдругъ будетъ наше счастье... но чтожь тогда съ нею то, съ Анной, вѣдь это убьетъ ее!»

И Юліана хватала себя за голову и чувствовала что мысли ея останавливаются, что она готова съ ума сойти

отъ этихъ путающихся и ничего не выясняющихъ мыслей.

«Да, я заставлю его любить себя. Онъ долженъ любить меня. Развѣ я не хороша? развѣ я не умна? развѣ я похожа на вещь, которою можно воспользоваться когда это нужно и потомъ вышвырнуть за окошко? чтожь они думаютъ? Они думаютъ, что будутъ играть мною (она совсѣмъ забывала что сама придумала эту игру и до сихъ поръ не находила въ ней ничего для себя обиднаго), нѣтъ, я заставлю его любить меня! Онъ будетъ любить меня—и вотъ тогда то я припомню ему всѣ эти мои мученья! О, какъ я сама его измучаю!».

Но въ эту минуту входила Анна Леопольдовна, изумлявшаяся ея долгому отсутствію, обнимала ее и цѣловала.

— Юліана, что съ тобою, зачѣмъ ты насъ оставила? Пожалуйста вернись къ намъ, а то всѣ замѣтятъ что тебя нѣтъ, что ты одна у себя, а я съ женихомъ твоимъ. Юліана, ты кажется плакала, у тебя глаза красны— что съ тобою, скажи мнѣ, моя дорогая?

И Анна Леопольдовна нѣжно заглядывала къ ней въ лицо, и покрывала ее поцѣлуями.

— Ничего, ничего, право это тебѣ показалось, просто я что то устала, шептала Юліана.

Принцесса отходила отъ нея, опускалась въ кресло и вдругъ, хватаясь руками за голову, страстнымъ, порывистымъ голосомъ говорила:

— О, Юліана, еслибъ ты знала какъ я люблю его!

И все это повторялось чуть ли не каждый день. Нужна была необыкновенная сила воли, которою обладала молодая дѣвушка, чтобы выносить это ужасное положеніе и скрывать ото всѣхъ свои чувства.

Еслибъ Анна Леопольдовна могла внимательнѣе взглянуть на своего друга, такъ отъ нея то конечно ужъ ничего не ускользнуло бы, но Анна Леопольдовна думала только о себѣ и о Линарѣ и ей ни разу не пришла въ голову мысль о томъ, что у ней есть такая страшная соперница.

Во всякомъ случаѣ дѣла не могли идти долго такимъ образомъ; чѣмъ нибудь нужно было кончить. И Юліана знала, что она долго не вынесетъ, что она можетъ быть рѣшится, неожиданно для самой себя, на что нибудь такое, въ чемъ потомъ будетъ очень раскаиваться. Но явилось одно обстоятельство, которое помогло ей по-крайней мѣрѣ временно отстранить развязку: Линаръ уѣзжалъ въ Дрезденъ, какъ объ этомъ уже заранѣе было условлено между нимъ и правительницей. Его отъѣздъ назначенъ черезъ два дня.

«Пускай, пускай онъ уѣзжаетъ скорѣе!—отчаянно повторяла себѣ Юліана, очнувшись и раздѣваясь, пускай онъ уѣзжаетъ, подальше, не то я съ ума сойду.»

Она потушила канделябры, прошла въ спальню, но почти всю ночь не могла сомкнуть глазъ и все плакала, все металась на постели. Однако на другое утро она вышла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, по обыкновенію спокойная и привѣтливая, и конечно никто бы не повѣрилъ, еслибъ разсказать, какую страшную ночь провела она.

X.

Анна Леопольдовна день за день откладывала отъѣздъ Линара. Постоянно передавала она и пересылала ему всевозможные роскошные подарки. Все это онъ принималъ какъ должное, но наконецъ и самъ увидѣлъ, что пора ѣхать и именно для того, чтобъ скорѣе окончить всѣ необходимыя дѣла и вернуться обратно въ Петербургъ для новой и счастливой жизни. Теперь ему нечего опасаться за свою участь — во время его отсутствія ничего не можетъ произойти для него дурнаго, онъ окончательно укрѣпился, онъ никого не боится.

Вернувшись обратно въ Петербургъ и отпраздновавъ свою свадьбу съ Юліаной онъ начнетъ дѣятельную жизнь, онъ заберетъ все и всѣхъ въ руки и будетъ по своему управлять обширнымъ и невѣдомымъ ему государствомъ.

Примѣръ Бирона, хоть и не разъ приходилъ ему въ голову, но не пугалъ его. «Тотъ поступалъ глупо, необдуманно, неумѣлъ вѣрно разсчитать — потому и пропалъ, думалъ Линаръ,—я буду дѣйствовать совсѣмъ иначе». Его окончательно заколдовало это обаяніе власти, которую онъ почувствовалъ въ рукахъ своихъ. Чтó онъ былъ тамъ, у себя въ Дрезденѣ, гдѣ на него не обращали почти никакого вниманія? Что это была за жизнь, вся состоявшая изъ мелкихъ ничтожныхъ интригъ, преслѣдовавшихъ мелкія ничтожныя цѣли? Вотъ теперь началась жизнь такъ жизнь!

«Нѣтъ, нечего бояться судьбы Бирона! успокоивалъ себя Линаръ. Тотъ во всѣхъ возбуждалъ ненависть, а меня здѣсь такъ всѣ хорошо принимаютъ, такъ любятъ!»

И онъ не могъ догадаться въ своемъ удивительномъ ослѣпленіи, что Бирону показывали постоянно даже гораздо больше любви и уваженія, чѣмъ ему. Онъ, опытный дипломатъ, давно ужъ забывшій, что такое значитъ искренность, серьозно выслушивалъ льстивыя фразы и не понималъ ихъ настоящую цѣну. Онъ не видѣлъ какъ сильна въ окружающихъ, даже теперь, къ нему ненависть, онъ видѣлъ только, что играетъ первостепенную роль, что даже самъ Остерманъ, великій Остерманъ—и тотъ призываетъ его на свои тайныя совѣщанія и почтительно выслушиваетъ каждое его слово. А онъ въ послѣднее время говорилъ много, вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла, съ необыкновеннымъ апломбомъ разсуждалъ о такихъ предметахъ, которые, въ дѣйствительности, были ему вовсе неизвѣстны.

Но какъ ни хороша жизнь здѣсь, все же нужно на время отказаться отъ нея, для того чтобъ потомъ полнѣе ею воспользоваться. Нужно ѣхать. Онъ объявилъ Аннѣ Леопольдовнѣ, что выѣзжаетъ завтра, и что это навѣрное, такъ какъ медлить больше нечего: лучшее же уѣхать скорѣй, чтобъ скорѣй вернуться.

«Линаръ уѣзжаетъ!» Съ этой мыслью проснулась Анна Леопольдовна. Она почти всю ночь не спала: все думала о немъ и плакала. Заснула только подъ утро,

но и во снѣ являлся онъ-же. Ей представлялось будто онъ навсегда отъ нея уѣзжаетъ, будто она провожаетъ его въ могилу, будто онъ убитъ...

Вся облитая холоднымъ потомъ, съ невольно вырвавшимся изъ груди ея крикомъ, проснулась она, въ ужасѣ оглянулась будто боясь и на яву увидѣть его безжизненное тѣло. Но вотъ наконецъ пришла въ себя и сообразила, что все это былъ только сонъ, страшный сонъ, и что нечего пугаться.

«Но онъ уѣзжаетъ! уѣзжаетъ сегодня!» Она поспѣшно стала одѣваться, сердце ея мучительно стучало, на глаза то и дѣло навертывались слезы, которыхъ она даже не имѣла силы скрыть отъ прислуживавшей ей фрейлины.

Раньше обыкновеннаго вышла принцесса изъ своей спальни и стала поджидать друга.

Каждая минута казалась ей часомъ, — наконецъ Линаръ пріѣхалъ проститься съ нею.

Но вѣдь того и жди не дадутъ имъ хорошенько проститься, побыть наединѣ въ послѣднія минуты. Вотъ такъ и есть: являются ненужные люди, но которымъ отказать невозможно, является и самъ принцъ Антонъ.

Онъ любезно здоровается съ Линаромъ. Вообще въ послѣднее время онъ держитъ себя очень сдержанно и изо всѣхъ силъ старается не сталкиваться съ женою въ какомъ нибудь непріятномъ разговорѣ. Онъ такъ измѣнился, онъ такъ спокоенъ и важенъ, что Аннѣ Леопольдовнѣ не разъ приходила мысль, ужъ не затѣялъ ли онъ чего нибудь противъ нея.

«Да гдѣ-жь ему! и что онъ можетъ»? успокоивала она себя и отгоняла подобныя мысли.

— И такъ вы ѣдете, графъ? сказалъ принцъ Антонъ, пожимая руку Линару. Дай Богъ, чтобъ мы встрѣтились снова при хорошихъ обстоятельствахъ, чтобъ эта война обратилась въ нашу пользу и главное, чтобъ мы всѣ вполнѣ успокоились относительно извѣстной особы.

Подъ извѣстною особой подразумѣвалась цесаревна Елисавета.

— Отъ извѣстной особы было бы легко отдѣлаться, еслибъ захотѣли слушаться моихъ совѣтовъ, отвѣтилъ Линаръ. Я еще вчера у графа Остермана доказывалъ необходимость рѣшительнаго и немедленнаго поступка съ нею. Что она принимаетъ участіе въ шведскихъ дѣлахъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, слѣдовательно нужно подвергнуть допросу ее и всѣхъ къ ней приближенныхъ. Я совершенно увѣренъ, что подобный допросъ если и не раскроетъ прямо всего, то во всякомъ случаѣ наведетъ на слѣдъ весьма важныхъ открытій. Я не говорю, что съ нею нужно поступить очень жестоко—нѣтъ, зачѣмъ же! но все же, основываясь на томъ, что она принимаетъ участіе въ проискахъ враговъ Россіи, ее необходимо заставить формально отречься отъ престола. Народъ ничего не можетъ сказать противъ этого — особа, подстрекающая чуждое государство на войну съ Россіей, не можетъ разсчитывать на симпатіи своихъ соотечественниковъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣетъ права царствовать надъ ними.

— Конечно, конечно, вы правы! быстро перебилъ принцъ Антонъ. И еслибъ только отъ меня зависѣло, я непремѣнно послѣдовалъ бы вашему совѣту. Но дѣло въ томъ, что другіе этого не понимаютъ и сами навязываются на страшныя опасности.

Онъ взглянулъ на жену: что она скажетъ?

Анна Леопольдовна сидѣла блѣдная съ покраснѣвшими и опухшими отъ слезъ глазами.

— Нѣтъ, ничего этого нельзя сдѣлать, тихо и печальнымъ голосомъ проговорила она. Еслибъ мы и избавились отъ нея, то все же это ни къ чему не повело бы, опасность не уменьшилась бы—развѣ тамъ, въ Голштиніи, не живетъ чертенокъ — припомнила она выраженіе покойной императрицы,—онъ всегда будетъ мѣшать нашему спокойствію.

И проговоривъ это Анна Леопольдовна сейчасъ же

забыла и о чертенкѣ и о цесаревнѣ и о всей Россіи. Какое ей дѣло до всѣхъ этихъ ихъ опасеній въ такую ужасную минуту: — онъ уѣзжаетъ, чего-жь это они всѣ торчатъ здѣсь? Чего не уходятъ? Вѣдь не могу же я такъ съ нимъ проститься?!...

Но заставить всѣхъ выйти не было никакой возможности.

Анна Леопольдовна взглянула на Юліану, та сидѣла неподвижно, тоже вся блѣдная, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Воспользовавшись оживленнымъ разговоромъ, завязавшимся между присутствовавшими, Анна Леопольдовна подошла къ ней и шепнула:

— Выйди и вызови его къ себѣ — у тебя мы простимся.

Юліана поднялась машинально и, остановившись посреди комнаты, обратилась къ Линару:

— У меня очень голова болитъ сегодня, сказала она глухимъ голосомъ, когда вы будете свободны, придите проститься.

Линаръ взглянулъ на нее, поразился ея блѣдностью, страннымъ выраженіемъ лица ея.

— Иду слѣдомъ за вами, дорогая Юліана, проговорилъ онъ.

Она почти шатаясь вышла изъ комнаты.

— Вотъ какъ васъ любитъ ваша невѣста, неестественно смѣясь сказалъ принцъ Антонъ. Ее просто не узнать сегодня, такъ она огорчена разлукой съ вами.

Линаръ ничего не отвѣтилъ на это, а Анна Леопольдовна вспыхнула и закусила губы.

Она подошла къ Линару и сказала:

— У меня есть дѣло, и я должна теперь съ вами проститься. Желаю вамъ счастливаго пути, возвращайтесь скорѣе.

Линаръ почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку и правительница вышла.

Передъ посторонними она еще сдерживалась, но когда

появилась въ будуарѣ Юліаны, обойдя корридорами, соединявшими ея покои съ покоями фрейлины Менгденъ, ужъ не была въ силахъ владѣть собою. Слёзы градомъ полились изъ глазъ ея, она упала въ кресло и рыдала до тѣхъ поръ, пока въ комнату не вошелъ Линаръ.

При его входѣ Юліана вышла и заперла за собою дверь.

Онъ остановился передъ Анной Леопольдовной. Ему было неловко—эти слезы и рыданія казались ему излишними. Самъ онъ не особенно скорбѣлъ отъ предстоявшей разлуки—его чувство къ Аннѣ Леопольдовнѣ подогрѣвалось искуственно. Когда то, въ первое свое пребываніе въ Россіи, онъ дѣйствительно искренно увлекся пятнадцатилѣтней дѣвочкой, глядѣвшей на него влюбленными глазами, но теперь эта черезъ чуръ сентиментальная привязанность ему начинала надоѣдать порядкомъ.

— Успокойтесь, ради Бога, заговорилъ онъ наконецъ, цѣлуя руку Анны Леопольдовны. Право можно подумать, что мы разстаемся навсегда. Вѣдь я вернусь скоро, и не замѣтите, какъ пройдетъ это время.

— Да мнѣ все такіе страшные сны снятся, сквозь рыданіи прошептала принцесса. У меня ужъ не первый день все какое-то предчувствіе, которое меня мучаетъ, не даетъ мнѣ покоя: мнѣ все кажется, что вы не вернетесь, что мы никогда не увидимся. Боже мой! мало ли что можетъ быть! Кто поручится, что дороги безопасны. Путешествіе такое длинное... Достаточно ли людей съ вами?

— Относительно этого не безпокойтесь — я вполнѣ убѣжденъ, что доѣду благополучно.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, онъ всѣми мѣрами старался ее успокоить, но это ему не удавалось. Она все рыдала, все повторяла о своихъ предчувствіяхъ, такъ что наконецъ ему сдѣлалось совершенно невыносимымъ это свиданіе.

— Пора! Пора намъ разстаться, наконецъ сказалъ

онъ,—я и такъ опоздалъ, меня давно ждутъ... надо уѣзжать.

— Какъ? ужъ уѣзжать!.. почти безумнымъ голосомъ проговорила она.

— Что-жь дѣлать! Онъ опустилъ глаза и протянулъ ей руки.

Вся обливаясь слезами, рыдая и произнося несвязныя фразы простилась она съ нимъ и чувствуя, что такъ не будетъ въ силахъ отпустить его, выбѣжала изъ комнаты.

Онъ остался одинъ и ждалъ Юліану.

Вотъ она вошла въ будуаръ и тихо къ нему приблизилась.

Онъ взглянулъ на нее.

Какое странное лицо! она никогда еще не была такая. Она глядитъ на него не отрываясь и ему жутко становится отъ этого взгляда.

— Прощайте, Юліана, сказалъ онъ, протягивая ей руку.

Она дала ему свою.

Ея рука была холодна и дрожала.

Вдругъ она отшатнулась отъ него, блеснула передъ нимъ глазами. Что-то мгновенное, какъ будто какая то электрическая искра, пробѣжало по ней.

Прошло нѣсколько мгновеній, они не говорили ни слова... Она ступила шагъ впередъ, положила ему на плечи свои руки и задыхающимся голосомъ, едва шевеля своими пересохшими губами, прошептала:

— Линаръ, увезите меня съ собою... ѣдемъ вмѣстѣ! Никогда не вернемся сюда... забудемъ все... Тамъ, гдѣ нибудь, мы будемъ счастливы!

Ему показалось, что она сошла съ ума. А она все не выпускала его и продолжала впиваться въ него своими горящими глазами и шептала:

— Линаръ—одно слово... говорите!

— Успокойтесь, Юліана, я не понимаю что съ вами!.. что вы говорите?! Или вы смѣетесь надо мною? Но зачѣмъ провожать меня такой шуткой?

— Шуткой!!.. отчаянно вскрикнула она и, пошатнувшись, безъ чувствъ упала на полъ.

Ея крикъ услышали въ сосѣднихъ комнатахъ. Сбѣжались служанки и кое какъ привели ее въ чувство.

Линаръ, смущенный, начинавшій понимать въ чемъ дѣло, но все еще не совсѣмъ вѣрящій этой неожиданной для него догадкѣ, стоялъ не шевелясь пока не увидѣлъ, что она пришла въ себя. Тогда онъ тихонько вышелъ изъ комнаты и поспѣшилъ къ себѣ домой, гдѣ ужъ давно дожидался приготовленный для его путешествія поѣздъ.

XI.

Принцъ Антонъ и Остерманъ очень радовались отъѣзду Линара, думали что теперь имъ станетъ свободнѣе и легче, что они успѣшнѣе начнутъ достигать исполненія своихъ плановъ.

Они побаивались Линара, какъ человѣка далеко не глупаго, энергичнаго и проницательнаго, — съ его отъѣздомъ они избавлялись отъ зоркихъ глазъ, слѣдившихъ за ихъ дѣйствіями.

Теперь, думали они, отъ вниманія правительницы будетъ ускользать многое, что не могло ускользнуть отъ Линара. Принцъ Антонъ рѣшилъ, что необходимо, пользуясь обстоятельствами, поторопить со днемъ торжества своего и устроить такъ, чтобы Линаръ никогда и не возвратился.

Но и принцъ Антонъ, и Остерманъ ошибались. Ихъ дѣло не подвигалось ни на шагъ — какъ ни старался, какъ ни хитрилъ и ни изловчался старый оракулъ. У нихъ не составлялось партіи, они оставались совершенно одинокими.

Только люди, жившіе въ послѣднее время вдали отъ Петербурга, продолжали считать Андрея Иваныча всемогущимъ и называть его царемъ всероссійскимъ; тѣ же,

кто былъ поближе, кто принималъ участіе въ дворцовой жизни, видѣли, что старый Остерманъ не только что не устроилъ себѣ твердаго положенія, но напротивъ съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе держится. Конечно онъ по прежнему рѣшаетъ самыя важныя государственныя дѣла, по прежнему ему поручаются самыя серьезныя работы—но и только. Настоящей силы у него нѣту, потому что эта сила можетъ произойти только изъ близкихъ отношеній къ правительницѣ, а правительница не только что не дружна съ нимъ, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отъ него отстраняется. Она знаетъ, ей давно это ужъ внушено и Линаромъ и другими, что Остерманъ составляетъ теперь нѣчто нераздѣльное съ ея мужемъ, и конечно она вслѣдствіе этого не можетъ довѣрять ему.

Все что есть русскаго, все это ненавидитъ Остермана; нѣмецкая партія тоже отъ него отшатнулась и примыкаетъ къ правительницѣ и ея приближеннымъ. И что всего страннѣе, что всего непонятнѣе, это то, что Остерманъ не совсѣмъ понимаетъ свое положеніе, что онъ все еще надѣется на возможность благополучнаго и скораго устройства дѣлъ принца Антона.

А между тѣмъ противъ Андрея Иваныча ведутся всякаго рода интриги, мелкіе заговоры даже со стороны такихъ людей, которыхъ подозрѣвать ему и въ голову не приходитъ.

Андрей Иванычъ сидитъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, пишетъ бумагу за бумагой. Потомъ принимаетъ принца Антона, толкуетъ съ нимъ, строитъ планы, ободряетъ его. А въ это время у архіерея Амвросія Юшкевича, занявшаго въ синодѣ мѣсто покойнаго знаменитаго Феофана Прокоповича, ведется оживленный разговоръ объ Андреѣ Иванычѣ.

Собесѣдникъ архіерея—дѣйствительный статскій совѣтникъ Темирязевъ.

Темирязевъ этотъ—человѣкъ не Богъ знаетъ какой, и не Богъ знаетъ какъ способный; напротивъ того, со-

всѣмъ это робкій человѣкъ, думающій только о томъ, какъ бы самому удержаться, какъ бы не попасть въ какую нибудь непріятную исторію, не нажить себѣ бѣдъ и хлопотъ въ теперешнее тяжелое, трудное время, когда не знаешь съ кѣмъ дружить, отъ кого отдаляться.

Темирязевъ часто посѣщаетъ архіерея, съ которымъ знакомъ уже долгіе годы. Сидятъ они теперь за скромнымъ, но вкуснымъ ужиномъ и толкуютъ о дѣлахъ политическихъ, о начавшейся войнѣ со Шведами.

— А кто во всемъ виноватъ? говоритъ архіерей, все онъ же—Остерманъ. Многія неправды творитъ въ государствѣ купно съ супругомъ правительницы... и война эта его же рукъ дѣло. Я на него многократно государынѣ говаривалъ, только ничего изъ этого не выходитъ. Невредимъ онъ остается, ничто не льнетъ къ нему...

— Да и манифестъ о правленіи Анны Леопольдовны вѣдь тоже онъ сочинилъ, замѣчаетъ Темирязевъ.

— Какже, онъ, онъ конечно! Онъ же и регенту помогалъ. Все что ни творится, все отъ него исходитъ, а самъ сухъ изъ воды выбирается...

Темирязевъ сдѣлалъ глубокомысленную физіономію.

— Смотрите, преосвященный, вотъ вы говорите про регента, а вѣдь онъ регента сверсталъ съ правительницей!

— Какъ такъ? Что ты? оживился архіерей, — это интересно! Постой, пойду принесу манифестъ...

И преосвященный, съ живостью, несвойственной его лѣтамъ и положенію, чуть не выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ манифестомъ.

— Покажи, ради Бога, въ которой рѣчи онъ сіе сверстаніе учинилъ?

Темирязевъ раскрылъ манифестъ, нашелъ мѣсто, прочелъ, и точно—вышло что по смыслу манифеста Анна Леопольдовна должна править на томъ же основаніи, какъ и Биронъ.

— Возьми вотъ перо, сказалъ архіерей, да поставь

черту противъ этихъ словъ, чтобы я не забылъ, а то я что-то сталъ безпамятливъ.

Темирязевъ провелъ черту.

— Ну вотъ такъ, хорошо, замѣтилъ архіерей,—завтра же пойду съ этимъ манифестомъ къ государынѣ правительницѣ и покажу ей что все это подлинно Остермана дѣло.

Потолковавъ еще немного Темирязевъ простился съ Юшкевичемъ, а дня черезъ два снова къ нему заѣхалъ узнать какъ идетъ это дѣло.

— Да что дѣло... идетъ дѣло, только не больно шибко, отвѣтилъ преосвященный. Доносилъ я государынѣ обо всемъ—изволила сказать, что очень этимъ всѣмъ обижена, да не только тѣмъ, что съ регентомъ ее сверстали, а и тѣмъ, что дочерей ея обошли. Только я ждалъ, что она будетъ говорить объ Остерманѣ, а она молчитъ— говорю тебѣ: не льнетъ къ нему ничто, да и полно!— такую силу дали. Вотъ есть книга у насъ, «Камень вѣры», чай знаешь?

Темирязевъ кивнулъ головою.

— Ну такъ вотъ эту книгу онъ взялъ да и запечаталъ, и сколько разъ просилъ я государыню, чтобы распечатать приказала ту книгу, а до сихъ поръ ничего не могъ добиться. Мѣшаетъ онъ мнѣ, или самъ, или черезъ принца, да и какъ не мѣшать — посуди ты! онъ намъ всякія каверзы готовъ дѣлать, потому — мы ему противны: не нашего онъ закона. На все россійское духовенство онъ аки левъ лютый, рыкаетъ, безбожникъ! Только нѣтъ, такъ все это оставить невозможно. Скажи ты мнѣ — знаетъ ли тебя фрейлина Менгденова? она въ очень великой у государыни милости, черезъ нее можно орудовать...

— Нѣтъ, не знаетъ она меня, отвѣтилъ Темирязевъ.

— Ну это все равно, а ты все же поди къ ней, худаго отъ этого не будетъ, продолжалъ Амвросій, поди къ ней не мѣшкая и разскажи про манифестъ, про то какъ сравнена великая княгиня съ регентомъ и ту рѣчь

покажи, что у меня отмѣтилъ. И подкрѣпи ей что все это дѣло Остермана; можетъ она будетъ великой княгинѣ на него представлять и та, насъ не послушаетъ, а ее послушаетъ.

Темирязевъ задумался—не въ его характерѣ было въ такія дѣла впутываться. Но онъ находился подъ вліяніемъ Амвросія и тотъ наконецъ такъ съумѣлъ уговорить его, что онъ рѣшился повидаться съ Юліаной и толковалъ только объ одномъ, что нужно это сдѣлать тайно, чтобы никто не могъ провѣдать объ этомъ свиданіи.

— Все это можно, сказалъ архіерей, я пошлю съ тобой моего келейника, онъ тебѣ покажетъ крыльцо, откуда ты прямо можешь пройти къ самой спальнѣ фрейлины.

Такъ и сдѣлали. Темирязевъ отправился со служкой, и Юліана, ужъ давно привыкшая ко всевозможнымъ интригамъ, таинственности и неожиданнымъ посѣщеніямъ, немедленно приняла его.

Онъ былъ очень смущенъ неловкостью своего положенія, началъ, заикаясь и со всевозможными отступленіями, объяснять фрейлинѣ въ чемъ дѣло.

Но она почти съ первыхъ же словъ его перебила.

— У насъ все это есть, мы все знаемъ, сказала она, а затѣмъ отправилась къ правительницѣ.

Темирязевъ въ смущеніи дожидался. Она вернулась черезъ нѣсколько минутъ и сказала ему, чтобъ онъ сходилъ къ Головкину и спросилъ его отъ имени Анны Леопольдовны, написалъ ли онъ то, что ему было приказано и если написалъ, то привезъ бы. Самъ же Темирязевъ долженъ былъ показать Головкину манифестъ и, выслушавъ, что тотъ на это скажетъ, вернуться обратно.

Робкій дѣйствительный статскій совѣтникъ, неожиданно попавшій въ дѣятели и заговорщики, и радъ былъ бы отъ всего отказаться, вернуться преспокойно домой. Но уже сдѣлать это было невозможно и онъ отправился къ Головкину.

Тотъ взялъ манифестъ, прочелъ и сказалъ:

— Мы про это давно вѣдаемъ. Я государынѣ объ этомъ доносилъ обстоятельно, а написано или нѣтъ то, что мнѣ приказано — такъ скажи ты фрейлинѣ, что я самъ завтра буду во дворецъ.

Съ этимъ отвѣтомъ Темирязевъ направился къ Юліанѣ.

Тѣми же таинственными путями вошелъ онъ въ ея будуаръ и оторопѣлъ: передъ нимъ очутилась не Юліана, а сама правительница.

— Что съ тобой говорилъ Михайло Гавриловичъ? сразу спросила Анна Леопольдовна, почти не отвѣтивъ на его поклонъ.

Темирязевъ передалъ ей слова Головкина.

— Мнѣ не такъ досадно, снова заговорила принцесса, что меня сверстали съ регентомъ, досадно то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли. Поди ты напиши, такимъ манеромъ какъ пишутся манифесты, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станетъ и братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству. Въ другомъ манифестѣ напиши, что если такимъ же образомъ государя не станетъ, то чтобы наслѣдницей быть мнѣ.

Темирязевъ стоялъ ни живъ ни мертвъ—весь даже похолодѣлъ отъ ужаса.

Вотъ къ чему привели его эти дружескія бесѣды съ архіереемъ! Потолковать за ужиномъ о злостныхъ дѣйствіяхъ Остермана онъ могъ, и даже съ удовольствіемъ, пожелать этому Остерману всего дурнаго — тоже было дѣломъ не труднымъ, но вдругъ самому писать манифесты — да еще и не одинъ, а два — это ужъ совсѣмъ другое!

— Да какже это я, ваше высочество, писать буду?! прошепталъ онъ, не смѣя взглянуть на Анну Леопольдовну.

— Какъ писать будешь?! воскликнула она,—а такъ какъ всегда это пишется, что жь тутъ такого? Чего ты

боишься? Вѣдь ты присягалъ государю, присягалъ что будешь мнѣ послушенъ?

— Присягалъ, запинаясь отвѣтилъ Темирязевъ.

— Ну такъ если присягалъ, то и помни присягу, поди и сдѣлай какъ я говорю тебѣ, а сдѣлавъ отдай фрейлинѣ. Только никому, какъ есть никому не моги и заикнуться объ этомъ, помни о головѣ своей! закончила Анна Леопольдовна довольно грозно и вышла изъ комнаты.

Темирязевъ сталъ было дожидаться Юліаны, чтобы какъ нибудь выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія, упросить ее, чтобъ съ него снято было такое неожиданное и тяжелое порученіе.

Но сколько онъ ни ждалъ, фрейлина не показывалась.

Наконецъ онъ вышелъ изъ дворца и направился къ себѣ, рѣшительно не зная какъ будетъ писать эти манифесты. Самъ онъ манифестовъ ни за что написать не съумѣетъ, слѣдовательно нужно обратиться къ какому нибудь способному на то человѣку.

Онъ, не долго разсуждая, свернулъ въ сторону, отправился къ секретарю иностранной коллегіи Познякову и, предварительно взявъ съ него самыя страшныя клятвы въ сохраненіи тайны, разсказалъ ему въ чемъ дѣло и умолялъ выручить его, ради Бога.

— Что же тутъ дѣлать, отвѣчалъ Позняковъ: — не робѣй, нынче много непорядковъ происходитъ. Да коли это приказано отъ правительницы, то сдѣлать надобно.

— Сдѣлай ты, напиши пожалуйста! упрашивалъ Темирязевъ.

— Хорошо, для друга готовъ, напишу, и въ черкѣ завезу къ тебѣ.

Позняковъ сдержалъ слово: въ ту же ночь пріѣхалъ съ манифестами, а Темирязевъ немедленно отвезъ ихъ Юліанѣ.

Этимъ покуда роль его и кончилась.

Правительница оставила манифесты у себя, на дру-

той день призвала Остермана и спросила его: какимъ образомъ случилось, что въ учрежденіи о наслѣдствѣ не упомянуто о принцессахъ, которыя всегда бываютъ въ Россіи наслѣдницами за неимѣніемъ принцевъ.

И спросила это она такимъ тономъ, по которому Остерманъ долженъ былъ сразу заключить, что она считаетъ его главнымъ виновникомъ этого обиднаго для нея упущенія.

— Это нужно исправить, продолжала правительница, — да, непремѣнно подумайте, какъ бы это исправить! Вонъ ужъ приходилъ ко мнѣ Темирязевъ и объявилъ что объ этомъ и въ народѣ толкуютъ.

Остерманъ сказалъ что подумаетъ и на другой день прислалъ Аннѣ Леопольдовнѣ письмо такого содержанія:

«Понеже то извѣстное дѣло важно, то не прикажете ли о томъ съ другими посовѣтывать, а именно съ княземъ Черкасскимъ и архіереемъ новгородскимъ».

Правительница отвѣтила ему тоже письменно, что кромѣ этихъ лицъ надобно призвать къ совѣщанію и графа Головкина, потому что это дѣло отъ него происходитъ.

Остерманъ послалъ за Головкинымъ. Они потолковали и рѣшили собраться снова вмѣстѣ съ Черкасскимъ и Амвросіемъ Юшкевичемъ.

Но неожиданно и быстро надвинувшіяся событія помѣшали имъ исправить это «упущеніе въ манифестѣ»...

Война со шведами продолжалась и началась для русскихъ успѣшно: шведы разбиты были при Вильманштрандѣ.

Во дворцѣ ликовали. Приверженцы Елисаветы опустили головы и сама она впала въ тяжкое раздумье.

— Что жъ это за союзники! говорила она своимъ приближеннымъ. Что жъ это вамъ за помощь! Нолькенъ обманулъ: ровно ничего не сдѣлалъ что обѣщалъ—герцога Голштинскаго нѣтъ при шведской арміи, нѣтъ манифеста, что шведы дѣйствуютъ въ пользу потомства

Петра Великаго. А безъ этого манифеста конечно наши будутъ идти впередъ и побѣждать...

Елисавета послала Лестока къ маркизу де-ла-Шетарди узнать отъ него всѣ подробности о Вильманштрандской битвѣ.

Шетарди отвѣчалъ, что тревожиться пока нечего и ужъ вовсе не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе отъ первой неудачи. Шведовъ было мало и къ тому же весьма трудно сдѣлать сразу все, что было условлено съ Нолькеномъ.

— Пусть лучше принцесса сама дѣйствуетъ теперь энергично, сказалъ Шетарди Лестоку.

— Мы не спимъ, отвѣтилъ на это Лестокъ, но одни, сами собою, ничего не въ силахъ сдѣлать безъ помощи Швеціи. Нужно чтобы толчекъ былъ данъ русскому народу. Устройте такъ, чтобы былъ изданъ манифестъ. Попросите короля убѣдить Швецію, чтобы въ ея войскѣ явился герцогъ Голштинскій. Прощаясь съ офицерами и солдатами, отправлявшимися въ Финляндію, принцесса увѣряла ихъ, что герцогъ будетъ въ войскѣ и упрашивала чтобъ не убивали, по крайней мѣрѣ, ея племянника. Еслибъ вы знали какъ это было принято офицерами и солдатами!—и вдругъ теперь они узнаютъ, что герцога Петра нѣтъ, что передъ ними только непріятель?

Шетарди обѣщалъ не откладывая исполнить все по желанію Елисаветы, и въ тоже время замышлялъ относительно нея и еще одно дѣло.

Ему поручили изъ Версаля предложить ей въ женихи принца Конти.

Шетарди пріѣхалъ толковать съ цесаревной объ этомъ бракѣ.

— Вы должны быть увѣрены, отвѣтила ему Елисавета, что я не выйду замужъ и не могу слушать подобнаго предложенія, ужъ даже потому, что съ моей стороны было бы очень неблагоразумно обижать правительницу и ея мужа: я только что отвергла довольно глупое предложеніе, сдѣланное мнѣ братомъ принца Ан-

тона. Я удивляюсь, право, какъ наконецъ не надоѣстъ всѣмъ до сихъ поръ предлагать мнѣ жениховъ. Вотъ и женой персидскаго шаха хотятъ меня сдѣлать — но я смотрю на всѣ эти предложенія, какъ на не ведущія ни къ чему и обидныя для меня шутки.

Послѣ такихъ словъ конечно Шетарди не могъ ничего прибавить и поспѣшилъ вернуться къ себѣ, чтобы сообщить о неуспѣхѣ этого дѣла двору своему.

Вообще положеніе маркиза день ото дня становилось все затруднительнѣе: всѣ на него косились, избѣгали разговоровъ съ нимъ, многіе едва кланялись. Появляясь во дворцѣ онъ испытывалъ большую неловкость, видя что всѣ, начиная съ правительницы, тяготятся его присутствіемъ и если до сихъ поръ еще не позволяютъ себѣ съ нимъ дерзостей, то единственно только вслѣдствіе его общественнаго положенія.

Дѣйствительно, Остерманъ въ одно изъ послѣднихъ свиданій своихъ съ правительницей, объявилъ ей о необходимости удаленія Шетарди, и Анна Леопольдовна нисколько не возражала противъ этого.

Остерманъ тотчасъ же написалъ русскому послу во Франціи, Кантемиру:

«Поступки Шетарди, писалъ онъ,—такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда. Только это нужно исходатайствовать такимъ образомъ, чтобы французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастьи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому надобно поступить въ этомъ дѣлѣ смотря по тамошней склонности, министерскому нраву и обращенію дѣлъ, и при томъ на ваше благоразсужденіе оставляю, не можете ли черезъ то благосклонное къ вамъ лицо, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству между прочимъ искустно внушить, что поступки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ

интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ. И что вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно безъ явнаго озлобленія.»

Результатъ этого письма также опоздалъ, какъ и манифестъ о правахъ на россійскій престолъ еще не родившихся сыновей и дочерей Анны Леопольдовны.

XII.

Цесаревна Елисавета ожидала новыхъ извѣстій съ театра войны и въ то же время поручала Лестоку и своему старому учителю музыки, Шварцу, раздавать деньги гвардейскимъ солдатамъ.

Она чувствовала, что теперь приблизилось роковое время и желала только одного, чтобы сигналъ къ перевороту поданъ былъ изъ войска, чтобы ей съ ея петербургскими приверженцами не нужно было начинать первой.

Однако не смотря на эту рѣшимость и осторожность, которыя противились всѣмъ убѣжденіямъ окружающихъ, цесаревна ужъ далеко не была такою робкою, какъ прежде. Она окончательно убѣдилась въ слабости правительства и иной разъ не сдерживалась, позволяла себѣ такого рода поступки, отъ которыхъ прежде бы непремѣнно воздержалась.

Не въ ея характерѣ было ненавидѣть даже враговъ своихъ, но изъ числа ихъ она все же выдѣляла Остермана—самаго стараго, самаго заклятаго недруга—и къ нему въ ней постоянно было злобное чувство, съ которымъ она могла справиться. Все готова она не была простить кромѣ неблагодарности, а неблагодарность Остермана переходила всякіе предѣлы. Онъ всѣмъ своимъ положеніемъ, всѣмъ своимъ счастіемъ былъ обязанъ ея отцу и матери—и неустанно преслѣдовалъ ее, ихъ любимую дочь.

Онъ и теперь наносилъ ей всевозможныя оскорбле-

нія и почти каждый день то тѣмъ, то другимъ напоминалъ о себѣ и приводилъ ее въ негодованіе.

Вотъ персидскій посланникъ привезъ дары всѣмъ членамъ царскаго семейства и лично желалъ вручить ихъ, но Остерманъ недопустилъ его до цесаревны.

Эти дары привезли ей гофмаршалъ Минихъ и генералъ Апраксинъ.

Елисавета вышла къ нимъ блѣдная, со сверкающими глазами, такая разгнѣванная и величественная, что они ее почти не узнали.

— Скажите графу Остерману, произнесла она повелительнымъ голосомъ,—онъ мечтаетъ что можетъ всѣхъ обманывать—но я знаю очень хорошо что онъ старается унизить меня при всякомъ удобномъ случаѣ, что по его совѣту приняты противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня и не подумала бы по добротѣ своей. Онъ забываетъ кто я, и кто онъ! Забываетъ чѣмъ обязанъ моему отцу,—который изъ писарей сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ теперь—но скажите ему, да, скажите ему, что я то никогда не забуду о томъ, что получила отъ Бога и на что имѣю право по моему происхожденію!

И цесаревна, едва кивнувъ головой Миниху и Апраксину, удалилась въ свои внутреннія комнаты.

Этотъ поступокъ ея конечно сейчасъ же былъ всѣмъ разсказанъ и произвелъ большое впечатлѣніе.

Иностранные резиденты немедленно передали о немъ своимъ дворамъ; принцъ Антонъ помчался къ Остерману...

Но ничего непріятнаго изъ всего этого не вышло для цесаревны. Не смотря на всю ненависть, которую къ ней чувствовали нѣкоторые, всѣ, начиная съ Остермана, очень хорошо понимали, что уничтожить ее, въ особенности теперь, пока еще не извѣстно чѣмъ кончится война со Швеціей, болѣе чѣмъ опасно. Къ тому же въ послѣднее время всѣ находились въ какомъ то странномъ, лихорадочномъ состояніи—это было что то въ родѣ общаго бреда. Никто ничего не видѣлъ ясно и

стремился къ своей цѣли тайными путями, которые могли не приблизить, а только отдалить отъ этой цѣли.

Наконецъ маркизъ де-ла-Шетарди привезъ цесаревнѣ манифестъ, изданный предводителемъ, главнокомандующимъ, графомъ Левенгауптомъ, и предназначенный для «доблестной русской націи».

Цесаревна жадно принялась читать манифестъ. Въ немъ говорилось о томъ, «что шведская армія вступила въ предѣлы Россіи единственно съ цѣлью получить удовлетвореніе за многія неправды, причиненныя шведской коронѣ иностранными министрами, господствовавшими надъ Россіею въ прежніе годы, для полученія необходимой шведамъ безопасности на будущее время и для освобожденія русскаго народа отъ невыносимаго ига и жестокостей, которыя позволяли себѣ тѣ министры, черезъ что многіе потеряли собственность, жизнь, или сосланы въ заточеніе. Король шведскій намѣревается избавить русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираніи и предоставить ей свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнью и имуществомъ, а со шведами сохранить доброе сосѣдство. Но этого достигнуть невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы для собственныхъ цѣлей и по своему произволу будутъ властвовать надъ русскими и ихъ сосѣдями союзниками. Вслѣдствіе такихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, всѣ русскіе должны и могутъ соединиться со шведами и какъ друзья отдаваться сами и съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія».

Елисавета благодарила Шетарди, ея приближенные по нѣскольку разъ перечитывали манифестъ. Всѣ ликовали, надѣясь, что теперь уже не далеко до полнаго торжества.

При дворѣ этотъ манифестъ произвелъ очень тревожное впечатлѣніе.

Принцъ Антонъ перечитывалъ его съ Остерманомъ и Левенвольде и наивно разсуждалъ о томъ, что «о чужестранныхъ здѣсь весьма противно написано, и что это не до однихъ чужестранныхъ касается, но и до принцессы Анны и всей фамиліи».

— Что же теперь дѣлать? испуганно спросилъ онъ Остермана.

— А другаго дѣлать нечего, отвѣчалъ оракулъ, какъ взять лучшія военныя предосторожности и приказать, что гдѣ такіе манифесты появятся, въ народѣ ихъ отнюдь не разглашать, а собирать въ кабинетъ.

— А вы, графъ, обратился онъ къ Левенвольду,— немедленно доложите обо всемъ этомъ правительницѣ.

Левенвольде отправился къ Аннѣ Леопольдовнѣ; но та уже знала про манифестъ и прямо начала съ этого.

Левенвольде передалъ ей о томъ, что говорилъ Остерманъ.

Она кивнула головою.

— Хорошо, сказала она, пусть будетъ такъ сдѣлано. Да, манифестъ этотъ очень остро писанъ, прибавила она и замолчала.

Чрезъ минуту она уже и думать позабыла объ этомъ дѣлѣ—не тѣмъ совсѣмъ заняты были ея мысли. Она страшно тосковала, посылала письмо за письмомъ въ Дрезденъ, да и кромѣ того была встревожена болѣзненнымъ состояніемъ друга своего, Юліаны.

Юліана, съ самаго дня отъѣзда Линара, сказывалась больною, была необыкновенно раздражительна и иногда безъ всякаго видимаго повода вдругъ заливалась слезами или истерически смѣялась.

Анна Леопольдовна не могла догадаться о дѣйствительной причинѣ этого страннаго, нервнаго состоянія, почти не отходила отъ своего друга и насильно заставляла ее принимать лекарства, прописываемыя докторомъ....

Прошло нѣсколько дней. 23-го ноября былъ куртагъ во дворцѣ: съѣхалось довольно много народу.

Между присутствующими находилась и цесаревна, и маркизъ де-ла-Шетарди. Маркизъ имѣлъ скучающій и даже озлобленный видъ; онъ чувствовалъ, что положеніе его очень шатко и даже опасно.

«Того и жди, еще отравятъ, думалъ онъ, отъ этихъ варваровъ всего ожидать можно».

Онъ медленно переходилъ изъ комнаты въ комнату, почти ни съ кѣмъ не останавливаясь и не разговаривая, такъ какъ давно замѣтилъ, что всѣ отдѣлываются отъ него подъ всевозможными предлогами. Ему оставалось только наблюдать, но пока для наблюденій не представлялось ничего интереснаго.

Онъ замѣтилъ только, что Анна Леопольдовна на этотъ разъ въ какомъ то видимомъ возбужденіи.

Вотъ она встала со своего мѣста и нѣсколько разъ скоро прошлась по комнатѣ, потомъ вдругъ подошла къ цесаревнѣ.

Маркизъ разслышалъ:

«Сестрица, мнѣ нужно поговорить съ вами, прошу васъ слѣдовать за мною».

Елисавета, встревоженная и изумленная, послѣдовала за правительницей.

Онѣ прошли нѣсколько комнатъ и остановились.

— Да, мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами, повторила Анна Леопольдовна. Тамъ (она указала на пріемныя комнаты) есть одинъ человѣкъ, котораго и впускать бы не слѣдовало—это французъ маркизъ. Намъ теперь доподлинно извѣстны всѣ его неблаговидные поступки и я едва удерживаю себя, чтобы не отнестись къ нему такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Но дольше выносить его и тяжело для меня и опасно. Я уже отправила королю просьбу о томъ, чтобы его отозвали изъ Петербурга.

— Но зачѣмъ же вы мнѣ все это говорите? спро-

сина Елисавета. Вы знаете, что я такъ далеко стою отъ всѣхъ дѣлъ...

— Я говорю это вамъ, перебила ее правительница, для того, чтобъ предупредить васъ и просить не принимать больше этого человѣка.

— Какъ же я могу это сдѣлать? замѣтила Елисавета—мнѣ это очень трудно. Конечно можно разъ—другой отказать ему подъ тѣмъ предлогомъ, что меня нѣтъ дома, но въ третій разъ ужъ не откажешь—это будетъ через-чуръ неучтиво и ясно. Вотъ вчера, напримѣръ, маркизъ подъѣхалъ къ моему дому въ ту самую минуту какъ я выходила изъ саней и входила къ себѣ...

Яркая краска вспыхнула на щекахъ Анны Леопольдовны; она взглянула на свою собесѣдницу съ видимымъ раздраженіемъ.

— Я не знаю, легко-ли это или трудно вамъ сдѣлать, но я снова повторяю мою просьбу—исполнить ее ваша обязанность.

Елисавета въ свою очередь вспыхнула, но сдержалась.

— Въ такомъ случаѣ, тихо проговорила она, это дѣло можно устроить гораздо проще: вы правительница—прикажите Остерману сказать Шетарди, чтобъ онъ не ѣздилъ ко мнѣ больше.

— Нѣтъ, такъ нельзя сдѣлать! поспѣшно отвѣчала Анна Леопольдовна—нельзя раздражать такого человѣка, какъ Шетарди и подавать ему явный поводъ къ жалобамъ, пока онъ ещё занимаетъ свой постъ и не отозванъ отсюда.

— Ну такъ вотъ видите! съ едва замѣтной усмѣшкой и пожавъ плечами, сказала цесаревна—если Остерманъ—первый министръ и имѣя ваше повелѣніе, повелѣніе правительницы, не смѣетъ такъ поступить съ Шетарди, то какъ же я то могу рѣшиться на это?

— Я ничего этого знать не хочу! вдругъ вскрикнула принцесса. Вы должны не принимать его, и кончено объ этомъ!

— Вы напрасно кричите на меня, ваше высочество, тоже возвышая голосъ, и ужъ едва сдерживаясь, сказала Елисавета,—конечно, пользуясь обстоятельствами, можно унижать меня—но есть же всему предѣлъ, и вамъ не слѣдовало бы забывать, что я не ваша прислужница.

И она рѣзко повернулась и хотѣла выйти.

Анна Леопольдовна удержала ее за руку.

— Ну не сердитесь, извините меня, проговорила она болѣе мягкимъ голосомъ, право—столько непріятностей, я такъ раздражена, что не умѣю сдерживаться. Останьтесь на минутку, мнѣ еще кое-что нужно сказать вамъ.

— Что вамъ угодно отъ меня?

— А вотъ что: слышала я, матушка, будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ непріятельской арміей и будто вашъ лекарь Лестокъ чуть не ежедневно ѣздитъ все къ тому же французскому посланнику и принимаетъ участіе во всѣхъ его злоумышленіяхъ. Вотъ я получила письмо изъ Бреславля, въ которомъ мнѣ совѣтуютъ сейчасъ же арестовать лекаря Лестока.

Анна Леопольдовна остановилась и пристально взглянула на цесаревну; но та себя не выдала,—ее внезапно охватила рѣшимость.

Минута была слишкомъ важная—эта минута могла погубить ее,—и она нашла въ себѣ силу бороться съ своимъ волненіемъ.

Конечно она ничего не могла бы скрыть на своемъ выразительномъ лицѣ, но вѣдь оно и до этой минуты, во все продолженіе разговора съ правительницей, было взволновано—это помогло ей.

Анна Леопольдовна ничего особеннаго не прочла въ лицѣ ея и прибавила:

— Конечно, я не вѣрю всѣмъ этимъ слухамъ, я не хочу заподозрѣвать васъ въ сношеніяхъ съ Шетарди и со всѣми нашими врагами, и я надѣюсь, что если Лестокъ окажется виноватымъ, то вы не разсердитесь, когда его задержатъ.

— Я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ

альянцевъ и корреспонденцій не имѣю, спокойнымъ голосомъ отвѣтила Елисавета,—а если мой докторъ ѣздитъ къ французскому посланнику, то я его подробно допрошу объ этомъ и какъ онъ мнѣ донесетъ, сейчасъ же и объявлю вамъ.

На этомъ закончился разговоръ между ними.

Цесаревна еще нѣсколько времени пробыла въ пріемныхъ комнатахъ и потомъ незамѣтно удалилась.

Вернувшись къ себѣ она поспѣшно призвала Лестока, Разумовскаго, Воронцова и Шувалова и со слезами на глазахъ подробно разсказала имъ о своемъ разговорѣ съ правительницей.

Лестокъ поблѣднѣлъ. Ему снова представилось, что онъ слышитъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ и что это пришли арестовать его.

— Ну вотъ ужъ теперь-то, теперь то нельзя медлить ни минуты, ваше высочество, проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ—еще одинъ день—и мы всѣ пропали! рѣшайтесь, ради Бога. У насъ все готово: вся гвардія отъ перваго до послѣдняго человѣка за насъ.

Къ его просьбамъ и убѣжденіямъ присоединились и всѣ остальные.

— Да, вы правы! наконецъ прошептала Елисавета. Оставьте меня теперь—я очень устала:—завтра дѣло рѣшится...

Оставшись одна она погрузилась въ глубокое раздумье, она видѣла, что теперь окончательно подошла рѣшительная минута и отступленіе невозможно. Если дѣйствуя энергически можно погубить себя и своихъ, то при бездѣйствіи грозитъ точно такая же гибель. Вѣдь вотъ ужъ Анна Леопольдовна ясно высказалась. Она никогда такъ до сихъ поръ не говорила и, если она такъ говоритъ, то чего же ждать отъ Остермана. Да, правительница въ дурныхъ отношеніяхъ съ мужемъ своимъ и Остерманомъ, но теперь, въ виду общей опасности, они станутъ дѣйствовать сообща и всѣ вмѣстѣ погубятъ ее. И правительница будетъ точно также оправдываться въ

своемъ поступкѣ, какъ оправдывалась тогда, по поводу Миниха. Она будетъ говорить: «мужъ и Остерманъ не давали мнѣ покоя».

«Лестокъ, продолжала думать Елисавета — онъ мнѣ преданъ—но вѣдь онъ трусъ, ужасный трусъ!.. Вѣдь вотъ, какъ я разсказала о томъ, что его хотятъ арестовать, онъ чуть не заплакалъ, готовъ былъ спрятаться подъ столъ, дрожитъ весь—если его схватятъ и начнутъ пытать, Боже мой, чего только онъ не наскажетъ и на себя и на меня!.. и тогда я погибла!.. Мнѣ нѣтъ спасенія! Да, теперь конецъ... или удача, полная удача — или гибель. Боже мой! и я одна... и нѣтъ ни одного твердаго, надежнаго человѣка; я одна, слабая женщина, должна совершить то, что рѣдко удается и самому отважному мужчинѣ... Боже мой, но какъ же я сдѣлаю? что я буду дѣлать?...»

Цесаревна зарыдала, бросилась на колѣни передъ иконами и начала молиться.

Молитва нѣсколько ободрила ее и успокоила; но часто въ теченіи ночи она просыпалась, прислушивалась, сердце ея шибко билось, она ждала, что вотъ-вотъ вблизи раздадутся зловѣщіе звуки, бряцанье оружія, что ее схватятъ....

На слѣдующее утро она долго не выходила изъ своей спальни, откладывала минуту за минутой, боялась встрѣтиться со своими, не зная, что имъ скажетъ. Она чувствовала, что должна будетъ объявить о своемъ рѣшеніи дѣйствовать немедленно—а у ней все же не хватало духу.

Мавра Шепелева почти силой ворвалась къ ней въ спальню и объявила, что есть важныя новости и что всѣ просятъ цесаревну выйти.

Блѣдная, взволнованная появилась Елисавета передъ своими друзьями.

— Матушка, ваше высочество, заговорили всѣ разомъ, — если еще пропустить одинъ день, не рѣшиться сегодня, то все пропало—намъ доподлинно извѣстно, что

сейчасъ отданъ приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ шведовъ.

— Да чтожь это значитъ? Зачѣмъ же? спросила Елисавета.

— А вотъ говорятъ, что получено извѣстіе, будто Левенгауптъ идетъ къ Выборгу; только, конечно, это вздоръ! замѣтилъ Лестокъ дрожащимъ голосомъ, — это предлогъ только, они нарочно хотятъ удалить всю гвардію, зная ея приверженность къ вамъ; удалятъ—и мы тогда всѣ въ рукахъ ихъ, они сдѣлаютъ съ нами, что хотятъ... мы будемъ беззащитны! Ради Бога, умоляемъ васъ, ваше высочество, не медлите, не откладывайте!

Елисавета поблѣднѣла еще больше.

— Да, хорошо... конечно, вы правы... почти безсознательно шептала она,—но чтожь мнѣ дѣлать? вѣдь я... я женщина!

— Конечно, это дѣло требуетъ не малой отважности, сказалъ Воронцовъ, но въ комъ же искать эту отважность, какъ не въ крови Петра Великаго?!!

Лестокъ послалъ благодарный взглядъ Воронцову.

Елисавета вздрогнула. Это неожиданное удачное слово разбудило въ ней энергію.

— Я согласна, сказала она уже болѣе твердымъ голосомъ. Такъ какъ же вы думаете—что теперь нужно дѣлать? Вы говорите: дѣйствовать, но вѣдь мы еще не знаемъ, не рѣшили, какъ нужно дѣйствовать?! Гвардія за меня... хорошо...

— Значитъ нужно, чтобы вы явились передъ гвардіей, ваше высочество, перебилъ цесаревну Воронцовъ,—и повели солдатъ къ зимнему дворцу!

— Я?..: я сама должна? прошептала Елисавета и опустила глаза. Но послушайте! вдругъ произнесла она послѣ минутнаго молчанія,—кто вамъ сказалъ о томъ, что гвардейскіе полки высылаются отсюда? Можетъ быть это невѣрно?!..

При этихъ словахъ Лестокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Онъ уже было успокоился, ему казалось, что цесаревна наконецъ рѣшилась, но теперь онъ видѣлъ, что она снова колеблется. Она колеблется, а тутъ каждый часъ дорогъ! Тутъ вотъ того гляди сейчасъ придутъ, и арестуютъ его.... и онъ пропалъ!..

Воронцовъ пробудилъ энергію въ цесаревнѣ, напомнивъ ей объ ея отцѣ, подзадоривъ ея самолюбіе, теперь нужно наглядно представить ей самое свѣтлое и самое мрачное возможное будущее, нужно пробудить въ ней всѣ чувства.

И Лестокъ, дрожащій, измученный безсонной ночью, полный всевозможныхъ страховъ, неожиданно для себя самого придумалъ слѣдующую штуку: онъ схватилъ двѣ карты изъ колоды, лежащей на столѣ, и карандашъ, нарисовалъ на картахъ двѣ картинки—на одной изобразилъ Елисавету въ монастырѣ, гдѣ ей обрѣзываютъ волосы, а на другой—Елисавету, вступающую на престолъ и привѣтствуемую народомъ.

Карандашъ такъ и ходилъ подъ пальцами Лестока и минутъ въ пять обѣ картинки, хоть и не особенно удовлетворительныя въ художественномъ отношеніи, но достаточно выразительныя, были готовы.

Лестокъ подалъ ихъ цесаревнѣ.

Она взглянула и слабо улыбнулась.

— Я и безъ васъ это знаю, проговорила она.

— Такъ если знаете, ваше высочество, то пошлите же немедленно за гренадерами.

— Хорошо, отвѣтила цесаревна, только все же сейчасъ это невозможно—нужно дождаться вечера.

Это замѣчаніе было основательно. Приходилось ждать нѣсколько часовъ.

Лестокъ отправился къ себѣ, заперся на ключъ, улегся въ постель, закрылся съ головой въ теплое одѣяло, чтобъ ничего не слышать и всѣ силы напрягалъ какъ-нибудь остановить свои мысли, забыться и заснуть. Это наконецъ удалось ему и изъ подъ одѣяла раздался мѣрный храпъ храбраго медика.

XIII.

Еслибы шпіоны могли заглянуть во внутреннія комнаты дворца цесаревны, то немедленно донесли бы о томъ, что у ней творится что-то необычайное.

Обѣдъ стоялъ нетронутымъ, цесаревна заперлась въ своей комнатѣ, Лестокъ тоже не показывался. Шуваловъ съ Воронцовымъ, забравшись въ уголокъ, тихо толковали между собою.

Мавра Шепелева бродила изъ комнаты въ комнату, совсѣмъ растерянная и взволнованная, то и дѣло подходила къ спальнѣ цесаревны, прислушивалась къ замочной скважинѣ и вздыхала.

Разумовскаго не было дома; онъ успѣлъ побывать въ казармахъ, кое-что тутъ приготовить, а потомъ началъ навѣдываться къ разнымъ своимъ пріятелямъ.

Заѣзжалъ было маркизъ де-ла-Шетарди — но его не приняли, объявивъ, что цесаревна нездорова и лежитъ въ постели.

Только одинъ человѣкъ изъ всей елисаветинской компаніи казался совершенно спокоенъ, это—былъ старый учитель музыки, Шварцъ.

Въ то время, какъ всѣ потеряли головы и волновались, онъ кажется былъ вполнѣ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ затѣяннаго дѣла. Съ большимъ апnетитомъ пообѣдалъ, выкурилъ трубку и теперь только по временамъ посматривалъ на свои круглые карманные часы, давно уже подаренные ему цесаревной.

Наконецъ, кое-какъ время дотянулось до вечера. Вотъ ужъ десятый часъ. Кругомъ дворца все тихо, ночь темная — зги не видно. Съ утра была снѣжная мятель, но теперь стихла и морозъ прибавляется.

Лестокъ вышелъ изъ своей комнаты въ мѣховомъ кафтанѣ и съ шапкой въ рукахъ.

— Чтожъ, послали за гренадерами? таинственнымъ шепотомъ спросилъ онъ у Воронцова.

HOMO SUM.

историческій романъ Георга Эберса. *)

Homo sum; humani nil a me alienum puto.

Теренцій.

ГЛАВА I.

Кругомъ скалы, голыя темно-бурыя скалы.... Ни кустика, ни травки, ни даже мха, какъ доказательства производительности природы и пустынныхъ, забытыхъ ею мѣстностей—не видишь здѣсь. Одинъ безжизненный гладкій гранитъ подъ ногами да вѣчно свѣтлое безоблачное небо надъ головой.

А всё же въ той пещерѣ, что видна подъ отвѣсомъ скалы, замѣтны слѣды пребыванія человѣка, слѣды жизни.... Двѣ сѣренькихъ птички, слетѣвъ оттуда, пропорхнули въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ пустыни и скрылись за утесомъ — какъ стѣна, созданная руками человѣка — стройно высящимся надъ лощиной.

---

*) Имя Георга Эберса уже извѣстно русской публикѣ по его прежнимъ двумъ романамъ «Дочь египетскаго царя» и «Уарда» (печатались въ Отечест. Записк.). Этотъ новый романъ его имѣлъ на западѣ громадный успѣхъ: онъ появился въ свѣтъ только въ концѣ прошлаго года, но уже выдержалъ тамъ нѣсколько изданій. По сюжету онъ относится къ первымъ вѣкамъ христіанства и представляетъ высоко-художественное воспроизведеніе жизни первыхъ христіанскихъ отшельниковъ. Въ немъ проведена та мысль, что любовь есть самый могучій двигатель въ жизни человѣка и пробуждаетъ въ человѣкѣ лучшія качества его души, самыя высокія стремленія его духа.

Переводчикъ.

Не то тамъ, въ лощинѣ; тамъ благодать; тамъ холодный ключъ освѣжаетъ каменистую почву, и повсюду между камнями, благодаря его живительной влагѣ, пробивается сочная свѣжая травка; а вокругъ красивой гирляндой раскинулись прихотливые кустики южныхъ растеній. Когда Озирисъ — повѣствуетъ древнее египетское сказаніе — заключилъ въ свои объятья богиню — покровительницу этой пустыни, то упоённый страстью, онъ позабылъ здѣсь, на ея ложѣ, свой зеленый вѣнокъ. Но въ ту пору, о которой будетъ у насъ рѣчь, уже не знали этихъ старыхъ сказокъ или не хотѣли ихъ больше знать.

Мы въ половинѣ IV столѣтія на горѣ Синаѣ, на священной почвѣ которой уже много лѣтъ живутъ, хотя еще безъ опредѣленныхъ правилъ и устава, анахореты, отшельники, удалившіеся сюда для покаянія и молитвы.

Въ долинѣ у ручья растетъ высокая стройная пальма. На одной изъ ея нижнихъ вѣтвей развѣшенъ простенькій синенькій платочекъ. Онъ укрываетъ лицо молодой дѣвушки, которая, раскинувшись подъ деревомъ, не то дремлетъ, не то о чемъ-то задумалась на минуту.... Вокругъ нея, пощипывая траву, весело прыгаютъ нѣсколько желтоватыхъ горныхъ козъ.

Вотъ дѣвушка приподняла голову и манитъ къ себѣ одну изъ козъ; миловидное животное припрыгивая подходитъ къ ней. Не многія животныя умѣютъ такъ хорошо выражать свою радость, какъ козы.

Дѣвушка, выставивъ впередъ свою полуобнаженную стройную ножку, шутливо оттолкнула животное; козочка быстро отпрыгиваетъ, но затѣмъ снова приближается, и дѣвушка снова отталкиваетъ ее. При этомъ дѣвушка такъ граціозно выгибаетъ пальцы на ногѣ—какъ будто хочетъ заставить кого нибудь подивиться ихъ необыкновенно тонкому контуру.

Козочка опять подходитъ къ ней, и теперь уже съ опущенной внизъ головой, вотъ лобъ животнаго коснулся ноги дѣвушки.... но послѣдняя такъ сильно отталкиваетъ отъ себя шалунью, что бѣдное животное испуганно отбѣ-

жало прочь и больше не подходило. Дѣвушка очевидно ждала удобной минуты побольнѣе ударить козу; ударъ былъ сдѣланъ сильно, почти злобно. Еслибъ синенькій платочекъ не закрывалъ лица дѣвушки, то можно было-бы видѣть, что въ тотъ моментъ, когда она такъ быстро прервала игру, глаза ея сверкнули какимъ то особеннымъ блескомъ.

Съ минуту она остается безъ движенія, какъ бы оцѣпенѣвъ.... Только платокъ колеблется подъ ея горячимъ дыханіемъ. Повидимому, она къ чему то прислушивается съ напряженнымъ вниманіемъ, съ безпокойствомъ. Это можно замѣтить по судорожно сжимающимся пальцамъ ея ноги.

Послышался какой то шумъ; онъ шелъ со стороны исполинской, созданной самой природой лѣстницы, которая ведетъ съ крутой стѣны лощины къ источнику.

Трепетъ пробѣжалъ по нѣжнымъ, полусформировавшимся членамъ дѣвушки; однакожъ она не двигалась. Сѣрыя птички, которыя сидѣли по близости отъ нея на вѣткахъ кустарника, спорхнули. Но онѣ слышали только шумъ, а не знали, откуда онъ происходитъ; у дѣвушки слухъ былъ острѣе, чѣмъ у нихъ.

Она слышала, что идетъ человѣкъ и знала, что только одинъ могъ тутъ идти....

Она взяла камень, которыхъ много валялось около нея и бросила его въ ручей; вода источника тотчасъ замутилась. Затѣмъ, повернувшись на бокъ, положила голову на руку и притворилась спящей. Шаги слышались все явственнѣе и явственнѣе.... Наконецъ на ступеняхъ лѣстницы показался высокій, стройный юноша. Судя по платью, онъ долженъ принадлежать къ числу синайскихъ отшельниковъ. На немъ простая холщевая рубашка, изъ которой онъ, повидимому, выросъ, и грубыя кожанныя сандаліи, привязанныя къ ногамъ пальмовымъ лубомъ. Послѣдній невольникъ не могъ быть одѣтъ хуже его, но однако никто не принялъ бы его за

несвободнаго. Его походка смѣла и увѣренна; держится онъ прямо, почти гордо.

Ему не болѣе 20 лѣтъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ только что пробивающійся пушокъ усовъ и бороды. Но въ его большихъ голубыхъ глазахъ уже не свѣтится юношеская беззаботная веселость: уже они чѣмъ то омрачены; и уста его сжаты, какъ будто отъ сильной досады. На минуту онъ остановился и отбросилъ назадъ свои густые волосы, какъ львиная грива, въ безпорядкѣ спадавшіе ему на лобъ. Затѣмъ приблизился къ источнику, но нагнувшись зачерпнуть воды въ большую выдолбленную тыкву, которая была у него въ рукахъ, онъ замѣтилъ, что воду замутили, потомъ увидѣлъ козъ и дѣвушку. Онъ съ недовольнымъ видомъ поставилъ свой сосудъ на землю и громко ей крикнулъ,—та не двигалась. Тогда въ нетерпѣніи онъ толкнулъ ее грубо ногой—она вскочила, какъ ужаленная, и ея черные какъ ночь, вспыхнувшіе огнемъ глаза, озарили на минуту ея нѣсколько смуглое молодое лицо. Ноздри ея изящно выгнутаго носика быстро задвигались, а раскрыться для отвѣта губы обнаружили рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

— Развѣ я собака,—крикнула она,—ты такъ будишь меня?

Юноша покраснѣлъ, и указавъ на источникъ, сердито проговорилъ:

— Твои козы опять замутили воду; я долженъ здѣсь ждать, пока она не сдѣлается чистой.

— День великъ,—отвѣчала дѣвушка,—и при этомъ, вставая, она, какъ бы нечаянно, столкнула другой камень въ воду. Юноша замѣтилъ торжествующій взглядъ, брошенный ею на замутившійся источникъ и гнѣвно вскричалъ:

— Онъ былъ правъ! ты ядовитая змѣя, ты исчадіе ада!

Въ отвѣтъ дѣвушка весело засмѣялась, и, какъ бы желая показать, что она дѣйствительно бѣсовское отродье, состроила ему гримасу,—что она дѣлала весьма искусстно благодаря необыкновенно подвижнымъ чертамъ лица.

Цѣль была достигнута, юноша быстро отступилъ, какъ-бы для защиты простирая впередъ руки и призывая имя Бога; а дѣвушка продолжала диво, неудержимо смѣяться.

— Прочь, прочь демонъ! громко кричалъ онъ. Во имя Бога спрашиваю тебя: кто ты?

— Я Мирьямъ, кто-же еще? кичливо отвѣтила пастушка.

Ея веселость раздражала юношу. Онъ ждалъ иного отвѣта.

— Какъ ты тамъ не называйся, но въ тебѣ всетаки сидитъ нечистая сила; и я попрошу Павла запретить тебѣ поить козъ въ нашемъ ручьѣ.

— Если у тебя есть нянька, то поди лучше къ ней и пожалуйся на меня,—возразила дѣвушка, презрительно сжавши губы. Юноша покраснѣлъ; но она продолжала, смѣло глядя ему въ глаза и дѣлая оживленные жесты:

— Вѣдь ты ужъ мущина, ты силенъ и высокъ ростомъ,—и ты позволяешь обращаться съ собой, какъ съ ребенкомъ, или еще хуже, — какъ съ рабыней служанкой. Твое занятіе—собирать коренья и ягоды да носить воду съ ручья дрянными сосудами. Это я умѣла дѣлать, когда была вотъ такая,—и она сдѣлала извѣстный знакъ рукою. Какой срамъ! Ты красивѣе и сильнѣе всѣхъ этихъ амалекитскихъ юношей, которые живутъ тамъ подъ горой. Но попробуй-ка состязаться съ ними въ стрѣльбѣ изъ лука или въ метаньи копья!

— Я былъ-бы въ состояньи состязаться съ ними, еслибъ имѣлъ на то право,—живо перебилъ ее юноша, и краска, признакъ задѣтаго самолюбія, покрыла его лицо. Я бы легко справился съ десяткомъ такихъ тщедушныхъ...

— Я увѣрена въ этомъ,—возразила дѣвушка, и быстрымъ, страстнымъ взглядомъ окинула широкія плечи и мускулистыя руки юноши. Я увѣрена въ этомъ, но почему же ты не имѣешь права, какъ говоришь ты? Невольникъ что-ли ты того старика, что живетъ на горѣ?

— Нѣтъ, онъ мой отецъ и къ тому же...

— Что къ тому же? воскликнула она, сдѣлавъ нетерпѣливый жестъ рукою. Еслибъ птенцы не вылетали на волю, какая бы толкотня была въ гнѣздѣ! Посмотри на моихъ козъ: онѣ бѣгаютъ за своими матками, лишь пока это нужно, но, какъ скоро онѣ пріучаются сами отыскивать себѣ кормъ, покидаютъ своихъ матокъ; и я тебѣ скажу: вотъ эта годовалая козочка не знаетъ теперь, какой шерсти была ея мать. И что особеннаго сдѣлалъ для тебя твой отецъ?

— Замолчи! съ явнымъ неудовольствіемъ прервалъ ее юноша. Злой духъ говоритъ твоими устами. Уйди отъ меня. Я не долженъ выслушивать того, чего я и самъ не имѣю права говорить.

— Не долженъ, не долженъ! что же ты можешь дѣлать послѣ этого, если не имѣешь права даже выслушать меня?

— Да, я не могу и не хочу выслушивать того, что говоришь ты, демонъ. Мнѣ ненавистенъ твой голосъ; и, если я встрѣчу въ другой разъ тебя у источника, я буду бросать въ тебя каменьями.

Она устремила на него безмолвный, неподвижный взоръ. Губы ея поблѣднѣли а маленькія ручки судорожно сжались.

Онъ хотѣлъ пройти мимо нея, но она заступила ему дорогу и впилась въ него глазами. Дрожь пробѣжала по его членамъ, когда она беззвучнымъ голосомъ дрожащими устами спросила:

— Что сдѣлала я тебѣ? и она приблизилась къ нему. Онъ хотѣлъ оттолкнуть ее.

— Оставь меня! что я тебѣ сдѣлала?

— Ты не вѣришь въ Бога, а кто не вѣруетъ въ Него, тотъ принадлежитъ дьяволу.

— Это ты говоришь не свое, возразила дѣвушка, и опять легкая усмѣшка слышалась въ ея голосѣ.—Во что они заставляютъ тебя вѣрить, лишь то и признаешь ты.

Ты живешь чужимъ умомъ. Кто сказалъ тебѣ, что я принадлежу дьяволу?

— Я и не хочу скрывать отъ тебя. Благочестивый Павелъ предостерегалъ меня отъ тебя, и я благодаренъ ему за это. Въ твоихъ глазахъ есть что-то недоброе. И онъ правъ, тысячу разъ правъ! Когда ты смотришь на меня, мною овладѣваетъ желаніе попрать ногами все святое. Въ послѣднюю ночь мнѣ даже снилось, что я мчусь съ тобою въ дикой, неистовой пляскѣ. При этихъ словахъ весь гнѣвъ и серьезность исчезли съ лица Мирьямъ. Она захлопала въ ладоши.

— Вотъ, еслибъ это сбылось на самомъ дѣлѣ! только не пугайся меня такъ глупо. Еслибы ты зналъ, какъ хорошо, когда раздаются звуки свирѣли, звенятъ струны и въ пляскѣ поднимаются ноги, какъ будто у нихъ вырастаютъ крылья!

— Крылья сатаны, демонъ, отверженное Богомъ созданье!

— Такъ говоритъ благочестивый Павелъ, насмѣшливо перебила Мирьямъ.

— И я говорю это. Видѣли-ли тебя когда-нибудь въ обществѣ благочестивыхъ людей? молишься ли ты? благодаришь ли Господа и Спасителя?

— За что-жъ я буду благодарить? Развѣ за то, что благочестивѣйшій изъ васъ называетъ меня демономъ?

— Да, ты грѣшница, и небо отказываетъ тебѣ въ милости.

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! съ живостью сказала Мирьямъ. Богъ никогда не заботился обо мнѣ. И, если я злая, то могу-ли я быть иной, когда судьба такъ жестоко насмѣхалась надо мной. Знаешь ли ты, кто я такая и чѣмъ я была? Развѣ я злая была, когда убили моихъ родителей во время ихъ поѣздки на богомолье?

шесть лѣтъ мнѣ было тогда,—не больше; но я помню хорошо, что у нашего дома паслось много верблюдовъ и коней—всѣ они принадлежали намъ,—и что на рукѣ, которая меня часто ласкала,—это вѣроятно была рука моей матери,—блестѣлъ большой драгоцѣнный камень. У меня была черная невольница, которая меня слушалась. Если она не хотѣла сдѣлать что-нибудь по моему, я вцѣплялялась въ ея сѣдые, волнистые волосы и могла даже ее бить. Куда она дѣлась—не знаю. Я не любила ея, но если бы была она у меня теперь, какъ бы я ласкова была съ ней! Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ, какъ сама ѣмъ хлѣбъ рабыни и пасу козъ сенатора Петра. Когда въ праздникъ я вмѣшиваюсь въ хороводъ дѣвушекъ, онѣ прогоняютъ меня и срываютъ вѣнокъ съ моей головы.

При этихъ словахъ черты ея лица судорожно искривились и она истерически зарыдала.

Гермасъ почувствовалъ къ ней состраданіе.

Много разъ встрѣчалъ онъ здѣсь Мирьямъ и всегда то веселой и насмѣшливой, то дерзкой и раздражительной, но огорченной, плачущей онъ увидѣлъ ее еще въ первый разъ.

Въ первый разъ сегодня она открыла ему свою душу, и слезы, которыя текли по ея щекамъ, придали ей интересъ, котораго до сихъ поръ Мирьямъ не имѣла для Гермаса; онъ почувствовалъ теперь, что передъ нимъ стоитъ женщина, удрученная горемъ—ему стало стыдно за свою грубость. Онъ приблизился и дружелюбно сказалъ:

— Ну, не плачь, Мирьямъ. Ты можешь по прежнему ходить на ключъ: я не буду мѣшать тебѣ. Его густой голосъ былъ теперь необыкновенно мягокъ.

Но она зарыдала еще сильнѣе, хотѣла что-то сказать, и была не въ силахъ.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, подъ гнетомъ глубокаго горя

стояла передъ нимъ стройная дѣвушка. Онъ зналъ, что долженъ помочь ей, утѣшить... чувство живаго сострадания наполняло его сердце, но неловкій языкъ отказывался служить ему.

Не находя словъ утѣшенія, онъ взялъ сосудъ въ лѣвую руку, а правую дружески положилъ на плечо дѣвушки. Она вздрогнула, но не противилась; ея горячее дыханіе коснулось его лица. Онъ хотѣлъ отступить, но почувствовалъ себя прикованнымъ къ мѣсту. Плакала она или смѣялась, онъ едва ли могъ разобрать, когда его рука касалась ея черныхъ, волнистыхъ волосъ.

Она не двигалась...

Наконецъ подняла голову, глаза ея сверкнули, и въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ, какъ двѣ нѣжныхъ руки обвились вокругъ его шеи.

Словно море зашумѣло у него въ ушахъ, будто пламя блеснуло у него передъ глазами, но... онъ быстро очнулся, очнулся, и какая то безотчетная тоска внезапно охватила его. Сильно рванувшись, съ громкимъ крикомъ бросился онъ бѣжать отъ нея, какъ будто духи ада гнались за нимъ по пятамъ, и даже не замѣтилъ, какъ его кружка разбилась въ дребезги о камень.

Какъ вкопанная стояла Мирьямъ и смотрѣла ему вслѣдъ. Потомъ ударила себя маленькой ручкой въ лобъ; опять опустилась на землю близь источника и недвижно устремила взоръ въ пустоту.

Безъ движенія лежала она; однѣ губы продолжала шевелиться. Когда тѣнь отъ пальмы сдѣлалась длиннѣе, она проворно встала, подманила козъ и, прислушиваясь, взглянула по направленію къ лѣстницѣ, на которой видѣла его въ послѣдній разъ.

Сумерки не продолжительны въ тѣхъ широтахъ, и она знала, что на этой опасной дорогѣ, среди утесовъ и пропостей, будетъ застигнута темнотою, если останется здѣсь дольше.

Она боялась ужасовъ ночи, духовъ, привидѣній и тысячи различныхъ опасностей, которыхъ страшилась ин-

стинктивно, не сознавая ихъ; но все не трогалась съ мѣста и продолжала прислушиваться, какъ бы ожидая его возвращенія.

Наконецъ и солнце скрылось за священной горою, а вскорѣ погасъ на западѣ и послѣдній отблескъ вечерней зари.

Мертвая тишина охватила ее; она слышала свое собственное дыханіе. Ночной холодъ насквозь пронизывалъ ее.

Вдругъ послышался шумъ у ней надъ головой. Стадо горныхъ барановъ бѣжало къ источнику на водопой. Животныя были ужъ довольно близко, но, почуя присутствіе человѣка, бросились назадъ; только вожакъ остался на краю обрыва: онъ ждалъ ухода дѣвушки, чтобъ позвать тогда все стадо, она знала это и, движимая внезапно овладѣвшимъ чувствомъ состраданія, встала, чтобы уступить мѣсто животнымъ, но вдругъ вспомнила угрозу Гермаса прогнать ее отъ источника, и чувства жалости какъ не бывало: она схватила камень и бросила имъ въ барана. Испуганное животное быстро скрылось, а вслѣдъ за нимъ исчезло и все стадо.

До слуха Мирьямъ долго доносился стукъ копытъ удаляющихся животныхъ. Но вотъ и его не слыхать, опять все безмолвно. Понуривъ голову, тихо погнала она домой свое стадо, ощупью отыскивая дорогу въ темнотѣ.

ГЛАВА II.

Надъ лощиной, гдѣ протекаетъ ключъ, стоитъ небольшая каменная скала, а за нею цѣлая природная стѣна изъ гладкаго темно-краснаго порфира.

У подножія этой стѣны, обвиваемаго, какъ вѣнкомъ, пластами зеленаго діарита, открывается небольшая, выдолбленная самой природой, круглая пещера.

Прежде въ ней обитали дикіе звѣри, пантеры и волки, теперь она служитъ убѣжищемъ Гермасу и его отцу.

Такихъ пещеръ много въ горѣ, и самими большими изъ нихъ завладѣли анахореты. Пещера Стефана была больше и помѣстительнѣе другихъ, хотя пространство, раздѣляющее два находящихся тамъ ложа изъ сухой травы, и въ ней не велико.

Было далеко за-полночь, но обитатели пещеры не спали. Гермасъ громко стоналъ и всё ворочался съ боку на бокъ, нисколько не боясь потревожить больнаго старика, сильно нуждавшагося въ покоѣ, между тѣмъ какъ Стефанъ отказывалъ себѣ въ облегченіи перевернуться на другой бокъ или вздохнуть, когда ему казалось, что сынъ его наконецъ уснулъ.

Что сдѣлалось съ юношей? онъ прежде всегда спалъ такъ крѣпко и спокойно.

— Отчего это происходитъ, думалъ Стефанъ, что сильные и здоровые юноши могутъ спать такъ много и такъ крѣпко, а сонъ нуждающагося въ покоѣ старика или больнаго такъ тревоженъ и непродолжителенъ? Хотятъ что-ли они черезъ это продолжить срокъ своего жалкаго существованія? Какъ привязаны всѣ къ этой жизни, исполненной тревогъ и печалей! И какъ не разумно скрываются всѣ отъ ангела смерти, всегда готоваго открыть золотыя двери рая! Рана мучительно ноетъ... Ахъ, хоть-бы глотокъ воды! Если-бъ бѣдный сынъ не спалъ, я попросилъ-бы напиться.

Стефанъ прислушался... услышавъ тяжелое, порывистое дыханіе сына, не сталъ его будить.

Дрожа отъ холода, онъ свернулся подъ овечьей шкурой, прикрывавшей только на половину его тѣло.

Такъ прошло не мало времени; наконецъ ему показалось, что Гермасъ привсталъ на своей постели—юноша дѣйствительно проснулся, что-то шепталъ и вполголоса произносилъ имя Бога. Обернувшись къ нему лицомъ, Стефанъ тихо проговорилъ:

— Ты не спишь, дитя мое?

— Да, сегодня я не могу заснуть.

— Дай мнѣ пить, рана моя горитъ невыносимо.

Гермасъ тотчасъ всталъ, взялъ сосудъ съ водою и подалъ его страждущему.

— Благодарю, сынъ мой, проговорилъ старикъ, ощупью отыскивая горло у сосуда. Но, къ удивленію, онъ не находилъ его.

— Какой это сырой и холодный сосудъ, Гермасъ: гдѣ наша тыква?—обратился онъ въ юношѣ.

— Я разбилъ ее, и Павелъ далъ мнѣ свою кружку.

— Да, да, бормоталъ старикъ и жадно глоталъ воду. Наконецъ онъ отдалъ кружку сыну, и когда тотъ снова улегся, озабоченно сказалъ ему:

— Ты долго не возвращался вчера, и нынче стонешь всю ночь, что случилось съ тобой, сынъ мой?

— Злой духъ искушалъ меня вчера—отвѣчалъ Гермасъ—этотъ демонъ преслѣдуетъ меня и здѣсь, въ пещерѣ, и грезится мнѣ въ различныхъ видѣніяхъ.

— Такъ отгони его. Молись: имени Божьяго страшится нечистая сила.

— Я призывалъ ужъ имя Божіе,—со вздохомъ отвѣчалъ Гермасъ,—но тщетно! Я вижу передъ собою женщинъ съ розовыми устами, волнистыми волосами и пылающимъ взоромъ.... Точно бѣлыя мраморныя статуи съ пышными округленными формами стоятъ передо мной и всё манятъ, манятъ меня къ себѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, возми плеть и смири свою плоть, строго сказалъ Стефанъ. Юноша безпрекословно повиновался и, взявши плеть, вышелъ изъ пещеры, такъ какъ здѣсь онъ не могъ свободно дѣйствовать ею.

Стефанъ скоро услышалъ свистъ кнута, его удары по эластичнымъ человѣческимъ мускуламъ и болѣзненныя стоны юноши.

При каждомъ ударѣ старикъ вздрагивалъ, какъ-будто-бы били его самаго. Наконецъ онъ вскрикнулъ такъ громко, какъ только позволяли ему силы:

— Довольно, довольно теперь!

Гермасъ возвратился въ пещеру. Отецъ подозвалъ его къ своей постели, и они стали вмѣстѣ молиться.

После молитвы Стефанъ обернулся къ сыну, провелъ рукою по его роскошнымъ волосамъ и сказалъ:

— Побывавъ въ Александріи, ты сильно измѣнился, Гермасъ, напрасно я не послушался епископа Агапита, и отпустилъ тебя туда. Господь скоро призоветъ меня къ себѣ, и я знаю, никто тогда не удержитъ тебя здѣсь. Тогда явится искуситель и станетъ прельщать всѣми соблазнами большого города, которые блестятъ и обольщаютъ, какъ свѣтящіяся гнилушки, какъ яркая чешуя змѣи, какъ пурпуръ ядовитой красной ягоды....

— Не соблазнятъ меня эти прелести, перебилъ его Гермасъ, ошеломилъ и испугалъ меня шумный городъ. Никогда больше моя нога не вступитъ туда.

— Ты такъ говоришь; а все таки поѣздка тебя сильно измѣнила. Куда дѣлись твой покой и прежняя беззаботная веселость? Сосредоточенный и угрюмый ходишь ты... словно какія-то мрачныя мысли неотвязно преслѣдуютъ тебя, лишая покоя.

— Отъ этого худо одному мнѣ, отецъ. Пусти мою руку. Скоро станетъ свѣтать. Завтра-же ты можешь хоть цѣлый день читать мнѣ нравоученія.

Стефанъ вздохнулъ. Гермасъ отправился къ своей постели. Оба не спали, и каждый зналъ, что не спится обоимъ; но раздраженье и упрямство замыкали уста сына, а отецъ молчалъ, не находя такихъ правдивыхъ и кроткихъ словъ убѣжденія, чтобы подѣйствовать ими на душу сына.

Наконецъ настало утро. Его слабый брезжущій свѣтъ проникъ и въ отверстіе пещеры. Становилось всё свѣтлѣе и свѣтлѣе подъ ея тяжелыми сводами. Юноша проснулся и потягиваясь всталъ. Видя, что отецъ лежитъ съ открытыми глазами, онъ равнодушно спросилъ:

— Мнѣ остаться здѣсь, или идти на общую молитву?

— Останься,—просилъ его Стефанъ,—быть можетъ, недалеко уже утро того дня, въ который не будетъ для меня вечера. Встань на колѣни и дай мнѣ приложиться къ распятію.

Гермасъ исполнилъ приказаніе отца.

Когда они оканчивали молитвенное пѣніе, къ ихъ голосамъ присоединился третій.

— Павелъ! сказалъ старикъ. Хвала Создателю! Ты пришелъ очень кстати. Осмотри-ка мою рану. Остріе стрѣлы ищетъ выхода и страшно мучитъ меня.

Вошедшій былъ также анахоретъ, на немъ было надѣто что-то въ родѣ рубашки изъ грубаго темно-коричневаго сукна и овечья шкура. Онъ тщательно осмотрѣлъ рану и обложилъ ее травами, всё время тихо произнося слова молитвы.

— Теперь мнѣ гораздо лучше, за твою доброту Господь сжалится и надо мною.

— За мою доброту! да я сосудъ нечестія,— смиренно отозвался Павелъ своимъ густымъ, груднымъ голосомъ, и его ласковыя голубыя глаза устремились въ небо, какъ бы въ подтвержденіе того, какъ сильно въ немъ ошибались. Затѣмъ онъ поправилъ свои густые волосы, въ безпорядкѣ ниспадавшіе ему на шею и лицо, и весело сказалъ:

— Человѣкъ не больше какъ человѣкъ; о многихъ же и этого нельзя сказать. Въ ковчегѣ было много разныхъ животныхъ, а Ной былъ одинъ.

— Въ нашемъ ковчегѣ Ной—ты, отвѣчалъ ему Стефанъ.

— Хорошо, но тогда этотъ долговязый парень пусть будетъ у насъ слономъ! смѣялся Павелъ.

— Да ты и самъ не ниже его, другъ мой!

— Жаль, нашъ каменный ковчегъ такъ низокъ, и нельзя намъ помѣриться, но, правда, еслибъ Гермасъ и я были въ такой-же мѣрѣ набожны и благочестивы, какъ высоки и сильны, то ключи отъ рая были-бы у насъ въ рукахъ. Задалъ-же ты себѣ жару, молодецъ, сегодня ночью. Я слышалъ свистъ плети. Такъ и слѣдуетъ. Когда бунтуетъ мятежная плоть, ее нужно усмирять.

— Онъ сильно стоналъ и не могъ уснуть, сказалъ Стефанъ.

— Э, такъ по дѣломъ! замѣтилъ Павелъ, обратившись къ юношѣ, и смѣясь погрозилъ ему кулакомъ.

— Злой духъ-искуситель не давалъ ему спать, а я не сомкнулъ бы глазъ во всю ночь и безъ его вздоховъ. Вотъ ужъ пятую ночь провожу безъ сна...

— На шестую, перебилъ его Павелъ, сонъ тебѣ ужъ необходимъ. Гермасъ, надѣнь шкуру, поди внизъ въ оазисъ къ сенатору Петру и попроси у него, или у его жены, усыпительнаго питья для отца. Выйдемъ вмѣстѣ. Намъ съ тобой по дорогѣ.

— Постой, постой! воскликнулъ Стефанъ,—принеси новую кружку изъ города. Ты вчера отдалъ намъ свою, Павелъ, и я хотѣлъ бы...

— А я и позабылъ объ этомъ, перебилъ тотъ,—я даже скажу спасибо Гермасу за его неосторожность. Благодаря ему, я теперь выучился пить, какъ должно. Нѣтъ, ни за что не возьму назадъ кружки! Вода вкусна, только когда пьешь ее горстью. Кружка принадлежитъ вамъ и требовать ее назадъ—значило бы желать себѣ зла. Вѣдь теперь, слава Богу, самый искустный воръ ничего не украдетъ у меня, кромѣ развѣ вотъ этой шкуры.

Стефанъ хотѣлъ его поблагодарить, но онъ взялъ за руку Гермаса, и поспѣшно оба вышли.

Нѣсколько времени молча пробирались они по извилистой горной тропинкѣ, среди расщелинъ и каменныхъ глыбъ. Наконецъ на площадкѣ, по которой шла дорога съ морскаго берега къ оазису, Павелъ остановился и, обратившись къ юношѣ, сказалъ:

— Еслибъ мы всегда могли обдумывать всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ, то не было бы и грѣха.

Гермасъ вопросительно посмотрѣлъ на него, Павелъ продолжалъ:

— Еслибъ ты зналъ, какъ сильно страдаетъ отецъ, ты навѣрное въ эту ночь не сталъ бы его такъ безпокоить.

— Я не могъ спокойно спать, угрюмо отвѣчалъ юноша. Ты знаешь, какъ я долженъ былъ истязать себя.

— Да, но ты этого вполнѣ заслуживалъ.

Гермасъ посмотрѣлъ съ вызывающимъ видомъ на друга; краска покрыла его щеки: онъ вспомнилъ совѣтъ Мирьямъ жаловаться своей нянькѣ и сердито сказалъ:

— Я прошу тебя не говорить со мной такъ; я вѣдь не дитя...

— Какъ? даже и не дитя своего отца? перебилъ Павелъ и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него. Гермасъ сконфуженно опустилъ глаза.

— Ты отравляешь остатокъ жизни и безъ того не сладкой, и при томъ — жизни человѣка, который, если еще хочетъ продлить ее, то только для тебя одного...

— Я охотно лежалъ-бы смирно, еслибъ могъ. Я люблю своего отца, и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ ты любилъ своего.

Правда, ты не бьешь его, возразилъ Павелъ. Ты приносишь ему хлѣба и воды и отдаешь часть вина, которое присылаетъ епископъ отъ своей трапезы.

— Я не святой.

— И я тоже, и я исполненъ грѣха. Но я знаю, что такое та любовь, которой училъ насъ Спаситель, и ты долженъ это знать. Онъ истекъ кровью на крестѣ за меня, за тебя, за всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ и вмѣстѣ за разбойника, который распятъ былъ ошую Его. Любовь очень трудна, и очень легка въ одно и тоже время. Для нея нужны жертвы... А что же ты? Сколько времени какъ ты возвратился, а отецъ ни разу еще не видалъ тебя ласковымъ и спокойнымъ.

— Я не умѣю притворяться.

— Да этого и не нужно; но *любить*, ты долженъ и не словомъ, или дѣломъ, а сердцемъ доказывать эту любовь.

— Да скажи мнѣ, развѣ не жертва губить здѣсь свою молодость?

Павелъ отступилъ назадъ и покачалъ своей косматой головой.

— Вотъ какъ! такъ ты все думаешь объ Александріи. Дѣйствительно, жизнь тамъ течетъ быстрѣе и привольнѣе, чѣмъ здѣсь, на нашей уединенной горѣ. Тебѣ не нравится смуглая дикарка у ключа, — такъ, можетъ быть, тебѣ приглянется тамъ какая нибудь бѣлолицая гречанка.

— Ахъ! оставь пожалуйста съ своими женщинами, съ неудовольствіемъ возразилъ Гермасъ, — тамъ есть коечто получше, на что стоило бы смотрѣть. При этихъ словахъ глаза юноши заискрились отъ удовольствія, такъ что Павелъ спросилъ его не безъ смущенія:

— А что это такое?

— Ты знаешь лучше Александрію, продолжалъ тотъ, не отвѣчая на вопросъ, — это твоя родина и, говорятъ, прежде ты былъ богатъ.

— Говорятъ? кто же это говоритъ? можетъ быть это правда, но тебѣ я скажу: я радъ, и нисколько не сожалѣю объ утратѣ того, что у меня прежде было, я долженъ благодарить Спасителя, что онъ помогъ мнѣ отречься отъ этой суеты. Однако что-жъ особенно привлекательнымъ показалось тебѣ тамъ?

Гермасъ медлилъ. Онъ незналъ съ чего начать; но онъ чувствовалъ необходимость высказать то, что такъ сильно волновало его душу. Онъ зналъ, что изо всѣхъ людей, среди которыхъ онъ жилъ, Павелъ былъ единственный человѣкъ, способный понять его, — тотъ Павелъ, который такъ любилъ его, и у котораго онъ бывало мальчикомъ сиживалъ на колѣняхъ и теребилъ его сѣдую бороду. Александріецъ на видъ былъ очень серьезенъ, но въ обращеніи строгъ только съ самимъ собою.

Гермасъ почувствовалъ потребность открыть ему свою душу, и подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ рѣшимости — спросилъ у анахарета:

— Былъ ли ты хоть разъ въ термахъ?

— Разъ! Я былъ такъ счастливъ, что побывалъ тамъ и не одинъ разъ!

— Зачѣмъ ты смѣешься, Павелъ? что дурнаго хо-

дить туда? туда ходятъ для того, чтобы придать себѣ благопристойный видъ. Скажи мнѣ, почему Александрійскіе христіане могутъ посѣщать бани, между тѣмъ какъ ты, мой отецъ и всѣ мы, анахореты, можемъ пользоваться водой только для утоленія жажды. Вы заставляете меня жить такъ, какъ всѣ наши собратья, а я не хочу походить на нечистое животное.

— Здѣсь, другъ мой, насъ видитъ одинъ Всевышній, а для него мы должны заботиться только о чистотѣ души.

— Но Господь далъ намъ также и тѣло!—перебилъ Гермасъ—и о немъ мы должны подумать. Человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе, какъ сказано въ Писаніи. А мы? Отвратительной гадиной показался я самъ себѣ, когда увидѣлъ юношей, выходящихъ изъ городскихъ термъ, чисто вымытыхъ, съ гладко причесанными душистыми волосами. И когда я сравнилъ ихъ платье и весь ихъ приличный видъ съ своимъ и затѣмъ посмотрѣлъ на свои руки и ноги, которыя не слабѣе и не хуже тѣмъ у нихъ,—мнѣ стало скверно. Я не зналъ куда дѣться отъ стыда, зависти, досады... Нѣтъ! я больше не могу оставаться такимъ!

Гермасъ былъ сильно взволнованъ. Павелъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него. Тотъ продолжалъ:

— Мое тѣло принадлежитъ Богу, какъ и моя душа, и что позволено Александрійскимъ христіанамъ, то....

— Того не можемъ позволить себѣ мы, рѣзко перебилъ его Павелъ. Кто посвятилъ себя на служеніе Богу, тотъ долженъ разъ на всегда отрѣшиться отъ соблазновъ свѣта, разъ и на всегда разорвать всѣ узы, соединяющія съ нимъ. И я нѣкогда умащалъ свое тѣло благовоннымъ масломъ, тщательно расчесывалъ волосы, и любовался на себя въ зеркалѣ. Но теперь я позналь всю тщету мірской жизни и мірскихъ утѣхъ. Теперь я позналъ, что истинное блаженство на землѣ можно найти только въ молитвѣ, въ одной молитвѣ. И скажу тебѣ: мнѣ, ничтожному червю, были удѣлены такія минуты, когда

моя душа, освободившись отъ грѣховныхъ земныхъ узъ, восхищалась на небо и, какъ почетная гостья, принимала участіе въ пиршествѣ небесномъ....

Когда Павелъ говорилъ это, его глаза широко раскрылись и получили какой то особенный блескъ.

Нѣсколько времени простояли они молча другъ передъ другомъ. Наконецъ анахоретъ, отбросивъ рукою волосы, совсѣмъ закрывшіе его высокій, бѣлый лобъ, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Ты не знаешь, дитя мое, какого блаженства лишаешь ты себя изъ за пустыхъ ничтожныхъ вещей. Прежде чѣмъ небо возметъ къ себѣ праведника, онъ самъ низводитъ небо на землю.

Гермасъ хорошо понималъ анахорета. Также и его отецъ нерѣдко послѣ продолжительной молитвы, ничего не видя и не слыша что происходило вокругъ, недвижно устремлялъ свой взоръ на небо, а потомъ, очнувшись отъ этого восторженнаго состоянія, разсказывалъ сыну, что видѣлъ самого Спасителя и слышалъ хоры ангеловъ.

Самому Гермасу ни разу не удавалось испытывать такое состояніе, хотя отецъ нерѣдко заставлялъ его простаивать съ нимъ цѣлые, нескончаемо длинные часы на молитвѣ. Часто случалось, что слабая жизнь старика, послѣ такихъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, готова была угаснуть, и если бы Гермасъ могъ, онъ охотно бы удержалъ старика отъ святаго занятія. Но минуты этого восторжечнаго состоянія считались знакомъ особаго благоволенія Божія и могъ ли Гермасъ осмѣлиться говорить противъ этого?

Павлу же сегодня онъ рѣшился высказать всё.

— Конечно я хочу быть въ раю, но вѣдь двери его откроются намъ только послѣ смерти. Ты знаешь, терпѣніе—одна изъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Такъ почему же вы не ждете, пока Господь не возьметъ васъ съ себѣ на небо, а хотите небесными радостями насладиться здѣсь на землѣ. Сначала одно, а потомъ другое! Для чего Господь далъ намъ тѣлесныя блага, если мы не будемъ ими пользоваться? Сила и красота не безд-

лицы. Только глупецъ станетъ дѣлать подарки человѣку, который нисколько не цѣнитъ ихъ.

Павелъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на юношу, который прежде во всёмъ повиновался отцу и всегда слушался его совѣтовъ.

— Такъ думаютъ только дѣти суетнаго міра.... Да, мы образъ и подобіе Божіе; но развѣ сынъ станетъ цѣловать изображеніе отца, если самъ отецъ возлѣ него и готовъ обнять его?

Павелъ хотѣлъ сказать «матери» но удержался, такъ какъ вспомнилъ, что Гермасъ давно уже потерялъ мать, и слѣдовательно, упомянувши о матери, онъ могъ пробудить въ немъ чувство тоски о нѣкогда понесенной тяжелой утратѣ. Павелъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ огорчить чѣмъ нибудь ближняго невыразимо тяжело. Люди, какъ онъ, увидавъ у ближняго рану, дотронутся до нея лишь съ цѣлью уврачеванія.

Онъ обыкновенно говорилъ мало, но сегодня разговорился.

— На сколько выше насъ Господь, продолжалъ онъ, и какъ неразумно поэтому и непристойно для христіанина думать о себѣ, позабывъ о Богѣ! И блаженъ лишь тотъ, кто можетъ уничтожить въ себѣ самосознаніе—это памятованіе о себѣ—и духомъ углубиться въ Бога! Дается это не легко.... не рѣдко въ то время, когда человѣкъ уже казалось отрѣшился отъ себя, прежнія, покинувшія было его мысли вдругъ пробуждаются снова, высокое стремленіе духа мало по малу исчезаетъ и человѣкъ снова начинаетъ думать объ угожденіи плоти, забывая о Творцѣ своемъ. Господь же памятуетъ только о томъ, кто забываетъ себя, забываетъ побужденія своей грѣховной плоти.

Терпѣливо выслушавъ анахарета, Гермасъ наконецъ сказалъ:

— Я не понимаю, Павелъ, ни тебя, ни отца. Пока я живу на землѣ, я всегда останусь тѣмъ, что я теперь. Но послѣ смерти начнется конечно другая высшая жизнь.

— Нѣтъ, нѣтъ! живо перебилъ его Павелъ. Для того,

кто можетъ умереть при жизни, умертвить побужденія плоти, отречься отъ свѣта и отъ себя самого—для того эта иная высшая жизнь, о которой ты говоришь, наступаетъ до перехода въ вѣчность! Вотъ посмотри на меня, — такой ли я былъ прежде, до той минуты, въ которую меня, недостойнаго, осѣнила благодать Божія? Я былъ язычникомъ, наслаждался всѣми утѣхами суетнаго міра... Но теперь я христіанинъ. Милость Божія снизошла на меня, я какъ-бы родился снова, и во второй разъ сдѣлался ребенкомъ! Я умеръ и воскресъ, воскресъ уже для иной жизни. Изъ Савла я сталъ Павломъ и что, какъ нѣкогда Менандру, нравилось мнѣ прежде: термы и пиршества, ристалища и колесницы, розы и вѣнки, музыка и любовь женщинъ, всё это я презираю теперь, какъ тлѣнь и суету. Ничего прежняго не осталось въ новомъ человѣкѣ, и уже въ преддверіи гроба началась для меня новая жизнь. Я убѣжденъ — наступитъ время, когда и ты отречешься....

Отрекусь отъ прежней жизни? Да; но для этого я долженъ прежде быть Менандромъ, какъ былъ ты. Можно ли отказаться отъ того, чего не имѣешь? Для того чтобы умереть, нужно сначала пожить. Теперь же, Павелъ, я опять повторю тебѣ тоже. Надоѣла мнѣ эта подневольная жизнь, которую я веду здѣсь. Я не невольникъ какой нибудь, я свободный и при томъ знатнаго рода—объ этомъ мнѣ не разъ говорилъ отецъ; и думаю, что не хуже тѣхъ юношей, которыхъ я видѣлъ въ термахъ и палестрѣ....

— Такъ ты былъ въ палестрѣ? спросилъ съ изумленіемъ Павелъ.

— Да, въ тимагетскомъ ристалищѣ, отвѣчалъ Гермасъ, покраснѣвъ. Стоя у дверей, я смотрѣлъ на игры юношей, на ихъ состязаніе въ борьбѣ и метаньи диска. Самъ я не принималъ участія, но клянусь, не подойди вовремя Пахомій, не вытерпѣлъ бы и, выйдя на средину ристалища, вызвалъ бы сильнѣйшаго на бой, и увѣренъ, что, метнувъ дискъ, бросилъ бы его дальше того дуралея,

который одержалъ тамъ побѣду и былъ за то увѣнчанъ товарищами.

— Спасибо Пахомію, что онъ удержалъ тебя, съ улыбкой сказалъ Павелъ—иначе ты былъ бы тамъ осмѣянъ и пристыженъ. Правда, ты силенъ; но въ метаньи диска силы одной мало: тутъ, какъ и во многомъ иномъ, нужно еще умѣнье. Безъ знанія пріемовъ и навыка самъ Гераклъ былъ бы побѣжденъ въ этомъ искусствѣ.

— Я не въ первый разъ сталъ бы бросать. Вотъ посмотри какъ я брошу;—и нагнувшись поднялъ съ дороги большой плоскій камень, сильно размахнулся и метнулъ его внизъ подъ гору.

— Ну, вотъ видишь, вскричалъ Павелъ, не безъ любопытства слѣдившій за полетомъ камня, ты силенъ, но всякій, кто хоть немножко знакомъ съ пріемами, броситъ дальше тебя. Не такъ нужно бросать, не такъ! Краями дискъ долженъ, какъ ножемъ, разрѣзывать воздухъ. Какъ ты держишь руку! Такъ бросаютъ только женщины. Руку слѣдуетъ держать вотъ такъ—прямо, лѣвой ногой нужно отступить, а колѣно согнуть. Ну, смотри, бестолковый. Дай сюда камень. Нужно округлить его нѣсколько, постараемся попасть въ пальму.

Всё съ большимъ и большимъ оживленіемъ говорилъ Павелъ, и наконецъ самъ взялъ плиту камня, какъ много лѣтъ тому назадъ въ Александріи, гдѣ ни одинъ юноша не могъ съ нимъ сравняться въ искусствѣ метанія диска.

Онъ подогнулъ колѣна, выставилъ впередъ верхнюю часть тѣла и, размахнувшись, изо всѣхъ силъ бросилъ камень.

Но камень не достигъ пальмы, служившей для Павла цѣлью и упалъ въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи.

— Подожди, перебилъ Гермасъ, дай теперь я попробую попасть въ дерево.

Его камень не достигъ даже и холма, на которомъ росла пальма.

Павелъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой, взялъ

другой камень, и вотъ между ними завязалось оживленное состязаніе. Гермасъ, легко усвоившій пріемы своего учителя, съ каждымъ разомъ бросалъ все дальше и дальше, между тѣмъ какъ рука отшельника, какъ человѣка уже пожилаго, скоро стала ослабѣвать.

Вотъ Гермасъ во второй разъ попадаетъ въ пальму, между тѣмъ какъ камень Павла въ послѣдній разъ не достигъ даже и холма.

Страсть къ состязанію больше и больше овладѣвала анахоретомъ. Онъ сбросилъ съ себя платье, и подымая новый камень, закричалъ, какъ будто находясь въ тимагетскомъ ристалищѣ:

— Клянусь сребролукимъ Аполлономъ и мѣткой Артемидой—я попаду въ пальму.

При этихъ словахъ, размахнувшись изъ всѣхъ силъ, метнулъ камень, и на этотъ разъ такъ удачно, что дерево зашаталось подъ его сильнымъ ударомъ.

— Отлично, отлично! весело кричалъ Гермасъ. Вотъ это такъ ударъ. Прощай, Павелъ, завтра мы опять будемъ состязаться.

Съ этими словами Гермасъ оставилъ анахорета, и пошелъ по дорогѣ къ оазису. А Павла эти слова какъ бы пробудили отъ тяжелаго сна: онъ вздрогнулъ, затѣмъ безсмысленно оглянулся вокругъ, какъ будто очутившись въ какомъ то чуждомъ ему мірѣ.

Крупныя капли пота катились у него со лба. Въ смущеніи поднялъ свою одежду, валявшуюся на землѣ, и быстро накинулъ на плечи.

Затѣмъ съ выраженіемъ глубокаго горя схватилъ себя руками за голову, и слезы потекли у него изъ глазъ.

— Безумецъ! что говорилъ я? бормоталъ онъ. Всё старое умерло во мнѣ. Нѣтъ! это была ложь! Они называютъ меня Павломъ, но я Савлъ, еще хуже Савла!

При этихъ словахъ онъ упалъ на колѣна и сталъ горячо молиться.

Ему казалось, что онъ свалился съ высоты на острые мечи и копья, сердце его будто кровью обливалось и,

углубленный въ молитву и свое горе, онъ не чувствовалъ палящаго полуденнаго зноя, не замѣчалъ, какъ шло время, и даже не замѣтилъ, что по дорогѣ, на которой онъ стоялъ, приближалась къ нему толпа пилигримовъ съ епископомъ Агапитомъ, шедшихъ на поклоненіе священной горѣ.

Странники, видя его горячую молитву, слыша его рыданія, дивились его благочестію и по знаку епископа опустились передъ Павломъ на колѣна. Наконецъ, очнувшись, Павелъ увидѣлъ знаки оказаннаго ему почтенія, испуганный и удивленный онъ всталъ и приблизился къ Агапиту поцѣловать край его одежды, но епископъ не дозволилъ и проговорилъ:

— Нѣтъ! благочестивѣйшій долженъ быть и самымъ старшимъ изъ насъ! Преклонимся, друзья, передъ этимъ праведникомъ. Пилигримы исполнили его приказаніе, Павелъ закрылъ лицо руками и рыдая восклицалъ:

— Горе мнѣ грѣшному!

Пилигримы отправились дальше, дивясь набожности и смиренію Павла.

ГЛАВА III.

Гермасъ шелъ не останавливаясь и скоро достигъ послѣдняго изгиба лощины, по которой пролегалъ путь. Здѣсь передъ его глазами открывалась прекрасная плодородная долина, орошаемая многочисленными источниками, поверхность которыхъ блестѣла на солнцѣ, какъ полированная сталь; а между ними тамъ и самъ возвышались стройныя широколиственныя пальмы, пестрѣли кусты томариса и, закутанные со всѣхъ сторонъ зеленью, стояли домики жителей оазы.

Гермасъ могъ ужъ явственно разслышать крикъ пѣтуховъ и лай собакъ — и для него, привыкшаго къ постоянной тишинѣ и безмолвію на своей уединенной

горѣ, эти звуки были привѣтомъ иной жизни, — жизни, которой онъ такъ страстно желалъ.

Онъ остановился и сталъ слѣдить глазами за столбиками дыма, которые, дрожа въ лучахъ полуденнаго солнца, поднимались надъ многочисленными очагами жилищъ оаза.

— Тамъ, думалъ онъ, теперь жены готовятъ завтракъ для своихъ мужей, матери—для своихъ сыновей; а вонъ, гдѣ дымъ гуще, вѣроятно, ждутъ гостей и готовится пиръ. А меня... меня никто не ждетъ и никто не приглашаетъ.

Состязаніе съ Павломъ оживило и ободрило его, но картина, раскинувшаяся теперь передъ нимъ, опять наполнила его сердце горечью: его губы сжались отъ досады, когда онъ взглянулъ на свою грязную одежду, на свои грязныя руки и ноги.

Онъ хотѣлъ было идти дальше, но вдругъ остановился въ раздумьи, и повернувшись, пошелъ назадъ. Дойдя до источника, извѣстнаго только ему одному, онъ сбросилъ съ себя одежду и съ наслажденіемъ погрузился въ холодныя воды ручья. Тщательно вымывшись и расчесавъ пальцами свои густые волосы, отправился опять въ оазисъ.

Лощина, по которой онъ шелъ, упирается въ небольшой холмъ; на восточномъ склонѣ этого холма стояла новенькая, недавно выстроенная церковь, съ другихъ же сторонъ на немъ грозно возвышались стѣны и земляные окопы, за которыми жители мѣстечка искали защиты отъ разбойничьихъ нападеній сарациновъ. Этотъ холмъ почитается священнымъ мѣстомъ,—по преданію, на его вершинѣ молился Моисей во время битвы съ амалекитянами, между тѣмъ какъ Оръ и Ааронъ поддерживали его высоко поднятыя руки.

По сосѣдству съ оазомъ есть и другія замѣчательныя мѣста.

Такъ нѣсколько сѣвернѣе возвышается утесъ, изъ котораго Моисей извлекъ жезломъ своимъ воду, а на югозападъ виденъ тотъ холмъ, на которомъ Господь бесѣ-

довалъ съ нимъ въ горящей купинѣ; тамъ же и колодезь, у котораго, по преданію, законодатель встрѣтился въ первый разъ съ дочерьми Іофора.

Благочестивые пилигримы цѣлыми толпами посѣщали эти священныя мѣста. Нерѣдко приходили сюда и Наватійцы, которые на вершинѣ святой горы приносили жертвы своимъ божествамъ — солнцу, лунѣ и звѣздамъ.

У сѣвернаго входа въ долину возвышается грозная крѣпость; въ ея стѣнахъ, уже съ императора Трояна, съ тѣхъ поръ, какъ по его повелѣнію префектъ Корнелій Пальма предпринялъ походъ въ Аравію и покорилъ всю страну Арабовъ, помѣщается римскій гарнизонъ для защиты жителей города отъ набѣговъ дикихъ сарациновъ и блемійцевъ. Но и сами фаранійцы заботились о своей безопасности. На вершинахъ горы они разставили сторожей, которые день и ночь смотрѣли въ даль и посредствомъ условленныхъ знаковъ извѣщали о приближеніи малѣйшей опасности.

Каждый домъ въ городѣ походилъ на крѣпость, а горожане были всѣ отличные стрѣлки.

На склонѣ холма близъ церкви жили знатнѣйшіе граждане города. Тутъ былъ домъ епископа Агапита и дома другихъ высшихъ сановниковъ.

Между этими послѣдними наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ пользовался сенаторъ Петръ, обладавшій — какъ большимъ богатствомъ, такъ и рѣдкими душевными качествами. Не меньшимъ уваженіемъ пользовалась и жена его дьяконисса Дорофея, внука теперь уже умершаго, всѣмъ извѣстнаго епископа Херемона, который удалился въ этотъ городокъ во время гоненій Деція и многихъ фаранійцевъ обратилъ къ ученію Спасителя.

Домъ сенатора Петра былъ построенъ съ большимъ комфортомъ и удобствами. Къ нему прилегалъ роскошный пальмовый садъ.

Двадцать невольниковъ, множество верблюдовъ и даже два коня служили ему для домашняго обихода. Въ его домѣ помѣщался также и начальникъ крѣпостнаго

гарнизона, Галлъ Фебицій съ своей женой Сироной. Петръ не особенно былъ радъ такому жильцу, такъ какъ Фебицій былъ язычникъ и принадлежалъ къ числу поклонниковъ Митры; на мистеріяхъ въ честь этого бога онъ получилъ степень «льва». Фаранійцы такъ и звали его львомъ.

Его предшественникъ, прежній комендантъ крѣпости, былъ менѣе знатнаго происхожденія, но за то христіанинъ и человѣкъ очень религіозный. Петръ самъ пригласилъ его въ свой домъ. Но когда годъ тому назадъ Фебицій смѣнилъ набожнаго Панкратія, сенатору неловко было отказать въ помѣщеніи новому военачальнику.

Робко приближался Гермасъ къ двору сенатора и эта робость еще болѣе увеличилась, когда онъ, безпрепятственно войдя въ передніе покои дома, не зналъ куда ему идти дальше.

Тамъ никого не было и Гермасу не у кого было спросить куда идти. Онъ остановился передъ лѣстницей, которая вела въ верхнее помѣщеніе дома, но вотъ ему показалось, будто слышитъ у себя надъ головой голосъ Петра. Да, онъ не ошибся, это дѣйствительно голосъ сенатора. Наконецъ Гермасъ рѣшился подняться по лѣстницѣ, но едва онъ вступилъ на первую ступеньку, какъ дверь выходящая на верхнюю площадку лѣстницы отворилась и оттуда съ шумомъ и крикомъ вырвалась цѣлая орава дѣтей.

Онъ былъ пораженъ этой сценой, но ему не было времени для размышленія: дѣти достигли верхнихъ ступенекъ лѣстницы.

Впереди всѣхъ бѣжала замѣчательно красивая молодая женщина съ роскошными золотистыми волосами.

У нея въ рукахъ была большая пестро одѣтая кукла. Она громко и весело смѣялась. Теперь она обратилась лицомъ къ дѣтямъ, которыя, сгорая отъ нетерпѣнія завладѣть куклой, сквозь смѣхъ и слезы выпрашивали ее у молодой женщины:

— Отдай намъ ее, Сирона! зачѣмъ ты отняла ее у насъ? Сирона, Сирона!

Прехорошенькая шестилѣтняя дѣвочка повисла у нея на рукѣ, всячески стараясь достать куклу, между тѣмъ какъ другія дѣти обхватили ея колѣна и силились ихъ подогнуть. Молодая женщина весело отталкивала отъ себя дѣтей, и смѣясь кричала имъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! вы не получите куклы. Ей нужно сшить новое платье и такое-же пестрое, какъ платье императора. Пусти меня, Цецилія, а то упадешь, какъ недавно шалунъ Никонъ.

Съ этими словами она быстро повернулась и загородила собою доступъ къ лѣстницѣ, на которой стоялъ Гермасъ, съ разинутымъ ртомъ все время смотрѣвшій на эту сцену.

Обернувшись, Сирона замѣтила его и сначала испугалась. Но видя, что анахоретъ на предложенный ею вопросъ о цѣли прихода отъ смущенія молчитъ, снова засмѣялась и весело крикнула ему:

— Да иди сюда; мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ. Не правда-ли дѣти!

Наконецъ нѣсколько оправившись отъ смущенія, Гермасъ объяснилъ свое желаніе видѣть сенатора Петра. Сирона, все время съ удовольствіемъ разсматривавшая статную фигуру юноши, охотно взялась проводить его къ сенатору.

Въ это время Петръ разговаривалъ съ своими старшими сыновьями. То были прекрасно сложенные стройные молодые люди, но отецъ былъ ихъ гораздо выше и шире въ плечахъ.

Когда юноши говорили между собою, онъ внимательно вслушивался, опустивъ глаза и разглаживая свою сѣдую окладистую бороду. На первый взглядъ онъ казался очень серьезнымъ и сосредоточеннымъ человѣкомъ, но, всматриваясь пристальнѣе, не рѣдко можно было замѣтить на губахъ его веселую и довольную улыбку.

Это былъ человѣкъ очень умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой и добрый. Самъ онъ не получилъ никакого образованія, но сыновьямъ далъ, весьма солидное воспитаніе. Оба они кончили курсъ въ высшей Александрійской школѣ. Изъ младшаго Антонія вышелъ хорошій механикъ, а изъ старшаго Поликарпа—талантливый скульпторъ. Теперь они разсуждали о своихъ работахъ, показывали отцу планы. Поликарпъ объяснялъ отцу планъ Цезареума въ Александріи, для котораго всѣ скульптурныя работы были заказаны ему, какъ лучшему скульптору. Гранитъ для этихъ работъ онъ думалъ добывать изъ каменоломенъ отца. Антоній-же, какъ механикъ, долженъ былъ помогать ему при перевозкѣ строительнаго матеріала, а перевозка было дѣло не легкое, такъ какъ приходилось перевозить издалека. Петръ находилъ сначала планы сыновей очень смѣлыми, но потомъ, мало по малу убѣждаясь ихъ доводами, одобрилъ всѣ ихъ предпріятія и обѣщалъ дать имъ лучшій мраморъ изъ своихъ каменоломенъ.

Младшій взялъ руку отца и съ почтеніемъ поцѣловалъ.

Петръ, разглаживая роскошные волнистые волосы сына, сказалъ, продолжая прежній разговоръ:

— Все это хорошо друзья мои, но у насъ мало рабочихъ рукъ, намъ нужно увеличить число невольниковъ. Позови сюда мать, Поликарпъ.

Поликарпъ отправился въ комнату матери, и не много погодя вернулся въ сопровожденіи Дорофеи и старшей сестры Мартаны. Видя веселыя, сіяющія отъ радости лица сыновей, Дорофея догадалась о согласіи отца, объ одобреніи ихъ плановъ, и, какъ мать, она радовалась за нихъ.

— А что, Сирона была у васъ? спросилъ неожиданно Поликарпъ.

При этомъ вопросѣ скульпторъ хотѣлъ было принять равнодушный видъ, но это не удалось и онъ невольно покраснѣлъ.

Мартана замѣтила это и не безъ лукавства отвѣтила ему:

— Она показала намъ на минуту свое прекрасное личико, но важныя дѣла отозвали ее отсюда.

— Дѣла? Сирону? спросилъ Поликарпъ.

— Да, какъ-же! она шьетъ новое платье для куклы нашихъ дѣтей.

— Зачѣмъ ты смѣешься надъ ея добротой,—упрекнулъ Поликарпъ сестру.

— Какъ ты чувствителенъ, Поликарпъ! тихо отвѣчала та. Правда, Сирона очень добра и мила, а все таки ты очень-то не заглядывайся на нее: она принадлежитъ не намъ, и какъ ни противенъ Гальскій центуріонъ, но.... Мартана не докончила фразы, такъ какъ въ дверь, близь которой они стояли, вошелъ Іетро, старый управитель дома.

Дорофея, разговаривавшая до того времени съ мужемъ, подошла къ нему и стала толковать съ нимъ о хозяйствѣ. Она спрашивала, не можетъ-ли кто нибудь изъ жителей оаза дать на время своихъ людей и нельзя-ли нѣкоторыхъ изъ невольниковъ отправить на работы въ каменоломни, гдѣ не достаетъ рабочихъ.

Она говорила очень умно и дѣльно; видна была отличная, знающая хозяйка.

— Напримѣръ, этотъ долговязый Анубисъ, заключила она, кажется, совсѣмъ не нуженъ въ конюшняхъ.

Управитель, который прежде такъ скоро и толково отвѣчалъ на ея вопросы, теперь медлилъ отвѣтомъ и искоса посматривалъ на сенатора. Дорофея замѣтила нерѣшительность старика и спросила:

— Что это значитъ? Что могу знать я, то и Петръ можетъ слышать.

При этихъ словахъ сенаторъ, внимательно разсматривавшій во время ихъ разговора планы сыновей, быстро обернулся и сурово взглянулъ на старика. Іетро растерялся, началъ было что-то бормотать, но его ужъ нельзя было разслышать: въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжали дѣти въ сопровожде-

нія Сироны, которая смѣясь подвела Гермаса къ сенатору:

— Вотъ этого молодца я нашла на лѣстницѣ, онъ хочетъ видѣть тебя.

Петръ не особенно дружелюбно посмотрѣлъ на юношу.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ.

Очутившись въ большомъ обществѣ, гдѣ были двѣ молодыя женщины, Гермасъ совершенно растерялся, пальцы его теребили шерсть накинутой на его плечи шкуры, а губы двигались безъ словъ. Наконецъ онъ кое-какъ пробормоталъ:

— Я сынъ стараго Стефана, который былъ раненъ во время послѣдняго нападенія сарациновъ. Мой отецъ сильно страдаетъ: онъ не спалъ уже пять ночей; и Павелъ послалъ меня къ тебѣ, благочестивый Павелъ изъ Александріи...

— Такъ, такъ,—перебилъ его Петръ ободряющимъ голосомъ. Ты пришелъ за лекарствомъ для старика. Посмотри-ка, Дорофея, какой молодецъ вышелъ изъ того мальчугана, котораго Антіохіецъ утащилъ съ собой на гору. Гермасъ покраснѣлъ, но невольно выпрямился.

При этомъ онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сыновья сенатора, ровесники ему по годамъ, оказывались ниже его ростомъ; но странно однако, съ перваго же раза къ нему вкралось какое то къ нимъ непріязненное чувство, и онъ робѣлъ передъ ними больше, чѣмъ передъ ихъ строгимъ отцомъ.

Поликарпъ, все время не сводившій глазъ съ Сироны, окинувши глазами анахорета, сказалъ ей громко:

— Еслибъ у насъ было десятка два невольниковъ съ такими плечами, какъ у этого молодца, то дѣло бы пошло на ладъ. Здѣсь есть работа, парень...

— Меня зовутъ не парень, а Гермасъ. Отозвался анахоретъ, и жилы на его лбу налились кровью.

Поликарпъ зналъ многихъ отшельниковъ на священной горѣ, но онъ не думалъ, чтобы въ ихъ числѣ можно было встрѣтить крѣпкихъ, здоровыхъ юношей. Понялъ

онъ, что гость отца нѣчто большее, чѣмъ можно было думать, судя по его нищенской одеждѣ и понялъ, что оскорбилъ юношу. Поэтому, желая загладить свою неосторожную выходку, онъ дружески сказалъ:

— Такъ тебя зовутъ Гермасъ? Ну, не сердись, Гермасъ. Вѣдь мы здѣсь всѣ работаемъ. Трудъ не унижаетъ... Чѣмъ-же ты занимаешься?

Этотъ вопросъ окончательно смутилъ анахорета; Доротея, понявъ причину смущенія молодаго человѣка, быстро сказала:

— Онъ ухаживаетъ за своимъ больнымъ отцомъ.

— Неправда-ли, дитя мое, вѣдь въ этомъ теперь твое занятіе? Петръ не откажетъ вамъ въ помощи.

— Конечно нѣтъ, подтвердилъ сенаторъ; я пойду вмѣстѣ съ тобою къ твоему отцу. Знайте, дѣти, обратился онъ къ сыновьямъ—отецъ этого юноши былъ знатный вельможа, но отказался отъ свѣта, въ которомъ испыталъ много горя, и посвятилъ себя на служеніе Богу. Присядь, дитя мое. Мнѣ теперь нужно окончить одно важное дѣло, а послѣ мы пойдемъ съ тобой къ отцу.

— Мы живемъ тамъ на горѣ...

— Что-жъ, тамъ чище воздухъ. Но постой! можетъ быть старикъ одинъ... Нѣтъ? Благочестивый Павелъ, говоришь ты съ нимъ. Ну, тогда онъ въ хорошихъ рукахъ, и ты можешь подождать.

Петръ остановился на минуту, о чемъ-то раздумывая, потомъ подозвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ:

— Антоній! поди позаботься о невольникахъ а ты, Поликарпъ, о вьючныхъ животныхъ. Если сколько понадобится денегъ, не жалѣйте: на это денегъ не жаль. Чѣмъ скорѣе исполните свои порученія, тѣмъ лучше. Хорошую мысль нужно осуществлять быстро, не мѣшкая: за словомъ должно быть дѣло такъ-же быстро, какъ звукъ удара за паденіемъ молотка. А ты, Мартана, приготовь питье отъ лихорадки да нѣсколько перевязокъ. Вотъ тебѣ ключи.

Экономическій быть земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ.

I.

Область московскаго государства въ XV — XVI вѣкахъ представляла обширную площадь, занимавшую при Иванѣ III (1462) около 18 тыс. кв. м., при Василіѣ III (1505) 24,000 и расширившуюся при Иванѣ IV (1584) до 72 т. квадр. миль. Населеніе русской территоріи было весьма незначительно и въ XVI в. не превышало 7 милліоновъ.

Природа страны давала этому населенію богатыя средства къ существованію, требуя для ихъ полученія сравнительно незначительнаго труда. Почва отличалась производительностью, которая можетъ показаться теперь почти невѣроятной. Области Владимірская и Нижегородская, особенно мѣстности по берегамъ Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ. Ярославская область была одною изъ плодороднѣйшихъ. Рязанская земля превосходила плодородіемъ всѣ остальныя: лошади не могли проѣхать чрезъ ея густыя нивы. Дальше въ новозавоеванныхъ земляхъ между рѣками Волгой и Дономъ шли громадныя пространства земли покрытыя толстымъ слоемъ жирнаго чернозема. Сѣверъ Россіи не уступалъ въ плодоносности другимъ ея частямъ. Вдоль береговъ Сѣверной Двины почва, орошаемая

весенними разливами рѣки, родила хлѣбъ, не требуя особенныхъ заботъ человѣка. Менѣе благопріятны были почвенныя условія въ самомъ центрѣ Россіи, въ области собственно Московской. Почва здѣсь песчаная и климатъ отличается рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду, отъ сухости къ влаги, что не могло не дѣйствовать неблагопріятно на жатву. Но количество такой малоплодородной почвы было вообще весьма незначительно и совершенно исчезало въ массѣ земель плодородныхъ [1]).

Кромѣ того русскій человѣкъ 16 вѣка могъ найти достаточно средствъ къ существованію и внѣ земледѣлія. Большую часть русской территоріи покрывали огромныя пространства непроходимыхъ лѣсовъ съ ихъ первобытными деревьями, колоссальные размѣры которыхъ, особенно соснъ, приводили въ изумленіе иностранныхъ путешественниковъ. Герберштейнъ разсказываетъ, что сѣверо-востокъ Россіи — области вологодская, двинская и вятская, равно какъ и сѣверо-западъ ея — область новгородская были сплошь покрыты дремучими лѣсами, среди которыхъ не было никакихъ путей (Герб. 65. 77. 79. 80), что около самой Москвы видны были огромные пни, свидѣтельствовавшіе о недавно срубленномъ лѣсѣ. Эти лѣса не только давали матеріалъ и топливо для жилищъ, вполнѣ удовлетворяя насущной потребности въ защитѣ отъ суровости климата, они изобиловали сверхъ того всякаго рода звѣремъ, доставлявшимъ населенію не мало выгодъ. Всего болѣе водилось бѣлокъ, встрѣчавшихся почти повсюду; особенно ихъ было много на лѣсистыхъ берегахъ Оки, въ лѣсахъ пермскихъ, вятскихъ и устюжскихъ. Самыя лучшія добывались около Казани. Берега Оки были богаты также куницами и горностаями.

На югозападѣ тогдашней Россіи, въ нынѣшней Смоленской губ., во множествѣ водились лоси, вепри, куницы и бобры. Бобры были преимущественнымъ предметомъ добычи, такъ что звѣроловы носили названіе бобровниковъ. Были цѣлыя поселенія такихъ бобровниковъ даже въ центральныхъ уѣздахъ,

---

[1]) Herberstein, Пав. Іовій, Флетчеръ, Соф. Барбаро.

напр. Дмитровскомъ, занимавшаяся исключительно звѣроловствомъ. Но богатѣйшими мѣстами звѣриной ловли были берега сѣверныхъ рѣкъ: Ваги, изобиловавшей лисицами чернаго и пепельнаго цвѣтовъ, Печоры, гдѣ во множествѣ водились соболи, куницы, бобры, волки и бѣлки, и Сѣверной Двины съ ея притоками. Въ странѣ югровъ и вогуличей на высокихъ горахъ водились превосходные соколы и кречеты. Затѣмъ въ концѣ XVI столѣтія (1584) къ Россіи была присоединена Сибирь съ ея неисчерпаемыми богатствами пушнаго звѣря.

Весьма важнымъ подспорьемъ для населенія служило пчеловодство, развившееся вслѣдствіе того же обилія лѣсовъ. По разсказамъ иностранцевъ пчелы кладутъ медъ въ дуплахъ въ деревьяхъ безъ всякаго ухода. Весьма характеристиченъ для того времени слѣдующій анекдотъ, возникновеніе и распространеніе котораго было возможно только въ эту эпоху. Одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самую шею; онъ оставался въ такомъ положеніи впродолженіи двухъ дней, питаясь однимъ медомъ, пока наконецъ не выручилъ его изъ неминуемой бѣды медвѣдь, спустившійся задними лапами въ тоже дупло. Крестьянинъ ухватился за него руками и закричалъ во все горло, такъ что испуганный медвѣдь выскочилъ изъ дупла и вынесъ крестьянина вмѣстѣ съ собой. Пчеловодство было распространено повсюду, но имъ занимались преимущественно въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской, Рязанской и Смоленской. Были цѣлыя села бортниковъ, напр. въ Нижегородской губ., занимавшіяся пчеловодствомъ.

Нечего много говорить о рыбныхъ богатствахъ рѣкъ и озеръ, въ обиліи покрывавшихъ русскую равнину во всѣхъ ея направленіяхъ. Рыболовствомъ съ успѣхомъ занимались въ каждомъ озерцѣ, въ каждой рѣчкѣ. Рыба составляла одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія, особенно во время постовъ, и была обыкновенной принадлежностью базаровъ. Въ наиболѣе выгодныхъ мѣстахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ и озеръ были расположены слободы рыболововъ, жившихъ почти исключительно продуктами своего промысла. Такъ извѣстны рыболовныя слободы на Галицкомъ озерѣ, Переяслав-

-скомъ, Бѣломъ озерѣ, на Волгѣ близъ Романова и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что естественныя условія того времени были весьма благопріятны для производительности труда и человѣкъ гораздо меньшимъ количествомъ труда могъ добыть себѣ необходимыя средства къ существованію, чѣмъ въ какую либо изъ послѣдующихъ эпохъ русской исторіи. Разсмотрѣвши природныя условія труда, перейдемъ къ изслѣдованію общественнаго экономическаго положенія крестьянства въ ту пору.

II.

Въ большей части Россіи земли были розданы уже въ то время служилымъ людямъ и духовенству. Древній бытъ, при которомъ территорія была раздѣлена между отдѣльными родами, владѣвшими землею лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалась обработка земли и лишь въ предѣлахъ приложенія своего труда—«куда топоръ, соха и коса ходила»—сохранился въ немногихъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Россіи крестьяне сидѣли на земляхъ, принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, и пользовались своими участками подъ условіемъ взноса извѣстнаго количества оброка или доли отъ урожая въ пользу землевладѣльца. Такимъ образомъ масса земледѣльческаго населенія по своимъ отношеніямъ къ землѣ не составляла одного цѣлаго и раздѣлялась на 2 большія группы: 1) крестьянъ черныхъ, жившихъ на земляхъ свободныхъ, верховнымъ собственникомъ которыхъ въ ту пору считался князь и 2) крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. На сѣверозападѣ, въ областяхъ Новгорода и Пскова, былъ еще классъ мелкихъ собственниковъ земли — своеземцевъ. Одни изъ нихъ обработывали свои участки сами, иногда съ помощью наемныхъ работниковъ—захребетниковъ и подворниковъ — другіе сдавали ее крестьянамъ изъ извѣстной доли продукта на одинаковыхъ условіяхъ съ остальными землевладѣльцами: вообще этотъ классъ занималъ средину между крестьянами и землевладѣльцами. Въ продолженіе XVI в. онъ постепенно изчезаетъ.

Черныя земли были первоначально единственнымъ видомъ земель въ Россіи. Даже въ удѣльный періодъ, когда земли стали раздаваться въ вотчины и помѣстья и значительная часть свободныхъ крестьянъ превратилась въ арендаторовъ у землевладѣльцевъ, черные крестьяне составляли громадное большинство. Правительство испомѣщало въ эту пору служилыхъ людей главнымъ образомъ изъ «порозжихъ» земель, на которыя только особенныя льготы могли привлечь крестьянъ черныхъ волостей. Но, начиная съ XV в., усилилась раздача земель, населенныхъ черными крестьянами, и свободное крестьянство стало исчезать съ удивительною быстротой. Въ XVI в. черныя волости уже совершенно исчезли въ центральныхъ уѣздахъ, напр. московскомъ, коломенскомъ и звенигородскомъ и въ большей части новгородской области, составляли незначительную часть въ тверскомъ уѣздѣ [1]) и сосредоточивались, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ окраинахъ Россіи въ уѣздахъ поморскихъ и на сѣверовосточныхъ краяхъ новгородской земли (обонежская пятина), которыя избавились отъ общей участи остальной Россіи только благодаря новымъ завоеваніямъ на югѣ, представлявшимъ несравненно болѣе выгодъ для землевладѣльцевъ, чѣмъ сѣверныя окраины. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ раздѣлялись на нѣсколько группъ, впрочемъ весьма немного различавшихся между собою по условіямъ своего быта. Въ составъ этого класса входили: крестьяне жившіе 1) въ дворцовыхъ имѣніяхъ 2) на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ служилыхъ людей и 3) на земляхъ чернаго духовенства (монастырей, митрополитовъ и архіереевъ) и бѣлаго. Въ XVI в. владѣльческіе крестьяне составляютъ громадное большинство.

Былъ еще разрядъ земледѣльческихъ работниковъ—холопы. Они рѣзко отличаются отъ предыдущихъ двухъ классовъ, и своимъ экономическимъ положеніемъ, а особенно отсутствіемъ

---

[1]) См. писцовыя книги этихъ уѣздовъ и пятинъ новгородской земли. Я имѣлъ случай пользоваться еще невышедшимъ первымъ отдѣленіемъ перваго тома писцовыхъ книгъ, издаваемыхъ географическимъ обществомъ подъ редакціей Калачева. Въ ожиданіи скораго выхода ея я счелъ нелишнимъ обозначать страницы приводимыхъ мѣстъ.

всѣхъ гражданскихъ правъ, которыми крестьяне обладали во всей ихъ полнотѣ. Число земледѣльческихъ рабовъ въ описываемое время было совершенно ничтожно, въ чемъ особенно убѣждаютъ писцовыя книги. По мнѣнію Бѣляева, количество несвободнаго населенія къ массѣ вольнаго крестьянства относилось какъ 1 къ 300. Это отношеніе, довольно вѣроятное для новгородскихъ владѣній, въ остальныхъ частяхъ Россіи было еще слабѣе.

Всѣ перечисленные разряды земледѣльческаго населенія, за исключеніемъ послѣдняго, по отношенію къ личнымъ и имущественнымъ правамъ, общественному положенію представляли однообразную массу полноправныхъ личностей, равныхъ съ членами другихъ классовъ. Вслѣдствіе свойственныхъ той эпохѣ соціально-экономическихъ условій, крестьяне, жили ли они на своихъ земляхъ, или на помѣщичьихъ, не могли сильно различаться между собою и по имущественному состоянію. Экономическій строй русскаго общества въ XV—XVI вѣкахъ носитъ черты переходной фазы отъ первобытнаго состоянія къ общественной организаціи новаго времени съ ея средоточеніемъ средствъ производства въ рукахъ особаго класса. Впрочемъ зачатки этой новой организаціи были еще весьма слабы. На пространствѣ всей Россіи почти исключительно господствовалъ способъ мелкаго производства, основанный на общинномъ владѣніи землей, подѣленной на небольшіе участки между членами общины. Каждое земледѣльческое семейство отдѣльно отъ другихъ обработывало свой жеребій за немногими исключеніями лишь собственными силами и орудіями и вело вообще отдѣльное хозяйство. Только спорадически, преимущественно въ монастырскихъ имѣніяхъ, встрѣчалось хозяйство въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, но оно велось тѣмъ же способомъ, какъ и крестьянское хозяйство, отъ котораго отличалось лишь массою одновременно употребляемыхъ работниковъ и соотвѣтственнымъ количествомъ сосредоточенныхъ средствъ производства.

Ремесла стояли въ тѣсной связи съ земледѣліемъ и представляли туже форму мелкаго производства. Характеристической чертой изслѣдуемой экономической фазы было то явленіе,

что производство было направлено главнѣйшимъ, почти исключительнымъ образомъ на удовлетвореніе потребностей производителей.

Въ первыя эпохи нашей исторіи каждое хозяйство, было ли оно крестьянское или помѣщичье, каждая община удовлетворяли вполнѣ своимъ потребностямъ и работали лишь для ихъ удовлетворенія и запаса на случаи голода. Но въ XII — XVI в. полнаго соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ уже не существовало, такъ какъ въ большинствѣ мѣстностей крестьянинъ не былъ собственникомъ воздѣлываемой земли, которая была роздана помѣщикамъ, вотчинникамъ и монастырямъ. Приходилось значительную часть труда употреблять на вознагражденіе владѣльцевъ земли. При весьма низкомъ уровнѣ потребностей землевладѣльцевъ количество этого излишняго противъ собственныхъ нуждъ, добавочнаго труда, было однакожъ ограниченно, какъ это будетъ показано при разсмотрѣніи различныхъ видовъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Весь же остальной свой трудъ, за исключеніемъ этой доли, земледѣлецъ употреблялъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, причемъ, одна часть производимаго продукта служила какъ средство существованія, другая какъ средство производства. Правда существовалъ нѣкоторый сбытъ внѣ своей общины, но онъ имѣлъ цѣлью лишь пріобрѣтеніе предметовъ непосредственнаго потребленія. Въ этомъ убѣждаетъ не только простой взглядъ на предметы, продаваемые на торгахъ и относящіеся исключительно къ хозяйству, но и правительственныя распоряженія, подобныя наказу, данному тобольскому воеводѣ въ 1664 году, которымъ воспрещалось служилымъ людямъ покупать хлѣба свыше 5 или 6 четвертей (Доп. къ ист. актамъ IV, стр. 354) Громаднѣйшая часть производимыхъ продуктовъ служила для внутренняго потребленія и за границу сбывались лишь излишки за его удовлетвореніемъ. Преимущественно сбывались тѣ изъ сырыхъ продуктовъ, которыхъ Россія могла добывать въ неистощимомъ обиліи, напр. поташа, смолы, смольчуга, лѣснаго товара и т. д. Что касается до хлѣба, то отчасти вслѣдствіе отсутствія запроса извнѣ, онъ вывозился лишь въ незначи-

тельномъ количествѣ. Хлѣбной торговлей занималась казна, а право частныхъ людей на вывозъ было ограничено. Но вообще вывозить хлѣбъ заграницу въ большомъ количествѣ считалось вреднымъ и опаснымъ. Торговцы жаловались на англичанъ и другихъ иностранцевъ, что они оголодали русскую землю, вывозя хлѣбъ за границу. Въ XVII вѣкѣ правительство также неоднократно запрещало его вывозъ. Такъ при Михаилѣ Өедоровичѣ въ 1628 г. запрещено было вывозить за границу хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, воскъ и благородные металлы. Подобныя же распоряженія были повторены въ 1649 и 1661 годахъ. Особенно правительство запрещало вывозъ хлѣба въ Литву въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этимъ государствомъ бывали враждебныя столкновенія. Такимъ образомъ для развитія обмѣна не было благопріятныхъ условій. Внутри государства препятствовала ему однообразіе природныхъ условій, вслѣдствіе чего не могло явиться различія въ сферахъ производства, а слѣдовательно и раздѣленія труда. Сбыту за границу мѣшала изолированность Россіи и низкій уровень потребностей ея жителей.

Могло ли явиться какое либо рѣзкое, существенное различіе въ экономическомъ бытѣ перечисленныхъ разрядовъ земледѣльческаго класса при такой монотонной общественной организаціи производства, при однообразіи природныхъ средствъ, тѣмъ болѣе, что и остальныя условія, опредѣляюшія производительность труда, каковы средняя степень способности рабочаго, уровень развитія, количество знаній и умѣнье примѣнять ихъ были одинаковы для всѣхъ земледѣльцевъ? Конечно нѣтъ. Дѣйствительно величина и составъ участковъ какъ у черныхъ такъ и у владѣльческихъ крестьянъ въ среднемъ выводѣ одинаковы, такъ какъ они опредѣлялись повсюду количествомъ потребностей, весьма сходнымъ для каждаго хозяйства. Различія объясняются исключительно мѣстными условіями. Нѣсколько болѣе разницы относительно повинностей. Владѣльческіе крестьяне платили деньги или долю урожая землевладѣльцу, между тѣмъ какъ черные были свободны отъ этихъ платежей. Но за то черные платили больше податей сравнительно съ владѣльческими, и въ сущности количество повинностей лежавшихъ на землѣ въ томъ и другомъ случаѣ,

при правѣ свободнаго перехода, должно было одинаково. Приведенное дѣленіе на разряды основывается не на различіи въ количествѣ отбываемыхъ повинностей и вообще не на какихъ либо особенностяхъ экономическаго быта, а главнымъ образомъ на различіи лицъ и учрежденій, въ пользу которыхъ повинности отбывались.

Вслѣдствіе этого, въ избѣжаніе повтореній, мнѣ кажется, удобнѣе не разсматривать каждый разрядъ отдѣльно, а изслѣдовать предварительно хозяйственныя условія, общія крестьянамъ всѣхъ разрядовъ, и затѣмъ показать особенности ихъ положенія на земляхъ различныхъ владѣльцевъ.

III.

Преобладающимъ занятіемъ крестьянскаго населенія было земледѣліе. Оно велось уже на сѣверѣ по подсѣчной, въ большей же части Москов. государства по трехпольной системѣ, причемъ одно поле засѣвалось рожью, другое овсомъ, третье оставалось подъ паромъ (А. А. Э. т. III № 93). Но почти при каждой деревнѣ сверхъ «паханой пашни» было еще извѣстное количество перелогу и пашни заброшенной и поросшей лѣсомъ. Сѣяли рожь, овесъ, ячмень и гречиху. Пшеница засѣвалась сравнительно въ ничтожномъ количествѣ и составляла предметъ потребленія крестьянина только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ писцовыхъ книгахъ, какъ новгородскихъ такъ и московскихъ разныхъ мѣстностей, при описаніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, нигдѣ пшеница почти не упоминается въ числѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ. Каждое крестьянское хозяйство владѣло извѣстнымъ количествомъ лошадей, коровъ, овецъ и проч. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, какъ велико было количество скота. Но судя по обилію сѣна, скашиваемаго каждымъ дворомъ, по дешевизнѣ скота, судя, наконецъ, потому, что налоги, отбываемые въ началѣ XIV столѣтія преимущественно натурой, платились вмѣстѣ съ рожью, овсомъ, хмѣлемъ и солодомъ, продуктами скотоводства и птицеводства: масломъ, сыромъ, овчинами, бараньими лопатками,

курицы, яйцами—можно предполагать, что скота было довольно въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Но земледѣліе далеко не составляло исключительнаго занятія. Вмѣстѣ съ нимъ крестьяне занимались звѣроловствомъ, бортничествомъ или рыбною ловлею. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе благопріятныхъ для того мѣстностяхъ эти занятія, какъ мы видѣли, образовали самостоятельныя сферы хозяйства и служили главнѣйшимъ источникомъ средствъ населенія этихъ мѣстностей. Вообще въ быту крестьянства XVI вѣка сохранилось еще много элементовъ первобытной рыболовческой и звѣроловческой культуры. Въ это время заканчивалась для русскихъ людей переходная эпоха отъ того быта, когда они жили въ лѣсахъ подобно звѣрю, къ быту земледѣльческому.

Что касается до ремеслъ, то въ городахъ еще встрѣчаются самостоятельные ремесленники, но въ селахъ ремесло рѣдко было самостоятельнымъ занятіемъ и исполнялось побочно при земледѣліи [1]). Вслѣдствіе этого: 1) могли появиться только такія ремесла, которыя находятся въ непосредственной связи съ земледѣліемъ, а во 2-хъ, не могъ возникнуть въ селахъ сколько нибудь значительный классъ ремесленниковъ, число которыхъ дѣйствительно было въ высшей степени ничтожно. Среди нескончаемыхъ описаній деревень и селъ, рѣдко гдѣ можно встрѣтить дворъ какого нибудь ремесленника, живущаго исключительно своимъ занятіемъ. Чаще, чѣмъ другіе ремесленники попадаются въ селахъ кузнецы: кузнечество наиболѣе тѣсно связано съ земледѣліемъ. Въ большинствѣ описываемыхъ случаевъ кузнецы занимались вмѣстѣ съ своимъ ремесломъ и земледѣліемъ: «Дворъ Ивашко кузнецъ, сѣетъ ржи 3 коробьи, а сѣна коситъ 15 копенъ» [2]), но иной разъ только и знали, что свое ремесло. Встрѣчаются кое гдѣ по 2 по 3 кузницы въ одной деревнѣ [3]). На распростра-

[1]) Пряжа, тканье, выдѣлка овчинъ и подобныя работы исполнялись дома самими членами семействъ.

[2]) П. кн. Дер. пят. I. 38. Ср. 70, 630, 633, 680, 681, 729, II. 547, 582, 705, 737 и въ другихъ мѣстахъ. Писц. кн. изд. Калачевымъ. I. 284, 286, 655 и пр. Писц. кн. Вотской пятины 587, 623, 688, 793.

[3]) П. кн. Клач. II. 24, 53 Ср. Дер. I 316.

ненность этого ремесла отчасти указываетъ нерѣдко встрѣчающіяся названія деревень въ родѣ Кузнецово, Кузнечково и т. д. (П. кн. Калач. II, 124, 138 и пр.). Тѣмъ же ремесломъ занимался вѣроятно и коваль (ibid. 138). Плотники упоминаются гораздо рѣже. Въ ту пору каждый или самъ дѣлалъ свои несложныя постройки или при помощи сосѣдей, которымъ онъ въ случаѣ нужды платилъ въ свою очередь такою же помощью. Кое-гдѣ попадаются плотники, вовсе не занимавшіеся хлѣбопашествомъ, люди непашенные (Дер. I. 482) или бобыли (I. 286, 684), или напр. одинъ и тотъ же крестьянинъ вмѣстѣ и пастухъ и плотникъ (П. кн. Вот. пят. 562). Изъ другихъ ремесленниковъ въ селахъ можно было встрѣтить гончаровъ (Дер. I, 4, 687), портныхъ, называвшихся то портными мастерами (Дер. I 682), то швецами или швалями (Дер. I, 758). И тѣ и другіе встрѣчаются довольно рѣдко и въ качествѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ въ селахъ почти никогда. Болѣе обыкновенны были ремесла для выдѣлки деревянныхъ издѣлій. Бочки, кадки, корыта колеса и проч. были обыкновенной принадлежностью базаровъ; въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко упоминаются колесники (П. кн. Калач. 285, 286), иногда даже цѣлыя организованныя товарищества ихъ. Напр. въ Мусецкомъ погостѣ Обонежской пятины была община изъ 33 колесниковъ съ старостой во главѣ. Вмѣстѣ съ колесничествомъ они занимались и земледѣліемъ (Невол., О пятинахъ, приложеніе стр. 97—98). Подобныя примѣры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, (село Клементьевское Московскаго у.). Это были зачатки кустарной промышленности, впослѣдствіи распространившейся по всей центральной Россіи. Кромѣ того въ селахъ изрѣдка встрѣчаются сапожники, ложечники, ларечники (П. кн. Кал. 1, 286) епанечники, ведерники (Вотск. пят. 1, 559), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины—рудокопы (ibid 613, 624). Особенный, довольно многочисленный разрядъ населенія составляли ямщики, увеличившіеся къ концу XVI столѣтія, когда натуральная ямская повинность стала замѣняться сборомъ «ямскихъ денегъ».

Ремесленники работали или у себя на дому, или, чаще, приходили съ своими инструментами къ нанимателю на все время

работы, получая отъ него пищу и одежду или, вмѣсто ихъ, деньги [1]). Такимъ образомъ по роду занятій сельское населеніе распадалось на двѣ групы: на крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ и носившихъ названіе людей пашенныхъ, и на людей непашенныхъ, въ Новгородской землѣ называвшихся подсудимщиками, жившихъ промыслами, торговлею, и ремеслами. Этимъ и ограничивалось раздѣленіе труда въ то время. Причинъ такого слабаго раздѣленія труда въ древней Россіи надо искать, какъ было уже сказано, въ однообразіи естественныхъ условій, породившихъ однообразіе средствъ производства и пропитанія, обусловившихъ въ свою очередь однообразіе въ способахъ производства, образѣ жизни и приготовляемыхъ продуктахъ. Каждая община жила отдѣльною отъ другихъ жизнью, находя внутри себя средства къ удовлетворенію своихъ потребностей.

Разсмотримъ теперь составъ крестьянскаго населенія по степени благостоянія. Въ этомъ отношеніи замѣчается разница какъ между самими пашенными крестьянами, такъ особенно между ними и людьми, вовсе не занимавшимися земледѣліемъ или, покрайней мѣрѣ, не имѣвшими своего хозяйства. Какъ въ черныхъ, такъ и во владѣльческихъ волостяхъ экономическій составъ населенія былъ одинаковъ и различіе только въ количественномъ отношеніи разныхъ разрядовъ. Громадное большинство деревенскихъ жителей составляли собственно крестьяне. Крестьяниномъ назывался земледѣлецъ, имѣвшій домъ, дворъ, участокъ пахатной земли, долю въ сѣнокосахъ, лѣса и другихъ угодьяхъ. Чтобы судить о степени ихъ зажиточности представимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, оставляя подробное изслѣдованіе всей массы крестьянства до дальнѣйшихъ отдѣловъ. Въ началѣ 16 столѣтія въ Двинской землѣ въ Ровдогорской волости поселился крестьянинъ Емельянъ Вахонинъ. Онъ взялъ у Двинскихъ старостъ нерасчищенную пустошь, съ правомъ пользоваться ею въ первые 4 года, не внося оброка. Сынъ его Василій увеличилъ полученное отъ отца владѣніе покупкой

---

[1]) Лѣтопись занятій Археографической коммисіи 1871. Приходо-расходныя книги Кирилловo-Новоезерскаго монастыря, стр. 25.

2 большихъ пахотныхъ полей (за 2 р.). Сынъ Василья Иванъ купилъ еще нѣсколько пожень и полей. (Въ 1578 г. пріобрѣлъ онъ за 2 рубля пашню, въ 1596 г. купилъ 2 оброчныя земли за 7 руб., въ 1597 г. пожenку за полтину, въ 1599 лоскутъ земли за 20 алтынъ, 1604 г. два лоскута за 2 рубля). Впродолженіе столѣтія составилось, такимъ образомъ, большое имущество, которое въ XVII вѣка было еще увеличено наслѣдниками. У Крестинина, изъ книги котораго „Сельское домостроительство" взятъ этотъ разсказъ, можно найти много другихъ подобныхъ же примѣровъ. Или, вотъ напримѣръ, крестьянинъ Ломской волости Прокофій Бородинъ оставляетъ своимъ дѣтямъ слѣдующее наслѣдство: деревни, дворы, дворовыя хоромы, сѣнные покосы, пожни и рыбныя ловли и всякія деревенскія угодья, сухой хлѣбъ въ анбарахъ, коней, коровъ и всякой житейской заводъ [1]). И въ томъ и другомъ случаѣ идетъ рѣчь только о пахатномъ полѣ. Луга, лѣсъ состояли въ общинномъ владѣніи и по этому не могли войти въ завѣщаніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей (А. И. Т. I № 165. А. А. Э. Т. I 266 Д. къ А. И. Т. I № 149). Въ основаніи этого дѣленія лежало различіе по степени благосостоянія, равно какъ и по вытекавшей отсюда платежной способности и положенію въ обществѣ. Впрочемъ, кажется, такое раздѣленіе, обыкновенное въ городахъ, въ селахъ встрѣчалось рѣдко: покрайней мѣрѣ, въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ указанія на такое различіе и вообще по нимъ не замѣчается большой разницы по имуществу между крестьянами.

Кромѣ крестьянъ въ деревняхъ жили бобыли, казаки, подворники, захребетники, подсусѣдники и задворные люди. Бобыли представляютъ характерное явленіе XVI вѣка, къ которому слѣдуетъ отнести если не происхожденіе бобыльства, то, по крайней мѣрѣ, его наибольшее развитіе. Что касается до ихъ экономическаго положенія, то несомнѣнно, что оно было хуже крестьянскаго. Въ писцовыхъ книгахъ ихъ дворы описываются всегда отдѣльно отъ крестьянскихъ и послѣ этихъ по-

---

[1]) А. И. стр. 66.

сидящихъ [1]). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они имѣютъ свои усадьбы и дворы [2]). Какъ кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ были также и запашки, хотя и въ половину меньшія, чѣмъ у крестьянъ: въ грамотѣ Патріарха Іова 1590 они прямо названы полувытчиками. По уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря бобыли платили вдвое менѣе (2 деньги) противъ крестьянъ (4 деньги). Но обыкновенно бобыли были безземельными [3]) и при описаніи селеній нигдѣ не говорится о землѣ бобылей, перечисляется только число ихъ дворовъ. Не имѣя земли, они не несли и никакихъ поземельныхъ налоговъ: не были положены съ выти [4]), платя подати и оброки съ дворовъ [5]).

Жили они или нанимаясь на земледѣльческія работы или промыслами и ремеслами, называясь въ такомъ случаѣ непашенными (Кал. I. 773). Для отправленія какихъ либо не земледѣльческихъ повинностей, напр. въ качествѣ перевозчиковъ, община выбирала бобылей [6]).

Экономическое положеніе извѣстнаго класса опредѣляетъ въ значительной степени значеніе и его общественное. Бобыли пользовались меньшимъ значеніемъ въ общинѣ, чѣмъ крестьяне. По уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, они, платя оброки, не участвуютъ, подобно крестьянамъ, въ раскладкѣ мірскихъ разрубовъ и разметовъ (А. А. Э. № 269).

Въ XVII вѣка бобыли являются уже земледѣльческимъ

---

[1]) Деревн. Лобарева, а въ ней крестьянъ 4 двора, да бобыльскихъ 3 двора (П. Кн. Калач. 1.898).

[2]) Но встрѣчаются и противные примѣры: не рѣдко можно встрѣтить жилища бобылей на огородахъ поповъ, дьяконъ и пр. (Невол. о пят. прилож.)

[3]) Временникъ № 2 Смѣсь стр. 20 А. А. Э. т. I № 221.

[4]) Напр. дер. Саврасова. Въ ней 2 двора крестьянскихъ и 2 двора бобыльскихъ; земли 5 десятинъ (вытъ). Она распредѣлена исключительно между крестьянами, изъ которыхъ каждый дворъ обработываетъ по $^{2}/_{3}$ десятины, а остальную треть они же пашутъ сообща. Бобыли же не имѣютъ земли (П. кн. Калач. I. 769. 773).

[5]) Напр. въ Дмитр. у. въ имѣніи Троиц. монаст. въ то время какъ крестьяне пашутъ за каждыя пять десятинъ, за выть, по 2 десятины въ пользу монастыря и сверхъ того платятъ съ выти по гривнѣ, бобыли платятъ только по гривнѣ съ двора (П. кн. Калач. I. 764).

[6]) А. А. Э. т. I 455.

классомъ. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ они по всему земледѣльцы, хотя и обрабатываютъ обыкновенно только половину крестьянскаго участка, платя соотвѣтственно этому вдвое менѣе налоговъ, сравнительно съ крестьянами [1].

Подворники и закребетники встрѣчаются преимущественно въ Новгородѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Первые не имѣли въ большинствѣ случаевъ своихъ дворовъ и жили у крестьянъ, иногда по нѣскольку человѣкъ въ одномъ домѣ (Дер. I 37). Кое гдѣ жили они и въ своихъ дворахъ (Дер. I. 681. 898). Подворникъ работалъ по найму или на одно семейство, или же 2, 3 двора вмѣстѣ имѣли одного общаго подворника [2]. Если подворникъ жилъ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ, былъ непашеннымъ человѣкомъ, то онъ платилъ поземъ [3]. Закребетники принадлежали къ одному типу съ подворниками, но были кажется независимѣе ихъ. Большею частью у нихъ есть свой дворъ и противные случаи встрѣчаются рѣдко. Живя въ своихъ дворахъ, они рѣдко нанимались исключительно къ одному какому либо домохозяину, а брали работы у всѣхъ обывателей деревни и потому приписываются въ писцовыхъ книгахъ не къ дворамъ, а къ цѣлой деревнѣ [4]. Типъ странствующаго бездомнаго пролетарія въ Московской Руси представляетъ казакъ. Казаки явились въ половинѣ 16 столѣтія. Это были безземельные крестьяне, жившіе большею частію наймомъ на земледѣльческія работы у крестьянъ и землевладѣльцевъ, переходя для этой цѣли изъ волости въ волость, изъ деревни въ деревню. Они нанимались также и на всякія другія работы: въ повара, водоливы, дровосѣки, нанимались жечь известь, приготовлять камень для построекъ, въ варницы. (А. А. Э. т. I. стр. 167). Понятно, что они, не владѣя землей, не платили и обежной т. е. поземельной подати (Дер. II. 715). Во всѣхъ же другихъ повинностяхъ они принимали меньшее участіе, сравнительно съ крестьянами: такъ въ имѣніяхъ

---

1) Бѣлевская Вивліоѳика (1646 года).

2) Дер. I 37. II. 601.

3) Дер. II. 600.

4) Дер. I. II. 725. Ср. Дер. I. 10. 42. 52. 58. II. 691. 898. 715—16, 722, 723, 728 и пр.

Соловецкаго монастыря они платятъ въ 3 разъ меньше, чѣмъ крестьяне (А. А. Э. т. I. № 221). Повинности распредѣлялись для казаковъ по головамъ, промысламъ и животамъ. Общественное положеніе казака не было однакожъ такъ ничтожно, какъ можно было бы думать, судя по его экономической зависимости: для раскладки податей въ среди ихъ, все равно какъ и отъ крестьянъ, выбирались представители. И если въ случаѣ какихъ либо преступленій, напримѣръ игры въ зернь, платилъ не самъ уличенный въ этой игрѣ казакъ, а его хозяинъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ въ такомъ же случаѣ отвѣчалъ самъ, то это объясняется вѣроятнѣе всего тѣмъ, что съ казака нечего было взять (А. А. Э. стр. 210—211 [1]).

Предоставляется вопросъ, какимъ образомъ могъ появиться въ XVI в. классъ безземельныхъ и малоземельныхъ людей? Земли было много и земли, какъ мы видѣли, въ высшей степени плодородной, черныя волости, землевладѣльцы на перерывъ другъ передъ другомъ предлагали выгодныя условія поселяющимся у нихъ крестьянамъ, а между тѣмъ въ обществѣ является элементъ безземельныхъ. Причинъ такого явленія надо искать: во 1-хъ, въ возможности найти себѣ средства существованія внѣ земледѣлія; во 2-хъ, въ тяжести повинностей, лежавшихъ на землѣ и въ 3-хъ въ отсутствіи принудительной власти въ общинѣ (см. мою книгу: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 130 и слѣд.). Тогда налоги брались главнымъ образомъ съ обрабатываемой земли и въ XVI вѣкѣ вслѣдствіе безпрестанныхъ обременительныхъ войнъ, вслѣдствіе развитія потребностей землевладѣльческаго класса налоги эти достигли значительной высоты. Но земледѣльческій трудъ и безъ того долженъ былъ казаться тяжелымъ человѣку, едва перешедшему къ нему отъ звѣроловства и рыболовства. Между тѣмъ при-

[1]) Но не вездѣ впрочемъ казаки были бездомными пролетаріями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они имѣютъ свои дворы, скотъ: коровъ и лошадей, и вообще отличаются отъ крестьянъ только тѣмъ, что тянули не полную выть (А. А. Э. т. I 304). Казакъ мелкій, землевладѣлецъ—своеземецъ—отдающій свою землю въ аренду крестьянину (Дер. пят. 1.89. Ср. 100). Казаки торговые (А. И. 13).

рода представляла много средствъ къ жизни и внѣ земледѣлія; заработная плата была также достаточно высока, чтобы жить наймомъ. Отказываясь отъ земли и дѣлаясь звѣроловомъ или рыболовомъ, ремесленникомъ или наемнымъ рабочимъ, крестьянинъ освобождался отъ большей части налоговъ, обязываясь вносить сравнительно незначительный оброкъ. Въ той же тяжести повинностей лежитъ причина незначительности и дробленія крестьянскихъ участковъ.

Исторія развитія класса беземельныхъ вполнѣ доказываетъ справедливость приведеннаго объясненія причинъ его возникновенія. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка классъ этотъ весьма незначителенъ. Съ увеличеніемъ налоговъ на землю, съ обращеніемъ натуральныхъ податей въ денежныя, увеличивается въ продолженіе XVI столѣтія и классъ беземельныхъ. То же самое доказываетъ и географическое распространеніе этого класса. Число беземельныхъ возрастаетъ по направленію отъ окраинъ къ центру, гдѣ при неплодородности почвы земля была обложена болѣе, чѣмъ въ отдаленныхъ отъ Москвы уѣздахъ [1]). Эти беземельные составляли главный контингентъ переселенцевъ на югъ, какъ увидимъ далѣе.

---

[1]) Вотъ факты относительно бобылей въ Деревской пятинѣ новгородской земли. Въ концѣ XV и XVI вѣка, мы встрѣчаемъ здѣсь такой ничтожный классъ подворниковъ и захребенниковъ, не имѣющихъ земли, что объ нихъ не стоило бы и упоминать. Но чрезъ 80 лѣтъ мы встрѣчаемъ тамъ на 505 дворовъ крестьянскихъ уже 77 дворовъ бобыльскихъ (Нев. прил. 252). Въ Вотской пятинѣ, въ то же время, на 800 двор. крестьянск. было 74 двора бобыльскихъ.

То же самое и въ центральныхъ мѣстностяхъ. До конца XV вѣка въ источникахъ нѣтъ и рѣчи ни о казакахъ, ни о бобыляхъ. Ихъ не было въ тверскомъ уѣздѣ, въ 40-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Но къ концу столѣтія бобыльство развивается съ замѣчательной быстротой. Вотъ число бобылей въ вотчинахъ Тр.-Серг. монастыря въ различныхъ уѣздахъ. Въ углицкомъ уѣздѣ, въ имѣніи этого монастыря, въ 1593—94 г. на 477 двор. крестьянскихъ, приходилось 13 двор. бобыльскихъ, въ рузскомъ, въ тѣ же годы, на 60 двор. крестьянскихъ—5 двор. бобыльскихъ, въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ 1592—93 г. на 417 крестьянскихъ дворовъ 40 двор. бобыльскихъ, во владимірскомъ, на 473 двора крестьянскихъ 53 бобыльскихъ, переяславль-залѣсскомъ на 809 двор. кр. 62 бобыльск., въ ярославскомъ на 207 двор. кр. 17 двор. бобыльск. Въ ростовскомъ, на 483 первыхъ приходилось

IV.

Переходя къ подробному изслѣдованію экономическаго быта земледѣльческаго класса, мы сначала представимъ очеркъ положенія крестьянъ - земледѣльцевъ въ центральныхъ уѣздахъ Россіи и новгородской области. Единицей распредѣленія земли въ то время была не душа и не тягло, а *дворъ*. Подъ этимъ словомъ понималась совокупность лицъ жившихъ въ одномъ дворѣ, и связанныхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ общимъ происхожденіемъ. Всѣ эти лица пользовались сообща извѣстнымъ количествомъ пахатнаго поля, долей въ общинныхъ лугахъ, пастбищахъ, лѣсахъ, водахъ, дорогахъ и вообще во всѣхъ владѣніяхъ своей общины. Въ силу такого значенія, дворъ служилъ также единицей распредѣленія податей и повинностей въ пользу князя, землевладѣльца и общины. Двору присвоялась далѣе сумма опредѣленныхъ правъ. Вобыль, имѣвшій только одну усадьбу, или сидѣвшій на половинномъ таглѣ, пользовался въ общинѣ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ крестьянинъ, владѣвшій полнымъ дворомъ. Нѣтъ данныхъ для опредѣленія количественнаго состава дворовъ. При описаніи нхъ, всегда говорится объ одномъ, рѣдко о двухъ обитателяхъ „Деревня Горка, дворъ Ивашко Лукинъ" (Дер. II. 506). Но очевидно, что этотъ Ивашко только старшій представитель двора, за которымъ шла болѣе или менѣе многочисленная семья.

Величина участка опредѣлялась исключительно размѣромъ потребностей семьи и ея силами. Въ новгородской области, въ дерев. пятинѣ дворовые участки крестьянина болѣе или менѣе равны между собою, и именно, среднимъ числомъ, на дворъ приходилось около $2^1/_2$ десят. пахатной земли въ полѣ, и въ

---

23 послѣднихъ. Наибольшее количество бобылей было въ московскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ итоговъ, общихъ для всѣхъ селеній этого уѣзда. Но, напр., въ сурожскомъ стану на 94 двора крестьянск., считается 29 двор. бобыльскихъ. Всѣ эти данныя взяты изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка.

двухъ по стольку же, и отъ 10 до 15 коп. сѣна [1]). Въ вотской пятинѣ различіе въ величинѣ участковъ гораздо значительнѣе: большею частію они заключаютъ отъ 3 до 5 десят. пахатной земли въ полѣ, но иные дворы имѣютъ 10, 12 и болѣе десятинъ. Все зависѣло отъ количества членовъ двора. Также неодинаковы подворные участки и въ центральныхъ уѣздахъ. Напр., въ ростовскомъ уѣздѣ 5 дворовъ деревни Глинки имѣютъ 11 десятинъ пахатной земли въ полѣ, и въ двухъ по стольку же, 15 копенъ сѣна и 3 десятины лѣсу, а сосѣдняя деревня (Микишкино) при 5 же дворахъ запахиваетъ 10 десятинъ въ полѣ, коситъ 100 копенъ сѣна и имѣетъ 7 десятинъ лѣсу [2]).

Впрочемъ, какъ видно уже изъ приведенныхъ примѣровъ, различіе въ величинѣ участковъ въ предѣлахъ одного района было незначительно и зависѣло исключительно отъ разницы въ многочисленности семей.

Но изъ этихъ примѣровъ видно также, что въ различныхъ мѣстностяхъ средняя норма участковъ не одинакова. Въ центральныхъ уѣздахъ она менѣе, чѣмъ на окраинахъ. Это объясняется различіемъ въ способахъ хозяйства: въ однѣхъ мѣстностяхъ господствовало по преимуществу подсѣчное хозяйство, въ другихъ трехпольное, что обусловливалось съ одной стороны разнообразіемъ естественныхъ свойствъ, а съ другой—различіемъ въ плотности населенія.

Намъ приходится теперь войти въ нѣкоторыя подробности относительно размѣра крестьянскихъ участковъ въ различныхъ частяхъ Россіи, которыя могутъ показаться утомительными, но это единственно вѣрный критерій для оцѣнки степени благосостоянія земледѣльческаго населенія: вопросъ о величинѣ участковъ есть вопросъ о коренномъ основаніи быта этого населенія, и

---

[1]) Мы считаемъ коробъ или коробью за десятину. См. Бѣляевъ, о позем. влад., 61.

[2]) П. кн. Калач. II. 18. Или, напр., въ 3 сосѣднихъ деревняхъ тверскаго уѣзда, волости Воловичи, въ каждой по 2 двора, но въ одной изъ нихъ (Ортемово) пашни $4^1/_2$ десятины и сѣна 30 коп., въ другой (Стригино) 5 десятинъ и 6 коп. сѣна, въ третьей (Новинки)—3 десятины и 200 коп. сѣна (ibid. II. 51).

потому онъ заслуживаетъ самого внимательнаго изслѣдованія.

Возьмемъ сначала участки въ черныхъ волостяхъ, и затѣмъ сравнимъ ихъ съ участками владѣльческихъ крестьянъ. Чтобы устранить всякое вліяніе случайныхъ условій, будемъ брать для выводовъ среднія цифры изъ возможно большаго числа данныхъ.

Наиболѣе богаты землею были черныя волости сѣвернаго края, занимавшія не рѣдко громадныя пространства, на которыхъ тамъ и сямъ, среди лѣсовъ и пустыхъ болотъ, торчали деревни, отдѣляемыя другъ отъ друга на десятки, сотни верстъ [1]). Тутъ каждый могъ захватывать столько земли и угодій, сколько онъ былъ въ силахъ обработать. Вотъ, напримѣръ, какимъ количествомъ земли владѣла одна черная волость михаловскаго погоста, обонежской пятины (нын. олонецкой губ.), состоявшая изъ 24 деревень. (Деревни въ древней Россіи заключали отъ 1 до 3 дворовъ). Сверхъ пашенъ и луговъ, находившихся въ непосредственномъ пользованіи каждой деревни, въ нераздѣльномъ владѣніи всей общины были обширныя пространства пашенныхъ и не пашенныхъ земель, тянувшихся на 2 версты вдоль береговъ рѣки Сестрицы до Волхова, 2 острова: Зеленое и Боръ, послѣдній длиной съ версту, полмѣста рыбной ловли въ Ладожскомъ озерѣ, и, наконецъ, 3 версты въ длину непашеннаго лѣса, мха и болота [2]). Съ приближеніемъ къ центру обширность черныхъ волостей нѣсколько уменьшается, но и

[1]) Такъ въ Оштинскомъ погостѣ, въ нынѣшней олонецкой губ., между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, одна выставка (Шимоозеро) была удалена отъ своего погоста (Ошты) на 70 верстъ, другая въ той же мѣстности (Святооверская) отдѣлялась отъ своего центральнаго погоста на 120 верстъ. Между ними лежали пустыя пространства, покрытыя лѣсами и болотами, на которыхъ не было ни жилищъ, ни дорогъ (Неволинъ, прилож. 107—109).

[2]) Неволинъ, прилож. 141. Также богаты землей и другія черныя волости этой мѣстности, описанія которыхъ мы имѣемъ: Шуя, Прибужская волость, Черная волость на Витегрѣ, волость нюхчанъ и выгозерцевъ, которые даже уступили одну изъ своихъ ловлей Соловецкому монастырю, «потому что та ловля отошла отъ ихъ волостей далече» (Неволинъ, прил. 161, 310, 178, 169 и проч.).

здѣсь они такъ велики, что, за обработкой потребнаго количества земли, остается много пустопорожняго мѣста. Къ сожалѣнію, здѣсь имѣются свѣдѣнія только о черныхъ волостяхъ тверскаго уѣзда [1]).

Гораздо полнѣе данныя о владѣльческихъ волостяхъ. Здѣсь представляется возможнымъ составить подробную таблицу крестьянскихъ участковъ по ихъ величинѣ во всѣхъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Для болѣе удобнаго сравненія начнемъ опять съ обонежской пятины, изъ которой мы представили выше нѣсколько примѣровъ черныхъ волостей. Во владѣльческихъ волостяхъ крестьяне запахиваютъ одинаковое съ черными количество земли и имѣютъ въ своемъ пользованіи такія же обширныя пространства луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, отличаясь отъ черныхъ лишь тѣмъ, что они платили за право пользованія земли извѣстную долю въ продуктѣ или деньгахъ землевладѣльцу. Что же касается до объема права пользованія, то оно было также неограниченно, какъ и въ черныхъ волостяхъ: крестьяне въ моментъ пользованія относились къ землѣ также, какъ и владѣльцы.

Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи описанія новгородскихъ деревень только въ сокращеніяхъ (у Неволина), но и по нимъ уже можно судить о земельномъ богатствѣ общинъ. Вотъ, напримѣръ, двѣ волости одна коню-

---

[1]) Напр,, въ волости Захожьѣ, тверскаго уѣзда, была группа изъ 36 черныхъ деревень и 8 починковъ, заключавшихъ въ себѣ 113 дворовъ, въ каждомъ по человѣку; на дворъ въ среднемъ выводѣ приходится около $3^1/_2$ десятинъ ($6^{110}/_{113}$ чети, а четь равняется полдесятинѣ) въ каждомъ полѣ пахатной земли и по $20^{97}/_{113}$ копенъ сѣна въ сѣнокосахъ. Въ общинномъ владѣніи этихъ деревень, къ которымъ принадлежали еще 2 починка, были займище, пустошь, нѣкоторое количество лѣсу и отхожій лугъ, на которомъ ставилось до 300 копенъ сѣна (П. кн. Калач. II. 50). Другая черная община въ волости Месткѣ, состоявшая изъ 40 деревень, заключавшихъ въ себѣ 80 дворовъ съ 82 семьями, имѣла въ среднемъ болѣе 5 десятинъ въ полѣ ($10^7/_{82}$ чети) пашни и $35^3/_{82}$ копны сѣна на дворъ. Затѣмъ всѣмъ деревнямъ общины въ совокупности принадлежали займище, 6 пустошей, въ 5 изъ которыхъ крестьяне ставили до 320 коп. сѣна (ibid. 64).

Въ актахъ также описывается нѣсколько черныхъ волостей, какъ напр., Тавренская, Пустая Ржёва, Масленская и другія, и всѣ онѣ имѣютъ большія пространства пустопорожнихъ земель и угодій.

шего пути, другая дворцовая: они пользовались обширными пашенными и не пашенными землями, рыбными ловлями, строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, шедшимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Оловца и по рѣкѣ Мегречѣ [1]).

Въ пятинахъ вятской и керевской приходится на дворъ отъ $2^1/_2$ до 5 десятинъ и болѣе пахатной земли въ полѣ и по 10—15 коп. сѣна, не считая другихъ угодій, въ которыхъ не было недостатка. Напр. въ великокняжеской волости Стержнѣ 260 семействъ, составлявшихъ ее, пользовались за извѣстный оброкъ князю 14 озерами и 14 тонями въ озерѣ Селигеръ (П. кн. Дер. II. 701) [2]).

За пользованіе лѣсомъ крестьяне не платили ничего и онъ вовсе не описывается въ писцовыхъ книгахъ, вѣроятно, именно потому, что не составлялъ статьи помѣщичьяго дохода.

Перейдемъ теперь, ближе къ Москвѣ, въ тверской уѣздъ. И здѣсь такія же сносныя условія, какъ и въ новгородской землѣ. Въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи тверскаго уѣзда каждый дворъ запахивалъ на себя въ среднемъ выводѣ по $4^9/_{35}$ десятинъ въ полѣ и скашивалъ по $13^{23}/_{35}$ коп. сѣна (П. кн. Кал. I. 51). Наконецъ, возьмемъ одинъ изъ центральныхъ уѣздовъ—рузскій, лежавшій вблизи самой Москвы. Здѣсь крестьянскіе участки меньше: такъ въ имѣніи троицкаго монастыря, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ деревень, въ которыхъ во всѣхъ было до 60 дворовъ, приходилось на дворъ болѣе $2^1/_2$ десят. въ полѣ ($5^2/_3$ чети), не считая 6 десятинъ паханныхъ наѣздомъ. Затѣмъ тамъ же было 622 десятины пашни переложной и поросшей лѣсомъ. Сѣна на каждый дворъ приходилось по $13^{44}/_{61}$ копны и, наконецъ, въ пользованіи крестьянъ было 73 десятины лѣсу [3]).

---

[1]) Нев. прил. 154. Такое же обиліе земель, рыбныхъ ловель, и угодій во владычной волости рождественскаго погоста обон. пятины (ibid. 156) или напр. въ той же мѣстности крестьяне хутынскаго монастыря сообща съ черными за оброкъ въ 9 алтынъ и 2 деньги пользуются всей рѣкой Вытегрой (ibid. 176).

[2]) Другіе примѣры См. у Неволина, прил. 54. стр.

[3]) П. кн. Калач. I. 639. Или напримѣръ: 917 дворовъ съ 973 чел. домохозяевами различныхъ деревень троицкаго монастыря въ дмитровскомъ уѣздѣ запахиваютъ изъ общаго количества $6422^1/_2$ десятинъ 1932

Изъ приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать нѣсколько выводовъ. Изъ нихъ видно, что относительно запахиваемыхъ участковъ черныя и владѣльческія общины почти ничѣмъ не отличались между собой: подворные участки одинаковы, какъ тамъ, такъ и здѣсь. Иначе и быть не могло при такомъ экономическомъ устройствѣ, когда производство имѣло цѣлію лишь удовлетвореніе потребностей производителей. Потребности же были одинаковы въ средѣ всего крестьянскаго населенія. Что касается до оброка землевладѣльцу во владѣльческихъ имѣніяхъ, то въ черныхъ волостяхъ онъ уравновѣшивался большимъ, сравнительно съ первыми, количествомъ налоговъ въ пользу казны. Способъ пользованія землями былъ также одинаковъ въ обоихъ случаяхъ [1]). Но коренное различіе между черными и владѣльческими общинами состояло въ томъ, что въ первыхъ, сверхъ участковъ, находившихся въ подворномъ пользованіи, было еще

десят., почти по 2 десят. на человѣка. Они могли бы и увеличить свои запашки, такъ какъ остальная вся земля, за исключеніемъ 517 дес., обрабатываемыхъ на монастырь незанята. 193½ десят. изъ этой незанятой земли дѣйствительно арендуются крестьянами за извѣстную плату монастырю. Наконецъ, въ имѣніи значительное количество лѣсу: пашеннаго и непашеннаго 639½ десят., поверстнаго въ одномъ мѣстѣ въ длину на версту, въ ширину на полверсты, въ другомъ въ длину на 5½ верстъ, въ ширину на 1½ версты (П. кн. Кал. I. 786). Въ муромскомъ уѣздѣ въ деревняхъ того же монастыря 322 дв., 377 крестьянъ. Подворный участокъ, въ среднемъ, составлялъ нѣсколько болѣе 3½ десят. Затѣмъ въ имѣніи было 2406 десят. земли переложной и поросшей лѣсомъ, изъ которой только незначительная часть въ 12½ десят. пахалась наѣздомъ. Сѣна по 21⅔ копны ($21^{254}/_{332}$) на дворъ. Наконецъ, къ имѣнію принадлежало лѣсу пашеннаго и непашеннаго 400 десят., и поверстнаго лѣсу вдоль 25 и поперекъ 11¼ десят. (П. кн. Кал. I. 892).

Совершенно такія же данныя имѣемъ мы о крестьянскихъ запашкахъ въ уѣздахъ владимірскомъ, переяславль-залѣскомъ, юрьевъ-польскомъ, суздальскомъ, ростовскомъ, угличскомъ, пошехонскомъ, звенигородскомъ, коломенскомъ. епидавскомъ, каширскомъ, орловскомъ и др. И повсюду мы встрѣчаемъ въ пользованіи крестьянъ въ достаточномъ количествѣ и пахатной земли, и луговъ, и лѣсу.

[1]) Часть земель, состоявшая во владѣльческихъ имѣніяхъ въ пользованіи крестьянъ, всегда называется крестьянской и описывается отдѣльно отъ остальной владѣльческой земли. Въ этомъ нельзя не видѣть слѣдовъ того взгляда, по которому земля принадлежитъ тому, кто ее обработываетъ, а землевладѣльцу отдается только извѣстная часть дохода.

значительное пространство запасныхъ земель, луговъ и лѣсовъ, которые въ послѣднемъ случаѣ принадлежали землевладѣльцу.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно также сдѣлать заключеніе и о составѣ крестьянскихъ участковъ. Онъ отличался цѣлостностью. Сверхъ усадьбы крестьянскіе участки всегда заключали въ себѣ пахатную землю, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лѣсъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстностей, гдѣ вовсе не было лѣсу, какъ напр. въ большей части московскаго уѣзда. Нѣтъ и примѣровъ, чтобы крестьянинъ былъ лишенъ права пользованія лѣсомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ. На заброшенныхъ пашняхъ, описываемыхъ подъ названіемъ «заросшихъ лѣсомъ» были обильныя заросли кустарю и лѣсу «въ колъ и жердь», которыми въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ вполнѣ могла удовлетворяться потребность въ топливѣ. Въ болѣе раннее время, въ концѣ XV в. лѣсу было такое множество, что объ немъ уже вовсе и неупоминается при описаніи источниковъ дохода землевладѣльцевъ, и пользованіе имъ было также свободно и неограниченно, какъ пользованіе водой и воздухомъ.

Въ какомъ бы краю московскаго государства мы ни брали крестьянскую деревню, вездѣ мы встрѣтимъ въ достаточномъ количествѣ всѣ эти необходимые элементы земледѣльческаго хозяйства: пахатную землю, переложную и въ большинствѣ случаевъ пашню, поросшую лѣсомъ, сѣнокосы и лѣсъ, если только мѣстность не была безлѣсна [1]).

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) Московскій уѣздъ. Деревня Опраксино. Пашни 3 десятины въ полѣ и по стольку же въ двухъ другихъ поляхъ, перелогу 6 десятинъ, сѣна 100 копенъ, лѣсу дровяного 5 десятинъ (П. кн. Кал. I. 140.

2) Коломенскій уѣздъ. Деревня Коложнино; число дворовъ необозначено, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, но вѣроятно тамъ и здѣсь было не болѣе 2 — 10 дворовъ, какъ въ деревняхъ и всей остальной Россіи того времени. Пашни 80 десят. середней земли и 56 доброй въ каждомъ полѣ. Перелогу и пашни поросшей лѣсомъ 100 десятинъ, сѣна 125 коп., лѣсу 4 десят. (idib. I. 337).

3) Дмитровскій уѣздъ. Деревня Половинкино, 7 дворовъ. Пашни худой земли $12^{1}/_{2}$ десят. въ полѣ. Сѣна 50 коп., лѣсу 3 десят. (ibid. 752).

Что касается до выгоновъ и пастбищъ, то при обиліи незанятыхъ пустырей, поросшихъ травою, не говоря уже о парѣ, въ особенныхъ пастбищахъ въ большинствѣ случаевъ не могло быть особенной нужды. Встрѣчаются впрочемъ мѣстности съ особо-отдѣленными пастбищами. Такъ крестьяне Альмешскаго стану разныхъ владѣльцевъ (княжіе, монастырскіе и церковные) имѣли особенныя «поскотинныя земли» (А. отн. до юрид. быта. стр. 217).

Если были при деревнѣ какія либо другія угодья, то крестьяне пользовались ими на одинаковомъ основаніи съ остальной землей: таковы напримѣръ рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ (Дер. П. 70. Ср. Неволинъ, прилож. 161, 293, 280, 284, 169, 54, и пр.). Во владѣльческихъ деревняхъ крестьяне пользовались или—что обыкновенно—за общій оброкъ со всего деревенскаго участка, или, иногда, платили землевладѣльцу за угодья особенный оброкъ.

Что касается до другихъ угодій, то пользованіе ими не было стѣснено: пользоваться для своихъ надобностей мохомъ (П. кн. Кал. II. 129. I. 808) промышлять звѣря, птицу, рыбу, ягоды и грибы брать (А. А. Э. т. I. № 269) могъ безвозбранно каждый житель деревни, была ли эта послѣдняя черная или владѣльческая. Путики и ловища упоминаются въ нѣкоторыхъ порядныхъ, какъ непремѣнная принадлежность участковъ.

Легко ли было получить крестьянину такой участокъ земли? Это не представляло никакихъ трудностей; напротивъ, ему

---

4) Суздальскій уѣздъ. Деревня Батурино, 2 двора. Пашни худой земли 5 десятинъ въ полѣ, сѣна 30 коп., лѣсу непашеннаго 20 десят. (ibid. 806).

5) Муромскій уѣздъ. Деревня Зехово. 5 дворовъ крестьянскихъ, 1 дворъ бобыльскій; пашни 11 десятинъ въ полѣ, $2\frac{1}{2}$ перелогу и $5\frac{1}{2}$ десятинъ пашни поросшей лѣсомъ въ полѣ, лѣсу 1 верста въ длину $1\frac{1}{2}$ версты въ ширину (ibid. 884).

6) Тверской уѣздъ. Деревня Якимово. 3 двора. Пашни 11 десятинъ въ полѣ. Сѣна 30 копенъ. Лѣсу—бору 5 десятинъ (П. 56).

Количество такихъ примѣровъ можно было бы увеличить до какой угодно цифры: изъ подобныхъ описаній дворовъ отдѣльныхъ деревень и состоятъ писцовыя, переписныя, дозорныя и приправочныя книги того времени.

вездѣ предлагали землю даромъ со всевозможными льготами и пособіями, если только онъ изъявлялъ согласіе за пользованіе ими платить подати (въ черныхъ волостяхъ), или извѣстный оброкъ землевладѣльцу, какъ это будетъ видно изъ порядныхъ.

V.

Земли было много и крестьянинъ могъ получать любой участокъ ея безъ малѣйшихъ затрудненій. Но для веденія хозяйства нужны еще другія орудія производства. Весьма важно изслѣдовать, какъ велика была ихъ стоимость. Нѣкоторые историки (напримѣръ, Хлѣбниковъ) полагаютъ, что орудія производства имѣли въ ту пору высокую цѣнность, сравнительно съ цѣнностью человѣческаго труда, и въ этой дороговизнѣ, въ этомъ невыгодномъ для труда отношеніи къ капиталу ищутъ объясненія многихъ явленій тогдашняго крестьянскаго быта, каковы напримѣръ: переходы крестьянъ съ черныхъ земель на владѣльческія, вольныхъ людей въ холопство. Идя далѣе, можно той же причиной объяснить и существованіе въ обществѣ класса безземельныхъ и малоземельныхъ.

Разоренный какимъ нибудь несчастіемъ: неурожаемъ, падежемъ, пожаромъ, опустошеніемъ во время войны, грабежемъ какого нибудь разбойника — крестьянинъ, при низкой цѣнѣ труда долженъ былъ, по излагаемому мнѣнію, или работать лѣтъ 10 по найму, чтобы скопить необходимыя средства на обзаведеніе хозяйствомъ, если онъ желалъ остаться самостоятельнымъ хозяиномъ, или сдѣлаться безземельнымъ батракомъ, или, наконецъ, воспользоваться пособіемъ владѣльца и принять по отношенію къ нему извѣстныя обязательства, тяжесть которыхъ зависѣла отъ трудности положенія крестьянина. Но дѣйствительно ли такъ дороги были орудія производства, и такъ низко цѣнился человѣческій трудъ?

Крестьянину нуженъ прежде всего дворъ. Онъ состоялъ обыкновенно изъ слѣдующихъ частей: 1) избы, большею частію деревянной, весьма рѣдко наземной. Обыкновенная высота деревянной избы 2 сажени, наземной вмѣстѣ съ фунда-

ментомъ — 3 сажени. Стоимость крестьянской избы въ 70-хъ годахъ 16 столѣтія была 10 алтынъ 2 деньги, полтина и т. п. [1]). Затѣмъ въ составъ двора входили 2) клѣть, 3) хлѣвъ, 4) сѣнникъ, или сѣноватъ, 5) мшанникъ 6) гумно, 7) баня или мыльня и, наконецъ, около двора располагался овинъ [2]). Въ одномъ мѣстѣ овинъ продавался за полполтину, или 8 алтынъ 2 деньги [3]). Вся сумма дворовыхъ построекъ носила общее названіе «хоромъ». Въ Новгородѣ въ XIV — XV вв. можно было пріобрѣсти хоромы за чрезвычайно дешевую цѣну: изба, клѣть и овинъ стоили 10 бѣлъ или 20 денегъ (А. Ю. № 71, XXII).

Взглянемъ на порядокъ постройки различныхъ частей двора, чтобы судить о степени удобства ихъ расположенія. Возлѣ деревянной избы, главной части двора — устраивалась иногда изба изъ навоза, такъ называемая наземная изба. Непосредственно къ избѣ примыкала клѣть съ перерубомъ (чуланомъ). Иногда клѣть ставилась отдѣльно отъ жилой избы,— тогда подъ нею устраивался погребъ. Рядомъ съ избою или позади ея строился сѣнникъ или сѣновалъ, къ которому примыкала подклѣть, служившая, кажется, мѣстомъ спанья во время лѣта. Вблизи избы располагались анбаръ, баня, колодезь, навѣсъ, овечій хлѣвъ, (хлѣвецъ овечный), порядня житецкая (отъ жита). Весь этотъ пристрой назывался «дворовымъ хламомъ» или «дворскимъ холуемъ». За домомъ шли огороды «капустники» т. е. овощные огороды, конопляники и т. д., за ними гумно или кладовая, гдѣ складывались скирды и, наконецъ, около двора, овинъ.

Таково было «усадище» или усадьба крестьянина. Пространство занимаемое усадьбой конечно не всегда было одинаково. Въ Вышневолоцкомъ рядкѣ, напр., одинъ дворъ занималъ 52 кв. сажени, а съ огородами 72 кв. саж., другой же съ огородомъ только 60$^1/_2$ кв. саж. [4]). Между другими особенностями тог-

---

[1]) Приходо-расходныя книги Корнильева—Комельскаго монастыря.

[2]) А. Ю. №№ 178, 183, 190 и др. Пермскій сборникъ т. I. Деревня XVI в.

[3]) Приходо-расходныя книги Корнильева—Комельскаго монастыря.

[4]) Неволинъ, прил., Вышневолоцкій рядокъ.

давняго крестьянскаго быта стоитъ замѣтить, встрѣчающійся на сѣверѣ впрочемъ и теперь, обычай огораживать поля каждымъ хозяиномъ отдѣльно. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ порядныхъ такое огораживаніе ставится крестьянину въ непремѣнную обязанность. Оно вѣроятно дѣлалось въ видахъ предупрежденія потравы хлѣба скотомъ, который пускался, кажется, свободно Въ селахъ многолюдныхъ дворы располагались въ рядъ; въ рядкахъ и погостахъ упоминаются улицы и переулки. Непосредственно за усадьбой тянулись поля, раздѣленные на 3 части,—каждая изъ которыхъ въ свою очередь раздѣлялась на извѣстное число полосъ, соотвѣтственно количеству дворовъ деревни. За полями шли выгоны, пустоши, лѣсъ. Не трудно видѣть, сколько выгодъ представляетъ для земледѣльца такое расположеніе хозяйственныхъ построекъ и полей: онъ освобождался отъ лишней траты времени на переходы и перевозку и вобще могъ лучше и дешевле обработать свой участокъ.

Переходимъ къ другимъ статьямъ инвентаря. При заведеніи хозяйства необходимо имѣть извѣстное количество скота и именно прежде и важнѣе всего лошадь, корову и нѣсколько овецъ. Цѣны скота въ 70 годахъ 16 вѣка были слѣдующія: лошадь стоила 26—30 алтынъ, корова 25 алтынъ [1]), яловица—7 денегъ, баранъ—гривна [2]). Собственно земледѣльческія орудія: соха, коса, серпы, равно какъ телѣги, сани и сбруя при дешевизнѣ матеріала вмѣстѣ съ несложностью ихъ устройства не могли имѣть большей цѣны и напримѣръ за сани, хомутъ, дугу и луку въ одномъ случаѣ заплачено $3^1/_2$ алтына (приходо-расходные книги Корн.-Комельскаго монастыря).

Далѣе, нужны сѣмена. Полагая размѣръ запашки поселенца въ десятину ржи и десятину овса, какъ это было обыкновенно, при чемъ на одну высѣвалась четверть, много двѣ ржи, на другую четверть овса, мы получимъ при цѣнахъ существовавшихъ въ то время около $3^1/_2$ алтынъ на сѣмена [3]). Затѣмъ соотвѣт-

---

[1]) Приходо-расходныя книги Корнильева-Комельскаго монастыря.

[2]) Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи 22.

[3]) Цѣны на хлѣбъ въ XVI вѣкѣ были слѣдующія: въ 1500 году коробья т. е. двѣ четверти ржи стоила 10 денегъ, коробья ячменя 7 денегъ, ко-

ственно тѣмъ же цѣнамъ вновь заводящемуся земледѣльцу нужно было до 30 алтынъ во время года и на одежду [1]).

Такимъ образомъ новому поселенцу, предоставленному исключительно своимъ средствамъ, прежде чѣмъ заводить хозяйство, необходимо было имѣть отъ $2^1/_2$ до 3 р. Такая приблизительно сумма, какъ увидимъ, давалась землевладѣльцами крестьянамъ, вновь садившимся на ихъ землю.

Какъ же велика была цѣнность человѣческаго труда въ то время? Въ Москвѣ поденьщикъ могъ при Васильѣ III заработать въ день до 2 денегъ (Карамзинъ). Въ приходо-расходныхъ книгахъ Корнильева-Комельскаго монастыря перечисляется, сколько каждому казаку, т. е. вольнонаемному рабочему, дано за годъ наемной платы (жилые наймы казакомъ). Годовыя цѣны рабочихъ самыя разнообразныя, быть можетъ вслѣдствіе различія возраста казаковъ. Одинъ получаетъ 1 рубль, другой 20 алтынъ, третій 26, встрѣчаются годовые цѣны въ 3, 9, 12, 16 алтынъ и т. д., въ среднемъ на каждаго приходится 20 алтынъ въ годъ. Пища, по всей вѣроятности, была монастырская. Такому казаку нужно было слѣдовательно работать отъ 3 до 5 лѣтъ, чтобы скопить необходимыя средства на заведеніе самостоятельнаго хозяйства. Значитъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ вдвое менѣе, чѣмъ предполагаютъ сто-

---

робья пшеницы 14 денегъ, коробья овса 5 денегъ (Вотская писцов. книга 1500 г.). При Василіѣ III рожь цѣнилась отъ 4—6 денегъ за четверть, въ Вологдѣ до 14 денегъ. (Herberstein) Въ началѣ XVII вѣка четверть ржи стоила 10 алтынъ т. е. 60 денегъ; четверть овса въ тоже время—5 алтынъ. Доп. къ А. ист. II, 37. Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о цѣнахъ ржи и овса отъ времени Ивана IV. Но четверть пшеницы въ 1576 продавалась по 4 алтына, иногда и вдвое дешевле. Приходорасходныя книги корн. ком. мон. 20. Рожь и овесъ должны были быть еще дешевле. Дѣйствительно крестьяне одного имѣнія этого времени вмѣсто 1 осмины ржи, 1 осмины овса, хлѣба, курицы и десятку льну должны были платить прикащику 5 алтынъ 4 деньги (Временникъ XI, 22).

[1]) Стоимость крестьянскаго костюма можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Корнильевскомъ-Комельскомъ монастырѣ давалось мастерамъ на одежду: одному на рубаху, ногавицы, рукавицы и обувь 15 алтынъ въ въ годъ, другому—20 алтынъ (стр. 29). Шубенка стоила гривну; рукавицы около алтына.

ронники выше приведеннаго мнѣнія. Но въ дѣйствительности весьма рѣдко случалось, чтобы кто нибудь основывалъ хозяйство исключительно на свои средства безъ поддержки другихъ [1]). Обыкновенно поселенецъ встрѣчалъ дѣятельную помощь со стороны той общины, гдѣ онъ думалъ поселиться. Вотъ одинъ примѣръ. Крестьянинъ Тавренскаго стану беретъ у старосты и крестьянъ $^5/_{12}$ десят. (12 долю обжи). При этомъ онъ по своей рядной записи: 1) получалъ право на всѣ угодья «куды топоръ, и коса и соха ходила»; 2) получилъ отъ общины даромъ полъ-избы, полъ-прируба, половину сѣнника, подклѣта и мякинницы; 3) на одинъ годъ освобождался отъ всякихъ податей (А. Ю. № 187).

Община давала средства производства, сосѣди помогали своимъ трудомъ.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что не въ дороговизнѣ орудій производства надо искать причины, почему одни отказывались отъ земледѣлія, другіе переходили на владѣльческія земли, третьи заключали договоры въ холопство. Ихъ слѣдуетъ искать въ той фискальной эксплуатаціи, которой подверженъ былъ въ ту пору каждый земледѣлецъ: исключительно въ тяжелыхъ налогахъ на землю, разорительность которыхъ усиливалась вслѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ чиновниковъ лежалъ корень тѣхъ побужденій, которыя гнали чернаго крестьянина къ помѣщику, свободнаго въ кабалу и холопство.

Для полнаго объясненія указанныхъ явленій не нужно упускать изъ виду активнаго стремленія землевладѣлецъ къ пріобрѣтенію рабочихъ рукъ, ихъ постоянное стремленіе къ возможно большему удешевленію труда. Они употребляли всѣ средства, чтобы приманить на свои земли крестьянъ и сдѣлать ихъ постоянными жильцами своихъ земель: обѣщали переселяющимся къ нимъ гораздо большія пособія при основаніи хозяйства, чѣмъ могли дать черныя общины, не имѣвшія, вѣроятно, большихъ мірскихъ средствъ, давали имъ льготы отъ государственныхъ податей на время, или на всегда, освобождали, наконецъ, на из-

[1]) Такой случай см. въ Ак. Юр., № 175.

вѣстный срокъ отъ всякихъ повинностей въ пользу себя. До насъ дошло нѣсколько порядныхъ записей, въ которыхъ опредѣлялись условія договора вновь поселяющихся крестьянъ съ землевладѣльцами (ихъ дошло не много, быть можетъ потому, что въ большинствѣ случаевъ договоры были не письменные, а заключались на словахъ). Договоръ заключался обыкновенно при самомъ поселеніи крестьянина на землѣ землевладѣльца, но иногда и задолго до этого срока, особенно если приходилось ставить новую избу и другія строенія. (А. Юр. № 183, 186) Главнѣйшія статьи этихъ договоровъ [1]) почти однѣ и тѣже, и состоятъ въ слѣдующемъ:

[1]) Представляемъ нѣсколько примѣровъ порядныхъ:

1) Два крестьянина берутъ у монастыря $^{5}/_{6}$ десятины. Они получаютъ отъ землевладѣльца 2 рубля подмоги на обзаведеніе хозяйствомъ и готовый домъ съ принадлежностями («старыя хоромы») съ обязательствомъ пахать поле и вообще завести хозяйство. Впродолженія 2 лѣтъ они освобождаются отъ дани и работъ въ пользу монастыря, а по прошествіи этого срока платятъ рубль оброка и, вмѣстѣ съ другими, ходятъ на монастырскія работы (А. Юр. № 178, 1576 г.).

2) Двое крестьянъ каждый съ сыномъ порядились на 5 десятинъ (обжу) земли въ пустой деревнѣ. Каждый получаетъ по $2^1/_2$ рубля, обязываясь за то поставить дворовое строеніе. Впродолженіе первыхъ двухъ лѣтъ они платятъ по 1 р. оброку, а на 3-й — 2 рубля, и на всѣ 3 года освобождаются отъ государственныхъ податей. По прошествіи этого льготнаго времени они уравниваются въ податяхъ и повинностяхъ со всѣми остальными крестьянами (А. Юр. № 183, 1583 г.).

3) Два крестьянина порядились на пустошь на обжу (5 десят.). Впродолженіе 4 льготныхъ лѣтъ они не платятъ монастырю ни хлѣбной дани, ни денежныхъ оброковъ и не отправляютъ никакихъ монастырскихъ работъ. Равнымъ образомъ они освобождаются и отъ государевыхъ податей. Вмѣсто денежнаго пособія, даваемаго въ другихъ случаяхъ, въ родѣ предидущихъ, крестьяне получаютъ отъ землевладѣльца пятой земли еще пять десятинъ (обжу), за которыя не платятъ ни податей, ни оброковъ. За это они обязаны поставить по наземной избѣ съ необходимыми пристройками извѣстныхъ размѣровъ. По прошествіи 4 лѣтъ льготная обжа возвращается назадъ, а съ своей отдаютъ землевладѣльцу пятый снопъ и всѣ государевы подати съ волостью вмѣстѣ (А. Юр.).

4) Два крестьянина берутъ полвыти уже обработанной земли, засѣянной 5-ю четвертями ржи. Имъ даютъ «старыя хоромы», которыя они обязаны починить. Пособія никакого не получаютъ, но берутъ полтину въ видѣ ссуды. Обязательства тѣ же, что и въ предыдущихъ случаяхъ: да-

Величина участковъ, какъ было уже сказано, была не одинакова и опредѣлялась единственной для того времени мѣрой — потребностями поселяющейся семьи. За взятый участокъ поселенецъ обязывается нести повинности одинаково съ другими крестьянами имѣнія. Если онъ селился на новый, а не на жилой участокъ, ему давалась обыкновеная льгота на одинъ, два, три, четыре и болѣе лѣтъ, иногда же только на нѣсколько мѣсяцевъ. Впродолженіе льготнаго срока онъ освобождается совершенно или частію отъ всякихъ податей и повинностей, причемъ льгота выговаривалась въ большинствѣ случаевъ, со дня поселенія крестьянина, но иногда по прошествіи извѣстнаго времени: одинъ крестьянинъ напр., обязывается придти на Рождество, а льготу выговариваетъ себѣ на 3 года съ слѣдующаго Юрьева дня вешняго. Сверхъ льготы, землевладѣлецъ давалъ обыкновенно поселенцу еще безвозмездное пособіе или деньгами—въ большей части случаевъ около 2½ рублей—или хлѣбомъ, или, наконецъ, давалъ крестьянину право обработывать во время льготнаго срока пустой участокъ земли.

За такую подмогу поселенецъ обязанъ былъ распахать и огораживать поля, иногда навозить ихъ и чистить луга, а если онъ садился на жилой участокъ, то также чинить старыя хоромы и поставить новыя. Въ случаѣ неисполненія этихъ условій съ крестьянина не только взыскивалась подмога, но и бралась иногда неустойка въ 2, 3, 5, всего чаще 10 р. Установленіемъ такихъ громадныхъ для того времени взысканій землевладѣльцы старались удержать у себя разъ поселившагося крестьянина. Они употребляли для этого и другія средства: опутывали крестьянъ ссудами, обязывая ихъ не только отправлять работы за эти ссуды, выплачивать проценты (обыкновенный процентъ былъ 20%) деньгами и хлѣбомъ (серебро ростовое) или работой (серебро издѣльное), но и требуя въ случаѣ ухода сполна возвращенія данныхъ денегъ (А. А. Э. т. I № 48).

вать дань и отправлять монастырскія работы наравнѣ съ крестьянами. Сверхъ того они должны поставить новую избу, и на тотъ годъ, когда будутъ строить ее, освобождаются отъ работъ (А. Юр. № 182, 1582 годъ).

Уплата такой ссуды была совершенно невозможна для крестьянина и если землевладѣлецъ не прощалъ долга, чему встрѣчаются нѣкоторые примѣры, крестьянинъ дѣлался прикрѣпленнымъ къ его землѣ (Г. гр. и дог. т. I №№ 112, 96, 130 и другіе).

Впрочемъ случаи такого закрѣпленія должны были быть чрезвычайно рѣдки въ то время, въ чемъ убѣждаютъ, съ одной стороны, фактическія данныя объ обиліи переходовъ, которыя мы представимъ далѣе, а съ другой—то соображеніе, что крестьянину рѣдко приходилось обращаться за ссудою къ землевладѣльцу (да и рѣдкій землевладѣлецъ могъ дать такую ссуду). Въ этомъ мы легко убѣдимся, если разсмотримъ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ въ ту пору, къ чему теперь и перейдемъ.

VI.

Самой обыкновенной формой отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ было въ древней Россіи *половничество*. Эта система господствовала въ XV вѣкѣ въ Псковѣ (изорники, кочетники и огородники Псков. судной грамоты); по Новгородскимъ писцовыхъ книгамъ 1495 и 1550 гг. обработка земли изъ извѣстной доли продукта была повсемѣстнымъ и почти единственнымъ видомъ пользованія землею въ имѣніяхъ всѣхъ названій. Половничество было также обыкновенно въ Тверскомъ княжествѣ (А. А. Э. т. I стр. 26—27, 1437 — 61 год.; стр. 35—36, 1450 г. А. Юр. № 176, 1547 г.) и до XV—XVI вѣка, вѣроятно, во всей Россіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ наприм. въ Вологодской губ., оно сохранилось до настоящаго времени [1]).

1) Но въ XVI вѣкѣ въ области Московскаго государства половничество повсюду исчезаетъ, громадное большинство крестьянъ платитъ землевладѣльцамъ опредѣленный *оброкъ* въ началѣ столѣтія преимущественно хлѣбомъ, къ концу—по большей части деньгами.

[1]) Поповъ, Половники въ вологод. губ.

2) Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, почти исключительно монастырскихъ, съ конца XV вѣка устанавливается *издѣльная повинность*. Въ противоположность нынѣшнимъ порядкамъ, она опредѣлялась не количествомъ рабочихъ дней, а извѣстнымъ пространствомъ земли, которое должны были обработывать крестьяне въ пользу землевладѣльца за право пользованія своими участками.

Впрочемъ рѣдко можно встрѣтить какую либо изъ этихъ трехъ системъ въ чистомъ видѣ; обыкновенно въ одномъ и томъ же имѣніи крестьяне платятъ извѣстный оброкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отбываютъ тѣ или другія работы.

Въ эту эпоху барщина впрочемъ составляетъ еще весьма рѣдкое исключеніе; развитіе ея принадлежитъ слѣдующему періоду. Причина почему у насъ такъ долго преобладающими формами отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ были половничество и оброкъ заключается прежде всего въ общихъ условіяхъ хозяйства, которое было направлено исключительно на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей и, затѣмъ, въ существованіи права перехода.

При отсутствіи капитала землевладѣльцы не имѣли средствъ заводить своихъ запашекъ, да не имѣли въ томъ нужды такъ какъ ихъ потребности могли вполнѣ удовлетворяться арендной платой. Наконецъ помѣщики не могли заводить собственнаго хозяйства и въ силу особенныхъ свойствъ господствовавшей въ то время помѣстной системы: землею владѣлъ только тотъ, кто находился на службѣ,—условіе совершенно не совмѣстимое съ личной хозяйственной дѣятельностью. При томъ же помѣстья давались всегда лишь во временное и ограниченное владѣніе, и помѣщикъ никогда не могъ быть увѣренъ, что завтра имѣніе не будетъ отобрано отъ него и не передано другому, что конечно не могло располагать къ заведенію собственнаго хозяйства. Наконецъ размѣры помѣстій, сообразуемые съ услугами каждаго отдѣльнаго лица, были обыкновенно весьма незначительны, и для служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, составлявшихъ большинство владѣльче-

скаго класса, даже совершенно ничтожны [1]). При такихъ условіяхъ вести хозяйство было бы совершенно невыгодно и землевладѣльцу оставалось только сдавать землю за извѣстную плату крестьянамъ, какъ они всѣ и дѣлали. Въ совершенно противоположныхъ условіяхъ находились монастырскія и митрополичьи имѣнія. Монастыри владѣли обширными землями на правахъ неограниченныхъ собственниковъ. Здѣсь не представлялось ни какихъ затрудненій къ введенію барщиннаго хозяйства и именно въ этихъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ первыя попытки его. Освобожденныя отъ большей части повинностей монастыри могли давать больше льготъ своимъ крестьянамъ и тѣмъ удерживать ихъ у себя, уравновѣшивая суровость барщинной дисциплины болѣе выгодными условіями въ другихъ отношеніяхъ.

Обратимся къ отдѣльному разсмотрѣнію перечисленныхъ 3 видовъ пользованія землей. *Половники* обработывали землю своими орудіями. Доля продукта, отдаваемая землевладѣльцу, была не вездѣ одинакова. Во Псковѣ, по псковской судной грамотѣ, платилась четверть урожая. Въ Новгородѣ землевладѣльцу шла пятая, четвертая или третья часть, весьма рѣдко половина. Сверхъ того, какъ ему, такъ и его ключнику крестьяне обыкновенно платили извѣстное количество денегъ, льна, яицъ, масла, сыру, бараньихъ лопатокъ, куръ, хмѣля, овчинъ, бѣлокъ и пр. Напр., въ одномъ имѣніи Дерев. пятины, 8 крестьянъ обработываютъ изъ-полу 35 десят. въ полѣ. Они платятъ: 1) землевладѣльцу $^1/_5$ часть изъ хлѣба, $6^1/_2$ гривны

[1]) Такъ въ Новгородской области въ Деревской пятинѣ (1495—6 г.) имѣнія своеземцевъ заключаютъ отъ 2 до 3 обжъ, то есть отъ 5 до $7^1/_2$ десят. и самыя большія до 5 обжъ—$12^1/_2$ десят. Также мелки и помѣстья. Напр. во Влажинскомъ погостѣ 4 помѣщика имѣютъ по одной деревнѣ, причемъ въ трехъ деревняхъ по два двора, въ 4-й—3 дв. съ такимъ же количествомъ людей и обжъ (Влажинскій погостъ Дер. пят.) Самое большое помѣстье во всей Дерев. пятинѣ, принадлежавшее одному князю, заключало въ себѣ $642^1/_2$ съ 107 дв. и 110 чел. населенія. Также мелки помѣстья въ Тверскомъ и центральныхъ уѣздахъ: въ Московскомъ у. на 8 двор. крестьянъ и 2 дв. боб. приходится въ одномъ случаѣ 4 двора боярскихъ, въ другомъ 19 вотчинниковъ владѣютъ 127 дв. кр. и 14 дв. боб. (Писц. кн. М. у. изд. Кал. стр. 77, 121 Ср. 207.

безъ деньги, 6 сыровъ, 4 пятка льну; 2) ключнику: 4 бѣлки, $1^1/_2$ коробьи ржи, $1^1/_2$ коробьи овса, 4 сыра, 4 бараньихъ лопатки, 2 хлѣба, 6 горстей льну (Дер. I. 699. Ср. 702, 798 [1]).

Сравнительно съ другими системами, половничество представляетъ болѣе выгодъ для крестьянина, особенно при такихъ отношенiяхъ, какiя существовали въ XVI вѣкѣ. (Извѣстно, что послѣ уничтоженiя крѣпостнаго права въ 1861 г., сначала повсюду распространилась обработка изъ-полу. Но, помѣщики скоро оставили эту систему, находя ее для себя невыгодной, и теперь вездѣ стараются замѣнить ее издѣльной. Докладъ высочайше учрежденной коммисiи для изслѣдованiя сельскаго хозяйства, т. II). Въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ часть земли отдавалась изъ полу, между тѣмъ какъ остальная земля обработывалась изъ оброка. Такъ, трое крестьянъ, садясь на землю Вяжицкаго монастыря, обязались платить по 7 мѣръ ржи и овса, мѣру жита, пятый снопъ изъ лѣсу, шестой снопъ изъ-за-озерья, и домовую дань по книгамъ. (А. Юр. № 184. Ср. 177). Въ центральныхъ уѣздахъ преобладала въ XVI вѣкѣ почти исключительно оброчная система; половничество не встрѣчается совершенно. Оброки были довольно разнообразны и платились отчасти хлѣбомъ, отчасти деньгами, иногда же исключительно тѣмъ или другимъ [2]). Величина ихъ опредѣлялась взаимнымъ соглашенiемъ землевладѣльцевъ съ крестьянами. Впродолженiи столѣтiя постепенно усиливается стремленiе землевладѣльцевъ перевести натуральные платежи

---

[1]) Примѣры другихъ пропорцiй:

Вотская пятина: 1) 1 дворъ, въ немъ 4 человѣка; обработываютъ $7^1/_2$ десят. въ полѣ и скашиваютъ 100 коп. сѣна. Землевладѣльцу идетъ $^1/_3$ изъ хлѣба, 7 денегъ, коробья ржи, коробья овса (П. кн. В. пят. I. 362; 2) 1 дворъ, $2^1/_2$ десят. пахатной земли въ полѣ, 15 коп. сѣна, землевладѣльцу платится половина хлѣба и пятокъ льну (ibid. 345).

Деревская пятина: 1) Дворъ, въ немъ 1 домохозяинъ, $2^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ. Помѣщику идетъ $^1/_4$ изъ хлѣба, и сверхъ ея по четкѣ ржи и овса, 2 деньги, полбарана и половчины (Дер. I 564); 2) съ 95 десятинъ въ полѣ, обработываемыхъ 23 крестьянами, землевладѣлецъ беретъ $^1/_4$ изъ хлѣба, $8^1/_2$ барановъ, $8^1/_2$ пятковъ льну, 17 сыровъ; сверхъ того ключнику шло $2^1/_8$ коробьи ржи, столько же овса и 17 сыровъ (Дер. I. 828).

[2]) Ср. А. А. Э. Т. I. № 258. А. Ю. № 26, 178, 182, 183, 186, 189, 191.

на деньги. Въ центральныхъ мѣстностяхъ оброки были выше, чѣмъ на окраинахъ, напр., въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ Дер. пятинѣ одинъ дворъ, имѣвшій $2^1/_2$ (обжу) десятины въ полѣ и 20 коп. сѣна, платилъ прежде половину урожая, затѣмъ, вмѣсто половья, сталъ платить 4 деньги, по коробьѣ ржи и овса, (Дер. I. 524), т. е., съ круговой десятины шло по $1^3/_5$ деньги, и по $^4/_5$ четверти изъ ржи и овса, полагая по 2 четверти въ коробьи (Бѣляевъ).

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Троицко-Сергіева монастыря, монастырь бралъ съ каждыхъ 5 десятинъ по полтинѣ и по 28 денегъ за мелкій доходъ, сверхъ того по четверти ржи, по овчинѣ и по десятку льну. (П. Кн. Кал. I. 759. Ср. I. 756). На круговую десятину, слѣдовательно приходилось арендной платы $25^3/_5$ деньги, пятая часть изъ четверти ржи, изъ овчины и нѣкоторая доля льну. Сравнивая два приведенныя случая и принимая новгородскую деньгу вдвое больше московской, находимъ, что крестьянинъ центральнаго дмитровскаго уѣзда платилъ въ 3 разъ больше оброка за свою землю, чѣмъ новгородскій крестьянинъ [1]). Впрочемъ, надо замѣтить, что данныя эти относятся не къ одному времени, и именно для новгородской области къ концу XV вѣка, а для дмитровскаго уѣзда къ 70 годамъ XVI столѣтія, а впродолженіе этого промежутка, цѣнность московскихъ денегъ могла значительно

[1]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ:

1) Крестьянинъ новгор. области Деревской пятины, Ясеновичскаго погоста, взявшій полобжи, т. е. $1^1/_4$ десятины и скашивавшій съ сѣнокоса 10 коп. сѣна, обязывался по прошествіи 3 льготныхъ лѣтъ платить за свой участокъ 7 денегъ въ годъ, т. е., по $5^3/_5$ деньги съ десятины (Дер. I. 40).

2) Два крестьянина, владѣвшіе 5 десятинами и скашивавшіе 35 коп. сѣна, платили 5 денегъ по 2 коробьи ржи и овса, по четкѣ пшеницы и ячменя т. е., по 1 деньгѣ съ десятины, $^1/_{10}$ четверти ржи и овса и по $^1/_{10}$ четверти пшеницы и ячменя съ десятины (ibid. I. 49).

3) Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Троицкаго монастыря съ выти, заключавшей въ себѣ около 7 десятинъ, положено было оброку по полтинѣ, сверхъ того 4 алтына и 2 деньги за разные лѣтніе доходы (сыръ, масло московскія дрова, подымное) по $^1/_4$ ржи съ выти, да по овчинѣ дѣланной Въ томъ же имѣніи 4 выти платили иной оброкъ, именно со всѣхъ ихъ шло по 24 арш. холста, да 4 р. въ годъ платили они за пустоши, пашни и сѣнные покосы (Писцов. К. Рост. у. стр. 22).

упасть. Крестьяне дворцовыхъ имѣній всѣ платили оброкъ и преимущественно денежный. Каждый разъ, когда у кого либо отбиралось помѣстье на князя, на крестьянъ немедленно, вмѣсто половнической доли или хлѣбнаго оброка, налагался оброкъ денежный. Такъ въ одномъ имѣніи Деревской пятины, заключавшемъ въ себѣ 37 деревень, съ 56 дворами и 58 крестьянами, запахивавшими 36 обежъ, крестьяне платили помѣщику слѣдующій оброкъ: $3^1/_2$ р. $6^1/_2$ гривны деньгами, $60^1/_2$ коробей ржи, $79^1/_2$ коробей овса и $4^3/_4$ коробьи пшеницы и ячменя. Сверхъ того, съ нихъ шло мелкаго доходу 53 сыра, 53 лопатки бараньихъ, 11 пятковъ и 2 горсти льну. Въ промежутокъ времени отъ старой переписи до новой, прибыло 7 дворовъ, такъ что по новому письму оказалось 63 двора, обработывавшихъ $73^1/_2$ обжи, т. е., $18^3/_4$ десятинъ. Великій князь, вмѣсто хлѣба и мелкаго оброка, наложилъ на это имѣніе денежный оброкъ въ 5 руб. 2 гривны съ деньгою, не считая обежной дани. На десятину оброка приходилось, слѣдовательно, около 3 денегъ. Затѣмъ былъ опредѣленъ кормъ волостелю, тіуну и доводчикамъ, со всего имѣнія 1 рубль 7 гривенъ съ деньгою, или около 1 деньги съ десятины, т. е., полчетверти ржи. За этотъ же оброкъ пользовались крестьяне и сѣнокосами по 10 — 15 коп. сѣна на дворъ. (Дер. I. 158).

Въ центральныхъ уѣздахъ оброки въ дворцовыхъ имѣніяхъ были выше [1]); они были значительнѣе также по сравненію съ имѣніями другихъ землевладѣльцевъ; но крестьяне этихъ имѣній платили за то меньше государственныхъ податей, чѣмъ другіе.

Въ числѣ дворцовыхъ имѣній были еще слободы рыболовныя, бобровыя и бортники, поставлявшія на дворецъ продукты своихъ промысловъ. Они или ловили за право пользованія угодьями извѣстное число дней въ году — отъ 1 до 5 — на князя, или его чиновника [2]), или платили денежный оброкъ,

---

[1]) См., напр., описаніе села Едимоново, въ тверскомъ уѣздѣ, помѣщенное у Бѣляева: о позем. владѣніи, стр. 22.

[2]) Напримѣръ въ одной волости крестьяне ловили на озерѣ Шеребинѣ ночь на князя, а другую ночь на тіуновъ (Прилож. къ книгѣ Неволина

въ 9, 10, 21 и болѣе денегъ на человѣка, кромѣ другихъ податей и повинностей (А. Юр. № 222; А. А. Э. т. I. № 261).

3) *Барщина*, какъ кажется, начала входить въ употребленіе въ концѣ XV вѣка и встрѣчается въ изслѣдуемую эпоху почти исключительно въ монастырскихъ имѣніяхъ. Тяжесть издѣльной повинности была неодинакова даже въ имѣніи одного и того же землевладѣльца. Такъ въ имѣніи Троицкаго монастыря, въ дмитровскомъ уѣздѣ, крестьяне за свою пять десятинъ въ полѣ пахатной земли, за сѣнокосы и лѣсъ (выть) обработывали въ пользу землевладѣльца въ одномъ случаѣ $1\frac{1}{2}$ десятины (П. кн. Кал. I. 767. 759), въ другомъ сверхъ этихъ $1\frac{1}{2}$ десятинъ платить съ выти по 5 алтынъ безъ двухъ денегъ, по четверти хлѣба, по овчинѣ, по десятку льну (ibid. 756); въ третьемъ случаѣ — 2 десятины за тоже количество земли; въ четвертомъ 2 десятины и сверхъ того по 2 гривны съ выти за мелкій доходъ (ibid. 782). Въ имѣніи Константиновскаго монастыря крестьяне за 5 десятинъ въ каждомъ полѣ обязаны были пахать 1 десятину въ пользу монастыря. Если же кто либо не могъ пахать 5 десятинъ, то пахалъ и всякое дѣло дѣлалъ по своей пашнѣ [1]).

Въ иныхъ мѣстностяхъ повинности были сложнѣе и состояли сверхъ обработки земли еще въ рубкѣ и возкѣ лѣсу, и въ навозѣ: такъ было, напримѣръ, въ имѣніи Новинскаго монастыря [1]). Къ концу столѣтія барщина замѣтно становится

---

206). Рѣка Вытегра была снята крестьянами за оброкъ въ 9 алтынъ 2 деньги (ibid. 178).

[1]) Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, стр. 218.

[1]) По уставной грамотѣ этого монастыря крестьяне были обязаны на каждую выть (5 десят.) пахать на монастырь по $1\frac{1}{2}$ дес., возить навозъ на монастырскую пашню, косить сѣно, сколько въ которомъ селѣ было, и свозить на монастырскій дворъ. Затѣмъ молоть по 2 четверти ржи, возить по 3 воза дровъ, по бревну трехсаженнаго лѣсу на кельи, или если игуменъ не велитъ возить дрова, то вносить за каждый возъ по алтыну. Для вырубки дровъ назначается 3 дня въ году; нарубленные въ это время дрова должны быть свезены въ продолженіи зимы. На крестьянахъ лежитъ также постройка хоромъ и дворовъ монастырскихъ, мельницы, въ случаѣ если игуменъ съ братьею вздумаютъ построить такую. Въ случаѣ ослушанія прикащику предоставляется брать съ ослушника гривну въ мона-

обременительнѣе. Въ 1590 г. Кишкинскіе крестьяне Троицкаго монастыря при переводѣ съ оброка на барщину должны были вмѣсто всякихъ оброковъ пахать на монастырь по 5 десятинъ съ выти (А. А. Ѳ. I. № 348. II).

Чтобы составить болѣе полное представленіе о степени обременительности издѣльной повинности въ XVI в. приведемъ для сравненія нѣсколько примѣровъ ея, относящихся къ настоящему времени. По свѣдѣніямъ, собраннымъ высочайше учрежденной коммисіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, въ Рязанской губ., напримѣръ, обработываютъ теперь за 1 десятину и даже менѣе одну же десятину въ пользу землевладѣльца, то есть, въ 4 — 5 разъ больше, чѣмъ въ XVI в. (Докладъ, приложеніе I. 19).

Въ иныхъ имѣніяхъ встрѣчается смѣшанная повинность. Такъ въ одномъ имѣніи Троицкаго монастыря часть крестьянъ пашетъ за 5 десятинъ по 2 десятины, а другая часть платитъ 5 рублей 29 алтынъ оброку. Затѣмъ, какъ издѣльные, такъ и оброчные вмѣстѣ вносятъ за мелкій доходъ съ выти (5 дес.) по гривнѣ (Писц. кн. Калач. Дм. у. I. 764).

Таковы были отношенія крестьянина къ землевладѣльцу если тотъ вступалъ въ общину. Но кое-гдѣ встрѣчается арендованіе земель у помѣщиковъ равно какъ и у черныхъ общинъ отдѣльными лицами, или товариществами въ 2, 3 человѣка независимо отъ общины.

стырскую казну и отсылать его на работу. Сверхъ перечисленныхъ работъ въ имѣніи (въ дмитровскомъ уѣздѣ) этого монастыря съ крестьянъ взимались различные мелкіе поборы, 3 раза въ году: на Пасху, Петровъ день и Рождество по 20 яицъ, да на Рождество по 2 гривенки масла съ выти, по сыру, по овчинѣ, или взамѣнъ ея по алтыну, а вмѣсто сыру по 2 деньги. Прядееіе льна и шерсти на сукно также входило въ число ихъ повинностей. Въ дальнихъ селахъ съ деревнями пахали изгономъ по 15 десятинъ и давали оброку съ выти по четверти ржи, по 2 четверти овса, да по овчинѣ; на Рождество Христово по 30 яицъ, по сыру и по 2 гривенки масла. Кромѣ того крестьяне обязаны поставить 7 подводъ въ случаѣ, если прикащикъ поѣдетъ на Бѣлоозеро купить рыбы, или соли на запасъ и двѣ подводы подъ соль и рыбу въ Москву (Временникъ, кн. 2 стр. 17—20).

Арендовать землю было выгодно въ томъ отношеніи, что крестьянинъ въ этомъ случаѣ не платилъ ничего, кромѣ условленной арендной платы. Долгосрочныя аренды не были употребительны. Арендныя цѣны были различны, но вообще незначительны: въ одномъ случаѣ десятина худой земли нанималась за 8 денегъ (Писц. кн. Калач. I. 735), въ другомъ за 11 денегъ (ibid. 767) встрѣчаются и болѣе низкія цѣны (ibid. 773, 758 и пр.).

Заплативши арендную плату, крестьянинъ былъ затѣмъ свободенъ отъ всякихъ мірскихъ разрубовъ и разметовъ за землю.

Кромѣ оброковъ и работъ непосредственно въ пользу землевладѣльца на владѣльческихъ крестьянахъ лежало также содержаніе лицъ, поставленныхъ владѣльцами для управленія селами и деревнями, какъ то: ключниковъ, прикащиковъ, посельскихъ и пр. Въ Новгородской области ключники, составляющія непремѣнную принадлежность каждаго имѣнія, какъ бы оно мелко ни было, получаютъ различное содержаніе. Такъ въ одномъ имѣньицѣ ключнику съ каждой обжи. ($2^1/_2$ десят.) шла деньга, четка ржи, четка овса, 2 сыра, овчина, баранья лопатка, коврига, горсть льну (Дер. I. 361). Въ другомъ съ 2 обежъ (около 5 десятинъ), при сѣнокосахъ, дававшихъ 30 коп. сѣна, ключнику шло 2 хлѣба, 2 лопатки бараньи, 4 сыра, 2 овчины, 2 горсти льну (Дер. II. 341).

Въ большинствѣ случаевъ ключники, подобно землевладѣльцамъ, собирали свои доходы продуктами, но иногда натуральные платежи переводились на деньги по цѣнамъ, приведеннымъ выше. Что касается до центральныхъ уѣздовъ, то въ писцовыхъ книгахъ этихъ уѣздовъ вовсе не упоминается о какихъ либо сборахъ въ пользу лицъ, управлявшихъ имѣніями, даже совсѣмъ не видно и слѣдовъ существованія такихъ лицъ. По всей вѣроятности доходы съ имѣній собирались здѣсь временными сборщиками, посылаемыми въ извѣстную пору землевладѣльцами, или же доставлялись старостами, выборными отъ крестьянъ, какъ это было, напримѣръ, въ имѣніи

Корнильева-Комельскаго монастыря [1]). И если въ уставныхъ грамотахъ, современныхъ съ писцовыми книгами и относящихся къ однимъ и тѣмъ же мѣстностямъ съ ними, мы встрѣчаемъ и прикащиковъ вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ слѣдующаго имъ содержанія, то, кажется, слѣдуетъ это понимать такимъ образомъ, что управленіе посредствомъ постоянныхъ прикащиковъ и другихъ лицъ было исключеніемъ изъ общаго правила, вводимымъ особыми уставными грамотами. Лица, завѣдывавшіе управленіемъ и судомъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были тѣже прикащики, посельскіе старцы, ключники и тіуны. Для исполненія судебныхъ дѣйствій служили доводчики и недѣльщики. Содержаніе этихъ лицъ не вездѣ было одно и тоже. Они получали его сборомъ продуктовъ съ крестьянъ въ извѣстные сроки. Изъ такихъ поборовъ извѣстны: въѣзжее, праздничное, или праздничный кормъ, осеннее. По одной уставной грамотѣ прикащикамъ и доводчикамъ съ выти велѣно было брать въѣзжаго деньгу, да въ осень посельскому 9 денегъ, а доводчику алтынъ по старинѣ; въ осень же прикащику и доводчику брать куръ и поярокъ по старинѣ, или вмѣсто ихъ деньгу [2]). Кромѣ того крестьяне исполняли въ ихъ пользу нѣкоторыя работы; такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря селу Пузыреву 1561 г. велѣно крестьянамъ всею волостью, на слугу и на доводчика молоть рожь на хлѣбы и солодъ [3]) (А. А. Э. т. I. № 258).

Вотъ въ общихъ чертахъ условія, на которыхъ крестьяне

---

[1]) Ср. А. А. Э. т. I. № 348, III.

[2]) Временникъ, кн. 2 стр. 19. Сравни А. до юр. б. № 43.

[3]) Въ селѣ Соболевѣ, принадлежавшемъ Троицко-Сергіеву монастырю, въ 1580 г. прикащику велѣно было давать ежегодно со всей волости въ осень по 20 четвертей ржи, да по 20 четвертей овса, да на четыре праздника, на великъ день, да на Петровъ день, да въ осень, да на Рождество Христово по алтыну съ выти, да ему же съ волости рубль денегъ, да сѣна косить имъ 60 коп. (А. А. Э. т. I. № 307). По уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1593 г. постановлено прикащикомъ давать въѣзжаго съ выти по 2 деньги, да осенняго съ выти по 5 денегъ, „за которымъ прикащикомъ доводъ, а за которымъ доводу нѣтъ, то ему съ стола два рубли“ (А. А. Э. т. I, № 348, I, III). Сравни А. А. Э. т. I. № 255, II, № 268 и пр.

XVI вѣка пользовались землей въ имѣніяхъ владѣльцевъ всѣхъ наименованій.

Сравнивая ихъ съ условіями слѣдующихъ періодовъ русской исторіи, не исключая даже настоящаго, приходится сказать, что они не были обременительны. Участокъ каждаго земледѣльца состоялъ изъ достаточнаго количества пахатной земли, луга, лѣса, такъ что, въ соединеніи съ правомъ на угодья, онъ имѣлъ всѣ средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей хозяйства. Орудія производства давались ему безвозмездно. За пользованіе своимъ участкомъ онъ платилъ землевладѣльцу, все равно былъ ли онъ половникомъ, оброчникомъ или барщинникомъ, 4-ю—5-ю часть всего продукта. И что весьма важно, землевладѣлецъ не могъ увеличить своихъ требованій, такъ какъ крестьяне всегда имѣли право выселиться съ его земли. И дѣйствительно всякій разъ, когда условія измѣнялись къ худшему, крестьяне прибѣгали къ этому средству, оставляя требовательнаго землевладѣльца съ пустой землей.

Съ нашей точки зрѣнія условія пользованіе землей въ 16 в. могутъ показаться, какъ сказано, благопріятными, но совершенно иначе долженъ былъ смотрѣть на нихъ крестьянинъ 16 вѣка. Общество находилось въ переходномъ состояніи отъ того первобытнаго экономическаго устройства, при которомъ продуктъ труда сполна принадлежитъ самому производителю, и которое было еще не забыто, къ той общественно-экономической формаціи, когда часть труда употребляется на содержаніе членовъ общества, живущихъ чужимъ трудомъ. Обширныя пространства никѣмъ не занятыхъ земель на всѣхъ окраинахъ Россіи открывали каждому полнѣйшую возможность обработывать столько земли, сколько ему было нужно, не удѣляя никому другому ни малѣйшей доли изъ продуктовъ своего труда. Внутри самой населенной территоріи соперничество землевладѣльцевъ доводило, въ болѣе богатыхъ землею мѣстностяхъ, размѣръ этой доли до ничтожной величины, и наконецъ естественныя богатства страны открывали много другихъ источниковъ къ существованію помимо земледѣлія. Не трудно понять послѣ этого, почему крестьянину того времени

казались тяжелыми требованія землевладѣльцевъ и почему онъ или вовсе отказывался отъ земли, или переходилъ съ мѣста на мѣсто, ища болѣе выгодныхъ предложеній, или наконецъ бѣжалъ за предѣлы государства. Это сдѣлается еще болѣе понятнымъ если мы скажемъ, что большинство владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ повинностей въ пользу землевладѣльца, несли подати, повинности и различные пошлины въ пользу государства. Только сравнительно незначительная часть крестьянъ, почти исключительно въ монастырскихъ имѣніяхъ [1]), освобождаемыхъ отъ податей въ силу особыхъ жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ, ограничивалась отбываніемъ повинностей лишь въ пользу землевладѣльца, не зная никакихъ государственныхъ налоговъ. Остальная масса крестьянства была обложена какъ тѣми такъ и другими. Въ этомъ отношеніи владѣльческіе крестьяне находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ черными, отличаясь отъ этихъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что подати ихъ были менѣе значительны. Какъ велика была сумма податей въ томъ и другомъ случаѣ?

VII.

Податная система древней Россіи представляетъ въ высшей степени своеобразное явленіе, и разсмотрѣніе началъ, лежавшихъ въ ея основаніи, помимо того прямаго интереса, который она имѣетъ для нашей задачи, можетъ быть любопытно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Подати налагались въ древней Россіи не на лицо, а на имущество. Такъ какъ имущество состояло главнымъ образомъ въ землѣ, то она и была преимущественнымъ предметомъ обложенія. Но тамъ, гдѣ жители занимались промыслами, напр. въ городахъ, налоги взимались и съ этихъ послѣднихъ. Для распредѣленія поземельныхъ налоговъ употреблялся весьма оригинальный способъ. Вся занятая земля Московскаго госу-

[1]) Примѣры освобожденія отъ податей въ имѣніяхъ лицъ, не принадлежащая къ духовенству, рѣдки но бывали: льготною грамотою 1547 года вотчины и помѣстья путнаго ключника Дурова на четыре года были освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей (А. А. Э. т. I. № 218).

дарства раздѣлялась на участки, называемые сохами, такимъ образомъ, что каждый изъ этихъ участковъ по доходности былъ равенъ другимъ и могъ быть обложенъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ другими. Понятно, что при различныхъ достоинствахъ земли, соха не могла представлять какой либо опредѣленной величины, и измѣнялась по времени и мѣстнымъ условіямъ. Вникая въ смыслъ системы, вѣрнѣе было бы сказать, что дѣлилась не земля, а сумма налога раздѣлялась на опредѣленныя равныя доли, которыя потомъ и разлагались по землѣ, при чемъ равномѣрность обложенія не могла быть иначе достигнута, какъ только пропорціональнымъ измѣненіемъ величины участковъ. При опредѣленіи величины сохи т. е. при опредѣленіи количества податей на ту или другую мѣстность принималось въ соображеніе, во 1) качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Первой полагалось на соху больше, второй менѣе, третьей еще менѣе: такъ если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней земли шло 1000 четвертей, худой уже 1200. Это былъ слѣдовательно налогъ на доходъ съ земли, такъ какъ во всѣхъ 3 случаяхъ на соху накладывалась одинаковая сумма. Во 2) принималось во вниманіе количество другихъ налоговъ, лежавшихъ на землѣ. Черныя земли, не платившія оброка землевладѣльцу, преимущественно несли государственныя подати, по этому черныя сохи были мельче остальныхъ и заключали въ себѣ отъ 400 до 600 четвертей. Второе мѣсто по тяжести податей занимали монастырскія земли; соха заключала здѣсь до 600 четвертей доброй земли. Еще менѣе обременительны государственные налоги были для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель: сохи были здѣсь больше, и именно доброй земли полагалось 800 четвертей, средней 1000 и худой 1200 четвертей, то есть они были обложены на цѣлую треть слабѣе, чѣмъ черныя земли въ самомъ благопріятномъ случаѣ; но, взамѣнъ этого, крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, платили оброки въ пользу владѣльца. Менѣе всего было налоговъ на дворцовыхъ и подклѣтныхъ земляхъ: на соху здѣсь полагалось доброй земли 1.300 четвертей, такъ что эти земли

платили вдвое менѣе противъ черныхъ земель, что объясняется тяжестью лежавшихъ на нихъ оброковъ въ пользу дворца.

Тоже основаніе подоходности удерживалось при обложеніи и другихъ отраслей производства. Въ посадахъ, городахъ и вообще промышленныхъ и торговыхъ мѣстахъ сумма податей соразмѣрялась съ количествомъ всѣхъ доходовъ жителей (А. А. Э. т. I № 36; А. И. т. III. № 286).

Вслѣдствіе частыхъ войнъ тяжесть налоговъ въ продолженіе 16 столѣтія постепенно возрастаетъ: напримѣръ, въ Тверскомъ уѣздѣ въ дворцовыхъ волостяхъ крестьяне въ первой половинѣ столѣтія платили съ 1300 четвертей туже самую сумму, которую въ концѣ столѣтія платили съ 400 четвертей Кромѣ того обременительность налоговъ возрастала еще и оттого, что плата натурою, продуктами добываемыми самими жителями, постепенно вытѣснялась платой деньгами, пріобрѣтеніе которыхъ было, конечно, чрезвычайно затруднительно для крестьянина.

Резюмируя сказанное, выводимъ, что поземельная подать въ древней Россіи лежала на всѣхъ обработываемыхъ земляхъ, эксплуатировались ли онѣ крестьянами или землевладѣльцами, что, далѣе, земля за основаніе обложенія принималась ея доходность.

Только въ видѣ исключенія, по особенной милости государя, нѣкоторыя земли освобождались на срокъ или навсегда отъ извѣстныхъ или отъ всѣхъ налоговъ. Всего чаще „обѣлялись" такимъ образомъ земли монастырей и архіереевъ (Д. къ А. И. т. I № 122, 141, 188, 217; Горчаковъ о земельныхъ имуществахъ 270—271). Напр. Ѳедоровскій и Тереховскій монастыри платили только ямскія и полоняничныя деньги (А. Юр. р. № 209 V, VI). Такія льготы давались всего чаще имѣніямъ, опустошеннымъ пожарами, войной, моровыми повѣтріями и т. п., или съ тою цѣлью, чтобы дать возможность землевладѣльцу льготой отъ податей легче переманить къ себѣ на землю крестьянъ.

Легко видѣть, что такая система не могла существовать безъ болѣе или менѣе точнаго описанія земель. И дѣйствительно уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ намеки на такія инвентарныя описанія хозяйствъ. Въ XVI вѣкѣ они производились

весьма часто: Новгородскія земли послѣ ихъ присоединенія къ Москвѣ впродолженіе 20 лѣтъ были описаны 2 раза. Изъ описаній отдѣльныхъ хозяйствъ составлялись писцовыя и переписныя книги, различавшіяся между собою тѣмъ, что въ первыя заносились не только обработываемыя земли, «въ живущемъ», но также и лежащія впустѣ «порозжія», тогда какъ въ переписныхъ книгахъ описывались исключительно земли, приносящія доходъ. Лица, производившія описи, назывались писцами, описчиками и бѣльщиками. Въ описаніи означалось имя владѣльца, количество пашни и перелогу въ четвертяхъ или десятинахъ, состоявшихъ за каждымъ селеніемъ или деревнею, въ которыхъ обозначается иногда число дворовъ и домохозяевъ, также количество сѣна въ копнахъ, количество лѣса, измѣрявшагося верстами, четвертями или десятинами. Затѣмъ показывалось сколько крестьяне платятъ оброка или какія отправляютъ повинности на землевладѣльца. Если свѣдѣнія писцовыхъ книгъ требовали подтвержденія, то предпринимались новыя описанія, куда вносились разныя исправленія и дополненія, и такимъ образомъ составлялись книги дозорныя и приправочныя. Собравши такимъ путемъ всѣ нужныя свѣдѣнія о мѣстности, писцы клали ее въ сохи, то есть накладывали подати. Правильность описаній и податнаго обложенія зависѣла при этомъ почти исключительно отъ добросовѣстности писцовъ, которые не рѣдко возбуждали своими дѣйствіями жалобы. Внутри каждой сохи сумма налоговъ дробилась на болѣе мелкія платежныя единицы, называвшіяся въ Новгородѣ обжами, въ московскихъ владѣніяхъ вытями. Ни та ни другая мѣра не имѣли опредѣленной величины и измѣнялись по времени и мѣсту. Такъ обжа въ 1500 году заключала въ себѣ отъ 3 до 6 десятинъ, а въ концѣ столѣтія она постоянно равнялась 5 десятинамъ. Мѣра выти еще болѣе не постоянна. Въ Дмитровскомъ у., напр., клалось на выть по 5 десятинъ, а въ Московскомъ (1585 г.) на выть полагалось по 10 десятинъ, въ другихъ мѣстахъ она заключала 7 десят. и т. д. Выть измѣнялась также, смотря по качеству почвы: доброй земли клалось менѣе, худой болѣе и наконецъ смотря по виду владѣнія.

Что касается до самыхъ податей и повинностей, то они были

слѣдующія: 1) дань князю съ земли. Этой подати подлежало все населеніе. Она называлась „посошнымъ" „посохою" „посошиной", въ Новгородскихъ земляхъ обежной данью. 2) Поголовная подать накладывалась только въ исключительныхъ случаяхъ и упоминается весьма рѣдко.

Повинности были чрезвычайно разнообразны. Однѣ изъ нихъ были общія, другія мѣстныя, одни отбывались исключительно личнымъ трудомъ, другія въ соединеніи съ денежными платежами. 1) Наиболѣе обременительною повинностью для народа была ямская, состоявшая въ доставленіи подводъ для княжескихъ гонцовъ, иностранныхъ властей, намѣстниковъ, волостелей и другихъ властей. Особенно тяжело ложилась она на тѣ мѣстности, чрезъ которыя пролегали наиболѣе «пошлыя» дороги, такъ какъ жители этихъ мѣстностей, кромѣ доставленія лошадей, обязаны были кормить проѣзжающихъ, ихъ прислугу и коней, давать квартиры, проводниковъ и т. под., причемъ, за отсутствіемъ какихъ либо правилъ, все зависѣло отъ требовательности проѣзжавшихъ чиновниковъ. Постепенно ямская повинность была переложена на деньги и взамѣнъ ея стали собираться ямскія деньги, въ придачу къ которымъ повременамъ брались еще приметныя деньги. Отправленіе же ямщины было возложено на особый классъ ямщиковъ.

2) Не менѣе тяжела была ратная повинность то есть выставленіе и содержаніе ратныхъ людей. Постоянныхъ наборовъ не было, такъ какъ постояннаго войска еще не существовало, но, по мѣрѣ надобности, производились наборы по 1 человѣку съ 2, 9, 5, 20 и болѣе дворовъ. Сверхъ этого на населеніи лежала еще поставка припасовъ и денегъ войску, приготовленіе пороху (зелейное дѣло), устройство засѣкъ при вступленіи непріятеля, платежъ пищальныхъ денегъ на покупку оружія.

Таковы были общія повинности. Кромѣ нихъ были еще мѣстныя повинности по отношенію къ мѣстному городу. «Городское дѣло» состояло въ томъ, чтобы дѣлать городъ (валы и ограды), возить каменья, известь, исправлять пищальное и поворотное, впослѣдствіи пушечное дѣло, строить и чинить мосты и т. д.

Оправданіемъ такому политическому маневру могло служить развѣ только желаніе разомъ возвратить себѣ вліяніе на Порту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ускользавшее изъ рукъ. Къ тому же, дѣйствительно казалось отчасти возможнымъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, ничѣмъ притомъ не рискуя; къ тому же, европейскія правительства были слишкомъ озабочены событіями, воочію совершавшимися передъ ними въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, чтобы удостоить вниманіемъ возстаніе, вовсе не представлявшееся грознымъ; Порта-же, напротивъ, признавая угрожавшую ей опасность истиннымъ для себя бѣдствіемъ, не знала какъ и оцѣнить неожиданно предложенную ей помощь.

Но, во всякомъ случаѣ, заявленная 31 іюля 1848 г. рѣшимость Россіи дѣйствовать въ соглашеніи съ Блистательною Портою для возстановленія спокойствія въ Дунайскихъ княжествахъ ничѣмъ не могла быть оправдана; отнюдь не возвращая утраченнаго вліянія, она неминуемо должна была способствовать усиленію недовѣрія и подозрительности султана въ будущемъ, и возбудить противъ Россіи неудовольствіе народовъ, преданность которыхъ дотолѣ не подвергалась никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ фактъ одновременнаго вступленія русскихъ и турецкихъ войскъ въ княжества былъ на лицо; а 19 апрѣля 1849 г. обѣ державы подписали Балта-Лиманскій договоръ, по которому, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, обнаружившихся въ Дунайскихъ княжествахъ, и искренно желая возстановить въ нихъ нарушенный порядокъ, прочно утвердить таковой на будущее время, онѣ постановили:

1) Въ видахъ представленія наиболѣе достойнымъ личностямъ возможности управлять краемъ, господари Молдавіи и Валахіи будутъ впредь избираться и утверждаться султаномъ на семилѣтній срокъ, а не пожизненно, какъ это было установлено трактатомъ 1829 года (Ст. I).

2) Право обыкновеннаго и чрезвычайнаго съѣзда бояръ, дарованное отдѣльнымъ постановленіемъ Адріанопольскаго трактата уничтожается, такъ какъ оно нерѣдко

служило поводомъ къ возбужденію смутъ и явнаго неповиновенія (Ст. II).

3) Двѣ комисси, составленныя изъ наиболѣе уважаемыхъ бояръ, имѣютъ собраться: одна въ Ясахъ, другая въ Бухарестѣ, и, обсудивъ настоящее положеніе дѣлъ, опредѣлять, какимъ именно измѣненіямъ необходимо должна подвергнуться прежняя конституція, чтобы утвердить въ княжествахъ вполнѣ прочное и правильное управленіе. Предположенія комиссій войдутъ въ законную силу лишь по одобреніи ихъ Россіей и Портой (Ст. III).

4) Русско-турецкая армія, численностью отъ 25 до 30.000 человѣкъ, будетъ занимать княжества для оказанія содѣйствія ихъ правительствамъ и охраненія ихъ отъ всякихъ враждебныхъ происковъ, направленныхъ извнѣ. По водвореніи полнаго спокойствія численность оккупаціонной арміи будетъ уменьшена до 10000 человѣкъ, они остаются въ княжествахъ до окончанія занятій комиссій, на которыя возложено окончательное устройство прочнаго и твердаго правительства. Но хотя войска и будутъ выведены изъ княжествъ въ опредѣленное время, однако могутъ быть возвращены, лишь только присутствіе ихъ тамъ вновь окажется необходимымъ (ст. IV).

Срокъ соблюденія этой конвенціи опредѣляется на 7 лѣтъ, по истеченіи которыхъ Россія и Турція предоставляютъ себѣ право вновь принять соотвѣтствующія мѣры для упроченія въ будущемъ спокойствія и благоденствія княжествъ. Наконецъ обѣ державы постановляютъ, что такъ какъ заключеніе настоящаго договора вызвано исключительными обстоятельствами, и притомъ съ назначеніемъ для соблюденія таковаго опредѣленнаго срока, то условія всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ, относящіяся до Дунайскихъ княжествъ и санкціонированныя въ недавнемъ времени отдѣльнымъ постановленіемъ Адріанопольскаго трактата, сохранятъ свою полную силу и значеніе.

Строгія, отчасти даже насильственныя мѣры, обусловленныя Балта-Лиманскимъ договоромъ, весьма естественно возбудили сильный ропотъ въ княжествахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ порвали послѣднія слабыя узы, соединявшія Мадьярскія племена съ Россіей. Съ тѣхъ поръ племена эти отшатнулись отъ нея, признавъ ее не покровительницею, а врагомъ своей свободы и независимости.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, жертвуя плодами вѣковыхъ усилій и не обращая вниманія на симпатіи русскаго народа, с.-петербургскій кабинетъ, помимо желанія возстановить свое вліяніе на Порту, имѣлъ еще въ виду произвести нравственное давленіе на Венгерское возстаніе, къ прекращенію котораго оказывалъ дѣятельное содѣйствіе.

Но цѣль не была достигнута: не смотря на несомнѣнно важную помощь, поданную Россіей Австріи, отношенія этихъ двухъ державъ замѣтно съ тѣхъ поръ ухудшились, и только въ весьма недавнее время приняли болѣе благопріятное направленіе. Кромѣ того, вмѣшательство это возбудило крайне прискорбный по послѣдствіямъ вопросъ о польскихъ выходцахъ, отдавшихся подъ покровительство Турціи.

Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе того, что большинство поляковъ, начальствовавшихъ бандами венгерскихъ инсургентовъ, потерпѣвшими полное пораженіе, бѣжали въ Турцію, прося султана не отказать имъ въ пристанищѣ. Падишахъ имѣлъ неоспоримое право исполнить ихъ просьбу, — но русское правительство взглянуло на дѣло иначе: признавая оказанное бѣглецамъ гостепріимство доказательствомъ враждебности къ себѣ Порты, оно грознымъ ультиматумомъ потребовало немедленной ихъ высылки изъ турецкихъ владѣній.

Такое требованіе Россіи крайне огорчило и оскорбило султана, тѣмъ болѣе что, какъ государь самодержавный и независимый, онъ видѣлъ въ таковомъ явное нарушеніе своихъ верховныхъ правъ. Къ счастью для него революціонная гроза въ Европѣ длилась недолго; Франція и Англія поспѣшили вновь вмѣшаться въ восточныя дѣла и усердно заняться возстановленіемъ своего поколебленнаго вліянія.

Русскій ультиматумъ о высылкѣ изъ Турціи польскихъ

выходцевъ, составляя явное нарушеніе самыхъ существенныхъ международныхъ правъ, разрѣшающихъ самостоятельнымъ правительствамъ давать пріютъ въ своихъ владѣніяхъ политическимъ преступникамъ, — предоставляли Франціи и Англіи вполнѣ благопріятный предлогъ оказать султану поддержку.

Онѣ воспользовались таковымъ и утвердили въ Падишахѣ рѣшимость не подчиняться волѣ Россіи; Англія же ввела даже свой флотъ въ Дарданеллы, свидѣтельствуя тѣмъ о своей готовности энергически воспрепятствовать русскому домогательству.

Державы эти не преминули также увѣрить султана, что содѣйствіемъ къ подавленію возстанія въ Дунайскихъ княжествахъ и занятіемъ ихъ своими войсками, Россія желала лишь приблизиться къ границамъ Турціи, и что ультиматумъ ясно обозначаетъ ея стремленіе расширить свои владѣнія въ ущербъ Оттоманской имперіи. Несмотря на очевидную несостоятельность такого завѣренія, оно пріобрѣтало однакоже въ глазахъ султана значительную долю вѣроятія, потому что русскія войска дѣйствительно не были выведены изъ княжествъ, хотя полное спокойствіе было давно въ нихъ возстановлено.

Увѣренность западныхъ державъ, что Россія и впрямь домогается овладѣть лучшими областями Турціи, усиливалась все болѣе и болѣе а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и недовѣріе ихъ къ ней. Разныя возникавшія усложненія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, убѣждали въ неизбѣжности серьезныхъ столкновеній, послужившихъ впослѣдствіи поводомъ къ Крымской войнѣ и къ заключенію пресловутаго трактата 1856 года.

Съ той поры для всѣхъ стало ясно, что при будущихъ столкновеніяхъ на востокѣ, Россіи придется бороться уже не съ одною Турціею, а съ соединенными боевыми силами Франціи, Англіи и Австріи.

Такъ дѣйствительно и случилось...

ГЛАВА VII.

Крымская война. Парижскій трактатъ 18/30 марта 1856.

Ничтожныя, скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя улучшенія, допущенныя милостью султана въ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ Порты, замѣтно ослабили ихъ ненависть къ мусульманамъ и подали даже надежду, что сближеніе между двумя столь разнородными по характеру и вѣрованіямъ элементами, хотя и въ далекомъ будущемъ, однако же возможно.

Подобный оборотъ дѣлъ не входилъ въ соображенія русскаго правительства, начинавшаго наконецъ сознавать, что его единовѣрцы мало по малу отрѣшаются отъ убѣжденія, что только Россія можетъ оказать имъ содѣйствіе и помощь; вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться и опасенія, что русское вліяніе на восточныхъ христіанъ незамѣдлитъ совершенно утратиться, какъ это уже случилось въ Дунайскихъ княжествахъ.

Такія опасенія русскаго правительства, во всякомъ случаѣ, не были лишены основаній; надежды христіанъ на заступничество и помощь Россіи уже столько разъ не осуществлялись, что даже мысль о ея покровительствѣ устрашала и заставляла предполагать, что она стремится лишь къ распространенію на славянскія племена своего владычества, считавшагося ими гораздо болѣе опаснымъ для ихъ національности чѣмъ безобразное турецкое упрарленіе. «Сдѣлавшись подданными Россіи, славянскія племена неминуемо подверглись бы строгой административной централизаціи, лишенію муниципальныхъ учрежденій, утратѣ вѣками усвоенныхъ обычаевъ и существенному измѣненію родныхъ нарѣчій, — т. е. всѣхъ несомнѣнныхъ доказательствъ ихъ политической индивидуальности, которую они съумѣли сохранить не смотря на гнетъ вѣковаго рабства» [1]).

[1]) Annuaire des deux mondes, 1852.

Къ такому явному охлажденію симпатій христіанскихъ народовъ востока Россія конечно не могла относиться безучастно тѣмъ болѣе, что, несмотря на временныя колебанія въ направленіи ея политики, она все таки твердо сознавала, что вѣрнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ средствомъ безусловно подчинять Турцію своему первенствующему вліянію несомнѣнно было постоянно оказывавшееся покровительство единовѣрцамъ русскаго народа. Къ тому-же, все историческое прошлое Россіи свидѣтельствовало, что она постоянно имѣла въ виду и напрягала усилія расширить свои владѣнія на счетъ Турціи, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ утверждаютъ иностранные писатели [2]).

---

[1]) Невозможно подвергнуть даже поверхностному обсужденію всѣ нападки иностранцемъ на восточную политику Россіи, приведемъ нѣкоторые примѣры, взятые на удачу. Лордъ Пальмерстонъ говорилъ 25 марта 1854 года въ палатѣ депутатовъ: «Россія со времени Петра Великаго систематически неуклонно стремится къ осуществленію его проэкта завоеванія Турціи. Встрѣчая препятствія, она отступаетъ, но лишь для того, чтобы при первой возможности снова подвинуться впередъ. Политика ея заключается въ томъ, чтобы отнюдь не ускоряя хода событій зорко слѣдить за дѣйствіями европейскихъ правительствъ и пользоваться всякою, самою ничтожною случайностью, способною хотя сколько нибудь содѣйствовать достиженію предположенныхъ ею цѣлей.» Подобные доводы основывались преимущественно на знаменитомъ завѣщаніи Петра Великаго, существованіе котораго никогда не могло быть неопровержимо и окончательно доказано; тѣмъ не менѣе въ каждомъ сочиненіи о Россіи, появлявшемся въ заграничной печати, неизбѣжно о немъ упоминалось, притомъ со всевозможными толкованіями, измѣненіями и предположеніями. Съ особымъ усердіемъ коментированъ на всѣ лады § 9-й завѣщанія, въ которомъ великій монархъ начерталъ будто-бы слѣдующую программу для будущихъ дѣйствій Россіи: «Постепенно и настойчиво подвигаться къ Константинополю и Индіи; тотъ, кто утвердитъ свое владычество въ послѣдней, будетъ владыкою вселенной; поэтому необходимо постоянно возбуждать военныя столкновенія съ Турціей, Польшей, Австріей и Персіей. Устроить порты и верфи на Черномъ морѣ, стараться мало по малу завладѣть какъ таковымъ, такъ и моремъ Балтійскимъ, потому что такимъ образомъ вдвойнѣ облегчится осуществленіе настоящаго проэкта: ускорить паденіе Персіи, добраться до Персидскаго залива и утвердиться въ Индіи, составляющей центральный пунктъ всего міра.» Г. Р. Ройэ, давъ мѣсто завѣщанію въ изданномъ имъ сочиненіи «Осада Севастополя», говоритъ: «Знаю,

Да и то сказать: поступая такимъ образомъ, Россія только слѣдовала общему закону, присущему всѣмъ народностямъ, неудержимо побуждающему ихъ стремиться къ занятію естественныхъ границъ; законъ этотъ неизгладимо освященъ на скрижаляхъ исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ государствъ. Нельзя однако же вовсе не ставить въ укоръ Россіи того, что она порой переступала границы, указываемыя необходимостью; тѣмъ еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Екатерины II, выраженнымъ въ 1770 г. въ письмѣ ея къ Вольтеру: «Я не считаю возможнымъ завладѣть въ недалекомъ будущемъ Константинополемъ; впрочемъ убѣждена въ справедливости мудраго изрѣченія, что отчаяніе есть смертный грѣхъ».

За то никто изъ преемниковъ великой монархини не сдѣлалъ такихъ огромныхъ пріобрѣтеній на счетъ Турціи, какъ она, хотя всѣ урѣзывали отъ своей сосѣдки по малой толикѣ, а Ункіаръ-Скелесскій трактатъ, по современному выраженію, даже вложилъ ключъ отъ Дарданелловъ въ карманъ императора Николая.

Между тѣмъ это было вовсе несправедливо; можно даже съ увѣренностью сказать, что никогда еще вліяніе Россіи собственно на Турцію и на подвластныя ей христіанскія народности не было такъ ничтожно, какъ по заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго трактата.

Поэтому нисколько неудивительно, что русское правительство, замѣтивъ ложное направленіе принятое ея восточною политикою, поспѣшило прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для возвращенія ускользавшаго изъ ея рукъ вліянія на Порту и снова занять подобающее ей положеніе относительно ея единовѣрцевъ.

что многіе оспариваютъ даже самое существованіе этого документа и признаютъ таковой подложнымъ, измышленнымъ врагами Россіи. Понятно, что русскіе государственные люди и ихъ пособники всѣми средствами стараются утвердить такое убѣжденіе; я же имѣю много основаній не сомнѣваться въ его дѣйствительности». По нашему мнѣнію нетолько правильнѣе, но и честнѣе поступаютъ тѣ, которые сомнѣваются въ существованіи фактически недоказаннаго документа, чѣмъ тѣ, которые безстыдно усиливаются убѣдить въ противномъ.

Болѣе тѣмъ вѣроятно, что именно такія соображенія побудили с.-петербургскій кабинетъ выказать весьма дѣятельное участіе по вопросамъ: черногорскому и „о святыхъ мѣстахъ", не обращая вниманія на то, въ какой мѣрѣ они затрогивали ея собственные интересы.

Представимъ нѣкоторыя данныя относительно перваго вопроса, не имѣющаго впрочемъ особенно важнаго значенія.

Въ 1478 г. султанъ Магометъ II осадилъ г. Скорду, завладѣлъ имъ, и, отнявъ его у Венеціанцевъ, присоединилъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ своей имперіи и Черногорію. Хотя позднѣе Карловицкимъ (1690) и Пассаровицкимъ (1718) трактатами присоединеніе это было признано и утверждено державами, но черногорцы, удалясь въ свои неприступныя горы, находящіяся на западной окраинѣ Европейской Турціи, отказались платить Портѣ установленную дань и вообще встать къ ней въ вассальныя отношенія. Они даже неоднократно возмущались противъ насильно навязаннаго имъ сюзерена, который посылалъ войска для ихъ усмиренія, но успѣха не было: трудности горной войны постоянно парализовали усилія турецкихъ полчищъ усмирить непокорныхъ горцевъ, которые такимъ образомъ лишь номинально могли считаться подданными Оттоманской имперіи.

Весьма понятно, что борьба черногорцевъ за независимость не замедлила обратить на себя вниманіе европейскихъ державъ; въ особенности чутко отнеслась къ ней Россія, побуждаемая желаніемъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на мужественныхъ горцевъ въ ущербъ Австріи, втайнѣ помышлявшей о возвращеніи Черногоріи въ свое лоно, изъ котораго она была нѣкогда исторгнута силою оружія.

И политика русскаго правительства успѣла на этотъ разъ весьма ловко и умѣло разстроить планы вѣнскаго кабинета, такъ что съ конца XVIII столѣтія вліяніе Россіи въ Черногоріи сдѣлалось преобладающимъ, а владѣтель этой крошечной страны добровольно подчинился ей во всемъ. Этому немало способствовало также то обстоятельство, что князь Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, наслѣдовавшій дядѣ своему Петру I, по древнему закону и обычаю страны, будучи только въ санѣ

монаха, не могъ вступить на престолъ; для этого необходимо быть рукоположеннымъ въ епископы. А такъ какъ въ самой Черногоріи не находилось духовной власти, облеченной правомъ исполнить такой обрядъ, то ему предстояло или обратиться къ Константинопольскому патріарху, или къ Россійскому Святѣйшему Синоду; онъ предпочелъ прибѣгнуть къ послѣднему.

Умирая онъ обязалъ своего наслѣдника и племянника Даніила Нѣгошъ поступить точно также.

Даніилъ, свято чтя завѣтъ дяди, и не обращая вниманія на происки Австріи, [1]) отправился въ Петербургъ, гдѣ и принялъ посвященіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтвердилъ свою рѣшимость неуклонно поддерживать дружественныя отношенія съ Россіей.

Вполнѣ вѣроятно, что с.-петербургскій кабинетъ одобрялъ его предположенія, потому что тотчасъ-же по возвращеніи на родину, князь смѣло провозгласилъ независимость Черногоріи, утвердилъ право потомственнаго престолонаслѣдія въ своемъ родѣ, а гербъ страны украсилъ русскимъ двуглавымъ орломъ.

Съ того времени Россія, признавая независимость Черногоріи законно совершившимся фактомъ, очевидно выказала тѣмъ свою твердую рѣшимость энергически противиться всякому покушенію Порты предъявлять на нее свои верховныя права.

Австрія тоже выразила намѣреніе поддерживать черногорцевъ, побуждаемая къ тому желаніемъ не отдавать этого дѣла исключительно въ руки Россіи. Притомъ враждебныя дѣйствія Порты противъ Черной-горы несомнѣнно были способны возбудить ропотъ и волненія въ средѣ всѣхъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова.

Хотя такія соображенія очевидно должны были побудить султана соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніяхъ Порты съ Черногоріей, но тѣмъ не менѣе Омеру-пашѣ удалось убѣдить его въ политической и стратегической необхо-

[1]) Даніилъ Нѣгошъ воспитывался въ Вѣнѣ; поэтому австрійское правительство надѣялось, что онъ обратится къ нему съ просьбою о рукоположеніи.

димости обладать этою страною; но его мнѣнію, черногорцы, ободренные сдѣланными имъ уступками, во всякое время легко могли спускаться съ горъ и учинять территоріальные захваты.

Жестокости, которыми ознаменовалось присутствіе полчищъ Омера-паши въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Черногоріи, побудили мужественныхъ ея сыновъ взяться за оружіе. Поводомъ къ вторженію турокъ въ ихъ владѣнія послужилъ штурмъ и паденіе крѣпости, защищавшей входъ въ Скуторійское озеро, и съ того времени завязалась ожесточенная, яростная борьба Оттоманской имперіи съ малочисленнымъ славянскимъ племенемъ.

Начало операцій турецкой арміи послужило Австріи поводомъ къ принятію мѣръ военной предосторожности, необходимость которыхъ она объясняла возможностью случайнаго нарушенія ея границъ, тѣмъ болѣе, что между австрійскими и турецкими славянами уже замѣчались признаки грознаго возбужденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскій кабинетъ призналъ, что для него настала благопріятная минута выступить на сцену и тѣмъ предупредить всякія дѣйствія Россіи. Графъ Лининжъ, личность выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ, былъ посланъ въ Константинополь для истребованія отъ Порты категорическихъ объясненій, какъ по черногорскимъ, такъ и по другимъ, не менѣе важнымъ дѣламъ.

Миссія графа Лининжа увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; состоявшееся соглашеніе, не нанося оскорбленія Турціи, удовлетворяло Австрію преимущественно тѣмъ, что уничтожало повидимому поводы къ предпринимавшейся Россіей значительной дипломатической демонстраціи. Дѣйствительно, с.-петербургскій кабинетъ имѣлъ въ виду отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посла для изложенія султану причинъ, возбуждавшихъ неудовольствіе императора Николая.

Между тѣмъ необходимость выяснить и точно опредѣлить отношенія Россіи къ Портѣ была очевидна, тѣмъ болѣе что таковыя становились крайне натянутыми. Наконецъ оскорбленіе, нанесенное православію съ цѣлью расширить права ка-

толицизма, вынудило русское правительство придать особую важность и значеніе своимъ требованіямъ.

Представимъ фактическое положеніе дѣла:

Волненія и раздоры, происходившіе во Франціи, были причиною замѣтнаго ослабленія ея, еще такъ недавно почти исключительнаго, вліянія на Порту.

Мы знаемъ также, что въ іюлѣ 1840 г. она была даже исключена изъ совѣта четырехъ великихъ державъ, собравшагося въ Лондонѣ для обсужденія положенія дѣлъ на востокѣ.

Наполеонъ III, несомнѣнно обладавшій умѣньемъ пользоваться всякимъ случаемъ, способнымъ утвердить дипломатическій авторитетъ его правительства, и желая притомъ привлечь къ себѣ духовенство, столь могущественное во Франціи, призналъ, что данная минута весьма благопріятна для возвращенія католикамъ преимуществъ, которыми они пользовались въ святыхъ мѣстахъ, насильственно исторгнутыхъ у нихъ въ пользу православныхъ.

Нельзя также умолчать, что со времени утвержденія мусульманскаго господства въ Палестинѣ, почти всѣми святыми мѣстами de facto владѣли католики, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Франціи, право оказывать которое было усвоено за нею съ давнихъ временъ. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1535 году Францискомъ I съ султаномъ Солейманомъ, всѣ тѣ отдѣльныя святилища, которыми владѣли католики неоффиціально, признаны законно имъ принадлежащими. Съ тѣхъ поръ короли Франціи постоянно домогались дарованія султанами всевозможныхъ привиллегій ихъ единовѣрцамъ; такъ въ 1635 году исторгнутъ былъ у Амурада IV гаттишерифъ, по которому повелѣвалось отобрать у православныхъ и возвратить католикамъ святилища, которыми первые успѣли завладѣть.

Посредничество и содѣйствіе Франціи при заключеніи Бѣлградскаго трактата до того прочно утвердили ея преобладающее вліяніе на Порту, что послѣдняя во всѣхъ важныхъ случаяхъ прибѣгала къ ея совѣтамъ; поэтому неудивительно, что Франціи не стоило большаго труда испросить у султана под-

утвержденіе всѣхъ старинныхъ капитуляцій. Изъ числа ихъ гатти-шерифъ 1635 года предоставлялъ католикамъ много важныхъ привиллегій, гарантировалъ имъ между прочимъ обладаніе тѣми святилищами, которыя во время его изданія находились въ ихъ распоряженіи, не обозначая однакоже съ надлежащею точностью какими именно.

При всемъ томъ никакими капитуляціями, или гатти-шерифами не присвоивалось католикамъ права владѣть всѣми безъ исключенія святилищами, и нѣкоторыя изъ таковыхъ по прежнему признавались принадлежащими православнымъ.

Впослѣдствіи болѣе насущные интересы вынудили Францію отшатнуться отъ своихъ единовѣрцевъ, что и дало возможность православнымъ заручиться у Порты различными привиллегіями, притомъ въ явный ущербъ католикамъ, положеніе которыхъ становилось такимъ образомъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ.

И нельзя не сознаться, что православные превосходно сумѣли воспользоваться безпомощностью католиковъ; они постепенно отняли у нихъ многія святилища.

Именно такое положеніе дѣлъ, усложненное положительною неопредѣленностью началъ, на которыхъ могли бы основываться права христіанъ обоихъ исповѣданій на востокѣ, искони служило поводомъ къ возникновенію между ними безпрерывныхъ распрей.

Впослѣдствіи домогательства протестантовъ значительно усилили прискорбныя несогласія и ссоры, возбудившіяся даже у самаго гроба Господня.

Послѣднія пререкательства православныхъ съ католиками произошли по поводу вопросовъ, кому изъ нихъ принадлежитъ законное обладаніе храмомъ Каны Галилейской, и которому изъ названныхъ исповѣданій слѣдуетъ предоставить право затеплять большее количество лампадокъ у гроба Господня Эти то недоразумѣнія и обратили на себя вниманіе Наполеона III и вызвали его вмѣшательство.

Въ тоже время произошло нѣсколько кровавыхъ схватокъ, между соперничавшими сторонами, послѣдствіемъ которыхъ было то, что православные, превосходившіе численностью, по-

толиковъ, совершенно растгнали последнихъ и завладели гробомъ Господнимъ. Событіе это какъ нельзя более соответствовало желаніямъ Наполеона III, ему представлялся весьма удобный случай, подъ видомъ оказанія поддержки своимъ единоверцамъ, возвратить Франціи ея прежнее вліяніе на Порту.

Въ представленіяхъ, сделанныхъ Наполеономъ Дивану въ 1851 году по поводу недавняго угнетенія католиковъ, онъ выяснилъ все перипетіи вопроса съ XVI столетія и требовалъ возобновленія всехъ старинныхъ капитуляцій, преимущественно же капитуляцій 1740 г.

Для обсужденія дела собралась въ Константинополе смешанная коммисія; совещанія ея продолжались не долго и уже въ іюне 1851 года Порта передала послу Франціи ноту, въ которой заверяла, что правительство его в-ва султана, непоколебимо и неуклонно следуя своему древнему обычаю честно и добросовестно выполнять обязательства трактатовъ, заключенныхъ съ дружественными державами, нисколько не стесняется и въ настоящее время объявить, что все статьи трактата 1740 г., не измененныя последующими договорами, подтверждаются отныне во всей ихъ силе.

Вследъ за темъ, не смотря даже на настоянія императора Николая, который собственноручнымъ письмомъ советовалъ султану не нарушать statu quo,—последній, въ угоду Франціи, согласился передать католикамъ такъ главный придѣлъ храма гроба Господня такъ и малый придѣлъ съ Гробомъ Спасителя; гробница Пречистой Девы и многія другія святилища, наиболее почитаемые христіанами, были также имъ уступлены.

„Все народы, исповедующіе православіе",—писалъ русскій канцлеръ барону Бруннову въ Лондоне,—„возмущены передачей ключей Виѳлеемскаго храма католикамъ, служащею явнымъ доказательствомъ ихъ первенствующаго вліянія на востоке. Это великое несчастіе уже совершилось, г. баронъ, и предотвратить его невозможно".

Между темъ православные, деятельно поддерживаемые Россіей, успели убедить Порту отсрочить приведеніе въ ис-

исполненіе обѣщаній, данныхъ Франціи, и даже добилась фирмана, значительно ослаблявшаго значеніе привиллегій, дарованныхъ католикамъ. Это происходило въ отсутствіе французскаго посла, который не замедлилъ возвратиться въ Константинополь и потребовать у Дивана объясненій.

Въѣздъ посла въ столицу Турціи послѣдовалъ на французскомъ военномъ кораблѣ; подобное нарушеніе непремѣннаго условія конвенціи 1841 г., не предвѣщая чего либо добраго, убѣждало напротивъ, что требованія его будутъ настоятельны.

Тѣмъ временемъ быстро усиливавшееся могущество и величіе второй французской имперіи, а равно успѣхъ ея политики на востокѣ, замѣтно тревожили императора Николая и внушали ему даже желаніе положить имъ предѣлъ энергическими мѣрами. Хотя онъ былъ убѣжденъ, что Австрія и Пруссія не будутъ препятствовать приведенію въ исполненіе его намѣреній, а вліяніе свое на второстепенныя государства Германіи онъ считалъ несомнѣннымъ, но не скрывалъ отъ себя и того, что пока существовалъ союзъ Франціи съ Англіей, никакая попытка на востокѣ не можетъ считаться осуществимою.

Поэтому всѣ усилія русской дипломатіи были направлены къ тому, чтобы посѣять раздоръ между двумя великими державами запада. Возстановленіе французской имперіи, равно политическое и религіозное значеніе, быстро пріобрѣтенное ею на востокѣ, давали повидимому Россіи надежду привлечь Англію на свою сторону.

Мысль эта возникала впрочемъ не впервые въ Петербургѣ: еще въ 1844 году, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ Лондона, прямо и косвенно заводилась рѣчь о возможности такой комбинаціи.

Существовалъ даже документъ въ формѣ меморандума, въ которомъ графъ Нессельроде объяснялъ необходимость и пользу совокупныхъ дѣйствій обѣихъ державъ на востокѣ: «Россія и Англія»,—говорилъ онъ,—«глубоко убѣждены, что общіе ихъ интересы требуютъ сохраненія независимости и цѣлости Оттоманской имперіи; такая политическая комбинація вполнѣ обез-

цѣлость вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержаніе общеевропейскаго мира.»

Въ предвидѣніи же возможнаго паденія Турціи, Россія и Англія необходимо предварительно условиться относительно новаго порядка вещей, долженствующаго замѣнить нынѣ существующій, и совокупными дѣйствіями наблюдать, чтобы измѣненія во внутреннемъ управленіи этого государства не могли угрожать безопасности ихъ собственныхъ владѣній, нарушенію правъ, предоставленныхъ имъ трактатами, и вообще политическому равновѣсію Европы.

На этомъ дѣло остановилось, убѣждая тѣмъ, что про меморандумъ совершенно забыли; но въ январѣ 1853 года императоръ Николай вновь предложилъ Англіи войдти съ нимъ въ соглашеніе по восточнымъ дѣламъ.

Встрѣтивъ 9 января во дворцѣ великой княгини Елены Павловны англійскаго посланника, императоръ Николай подошелъ къ нему и, сказавъ, что сочувствуетъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ недавнее время въ личномъ составѣ лондонскаго кабинета, считая таковыя гарантіей спокойствія Европы, добавилъ: «Повторяю: полное согласіе и дружба между англійскимъ кабинетомъ и мною,—и наоборотъ,—между мною и англійскимъ кабинетомъ, настоятельно необходимы и въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо. Прошу сообщить мои слова лорду Джону Росселю. При единомысліи съ Англіей событія запада Европы нисколько меня не тревожатъ, такъ какъ они до меня вовсе не касаются. Турція — дѣло иное; положеніе ея самое критическое.»

Пользуясь тѣмъ, что самъ императоръ упомянулъ о Турціи, посолъ сообщилъ ему, что Англію крайне озабочиваетъ мысль, какое положеніе приметъ Россія относительно этой державы. Не желая вполнѣ высказать своихъ предположеній, государь отвѣчалъ:

«Дѣла Турціи крайне плохи, ей угрожаетъ неизбѣжная гибель. Это конечно большое несчастіе,—а потому весьма важно, чтобы Англія и Россія заблаговременно пришли къ полному соглашенію по восточному вопросу; каждая рѣшительная мѣра одной державы должна быть заранѣе извѣстна дру-

гой. Не забывайте, что мы имѣемъ дѣло съ «больнымъ человѣкомъ,» поэтому не скрою, что буду крайне огорченъ, если онъ умретъ прежде, чѣмъ всѣ необходимыя распоряженія будутъ сдѣланы.»

Сэръ Гамильтонъ униженно отвѣтилъ, что сильные, великодушные люди всегда относятся снисходительно къ людямъ слабымъ и немощнымъ. Императоръ прервалъ разговоръ, сказавъ, что имѣетъ въ виду возобновить его въ скоромъ времени.

Дѣйствительно англійскій посолъ по приглашенію графа Нессельроде явился черезъ пять дней въ Зимній дворецъ и былъ принятъ императоромъ, который продолжалъ прерванный разговоръ:

«Вамъ извѣстны конечно любимыя мечты и предположенія императрицы Екатерины, которымъ, какъ увѣряютъ, Россія сочувствовала досель, я же хотя и принялъ ея огромное территоріальное наслѣдство, но нисколько не увлекаюсь иллюзіями, или видами моей прародительницы,—если это послѣднее выраженіе вамъ болѣе нравится.

Моя имперія такъ обширна и всѣ условія ея благоденствія такъ счастливо сгруппированы, что было бы неблагоразумно съ моей стороны желать не только новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, но и усиленія моего могущества и власти. Мало того; я твердо убѣжденъ, что всякое приращеніе моихъ необъятныхъ владѣній было бы пагубно для Россіи [1])».

Убѣждаясь, что вступленіе это достаточно разсѣяло опасенія относительно честолюбивыхъ замысловъ, приписываемыхъ Россіи, императоръ обратился къ турецкимъ дѣламъ:

„Считаю своимъ долгомъ оказывать покровительство милліонамъ христіанъ, живущимъ въ Турціи, тѣмъ болѣе что, по смыслу заключенныхъ съ этою державою трактатовъ, имѣю на то неоспоримое право. Я никогда не злоупотреблялъ таковымъ и откровенно сознаюсь, что крайне тягочусь возложенными на меня обязанностями, отказаться отъ которыхъ

[1]) Въ искренности императора не могло быть сомнѣнія; отказавшись въ 1829 году отъ присоединенія къ Россіи Дунайскихъ княжествъ, — на что Порта уже готова была согласиться,—онъ далъ лучшее тому доказательство.

не въ моей, впрочемъ, власти. Колыбель вѣры моего народа—востокъ; нравственныя связи наши съ нимъ не могутъ быть прерваны...

Въ настоящее время Турція хотя постепенно, но неминуемо, близится къ погибели и, какъ бы мы ни желали продлить существованія „больнаго человѣка," (я первый былъ бы не менѣе васъ доволенъ, еслибъ это случилось), онъ можетъ не сегодня—завтра умереть и надѣлать намъ много хлопотъ. Мертваго мы не воскресимъ!.. Поэтому, если турецкая имперія падетъ, то уже никогда не воспрянетъ. Спрашиваю: не лучше-ли заранѣе приготовиться къ такому событію, чѣмъ подвергаться всякимъ случайностямъ, треволненіямъ и неизбѣжной въ данномъ случаѣ общеевропейской войнѣ. Что все произойдетъ именно такъ, какъ я говорю, если мы предварительно не условимся относительно совокупнаго образа нашихъ дѣйствій, не подлежитъ сомнѣнію,—и вотъ на что я желаю обратить серьезное вниманіе вашего правительства".

Сэръ Гамильтонъ отвѣчалъ, что хотя положеніе Турціи дѣйствительно весьма прискорбно, но до конечной ея гибели еще далеко... Къ тому-же ему извѣстно, что правительство королевы не имѣетъ вообще обыкновенія принимать на себя какія либо обязательства въ виду могущихъ еще произойдти событій. Императоръ, видимо недовольный такимъ отвѣтомъ, продолжалъ:

„Хорошо же, откровенность за откровенность,—предупреждаю, что если Англія имѣетъ въ виду когда либо занять Константинополь, то я этого не допущу. Я вовсе не утверждаю, что именно таково намѣреніе вашего правительства, но полагаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше ничего не утаивать другъ отъ друга. Съ своей стороны я охотно принимаю обязательство не утверждаться въ Константинополѣ полновластнымъ хозяиномъ; временное же его занятіе—дѣло иное, такъ какъ оно весьма возможно, если ничто не будетъ заранѣе предусмотрѣно, а предоставлено на произволъ судьбы."

Разговоръ болѣе не продолжался. Слова императора были подробно переданы лорду Росселю, который депешей отъ 9

февраля 1853 года сообщилъ сэру Гамильтону отвѣтъ Англіи. Въ немъ выражено, что правительство королевы не находитъ возможнымъ принимать на себя какія либо обязательства въ предвидѣніи близкаго паденія Оттоманской имперіи, признавая притомъ, что черезчуръ усердная заботливость о больномъ нерѣдко бываетъ причиною его преждевременной смерти. Въ заключеніе лордъ Россель предлагалъ, не озабочиваясь распредѣленіемъ наслѣдства больнаго, порадѣть о продленіи его жизни.

Вскорѣ послѣ доклада полученнаго отвѣта императоръ встрѣтилъ сэра Гамильтона у наслѣдницы-цесаревны и выразилъ ему сожалѣніе, что англійское правительство не усвоило себѣ его образа мыслей...

„Хотя я горячо желаю знать, что произойдетъ послѣ смерти „больнаго человѣка“, но еще болѣе желалъ бы опредѣлить, совмѣстно съ Англіей, чего не произойдетъ въ этомъ случаѣ... Если ваше правительство полагаетъ, что въ организмѣ Турецкой имперіи еще кроются зародыши жизненныхъ силъ,—то позволительно думать, что оно не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ истинномъ ея положеніи.

Повторяю: больной умираетъ; не слѣдуетъ допускать, чтобы извѣстіе о его смерти застало насъ врасплохъ... Соглашеніе между нами необходимо, и я убѣжденъ, что мы пришли бы къ таковому, еслибъ я хотя десять минутъ поговорилъ съ вашими министрами, — съ лордомъ Абердѣномъ напр., онъ меня хорошо знаетъ и довѣріе его ко мнѣ столь же безграничие, какъ и мое къ нему.

Не забудьте также, что ни трактата, ни протокола я вовсе не желаю; полное взаимное соглашеніе вполнѣ достаточно для людей честныхъ“.

Оставляя посланника, императоръ пригласилъ его пріѣхать во дворецъ на слѣдующій день, — а также разрѣшилъ ему пріѣзжать каждый разъ, когда личное объясненіе могло бы, по его мнѣнію, способствовать соглашенію по различнымъ вопросамъ.

Въ послѣдующемъ разговорѣ императорѣ вполнѣ выяснилъ свои истинныя воззрѣнія на турецкія дѣла, оказавшіяся ді-

нетрально противуположными съ видами англійскаго правительства. Государь озабочивался мыслью о неизбѣжности близкаго распаденія Оттоманской имперіи; Англія же—изысканіемъ средствъ поддержать ея существованіе. „Вашъ канцлеръ то и дѣло толкуетъ мнѣ объ этомъ“, — сказалъ императоръ Гамильтону, — „но я убѣжденъ, что катастрофа застанетъ васъ вовсе къ ней неприготовленными“. Исходя отъ этой точки зрѣнія, онъ положительно заявилъ, что не допуститъ владычества въ Константинополѣ ни Россіи, ни Англіи, ни другой какой либо великой державы; что не согласится на расширеніе границъ Греціи и на образованіе изъ нея могущественнаго государства; а тѣмъ менѣе на возстановленіе византійской имперіи. О раздробленіи же Турціи на мелкія республики онъ и слышать не хотѣлъ, такъ какъ онѣ служили бы притономъ для Кошута и другихъ европейскихъ революціонеровъ.

Наибольшій интересъ этого разговора заключался несомнѣнно въ сообщенныхъ императоромъ сэру Гамильтону предположеніяхъ о томъ, какой порядокъ вещей слѣдовало бы установить по паденіи Оттоманской имперіи:

„Дунайскія княжества и теперь de facto составляютъ независимое государство, находящееся подъ моимъ покровительствомъ, нѣтъ надобности измѣнять ихъ положеніе“.

„Сербія и Болгарія слѣдуетъ даровать подобное же управленіе, такъ какъ не представляется достаточныхъ причинъ для образованія изъ нихъ одного, вполнѣ независимаго государства“.

„Я хорошо понимаю, на сколько пріобрѣтеніе Египта важно и необходимо для Англіи, — поэтому откровенно скажу, что, если при раздѣлѣ Оттоманской имперіи онъ достанется вамъ, то конечно не съ моей стороны возникнутъ къ тому препятствія. Если обладаніе Кандіей вамъ пригодно, берите этотъ островъ, и да будетъ онъ собственностью Англіи“.

Предложивъ англійскому послу сообщить правительству королевы эти предложенія, императоръ, отпуская его, добавилъ:

„Я вполнѣ довѣряю англійскому правительству и не требую отъ него конвенціи или договора; свободный обмѣнъ

мыслей, а въ крайнемъ случаѣ слово джентльмэна, совершенно удовлетворяетъ меня".

После этого разговора о „свободномъ обмѣнѣ мыслей" не было болѣе рѣчи, такъ какъ стало ясно, что таковой не привелъ бы къ окончательному результату. Сдѣлана была впрочемъ еще одна послѣдняя попытка: графу Нессельроде поручено было вручить сэру Гамильтону—Сеймуру меморандумъ, въ которомъ оффиціально подтверждались предположенія словесно сообщенныя императоромъ англійскому послу.

На меморандумъ этотъ, помѣченный 21 февраля, послѣдовалъ 23 марта отвѣтъ сэра Клорендона, замѣнившаго лорда Росселя въ управленіи политикою англійскаго кабинета.

Новый министръ, вполнѣ подтверждая отвѣты своего предшественника на первыя заявленія императора Николая, присовокуплялъ, что Англія вовсе не желаетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; — что она устраняетъ себя отъ всякаго участія въ предварительной сдѣлкѣ, направленной къ предоставленію ей подобныхъ выгодъ; и что во всякомъ случаѣ она не считаетъ себя въ правѣ изъявить согласіе на комбинацію, которая была бы тайной для остальныхъ державъ.

Такой категорическій отвѣтъ уничтожилъ послѣднюю надежду с.-петербургскаго кабинета на возможность какого либо соглашенія съ Англіей; переговоры были прерваны, — а для полнаго успокоенія правительства королевы, видимо встревоженнаго откровеннымъ изложеніемъ мыслей императора Николая, графъ Нессельроде вручилъ сэру Гамильтону—Сеймуру 15 апрѣля ноту, кончавшуюся слѣдующими словами: „его величество императоръ изъявляетъ свое согласіе способствовать Англіи въ поддержаніи существованія Оттоманской имперіи и не возбуждать вопроса о ея раздробленіи".

Въ другое время подобная декларація несомнѣнно успокоила бы Англію, но тогда она не произвела желаннаго дѣйствія, такъ какъ почти одновременно послѣдовавшій отъѣздъ князя Меншикова въ Константинополь смутилъ и встревожилъ дипломатическій міръ Европы, не смотря на то, что с.-петербургскій кабинетъ не скупился на увѣренія, что миссія,

возложенная на русскаго морскаго министра ничѣмъ не можетъ угрожать общему спокойствію.

По свидѣтельству русскаго правительства, порученіе данное князю Меншикову имѣло двоякую цѣль: улаженіе вопроса о святыхъ мѣстахъ, рѣшеніе котораго было неблагопріятно единовѣрцамъ Россіи, и прекращеніе черногорской распри столь опасной для населенія этой страны. Хотя с.-петербургскій кабинетъ положительно завѣрялъ, что имѣлъ лишь въ виду „произвести внушительную демонстрацію, а отнюдь не объявленіе войны и завоевательныя цѣли“, — но не таково было господствовавшее мнѣніе заграницею и преимущественно въ Англіи.

Лордъ Росселъ говорилъ въ палатѣ общинъ:

„Князю Меншикову очевидно поручено парализовать вновь жизненныя силы, уже нѣсколько лѣтъ возрождающіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Турціи. Весьма можетъ быть, что Россія не замышляетъ теперь же завладѣть Турціей,—но достовѣрно, что она стремится окончательно уронить ее въ общественномъ мнѣніи, чтобы удобнѣе и легче поглотить впослѣдствіи“.

Другой ораторъ, Лордъ Пальмерстонъ, выразился тамъ же:

„Россія хочетъ упрочить оказываемое ею турецкимъ христіанамъ покровительство для того чтобы встать между султаномъ и его подданными и тѣмъ принудить послѣднихъ обращаться съ ихъ домогательствами уже не въ Константинополь, а въ С.-Петербургъ, надѣясь на защиту русскаго царя больше, чѣмъ на справедливость султана“.

Франція, лично заинтересованная въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ, не давала себѣ даже труда скрывать свои громадныя вооруженія.

Но обратимся къ событіямъ, они вѣрнѣе опредѣлятъ, насколько были справедливы всѣ упомянутыя объясненія, также и мнѣнія другія, перечислять которыя не только затруднительно, но и безполезно.

Въѣздъ князя Меншикова въ столицу имперіи османовъ, былъ обставленъ необычайною торжественностью. Онъ прибылъ въ Константинополь утромъ въ понедѣльникъ 16/28 февраля 1853 года въ сопровожденіи блестящей, многочисленной

свиты. Константинопольскіе греки, воображая, что князь немедленно провозгласитъ ихъ независимость, толпами спѣшили къ нему на встрѣчу и шумными демонстраціями изъявляли свой восторгъ. Слѣдованіе по улицамъ Стамбула князя, окруженнаго всѣми членами русскаго посольства, лицами его свиты и радостно привѣтствовавшею его толпою—по истинѣ походило на тріумфальное шествіе. Оваціи народа не на шутку встревожили Порту, тѣмъ болѣе, что еще до пріѣзда посла русскаго императора по городу ходили странные слухи; говорили, что сильная русская армія сосредоточивается на границахъ Бессарабіи и что въ Севастополѣ все приготовлено для отправленія флота въ Босфоръ. Слухи эти еще усилились, когда стало извѣстно, что князь Меншиковъ, сдѣлавъ обычный визитъ великому визирю, наотрѣзъ отказался посѣтить министра иностранныхъ дѣлъ Фуада Мехмета-пашу, къ которому былъ издавна нерасположенъ.

Случай этотъ могъ еще до начатія переговоровъ неблагопріятно вліять на отношенія посла къ Портѣ; но обаяніе величія, окружавшаго князя Меншикова, внушило Фуаду-пашѣ благоразумную рѣшимость оставить свой постъ. Султанъ охотно согласился на его увольненіе и назначилъ преемникомъ ему Риффада-пашу, уже занимавшаго прежде эту важную должность. По устраненіи недоразумѣній князь Меншиковъ, сопровождаемый свитою, былъ принятъ султаномъ въ торжественной аудіенціи; вручилъ его величеству свои вѣрительныя грамоты.

Предупредительная внимательность, оказанная послу императора въ Константинополѣ и отставка министра иностранныхъ дѣлъ сильно обезпокоили западныя державы, въ особенности же Англію и Францію. Такъ какъ черногорскія дѣла были уже улажены графомъ Лейнингеномъ, а вопросъ о святыхъ мѣстахъ признавался второстепеннымъ, то державы не замедлили приписать русскому правительству честолюбивые и даже завоевательные замыслы, которые она не желала будто бы до времени явно обнаруживать.

Такое, совершенно впрочемъ неосновательное убѣжденіе, побудило Францію къ дѣйствію, оправдать которое едва ли

возможно: 19 марта 1853 года Наполеонъ повелѣлъ французской эскадрѣ, стоявшей на Тулонскомъ рейдѣ, войти въ греческія воды. 22 числа того же мѣсяца эскадра снялась съ якорей, а г. Друэнь-де-Люисъ отправилъ представителю Франціи въ Константинополѣ инструкцію, какъ поступить, если Россія начнетъ непріязненныя дѣйствія [1]. Хотя Россія имѣла право требовать объясненія причинъ, вызвавшихъ подобную мѣру, версальскій кабинетъ предупредилъ её, пославъ С. Петербургскому двору ноту, переполненную замѣчаніями, въ которой между прочимъ заявлялъ, что сосредоточеніе трехъ русскихъ корпусовъ въ южной Россіи и чрезвычайныя вооруженія, производящіяся въ Севастополѣ, убѣждаютъ, что русское правительство готовится къ войнѣ съ Турціей, послужили поводомъ къ отправленію флота.

Но пререканія эти не поставляли еще непреодолимыхъ преградъ, и многіе исторіографы утверждаютъ, будто неурядица и паника, возникшія въ Константинополѣ по пріѣздѣ князя Меншикова, подавали большую надежду, что русскій дипломатъ восторжествуетъ и добьется отъ Порты всѣхъ желаемыхъ уступокъ. По мнѣнію г. Кинглека, успѣхъ его переговоровъ былъ даже несомнѣненъ; такая увѣренность почтеннаго исторіографа пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что правительство султана дѣйствительно не стѣснялось выражать сожалѣніе, что согласилось даровать обширныя льготы католикамъ, послужившія поводомъ къ столь серьезному усложненію дѣлъ, а новый министръ Рифаатъ-паша отнюдь не принадлежалъ къ числу приверженцевъ представителя Франціи въ Константинополѣ.

Кромѣ того, представитель Великобританіи лордъ Стратфордъ-Редклифъ, постоянно поставлявшій всякія преграды успѣху русской политики, отсутствовалъ въ то время изъ Константинополя. Консервативная партія Англіи, нисколько не сомнѣваясь въ миролюбіи Россіи, признавала, что миссія князя Меншикова имѣетъ исключительною цѣлью улаженіе вопроса

¹) Франція очевидно заблуждалась: въ Россіи, къ сожалѣнію, ничего не было приготовлено даже ко времени объявленія войны.

о святыхъ мѣстахъ, незначущаго для Англіи значенія, такъ какъ имъ ни въ какомъ случаѣ незатрогиваются ея интересы. Въ засѣданіи палаты лордовъ, происходившемъ 29 апрѣля 1853 г., лордъ Кларендонъ, отвѣчая на запросъ маркиза Кланрикарда, сказалъ:

„Императоръ Всероссійскій вовсе не скрывалъ своихъ намѣреній, и я на всякій благоразумный вопросъ по восточнымъ дѣламъ, могу представить объясненія. Правительство королевы несомнѣнно питаетъ къ с. петербургскому кабинету такое же довѣріе, какое мой благородный другъ выразилъ въ отношеніи высокой справедливости монарха Россіи.“

„Обѣщая что либо исполнить, или не исполнить, русскій государь былъ всегда вѣренъ своему слову; поэтому, какъ народъ, такъ и правительство Англіи, обязаны безусловно довѣрять ему.“

Подобные отзывы о Россіи едва ли когда слышались въ палатѣ лордовъ; понятно, что въ виду таковыхъ англійское правительство признало неудобнымъ соединить свой флотъ съ французскимъ, а ограничилось лишь предписаніемъ лорду Стратфорду Редклифу безъ замедленія возвратиться къ своему посту.

Такимъ образомъ всѣ шансы успѣха были бы на сторонѣ Россіи, еслибъ князь Меньшиковъ, пріѣхавъ въ Константинополь, дѣйствовалъ энергически.

Хотя по увѣренію г. Ковалевскаго, причиной нерѣшительности князя было его желаніе приступить къ переговорамъ безъ участія представителей Англіи и Франціи, но несомнѣнно также, что когда началось обсужденіе вопроса „о святыхъ мѣстахъ,“ то русскому послу замѣтно не нравилось присутствіе французскаго.

Какъ бы однако ни было, вопросъ этотъ былъ весьма дружелюбно и скоро обсужденъ представителями Франціи, Турціи и Россіи. Представитель Англіи довольствовался лишь внимательнымъ наблюденіемъ за ходомъ переговоровъ.

Послѣдствія трехъ нотъ князя Меньшикова отъ 16 и 22 марта и 19 апрѣля были вполнѣ благопріятны: Порта даровала много привиллегій православнымъ, утвердивъ таковыя

особымъ фирманомъ, не нарушивъ притомъ обязательствъ, принятыхъ въ угоду Франціи.

Казалось уже, что вопросъ, такъ переполошившій Европу, окончательно рѣшенъ,—но русское правительство, признавая мѣры, обусловленныя фирманомъ, болѣе или менѣе удовлетворяющими потребностямъ минуты, безпокоилось за ихъ дѣйствительность въ будущемъ.

Вслѣдствіе этого с. петербургскій кабинетъ предписалъ князю Меншикову потребовать отъ Порты торжественное подтвержденіе ея обязательствъ, не только относительно святыхъ мѣстъ, но и всѣхъ привилегій и льготъ, дарованныхъ православнымъ христіанамъ, „которые впредь будутъ находиться подъ покровительствомъ Россіи.“

Тотчасъ по полученіи такого приказанія князь Меншиковъ возбудилъ съ Портою конфиденціальные переговоры, о ходѣ которыхъ до 5 мая 1853 года послы Франціи и Англіи не были поставлены въ извѣстность.

Въ вышеозначенное же число князь передалъ Портѣ ноту, въ которой прежде всего напоминалъ Рифаатъ-пашѣ, что имъ конфиденціально сообщенъ уже проектъ документа, способнаго представить правительству его величества императора всероссійскаго прочныя и непреложныя гарантіи, что интересы православія на востокѣ не будутъ впредь подвергаться опасностямъ. Затѣмъ посолъ свидѣтельствовалъ, что со времени пріѣзда своего былъ убѣжденъ въ готовности Блистательной Порты возобновить и утвердить ея дружественныя отношенія съ Россіей,—каковое убѣжденіе онъ почерпнулъ въ благосклонномъ пріемѣ, оказанномъ ему его величествомъ султаномъ. Нынѣ, хотя многія причины ослабили его увѣренность, но руководясь духомъ миролюбія и благодушія, составляющимъ основу политики его августѣйшаго повелителя, посолъ однако же не отвергаетъ безусловно предварительныя замѣчанія, сообщенныя ему Рифаатомъ-пашею, какъ относительно формы сказаннаго документа, такъ и содержанія нѣкоторыхъ его статей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы документъ представлялъ собою торжественное обязательство, равносильное договору, единственно способное пре-

предотвратить возникновеніе взаимнаго охлажденія и недовѣрія между обоими правительствами.

Далѣе князь Меншиковъ заявляетъ, что достигнувъ соглашенія по спеціальному вопросу о Іерусалимскихъ святилищахъ, онъ не имѣетъ еще отвѣта по третьему и главнѣйшему пункту, т. е. относительно гарантій для будущаго; получивъ же въ недавнее время повелѣніе немедленно настоять на разрѣшеніи и этого вопроса, обращающаго на себя притомъ наибольшую заботливость императора, онъ считаетъ своею обязанностью обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ съ представленіями, ограничивая таковыя крайними предѣлами уступчивости. Основанія же соглашенія, котораго ему поручено достигнуть, остаются въ сущности неизмѣнными.

Россія, продолжалъ посолъ, — не требуетъ отъ Порты уступокъ въ смыслѣ политическомъ; ея единственное желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы успокоить сомнѣнія своихъ единовѣрцевъ и утвердить въ нихъ убѣжденіе, что они не утратятъ въ будущемъ привилегій, которыми пользовались доселѣ. Въ интересахъ охраненія преимуществъ православнаго вѣроисповѣданія, Россія желаетъ заключить условія, которыми положительно были бы опредѣлены гарантіи, отнюдь впрочемъ не клонящіяся къ ущербу правамъ исповѣданій и не нарушающія добрыхъ отношеній Порты къ остальнымъ державамъ.

Восточнымъ православнымъ, ихъ духовенству и собственности во всѣхъ ея видахъ должно быть предоставлено ненарушимое право пользоваться подъ покровительствомъ Россіи всѣми привилегіями и льготами, дарованными имъ „ab antiquo;" равномѣрно не слѣдуетъ лишать ихъ и выгодъ, утвержденныхъ за христіанами прочихъ исповѣданій.

Новому объяснительному фирману о святыхъ мѣстахъ придается такимъ образомъ значеніе оффиціальнаго обязательства относительно Россіи и Іерусалима. Русское духовенство и богомольцы будутъ сравнены въ правахъ съ лицами прочихъ націй.

Вышеупомянутыя статьи войдутъ въ «сенедъ» или обязательство, свидѣтельствуя тѣмъ о взаимномъ довѣріи, существующемъ между обоими правительствами.

Въ заключеніе своей длинной ноты князь Меншиковъ присовокуплялъ:

«Льщу себя надеждою, что ожиданія моего августѣйшаго повелителя оправдаются и что Блистательная Порта, не допуская колебаній и сомнѣній, несовмѣстныхъ съ ея достоинствомъ и одушевляющими ее чувствами великодушія, не замедлитъ передать мнѣ верховное рѣшеніе его величества султана по содержанію настоящей ноты».

«Поэтому увѣренъ, что его превосходительство Рифаатъ-паша употребитъ стараніе, чтобы отвѣтъ былъ доставленъ мнѣ не позже вторника 28 марта (9 апрѣля). Дальнѣйшее промедленіе я долженъ буду признать неуваженіемъ, оказаннымъ моему правительству, возлагающимъ на меня тяжелыя обязанности».

Такимъ образомъ, нота сдѣлалась ультиматумомъ, къ которому приложены были: проэктъ сенеда и шесть статей, заключавшихъ въ себѣ сущность требованій посла отъ 5 мая.

Удовлетворительнаго отвѣта князь Меншиковъ никакъ ожидать не могъ, тѣмъ болѣе, что послы Франціи и лордъ Стратфордъ-Редклифъ, замѣтивъ безпокойство и нерѣшительность Порты, поспѣшили ее ободрить и преподать совѣтъ не ускорять отвѣтомъ. Согласясь между собою относительно мѣръ, способныхъ затянуть дѣло, они тотчасъ же отправили своимъ правительствамъ донесенія о происходившемъ въ Константинополѣ.

Въ Монитерѣ 10 мая уже была помѣщена слѣдующая сенсаціонная замѣтка:

«Въ дополненіе къ прежнимъ требованіямъ, князь Меншиковъ вновь домогается, чтобы Порта подписала трактатъ, которымъ права и привиллегіи православныхъ церквей и духовенства были бы гарантированы покровительствомъ Россіи. Очевидно, что теперь вопросъ о святыхъ мѣстахъ отходитъ на второй планъ и затрогиваются иные интересы, всю важность значенія которыхъ опредѣлитъ по достоинству сама Турція. Если же по этому поводу возникнутъ какія-либо усложненія, то вопросъ перенесется на почву европейской политики и тогда Франція совмѣстно съ державами, подписавшими

трактатъ 13 іюля 1841 г., вынуждена будетъ принять участіе въ его разрѣшеніи».....

Сообщая это извѣстіе въ такомъ угрожающемъ тонѣ, французское правительство повидимому совершенно забывало, что за два года передъ тѣмъ само требовало и добилось многихъ привиллегій для католиковъ, право покровительствовать которымъ ей тоже было предоставлено. Оно забывало еще, что Англія, Австрія и Пруссія испросили въ разное время у султана дарованіе его подданнымъ, принадлежащимъ къ господствующимъ въ нихъ государствахъ вѣроисповѣданіямъ, столь же обширныхъ льготъ и привиллегій, какъ и тѣ, которыхъ домогалась Россія для своихъ единовѣрцевъ.

Поэтому каждому ясно, что Россія, требуя утвержденія за нею права покровительствовать православнымъ востока, основаннаго на общности національностей и вѣры, утвержденнаго старинными договорами, никому не могла внушать опасеній; она стремилась получить лишь то, что уже было предоставлено другимъ державамъ. Графъ Нессельроде, обсуждая это обстоятельство въ дипломатической нотѣ 30 мая (11 іюня), вполнѣ справедливо замѣчаетъ: «не мы первые возбудили этотъ вопросъ».

Для чего-же было нарушать спокойствіе Европы? Для чего было препятствовать Россіи внимать гласу своего народа?

Западныя державы ухитрились отвѣчать на эти вопросы крайне замысловато: онѣ весьма серьезно утверждали, что между покровительствомъ, оказываемымъ Франціей и Англіей католикамъ и протестантамъ, и покровительствомъ Россіи православнымъ — разница громадная, потому, изволите видѣть, что численность первыхъ и вторыхъ, въ сравненіи съ численностью послѣднихъ, ничтожна, и не можетъ слѣдовательно внушать турецкому правительству тѣхъ опасеній, которыя оно питаетъ относительно православныхъ.

«Явная несостоятельность этой велемудрой аргументаціи, измышленной государственными людьми запада съ цѣлью возстановить противъ Россіи общественное мнѣніе, избавляетъ насъ отъ труда что либо возражать на нее; не остановимъ вниманія и на томъ, что требованія, предъявленныя княземъ

Меншиковымъ, удостоенныхъ имъ названія «варварскихъ вандаловъ».

Скажемъ только, что такая враждебность къ Россіи убѣждала, что послѣдняя нота русскаго чрезвычайнаго посла ни въ какомъ случаѣ не устранитъ несогласій, возникшихъ между Россіей и Портою, почему-то считавшихся Франціей и Англіей опасными для ихъ интересовъ.

Несмотря впрочемъ на подстрекательства пословъ названныхъ двухъ державъ, Порта не признала возможнымъ уклониться отъ дачи въ назначенный срокъ отвѣта на ноту князя Меншикова; не трудно было однако угадать кѣмъ онъ былъ продиктованъ.

Выразивъ искреннее желаніе поддерживать и упрочивать дружественныя свои отношенія съ высокимъ правительствомъ Россіи, Порта заявляла, что отнюдь не намѣрена противиться утвержденію рѣшеній, которыя состоятся по вопросамъ о русскихъ монахахъ и богомольцахъ, равно о храмѣ и больницѣ, построить которые въ Іерусалимѣ желаетъ русское правительство,—но въ томъ только случаѣ, если тѣмъ не будутъ нарушены верховныя права Блистательной Порты.

На главный-же вопросъ относительно привилегій православной церкви и ея вѣрующихъ, права покровительствовать которымъ домогалась Россія, Порта отвѣтила въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Но какъ бы прочны не были дружественныя отношенія между Портою и Россіей, каждому очевидно, что правительство, рѣшившееся въ такомъ важномъ вопросѣ, угрожающемъ не только потрясти, но и совершенно разрушить основныя начала его независимости,—дать другому правительству подобное обязательство, поступило-бы вопреки законамъ международнаго права и уничтожило-бы принципъ своей самостоятельности. Дѣйствительная невозможность осуществленія требуемаго и неисчислимыя опасности, сопряженныя съ таковымъ, будутъ безъ сомнѣнія единодушно признаны и преимущественно его величествомъ императоромъ, справедливость и безпристрастіе котораго столь высоко цѣнимы всѣми. Блистательная Порта съ незапамятныхъ временъ постоянно умѣла ненару-

шаю соблюдать добровольно дарованныя и утвержденныя ею привиллегіи христіанскихъ своихъ подданныхъ, въ особенности православныхъ и ихъ духовенства, и приложить возможное стараніе поддержать и сохранить таковыя своею державною властью на будущее время. Оффиціально заявляя еще разъ передъ цѣлымъ свѣтомъ о твердой рѣшимости и неизмѣнномъ стремленіи упрочить благоденствіе своихъ подданныхъ, Блистательная Порта надѣется вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять всякія сомнѣнія относительно чистоты и искренности одушевляющихъ ее чувствъ».

Въ общемъ смыслѣ справедливость доводовъ Порты была неоспорима: никакое государство не имѣетъ права вмѣшиваться, какъ въ религіозныя дѣла, такъ и въ гражданское управленіе другаго. Но, въ отношеніи Турціи правило это никогда не соблюдалось; мало того: Блистательная Порта сама предоставляла западнымъ державамъ право покровительствовать ихъ единовѣрцамъ.

Такое уклоненіе отъ общаго международнаго правила оправдывалось преслѣдованіями, которымъ въ теченіи многихъ столѣтій подвергались и еще нынѣ подвергаются христіанскіе подданные Турціи.

Притомъ значеніе обѣщаній, на которыя Порта, какъ въ данномъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ случаяхъ ни мало не скупилась, давно уже оцѣнено по достоинству; за то и державы, не довольствуясь таковыми, постоянно домогались заручиться прочными гарантіями ихъ неуклоннаго исполненія.

Вполнѣ позволительно предполагать, что только подстрекательства Франціи и Англіи побудили Порту не исполнить требованій Россіи. Поступая такимъ образомъ, державы эти становились въ явное противорѣчіе съ самими собою; вѣдь онѣ первыя вмѣшались въ дѣла внутренняго управленія Порты, а потому не имѣли уже основаній препятствовать другимъ слѣдовать ихъ примѣру. Россіи же предоставлялось тѣмъ неоспоримое право требовать гарантіи и считать отказъ Порты тяжкимъ для себя оскорбленіемъ.

Въ виду подобныхъ соображеній, ставить въ укоръ князю Меншикову, будто онъ рѣзкостью настояній ускорилъ ходъ

событій, по истинѣ несправедливо; не получивъ въ назначенный срокъ отвѣта на ультиматумъ 5 мая, онъ не только не прервалъ переговоровъ съ Портою, но даже препроводилъ ей свои замѣчанія на ея категорическія возраженія. Осудивъ недовѣріе, обнаруженное сообщеніемъ турецкаго правительства въ откровеннымъ и справедливымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ именемъ русскаго царя, посолъ добавлялъ:

„Недовѣріе это обнаруживается въ ухищреніяхъ Блистательной Порты придать намѣреніямъ его в-ва императора значеніе недостойное и противуположное его великодушной и консервативной политикѣ, именно, обнаружить стремленіе пріобрѣсти новое право въ ущербъ независимости и верховной власти Порты. Признавая себя естественнымъ покровителемъ православной вѣры, исповѣдуемой, Богомъ ввѣреннымъ ему, народомъ, императоръ желалъ, чтобы султанъ далъ лишь новое существенное доказательство его отеческой заботливости о нуждахъ и польвахъ православія, отнюдь не ослабляя притомъ своего державнаго могущества.

Тягостное впечатлѣніе, произведенное ошибками нѣкоторыхъ неспособныхъ и неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ его в-ва султана, можетъ быть изглажено только документомъ, торжественное значеніе котораго было бы выраженіемъ его свободной державной воли.

Если же и за симъ Порта будетъ настойчиво и упорно отказываться отъ предложеннаго ей дружественнаго соглашенія, то онъ признаетъ свою миссію оконченною и прерветъ всякія сношенія съ правительствомъ его в-ва султана, возложивъ на его министровъ отвѣтственность за всѣ возможныя послѣдствія.“

Вмѣстѣ съ симъ князь просилъ Порту отвѣтить на это новое сообщеніе не позже 14 мая.

Министры султана встрепенулись и не знали на что рѣшиться; они признавали это новое вмѣшательство чрезвычайно важнымъ и Риффатъ-паша былъ вынужденъ выйти въ отставку; портфель его перешелъ къ Решиду-пашѣ.

Эта перемѣна сдѣлала успѣхъ миссіи князя Меншикова вполнѣ сомнительнымъ; тѣмъ болѣе, что Решидъ-паша, безу-

словно подчиняясь вліянію пословъ Англіи и Франціи, всячески старался поддерживать рѣшимость султана не изъявлять согласія на домогательства Россіи.

Порта не соблаговолила отвѣтить на эту ноту; поэтому князь Меншиковъ оффиціально возвѣстилъ о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ оттоманскимъ правительствомъ.

Нотой 16 мая князь слѣдующимъ образомъ объяснялъ причины, побудившія его рѣшиться на такую мѣру:

„Совокупность сообщеній Блистательной Порты, убѣждая въ безполезности усилій пріити къ удовлетворительному и соотвѣтственному съ достоинствомъ моего августѣйшаго повелителя соглашенію по предметамъ, составляющимъ сущность возложенной на меня миссіи,— я вынужденъ объявить, что признаю таковую оконченною. Императорское правительство безъ ущерба своему достоинству и безъ опасенія подвергнуться новымъ оскорбленіямъ не можетъ долѣе оставлять свое посольство въ Константинополѣ и продолжать по прежнему дипломатическія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ. Поэтому и на основаніи данныхъ мнѣ полномочій, я оставляю Константинополь; всѣ члены императорскаго посольства послѣдуютъ за мною, за исключеніемъ директора торговой канцеляріи и чиновниковъ, по штату въ таковой состоящихъ, такъ какъ на нихъ возложена обязанность завѣдывать дѣлами судоходства и торговли—равно оказывать покровительство русскимъ подданнымъ и содѣйствовать отправленію ихъ судовъ“.

Затѣмъ, выражая глубокое сожалѣніе, что обстоятельства вынудили его принять это рѣшеніе, и возлагая отвѣтственность за таковое на оттоманскихъ министровъ, князь говорилъ въ заключеніе:

„Отказъ Порты представить гарантіи ненарушенія въ будущемъ интересовъ православнаго, греко-россійскаго вѣроисповѣданія, возлагаетъ отнынѣ на императорское правительство обязанность защищать таковыя собственною властью; поэтому всякія попытки измѣнить statu quo восточной церкви и посягнуть на ея цѣлость, будутъ признаны императоромъ нару-

"Во времена реформаціи даже великія католическія державы заключали трактаты и конвенціи, которыми гарантировали въ своихъ владѣніяхъ ненарушимость правъ, привилегій и преимуществъ протестантовъ; достовѣрно также, что хотя общественное положеніе послѣднихъ и теперь обезпечено таковыми, но правительства отнюдь не видятъ въ томъ признаковъ нарушенія своихъ верховныхъ правъ и политической самостоятельности. Не доказывается ли этимъ, что заключеніе подобныхъ договоровъ съ мусульманскимъ правительствомъ еще болѣе необходимо?"

Циркуляръ этотъ подвергся всестороннимъ осужденіямъ; но обращать на таковыя вниманіе читателей считаемъ совершенно безполезнымъ; не остановимся также и на отвѣтѣ г. Друэнъ-де-Льюиса, которымъ онъ старался опровергнуть справедливость приведенныхъ графомъ Нессельроде фактовъ.

Убѣдясь такимъ образомъ, что общественное мнѣніе настойчиво отказывается внимать гласу истины, Россія рѣшилась отвѣтить на вступленіе англо-французскаго флота въ турецкія воды соотвѣтствующею энергическою мѣрою: манифестомъ 14 (26) іюня императоръ Николай возвѣстилъ о данномъ русскимъ войскамъ повелѣніи занять Дунайскія княжества. Приводимъ таковой дословно:

„Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что защита православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ.

Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій нашихъ и онѣ, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви православной.

Но къ крайнему прискорбію въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили на-

конецъ совершеннымъ ниспровержевіемъ всего утвержденнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который-бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

Не завоеваній ищемъ мы, въ нихъ Россія не нуждается, мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу пойдемъ впередъ— за вѣру православную.“

О повелѣніи занять княжества было немедленно доведено до свѣдѣнія иностранныхъ державъ.

Представителямъ Россіи за границею графъ Нессельроде послалъ 2 іюля второй циркуляръ, въ которомъ заявилъ, что правительства великихъ державъ поставлены уже въ извѣстность, какъ относительно мѣръ, принимаемыхъ Россіей, такъ и ея требованій, обращенныхъ къ Портѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упомянулъ и о томъ, что вниманіе Франціи и Великобританіи обращено на усложненія, являющіяся неизбѣжными послѣдствіями того угрожающаго положенія, которое ими усвоено и что имъ предложено не торопиться принятіемъ мѣръ, могущихъ во первыхъ усилить сопротивленіе Порты, а во вторыхъ побудить ихъ самихъ къ дѣйствіямъ, еще болѣе оскорбительнымъ для чести и достоинства императора.

„Но, къ сожалѣнію,—говорилъ далѣе графъ, обѣ морскія

шенiемъ точнаго смысла существующихъ капитуляцiй и, какъ дѣйствiя враждебныя Россiи, поставятъ его величество въ необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя онъ всегда горячо стремился предотвращать въ виду его постоянной заботливости о благѣ Оттоманской имперiи и о поддержанiи искренней дружбы, связывавшей его какъ съ его величествомъ султаномъ такъ и съ августѣйшимъ его родителемъ“.

При всемъ томъ князь Меншиковъ не торопился выѣхать изъ Константинополя, надѣясь, что ему еще удастся достигнуть соглашенiя; онъ рѣшился даже измѣнить форму обязательства, и вмѣсто торжественнаго договора принять простую ноту, — но султанъ отвергнулъ и эту уступку. Тогда только князь привелъ въ исполненiе возвѣщенную имъ угрозу и 21 мая выѣхалъ изъ Константинополя.

Даже и послѣ отъѣзда своего посла русское правительство не торопилось приступить къ крайнимъ мѣрамъ; напротивъ, надѣясь отклонить прискорбную необходимость предоставить разрѣшенiе недоразумѣнiй силѣ оружiя, оно вновь пыталось прiйдти къ соглашенiю дипломатическимъ путемъ.

Послѣ отъѣзда князя Меншикова графъ Нессельроде прислалъ великому визирю ноту, которою убѣждалъ принять послѣднiй проэктъ обязательства, предложенный посломъ, заявляя, что въ случаѣ новаго отказа Россiя вынуждена будетъ занять Дунайскiя княжества.

«Проэктъ обязательства, составленный княземъ Меншиковымъ предъ его отъѣздомъ, — писалъ русскiй канцлеръ, — находится у васъ. Прошу ваше превосходительство ускорить испрошенiемъ согласiя его величества султана на подписанiе этого документа безъ всякихъ въ немъ измѣненiй, и доставить таковой не позднѣе восьмидневнаго срока нашему послу въ Одессу, гдѣ онъ вѣроятно пробудетъ до того времени. Горячо желаю, чтобы совѣтъ, который я преподаю вашему превосходительству въ эту рѣшительную минуту съ полнымъ довѣрiемъ къ просвѣщенному патрiотизму вашему, — былъ оцѣненъ по достоинству, какъ лично вами, такъ и прочими министрами Порты и чтобы въ интересахъ мира, сохраненiе котораго всѣмъ

[illegible] дорого, онъ былъ принятъ безъ колебаній и промедленія».

Новый отказъ великаго визиря послѣдовалъ незамедлительно. Тогда русское правительство нашлось вынужденнымъ исполнить свою угрозу: русскія войска заняли Дунайскія княжества.

Тотчасъ по полученіи извѣстія, что занятіе княжествъ рѣшено, Англія и Франція, тѣсно соединенныя секретнымъ договоромъ, ввели свои флоты въ Дарданеллы и отдали ихъ въ распоряженіе своихъ константинопольскихъ пословъ.

Почти въ тоже время с.-петербургскій кабинетъ обратился къ общественному мнѣнію Европы, напечатавъ 11 іюня въ своемъ оффиціальномъ органѣ циркуляръ, о которомъ мы уже упоминали, и сообщивъ его представителямъ Россіи заграницею.

Разъяснивъ истинную цѣль миссіи князя Меншикова, русскій канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ блистательно доказалъ всю несостоятельность взведенныхъ на Россію обвиненій.

„Утверждаютъ, писалъ графъ Нессельроде, — что самая форма, въ которую облечено требуемое отъ Порты обязательство, оскорбительна для султана, потому что изобличаетъ посягательство на его державныя права, и, подъ видомъ покровительства единовѣрцамъ, допускаетъ постоянное вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла Турціи. Признавая подобные, ни на какихъ данныхъ неоснованные выводы призрачными,—мы не можемъ считать заключеніе нами трактата чрезмѣрнымъ, неисполнимымъ домогательствомъ; не понимаемъ также, почему такой договоръ, заключенный Россіей, способенъ болѣе угрожать самодержавію султана, чѣмъ капитуляціи, дарованныя Турціей Франціи и Австріи? Вѣдь верховная власть и свобода дѣйствій падишаха ни въ какомъ случаѣ не могутъ находиться въ непосредственной зависимости отъ большаго или меньшаго числа его подданныхъ, пользующихся покровительствомъ иностранныхъ державъ. При томъ, обезпеченіе интересовъ иновѣрцевъ договорами во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ было и есть дѣло совершенно обыкновенное.

всегда охраняли привиллегіи и преимущества ея въ предѣлахъ Оттоманской имперіи и вновь подтверждали таковыя".

Измѣненіе это, извращая первоначальный смыслъ приведенной статьи, очевидно лишало её ея несомнѣнно важнаго значенія. Поэтому слѣдующее возраженіе с.-петербургскаго кабинета представляется вполнѣ умѣстнымъ: „признавъ, что оттоманское правительство всегда охраняло привиллегіи православной церкви, мы вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовали бы, что жалобы наши на противное были неосновательны".

Въ Вѣнѣ однакоже еще надѣялись, что не смотря даже на измѣненія, допущенныя въ нотѣ султаномъ, она будетъ принята Россіей; но депеша графа Нессельроде отъ 7 сентября, адресованная на имя барона Мейендорфа, возвѣстила делегатамъ, съѣхавшимся въ австрійской столицѣ, что императоръ положительно отвергаетъ ея новую редакцію. Не измѣнивъ ни единымъ словомъ проэктъ ноты, составленной помимо всякаго его участія, онъ не можетъ признать за Портою права, которымъ самъ не пользовался, это свидѣтельствовало бы, что Россія занимаетъ относительно Порты положеніе низшее, что несовмѣстно съ достоинствомъ его величества. Согласясь вмѣсто предъявленнаго ультиматума удовольствоваться нотою, Россія достаточно доказала свое миролюбіе; большей уступки она сдѣлать не можетъ.

„Для устраненія препятствій, — говорилъ графъ Нессельроде, — державамъ слѣдуетъ откровенно и энергически объявить Портѣ, что безразсудно устранивъ единственную возможность немедленно возстановить свои сношенія съ нами, она уже не можетъ разсчитывать на чью-либо поддержку; мы убѣждены, что если державы усвоятъ себѣ такой образъ дѣйствій, то Турція поспѣшитъ принять совѣтъ Европы и, утративъ надежду на помощь въ борьбѣ своей съ Россіей, приметъ ноту въ ея первоначальной редакціи. Она конечно признаетъ также, что было бы безумно подвергать себя серьёзнымъ опасностямъ изъ за тщеславнаго желанія измѣнить нѣкоторыя выраженія въ нотѣ, которая уже безусловно одобрена нами. Изъ двухъ одно: или измѣненія, предлагаемыя Портою, имѣютъ весьма важное значеніе, и тогда отрицаніе таковыхъ

ванія совершенно понятно; или они ничтожны, и тогда непостижимо, что побуждаетъ Порту ставить принятіе ноты въ зависимость отъ таковыхъ"?

При всемъ томъ русское правительство еще не вовсе отказывалось отъ веденія переговоровъ; во время пребыванія императора Николая въ Ольмюцѣ графъ Нессельроде вошелъ въ сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ, имѣя въ виду добиться соглашенія относительно принятія вѣнской ноты.

Но усилія его не увѣнчались успѣхомъ. По приглашенію великаго визиря 25 и 26 сентября собирался большой совѣтъ высшихъ сановниковъ Оттоманской имперіи, который, обсудивъ настоящее положеніе Турціи, единодушно призналъ, что интересы и достоинство Порты настоятельно повелѣваютъ объявить войну Россіи. Рѣшеніе совѣта было 4 октября торжественно возвѣщено великимъ визиремъ султану, затѣмъ опубликовано и тотчасъ же сообщено Омеру-пашѣ, главнокомандовавшему румелійскою арміей. Послѣдній передалъ объ этомъ князю Горчакову, начальствовавшему русскими оккупаціонными войсками, приглашая его очистить княжества. На другой же день Омеръ-паша получилъ отъ князя Горчакова слѣдующій отвѣтъ: „Не имѣю отъ императора, моего повелителя, уполномочій вступать въ переговоры какъ о заключеніи мира, такъ объ объявленіи войны и о выводѣ ввѣренныхъ мнѣ войскъ изъ княжествъ"..

Такимъ образомъ улаженіе несогласій, оказавшееся не подъ силу дипломатіи, было предоставлено военному счастью... Первый пушечный выстрѣлъ былъ сдѣланъ 18 октября турками, стрѣлявшими по восьми русскимъ канонерскимъ шлюпкамъ и двумъ паровымъ судамъ, плывшимъ вверхъ по Дунаю.

Манифестъ императора Николая, служившій отвѣтомъ на объявленіе войны Портою, появился $^{19}/_{31}$ октября.

Упомянувъ о манифестѣ $^{14}/_{26}$ іюня, достаточно выяснившемъ какъ причины, побуждающія обратиться къ силѣ оружія, такъ и надежды на возможное согласіе Порты удовлетворить справедливымъ требованіямъ Россіи, императоръ возвѣщалъ:

„Ожиданія наши не оправдались.

Тщетно даже главныя европейскія державы старались

державы эти не признали нужнымъ серьезно отнестись къ нашимъ заявленіямъ. Мало того: онѣ опередили насъ въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ, равносильныхъ тѣмъ, къ которымъ мы имѣли въ виду прибѣгнуть въ случаѣ, если Порта окончательно откажется отъ исполненія нашихъ справедливыхъ требованій. Достовѣрность сказаннаго вполнѣ подтверждается тѣмъ, что даже въ настоящее время мы еще не приступали къ осуществленію нашихъ угрозъ.

Какъ-же поступили названныя державы? Онѣ не замедлили ввести свой флотъ въ Дарданеллы и занять всѣ принадлежащія Оттоманской имперіи воды и порты вплоть до Константинополя. Этимъ онѣ подвергли насъ тяжелому давленію совокупной демонстраціи, которая, какъ мы уже заявляли имъ, неизбѣжно должна привести къ новымъ усложненіямъ".

Еще далѣе канцлеръ свидѣтельствовалъ, что занятіе русскими войсками княжествъ не можетъ быть признано объявленіемъ войны Портѣ; оно имѣетъ цѣлью лишь временно заручиться матеріальною гарантіей взамѣнъ нравственной, предоставить которую Россіи не соглашается оттоманское правительство.

„Это занятіе перестанетъ служить Россіи обезпеченіемъ лишь тогда, когда министры султана, внявъ болѣе благонамѣреннымъ совѣтамъ, измѣнятъ свои воззрѣнія на сущность настоящаго вопроса".

Парижскій и лондонскій кабинеты, не одобривъ циркуляра русскаго канцлера, категорически выразили въ своихъ отвѣтахъ сожалѣніе, что Россія рѣшилась прибѣгнуть къ дѣйствію, видимо парализующему успѣхъ начатыхъ ими переговоровъ.

Г. Друэнь-де-Льюисъ увѣрялъ даже, что посылку флота отнюдь не слѣдуетъ признавать мѣрою, враждебною Россіи, такъ какъ она принята единственно въ видахъ предосторожности. Важность совершающихся событій, а главнѣе всего приготовленія къ войнѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ неустанно производящіяся въ Бессарабіи и въ Севастопольскомъ портѣ, достаточно оправдывали по его мнѣнію распоряженія, сдѣланныя французскимъ правительствомъ.

Но говоря такъ онъ очевидно забывалъ, что военныя

приготовленія, дѣлаемыя какою либо державою, доставляютъ по смыслу международныхъ законовъ другимъ государствамъ лишь право приступать къ таковымъ же и требовать объясненій, а отнюдь не разрѣшаютъ посылку военнаго флота, снабженнаго самыми категорическими инструкціями относительно предстоящаго ему образа дѣйствій.

Въ такомъ же точно смыслѣ послѣдовалъ и отвѣтъ англійскаго кабинета; общность взглядовъ Англіи и Франціи не оставляла никакихъ сомнѣній, что и дѣйствія ихъ будутъ тожественны.

Положеніе становилось вполнѣ критическимъ: въ видахъ отвращенія войны, Австрія попыталась предложить свое дружественное посредничество, которое и было принято какъ русскимъ, такъ и турецкимъ правительствомъ.

Справедливость требуетъ признать, что Франція, Англія и Пруссія охотно согласились допустить вмѣшательство Австріи, и что ихъ представители дѣятельно участвовали въ составленіи проэкта ноты, основанія которой были одобрены Россіей.

Императоръ Николай изъявилъ даже готовность принять турецкаго посла, если султанъ, безпрекословно подчинясь выраженнымъ въ нотѣ условіямъ, пришлетъ таковаго для улаженія возникшихъ несогласій.

Никто не сомнѣвался, что такъ называемая „вѣнская нота", будетъ вполнѣ одобрена султаномъ и что не разразится, слѣдовательно, грозная туча, нависшая надъ Европой; тѣмъ тягостнѣе было для всѣхъ извѣстіе, что падишахъ требуетъ измѣненія нѣкоторыхъ статей ея.....

Въ вѣнскомъ проэктѣ говорилось напримѣръ: „если императоры всероссійскіе во всѣ времена неустанно заботились о сохраненіи привиллегій и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ православною греко-россійскою церковью въ предѣлахъ Оттоманской имперіи,—то и султаны постоянно изъявляли готовность вновь подтверждать таковыя торжественными обязательствами".

Въ измѣненномъ Портою видѣ значилось: „если императоры всероссійскіе во всѣ времена неустанно заботились о пользахъ православной греко-россійской церкви, то и султаны

тельствовали бы, что уже приняли дѣятельное участіе въ войнѣ, которую онѣ намъ еще не объявили".

Графъ Киселевъ въ Парижѣ и баронъ Бруновъ въ Лондонѣ оффиціально заявили 14 (26) января обоимъ кабинетамъ содержаніе ноты; но такъ какъ послѣдніе отказались признать „перерывъ морскихъ операцій въ Черномъ морѣ и полную равноправность дѣйствій русскаго и турецкаго флотовъ", — то оба посланника потребовали возврата своихъ документовъ. Ихъ отъѣздъ послужилъ сигналомъ къ отозванію пословъ Англіи и Франціи изъ С.-Петербурга, и такимъ образомъ дипломатическія сношенія этихъ державъ съ Россіей были прерваны.

При всемъ томъ, за нѣсколько дней до отозванія посла, именно 29 января, Наполеонъ III написалъ императору Николаю собственноручное письмо, въ которомъ, объяснивъ предварительно причины, побудившія его принять миролюбиво-покровительственное положеніе относительно Порты, заявлялъ:

„Синопская катастрофа совершенно неожиданно и глубоко поразила насъ, такъ какъ намъ безразлично, намѣревались-ли турки забрать боевые припасы на русской территоріи, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что русскія суда напали на турецкія, не только въ принадлежащихъ Портѣ водахъ, но даже въ ея гавани, гдѣ они спокойно стояли на якорѣ. Турецкая эскадра уничтожена, несмотря на увѣреніе, что наступательныя дѣйствія со стороны Россіи допущены не будутъ, — несмотря на близость нашего флота. Ударъ нанесенъ одновременно и нашей политикѣ, и нашей военной чести.... Всюду, куда могутъ долетать наши ядра, союзникамъ нашимъ не должна угрожать какая либо опасность!.... Вотъ причина, побудившая насъ ввести нашъ флотъ въ Черное море и возложить на него обязанность силою не допускать повторенія подобнаго прискорбнаго событія".

Затѣмъ Наполеонъ предлагалъ императору Николаю заключить перемиріе и возобновить дипломатическіе переговоры.

Императоръ не принялъ этого предложенія, а письмомъ отъ 9 февраля н. с. сообщилъ императору французовъ, что не имъ вызваны причины несогласій, которыя давно уже были-

бы устранены, еслибы Порта была предоставлена самой себѣ. О Синопскомъ погромѣ, признаваемомъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ воинской чести Франціи, императоръ отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я объявлялъ, что не выйду изъ оборонительнаго положенія, но только до начатія войны и притомъ до тѣхъ поръ, пока моя честь и мои интересы это дозволятъ, а также пока война будетъ ведена въ извѣстныхъ предѣлахъ. Развѣ сдѣлано что-либо для того, чтобы удержать ее въ этихъ предѣлахъ? Если роль зрителя, или даже посредника, не удовлетворяла ваше величество и вы рѣшились оказать моему врагу вооруженную помощь, — то было-бы добросовѣстнѣе и достойнѣе откровенно сообщить мнѣ объ этомъ и объявить войну. Каждый изъ насъ зналъ-бы что дѣлать.

Но развѣ добросовѣстно ставить намъ въ укоръ уже совершившееся событіе, не сдѣлавъ притомъ ничего, чтобы предотвратить таковое? Если громъ синопскихъ орудій „болѣзненно поразилъ сердца всѣхъ французовъ и англичанъ, чутко отзывающихся на вопросы, касающіеся ихъ національнаго достоинства“ [1]), то ваше величество конечно согласитесь, что грозное присутствіе въ Босфорѣ трехъ тысячъ орудійныхъ жерлъ,—на что вы сами указываете,—и появленіе ихъ въ Черномъ морѣ не могло не найдти отголоска въ сердцѣ народа, честь котораго я призванъ охранять? Изъ словъ вашихъ я впервые узналъ, (словесныя сообщенія, сдѣланныя мнѣ доселѣ, ничего подобнаго не выяснили), что способствуя снабженію турецкихъ войскъ припасами, добываемыми въ владѣніяхъ Порты, обѣ державы рѣшились воспретить намъ плаваніе по Черному морю, имѣя, вѣроятно, въ виду сдѣлать доставку припасовъ нашимъ береговымъ укрѣпленіямъ невозможною.

Неужели, ваше величество дѣйствительно признаете, что подобная мѣра способна облегчить заключеніе мира и что положеніе, въ которое я поставленъ, дозволяетъ мнѣ хотя на минуту допустить обсужденіе или даже разсмотрѣніе предложеній о перемиріи, о немедленномъ отозваніи войскъ изъ кня-

---

[1]) Собственныя слова Наполеона III.

своими увѣщаніями поколебать закоснѣлое упорство турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на наше долготерпѣніе оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, наполненною навѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія, на законную заботливость нашу о защитѣ на востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

Мы твердо убѣждены, что наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплыя мольбы къ Всевышнему, да благословитъ Десница Его оружіе, подъятое нами за святое и правое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ. *На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.*"

Вслѣдъ за манифестомъ послѣдовалъ циркуляръ графа Нессельроде, которымъ заявлялось, что Россія не выйдетъ изъ своего оборонительнаго положенія, пока Турція не начнетъ наступательныхъ дѣйствій.

„Западныя державы, — добавляетъ русскій канцлеръ,—не имѣютъ, слѣдовательно, никакого основанія придавать дѣйствіямъ русскаго правительства произвольное значеніе. Принятое имъ оборонительное положеніе не воспрепятствуетъ даже продолженію переговоровъ, если Порта, сознавъ свои заблужденія, сдѣлаетъ предложеніе о заключеніи мира".

Начало военныхъ дѣйствій какъ въ Азіи такъ и въ Европѣ было неблагопріятно русскимъ. Фортъ св. Николая, находящійся на русско-турецкой границѣ черноморскаго побережья, на первыхъ же порахъ былъ взятъ турками съ боя; русское судно, на которомъ князь Меншиковъ пріѣзжалъ въ Константинополь, было потоплено, а русскія войска терпѣли значительныя пораженія.

Пока шансы войны клонились на сторону Турціи, Франція

и Англія спокойно относились къ происходившей борьбѣ, надѣясь притомъ, что неудача заставитъ Россію желать мира.

Но послѣ Синопской битвы ($^{18}/_{30}$ ноября), уничтожившей турецкую эскадру, состоявшую изъ семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ паровыхъ судовъ, англо-французскому флоту приказано было войдти въ Черное море, адмираламъ Гамелину и Дондасу поручено было заявить одесскимъ властямъ, что повтореніе Синопской катастрофы допущено не будетъ, что русскимъ военнымъ судамъ, замѣченнымъ въ морѣ, немедленно предложится возвратиться въ Севастополь или укрыться въ ближайшемъ русскомъ портѣ, и что всякое нападеніе на оттоманскую територію или суда будетъ отражено силою.

Французскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ сообщилъ 29 декабря графу Нессельроде о такой мѣрѣ правительствъ Франціи и Великобританіи, присовокупивъ, что она принята единственно въ видахъ успѣшнѣйшаго достиженія сближенія между воюющими сторонами на началахъ, удовлетворяющихъ чести обоихъ.

Это сообщеніе вызвало ноту графа Нессельроде, отъ 4 (16) января 1854 года, адресованную представителямъ Россіи въ Парижѣ и Лондонѣ, которою имъ предложено истребовать отъ правительствъ, при которыхъ они акредитованы, объясненія, относительно значенія инструкцій, данныхъ адмираламъ Гамелину и Дондасу.

Русскій канцлеръ выражалъ въ нотѣ убѣжденіе, что рѣшаясь принять подобную мѣру, обѣ державы вѣроятно имѣли въ виду установить въ Черномъ морѣ такой перерывъ военныхъ дѣйствій, во время котораго, какъ нападеніе русскихъ на турецкіе порты и суда было бы строго воспрещено, такъ не допускались-бы и непріязненныя дѣйствія турецкаго флота на русскія суда и владѣнія.

„Только подобное объясненіе,—добавлялъ графъ Нессельродѣ,—способно хотя по наружности ослабить явно враждебное намъ значеніе вступленія флотовъ обѣихъ державъ въ Черное море; разрѣшая туркамъ нападать на насъ и стараясь не дозволить намъ отвѣчать имъ тѣмъ-же, державы свидѣ-

1) Исключительное покровительство Россіи Дунайскимъ княжествамъ прекращается.

2) Судоходство по Дунаю признается свободнымъ.

3) Пересмотръ трактата 13 іюля 1841 г. относительно закрытія Дарданелловъ и Босфора съ двоякою цѣлью: болѣе прочно связать существованіе Оттоманской имперіи съ поддержаніемъ политическаго равновѣсія Европы и прекратить исключительное господство Россіи на Черномъ морѣ.

4) Отреченіе Россіи отъ всякаго посягательства на право оказывать покровительство ея единовѣрцамъ, подданнымъ Оттоманской имперіи.

Таковъ былъ смыслъ четырехъ статей проекта, врученнаго союзными уполномоченными 28 декабря 1854 года [1]) русскому послу въ Вѣнѣ, князю Горчакову.

По мнѣнію уполномоченныхъ, только на основаніи этихъ четырехъ статей возстановленіе мира представлялось возможнымъ.

Хотя извѣстно, что с. петербургскій кабинетъ согласился вступить въ переговоры и что таковые начались 15 марта 1855 года, но очевидно, что условія, которыя намѣревались навязать Россіи, заранѣе устраняли всякую возможность достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ.

Кончина императора Николая, послѣдовавшая 18 февраля (2 марта) 1855 года внушила было друзьямъ мира надежду, что конференція, долженствовавшая собраться въ Вѣнѣ, миролюбиво порѣшитъ споры; но они забывали, что новое царствованіе застало въ Россіи враговъ,—что русскія войска были оттѣснены турками отъ Дуная и разбиты союзниками при Альмѣ и Инкерманѣ; — что русскій флотъ въ виду защиты Севастополя былъ почти весь затопленъ въ Черномъ морѣ и изгнанъ изъ всѣхъ морей...

Можно ли же было разсчитывать, что новое правительство рѣшится вступить въ переговоры на началахъ, формированныхъ въ Вѣнѣ, не сдѣлавъ никакихъ усилій, не выждавъ

---

[1]) Во второй половинѣ 1854 года дѣйствительно происходили въ Вѣнѣ дѣятельные переговоры о миролюбивомъ соглашеніи.

благопріятнаго времени? Притомъ, несмотря на ошибки и злоупотребленія, обнаружившіяся въ администраціи, — главная причина всѣхъ неудачъ, испытанныхъ Россіей,—силы страны еще далеко не были истощены и исчерпаны...

Поэтому русское правительство, несмотря на неравенство предстоявшей борьбы, не торопилось безусловно подчиниться требованіямъ союзниковъ. Изъявивъ согласіе на продолженіе вѣнскихъ конференцій, с. петербургскій кабинетъ удостовѣрилъ, что не откажется отъ предложеній, способныхъ установить общій миръ, на продолжительность и прочность котораго только въ такомъ случаѣ можно разсчитывать, если въ основаніе его положены будутъ условія почетныя для обѣихъ сторонъ. Черезъ пять дней по возобновленіи засѣданій конференціи 15 марта, графъ Нессельроде разослалъ правительствамъ, сношенія Россіи съ которыми были прерваны, — циркуляръ, излагавшій намѣренія новаго монарха:

„Принимая бразды правленія императоръ зналъ, что Россія ведетъ ожесточенную борьбу; но хотя въ исторіи еще не было доселѣ примѣра, чтобы новое царствованіе начиналось при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ,—однакоже, уповая на помощь Божественнаго Промысла, твердо вѣруя въ непоколебимую преданность русскаго народа и свято чтя память въ бозѣ почившаго родителя, императоръ самоотверженно и мужественно встрѣтилъ годину испытаній.

Принятое имъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ наслѣдіе возлагаетъ на него выполненіе двухъ одинаково священныхъ обязательствъ: первое заключается въ развитіи могущества, врученнаго ему Богомъ, на защиту цѣлости и чести Россіи; второе обязываетъ его настойчиво посвятить всю свою заботливость дѣлу примиренія, основанія которому уже были предначертаны императоромъ Николаемъ.

Неуклонно руководствуясь послѣдними указаніями своего августѣйшаго родителя, императоръ возобновляетъ полномочія и подтверждаетъ инструкціи, данныя русскимъ делегатамъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года, передъ открытіемъ вѣнскихъ конференцій. Такимъ образомъ воля императора Николая будетъ въ точности исполнена.

жествъ, или о переговорахъ съ Портою относительно условій, окончательное утвержденіе которыхъ предоставится конференціи четырехъ державъ? Поставьте себя на мое мѣсто, государь, и скажите, согласились-ли бы вы быть въ такомъ положеніи? Сознаніе національной чести и достоинства дозволилибы вамъ это? Смѣло говорю, что нѣтъ. Предоставьте же мнѣ право разсудить такъ, какъ бы сами вы разсудили.

Но каково бы не было рѣшеніе вашего величества, я не отступлю передъ угрозою. Возлагая упованіе на Бога и правоту мою ручаюсь, что въ 1854 г. Россія явится такою-же, какою была въ 1812 году!... Если-же ваше величество, сознавая, что честь моя дѣйствительно затронута, открыто обратитесь къ первоначальной программѣ дѣйствій,—если вы также дружелюбно подадите мнѣ руку, какъ я въ эту рѣшительную минуту предлагаю вамъ мою,—то я охотно предамъ забвенію всѣ оскорбленія прошлаго. Тогда—и только тогда, государь,—мы можемъ приступить къ обсужденію дѣлъ и, быть можетъ, прійдти къ соглашенію. Пусть флотамъ вашимъ вмѣнится въ обязанность препятствовать Портѣ доставлять свѣжія войска на театръ военныхъ дѣйствій, и я обяжусь ничѣмъ не угрожать Турціи. Пусть она пришлетъ ко мнѣ посла для веденія переговоровъ, я приму его съ подобающими почестями. Только на этихъ основаніяхъ я считаю себя вправѣ приступить къ какимъ-либо дипломатическимъ сношеніямъ".

Этотъ отвѣтъ императора вызвалъ одновременное объявленіе войны Россіи Франціей и Англіей въ силу англо-французскаго союза, вновь подтвержденнаго еще 10 апрѣля 1854 года Лондонскимъ договоромъ.

11 апрѣля н. с. 1854 года былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ императора Николая:

„Съ самаго начала несогласій нашихъ съ турецкимъ правительствомъ мы торжественно возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи влія-

нія сверхъ того, которые по существующимъ договорамъ принадлежатъ Россіи.

Тогда же встрѣтили мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ, стремившихся превратнымъ толкованіемъ намѣреній нашихъ ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль—обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? — Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

Да познаетъ же все христіанство, что, какъ мыслитъ царь русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ нимъ вся русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ.

За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!"

Остальное извѣстно всѣмъ, также какъ и участіе, принятое Австріей, Пруссіей и второстепенными государствами въ этой славной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопріятной для Россіи борьбѣ.

Не считаемъ также нужнымъ подробно говорить о вѣнскихъ конференціяхъ, происходившихъ въ началѣ 1855 года, на которыхъ уполномоченные четырехъ державъ заявили: „принятіе какихъ мѣръ признается необходимымъ для обезпеченія полнаго спокойствія въ будущемъ и для прекращенія порядка вещей, поставившаго Россію въ враждебныя къ большинству державъ отношенія" [1]).

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

---

[1]) Рѣчь графа Буоля, предсѣдательствовавшаго въ засѣданіи конференціи 15 марта.

Императоръ искренно желаетъ: распространить на Россію и на Европу благодѣянія мира; упрочить свободу богослуженія и благоденствіе христіанскихъ народовъ востока безъ различія ихъ вѣроисповѣданій; предоставить общему покровительству державъ охраненіе правъ и преимуществъ, дарованныхъ княжествамъ; разрѣшить купеческимъ судамъ всѣхъ націй свободное плаваніе по Дунаю; прекратить соперничество великихъ державъ на востокѣ въ видахъ предотвращенія новыхъ усложненій, и наконецъ условиться съ ними относительно пересмотра трактата, которымъ онѣ признали за Портою право закрывать Дарданеллы и Босфоръ, и тѣмъ прійти къ почетному для всѣхъ сторонъ соглашенію.

Примиреніе, основанное на такихъ началахъ, положивъ конецъ бѣдствіямъ, причиняемымъ войною, призоветъ благословеніе всѣхъ народовъ на новое правительство.

Но Россія глубоко сознаетъ, и Европа должна сознать, что надежда на заключеніе мира рушится, если условія предполагаемаго соглашенія переступятъ границы, которыя въ сознаніи достоинства имперіи опредѣлены державною волею Августѣйшаго Монарха Россіи.

„Императоръ будетъ спокойно ожидать сообщенія ему предположеній кабинетовъ, призванныхъ совмѣстно съ Россіей разрѣшить вопросъ, важное значеніе котораго для всего христіанскаго міра несомнѣнно.

Переговоры по этому предмету убѣдятъ въ искренемъ миролюбіи нашего августѣйшаго монарха.

Россія, очевидно, не скупилась на уступки въ видахъ скорѣйшаго заключенія мира, и ужъ конечно не ее можно обвинить въ недостаткѣ умѣренности.

Нѣтъ,—союзныя державы, упоенныя недавними успѣхами, поставили себѣ задачей, пользуясь представившимся случаемъ, ослабить, а если возможно, то разорить и унизить Россію.

Пораженія, нанесенныя Россіи во время этой злополучной борьбы, уничтоживъ обаяніе ея силы и непобѣдимости, служили достаточнымъ поводомъ къ ея уничтоженію; лишить ее господства на Черномъ морѣ и парализовать свободу дѣйствій

ея флота было признано державами самымъ вѣрнымъ средствомъ достигнуть желаемой цѣли.

Вотъ почему представители ихъ въ вѣнскихъ конференціяхъ такъ настойчиво требовали принятія этихъ двухъ условій.

Но въ первомъ-же засѣданіи конференціи князь Горчаковъ положительно заявилъ, что „если условія мира, навязываемаго Россіи, окажутся несовмѣстными съ ея достоинствомъ и честью, то она отвергнетъ ихъ, не заботясь о томъ, кѣмъ они предложены и какія будутъ послѣдствія отказа“.

Заявленіе это вполнѣ убѣждало, что нескончаемыя конференціи, имѣвшія исключительно въ виду положить конецъ господству Россіи въ Черномъ морѣ, не приведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; такъ и случилось: начатыя 15 марта 1855 года, онѣ закрылись 4 іюня того-же года.

Россія не хотѣла и не могла заключить миръ, прочность котораго представлялась болѣе чѣмъ сомнительною; притомъ въ то время она разсчитывала на возможность улучшить свое положеніе, надѣясь, что громкая слава ея геройской защиты избавитъ её отъ униженія.

Пока Севастополь держался, не все было утрачено, потому что Австрія не рѣшилась объявить войну Россіи; она не безъ основанія увѣровала, что можетъ успѣшно вести её лишь тогда, когда союзники будутъ вполнѣ господствовать въ Черномъ морѣ.

Къ несчастію, катастрофа близилась, не смотря на чудеса храбрости, оказанныя геройскими защитниками Севастополя.

Въ прискорбныхъ признакахъ, что имперія страждетъ отъ бѣдствій войны, тоже не было недостатка.

Громадные налоги отягощали земельную и вообще всякую собственность; главный источникъ народнаго богатства, вывозъ сырья, почти изчезъ вслѣдствіе блокады портовъ; провозъ-же таковаго черезъ границы Германіи былъ крайне стѣснителенъ; рекрутскіе наборы отнимали у населенія лучшихъ работниковъ: вмѣсто 7 человѣкъ съ тысячи требовалось по 12-ти. Народное благосостояніе страдало кромѣ того отъ реквизицій фуражемъ, перевозочными средствами и другими повинностями, неизбѣжными въ военное время.

Наконецъ молодые солдаты, поступавшіе на пополненіе убыли въ войскахъ, не были достаточно пріучены къ военному дѣлу; боевые-же и прочіе припасы нерѣдко вовсе не доставлялись на мѣста назначенія по причинамъ, самое воспоминаніе о которыхъ тягостно и прискорбно. Въ виду подобныхъ условій нельзя не признать, что защитники Севастополя сдѣлали даже болѣе того, что было разумно отъ нихъ требовать; очевидно не ихъ вина, что минута наступленія развязки жестокой, отчаянной борьбы неудержимо приближалась все болѣе и болѣе.

Ключъ севастопольской обороны, Малаховъ Курганъ, палъ 8 сентября 1855 г.; геройское сопротивленіе его защитниковъ вызвало восторженное удивленіе самихъ побѣдителей.....

Удерживаться долѣе въ крѣпости уже не представлялось возможности; русскіе оставили её, и знамёна союзниковъ водрузились на стѣнахъ Севастополя.

Россія была утомлена войной; пораженія, нанесенныя ей, обнаружили Императору Александру, что призракъ воинской славы его имперіи, столь грозный для Европы съ 1815 года, прикрывалъ собою многія зіяющія въ ней язвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что послѣ паденія Севастополя Франція и Англія уже не удовольствуются мирными условіями, предъявленными ими на вѣнскихъ конференціяхъ. Дѣйствительно, Австрія составила новый проэктъ требованій и передала его 14 ноября 1855 г., на разсмотрѣніе парижскаго и лондонскаго кабинетовъ; въ немъ четыре статьи мартовскихъ предложеній получили значительное развитіе. Такъ третья статья, обусловливавшая лишь простой пересмотръ трактата 1841 г., въ видахъ охраненія политическаго равновѣсія Европы, была измѣнена въ смыслѣ нейтрализаціи Чернаго моря и воспрещенія Россіи имѣть военные арсеналы и порты по всему его побережью.

Первоначально предлагавшійся косвенный надзоръ Европы за свободою судоходства по Дунаю оказался уже недостаточнымъ: признано необходимымъ допустивъ постоянное пребываніе въ устьяхъ этой рѣки извѣстнаго числа судовъ европейскихъ державъ, отнять у Россіи весь лѣвый ея берегъ,—т. е.

почти половину Бессарабской области,—подъ видомъ исправленія границъ.

Не только требовавшееся первою статьею отреченіе Россіи отъ исключительнаго права покровительствовать Дунайскимъ княжествамъ подтверждалось,—но предложены были основанія введенію въ нихъ особой системы серьёзной обороны, для чего земли, отнятыя у Россіи въ Бессарабіи, предположено передать въ ихъ владѣніе.

Относительно четвертой статьи три державы (Франція, Англія и Австрія) уславливались войти въ соглашеніе съ Портою, предоставляя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право опредѣлить нѣкоторыя гарантіи выполненія ею особыхъ условій, имѣющихъ общеевропейскій интересъ.

Предложенія вѣнскаго кабинета были восторженно приняты Франціей и Англіей и обращены въ ультиматумъ требованій, обращенныхъ къ Россіи.

Тогда князю Эстергази поручено было отвезти этотъ ультиматумъ въ Петербургъ и заявить, что если таковой не будетъ принятъ въ трехнедѣльный срокъ, притомъ безъ измѣненій и ограниченій,—то австрійское правительство прерветъ всякія сношенія съ Россіей.

Европа томилась въ ожиданіи отвѣта; каково же было ея удивленіе, когда она узнала, что Россія прямо, открыто приняла австрійскій ультиматумъ, хотя впрочемъ пыталась избѣгнуть этой тягостной необходимости заявленіемъ контр-предложеній. Высоко-честная, благородная рѣшимость Россіи до того поразила всѣхъ, что ей стали приписывать тайныя, недобрыя намѣренія: утверждали между прочимъ, что она приняла ультиматумъ единственно изъ желанія выиграть время и затѣмъ воспользоваться раздорами, могущими возникнуть въ средѣ ея враговъ.

Нелѣпѣе подобнаго обвиненія ничего нельзя было придумать. Императоръ Александръ мужественно рѣшился заключить миръ для того, чтобы имѣть возможность безотлагательно приступить къ тѣмъ великимъ преобразованіямъ, которыя одни могли возвратить Россіи временно оспариваемое у нея Европою обаяніе славы, величія и могущества.

Вслѣдъ за полученіемъ въ Вѣнѣ извѣщенія о согласіи Россіи, состоялся протоколъ 1 февраля 1856 г., извѣщавшій, какъ объ одобреніи австрійскихъ предложеній Франціей и Англіей, такъ и объ открытіи переговоровъ о мирѣ. „Вслѣдствіе принятія представляемыми нами правительствами, — говорилось въ протоколѣ, — пяти статей, заключающихся въ приложенномъ у сего документѣ, именуемомъ „предварительнымъ проэктомъ", нижеподписавшіеся постановили, чтобы договаривающіяся державы не оставили назначить каждая отъ себя особыхъ лицъ, снабженныхъ необходимыми полномочіями какъ для подписанія предварительныхъ мирныхъ условій, такъ заключенія перемирія и окончательнаго трактата о мирѣ".

„Уполномоченные эти съѣдутся въ Парижѣ въ трехнедѣльный отъ сего числа срокъ, а буде возможно то и ранѣе".

Къ опредѣленному времени всѣ безъ исключенія уполномоченные прибыли въ столицу Франціи, представителями которой явились: графъ Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, и баронъ де-Буркене, посолъ Франціи при вѣнскомъ дворѣ.

Англія прислала Лорда Кларендана, перваго секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ, и лорда Коулея, англійскаго посла во Франціи.

Уполномоченными Австріи были: графъ Буоль, министръ иностранныхъ дѣлъ, и баронъ Гюбнеръ, австрійскій посолъ въ Парижѣ.

Охраненіе своихъ интересовъ султанъ возложилъ на великаго визиря Али-пашу и Мехмета-Джемиль-бея.

Графъ Кавуръ и маркизъ-де-Вилламарина были присланы королемъ Сардинскимъ.

Россія снабдила надлежащими инструкціями князя Орлова и графа Брунова.

Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, и прусскій посолъ въ Парижѣ графъ Гацвельдъ, бывъ приглашены конгрессомъ, приняли участіе въ его засѣданіяхъ лишь 6/18 марта, тогда какъ таковыя начались 13/25 февраля 1856 г. По предложенію графа Буоля предсѣдательство было возложено на Валевскаго.

Состоялась повѣрка полномочій; затѣмъ, по предложенію

предсѣдателя, уполномоченные признали за вѣнскимъ протоколомъ 1 февраля значеніе предварительныхъ мирныхъ условій и предложили главноначальствующимъ воюющими арміями заключить перемиріе по 31-е марта съ правомъ возобновить военныя дѣйствія, если по истеченіи опредѣленнаго срока перемиріе не будетъ съ общаго согласія продолжено.

Блокада портовъ не должна была прекращаться.

Послѣдующія засѣданія посвящены были пересмотру основныхъ началъ мира и обсужденію гарантій, указанныхъ вѣнскимъ протоколомъ. Соглашеніе, послѣдовавшее по третьей и главнѣйшей гарантіи, т. е. по нейтрализаціи Чернаго моря, представлявшей наибольшія затрудненія, ручалось, что труды уполномоченныхъ увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

Благодаря благоразумной уступчивости делегатовъ Россіи, ничто не задержало успѣшнаго хода переговоровъ, и мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный въ лѣтописяхъ дипломатіи. Порядокъ вещей, усвоенный многими годами, былъ совершенно измѣненъ въ теченіи одного мѣсяца парижскимъ трактатомъ ($^{18}/_{30}$ марта) 1856 года!...

Вотъ статьи его:

Ст. 1. Со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата быть на вѣчныя времена миру и дружеству между Его Величествомъ императоромъ Всероссійскимъ съ одной, и Его Величествомъ императоромъ Французовъ, Ея Величествомъ королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Его Величествомъ королемъ Сардинскимъ и Его императорскимъ величествомъ Султаномъ—съ другой стороны, между ихъ наслѣдниками и преемниками, государствами и подданными.

Ст. 2. Вслѣдствіе счастливаго возстановленія мира между Их Величествами, земли во время войны завоеванныя и занятыя ихъ войсками, будутъ ими очищены.

О порядкѣ выступленія войскъ, которое должно быть учинено въ скорѣйшее по возможности время, постановлены будутъ особыя условія.

Ст. 3. Его Величество императоръ Всероссійскій обязуется возвратить Его Величеству Султану городъ Карсъ съ цита-

делью онаго, а равно и прочія части оттоманскихъ владѣній, занимаемыя россійскими войсками.

Ст. 4. Ихъ Величество императоръ Французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, король Сардинскій и Султанъ обязуются возвратить Его Величеству императору Всероссійскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камышъ, Евпаторію, Керчъ-Еникале, Кинбурнъ, а равно и всѣ прочія мѣста, занимаемыя союзными войсками.

Ст. 5. Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, король Сардинскій и Султанъ даруютъ полное прощеніе тѣмъ изъ ихъ подданныхъ, которые оказались виновными въ какомъ либо въ продолженіи военныхъ дѣйствій соучастіи съ непріятелемъ.

При семъ постановляется именно, что сіе общее прощеніе будетъ распространено и на тѣхъ подданныхъ каждой изъ воевавшихъ державъ, которые во время войны оставались въ службѣ другой изъ воевавшихъ державъ.

Ст. 6. Военноплѣнные будутъ немедленно возвращены съ той и другой стороны.

Ст. 7. Его Величество императоръ Всероссійскій, Его Величество императоръ Австрійскій, Его Величество императоръ Французовъ, Ея Величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Его Величество король Прусскій и Его Величество король Сардинскій объявляютъ, что Блистательная Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ; Ихъ Величества обязуются каждый со своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніи онаго дѣйствіе вопросомъ касающимся общихъ правъ и пользы.

Ст. 8. Если между Блистательною Портою и одною, или нѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей трактатъ державъ возникнетъ какое нибудь несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между оными сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ

употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе чрезъ свое посредничество.

Ст. 9. Его императорское Величество Султанъ въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ, даровавъ фирманъ, коимъ улучшается участь ихъ безъ различія по вѣроисповѣданіямъ, или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи, и желая дать новое доказательство своихъ въ семъ отношеніи чувствъ, рѣшился сообщить договаривающимся державамъ означенный, изданный по собственному его побужденію, фирманъ.

Договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться совокупно, или отдѣльно, въ отношенія его величества султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе имперіи его.

Ст. 10. Конвенція 13 іюля 1841 года, коего постановлено соблюденіе древняго правила Оттоманской имперіи относительно закрытія входа въ Босфоръ и Дарданеллы, подвергнута новому съ общаго согласія разсмотрѣнію:

Заключенный высокими договаривающимися сторонами сообразный съ вышеозначеннымъ правиломъ актъ прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онъ составлялъ неотдѣльную онаго часть.

Ст. 11. Черное море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго, формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми токмо исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора.

Ст. 12. Свободная отъ всякихъ препятствій торговля въ портахъ и на водахъ Чернаго моря будетъ подчинена однимъ лишь карантиннымъ таможеннымъ полицейскимъ постановленіямъ, составленнымъ въ духѣ, благопріятствующемъ развитію сношеній торговыхъ.

Библіографическій указатель.

Обозрѣвъ въ Мартовской книжкѣ историческія повременныя изданія, мы теперь укажемъ заглавія книгъ, пропущенныхъ цензурою (продолжая начатый ихъ обзоръ съ начала года), съ разборомъ нѣкоторыхъ и преимущественно останавливаясь на относящихся къ отечественному прошлому. Знакомить съ явленіями въ области иностранной исторической литературы (даже включая въ рамки обзора и историческіе романы),—мы нисколько не думаемъ считать для себя необязательнымъ, но полагаемъ что отечественное прошлое имѣетъ больше права на наше вниманіе; стоя ближе къ намъ по сущности дѣла и затрогивая глубже своимъ интересомъ нашу мысль, немогущую отрѣшиться отъ окружающей среды.

Въ обзорѣ своемъ мы тоже намѣрены выдѣлять источники исторіи, печатаемыя въ цѣлыхъ сборникахъ или отдѣльными статьями; даже, съ своей стороны считаемъ необходимымъ указывать на источники, нѣсколько подробнѣе знакомя съ ними читателей, чѣмъ съ сочиненіями. По этому, будемъ приводить, мы, насколько возможно, точнѣе и обстоятельнѣе, перечень самыхъ документовъ, заключающихся въ вышедшемъ изданіи, подлежащемъ по времени включенью въ указатель. Указаніе здѣсь хотя составныхъ частей цѣлаго изданія, дастъ больше матеріала для справокъ; а въ этомъ и заключается прежде всего интересъ самаго библіографическаго указателя. Многаго бы

хотѣлось достигнуть для улучшенія его, но позволяемъ себѣ оговориться, что далеко не все, въ свое время, попадаетъ въ руки обозрѣвателя срочнаго изданія, чтобы не оказывались пробѣлы въ обозрѣніи.

А.

Сочиненія иностранныя пропущенныя цензурою въ 1878 г. по исторіи.

I.

Матеріалы.

На польскомъ.

Библіотека Оссолинскихъ. (Сборникъ матеріаловъ для польской исторіи). Т. IV. Львовъ 1877 г. **Доктора Гиршберга.** Дневникъ посла Рѣчи Посполитой Юрья Оссолинскаго посланнаго на Регенсбургскій сеймъ въ 1636 году.—„Diàryusz legacyi Jerzego Ossolinskiego, posła polskiego na Seym Rzeszy Niemieckiéj w Ratysbonie, w r. 1636. Lwów"—VI и 92 стр. 8°.

На французскомъ.

Кретино - Жоли. Исторія трехъ послѣднихъ князей дома Конде: принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій и герцогъ Ангьенскій—по оригинальнымъ не изданнымъ письмамъ ихъ. Т. I. Парижъ 1877. (стр. IV и 508); Т. II. (514 стр.) 8°. **J. Crétineau Joly.** „Histoire des trois derniers princes de la Maison de Condé: Prince de Condé. Duc de Bourbon. Duc d'Enghien. D'aprés les correspondances originales et inédites de ces princes".

Армана Дюбарри.—„Папская невѣстка. Жизнь Донны Олимпіи, по рукописи XVII вѣка" Парижъ 1878. (XXX и 244 стр.) 12°. **Dubarry Arm.** La belle-soeur d'un pape. Vie de donna Olimpia, d'après un manuscript do XVII siécle".

На нѣмецкомъ.

Государственный архивъ. Собраніе оффиціальныхъ документовъ по исторіи настоящаго вѣка. (Das Staatsarchiw.

Sammlung des officiellen Actenstücke zur Geschichte der Gegenwart) изданіе Г. фонъ Кремеръ-Ауенроде и Ф. Гирша. (Herausgegeben von H r. Kremer-Auenrode und Ph. Hirsch. Band XXXII). 32-я часть, 3 и 4 тетради стр. 129—256, 8°.

II.

Историческія монографіи, записки письма, біографіи и пр.

На французскомъ.

Герцони. Жизнь генерала Нино Биксіо, написанная его дочерью Беппой Биксіо, съ письмами, документами и извѣстіями подтверждающими факты. Переводъ съ итальянскаго, собственность Джузеппе Герцони. Парижъ 359 стр. 18°. „La vie du général Nino Bixio par sa fille Beppa Bixio; avec lettres, documents et pièces a l'appui. Traduction et adoptation de l'italien d'aprés Giuseppe Guerzoni".

Гейне, Генриха (поэта), неизданныя письма; съ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями (изъ полнаго собранія сочиненій). Парижъ 1877. 3-я серія 433 стр. 8°.—„Heine Henri, Correspondance inédite. Avec une préface et des notes explicatives.

Жюстъ, Теодоръ. Основатели бельгійской монархіи. Евгеній Дефаксъ и Іосифъ Форжёръ, члены національнаго конгреса. Брюссель 1878. (стр. X. 70 и 24) 8°. **Juste** (Théodore). „Les Fondateurs de la monarchie—belge. Eugéne Defacqz et Joseph Forgeur membres du congrés national".

Прентисъ Е. Руфь. Исторія Новой Англіи въ древнія времена. Перев. съ англ. Лозанна 1878. (284 стр.) 8°. Prentiss E. Ruth. «Une histoire de la Nouvelle Angleterre, dans les temps anciens». Traduit de l'Anglais.

Терно, Мортимеръ. Сентябрьскія убійства 2—6 Сентября 1792 г. Парижъ (стр. V и 400) 18°. Ternaux (Mortimer). «Les Massacres de Septembre, 2—6 Septembre 1792».

На нѣмецкомъ.

Ховницъ, Юліанъ. Исторія Венгерской революціи въ 1848—49 г.; со взглядомъ на возбужденіе въ коронныхъ земляхъ

австрійскихъ. Штутгардъ 2 части (I, 366 стр. II, 336 нумеров. и 12 ненумерованн.) 8⁰. **Chownitz**, Julian.» Geschichte der ungarischen Rewolution in den Jahren 1848 und 1849, mit Rückblicken auf din Bewegung in den Österreichischen Erbländern». Stuttgardt.

Достопримѣчательное изъ жизни генерала отъ инфантеріи **фонъ Хизера**, большею частью по оставшимся послѣ него бумагамъ, собралъ и издалъ М. К. Съ предисловіемъ профессора доктора Мауренбрехера. Берлинъ 1877 (стр. XVI и 318) 8⁰. «Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Generals der Jnfanterie vou **Hüser**, grosstentheils nach dēssen hinterlassenen Papieren»; zusammengestellt und herausgegeben von M. Q. • Mit einem Vorwort von Professor d-r Maurenbrecher.

Бэкъ Докторъ С. Исторія еврейскаго народа и литературы его отъ плѣненія вавилонскаго до настоящаго времени, представленная въ видѣ обзора. Лисса 1877. 3-й выпускъ (стр. 193—272) 8⁰. «Die Geschichte des judischen Volkes und seiner Literatur von babylonischen Exile bis auf dem Gegenwart». Übersichtlich dargestellt von d-r S. Bäck.

Гиллани (Докторъ Ф. В.) Европейская хроника съ 1492 по конецъ декабря 1876 года; съ особенно наглядныымъ изложеніемъ мирныхъ договоровъ. Ручная книга для интересующихся политикою и исторіею. 5 часть (съ начала Іюля 1870 до конца Апрѣля 1877 года) 598 стр. 8⁰. Ghillany D-r F. W. «Europäische Chronik. von 1492 bis Ende Dezember 1876. Mit besonderer Berücksichtigung der Friedens-verträge. Ein Handbuch für Freunde der Politik und Geschichte» V. Band (anfang July 1870, bis Ende April 1877).

Гизебрехтъ, Вильгельмъ. Исторія нѣмецкаго императорства. Брауншвейгъ 1877. 4 часть (стр. XX и 555) 8⁰. **Giesebrecht** (Wilgelm). «Geschichte der deutschen Kaiserzeit».

Грецъ (Докторъ Г.). Исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Лейпцигъ, выпуски 37—40 (стр. 65—288) 8⁰. **Grätz** (D-r H.). «Geschichte der Juden, von den ältesten Zeiten bis auf dem Gegenwart». Leipzig.

Герои русской войны 1877 года. Лейпцигъ 1878 (48 стр.) 8⁰. «Russische Helden des Krieges von 1877.»

Каллай (Беньяминъ). Исторія Сербовъ отъ древнѣйшихъ временъ до 1815. Перевелъ съ венгерскаго профессоръ Швикеръ. Буда-Пештъ, Вѣна и Лейпцигъ 1878. Выпуски 7 и 8. **Kallay** (Benjamin). «Geschichte der Serben, von den ältesten Zeiten bis 1815.» Aus dem ungarischen mit zustimmung des Verfassers ins deutsche übersetzt von Prof. J. H. Schwicker.

Миллеръ (Вильг.) Русско-турецкая война 1877. Штутгардтъ 1878. Выпуски 5—6 (стр. 193—272). Müller (Wilg.) «Der Russisch-türkische Krieg» 8°.

Ранке Леопольда. (Историко-біографическіе этюды) часть 40 и 41 полнаго собранія сочиненій (стр. XI и 544) 8°. Ranke's (Leopold von) Sämmtliche Werke. Leipzig 1877.

Ротенбихеръ (Карлъ). Ополченіе майнцкаго двора въ 1799 и 1800 годахъ. Матеріалъ для исторіи французско-революціонной войны и переходнаго состоянія старой нѣмецкой имперіи. 1878. (108 стр.) 8°. Rotenbücher (Carl). «Der Kurmainzer Landsturm an den Jahren 1799 und 1800. Ein Beitrag zur Geschichte der französischen Revolutions Kriege und des Unterganges des alten deutschen Reiches.»

Шерръ Іоганнъ. Германія. Двѣ тысячи лѣтъ нѣмецкой жизни. Штутгартъ. Явились уже выпуски 13—15 (стр. 149—192) 8°. **Scherr** (Iohannes). Germania. «Zwei Jahrtausende deutschen Lebens.»

Вышла также 2-я часть 3-го тома изданія Зибеля (Sybel), „Историческій временникъ“ (Historische Zeitschrift) въ той серіи.

На шведскомъ.

Мальмштрема (Карла Густава). „Шведская политическая исторія“. Штокгольмъ 1877 (VIII и 93 стр.) 8°. **Malmström** (Carl Gustav). „Sveriges politiska historia“.

Манкели (Юліуса). „Карлъ XII подъ Полтавой“. Военно-историческій очеркъ. 3-е изданіе. Штокгольмъ (44 стр.) 8°. **Mankell** (Jul.) „Carl XII vid Pultawa“. Krigs-historisk teckning. Tredje upplagan.

Вильгельмина. „Очеркъ жизни и характера Карла XII“. Carl XII Lefnats-och Karakters teckning (169 стр.) 8°.

Сильверштольпе (V) Историческая библіотека продолжается; вышли второй серія 4 выпуска.

На англійскомъ.

Девятнадцать листковъ изданій общества „Восточный вопросъ". (W. I—XIX) 8⁰. Резолюціи и рѣчь Гладстона по восточному вопросу въ палатѣ общинъ 7 Мая 1877, и его же рѣчь въ Геварденѣ 24 Ноября.

Эллiота. Исторія Индіи по ея историкамъ, за магометанскій періодъ — посмертное изданіе, продолжаемое пр. Даусономъ. Т. 8 (XXXI, 444 и LXXI X стр.) 8⁰. **Elliot.** «The History of India, as told by its own Historians. The Mohommadan period.» The posthoumous papers of the late Sir H. M. Elliot, edited and continuad by Professor Dowson. London 1877.

Виновата ли Россія? Собраніе писемъ русской дамы съ предисловіемъ Д. А. Фрауда. Lond. 1877. (стр. XIV и 136) 8⁰. „Is Russia wrong? A series of letters, by a Russian Lady. With a preface by I. A. Froude".

На русскомъ.

Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—55 г.—**приамурскій и приуссурійскій край— Посмертныя записки адмирала Невельскаго**, изд. супругою покойнаго Е. И. Н. подъ редакціею В. Вахтина. Здѣсь обстоятельно разсказано присоединеніе въ Россіи Амурскаго края, съ исторіею перваго прихода на Амуръ русскихъ людей. Выяснены всѣ особенности открытія Геннадія Ивановича Невельскаго: что́ Сахалинъ — островъ, а не полуостровъ;—какъ увѣряли начальники экспедицій туда посылаемыхъ (Лаперузъ, Крузенштернъ, Врангель). Не смотря на несомнѣнность факта подтвержденнаго точною описью произведенною въ 1849 году, неблагонамеренность и невѣжество набросили на открывателя тѣнь клеветы на знаменитые авторитеты и надѣлали непріятностей. Записки Невельскаго, выясняя его подвиги вмѣстѣ, съ тѣмъ раскрываютъ во всей подробности ходъ дѣла и затрудненія на каждомъ шагу, возвышающія въ глазахъ потомства совершенное покойнымъ и его самоотверженными помощниками.

Другое посмертное изданіе матеріаловъ историческихъ — „Годъ Наваринской кампаніи 1827—1828.—Изъ Записокъ лей-

тенанта Александра Петровича Рыкачева, веденныхъ на эскадрѣ контръ-адмирала графа Логина Петровича Гейдена.

Славянскій сборникъ, т. 2-ой, (Съ картою русскаго населенія на Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и Буковинѣ) заключаетъ между этнографо-статистическими статьями и принадлежность исторіи. Таковы въ немъ статьи: (продолжаемый здѣсь,—съ началомъ помѣщеннымъ въ I томѣ Сл. Сб.) „Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. О. Пича,—изслѣдованіе мѣстное и очень дѣльное. Съ окончаніемъ, мы представимъ обстоятельный разборъ его. 2. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ: союзъ двухъ имперій (1148—1155) т. е. восточной и западной, римскихъ (греческой и нѣмецкой), во время втораго крестоваго похода. Авторъ — В. Гр. Васильевскій,—составившій себѣ прочную репутацію знатока—изслѣдователя, избранной имъ исторической спеціальности (византизма), въ очеркѣ союза двухъ имперій съ свойственнымъ ему тактомъ разбираетъ вопросъ: кто виноватъ въ распрѣ христіанъ, во второй крестовый походъ? и доказываетъ вину не восточнаго императора, принужденнаго къ враждебности съ западными друзьями, а — ихъ самихъ. При этомъ, интересѣ отечественной нашей исторіи выяснены здѣсь роли галицкаго князя Ярослава (Осьмосмысла) и внука Владиміра Мономаха князя Бориса Коломановича, претендента на венгерскій престолъ. Такъ что заслуга изслѣдователя—какъ и во всѣхъ его другихъ трудахъ,—раздѣляется на общеисторическіе интересы Византіи и выясненіе русскаго прошлаго. Имѣютъ свое значеніе и помѣщенныя во 2-мъ томѣ Славянскаго сборника, три лекціи А. С. Будиловича, въ Нѣжинскомъ лицеѣ — „Очерки изъ Сербской исторіи: I. Паденіе Сербскаго царства 1346 — 1389“. II. «Возрожденіе сербскаго царства» (съ XV вѣка по настоящее время) и III. «О взаимныхъ связяхъ народовъ русскаго и сербскаго». Позволимъ себѣ только замѣтить, что краткость изложенія, необходимая для курса, лишаетъ въ литературномъ сборникѣ, лекціи большой части интереса; такъ что помѣщеніе этого рода трудовъ ученаго слависта въ славянскомъ сборникѣ, невыгодно для автора. Интересна за то, безспорно, для всѣхъ занимающихся славянствомъ вообще и исторіею

Болгаріи въ особенности, переведенная съ болгарскаго языка, 3. Автобіографія Софронія, епископа Врачанскаго, озаглавленная „Софроній епископъ Врачанскій и его время (1739—1810"). Автобіографъ человѣкъ съ большими способностями и съ горячимъ патріотизмомъ, былъ однимъ изъ дѣятелей поднявшихъ духъ болгаръ для борьбы за народность, и память о его подвигѣ не умреть въ потомствѣ. Поэтому, безъискуственныя его автобіографическія записки не просто „жизнь и страданія грѣшнаго Софронія"—а лѣтопись бѣдъ и горя, вынесеннаго болгарами, переданная правдивымъ очевидцемъ, разсказывающимъ просто и безъ задней мысли, обращеніе турокъ съ христіанами, особенно со священниками. 4. Къ тому же роду автобіографій славянъ,—выносившихъ на себѣ лютость турокъ, но отваживающихся имъ противодѣйствовать, принадлежитъ сборникъ Панаіота Хитова, переведенный съ болгарскаго же, и помѣщенный въ концѣ тома подъ заглавіемъ „Странствованіе Гайдука по Балканамъ и жизнеописаніе нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ воеводъ». Въ XVII главахъ этого литературнаго труда есть 13 пѣсень, сложенныхъ о подвигахъ гайдуковъ балканскихъ. Но, кромѣ историческихъ пѣсень и самыя сказанья имѣютъ высокій этнографическій интересъ.

Мы дадимъ послѣ — стѣсняемые здѣсь размѣрами своего обзора,—*отзывы объ историческихъ изданіяхъ* слѣдующихъ:

1) *Біографіи.*

Саввы, епископа харьковскаго, „Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіеп. Ярославскомъ и Ростовскомъ». Харьковъ (389 стран.).

Ѳ. Рождественскаго «Самуилъ Миславскій, Митрополитъ Кіевскій (съ 70-ю письмами). Кіевъ. Изд. ред. Трудовъ Кіевской Дух. Акад.

Архим. Григорія—«О Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ, моя память». (116 стр.). Москва.

2) *Исторія права.*

А. Смирнова. «Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа». Выпускъ I. Москва.

«Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ», изданные подъ редакціею, архиваріуса архива, Сазонова. Выпускъ 8-ой.

Ѳ. Демелича—«Обычное право у южныхъ славянъ». Пер. съ франц.

3) *Военная исторія.*

М. Малыхина. Война съ турками 1877. Вып. I.

Г. К. Градовскаго. Война въ Малой Азіи.

4) *Всеобщая исторія.*

Графа парижскаго (бывшаго адъютантомъ генерала Макъ-Клелана). «Исторія Американской междоусобной войны». Пер. съ франц. А. Риттера. Т. II.

Е. А. Бѣлова—«Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самоученія» (XIV и 570 и XI стран.) 8°.

5) *Исторія воспитанія.*

Карла Ф. Раумера. «Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени». Пер. съ нѣм. подъ редакц. Н. Хр. Весселя.

6) *Исторія церкви.*

Дж. Робертсона. «Исторія Христіанской церкви, со временъ апостольскихъ до реформаціи». Пер. Ѳ. Матвѣева.

Н. Субботина. «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія». Т. III. Москва.

Б.

Статьи историческаго содержанія въ журналахъ (обще-литературныхъ и спеціальныхъ), неисторическихъ.

Для полноты библіографическаго обзора, предполагая представлять отчеты и о появляющихся въ повременныхъ изда-

ніяхъ, мы статьи находимые здѣсь будемъ указывать по содержанію, а не по журналамъ; начавъ свою систематическую перечень, съ отдѣла церкви.

а) *Церковная исторія.*

«Св. Іустинъ философъ-мученикъ и его время», (Журналъ Странникъ, 1877. Ноябрь и декабрь, 1878. Январь),—изслѣдованіе М. Хитрова, заключаетъ въ себѣ мало собственно историческаго изложенія обстоятельствъ времени. Здѣсь за то обстоятельно выставлены, положенія христіанской философіи Іустина съ указаніемъ побужденій, заставившихъ его построить свою апологію такъ именно, что въ ней могли примѣчаться нами—слабыя въ логическомъ отношеніи доводы защиты дѣла, выигрывавшаго настолько же съ чисто-римской точки зрѣнія.

«О направленіяхъ въ религіозно-умственной жизни»—Очерки изъ исторіи восточной церкви IX—XI вѣк. А. Лебедева. (Чтенія въ Общ. Любителей Дух. Просвѣщ. Январь, 1878)—представляютъ много интереса, не смотря на свою сжатость и отрывочность. Авторъ называетъ «направленіями въ религіозно-умственной жизни,—неодинаковое пониманіе требованій христіанства и задачь христіанина». Эти положенія развиваетъ онъ изъ ученія патріарха Фотія: о церковномъ преданіи, церкви и іерархіи, противопоставляя терпимости Фотія въ первое время, его дальнѣйшую строгость, доведшую послѣдователя этой же теоріи, патріарха Михаила Керуларія, до разрыва церкви восточной съ римскою. Оттѣнилъ авторъ и противоположные взгляды отцевъ (патріарха Петра Антіохійскаго и архіепископа Ѳеофилакта Болгарскаго), находившихъ недостаточными поводами для разрыва—однѣ разности въ обрядахъ. Указанъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ критики церковной жизни Нила монаха итальянскаго (основателя аббатства Гротаферрата, въ Тосканѣ), и восточнаго подвижника, константинопольскаго инока Константина Хризомала. Въ заключеніе же очерка, обрисованы мотивы ересей Павликіанъ и Евхитовъ.

«Очеркъ исторіи восточной церкви, со времени взятія Константинополя, турками, до настоящаго времени» свящ. Н. Кондратова. (Странникъ. Янв., 1878)—очень коротокъ и даетъ только

общія мѣста, въ замѣнъ фактовъ обстоятельно выставленныхъ и развитыхъ. Краткость здѣсь вліяла на неточность изложенія всѣмъ извѣстныхъ условій нашихъ договоровъ съ турками въ защиту исповѣдниковъ православія въ земляхъ султана. Между тѣмъ вопросъ этотъ въ настоящее время больше всего занимаетъ публику и, слѣдовательно, поверхностная только статья о немъ удовлетворить никого не можетъ, пробудивъ въ читателѣ развѣ обманутое ожиданіе.

«Гуситы въ Россіи, въ XV и XVI столѣтіяхъ», Юрія Аннекова, безъ сомнѣнія выше «исторіи восточной церкви; не обѣщая однако болѣе того, что стоитъ въ заглавіи». Авторъ заявилъ, что онъ даже не имѣлъ «намѣренія представить въ этой статьѣ обстоятельнаго изслѣдованія» отношеній гуситовъ къ православію;—что было бы, разумѣется, всего желательнѣе здѣсь. Спасибо, впрочемъ, и за то, что сдѣлано авторомъ, ограничившимся только «обзоромъ путешествій, предпринятыхъ гуситами въ Россію». Г. Анненковъ, пользуясь чешскими рукописями въ библіотекахъ пражской и герчгутской, старается очертить сущность дѣятельности чешскихъ вѣроучителей, отправлявшихся на востокъ, въ видахъ найти истинную вѣру, которая была бы ближе къ ихъ взглядамъ на дѣло совѣсти, при ненависти къ католицизму. Задача, во всякомъ случаѣ, благодарная, принята для рѣшенья нашимъ ученымъ, строго держащимся источниковъ и непозволявшимъ себѣ дѣлать преждевременные выводы.

«Матеріалы для исторіи западно-русской православной церкви XVI и XVII вѣковъ. (Труды Кіев. Дух. Акад. 1878. Январь), собранные въ архивахъ и библіотекахъ С. Голубевымъ, заключаютъ всего три документа, съ примѣчаніями собирателя: 1) Грамоту короля Сигизмунда I, кіевскому митрополиту Макарію (25 янв. 1540), о производствѣ слѣдствія надъ кіево-печерскимъ архимандритомъ Софроніемъ, обвинявшимся въ злоупотребленіяхъ по управленію обителью; 2) Опись церковнаго имущества кіево-печерской лавры 1544 г.—любопытный памятникъ въ археологическомъ отношеніи. И, 3) королевскій листъ 5 Авг. 1555 г., кіево-печерскому архимандриту Іосифу, объ отложеніи до 8 Сентября, разбора дѣла по жа-

лобѣ его на Гольшанскаго, нападавшаго на имѣнія печерскаго монастыря. По отпечатаніи документовъ обѣщается сочиненіе «по исторіи западно-русской церкви».

б) *Исторія всеобщая.*

«Сны Фараона» А. С—а. (Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщ. Январь, 1878), — сводъ доказательствъ, по Эберсу, о тождественности бытовыхъ условій въ древнемъ Египтѣ, съ особенностями, сохраненными въ библейской исторіи Іосифа, сына патріарха Іакова.

«Развалины Вавилона и Ниневіи» Н. Астафьева. (Журн. мин. народн. просв., янв. 1878)—есть краткій очеркъ этихъ древнихъ городовъ, по сказаніямъ классическихъ писателей, и обзоръ разрытій въ нихъ, по печатнымъ источникамъ, съ 2 планами.

«Непалъ и его исторія», ст. профессора И. П. Минаева, по Даніэлю Райту (History of Nepal. (Журн. м. н. пр., янв. 1878).

«Свѣдеція о жайнахъ и буддистахъ въ Индіи». То же изслѣдованіе. Минаева, (Февраль, журн. мин. нар. пр., 1878).

Жайны—секта, родственная буддистамъ, одна изъ противобрахманическихъ вѣроученій, индо-скиѳскаго происхожденія, судя по археологическимъ разъисканіямъ. Жайны, вмѣстѣ съ чистыми буддистами не признаютъ божественнаго авторитета вѣдъ.

«Русско-византійскіе отрывки» профессора **В. Гр. Васильевскаго**, въ журн. мин. народн. просв., (янв.) — VII. «Житіе Іоанна Готскаго» и (февраль) VIII.» Житіе Георгія Амастридскаго», по неизданному греческому подлиннику,—меньше важны сами по себѣ, чѣмъ по отношенію къ русской исторіи; въ видахъ выясненія подлиннаго происхожденія народности Руси, не слѣдуя норманской теоріи. Въ изслѣдованіи объ Іоаннѣ Готскомъ, авторъ разбираетъ: готскіе морскіе походы, поселеніе готовъ въ Крыму и начало у нихъ христіанства; вопросъ о тождествѣ или различіи между готами крымскими и тетракситами, и судьбы таврическихъ готовъ до конца VIII вѣка; — кромѣ житія Іоанна съ объясненіями къ нему, выказывающими блистательно знанія автора. Въ житіи Георгія Амастридскаго

архіепископа поставленнаго патріархомъ Тарасіемъ, разсказывается нашествіе Руси на городъ Амастру и чудо при мощахъ святителя, вліявшее на смягченіе свирѣпыхъ опустошателей анатолійскаго берега. При изложеніи этого случая авторомъ житія, жившимъ въ IX вѣкѣ или въ началѣ X, высказано нѣсколько извѣстій о народѣ Руси, съ указаніемъ на Крымъ или сѣверное черноморье вообще—какъ на мѣсто жительства пришельцевъ-грабителей. Эти-то подробности и даютъ сказанію о Георгіи Амастридскомъ цѣну въ глазахъ изслѣдователей о происхожденіи Руси.

в) *Русская исторія.*

(вообще и по спеціальностямъ)

«Восточный вопросъ и задунайская славянщина передъ глазами московскаго царя Михаила Өедоровича» (журн. мин. нар. просв., февраль, 1878), ст. **П. А. Кулиша**—очень живая и увлекательная монографія, по послѣднимъ славянскимъ источникамъ. Трудъ этотъ и не смотря на преувеличенное представленіе добродѣтелей турокъ при завоеваніи ими Константинополя, заключаетъ много достоинствъ; изложеніе же поддерживаетъ въ читателѣ интересъ, освѣщеніемъ фактовъ съ новыхъ совсѣмъ сторонъ. Авторъ видитъ, — положимъ и съ своего рода натяжкою,—во враждебностяхъ къ Россіи Польши, исключительную махинацію Рима, ставившаго въ основу своихъ мечтаній о всемірномъ владычествѣ необходимость обращенья въ католичество московскаго царства. Для того и напускалъ папа на Русь самозванщину, находя усерднѣйшихъ воителей въ единовѣрныхъ русскому народу, казакахъ, съ 1620 года вдругъ перемѣнившихъ свои роли на дружество къ подданнымъ московскаго царя; за годъ ими разоряемымъ, при нашествіи Владислава ища добычи. Выставлена эта особенность казачества очень рельефно и вѣроятно то же вызоветъ опроверженіе г. Костомарова, непозволяющаго въ представителяхъ казачества видѣть что либо другое, кромѣ возвышенныхъ рыцарскихъ добродѣтелей, что изысканія Кулиша положительно и обстоятельно относятъ къ миѳамъ.

г) *Исторія права.*

Профессоръ М. М. Ковалевскій напечаталъ (янв., 1878, «Юридическій вѣстникъ») свою вступительную лекцію къ курсу сравнительной исторіи права—«О методологическихъ пріемахъ къ изученію ранняго періода въ исторіи учрежденій». Здѣсь онъ даетъ первое мѣсто «ознакомленію съ результатами, добытыми сравнительною исторіею»;—особенно при бѣдности юридическихъ памятниковъ по исторіи русскаго права, въ средніе вѣка. Лекторъ доказываетъ необходимость этого пріема, существованіемъ сходства въ учрежденіяхъ обычнаго права одноплеменныхъ народовъ. А сходство объясняетъ онъ продолжительнымъ удержаніемъ слѣдовъ общинно-родоваго быта въ законодательствахъ народовъ, перешедшихъ уже и къ болѣе сложнымъ формамъ общественныхъ отношеній. Но, конечно, пользованіе этимъ пріемомъ изслѣдованія должно совершаться при наблюденіи крайней осторожности. Для устраненія односторонности выводовъ, лекторъ совѣтуетъ примѣнять разные доступные мотивы, не давая преимущества ни одному изъ нихъ въ дѣлѣ раскрытія истины, а равно допуская значеніе: географическихъ условій, сравнительнаго языкознанія и результатовъ курганныхъ раскопокъ, — въ провѣркѣ выводовъ.

„**О свѣтскихъ фискалахъ** (родъ казенныхъ дѣлъ Стряпчихъ) и **духовныхъ инквизиторахъ**“ учрежденныхъ Петромъ I, напечатано изслѣдованіе Т. Барсова (журн. нар. просв. февраль 1878). Изслѣдованный, временный институтъ, вызванъ былъ, какъ совершенно точно охарактеризовалъ авторъ „вообще низкимъ уровнемъ идей справедливости въ русскомъ обществѣ, и, въ частности, безотраднымъ состояніемъ администраціи русскаго государства, по всѣмъ его частямъ“. По этому, онъ и долженъ былъ исчезнуть безслѣдно съ измѣненіемъ къ лучшему, порядковъ въ церковной и гражданской администраціи. Но въ свое время, и фискалы и инквизиторы, хорошо примѣнялись, при точномъ слѣдованіи инструкціямъ своимъ, къ представленію „органовъ надзора и наблюденія, способныхъ и все видѣть и обо всемъ доносить“.

„**Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи**“ ст. профес. **Сергѣевича** (Вѣстникъ Евр. 1878. Янв.)

въ результатѣ представляетъ выводъ, что «въ теченіе 1½ года, коммиссія не сдѣлала ни одного постановленія, по существу законодательныхъ вопросовъ; не смотря на всѣ усилія императрицы помочь ей. Такимъ направленіемъ дѣла маршалъ доказалъ безполезность ея гораздо лучше, чѣмъ могли это сдѣлать его неоднократныя представленія. Императрица потеряла, наконецъ, вѣру въ коммиссію, а потому и не возобновила ея засѣданій». По нашему мнѣнію на столько смѣлое положеніе, нуждается въ болѣе основательныхъ доказательствахъ, чѣмъ приведенныя авторомъ въ текстѣ статьи его;—хотя они и имѣютъ значеніе, если разсматривать дѣло такъ, какъ онъ его себѣ представляетъ. Могутъ, вѣдь, однако же найтись и другія точки зрѣнія, съ которыхъ общность доказательствъ г. Сергѣевича будетъ менѣе уважительна, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣроятность вывода.

Юбилей Александра I, былъ поводомъ цѣлаго ряда статей о самомъ миротворцѣ Европы и его времени, съ примѣненіями породу спеціальной среды, изъ которой выходило сочиненіе. Кіевская духовная академія—также какъ и всѣ спеціальныя ученыя учрежденія—день 12 декабря 1877 г. почтила, торжественнымъ собраніемъ, на которомъ произнесены были двѣ рѣчи, гг. профессорами: Ф. Терновскимъ и С. Сольскимъ. Первый приготовилъ «характеристику Александра I». Рѣчь эта заключаетъ нѣсколько положеній мѣтко угаданныхъ и факты прекрасно выбранные изъ готовыхъ печатныхъ матеріаловъ. Сопоставленіе борьбы противоположныхъ началъ съ самодержавною волею въ государѣ, задававшемся планами гораздо обширнѣе, чѣмъ удалось ихъ осуществлять,—проходя черезъ всю рѣчь,—сообщаетъ ей теплоту и жизненность; заставляя смотрѣть на этотъ трудъ по случаю какъ на одинъ изъ лучшихъ. Трудъ Сольскаго «объ участіи императора Александра I въ изданіи библіи на русскомъ языкѣ»—посвященъ разрѣшенію вопроса одного изъ интереснѣйшихъ и всего меньше обслѣдованныхъ. По крайней мѣрѣ конечный результатъ дѣятельности Русскаго Библейскаго общества, остается почти таинственнымъ ради сокрытія поводовъ, повліявшихъ на закрытіе общества и арестъ его изданій. Ораторъ слегка

очертилъ эти поводы, этимъ ослабивъ безъ сомнѣнія значеніе своего прекраснаго труда въ угоду приличій, что-ли. Г. Сольскому, впрочемъ удалось провести основную мысль, что: Александръ I, до конца жизни своей, остался вѣренъ идеѣ о необходимости дать народу священное писаніе на живомъ языкѣ, которымъ говоритъ онъ.

Ко времени Александра I относится и «Дѣятельность Тормасова на Кавказѣ» Н. Дубровина, — еще не конченный трудъ, отзывъ о которомъ, по высказаннымъ уже резонамъ, мы отлагаемъ до помѣщенія конца; также какъ и разборы статей, покуда продолжаемыхъ:

а) «Историческій очеркъ Кашгаріи» Куропаткина (Воен. Сборн. 1877 г. NNII и 12, 1878 г. 1 и 2).

б) «Двадцать шесть лѣтъ, Лейбъ - гвардіи въ егерскомъ полку»—Записки стараго егеря (Льва Карловича Боде)—Воен. Сборн. 1877 г. NN 1—9; 1878 г. NN 1, 2).

в) «Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года» Н. Д. Неелова (начавшіяся съ Февральской книжки Воен. Сборн. 1878). Очень живыя и прекрасно характеризующія людей и обстоятельства.

г) «Письма А. С. Пушкина къ женѣ и тещѣ» (въ Январьской книжкѣ Вѣстн. Европы 1878 г. помѣщ. 39 писемъ изъ 75 переданныхъ Тургеневу для напечатанія дочерью поэта, Натальею Александровной Mоренгеймъ).

д) «Дневникъ осады Карса въ 1855 году», веденный управлявшимъ медицинскою частью въ турецкомъ гарнизонѣ, докторомъ Сандвитомъ,—извлеченный изъ книги его «разсказы объ осадѣ Карса». A narrative of the siege of Kars»,—М. Богдановичемъ; съ его примѣчаніями (ст. 1-я Воен. Сборникъ Февр. 1878 г.).

е) «О горномъ промыслѣ на Уралѣ, въ царствованіе имп. Александра I» Н. Чупина (нач. въ Февр. кн. Горнаго журнала 1878 года). Записка Н. К. Чупина составлена по архивнымъ дѣламъ разныхъ управленій Уральскихъ горныхъ заводовъ (главнаго правленія заводовъ, Екатеринбургскаго горнаго начальства, монетной экспедиціи, конторы Березовскихъ золотыхъ промысловъ, канцеляріи Пермскаго оберъ-инспектора

и горнаго правленія) и по самому составленію изъ новыхъ матеріаловъ должна заслуживать болѣе безпристрастной оцѣнки, чѣмъ замѣтка передъ статьею, отъ редакціи.

В.

Историческіе романы.

Обозрѣвъ исторію обратимся къ роману.

Включая въ програму „Исторической библіотеки" вмѣстѣ съ историческими матеріалами и изслѣдованіями, также историческій романъ, мы укажемъ иностранные сочиненія этаго рода, пропущенныя цензурнымъ управленіемъ въ Январѣ и частію въ Февралѣ, 1878 года. Вотъ онѣ:

Лудвига **Гото**. «Нищій на длинномъ мосту» историческій разсказъ изъ прошлаго г. Берлина (выходитъ выпусками въ 3 листа) больш. 8°.

Л. **Хандхейма**. „Елизавета Бранденбургская". Берлинъ 1878, 3 ч. (I 188, II 235 и III 185 стр.) 8°.

Г. **фонъ-Краненфельса**. «Юраничь-Броничка или контробандисты въ Трансильванскихъ альпахъ (историческій народный романъ изъ настоящаго времени)» выходитъ выпусками по 3 листа 8°.

Г. **Нентвигъ** «Дервишъ-паша, сераевскій ренегатъ» или «борьба полумѣсяца съ крестомъ» (современный романъ съ театра восточной войны). Выходитъ выпусками въ 3 листа; вышли вып. 20 и 21-й.

Г. **ф. Тролле**. «Завѣщаніе короля шведскаго Густава III». историческо-романическіе картины 2 части вольный перев. съ шведскаго на нѣм. Іона.

«Въ часъ привидѣній, кладбище Св. Маріи», историческій разсказъ половины XV вѣка. Берлинъ (выпускъ въ листъ 8°).

Изъ переведенныхъ на русскій языкъ укажемъ «**Волчиху**». Д. Уайта Мельвиля пер. съ англ. редакціею „Кругозора" 8° 205 стр.

Здѣсь, сцены начала французской революціи 1789 года наброшены оченъ эффектно, усиливая своею картинностью общее впечатлѣніе: бурныхъ волненій, ловкой интриги и человѣчно-вѣрную характеристику разнузданныхъ страстей, потемняющихъ разсудокъ и въ самыхъ лучшихъ головахъ.

По части оригинальной исторической беллетристики, самое крупное.—„**Потемкинъ на Дунаѣ**". 1790 годъ. Историческая повѣсть—напечатанная въ Вѣстникѣ Европы (Февраль). Это—лучше всего что написано Г. П. **Данилевскимъ**, по живости и силѣ главныхъ эпизодовъ; особенно военныхъ сценъ. Характеры Потемкина и Суворова бойко очерчены. И если они не могутъ имѣть того же вѣса правды—какъ чисто біографическіе факты,—разбросанные по всюду детали, сравненія и случаи (разумѣется принадлежащія догадливости автора),—то не могутъ и уменьшить достоинства произведенія, ради обмолвокъ очень естественныхъ въ беллетристѣ и перевѣшиваемыхъ яркостью общей картины. Характеръ главнаго героя повѣсти, Вехтѣева, какъ и слѣдуетъ, отдѣланъ лучше прочихъ; но эпизоды съ Шишковскимъ и Кутайсовымъ, особенно письмо послѣдняго въ Галацы и доставка его—слабыя мѣста въ разсказѣ—со стороны исторической вѣроятности. Лучше бы и дѣльнѣе вышелъ тонъ повѣсти безъ этихъ вставокъ, или съ большею экономіею подробностей, неточность которыхъ бросается въ глаза. Впрочемъ, произволъ автора при представленіи Шишковскаго можетъ быть допущенъ безъ большихъ пререканій, ради таинственности визитовъ къ этому благодѣтелю и, невысказываемыхъ бесѣдъ съ нимъ. Дамскіе же характеры, особенно главная героиня, явившаяся пепиньерой уже, въ армію — фантастичностью бьютъ очень сильно и могутъ нравиться развѣ неразборчивымъ, незнакомымъ съ характеромъ времени, читателямъ. Позволяемъ себѣ думать, что почтенный авторъ неоскорбится на наши эти замѣчанія, проистекающія изъ желанія ему стяжать новыя лавры, съ выброскою за бортъ шароховатостей—въ видѣ анахронизмовъ въ рѣчахъ и фактахъ; здѣсь, впрочемъ, не настолько обильныхъ, какъ въ другихъ его произведеніяхъ.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго, въ первыхъ трехъ томахъ заключаютъ нѣсколько разсказовъ историческихъ; хотя

правду сказать, строгости представленія эпохи искать въ нихъ было бы излишне. Есть у насъ разныхъ сортовъ повѣствователи о прошломъ, въ беллетристической формѣ. Одни, какъ Лажечниковъ, Загоскинъ, графъ Алексѣй Толстой, и Кукольникъ въ повѣстяхъ временъ Петра I,—довольно близко старались передать, въ описаніяхъ своихъ, подлинно-историческій бытъ. И отъ того картины ихъ отличаются оригинальною характерностью, а все повѣствованіе, не утрачивая для читателя интереса съ развитіемъ интриги, на сколько же удачно проводимой,—въ цѣломъ оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. Есть другаго пошиба историческіе романисты, бравшіе вѣрно канву событій, но уже въ живости подробностей и изложеніи характера эпохи далеко не бывшіе такими строгими къ себѣ, какъ писатели первой категоріи. Къ этому второму разбору отнесемъ мы: Полеваго «клятву при гробѣ господнемъ», «Димитрія Самозванца» Булгарина, «Дочь Шута» Фурмана, повѣсти К. Мосальскаго, «Марѳу Посадницу» Карамзина, и, его же, «Татьяну Болтову», — творенія читаемыя съ удовольствіемъ, безъ сомнѣнія меньшимъ, чѣмъ «Басурманъ» напримѣръ; но не безъ интереса и выгоднаго впечатлѣнія. Третій сортъ писателей разсказовъ изъ прошлаго, плѣняетъ читателя яркостью колорита, хотя расходящагося съ подлиннымъ, но пріятнаго до извѣстной степени. Еще съ меньшею строгостью относя къ факту, они искусно лавируютъ успѣвая только маскировать свое малое знакомство съ исчезнувшимъ бытомъ, и до каприза своеобразными формами его. О вкусахъ спорить не должно и мы далеки отъ мысли охуждать фантастичность,—большую чѣмъ у двухъ первыхъ видовъ историческихъ разсказчиковъ,—въ твореніяхъ дѣятелей на той же аренѣ, меньше приготовившихся для роли возсозданія прошлаго. Успѣхъ ихъ произведеній въ публикѣ, что нибудь да значитъ, и если меньше выигрыша при чтеніи для узнанія прошлаго, за то вѣроятно больше пріятности у нихъ для вкуса современниковъ. Требованія читателей могутъ подняться выше; тогда, вѣроятно и у отважныхъ изображателей не одинъ пылъ фантазіи, да ловкость, пойдутъ въ дѣло для снисканія успѣха въ публикѣ. Во всякомъ случаѣ, уже попытка въ беллетристѣ заглядывать въ прошлое, ставитъ его

въ положеніе больше серьозное; чѣмъ стремленіе не стѣсняться въ изображеніяхъ и типахъ ничѣмъ другимъ, кромѣ сходства съ современными оригиналами. Тотъ авторъ—повѣствователь, который силится по существующей модели разгадать видоизмѣненія типа страсти и характера, при иныхъ условіяхъ склада быта,—достоинъ уже поощренія, а не осужденія, въ случаѣ и не полной удачи его стремленій. По этому, къ повѣстямъ Г. П. Данилевскаго мы не имѣемъ права быть особенно придирчивыми и не находя кой чего, намъ кажущагося существеннымъ. Автору беллетристу, привыкшему прежде всего анализировать текущія, современныя явленія жизни и пускаясь въ загадочный міръ прошлаго, гораздо труднѣе отрѣшиться отъ знакомыхъ формъ, чѣмъ тому, кто, погрузившись сначала въ битовой анализъ исчезнувшей жизни и освоившись съ нею, вздумалъ бы очерчивать картины окружающей его, живой среды. Роли этихъ двухъ разсказчиковъ, принимая въ нихъ ровный даже талантъ, еще разъ повторимъ, не одинаковы; то, что, послѣднему дается безъ труда,—для перваго будетъ источникомъ затрудненій, изъ которыхъ не всегда можетъ онъ выйти блистательно. Во всякомъ случаѣ успѣхи здѣсь будутъ удѣломъ, кромѣ талантливости, еще болѣе упорнаго труда и времени, приводящаго опытность съ навыкомъ видѣть ясно сквозь туманъ прошлаго, подлинные тоны картины, присмотрѣвшись къ нимъ въ полу-мглѣ.

Въ 1-мъ томѣ сочиненій Г. П. Данилевскаго, «Семейная Старина» рядъ разсказовъ неровнаго достоинства въ историческомъ отношеніи. Во второмъ томѣ — «Екатерина великая на Днѣпрѣ», во многихъ мѣстахъ довольно удачный разсказъ съ неудачнымъ концомъ, по милости самовольнаго разсѣченья авторомъ Гордіева узла, въ видѣ исторія живописца Боровиковскаго, уже бывшаго до путешествія въ Тавриду «Сѣверной Минервы» прапорщикомъ въ отставкѣ; никогда не сбиравшемся продаваться въ рекруты, разумѣется. Въ третьемъ томѣ, два разсказа «изъ преданій XVII вѣка» лучше всего, изъ того что напечатано въ 4-хъ томахъ сочиненій Г. П. Данилевскаго, по силѣ и относительной вѣрности возможнаго колорита. Говоримъ возможнаго, находя кое-какія

прошибности, хватанье десятка на два лѣтъ впередъ, или картины пестрѣе узоромъ, чѣмъ дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ какъ историческіе отрывки въ беллетристической формѣ, «первый выпускъ сокола» и «вечеръ въ теремѣ Царя Алексѣя Михайловича» всего ближе подходятъ подъ мѣрку приличнаго нашему времени воспроизведенія быта предковъ, за московскій періодъ;—выказывая въ авторѣ кромѣ таланта разсказчика, большее знакомство съ источниками того времени, чѣмъ начала XVIII вѣка. Приведеніе у мѣста пѣнія сказителя во второмъ отрывкѣ, чрезвычайно удачно. Можно одно посовѣтывать автору: осторожнѣе обходиться съ фамиліями и не сочинять ихъ,—особенно княжескихъ,—да недавать разгула фантазіи впускомъ въ комнаты Государя, Царевенъ; особенно при постороннихъ; также—не сбиваться и въ счетѣ дочерей царскихъ, между которыми Софья Алексѣевна было вовсе не старшая. Первый же разсказъ кромѣ нѣсколькихъ несообразностей, поражаетъ еще несоразмѣрностью длиноты вступленья, съ лаконизмомъ интриги. Безспорно, соколья охота прекрасно описана, но развитіе интриги придало бы болѣе интереса цѣлому; въ настоящемъ видѣ похожему на отрывокъ а не на законченный эпизодъ, выигрывающій, разумѣется, при цѣльности несравненно больше и въ оцѣнкѣ читателя, воспріявшаго всю глубину впечатлѣнія, авторомъ намѣченнаго.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 5.—Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 5-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 5.—Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Апрѣля. 1878 г.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ

въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ.

Матеріалъ къ исторіи театра въ XVIII вѣкѣ.

Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранится дѣло объ устройствѣ для народнаго увеселенія казеннаго открытаго театра въ 1769, 70 и 71 годахъ [1]).

Въ дѣлѣ этомъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія:

По высочайшему указу [2]) (когда и кому, изъ дѣла не видно) для народнаго въ Москвѣ увеселенія построенъ былъ отъ м. полиціймест. канцеляріи на Дѣвичьемъ полѣ народный открытый театръ, въ которомъ давались разныя представленія по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ для всѣхъ безплатно. На содержаніе театра, на наемъ комедіантовъ и музыкантовъ, на разныя при театрѣ потребности: исправленіе зданія, заготовленіе костюмовъ актерамъ,—опредѣлено было отпускать на каждый годъ по 300 рублей изъ подлежащихъ до московской полиціи доходовъ. Содержать этотъ театръ и давать представленія обязался уволенный отъ дѣлъ

---

[1]) Дѣло Моск. Управы Благочинія 1769 года, № 4115.

[2]) Къ сожалѣнію этого имяннаго указа не оказалось въ Полномъ Собраніи Законовъ, а также не найдено и въ документахъ архива.

бывшей московской гофъ-интендантской конторы канцеляристъ Илья Скорняковъ, что онъ, какъ изъ дѣла видно, исполнялъ въ теченіи трехъ лѣтъ, въ 1769, 70 и 71 годахъ, въ лѣтнее время, начиная съ весны, послѣ Святой недѣли и до осени. Представленія были: *«комедіантскія увеселительныя»*, *«интермедіи»* и *«курьезныя шпрынгъ-мейстерскія дѣйствія»*.

Контрактъ каждогодно заключался Скорняковымъ въ м. полиціймест. канцеляріи. Контрактомъ этимъ онъ обязывался содержать компанію актеровъ и музыкантовъ на своемъ иждивеніи, съ своими инструментами, и давать представленія въ воскресенья, праздничные и викторіальные дни за получаемую имъ отъ полиціймейстерской канцеляріи казенную денежную договорную плату, именно: за каждый *«представительный»* на театрѣ день по 10 рублей. Условленную сумму Скорняковъ получалъ каждый разъ по окончаніи представленія отъ смотрителя 4-й полицейской части, въ вѣдомствѣ которой состояло тогда Дѣвичье поле, и въ полученіи тѣхъ денегъ собственноручно росписывался въ нарочно для того заведенной тетради.

Для большаго ознакомленія съ дѣломъ, выписываемъ изъ него документы, дающіе ясное понятіе о народномъ театрѣ.

На первыхъ листахъ дѣла заключается представленная смотрителемъ 4-й полицейской части, капитаномъ Комаровымъ, при рапортѣ 9 октября 1769 г. въ московскую полиціймейстерскую канцелярію вѣдомость израсходованнымъ въ этомъ году деньгамъ, на выдачу содержателю театра Скорнякову по 10 руб. за каждое представленіе, исключая тѣхъ дней, когда по случаю дождя представленій не было.

Затѣмъ въ подлинномъ дѣлѣ находится контрактъ, заключенный въ 1770 г. въ полиціймейстерской канцеляріи Скорняковымъ, на представленія въ лѣтнее время того года,—контракта 1769 г. въ дѣлѣ нѣтъ; вотъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный контрактъ:

«1770 года марта   дня въ московской полиціймейстерской канцеляріи, бывшей московской же ея императорскаго величества гофъ-интендантской конторы, уволенный отъ дѣлъ канцеляристъ Илья Ивановъ, сынъ Скорняковъ, заключилъ я сей договорный мною контрактъ въ томъ, что въ силу имяннаго ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія для народнаго въ Москвѣ увеселенія на построенномъ отъ оной полиціймейстерской канцеляріи на Ново-Дѣвичьемъ полѣ, (или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ показано будетъ), содержать мнѣ съ компаніею актеровъ, вольножелателями разныхъ чиновъ людьми, комедіантскія увеселительныя дѣйствующія представленія и интермедіи и курьезныя шпрынгъ-мейстейрскія дѣйствія, въ нынѣшнее лѣтнее время, въ воскресные, праздничные и торжественные дни, и съ подлежащею къ тому театру трубною или волторною позывкою, а временемъ и съ битьемъ притомъ въ литавры, такожъ хоромъ, музыкою и со инструментами ихъ, за получаемую мною отъ оной полиціймейстерской канцеляріи казенную денежную договорную плату, за каждый представительный на театрѣ комедій день, за все оное, по десяти рублей, зачавъ сего лѣта съ Ѳомина воскресенья, то есть, будущаго апрѣля мѣсяца съ 11 числа, ежели имѣетъ быть хорошая и не дождливая погода, и производить на томъ театрѣ дѣйствіе комедіевъ во все лѣтнее время, въ вышепоказанные воскресные, праздничные и торжественные дни, то есть, по день Покрова Пресвятыя Богородицы, и въ оные дни на томъ казенномъ театрѣ представленіе комедій начинаніе имѣть съ компаніею актеровъ и музыкою пополудни въ 3-мъ, а оканчивать оное въ 6 часовъ пополудни-жъ, итого въ представленіяхъ комедій на театрѣ обращается не болѣе только четырехъ часовъ; позывку-жъ къ тому для собиранія народу музыкантамъ на трубахъ или волторнахъ напредь начинать въ началѣ перваго часа пополудни, и продолжать имъ оную до начинанія на томъ театрѣ комедій, а въ прочіе будничные, хотя и въ назначенные, но дождливые дни, комедій на томъ театрѣ не

представлять; и содержать мнѣ для того представленія комедій компанію актеровъ, шпрынгъ-мейстеровъ и парукмахеровъ разныхъ чиновъ людей, всего не менѣе 12 человѣкъ, такожъ хоръ музыкантовъ и трубачей со инструментами ихъ до 8 человѣкъ; а плату денежную за все оное представленіе на театрѣ комедій и музыку получать мнѣ отъ оной же полицiймейстерской канцеляріи изъ казенной суммы, отъ кого повелѣно будетъ по окончаніи на томъ театрѣ дѣйствующаго того-жъ дня представленія комедій, подъ росписку мою безъ всякаго удержанія, для онаго-жъ представленія комедій надлежитъ изъ оной канцеляріи, противъ прежняго напредъ выдать мнѣ за три дня денегъ тридцать рублевъ подъ мою-жъ росписку на обзадачиваніе (sic) напредь отъ меня актерамъ, парукмахерамъ и музыкантамъ, чтобъ они къ тому дѣйствію комедіевъ были тверды и надежны, и остановки ни въ чемъ и никакой мнѣ не учинили; въ чемъ имѣю я заключить договорные съ ними контракты; точію-бъ во время на томъ театрѣ дѣйствіевъ комедіи для прекращенія отъ зрителей шумства, ссоръ, дракъ и грабежа удовольствованъ я былъ отъ оной же полицiймейстерской канцеляріи, или откуда повелѣно будетъ, пристойною командою, такожъ и подлежащимъ къ дѣйствію комедіантскимъ платьемъ и прочимъ, что къ тому нужно будетъ по требованію моему безостановочно. Въ которыя-жъ точно числа праздничныя, торжественныя и викторіальныя, а въ воскресные генерально во всѣ лѣтніе дни, (окромѣ дождливыхъ дней), должно на томъ театрѣ представленіе комедій имѣть, о томъ прилагается присемъ именной реестръ:

Апрѣль мѣсяцъ.

21 числа. Среда. Рожденіе ея императорскаго величества.

23 числа. Пятница. Великомученика Георгія, въ торжество кавалерскаго ордена.

Май мѣсяцъ.

13 числа. Четвертокъ. Вознесеніе Господне и святыя мученицы Гликеріи.

24 числа. Понедѣльникъ. Сошествіе Святаго Духа.

Іюнь мѣсяцъ.

24 числа. Четвертокъ. Рождество Іоанна Предтечи.

28 числа. Понедѣльникъ. Восшествіе ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ.

29 числа. Вторникъ. Святыхъ апостолъ Петра и Павла, и тезоименитство его императорскаго высочества.

Іюль мѣсяцъ.

8 числа. Четвертокъ. Празднество Казанскія Пресвятыя Богородицы.

28 числа. Среда. Святыхъ апостолъ: Прохора, Никанора, Пимена, Пармена и празднества Смоленскія Пресвятыя Богородицы.

Августъ мѣсяцъ.

6 числа. Пятница. Празднество Всемилостиваго Спаса Преображенія Господня.

6 числа. Понедѣльникъ. Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа.

30 числа. Понедѣльникъ. Торжество кавалерскаго ордена св. Александра Невскаго.

Сентябрь мѣсяцъ.

8 числа. Среда. Празднество Рождества Пресвятыя Богородицы.

14 числа. Понедѣльникъ. Воздвиженіе Честнаго Креста Господня.

20 числа. Понедѣльникъ. Рожденіе его императорскаго высочества.

22 числа. Среда. Торжество о коронаціи ея императорскаго величества.

Итого праздничныхъ и торжественныхъ (не считая воскресныхъ) 16 дней.

На подлинномъ реестрѣ подписано:

Къ сему контракту и реестру канцеляристъ Илья Скорняковъ руку приложилъ».

Полиціймейстерская канцелярія, утвердивъ таковой контрактъ съ Скорняковымъ, подтвердила ему всѣ прописанныя въ контрактѣ условія исполнять во всей точности, и наблюденіе имѣть затѣмъ поручила смотрителю 4-й части, капитану Комарову, вмѣнивъ ему притомъ въ обязанность наблюдать, что ни самъ содержатель труппы, ни его комедіанты со зрителей денегъ не требовали и не брали бы ни подъ какимъ видомъ, и чтобъ противъ закона и непристойныхъ комедій не было представляемо.

Въ такомъ смыслѣ, апрѣля 3 дня 1770 г. состоялось въ полиціймейстерской канцеляріи опредѣленіе, коимъ постановлено было слѣдующее: «по обязательству означеннаго канцеляриста Скорнякова, сего 1770 г., апрѣля съ 11-го будущаго октября по 1-е число, по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ ему, Скорнякову, съ прочими комеди представлять, согласно съ заключеннымъ съ нимъ контрактомъ, дозволить, а въ смотрѣніе оный театръ, имѣющееся комедіантское платье и прочее, въ сохраненіе препоручить, по прежнему, 4-й части капитану Комарову и при томъ ему, Комарову, велѣть, чтобъ въ оные дни и часы тѣ комедіи означеннымъ канцеляристомъ Скорняковымъ и прочими всегда были представляемы, только наблюдать, чтобы, какъ онъ Скорняковъ, такъ и прочіе комедіанты, съ зрителей денегъ ни подъ какимъ видомъ не требовали и не брали и чтобъ противъ закона и непристойныхъ комедій отнюдь представляемо не было, а тѣхъ игроковъ при представленіи въ каждый день было не менѣе-бъ 12 человѣкъ, а музыкантовъ и трубачей всѣхъ не менѣе 8 человѣкъ, въ чемъ его, Скорнякова, обязать подпискою, а за первые три дни выдать ему, Скорнякову, отъ расходу московской полиціи изъ подлежащихъ до оной доходовъ, нап-

редъ, тритцать рублевъ, а на дачу онымъ игрокамъ и музыкантамъ выдать же капитану Комарову изъ означенныхъ же московской полиціи доходовъ денегъ сто рублевъ, записавъ въ расходъ съ росписками, изъ коихъ велѣть выдавать ему, Скорнякову, для раздачи тѣмъ игрокамъ и музыкантамъ по окончаніи игры каждаго дня по десяти рублевъ съ роспискою, и для того на записку оныхъ дать ему, Комарову, за шнуромъ и за скрѣпою секретарскою тетрадь, и во время того представленія изъ имѣющагося сдѣланнаго отъ полиціи комедіанского платья по требованію тому Скорнякову выдавать, какое потребно будетъ, а какъ кончится комедія, то, оное отбирая, хранить съ прочими, во время-жь представленія комедіевъ на сдѣланный театръ смотрителей отнюдь никого не впускать и притомъ наблюдать, чтобъ отъ смотрителей дракъ и непристойностей не происходило, въ противномъ же случаѣ, забирая подъ караулъ, отводить въ съѣзжій дворъ и представлять въ полицію; и для отвращенія случающихся безпорядковъ велѣть премьеръ-маіору Головину изъ частей къ тому театру, по требованіямъ его, Комарова, въ тѣ дни, когда комедіи представлены будутъ, посылать десятскихъ пристойное число, коимъ тогда и быть въ командѣ его, Комарова, и о томъ къ премьеръ-маіору Головину, и съ прописаніемъ вышеописаннаго къ капитану Комарову послать приказы, причемъ къ нему, Комарову сообщить съ заключеннаго со онымъ, Скорняковымъ, контракта копію, а къ расходу о выдачѣ денегъ дать указъ».

Когда выданныя отъ полиційместерской канцеляріи капитану Комарову 100 рублей для раздачи содержателю театра, Скорнякову, за каждое представленіе по 10 рублей, израсходованы были всѣ, въ теченіи времени съ 18 апрѣля по 20-е іюня, то помянутый Комаровъ рапортомъ 24 іюня снова обратился въ полиційместерскую канцелярію о выдачѣ еще денегъ впредь на остальное время, сколько заблагоразсужено будетъ; тогда полиційместерскою канцеляріею 14 августа 1770 г. опредѣлено: за имѣющіяся впредь представленія до 1 октября выдать

капитану Комарову отъ полиціи еще 70 рублей изъ наличныхъ въ московской полиціи сборовъ, и раздавать ихъ, какъ сказано выше.

Изъ чего былъ построенъ народный театръ, какого наружнаго вида, и какъ обширенъ, объ томъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется. Но въ какомъ былъ онъ положеніи въ описываемое время и что притомъ устроенъ былъ очень незатѣйливо, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго. Вышеупомянутый смотритель 4-й части капитанъ Комаровъ, въ вѣдомствѣ коего, какъ уже и сказано было выше, состоялъ театръ, рапортомъ 6 мая 1770 г. заявилъ въ полиціймейстерской канцеляріи, что сдѣланный на Дѣвичьемъ полѣ для народнаго увеселенія театръ, на которомъ велѣно по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ представлять разныя комедіи, «обнесенъ вокругъ на столбахъ бревнами и подѣланы изъ досокъ на низкихъ столбахъ лавки, и столбы подгнили, и какъ обнесенныя оныя бревна, такъ и лавки на столбахъ отъ гнилости обвалились, на театрѣ-жъ живописное полотно отъ дождя и вѣтра пришло въ ветхость, комедіантское-жъ платье ветхо, которое надлежитъ все вышеписанное исправить починкою, и объ ономъ въ московскую полиціймейстерскую канцелярію симъ репортую и требую резолюціи».

Архитекторъ Яковлевъ, коему было поручено освидѣтельствовать, что именно слѣдуетъ исправить въ томъ театрѣ, и составить тому смѣту, рапортомъ 15 мая 1770 года донесъ полиціймейстерской канцеляріи слѣдующее: «въ силу оной канцеляріи приказа, на Дѣвичьемъ полѣ театръ мною освидѣтельствованъ, а по свидѣтельству явилось: около того театра надолбы и лавки многіе подгнили и обвалились, и съ передней стороны на самомъ театрѣ ширмы живописныя по холсту сгнили и отъ вѣтровъ изорваны, которыя надлежитъ сдѣлать вновь и со всею живописною работою, также и около онаго театра надолбы исправить вновь, о чемъ московской полиціймейстерской канцеляріи симъ репортую, и что на вышеписанное

исправленіе потребно какихъ матеріаловъ и за работу работнымъ людямъ значитъ, ниже сего:

	Число матеріаловъ.	Цѣна матеріаловъ.	Всего. Руб.	Коп.
Бревенъ еловыхъ длиною 9 аршинъ, толщиною въ отрубѣ 4 вершка .	60	по 16 к.	9	60
Досокъ пильныхъ длиною 9 аршинъ, толщиною въ $1^1/_2$ вершка	46	по 30 к.	13	80
Холста, хрящу	200 арш.	по 2 к.	4	—
Гвоздей разныхъ сортовъ на	—	—	2	—
За работу плотникамъ	—	—	20	—
За работу живописцамъ съ ихъ матеріалами	—	—	35	—
За провозъ бревенъ, съ каждаго по 3 копѣйки	—	—	1	80

Вслѣдствіе того полицiйместерская канцелярія, по опредѣленію своему, приказомъ 11 іюня поручила выписанному капитану Комарову въ томъ театрѣ, что надлежитъ, исправить по надлежащему въ самоскорѣйшемъ времени, подрядивъ для того охочихъ людей, на выдачу коимъ за работу отпущено было ему, Комарову, 20 руб.

На каковой приказъ капитанъ Комаровъ 3 октября 1770 года рапортовалъ, что «ко исправленію того театра починкою за показанную сумму денегъ, 20 рублей, охочіе люди никто къ тому не обязуются, а какъ представленіе для народнаго увеселенія на томъ театрѣ комедій нынѣшняго лѣта уже окончалось, и тотъ театръ остается до предбудущаго лѣта безъ починки». Съ тѣмъ вмѣстѣ капитанъ Комаровъ представилъ обратно 20 рублей въ полицiймейстерскую канцелярію.

Былъ ли исправленъ театръ, изъ дѣла не видно, но представленія въ немъ предположено было продолжать и въ слѣдующее лѣто 1771 г. на прежнихъ основаніяхъ, то-есть съ отпускомъ 300 рублей на содержаніе театра, съ тою только особенностію, что смотрителемъ его назначено было другое лицо, поручикъ полицейскаго вѣдомства Семенъ Даниловъ Посниковъ. Такъ московскій оберъ-полиціймейстеръ Николай Ивановичъ Бахметевъ, предложеніемъ 27 апрѣля 1771 г., объявилъ полиціймейстерской

канцеляріи, что бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, повелѣлъ ему «тотъ театръ и представленіе на немъ комедій отдать въ лучшее смотрѣніе поручику Семену Данилову сыну Посникову, которому и предписанную сумму 300 рублевъ выдавать».

Вслѣдствіе того полиціймейстерская канцелярія, по опредѣленію своему, 29 апрѣля 1771 года предписала смотрителю 4-й полиціймейстерской части, капитану Ѳедотову: «помянутый театръ въ смотрѣніе отдать оному поручику Посникову и на наемъ комедіантовъ и музыкантовъ и на прочее притомъ театрѣ исправленіе выдать ему Посникову на первый случай 50 рублей изъ полиціймейстерскихъ доходовъ, записавъ въ расходъ съ роспискою, причемъ объявить Посникову, чтобъ тѣ комедіи представлять начаты были сего 1771 г., мая съ 1 числа, и имѣть оныя по вся воскресные и праздничные дни, и тѣхъ игроковъ при представленіи каждый день было-бъ, какъ и прежде, не меньше двѣнадцати человѣкъ, а музыкантовъ и трубачей осми человѣкъ, притомъ же наблюдать, чтобъ съ зрителей денегъ отнюдь никто не требовалъ и не бралъ, противныхъ же закону и непристойныхъ комедій не представлять, да чтобъ и отъ зрителей дракъ и непристойностей не могло происходить, то въ тѣ дни, когда оная комедія имѣетъ быть представляема, отъ съѣзжаго двора требовать десятскихъ, о чемъ той 4-й части къ капитану Ѳедотову послать приказъ».

Этимъ послѣднимъ приказомъ дѣло закончено, и потому за неимѣніемъ при дѣлѣ свѣдѣній неизвѣстно ничего о ходѣ представленій. Вѣроятно, что въ 1771 году на театрѣ не могло быть представленій, такъ какъ въ семъ году въ Москвѣ свирѣпствовала моровая язва или чума. О поручикѣ же Посниковѣ извѣстно изъ другихъ дѣлъ, что ему въ это время поручено было наблюденіе надъ новыми кладбищами, устроенными внѣ города за Камеръ-коллежскимъ валомъ,—для погребенія умершихъ отъ той язвы.

— Нѣтъ еще — цесаревна не выходитъ.

Къ нимъ подошла Мавра Шепелева.

— Матушка, схвативъ ее за руку своею дрожащей рукою, сказалъ Лестокъ, поди, добудь цесаревну. Пора— вѣдь упустимъ время!

Она подошла къ двери спальни, прислушалась—все тихо; кашлянула — ничего не слышно.

— Матушка, голубушка моя! заговорила Мавра, опомнись — не то поздно будетъ!

Послышались тихіе шаги, замокъ щелкнулъ, дверь отворилась и изъ темноты спальни показалась статная фигура цесаревны. Глаза ея были заплаканы, лицо блѣдно.

— Что? который часъ? спросила она растеряннымъ голосомъ.

— Да ужъ десять скоро.

Елисавета судорожно сжала руку своей пріятельницы и пошла съ ней въ ту комнату, гдѣ находились остальные.

— Посылайте, проговорила она, опускаясь въ кресло и глядя неподвижными глазами куда-то въ одну точку.

Всѣ засуетились. Воронцовъ быстро собрался и отправился въ преображенскія казармы.

Говорить было не о чемъ, всѣ молчали; время невыносимо долго тянулось.

Прошло часа полтора, Воронцовъ наконецъ вернулся, запыхавшись, съ разгорѣвшимися отъ мороза щеками и доложилъ цесаревнѣ, что нѣсколько человѣкъ гренадерскихъ офицеровъ и солдатъ пришли вмѣстѣ съ нимъ и дожидаются ее.

— Впустите ихъ! прошептала Елисавета.

Гренадеры вошли; они были въ полной формѣ.

— Матушка, ваше высочество, сказали они тихо, но почти всѣ въ одинъ голосъ, вѣдаешь ли ты, что мы немедленно должны выступить въ походъ? ужъ приказъ намъ отданъ... Мы уйдемъ и не въ силахъ будемъ служить тебѣ, некому будетъ защищать тебя и ты будешь въ рукахъ своихъ злодѣевъ. Нельзя терять ни минуты— время дорого!

— Такъ, значитъ, вы согласны сослужить мнѣ великую службу? И я могу на васъ положиться? проговорила Елисавета дрогнувшимъ голосомъ.

— Господи, только вѣдь и ждемъ, что этой минуты! отвѣтили гренадеры. — Именемъ Христа-Спасителя клянемся не выдавать тебя. Всѣ до одного умремъ за тебя съ радостью!

И всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, повалились въ ноги Елисаветѣ.

Крупныя слезы брызнули изъ глазъ ея. Она кинулась къ нимъ, стала поднимать ихъ.

— Спасибо, спасибо! повторяла она сквозь рыданія, только выйдите на минуту—дайте мнѣ успокоиться.

Всѣ вышли, одна Мавра Шепелева да Воронцовъ остались у дверей.

Елисавета, обливаясь слезами, прошла въ уголъ комнаты, гдѣ висѣлъ большой образъ Спасителя, съ зажженной передъ нимъ лампадой. Она упала на колѣни передъ этимъ образомъ и горько рыдала. Наконецъ рыданія ея стихли.

«Такъ суждено! прошептала она — да будетъ воля Твоя, Господи! Быть можетъ впереди кровь и всякіе ужасы, гибель и казнь невинныхъ — но, Боже, не поставь мнѣ этого въ грѣхъ! Прости меня — Ты видишь сердце мое, видишь, что въ эту минуту не о себѣ я думаю, не о своемъ величіи и не о своемъ счастьи, а только о счастіи и величіи русскаго народа! измучилось сердце мое, глядя на его страданія. Я слабая женщина, я недостойна того, за что возстаю теперь, но не оставь меня и помоги мнѣ. Если суждена мнѣ побѣда надъ врагами моими, и если суждено мнѣ вступить на престолъ отца моего, сдѣлай меня достойной этого! А я клянусь своей жизнію и душею, что непрестанно буду помышлять о томъ, чтобъ не забывать этой великой Твоей милости, оказанной мнѣ, грѣшной, буду вѣчно помышлять о благѣ моихъ подданныхъ... Боже, прими мою великую клятву: да отсохнетъ рука моя, если хоть

разъ я подпишу приговоръ смертный! Будь хоть это лютѣйшій врагъ мой, никого никогда не лишу я жизни! Не ради мщенія, не ради возможности безнаказанно творить всякія жестокости простираю я руки къ престолу, а ради справедливости. Но если я недостойна, то покарай меня, Боже! Пусть одна я вынесу на себѣ всѣ послѣдствія этого дѣла, на которое рѣшаюсь, пусть буду я отдана лютѣйшимъ мученіямъ, только спаси тѣхъ, кто идетъ за мною, ибо они ни въ чемъ не виновны!...»

И долго она молилась, слезы по прежнему катились изъ глазъ ея, но въ нихъ ужъ не было прежней горечи, напротивъ онѣ принесли ей какую-то тихую отраду. Ея волненіе, ея тоска и муки мало-по-малу утихали. Все сердце ея было исполнено кротости и вѣры.

Наконецъ поднялась она съ колѣнъ, сдѣлала знакъ Маврѣ Шепелевой, чтобъ та подошла къ ней,—и приказала ей поскорѣй принести изъ спальни крестъ. Когда Шепелева исполнила это приказаніе, Елисавета приняла крестъ, подозвала Воронцова, Лестока, Шувалова, осѣнила себя крестомъ, приложилась къ нему и твердымъ, торжественнымъ голосомъ проговорила:

«Будьте свидѣтелями, что я клянусь Богу, если онъ пошлетъ удачу нашему предпріятію, ни разу ни при какихъ обстоятельствахъ не подписывать никому смертнаго приговора! Клянитесь и вы не требовать никогда отъ меня жестокости и не смущать меня».

Присутствующимъ показалось, что она даже какъ будто выросла, такъ была она величественна и спокойна.

Съ волненіемъ и трепетомъ приложились они ко кресту и цесаревна вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ ее дожидались гренадеры.

Они невольно вздрогнули, увидя ее. — Никогда еще не видали они ее такою. Передъ ними была уже не прежняя ихъ привѣтливая, шутливая и веселая матушка цесаревна, передъ ними была великая государыня, чудно

прекрасная въ своемъ царственномъ величіи, истинная дочь великаго императора.

Съ сердечнымъ умиленіемъ принесли они присягу въ вѣрности ей и поцѣловали крестъ изъ рукъ ея.

— Если Богъ явитъ милость свою намъ и всей Россіи, торжественно проговорила цесаревна, обращаясь къ гренадерамъ, то я не забуду вѣрности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами пріѣду.

Восторженно взглянули воины сначала на нее, потомъ другъ на друга и быстро исчезли исполнять ея приказаніе.

Лестокъ ужъ не дрожалъ болѣе. Теперь онъ понялъ, что не нужно никакихъ картинокъ, что никакая сила не заставитъ Елисавету идти назадъ.

— Скорѣй велите заложить большія сани и принесите мнѣ кирассу!—приказала Елисавета.

Черезъ четверть часа сани были готовы. Цесаревна сверхъ маленькой шубки надѣла киррасу и отправилась въ казармы преображенскаго полка съ Воронцовымъ, Лестокомъ и Шварцемъ.

Гренадерская рота была уже въ сборѣ когда подъѣхала цесаревна.

— Ребята! громкимъ, звучнымъ голосомъ обратилась Елисавета къ солдатамъ, выходя изъ саней,—вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!

— Матушка! закричали въ отвѣтъ солдаты и офицеры, мы готовы! Мы ихъ всѣхъ перебьемъ, ни одинъ отъ насъ не увернется. Всѣмъ имъ смерть, негоднымъ!

Елисавета вздрогнула.

— Если вы такъ будете поступать, то я не пойду съ вами, сказала она.

Тогда гренадеры стихли, а она приказала имъ разломать барабаны, чтобъ не было возможности произвести тревогу, потомъ взяла крестъ и стала на колѣни.

Всѣ присутствующіе послѣдовали ея примѣру; нѣсколько минутъ продолжалось торжественная тишина.

— Клянусь умереть за васъ! среди тишины наконецъ раздался голосъ цесаревны. А вы — клянетесь ли умереть за меня?

— Клянемся! разомъ загудѣла толпа, клянемся умереть всѣ отъ перваго до послѣдняго!

— Такъ пойдемте! продолжала Елисавета, поднимаясь съ колѣнъ,—пойдемте и будемъ думать только о томъ, чтобъ сдѣлать наше отечество счастливымъ во что бы то ни стало!

Она вернулась къ своимъ санямъ, сѣла въ нихъ и тихо тронулась, окруженная гренадерами, по направленію къ зимнему дворцу.

Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ слѣдовали за нею.

Воронцовъ объявилъ гренадерамъ о томъ, какъ нужно дѣйствовать. Арестовать брауншвейгскую фамилію—мало, слѣдуетъ одновременно съ этимъ произвести аресты и людей, особенно приверженыхъ теперешнему правительству.

Гренадеры конечно согласились съ этимъ и немедленно былъ отправленъ отрядъ арестовать Миниха въ его домѣ.

Вышли на Невскую прешпективную улицу; тишина была полная, ничего не видно.

Шествіе подвигалось медленно.

По дорогѣ арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Затѣмъ отрядили двадцать гренадеръ для ареста Левенвольда и Лопухина и тридцать гренадеръ послали къ дому Остермана.

Вотъ ужъ и Мойка близко, близка конечная цѣль— но мало ли еще какія могутъ быть опасности и препятствія. Правда, до сихъ поръ никого не встрѣтили, но кто знаетъ, быть можетъ шпіоны подсмотрѣли и донесли во дворецъ; а если и нѣтъ еще, то все же нужно подвигаться какъ можно тише, чтобъ не слышно было никакого шума.

— Матушка, государыня! тихо заговорили гредадеры Елисаветѣ, такъ вѣдь не скоро дойдемъ, надо бы торопиться, да и шумъ отъ коней великъ—выйди изъ санокъ!

Елисавета покорно исполнила это требованіе, прошла нѣсколько шаговъ, но не могла поспѣвать за солдатами; къ тому же кирасса была тяжела. А гренадеры все повторяли: «матушка, надо торопиться».

Цесаревна ускоряла шаги, но все же не надолго,—она начинала просто задыхаться.

Видя это гренадеры сомкнулись вокругъ нее и подняли ее на руки.

Такимъ образомъ шествіе приблизилось къ Зимнему дворцу.

— Ну чтожъ, теперь нужно занимать караульню? сказали офицеры.

— Да, отвѣчала Елисавета, которую гренадеры осторожно поставили на землю,—да, но только Боже избави васъ произвести какое нибудь насиліе! Помните въ чемъ вы поклялись мнѣ: не должно быть пролито ни одной капли крови; я сама пойду съ вами.

И она, окруженная солдатами, направилась въ караульню. Тамъ никто не былъ предувѣдомленъ и караульные съ просонокъ рѣшительно не понимали, что это такое дѣлается. Сначала они было повскакали и схватились за оружіе, но, увидя цесаревну, остановились.

— Не бойтесь, друзья мои! сказала она имъ. Хотите-ли вы служить мнѣ, какъ служили отцу моему и вашему—Петру Великому? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ иноземцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!

— Давно мы дожидаемся этого, государыня матушка—что велишь, все то сдѣлаемъ! отвѣчали почти всѣ.

Но четыре офицера стояли молча и переглядывались.

— Какъ же это такъ? проговорилъ наконецъ одинъ изъ нихъ, — вѣдь мы присягали императору Іоанну III, какъ же это? не ладно что-то!

— Арестуйте ихъ! шепнула Елисавета гренадерамъ, только смотрите—осторожнѣй.

Гренадеры кинулись къ офицерамъ, троихъ изъ нихъ сейчасъ же связали, тѣ не стали и сопротивляться.

Но одинъ офицеръ ударилъ подступившаго къ нему гренадера и схватился за оружіе. Гренадеръ, въ свою очередь поднялъ ружье и направилъ штыкъ на офицера.

— Остановись! крикнула Елисавета.

Гренадеръ ничего не слышалъ. Еще мгновеніе и онъ пронзилъ бы штыкомъ офицера. Цесаревна кинулась къ нему и схватила ружье.

Между тѣмъ упрямаго офицера успѣли связать и зажали ему ротъ платкомъ.

Поступокъ Елисаветы произвелъ сильное впечатлѣніе: кругомъ раздались восторженные возгласы.

Елисавета приказала занять всѣ выходы и вошла во дворецъ, гдѣ караульные молча пропустили ее и гренадеръ. Только одинъ унтеръ-офицеръ крикнулъ и вздумалъ было защищаться, но его сейчасъ же схватили и снесли внизъ, въ караульню.

Елисавета была у цѣли: всѣ опасные люди конечно ужъ теперь арестованы; дворецъ въ ея рукахъ. У каждой выходной двери солдаты, которые никого не выпустятъ.

Она велѣла нѣсколькимъ офицерамъ и солдатамъ пройти въ апартаменты принца Антона, а сама направилась къ спальнѣ правительницы.

Вотъ эта спальня; еще такъ недавно цесаревна входила въ нее при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Еще такъ недавно въ этой спальнѣ она наклонялась надъ колыбелью новорожденной дочери Анны Леопольдовны, цѣловала дѣвочку.

Ей припомнился и крошечный, ни въ чемъ неповинный, сынъ Анны Леопольдовны, на котораго она теперь поднимала руку. Ея сердце сжалось отъ жалости.

«Боже мой, чѣмъ же они виноваты—эти дѣти? Зачѣмъ мнѣ суждено быть палачемъ ихъ? Что дѣлать теперь съ ними? Судьба ихъ не можетъ быть свѣтлою— какъ ни жалѣй, какъ ни люби ихъ, они вѣчно будутъ

моими врагами, и я всегда, изъ чувства самосохраненія, должна буду укрощать порывы своего сердца, должна буду сама подготовить имъ тяжелое будущее».

Вспомнилась ей и Анна Леопольдовна, но не такая, какою видѣла ее она въ эти послѣдніе дни. Вѣдь прежде, еще при покойной императрицѣ, онѣ иногда очень дружелюбно сходились. Не мало пріятныхъ часовъ провели вмѣстѣ, не разъ Анна Леопольдовна оказывала ей кое-какія дружескія услуги и всегда относилась къ ней съ добротою. Да она вѣдь и не зла! она и теперь, сама по себѣ, не врагъ ей, и все, въ чемъ виновата передъ нею, происходитъ тоже отъ обстоятельствъ. Не будь этихъ ужасныхъ обстоятельствъ онѣ, можетъ быть мирно и дружно прожили бы всю жизнь, безъ всякой вражды и ненависти.

Ужасно! вотъ и теперь грубо, окруженная солдатами, войдетъ она въ ея спальню, разбудитъ, перепугаетъ. Бѣдная Анна Леопольдовна заболѣть можетъ съ испуга— она такая слабая!

Была минута, когда снова прежняя робость стала одолѣвать цесаревну, была минута, когда она чуть было даже не раскаялась въ томъ, что сдѣлала, когда ей инстинктивно захотѣлось вдругъ убѣжать отсюда, убѣжать какъ можно дальше и запереться гдѣ нибудь въ далекой, тихой кельѣ, отказаться отъ всего міра, только бы не брать невольнаго грѣха на душу, только бы не быть предметомъ ненависти и проклятій.

Но это мгновеніе едва мелькнуло и сейчасъ же исчезло.

«Развѣ можетъ, развѣ смѣетъ она отдаваться подобному чувству? нѣтъ вины за ней — не она дѣйствуетъ, не она караетъ, она только орудіе Промысла и передъ нею должно быть одно—счастье и благо Россіи»...

Цесаревна оглянулась на своихъ гренадеръ, прошептала имъ: «тише»! и твердой рукою отворила двери въ спальню правительницы.

. . . .

XIV.

Во дворцѣ никому и въ голову не могла придти возможность близкой и неминуемой опасности. Напротивъ, Анна Леопольдовна, послѣ своего объясненія съ цесаревной, видимо успокоилась и даже хвасталась Юліанѣ, что отлично проучила Елисавету.

— Теперь она знаетъ, говорила правительница, что не очень то легко замышлять заговоры. Да и пустяки это: мало ли что болтаютъ.

Если ужъ бояться кого нибудь мнѣ, то никакъ не ее, а моего супруга съ графомъ Остерманомъ.

Можетъ быть въ другое время постоянно проницательная Юліана нашла бы кое-какія возраженія, можетъ быть она съумѣла бы измѣнить мысли Анны Леопольдовны относительно цесаревны. Но теперь Юліана ничего не возражала, потому что весь этотъ разговоръ нисколько не интересовалъ ее, потому что все послѣднее время она жила только своей внутренней жизнью.

Тѣ, кто не видалъ ее недѣли съ двѣ, поражались перемѣной, происшедшей въ ея наружности. Она похудѣла, поблѣднѣла, глаза ея лишились прежняго блеска и во всемъ лицѣ изображалась страшная усталость.

«Фрейлина больна, толковали во дворцѣ, и должно быть серьезно больна». Спрашивали ея доктора, но тотъ только пожималъ плечами и не могъ ничего отвѣтить. Онъ совершенно не понималъ ея болѣзни, ради успокоенія совѣсти прописывалъ ей безвредныя микстуры, которыхъ она не принимала, или принимала только по настоятельному требованію правительницы и изъ рукъ ея.

Не разъ порывалась Юліана запереться у себя и никого не впускать, главное не впускать Анну Леопольдовну. Но это оказывалось невозможнымъ.

Правительница насильно врывалась къ своему другу; плакала, цѣловала ее, распрашивала что съ нею, допытывалась—не хочетъ ли она чего нибудь.

«Боже мой, можетъ быть у тебя есть какое нибудь горе! или можетъ быть я въ чемъ нибудь виновата передъ тобою?—скажи мнѣ ради Бога, признайся... Я все готова сдѣлать для тебя! Что съ тобой? Ты такъ измѣнилась, ты на себя непохожа. Ради Бога скажи мнѣ: хочешь чего нибудь? проси, требуй, все будетъ къ твоимъ услугамъ...

Но Юліана ничего не отвѣчала и только печально опускала глаза. Она видѣла искреннее участіе и чувство Анны Леопольдовны, она сама продолжала любить ее, своего стараго и неизмѣннаго друга. Она не находила въ себѣ силы разсказать ей истину, потому что боялась что эта истина также разрушительно подѣйствуетъ и на принцессу, какъ и на нее самое подѣйствовала. Чувство Анны Леопольдовны къ Линару было истинной любовью— и Юліана знала это.

«Нѣтъ! Боже избави, какже можно хоть что нибудь сказать ей, хоть намекнуть—тогда совсѣмъ погибель, тогда мы обѣ погибли.

Нѣтъ, ужь лучше пусть я одна, думала Юліана, пусть хоть она то будетъ счастлива! Ахъ только бы ушла отъ меня! оставила бы меня одну—одной все же легче».

И она упрашивала Анну Леопольдовну выйти, она говорила, что устала, что ей спать хочется, но принцесса не слушалась.

— Ты нездорова, тебѣ дурно—такъ какже ты требуешь, чтобъ я ушла отъ тебя? Развѣ ты когда нибудь отходила отъ меня, когда я была больною?! Нѣтъ, я не уйду отсюда. Ложись, спи, я буду охранять тебя.

Она своей слабой, нѣжной рукою обнимала Юліану, укладывала ее въ постель, садилась возлѣ.

Проходило нѣсколько минутъ въ молчаніи. Юліана дѣлала видъ что засыпаетъ.

— Ты спишь, Юліана? тихо спрашивала Анна Леопольдовна.

Та не отвѣчала.

— Ну хорошо, спи, спи. Я буду говорить тихо, тихо, ты хоть не слушай меня, но я не могу молчать, я буду говорить о немъ. Ты знаешь, что я только немного успокоиваюсь тогда, когда говорю о немъ съ тобою!

Юліана вся вздрагивала отъ словъ этихъ.

«Боже мой, еще этого не доставало!»

А между тѣмъ Анна Леопольдовна говорила. Имя Линара повторялось ежеминутно и каждое новое слово раздражало и мучило бѣдную Юліану.

Правительница передавала ей всѣ свои мечты, всѣ свои предположенія.

Подробно разсказывала о томъ, что говорилъ съ нею тогда то и тогда то Линаръ, съ наслажденіемъ вспоминала всѣ тѣ слова его, въ которыхъ выражалась его горячая любовь къ ней, Аннѣ Леопольдовнѣ.

Юліана не въ силахъ была больше сдерживаться и притворяться спящей.

Стиснувъ зубы, охвативъ свою горящую голову руками, она начинала метаться на постели.

Принцесса подбѣгала къ столику, схватывала микстуру, наливала ложку и заставляла Юліану проглотить лекарство.

— Ради самаго Бога, если у тебя есть хоть капля жалости, оставь меня! наконецъ произносила Юліана, едва удерживая рыданія.

Но Анна Леопольдовна ея не слушала и не уходила до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не являлся звать ее въ пріемные покои. Она сдавалась только передъ необходимостью.

Освободившись отъ ея присутствія, Юліана кидалась къ двери, запирала ее на ключъ и разражалась рыданіями.

Конечно все это не могло продолжаться постоянно.

Утомившись отъ своихъ мучительныхъ мыслей и ощущеній, выплакавъ всѣ слезы, Юліана нѣсколько успокоивалась.

Иногда у нея хватало даже силы на нѣсколько часовъ совершенно забыться, отдаться прежней жизни,

прежнимъ интересамъ. Тогда она снова оживлялась, выходила въ пріемныя комнаты, встрѣчала привѣтливой и благосклонной улыбкой сановниковъ, которые постоянно дожидались возможности сказать ей нѣсколько словъ, попросить ее о чемъ нибудь, или просто показаться ей: напомнить о себѣ, получить благосклонную улыбку всесильной фаворитки.

Весь день 24 ноября во дворцѣ было много гостей— пріѣзжали поздравлять правительницу съ тезоименитствомъ ея дочери Екатерины. Но часу въ одиннадцатомъ вечера всѣ разъѣхались, огни были потушены.

Принцъ Антонъ удалился на свою половину, а Анна Леопольдовна прошла къ Юліанѣ.

Она застала фрейлину, лежащею на постели съ открытыми глазами и блѣднымъ, почти безжизненнымъ лицомъ.

— Что съ тобою? спросила Анна Леопольдовна,— отчего ты такъ рано скрылась? я нарочно всѣхъ отпустила раньше, чтобъ побыть съ тобой.

— Мнѣ опять что то нездоровится, прошептала Юліана.

— Послушай, я ни за что не оставлю тебя сегодня ночью, пойдемъ во мнѣ—ты будешь спать со мною.

— Да зачѣмъ же... начала было Юліана.

Но Анна Леопольдовна не хотѣла ничего и слышать. Она настаивала и умоляла до тѣхъ поръ, пока Юліана наконецъ согласилась.

Тогда онѣ прошли въ спальню правительницы, скоро раздѣлись и легли рядомъ на огромной, высокой кровати, подъ роскошнымъ балдахиномъ.

Скоро замерли послѣдніе звуки въ сосѣднихъ комнатахъ; весь дворецъ погрузился въ сонъ и тишину...

Въ это время Елисавета стояла въ преображенскихъ казармахъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженная колѣнопреклоненными солдатами и офицерами...

Анна Леопольдовна начала засыпать; Юліана прислушивалась къ ея мѣрному дыханію и сама погружалась

въ туманный, почти неуловимый міръ полугрезъ и обрывающихся, быстро несущихся мыслей. То былъ не сонъ, но и не явь: сознаніе дѣйствительности смѣнялось фантастическими картинами и уже Юліана не могла сообразить, что во всемъ этомъ — фантазія, и что — дѣйствительность. То ея горе, несчастіе, которое она сама себѣ приготовила, и подъ бременемъ котораго изнывала, казалось ей еще ужаснѣе, оно принимало даже какую то видимую форму, страшный, гигантскій образъ, и надвигалось на нее, давило ее своей каменной тяжестью; то внезапно и въ одно мгновеніе разсыпалось страшное видѣніе и откуда то, изъ лучезарной высоты, слетало счастіе—никогда на яву неизвѣданное.

Вотъ чудится Юліанѣ будто медленно колышутся тяжелые, бархатные занавѣсы двери, вотъ появляется онъ, въ какомъ то чудномъ сіяніи. Она кидается ему на встрѣчу, онъ шепчетъ ей сладкія рѣчи, она отвѣчаетъ ему поцѣлуями: Всѣ предметы кругомъ исчезаютъ, все уходитъ. Они одни среди блестящаго пространства, не на землѣ и не на небѣ, въ заколдованномъ мірѣ...

Кто то хватаетъ ее за руку. Она открываетъ глаза...

Анна Леопольдовна проснулась и глядитъ на нее.

— Я сейчасъ видѣла его во снѣ, говоритъ принцесса. О! Если-бъ эти сны могли постоянно сниться, тогда бы я велѣла поставить на окнахъ ширмы, заперлась бы со всѣхъ сторонъ и никогда бы не просыпалась!

И Анна Леопольдовна начала пересказывать Юліанѣ всѣ подробности своего сновидѣнія. И та ее слушала, сжавъ на груди руки...

Внезапно налетѣвшій порывъ вѣтра ударилъ въ окна, и звякнули стекла, но сейчасъ же все снова погрузилось въ невозмутимую тишину; до спальни правительницы не доносилось извнѣ ни одного звука...

Цесаревна Елисавета Петровна въ кирасѣ, бережно несомая своими вѣрными гренадерами, уже была въ двухъ шагахъ отъ дворцовой караульни..

— Ахъ, Юліана, прошептала Анна Леопольдовна, постараюсь опять заснуть...

Она перевернулась на другой бокъ и закрыла глаза.

Прошло нѣсколько минутъ. Мѣрное дыханіе двухъ пріятельницъ показывало что обѣ онѣ заснули...

XV.

Елисавета почти беззвучно отворила дверь и прошла въ спальню.

— Стойте всѣ здѣсь, обратилась она къ гренадерамъ,—и ни шагу впередъ!

Она подошла къ кровати.

«Какая трогательная дружба, невольно подумалось ей, при взглядѣ на спящихъ, — даже и во снѣ обнимаются»!

При другихъ обстоятельствахъ, веселая и во всемъ подмѣчавшая смѣшное Елисавета, конечно и тутъ нашла бы много комичнаго, большую пищу для своихъ остроумныхъ шутокъ.

Но теперь ей совсѣмъ было не до этого. Она смущенно и грустно глядѣла на Анну Леопольдовну и не знала какъ разбудить ее.

Но мѣшкать было нельзя.

— Сестрица, пора вставать! громко сказала она, взявъ за руку принцессу.

Та проснулась, открыла на нее изумленные глаза.

— Какъ? Это... это вы, сударыня? Что вамъ отъ меня угодно? Зачѣмъ вы меня будите?

Она обернулась къ Юліанѣ. Та тоже сидѣла на постели и съ ужасомъ глядѣла на дверь, изъ за которой въ полумракѣ рисовались фигуры вооруженныхъ людей.

Анна Леопольдовна невольно послѣдовала глазами за взглядомъ Юліаны и безумно вскрикнула.

Она сразу все поняла.

Елисавета подошла къ двери и спустила занавѣсы

для того чтобъ гренадеры не могли видѣть происходившаго въ комнатѣ.

Анна Леопольдовна, судорожно рыдая, бросилась на колѣни передъ цесаревной.

— Сестрица, ради Бога, сжальтесь, пролепетала она. Не за себя я молю васъ, я знаю что мнѣ нечего хорошаго ожидать для себя. Я умоляю васъ — не дѣлайте зла моимъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя ни въ чемъ неповинны передъ вами, сжальтесь надъ ними! И еще ради самаго Бога, еще одна просьба: всѣмъ святымъ заклинаю васъ—не губите моего друга Юліану, не разлучайте меня съ нею... голубушка, сестрица, умоляю васъ!

Она все лежала на коврѣ передъ Елисаветой, ловила ея платье и глядѣла на нее такимъ отчаяннымъ, умоляющимъ и жалкимъ взоромъ, что у Елисаветы навернулись на глазахъ слезы.

Между тѣмъ Юліана, повидимому даже почти спокойная, только необыкновенно блѣдная и съ сухими, блестящими глазами, поспѣшно одѣвалась. Она не произнесла ни одного слова, она не глядѣла на Елисавету. Въ первую минуту она безсознательно ужаснулась и когда поняла все, то хотѣла пробиться сквозь гренадеровъ и разбудить всѣхъ въ домѣ, поднять на ноги — можетъ быть еще возможно спасеніе.

«Но нѣтъ, сейчасъ же и сообразила она, вѣрно все ужъ устроено заранѣе — теперь ничего не сдѣлаешь!»

И вдругъ она почувствовала какое то успокоеніе. Да, прежней тоски, прежнихъ мученій въ ней какъ не бывало. Она еще не отдавала себѣ отчета въ томъ, что въ ней теперь творится. Но чрезъ нѣсколько минутъ, въ то время, какъ Анна Леопольдовна умоляла за нее цесаревну, она уже говорила сама себѣ:

«Нѣтъ, это не несчастье, это къ лучшему — это выходъ! Все равно такъ не могло продолжаться! Да, все къ лучшему, все къ лучшему — теперь я знаю, что мнѣ надо дѣлать!...»

Съ безграничною, ничѣмъ уже не омрачаемой любовью,

взглянула она на Анну Леопольдовну. Слезы брызнули изъ глазъ ея.

— Не разлучайте меня съ нею, сестрица!—повторяла, задыхаясь отъ рыданій, принцесса.

«Только смерть теперь разлучитъ меня съ тобою!» почти вслухъ выговорила Юліана, бросаясь къ своему другу.

— Дѣти мои! дѣти! вскрикнула всплеснувъ руками Анна Леопольдовна.

— О дѣтяхъ не безпокойтесь — ничего дурнаго съ ними не будетъ. Я никогда не была звѣремъ и мнѣ самой тяжело все это...

Елисавета отошла къ двери, Юліана поспѣшно стала помогать Аннѣ Леопольдовнѣ одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ онѣ были готовы и, въ сопровожденіи отряда гренадеровъ, направились къ выходу изъ дворца.

Въ одной изъ комнатъ онѣ увидѣли принца Антона, окруженнаго солдатами.

Онъ не думалъ сопротивляться когда его разбудили и объявили, что онъ арестованъ; онъ хорошо понялъ, что все пропало и нѣтъ ни малѣйшей надежды на спасеніе. Машинально одѣлся онъ и пошелъ туда, куда его вели.

Теперь онъ стоялъ какъ то съежившись, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ необыкновенно жалкой и въ то же время смѣшной физіономіей. Опять какъ и во время Бирона онъ былъ похожъ на несчастнаго, загнаннаго зайца.

Елисавета взглянула на него, но и тутъ ей не пришло въ голову улыбнуться. Она только повернулась въ сторону Юліаны и сказала ей:

— Вы поѣдете съ принцемъ.

А сама взяла за руку Анну Леопольдовну, сошла съ крыльца вмѣстѣ съ нею, усадила ее въ сани, потомъ сѣла рядомъ съ нею и приказала ѣхать въ свой дворецъ.

Отрядъ гренадеровъ почти бѣгомъ спѣшилъ за ними.

Дворецъ цесаревны представлялъ небывалое до тѣхъ поръ зрѣлище.

Среди глубокой ночи ворота стояли настежъ; въ окнахъ мелькали свѣчи.

Многочисленныя группы солдатъ ежеминутно подходили со всѣхъ сторонъ и останавливались у подъѣзда.

Болѣе приближенныя лица толпились въ первой комнатѣ и только что Елисавета показалась, въ сопровожденіи Анны Леопольдовны, всѣ кинулись къ ней, поздравляли ее, цѣловали ея руку.

Вотъ на порогѣ комнаты появилась Мавра Шепелева всплеснула руками и, растолкавъ всѣхъ, бросилась на шею цесаревнѣ.

— Матушка моя, золотая! причитала она навзрыдъ плача и смѣясь въ одно и тоже время. Голубушка ты моя! царица! императрица!

— Ну, успокойся, Мавруша, успокойся! ласково повторяла Елисавета, цѣлуясь съ нею.

Чрезъ нѣсколько минутъ привезли изъ зимняго дворца дѣтей Анны Леопольдовны.

Принцесса кинулась къ своей крошечной дочери. Обливаясь слезами схватила ее на руки, крѣпко прижала къ себѣ и не выпускала.

Елисавета печально подошла къ ребенку, жалобно плакавшему на рукахъ у мамки, взяла его осторожно, стала цѣловать и тихо шептала:

— Бѣдное дитя — ты вовсе не виновно, твои родители виноваты...

Между тѣмъ прибывало все больше и больше народу. Еще никогда пренебрегаемый почти всѣми, обветшалый домъ цесаревны не вмѣщалъ въ себѣ столько гостей, никогда не было въ немъ такого оживленія. Вотъ скоро собрался сюда весь цвѣтъ вчерашняго правительства.

Привезли принца Антона вмѣстѣ съ Юліаной Менгденъ.

Бѣдный принцъ все также дрожалъ и безмолвство-

валъ. Юліана все также была спокойна. И некому было замѣтить въ эти важныя минуты, что судьба сыграла очень злобную шутку съ принцемъ Антономъ: соединила таки его и Юліану, за которою онъ прежде такъ ухаживалъ и которую, въ послѣднее время, такъ ненавидѣлъ.

Вслѣдъ за ними появились и другіе важные гости и прежде всѣхъ тоже два старыхъ друга: Минихъ съ Остерманомъ.

Минихъ шелъ довольно бодро, только старался ни на кого не глядѣть.

Остерманъ выступалъ вслѣдъ за нимъ кряхтя и охая, но все же безъ костылей. Ноги его вдругъ получили способность двигаться, а ужь когда же и было ему умирать, какъ не теперь?! Онъ былъ безъ парика, безъ своего зеленаго зонтика, въ иныхъ мѣстахъ его одежда оказалась изорванной. Не смотря на строгій приказъ Елисаветы, солдаты не поцеремонились: избили его порядкомъ во время ареста. Впрочемъ, они имѣли на это оправданіе. Онъ вздумалъ было пугать ихъ, сталъ кричать, что они жестоко пострадаютъ за свой поступокъ и кончилъ тѣмъ, что весьма неуважительно отозвался о Елисаветѣ. Вслѣдствіе этого солдаты и не могли сдержать себя.

Минихъ тоже былъ избитъ солдатами, но тутъ они могли оправдываться только тѣмъ, что ужъ давно все войско его ненавидѣло и что нечего было жалѣть его.

Воронцовъ, Лестокъ и остальные приближенные Елисаветы принимали гостей и заботились о томъ, чтобъ эти гости никакъ не могли отказаться отъ угощенья. Впрочемъ, этого нечего было бояться,—только безумный могъ рѣшиться теперь на попытку къ бѣгству: всѣ понимали, что дѣло сдѣлано и сдѣлано безповоротно.

Мавра Шепелева какъ угорѣлая бѣгала по комнатамъ, сама не зная зачѣмъ отдавала то одно, то другое приказаніе прислугѣ и сейчасъ же забывала о томъ, что такое приказывала.

На лицѣ Лестока изображалось необыкновенное до-

вольство и важность. Онъ первый пришелъ въ себя и вполнѣ наслаждался торжествомъ своимъ, подходилъ то къ одному, то къ другому изъ сверженныхъ своихъ враговъ и заглядывалъ имъ въ лицо съ плохо скрываемымъ выраженіемъ плотояднаго наслажденія.

«А! вы меня арестовать хотѣли, почти вслухъ думалъ онъ,—такъ дайте же мнѣ теперь полюбоваться на васъ! Что, хорошо вамъ? Пріятно? Подождите, я еще вамъ устрою угощеніе!..»

Еслибы отъ него зависѣло, онъ сейчасъ бы, ни на минуту не смущаясь, выдумалъ всѣмъ этимъ людямъ самыя страшныя пытки и подписалъ бы этотъ приговоръ твердой рукою.

«Неужели она не откажется отъ своей излишней кротости? думалъ онъ, глядя на цесаревну. Неужели она избавитъ ихъ отъ казни?»

Къ его неудовольствію лицо Елисаветы отвѣчало ему, что казней никакихъ не будетъ.

Она сидѣла теперь, откинувшись на спинку кресла и опустивъ голову, уставшая, взволнованная и чудно прекрасная. Глядя на Остермана и Миниха она подавляла въ себѣ невольное чувство ненависти, и мысленно повторяла свою клятву: ни при какихъ обстоятельствахъ не подписывать смертнаго приговора.

И она твердо держала эту клятву во все продолженіе своего царствованія — ея враги были наказаны, ихъ ожидали допросы и ссылка; но ни одной капли крови не пролилось свѣдома русской императрицы...

Всю ночь продолжалось лихорадочное движеніе во дворцѣ и вокругъ него. Со всѣхъ сторонъ прибывали гвардейскіе полки, которыхъ сборъ приказалъ произвести принцъ гессенъ-гомбургскій, назначенный Елисаветой главнокомандующимъ военныхъ силъ Петербурга. Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились въ саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, чтобъ извѣстить ихъ о совершившемся событіи и пригласить немедленно ѣхать къ цесаревнѣ.

Конечно, приглашенные не заставили ждать себя и поспѣшили во дворецъ.

Люди, еще вчера пренебрегавшіе опальной и безсильной Елисаветой, готовые оскорблять ее, теперь изо всѣхъ силъ старались выразить свой восторгъ и увѣрить, кого слѣдовало, что они всѣ слезы выплакали, дожидаясь счастливаго дня воцаренія дочери Петра Великаго.

Къ утру поспѣлъ манифестъ, составленный Черкасскимъ, Бреверномъ и Бестужевымъ. Елисавета надѣла андреевскую ленту и вышла на балконъ. Громадная толпа сбѣжавшагося отовсюду народа привѣтствовала ея появленіе восторженными криками.

Она сошла внизъ. Вѣрные гренадеры окружили ее и упали ей въ ноги.

— Матушка наша! говорили они перебивая другъ друга,—ты видѣла наше усердіе и нашу службу.... просимъ у тебя одной награды — объяви себя капитаномъ нашей роты и дозволь намъ первымъ присягнуть тебѣ....

— Хорошо, хорошо... конечно, я согласна! отвѣтила имъ съ улыбкой Елисавета,—съ этой минуты я капитанъ гренадерской роты!..

И весь день, и всю слѣдующую ночь, несмотря на вѣтряную и морозную погоду, всѣ улицы были полны народомъ.

Гвардейскіе полки стояли шеренгами, то тамъ, то здѣсь раскладывались огни, изъ рукъ въ руки переходила крѣпительная, согрѣвающая чарка.

Между горожанами и солдатами велись дружескіе, веселые разговоры и всѣ эти многотысячныя толпы ежеминутно сливались въ одномъ общемъ кликѣ: «здравствуй, наша матушка императрица Елисаветъ Петровна!»

КОНЕЦЪ.

— И я буду помогать, вскричала Сирона, всегда любившая быть чѣмъ нибудь полезной. Ей жаль было больнаго старика; Гермасъ-же очевидно интересовалъ ее и особенно, когда она узнала объ его знатномъ происхожденіи.

Антоній и Поликарпъ отправились исполнять возложенныя на нихъ порученія.

Поликарпъ, выходя изъ комнаты, бросилъ на Сирону долгій сосредоточенный взглядъ и, спускаясь съ лѣстницы, глубоко вздохнулъ.

По уходѣ сыновей Петръ обратился къ управителю и спросилъ его:

— Что случилось съ Анубисомъ?

— Онъ... отвѣчалъ Іетро,—онъ раненъ и еще нѣсколько дней не будетъ въ состояніи работать. Пастушка Мирьямъ—этотъ дикій звѣрокъ—раскроила ему серпомъ голову.

— Это я теперь только слышу! вспылила Дороѳея. Какъ-же это случилось? гдѣ теперь негодная дѣвчонка?

— Мы заперли ее на сѣновалѣ; она до сихъ поръ не можетъ успокоиться и придти въ себя отъ раздраженія.

— Съ этими несчастными—перебила его Дороѳея—потеряешь голову! какъ они обращаются другъ съ другомъ!

Немного погодя, Іетро и двѣ служанки ввели Мирьямъ. Ея руки были связаны веревкой, на платьѣ и волосахъ клочками торчало сѣно. Глаза свѣтились какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ и все лицо передергивало, какъ въ пляскѣ св. Витта. Когда Дороѳея посмотрѣла на нее, она подняла глаза, какъ будто измѣряя присутствующихъ и... увидѣла Гермаса.

Губы ея побѣлѣли. Сильно рванувшись, она освободила отъ веревокъ свои маленькія ручки и, закрывши ими лицо, бросилась къ двери. Іетро загородилъ дорогу и схватилъ ее за плечи.

Мирьямъ громко вскрикнула. Дочь сенатора, приготовлявшая вмѣстѣ съ Сиреной лекарство, поставила на полъ склянку и, подойдя къ дѣвушкѣ, оттолкнула старика и ласково обратилась къ ней:

— Не бойся, Мирьямъ! тебѣ ничего не сдѣлаютъ. Отецъ добръ; онъ проститъ тебя.

Эти слова нѣсколько успокоили Мирьямъ; она тихо пошла за Марталой къ столу, гдѣ лежали пелены.

Съ минуту всѣ молчали.

Наконецъ Доровея приблизилась къ дѣвушкѣ и сказала:

— Что случилось съ тобой? отчего могла ты забыться такъ, мое бѣдное дитя?

Мирьямъ не сознавала, что происходитъ съ ней. Она приготовилась къ брани и побоямъ, и теперь вдругъ слышитъ эти кроткія слова, встрѣчаетъ привѣтливые, дружескіе взгляды! Ея упрямство сломилось и, взглянувъ на свою госпожу, она тихо проговорила:

— Онъ меня все преслѣдовалъ и хотѣлъ, чтобы вы отдали меня ему въ жены, но онъ мнѣ противенъ, какъ и всѣ ваши невольники.

При послѣднихъ словахъ ея глаза опять загорѣлись, и она продолжала съ свойственной ей запальчивостью:

— Я хотѣла-бы лучше ударить его палкой, но подъ руки попался серпъ, и я должна была защищаться, чѣмъ попало. Я не выношу, когда мущина пристаетъ ко мнѣ; мнѣ это противно. Вчера я пригнала стадо позже обыкновеннаго и, когда, подоивши козъ, пошла опять, Анубисъ загородилъ мнѣ дорогу и сталъ расписывать свою любовь. Я оттолкнула его; но онъ схватилъ меня за голову,—вотъ такъ (показала она руками) и хотѣлъ поцѣловать. Я схватила серпъ, который постоянно виситъ въ сараѣ на стѣнѣ, и только когда Анубисъ упалъ, рыча отъ боли, я поняла, что сдѣлала не хорошо. Но до того я не помнила себя. Ахъ! во мнѣ что-то сидитъ—

что-то такое, что точно подстрекаетъ, гонитъ меня, какъ вѣтеръ гонитъ листья по дорогѣ. Лучше-бъ мнѣ умереть, тогда по крайней мѣрѣ вы навсегда избавились бы отъ моей злобы.

— Зачѣмъ такъ говорить? перебила ее Мартана. Ты только дика и упряма, но не зла.

— А вотъ спроси-ка этого, вскричала дикарка и пылающимъ взоромъ указала на Гермаса, смущенно опустившаго глаза.

Сенаторъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ женой; они привыкли по одному взгляду понимать другъ друга, и Дороѳея сказала:

— Кто самъ сознается въ проступкѣ и чувствуетъ тягость своей вины, тотъ ужъ стоитъ на дорогѣ къ добру. Мы поручили тебѣ пасти козъ потому, что ты всегда любила бѣгать за стадомъ; дома тебѣ было душно и тѣсно. Цѣлые дни проводила ты на горѣ, пользуясь полной свободой. О тебѣ, о твоемъ воспитаніи никто и никогда не заботился. Доля твоей вины, Мирьямъ, падаетъ и на наши головы, и мы были-бы не правы взыскивать съ тебя. Не удивляйся,—каждый можетъ ошибаться; и я и Петръ такіе-же люди, какъ ты. Но мы христіане и обязаны заботиться о тѣхъ, кого Господь оставилъ на наше попеченіе—будь то наши дѣти или наши рабы—все равно. Ты не будешь больше пасти козъ; ты останешься въ домѣ. Твой необдуманный поступокъ я охотно извиняю, да думаю и Петръ проститъ тебя.

Сенаторъ утвердительно кивнулъ головой, а Дороѳея обратилась къ Іетро и спросила:

— Что Анубисъ тяжело раненъ? и нуждается въ уходѣ?

— Онъ лежитъ въ лихорадкѣ и бредитъ. Старуха Праксиноя смачиваетъ холодной водой его рану.

— Пусть теперь — сказала Дороѳея — ухаживаетъ за нимъ Мирьямъ. Мирьямъ! ты загладишь на половину свою вину, если будешь хорошо ухаживать за Анубисомъ, и онъ скоро выздоровѣетъ. Мы съ Мар-

такой сейчасъ пойдемъ и покажемъ тебѣ, какъ нужно дѣлать перевязку.

Мирьямъ потупилась и безпрекословно позволила отвести себя къ больному.

Между тѣмъ Мартана приготовила лекарство.

Петръ взялъ палку и шляпу и, сдѣлавъ знакъ Гермасу слѣдовать за собой, вышелъ.

Сирона посмотрѣла имъ вслѣдъ и громко сказала:

— Какъ жаль! такой красивый юноша и ходить въ какой-то оборванной шкурѣ. Пурпуровая одежда была бы больше къ лицу.

По уходѣ мужа хозяйка обратилась къ дочери:

— Принимайся за работу, Мартана. Солнышко ужъ высоко. Какъ быстро летитъ время! кажется, чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ быстрѣе бѣгутъ для него часы!

— Такъ я должно быть еще очень молода, вмѣшалась въ разговоръ Сирона,—время для меня тянется страшно медленно въ нашемъ захолустьи. Всѣ дни похожи другъ на друга,—иногда мнѣ кажется, будто жизнь застыла во мнѣ, сердце перестало биться. Что было-бы со мной безъ твоей семьи и твоихъ дѣтей? Умерла-бы со скуки... Вѣчно тотъ-же Синай передъ глазами, тѣ-же пальмы и тѣ же лица...

— Но Синай величественъ, деревья прекрасны, а когда любишь людей, которыхъ видишь около себя, такъ можно жить и здѣсь—отвѣчала ей Дороѳея—жить и быть довольной своей судьбой. А знаешь-ли чего тебѣ не достаетъ? труда.

— Труда? но для кого-же я буду трудиться? дѣтей у меня нѣтъ. Правда, и въ Римѣ я не была счастливѣе. Но тамъ покрайней мѣрѣ были развлеченія. Сегодня торжественная процессія, завтра какое-нибудь зрѣлище. А здѣсь? Для кого мнѣ наряжаться? мои золотыя украшенія лежатъ безъ употребленія въ ящикахъ, богатые наряды ѣстъ моль; изъ своего пестраго плаща я сдѣлала платье для куклы твоихъ мальчиковъ. Я не пожалѣла-бы, еслибъ дьяволъ вдругъ превратилъ меня въ ежа или сѣрую сову.

— Не говори этого, серьезно возразила ей Доросея, любуясь ея роскошными локонами, ея прекраснымъ молодымъ лицомъ. Ты должна находить удовольствіе, наряжаясь для своего мужа.

— Для мужа?! повторила за ней Сирона. Да онъ никогда и не смотритъ на меня. Да впрочемъ это было бы для меня непріятно даже. Я удивляюсь еще, какъ могу быть иногда веселой. Впрочемъ я весела только въ вашемъ домѣ, когда мнѣ ничто не напоминаетъ о мужѣ...

— Если такъ, Сирона, такъ я не буду тебя больше слушать—недовольнымъ голосомъ перебила ее Доросея. Мартана! возьми полотно и воду. Пойдемъ, перевяжемъ рану Анубису.

ГЛАВА IV.

Нѣсколько времени Петръ и Гермасъ молча взбирались на гору. Дойдя до горной площадки, гдѣ дорога сдѣлалась шире, они пошли рядомъ, и старый сенаторъ, обратившись къ юношѣ, спросилъ:

— А давно твой отецъ живетъ на Синаѣ?

— Давно ужъ, но сколько именно лѣтъ — незнаю. Да впрочемъ это все равно. У насъ никто не спрашиваетъ о времени.

Сенаторъ на минуту остановился, посмотрѣлъ на своего спутника и опять спросилъ:

— И ты постоянно жилъ съ отцомъ своимъ?

— Онъ никуда не отпускалъ меня, угрюмо отвѣчалъ Гермасъ. Даже и въ оазисѣ я всего только два раза былъ одинъ; безъ него я какъ-то ходилъ туда въ церковь.

— Значитъ ты никогда не посѣщалъ школы?

— Какая-тутъ школа! Отецъ выучилъ меня кое-какъ читать по Евангелію. Умѣлъ я немножко и писать прежде; да теперь и это забылъ. Къ чему мнѣ? Мы живемъ здѣсь, точно молящіяся животныя.

При послѣднихъ словахъ голосъ его звучалъ непод-

дѣльной горечью. Петръ съ участіемъ посмотрѣлъ на него.

Сенаторъ не принадлежалъ къ числу людей, безучастно проходящихъ мимо страждущихъ ближнихъ. Онъ мысленно сравнилъ Гермаса съ своими сыновьями, воспитанными въ строгомъ сознаніи долга, обязанностей и нашелъ, что онъ не хуже ихъ и что онъ нуждается только въ хорошемъ руководителѣ.

Въ глубокомъ раздумьи смотрѣлъ онъ нѣсколько времени на юношу, пощипывая мускулистой рукой свою сѣдую бороду.

Потомъ онъ вдругъ выпрямился и поднялъ голову какъ будто на что-то рѣшившись, и дѣйствительно онъ придумалъ средство вырвать юношу изъ среды, въ которой тотъ жилъ, и, по своему обыкновенію, сейчасъ-же хотѣлъ приступить къ дѣлу.

На концѣ горной площадки дорога раздваивается. Одна тропинка ведетъ къ верху, а другая спускается внизъ, въ долину къ каменоломнямъ. Петръ пошелъ по послѣдней, но Гермасъ крикнулъ ему:—Ты не туда идешъ,—слѣдуй за мною.

— Нѣтъ, ужъ *ты* иди за мною, отвѣчалъ сенаторъ такимъ тономъ, что юноша не могъ не понять двойнаго смысла этихъ словъ. День великъ и мы еще успѣемъ посмотрѣть, что дѣлается въ каменоломняхъ. Знаешь-ли ты мѣсто, гдѣ мы добываемъ камень?

— Какъ не знать! возразилъ Гермасъ, идя вслѣдъ за сенаторомъ. Я знаю всѣ тропинки къ морю и къ оазису,—знаю каждое мѣстечко. Въ лощинѣ за вашими каменоломнями пара пантеръ устроила себѣ логовище.

— Да ужъ мы познакомились съ ними, отвѣчалъ сенаторъ. Эти разбойники зарѣзали у насъ двухъ молодыхъ верблюдовъ. Мои люди не могли ихъ ни поймать сѣтями, ни затравить собаками.

— Теперь можете быть покойны, смѣясь сказалъ Гер-

жась. Вотъ съ той скалы я уложилъ самца стрѣлой. Самка была въ это время съ дѣтенышами въ логовищѣ. Съ ней справиться было не такъ легко. У меня кинжалъ плохой: мѣдный клинокъ согнулся при первомъ-же ударѣ. Пришлось задушить чертовку руками, и она порядкомъ—таки разцарапала и искусала мнѣ плечи и руки,—теперь еще остались рубцы. Но раны зажили скоро, не такъ какъ у отца. Павелъ назвалъ меня дождевымъ червемъ, котораго если разорвешь пополамъ, такъ обѣ половинки, пожелавъ другъ дружкѣ всякаго благополучія, расползутся въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало. Дѣтеныши пантеры были такіе смѣшные и безпомощные, мнѣ стало жаль ихъ убивать и я, завернувъ ихъ въ свою шкуру, отнесъ домой. Отецъ много смѣялся надъ ними, а потомъ у насъ взялъ ихъ одинъ Новатіецъ и продалъ въ Клизмѣ какому-то римскому торговцу. Въ Римѣ и Византіи живыя хищныя животныя цѣнятся вѣдь очень дорого. Вырученныя за нихъ и за шкуры убитихъ пантеръ деньги я употребилъ на путешествіе въ Александрію, куда я ходилъ вмѣстѣ съ другими анахоретами за благословеніемъ къ новому патріарху.

— Ты былъ въ столицѣ?! воскликнулъ Петръ. Такъ ты видѣлъ эти огромныя плотины, которыя защищаютъ берегъ отъ напора волнъ, этотъ высокій маякъ, такъ далеко распространяющій свой яркій свѣтъ, эти мосты, церкви, дворцы и храмы съ ихъ обелисками и колоннами! Скажи,—неужели ты не подумалъ, какое гордое чувство долженъ сознавать въ себѣ тотъ, кто воздвигаетъ такія постройки?

Гермасъ отрицательно покачалъ головою и сказалъ:

— Конечно, я охотно промѣнялъ-бы нашу душную пещеру на просторный домъ съ колоннами... Но строительное искусство не по мнѣ. Сколько времени нужно, прилаживая одинъ камень къ другому, а я нетерпѣливъ. Нѣтъ! ужъ если разстанусь съ отцомъ, такъ займусь

чѣмъ-нибудь другимъ, что-бы могло мнѣ доставить славу. А вотъ и каменоломни...

Петръ не далъ ему договорить и съ юношескимъ жаромъ возразилъ:

— Такъ ты думаешь, что строительнымъ искусствомъ нельзя достигнуть славы? Видишь эти глыбы и плиты камня? Всѣ онѣ будутъ перевезены въ столицу для новой церкви, постройка которой поручена моему старшему сыну Антонію,—его ты видѣлъ сегодня. Церковь будетъ гораздо больше нашей, построенной тоже Антоніемъ. Онъ немного старше тебя, но слава о немъ уже идетъ далеко. А вотъ изъ этого краснаго камня мой младшій сынъ Поликарпъ высѣчетъ прекрасныхъ львовъ, предназначаемыхъ на украшеніе одного изъ великолѣпнѣйшихъ зданій столицы. Они конечно переживутъ и меня, и тебя, нашихъ внуковъ и правнуковъ; но указывая на нихъ всегда будутъ говорить: это работа Поликарпа, сына Петра изъ Фарана. Разумѣется, не всякій можетъ расчитывать на полный успѣхъ. Но ты понятливъ, у тебя крѣпкія руки и острое зрѣніе. Кто знаетъ, что кроется въ тебѣ? Ты станешь учиться и, быть можетъ, изъ тебя выйдетъ отличный художникъ, скульпторъ. Только не бойся труда, Гермасъ. Ты хочешь славы? Похвальное стремленіе! Но кто хочетъ пожать этотъ рѣдкій плодъ, говоритъ одинъ языческій писатель, тотъ долженъ оросить ниву, на которой онъ растетъ, своимъ собственнымъ потомъ. Безъ труда, борьбы и усилій рѣдко бываетъ успѣхъ въ предпріятіяхъ, а безъ него не добиться и славы.

Оживленіе старика передалось и Гермасу.

— Кто говоритъ тебѣ, что я боюсь труда? съ запальчивостью возразилъ онъ. Я готовъ пожертвовать всѣмъ, даже своею жизнію, для славы. Но тесать да складывать камни, у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты. А вызвавъ въ ристалищѣ сильнѣйшаго на бой, одержать надъ нимъ побѣду, увѣнчать вѣнкомъ свою голову, биться впереди всѣхъ на полѣ сраженія—вотъ чего хочу я! Отецъ былъ также солдатъ, и хотя теперь толкуетъ о

смиренія и миролюбія, но еще и до сихъ поръ — я часто слышалъ — бредитъ во снѣ битвами. Когда отецъ выздоровѣетъ, я не останусь больше на этой горѣ и, если добровольно не отпустятъ, убѣгу тихонько! Петръ не отвѣчалъ, и, поглаживая свою сѣдую бороду, думалъ про себя:

— Орленокъ не станетъ ловить мухъ, и этого молодца не засадишь за наше мирное ремесло. Здѣсь же на горѣ жить ему нельзя; пропадетъ даромъ. Жаль будетъ: человѣкъ онъ не дюжинный.

Сдѣлавъ кое-какія распоряженія надсмотрщикамъ надъ работами, сенаторъ въ сопровожденіи юноши отправился къ Стефану.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ушли Павелъ и Гермасъ, а больной старикъ всё лежалъ одинъ въ своей пещерѣ.

Солнце поднималось всё выше и выше. Раскаленныя его лучами скалы еще болѣе увеличивали жаръ. Нестерпимо знойно и душно становилось въ пещерѣ.

Рана бѣднаго Стефана болѣла всё сильнѣе, лихорадочный жаръ увеличивался, жажда страшно мучила его.

Передъ нимъ стояла кружка, но она была давно пуста; а ни Павелъ, ни сынъ не возвращались.

Онъ сталъ тоскливо прислушиваться. Вотъ ему показалось, что слышитъ, шаги Александрійца, потомъ какія-то слова и тихій стонъ въ его пещерѣ.

Стефанъ попробовалъ крикнуть, но самъ едва могъ разслышать звукъ, вырвавшійся изъ его больной груди.

Онъ хотѣлъ молиться, но овладѣвшая имъ внутренняя тревога скоро уничтожила молитвенное настроеніе, Стефанъ почувствовалъ весь ужасъ одиночества. Послѣ жизни, исполненной и горя и наслажденія онъ, посвятившій себя теперь высшимъ цѣлямъ, почувствовалъ себя въ эту минуту покинутымъ, беспомощнымъ, какъ заблудившееся дитя, потерявшее мать.

Тѣнь отъ сосѣдней скалы стала длиннѣе; солнце уже клонилось къ западу. Съ приближеніемъ вечера въ боль-

ной груди старика къ ощущенію нестерпимой боли и жажды присоединилось чувство горечи и раздраженія.

Сжавъ кулаки, онъ бормоталъ проклятія и по временамъ произносилъ имя сына или Павла.

Но это продолжалось недолго. Чувство тоски и страха опять взяли перевѣсъ. И въ эти минуты—Богъ знаетъ почему — разстроенное болѣзненное воображеніе стало рисовать ему картины прошлаго; вотъ онъ какъ-бы снова переживаетъ тяжелые часы жизни, оставшейся теперь далеко позади.

Вотъ послѣ шумнаго пира во дворцѣ императора, возвращается онъ домой. Невольники снимаютъ съ его чела и груди вѣнки изъ розъ и тополевыхъ листьевъ и накидываютъ на него ночныя одежды. Съ серебряной лампой въ рукахъ онъ идетъ въ свою спальню. Веселая улыбка играетъ на его губахъ. Тамъ ждетъ его молодая жена, мать Гермаса; она такъ прекрасна, такъ любитъ его! Да, если кто можетъ назвать себя счастливымъ, такъ это онъ! Онъ уже въ передней комнатѣ, гдѣ обыкновенно бодрствуютъ двѣ черныхъ невольницы, но теперь онъ нашелъ только одну и та спала, тяжело дыша. Какая у нея глупая, смѣшная рожица, какъ смѣшно она открываетъ ротъ! Въ спальнѣ былъ полусвѣтъ, распространяемый алебастровой лампой. Тихой, неслышной поступью подходитъ онъ къ низкому, украшенному слоновой костью ложу Глицеры, поднимаетъ лампу и что же это? постель пуста! Улыбка исчезла тогда съ его устъ, чтобъ долго, долго ужъ не возвращаться... Глицера измѣнила ему, бросила его и маленькаго сына.

Двадцать лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, и вотъ теперь снова возвратились пережитыя нѣкогда ощущенія, и снова представляется ему, какъ тогда, пустое ложе жены, онъ чувствуетъ себя снова такимъ одинокимъ и жалкимъ, какъ и въ ту роковую ночь...

Передъ пещерой мелькнула тѣнь. То возвращался Павелъ. Подойдя къ постели старика, Павелъ упалъ на колѣни. Стефанъ узналъ его.

— Воды, воды! тихо простоналъ больной. Александріецъ схватилъ кружку и бросился съ нею къ ручью. Возвратившись онъ подалъ страждущему наполненный сосудъ. Старикъ жадно глоталъ освѣжающій напитокъ и, наконецъ, вздохнувъ сказалъ:

— Теперь мнѣ опять хорошо. Гдѣ ты такъ долго пропадалъ? Ахъ! какъ меня мучила жажда.

Павелъ, который стоялъ все время на колѣняхъ, прижалъ лицо къ постели и ничего не отвѣтилъ; старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на него... Павелъ горько зарыдалъ. Стефанъ не сталъ его распрашивать.

Воцарилось глубокое молчаніе. Такъ прошло съ часъ времени. Наконецъ Павелъ поднялъ голову и проговорилъ, подавляя рыданіе:

— Прости меня, Стефанъ. Въ молитвѣ и бичеваніи я искалъ покоя, и забылъ о твоихъ нуждахъ. Даже язычникъ не поступилъ бы такъ!

Больной ласково погладилъ его руку; но тотъ снова продолжалъ:

— Своекорыстіе, себялюбіе—вотъ что руководитъ и владѣетъ нами. Станемъ-ли мы думать о нуждахъ ближняго! И мы еще осмѣливаемся говорить, что идемъ по пути къ спасенію!

Онъ тяжело вздохнулъ и опять опустилъ голову къ груди больнаго, который дружески провелъ рукою по его всклокоченнымъ волосамъ.

Въ эту минуту въ пещеру вошелъ сенаторъ съ Гермасомъ.

Праздная жизнь анахоретовъ противорѣчила взгляду Петра на обязанности человѣка и христіанина, но, гдѣ дѣло шло о помощи ближнему, тутъ онъ уже не разсуждалъ о взглядахъ. Его тронуло почтеніе и теплое участіе Павла къ больному старику.

— Я могу васъ спокойно оставить, потому что ты, какъ кажется, хорошая сидѣлка — ласково сказалъ онъ Павлу.

Тотъ сконфуженно опустилъ глаза, но потомъ покачалъ головой и возразилъ:

— Нѣтъ! до сихъ поръ я думалъ только о себѣ, а его на цѣлый день оставлялъ здѣсь мучиться жаждой; но теперь не отойду отъ него ни на шагъ, и съ Божьей и вашей помощью онъ поправится!

Петръ дружески кивнулъ ему головой. Онъ не вѣрилъ самообличенію анахорета, но нисколько не сомнѣвался въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Уходя онъ велѣлъ Гермасу каждое утро увѣдомлять его о здоровьи отца.

Онъ сдѣлалъ это, столько же по заботливости о выздоравливаніи Стефана, сколько и по желанію поддержать сношенія съ юношей, возбудившемъ въ немъ живѣйшее участіе и которому онъ во что бы то ни стало хотѣлъ помочь избавиться отъ тяготившей его праздной жизни.

Павелъ пожелалъ остаться на всю ночь у больнаго, и такъ какъ троимъ было тѣсно, то Гермаса отправили спать въ пещеру Павла.

Съ этого дня для Гермаса началась какъ-бы новая жизнь; желанія, смутно тѣснившіяся въ его душѣ со времени путешествія въ Александрію, получили теперь образъ и краски; онъ сознавалъ, что не можетъ больше оставаться анахоретомъ и чувствовалъ необходимость найти исходъ для избытка своихъ юныхъ силъ.

— Мой отецъ, думалъ онъ, прежде чѣмъ поселиться въ душной пещерѣ, былъ воиномъ и жилъ во дворцѣ. Павелъ былъ Менандромъ и до сихъ поръ еще не разучился метать дискъ. Я молодъ и силенъ, и также свободенъ, какъ они. Петръ говоритъ, что изъ меня выйдетъ видный мущина. Но я не стану таскать, да обтесывать камни, какъ его сыновья. Императору нужны солдаты, а едва-ли найдется въ оазисѣ хоть одинъ изъ Амалекитянъ или Римлянъ, съ которымъ бы я не могъ помѣриться. При этомъ онъ вытянулся во весь ростъ и приложилъ руку къ своей широкой груди.

Всю ночь снились ему ристалища, снилась пурпуровая

одежда, которую подавалъ ему Павелъ и вѣнки изъ тополевыхъ листьевъ: снилась и прекрасная молодая женщина, которую онъ видѣлъ въ домѣ сенатора...

ГЛАВА V.

Эту ночь благодаря лекарству сенатора Стефанъ провелъ спокойно.

Павелъ сидѣлъ возлѣ его постели, не шевелясь ни однимъ членомъ, удерживая дыханіе, и чтобъ не разбудить старика, подавляя въ себѣ даже желаніе кашлянуть. Но послѣ полуночи больной проснулся, нѣсколько времени пролежалъ съ открытыми глазами, потомъ задумчиво сказалъ Павлу:

— Своекорыстнымъ называешь ты себя и насъ. Да, и про меня это можно сказать! Возвратившись изъ Александріи, Гермасъ сталъ задумчивъ. Онъ очевидно недоволенъ своею жизнью, и я часто спрашиваю себя, что будетъ съ нимъ, когда Господь возьметъ меня отъ васъ.

Онъ хочетъ жить въ свѣтѣ и наслаждаться его удовольствіями. Я желалъ ему лучшей участи, когда взялъ съ собою на святую гору, но не одно это побуждало меня: мнѣ тяжело было разстаться навсегда съ сыномъ. Боже мой! животныя—и тѣ любятъ своихъ дѣтей! а его мать убѣжала съ любовникомъ и съ тѣхъ поръ не вспоминала больше о сынѣ. Я думалъ, что по крайней мѣрѣ отецъ не долженъ покидать его. Я выростилъ его вдали отъ свѣта, боясь, чтобы и ему не пришлось испытать тамъ того, что испыталъ отецъ. Я воспиталъ его для неба и для жизни, чуждой тревогъ и волненій. И что же теперь? Если онъ будетъ бѣденъ, то это черезъ меня. Эти мысли прибавляютъ новыя муки къ моимъ страданіямъ.

— Ты указалъ ему дорогу, перебилъ Павелъ—и этого ужъ довольно: другое найдется само собою. Онъ тебя любитъ и вѣроятно не оставитъ, пока ты хвораешь.

— Вѣроятно? спросилъ боязливо старикъ. Но гдѣ

онъ возметъ оружіе для борьбы, которая неизбѣжна въ жизни?

— Ты далъ ему Господа въ руководители: не достаточно ли этого? Путь на небо узокъ и тернистъ, и никто не можетъ найти спасенія для другаго.

Стефанъ, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

— Мы можемъ указать другому только цѣль, къ которой нужно стремиться, но достигать ее долженъ каждый, какъ умѣетъ.

— Такъ возблагодаримъ же Бога, перебилъ Павелъ: Гермасъ стоитъ уже на дорогѣ, которую мы для него нашли, — ты и я...

— Ты и я, задумчиво повторилъ за нимъ Стефанъ. Нѣтъ! каждый думаетъ только о дорогѣ для себя, и не для кого другаго. Своекорыстіе и себялюбіе вездѣ! Мы ужъ много лѣтъ живемъ съ тобой, Павелъ, вмѣстѣ, однако-жъ мнѣ еще никогда не приходило въ голову разспросить тебя о твоей молодости и о томъ, какъ снизошла на тебя благодать. Я зналъ, что ты родомъ изъ Александріи, былъ прежде язычникомъ, потомъ сдѣлался христіаниномъ и потерпѣлъ тяжкое гоненіе за вѣру. До сихъ поръ мнѣ и этого было достаточно знать. Къ тому же ты всегда не охотно вспоминалъ о прошломъ. Къ ближнимъ мы должны относиться, какъ къ себѣ самимъ, а кто стоитъ ко мнѣ ближе тебя? Да своекорыстіе, своекорыстіе! И на пути къ Богу есть опасныя пропасти.

— Мнѣ нечего много разсказывать — отвѣчалъ Павелъ, — хотя я хорошо помню всю свою прошлую жизнь. Прошлое забывается не легко. Когда отгонишь отъ себя воспоминанія, и думаешь, что освободился отъ нихъ, они вдругъ возвращаются снова и привѣтствуютъ тебя, какъ стараго знакомаго. Если лягушка случайно и попадетъ на дерево, она все таки спрыгиваетъ опять въ болото.

— Да, подтвердилъ его слова Стефанъ, воспоминанія трудно убить въ себѣ. Я не могу теперь уснуть. Разскажи мнѣ о твоей молодости, Павелъ, о томъ, какъ

ты сдѣлался христіаниномъ. Если долго идешь съ кѣмъ-нибудь по одной дорогѣ, то на прощанье обыкновенно спрашиваешь о происхожденіи и имени своего спутника.

Павелъ погрузился на минуту въ раздумье, потомъ началъ свой разсказъ.

Онъ разсказывалъ о несмѣтныхъ богатствахъ, которыми обладалъ его отецъ въ Александріи, о жизни въ школѣ, гдѣ подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ изучалъ философію, потомъ—о шумныхъ пирахъ и развлеченіяхъ молодости, о громкой славѣ, которую стяжалъ въ палестрахъ и ристалищахъ.

По временамъ, когда Павелъ, боясь утомить больнаго старика, останавливался, тотъ просилъ продолжать.

И Павелъ разсказывалъ, какъ онъ, пресыщенный жизнью, наконецъ чувствовалъ какую-то душевную пустоту, а въ будущемъ между-тѣмъ не предвидѣлъ ничего лучшаго, и имъ уже овладѣвала апатія...

И какъ въ это самое время сталъ встрѣчаться съ христіанами и, познакомившись нѣсколько и съ ихъ ученіемъ, сталъ уважать ихъ.

— Однакоже, разсказывалъ Павелъ, я продолжалъ вести прежнюю разсѣянную жизнь; и можетъ быть долго еще остался бы Менандромъ, но вотъ что случилось. Разъ по обыкновенію мы отправились цѣлымъ веселымъ обществомъ въ Канопъ. Лесбіянка Архилика устроила намъ въ своемъ домѣ роскошный пиръ. Въ числѣ ея гостей было и нѣсколько молодыхъ Римлянъ; между ними и моими друзьями завязался изъ-за чего-то споръ, который, благодаря большому количеству выпитаго вина, могъ скоро перейти въ драку. Однако Римляне почему-то поспѣшно удалились. Мы думали, что тѣмъ дѣло и кончится, но случилось иначе. Съ вѣнками на головахъ, веселые и беззаботные поздно ночью отправились мы домой. Черезъ нѣсколько времени мы были уже вблизи гавани, какъ вдругъ изъ переулка съ шумомъ выскочила толпа вооруженныхъ людей и бросилась на насъ. Луна свѣтила ярко, и я узналъ въ числѣ ихъ Римлянъ, быв-

шихъ въ домѣ [illegible]. На меня бросился высокій трибунъ, я сталъ его душить и когда онъ упалъ, то и я повалился вмѣстѣ съ нимъ на землю. Что было потомъ — я помню очень смутно, такъ какъ на меня посыпался цѣлый градъ сабельныхъ ударовъ. У меня потемнѣло въ глазахъ, я потерялъ сознаніе. Когда же пришелъ въ себя, то узналъ, что нахожусь въ домѣ пресвитера Евсевія и сестры его Ѳеодоры, дьякониссы города. Христіане полумертваго подняли меня на улицѣ и отнесли въ ихъ домъ.

Нѣсколько недѣль я пролежалъ въ безпамятствѣ. Я имѣлъ двѣнадцать ранъ, не считая маленькихъ: все мое тѣло было изрублено, какъ мясо для колбасы. Всякій другой умеръ-бы и отъ одной изъ такихъ ранъ. Ты вѣдь нѣсколько разъ удивлялся моимъ шрамамъ. Пресвитеръ и его сестра ухаживали за мной какъ за роднымъ, и я понемногу сталъ поправляться. Тутъ-то вотъ, во время моего выздоровленія, Евсевій, сидя у моей постели, разсказалъ мнѣ о земной жизни и чудесахъ Спасителя, показалъ Его терновый вѣнецъ и крестъ, на которомъ пострадалъ Онъ за всѣхъ насъ. Онъ училъ меня любить Его раны и терпѣливо переносить свои и тогда незамѣтно со мной произошла какая-то перемѣна, словно какой-нибудь внутренній свѣтъ озарилъ меня. Я сталъ инымъ человѣкомъ, въ душѣ зародилась надежда....

По выздоровленіи я тотчасъ крестился и открыто объявилъ себя христіаниномъ. Великія гоненія испыталъ я за вѣру Христову. Но я хотѣлъ-бы подвергнуться еще большимъ испытаніямъ: что значатъ всѣ мои страданія съ тѣми, которыя понесъ за насъ Распятый?

— Ты святой человѣкъ, сказалъ ему Стефанъ, и прикоснулся губами къ его одеждѣ, но тотъ быстро отодвинулся и проговорилъ:

— Не дѣлай этого, пожалуйста! кто оказываетъ намъ почести при жизни, тотъ бросаетъ каменья намъ по дорогѣ къ спасенію. Теперь я схожу къ ключу за свѣжей водой для тебя.

Когда Павелъ возвратился съ ручья, онъ засталъ въ пещерѣ Гермаса, который, посидѣвъ съ минуту у постели отца, отправился въ оазисъ за лекарствомъ.

ГЛАВА VI.

Сирона сидѣла у открытаго окна своей комнаты. Черная невольница, купленная мужемъ для нея еще въ Римѣ, убирала ея прекрасныя золотистые волосы. Но госпожа ея видимо не обращала никакого вниманія на свой туалетъ. По временамъ изъ груди ея вылетали тяжелые вздохи. Когда служанка стала дѣлить золотистыя нити ниспадающихъ прядей на двѣ половины, она быстро освободила свои волосы изъ ея руки и велѣла принести себѣ зеркало.

Нѣсколько времени она задумчиво разглядывала себя въ гладко отполированномъ металѣ и опять вздохнула, потомъ, поднявъ къ себѣ на колѣни лежавшую у ногъ ея маленькую собаченку, и подставивши зеркало къ ея мордочкѣ, проговорила:

— Да, глупенькая Ямба, если мы хотимъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ увидѣть что-нибудь себѣ по вкусу, то должны смотрѣть только сюда. Потомъ, обратившись къ невольницѣ, продолжала:

— Какъ она дрожитъ бѣдненькая! вѣрно тоскуетъ объ Арелатѣ *) и боится, что мы еще долго останемся здѣсь подъ этими знойными лучами солнца. Подай мнѣ сандаліи.

Невольница подала госпожѣ двѣ маленькихъ подошвы съ золотыми украшеніями и тоненькими ременными подвязками, но Сирона, отбросивъ назадъ свои волосы, крикнула:

— Нѣтъ, не тѣ, не тѣ! старыя мнѣ принеси. Здѣсь нужно бы ходить въ деревянныхъ башмакахъ,—не въ золотыхъ сандаліяхъ. И при этихъ словахъ она указала на дворъ.

Дворъ дѣйствительно былъ очень грязный, зава-

*) Городъ въ Южной Галліи.

ленъ всякой всячиной и совершенно неудобенъ для золотыхъ сандалій. Вокругъ него въ видѣ подковы шли различныя постройки. Внутри двора стоялъ флигель, гдѣ жила Сирона съ мужемъ, а противъ него высокій красивый домъ, въ которомъ помѣщался самъ Петръ. Оба эти дома соединялись сводомъ изъ дикаго камня, гдѣ хранились различныя земледѣльческія орудія и жили невольники.

На дворѣ валялись кучи угля пережженныхъ акацій и стояли рядами мельничные жернова, вытесанные изъ камня, добываемаго въ каменоломняхъ сенатора, для продажи въ Египетъ. По грязному двору разгуливало множество голубей и куръ.

Тамъ была еще тѣнь. Въ этотъ ранній часъ солнечный лучъ успѣлъ проникнуть только въ окно Сироны.

Еслибъ она знала, какъ очаровательно золотистый лучъ обливалъ ея станъ, ея нѣжное бѣленькое личико, ея роскошные волосы, то не стала бы негодовать на досадливое солнышко, отогнавшее отъ нея сонъ, ея единственное утѣшенье въ одиночествѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ у ней была еще одна большая съ окнами на улицу.

Закрывъ рукою глаза, она пѣняла на солнышко:

Противное солнце! какъ рано заглядываетъ къ намъ въ окна. Мало ему — свѣтитъ цѣлый день! Постели непремѣнно нужно переставить въ переднюю комнату.

Невольница покачала головой и сказала заикаясь:

— Февицій не позволитъ этого.

Въ глазахъ Сироны блеснула досада и ея мелодическій голосъ дрогнулъ при вопросѣ--почему-же непозволитъ?

— Онъ говоритъ, отвѣчала служанка, что сынъ сенатора, Поликарпъ очень часто ходитъ мимо твоего окна и что ты больше, чѣмъ бы нужно, занимаешься съ его маленькими братьями и сестрами.

— Онъ еще тамъ? спросила Сирона, указывая на сосѣднюю комнату.

— Нѣтъ, господинъ уѣхалъ еще до восхода солнца и не велѣлъ ждать его къ обѣду: онъ возвратится поздно.

Сирона не отвѣчала. Она печально опустила голову и погрузилась въ тяжелое раздумье. Собачка, казалось, раздѣляла грустное чувство, наполнявшее сердце ея госпожи. Она приподнялась, какъ-будто желая поцѣловать Сирону.

Молодая женщина прижала къ своей груди ласковое животное, бывшее ея единственнымъ другомъ еще на родинѣ.

Она почувствовала себя въ эту минуту одинокой, жалкой, покинутой всѣми, она чувствовала тогда вѣроятно тоже, что долженъ чувствовать пловецъ одиноко носясь по пустынному океану.

Вдругъ она вздрогнула: ея мысль остановилась на мужѣ, котораго она никогда не любила. Онъ былъ къ ней всегда холоденъ, равнодушенъ. Но равнодушіе это ея не огорчало, — нѣжностью онъ скорѣе могъ огорчить ее.

Она росла безъ всякаго присмотра среди своихъ сестеръ. Ея отецъ былъ счетоводомъ въ коллегіи декуріоновъ. Ихъ домъ находился прямо противъ цирка, но отецъ, человѣкъ очень строгой нравственности, не позволялъ дочерямъ посѣщать зрѣлища.

Однако онъ не могъ имъ запретить видѣть толпу, стремящуюся въ амфитеатръ, слышать ея шумные крики одобренія или негодованія.

Сирона росла съ постоянной жаждой наслажденій, всегда бывшихъ передъ ея глазами и всегда ей недоступныхъ. Да у нея и не было времени на удовольствія. Мать ея умерла рано и она, сама еще ребенокъ, должна была заботиться о своихъ младшихъ братьяхъ и сестрахъ. И она строго исполняла эту обязанность.

Только въ свободные часы слушала она иногда разсказы чиновничьихъ женъ, жившихъ прежде въ Римѣ, о пышности и великолѣпіи вѣчнаго города и, естественно,

въ ней развилось желаніе побывать тамъ. Она знала, что хороша собой, слышала нерѣдко шумныя похвалы себѣ, но при всемъ томъ, если и стремилась въ столицу, то вовсе не для того, чтобы блистать тамъ и приводить въ восторгъ другихъ, а только чтобъ самой восторгаться.

Семнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Фебиція, начальника гарнизона въ ихъ городѣ. Фебицій былъ на сорокъ лѣтъ старше жены.

Вскорѣ, къ величайшей радости молодой жены и совершенно неожиданно для себя, онъ получилъ назначеніе въ Римъ, куда вскорѣ и отправился, а за нимъ уѣхала туда и Сирона. Она отправилась моремъ изъ Массиліи въ сопровожденіи одной старой родственницы, а онъ—сухопутно во главѣ своей когорты.

Сирона пріѣхала въ Римъ раньше мужа и беззавѣтно предалась безконечнымъ восторгамъ и изумленію, не дѣлая впрочемъ ни шагу безъ старухи—родственницы. Конечно она не могла не замѣтить, что здѣсь повсюду обращаютъ на нее вниманіе, и это льстило ея самолюбію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей было непріятно, когда молодежъ стала преслѣдовать ее своимъ ухаживаніемъ.

Наконецъ прибылъ Фебицій. Найдя домъ свой осажденнымъ толпою поклонниковъ своей жени, онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на нарушившую супружескую вѣрность.

Но изъ желанія хвастнуть молодой и красивой женою, онъ самъ отправлялъ ее посѣщать всѣ общественныя удовольствія и зрѣлища.

Сирона правда не прочь была нравиться, но воспитанная въ строгихъ правилахъ нравственности, и сама съ дѣтства учившаяся воспитывать, она съ вѣрностью отличала дурное отъ хорошаго и позволительное отъ непозволительнаго. И понятно, поэтому, что скоро открыла въ блестящихъ, душистыхъ цвѣтахъ столичныхъ удоволь-

ствій—произведенія отвратительнаго болота. Сирона позволяла себѣ только удовольствія вполнѣ невинныя.

Мужъ ея былъ совершенно другихъ правилъ: не особенно былъ онъ разборчивъ въ средствахъ удовлетворенія своихъ грубыхъ инстинктовъ. Онъ ревниво сторожилъ всякій ея взглядъ, а между тѣмъ водилъ ее иногда на такія зрѣлища, которыя должны оскорбить нравственное чувство всякой порядочной женщины. Такимъ образомъ самыя удовольствія становились для нея пыткой.

Нерѣдко возвратившись съ нею съ какого-нибудь пира или празднества, онъ осыпалъ ее несправедливыми упреками и, когда оскорбленная такимъ обращеніемъ, она рѣшилась не выходить изъ дому, онъ насильно бралъ ее съ собой, такъ какъ этого желалъ легатъ Квинтиллъ, его ближайшій начальникъ, ежедневно присылавшій Сиронѣ цвѣты и подарки.

Сирона все переносила въ тихомолку, никому не жалуясь на мужа, даже оправдывала его и обвиняла себя. Но десять мѣсяцевъ спустя послѣ пріѣзда въ Римъ, Фебицій позволилъ себѣ по отношенію къ женѣ такой поступокъ, который поставилъ между ними каменную преграду. А когда этотъ поступокъ повелъ его вмѣсто ожидаемаго возвышенія, къ ссылкѣ въ отдаленный оазисъ, къ разжалованью въ начальники маленькаго отряда, то онъ сталъ, умышленно, еще больше мучить жену; та ограждалась ледяной холодностью и ненавидѣла его, какъ можетъ ненавидѣть оскорбленная женщина.

Въ его присутствіи она бывала нѣмой, упрямой и капризной, но какъ скоро мужъ оставлялъ домъ, природная доброта и мягкость снова возвращались къ ней; она шла къ дѣтямъ сенатора и тамъ играла и смѣялась съ своими маленькими друзьями.

Фебицій принадлежалъ къ числу поклонниковъ Митры; въ честь этого бога онъ иногда постился до истощенія силъ, а на празднествахъ напивался до безпамятства.

Здѣсь на Синаѣ онъ также устроилъ гротъ для ферій въ честь Митры, гдѣ проводилъ по нѣскольку дней

съ своими единовѣрцами. Оттуда возвращался онъ блѣднымъ, измученнымъ. Такимъ представлялся онъ и теперь Сиронѣ. Вспоминала она эти мутные, сонные глаза и на душѣ у ней стало скверно...

Она мысленно спрашивала себя, какъ могла она сдѣлаться его женой. Потомъ вспомнила его продѣлку въ Римѣ, его безпощадную, площадную брань и глазки ея блеснули огнемъ.

Въ эту минуту собачка, сидѣвшая все время у Сироны на колѣняхъ громко залаяла и бросилась къ окну.

Молодая женщина слегка испугалась и поправивши рубашку, упавшую съ ея роскошныхъ плечъ, взглянула на дворъ.

На ея устахъ уже играла веселая улыбка! она увидѣла Гермаса, который давно стоялъ тамъ прислонившись къ стѣнѣ дома сенатора и страстно пожиралъ ее глазами.

Грусть, какъ и радость, не оставляла глубокаго слѣда въ ея сердце; не было такого горя, которое бы мигъ не исчезло при малѣйшемъ намекѣ на столь-же мимолѣтную для нея радость.

И теперь она уже улыбаясь смотрѣла на Гермаса.

Гермасъ ей очень нравился. Несмотря на бѣдную одежду онъ производилъ на Сирону своимъ благороднымъ видомъ чрезвычайно прiятное впечатлѣнiе. Она замѣтила, что рука его, въ которой онъ держалъ склянку съ лекарствомъ, дрожитъ, а щеки ярко разгорѣлись и поняла, отчего такъ взволновалась его молодая горячая кровь.

Женщина и притомъ такая, которая любитъ нравиться, охотно извинитъ всякiй проступокъ, совершенный во имя ея красоты.

Ласковымъ, привѣтливымъ голосомъ пожелала она Гермасу добраго утра и спросила, какъ чувствуетъ себя его отецъ, помогаетъ ли ему лекарство сенатора.

Юноша отвѣчалъ коротко и смущенно, но его глаза

ясно показывали, что онъ хотѣлъ бы сказать совсѣмъ не то, что бормоталъ его неловкій языкъ.

— Дороѳея разсказывала мнѣ вчера, говорила Сирона, что Петръ надѣется возстановить здоровье твоего отца; но онъ все еще очень слабъ. Можетъ быть ему помогло бы хорошее вино, конечно постепенно, не вдругъ, а такъ дня черезъ два, или три. Если понадобится вино, то приходи ко мнѣ: у насъ есть въ погребѣ старое сирійское и бѣлое мареотское; послѣднее говорятъ особенно полезно.

— Гермасъ поблагодарилъ ее и затѣмъ, когда она вторично просила, не стѣсняясь обращаться къ ней, онъ заикаясь и смущенно проговорилъ:

— Ты столько-же добра, какъ и прекрасна.

Едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ съ кровли сосѣдняго дома съ грохотомъ скатился огромный камень. Сирона въ испугѣ отскочила отъ окна, а собаченка громко залаяла.

Гермасъ, отрѣзвившись отъ обаятельнаго видѣнія, быстро постучался въ дверь сенаторскаго дома.

Лишь только онъ вошелъ туда,—изъ за кучи камней, какъ тѣнь, мелькнула Марьямъ и скрылась въ зданіи невольниковъ. Послѣдніе были всѣ на работахъ, кто въ полѣ, кто въ саду, кто въ каменоломняхъ, и потому ихъ неприхотливое помѣщеніе было теперь пусто. Только въ одной маленькой темной каморкѣ лежалъ больной Анубисъ. Марьямъ подошла къ нему и поспѣшно наложила перевязку на его рану. Послѣ этого она опять вышла и, подойдя къ полуотворенной наружной двери, прислонила голову къ косяку, и съ какимъ-то тайнымъ трепетомъ стала смотрѣть, то на домъ сенатора, то на окна Сироны.

Странное волненіе закралось въ ея сердцѣ. Еще такъ не давно, только нѣсколько минутъ тому назадъ, она спокойно думала о Синаѣ и своихъ козахъ, а теперь, какое-то тяжелое неизвѣданное ею прежде чувство болѣзненно давило ея грудь.

Вотъ она услышала со двора чьи-то шаги; стукъ по-

слѣднихъ былъ такъ слабъ, что всякій другой и не разслыхалъ-бы ихъ, но могла-ли не разслышать она? то были шаги Гермаса. Она быстро выбѣжала на дворъ и спряталась за мельничными жерновами, откуда могла отлично слѣдить за каждымъ движеніемъ Гермаса. Поднявши вмѣстѣ съ нимъ глаза къ окнамъ Сироны, она увидѣла снова ея прекрасный образъ, ярко облитый лучами утренняго солнца, и невольно сравнила ее съ ангеломъ въ бѣлоснѣжной одеждѣ, украшенной гирляндами изъ розъ, видѣннымъ ею въ церкви. «А я-то, какъ смугла и дурна, подумала она и вспомнила, какъ Гермасъ назвалъ ее однажды чертенкомъ. Непріятное тоскливое чувство овладѣло ею... Оно какъ будто разбило всю ее. Но оцѣпенѣніе скоро прошло, и сердце сильнѣе забилось въ ея груди: она нервно сжала губы, боясь вскрикнуть отъ мучительной душевной боли.

Теперь ей страстно захотѣлось вспрыгнуть на окошко, куда устремились взоры Гермаса, вцѣпиться въ золотистые волосы Сироны, стащить ее на землю, и каплю по каплѣ высосать изъ нея кровь!

Но вотъ она видитъ, какъ верхняя одежда соскользнула съ плечъ Сироны, какъ Гермасъ судорожно вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ.... Даже и враждующія между собою женщины охотно подаютъ другъ другу руку помощи, когда грозитъ опасность врожденному чувству женской стыдливости, и она покраснѣла за Сирону, уже открыла было губы предостеречь ее, но въ эту минуту залаяла собачка — и завязался разговоръ. Мирьямъ не проронила ни одного слова, и когда Гермасъ произнесъ свои послѣднія слова, она почувствовала, какъ вся кровь бросилась ей въ голову, и потемнѣло въ глазахъ. Камень, на который она опиралась, потерялъ равновѣсіе и своимъ паденіемъ прервалъ тогда бесѣду Гермаса съ Сироной.

Теперь Мирьямъ стояла у двери и поджидала Гермаса. Мучительно-долгимъ показалось ей это ожиданіе. Наконецъ, онъ вышелъ въ сопровожденіи Доротеи, и она

замѣтила, какъ онъ еще разъ украдкой взглянулъ на окно Сироны.

Но окно было пусто: образъ прелестной женщины исчезъ. Злая улыбка мелькнула на губахъ Мирьямъ.

Сирона сидѣла въ это время за прялкой, въ одной изъ переднихъ комнатъ, куда привлекъ ее стукъ копытъ.

Мимо оконъ проѣзжалъ сынъ сенатора Поликарпъ, на прекрасномъ отцовскомъ жеребцѣ. Раскланявшись съ Сироной, онъ бросилъ на дорогу розу.

Не много спустя, въ комнату вошла старуха-невольница и подала Сиронѣ брошенный цвѣтокъ. Сирона взяла цвѣтокъ, стряхнула съ него пыль и стала расправлять на немъ лепестки; потомъ, занятая больше этой работой, чѣмъ своими словами, проговорила:

— Не поднимай никогда больше цвѣтовъ. Ты знаешь Фобиція, да и толки пойдутъ, если кто-нибудь увидитъ. Невольница вышла.

— Какой милый этотъ Поликарпъ, думала Сирона, оставшись одна. И какіе у него славные глаза — я ни у кого такихъ не видала. Только зачѣмъ онъ все толкуетъ о своихъ планахъ, чертежахъ и о другихъ серьезныхъ вещахъ. Вѣдь это для меня вовсе не интересно.

ГЛАВА VII.

Солнце склонялось къ западу. Въ воздухѣ повѣяло пріятной прохладой.

Стефанъ, почувствовалъ себя бодрѣе, и пожелалъ выйти на свѣжій воздухъ. Павелъ и Гермасъ вывели его подъ руки и усадили на камень, на который Гермасъ положилъ цѣлую охапку свѣжей травы. Затѣмъ Гермасъ, вооружившись лукомъ и стрѣлами, отправился на охоту за дикими баранами, чтобы приготовить мясную пищу для больнаго, а Павелъ присѣлъ возлѣ Стефана; оба они молча слѣдили глазами за юношей, быстро поднимавшимся въ гору.

Когда онъ скрылся изъ виду, Стефанъ сказалъ:

— Какъ онъ сильно измѣнился въ послѣднее время. Давно-ли до болѣзни моей я видѣлъ его въ послѣдній разъ при дневномъ свѣтѣ, и тогда онъ казался мнѣ мальчикомъ, а теперь смотритъ мужчиной!

Павелъ, смущенно опустивъ голову, подтвердилъ его слова. Онъ вспомнилъ свое состязанье съ Гермасомъ и невольно подумалъ:

— Конечно у него на умѣ палестра. Вонъ и вчера возвращаясь изъ оазиса, онъ походилъ на молодаго атлета.

Оба они замолчали, въ глубокомъ раздумьѣ обративъ свои взоры на заходящее солнце.

Подъ ними, въ дали, гладкой полоской свѣтлѣло въ береговыхъ утесахъ Красное море, возлѣ нихъ высилась къ небу вершина исполинской горы, рубинами сіяющая въ лучахъ отходящаго свѣтила. Словно зарево разлилось на западѣ... легкой прозрачной дымкой опуталъ туманъ прибрежныя скалы... Прозрачное облачко плыло куда-то по небу, то и дѣло мѣняя свой цвѣтъ, а тамъ вдали береговые холмы отливались цвѣтомъ аметиста.

Въ воздухѣ ни звука, ни шелеста вѣтра; ничто не нарушало торжественной вечерней тишины. Но не долго такъ продолжалось. Картина быстро мѣняется. Солнце опустилось за горизонтъ, погасло мало-по-малу пламя на западѣ, потемнѣла яркая полоска моря и густымъ покрываломъ спустилась ночь на горы и долины.

Стефанъ дотронулся до руки Павла и тихо назвалъ его по имени.

Павелъ вздрогнулъ, какъ-бы очнувшись отъ тяжелаго сна и быстро проговорилъ:

— Да, да, правда. Стало свѣжо. Пора тебѣ идти въ пещеру.

Онъ всталъ, и Стефанъ, опираясь на его руку, тихо поплелся къ своему ложу.

Усаживаясь возлѣ постели старика, Павелъ тяжело вздохнулъ.

— Что волнуетъ твою душу — озабоченно спросилъ Стефанъ.

— Да что? все то-же, что прежде. Видно мнѣ никто не поможетъ! растроганнымъ голосомъ проговорилъ Александріецъ. Вонъ сейчасъ мы любовались красотою творенія Божьяго, а мнѣ, точно самому закоснѣлому язычнику, грезились въ это время огненная колесница съ крылатыми конями и самъ Аполлонъ, въ образѣ Гермаса, съ золотистыми волосами, грезились хороводы танцующихъ нимфъ... Бѣсовское навожденіе!...

Онъ не докончилъ. Въ эту минуту вошелъ Гермасъ, таща на плечахъ убитаго имъ горнаго барана.

— Посмотрите-ка какого потдѣлъ! весело сказалъ онъ,—и вѣдь я потерялъ на него только одну стрѣлу. Сейчасъ разложу костеръ. У насъ будетъ сегодня славное жаркое. На горѣ много этихъ барановъ,—и я еще доберусь до нихъ.

Черезъ часъ отецъ и сынъ ѣли сочное обжаренное на вертелѣ мясо. Павелъ отказался принять участіе въ трапезѣ: послѣ метанья диска онъ наложилъ на себя строгій постъ.

— Теперь,—сказалъ Гермасъ, обращаясь къ отцу, когда тотъ окончилъ трапезу,—попробуй-ка вотъ этого. И подалъ ему сосудъ съ виномъ.

Стефанъ взялъ сосудъ и не безъ удовольствія отпилъ нѣсколько глотковъ благороднаго напитка.

— Не дурно—проговорилъ онъ.—Это должно быть Сирійское. Отвѣдай-ка, Павелъ!

Тотъ вдохнулъ въ себя благовоніе золотистой влаги и не омочивъ даже губъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не сирійское. Это здѣшнее вино. Я его знаю, должно быть мареотское...

— Да, да и Сирона его такъ называла, вскричалъ Гермасъ. Да неужели можно узнать вино по запаху? Сирона говорила, что это вино особенно полезно.

— Да это правда, подтвердилъ Павелъ.

— Сирона? Кто это? изумленно спросилъ Стефанъ.

Костеръ, разложенный у входа въ пещеру, весьма скудно освѣщалъ ея внутренность и поэтому ни Павелъ ни Стефанъ не замѣтили, какъ Гермасъ покраснѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Сирона?... Ты ее не знаешь? это Галліянка Сирона, жена Фебиція, центуріона... Тамъ въ оазисѣ... бормоталъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Какъ ты попалъ къ ней? спросилъ отецъ.

— Она живетъ въ домѣ Петра и такъ какъ она узнала о твоей болѣзни...

— Поблагодари ее отъ меня, когда завтра опять пойдешь туда, — сказалъ Стефанъ, — и ее и ея мужа. Онъ Галлъ?

— Кажется... Нѣтъ, впрочемъ, навѣрное. Его зовутъ тамъ львомъ, и онъ родомъ изъ Галліи.

Когда Гермасъ вышелъ изъ пещеры, старикъ легъ на свою постель, а Павелъ по обыкновенію усѣлся возлѣ него.

Стефанъ не могъ заснуть и, когда Александріецъ подалъ ему лекарство, онъ сказалъ:

— Жена Галла оказываетъ мнѣ благодѣяніе, но я думаю, что вино скорѣе-бы помогло, если-бъ было отъ кого-нибудь другаго—а не отъ Галла.

Павелъ вопросительно взглянулъ на него. Не смотря на совершенную темноту въ пещерѣ, Стефанъ понялъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— Я ни на кого не ропщу, и привыкъ любить своихъ ближнихъ; хотя тяжкое оскорбленіе нанесено мнѣ, но я простилъ за него и простилъ отъ всего сердца... Только съ однимъ человѣкомъ я не могу примириться въ душѣ и этотъ человѣкъ также Галлъ...

— Прости и ему, сказалъ Павелъ. А теперь постарайся отогнать отъ себя мрачныя мысли; тебѣ нуженъ покой.

— Нѣтъ, я не усталъ, отвѣчалъ старикъ, но если-бы и ты испыталъ, что испыталъ въ жизни я, то навѣрное и ты потерялъ бы покой.

— Да, я самъ знаю, подтвердилъ Павелъ. Соблазнитель твоей бѣдной жены изъ Галліи родомъ...

— Ахъ! какъ я любилъ Глицеру, со вздохомъ продолжалъ старикъ, не слушая своего собесѣдника. Словно за царицей ухаживалъ я за ней. Исполнялъ малѣйшее ея желаніе. И сама она всегда была такъ благодарна мнѣ, такъ нѣжна... Но тутъ появился въ нашемъ домѣ этотъ Галлъ — человѣкъ некрасивый собой, но съ живой огненной рѣчью. Какъ онъ прельстилъ мою Глицеру — я этого не знаю, да и не хочу знать. Каждый день я теперь молюсь за бѣдную жену. Какъ должны быть сильны чары обольстителя, если онѣ уничтожили въ женщинѣ даже завѣтное чувство материнской нѣжности! Любилъ-ли ты когда нибудь, Павелъ?

— Тебѣ надобно успокоиться, упрашивалъ Павелъ. Развѣ можно, проживши чуть не полвѣка, ни разу не испытать любви! Однакожъ будетъ толковать. Прими лучше лекарство, присланное Петромъ.

Лекарство успокоило старика, и онъ наконецъ заснулъ. Было уже очень не рано, когда на слѣдующій день проснулся больной.

Павелъ по прежнему и въ томъ же положеніи сидѣлъ на постели.

— Я чувствую себя сегодня очень хорошо,—сказалъ ему Стефанъ, послѣ утренней молитвы. Лекарство помогаетъ. Я славно выспался нынѣшнюю ночь. Но ты блѣденъ, вѣрно опять не спалъ?

— Я? отозвался Павелъ. Нѣтъ, я спалъ на той постели. Позволь мнѣ теперь на минуту оставить тебя. Съ этими словами онъ вышелъ изъ пещеры.

Выйдя на свѣжій воздухъ, онъ глубоко вздохнулъ, потомъ расправилъ свои утомленные члены и протеръ рукою глаза, три ночи не смыкавшіеся. Страшная жажда мучила его, онъ давно ничего не пилъ и не ѣлъ.

Руки у него начинали дрожать, но эта слабость и боль, испытываемыя имъ, наполняли его сердце сладкимъ и отраднымъ чувствомъ, теперь онъ охотно отправился-бы въ свою

пещеру предаться, какъ это случалось не разъ, упоительной мечтѣ, будто и онъ страдаетъ на крестѣ, будто и у него, какъ у Христа Спасителя, изъ всѣхъ пяти ранъ истекаетъ кровь...

Стефанъ позвалъ его и онъ тотчасъ-же возвратился въ пещеру.

— Только-бы не позабылъ Гермасъ поблагодарить этого Галла, сказалъ Стефанъ.

— Да, благодарить мы должны за всё, отозвался Павелъ и закрылъ глаза.

— А я всё думалъ о Глицерѣ, началъ снова старикъ. Ты говорилъ вчера, что и ты извѣдалъ любовь; однако-жъ ты не былъ женатъ. Что-же ты молчишь? Разскажи!

Павелъ, устремилъ на него неподвижный безсмысленный взоръ и безсознательно пробормоталъ:

— Я? кто зоветъ меня?

Старикъ, взглянувъ на него, испугался: Александрiецъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; старикъ подалъ ему сосудъ съ виномъ, присланнымъ Сироной, и тотъ, совершенно не владѣя теперь собой отъ мучительной жажды, схватилъ сосудъ и осушилъ его до дна.

Живительный напитокъ обновилъ его ослабѣвшiя силы, на его впалыхъ щекахъ заигралъ румянецъ.

— Какая славная вещь! сказалъ онъ, вздохнувши полной грудью.

Стефанъ теперь успокоился и снова повторилъ прежнiй вопросъ, но ему пришлось раскаяться въ своемъ любопытствѣ; другъ отвѣчалъ опять какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

— Я никогда не былъ женатъ, нѣтъ, бормоталъ онъ,—но я любилъ. Я теперь всё разскажу тебѣ, всё, сначала до конца, только не перебивай меня, я такъ рѣдко бывалъ въ такомъ расположенiи духа, а сегодня это случилось вѣроятно по милости вина. Я давно ужъ ничего не пилъ, я постился съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ... впрочемъ это всё равно. Такъ молчи и не мѣшай мнѣ

разсказывать. Павелъ сѣлъ на постель Гермаса, откинулся назадъ, и прислонилъ голову къ скалѣ.

— Какова она была собой? Но кто возмется описать, — началъ онъ. Высока и стройна, какъ Гера, но гордости въ ней не было ни капли. Ея прекрасное лицо дышало привѣтомъ.

Она была уже въ полномъ развцѣтѣ силъ и молодости, но въ ея глазахъ свѣтилось какое-то дѣтское добродушіе. Какъ сейчасъ помню это прекрасное, нѣсколько блѣдное лицо, этотъ высокій лобъ, казавшійся еще бѣлѣе подъ прядями густыхъ каштановыхъ волосъ... Она вся была проникнута сознаніемъ своего достоинства; это сознаніе не покидало ея даже и при тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я встрѣтилъ ее въ первый разъ. А въ первый разъ я увидѣлъ ее въ Ракотисѣ, въ тюрьмѣ въ числѣ заключенныхъ. Надѣтое на ней платье, нѣкогда дорогое, было тогда всё въ лохмотьяхъ. Какъ кошка стережетъ пойманную мышь, такъ стерегла ее тамъ отвратительная, злая старушенка, каждую минуту осыпая ее бранью. Она не возражала на обидныя, незаслуженныя ею слова. Только слезъ не могла удержать: горькія, тяжелыя слезы медленно текли по ея щекамъ, падая на крестообразно сложенныя руки. Скорбь, тоска раздирающая душу, отражались въ ея глазахъ.

Я тогда давно уже принялъ крещеніе. Какъ зять префекта Помпея, я имѣлъ доступъ во всѣ тюрьмы, гдѣ при Максиминѣ томилось такъ много христіанъ. Но она не была христіанкой. Ея взглядъ встрѣтился однажды съ моимъ, я перекрестился, и она не отвѣчала мнѣ на святой знакъ. Когда сторожа увели отъ нея старуху, она ушла въ темный мрачный уголъ тюрьмы и, закрывши лицо руками, усѣлась на полу.

Чувство самаго теплаго участія и состраданія къ ней наполняло мою душу и не угасло даже и тогда, когда я узналъ про нея отъ тюремщика, что она жила прежде у старухи, которую я видѣлъ здѣсь, съ какимъ-то Римля-

ниномъ и похитила у нея большую сумму денегъ. На слѣдующее утро я опять пришелъ въ тюрьму и увидѣлъ ее въ томъ-же самомъ углу. Передъ ней была скудная пища заключенныхъ—сосудъ съ водой и кусокъ хлѣба.

Она отломила немножко хлѣба и оставила себѣ, а остальное отдала одному христіанскому мальчику, который былъ заключенъ здѣсь вмѣстѣ съ своею матерью. Ребенокъ благодарилъ, какъ умѣлъ; она-же нѣжно обняла его и поцѣловала, хотя ребенокъ былъ больной и некрасивый.

Кто любитъ дѣтей, тотъ еще не погибъ совсѣмъ— подумалъ я, и тутъ просилъ ее принять отъ меня мою посильную помощь. Она недовѣрчиво взглянула на меня, потомъ сказала, что случившагося съ нею вполнѣ заслуживаетъ и поэтому должна терпѣливо переносить свою участь. Я не успѣлъ тогда распросить ее; въ это время не вдалекѣ отъ насъ собралась толпа христіанъ вокругъ благочестиваго Аммонія, говорившаго имъ кроткое назидательное слово утѣшенія. Она подошла и внимательно слушала старца, а на слѣдующій день я видѣлъ ее разговаривающей съ матерью ребенка, которому она отдала свой хлѣбъ.

На другое утро я принесъ плодовъ для заключенныхъ и въ особенности для нея конечно. Она взяла у меня яблоко и, приподнявшись, тихо сказала мнѣ: «Я попрошу тебя теперь объ одномъ, ты христіанинъ, такъ пришли мнѣ священника я крещусь, если только онъ найдетъ меня достойной: вѣдь на моей душѣ много грѣховъ, тяжкихъ грѣховъ... При этихъ словахъ горькія жгучія слезы опять полились изъ ея привѣтливыхъ глазъ.

Я утѣшалъ ее, какъ умѣлъ, говорилъ ей о безконечномъ милосердіи Спасителя...

Вскорѣ Аммоній тайно крестилъ ее и, какъ она сама пожелала, при крещеніи ей было дано имя Магдалины.

Съ тѣхъ поръ она стала питать ко мнѣ безграничное довѣріе и я узналъ отъ нея, что она, покинувъ

маленькаго сына, бѣжала въ Александрію съ своимъ любовникомъ, который скоро бросилъ ее, и она, оставшись въ чужомъ городѣ, одна-одинешенька въ страшной нуждѣ, — поселилась у одной жадной и злой какъ демонъ старухи. Эта старушенка за какой-то ничтожный долгъ и упрятала ее сюда въ тюрьму. Въ какую бездонную пропасть человѣческаго горя заставила меня заглянуть эта женщина, по истинѣ достойная иной, лучшей доли? Что самое святое, завѣтное для женщины? привязанность сердца, чувство матери, чистота... И Магдалина всего этого лишилась,—лишилась по своей собственной винѣ!

Мы иногда еще можемъ переносить довольно легко удары судьбы, но не легко мириться съ своей участью тому, кто самъ, по собственной винѣ, загубилъ свою жизнь!

Терпѣливо и съ глубокимъ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ переносила она тяжкія страданія и, когда я однажды предложилъ выкупить ей свободу, она съ твердостью отвергла это предложеніе.

Мало того, она какъ будто бы сама желала наказаній, подобно тому какъ человѣкъ, больной лихорадкой, желаетъ утолить жажду кислымъ прохладительнымъ питьемъ.

Клянусь Распятымъ! въ преступникахъ я встрѣчалъ больше благородства и человѣколюбія, чѣмъ въ лицахъ носящихъ даже пресвитерскій санъ.

Благодаря Магдалинѣ темница сдѣлалась для меня какимъ-то священнымъ мѣстомъ. Прежде я входилъ туда съ глубокимъ отвращеніемъ; тамъ и между христіанами я нерѣдко встрѣчалъ людей низкихъ, которые и крещеніе-то приняли для того только, чтобы имѣть возможность ничего не дѣлать и жить насчетъ общества вѣрныхъ. Правда, были тамъ и люди высокой души, съ радостью выслушивавшіе свой смертный приговоръ, и смерть которыхъ, по истинѣ, болѣе достойна удивленія, чѣмъ столь про-

славленная смерть Кодра или Деція Муса. Но такіе встрѣчались рѣдко.

Магдалина казалась всегда спокойной и проникнутой какой-то тихой радостью. Слова о кающемся грѣшникѣ, получающемъ большую награду на небеси, чѣмъ 99 праведниковъ, внушали ей какую-то непонятную силу, и она каялась, каялась отъ чистаго сердца. Что касается моихъ отношеній къ ней, то—Богъ свидѣтель,—я не зналъ тѣхъ побужденій, которыя обыкновенно влекутъ мущину къ женщинѣ, но днемъ и ночью образъ ея преслѣдовалъ меня, и я считалъ тогда величайшимъ счастьемъ умереть съ нею...

То было время четвертаго гоненія на христіанъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія перваго эдикта о вѣротерпимости.

„Кто приноситъ жертвы богамъ,—все еще гласилъ законъ, тотъ свободенъ отъ преслѣдованія, кто противится, тотъ долженъ быть всячески принуждаемъ, но кто и тутъ будетъ упорствовать,—осуждается на смертную казнь». Многіе изъ христіанъ стонали и жаловались, нѣкоторые умоляли о пощадѣ, большинство ожидало своей участи съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ. Магдалина оставалась по прежнему спокойной.

Вотъ стали выкликать имена заключенныхъ христіанъ. Императорскіе легіонеры собрали ихъ всѣхъ въ одно мѣсто. Но не было названо ни мое имя, ни ея: я не былъ въ числѣ заключенныхъ; она-же была посажена въ тюрьму не за исповѣданіе христіанской вѣры.

Уже чиновникъ свернулъ свой списокъ, какъ вдругъ Магдалина изъ своего угла вышла на средину тюрьмы и проговорила съ спокойной торжественностью: «и я христіанка».

Въ эту минуту она походила на ангела! Римлянинъ, старикъ съ честной и благородной наружностью, взглянулъ на нея съ удивленіемъ и участіемъ и, покачавъ головой, громко сказалъ, указывая на списокъ:

— «Я не вижу здѣсь твоего имени».

Потомъ наклонился къ ней и тихо прибавилъ:

— «Да и не хочу его здѣсь видѣть».

Но Магдалина подошла къ нему ближе и громко проговорила:

— «Включи и мое имя въ число моихъ единовѣрцевъ и запиши: Магдалина, христіанка, отказывается отъ жертвоприношенія».

Я былъ глубоко потрясенъ и... въ радостномъ соревнованіи воскликнулъ:

— «Запиши и меня и отмѣть въ своемъ спискѣ: Павелъ, сынъ Херофила, также отказывается отъ жертвоприношенія».

Римлянинъ исполнилъ свою обязанность.

Эти минуты никогда не изгладятся изъ моей памяти!

Передъ нами стоялъ жертвенникъ; при немъ находился языческій жрецъ и чиновники императора. Насъ къ жертвеннику подводили по двое; мы съ Магдалиной оставались послѣдніе.

Изъ сорока только четверо имѣли мужество отказаться отъ жертвоприношенія, другіе униженно молили о пощадѣ.

Какая-то тихая радость наполняла мою душу. Спокойно и твердо отрѣклись мы принести жертву... и одновременно въ одну и туже комнату приведены къ палачамъ. Ея взоръ всё время былъ устремленъ къ небу и, мнѣ казалось, что я видѣлъ надъ нею самого Спасителя, окруженнаго ангелами. Терпѣливо безъ крика и стона выносила она страшныя мученія. Только однажды вскрикнула и назвала имя своего сына. Гермаса.

Моя крѣпкая натура вытерпѣла всё, но она страдала не долго, ея мученія скоро прекратились на вѣки...

Я самъ закрылъ ей глаза, эти прекрасныя глаза, снялъ кольцо съ ея бѣлой, нѣжной руки, изъ которой сочилась тогда кровь. И это кольцо я храню здѣсь подъ грубой шкурой и молюсь, молюсь день и ночь... Ахъ! тяжело! скорѣе бы кончить съ жизнью, скорѣе-бы!..

Павелъ схватился рукою за голову и упалъ безъ чувствъ на постель.

Больной прослушалъ весь разсказъ, затаивъ дыханіе, и съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ.

Уже давно онъ незамѣтно всталъ съ постели и опустился на колѣна, теперь онъ, весь дрожа, приползъ къ погруженному въ глубокій обморокъ Павлу и сорвавъ съ груди надѣтую на него шкуру отыскалъ дрожащими руками кольцо. Долго пожиралъ это кольцо глазами, потомъ прижалъ его къ губамъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ. Только когда Гермасъ возвратился изъ оазиса, онъ вспомнилъ о своёмъ другѣ и, при помощи сына, скоро привелъ его въ чувство.

Павелъ теперь не отказывался отъ пищи и питья. Уже совершенно бодрый и окрѣпшій отдыхалъ онъ вечеромъ этого дня рядомъ со Стефаномъ у входа въ пещеру. И тутъ-то старикъ открылъ ему, что Магдалина была никто иная, какъ его жена, а Павелъ, указавъ на Гермаса, проговорилъ:

— Теперь я понимаю, отчего я такъ всегда любилъ его! Старикъ горячо пожалъ ему руку.

Эту ночь онъ спалъ безмятежнымъ дѣтски-спокойнымъ сномъ. Мысль, что такъ горячо любимая имъ жена умерла христіанкой и мученицей, наполнила всё его существо тихой радостью.

Когда на слѣдующій день пришли изъ Райту пригласить Павла быть старѣйшиной тамошнихъ христіанъ, Стефанъ сказалъ ему:

— Исполни ихъ желаніе: ты вполнѣ достоенъ этой чести. Мнѣ ты больше не нуженъ: я могу теперь обойтись и безъ постороннихъ услугъ.

Но Павелъ, болѣе встревоженный, чѣмъ обрадованный предложеніемъ посланныхъ, попросилъ у нихъ семь дней на размышленіе. Бродя съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не находя покоя, онъ отправился наконецъ въ оазисъ, въ церковь.

ГЛАВА VIII.

Былъ чудный вечеръ.

Полный мѣсяцъ плылъ по голубому небу, обливая своимъ кроткимъ свѣтомъ освѣженную вечерней прохладой землю.

Правда, его лучи не въ силахъ были проникнуть сквозь туманъ, окутавшій вершину исполинской горы, но въ маленькомъ городкѣ оаза было свѣтло, какъ днемъ.

Широкая улица, проходившая по срединѣ города, бѣлѣла какъ-будто устланная плитами бѣлаго мрамора. Бѣлѣли недавно выщекотуренныя стѣны церкви. Полосами ложилась тѣнь на дорогу отъ домовъ и деревьевъ. Изъ оконъ церкви неслось пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ.

Но вотъ отворились ея двери, и изъ нихъ вышла толпа христіанъ.

Впереди церковнаго клира шелъ епископъ Агапитъ, а передъ мірянами правитель Фарана Обедіанъ и сенаторъ Петръ, послѣдній въ сопровожденіи своей жены, взрослыхъ дѣтей и многочисленныхъ невольниковъ.

Церковь совершенно опустѣла. Однако привратникъ, войдя туда гасить свѣчи, увидѣлъ въ одномъ изъ угловъ стоящаго на колѣнахъ человѣка. Этотъ человѣкъ, погрузившись въ глубокую молитву, замѣтилъ подошедшаго къ нему привратника, только когда тотъ поднесъ фонарь къ его лицу.

Онъ грубо окликнулъ молящагося, но узнавъ, въ немъ анахорета Павла, перемѣнилъ тонъ и сказалъ почти заискивающимъ голосомъ:

— Благочестивый мужъ! окончи молитву. Вѣрные всѣ разошлись, и мнѣ пора запереть церковь. Я слышалъ, что Раитское общество выбрало тебя своимъ старѣйшиной и что къ тебѣ приходили уже отъ него посланные. Они посѣтили и нашу церковь и восхищались ея бла-

голѣпіемъ. Ты теперь отправишься въ Раиту или проведешь еще съ нами праздникъ?

— Это ты узнаешь завтра,—сказалъ Павелъ, приподнявшись и прислонясь къ периламъ, шедшимъ вокругъ стѣнъ. Въ этомъ домѣ невидимо присутствуетъ Тотъ, который одинъ можетъ подать мнѣ совѣтъ. Прошу тебя оставить меня теперь одного. Если хочешь—такъ запри дверь, а, когда пойдешь спать, выпустишь меня.

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ привратникъ послѣ нѣкотораго раздумья: моя жена больна, а живу я отсюда далеко; мой домъ на самомъ концѣ города. Ключи-же я долженъ сегодня отнести сенатору Петру, потому что его сынъ, Антоній, завтра чуть свѣтъ придетъ сюда отдѣлывать новый алтарь. Когда придутъ съ нимъ рабочіе и...

— Покажи мнѣ ключи, перебилъ его Павелъ. Къ какому высокому счастью можетъ запирать и открывать доступъ эта ничтожная вещь! Знаешь что, другъ мой— мы вотъ что сдѣлаемъ: ты ступай къ своей женѣ, а я, окончивъ молитву, самъ отнесу ключи къ сенатору.

Подумавъ немного, привратникъ согласился съ будущимъ Раитскимъ пресвитеромъ и, отдавая ему ключи, попросилъ только не слишкомъ долго здѣсь оставаться.

Проходя мимо дома сенатора, онъ ощутилъ запахъ жаренаго мяса.

Будучи человѣкомъ бѣднымъ, онъ разсуждалъ про себя:

— Здѣсь постятся, только когда желаютъ, намъ-же приходится поститься нерѣдко и тогда, когда не желаешь.

Аппетитный запахъ, возбудившій эту жалобу, шелъ отъ жареной верблюжины, изготовленной домочадцами сенатора на общій праздничный ужинъ. Въ этой поздней трапезѣ приняли участіе даже и рабы.

Петръ и Дороѳея расположились на простой скамейкѣ, по греческому обычаю, полулежа. Возлѣ нихъ помѣщались только взрослые сыновья.

У самой двери на землѣ сидѣли рабы вокругъ дымящагося блюда, изъ котораго они доставали пищу просто руками.

Управитель дома, Іетро, разрѣзалъ верблюжину и положилъ передъ каждымъ изъ нихъ по куслу мяса и небольшому круглому хлѣбцу.

Самыя лучшія и сочныя части животнаго достались сенатору и его семьѣ. Рабы съ завистью посматривали на лакомые куски, которые ѣли ихъ господа, но громко порицать или хвалить предлагаемое за трапезой сенаторъ не дозволялъ не только имъ, но даже и дѣтямъ.

Въ числѣ прочихъ невольницъ была тутъ и Мирьямъ.

Мирьямъ ѣла вообще мало, а мясо ей было положительно противно; свою долю она отдала сидѣвшей напротивъ старой садовницѣ, которая, зная, что Мирьямъ большая охотница до сладкаго, нерѣдко приносила ей немного плодовъ или меду.

Сенаторъ весь вечеръ казался угрюмымъ и неразговорчивымъ. Дороѳея съ удивленіемъ посматривала на него, но Петръ опустилъ глаза и какъ будто не замѣчалъ ея вопросительныхъ взглядовъ.

По обыкновенію, никто не смѣлъ выходить изъ-за трапезы, пока не подастъ знака хозяинъ дома.

Всѣхъ нетерпѣливѣе казалась Мирьямъ. Она то и дѣло оборачивалась и нещадно теребила своими тоненькими пальчиками оставшійся у нея отъ ужина кусокъ хлѣба. Дыханіе ея становилось порывистымъ, а по временамъ и, какъ будто, совсѣмъ прекращалось... Что-же волновало ее?

Причиной волненія былъ долетѣвшій до ея слуха звукъ шаговъ—шаговъ Гермаса!

— Онъ идетъ къ господину. Онъ сейчасъ войдетъ сюда и увидитъ меня между ними—думала она, съ отвращеніемъ глядя на сидѣвшихъ вокругъ нея невольниковъ.

Мирьямъ оправилась и разгладила волосы.

Но Гермасъ не приходилъ. Отчего? она ошиблась. Нѣтъ! она была увѣрена, что не могла ошибиться.

Можетъ быть онъ ждетъ за дверью окончанія ужина. А можетъ быть онъ шелъ къ Сиронѣ, къ которой—какъ она видѣла сама,—онъ еще вчера приходилъ съ сосудомъ для вина.

Она знала, что мужъ Сироны былъ въ это время съ своими единовѣрцами на священной горѣ и, при свѣтѣ мѣсяца, приносилъ тамъ, въ уединенной пещерѣ, жертвы богу Митрѣ. Она видѣла, какъ Февицій вышелъ изъ дому съ нѣсколькими воинами, которые несли за нимъ большой ящикъ, откуда выглядывали ушко котла, сосудъ для воды и другая утварь.

Она знала, что эти люди проводили всю ночь въ священной пещерѣ Митры за жертвоприношеніями и привѣтствовали потомъ, по обрядамъ своего культа, «молодаго бога» восходящее дневное свѣтило. Выгоняя рано утромъ козъ на пастбище, она не разъ смотрѣла на ихъ торжественныя феріи въ честь Митры. Теперь ей пришло въ голову, что Сирона быть можетъ одна и что Гермасъ пришолъ именно къ ней, а не къ сенатору.

Она вздрогнула, сердце у ней болѣзненно сжалось и, не въ силахъ больше владѣть собой, она вскочила съ мѣсти и приблизилась уже къ двери. Но сенаторъ строго окликнулъ ее и, подозвавъ къ себѣ, замѣтилъ, что она поступила неблагопристойно

Мирьямъ хорошо знала, чѣмъ оправдаться,—скажи она, что идетъ навѣстить Анубиса, который всё еще лежалъ въ лихорадкѣ, и этимъ бы избавилась отъ всякаго выговора, но гордая Мирьямъ никогда не лгала, не хотѣла и теперь сказать неправду.

Другіе невольники просто пришли въ ужасъ, когда она возразила сенатору:

— Я соскучилась сидѣть. Ужинъ продолжается слишкомъ долго.

Сенаторъ взглянулъ въ окно; увидя, что луна стояла уже высоко на небѣ, ничего не сказалъ Мирьямъ и,

прочитавъ молитву, сдѣлалъ знакъ невольникамъ отправляться по своимъ мѣстамъ; потомъ простившись съ дѣтьми, изъ которыхъ не было на лицо одного Поликарпа, и самъ отправился къ себѣ въ комнату.

Тамъ онъ не долго оставался одинъ. Доровея, отдавъ кое-какія приказанія по хозяйству на слѣдующій день дочери Мартанѣ и управителю, осмотрѣвши въ дѣтской, спокойно-ли спятъ дѣти и поправивъ кому подушку, кому одѣяльце, вошла къ мужу.

Петръ бросилъ на жену нѣжный, глубоко-благодарный взглядъ и проговорилъ:

— Поди сюда Доровея и поговоримъ; ты вѣдь должна мнѣ облегчать бремя заботъ.

— Я еще дорогой замѣтила—отозвалась та,—что у тебя неспокойно на душѣ. Навѣрное ты безпокоишься за кого нибудь изъ сыновей.

— И какіе у нея глаза! говорилъ Петръ, не слушая жены.

— Живыя, выразительныя,—отвѣчала Доровея, очевидно зная о комъ идетъ рѣчь. Но ты напрасно тревожился за Поликарпа: онъ еще такъ молодъ, а Сирона...

— Однако-жъ, Доровея, перебилъ ее сенаторъ,—то, о чемъ я хотѣлъ тебя предупредить, тебѣ кажется ужъ давно извѣстно. Дѣйствительно я недоволенъ Поликарпомъ и желалъ-бы съ его стороны поменьше вниманія къ чужимъ женамъ и побольше серьезныхъ занятій скульптурными работами. А скажи мнѣ, какъ смотритъ Сирона по обязанности жены, способна-ли она измѣнить супружескому долгу?

Доровея отрицательно покачала головой и сказала:

— Сирона?! Да это милое, добродушное дитя? Правда, она не чувствуетъ къ мужу ни любви, ни уваженія, онъ даже ей просто ненавистенъ, сколько я могла узнать изъ разговора съ нею; должно быть еще въ Римѣ мужъ сдѣлалъ съ нею что нибудь очень дурное, послѣ чего примиреніе между ними невозможно. Но съ другими, со всѣми она чистосердечна и привѣтлива. Ты

знаешь, какъ привязаны къ ней дѣти и даже Мартана. Я сама ее очень люблю и желала-бы ее сдѣлать христіанкой. Сирона во всемъ слушается меня и старается пріобрѣсти мое расположеніе; она желаетъ нравиться всѣмъ, даже дѣтямъ и Поликарпу ни чуть не больше другихъ, хотя онъ и красивый, видный молодой человѣкъ.

— Но онъ, возразилъ Петръ, очень ею занятъ; уже и мужъ замѣтилъ это. И недальше какъ вчера, встрѣтившись со мною, Фебицій, по своему обыкновенію, до приторности вѣжливо просилъ меня передать сыну, что онъ вовсе не охотникъ до цвѣтовъ и не желалъ-бы, получать розы черезъ окно. «Если же, прибавилъ онъ, Сиронѣ и понадобятся розы, то онѣ будутъ у ней и безъ постороннихъ услугъ».

Дороѳея нѣсколько измѣнилась въ лицѣ и замѣтила коротко и рѣшительно:

— Если такъ, то какъ мнѣ не жаль будетъ разстаться съ его женой, но пусть лучше онъ уѣзжаетъ отъ насъ. Мы вѣдь не имѣемъ нужды въ жильцахъ.

— Не говори такъ жена, строго перебилъ ее Петръ. Зачѣмъ Сирона будетъ страдать за вину нашего сына. Она такъ любитъ нашихъ дѣтей, такъ почтительна съ тобою, какъ ты сейчасъ сама сказала; такъ зачѣмъ-же мы откажемъ ей отъ дома? Нѣтъ! пусть они остаются. Двери моего дома будутъ для нихъ заперты, только когда найдется для этого дѣйствительно основательная причина. Но поступивъ теперь такимъ образомъ, я только унизилъ-бы себя. Поликарпа же нужно предостеречь и напомнить, что онъ не только виноватъ передъ нами, но и поступаетъ во преки заповѣди Божіей. Я его отецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочу быть и его лучшимъ другомъ; желая ему добра, не хочу, чтобы онъ перенесъ въ домъ отца легкіе нравы столицы.

При послѣднихъ словахъ голосъ сенатора звучалъ рѣзко, а взглядъ его въ эту минуту былъ суровъ, почти мраченъ. Но Дороѳея не боялась его, и дру-

жески подойдя къ нему, взяла за руку и проговорила.

— Ты знаешь—женщина живетъ больше сердцемъ чѣмъ умомъ, и въ дѣлахъ сердца мы опытнѣе мущинъ, позволь лучше мнѣ поговорить съ Поликарпомъ, какъ женщинѣ и матери.... Я нисколько не сомнѣваюсь въ хорошихъ задаткахъ сына. Припомни, какъ всегда лестно отзывались объ его поведеніи учителя, когда онъ былъ въ Александрійской школѣ. Да еслибъ я и усумнилась въ Поликарпѣ, то стоитъ мнѣ взглянуть на тебя: изъ ребенка, воспитаннаго такимъ отцомъ, не можетъ выйти дурной человѣкъ.

Петръ убѣдился доводами жены и, пріятно польщенный ея послѣдними словами, смѣясь сказалъ:

— Ты говоришь сегодня, Дороѳея, точно какой-нибудь Александрійскій риторъ. Ну, такъ и быть, когда Поликарпъ вернется изъ Райту, толкуй съ нимъ сама. Однако-жъ какъ высоко стоитъ мѣсяцъ! Иди-ка спать. Завтра, чуть свѣтъ, Антоній будетъ строить алтарь, и я пойду посмотрѣть на его работу.

ГЛАВА IX.

Мирьямъ была права. Въ то время, какъ она сидѣла за ужиномъ, Гермасъ вошелъ во дворъ. Онъ принесъ сенатору молодаго только что подстрѣленнаго барана, въ благодарность за данныя его отцу лекарства, оказавшія большую помощь.

Конечно это дѣло можно бы было отложить до слѣдующаго утра, но Гермасъ не находилъ себѣ покоя на верху горы, да онъ нисколько и не искалъ его. Не одно желаніе выразить благодарность сенатору влекло его въ оазисъ, нѣтъ—ему болѣе всего хотѣлось видѣть Сирону и услыхать хоть одно слово изъ ея устъ.

Съ первой своей встрѣчи, онъ говорилъ съ Сироной, нѣсколько разъ, даже заходилъ къ нимъ въ домъ, по-

просить вина для отца или отдать уже пустыя бутылки. Въ памяти Гермаса живо сохранился тотъ день, когда однажды Сирона, наливая вино изъ большаго сосуда въ бутылку коснулась своими нѣжными пальцами его руки и замѣтя какъ рука его обыкновенно сильная и твердая задрожала, спросила, не испугался ли онъ чего нибудь.

Чѣмъ ближе Гермасъ приближался къ дому Петра, тѣмъ сильнѣе билось его сердце. Передъ воротами Гермасъ остановился перевести дыханіе и собраться съ мыслями; онъ чувствовалъ, что при охватившемъ его сильномъ волненіи, онъ не въ состояніи будетъ высказать ни одного слова. Наконецъ онъ положилъ руку на задвижку двери и вошелъ во дворъ.

Сторожевыя собаки знали Гермаса и потому тотчасъ же перестали лаять, когда увидали его.

Гермасъ, пришедшій съ цѣлью поднести подарокъ сенатору, чувствовалъ себя однакожъ чрезвычайно неловко; какъ воръ какой нибудь, собиравшійся сдѣлать покражу онъ безпрестанно оглядывался на домъ, ярко освѣщенный луннымъ свѣтомъ и на домъ Галла, который съ неопредѣленными очертаніями, былъ погруженъ въ темноту и бросалъ отъ себя рѣзкую тѣнь на гладко утоптанную мостовую.

На дворѣ никого не было, а запахъ кушанья возвѣстилъ Гермасу, что Петръ и его семья сидѣли за столомъ.

— Я пришелъ не во время, сказалъ онъ самъ себѣ, перекидывая барана съ лѣваго плеча на правое, и всматриваясь въ хорошо знакомое ему окно Сироны.

Окно это не было освѣщено, но, тѣмъ не менѣе, через каменныя рамы виднѣлось что то свѣтлое;—это что-то привязывало къ себѣ съ какою то чарующею силою взглядъ Гермаса. Этотъ свѣтящійся предметъ вскорѣ пришелъ въ движеніе и Гермасъ услыхалъ подлѣ себя пронзительный голосъ собачки Сироны.

Сирона была тутъ; да, это была непремѣнно она. Гла-

вамъ Гермаса живо представился образъ Сироны въ полномъ его очаровательномъ блескѣ. Онъ вспомнилъ что она была теперь совершенно одна, съ уходомъ ея мужа Фебиція, такъ онъ на дорогѣ встрѣтилъ центуріона вмѣстѣ съ старой невольцей, къ числу почитателей Митры. И вотъ благочестивый юноша, бичеваніемъ, постомъ и молитвою умерщвлявшій свою плоть, теперь въ послѣднее время совершенно преобразился. Конечно повинуясь волѣ отца, онъ не хотѣлъ покинуть теперь же гору, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшился не только не избѣгать свѣта, но напротивъ пользоваться всѣми его радостями.

Благочестивому Павлу онъ предоставилъ уходъ за отцомъ, а самъ бродилъ между скалами. Тутъ онъ упражнялся въ метаніи диска, въ охотѣ за хищными звѣрями и изрѣдка только ходилъ въ оазисъ къ дому сенатора, надѣясь хотя на минутку увидѣть Сирону. Теперь когда Гермасъ зналъ, что Сирона была одна, неодолимая сила увлекала его къ ней.

Чего онъ хотѣлъ отъ нея—онъ самъ не зналъ, ясно было для него одно желаніе еще разъ прикоснуться къ ея рукѣ. Было ли это грѣхомъ или нѣтъ,—ему все равно. Вѣдь считалась же на горѣ грѣхомъ вся переживаемая имъ въ послѣднее время тревожная жизнь, всякій земный помыселъ, къ которымъ такъ неудержимо стремились его молодыя силы. Да пусть это и грѣхъ, онъ—охотно беретъ всю его тяжесть на себя. Съ чувствомъ никогда до толѣ не испытаннымъ Гермасъ приблизился къ окну Сирены; лунный свѣтъ, упавшій на его лице помогъ молодой женщинѣ его узнать.

— Гермасъ!—позвалъ его тихій голосъ.

При звукѣ этаго голоса сильный страхъ охватилъ Гермаса, онъ остался какъ бы прикованнымъ на одномъ мѣстѣ, баранъ свалился съ плеча, и біеніе сердца, казалось, прекратилось.

— Гермасъ! раздался снова мягкій женскій голосъ,— зачѣмъ пришелъ ты сюда такъ поздно?

Вмѣсто отвѣта онъ безсвязно бормоталъ какія-то слова. Она его не поняла и сказала:

— Я не понимаю тебя, подойди сюда ближе.

Какъ бы противъ своей воли, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и очутился въ тѣни дома у самаго окошка Сироны.

На ней было платье съ открытыми рукавами, изъ подъ которыхъ виднѣлись ея руки, бѣлизною своею не отличавшіеся отъ платья и ярко блестѣвшія въ темнотѣ ночи.

Собака снова залаяла. Сирона успокоила ее и обратившись къ Гермасу, стала распрашивать о здоровьи отца и не нужно ли ему еще вина? Онъ отвѣчалъ, что она ангельски добра, что больной быстро поправляется и что они и такъ ужеслишкомъ много пользовались ея виномъ.

Казалось бы разговоръ ихъ былъ самаго невиннаго содержанія и могъ бы быть повторенъ при всемъ мірѣ, но они говорили шопотомъ и голосъ ихъ дрожалъ, какъ будто дѣло касалось чего-то запрещеннаго.

— Подожди минуту,—проговорила Сирона и исчезла въ глубинѣ комнатъ. Вскорѣ она опять появилась и проговорила тихо и печально:

— Я пригласила бы тебя войти въ домъ, но Февицій заперъ дверь на замокъ, да при томъ же я совершенно одна. Держи бутылку такъ, чтобы я могла, черезъ окно наполнить ея виномъ изъ сосуда. Съ этими словами она наклонилась къ полу поднять кувшинъ, который показался ей теперь тяжеле обыкновеннаго.

— Амфора слишкомъ тяжела для меня, сказала она.

Онъ протянулъ руку къ окну. Ея пальцы коснулись его руки, и онъ ощутилъ тотъ же самый захватывающій дыханіе трепетъ, который овладѣлъ имъ, и въ первый разъ при прикосновеніи. Въ эту самую минуту послышался шумъ во дворѣ напротивъ. Невольники вставали изъ за стола.

Сирона поняла причину шума, ужасъ охватилъ ее и она, бросившись къ двери, вскричала:

— Ради всѣхъ боговъ уходи скорѣй! Если они увидятъ тебя здѣсь, я погибла!

Гермасъ прислушался къ шуму, несшемуся съ другаго конца двора, окинулъ быстрымъ взглядомъ весь дворъ и когда увидалъ, что нѣтъ возможности спастись бѣгствомъ отъ слугъ Петра, громко крикнулъ Сиронѣ:

— Отойти назадъ,—а самъ прыгнулъ черезъ окно въ комнату Галла.

Въ эту самую минуту распахнулась дверь дома сенатора и невольники вышли на дворъ. Впереди всѣхъ шла Мирьямъ, оглядываясь кругомъ съ видомъ обманутаго ожиданія. Его не было здѣсь, а между тѣмъ она очень хорошо слышала его шаги и знала навѣрное, что ворота не отворялись другой разъ. Нѣкоторые невольники отправились отдыхать въ конюшняхъ, другіе усѣлись у воротъ, наслаждаясь свѣжестью вечерняго воздуха. Они расположились группами на землѣ, наблюдая за звѣздами, болтая между собой и распѣвая разныя пѣсни. Одна только дѣвушка осталась на дворѣ и оглядывалась по сторонамъ, какъ будто ища потерянную вещь. Она заглянула даже за жернова и въ сарай, куда прятали орудія каменотесовъ. Вдругъ она остановилась на мѣстѣ, ея руки сжались въ кулаки.

Въ нѣсколько прыжковъ, она очутилась у дома Галла въ тѣни. Противъ окна Сироны лежалъ баранъ, убитый Гермасомъ. Она дотронулась до него обнаженными тонкими пальцами своей ноги, но тотчасъ же, слегка дрогнувъ, отдернула ногу, такъ какъ наступила на свѣжую и влажную отъ крови рану животнаго.

Предчувствіе подсказано ей, кто убилъ барона, кто оставилъ его слѣдъ и кто находится такъ не далеко отсюда.

Теперь она знала, гдѣ находился Гермасъ и пробовала засмѣяться; ей казалось, что слезы не смогутъ заглушить жгучую боль въ ея сердцѣ. Но разсудокъ еще не совсѣмъ оставилъ ея.

— Они въ темнотѣ,—думала она,—и навѣрное замѣнять меня, если я буду стоять подъ окномъ, а все таки я непремѣнно должна знать, что они дѣлаютъ вдвоемъ. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ она отвернулась отъ дома Галла и

постоявъ нѣсколько времени на открытомъ мѣстѣ, освѣщенномъ луннымъ свѣтомъ, быстрыми шагами направилась къ жилищу невольниковъ. Въ нѣсколько минутъ влѣзла она на мельничный жерновъ а оттуда осторожно, беззвучно полобно змѣѣ, добралась ползкомъ, вдоль фундамента, покрытаго густою тѣнью, до жилища центуріона и расположилась подъ окномъ Сироны.

Сильное біеніе сердца мѣшало Миріямъ слышать, и понимать въ раздѣльности каждое слово, но она всетаки отлично различала звукъ его голоса, слышавшійся теперь уже не изъ комнаты Сироны, а изъ другой выходившей окнами на улицу. Слѣдовательно дѣвушка можетъ теперь встать на ноги и заглянуть въ открытое окно. Дверь между обѣими комнатами Сироны была затворена, но свѣтлая полоса показывала, что у нихъ горѣла лампа. Мирьямъ была уже готова перепрыгнуть, черезъ окно въ темную спальную, какъ вдругъ до нея донесся звонкій смѣхъ Сироны. Образъ ея соперницы воскресъ передъ нею, облитый тѣмъ же луцезарнымъ свѣтомъ, какъ и въ тотъ день, когда Гермасъ, внѣ себя отъ восторга, смотрѣлъ на нея. И теперь онъ вѣрно у ея ногъ, говоритъ ей нѣжныя слова о своей любви и простираетъ къ ней руки,—а она смѣется.

Вотъ она снова засмѣялась! Отчего же вдругъ все затихло? Не подставила ли она ему свои розовыя губы для поцѣлуя? О, да, навѣрное! И Гермасъ не отнимаетъ отъ нея своихъ рукъ, какъ въ тотъ день, когда у источника онъ, съ отвращеніемъ, отвернулся отъ нея, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращаться болѣе.

Холодный потъ выступилъ на лбу Мирьямъ,—она схватилась за голову, какъ безумная, и съ блѣдныхъ губъ ея сорвался крикъ, похожій на крикъ разъяреннаго звѣря. Въ одно мгновеніе Мирьямъ выскочила, черезъ ворота, въ которые выгоняли скотъ и бросилась бѣжать, внѣ себя отъ отчаянія по дорогѣ къ пещерѣ Митры, гдѣ находится Фебицій, мужъ Сироны. Отшельникъ Гелазій, замѣтивъ дѣвушку мчавшуюся между горами и тѣнь

ая перескакивающую съ камня на камень, бросился на землю и сталъ креститься; ему показалось, что передъ нимъ стоитъ призракъ языческой древности или Оріада, преслѣдуемая Сатиромъ.

Сирона услышала крикъ дѣвушки.

— Что это такое? спросила она юношу, стоящаго передъ ней и прекраснаго, какъ богъ войны. Юноша былъ одѣтъ въ полную форму римскаго воина, но движенія его были не воинственны и не ловки.

— Это не больше какъ крикъ совы, отвѣчалъ Гермасъ.

Отецъ долженъ мнѣ наконецъ открыть мое происхожденіе, и тогда я отправлюсь въ Византію — новый Римъ и скажу императору: я здѣсь и хочу поступить въ число твоихъ воиновъ,—сражаться за тебя.

— Вотъ такимъ ты мнѣ нравишься! сказала Сирона.

— Если это правда, возразилъ Гермасъ, то докажи это и позволь мнѣ разъ прикоснуться губами къ твоимъ золотистымъ волосамъ. Ты прекрасна и мила, какъ цвѣтокъ, весела и беззаботна какъ птичка и вмѣстѣ съ тѣмъ тверда какъ камень нашей горы. Если ты не позволишь мнѣ поцѣловать себя разъ, то я заболѣю и не смогу даже выйти изъ этой комнаты, а не то чтобъ сражаться на войнѣ.

— А уступи я тебѣ одинъ разъ, засмѣялась Сирона, твоимъ требованіямъ не было бы конца, и ты никогда бы не вышелъ отсюда. Нѣтъ, нѣтъ! мой другъ; я самая разсудительная изъ насъ двоихъ. Пойди сейчасъ въ темную комнату, а я буду наблюдать черезъ окно, не ушли ли невольники и нельзя ли выпрыгнуть тебѣ незамѣченнымъ на улицу. Слышишь ли? я требую строгаго и точнаго послушанія, мы и безъ того оставались слишкомъ долго вдвоемъ.

Гермасъ глубоко вздохнулъ и повиновался; Сирона открывъ ставни, выглянула на улицу. Въ это время невольники только что входили опять во дворъ. Сирона обратилась къ нимъ съ обычной своей дру-

жеской лаской, на которую и они отвѣчали ей также привѣтливо. Молодая женщина, никогда никого не оставлявшая своимъ вниманіемъ, была всѣми очень любима. Полной грудью вдохнула она свѣжій ночной воздухъ и ощущая внутреннее довольство собой, съ чувствомъ радости смотрѣла на луну.

Когда Гермасъ перепрыгнулъ къ ней въ комнату такъ неожиданно, то въ первый моментъ она страшно испугалась и отскочила отъ окна, но онъ схвативъ ея руку, прижался къ ней своими пылающими губами. Она допустила это, какое то странное смущеніе овладѣло всѣмъ ея существомъ.

Вдругъ послышался голосъ Дороѳеи: «сейчасъ, сейчасъ! я пойду только проститься съ дѣтьми».

Эти скромныя слова подѣйствовали волшебно на прекрасную и оскорбленную такимъ обращеніемъ женщину, созданную для счастья и любви.

Когда мужъ Сироны уходилъ изъ дома вмѣстѣ съ невольницей, запирая ее въ комнатахъ одну, она плакала отъ негодованія, старалась изобрѣсти всевозможныя планы, отмстить мужу или бѣжать, но мало по малу спокойно пріютившись у окна, она отдалась тихимъ воспоминаніямъ о родинѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, о темныхъ оливковыхъ рощахъ Арелаьа.

Въ эту-то минуту явился Гермасъ.

Сирона не разъ уже прежде замѣчала страстное восхищеніе молодаго отшельника; смущеніе, овладѣвавшее имъ при встрѣчѣ съ нею, даже льстило и радовало ее: онъ ей нравился, да къ тому же она знала что юный пустынникъ происходилъ изъ знатнаго рода. Какого состраданія заслуживалъ этотъ юноша, у котораго по милости суроваго отца, пропадали даромъ самые лучшіе годы молодой жизни!

Женщина легко даритъ свое расположеніе мужчинѣ, возбудившему въ ней состраданіе, отчасти можетъ быть и потому, что онъ заставляетъ ея чувствовать себя болѣе сильною, а отчасти можетъ быть и потому, что та-

нимъ образомъ онъ удовлетворяетъ лучшей потребности благороднаго женскаго сердца—съ нѣжною заботливостью приходить на помощь ближнему. Женскія руки мягче нашихъ. Въ мужскомъ сердцѣ любовь уже погасаетъ, когда начинается сострадание.

Восхищеніе мущины также благотворно дѣйствуетъ на сердце женщины, какъ солнечный лучъ на зародышъ растенія. Состраданіе исходитъ изъ самой глубины женскаго сердца. Но не подъ вліяніемъ любви дѣйствовала Сирона, подзывая Гермаса въ этотъ вечеръ къ окну. Она чувствовала себя такой печальной и всѣми покинутой, что рада была бы увидѣть всякаго, отъ кого могла бы услышать слова дружбы и сочувствія. И въ это-то время вдругъ появился молодой отшельникъ, который въ присутствіи ея забывалъ не только, весь міръ, но и себя самаго; его взглядъ, движенія и все въ немъ казалось, благоговѣло предъ ней. А его отважный прыжокъ къ ней въ окно, его смѣлое обращеніе! Да это,—любовь говорила она сама себѣ. Ея щеки пылали и когда Гермасъ схватилъ ея руку и прижался къ ней губами, она не сопротивлялась до тѣхъ поръ пока голосъ Дороѳеи о дѣтяхъ не напомнилъ ей и объ ея собственныхъ братьяхъ и сестрахъ. Освѣжающимъ потокомъ пронеслась эта мысль въ ея головѣ, невольно поставивъ вопросъ: каково бы ей было безъ семейства сенатора, стоитъ ли изъ за этаго долговязаго юноши, похожаго на школьника въ сравненіи съ Поликарпомъ, терять право смотрѣть имъ прямо въ глаза. И она съ строгимъ видомъ оттолкнула Гермаса, въ первый разъ приблизившаго губы къ ея роскошнымъ волосамъ, приказавъ ему держаться скромно и освободить ея руку. Она сказала это тихо, но такъ твердо и, рѣшительно, что юноша, привыкшій къ повиновенію, безпрекословно ушелъ отъ нея въ другую комнату.

Тамъ на столѣ стояла лампа, а на скамьѣ, прислоненной къ стѣнѣ, украшенной мозаикой, лежали платье, шлемъ, жезлъ центуріона и другія части вооруженія,

снятыя мужемъ Сироны, передъ уходомъ на праздникъ Митры, для перемѣны на одежды посвященнаго въ степень льва.

Свѣтъ лампы вывелъ Сирону изъ темноты. Когда она снова явилась предъ Гермасомъ въ полномъ блескѣ своей красоты и съ зарумянившимися щеками, юноша съ новымъ увлеченіемъ протянулъ руки, чтобы притянуть ея къ себѣ; но она съ ловкостью уклонилась отъ этого движенія, ставъ позади стола и защитивъ себя, такимъ образомъ, какъ-бы щитомъ, она кроткимъ, почти материнскимъ но твердымъ тономъ стала упрекать юношу за вольное и безпорядочное поведеніе. Знатокъ женскаго сердца, услышавъ подобныя выраженія отъ женщины, въ такой часъ и при такой объстановкѣ, конечно засмѣялся бы, но Гермасъ стыдливо опустилъ глаза, не возразивъ ни одного слова.

Въ Сиронѣ совершилась новая перемѣна. Въ восхищеніи отъ побѣды, одержанной ею въ борьбѣ съ собой, и проникнутая сознаніемъ собственнаго совершенства, она желала, чтобъ и Гермасъ вполнѣ понималъ и цѣнилъ ее.

Она стала разсказывать ему, сколько страданій и лишеній ей приходилось терпѣть въ оазисѣ; говорила о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ женщинъ, о жестокости и наглости мущинъ, но что и Гермасъ, продолжала она, также не лучше другихъ; отъ того, что она всегда была добра къ нему, онъ вообразилъ о какихъ-то правахъ на ея расположеніе, въ чемъ чрезвычайно заблуждался и будь только свободенъ дворъ, она тотчасъ-же попросила бы его уйти.

Но нѣсколько времени уже молодой отшельникъ слушалъ ея увѣщанія разсѣянно: все вниманіе его было приковано къ лежащимъ передъ нимъ вооруженіямъ Фебиція, давшимъ его страстнымъ чувствамъ совершено другое направленіе.

Невольно протянулъ онъ руку къ блестящему шлему и прервавъ рѣчь прелестной проповѣдницы спросилъ:

— Можно мнѣ надѣть его?

Такой вопросъ разсмѣшилъ Сирону, и она отвѣтила съ оживленіемъ:

— Возьми, возьми его! Хотѣлось-бы тебѣ быть воиномъ? Какъ это къ тебѣ должно идти! Сними, хоть на минуту свою отвратительную шкуру и позволь полюбоваться превращеніемъ отшельника въ центуріона.

Гермасъ не заставилъ повторить во второй разъ просьбу. Онъ сталъ, съ помощью Сироны надѣвать на себя одежду центуріона.

Такъ какъ наряжать другихъ составляетъ особенную прелесть для женщинъ, то и Сирона любила всевозможныя переодѣванья.

Такимъ образомъ намъ становится совершенно ясно, почему сенаторскія дѣти такъ любили Сирону. Она нетолько позволяла имъ навѣшивать на себя множество платковъ, лентъ и цвѣтовъ, но даже сама изобрѣтала для нихъ самыя разнообразныя и фантастическія костюмы.

Только что Гермасъ предсталъ передъ ней въ шлемѣ, ей страшно захотѣлось довершить самой его переодѣванье. Она усердно помогала ему надѣть мундиръ, застегнуть пряжки панцыря и опоясаться мечемъ.

Во все это время анахоретъ выказывалъ себя чрезвычайно неловкимъ, чѣмъ и возбудилъ беззаботно веселый смѣхъ Сироны, а когда онъ ловилъ ея руку, что случалось нерѣдко, она ударяла его по пальцамъ и бранила. Смущеніе Гермаса быстро исчезало среди этой веселой дѣтской забавы. Скоро и онъ сталъ также жаловаться на свою судьбу, разсказывая какъ непріятно для него жить на горѣ, что самъ Петръ совѣтовалъ ему попытать счастья въ свѣтѣ и что, послѣ выздоровленія его отца, онъ непремѣнно будетъ совершать безсмертные подвиги.

Она то хвалила и одобряла его, то смѣялась надъ его неуклюжими манерами и съ комичною важностью показывала какъ должно сидѣть и стоять воину. Больше всего смѣшило Сирону стараніе Гермаса подражать ей.

Въ этой веселой забавѣ незамѣтно проходили часы. Гермасъ чувствовалъ себя необыкновенно гордымъ въ сол-

датскомъ вооруженіи и въ мечтахъ о будущихъ подвигахъ. Сиронѣ же было также весело, какъ прежде бывало въ играхъ съ дѣтьми и даже вопль Мирьамъ, принятый Гермасомъ за крикъ совы, только на минуту напомнилъ ей объ опасности, имъ угрожавшей.

Невольники Петра уже давно отправились на покой, когда Сирона, утомленная игрой, велѣла Гермасу снять вооруженіе мужа и оставить ее.

Въ то время какъ Гермасъ снималъ съ себя вооруженіе, Сирона тихонько пріотворила ставню и сказала Гермасу:

— Тебѣ должно опять черезъ окно пробраться на улицу. Но погоди, вотъ кто-то проходитъ по улицѣ, а такъ какъ онъ спѣшитъ, намъ недолго придется ждать.

Потомъ Сирона, съ осторожностью, совсѣмъ открыла ставню и залилась звонкимъ смѣхомъ, когда оглянувшись увидала какъ неуклюже и неловко Гермасъ снималъ нарядъ и отстегивалъ пряжки наколѣнниковъ. Вдругъ смѣхъ замеръ на ея губахъ: она услышала стукъ въ калитку, лай собакъ, а вслѣдъ за тѣмъ и голосъ своего мужа, приказывавшаго собакамъ замолчать.

— Бѣги, бѣги скорѣй, ради всѣхъ боговъ! воскликнула она трепещущимъ голосомъ и не потерявъ присутствія духа,— что нерѣдко случается съ женщинами въ подобныхъ опасныхъ положеніяхъ, поспѣшно затушила лампу, открыла ставни и вытолкнула Гермаса изъ окна.

Гермасъ, непростившись съ Сироной, выскочилъ на улицу и побѣжалъ по направленію къ часовнѣ, преслѣдуемый громкимъ лаемъ собакъ. Но не успѣлъ онъ пробѣжать и половины дороги, какъ увидѣлъ приближающуюся мужскую фигуру.

Полный ужаса Гермасъ скрылся въ тѣни дома, но ночный путникъ, ускоривъ шаги, шелъ прямо къ нему. Тогда Гермасъ снова пустился бѣжать; путникъ преслѣдовалъ его шагъ за шагомъ. Вотъ Гермасъ миновалъ дома оазиса, достигнулъ горной тропинки. Онъ чувствовалъ, что онъ бѣжитъ скорѣе преслѣдователя и готовился уже перепрыгнуть чрезъ обломокъ скалы, лежащей

на дорогѣ, какъ вдругъ услыхалъ позади свое имя. Узнавши голосъ добраго Павла, Гермасъ остановился.

— Такъ это ты,—сказалъ Александрїецъ, подходя къ нему и задыхаясь отъ усталости. Ты быстрѣй меня. Годы наливаютъ ноги свинцомъ, а знаешь ли ты что придаетъ крылья? Нечистая совѣсть. А что твоя совѣсть нечиста—извѣстно всѣмъ даже по лаю собакъ.

— Пусть ихъ! возразилъ Гермасъ, напрасно стараясь освободиться отъ крѣпко сжимавшей его руки отшельника. Я вѣдь не сдѣлалъ ничего дурнаго.

— Не пожелай жены ближняго твоего, перебилъ его Павелъ съ глубокой важностью въ голосѣ. Ты былъ у прекрасной жены центурїона и ваше свиданїе было прервано. Гдѣ твоя овечья шкура?

Гермасъ испуганно схватился за плечи и ударяя себя по лбу воскликнулъ.

— Милосердный Богъ! я оставилъ ея у Сироны. Теперь этотъ бѣшеный непремѣнно увидитъ мою шкуру!

— А тебя самого онъ не видѣлъ? спросилъ Павелъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Нѣтъ, навѣрное нѣтъ, процѣдилъ Гермасъ сквозь зубы, но шкура... шкура....

— Такъ, такъ бормоталъ Павелъ, хоть твоя вина уже не можетъ уменьшиться, но все таки я постараюсь уладить твое дѣло. Постарайся только, чтобъ твой отецъ ничего не узналъ: это можетъ лишить его жизни.

— А бѣдная Сирона вздыхалъ Гермасъ.

— Предоставь мнѣ переговорить съ нею, прервалъ его Павелъ. Возьми теперь мою овечью шкуру. Ты не хочешь? Конечно, тому кто рѣшается осквернить брачныя узы ничего не значитъ сдѣлаться убїйцей отца. Вотъ такъ то лучше. На плечѣ моя шкура завязывается, тебѣ надобно это знать, такъ какъ тебѣ придется удалиться изъ этихъ мѣстъ не на одинъ и не на два дня. Тебѣ очень хотѣлось быть въ свѣтѣ? ну, теперь твое желанїе исполнится и мы посмотримъ, въ состоянїи ли ты будешь жить самостоятельно. Прежде всего ты пойдешь въ Рай-

ту, передашь отъ меня поклонъ благочестивому Никону и сообщишь ему о моемъ рѣшеніи остаться на горѣ; Богъ, во время продолжительной молитвы въ церкви, открылъ мнѣ, что я недостоинъ исправлять высокую должность старѣйшины, на которую меня выбрали. Потомъ ты сядешь на корабль, отправляющійся въ море и высадишься у Египетскихъ береговъ. Тамъ ты увидишь, бродящими цѣлыя толпы блемійцевъ. Твоею обязанностью будетъ наблюдать за ними, и когда узнаешь, что дикія орды собираются сдѣлать нападеніе на нашъ берегъ, извѣстить о томъ нашихъ часовыхъ. Какъ ты переѣдешь черезъ море и вообще доберешься до нихъ,—это твое дѣло. Чувствуешь ли ты себя довольно мужественнымъ отважиться на подобный подвигъ. Да? я этого и ожидалъ. Да поможетъ тебѣ Богъ! Я буду заботиться о твоемъ отцѣ. Если ты въ дѣйствительности чувствуешь свою вину и чистосердечно раскаиваешься, то благословенія твоихъ отца и матери да будутъ съ тобою!

— Вы убѣдитесь скоро, въ моей смѣлости, воскликнулъ Гермасъ, съ ярко блестѣвшими глазами. Мой лукъ и стрѣлы лежатъ въ твоей пещерѣ, я сейчасъ принесу ихъ и тогда... Но вы сами увидите, достоинъ ли я довѣрія. Поклонись отъ меня отцу и дай мнѣ еще разъ пожать твою руку.

Павелъ взялъ правую руку юноши и, притянувъ его къ себѣ, съ отеческою нѣжностью поцѣловалъ. Потомъ прибавилъ:

— Въ моей пещерѣ, подъ зеленымъ камнемъ около очага, лежатъ шесть золотыхъ монетъ, возьми себѣ три для путешествія. Можетъ быть онѣ понадобятся тебѣ заплатить за переправу. Ну, пора отправляться въ путь! Помни, что тебѣ во время надо прибыть въ Раиту.

Гермасъ, проникнутый важностью даннаго ему порученія, спѣшилъ къ горѣ. Заманчивыя картины подвиговъ, которые онъ намѣревался совершить, затемнили въ его мысляхъ образъ Сироны. Безгранично довѣряясь добротѣ и благоразумію своего друга, онъ ужъ болѣе не боялся за нее.

Всѣ подобныя повинности отправлялись большею частью непосредственнымъ трудомъ самихъ жителей, но иногда перелагались и на деньги: такъ собиралось по 1 алтыну съ двора для содержанія городскихъ воротъ (поворотное или алтыновщина), также производились денежные поборы на постройку мостовъ (мостовщина), на вооруженіе (пищальные оброки), на наемъ цѣловальниковъ, для кабацкихъ сборовъ (бражные оброки), на ночные обходы (загонное). Затѣмъ, на извѣстныхъ мѣстностяхъ, вѣроятно близко расположенныхъ къ царскимъ владѣніямъ, лежали еще повинности въ пользу княжескаго двора, „тянло къ дворецкому“; крестьяне этихъ мѣстъ обязаны были ставить княжескіе дворы въ городахъ и селахъ, пахать пашню, убирать хлѣбъ, кормить княжескихъ коней, копать и запруживать пруды, колоть и возить ледъ, ловить рыбу, бобровъ и пр.

Наконецъ, существовало много пошлинъ по управленію и суду. Все русское государство по отношенію къ управленію раздѣлялось на извѣстные округи или уѣзды, дѣлившіеся на станы, подраздѣлявшіеся въ свою очередь на волости. Впрочемъ, нѣкоторые уѣзды дѣлились прямо на волости. Уѣздами управляли намѣстники, волостями—волостели. Намѣстники завѣдывали также и судомъ, отправляя его лично или посредствомъ тіуновъ. Тяжущіяся стороны ставились доводчиками. Всѣ эти чиновники не получали опредѣленнаго жалованья, а „кормились“ поборами съ управляемыхъ ими волостей и пошлинами отъ суда. Сначала поборы эти были не особенно значительны. Въ Новгородѣ, въ началѣ XVI вѣка, въ одномъ имѣніи волостель съ тіуномъ и доводчикомъ получали съ обжи (около $2\frac{1}{2}$ десят.) около $7\frac{1}{2}$ денегъ, т. е. $1\frac{1}{2}$ четверти ржи (Дер. н. кн. I, 251). По онежской грамотѣ намѣстникъ получалъ на Рождество Христово по $\frac{1}{2}$ съ десятины, тіунъ получалъ половину намѣстничьяго корма, доводчикъ еще меньше (А. А. Э., т. I. № 181). На жителяхъ-же лежала обязанность строить для этихъ управителей опредѣленной мѣры дворы, и доставлять отопленіе (Двинская уст. грамота). Затѣмъ въ пользу ихъ шли судныя пошлины; они получали, наконецъ, пошлины при со-

вершенія различныхъ договоровъ: при продажѣ лошадей (пятно), убрусную и т. д.

Но кормленщики не ограничивались указнымъ кормомъ и позволяли себѣ множество всякаго рода противозаконныхъ поборовъ, достигавшихъ весьма значительныхъ размѣровъ. Тяглые люди посылаютъ жалобу за жалобой на произволъ и взяточничество намѣстниковъ, тіуновъ, доводчиковъ, приравнивая ихъ къ разбойникамъ, татямъ и лихимъ людямъ. Такъ, важане жалуются царю, что въ ихъ краю посадскіе и крестьяне отъ насильства, продажъ и тяжебъ разошлись одни въ монастыри, другіе невѣдомо куда, что они не въ состояніи прокормить своего намѣстника и пошлинныхъ людей (А. А. Э., т. I № 234). Вымогательства управителей были такъ разорительны, жалобы повторялись съ такимъ упорствомъ, что царь Иванъ Грозный, наконецъ, рѣшился совсѣмъ уничтожить намѣстниковъ и предоставилъ общинамъ самимъ выбирать излюбленныхъ старостъ, „кому межъ крестьянъ управу чинить и кого они излюбятъ всѣ". Впрочемъ, главнымъ побужденіемъ къ такой реформѣ было не сочувствіе къ угнетенному народу, всего вѣроятнѣе, что она была вызвана финансовыми разчетами. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи стр. 142 и слѣд). Самоуправленіе давалось не даромъ, общины должны были покупать его за извѣстный оброкъ въ казну: въ Двинской землѣ этотъ оброкъ былъ 20 р. съ сохи, станы Важскій, Шенкурскій и Вельскій платили за самоуправленіе $1^1/_2$ тысячи руб. въ годъ. Продажа самоуправленія была, такимъ образомъ, для правительства новой и весьма выгодной статьей дохода. Но, какіе бы мотивы не побудили царя къ такой реформѣ, крестьяне были во всякомъ случаѣ, въ первые, по крайней мѣрѣ, годы, въ выигрышѣ: вмѣсто произвольныхъ поборовъ, размѣръ которыхъ опредѣлялся корыстолюбіемъ намѣстниковъ, они платили теперь опредѣленный и, сравнительно, менѣе обременительный налогъ.

Намѣстнику были подчинены судомъ всѣ жители уѣзда. Но въ видѣ исключенія, многіе вотчинники, преимущественно монастыри, но не рѣдко и служилые люди, въ силу жалованныхъ грамотъ получали право самимъ судить крестьянъ сидѣвшихъ

на ихъ землѣ, освобождаясь отъ суда намѣстниковъ или вполнѣ или за исключеніемъ случаевъ извѣстныхъ преступленій, напр., разбоя, или разбоя и душегубства, иногда и татьбы съ поличнымъ. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ намѣстниковъ, замѣняли ключники (А. И., т. I, № 165) въ бобровыхъ деревняхъ ловчіе (А. А. Э., т. I, № 257) Для насъ здѣсь важно, впрочемъ, изслѣдованіе не самой землевладѣльческой юрисдикціи, а лишь экономическая сторона дѣла. Къ сожалѣнію, нѣтъ достаточно данныхъ для сравненія количества пошлинъ, платимыхъ владѣльческими крестьянами своимъ судьямъ-землевладѣльцамъ съ тѣмъ, которое бралось съ черныхъ крестьянъ и городскихъ жителей намѣстниками. Остается удовольствоваться только отрывочными данными. Землевладѣльцы обыкновенно судили не сами, а передавали свое право лицамъ, управляющимъ имѣніями: ключникамъ, посельскимъ въ новгородской землѣ (въ началѣ столѣтія), прикащикамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ, иногда особеннымъ тіунамъ, къ которымъ присоединялись для исполненія судебныхъ дѣйствій доводчики и недѣльщики. Судныя пошлины были, какъ кажется, весьма разнообразны. Въ одномъ мѣстѣ (селѣ Пузыревѣ) прикащикъ бралъ съ каждаго исковаго рубля по алтыну, т. е., по 3 процента, если же нужно было ѣхать или послать кого либо на потраву или межу, то брался еще алтынъ. Въ другомъ мѣстѣ крестьяне, вышедшіе въ полѣ биться, въ случаѣ мировой, платятъ посельскому десять денегъ и т. д. Затѣмъ, съ владѣльческихъ крестьянъ брались въ пользу землевладѣльцевъ, совершенно также, какъ съ черныхъ крестьянъ въ пользу намѣстниковъ, пошлины и во многихъ другихъ случаяхъ, напр., при совершеніи договоровъ: при мѣнѣ или продажѣ, особенно при продажѣ скота за волость (уст. грам. Тр. мон. 1500), при наймѣ работника (казака), причемъ, если казакъ былъ изъ другой волости крестьянинъ-наниматель платилъ явки 4 деньги, если изъ своей — деньгу (А. А. Э. I, № 307). При выдачѣ дочери замужъ въ своей волости, платился алтынъ-новоженный, въ противномъ случаѣ — гривна (А. А. Э., т. I, № 307). При уходѣ изъ волости, крестьянинъ платилъ пожилое или похоромное, при вступленіи въ волость—порядное. Трудно сказать,

повсемѣстно ли было въ обычаѣ во владѣльческихъ имѣніяхъ брать судныя пошлины. Въ писцовыхъ книгахъ, изданныхъ Географ. Обществомъ подъ редакціею Калачева, мы встрѣтили только въ одномъ имѣніи указаніе на существованіе пошлинъ въ пользу доводчиковъ; во всѣхъ же остальныхъ крестьяне платятъ только одинъ оброкъ и вовсе не говорится о какихъ либо иныхъ платежахъ землевладѣльцу.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію формъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ виду важности этого явленія для характеристики соціально-экономическихъ отношеній того времени, мы остановимся на немъ съ особымъ вниманіемъ, пользуясь для его изслѣдованія не только непосредственными указаніями источниковъ, но и сравненіемъ съ соотвѣтствующими сторонами быта другихъ народовъ.

VIII.

Послѣднія изслѣдованія относительно прошлаго состоянія человѣчества привели къ результатамъ, на основаніи которыхъ можно съ достаточной полнотой возстановить древнія формы культуры, семьи, управленія, языка, религіи, но они до сихъ поръ дали лишь самый ограниченный и отрывочный матеріалъ для рѣшенія вопроса о фазисахъ развитія собственности по отношенію какъ къ движимымъ предметамъ, такъ и къ землѣ. Несомнѣнно одно, что идея индивидуальной собственности и, въ частности, поземельной отсутствовала и затѣмъ была чрезвычайно слаба впродолженіи огромнаго періода первобытной жизни человѣчества. Возникши изъ факта завоеванія и ограниченная первоначально примѣненіемъ лишь къ ничтожному количеству вещей, она прошла длинный и замѣчательно-медленный путь развитія, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, не сдѣлалась господствующимъ учрежденіемъ и не легла въ основаніи всѣхъ существующихъ цивилизованныхъ обществъ. При этомъ развитіе идеи поземельной собственности, на сколько можно судить по собраннымъ уже даннымъ, отличается отсутствіемъ какой-либо правильности. Напрасно

было бы искать какой либо связи или строгаго однообразнаго соотношенія историческаго развитія этой идеи съ прогрессомъ открытій и изобрѣтеній. Справедливо, что начиная съ того момента, когда человѣкъ, подобно дикимъ животнымъ, питался готовыми продуктами земли, безъ помощи труда, и когда, слѣдовательно, не могла возникнуть даже мысль о поземельной собственности, каждая новая ступень въ развитіи культуры, языка, религіи, семьи, образа жизни, особенно культуры, должна была непремѣнно отражаться на отношеніяхъ человѣка къ землѣ и измѣнять ихъ; но измѣненія эти происходили далеко не вездѣ въ одномъ и томъ же направленіи. Въ однихъ случаяхъ количество объектовъ собственности, ограниченное сначала предѣлами необходимаго для добыванія средствъ къ существованію, постепенно возрастало, а самое понятіе собственности получало все большую и большую опредѣленность по мѣрѣ того, какъ извѣстное общество переходило отъ дикаго состоянія къ высшимъ ступенямъ культуры и дѣлало новыя пріобрѣтенія въ области знанія и искусствъ; въ другихъ случаяхъ такой параллельности, напротивъ, не замѣчается. Въ первомъ случаѣ, дѣйствительно, каждая новая историческая эпоха представляетъ значительное движеніе впередъ не только относительно количества открытій и изобрѣтеній, но также и относительно разнообразія и объема права индивидуальной собственности; въ послѣднемъ, наоборотъ, не смотря на развитіе культуры, индивидуальной собственности все таки не возникало и принципы, лежавшіе въ основаніи отношенія людей къ землѣ, оставались неизмѣнно тѣми же, что и прежде. Подобныя различія въ соотношеніи обоихъ взятыхъ нами явленій имѣли и имѣютъ мѣсто не только для различныхъ обществъ, но не рѣдко для частей одного и того же общества. Также мало правильнаго соотвѣтствія, по крайней мѣрѣ, по существующимъ даннымъ, можно замѣтить между перемѣнами въ общественной организаціи и измѣненіями въ формахъ землевладѣнія. Въ однихъ случаяхъ развитіе семьи, формъ правленія, вообще развитіе общественнаго міровоззрѣнія влечетъ за собой сильное расширеніе правъ семьи и личности относительно владѣнія и наслѣдованія землей, оканчива-

ющееся возникновеніемъ идеи полной собственности; въ другихъ, напротивъ, правила владѣнія и наслѣдства остаются мало измѣненными въ своихъ основаніяхъ, не смотря на рѣзкія перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ: земля остается въ коллективномъ владѣніи группъ индивидуумовъ, хотя бы начала, связывающія ихъ въ одно цѣлое, и были различны. Но при всемъ различіи въ исторіи обществъ по отношенію къ землевладѣнію болѣе или менѣе вѣрно одно, что съ переходомъ людей къ пастушескому быту и прирученіемъ животныхъ всегда возникала большая или меньшая опредѣленность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ землѣ. Отношенія, годныя для звѣроловческаго быта должны были неизбѣжно уступить мѣсто другимъ, болѣе опредѣленнымъ и постояннымъ послѣ того, какъ сдѣлано было великое открытіе, что дикія животныя: лошадь корова, овца, свинья, и др. могутъ быть укрощены и какъ стада ихъ сдѣлались источникомъ средствъ къ существованію. Къ тому же результату должно было привести, быть можетъ, одновременно происходившее измѣненіе въ самой организаціи общества. Пастушескому быту соотвѣтствуетъ повсюду соединеніе людей, представлявшихъ до того, какъ думаютъ, безформенную массу, въ группы, связующимъ началомъ которыхъ было родство и которыя всѣ предметы, добытыя тѣмъ или другимъ изъ членовъ, считаютъ общею собственностью рода, а землю, занятую родами, принадлежностію всѣхъ ихъ вмѣстѣ; но земля теперь раздѣлена между родами на части, остающіяся въ болѣе или менѣе продолжительномъ пользованіи ихъ для пастьбы скота. Изъ такого пользованія, однакожь, не могло выродиться право отдѣльной собственности уже потому, что истощеніе и невѣрность урожая травы на пастбищахъ требовала по временамъ новаго перераспредѣленія ихъ между родами. Еще менѣе было благопріятныхъ условій для появленія въ такомъ состояніи общества семейной или индивидуальной собственности. Право отчужденія жилищъ и земель постороннимъ лицамъ совершенно разрушило бы весь планъ жизни родовъ. Право владѣнія извѣстными мѣстами земли могло принадлежать членамъ рода лишь впродолженіи извѣстнаго срока и быть отчуждаемо не иначе, какъ только вре-

ственно и внутри рода. По смерти одного изъ членовъ рода имущество его переходило къ наслѣдникамъ, принадлежавшимъ къ тому же роду. Необходимость имѣть постоянный кормъ для домашнихъ животныхъ, переселенная вмѣстѣ съ этой нормы въ планъ человѣческой жизни, заставило людей выдѣлять извѣстную часть земли для заготовленія сѣна на зиму, поле, наконецъ, развившіяся потребности самого человѣка не побуждали его обратиться къ воздѣлыванію хлѣбныхъ растеній, что придало еще болѣе постоянства пользованію участками земли. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, хотя это трудно подтвердить точными свидѣтельствами, что не одно родство соединяло людей въ группы съ общимъ владѣніемъ землей, даже въ пастушескомъ быту, что цементирующими началами могли быть сознаніе пользы общежитія, общее завладѣніе извѣстной территоріей и связанныя съ нимъ общія колонизаціонныя работы и т. п., но несомнѣнно, что, при переходѣ къ земледѣлію, союзы, владѣющія землей сообща, состояли весьма часто изъ лицъ, не имѣющихъ между собою никакой родственной связи (у насъ напримѣръ, общины казаковъ уральскихъ, донскихъ и др.). Въ своемъ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ я старался доказать кромѣ того что не только родство, но также и общій трудъ, сами по себѣ, не могъ быть достаточнымъ условіемъ для образованія поземельныхъ общинъ и что причины ихъ образованія слѣдуетъ искать не только въ общемъ трудѣ но и въ соціальномъ міровоззрѣніи народовъ, унаслѣдованномъ отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ и отличавшемся въ первыя эпохи цѣлостностью. Это міровоззрѣніе выражалось не только въ устройствѣ взаимныхъ отношеній внутри поземельныхъ общинъ, но и въ отношеніи ко всей землѣ, занятой народомъ, какъ къ общему имуществу, которымъ каждый можетъ пользоваться лишь для приложенія своего собственнаго труда. Послѣ этого бѣглаго очерка развитія формъ поземельныхъ отношеній у всѣхъ народовъ вообще, мы перейдемъ къ исторіи землевладѣнія въ древней Россіи. Русскіе славяне до основанія государства жили отдѣльными племенами, изъ которыхъ упоминаются въ лѣтописи поляне, древляне, сѣверяне, вятичи, радимичи, тиверцы, уличи, кри-

[illegible]чи, дреговичи, славяне. Земля, занимаемая каждымъ этимъ племенемъ, составляла, повидимому, принадлежность всего этого племени. Въ такомъ смыслѣ, повидимому, слѣдуетъ понимать выраженія: земля Ростовская, земля Древлянская, земля Двинская и т. п. Вслѣдствіе какихъ причинъ явилось такое отношеніе къ землѣ: имѣли ли здѣсь вліяніе обычаи пастушескаго быта, сохранившіеся и при переходѣ къ земледѣлію, общее участіе въ занятіи, завоеваніи, защитѣ и обработкѣ земли, или составъ племени опредѣлялся родственными связями и каждый изъ родовичей имѣлъ по происхожденію равныя съ другими права на имущество, или, наконецъ, въ основаніи этихъ группъ лежало территоріальное начало — сожительство на одномъ мѣстѣ, — на этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Но туже идею принадлежности земли племени или народу встрѣчаемъ мы въ первыя эпохи исторіи и у всѣхъ западныхъ народовъ. Въ древней Греціи, Римѣ, Англіи, Даніи и Германіи земля признавалась принадлежностью цѣлаго народа и носила названіе въ послѣднихъ трехъ странахъ: Folcland, Almenning, Alminning, Almänniger т. е. народной, общей земли. Земля въ эти эпохи, повидимому, не служила предметомъ купли-продажи, по крайней мѣрѣ въ нашей исторіи, въ продолженіи всего кіевскаго періода, за исключеніемъ одного случая уступки княземъ земли монастырю (Печерскому), не было, по сохранившимся памятникамъ, случаевъ полнаго отчужденія земли посредствомъ продажи. Съ теченіемъ времени, какъ у насъ, такъ и во всѣхъ названныхъ странахъ взглядъ на право верховной собственности на землю нѣсколько измѣняется. Съ развитіемъ государственной власти право это переносится у насъ на князей, потомъ, съ утвержденіемъ единодержавія, на царя, который и считается верховнымъ собственникомъ земли. Въ Норвегіи уже въ самое раннее время мы встрѣчаемъ постановленіе или скорѣе обычай, вслѣдствіе котораго никто не имѣлъ права безъ позволенія короля отгораживать часть общей земли въ свое частное владѣніе и только король могъ отдавать общую землю въ аренду отдѣльнымъ лицамъ. Тоже самое было и въ Англіи, гдѣ земли раздавались съ согласія народа королемъ и гдѣ до сихъ поръ

король считается фиктивнымъ собственникомъ земли. Въ Германіи, впрочемъ, право короля на землю никогда не было проведено въ жизнь во всей своей широтѣ и [illegible] воз-[illegible] подвергалась значительнымъ ограниченіямъ. Совершенно тотъ же взглядъ на государя, какъ на субъекта права поземельной собственности господствуетъ и на Востокѣ; въ Египтѣ и Турціи государи, на основаніи этого права, весьма нерѣдко производятъ самыя крупныя измѣненія въ поземельныхъ отношеніяхъ. Неизвѣстно, когда и вслѣдствіе какихъ вліяній совершилось у насъ такое перенесеніе права на землю съ народа на государя, но въ XV—XVI в. земля уже называется „государевой землей“, „землей царя и великаго князя, государя и великаго князя“ и т. д. Татарское понятіе о ханѣ, какъ собственникѣ земли, надо полагать, не мало содѣйствовало если не возникновенію, то, по крайней мѣрѣ, развитію такого взгляда. (Неволинъ, исторія гражд. зак. III, 149, пр. 142). Равнымъ образомъ не безъ вліянія должень было остаться примѣръ церкви, выработавшей понятіе о неотчуждаемости земли, принадлежащей ей (А. Ист. I, № 7) и раздававшей свои земли въ помѣстья (Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія I. 443). Но разъ возникши такая идея, она должна была поддерживаться и усиливаться уже вслѣдствіе экономическихъ причинъ: съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣнности земли должно было развиться стремленіе санкціонировать право владѣнія землей посредствомъ утвержденія его государемъ, тогда какъ прежде, при обиліи земли и свободномъ ея занятіи каждымъ въ размѣрахъ его потребностей, не было такой надобности прибѣгать къ утвержденію и охраненію права.

Но перемѣна субъекта права весьма долгое время не влекла за собой существенныхъ измѣненій во взглядѣ на землю, какъ на общую собственность. До самой половины XVIII столѣтія у насъ не существовало частной поземельной собственности въ строгомъ римскомъ смыслѣ. Частныя лица, общины имѣли на нее лишь права болѣе или менѣе постояннаго владѣнія, собственникомъ же ея признавался государь. Для нашей цѣли чрезвычайно важно доказать несомнѣнность этого

фактъ и поэтому я привожу здѣсь наиболѣе типическія данныя, служащія ему подтвержденіемъ.

Вся земля Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, о которомъ мы имѣемъ наиболѣе данныхъ, раздѣлялась на четыре разряда: 1) самая большая доля ея оставалась не занятой — «порозжія земли»; 2) другая — находилась во владѣніи и пользованіи черныхъ крестьянъ; 3) третья часть, значительно превышавшая въ XVI вѣкѣ предыдущую, была роздана въ помѣстья и вотчины и, наконецъ, 4) четвертая — состояла въ непосредственномъ владѣніи самаго государя (дворцовыя и т. п. земли). Всѣ незанятыя земли въ древней Россіи, подобно тому какъ и теперь, составляли государственную собственность; право распоряженія которой принадлежало всецѣло князю. Эти земли служили неистощимымъ фондомъ для награды служилыхъ людей помѣстьями и вотчинами. Что касается до отношенія государя къ занятымъ землямъ, то прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, считаю не безынтереснымъ сообщить нѣкоторыя данныя о количествѣ различныхъ разрядовъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ концѣ XVI вѣка въ Коломенскомъ уѣздѣ числилось за помѣщиками, за исключеніемъ земель, состоявшихъ въ помѣстныхъ селахъ въ пользованіи духовенства: 1) пахатной земли „пашни паханой, переложной и поросшей лѣсомъ“ всякаго качества: доброй, средней и худой по 50,385 четьи ($25,162^{1}/_{2}$ десятины, — четья равняется полдесятинѣ) въ каждомъ полѣ, 2) луговъ, на которыхъ ставилось въ годъ переписи 7,892 копны сѣна; 3) 8,536 десятинъ пашеннаго и не пашеннаго лѣсу и 829 десятинъ непроходимаго лѣсу. Все это пространство земли находилось во владѣніи 459 помѣщиковъ.

Кромѣ того, въ Коломенскомъ уѣздѣ было по 8,137 десятинъ въ полѣ земли паханой, перелогомъ и поросшей лѣсомъ оброчныхъ и порозжихъ земель бывшихъ прежде помѣстьями, но въ моментъ переписи остававшихся нерозданными, а къ этой пашнѣ сѣнокосовъ на 17,285 копенъ сѣна, 1,027 десятинъ пашеннаго и непашеннаго лѣсу и около 6 квадратныхъ верстъ непроходимаго лѣсу.

Въ томъ же Коломенскомъ уѣздѣ было много земель за вотчинниками, которыхъ здѣсь считалось 202 человѣка. Вот-

чинной пахатной земли (пашни паханой, переложной, поросшей лѣсомъ) было 35,057 четей въ каждомъ полѣ, луговъ на 37,563 копенъ сѣна, пашеннаго и непашеннаго лѣсу 11,145 десятинъ и, наконецъ, поверстнаго лѣсу 1,035 кв. верстъ. Порозжихъ вотчинныхъ земель было: пашни 1,240 четей въ полѣ, луговъ на 460 копенъ сѣна, лѣсу пашеннаго и непашеннаго 23 десятины. Вслѣдствіе порчи писцовой книги нельзя опредѣлить количество митрополичьихъ и владычныхъ земель въ Коломенскомъ уѣздѣ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что они занимали обширное пространство. Черныхъ и дворцовыхъ земель въ Коломенскомъ уѣздѣ да и вообще въ центральныхъ уѣздахъ или совсѣмъ не было, или они описывались отдѣльно отъ помѣстій и вотчинъ (Ср. Неволинъ, о пятинахъ, приложеніе Ш стр.), но въ писцовой книгѣ, изъ которой взяты предыдущія данныя, о нихъ совсѣмъ не упоминается. Черныя земли остались въ XVI вѣкѣ главнымъ образомъ на окраинахъ въ нынѣшнихъ Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ (Неволинъ, приложеніе, обон. пятина). Кое гдѣ встрѣчались черныя земли и въ Тверскомъ уѣздѣ (Писц. кн. Калач., II отд. первой части, стр. 49, 64, 160 и др.).

Великокняжескія оброчныя земли повидимому были, по условіямъ пользованія, весьма близки къ чернымъ, такъ что писцы иногда употребляли оба эти выраженія безразлично (Неволинъ, прилож. стр. 157, 159 и пр.). Какъ тѣ, такъ и другія были обложены оброкомъ, вносимымъ непосредственно на князя.

Такихъ оброчныхъ земель было довольно много въ началѣ XVI вѣка даже въ Деревской пятинѣ, въ писцовой книгѣ которой въ началѣ описанія почти каждаго погоста упоминаются подобныя земли, взятыя на князя отъ помѣщиковъ, и гдѣ встрѣчаются цѣлыя волости такого рода [1]).

Въ противоположность чернымъ вотчинныхъ земель со-

---

[1]) Прибужская волость и оброчныя земли въ Вятской пятинѣ, взятыя на князя отъ бояръ и монастырей описаны у Неволина, прилож. стр. 11, 14, 16 и др.

всѣмъ не было ни на сѣверѣ, ни въ Новгородскихъ пятинахъ. Частное землевладѣніе представлялось здѣсь лишь помѣстьями, розданными большею частью боярскимъ дѣтямъ. Но здѣсь былъ еще мелкій классъ владѣльцевъ, такъ называемые *земцы* или *своеземцы*, что одно и тоже (Писц. кн. вот. пят. стр. 21, 75). Въ концѣ описанія почти каждаго погоста описываются земли такихъ своеземцевъ. Каковы были права ихъ на землю? Такъ назывались, кажется, туземные владѣльцы, удержавшіе свои права на землю отъ прежняго времени, въ отличіе отъ пришлыхъ помѣщиковъ, получавшихъ земли по указамъ Ивана III. Но въ доказательство помѣстнаго характера правъ ихъ на землю можно привести не только примѣръ псковскихъ земцевъ, но и нѣкоторыя прямыя свидѣтельства источниковъ. Въ Петровскомъ погостѣ Шелонской пятины описываются помѣстные земецкіе земли за служилыми за земцы (Неволинъ, прил. стр. 79; ср. 81, 88, 151. За своеземцы въ помѣстьѣ стр. 143; ср. 93 стр., гдѣ земцы прямо называются помѣщиками). Число этихъ земцевъ въпродолженіи 16 вѣка быстро уменьшается, такъ что къ концу столѣтія въ Деревской пятинѣ, напр., ихъ осталось всего 3 человѣка. Вотчины начинають встрѣчаться лишь съ Тверскаго уѣзда и количество ихъ послѣдовательно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ центральнымъ уѣздамъ. Въ Коломенскомъ уѣздѣ они занимали, какъ мы видѣли, громадныя пространства.

Что касается до вотчинныхъ земель духовенства: монастырскихъ, архіерейскихъ, митрополичьихъ, то они были распространены по всей тогдашней Россіи, но наибольшее количество ихъ приходится на центральныя уѣзды, гдѣ нѣкоторые монастыри (Троицко-Сергіевскій) владѣли громадными пространствами земли.

Быть можетъ, такое географическое распространеніе черныхъ земель, помѣстій и вотчинъ указываетъ на происхожденіе обоихъ послѣднихъ разрядовъ земель изъ черныхъ, а также вотчинъ изъ помѣстій.

Разсмотримъ теперь отношеніе государства къ каждому изъ этихъ разрядовъ земли.

1) Черныя земли первоначально были единственнымъ вы-

домъ земель. Слово черный въ примѣненіи къ землѣ значитъ на народномъ языкѣ, какъ кажется, никому непринадлежащій.

Въ древней Россіи всякая незанятая или находящаяся въ общинномъ крестьянскомъ владѣніи земля называлась черной „Монастырь сталъ на *черной* землѣ на тяглой" (Неволинъ, Прил. ж. стр. 159) „Распахали починокъ на черномъ лѣсу" (стр. 160; ср. Доп. къ А. истор. т. I № 117, 119). Въ томъ же значеніи и въ настоящее время понимается народомъ слово черный. По словамъ Якушкина (Обычное право, стр. XIX) крестьяне въ Ярославской губ. называютъ чернымъ передѣломъ такой раздѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлится между всѣми по числу душъ т. е. должна быть обращена въ общинную собственность. „Черныя земли, говоритъ Бѣляевъ были въ полномъ смыслѣ государственными (по современной терминологіи), и частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли пріобрѣтать ихъ въ свою полную собственность; одни только общины могли располагать ими и то безъ права отчужденія" (О поземельномъ владѣніи стр. 4). Первые князья старались предупредить всякое посягательство частныхъ лицъ на эту народную собственность. Въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ тяглымъ людямъ предоставлено право выкупать купленныя кѣмъ либо черныя земли, а, если такого выкупа не было, тѣмъ не менѣе купившій былъ обязанъ или тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми или возвратить имъ землю безвозмездно (Собр. Г. грам. и догов. т. I № 33). Боярамъ и слугамъ даже совсѣмъ запрещалось покупать села „численныхъ" людей (Ibid. I: № 28 А. А. Э. I, № 29). Въ другихъ случаяхъ подобное запрещеніе относилось вообще ко всѣмъ нетяглымъ людямъ (Собр. Госуд. Гр. и догов. I, стр. 180). Съ переходомъ верховнаго права поземельной собственности на государя черныя земли стали называться государевыми и въ актахъ нерѣдко встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „царева и великаго князя черная оброчная волость (Неволинъ, Прилож. стр. 164)", царя и великаго князя деревни черныя" (Писцов. книги Калач. II, 160). Сами крестьяне стали называть занимаемую ими землю также государевой и находящейся у нихъ лишь во владѣніи

„Се язъ Онтоней, Нечай, да Иванъ Стефановы дѣти Каразина ступилися есмя земли великаго князя, а своего владѣнія... Тимофею да Гаврилу Барсану Селивестровымъ дѣтямъ“ и т. д. (Ак. Юрид. № 23, стр. 54; Ср. стр. 55, 56, 57, № 26 стр. 66). Царскій Судебникъ называетъ эти земли и черными и государевыми (стр. 84 и 72). Но что государь владѣлъ этими землями на государственномъ правѣ, какъ представитель государства, а не на частномъ, это видно изъ свидѣтельства источниковъ, гдѣ черныя земли прямо противополагаются дворцовымъ, находившимся въ частномъ владѣніи князей (А. И. № 74; А. А. Э. № 198); въ писцовыхъ книгахъ обѣ эти разряда земель всегда описываются совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

2) Въ XVI вѣкѣ, какъ мы видѣли, наиболѣе значительный по пространству разрядъ земель представляли помѣстныя земли. Отношеніе къ нимъ государства было, по существу, одинаково съ тѣмъ, которое мы видѣли въ предидущемъ случаѣ. Подобно чернымъ, и помѣстныя земли называются въ актахъ государевыми: „въ сытонскомъ же погостѣ великаго князя деревни за помѣщики (Писц. кн. Дер. пят. II, стр. 460). Въ той же волости великаго князя села и деревни за помѣщики“ (Писц. кн. Калач. II, стр. 73), и такъ постоянно. Въ древней Россіи подъ помѣстьемъ разумѣлось не земля, а, скорѣе, доходъ съ извѣстнаго пространства земли, опредѣляемый за службу государству и соотвѣтственно ея значенію „Помѣстьемъ, говоритъ Лакьеръ въ своей книгѣ “О помѣстьяхъ и вотчинахъ“, называлась выслуга, опредѣленное и соразмѣрное съ званіемъ, къ которому принадлежало лицо, и мѣстомъ имъ занимаемымъ количество земли съ необходимыми при ней угодьями, данной за службу и подъ условіемъ службы, находившейся во временномъ владѣніи помѣщика, не имѣвшаго права „ни освоивать, ни окняживать, ни продать ее“. (Доп. къ А. И. I. № 52, стр. 108 II. № 40; Собр. Госуд. Грам. и догов. стр. 412).

Размѣръ помѣстій соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ заслугъ награждаемаго предъ государемъ. Получившіе помѣстья дѣлились на статьи. Въ 1550 году боярскимъ приговоромъ было постановлено раздать 1078 боярамъ, окольничьимъ и дѣтямъ боярскимъ и лучшимъ слугамъ помѣстья надъ Москвой

Всѣ награждаемые были раздѣлены на 3 статьи; бояре, окольничьи и дѣти боярскіе первой статьи получали по 200 четвертей земли, второй статьи—по 150 четвертей, третьей—по 100 (А. А. Э. т. I. № 225). Точно также при раздачѣ земель изъ помѣстій царевича Семіона Касаевича, боярина Заболоцкаго и князя Засѣкина (въ Звенигородскомъ уѣздѣ), получившіе ихъ дворовыя дѣти боярскія, городовыя боярскія дѣти и новики, то есть въ первый разъ получавшіе помѣстья, были раздѣлены первые на 4 статьи, вторые—на 5, а новики на 3. Дѣтямъ боярскимъ первой статьи велѣно было дать по 200 четьи на человѣка, дѣтямъ боярскимъ второй статьи по 150, и затѣмъ все меньше и меньше (Писц. кн. изд. Калач. I, 728).

Съ перемѣной должности измѣнялся и размѣръ помѣстья (Доп. къ А. И. т. I, грам. XXVII). Для контроля правъ помѣщиковъ на земли при Иванѣ IV были заведены особыя книги, называвшіяся, смотря по назначенію, писцовыми, отдѣльными и приправочными, въ которыхъ подробно обозначалась доходность помѣстья. Отводя земли помѣщикамъ, писцы и отводчики справлялись, кто съ котораго времени явился на службу, въ какомъ вооруженіи и съ какимъ числомъ вооруженныхъ слугъ (Доп. къ А. И., т. I, № 52, грам. I). Періодически описи повторялись и, если писцы находили помѣщиковъ на службѣ, то дѣлали о нихъ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: „Иванко служитъ въ посошныхъ воеводахъ“ (Писц. кн. изд. Калач. стр. 272); Гришка живетъ въ Твери въ разсылкѣ (ibid. стр. 273); Өедоръ на Москвѣ въ дьяцѣхъ“ (274). Неслужащихъ, если они не представляли законныхъ причинъ для удаленія отъ службы, писцы отдавали на поруки, вѣроятно впредь до распоряженія. Право на помѣстье давала безразлично, какъ государева, такъ и выборная служба. (Писц. кн. Калач. II. 242). Контроль черезъ писцовъ оказался, вѣроятно, недостаточнымъ и впослѣдствіи изъ среды дворянъ были выбраны окладчики, которые обязаны были про дворянъ и дѣтей боярскихъ «сказывати вправду и никого не покрыти, и по недружбѣ ни на кого не затѣвати, кто каковъ службою и каково за кѣмъ помѣстье и вотчина, и какъ кому мочно государеву службу служить, и

свойство у кого дѣтей или меньшихъ недорослей. (Собр. госуд. грам. и догов. III, 200). Помѣщики вообще обязаны были слѣдить, чтобы никто не служилъ хуже, чѣмъ онъ долженъ былъ-бы по своему состоянію, чтобы дѣти служилыхъ людей, достигшія опредѣленнаго возраста, въ которомъ могли-бы нести службу, не оставались праздными (Лакіеръ, стр. 179, 187). Такимъ образомъ право помѣщика на землю было жалованьемъ за службу и имѣло силу лишь во время службы (Собр. Гос. гр. и догов. т. I № 22; А. А. Э. т. I, № 6). При такихъ условіяхъ право помѣщика должно было быть чрезвычайно ограниченно и дѣйствительно онъ далеко не былъ свободенъ въ распоряженіи землей. При всякаго рода отчужденіи ему необходимо было испрашивать разрѣшенія. Мѣна помѣстій производилась не иначе, какъ съ позволенія государя. Помѣщикъ подавалъ просьбу „о роспискѣ тѣхъ помѣстій" тому, съ кѣмъ онъ мѣнялся, и объ утвержденіи за нимъ вновь вымѣненнаго помѣстья: „вели, Государь, то помѣстье написати за нами въ помѣстьѣ въ угодьѣ" (А. И. т. I № 245; Доп. къ А. И. I, № 52, стр. 90). Такое же разрѣшеніе требовалось въ случаѣ желанія помѣщика дать женику въ приданое за своею дочерью части помѣстной земли или прожиточнаго вдовьяго помѣстья (Лакіеръ, стр. 204. Примѣры помѣстій, взятыхъ въ приданое см. у Неволина, прилож. стр. 210 и 218). Вдова помѣщика только съ разрѣшенія государя могла удержать за собою все помѣстье мужа или часть его „на прожитокъ" (Лакіеръ, стр. 207). Выдѣленное количество земли на прожитокъ дочерямъ оставалось за ними до смерти или до 15-лѣтняго возраста, послѣ чего земля отписывалась на государя (ibid). Но, ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы не имѣли права отчуждать данныхъ имъ прожиточныхъ помѣстій (ibid. 209). Размѣръ прожиточныхъ имѣній зависѣлъ отъ воли государя (ibid. 211 стр.) и для этой цѣли впослѣдствіи изданы были особыя постоянныя правила. Будучи только временнымъ владѣльцемъ государевой земли помѣщикъ, понятно, не имѣлъ право безъ особаго разрѣшенія завѣщать своего помѣстья наслѣдникамъ, хотя-бы то были его дѣти. По смерти отца сыновья должны были просить государя о полученіи его имѣнія и просьба ихъ удовле-

творялись только послѣ строгаго разслѣдованія относительно справедливости ихъ показаній и годности ихъ самихъ къ отправленію службы. Если просители были моложе 15 лѣтъ, то помѣстье бралось до достиженія этого возраста на государя, „пока въ службу не поспѣютъ“, поспѣвшіе-же въ службу вводились тотчасъ во владѣніе особой грамотой, включавшей въ себѣ обязательство нести службу (Лакьеръ, 213—214). Получивши на такихъ условіяхъ земли, помѣщикъ, разумѣется, обязанъ былъ съ точностью исполнять свои обязанности по отношенію къ государю. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи влекло за собой перемѣну, уменьшенія или лишенія помѣстья. Отнятіе помѣстій и передача ихъ другимъ лицамъ были до того обыкновеннымъ явленіемъ, что при описи нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ Деревской и Вотской пятинъ 1495—1500 годовъ, при описаніи каждаго помѣстья говорится о такой передачѣ съ указаніемъ именъ прежняго и настоящаго владѣльца, напр.: „Великаго князя волостка (Деревской пятины Вельскаго погоста) Богдановская Трубицына за Неклюдомъ да за Шеметомъ за Ѳедоровыми дѣтьми Шалимова въ помѣстьѣ“. Въ этомъ случаѣ помѣстье взятое отъ Трубицына было передано Шалимовымъ. Взамѣнъ отобраннаго помѣстья въ одномъ мѣстѣ помѣщику давалось другое въ другомъ мѣстѣ. „За Микиткою за Торокановымъ (помѣстье), что ему далъ князь великій противу его земель Московскихъ“ (Неволинъ, приложеніе стр. 209). Также часто помѣстья мѣняли своихъ владѣльцевъ и въ центральныхъ уѣздахъ (Писц. кн. I. 11—12, 34—35 стр.; ср. 41 и слѣд., 339 и слѣд., 412 и слѣд. и въ др. мѣстахъ). Достаточно взглянуть на перечень причинъ, вслѣдствіе которыхъ помѣстья и вотчины уменьшались или совсѣмъ отнимались у владѣльцевъ, что-бы убѣдиться, какъ непрочны были права ихъ владѣльцевъ и какъ далеко различались они отъ права собственника. Крамола, [illegible], воровство, старость, болѣзнь, съѣздъ со службы до срока или до „отпуска“, измѣна, неявка на службу, нѣтство (помѣстье отнятое „за смоленскимъ нѣтомъ“ Писц. кн. Калач., II, твер. у.), завладѣніе посредствомъ подлога землею, принадлежавшею монастырю, государю

или частнымъ лицамъ, и вообще подложное присвоеніе себѣ помѣстья, испомѣщеніе служилаго человѣка землею, взятою по указамъ государя изъ раздачи въ помѣстья, напр. въ Старой Русѣ, утайка помѣстій и вотчинъ при сборѣ съ нихъ податей или неправильное обозначеніе количества земли и крестьянъ въ нихъ, держаніе у себя лицъ бѣжавшихъ изъ городовъ, посадовъ и черныхъ слободъ,—пристанодержательство воровъ и вообще лихихъ людей, покровительство корчемству, смертоубійство, отступничество отъ православнаго исповѣданія, переходъ въ другое, стѣсненіе христіанъ въ исполненіи обрядовъ православныхъ, превышеніе власти, споры за мѣста и объ отчествѣ во время крестныхъ ходовъ, пріѣздъ ко двору лицъ, у которыхъ въ домахъ свирѣпствовали заразительныя болѣзни—вотъ перечень случаевъ, въ какихъ помѣщики и вотчинники лишались своихъ земель.

Переходя къ изслѣдованію отношеній государственной власти къ землямъ вотчинниковъ, замѣтимъ, что уже тождество поводовъ къ отнятію какъ помѣстій, такъ и вотчинъ указываетъ на одинаковый характеръ правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Кромѣ того есть много другихъ данныхъ, доказывающихъ почти тождество этихъ правъ. Правда, въ писцовыхъ книгахъ вотчины и купли описываются всегда отдѣльно отъ помѣстій, и весьма рѣдко упоминается объ обязанности вотчинниковъ служить государеву службу, тогда какъ при описи помѣстій эта оговорка дѣлается постоянно, тѣмъ не менѣе вотчины немногимъ отличались отъ помѣстій, и при всей относительной полнотѣ правъ вотчинниковъ на распоряженіе землей они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ собственниками въ современномъ смыслѣ слова. За право владѣнія землей вотчинники, подобно помѣщикамъ, обязаны были нести государственную службу. Въ договорѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Димитрій Донской ставитъ взаимное условіе по которому бояре, жившіе въ удѣлѣ обоихъ князей,—слѣдовательно безразлично, вотчинники-ли они были или помѣщики,—въ случаѣ войны, начатой тѣмъ или другимъ княземъ, обязаны были ѣхать на военную службу (Собр. Г. гр. и догов. № 83). Вослѣдствіи вотчинники могли ограничиваться отпра-

владѣніемъ службы только тому князю, въ владѣніяхъ котораго они жили (ibid № 27), но обязанность служить все таки оставалась. Лѣтописцы XVI вѣка не дѣлали никакого различія между вотчинами и помѣстьями въ отношеніяхъ къ нимъ государственной власти. „Государь же уравненіе творяше, говорится въ Никоновской лѣтописи подъ 1556 годомъ, въ помѣстьяхъ землемѣріемъ учинена, комуждо что достойно, преизлишки-жъ раздѣлиша неимущимъ, а *съ вотчинъ и помѣстей уложенную службу* учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а вдалній походъ объ дву конь; а кто послужитъ по земли и Государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ кормленьемъ и на уложенные люди жалованье; а *кто землю держитъ, а службы съ нее не платитъ* и на тѣхъ на самыхъ имати деньги по службѣ". Въ отношеніи къ обязательствамъ по землѣ не дѣлалось разницы между вотчинами наслѣдственными и купленными. Въ своей духовной грамотѣ, писанной въ 1410 году, князь Владиміръ Андреевичъ завѣщалъ между прочимъ, что если его ключники купятъ деревни, будучи на службѣ и, если потомъ эти ключники будутъ дѣтямъ его не нужны, то деревни ихъ переходятъ дѣтямъ, смотря по тому, въ чьемъ будутъ удѣлѣ (Собр. госуд. грам. о дог. № 40). Съ прекращеніемъ службы прекращалось, такимъ образомъ, и право на купленную землю. Слѣдовательно положеніе, что земля могла принадлежать въ древней Россіи лишь во время службы, остается вѣрнымъ и по отношенію къ вотчинникамъ. Само собою разумѣется, что вотчинникъ не могъ ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было другимъ способомъ своихъ земель подданнымъ другаго государя (Собр. Г. гр. и догов. т. I, №№ 33, 23, 35), что уходя къ другому князю, онъ лишался своихъ вотчинъ въ государствѣ, изъ котораго выходилъ (ibid № 56), а, если они почему либо и оставлялись за нимъ, то прежній государь сохранялъ право суда и дани надъ ушедшимъ вотчинникомъ, гдѣ бы онъ ни служилъ (Г. гр. и дог. т. I. № 33). Незначительность въ различіи правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ была причиной, почему писцы смѣшивали ихъ при описи (Писц.

кн. Мал. II, 171). Одинакожъ, разница между помѣстьями и вотчинами, особенно въ первые періоды исторіи, была. Помѣстья произошли изъ „кормленія", изъ способа вознагражденія служилыхъ людей посредствомъ передачи имъ права на нѣкоторые доходы съ той или другой черной волости. Подобныя кормленныя черныя волости встрѣчаемъ еще и въ XVI вѣкѣ (Неволинъ, прилож. 58). Происхожденіе вотчинъ совершенно иное. Съ образованіемъ московскаго государства удѣльные князья, покоренные такъ или иначе Москвою, для того что-бы удержать въ своемъ владѣніи земли, которыя принадлежали имъ прежде какъ государямъ, должны были, сообразно общему порядку, сдѣлаться служилыми людьми и получить утвержденіе въ своихъ правахъ отъ великаго князя. Переходя на службу въ Москву, эти князья просятъ государя „пожаловать ихъ старыми вотчинами". Подобно всѣмъ другимъ разрядамъ служилыхъ людей они признаютъ, что земля принадлежитъ великому князю, и находится у нихъ только во владѣніи: „вотчина великаго князя, а своего владѣнія". Но для полнаго отождествленія правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ потребовались, и время, и особенныя усилія со стороны великихъ князей. Сперва великіе князья находили, что лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было скупить всѣ вотчинныя земли, что они и дѣлали или сами непосредственно (Г. гр. и догов. т. I, № 22) или чрезъ посредство своихъ слугъ, отъ которыхъ потомъ, въ случаѣ прекращенія ихъ службы отбирали купленныя земли на себя (ibid № 40). Но въ XVI в., когда власть московскихъ государей достигла всемогущаго значенія, вотчины дѣлаются собственностью государства и отнимаются при одинаковыхъ условіяхъ съ помѣстьями. Въ духовной Іоанна IV упоминается объ отобраніи отчинъ у потомковъ Стародубскихъ князей, князей Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ, собственно Палецкихъ; далѣе въ духовной говорится: „которыя вотчины я взялъ у князей ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Өедору". Случаи отобранія вотчинъ упоминаются и въ писцовыхъ книгахъ (см. Писц. кн. Калач. I. 380. Ср. 424—425: „вотчина, а прежь того была за другимъ"

то есть эта вотчина была отобрана и передана другому (Ср. стр. 469, 479, 491, 503). У князя Воротынскаго взята была его старая вотчина, городъ Одоевъ съ двумя другими городами и вмѣсто нихъ была дана вотчина на сѣверѣ (Ср. Писц. кн. Калач. I, стр. 880, гдѣ вотчина у вотчинника взята къ Переславлю, а вмѣсто нея дана другая).

При пріобрѣтеніи вотчины, все равно какъ и помѣстья, требовалось утвержденіе Государя. Такъ Шереметевъ при покупкѣ вотчины объясняетъ, что онъ покупаетъ „по жалованной царской грамотѣ“ (А. Юр. № 22). Наконецъ и въ законодательствѣ дополнительными статьями къ судебнику вотчины были совершенно сравнены съ помѣстьями. „Которыя вотчины, говорится тамъ, за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими и за другими служилыми князьями вотчины старинныя: тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (поминать); тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать, давать приданое и душу поминать изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью или сестрою въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишетъ брату родному, или двоюродному, или племяннику, роднаго брата сыну, или какому нибудь ближнему роду (родственнику), кромѣ тѣхъ степеней, въ которыхъ можно между собою жениться: а государь, того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому какую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинить. А котораго князя не стало бездѣтна и останется у него жена, и отпишетъ ей мужъ въ духовной что нибудь изъ вотчины, то жить ей на этой вотчинѣ до смерти; а какъ ея не станетъ, то вотчина на царя,

а душу ее велитъ государь отъ своей казны устроить. А который князь напишетъ женѣ въ духовной всю свою отчину, а отчина будетъ велика, то государь о той вотчинѣ указъ учинитъ. При пожалованіи вотчинъ употреблялись выраженія, ясно указывающія на условность правъ вотчинника и на то, что собственникомъ ихъ оставался царь: „я, царь и великій князь пожаловалъ князя Бориса Дмитріевича Палецкаго отца его и братьевъ вотчиною, по брата его, князя Андрея духовной грамотѣ. Жить князю Борису въ тѣхъ селахъ и владѣть ими до смерти, а умретъ или пострижется, то по немъ дать, за тѣ села, въ монастыри, по нашему уложенью, деньги, а тѣ села взять на меня, царя и великаго князя".

Такимъ образомъ, въ XVI в. было совершенно уничтожено всякое различіе вотчинъ отъ всѣхъ другихъ видовъ земель. Подобно чернымъ и помѣстнымъ землямъ они сдѣлались государственною собственностью и право владѣнія ими было связано съ обязанностью нести службу.

И если государь хотѣлъ, чтобы право владѣнія вотчиной продолжалось и на дѣтей то онъ объ этомъ дѣлалъ въ своей духовной особенное упоминаніе (Соловьевъ, Исторія Россіи, VII, 11). Само собою разумѣется, что земли почему либо оставленныя или отнятыя у помѣщиковъ и вотчинниковъ, снова возвращались государству и назывались «царя и велик. князя порозжіе земли» (Неволинъ, прилож. стр. 380), и на нихъ и помѣщались новые помѣщики и вотчинники (прилож. стр. 77, 78, 105, 113).

Иногда прежде раздачи въ помѣстья порозжія земли отдавались кому либо на оброкъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ попу (Неволинъ, прилож. 219), названному въ писцовой книгѣ своеземцемъ (ibid 222), крестьянамъ, или въ кормленіе (ibid стр. 346; Ср. стр. 11, 14, 16, 19; Писц. кн. Кал. I. 496, 593). При этомъ вотчинныя пустоши отдавались иногда въ помѣстья (Писц. кн. Калач. II, 371 стр.).

Были еще земли или вѣрніе деревни путныхъ бояръ, кормленщиковъ, завѣдывавшихъ спеціальными доходами (путами), напримѣръ, деревни конюшева пути, сокольничья и т. д. (Нев., прил. стр. 154. Ср. Временникъ, III; Бѣляевъ,

служилые люди, стр. 10). Нѣчего прибавлять, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правахъ собственности на землю.

Въ древней Россіи былъ еще разрядъ земель, къ правамъ владѣльцевъ которыхъ могутъ быть примѣнены до извѣстной степени всѣ наиболѣе существенныя опредѣленія, характеризующія право собственности. Это—владычнія и монастырскія вотчины, особенно послѣднія. Монастыри распоряжались своими землями совершенно самостоятельно, владыки были болѣе ограничены въ своихъ правахъ на распоряженіе землей: отдавая земли въ помѣстья, они не имѣли права дарить ихъ, такъ какъ эти земли принадлежали не лицу, а сану. Но въ отношеніи и къ этимъ землямъ сохранялась идея о верховныхъ поземельныхъ правахъ государства. Это доказываетъ не только то, что монастыри, отдавая свои земли въ помѣстья, обязывали помѣщиковъ отбывать за право владѣнія ими государственную службу, но также и систематически проводимая, особенно въ XVI вѣкѣ, политика московскихъ государей, направленная къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Неограниченное право монастырей на земли, занесенное изъ Византіи, находилось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основнымъ убѣжденіемъ русскаго народа, что земля составляетъ собственность государства, и въ продолженіи всего XVI вѣка правительство, поддерживаемое сочувствіемъ громаднаго большинства, стремится ограничить права монастырей на пріобрѣтеніе новыхъ земель и на самостоятельное распоряженіе прежними.

По господствовавшему въ то время взгляду земли могли принадлежать кому либо только подъ двумя условіями: подъ условіемъ 1), чтобъ лицо, владѣющее ею, тянуло тягло на государеву казну, или же, 2), чтобы оно отбывало службу. Въ XVI вѣкѣ московскому правительству пришлось вести много войнъ, требовавшихъ гораздо большаго сравнительно съ прежнимъ временемъ количества служилыхъ людей и такъ какъ, по принятой системѣ, эти послѣдніе обезпечивались главнѣйшимъ образомъ землями, то государство необходимо должно было придти въ столкновеніе съ монастырями, владѣвшими громаднымъ пространствомъ годныхъ земель и неотчуждае-

[illegible] государственныхъ потребностей. Но, не рѣшаясь вступить въ рѣшительную борьбу съ учрежденіями, имѣвшими за собой религіозную санкцію, московскіе цари старались сначала положить преграды переходу земель отъ служилыхъ людей къ духовнымъ учрежденіямъ: „чтобъ службѣ убытка не было“, уничтожить привиллегіи монастырей, отличавшія ихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ, и направить доходы съ церковныхъ богатствъ для удовлетворенія общихъ потребностей, на первый разъ такихъ, которые имѣли за собой особое освященіе церкви: помощи нищимъ, сиротамъ, больнымъ и т. д. (Калачовъ, о кормчей, стр. 122. Правило о церковныхъ людяхъ). Первыя попытки къ осуществленію этихъ стремленій были сдѣланы Іоанномъ III. Покоривши въ 1478 г. Новгородъ онъ потребовалъ себѣ половину всѣхъ владычнихъ и монастырскихъ волостей. Относительно монастырей требованіе его дѣйствительно было выполнено болѣе или менѣе точно, изъ владычнихъ-же волостей Іоаннъ, уступая просьбамъ, взялъ только десять волостей: „пожаловалъ“ владыку, запасшись, однако, полнымъ спискомъ духовныхъ имѣній, поданнымъ самимъ духовенствомъ. Когда была произведена общая опись земли Новгородской области, то, по всей вѣроятности, въ этомъ спискѣ оказались неточности и въ 1500 году Іоаннъ III во второй разъ отобралъ у новгородскаго духовенства имѣнья, которыя и были розданы боярскимъ дѣтямъ въ помѣстья (П. С. Р. Л. т. VI, стр. 216—217; VIII, стр. 204). Земли-же, оставшіяся у духовенства, были положены въ сохи, то есть обложены налогами, и притомъ такъ, что монастыри за тоже количество земли платили въ семь разъ больше налоговъ, чѣмъ помѣщики (Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи, стр. 57—58). Какъ кажется, около этого же времени новгородскому архіепископу и монастырямъ было запрещено покупать или принимать вновь земли на поминъ души (Павловъ, очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель, стр. 36). При описаніи бѣлозерской области писцы отписали у мѣстныхъ монастырей дворы, то есть земли, оставляя въ ихъ владѣніи только нѣкоторую часть прежнихъ имѣній (А. Юр. № 5). У Кириллова монастыря были отобраны всѣ привилегіи на [illegible]

сему князю (А. И., т. I, № 106). Въ вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городахъ: Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ и иныхъ другихъ, въ томъ числѣ даже Рязани, запрещено было отдавать вотчинныя земли въ монастыри на поминъ души. Это запрещеніе было распространено потомъ на вотчинниковъ древнихъ удѣльныхъ князей: суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ. Сами вотчинники, которымъ обычай отдавать земли на поминъ души въ монастыри, помимо распоряженій правительства не могъ быть выгоденъ, нерѣдко не исполняли завѣщаній объ отдачѣ имуществъ церквамъ и монастырямъ, стали „рудать духовныя грамоты“ (А. И. I, № 82). Не ограничиваясь отдѣльными мѣропріятіями правительство задумало провести общую мѣру относительно секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Приходилось бороться съ опаснымъ врагомъ и, въ виду этого, дѣйствовать осторожно и постепенно. Въ 1503 году Іоаннъ III на церковномъ соборѣ, созванномъ для другихъ цѣлей, устроилъ дѣло такимъ образомъ, что въ концѣ сессіи былъ затронутъ вопросъ объ отнятіи селъ у монастырей. Въ слѣдующемъ году на новомъ соборѣ вопросъ этотъ былъ предложенъ уже прямо въ упоръ. Но духовенство рѣшительно отказалось исполнить какія либо требованія царя, представивши въ доказательство неприкосновенности своихъ правъ массу свидѣтельствъ изъ священнаго писанія, причемъ упирало особенно на проклятіе для отнимающихъ села у монастырей. Три попытки, сдѣланныя Іоанномъ III для соглашенія съ соборомъ, встрѣтили одинаково энергическій отпоръ, и, въ концѣ концевъ великій князь оставилъ свои притязанія, и даже самъ сталъ раздавать земли духовнымъ. Вскорѣ онъ умеръ, но съ нимъ не умерла идея, которую онъ преслѣдовалъ съ такимъ упорствомъ долгое время. Въ продолженіе царствованія Василія Іоанновича она подвергалась всестороннему возбужденію въ тогдашней монастырской литературѣ, раздѣлявшей пишущихъ и общество на два враждебные лагеря: защитниковъ (Іосифъ Волоцкій) и противниковъ (Вассіанъ и Максимъ Грекъ) правъ монастырей на села. Василій Іоанновичъ, правда, не дѣлалъ попытокъ, даже и при благопріятныхъ для того обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, при завоеваніи Пскова, отнимать, подобно отцу,

духовныя имущества, но тѣмъ рѣшительнѣе вмѣшивалось оно во внутреннее управленіе монастырей, подчиняя ихъ строгому надзору: назначалъ самъ игуменовъ, требовалъ отъ монастырскихъ властей строгой отчетности въ употребленіи денегъ, давалъ наказы „какъ беречь казну и довольствовать братью". Настоятели сдавали другъ другу земли по описямъ великокняжескихъ писцовъ (Павловъ, стр. 101). И не смотря на то, что правительство не дѣлало особыхъ усилій, дѣло секуляризаціи совершалось какъ бы по инерціи, само собою безъ прямыхъ и открытыхъ притязаній со стороны правительства. Во время дѣтства Іоанна были отняты земли у нѣкоторыхъ монастырей и подтверждено запрещеніе отдавать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вотчины на поминъ души. Но это были все частныя мѣры. На соборѣ 1551 г. во второй разъ былъ проведенъ законъ, опредѣлявшій границы увеличенію монастырскихъ имуществъ во всей Россіи. Соборъ постановилъ: на будущее время архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ, безъ царскаго вѣдома и доклада не покупать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу не продавать; а кто купитъ или продастъ — у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данныя или которыя впередъ будутъ даваться монастырямъ по душамъ въ поминокъ, не выкупаются ни кѣмъ и никакимъ образомъ. Если при отдачѣ вотчинъ въ монастырь датель напишетъ въ духовной, данной или какой нибудь крѣпостной грамотѣ что родичи могутъ выкупить ее за извѣстную сумму денегъ, то пусть родичи выкупаютъ по старинѣ, какъ водилось при отцѣ и дѣдѣ государевомъ. Которыя царскія помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, и насильствомъ поотнимали ихъ владыки и монастыри, или которыя земли писцы отдали владыкамъ и монастырямъ, норовя имъ, если владыки и монастыри починки поставили на государевыхъ земляхъ; сыскать, чьи земли были изстари, за тѣми и утвердить ихъ. Возвратить назадъ села, волости, рыбныя ловли, всякія угодья и оброчныя деревни, отданныя послѣ великого князя Василія боярами владыкамъ и монастырямъ.... Въ Твери, Микулинѣ,

Торжкѣ, Оболенскѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Казани, также князьямъ суздальскимъ, ярославскимъ и стародубскимъ безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри по душѣ не давать; если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины отданныя безъ государева доклада до настоящаго приговора, брать на государя, но платить за нихъ деньги по мѣрѣ, и отдавать ихъ въ помѣстья. Въ 1573 г. дѣло получило дальнѣйшее развитіе и, по государеву приказу, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать; если вотчина будетъ уже и написана, то ее въ помѣстной избѣ уже не записывать, а отдавать роду и племени служилымъ людямъ, чтобы въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила бы; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ не выкупать. Но вотчины данныя небольшимъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, велѣно было, доложивъ государю, записывать.

Наконецъ въ 1580 г. проведена была болѣе радикальная мѣра, представляющая собою какъ бы итогъ дѣйствій Іоанна Грознаго въ этомъ направленіи. Въ соборномъ приговорѣ 15 января этого года, послѣ оговорки, что данныя монастырямъ вотчины не должны быть никакимъ образомъ отнимаемы, объясняется: „а отъ сего дня 15 января на послѣдующее время вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавать, а давать за нихъ въ монастыри деньги, и села брать наслѣдникамъ, хотя бы то и далеко было отъ роду. А если у кого не будетъ роду и дальняго, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить изъ казны; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладъ не держать, а кто послѣ этого уложенія купитъ землю или закладную станетъ за собою держать, то землю брать на государя; а которыя теперь закладныя за митрополитомъ, владыками и монастырями, тѣ земли брать на государя жь, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Которыя вотчины княжевецкія даны прежде, и въ тѣхъ волѣнъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Впередъ княжевецкихъ вотчинъ не брать; а кто возьметъ безъ госу-

держати ее вѣдомо, тѣ вотчины взять на государя безденежно; кто купилъ княженецкія вотчины и тѣ вотчины взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. У котораго монастыря убогаго земли будетъ мало или вовсе не будетъ, то онъ биетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ и бояры соборно приговоря, устроятъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже".

Если бы правительство XVI в. строго сообразовалось съ господствовавшимъ тогда взглядомъ на землю, оно должно было бы отнять у монастырей и церквей, всѣ ихъ поземельныя владѣнія и возвратить ихъ государству. Можетъ быть такъ бы и случилось, если бы церковь не противопоставляла всякимъ притязаніямъ такого рода каноническое ученіе о неприкосновенности церковныхъ имуществъ и не пригрозила проклятіями за всякую попытку нарушить его.

4) Остается сказать о дворцовыхъ (посошныхъ, подклѣтныхъ) имѣніяхъ. Это были земли отдѣлявшіяся князьями въ ихъ частное пользованіе.

Землями этими князья распоряжались свободнѣе, чѣмъ остальными: они могли ихъ продавать, дарить и раздавать въ помѣстья своимъ слугамъ. Опредѣленіе величины дохода съ нихъ въ казну также зависѣло отъ произвола князя. Но что князь не былъ вотчинникомъ этихъ земель, а владѣлъ ими, какъ государь, это доказывается во 1-хъ формой пріобрѣтенія этихъ земель. Покоривши Новгородъ, великій князь Іоаннъ III объявилъ новгородцамъ, чтобы они дали своему государю волости и села „такъ какъ намъ, великимъ князьямъ, государства своего держать на своей отчинѣ великомъ Новгородѣ безъ того нельзя" (Татищевъ Т. V. стр. 67). Онъ смотрѣлъ на землю лишь только, какъ на вознагражденіе за свою службу.

Князья увеличивали свои владѣнія также и покупкой земель, но мы видѣли, что покупка эта была только однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ князья старались возвратить отъ вотчинниковъ земли въ собственность государства. Во 2-хъ княжескія земли, подобно порожнимъ и оставленнымъ владѣльцами помѣстьямъ и вотчинамъ, служили фондомъ изъ котораго вознаграждалась всякая услуга, оказанная частнымъ

лицомъ государству. Въ XVI вѣкѣ эти раздачи дворцовыхъ земель служилымъ людямъ производились въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Можно сказать, что въ управленіи князя эти земли находились только временно, одни, пока онъ княжилъ, другая часть до отдачи ея въ кормленіе, помѣстья и вотчины.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими фазами въ развитіи у насъ идеи поземельной собственности. Скажемъ только, что до самаго конца XVIII столѣтія эта идея, въ томъ видѣ, какъ она выражена въ римскомъ правѣ, была чужда сознанію русскаго народа.

Въ первый періодъ исторіи, земля, такимъ образомъ, считалась собственностью всего племени и каждый принадлежащій къ нему имѣлъ равное съ другими право на участіе въ ней, во второй—право верховной собственности было перенесено на государя, подданные же имѣли, какъ и прежде, лишь право владѣнія и пользованія съ тѣмъ лишь различіемъ, что это право связывалось съ обязанностью нести тягло или службу.

Переходя отъ этого общаго очерка поземельныхъ отношеній къ спеціальному изслѣдованію крестьянскаго землевладѣнія мы можемъ, слѣдовательно, считать доказаннымъ, что крестьяне въ древней Россіи были лишь владѣльцами земли и потому намъ кажется совершенно несправедливымъ мнѣніе Бѣляева, (Крестьяне на Руси), поддерживаемое и Кейсслеромъ (Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland стр. 22), будто въ древней Россіи былъ разрядъ крестьянъ собственниковъ, пріобрѣтшихъ такое право покупкой или расчисткой незанятыхъ земель.

Намъ предстоитъ теперь весьма нелегкая задача прослѣдить исторически, какія формы принимало крестьянское землевладѣніе съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до введенія крѣпостнаго права и отъ какихъ условій зависѣло это измѣненіе формъ. Выше было сказано на основаніи наблюденій надъ жизнью первобытныхъ народовъ, что измѣненія формъ

землевладѣнія сводятъ въ нѣкоторой, впрочемъ до сихъ поръ не опредѣленной, зависимости отъ степени развитія культуры и другихъ соціальныхъ явленій, но особенно культуры. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ говорить объ видоизмѣненіяхъ въ способахъ владѣнія и пользованія землей, необходимо изслѣдовать, какія культурныя ступени прошелъ русскій народъ въ продолженіи своего историческаго существованія. Не смотря на всю свою важность, вопросъ о развитіи культуры русскихъ славянъ до сихъ поръ остается весьма мало изслѣдованнымъ. По мнѣнію Карамзина, весьма вѣроятно, что славяне были знакомы съ земледѣліемъ еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. (Исторія Россійскаго государства, т. I, стр. 73). Шафарикъ считаетъ славянъ народомъ искони земледѣльческимъ. Новѣйшія изслѣдованія по сравнительной филологіи доказали, что всѣ индоевропейскіе народы сохранили въ своихъ языкахъ болѣе или менѣе сходныя названія не только домашнихъ животныхъ, но и нѣкоторыхъ орудій земледѣльческаго производства, изъ чего можно заключать что земледѣліе было извѣстно имъ въ эпоху общей жизни ихъ въ Азіи, до переселенія въ Европу. Шлецеръ и Еверсъ, почти совсѣмъ не занимаясь вопросомъ о культурѣ, бросаютъ вскользь неясное предположеніе, что русскіе славяне стояли на невысокой степени ея развитія. Изъ позднѣйшихъ ученыхъ болѣе другихъ содѣйствовали разъясненію этой стороны быта Аристовъ (Промышленность древней Руси) и Хлѣбниковъ (Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи) [1]. Въ своей древней родинѣ, на берегахъ Дуная, славяне вели, повидимому, пастушескій образъ жизни: нѣкоторыя славянскія племена еще въ VI вѣкѣ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, находились на степени кочеваго быта. Прокопій говоритъ о славянахъ и антахъ, что древніе называли оба эти народа спорами, по всей вѣроятности потому, что они жили разсѣянно въ шалашахъ, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Они кочевали по большей

[1]) Смотри также статьи; «О земледѣліи въ древней Россіи» въ Трудахъ вольн. экон. общества за 1866, т. I, вып. III и IV, т. II, вып. I и Стронилова; «Скотоводство древней Руси» въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1871, апрѣль.

части лѣваго берега Дуная (Stritter, Memoriae populorum, т. II, стр. 29). Императоръ Маврикій, писатель того же VI вѣка, наоборотъ, говоритъ, что въ странѣ славянъ и антовъ множество всякаго скота и земныхъ произрастеній, которыя они ссыпаютъ въ кучи, особенно пшена и гречи. Сличая оба эти показанія, говоритъ Хлѣбниковъ, можно думать, что нѣкоторые изъ славянскихъ родовъ или людѣнъ занимались скотоводствомъ, другіе—земледѣліемъ; но это земледѣліе было еще первобытное, на что указываетъ отсутствіе постоянныхъ жилищъ (шалашей) и построекъ для сбереженія продуктовъ. Если въ такомъ переходномъ состояніи славянскія племена были потѣснены съ юга на сѣверъ Европы, въ мѣстности, покрытыя лѣсами и болотами, то продолжительность такого переходнаго состоянія должна была зависѣть отъ вліянія природныхъ условій, при которыхъ пришлось жить въ новой странѣ тому или другому изъ славянскихъ племенъ. На югѣ россійская равнина представляла, вслѣдствіе обилія плодородныхъ мѣстъ, наиболѣе благопріятныя условія для развитія земледѣлія, хотя и здѣсь приходилось преодолѣть для этого большія препятствія: нынѣшняя Кіевская губернія, теперь почти безлѣсная, была въ ту пору покрыта, по словамъ лѣтописи, непроходимыми лѣсами, изобиловавшими звѣрями. Точно также были покрыты лѣсами земли древлянъ и вятичей т. е. нынѣшнія: Волынская, Калужская, Тульская и Орловская губерніи. Но всего неблагопріятнѣе были для земледѣлія почвенно-климатическія условія мѣстности между Ильменемъ, Чудскимъ и Псковскимъ озерами, въ нынѣшнихъ: Псковской, Новгородской и Петербургской губерніяхъ, области, занятой новгородскими славянами. Страна эта была болотиста и почти безлюдна. Арабскіе писатели X-го вѣка называютъ Новгородскую землю островомъ, и она, вѣроятно, имѣла тогда такой видъ. Воды Балтійскаго моря понижаются на одинъ футъ въ столѣтіе, слѣдовательно можно съ вѣроятностью предположить, говоритъ Хлѣбниковъ, что за десять вѣковъ до нашего времени онѣ были выше на цѣлые десять футовъ, а потому весьма возможно, что болота, и теперь еще существующія въ Новгородской губерніи, были въ полномъ смыслѣ непроходимы въ

IX и X столѣтія, такъ что Новгородская территорія имѣла видъ острова. Поставленные самой природой въ невозможность заниматься земледѣліемъ, новгородцы рано должны были искать себѣ средствъ къ существованію въ рыболовствѣ и охотѣ за звѣрями. Много есть основаній думать, что такъ было въ дѣйствительности. Древнѣйшіе города новгородскихъ славянъ построены при озерахъ: Ладога — при Ладожскомъ озерѣ, Новгородъ — при Ильменѣ, Псковъ и Изборскъ — при Чудскомъ озерѣ, Бѣлозеро — при озерѣ того же названія и весьма возможно, что они обязаны такимъ приозерныхъ мѣстоположеніемъ своимъ именно тому обстоятельству, что новгородскіе славяне, пока они не нашли средствъ къ существованію въ торговлѣ, занимались рыболовствомъ. Въ Бѣлоозерѣ, стоящемъ отдѣльно отъ водныхъ торговыхъ путей, еще въ 1674 году считалось 17 дворовъ каменьщиковъ и огородниковъ и 228 дворовъ рыболововъ (А. Юр. № 231). Въ книгѣ Аристова собрано множество данныхъ, въ доказательство сильной распространенности рыболовнаго промысла на сѣверѣ Россіи. Русскіе славяне, поселившіеся на югѣ Россіи: поляне, радимичи и вятичи, вслѣдствіе обилія лѣсовъ, должны были, напротивъ, заниматься преимущественно звѣроловствомъ и пчеловодствомъ. О полянахъ лѣтопись говоритъ, что они ловили звѣрей въ великихъ лѣсахъ и борахъ, окружавшихъ Кіевъ, а о древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ замѣчаетъ, что они жили въ лѣсахъ звѣринымъ обычаемъ, какъ и всякій звѣрь. Еще въ половинѣ десятаго столѣтія варяги брали дань съ сѣверныхъ славянъ, а хазары съ полянъ „по бѣлой веверицѣ съ дыма", что указываетъ на общераспространенность и сильное развитіе звѣроловства. Но уже въ 964 году Святославъ, побѣдивъ полянъ, собралъ съ нихъ дань „по шлягу съ рала", конечно съ плуга, какъ это объяснено въ лѣтописи подъ 980 годомъ, гдѣ разсказывается, что Владиміръ, завоевавъ вятичей, возложилъ на нихъ „дань отъ плуга, яко же и отецъ его имаше". Про древлянъ еще подъ 946 годомъ говорится, что Ольга, обманывая коростенцевъ, сказала имъ, что всѣ ихъ города „ялись по дань и дѣлаютъ нивы своя и земли своя". Эти слова доказываютъ, что на югѣ Россіи земледѣліемъ занима-

лись уже въ X вѣкѣ. Но, по всей вѣроятности, оно не составляло еще господствующаго занятія и находилось въ зачаточномъ состояніи. Ибнъ Вагшій, арабскій писатель, писавшій въ первой четверти X вѣка, разсказываетъ, что въ странѣ славянъ (вокругъ города Куябы т. е., вѣроятно, Кіева) нѣтъ ни виноградниковъ ни пашенъ; больше всего они сѣютъ просо. Но вообще можно сказать, что съ конца X вѣка земледѣльческая культура начинаетъ получать на югѣ преобладающее значеніе, болѣе и болѣе вытѣсняя звѣроловческую. Что касается до сѣверныхъ мѣстностей Россіи, то земледѣліе привилось здѣсь, кажется, позднѣе. Арабскіе писатели, если разумѣть подъ ихъ руссами, живущими на островѣ и окруженными озерами, жителей сѣверной области Россіи, какъ извѣстно, богатой озерами и болотами, разсказываютъ, что у руссовъ (новгородскихъ славянъ) нѣтъ пашенъ и что единственный промыселъ ихъ составляетъ торговля соболями, бѣлячьими шкурками и дорогими мѣхами (Гаркави, сказанія мусульманскихъ писателей о Россіи, стр. 268; ср. 283). Даже въ XVI вѣкѣ рыбная ловля и охота имѣли здѣсь гораздо большее значеніе для жителей, чѣмъ земледѣліе.

Въ религіозныхъ сказаніяхъ, въ нѣкоторыхъ пословицахъ и пѣсняхъ, въ лѣтописныхъ выраженіяхъ сохранились весьма ясные слѣды первобытныхъ степеней культуры и ихъ смѣны. Слово „гнѣздо" въ лѣтописи употребляется въ смыслѣ семьи; нынѣшнее слово „зять" замѣняется словомъ „вабій", отъ глагола вабить—заманивать птицъ. Древнѣйшія пословицы, встрѣчающіяся въ несторовой лѣтописи, заимствованы изъ пастушескаго быта, какъ, напримѣръ, мнѣнія древлянъ объ Игорѣ, выраженное въ формѣ такой пословицы: „аще ся ввадитъ волкъ къ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его". Пѣснь о Егоріи Храбромъ, наѣзжавшемъ на лѣса дремучіе, на стадо звѣриное, на сѣрыхъ волковъ — на рыскучьихъ, также носитъ на себѣ слѣды происхожденія изъ эпохи господства звѣроловства. Обоготвореніе Волоса, праздниства въ родѣ тѣхъ, про которыя въ одномъ мѣстѣ Синопсиса сказано, что простолюдины «на своихъ законопреступныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-Сатану и прочіе богомерскіе

скареды премышляютъ», сказки о вѣщей коровѣ буренушкѣ, о Бугъ-Богатырѣ коровьемъ сынѣ, обычаи, въ родѣ поклоненія въ поясъ вновь купленной коровѣ и поднесенія ей хлѣба-соли, существующаго и въ настоящее время въ орловской губерніи—всѣ эти явленія обязаны своимъ происхожденіемъ настушескому кочевому быту. Переходъ отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому выражается въ пословицѣ: «тукъ кормитъ, а лукъ портитъ» (Буслаевъ, Историч. Очер. русскаго быта: Были и пословицы; Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу; Хлѣбниковъ, Общество въ до-монгольскій періодъ; Аристовъ, Промышленность древней Руси).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русскіе славяне прошли чрезъ слѣдующія четыре культурныя степени: звѣроловство, рыболовство, пастушескій бытъ и земледѣліе, причемъ, вѣроятно, всѣ эти формы быта могли существовать и вмѣстѣ, но такъ, что одна изъ нихъ имѣла сообразно мѣстнымъ условіямъ преобладающее значеніе.

Какія отношенія русскихъ славянъ по землѣ, какія формы землевладѣнія соотвѣтствовали этимъ культурнымъ эпохамъ? Для рѣшенія этого вопроса, мы находимъ въ источникахъ только самые неполные и неясные намеки, притомъ исключительно относящіеся къ земледѣльческому быту и для того, чтобы дать на него сколько нибудь удовлетворительной отвѣтъ, намъ необходимо прибѣгнуть къ аналогіи съ бытомъ другихъ народовъ. Это, конечно, не замѣнитъ вполнѣ прямыхъ свидѣтельствъ, но, въ виду чрезвычайнаго однообразія явленій жизни первобытныхъ народовъ, такое сравненіе можетъ привести къ результатамъ весьма точно приближающимися къ дѣйствительности. Къ счастью, мы располагаемъ здѣсь весьма полнымъ и цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ наблюденіхъ надъ жизнью охотничьихъ, рыболовческихъ и пастушескихъ народовъ цѣлаго свѣта, и особенно современной Россіи. Въ явленіяхъ общественной жизни этихъ народовъ, мы можемъ найти ключъ для возстановленія и уясненія генезиса различныхъ стадій поземельныхъ отношеній. По справедливому замѣчанію г. Якушкина (Обычное право, стр. XLVI) обычаи инородческихъ народовъ Россіи „представляютъ богатый матеріалъ для срав-

нительнаго изученія права, и въ особенности для историческаго объясненія многихъ русскихъ обычаевъ и обрядовъ, внутренній смыслъ которыхъ неясенъ и въ которыхъ часто мы видимъ только отрывочные намеки на давно исчезнувшій, доисторическій бытъ“.

Въ виду большей или меньшей опредѣленности имѣющихся свѣдѣній объ инородческихъ поземельныхъ отношеніяхъ, мнѣ кажется, достаточно будетъ въ настоящемъ случаѣ ограничиться данными, относительно лишь ихъ однихъ, не приводя фактовъ изъ жизни другихъ первобытныхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что о нецивилизованныхъ народахъ, живущихъ внѣ Россіи, нашей читающей публикѣ гораздо болѣе извѣстно изъ изслѣдованій Мэна, Лавеле, Тейлора, Спенсера, Лёббока и другихъ, чѣмъ о сибирскихъ инородцахъ.

Начнемъ съ вогуловъ, живущихъ по обѣимъ сторонамъ уральскаго хребта, въ пермской и тобольской губерніяхъ. Этотъ небольшой народецъ, по роду своихъ занятій, раздѣляется на двѣ почти равныя части: кочующихъ и осѣдлыхъ. Первые не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства; зиму живутъ въ маленькихъ грязныхъ хижинахъ, лѣтомъ въ балаганахъ или конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ древесной корой. Кочуютъ въ своихъ лѣсахъ отдѣльными семействами, находясь часто на разстояніи другъ отъ друга въ 10—15 верстахъ, такъ какъ не имѣя другаго средства къ существованію, кромѣ звѣроловства, они, при болѣе плотномъ разселеніи, терпѣли бы недостатокъ въ дичи. Становища ихъ рѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе 5 юртъ. Бабстъ утверждаетъ [1], что каждое вогульское семейство „считаетъ своею собственностью то пространство, на которомъ сосѣди позволяютъ ему охотиться“. Тоже самое можно, кажется, вывести изъ разсказовъ Лепехина и Сорокина. По наблюденіямъ Сорокина [2], большинство вогулъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ имѣютъ на рукахъ, пониже кости, и на ногахъ различные узоры, состоящіе изъ

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Бабстъ, Рѣчная область Волги.

[2]) Труды общества естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ. Сорокинъ, Путешествія къ вогуламъ, стр. 28, 46—7.

темносинихъ черточекъ, квадратиковъ и точекъ и похожіе на кресты или четырехъугольники съ лучами во всѣ стороны и т. п. Эта татуировка тѣла производится съ различными цѣлями: молодыя женщины и дѣвушки украшаютъ себя въ большинствѣ случаевъ „ради кокетства". Мущины же имѣютъ другую цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогулъ, время отъ времени, вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ узоры, украшающіе его руки или ноги, и такъ какъ каждое семейство имѣетъ *свою тамгу*, то всякій охотникъ, идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что вогулъ изъ такого-то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ. Назначеніе этихъ насѣчекъ на деревьяхъ, Лепехинъ, (Путешествіе, т. 3, стр. 86), объясняетъ такимъ образомъ, что по нимъ вогулы „узнаютъ мѣста", а также „находятъ добытыхъ звѣрей, которыхъ по одиночеству они принуждены бываютъ оставлять въ лѣсахъ до времени". Называются эти насѣчки, по его словамъ, тіось, *пюсь*. Но какъ то трудно вѣрится, чтобы вогулы, принужденные то и дѣло мѣнять свое мѣстожительство, удерживали какіе-либо права на оставленныя мѣста. Нѣчто аналогичное, мы встрѣчаемъ у киргизовъ, относительно пользованія пастбищами: тамъ каждый родъ кочуетъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но земля вовсе не составляетъ собственности отдѣльныхъ родовъ. Право сосѣдей позволять и не позволять охотиться другъ другу, доказываетъ, что и здѣсь существуетъ сознаніе принадлежности земли всѣмъ кочевникамъ извѣстной территоріи. Это предположеніе подтверждается наблюденіями надъ осѣдлыми, пелымскими вогулами, живущими въ Сибири по р. Кондѣ. Ведя осѣдлый образъ жизни, эти вогулы не покидаютъ ни рыболовства, ни звѣроловства, и вообще находятся на самой низшей степени культуры. Деревушки (пауль) ихъ представляютъ въ высшей степени печальный видъ [1]). Онѣ всегда находятся на сухихъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, и строятся преимущественно тамъ, гдѣ одна рѣка впадаетъ въ другую,

[1]) Сборникъ пермскаго земства, 1874. январь и апрѣль: о мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогулъ по Альквисту.

потому что рыбная ловля при устьяхъ рѣкъ производится успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, берегомъ рѣки удобнѣе сообщеніе и зимою и лѣтомъ, чѣмъ чрезъ лѣсъ. Селенія и здѣсь расположены на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, обыкновенно на одинъ, два и даже три дня ѣзды, чтобы каждому изъ нихъ было достаточно мѣста для охоты и рыболовства. Селенія состоятъ изъ 3, много 5 юртъ. Самое большое, какое встрѣтилъ Альквистъ во время своего путешествія, состояло всего изъ семи юртъ (Атимъ — я — пауль на Пелымѣ). Каждое устье или другое рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего хозяина и русскіе могутъ заниматься ловлей на этихъ мѣстахъ только съ его позволенія за извѣстную сумму по договору. Можетъ ли совсѣмъ продать свой участокъ въ рыбной ловлѣ этотъ вогулъ, Альквистъ не говоритъ, такъ что трудно судить о значеніи слова хозяинъ. Но лѣса находятся несомнѣнно въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи и никакихъ семейныхъ участковъ, о которыхъ говоритъ Бабстъ, нѣтъ. Въ нихъ имѣетъ право охотиться не только вогулъ, но и всякій другой. «Когда русскіе, живущіе по нижнему Пелыму, приходятъ въ концѣ зимы для охоты, то вогулы дозволяютъ имъ это, но лишь въ сопровожденіи толпы своихъ. Такимъ образомъ составляется небольшое, смѣшанное изъ двухъ національностей общество, въ которомъ вогулы и русскіе имѣютъ одинаково охотничье право. Добыча дѣлится пополамъ между тѣми и другими, но русскіе кромѣ того угощаютъ вогуловъ. Отправляясь на охоту члены охотничьей компаніи, какъ вогулы, которые только въ казенныхъ книгахъ значатся христіанами, такъ и русскіе, приносятъ оленей на особыхъ жертвенныхъ мѣстахъ и даютъ другъ другу клятву въ вѣрности, разрѣзывая медвѣжье рыло (indem sie die Shnause eines Bären zerschneiden) въ знакъ убѣжденія, что медвѣдь съѣстъ каждаго нарушителя клятвы, во что твердо вѣрятъ какъ вогулы, такъ и ихъ сосѣди русскіе». (Альквистъ).

Относительно способовъ владѣнія и пользованія землей у самоѣдовъ, мы нашли лишь одно свѣдѣніе, что звѣроловныя мѣста, рыболовныя рѣки передаются въ наслѣдство родствен-

никамъ умершаго, другимъ же пользованіе этими мѣстами запрещается [1]).

Признается правиломъ, что никто не имѣетъ права промышлять «въ другой землѣ» звѣря или ловить рыбу въ рѣкахъ, принадлежащихъ другимъ. Виновный и обличенный въ такомъ поступкѣ долженъ по присужденію князя или старшины возвратить половину добычи «владѣтелю тѣхъ мѣстъ» а другую половину имѣетъ право оставить себѣ «за труды». Вообще «право владѣнія своими мѣстами почитается свято» и нарушеніе его считается воровствомъ «точно такъ, какъ бы вынуть изъ чужой ловушки звѣря или рыбу». Подъ вліяніемъ какихъ условій могло возникнуть и какимъ образомъ осуществляется такое наслѣдственное семейное владѣніе угодьями при кочевомъ образѣ жизни, къ которому побуждаетъ самоѣдовъ ихъ главное занятіе,—оленоводство,—при необъятномъ пространствѣ рыболовныхъ и звѣроловныхъ мѣстъ, объяснить трудно. Но эти факты противорѣчатъ всему, что мы знаемъ о поземельныхъ отношеніяхъ первобытныхъ народовъ и трудно согласимы съ другими чертами быта самоѣдовъ, сообщаемыми тѣмъ же г. Альбертомъ. Обращая вниманіе на отсутствіе дѣлъ по скотоводству, «которыхъ въ семъ (Березовскомъ) краю почти совсѣмъ не бываетъ», онъ старается объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что «для участковъ, на коихъ пасутся стада оленей совершенно опредѣленныхъ мѣстъ не имѣется, а по причинѣ великаго пространства земли и малой населенности жителей, великое разстояніе оной находится никѣмъ не занимаемо". Къ какимъ бы безконечнымъ тяжбамъ привело наслѣдственное владѣніе участками при полномъ отсутствіи точныхъ границъ, если бы оно дѣйствительно существовало въ томъ видѣ, какъ разсказываетъ Альбертъ! По другимъ свѣдѣніямъ олени пасутся въ общихъ стадахъ, а для того, чтобы легче найти, на нихъ кладутся клейма (Иславинъ, Самоѣды стр. 45 и слѣд. Арх. губ. вѣдомости 1870, № 22). Стоитъ от-

[1]) Тобольскія губернскія вѣдомости 1873 г., № 38. Отрывки изъ путешествій г. Альберта. Ср. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, изданіе Самоквасова, стр. 20—21.

мѣтить, что самоѣды отличаются способностью къ артельности (Арханг. губ. вѣдомости 1867, № 82). Сосѣди самоѣдовъ, Остяки, живущіе по берегамъ рѣкъ Оби, Енисея и ихъ притоковъ, раздѣляются на кочующихъ и осѣдлыхъ. Первые занимаются лѣтомъ рыбной ловлей, а зимой охотой за пушнымъ звѣремъ. Вторые живутъ селеніями и занимаются земледѣліемъ. Земля какъ у тѣхъ такъ и у другихъ принадлежитъ, повидимому, совокупности нѣсколькихъ семействъ. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ нѣсколькихъ фактовъ, [1]) сообщенныхъ г. Шашковымъ, въ его статьѣ «Сибирскіе инородцы» (Дѣло 1867 года № 9 и слѣд.) и относящихся къ сдачѣ земель въ аренду и захвату русскими поселенцами остяцкихъ земель.

Кочующіе Коряки, разсѣянные по огромному пространству безпредѣльной тундры, представляютъ, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ пользованію этой тундрой прочный союзъ. Общія дѣла, вызываемыя оленеводствомъ, въ родѣ выбора мѣста кочевья, рѣшаются сообща или по жребію. По совѣту старѣйшинъ и опытнѣйшихъ людей назначается страна, въ которой предполагается кочевать. Если же при выборѣ возникнетъ сомнѣніе и споръ, то приводятъ оленя, оставляютъ его свободнымъ и искуснымъ ударомъ убиваютъ. Олень въ агоніи дѣлаетъ еще два три скачка, потомъ падаетъ, и тогда направленіе головы служитъ указаніемъ страны, выбранной божествомъ для кочевья. (Вѣстникъ Географическаго общества 1856, № 1. Смѣсь. Дитмаръ, о Корякахъ и Чукчахъ).

У Карагасовъ, небольшаго народца живущаго въ восточной Сибири, близь китайской границы, въ Иркутской губерніи, въ Нижне-удинскомъ округѣ, каждая юрта или семья останавливается отдѣльно отъ другой. Рѣдко можно видѣть, если на одномъ хребтѣ, или въ одной пади остановятся три или четыре юрты, и это только въ такое время и въ такомъ мѣстѣ,

[1]) Напр. Крестьяне деревни Батовой отняли лѣсныя и рыболовныя дачи у *сорока трехъ остяковъ нарымской и тарханской* волостей. Подобныхъ случаевъ у него приведено много, но принадлежали ли эти дачи всѣмъ остякамъ вмѣстѣ на общинномъ правѣ, авторъ, къ сожалѣнію, не поясняетъ.

гдѣ нѣтъ у нихъ ни какой промышленности. Но мѣста кочевокъ точно распредѣлены между семьями. Каждый знаетъ гдѣ такой-то карагасъ или такая-то юрта имѣетъ обыкновеніе останавливаться въ то или другое время года (Преловскій, Нижнеудинскіе карагасы; Записки и труды Иркутскаго статистическаго комитета 1869; 4).

Гольды, занимающіеся кромѣ рыбной ловли и звѣроловствомъ, не только не имѣютъ выдѣленныхъ семейныхъ участковъ въ лѣсахъ, но ведутъ лѣсные промыслы всѣ сообща, артелями. Охота за соболями, важнѣйшій звѣроловскій промыселъ гольдовъ, производится, по описанію Пржевальскаго (Путешествіе въ Уссурійскій край 1867 — 1869. Спб. 1870) слѣдующимъ способомъ. Она начинается съ первымъ снѣгомъ и продолжается почти всю зиму. Лишь только замерзнетъ Уссури и земля покроется снѣгомъ, гольды, снарядившись какъ слѣдуетъ, отправляются партіями въ горы, лежащія между правымъ берегомъ Уссури и Японскимъ моремъ, преимущественно въ верховья рр. Бикина, Има и ея притока Вака. Добравшись до мѣста промысла, каждая партія раздѣляется на нѣсколько частей, которыя расходятся по различнымъ падямъ, избирая ихъ мѣстомъ своей охоты. Прежде всего устраивается шалашъ, въ которомъ складывается провизія и который служитъ для ночевокъ. Къ этому шалашу всякій вечеръ собирается каждая отдѣльная партія, между тѣмъ какъ днемъ всѣ ходятъ особо или только вдвоемъ. До какой степени развита въ гольдахъ честность и чувство взаимности можетъ служить доказательствомъ слѣдующій обычай. Промышленникъ, набредя на чужой шалашъ, хотя бы тамъ никого не было, можетъ, по существующему обычаю, изъ находящейся въ шалашѣ провизіи сварить себѣ обѣдъ. Не смотря на крайнюю легкость воровства во время промысловъ, примѣровъ кражи между гольдами никогда не бываетъ.

Гораздо болѣе полныя свѣдѣнія мы имѣемъ о поземельныхъ отношеніяхъ Бурятъ, благодаря изслѣдованіямъ покойнаго А. П. Щапова. Большая часть Бурятъ питаются преимущественно скотоводствомъ и ведутъ кочевую жизнь, остальные занимаются земледѣліемъ и живутъ осѣдло. Формы владѣнія

и пользованія землей, вслѣдствіе этого, у тѣхъ и другихъ не одинаковы. Кочевые улусные Буряты живутъ родовыми группами. Хозяйственную единицу представляетъ здѣсь также родъ. Это необходимо обусловливается самымъ способомъ разселенія Бурятъ. Внѣшній видъ бурятскихъ поселеній представляется, по описанію Щапова [1]), въ такомъ видѣ „Ѣдете вы по широкой степной пади или долинѣ, напр. Кудинской, Манзурской или Ленско-ангинской, и кругомъ видите оазами разбросанныя группы своеобразныхъ осьмиугольныхъ юртъ; подъ вечеръ или рано утромъ дымъ столбомъ стоитъ надъ ними. Кругомъ жердяныя загороди, а въ загородкахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія (большею частью перенятые изъ русско-крестьянскаго домообзаводства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства). Вы войдите въ какой нибудь улусъ, всмотритесь въ его внутреннюю организацію и связь съ другими сосѣдними улусами, — и вы увидите живой археическій остатокъ первобытной человѣческой общины. Внутренній строй и взаимноотношеніе улусовъ выражаютъ весьма ясно чисто первобытный, единокровный, родовой генезисъ бурятской улусной общины и родовую федеративную связь ихъ между собою. Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣскольких невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частью видъ круга или эллипсиса. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юртъ съ разными пристройками—лабазами для арсы, амбарами, стайками, сараями или повѣтями, хлѣбопекарнями и т. п. Въ одной изъ этихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ,—старикъ со старухой, иногда съ какими нибудь сиротами родственниками. Въ другой рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ своей женой и съ своими дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди по обѣ стороны юрты отца (буряты часто строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ

[1]) Извѣстія Сибирскаго отдѣла географическаго общества 1874, т. V, № 3. А. Щаповъ, Бурятская улусная родовая община.

еще только 12 или даже 6 лѣтъ). У всего этого единокровнаго, семейно-родоваго круга пашни, покосы, утуги, скотъ— все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе рядомъ вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напримѣръ, его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ—и тутъ опять, въ одной общей загороди, по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, а по бокамъ—юрты его сыновей. Дальше въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ живутъ болѣе отдаленные родственники, называемые уже «сосѣдями». Такимъ образомъ, улусная родовая община по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе расширяется, распадаясь на особыя отдѣльныя загороди или группы юртъ, связь которыхъ съ центромъ ослабляется по мѣрѣ удаленія отъ него. Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ, усвоивая ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины. Но связь между улусами не прекращается окончательно. Вся группа подобныхъ улусовъ большею частью лежащихъ вблизи другъ отъ друга, представляетъ изъ себя цѣлое, одинъ родъ или точнѣе родовую общину, подраздѣляющуюся, въ видѣ особыхъ генеалогическихъ вѣтвей, въ болѣе близкія по связи членовъ улусныя родовыя общины, которыя въ свою очередь состоятъ изъ болѣе мелкихъ частей—семей. Въ нѣкоторыхъ улусахъ встрѣчается еще слѣдующее видоизмѣненіе общиннаго устройства. Въ кулимкансkомъ улусѣ перваго абаганатскаго рода Кудинскаго вѣдомства, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ улусахъ, вмѣсто отдѣльныхъ юртовыхъ хозяйственныхъ построекъ существуютъ общинныя, всеулусныя: таковы, напримѣръ, общія, всеулусныя хлѣбопекарни, общія кузницы, кладовыя или амбары и т. п. Такова въ общихъ типическихъ чертахъ организація улусныхъ родовыхъ общинъ во всѣхъ 46 бурятскихъ родахъ всѣхъ вѣдомствъ: кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго. Отклоненія отъ нея, встрѣчающіяся по мѣстамъ, вообще весьма несущественны и относятся преимущественно къ

размѣрамъ улусовъ, къ расположенію и особенностямъ находящихся въ нихъ юртъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ и т. п. Организація не ограничивается соединеніемъ отдѣльныхъ, мелкихъ улусовъ въ большія родовыя общины,—эти послѣднія находятся, въ нѣкоторомъ отношеніи, въ общей федеративной связи другъ съ другомъ. Такъ въ ленскомъ вѣдомствѣ, всѣ пять родовъ чернорусскихъ образуютъ союзъ; въ верхоленскомъ вѣдомствѣ первая и вторая половины перваго абызаевскаго рода, составляя одну большую родовую общину со вторымъ абызаевскимъ родомъ, образуютъ, далѣе, одинъ общій федеративный союзъ со всѣми другими сосѣдними родами, именно съ первымъ буровскимъ, баендаевскимъ и двумя олзоновскими. Сознаніе этой общей связи родовъ проявляется не только въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ случаѣ ходатайствъ о какихъ либо общихъ нуждахъ, въ равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми членами союзныхъ родовъ общихъ затратъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1782—1810 г., когда три рода: бандаевскій, первый и второй абызаевскій «условились единогласно» нести «за одно» всѣ расходы по найму и содержанію писцовъ, разверставъ ихъ по душамъ, въ случаяхъ помощи пострадавшимъ отъ какого либо бѣдствія (г. Щаповъ разсказываетъ объ одномъ такомъ бѣдствіи, постигшемъ въ 1816 году преимущественно ленскихъ осѣдлыхъ инородцевъ), но и въ соціальныхъ отношеніяхъ, равно какъ въ организаціи общаго самоуправленія, и вслѣдствіе того въ поземельныхъ отношеніяхъ, въ устройствѣ общихъ хозяйственныхъ предпріятій и вообще въ сферѣ экономическихъ явленій. Въ основаніи бурятской общины, какъ и всякой другой, лежитъ стремленіе обезпечить своимъ членамъ равномѣрное удовлетвореніе всѣхъ важнѣйшихъ потребностей, прежде всего, разумѣется, потребностей матеріальныхъ. Этого достигаетъ она, подобно всякой другой обычной общинѣ, равномѣрнымъ распредѣленіемъ между членами средствъ производства и взаимною помощью членовъ другъ другу. Отъ другихъ подобныхъ союзовъ отличается родовая община лишь своею замкнутостью. «Какъ ни далеко въ настоящее время, говоритъ Щаповъ, буряты уклонились уже

отъ первобытнаго естественнаго состоянія, но и до сихъ поръ еще ихъ улусная родовая община значительно выдается первобытнымъ естественнымъ преобладаніемъ соціальныхъ инстинктовъ надъ инстинктами эгоистическими, хотя, впрочемъ, только въ предѣлахъ своихъ родовыхъ группъ. (По отношенію къ передичамъ буряты, какъ доказываетъ въ другой своей статьѣ Щаповъ, въ хищничествѣ нисколько не уступаютъ русскимъ купцамъ). Такъ какъ всѣ бурятскія улусныя родовыя общины развились путемъ родоваго генезиса и развѣтвленія, то естественно и соціальные инстинкты ихъ еще вполнѣ сохраняютъ характеръ единокровной, родовой соціальной симпатіи. Любовь къ ближнему, взаимная помощь, взаимная вѣрность, честность и справедливость еще большею частью ограничиваются предѣлами своей одноулусной, семейно-родовой общины, а не простирается на всѣхъ людей, даже не выдерживаются вполнѣ по отношенію къ чуждымъ, отдаленнымъ родамъ бурятскимъ». Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ и т. п. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные, сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ роднымъ жилищамъ и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами безъ всякаго спроса взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и сродичи — одноулусники за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Гдѣ вечеромъ поѣстъ бѣдный, тамъ и ночуетъ, какъ дома. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ. Единородная дружба, общность высказывается болѣе или менѣе во всѣхъ явленіяхъ улусной жизни. Если въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ могутъ не стѣсняясь идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ. «У брацкихъ (бурятъ), говорилъ одинъ манзурскій крестьянинъ Щапову, не по нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣлятъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ». Вѣроятно встрѣчаются личности эгоистическія и здѣсь, но здѣсь же за то не рѣдкость люди добрые, готовые жертвовать всѣмъ для помо-

нія ближнему. Но всего полнѣе выразилось соціальное міровоззрѣніе бурятъ въ распредѣленіи имущества.

Такъ какъ главную, даже единственную пищу бурятъ искони составляли продукты рогатаго скота — мясо, молоко, сметана, масло, арса, и бурятская родовая община, въ первоосновѣ своей, искони была общиной не земледѣльческой, а пастушеской, скотоводческой, — то естественно, въ этой то именно сферѣ ея экономическаго быта всего полнѣе должны были сохраниться слѣды устроительнаго вліянія инстинктовъ родовой соціальной симпатіи. Рогатый скотъ, всегда составлявшій главный источникъ жизненнаго обезпеченія пастушеской общины бурятъ, распредѣленъ по улуснымъ дворамъ, болѣе равномѣрно, чѣмъ, наприм., лошади, козы, олени и проч. Въ интересахъ родовой и скотоводческой бурятской общины, побуждаемой инстинктомъ единокровной соціальной симпатіи, всегда было, разумѣется, возможно равномѣрное или возможно удовлетворительное обезпеченіе родичей тѣми средствами продовольствія, какими искони, по преимуществу, обладала эта община, именно средствами жизни, получаемыми отъ скота: мясомъ, молокомъ, масломъ, кожами и т. п. „Рогатый скотъ, говоритъ Щаповъ, укыръ, искони былъ такъ важенъ, такъ дорогъ въ экономіи бурятской скотоводческой общины, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, буряты самую идею его ассоціировали съ своими религіозными представленіями о священныхъ, шаманскихъ, тайлаганныхъ степныхъ урочищахъ. Такъ буряты кудинскаго вѣдомства о своей священной, тайлаганной горѣ Булэнъ (при рѣкѣ Кудѣ), говорятъ, или, лучше сказать, молятся, взываютъ къ ней: „укыръ манхай удыгэ булэнъ!“ Вообще, по представленію бурятъ, ни одинъ членъ ихъ родовой скотоводческой общины не мыслимъ да и не можетъ существовать безъ рогатой скотины, хотя бы то безъ одной коровы. Вслѣдствіе этого, они изстари имѣли обычай даромъ давать коровъ тѣмъ бурятамъ, которые по какимъ нибудь обстоятельствамъ не имѣли ни одной скотины. Даже и теперь еще этотъ старинный обычай соблюдается, хотя не съ прежней безкорыстностью. И теперь еще богатые, скотные буряты имѣютъ обычай раздавать коровъ на дойку бѣднымъ,

бесскотнымъ сородичамъ. Такъ напримъ. въ Усть-Ординскомъ селеніи намъ говорили, что богатый бурятъ 1-го харанутскаго рода кудинскаго вѣдомства Романъ Дайнинмичъ особенно извѣстенъ такой раздачей коровъ бѣднымъ; во время скотскаго падежа бывшаго въ 1869—70 г., онъ, говорятъ, раздалъ бѣднымъ до 600 коровъ. Какъ бы ни былъ затемненъ этотъ обычай эгоистически своекорыстными расчетами, но все таки онъ, хоть какъ «перекиданье», какъ арканомъ, выражаетъ неразбитное естественно общинное стремленіе къ возможно равномѣрному распредѣленію главнаго источника жизненнаго обезпеченія скотоводческой общины, рогатаго скота. И мы полагаемъ, что именно въ силу этого настойчиваго, бессознательнаго, инстинктивнаго стремленія бурятской общины къ возможно большему умноженію и возможно равномѣрному общинному распредѣленію рогатаго скота, какъ главной экономической, имущественной силы скотоводческой общины, именно въ силу этого общиннаго стремленія рогатый скотъ и досихъ замѣтно изобильнѣе и равномѣрнѣе распредѣляется по дворамъ улусныхъ, чѣмъ лошади, овцы, козы и олени. Всѣ подворные списки, какіе мы внимательно разсмотрѣли въ верхоленской степной думѣ, и въ ленской инородческой управѣ, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Достаточно будетъ, если мы изъ нихъ приведемъ два три примѣра. Такъ:

	Жител. об. пола.	лошад.	Рогат. скотъ.
Въ верхоленскомъ инородческомъ вѣдомствѣ	11,559	13,836	23,459
Въ ленскомъ вѣдомствѣ	9,365	8,887	20,453
Въ манзурской волости	12,625	8,221	9,968
Въ трехъ трактовыхъ осѣдло инородческихъ селеніяхъ	350	329	311

Уже изъ этихъ общихъ цифръ видно, что рогатаго скота у бурятъ вдвое больше, чѣмъ лошадей, такъ что лошадей

приходится только по одной на каждую наличную душу, а рогатаго скота больше чѣмъ по 2 скотины, тогда какъ у русскихъ крестьянъ и у осѣдлыхъ инородцевъ совершенно другія числовыя отношенія. Въ частности, какую бы группу улусовъ мы ни разсматривали по подворнымъ спискамъ, вездѣ мы найдемъ тѣже статистическія показанія: вездѣ каждое отдѣльное хозяйство, каждый улусный дворъ богаче и равномѣрнѣе владѣетъ рогатымъ скотомъ, чѣмъ лошадьми. Вездѣ по улусамъ больше такихъ дворовъ, гдѣ рогатаго скота больше, чѣмъ лошадей, и гораздо меньше такихъ дворовъ, гдѣ рогатаго скота меньше».

Далѣе, родовая соціальная симпатія, связующая разные улусы въ одну родовую общину, искони обусловливала между разными бурятскими родами общинность пастбищнаго землевладѣнія. Вся, такъ называемая, «Братская степь», тянущаяся отъ рѣки Куды до вершины рѣки Анги, считается бурятами общимъ родовымъ достояніемъ ихъ племенной общины. «Когда русскіе колонисты-крестьяне, заселяя ленскія мѣста, стали захватывать изстаринныя земли тѣхъ или другихъ бурятскихъ родовъ, то буряты не единолично, а цѣлой общиной тягались за эти земли. Въ одномъ бурятскомъ тяжебномъ актѣ, какой мы нашли въ улускомъ родовомъ управленіи 4-го чернорудскаго рода, изстаринное бурятское представленіе объ общинности ихъ пастбищнаго землевладѣнія характеристично выражено словами: „та земля по рѣкѣ Ангѣ наша *породная вотчина*», т. е. изстаринное владѣніе родовой общины. Наконецъ, естественная, родовая общинная симпатія или союзность изстари обусловила и тотъ фактъ, что, съ одной стороны, нѣтъ улуснаго двора, у котораго не было бы утуга—особаго юртоваго участка или удѣла изъ общей пастбищной земли, съ другой—и самые эти утуги, по религіознымъ представленіямъ бурятъ, опять не считаются полною, безусловною личною собственностію каждаго отдѣльнаго бурята а считаются общимъ владѣніемъ особыхъ невидимыхъ духовъ, называемыхъ «отоги», что значитъ хозяева, владѣтели утуговъ. Вообще идея общинности пастбищнаго землевладѣнія довольно характеристично выражается у бурятъ въ томъ, что они не себя самихъ счи-

таютъ владѣтелями, хозяевами тѣхъ земель, тѣхъ степныхъ падей или долинъ, которыя называютъ своею «породною вотчиною», а особыхъ, невидимыхъ ижиновъ—хозяевъ владѣтелей, въ родѣ «бурханной» хозяйки кудинской степной горы Булэнъ-Булэни ижинъ самса хатакъ, въ родѣ невидимаго хозяина владѣтеля кудинскаго степного озера Ордынскаго и окружающей его степи—гужиръ орды ижимъ, или въ родѣ бурхана—хозяина, владѣтеля баендаевскаго степнаго шаманскаго лѣса—хаганъ ижинъ ханъ-дошхи и т. д.» (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества т. V, № 3 и 4, Щаповъ, Бурятская улусная родовая община).

О способахъ пользованія этой общинной землей мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, собранныя въ 1823 г. и представленныя правительству самими инородцами. Буряты Верхоленскаго вѣдомства раздѣляются на 9 родовъ, въ которыхъ по седьмой ревизіи считалось 7535 душъ. Они занимаются скотоводствомъ и ведутъ жизнь кочевую. Лѣтомъ кочуютъ на мѣстахъ удобныхъ къ скотскому выпуску; для заготовки сѣна на зиму нѣкоторыя мѣста не вытравливаются лѣтомъ. На этихъ мѣстахъ скотъ прокармливается осенью и весной, питаясь кошенинной и отавой. Нѣкоторые участки на такихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ—утуги—удобриваются назьмомъ и орошаются посредствомъ канавъ. Утуги находятся въ наслѣдственномъ пользованіи удобривающаго ихъ. Такимъ образомъ выдѣленіе части земли въ частное пользованіе было вызвано потребностью заготовлять кормъ для скота на зиму. (Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ). Всѣ сѣнокосные утуги огораживаются сообща по числу душъ и скота хозяевъ, составляющихъ улусъ. Удобреніе утуговъ обязательно. Для земледѣлія распахиваются участки на удобныхъ для того земляхъ.

Земля, удобная для сѣнныхъ покосовъ и пашни поступаетъ въ уравнительный раздѣлъ по числу душъ мужскаго пола, состоящихъ по ревизіи, причемъ принимается во вниманіе качество земель. Въ случаѣ несогласія родовичей при раздѣлѣ земель, споръ рѣшается „сходкой ближнихъ сосѣдей, причемъ оною также разсматривается истинная справедливость въ числѣ мѣры земель, несоотвѣтственность удобности, и таковое дѣло

Дабы пользамъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ даровать все желаемое обезпеченіе, Россія и Блистательная Порта будетъ допускать консуловъ въ порты свои на берегахъ Чернаго моря, согласно съ правилами международнаго права.

Ст. 13. Вслѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ на основаніи ст. 11-й, не можетъ быть нужно содержаніе, или учрежденіе военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ неимѣющихъ уже цѣли, а посему Его Величество императоръ Всероссійскій и Его императорское Величество Султанъ обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военноморскаго арсенала.

Ст. 14. Ихъ Величествами императоромъ Всероссійскимъ и Султаномъ заключена особая конвенція, опредѣляющая число и силы легкихъ судовъ, которыя они предоставляютъ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежью распоряженій. Сія конвенція прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключавшихъ настоящій трактатъ.

Ст. 15. Договаривающіяся стороны, съ взаимнаго согласія, постановляютъ, что правила опредѣленныя актомъ конгресса Вѣнскаго для судоходства по рѣкамъ, раздѣляющимъ разныя владѣнія, или протекающимъ чрезъ оныя, будутъ впредь примѣняемы вполнѣ къ Дунаю и устьямъ его. Онѣ объявляютъ, что сіе постановленіе отнынѣ признается принадлежащимъ къ общему народному европейскому праву и утверждается ихъ взаимнымъ ручательствомъ.

Судоходство по Дунаю не будетъ подлежать никакимъ затрудненіямъ и пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя именно опредѣлятся нижеслѣдующими статьями. Вслѣдствіе сего не будетъ взимаемо никакой платы собственно за самое судоходство по рѣкѣ, и никакой пошлины съ товаровъ, составляющихъ грузъ судовъ. Правила полицейскія и карантинныя, нужныя для безопасности государствъ, прибрежныхъ сей рѣкѣ, должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ оныя сколь можно

болѣе благопріятствовали движенію судовъ. Кромѣ сихъ правилъ, свободному судоходству не будетъ постановляемо никакого рода препятствій.

Ст. 16. Для приведенія въ дѣйствіе постановленія предыдущей статьи учредится коммисія, въ коей Россія, Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія, Сардинія и Турція будутъ имѣть каждая своего депутата. Сей коммисіи будетъ поручено предназначить и привести въ исполненіе работы, нужныя для очистки дунайскихъ гирлъ, начиная отъ Исакчи и прилегающихъ къ онымъ частей моря, отъ песка и другихъ заграждающихъ оныя препятствій, дабы сія часть рѣки и упомянутая часть моря сдѣлались вполнѣ удобными для судоходства.

Для покрытія расходовъ, нужныхъ, какъ для сихъ работъ, такъ и на заведенія, имѣющія цѣлью облегчить и обезпечить судоходство по дунайскимъ гирламъ, будутъ постановлены постоянныя съ судовъ, соразмѣрныя съ надобностью, пошлины, которыя должны быть опредѣлены коммисіею по большинству голосовъ и съ непремѣннымъ условіемъ, что въ семъ отношеніи и во всѣхъ другихъ соблюдаемо будетъ совершенное равенство относительно флаговъ всѣхъ націй.

Ст. 17. Будетъ также учреждена коммисія изъ членовъ Австріи, Баваріи, Блистательной Порты и Виртемберга (по одному отъ каждой изъ сихъ державъ). Къ нимъ будутъ присоединены и коммисары трехъ Придунайскихъ княжествъ, назначаемые съ утвержденія Порты. Сія коммисія, которая должна быть постоянною, имѣетъ: 1-ое составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2-ое устранить всѣ какого либо рода препятствія, которыя встрѣчаетъ еще примѣненіе постановленій Вѣнскаго трактата къ Дунаю; 3-е предположить и привести въ исполненіе нужныя по всему теченію Дуная работы; 4-е по упраздненіи общей предназначаемой.

Ст. 17. Европейской коммисіи наблюдать за содержаніемъ въ надлежащемъ для судоходства состояніи Дунайскихъ гирлъ и частей моря, къ нимъ прилегающихъ.

Ст. 18. Общая европейская коммисія должна исполнить

все сіе поручаемое, а коммисія прибрежная, привести къ окончанію всѣ работы, означенныя въ прошедшей статьѣ подъ №№ 1 и 2, въ теченіи двухъ лѣтъ. По полученіи о томъ извѣстія, державы, заключившія сей трактатъ, постановятъ определеніе объ упраздненіи общей европейской коммисіи и съ сего времени постоянной прибрежной коммисіи передана будетъ власть, которою дотолѣ имѣетъ быть облечена общая европейская.

Ст. 19. Дабы обезпечить исполненіе правилъ, кои съ общаго согласія будутъ постановлены на основаніи изложенныхъ выше сего началъ, каждая изъ договаривающихся державъ будетъ имѣть право содержать во всякое время по два легкихъ морскихъ судна у дунайскихъ устьевъ.

Ст. 20. Въ замѣнъ городовъ, портовъ и земель, означенныхъ въ ст. 4-й настоящаго трактата, и для вящаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю, Его Величество императоръ Всероссійскій соглашается на проведеніе новой граничной черты въ Бессарабіи.

Ст. 21. Началомъ сей граничной черты постановляется пунктъ на берегу Чернаго моря въ разстояніи на одинъ километръ къ востоку отъ соленаго озера Бурнаса, она примкнетъ перпендикулярно къ Акерманской дорогѣ, по коей будетъ слѣдовать до Троянова вала, пойдетъ южнѣе Болграда, и потомъ вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика, и до Катамори на Прутѣ. Отъ сего пункта вверхъ по рѣкѣ прежняя между обѣими имперіями граница остается безъ измѣненія. Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными коммисарами договаривающихся державъ.

Ст. 22. Пространство земли, уступленное Россіею, будетъ присоединено къ княжеству Молдавскому подъ верховною властью Блистательной Порты. Живущіе на семъ пространствѣ земли будутъ подъ верховною властью Порты, и при ручательствѣ договаривающихся державъ, пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются нынѣ. Ни которой изъ ручающихся держав не предоставляется исключительнаго надъ оными покровительства. Не допускается никакого особаго права вмѣшательства во внутреннія дѣла ихъ.

Ст. 23. Блистательная Порта обязуется оставить въ сихъ княжествахъ независимое и національное управленіе, а равно и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Дѣйствующіе нынѣ въ оныхъ законы и уставы будутъ пересмотрѣны особенною коммисіею, о составѣ коей высокія договаривающіяся державы имѣютъ условиться. Сія коммисія должна безъ отлагательства собраться въ Бухарестѣ, при оной будетъ находиться коммисаръ Блистательной Порты.

Сія коммисія имѣетъ изслѣдовать настоящее положеніе княжествъ и предложить основанія ихъ будущаго устройства.

Ст. 24. Его Величество Султанъ обѣщаетъ немедленно созвать въ каждой изъ двухъ областей нарочный для того Диванъ который долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ служить вѣрнымъ представителемъ пользъ всѣхъ сословій общества. Симъ Диванамъ будетъ поручено выразить желанія народонаселенія касательно окончательнаго устройства княжествъ.

Отношенія коммисіи къ симъ Диванамъ опредѣляются особою отъ конгресса инструкціею.

Ст. 25. Принявъ мнѣніе, которое будетъ представлено обоими Диванами, въ надлежащее соображеніе, коммисія немедленно сообщитъ въ настоящее мѣсто засѣданія Конференціи результаты своего собственнаго труда.

Окончательное соглашеніе съ верховною надъ княжествами державою должно быть утверждено конвенціею, которая будетъ заключена высокими договаривающимися сторонами въ Парижѣ и хати—шерифомъ, согласнымъ съ постановленіями конвенціи, дано будетъ окончательное устройство симъ областямъ при общемъ ручательствѣ всѣхъ подписавшихся державъ.

Ст. 26. Въ княжествахъ будетъ національная вооруженная сила для охраненія внутренней безопасности и обезпеченія безопасности границъ. Никакія препятствія не будутъ допускаемы въ случаѣ чрезвычайныхъ мѣръ обороны, которыя съ согласія Блистательной Порты могутъ быть приняты въ княжествахъ для отраженія нашествія извнѣ.

Ст. 27. Если внутреннее спокойствіе княжествъ подвергнется опасности или будетъ нарушено, то Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ прочими договаривающимися державами о мѣрахъ, нужныхъ для сохраненія или возстановленія законнаго порядка. Безъ предварительнаго соглашенія между сими державами не можетъ быть никакого вооруженнаго вмѣшательства.

Ст. 28. Княжество Сербское остается какъ прежде подъ верховною властью Блистательной Порты, согласно съ императорскими хати-шерифами, утверждающими и опредѣляющими права и преимущества онаго, при общемъ совокупномъ ручательствѣ договаривающихся державъ.

Въ слѣдствіе сего означенное княжество сохранитъ свое національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Ст. 29. Блистательная Порта сохраняетъ опредѣленное прежними постановленіями право содержанія гарнизона. Безъ предварительнаго соглашенія между высокими договаривающимися державами не можетъ быть допущено никакое вооруженное въ Сербіи вмѣшательство.

Ст. 30. Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Султанъ сохраняютъ въ цѣлости владѣнія свои въ Азіи въ томъ составѣ, въ коемъ они законно находились до разрыва.

Во избѣжаніе всякихъ мѣстныхъ споровъ, линіи границы будутъ повѣрены и, въ случаѣ надобности, исправлены, но такимъ образомъ, чтобы отъ сего не могло произойти никакого въ поземельномъ владѣніи ущерба, ни для той, ни для другой стороны.

На сей конецъ, немедленно по возстановленіи дипломатическихъ сношеній между Россійскимъ дворомъ и Блистательною Портою, послана будетъ на мѣсто составленная изъ двухъ коммисаровъ россійскихъ, двухъ коммисаровъ оттоманскихъ, одного коммисара французскаго и одного коммисара англійскаго, коммисія. Она должна исполнить возлагаемое на нее дѣло въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата.

Ст. 31. Земли, занятыя во время войны войсками Ихъ Величествъ императора Австрійскаго, императора Французовъ, королевы соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи и короля Сардинскаго, на основаніи конвенцій, подписанныхъ въ Константинополѣ 12-го марта 1854 года между Франціею, Великобританіею и Блистательною Портою, 14-го іюня того же года между Блистательною Портою и Австріею, а 15-го марта 1855 г. между Сардиніею и Блистательною Портой, будутъ очищены послѣ размѣна ратификацій настоящаго трактата, въ скорѣйшее по возможности время. Для опредѣленія сроковъ и средствъ исполненія сего, имѣетъ послѣдовать соглашеніе между Блистательною Портою и державами, коихъ войска занимали земли ея владѣній.

Ст. 32. Доколѣ трактаты или конвенціи, существовавшіе до войны между воевавшими державами не будутъ возобновлены или замѣнены новыми актами, взаимная торговля, какъ привозная такъ и отпускная, должна производиться на основаніи постановленій, имѣвшихъ силу и дѣйствіе до войны, и съ подданными сихъ державъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поступаемо будетъ наравнѣ съ націями наиболѣе благопріятствуемыми.

Ст. 33. Конвенція, заключенная сего числа между Его Величествомъ императоромъ Всероссійскимъ съ одной и Ихъ Величествами императоромъ Французовъ и королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи съ другой стороны, относительно острововъ Аландскихъ прилагается и остается приложенною къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ если бы она составляла неотдѣльную часть его.

Ст. 34. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи онаго будутъ размѣнены въ Парижѣ въ теченіи четырехъ недѣль, а естьли можно и прежде.

Статья дополнительная и временная.

Постановленія подписанной сего числа конвенціи о проливахъ не будутъ примѣняемы къ военнымъ судамъ, кои вое-

-щавшими державами употреблены будутъ для вывода морскимъ путемъ войскъ ихъ изъ земель ими занимаемыхъ. Сіи постановленія войдутъ въ полную силу, какъ только сей выводъ войскъ будетъ приведенъ къ окончанію.

Первое прибавленіе.

Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Австрійскій, императоръ Французовъ, королева соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, король Прусскій, подписавшіе конвенцію 13 іюля 1841 года и Его Величество король Сардинскій, желая ознаменовать совокупно единодушную свою рѣшимость сообразоваться съ древнимъ правиломъ Оттоманской имперіи, по коему проливы Дарданеллы и Босфоръ закрыты для иностранныхъ военныхъ судовъ доколѣ Порта находится въ мирѣ. Ихъ Величества съ одной стороны и Его Величество Султанъ съ другой, положили возобновить конвенцію, заключенную въ Лондонѣ 13 іюля 1841 года, съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, ни мало не нарушающими основныхъ началъ ея. Поэтому ихъ представители, по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1. Его Величество Султанъ съ одной стороны объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе соблюдать на будущее время постановленіе, неизмѣнно принимавшееся какъ древнее правило его имперіи, въ силу коего всегда было воспрещаемо военнымъ судамъ державъ иностранныхъ входить въ проливы Дарданеллы и Босфоръ, и что доколѣ Порта будетъ находиться въ мирѣ, Его Величество не допуститъ никакого иностраннаго военнаго судна въ означенные проливы.

А Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Австрійскій, императоръ Французовъ, королева соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, король Прусскій, король Сардинскій съ другой стороны обязуются уважать сіе рѣшеніе Султана и сообразоваться съ выше означеннымъ правиломъ.

Ст. 2. Султанъ предоставляетъ себѣ, какъ и прежде, выдавать фирманы для прохода легкихъ подъ военнымъ флагомъ судовъ, которыя будутъ употребляемы по существующему обыкновенію при миссіяхъ дружественныхъ съ Портою державъ.

Ст. 3. Тоже самое изъятіе допускается въ отношеніи къ легкимъ подъ военнымъ флагомъ судамъ, которыя каждая изъ договаривающихся державъ имѣетъ право содержать при устьяхъ Дуная, для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по сей рѣкѣ, и коихъ число не должно превышать двухъ для каждой державы.

Ст. 4. Настоящая конвенція приложится къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, а ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіе четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Приложеніе второе.

Его Величество императоръ Всероссійскій и Его императорское Величество Султанъ, принявъ въ соображеніе правило о нейтральности Чернаго моря, постановленное въ предварительныхъ условіяхъ, внесенныхъ въ протоколъ за № 1, подписанный въ Парижѣ 25 февраля сего года, и желая вслѣдствіе сего опредѣлить съ общаго согласія число и силу легкихъ судовъ, которые они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежію распоряженій, положили заключить особую на сей конецъ конвенцію и назначили для того уполномоченныхъ, кои, по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1-ая. Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются не имѣть въ Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ, коихъ число, сила и размѣры опредѣлены, какъ ниже слѣдуетъ.

Ст. 2. Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ содержать каждая по шести въ означенномъ морѣ па-

ровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстительностью не свыше 800 тоннъ, и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Ст. 3. Настоящая конвенція приложенная къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Приложеніе третье.

Его Величество императоръ Всероссійскій, Его Величество императоръ Французовъ и Ея Величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, желая распространить на Балтійское море то согласіе, которое столь счастливо возстановлено между ними на востокѣ, и симъ упрочить блага общаго мира, положили заключить конвенцію и назначили для сего уполномоченныхъ, кои по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1-ая. Его Величество императоръ Всероссійскій согласно съ желаніемъ изъявленнымъ ему Ихъ Величествами императоромъ Французовъ и королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, объявляетъ что Аландскіе острова не будутъ укрѣпляемы и что на оныхъ не будетъ содержимо ни вновь сооружено никакого военнаго или морскаго заведенія.

Ст. 2-ая. Настоящая конвенція, приложенная къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Декларація 16-го апрѣля 1856 года, опредѣляющая различныя условія морскаго права.[1])

Уполномоченные, подписавшіе парижскій трактатъ, собравшись на совѣщаніе и принимая во вниманіе:

Что въ военное время морское право, было всегда предметомъ прискорбныхъ разногласій;

Что неопредѣленность самаго права и налагаемыхъ имъ обязательствъ нерѣдко возбуждаютъ между воюющими и нейтральными сторонами недоразумѣнія, способныя привести къ серьезнымъ затрудненіямъ и столкновеніямъ;

Что, слѣдовательно, желательно установить по столь важному вопросу общія правила;

Что уполномоченные, собравшіеся на парижскій конгрессъ, поступятъ вполнѣ соотвѣтственно съ видами ихъ правительствъ, если опредѣлятъ для таковыхъ международныхъ отношеній постоянныя неизмѣнныя начала;

Поэтому, и въ силу данныхъ имъ довѣренностей, уполномоченные рѣшились достигнуть этой цѣли; а по обсужденіи вопроса, придя къ соглашенію, составили слѣдующую торжественную декларацію:

1. Непріязненныя дѣйствія по прежнему не допускаются.

---

[1]) 15-го апрѣля 1856 года былъ кромѣ того заключенъ въ Парижѣ между Англіей, Австріей и Франціей договоръ, имѣвшій цѣлью оффиціально гарантировать существованіе Оттоманской имперіи. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ трехъ статей:

Ст. 1. Высокія договаривающіяся стороны, какъ отдѣльно каждая, такъ и всѣ въ совокупности, гарантируютъ независимость и цѣлость Оттоманской имперіи въ границахъ, опредѣленныхъ трактатомъ, заключеннымъ въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 г.

Ст. 2. Всякое нарушеніе постановленій вышесказаннаго трактата будетъ признано державами, подписавшими настоящій договоръ, за „casus belli“. Онѣ условятся съ Блистательною Портою относительно необходимыхъ мѣръ и безотлагательно опредѣлятъ между собою, въ какихъ случаяхъ ихъ морскія и сухопутныя силы должны приступать къ дѣйствіямъ.

Ст. 3. Обмѣнъ ратификацій настоящаго договора послѣдуетъ въ двухнедѣльный срокъ, а буде возможно, то и ранѣе.

2. Нейтральный флагъ обезпечиваетъ неприкосновенность товаровъ непріятеля, за исключеніемъ предметовъ, признаваемыхъ военною контрабандою.

3. Товары, принадлежащіе лицамъ нейтральныхъ націй, (за исключеніемъ военной контрабанды), перевозимые на судахъ, плавающихъ подъ непріятельскимъ флагомъ, не должны подлежать захвату.

4. Блокада только тогда признается обязательною, когда она дѣйствительна, т. е. настолько сильна, чтобы могла преграждать подступъ къ непріятельскимъ берегамъ.

Правительства подписавшихъ эту декларацію уполномоченныхъ обязываются сообщить содержаніе ея государствамъ, не принимавшимъ участія въ парижскомъ конгрессѣ, и предложить имъ принять таковую.

Убѣждаясь, что установленныя правила будутъ признательно одобрены цѣлымъ свѣтомъ, уполномоченные подписавшіе декларацію, надѣются, что старанія ихъ правительствъ относительно общаго принятія таковой увѣнчаются несомнѣннымъ успѣхомъ.

Настоящая декларація обязательна и будетъ таковою только для тѣхъ державъ, которыя ее приняли или примутъ.

Нужно-ли припоминать, сколько тяжелыхъ жертвъ принесла Россія, принимая условія этого трактата? Не говоря уже объ уступкѣ части территоріи, ей былъ нанесенъ другой, болѣе роковой ударъ: нейтрализація Чернаго моря не только оскорбляла ея достоинство, но и пагубно отзывалась на ея благосостояніи. По заключеніи Ясскаго трактата 1792 года, утвердившаго за императрицею Екатериною обладаніе Крымомъ, островомъ Табанью, частью Кубанскихъ земель и Бессарабіей,— русское правительство, имѣя превосходный флотъ и первостепенный портъ, пользовалось до исхода послѣдней войны исключительнымъ, господствующимъ вліяніемъ на православную райю, проживающую во всѣхъ областяхъ Оттоманской имперіи. Покровительство, которое она оказывала Дунайскимъ княжествамъ, имѣло даже болѣе значенія, чѣмъ верховное владычество надъ ними султана.

Властвуя на Черномъ морѣ и охраняя Константинополь, Россія была дѣйствительною владычицею востока. [1])

Вліяніе ея на Персію было безпредѣльно; вполнѣ возвратить себѣ таковое ей не удалось и до настоящаго времени. Оно распространялось также на Европу и за предѣлами Оттоманской имперіи, такъ какъ положеніе, занимаемое Россіей въ Черномъ морѣ, предоставляло ей послѣднее слово во всѣхъ вопросахъ, относившихся до восточныхъ дѣлъ.

Парижскій трактатъ мгновенно лишилъ ее всего: гордость и слава Россіи, ея черноморскій флотъ, погибъ подъ Севастополемъ, и соорудить его вновь было невозможно; русская торговля въ Черномъ морѣ и его побережья не были уже охраняемы.

При всемъ томъ Россія отнеслась къ парижскому трактату какъ къ неизбѣжной жертвѣ и какъ къ истинному благодѣянію. Война 1856 года сорвала повязку съ глазъ русскаго народа и обнаружила гнойныя язвы, подтачивавшія внутренній организмъ имперіи.

Императоръ Александръ II возвѣстилъ Россіи, что всецѣло посвятилъ себя проведенію внутреннихъ преобразованій,— и народъ восторженно послѣдовалъ за нимъ. Этотъ новый путь, указанный Россіи великодушіемъ и мудростью ея монарха, миролюбиво привелъ ее черезъ 14 лѣтъ къ занятію вновь того положенія на Черномъ морѣ, которое несомнѣнно принадлежитъ ей по праву.

«Россія не злобствуетъ»,—сказалъ всѣми глубоко почитаемый русскій канцлеръ,—«она крѣпнетъ». И это вполнѣ справедливо. Россія дѣйствительно окрѣпла!

ГЛАВА VIII.

Пересмотръ трактата 1856 г. Лондонская конференція. Лондонскій трактатъ 13 марта 1871 г.

Съ того времени, какъ впервые раздался въ Европѣ голосъ Россіи, положеніе ея и предназначенная ей роль была

[1]) Annuaire des deux mondes, 1855—1856.

сивная блестящія. Вліяніе ея росло соразмѣрно съ расширеніемъ границъ и воинскою славой, и ни одно важное европейское событіе не совершилось безъ ея рѣшающаго участія. Въ теченіи полутораста лѣтъ русскія войска побѣдоносно исходили всю Европу, не испытавъ до послѣдней войны ни одного серьезнаго пораженія. За то и распространеніе ея владѣній въ такой короткій періодъ времени представляется единственнымъ примѣромъ въ исторіи: съ 1772 года она успѣла почти вдвое увеличить свою территорію.

Въ теченіи 80 лѣтъ, Россія на 350 миль приблизила свои границы къ Вѣнѣ, Берлину, Мюнхену, Дрездену и Парижу. Ея двуглавый орелъ красовался на варшавской цитадели, и ея инженеры укрѣпляли Аландскіе острова, угрожая тѣмъ Стокгольму.

Земли, отнятыя Россіей у Швеціи, составляютъ болѣе половины этого королевства; пространство присоединенной къ ней Польши равняется всей Австрійской имперіи; области же, завоеванныя у Персіи, почти не уступаютъ величиною Англіи.

Но самыми блестящими успѣхами ознаменовались дѣйствія Россіи на Востокѣ, гдѣ она поэтому и сдѣлала наибольшія пріобрѣтенія. По силѣ трактатовъ: кучукъ-кайнарджійскаго, ясскаго, бухарестскаго, адріанопольскаго и другихъ, къ Россіи отошли отъ европейской Турціи земли, равныя пространствомъ владѣніямъ Пруссіи до 1871 г., за исключеніемъ Рейнскихъ провинцій; въ Азіатской же Турціи она пріобрѣла территорію, на которой могли-бы свободно умѣститься соединенныя владѣнія Голландіи, Бельгіи, Рейнскихъ провинцій и второстепенныхъ государствъ Германіи.

Такое быстрое и громадное распространеніе русскаго владычества не могло не обратить вниманія Европы; она увѣровала въ величіе, могущество и несокрушимую силу оружія Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались опасенія, что преобладающее вліяніе Россіи утвердится повсемѣстно. Западныя державы, трепетно взирая на грозное развитіе могущества юной сѣверной державы, неоднократно пытались ставить таковому преграды, но далеко не достигали своихъ цѣлей; напротивъ, Рос-

сія постоянно выходила торжествующею изъ борьбы, умножая лишь тѣмъ обаяніе своей славы.

Апофеозомъ величія Россіи былъ 1815 годъ; взоры всѣхъ были тогда обращены къ ней. И эта дань уваженія и признательности принадлежала Россіи по праву: она избавила Европу отъ деспота и возвратила ей независимость.

Съ тѣхъ поръ вліяніе русскихъ монарховъ на дѣла континента не прекращалось, а для того, чтобы поставить таковому преграду, потребовалась коалиція могущественнѣйшихъ державъ. Трактатъ 1856 г. „повидимому“ судилъ, что такъ настойчиво и долго преслѣдуемая цѣль, наконецъ, достигнута.

Нельзя не признать, что дѣйствительно съ той поры Россія уже не помышляла болѣе ни о распространеніи своихъ владѣній, ни о новыхъ побѣдахъ;—за то внутренними преобразованіями, совершавшимися во всѣхъ отрасляхъ ея государственнаго строя, она одерживала, такъ сказать, «мирныя побѣды», по послѣдствіямъ своимъ болѣе важныя и благотворныя, чѣмъ тѣ, которыя доставались ей цѣною дорогой крови ея сыновъ!

Пораженіе, нанесенное Россіи, наглядно убѣдило ея враговъ, что могущество этой державы вовсе не такъ грозно, какъ полагали; поэтому они не сочли даже нужнымъ заручиться гарантіями, что трактатъ 1856 года не будетъ ею нарушенъ. Паденіе Севастополя мгновенно измѣнило воззрѣнія общественнаго мнѣнія Европы, а западныя державы, донельзя преувеличивавшія прежде опасности, которыми, будто бы, угрожала имъ Россія, не задумались признать ее неспособною чѣмъ-либо ихъ тревожить. Съ того времени всѣ ихъ усилія направлялись лишь къ тому, чтобы оскорблять и унижать Россію; ей воспрещалась даже свобода дѣйствій на ея собственной территоріи и водахъ, омывающихъ таковую! Въ ослѣпленіи своемъ державы упорствовали сознать, что трактатъ, основанный на началахъ, унизительныхъ для одной изъ договорившихся сторонъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться прочнымъ; это тѣмъ болѣе было примѣнимо къ трактату 1856 года, что онъ представлялся скорѣе послѣдствіемъ

совокупленія случайныхъ обстоятельствъ, чѣмъ выраженіемъ международныхъ интересовъ.

Приступимъ къ условіямъ [illegible].

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ войнѣ 1854 года на долю Франціи выпали наибольшія жертвы, и что только боевыя ея силы способствовали достиженію желаемыхъ результатовъ; но достовѣрно также и то, что французскій народъ былъ тутъ ни причемъ. Не власть его, не неумолимая необходимость вызвали восточную войну; тотъ, кому французы беззаботно дозволили захватить надъ собою власть, побуждаемый желаніемъ осуществить эгоистическія цѣли и угодить Англіи, вовлекъ ихъ въ эту борьбу, поглотившую около сотни тысячъ человѣческихъ жизней и милліарды франковъ денегъ. Франція не извлекла изъ нея никакой пользы; она не имѣла даже утѣшенія долго восхищаться тѣми побѣдными лаврами, которыми увѣнчались ея войска...

Поэтому, какъ французы, такъ и англичане были совершенно правы, повторяя всѣмъ извѣстную фразу: «агентъ Пальмерстона въ Версали — Наполеонъ III».

Участіе Сардиніи, какъ въ войнѣ, такъ и въ подписаніи трактата было совершенно случайное, и не имѣло ничего общаго съ цѣлями, преслѣдуемыми другими державами. Оказывая матеріальное содѣйствіе союзникамъ, она вовсе не задумывалась мыслью объ усиленіи или ослабленіи могущества Россіи, а имѣла лишь въ виду пріобрѣсти право послать своихъ уполномоченныхъ на предстоявшій конгрессъ, причемъ съ увѣренностью, что заявленія ихъ о нуждахъ Италіи будутъ приняты сочувственно.

Турція тоже не придавала [illegible] на Черномъ морѣ преграды могуществу своей сосѣдки; притомъ она не была въ то время еще достаточно сильна, чтобы вступить въ войну, не обѣщавшую ей особыхъ выгодъ. Никакія усилія союзниковъ привлечь Пруссію на свою сторону не побудили ея отказаться отъ соблюденія нейтралитета; они даже едва могли уговорить ее прислать въ Парижъ уполномоченныхъ.

Единственная держава, непосредственно заинтересованная

въ войнѣ 1854 г., была безспорно Англія, признававшая быстрое развитіе русской торговли на востокѣ крайне для себя опаснымъ. Чтобы только воспрепятствовать успѣхамъ своей соперницы, Англія не задумываясь была готова на всякія жертвы.

Но самое пораженіе, нанесенное Россіи, послужившее исключительнымъ поводомъ къ заключенію во всѣхъ отношеніяхъ стѣснительнаго трактата 1856 г., развѣ не было такою же случайностью, какъ и большая часть началъ, положенныхъ въ его основаніе?

Хотя многіе вполнѣ убѣждены, что императоръ Николай желалъ и вызвалъ войну,—но безпорядки, обнаружившіеся въ гражданскомъ управленіи Россіи, и то неудовлетворительное состояніе войска, въ которомъ застало ихъ объявленіе войны Портою, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что ничего не было предусмотрѣно на случай возникновенія общеевропейскаго столкновенія.

Что же этимъ доказывается? Или что Россія убаюкивала себя непростительнымъ самообольщеніемъ относительно боевой своей способности,—или,—и это гораздо вѣрнѣе,—что императоръ Николай вовсе не желалъ ни начинать, ни вызывать войны.

На чемъ-же основано убѣжденіе недруговъ Россіи? Единственно на пресловутыхъ переговорахъ съ Англіей... Но мы уже знаемъ, что императоръ возбуждалъ эти переговоры лишь въ предвидѣніи неизбѣжнаго паденія Оттоманской имперіи и могущихъ возникнуть въ такомъ случаѣ усложненій. Для чего же придавать имъ иное, произвольное значеніе?

Нѣтъ,—Россія не могла желать войны, потому что правительство ея хорошо знало, что арсеналы и магазины его пусты, и что войска вооружены ружьями старой системы, негодными для борьбы съ врагомъ, имѣющимъ скорострѣльное оружіе; притомъ не были заранѣе припасены капиталы, необходимые для удовлетворенія военныхъ потребностей, а Севастопольскія укрѣпленія не были приспособлены для защиты отъ нападенія съ сухаго пути... Неужели-же все это возможно приписать случайности или безпечности? Однако союзники,

упоенные успѣхомъ, весьма скоро отрѣшились отъ страха, который внушала имъ еще такъ недавно мысль о могуществѣ Россіи! Неудивительно-ли, что временное, во всякомъ случаѣ не сулившее долго продлиться, ослабленіе Россіи могло убѣдить ихъ, что она никогда болѣе не оправится, и привести къ заключенію Парижскаго трактата.

Отъ Россіи, какъ мы уже знаемъ, вовсе не требовалось серьезныхъ гарантій ненарушимости трактата; довольствуясь лишь отторженіемъ отъ нея клочка земли, признали, что она уже навсегда лишилась возможности оправиться и благоденствовать.

Ограничивъ свободу дѣйствій Россіи на ея собственной территоріи, Европа жестоко оскорбила ее; поэтому съ трудомъ вѣрится, чтобы кабинеты могли предположить, что великая сѣверная держава постоянно будетъ подчиняться унизительнымъ требованіямъ и условіямъ, несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ, какъ государства самоуправнаго и независимаго?

Но, и кромѣ этого, положенныя въ основанія Парижскаго трактата начала не предвѣщали ему долгаго существованія. Едва прошло 14 лѣтъ, и уже причины, вызвавшія его заключеніе, не существовали болѣе! Россія 1856 г., не имѣвшая ни денежныхъ средствъ, ни желѣзныхъ дорогъ, — не пользовавшаяся у себя дома правомъ гласно обсуждать положеніе дѣлъ и изыскивать средства къ ихъ улучшенію,—Россія, такъ устрашавшая нѣкогда Европу,—въ 1870 году уже не существовала болѣе!

Что-же сталось тогда съ статьями Парижскаго трактата, вполнѣ неосновательно возлагавшими на прежнюю Россію обязательство соблюдать нейтралитетъ Чернаго моря и ограничить число содержимыхъ ею тамъ военныхъ судовъ? Европу уже не озабочивала болѣе основная идея Парижскаго трактата, заключеннаго съ цѣлью положить предѣлъ грозному могуществу Россіи: важныя внутреннія реформы, мирно совершившіяся въ этой странѣ въ теченіи 12 лѣтъ, обратили пресловутый документъ въ мертвую букву, убѣдивъ притомъ, что только онѣ властны представить прочныя гарантіи противъ завоевательныхъ стремленій Россіи, а не 11 и 12 статьи трактата.

Всѣмъ и каждому сдѣлалось ясно, что питать воинственные, завоевательные замыслы одновременно съ проведеніемъ реформъ и крупныхъ преобразованій во всемъ государственномъ строѣ,—невозможно. Россія вполнѣ сознала, что расширеніе ея границъ не доставитъ ей никакихъ выгодъ и помирилась съ мыслью о своемъ недавнемъ погромѣ. Она прозрѣла, убѣдясь, что многое у нея не въ порядкѣ, и благоразумно рѣшилась никого ни въ чемъ не обвинять и ни на кого не злобствовать за свои неудачи, а исправивъ ошибки прошлаго, окрѣпнуть силами. Съ того времени всѣ опасенія Европы должны были прекратиться, такъ какъ Россія всецѣло посвятила себя дѣлу умиротворенія и громаднаго труда.

Но безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра прогрессивное движеніе, совершившееся и еще нынѣ продолжающееся въ ней съ 1856 г., выдвинуло на цѣлое столѣтіе впередъ ту слабую, потрясенную пораженіемъ Россію, которая не могла отстоять Севастополя и скрѣпила своею подписью Парижскій трактатъ.

Сознаніе собственнаго достоинства не дозволяло долѣе Россіи стѣснять свободу своихъ дѣйствій у себя дома и соблюдать силу устарѣвшихъ обязательствъ, несогласныхъ притомъ съ занимаемымъ ею положеніемъ.

Она не могла также выносить долѣе униженія, которому подвергла ее неумолимая сила обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что державы, подписавшія 11 и 12 статьи трактата, сами сознавали, что документъ, наиболѣе существенную часть котораго онѣ составляли, уже не соотвѣтствовалъ предполагавшимся цѣлямъ.

Пересмотръ его представлялся настоятельно необходимымъ, чтобы прійдти къ дружественному соглашенію; въ противномъ случаѣ кто могъ бы имѣть право осудить Россію за отказъ выполнять оскорбительныя для ея самолюбія статьи трактата, нарушеніе котораго неоднократно уже допускалось другими, участвовавшими въ подписаніи его державами?

Въ виду перемѣнъ, совершившихся въ Россіи, Европа не могла усматривать въ ея отказѣ посягательства на нарушеніе своего спокойствія; она не имѣла также надобности настаивать на соблюденіи условій, оскорбительныхъ для дружествен-

ной державы, которая еще недавно, въ самый разгаръ франко-прусской распри, несомнѣнно обнаружила свое миролюбіе. Въ то время Россія имѣла полную возможность заставить уважать свои требованія,—но признавая, что такая мѣра имѣла-бы видъ насилія, она отвергла ее и предпочла откровенно и дружелюбно обратиться къ справедливости державъ участницъ.

Въ 1870 году всѣ шансы успѣха были видимо на сторонѣ Россіи: положеніе всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, за исключеніемъ Англіи, совершенно измѣнилось, а интересы ихъ затрогивались иными соображеніями.

Что же касается Англіи, то при всемъ ея желаніи поддержать ненарушимость Парижскаго трактата, это бы ей не удалось. Наполеоновская Франція, такъ усердно и мощно помогавшая ей,—не существовала болѣе!

Просвѣщенная мудрость государственнаго дѣятеля, стоящаго во главѣ внѣшней политики Россіи, опредѣлила минуту, благопріятную для начатія дѣйствій; новыя побѣды Пруссіи могли чрезмѣрно возбудить ея гордость; и тѣмъ затруднить хотя весьма сложное, но все же возможное разрѣшеніе возбуждаемаго вопроса.

Такимъ образомъ $^{19}/_{31}$ октября князь Горчаковъ препроводилъ барону Бруннову циркуляръ, приводимый нами у сего цѣликомъ, такъ какъ онъ составляетъ наиболѣе замѣчательный документъ въ исторіи русской дипломатіи:

„Неоднократныя нарушенія, которымъ въ послѣдніе годы подверглись договоры, почитаемые основаніемъ европейскаго равновѣсія, поставили императорскій кабинетъ въ необходимость вникнуть въ ихъ значеніе по отношенію къ политическому положенію Россіи. Въ числѣ этихъ договоровъ къ Россіи наиболѣе непосредственно относится трактатъ 18-го (30) марта 1856 года.

Въ отдѣльной конвенціи между обѣими прибрежными державами Чернаго моря, составляющей приложеніе къ трактату, заключается обязательство Россіи ограничить свои морскія силы до самыхъ малыхъ размѣровъ.

Съ другой стороны трактатъ установилъ основное начало нейтрализаціи Чернаго моря.

Державы, подписавшія трактатъ, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновеній какъ между прибрежными государствами, такъ равно и между последними и морскими державами. Оно долженствовало умножить число странъ, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благодѣяніями нейтрализаціи, и такимъ образомъ ограждать и Россію отъ всякой опасности нападенія.

Пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ, что это начало, отъ котораго зависитъ безопасность границы Россійской имперіи съ этой стороны, во всемъ ея протяженіи, имѣетъ лишь теоретическое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ Россія разоружалась въ Черномъ морѣ и даже, посредствомъ деклараціи включенной въ протоколы конференцій, прямодушно воспрещала самой себѣ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ морской обороны въ прилежащихъ моряхъ и портахъ, Турція сохраняла право содержать въ Архипелагѣ и въ проливахъ морскія силы въ неограниченномъ размѣрѣ; Франція и Англія могли по прежнему сосредоточивать свои эскадры въ Средиземномъ морѣ.

Сверхъ того по выраженію трактата, входъ въ Черное море формально и навсегда воспрещенъ военному флагу какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ другихъ державъ; но, въ силу такъ называемой конвенціи о проливахъ, проходъ черезъ эти проливы воспрещенъ военнымъ флагамъ лишь во время мира. Изъ этого противорѣчія проистекаетъ то, что берега Россійской имперіи открыты для всякаго нападенія, даже со стороны державъ менѣе могущественныхъ, если только онѣ располагаютъ морскими силами, противъ которыхъ Россія могла бы выставить лишь нѣсколько судовъ слабыхъ размѣровъ.

Впрочемъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 г. не избѣжалъ нарушеній, которымъ подверглась большая часть европейскихъ договоровъ; въ виду этихъ нарушеній трудно было бы утверждать, что опирающееся на уваженія къ трактатамъ (этимъ основамъ права международнаго и отношеній между

государствами), писанное право сохранило ту же нравственную силу, которую оно могло имѣть въ прежнія времена.

Всѣ видѣли, какъ княжества Молдавія и Валахія, судьба которыхъ, подъ ручательствомъ великихъ державъ, была опредѣлена трактатомъ и послѣдующими протоколами, прошли черезъ цѣлый рядъ переворотовъ, которые, будучи противны духу и буквѣ договоровъ, привели ихъ сперва къ соединенію, а потомъ къ призванію иностраннаго принца. Эти событія произошли свѣдома Порты и были допущены великими державами, которыя по крайней мѣрѣ не сочли нужнымъ заставить уважать свои приговоры.

Только одинъ представитель Россіи возвысилъ голосъ, чтобы указать кабинетамъ, что подобною терпимостью онѣ становятся въ противорѣчіе съ положительными постановленіями трактата.

Разумѣется, что еслибы уступки, дарованныя одной изъ христіанскихъ народностей востока, были послѣдствіемъ всеобщаго соглашенія между кабинетами и Портою, основаннаго на началѣ, которое могло бы быть примѣнено ко всему христіанскому населенію Турціи, то императорскій кабинетъ отнесся бы къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ. Но эти уступки были лишь исключеніемъ.

Императорскій кабинетъ не могъ не быть пораженъ тѣмъ, что такимъ образомъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 года, лишь нѣсколько лѣтъ по заключеніи, могъ быть безнаказанно нарушенъ въ одной изъ своихъ существенныхъ частей передъ лицомъ великихъ державъ, собранныхъ на парижской конференціи и представлявшихъ, въ своей совокупности, сонмъ высшей власти, на которой опирался миръ востока.

Это нарушеніе не было единственнымъ.

Неоднократно и подъ разными предлогами проходъ чрезъ проливы былъ открываемъ для иностранныхъ военныхъ судовъ, и въ Черное море были впускаемы цѣлыя эскадры, присутствіе которыхъ было посягательствомъ противъ присвоеннаго этимъ водамъ полнаго нейтралитета.

При постепенномъ, такимъ образомъ, ослабленіи предоставленныхъ трактатомъ ручательствъ, въ особенности же залога

дѣйствительной нейтрализаціи Чернаго моря, — изобрѣтеніе броненосныхъ судовъ, неизвѣстныхъ и неимѣвшихся въ виду при заключеніи трактата 1856 г., увеличивало для Россіи опасности въ случаѣ войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительныхъ морскихъ силъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ Государь Императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и какія обязанности проистекаютъ для Россіи изъ этихъ перемѣнъ въ общемъ политическомъ положеніи, и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ, которыя Россія не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духомъ недовѣрія къ ней?

По зрѣломъ разсмотрѣніи этого вопроса, Его Императорское Величество соизволилъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя поручается вамъ довести до свѣденія правительства, при которомъ вы уполномочены.

По отношенію къ праву нашъ августѣйшій Государь не можетъ допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многихъ существенныхъ и общихъ статьяхъ своихъ, оставались обязательными по тѣмъ статьямъ, которыя касаются прямыхъ интересовъ его имперіи.

По отношенію-же къ примѣненію, Его Императорское Величество не можетъ допустить, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушенію, вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости.

Государь Императоръ, въ довѣріи къ чувству справедливости державъ, подписавшихъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 года, и къ ихъ сознанію собственнаго достоинства, повелѣваетъ вамъ объявить:

что Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года, — на сколько онѣ ограничиваютъ его верховныя права въ Черномъ морѣ;

что Его Императорское Величество считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить его величеству Султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помяну-

тому трактату конвенціи, опредѣляющей количество и размѣры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ;

что Государь Императоръ прямодушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и гарантировавшія общій трактатъ, существенную часть котораго составляетъ эта отдѣльная конвенція;

что Его Императорское Величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя.

При исполненіи этого порученія, вы употребите стараніе точно опредѣлить, что нашъ Августѣйшій Монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей имперіи.—Въ мысли Его Императорскаго Величества вовсе не входитъ возбужденіе восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе востока и европейское равновѣсіе.

Его Императорское Величество убѣжденъ въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе пріобрѣтутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основаніяхъ, болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ при томъ положеніи, котораго не можетъ принять за естественное условіе своего существованія ни одна великая держава.“

Кончая, князь Горчаковъ поручилъ барону Бруннову сообщить циркуляръ и передать копію съ него министру иностранныхъ дѣлъ правительства ея величества королевы.

Перчатка была брошена! Основываясь на недѣйствительность трактата, и не давая себѣ труда перечислять оскорбительныя для нея статьи таковаго, Россія очевидно сама воз-

вращала себѣ право сооруженія въ Черномъ морѣ флота въ количествѣ, какое признаетъ необходимымъ, и возведеніе, по прежнему, по черноморскому побережью арсеналовъ и портовъ.

Отказываясь отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій трактата 1856 года, русское правительство отнюдь не настаивало на ненарушимости остальныхъ; оно заявляло лишь желаніе, чтобы основное начало трактата, т. е. принятіе Турціи въ семью европейскихъ государствъ, не подверглось измѣненію и предлагало державамъ, участвовавшимъ въ его подписаніи, пересмотрѣвъ все касающееся этого предмета, прійдти къ дружелюбному соглашенію.

Циркуляръ князя Горчакова до того взволновалъ общественное мнѣніе Европы, что даже кровавыя событія франко-прусской войны временно отошли на второй планъ.

Что отвѣтятъ иностранные кабинеты, непосредственно заинтересованные ненарушимостью трактата 1856 года?

А между тѣмъ заявленіе, сдѣланное Россіей, никого не могло поразить неожиданностью, потому что вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата уже не впервые былъ возбуждаемъ, хотя, конечно, не столь категорически.

Въ объяснительной депешѣ 20 октября (1 ноября) 1870 г. на имя барона Бруннова, преимущественно имѣвшей въ виду убѣдить Англію, что рѣшеніе, принятое Россіей, отнюдь не измѣнитъ восточной политики Его Величества Императора, — князь Горчаковъ говорилъ:

„Когда въ началѣ 1866 года предполагалось созвать конференцію трехъ державъ для предупрежденія предстоявшей войны въ Германіи, и вы, обсуждая съ графомъ Росселемъ основанія таковой, имѣли случай указать, чѣмъ могла-бы Россія считать себя вознагражденною и обезопасенною, еслибъ допущены были нѣкоторыя измѣненія, способныя нарушить «statu quo» востока,—то благородный лордъ вполнѣ добросовѣстно призналъ справедливость вашихъ заявленій, а равно и то, что всякое извращеніе какъ текста, такъ и точнаго смысла трактата 1856 года, неминуемо должно привести къ пересмотру его.

А хотя тогда никакихъ перемѣнъ на востокѣ не послѣдовало, но лордъ Гренвилль, безъ сомнѣнія, не откажется признать, что въ настоящее время трактатъ несомнѣнно уже подвергся важнымъ измѣненіямъ, и притомъ въ самой существенной его части».

Въ депешѣ русскаго канцлера отъ того-же числа на имя г. Новикова, посла въ Вѣнѣ, предназначенной для предъявленія графу Бейсту, указывалось, что вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата былъ поднятъ еще въ 1859 году самою Австріею.

„Считаю излишнимъ,—писалъ князь Горчаковъ, подробно излагать причины, побудившія нашего августѣйшаго Монарха отказаться отъ исполненій условій трактата 1856 года, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи; онѣ каждому очевидны. Состоя во время его заключенія посломъ въ Вѣнѣ, я открыто выражалъ убѣжденіе, что политическая комбинація эта, отнюдь не ослабляя могущества Россіи, способна лишь постоянно возбуждать въ ней неудовольствіе и раздраженіе, а потому вовсе не соотвѣтствуетъ какъ общимъ интересамъ Европы, такъ, въ особенности, пользамъ Австріи" [1]).

Въ 1859 году, вѣнскій кабинетъ вполнѣ сознавалъ это.

Присланный имъ въ Варшаву баронъ Вернеръ заявилъ намъ убѣжденіе австрійскаго правительства, что созданное трактатомъ 1856 года положеніе Россіи пагубно отзывается на всей Европѣ, такъ какъ устраняетъ императорское правительство отъ той доли участія въ общихъ дѣлахъ, которое принадлежитъ ему по праву въ интересахъ мира и консервативной политики. Въ тоже время вѣнскій кабинетъ добровольно предложилъ намъ свой починъ въ сношеніяхъ съ правительствами, подписавшими трактатъ, относительно его пе-

*) Въ засѣданіи Вѣнской конференціи 17 апрѣля 1855 года, князь Горчаковъ открыто заявилъ, что никакіе трактаты не заставятъ Россію принять обязательство, ограничивающее ея права на собственной территоріи, и сократить численность своего флота. Графъ Буоль посовѣтовалъ князю согласиться на это условіе, такъ какъ ничто не могло обязать его Государя дѣйствовать по усмотрѣнію въ будущемъ. Это «будущее» наступило въ 1870 году.

ресмотра и уничтоженія статей, признаваемыхъ Россіей особенно оскорбительными.

Затѣмъ князь Горчаковъ указалъ на переписку, возникшую по этому поводу между с.-петербургскимъ, вѣнскимъ, парижскимъ и берлинскимъ кабинетами, и приложилъ съ нея копію, дабы г. Новиковъ „могъ удобнѣе напомнить это обстоятельство графу Бейсту".

„Впрочемъ, — продолжалъ князь, — г. австро-венгерскій канцлеръ раздѣлялъ эти убѣжденія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за вступленіемъ его въ управленіе политикою Австріи; онъ по собственному побужденію предложилъ намъ тогда созвать европейскій конгрессъ для пересмотра оскорбительныхъ для Россіи постановленій Парижскаго трактата 1856 г., находя мѣру эту весьма полезною, способною упрочить общій миръ сближеніемъ кабинетовъ, устраненіемъ причинъ къ постоянной раздражительности Россіи, и наконецъ возвращеніемъ неотъемлемо принадлежащаго ей права свободно оказывать въ европейскомъ концертѣ свое консервативно-миролюбивое вліяніе.

Въ минувшемъ году, при личномъ свиданіи нашемъ въ Уши, графъ Бейстъ высказался въ такомъ-же смыслѣ.

Искренно поблагодаривъ его, я вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что хотя трактатъ 1856 года и, по нашему убѣжденію, утратилъ свое первоначальное значеніе,—но мы не признаемъ, чтобы настало уже время выяснить по этому поводу окончательныя рѣшенія нашего августѣйшаго Государя.

Вѣнскому кабинету не предстоитъ слѣдовательно теперь надобности принимать на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. По непреложному ходу событій Россія пріобрѣла неоспоримыя права"....

Затѣмъ, объяснивъ рѣшенія, принятыя русскимъ правительствомъ на основаніи этихъ правъ, канцлеръ предлагалъ г. Новикову сообщить о таковыхъ австрійскому правительству. Наконецъ, оканчивая ноту, князь Горчаковъ выражалъ надежду, что настоящія сообщенія будутъ дружественно приняты вѣнскимъ кабинетомъ, неоднократно предлагавшимъ свое содѣйствіе къ достиженію предположенныхъ цѣлей. «Графъ

Бейстъ конечно убѣдится, что вопросъ этотъ, имѣющій для Россіи несомнѣнно важное значеніе, послужитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и пробнымъ камнемъ для уясненія какъ истинныхъ отношеній къ ней державъ, такъ и тѣхъ, которыми она должна руководиться въ своихъ сношеніяхъ съ ними».

Въ тоже время представители Россіи: во Флоренціи—г. Икскуль, въ Константинополѣ, за отсутствіемъ генерала Игнатьева,—г. Сталь и въ Турѣ—г. Окуневъ—получили циркуляръ 19 октября съ предложеніемъ сообщить его содержаніе правительствамъ, при которыхъ они акредитованы.

Въ «частномъ» письмѣ г. Сталю, приложенномъ къ циркуляру, князь Горчаковъ добавлялъ:

„Не щадите усилій убѣдить великаго визиря, что рѣшенія Его Императорскаго Величества, внушенныя обязанностями, налагаемыми на него достоинствомъ и безопасностью Его имперіи, отнюдь не заключаютъ въ себѣ враждебныхъ или непріязненныхъ Портѣ намѣреній...

„Натянутость отношеній между Россіей и Турціей, представляясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ трактата 1856 г., служитъ также постояннымъ предлогомъ къ возбужденію взаимной ихъ раздражительности всѣмъ тѣмъ, которые изъ эгоистическихъ побужденій жаждутъ разрыва между обѣими державами. Настоящее положеніе и вредъ отъ таковаго проистекающій убѣждаютъ, что великая держава не можетъ допустить его продолженія на неопредѣленное время; возможность борьбы, признаваемой даже многими неизбѣжною, тяготѣетъ надъ всѣми; одни призываютъ ее и готовятся къ ней, другіе не щадятъ усилій ускорить и возбудить ее. Очевидно, что именно въ этомъ и заключается причина возникновенія безпрерывныхъ смутъ на востокѣ, парализующихъ всѣ усилія, употребленныя съ 1856 года императорскимъ правительствомъ для его умиротворенія“.

Поручая г. Окуневу сообщить правительству Франціи содержаніе депеши 19 октября, князь Горчаковъ говорилъ:

«Хотя вся заботливость правительства, руководящаго нынѣ судьбами Франціи, исключительно обращена на защиту страны, но имѣя въ виду, что держава эта занимаетъ слишкомъ вид-

ное мѣсто въ сонмѣ европейскихъ государствъ, императорскій кабинетъ не считаетъ себя въ правѣ уклониться отъ своевременнаго сообщенія ей сущности измѣненій, признанныхъ имъ необходимыми въ трактатѣ, ею подписанномъ.

Война 1854 и трактатъ 1856 годовъ были первыми шагами по пути политическихъ переворотовъ, которые потрясли Европу и привели къ столь пагубнымъ послѣдствіямъ. Но какая-бы форма правленія не была окончательно усвоена Франціей, лицамъ, которыя станутъ во главѣ ея правительства, выпадетъ на долю уврачевать раны, нанесенныя ей ложною политическою системою.

Поэтому намъ отрадно надѣяться, что высокая мысль, руководившая дѣйствіями нашего Августѣйшаго Государя, будетъ вполнѣ усвоена правительствомъ Франціи; она стремится лишь къ возвращенію Россіи ничѣмъ несокрушимаго права охранять свою собственную безопасность. Кромѣ того, она служитъ сугубою гарантіей поддержанія спокойствія на востокѣ, которое, по свидѣтельству опыта, не можетъ быть прочно, если продолжатся ненормальныя отношенія между двумя державами, наиболѣе заинтересованными въ сохраненіи таковаго".

Князь Горчаковъ не выражалъ сомнѣнія относительно того, какъ будетъ принято итальянскимъ кабинетомъ дѣлаемое имъ сообщеніе; „оно слишкомъ проникнуто сознаніемъ своего достоинства,—писалъ онъ г. Икскулю,—чтобы не сочувствовать мѣрамъ, внушаемымъ намъ нашимъ собственнымъ. Притомъ, никакіе интересы не вынуждаютъ Италію желать, чтобы ненормальное положеніе, созданное трактатомъ 1856 г., продолжалось долѣе.

Баронъ Бруновъ сообщилъ циркуляръ русскаго правительства лорду Гренвилю 9 ноября. Министръ королевы былъ пораженъ какъ откровеннымъ изложеніемъ сущности намѣреній Россіи, такъ и извѣщеніемъ, что они уже перешли въ область непреложно совершившихся фактовъ, а потому подъ предлогомъ необходимости узнать мнѣнія своихъ товарищей уклонился отъ немедленной дачи русскому послу отвѣта. Однако на слѣдующій же день имъ была отправлена англій-

скому послу при с.-петербургскомъ дворѣ, сэру Букевану, длинная депеша, содержаніе которой предлагалось сообщить князю Горчакову. Въ ней весьма подробно развивалась теорія ненарушимости международныхъ трактатовъ и ставился вопросъ: „предоставлено-ли кому-либо право и власть освобождать одну или нѣсколько договаривавшихся сторонъ отъ соблюденія нѣкоторыхъ частей или всего договора?“

Выражалось также, что образъ дѣйствій, усвоенный Россіей въ такомъ важномъ дѣлѣ, послужитъ поводомъ къ полному ослабленію силы трактатовъ, и заявлялось, что правительство королевы относилось съ сообщенія, сдѣланному Россіей, „съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, такъ какъ оно способно возбудить пререкательства, могущія нарушить дружественныя отношенія, которыя оно постоянно старалось поддерживать съ Россійскою имперіею. Въ силу вышеприведенныхъ соображеній, правительство ея величества не считаетъ для себя возможнымъ одобрить приведеніе въ исполненіе мѣръ, возвѣщенныхъ княземъ Горчаковымъ.

Подобная-же депеша была послана лордомъ Гренвилемъ 11 ноября сэру Генри Элліоту въ Константинополь, съ приказаніемъ передать съ нея копію турецкому правительству, дабы оно увѣровало, „что лондонскій кабинетъ не раздѣляетъ убѣжденія Россіи относительно того, будто-бы условія международнаго европейскаго трактата могутъ быть произвольно измѣнены одною какою либо державою, безъ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ подписаніи его сторонъ“.

Въ тотъ-же день предложено было г. Одо Росселю отправиться въ Версаль и вступить съ графомъ Бисмаркомъ въ переговоры по поводу циркуляра князя Горчакова. Лордъ Гренвиль одновременно обратился съ запросомъ и къ прусскому послу въ Лондонѣ, графу Бернсторфу; хотя послѣдній не получалъ еще инструкцій отъ своего правительства, но, соглашаясь съ воззрѣніями англійскаго министра, отвѣчалъ, что Пруссія „вовсе не желаетъ усиленія Россіи на счетъ Турціи и не окажетъ первой содѣйствія въ этомъ смыслѣ“. Оба государственные дѣятеля признали также, что «русскимъ цир-

куляромъ нанесено оскорбленіе не только Турціи, но и каждой державѣ, подписавшей Парижскій трактатъ».

Турецкому послу въ Лондонѣ, Мусурусу-пашѣ, одновременно была передана лордомъ Гренвилемъ копія его отвѣта Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ преподанъ совѣтъ предупредить Порту, чтобы „она не поступала опрометчиво, а вошла въ предварительныя соглашенія съ державами, подписавшими трактатъ 1856 г.“. Такая заботливость была отчасти излишнею, такъ какъ Аали-паша еще ранѣе увѣдомилъ сэра Эллiота, что отвѣтитъ на сообщеніе русскаго правительства только по пріѣздѣ генерала Игнатьева, и притомъ въ томъ смыслѣ, что Россія и Турція не имѣютъ права входить въ отдѣльное соглашеніе по вопросу, утвержденному Европейскимъ конгрессомъ.

Между тѣмъ, во время усиленныхъ стараній англійскаго министра не допустить до мирнаго соглашенія Россіи съ державами, участвовавшими въ подписаніи трактата, въ С.-Петербургѣ нетерпѣливо ожидался отвѣтъ лондонскаго кабинета на циркуляръ 19 октября.

Наконецъ 16 ноября 1870 г. сэръ Букананъ, пріѣхавъ въ Царское Село, сообщилъ князю Горчакову содержаніе депеши лорда Гренвиля. Считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ отчетомъ о разговорѣ англійскаго посла съ русскимъ канцлеромъ, представленнымъ первымъ его правительству.

Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, что отвѣтитъ на замѣчанія ваши (лорда Гренвиля) по зрѣломъ и спокойномъ ихъ обсужденіи; теперь-же проситъ меня завѣрить васъ, что императорское правительство, сдѣлавъ такой шагъ, имѣло въ виду лишь смыть съ чести своей омрачавшее ее пятно и, по возможности, упрочить дружественныя отношенія свои съ Турціей. Затѣмъ князь развивалъ и объяснялъ мнѣ доводы, приведенные уже въ циркулярѣ, на которыхъ Россія основываетъ свое право отказаться отъ исполненія нѣкоторыхъ статей трактата 1856 года. Я возразилъ князю, что объясненія его вовсе не относятся къ дѣлу, такъ какъ возраженіями вашими, г. министръ, оспаривается лишь право самовластно нарушить трактатъ, не получивъ на то согласія остальныхъ державъ-участницъ. По-

этому-то правительство королевы, не устраняя вовсе необходимость пересмотра трактата, находитъ, что предложеніе о томъ послѣдовало не въ строго приличествующей формѣ. По моему убѣжденію,—добавилъ я,— нежеланіе императора подчиняться долѣе оскорбительнымъ для его достоинства условіямъ могло-бы быть столь-же энергически заявлено и безъ перечисленія послужившихъ къ тому поводовъ, непреложность которыхъ отнюдь не доказана русскимъ циркуляромъ.

Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ тогда, что не можетъ входить въ пререкательства по этому предмету, такъ какъ принятое Императоромъ рѣшеніе непреложно; что Турція поступитъ вполнѣ сообразно съ своими интересами, если одобритъ дѣйствія Россіи, которая съумѣетъ отблагодарить ее въ послѣдствіи. Если же она предпочтетъ поступить иначе, по собственному-ли побужденію, или по внушенію другой какой-либо державы,—то неминуемо подвергнетъ себя серьезной опасности. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что хотя миролюбивая политика Россіи не подлежитъ сомнѣнію, потому что возбудивъ, такой важный вопросъ, она ни однимъ солдатомъ не увеличила численность своей арміи,—но несомнѣнно также и то, что христіанскія народности Оттоманской имперіи, спокойствіе которыхъ всегда обусловливалось вліяніемъ Россіи, не преминутъ, при возникновеніи несогласій между обоими правительствами, открыто возмутиться противъ власти султана.

Я отвѣтилъ князю, что не считаю возможнымъ продолжать пренія объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что депешею вашею, г. министръ, вполнѣ выяснены виды британскаго правительства, и выразилъ надежду, что по ближайшемъ ознакомленіи съ таковою, онъ конечно ничего не упуститъ изъ вида, чтобы устранить причины, затрудняющія въ настоящее время самое обсужденіе поднятаго вопроса.

Затѣмъ, передъ концемъ разговора, князь сказалъ мнѣ, что «его крайне удивляетъ, почему правительство королевы именно теперь возбуждаетъ вопросъ о ненарушимости трактатовъ, тогда какъ безъ всякихъ возраженій признало законность перемѣнъ, совершившихся въ 1866 году въ Германіи,

вслѣдствіе упраздненія Германскаго Союза и королевства ганноверскаго?»

Князь Горчаковъ не замедлилъ отвѣтить на депешу лорда Гренвиля, пославъ 20 ноября барону Бруннову ноту, написанную въ умѣренномъ примирительномъ духѣ. Выражая въ ней сожалѣніе, что англійское правительство не одобряетъ независѣвшую отъ выбора Россіи форму, въ которую облечено циркулярное сообщеніе 19 октября, князь вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подтвердилъ увѣреніе, что Императоръ отнюдь не отрѣшается отъ соблюденія основныхъ началъ трактата 1856 г., и готовъ во всякое время войдти въ соглашеніе съ державами, участвовавшими въ его подписаніи, относительно пересмотра таковаго.

Затѣмъ, констатируя пользу и необходимость сохраненія дружественныхъ отношеній между обоими правительствами, русскій канцлеръ приглашалъ лондонскій кабинетъ возбудить переговоры съ державами, подписавшими трактатъ 1856 года, и заканчивалъ увѣреніемъ, что Россія охотно приметъ участіе въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью обсужденіе мѣръ, клонящихся къ утвержденію мира и спокойствія на востокѣ.

Эти вполнѣ добросовѣстныя и откровенныя разъясненія были сочувственно привѣтствованы въ Лондонѣ, и большинство англійскихъ газетъ поспѣшило выразить надежду, что вопросъ первостепенной важности, обращающій на себя вниманіе всей Европы, несомнѣнно будетъ разрѣшенъ путемъ дипломатическихъ сношеній.

Газета «Daily News» напечатала по этому поводу слѣдующее: «хотя отвѣтъ русскаго канцлера не вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаетъ дѣло, — но въ немъ не звучитъ и безповоротный «non possumus,» преградившій бы русскому правительству путь къ соглашенію при будущихъ преніяхъ и совѣщаніяхъ».

Къ сожалѣнію, успокоительныя предположенія и заключенія англійской газеты оказались преждевременными: отвѣты державъ на русскій циркуляръ 19 октября далеко не внушали надежду на скорое и желаемое разрѣшеніе щекотливаго вопроса.

Графъ Бейстъ адресовалъ австрійскому послу въ С.-Петербургѣ, графу Хотеку, депешу отъ 16 ноября для сообщенія князю Горчакову; упомянувъ въ ней о XIV статьѣ Парижскаго трактата, относящейся къ конвенціи, опредѣлившей число легкихъ военныхъ судовъ, содержимыхъ Россіей и Турціей въ Черномъ морѣ, онъ говорилъ: «мы не можемъ, какъ сами имѣть, такъ и допустить сомнѣнія относительно дѣйствительности взаимныхъ обязательствъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы которая либо изъ договорившихся сторонъ сочла себя въ правѣ заявить самыя вѣскія возраженія противъ ненарушимости той или другой статьи трактата, уничтоженіе или измѣненіе котораго безъ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ его заключеніи державъ было заранѣе условлено и утверждено.»

Усиливаясь убѣдить, что измѣненія, которыя по указанію циркуляра 19 октября уже нарушили трактатъ и ослабили его значеніе и силу, далеко не такъ важны, какъ утверждаетъ с.-петербургскій кабинетъ, австрійскій канцлеръ говорилъ въ заключеніе: «императорско-королевское правительство съ глубокимъ сожалѣніемъ узнало о принятіи русскимъ правительствомъ рѣшенія, возвѣщеннаго депешею князя Горчакова, такъ какъ таковое возлагаетъ на него громадную отвѣтственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскій кабинетъ не можетъ не выразить по этому поводу своего глубокаго изумленія, и не обратить вниманія с.-петербургскаго императорскаго кабинета на серьезныя послѣдствія его рѣшенія, угрожающаго не только ненарушимости международнаго договора, заключеннаго всѣми великими державами, но и принятаго именно въ ту минуту, когда, въ виду совершающихся грозныхъ событій, Европа для своего спокойствія и упроченія своей будущности наиболѣе нуждается въ неуклонномъ соблюденіи святости трактатовъ.»

Этотъ неопредѣленный отвѣтъ, нисколько не выяснившій истинныхъ намѣреній Австріи, рѣзко противорѣчилъ секретнымъ инструкціямъ, преподаннымъ графомъ Бейстомъ австро-венгерскому послу въ Лондонѣ, графу Аппони, депешею отъ 28 ноября. Вотъ что онъ писалъ:

«Пользуюсь отъѣздомъ англійскаго курьера, чтобы сообщить

вамъ нѣкоторыя конфиденціальныя увѣдомленія относительно взглядовъ, которые вы не оставите сообщить лорду Гренвиллю по вопросу, возбужденному русскимъ циркуляромъ 19 (31) октября.

Вашему превосходительству главнѣе всего слѣдуетъ прійдти къ убѣжденію, что хотя мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены ни усложнять дѣло, ни возбуждать какія либо затрудненія, но не менѣе того рѣшились выказать надлежащую твердость и не допускать попытокъ застращиванья. Мы не желаемъ войны,—мы будемъ всячески стараться избѣжать ея, и не посовѣтуемъ Англіи или Турціи прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; ваше превосходительство уполномочиваетесь заявлять объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ и опровергать ложныя сообщенія нѣкоторыхъ органовъ прессы относительно моего образа дѣйствій въ данномъ обстоятельствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ крайне желательно, чтобы англійскій кабинетъ положительно увѣровалъ, что если онъ вознамѣрится дѣйствовать энергически, то можетъ на насъ разсчитывать, такъ какъ въ содѣйствіи нашемъ онъ „ни въ какомъ случаѣ“ сомнѣваться не долженъ.

Ожидаю извѣщенія, какое дѣйствіе произвели наши отвѣты въ С.-Петербургѣ, и убѣжденъ, что въ настоящее время ничего иного предпринимать не слѣдуетъ.

Пока русское правительство ограничивается словами и заявленіями, намъ нѣтъ надобности пускать въ ходъ какія-либо другія средства; мы будемъ вынуждены къ этому лишь тогда, когда оно вздумаетъ подкрѣплять слова свои дѣйствіями. На нихъ мы отвѣтимъ тѣмъ-же;—повторяю, принятіе нами въ такомъ случаѣ угрожающаго положенія будетъ всѣми признано мѣрою вполнѣ справедливою, и мы заранѣе усвоиваемъ себѣ всѣ комбинаціи, которыми будетъ руководиться англійская политика.

Произведеніе нравственнаго впечатлѣнія удовлетворяетъ пока потребностямъ минуты; отказываясь признать основательность заявленія Россіи, мы парализуемъ ея усилія добиться желаемой цѣли. Если же взгляды остальныхъ державъ, согласованные съ нашими, будутъ торжественно высказаны, — то

намъ остается лишь радоваться достиженію такого счастливаго результата".

Въ тотъ же день дипломатическимъ агентамъ Австріи въ Бухарестѣ и Бѣлградѣ дано было приказаніе внушить правительствамъ этихъ земель, что австрійское правительство неуклонно рѣшилось „не допускать какихъ либо измѣненій въ ихъ учрежденіяхъ, утвержденныхъ какъ европейскими соглашеніями 1856—1858 годовъ, такъ и позднѣйшими постановленіями о политической автономіи дунайскихъ княжествъ".

Князь Горчаковъ конечно не могъ ожидать ничего подобнаго отъ руководителя внѣшнею политикою Австріи, который за годъ передъ тѣмъ самъ предлагалъ свое содѣйствіе русскому правительству въ случаѣ, если оно вознамѣрится уклониться отъ исполненія извѣстныхъ обязательствъ, наложенныхъ на него Парижскимъ трактатомъ.

На сообщенія графа Бейста русскій канцлеръ отвѣтилъ двумя депешами отъ 10 (22) ноября, адресованными на имя г. Новакова. Искренно соболѣзнуя, что пререкательства, возбужденныя графомъ Бейстомъ, по всей вѣроятности, не приведутъ къ дружественному соглашенію съ вѣнскимъ кабинетомъ, столь желательному для русскаго правительства,—князь выяснилъ истинныя намѣренія Россіи въ самомъ миролюбивомъ духѣ, надѣясь притомъ, что таковыя, будучи усвоены съ полнымъ безпристрастіемъ, оцѣнятся по достоинству.

Усложненія возникали со всѣхъ сторонъ; отвѣтъ же, данный итальянскимъ правительствомъ, еще болѣе ослаблялъ надежду на скорое рѣшеніе вопроса.

Г. Висконти-Веноста открыто выразилъ свое удивленіе г-ну Иксвулю, сообщившему ему содержаніе циркуляра 19 октября, присовокупивъ, что единственно возможный отвѣтъ его въ данную минуту заключается въ томъ, что итальянское правительство, вѣрное своей традиціонной политикѣ въ восточныхъ дѣлахъ, обратится за разрѣшеніемъ этого неожиданнаго замѣшательства къ другимъ державамъ, участвовавшимъ въ подписаніи Парижскаго трактата. Черезъ три дня баронъ Иксвуль вновь посѣтилъ итальянскаго министра, полагая, что имъ уже получены отзывы державъ, и что слѣдовательно онъ не

затруднится категорически выяснить намѣренія итальянскаго правительства. Ожиданія его не оправдались: г. Висконти-Веносте отвѣтилъ тоже, что и въ первый разъ.

Было очевидно, что итальянское правительство желало согласоваться съ политикою Англіи и Австріи.

Франція высказалась въ томъ же смыслѣ.

Таково было положеніе дѣла, когда графъ Бисмаркъ сообщилъ г. Одо-Росселю, прибывшему въ Версаль 22 Ноября, взгляды и намѣренія Пруссіи въ слѣдующемъ видѣ:

1) Русскій циркуляръ 19 октября поразилъ его неожиданностью.

2) Хотя онъ всегда находилъ, что трактатъ 1856 г. налагалъ на Россію непомѣрно тягостныя обязательства, но тѣмъ не менѣе какъ форма, въ которую облечено ея отреченіе отъ ихъ исполненія, такъ и время, для того избранное, нисколько имъ не одобряются.

3) Онъ искренно сожалѣетъ, что вслѣдствіе военныхъ дѣйствій лишенъ въ настоящее время возможности не только принять участіе въ предстоящихъ переговорахъ, но даже оффиціально отвѣтить на русскій циркуляръ.

4) Желая однакоже предотвратить возникновеніе новой войны, онъ горячо совѣтуетъ открыть конференцію въ Константинополѣ прежде, чѣмъ довести дѣло до вооруженнаго столкновенія.

Въ десять часовъ вечера того же дня г. Одо-Россель, по особому приглашенію, вновь посѣтилъ графа Бисмарка, который поручилъ ему спросить по телеграфу лорда Гренвиля, не желаетъ ли онъ, чтобы графъ принялъ на себя инціативу въ дѣлѣ созванія конференціи для обсужденія способовъ мирнаго разрѣшенія вопроса, могущаго, по откровенному сознанію англійскаго посла, „послужить въ настоящемъ его видѣ поводомъ къ объявленію Англіей войны Россіи, несмотря даже на то, пріобрѣтетъ ли она союзниковъ или нѣтъ".

Графъ Бисмаркъ, заручившись предварительно согласіемъ князя Горчакова на пріемъ представителей державъ, участвовавшихъ въ подписаніи Парижскаго трактата, предложилъ избрать мѣстомъ ихъ засѣданій С.-Петербургъ, имѣя притомъ

въ виду, что личное присутствіе тамъ императора, на воззрѣнія котораго могли бы поступать заключенія делегатовъ, тотчасъ по согласованіи таковыхъ, и быть въ тоже время санкціонированы его величествомъ, значительно облегчили и ускорили бы работы конференціи. Съѣздъ же уполномоченныхъ въ Константинополѣ призналъ неудобнымъ, такъ какъ въ переговорахъ съ С.-Петербургомъ проходило бы много времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій канцлеръ поручилъ г. Одо-Росселю просить лорда Гренвиля, чтобы онъ, въ случаѣ согласія на дѣлаемое предложеніе, сообщилъ о томъ французскому правительству и пригласилъ принять участіе въ конференціи.

Одновременно съ этимъ миролюбивымъ предложеніемъ, генералъ Швейницъ конфиденціально сообщилъ о таковомъ графу Бейсту, а также о желаніи его правительства, чтобы Австро-Венгрія согласилась избрать С.-Петербургъ мѣстомъ для съѣзда конференціи, имѣющей обсудить вопросъ, поднятый Россіей.

„Я весьма осторожно отнесся къ этому сообщенію, находя, что собраться делегатамъ въ С.-Петербургѣ положительно немыслимо“, писалъ графъ Бейстъ графу Аппони.

Предложеніе Пруссіи не встрѣтило большаго сочувствія и въ средѣ лондонскаго кабинета, который обратился къ вѣнскому съ вопросомъ: „не находитъ ли императорское и королевское правительство какихъ либо препятствій къ созванію конференціи въ другомъ городѣ и при болѣе соотвѣтствующихъ условіяхъ“.

При всемъ томъ оба правительства видимо отрѣшались отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній и уже обнаруживали въ извѣстной степени желаніе приступить къ совѣщаніямъ; оставалось лишь избрать мѣсто для съѣзда уполномоченныхъ.

Лордъ Гренвиль находилъ, что засѣданія конференціи отнюдь не могутъ происходить въ С.-Петербургѣ, такъ какъ именно оттуда исходитъ циркуляръ, столь тягостно повліявшій на Европу; графъ Бернсторфъ, которому онъ сообщилъ свои сомнѣнія, увѣрилъ его однако, что графъ Бисмаркъ не лично избралъ русскую столицу мѣстомъ для съѣзда конференціи, а предложилъ ее по желанію князя Горчакова; но что

во всякомъ случаѣ правительство, котораго онъ имѣетъ честь быть представителемъ, искренно желаетъ достигнуть скораго и благопріятнаго разрѣшенія вопроса. Поблагодаривъ посла за дружественныя сообщенія, англійскій министръ добавилъ, что если даже созваніе конференціи будетъ единогласно утверждено, то о съѣздѣ ея въ С.-Петербургѣ все таки не можетъ быть рѣчи, что „необходимо узнать мнѣніе другихъ державъ-участницъ, и что конференція отнюдь не можетъ принимать рѣшеній, результаты которыхъ были бы заранѣе предусмотрѣны."

Взгляды вѣнскаго кабинета были тождественны, такъ какъ онъ заявилъ, что русскій циркуляръ 19 октября ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ вліять на рѣшенія конференціи. Подобныя-же оговорки были сдѣланы и остальными державами.

Предложеніе германскаго правительства было внесено 24 ноября лордомъ Гренвилемъ въ совѣтъ британскихъ министровъ, который постановилъ, что правительство королевы согласно принять участіе въ конференціи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обсужденіе вопроса не было стѣснено какими либо предварительными обязательствами относительно его разрѣшенія. Онъ изъявилъ также готовность, совмѣстно съ другими державами, добросовѣстно и безъ предвзятыхъ цѣлей обсудить какъ заявленія, такъ и предложенія Россіи.

Рѣшеніе это было сообщено графу Бисмарку; ему предложено было также избрать мѣстомъ съѣзда конференціи Вѣну, Флоренцію, Лондонъ, или столицу государства, не участвовавшаго въ заключеніи трактата. Англійское правительство предпочло бы въ такомъ случаѣ Гагу, Брюссель или Бернъ.

Подобное же сообщеніе было сдѣлано и вѣнскому кабинету.

Одобряя начала англійскихъ предложеній, графъ Бисмаркъ выразилъ желаніе, чтобы засѣданія конференціи происходили въ Лондонѣ, тѣмъ болѣе что князь Горчаковъ на это согласился и заявилъ прусскому послу въ С.-Петербургѣ о своемъ желаніи доказать тѣмъ искренность и честность своей политики, давъ одновременно полное удовлетвореніе національ-

ному чувству англичанъ. Телеграфы, возвѣщавшіе принятое рѣшеніе, были немедленно отправлены въ С.-Петербургъ, Туръ, Берлинъ, Константинополь и Флоренцію.

Султанъ, заручиться согласіемъ котораго было для Россіи почти столь же важно, какъ и устранить препятствія, поставленныя Англіей, — выразилъ генералу Игнатьеву по поводу русскаго циркуляра самыя дружественныя и миролюбивыя намѣренія.

Англійскій посолъ, сообщая правительству королевы о разговорѣ своемъ съ Аали-пашею, присовокуплялъ, что „всякая надежда на продолженіе нейтрализаціи утрачена“.

Казалось, все было улажено, и графъ Бернсторфъ по порученію своего правительства уже приглашалъ сентъ-джемскій кабинетъ назначить уполномоченныхъ на конференцію, имѣющую собраться въ Лондонѣ. Непредвидимыя затрудненія возникли совершенно неожиданно.

Графъ Шадорди поручилъ г. Тиссо (депеша 29 ноября) поставить лондонскій кабинетъ въ извѣстность, что французское правительство охотно соглашалось на предложеніе участвовать въ конференціи, предполагая, что она созывается по почину Англіи; узнавъ же, что это „прусское предложеніе, и сдѣлано великимъ державамъ Пруссіей“, оно предпочло-бы получить отъ одной изъ нейтральныхъ державъ приглашеніе принять участіе въ обсужденіи возникшаго недоразумѣнія.

Графъ Шадорди не скрылъ также своего удивленія, (депеша 30 ноября) что „Европа предоставила Пруссіи первенствующую роль въ этомъ вопросѣ, и упустила изъ вида, что она подписала трактатъ 1856 г. только тогда, когда всѣ основанія его были уже утверждены остальными державами“... „Это заранѣе убѣждаетъ“, — добавлялъ пылкій французскій дипломатъ, — „что Пруссія пріобрѣтетъ на конференціи рѣшающее вліяніе, — а потому, не желая чѣмъ-либо предрѣшать или вовсе уклониться отъ основательнаго обсужденія вопроса, мы не считаемъ себя однакоже въ правѣ отрѣшиться отъ мысли, что легко можемъ занять на конференціи положеніе, далеко не одинаковое съ положеніемъ нашего врага“.

Исключительное и несомнѣнно тяжелое положеніе, въ ко-

торомъ находилось тогда французское правительство, боровшееся „съ такимъ непримиримымъ и умѣлымъ врагомъ, какъ Пруссія", оправдывало его „недовѣріе" ко всему исходившему отъ прусскаго правительства, тѣмъ болѣе, что изъ уваженія Англіи, делегація оставляла за собою право опредѣлить окончательный образъ дѣйствій Франціи, по тщательномъ разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла.

Кромѣ того существовало еще другое болѣе важное препятствіе скорому съѣзду членовъ конференціи.

Лондонскій кабинетъ, какъ мы уже знаемъ, согласился принять участіе въ конференціи подъ условіемъ, чтобы обсужденіе вопроса не было стѣснено какими-либо предварительными обязательствами относительно его разрѣшенія; прочія заинтересованныя державы отозвались въ томъ же смыслѣ.

Австрія же требовала кромѣ того, въ видѣ предварительнаго условія, чтобы циркуляръ 19 октября ни въ какомъ случаѣ не служилъ основаніемъ для рѣшеній конференціи. Графъ Бейстъ въ депешѣ отъ 2 декабря 1870 г. изъ Буда-Пешта, адресованной въ Константинополь на имя барона Прокеша, писалъ: „очевидно, что согласіе Россіи на такое ограниченіе было бы равносильно безмолвному ея отреченію отъ циркуляра князя Горчакова".

С.-Петербургскій кабинетъ отнесся однакоже къ этому вопросу совершенно иначе и генералъ Игнатьевъ, отвѣчая на вопросъ сэра Генри Элліота, извѣстны ли ему основанія предстоящихъ совѣщаній, выразилъ увѣренность, что таковыми послужитъ циркуляръ его правительства, т. е. что нейтрализація Чернаго моря прекращается. „Императорское правительство" — добавилъ генералъ, — „признаетъ впрочемъ, что нейтрализація эта кончилась уже шесть лѣтъ тому назадъ, именно съ того дня какъ корветъ его величества „Гонецъ" вошелъ въ Черное море".

Участіе Франціи въ совѣщаніяхъ становилось между тѣмъ все болѣе и болѣе сомнительнымъ; Жюль Фавръ писалъ графу Шадорди отъ 2-го декабря: „вниманіе Франціи вполнѣ поглощается въ настоящее время ея собственными дѣлами; единственное средство измѣнить невольно принятое ею положеніе,

могло бы заключаться въ предложеніи державъ составить предварительный протоколъ, которымъ въ основаніе переговоровъ положена была ненарушимость французской территоріи; въ противномъ случаѣ Франціи не остается ничего болѣе, какъ всецѣло предаться созерцанію постигшихъ ее бѣдствій".

Позднѣе, именно 14 декабря, — Жюль Фавръ, не желая вовсе отрѣшиться отъ идеи конгресса, соглашался допустить къ участію въ немъ Францію, но съ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право обсуждать всякіе вопросы, и чтобы открытію засѣданій предшествовало заключеніе перемирія, „maximum продолжительности котораго былъ бы опредѣленъ въ 30, а minimum въ 15 дней, съ разрѣшеніемъ соотвѣтственнаго снабженія продовольственными припасами." Это было условіе „sine qua non" Франціи; но развѣ Пруссія приняла бы таковое?

Такимъ образомъ всѣ державы за исключеніемъ Франціи, согласились прислать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ.

Князь Горчаковъ телеграфировалъ даже барону Брунову отъ 7 декабря, что с.-петербургскій кабинетъ соглашается, по примѣру лондонскаго, чтобы конференція собралась „without assemption of any foregone conclusion".

По смыслу этого заявленія, каждому уполномоченному должно быть предоставлено право свободной оцѣнки фактовъ, равно всякому мнѣнію, признанному конференціей уважительнымъ, должно быть дано мѣсто въ протоколахъ засѣданій.

Князь Горчаковъ не остановился на этомъ и сдѣлалъ еще болѣе важный шагъ къ соглашенію, объявивъ лорду Бьюкенану, что баронъ Брунновъ заявитъ конференціи мнѣнія Россіи, вовсе не упоминая о циркулярѣ 19 октября, и что, слѣдовательно, рѣчь о немъ можетъ зайдти лишь по почину другаго лица.

Наконецъ и послѣднее препятствіе было устранено; правительство, пребывавшее въ Парижѣ въ согласіи съ Турскою делегаціей, убѣждаясь настоятельными приглашеніями заинтересованныхъ державъ, рѣшилось прислать своего представителя въ Лондонъ. Эта была вполнѣ мудрая рѣшимость, свидѣтельствовавшая, что не смотря на тяжелыя, хотя временныя,

гнетъ страшныхъ бѣдствій, ни одинъ важный общеевропейскій вопросъ не могъ быть рѣшенъ безъ участія Франціи!..

Открытіе засѣданій конференціи было назначено на 3-е января 1871 года, и уполномоченные на участіе въ нихъ представители державъ получили приглашеніе графа Гренвиля собраться въ Foreign-Office того числа въ часъ пополудни.

Однакоже засѣданіе было отложено до 17-го января, чтобы дать время уполномоченнымъ Франціи пріѣхать въ Лондонъ.

Жюль Фавръ, избранный правительствомъ національной обороны представителемъ Франціи на конференціи, не только лично не желалъ уѣхать изъ Парижа въ такую критическую минуту, но и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ графъ Бисмаркъ отказалъ въ выдачѣ необходимаго для проѣзда его въ Лондонъ пропускнаго вида.

Поэтому первыя засѣданія конференціи состоялись безъ участія представителя Франціи, и только въ засѣданіи 13-го марта 1871 года уполномоченные другихъ державъ имѣли удовольствіе привѣтствовать присоединившагося къ нимъ герцога де-Брольи.

17 января собрались въ Foreign-Office уполномоченные въ слѣдующемъ составѣ: отъ Сѣверной Германіи — графъ Бернсторфъ; отъ Австро-Венгріи—графъ Аппони; отъ Великобританіи—графъ Гренвиль; отъ Италіи—кавалеръ Кадорна; отъ Россіи—баронъ Бруновъ; отъ Турціи—Мусурусъ-паша.

Его п-во Муссурусъ-паша открылъ засѣданіе предложеніемъ, возложить председательство на графа Гренвиля.

Предложеніе его было единогласно принято,—а г. Стюарту поручили редакцію протоколовъ засѣданій; затѣмъ представители державъ приступили къ взаимной повѣркѣ своихъ уполномочій, которыя найдены составленными въ надлежащемъ видѣ.

Графу Гренвилю предоставлено было слово.

Поблагодаривъ за оказанную ему честь, графъ выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи уполномоченныхъ Франціи, и предложилъ константировать единодушно желаніе, чтобы представитель ея правительства заочно одобрилъ всѣ рѣшенія, ко-

торыя будутъ приняты въ засѣданіи 17 января; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испрашивалъ согласіе на конфиденціальное сообщеніе г. Тиссо, французскому повѣренному въ дѣлахъ, подробностей занятій этого перваго засѣданія.

Послѣдовало полное одобреніе уполномоченныхъ; затѣмъ графъ Гренвиль продолжалъ:

„Конференція принята всѣми державами, участвовавшими въ подписаніи трактата 1856 г., съ цѣлью, безпристрастно разсмотрѣть и свободно обсудить предложенія, которыя намѣрена сдѣлать намъ Россія относительно желаемаго ею пересмотра статей сказаннаго трактата, касающихся нейтрализаціи Чернаго моря.

Такое единодушіе державъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что онѣ признаютъ наиболѣе существенное международное право, заключающееся въ томъ, что ни одна изъ нихъ не только не властна произвольно отказаться отъ обязательствъ, наложенныхъ на нее силою трактатовъ, но и измѣнять точный смыслъ таковыхъ иначе, какъ по общему дружественному соглашенію всѣхъ договаривавшихся сторонъ.

Признавая фактъ этотъ несомнѣнно важнымъ, имѣю честь предложить вамъ, гг. уполномоченные, подписать констатирующій его протоколъ „ad hoc“.

Протоколъ былъ немедленно составленъ и подписанъ всѣми уполномоченными, пожелавшими при томъ, чтобы онъ былъ пріобщенъ къ общему протоколу засѣданія, и чтобы по прибытіи представителя Франціи ему было предложено скрѣпить его своею подписью.

Неудивительно, что протоколъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ редакція его задолго до открытія засѣданій конференціи, подвергалась нескончаемымъ обсужденіямъ. „Составленіе протоколовъ „ad hoc“ по истинѣ можно сравнить съ тканьемъ Пенелопы,“—писалъ графъ Аппони графу Бейсту,—сегодня передѣлывается то, что было сдѣлано вчера“. Только заручившись предварительнымъ одобреніемъ каждаго уполномоченнаго, могъ лордъ Гренвиль произнести вышеприведенную рѣчь.

По принятіи протокола, уполномоченные Турціи, Австріи и

Италія заявили, что правительства, которыхъ они имѣютъ честь быть представителями, вполнѣ согласны съ выраженнымъ председателемъ убѣжденіемъ, и приступятъ къ обсужденію предстоящихъ вопросовъ съ искреннимъ желаніемъ достигнуть справедливаго и миролюбиваго ихъ разрѣшенія.

Затѣмъ, по приглашенію председателя, русскій уполномоченный обратился къ собранію съ рѣчью, испросивъ предварительно разрѣшеніе прочесть составленную имъ краткую записку, содержаніе которой было бы включено въ протоколъ.

Въ этой запискѣ уполномоченный Россіи привелъ всѣ случаи и факты, которые со времени подписанія Парижскаго трактата, т. е. съ 18—30 марта 1856 года, послужили подписавшимъ его державамъ основаніемъ допустить въ немъ разныя измѣненія, значительно повліявшія на ослабленіе первоначальнаго смысла принятыхъ рѣшеній. Онъ упоминалъ о происходившихъ разновременно въ Парижѣ конференціяхъ, о принятыхъ по общему соглашенію рѣшеніяхъ относительно управленія княжествами Молдавіей и Валахіей и о томъ, что измѣненіе таковаго санкціонировано какъ Блистательною Портою, такъ и другими договаривавшимися сторонами.

Затѣмъ онъ констатировалъ, что всѣ допущенныя въ трактатѣ измѣненія нисколько не поколебали твердой рѣшимости императора безусловно соблюдать основныя начала трактата 1856 г., опредѣлившія положеніе Турціи въ семьѣ европейскихъ державъ.

Уяснивъ истинныя цѣли и намѣренія своего августѣйшаго государя, уполномоченный Россіи обратилъ вниманіе собранія на громадную разницу, существующую между настоящимъ положеніемъ Европы и тѣмъ, въ которомъ она находилось во время заключенія Парижскаго трактата. Серьезно относясь къ перемѣнамъ, силою вещей постепенно вызваннымъ, онъ высоко оцѣнилъ предусмотрительность и мудрость политики, опредѣлившей приступить къ пересмотру постановленій 1856 г., относящихся до судоходства по Черному морю, притомъ на началахъ строгой справедливости и миролюбиваго соглашенія.

Кромѣ того и на основаніи полученныхъ инструкцій, упол-

номоченный Россіи заявилъ, что августѣйшій его государь вполнѣ справедливо придаетъ крайне важное значеніе этому пересмотру, признавая таковой лучшей гарантіей охраненія безопасности и достоинства его имперіи.

Исполняя такимъ образомъ волю своего правительства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердо убѣжденъ, что послѣдствія пересмотра упрочатъ миръ, сохраненіе котораго столь желательно всѣмъ великимъ державамъ, приславшимъ своихъ представителей на лондонскую конференцію.

По окончаніи чтенія записки, уполномоченный Турціи всталъ съ своего мѣста и сказалъ, что искренно сочувствуетъ преобладающему въ ней миролюбивому настроенію, и заключилъ просьбою, чтобы предсѣдатель и прочіе члены конференціи не отказали отложить на нѣсколько дней слѣдующее засѣданіе, дабы предоставить ему возможность основательно обсудить предложеніе барона Брунова.

Графъ Бернсторфъ, въ свою очередь, высказалъ необходимость засвидѣтельствовать при самомъ открытіи засѣданій, что правительство короля, его августѣйшаго государя, сдѣлавъ первый шагъ къ созванію конференція изъ представителей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 г., руководствовалось въ этомъ случаѣ духомъ миролюбія, справедливости и взаимнаго соглашенія; поэтому оно поручило ему поддержать и призвать серьезное вниманіе гг. уполномоченныхъ на желаніе императорскаго всероссійскаго правительства, чтобы постановленія трактата 1856 г., относящіяся къ судоходству по Черному морю, подверглись не только пересмотру, но и уничтоженію, такъ какъ они, ограничивая верховныя права обоихъ побережныхъ государствъ, скорѣе поддерживаютъ натянутость ихъ взаимныхъ отношеній, чѣмъ способствуютъ упроченію столь счастливо установившейся между ними дружбы, настоятельно желательной въ видахъ сохраненія спокойствія на востокѣ.

Засѣданіе закрылось изъявленіемъ согласія предсѣдателя на предложенную Муссурусомъ-пашею отсрочку, такъ что слѣдующее собраніе уполномоченныхъ назначено было на 24 января въ часъ пополудни.

Во второмъ засѣданіи уполномоченный Турціи заявилъ, что

хотя предложеніе барона Брунова объ обсужденіи статей трактата 1856 г., относящихся до нейтрализаціи Чернаго моря, имъ разсмотрѣно, но прежде, чѣмъ высказать о немъ свое мнѣніе, онъ позволяетъ себѣ просить представителя Россіи болѣе точно разъяснить виды его правительства.

Въ отвѣтъ на это баронъ Бруновъ прочелъ записку слѣдующаго содержанія:

Смыслъ записки, которую я имѣлъ честь прочесть въ первомъ засѣданіи конференціи, свидѣтельствуетъ, что постановленія, относящіяся до судоходства по Черному морю, были утверждены въ 1856 г. подъ вліяніемъ обстоятельствъ, совершенно несходныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобы ярко обозначить различіе, существующее между событіями двухъ эпохъ, воочію совершившимися передо мною.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1856 г. я былъ вызванъ въ Парижъ принять участіе въ трудахъ конгресса. Съ тѣхъ поръ прошло уже пятнадцать лѣтъ: это было во времена имперіи.

Графъ Валевскій предсѣдательствовалъ на конгрессѣ. Онъ уже въ могилѣ; а правительство, которое онъ представлялъ, — пало.

Эти соображенія обязываютъ меня быть сдержаннымъ; считаю излишнимъ разъяснять, почему именно.

Да позволено мнѣ будетъ, господа, обрисовать въ краткихъ чертахъ положеніе, въ которомъ графъ Орловъ и я застали дѣла, принявъ участіе въ трудахъ Парижскаго конгресса.

Тогда Россія вела войну съ Франціей, Англіей, Италіей и Турціей.

Нынѣ-же я призванъ къ участію въ работахъ конференціи, составленной изъ представителей державъ, съ которыми Россія состоитъ въ мирѣ и въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Приступая къ разсмотрѣнію постановленій, относящихся до судоходства по Черному морю, я имѣю въ виду откровенно указать на недостатки, обнаружившіеся въ актахъ, на которые обращаю ваше вниманіе.

Начну съ ст. XI-й, содержаніе ея слѣдующее:

„Черное море объявляется нейтральнымъ; открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми только исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора.“

Позволю себѣ замѣтить, что XI статья устанавливаетъ, повидимому, равенство между военными судами, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ остальныхъ державъ. Это невѣрно: равенства не существуетъ. Военныя суда неприбрежныхъ державъ никогда не имѣли доступа въ Черное море — и это по весьма простой причинѣ. Входъ въ Дарданеллы и Босфоръ воспрещенъ военнымъ судамъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Закрытіе проливовъ, признанное и утвержденное X статьею, не имѣетъ ничего общаго съ воспрещеніемъ, установленнымъ XI статьею.

Такимъ образомъ ясно, что запрещеніе это относится исключительно къ военнымъ судамъ прибрежныхъ державъ.

Разсмотримъ послѣдствія такого запрещенія: оно лишаетъ какъ Россію, такъ и Турцію ихъ исконнаго права, безпрепятственно содержать военный флотъ въ Черномъ морѣ.

А такъ какъ мѣстности, окружающія это море, составляютъ нераздѣльныя части владѣній обѣихъ державъ, то свобода мореплаванія неизбѣжно должна признаваться принадлежностью ихъ верховныхъ правъ. Запрещеніе таковаго обличаетъ посягательство на ихъ независимость.

Замѣтимъ еще, что XI статья придаетъ запрещенію даже невозможное значеніе. Она гласитъ: «входъ въ порты и воды Чернаго моря «формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ прибрежныхъ державъ.» Неправда-ли, что слово «навсегда» употреблено совершенно неумѣстно? Благое Провидѣніе не предоставило смертнымъ власти продлить или сократить полетъ времени.

Развѣ правительство, воспоминаніе о которомъ такъ тѣсно связано съ дѣйствіями Парижскаго конгресса, оказалось властнымъ сопротивляться всесокрушающему времени?

Это размышленіе приводитъ меня къ заключенію, которое

не колебался и съ полною откровенностью рѣшаюсь сообщить вамъ.

Я увѣренъ, что настало время, когда здравая политика должна убѣдить насъ въ необходимости замѣнить новыми мѣропріятіями прежнія, непригодныя при установившемся порядкѣ вещей.

Дѣйствительно,—ложныя начала, на которыхъ зиждется какое-либо постановленіе, рано или поздно неизбѣжно приводятъ къ раздорамъ и смутамъ. Какъ я уже сказалъ, главный недостатокъ принципа нейтрализаціи, возвѣщеннаго въ 1856 году, состоялъ въ томъ, что имъ обнаруживалось чрезмѣрное посягательство на неприкосновенность верховныхъ правъ прибрежныхъ государствъ. Это была безплодная попытка усвоить международному праву нововведеніе, не имѣвшее ни малѣйшихъ шансовъ на жизненность.

Далеко не способствуя упроченію мира на востокѣ, постановленія 1856 г., относившіяся до судоходства по Дунаю, видимо клонились лишь къ умноженію причинъ, тягостно возбуждавшихъ и глубоко оскорблявшихъ чувство народной чести Россіи.

Я никого не обвиняю, а просто и открыто констатирую неопровержимый фактъ.

По моему убѣжденію, для упроченія мира необходимо пріискать средства, способныя положить конецъ тому неестественному положенію дѣлъ, которое, не бывъ своевременно измѣнено, угрожаетъ возникновеніемъ неисчислимыхъ затрудненій.

Съ этою цѣлью данныя мнѣ инструкціи обязываютъ меня предоставить г-ну турецкому послу починъ въ предъявленіи соображеній, которыя, бывъ по общему соглашенію признаны удовлетворительными, могли-бы замѣнить постановленія 1856 года, относящіяся до нейтрализаціи Чернаго моря, и быть приняты въ видахъ сохраненія спокойствія на востокѣ и поддержанія политическаго равновѣсія Европы.

Для точнаго опредѣленія границъ возложеннаго на меня порученія, переступать которыя, по приказанію моего правительства, я не долженъ,—имѣю честь предложить на обсуж-

деніе конференціи содержаніе слѣдующихъ статей трактата 18—30 марта 1856 года.

Ст. XI. Черное море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми токмо исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ XIV и XIX настоящаго договора.

Ст. XIII. Вслѣдствіе объявленія Черного моря нейтральнымъ на основаніи ст. XI, не можетъ быть нужно содержаніе или учрежденіе военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ не имѣющихъ уже цѣли, а посему его величество императоръ всероссійскій и его императорское величество султанъ обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военно-морскаго арсенала.

Ст. XIV. Ихъ величествами императоромъ всероссійскимъ и султаномъ заключена особая конвенція, опредѣляющая число и силу легкихъ судовъ, которыя они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежью распоряженій. Сія конвенція прилагается къ настоящему трактату, и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключившихъ настоящій трактатъ.

Конвенція, опредѣляющая число и размѣры военныхъ судовъ, которыя прибрежныя державы обязываются содержать въ Черномъ морѣ:

Ст. I. Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются не имѣть въ Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ кромѣ тѣхъ, коихъ число, сила и размѣры опредѣлены какъ ниже слѣдуетъ.

Ст. II. Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ содержать каждая по шести въ означенномъ морѣ паровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстительностью не свыше 800 тоннъ, и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Ст. III. Настоящая конвенція, приложенная къ общему трактату подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно, и прежде.

На предложеніе барона Брунова, турецкій уполномоченный отозвался, что опасаясь измѣнить деликатно-миролюбивый характеръ совѣщаній возбужденіемъ полемическихъ преній, онъ не рѣшается настаивать на указаніи фактовъ и причинъ, предоставляющихъ его правительству право не признавать справедливость осужденія постановленій, которымъ кромѣ того, по его мнѣнію, невѣрно придано значеніе посягательства на независимость обѣихъ прибрежныхъ державъ. «Найдется не мало примѣровъ»,—добавалъ Мусурусъ-паша, — „что сопредѣльныя государства, въ видахъ поддержанія полнаго между собою согласія, признавали полезнымъ налагать другъ на друга извѣстныя ограниченія».

Онъ находилъ также, что „трактатъ 1856 года заключенъ вовсе не такъ давно, чтобы можно было считать устарѣвшими и утратившими значеніе постановленія, относящіяся до нейтрализаціи Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что море это внутреннее, гдѣ событія, совершающіяся въ Европѣ, не властны оказывать какое либо пагубное вліяніе".

Притомъ Порта,—говорилъ онъ,—будучи вполнѣ довольна постановленіями, примѣненіе которыхъ къ дѣлу, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, замѣтно способствовало поддержанію мира на востокѣ, — искренно желала-бы не нарушать и не ослаблять ихъ силу и значеніе. Однако-же, не считая себя въ правѣ руководствоваться въ данныхъ, несомнѣнно важныхъ обстоятельствахъ, лишь исключительно своими собственными выгодами, Порта не откажетъ въ согласіи присоединиться къ рѣшеніямъ другихъ великихъ державъ, признанныхъ ими болѣе соотвѣтствующими ихъ интересамъ и видамъ. Затѣмъ онъ напомнилъ собранію о заявленіи, сдѣланномъ въ первомъ засѣданіи г. уполномоченнымъ Германіи, что ему поручено его правительствомъ поддержать и обратить серьезное вниманіе державъ на желаніе с.-петербургскаго кабинета, достигнуть посредствомъ пересмотра поста-

новленій, относящихся до нейтрализаціи Чернаго моря, отмѣны стѣснительныхъ для него мѣръ.

Такимъ образомъ въ предвидѣніи возможности изъявленія державами, подписавшими трактатъ, согласія на домогательство Россіи, какъ соотвѣтствующее, по ихъ убѣжденію, общимъ интересамъ, и побуждаемая притомъ присущимъ ей духомъ миролюбія,—Блистательная Порта не колеблясь представитъ новое доказательство своей уступчивости и искренней заботливости о сохраненіи общаго спокойствія.

„Поэтому, — заключилъ турецкій уполномоченный,—имѣю честь сообщить вамъ, господа, что если представляемыя вами правительства признаютъ возможнымъ уважить ходатайство г. уполномоченнаго Россіи относительно специальной конвенціи, заключенной между обѣими прибрежными державами, упоминаемой въ XIV статьѣ трактата 1856 г., а также въ XI и XIII его статьяхъ, притомъ съ замѣною представляемыхъ ими гарантій другими, равносильными и совмѣстными съ правами и безопасностью оттоманской имперіи,—то, на основаніи данныхъ мнѣ инструкцій, я уполномоченъ выразить вмѣстѣ съ ними согласіе на пересмотръ конвенціи и вышеупомянутыхъ статей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ предписано заявить въ такомъ случаѣ конференціи тѣ гарантіи, которыя признаются Блистательною Портою способными замѣнить нынѣ существующія, и которыя она ставитъ необходимымъ условіемъ своего согласія».

Графъ Бернсторфъ, лордъ Гренвиль и кавалеръ Кадорна поспѣшили заявить отъ лица своихъ правительствъ, что въ соглашеніи со всѣми державами, подписавшими трактатъ 1856 года, охотно подпишутъ конвенцію, утверждающую перемѣны, указанныя г. уполномоченнымъ Россіи, но лишь съ условіемъ, чтобы согласно съ желаніемъ Порты были опредѣлены приличествующія гарантіи.

Слѣдующее засѣданіе было назначено на 31 января, въ виду заявленія нѣкоторыхъ уполномоченныхъ о необходимости получить инструкціи своихъ правительствъ. Передъ закрытіемъ засѣданія всѣ уполномоченные выразили желаніе, чтобы участіе Франціи и разрѣшеніе, данное предсѣдателю конфи-

денцiально сообщать французскому повѣренному въ дѣлахъ результаты пренiй, были распространены на всѣ засѣданiя, въ которыхъ не приметъ личнаго участiя представитель Францiи.

Засѣданiе, назначенное на 31 января, состоялось лишь 3 февраля. Оно было исключительно посвящено обсужденiю условiй, которыя можно бы было признать равносильными постановленiямъ Парижскаго трактата о нейтрализацiи Чернаго моря и свободы судоходства по Дунаю.

Предсѣдатель напомнилъ уполномоченнымъ, что въ перерывъ времени между послѣднимъ и настоящимъ засѣданiями они совмѣстно и вполнѣ дружественно изыскивали способы прiйдти къ соглашенiю относительно обязательствъ, равносильныхъ постановленiямъ о нейтрализацiи Чернаго моря, и что они условились обсудить въ настоящемъ засѣданiи слѣдующiя статьи проэкта новаго трактата:

Ст. I. Исконное право закрытiя въ мирное время Босфора и Дарданелловъ, неизмѣнно принадлежавшее оттоманской имперiи и утвержденное за нею Парижскимъ трактатомъ 18 (30) марта 1856 г., остается въ полной своей силѣ.

Ст. II. Его императорское величество султанъ, обладая верховными правами надъ проливами Босфора и Дарданелловъ, властенъ въ мирное время, притомъ въ видѣ временнаго исключенiя и лишь въ случаѣ, когда интересы и безопасность его имперiи того потребуютъ, разрѣшать входъ въ нихъ военнымъ судамъ неприбрежныхъ державъ.

Ст. III. Постановляется, что условiе заключающееся въ предыдущей статьѣ, замѣнитъ на будущее время XI, XIII и XIV статьи Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 года, равно специальную конвенцiю, заключенную между Блистательною Портою и Россiей, приложенную къ статьѣ XIV.

Ст. IV. Высокiя договаривающiяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ всѣ постановленiя трактата 1856 года, равно какъ и приложенiя къ нему не уничтоженныя и не измѣненныя настоящимъ договоромъ.

Проэктъ этотъ вызвалъ горячiя возраженiя со стороны турецкаго уполномоченнаго.

Муссурусъ-паша объявилъ, что онъ повергалъ на воззрѣніе своего правительства четыре статьи предположеннаго проэкта, и что Блистательная Порта не встрѣтитъ препятствія ихъ одобрить, если въ концѣ II-й статьи выраженіе «неприбрежныхъ державъ», будетъ замѣнено въ смыслѣ „дружественныхъ державъ“.

Причину такой желательной для Порты поправки онъ объяснилъ тѣмъ, что „редакція проэкта выражаетъ ограниченіе верховныхъ правъ и независимости оттоманской имперіи“. До заключенія трактата 1856 г., т. е. до нейтрализаціи Чернаго моря, верховныя права султана дѣйствительно подвергались ограниченію, воспрещеніемъ въ мирное время входа въ проливы военнымъ судамъ другихъ державъ; съ установленіемъ-же нейтрализаціи воспрещавшей присутствіе военнаго флота всѣхъ державъ въ Черномъ морѣ, закрытіе проливовъ не представлялось уже ограниченіемъ, обнаруживающимъ посягательство на верховныя права Порты, а лишь логическимъ послѣдствіемъ самаго запрещенія.

Въ заключеніе турецкій уполномоченный сказалъ, что такъ какъ ограниченія, происходившія отъ нейтрализаціи Чернаго моря, равномѣрно распространялись на всѣхъ, то въ замѣнъ великихъ выгодъ, извлекавшихся отъ того Турціей, Блистательная Порта желаетъ возвращенія ей стариннаго права, которымъ она пользовалась даже до заключенія конвенціи 1841 года, т. е. права разрѣшать въ мирное время входъ въ проливы военнымъ судамъ дружественныхъ державъ, обусловливаемаго верховнымъ обладаніемъ его окружающими мѣстностями.

Кромѣ того Муссурусъ-паша обратилъ вниманіе собранія на то, что редакція проэкта обнаруживаетъ какъ-бы враждебность къ Россіи, Турцію же ставитъ въ необходимость постоянно относиться къ этой державѣ съ недовѣріемъ.

Возраженія были неблагосклонно приняты. Графъ Аппони отстаивалъ первоначальную редакцію II статьи и наконецъ, для полнаго ея разъясненія, предложилъ къ фразѣ „неприбрежныхъ державъ“ добавить „Чернаго моря“. Добавленіе это уполномоченный Германіи признавалъ излишнимъ, такъ какъ

ни о какихъ другихъ „не-прибрежныхъ державахъ“ не могло быть рѣчи.

Уполномоченный Италіи принялъ проэктъ и не возражалъ противъ добавленія въ концѣ II статьи словъ «Чернаго моря», служащихъ лишь для большаго разъясненія точнаго смысла таковой.

Баронъ Бруновъ заявилъ, что онъ уполномоченъ подписать протоколъ втораго засѣданія и принять условія названныхъ статей.

Графъ Гренвиль объявилъ затѣмъ, что если онъ не раздѣляетъ мнѣнія уполномоченнаго Турціи, то только потому, что признаетъ первоначальную редакцію проэкта болѣе соотвѣтствующею интересамъ оттоманской имперіи и вообще всѣхъ державъ, гарантировавшихъ ея цѣлость и независимость. Онъ полагаетъ также, что редакція эта наиболѣе способна привести къ общему соглашенію.

Опровергнувъ въ благопріятномъ смыслѣ возраженія Мусуруса-паши противъ редакціи II статьи, лордъ Гренвиль просилъ его сообщить Портѣ, что она въ первоначальномъ ея видѣ одобрена представителями всѣхъ державъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ дополнить проэктъ еще слѣдующею статьею, долженствующею предшествовать остальнымъ четыремъ:

«Черное море попрежнему объявляется открытымъ для торговаго флота всѣхъ націй».

Предложеніе это было принято.

Такъ какъ уполномоченный Австро-Венгріи еще при открытіи конференціи заявилъ о своемъ намѣреніи представить проэкты нѣкоторыхъ добавочныхъ къ трактату статей, относящихся до свободы судоходства по Дунаю,—то собраніе приступило къ ихъ обсужденію.

Намъ не предстоитъ надобности слѣдить за ходомъ преній, происходившихъ по этому поводу, тѣмъ болѣе что результаты трудовъ уполномоченныхъ въ засѣданіи 3 февраля, обозначены ниже, въ проэктѣ трактата. Поэтому мы ограничимся лишь упоминаніемъ, что на предложеніе графа Аппони предпослать IV-й статьѣ трактата, статьи, относящіяся до

Дуная, для логической послѣдовательности въ измѣненіяхъ, допускаемыхъ въ Парижскомъ трактатѣ,—баронъ Бруновъ замѣтилъ, что четыре статьи проэкта, представляя нѣчто цѣлое, не подлежатъ раздробленію. Мнѣніе австрійскаго уполномоченнаго однако восторжествовало.

Кромѣ того представитель Россіи засвидѣтельствовалъ, что такъ какъ работы, обусловленныя въ австрійскихъ предложеніяхъ, не обѣщаютъ принести пользу торговымъ и промышленнымъ оборотамъ Россіи, то императорское правительство не может принять участія въ издержкахъ по таковымъ, и матерьяльно ихъ гарантировать.

На это засвидѣтельствованіе никто изъ членовъ конференціи не возражалъ.

Послѣдовало соглашеніе, чтобы тотчасъ по полученіи извѣщенія объ одобреніи предположенныхъ статей трактата правительствами, представители которыхъ приняли участіе въ конференціи, было приступлено къ подписанію ихъ въ особомъ протоколѣ „ad hoc"; въ послѣдствіи-же дать имъ мѣсто въ оффиціальномъ трактатѣ. Дальнѣйшее обсужденіе статей назначено было на 7-е февраля.

Представляемъ «проэктъ трактата», служащаго приложеніемъ къ протоколу засѣданія 3-го февраля:

Ст. I. Черное море объявляется открытымъ для торговаго флота всѣхъ націй.

Ст. II. Право закрывать въ мирное время входъ въ Босфоръ и Дарданеллы, составляя исконную привиллегію оттоманской имперіи, и будучи утверждено Парижскимъ трактатомъ 18 (30) марта 1856 года, остается въ полной силѣ.

Ст. III. Его императорское величество султанъ, обладая верховными правами надъ проливами Босфора и Дарданелловъ, властенъ въ мирное время, притомъ въ видѣ временнаго исключенія и лишь въ случаѣ, когда интересы и безопасность его имперіи того потребуютъ,—разрѣшать входъ въ нихъ военнымъ судамъ неприбрежныхъ государствъ Чернаго моря.

Ст. IV. Постановляется, что условіе, заключающееся въ предъидущей статьѣ, замѣнитъ на будущее время XI, XIII и XIV статьи Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 года,

равно специальную конвенцію, заключенную между Блистательною Портою и Россіей, приложенную къ статьѣ XIV.

Ст. V. Установленная XVI статьею Парижскаго трактата коммисія, въ которой каждая изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, участвуетъ посредствомъ коммисара, и которой было поручено изыскать и исполнить всѣ необходимыя работы, начиная отъ Исакчи, для освобожденія устьевъ Дуная и прилежащихъ къ нимъ частей Чернаго моря отъ песковъ и другихъ заграждающихъ ихъ препятствій, дабы поставить эту часть рѣки и смежныя части моря въ наилучшія условія для судоходства, сохраняется въ своемъ настоящемъ составѣ и въ предѣлахъ отвѣтственности настоящаго времени на дальнѣйшій двѣнадцатилѣтній срокъ, считая съ 24-го апрѣля 1871 года, который есть тоже и срокъ погашенія займа, сдѣланнаго этою коммисіею подъ поручительствомъ Германіи, Австріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи.

Ст. VI. Начала, выясненныя въ 106—116 статьяхъ общаго трактата, вѣнскаго конгресса относительно судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по владѣніямъ разныхъ державъ или раздѣляющихъ ихъ, объявляются обязательными по всему теченію Дуная. Условія новаго собранія прибрежной коммисіи, установленной XVIII статьею Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 г., будутъ опредѣлены посредствомъ предварительнаго соглашенія между прибрежными державами; если-же дѣло коснется измѣненія XVII статьи сказаннаго трактата, то таковое должно быть предметомъ особой конвенціи между державами, подписавшими трактатъ.

Ст. VII. Во вниманіе къ коммерческимъ интересамъ, къ необходимости и громадности работъ, неизбѣжныхъ для отвращенія препятствій и опасностей, затрудняющихъ судоходство по Дунаю у пороговъ и Желѣзныхъ воротъ, его величество императоръ Австро-Венгріи не оставитъ уговориться съ побережными владѣтелями этой части рѣки, относительно техническихъ и финансовыхъ условій операціи, имѣющей цѣлью устраненіе названныхъ препятствій, посредствомъ работъ, предпринятыхъ императорскимъ-королевскимъ правительствомъ.

Правило XV статьи Парижскаго трактата, которымъ уста-

новлено не взимать никакихъ пошлинъ собственно за судоходство по рѣкѣ,—объявляется непримѣнимымъ, вслѣдствіе производства работъ, признанныхъ необходимыми въ означенной части рѣки, предпринятыхъ прибрежными на той мѣстности государствами на ихъ собственный счетъ.

Уплатѣ пошлинъ, которая будетъ временно установлена, подвергнутся суда всѣхъ націй. Собираемыя деньги будутъ употреблены на уплату процентовъ и капитала, употребленнаго на означенныя работы и взиманіе ихъ прекратится тотчасъ по погашеніи сдѣланныхъ затратъ.

Ст. VIII. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ всѣ постановленія трактата 18 (30) марта 1856 г., равно какъ и приложенія къ нему, не уничтоженныя и не измѣненныя настоящимъ договоромъ.

Ст. IX. Державы, представляемыя уполномоченными, собравшимися въ Лондонѣ на конференцію, предоставляютъ себѣ право включить вышеупомянутыя постановленія въ оффиціальный трактатъ, ратификаціи котораго будутъ обмѣнены въ Лондонѣ въ шестинедѣльный срокъ по возобновленіи мира между Германіей и Франціей, а, если возможно, то и ранѣе.

Ст. X. Постановляется, что державы, подписавшія трактатъ, поставятъ о томъ въ извѣстность французское правительство и пригласятъ присоединиться къ таковому.

Приложеніе къ трактату.

Конвенція заключенная между Россіей и Блистательной Портой на предметъ уничтоженія постановленій конвенціи, подписанной въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 года относительно числа и силы военныхъ судовъ, которыя будутъ содержимы въ Черномъ морѣ прибрежными державами.

Засѣданіе 7-го Февраля было непродолжительно, и не ознаменовалось преніями, потому что представитель Турціи отозвался неполученіемъ отъ своего правительства инструкцій, уполномочивающихъ его одобрить статьи проэктируемаго трактата. Остальные уполномоченные, изъявляя полную готовность

утвердить четыре статьи, редакція которыхъ согласована ими въ засѣданіи 24 января, но не были того-же мнѣнія о статьяхъ, относящихся до судоходства по Дунаю. Они разошлись, не добившись никакихъ результатовъ, и прося председателя назначить слѣдующее засѣданіе тогда только, когда всѣми будутъ получены ожидаемыя инструкціи правительствъ.

Засѣданіе состоялось 13-го марта при исключительныхъ обстоятельствахъ: уполномоченные имѣли несказанное удовольствіе принять въ среду свою герцога де-Брольи, который явился наконецъ въ качествѣ представителя Франціи.

Представивъ его членамъ, графъ Гренвиль сказалъ:

«Господинъ герцогъ конечно уже убѣдился, что постоянно откладывая дни нашихъ засѣданій, внося въ наши протоколы общее сожалѣніе объ отсутствіи представителя Франціи, и сообщая почти ежедневно г-ну повѣренному въ дѣлахъ этой державы результаты нашихъ преній,—мы имѣли въ виду сдѣлать всевозможное, чтобы необходимое содѣйствіе Франціи было намъ обезпечено».

Поблагодаривъ отъ имени своего правительства председателя и уполномоченныхъ за дружественныя и доброжелательныя чувства, высказанныя ими его отечеству, герцогъ де-Брольи заявилъ, что «правительство Франціи безъ сомнѣнія предпочло-бы до конца воздержаться отъ дачи согласія на рѣшенія, въ обсужденіи которыхъ оно не участвовало»,—но опасаясь, чтобы это не было приписано ея нежеланію «высоко цѣнить все, относящееся къ сохраненію или возстановленію добраго согласія между великими державами», правительство Франціи «съ радостью пользуется случаемъ оказать свое содѣйствіе поддержанію вполнѣ полезнаго правила, усвоеннаго политикою Европы, именно: „недопускать никакихъ существенныхъ измѣненій въ международныхъ отношеніяхъ, безъ обсужденія и утвержденія таковыхъ всѣми великими державами». «Это по истинѣ охранительное правило,—лучшая гарантія мира и цивилизаціи, и нельзя не сожалѣть, что въ послѣднее время оно далеко не точно соблюдалось».

Кончая рѣчь, герцогъ добавилъ: «относительно главнаго предмета совѣщаній конференціи правительство Франціи,

раздѣляя убѣжденія г. представителя Турціи, не видѣло-бы лично достаточныхъ причинъ измѣнять постановленія трактата 1856 г., и даже предпочло-бы сохранить ихъ. Но такъ какъ дѣло уже сдѣлано и новое соглашеніе, соотвѣтствующее желаніямъ правительства Россіи, принято Блистательною Портою, болѣе всѣхъ заинтересованною въ настоящемъ вопросѣ, то правительство Франціи охотно изъявляетъ свое согласіе на рѣшенія конференціи».

Такая примирительная рѣчь благотворно повліяла на дальнѣйшій ходъ переговоровъ;—а потому послѣдовали лишь незначительныя измѣненія въ редакціи проэктированныхъ статей, которыя затѣмъ, бывъ окончательно и безъ всякихъ затрудненій утверждены, вошли въ оффиціальный трактатъ, ниже сего приводимый.

Кромѣ того баронъ Бруновъ и Муссурусъ-паша сообщили конференціи, что они уполномочены заключить конвенцію, которою предположено уничтожить постановленія таковой-же подписанной въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 г., относительно опредѣленія числа и силы военныхъ судовъ, содержимыхъ обѣими прибрежными державами въ Черномъ морѣ.

Сообщеніе это было благосклонно принято уполномоченными, постановившими вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы такая конвенція, заключенная и ратификованная указаннымъ способомъ, будетъ пользоваться такою-же силою и значеніемъ, какія принадлежали бы ей, еслибъ она была приложена къ трактату.

Договоръ, измѣняющій Парижскій трактатъ 18 (30) марта 1856 г., подписанный въ Лондонѣ 1 (13) марта 1871 г.

Его величество императоръ всероссійскій, его величество императоръ германскій король прусскій, его величество императоръ австрійскій король богемскій и апостолическій король венгерскій, глава исполнительной власти Французской республики, ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, его величество король итальянскій и его величество императоръ оттомановъ признали нужнымъ собрать своихъ представителей на конференцію въ Лон-

донѣ дабы уговориться въ духѣ соглашенія относительно пересмотра постановленій трактата, заключеннаго въ Парижѣ 18-го (30-го) марта 1856 г., касающихся судоходства въ Черномъ морѣ, также какъ по Дунаю; желая въ то же время предоставить въ этихъ краяхъ новыя облегченія для развитія торговой дѣятельности всѣхъ народовъ, высокія договаривающіяся стороны рѣшили заключить трактатъ, и съ этою цѣлью назначили своими уполномоченными (слѣдуютъ имена), которые, размѣнявъ между собою свои полномочія, признанныя надлежащими и правильными, уговорились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. I. Статьи XI, XIII и XIV Парижскаго трактата 1856 г., равно какъ особенная конвенція, заключенная между Высокою Портою и Россіею, и приложенная къ помянутой XIV статьѣ, отмѣняются и замѣняются слѣдующей статьей:

Ст. II. Начало закрытія проливовъ Дарданеллъ и Босфора, установленное отдѣльною конвенціею 30 марта 1856 г., сохраняется съ предоставленіемъ его императорскому величеству султану право открывать сказанные проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ, если высокая Порта будетъ считать это нужнымъ, дабы обезпечить исполненіе постановленій Парижскаго трактата 30-го марта 1856 г.

Ст. III. Черное море остается, по прежнему, открытымъ для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ.

Ст. IV. Установленная XVI ст. Парижскаго трактата комисія, въ которой каждая изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, участвуетъ посредствомъ комиссара, а которой было поручено изыскать и исполнить всѣ необходимыя работы, начиная отъ Исакчи, для освобожденія устьевъ Дуная и прилежащихъ къ нимъ частей Чернаго моря отъ песковъ и другихъ заграждающихъ ихъ препятствій, дабы поставить эту часть рѣки и сказанныя части моря въ наилучшія условія для судоходства, сохраняется въ своемъ настоящемъ составѣ. Существованіе этой коммисіи опредѣляется дальнѣйшимъ двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ, считая съ 24 апрѣля 1871 г., то есть по 24 апрѣля 1883 г., который есть также срокъ пога-

шенія займа, сдѣланнаго этою коммисіею, подъ поручительствомъ Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи.

Ст. V. Условія новаго собранія прибрежной комиссіи, установленной XVII статьею Парижскаго трактата 30 марта 1856 г., будутъ опредѣлены посредствомъ предварительнаго соглашенія между прибрежными державами, безъ ущерба статьѣ, касающейся трехъ дунайскихъ княжествъ; на сколько-же будетъ идти дѣло объ измѣненіи XVII-й статьи сказаннаго трактата, то это измѣненіе должно быть предметомъ особой конвенціи между державами, подписавшими трактатъ.

Ст. VI. Державы, прибрежныя той части Дуная, гдѣ пороги и «Желѣзныя ворота» представляютъ препятствія для судоходства, предоставляютъ себѣ уговориться между собою съ цѣлью уничтоженія этихъ препятствій, а потому высокія договаривающіяся стороны признаютъ отнынѣ за ними право взимать временную плату съ торговыхъ судовъ подъ всякими флагами, которыя будутъ пользоваться этими улучшеніями впредь до погашенія долга, который будетъ сдѣланъ для выполненія работъ; онѣ объявляютъ, что статья XV Парижскаго трактата 1856 года не будетъ примѣняема къ этой части рѣки въ продолженіи времени, необходимаго для погашенія означеннаго долга.

Ст. VII. Всѣ работы и заведенія всякаго рода, устроенныя европейскою коммисіею въ исполненіе Парижскаго трактата 1856 года или настоящаго трактата, будутъ продолжать пользоваться тою-же нейтральностью, которая до сихъ поръ ихъ охраняла, и которая равномѣрно будетъ уважаема впредь высокими договаривающимися сторонами при всѣхъ обстоятельствахъ. Пользованіе происходящими отъ сего преимуществами будетъ распространяться на весь распорядительный и техническій личный составъ коммисіи. Однакоже, само собою разумѣется, что постановленія этой статьи не нарушатъ ни въ чемъ права высокой Порты вводить, какъ всегда и прежде, свои военныя суда въ Дунай, въ качествѣ территоріальной державы.

Ст. VIII. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ

и подтверждаютъ всѣ постановленія трактата 30 марта 1856 года, равно какъ и приложенія къ нему, не уничтоженныя настоящимъ трактатомъ.

Ст. IX. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и его ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ продолженіи шести недѣль, или скорѣе, буде возможно.

Подписали: Брунновъ, Аппони, Бернсторфъ, Брольи, Гренвиль, Кадорна, Мусурусъ.

Конвенція $^{1}/_{13}$ марта 1871 г., отмѣняющая специальную конвенцію $^{18}/_{30}$ марта 1856 г., о числѣ и силѣ военныхъ судовъ, содержимыхъ Россіей и Турціей въ Черномъ морѣ.

Его величество императоръ всероссійскій и его императорское величество султанъ, взаимно одушевленные желаніемъ упрочить отношенія мира и добраго согласія, счастливо существующія между ихъ имперіями, рѣшили заключить съ этою цѣлью конвенцію, и назначили для сего своихъ уполномоченныхъ, которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ видѣ, постановили слѣдующіе пункты:

Ст. I. Особая конвенція, заключенная въ Парижѣ между его величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его императорскимъ величествомъ султаномъ $^{18}/_{30}$ марта 1856 г., относительно числа и силы военныхъ судовъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ въ Черномъ морѣ отмѣняется.

Ст. II. Настоящая конвенція будетъ ратификована, и ея ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченіи шести недѣль, или, буде возможно, скорѣе.

Подписали: *Брунновъ.*
Мусурусъ.

Оба эти трактата были ратификованы въ С.-Петербургѣ 18 марта 1871 года.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и **К°**, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека"** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

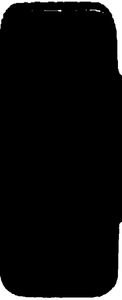
2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

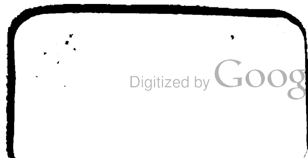
3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

3 2044 022 551 527

Digitized by Google